This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

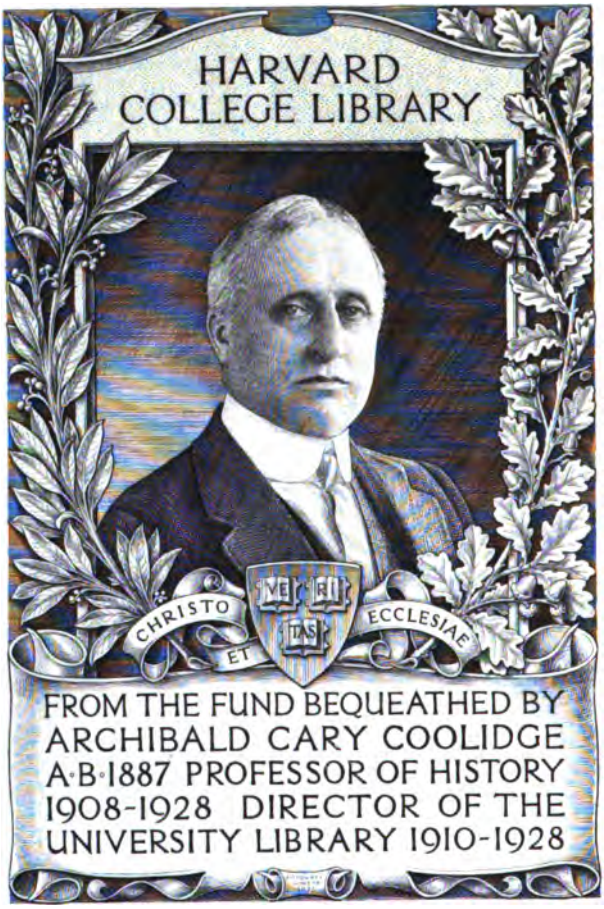
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 605.10 (9-10)



P Slav 605.10

1164 9-10

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.
Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1904

P Slav 605.10

17:49-10

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

7

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.

Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.

1904.

Printed in USSR

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
журнала „Русская Мысль“,

Складъ: Москва, Пименовская ул., Т-во Кушнеревъ и К°.

Библіотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

Баранцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

Ожешкова, Элиза. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Изд. 2-е. Допущено въ народныя библіотеки и читальни.

Ремезовъ, М. Н. Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.

Немировичъ - Данченко, Вл. Ив. Драма за сценой. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Допущено въ безпл. нар. библ. и читальни.

Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к.

Ожешкова, Элиза. Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 5 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(Подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева.)

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 к. Допущено въ безпл. народныя библіотеки и читальни.

II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.

III. **Дюкло.** Пастёръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

IV. **Вартъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.

V. **Гаупп, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.

VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущено въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.

VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библ. средн. учеб. зав., семинарій и учительск. институтовъ.

VIII. **Дюкло.** Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. Одобрено для фундамен. библ., гимназій и реальн. уч., для библ. учител. институт., семинар., учительск. библ. для низш. учеб. зав., для безплатн. народн. библ. и читаленъ.

IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.

X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.

XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. 5 вып. Одобрено для ученическихъ, среди. и старш. возр., библ. средн. учебн. завед. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Томъ II. Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Прусъ, Болеславъ. Изъ воспоминаній циклиста. Перев. съ польскаго. В. М. Лаврова. Ц. 75 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изданіе 2-е, удешевленное. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, и учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

Новыя изданія
Д. С. Горшкова.

Очерки по крестьянскому вопросу

подъ ред. проф. Московск. унив. **А. А. Мануилова.**

Вып. I. 285 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе I вып.: 1) Изъ хроники крестьянскаго дѣла. *Владиміра Розенберга.* 2) Юридическое положеніе крестьянской поземельной общины *проф. В. М. Хвостова.* 3) Крестьянская поземельная община по проекту гражданскаго уложенія *В. М. Хвостова.* 4) Замѣтки объ общинномъ землевладѣніи *проф. А. А. Мануилова.* Община съ экономической точки зрѣнія. Неудачный опытъ упорядоченія общиннаго землевладѣнія.

Печатается II вып., въ которомъ примутъ участіе:

І. І. Брейеръ, М. Я. Герценштейнъ, А. А. Мануиловъ, В. Ю. Скалонъ и В. М. Хвостовъ.

А. Дамашке.

ЗАДАЧИ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА,

перев. съ нѣм. **В. Я. Канель** съ предисл. проф. **И. Х. Озерова,**

XVI+324 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. Вопросы народнаго образованія. Рабочій вопросъ. Нужды среднихъ классовъ населенія. Незаслуженный приростъ цѣнности. Земельная собственность общинъ. Жилищный вопросъ. Общинные налоги и общинныя предпріятія.

Печатается и на-дняхъ поступитъ въ продажу
новая книга

проф. И. Х. Озеровъ:

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССІИ НА ПОРОГѢ XX ВѢКА.

Съ 72 діаграммами.

Цѣна 2 рубля.

Склады изданія: 1) въ **Москвѣ**—Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, справиться въ конторѣ *Русской Мысли*; 2) въ **Петербургѣ**—Загородный просп., 2, книжный складъ „Право". Книгопродавцамъ обычная уступка. Выписывающіе изъ Москвы за пересылку не платятъ.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„	географіи.
Проф. Н. И. Кареѣва	„	исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго . . } Проф. В. Т. Шевякова . . . . . }	„	біологическихъ наукъ.
Проф. Д. И. Менделѣева	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. А. В. Совѣтова	„	сельско-хозяйственный.
Проф. Н. Ѳ. Соловьева	„	музыки.
А. И. Сомова	„	изящныхъ искусствъ.
Академика И. И. Янжула	„	политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые **два** мѣсяца.

Вышелъ 76-й полутомъ,—(человѣкъ—чугуевскій полкъ).

Цѣна каждаго полутома **8** р. въ перешетѣ.

Книги высылаются почтою, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 7 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Цѣна каждаго 1 р. **50** к. безъ пересылки. Всѣхъ выпусковъ двѣнадцать.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при конторѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1).

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

КНИГА IX.

МОСКВА.

1904.

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°. Пимен. ул., собств. домъ.
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ИГРА УМА. Повѣсть.—**И. Н. Потапенка.** *Окончаніе.* . . . 18

II. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА. Стихотвореніе. **Ал. Діесперова.** . 44

III. НОЧЬ НА ГОВОРУНѢ. (Изъ уральскихъ воспоминаній).—**В. М. Кичанова.** 45

IV. МЕЛОЧИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Юмористическій разсказъ на конкурсъ. Два письма къ подругѣ. Переписала Э. Жміевская. Юмористическій разсказъ (награжденный на конкурсѣ «Иллюстрированнаго Еженедѣльника») **Густава Даниловскаго.**—Перев. **В. М. Л.** 62

V. АДЯ СУМЦОВА. (Посвящается памяти А. П. Чехова).—**Экъ** . 79

VI. СЖЕЧЬ, НЕ ВСКРЫВАЯ. **М. фонъ Эбнеръ-Эшенбахъ.** Переводъ съ нѣмецкаго.—**Ел. П.** 122

VII. СЛѢДСТВІЕ, ПРИЧИНѢ НЕ СООТВѢТСТВУЮЩЕЕ. (Изъ обыденной жизни).—**И. П. Бѣлоконскаго.** 141

VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Ѳ. К. Арнольда** 158

IX. САХАЛИНЪ, КАКЪ КОЛОНІЯ.—**А. Сѣича.** 1

X. ПО БЕРЕГАМЪ КОРЕИ. Очеркъ VIII.—**В. В. Корсакова** . . 20

XI. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕТЕЙСКІЕ СУДЫ XIX ВѢКА.—**Гр. Л. А. Камаровскаго.** 46

XII. ЧТО СДѢЛАНО ЗА СОРОКЪ ЛѢТЪ МОСКОВСКИМЪ ГОРОДСКИМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.—**Н. Ма—го.** *Продолженіе* 51

XIII. АРЕСТАНТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.—**В. Александрова.** 68

XIV. ДЕГЕНЕРАТЫ ВЪ НАШЕЙ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКѢ. *Жизнь Василія Ѳивейскаго*—Леонида Андреева. (I. Сборникъ *Знанія* за 1903 ГОДЪ, книга первая. Спб., 1904 г.). **А. М. Скабичевскаго.** 85

Стр.

XV. ПЯТЬ ЛѢТЪ ПЕРЕУСТРОЙСТВА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ (1899—1904 ГГ.).—**Н. А. Сиворцова**. 102

XVI. ОДИНЪ ИЗЪ РЕФОРМАТОРОВЪ РУССКОЙ ШКОЛЫ. (*П. М. Майковъ:* «Иванъ Ивановичъ Бецкой». Опытъ его біографіи. Спб., 1904 г.).—**А. А. Кизеветтера**. 122

XVII. А. И. ГЕРЦЕНЪ, ЕГО ХЛОПОТЫ О ЗАГРАНИЧНОМЪ ПАСПОРТѢ И ПОСЛѢДНЯЯ ПОѢЗДКА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.—**Е. С. Некрасовой**. 145

XVIII. ПАМЯТИ ЧЕХОВА.—*Ред.* 165

XIX. «НЫНѢ ОТПУЩАЕШИ». (Письмо изъ деревни).—**П. Н. Обнинскаго**. 173

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 175

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Г.** 217

XXII. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ 222

XXIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. **Книги:** Беллетристика.—Критика.—Педагогика.—Публицистика.—Исторія.—Географія, путешествія.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Юридическія книги.—Книги для дѣтей, пособія.—Книги для народа.—Періодическія изданія: *Вѣстникъ Воспитанія* за 1903—4 учебный годъ.—II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 августа по 1 сентября 1904 г.** 271

XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

ИГРА УМА [1].

(Повѣсть.)

VIII.

Черезъ полчаса еще ничего особеннаго не случилось. Онъ подъѣзжалъ къ церковному дому въ предмѣстьи.

Вечерѣло. Солнце опустилось довольно низко и спряталось за церковь. Проходя мимо квартиры настоятеля, онъ встрѣтилъ его самого. Тотъ чрезвычайно любезно и даже почтительно раскланялся съ нимъ.

Да, сегодня его еще уважаютъ, а завтра, можетъ, отворачиваться будутъ. Вотъ и оказывай благодѣянія! Нѣтъ, отнынѣ онъ ни для кого ничего не сдѣлаетъ. Думалъ обоихъ облагодѣтельствовать: племянницу пристроить, а Кудахтенка остепенить отъ пьяной жизни... А кончится, можетъ быть, тѣмъ, что самого его остепенятъ...

Вотъ сѣнцы въ квартиру стараго дьяка. Въ нихъ темно. Тишина. Экономъ нащупалъ дверь и отворилъ ее.

У окна въ страшно обтрепанномъ креслѣ сидѣлъ дьякъ.

— Здравствуй,—сказалъ экономъ.

Дьякъ поднялся.

— А-а, ты самъ... самъ отецъ экономъ. Вотъ, вотъ... Это хорошо... А я ужъ хотѣлъ къ тебѣ отправляться, да думаю, донесутъ ли ноги? Какъ бы по дорогѣ не помереть.

Эконома эта рѣчь почему-то взорвала.

— Да что ты все помереть да помереть? Очень мнѣ это нужно! Ав онина здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь... Къ отцу пришла. Только разстроенная, такъ разстроенная, что не приведи Богъ. Что тамъ такое сдѣлалось? Она

---

[1]) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1904 г.

такъ разсказываетъ, что я даже и не повѣрилъ. Подшутили надъ нею, что ли? Да только больно ужъ по настоящему.

— Какія тамъ шутки? Никто не шутилъ съ нею... А просто она дура... Сама своего счастія не можетъ устроить. Вмѣсто того, чтобы пристать къ человѣку, да обработать его лаской или чѣмъ другимъ, она убѣжала. У женщины всегда найдется, чѣмъ взять мужчину. А она только и знаетъ, что хныкать да дрожать.

— Постой, постой, отецъ экономъ... Ты всетаки разскажи, что же такое было? Вѣнчались по-настоящему?

— Да какъ же не по-настоящему? Въ окраинной церкви отецъ Василій Медоносовъ вѣнчалъ. Неужели онъ станетъ шутить? Да и кто же въ церкви шутитъ? Церковь для молитвы, а не для шутки.

— Такъ, такъ... Значитъ, дѣйствительно вѣнчались?

— Да говорю же тебѣ, все было сдѣлано, какъ слѣдуетъ. И свидѣтели были, и шафера, и подписи, да вотъ и свидѣтельство.

Онъ подалъ дьяку ту самую бумагу, которая на Кудахтенка произвела такъ мало впечатлѣнія. Дьякъ надѣлъ очки и сталъ читать.

— Дѣйствительно, вижу, все какъ слѣдуетъ. Да что же онъ-то?

— А онъ теперь артачится.

— Раздумалъ, что ли?

— Должно быть, что раздумалъ. Такъ вѣдь это же все равно. Сколько ни раздумывай, а законъ соблюсти обязанъ. Развѣ не такъ?

Старый дьякъ покачалъ головой.

— Такъ-то оно такъ, да не совсѣмъ... Что-жъ законъ... Законъ, конечно, повелѣваетъ... Да вѣдь брачная жизнь требуетъ любви и согласія, а если человѣкъ съ перваго же дня не желаетъ, такъ какое же тутъ можетъ быть согласіе?

— Ну, вотъ: желаетъ, не желаетъ... Да ежели бы и не желалъ, а обязанъ. А женщина должна умѣть.

— Да вѣдь не всякая умѣетъ, иная, точно чары разныя ей даны, обольщать можетъ... Особенно, которая опытная... А моя Антонина, какія же у ней чары?... Она за тридцать лѣтъ ни одного мужчины около себя не видала... Коровъ выдоить можетъ, рыбу сжарить тоже можетъ, а этихъ тонкостей не знаетъ.

— То-то вотъ не знаетъ... А гдѣ она?

— Да по коровьей части и пошла. Тутъ безъ нея безпорядокъ. Баба, которую ты нанялъ для меня, пьяницей оказалась. Корову она запустила и даже отъ этого вымя у ней, у коровы, распухло, такъ Антонина теперь лѣчитъ ее, корову-то.

— Гм... Нашла время...

— Да отчего же? Она говоритъ: это вѣнчаніе, я его не считаю.

Это все одно что ничего. Коли человѣкъ отказывается и говоритъ, что даже не помнитъ, такъ и начальство отмѣнитъ. И, правда, отмѣнить должно. Безпамятнаго нельзя вѣнчать.

— И ты туда же? Такъ это выходитъ, что я облагодѣтельствовалъ васъ противу вашей воли... Да что же это? Со всѣхъ сторонъ бьютъ человѣка!

— Ты не горячись, отецъ экономъ, и не огорчайся. Дѣло такое вышло... Ну, что-жъ, неудача, поправить надо.

— Не желаю я этого. Желаю, чтобъ было по-моему, — твердо сказалъ экономъ.—Гдѣ Антонина?

— Да вотъ, кажись, она идетъ, это ея шаги.

Въ самомъ дѣлѣ, вошла Антонина. Она была въ своемъ старомъ истрепанномъ платьѣ, въ грязномъ передникѣ, съ высоко засученными рукавами. Въ рукахъ она держала доенку.

— Ага, принялась за старое,—грубовато сказалъ ей экономъ.—Ты зачѣмъ же это убѣжала?

— Что же мнѣ дѣлать, дядя,—кротко сказала Антонина.—Намучилась я за вчера и за сегодня, будетъ съ меня.

— Значитъ, ты отъ мужа отказываешься?

— Не хочу я и думать объ этомъ дѣлѣ. Не надо мнѣ, ничего мнѣ не надо, жила при отцѣ да при коровѣ, такъ и буду жить.

— Нѣтъ, не будешь. А будешь жить при мужѣ... Ты только вотъ что: не болтай, и ты, дьякъ, не болтай.

— Зачѣмъ же я стану болтать? Почета мало тутъ...

— Ну, и ладно. Я ужъ самъ все устрою, самъ оборудую, а вы только помалкивайте.

Онъ круто повернулся и сердито вышелъ. Онъ ѣхалъ домой пасмурный, нахмуренный. Уже зашло солнце и начало быстро темнѣть.

Домой пріѣхалъ онъ, когда было около восьми часовъ. У дверей его квартиры стоялъ курьеръ изъ канцеляріи училища.

— Тебѣ что?—спросилъ экономъ.

— Да я ужъ съ часъ дожидаюсь васъ, отецъ экономъ. Я отъ отца протоіерея.

— Отъ смотрителя?

— Отъ нихъ. Приказали просить васъ къ себѣ. И поскорѣй приказали, да вотъ васъ не было.

— Смотритель требуетъ меня?— сказалъ экономъ, чувствуя, что у него захватило духъ.

— Требуютъ.

«Ну, значитъ, пошло по всѣмъ стогнамъ... Смотритель требуетъ, ужъ навѣрно по этому дѣлу... Ой, ой! Экономъ, держись!»

— Сейчасъ буду,—сказалъ онъ курьеру, и тотъ побѣжалъ обратно. Экономъ зашелъ къ себѣ, снялъ верхнюю рясу, которую надѣвалъ для защиты отъ пыли, привелъ въ порядокъ волосы и бороду и пошелъ въ квартиру смотрителя.

Онъ такъ торопился, что не могъ замѣтить своего собственнаго волненія. А оно было чрезвычайно. Начать съ того, что никогда смотритель не требовалъ его къ себѣ черезъ курьера. Всегда или самъ зайдетъ, или передастъ черезъ помощника. А тутъ вдругъ требуетъ.

Онъ быстро поднялся во второй этажъ. Дверь была отворена и при ней стоялъ курьеръ, тотъ самый, что приходилъ звать его.

— Пожалуйте, ждутъ,—сказалъ ему курьеръ.

Экономъ вошелъ. Смотритель находился въ своемъ обширномъ, уютномъ и красиво обставленномъ кабинетѣ. Онъ нервно расхаживалъ по комнатѣ. Когда экономъ вошелъ, смотритель остановился.

— Ахъ, ну вотъ, наконецъ-то!—сказалъ онъ и быстрымъ взглядомъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, какъ будто видѣлъ въ первый разъ.

— Что прикажете, отецъ протоіерей?—почтительно спросилъ экономъ.

— Садитесь, отецъ экономъ,—сказалъ смотритель и лицо его было холодно и безстрастно.

Экономъ подошелъ къ стулу, но не сѣлъ, потому что смотритель не садился. Въ другое время онъ и не подумалъ бы объ этомъ правилѣ субординаціи, но теперь... Теперь по всему было видно, что надо было обо всемъ думать.

Смотритель зашелъ по другую сторону стола и сѣлъ. Тогда сѣлъ и экономъ.

— Что это за случай такой необыкновенный?—сказалъ смотритель.

— Какой случай, отецъ протоіерей? Я не знаю, о какомъ...

— Случай престранный, небывалый и скандальный... Всѣ говорятъ о томъ, что вы, отецъ экономъ, насильно повѣнчали невмѣняемаго человѣка, учителя Кудахтенка. Что вы на это скажете, отецъ экономъ?

— Не знаю, отецъ протоіерей, почему такъ говорятъ.

— Но что же такое было?

— Было, что дѣйствительно состоялось вѣнчаніе.

— Ага, вотъ... И при вашемъ дѣятельномъ участіи?

— Я дѣйствительно участвовалъ. Но... даже не знаю, какъ сказать... Женихъ былъ какъ слѣдуетъ и, полагаю, по собственной волѣ...

— Вы полагаете такъ? А не увѣрены?

— Я не могу быть увѣреннымъ за другого. Но обстоятельства дѣла таковы, что недавно еще онъ при многихъ своихъ товарищахъ подтвердилъ свое предложеніе. Далѣе, ѣхалъ онъ въ церковь свободно, не связанный какъ-нибудь, стоялъ подъ вѣнцомъ безъ поддержки, ходилъ и держался ровно, какъ можетъ только трезвый человѣкъ... Наконецъ, самостоятельно подписалъ свое собственное имя.

— Хорошо. Это все такъ, но не кажется ли вамъ страннымъ, отецъ экономъ, что повѣнчанный такимъ образомъ человѣкъ, такъ ровно державшійся и самостоятельно подписавшій свое имя и прочее, какъ вы говорите, ничего этого не помнитъ?

— Мнѣ это кажется очень даже страннымъ, отецъ протоіерей. Но всякій согласится, что за память другого я не могу отвѣтствовать. Право, не знаю, отчего это у него такъ выходитъ, можетъ быть на него что-нибудь такое нашло... Я только такъ и могу объяснить, ибо желаю избѣжать всякаго толкованія въ другую сторону.

— Ага... А ежели бы вы не желали избѣжать такого толкованія, то каковъ былъ бы его смыслъ?

— Вамъ благоугодно знать это, отецъ протоіерей? Тогда я, разумѣется, скажу, хотя самъ по себѣ не желалъ бы давать такого толкованія. Бываетъ, что человѣкъ не помнитъ именно то, чего не хочетъ помнить. Бываетъ, что человѣкъ сдѣлалъ какой-нибудь шагъ и, сдѣлавши его, вдругъ одумался. Тогда ему одно только и остается— позабыть.

— Это очень удачно. Такимъ образомъ вы полагаете, отецъ экономъ, что вы сами въ этомъ дѣлѣ, такъ сказать, не причемъ были, а оно сдѣлалось само собою?

— Я полагаю, что такое дѣло можетъ сдѣлаться только само собою, то-есть при сознательномъ участіи лицъ, его совершившихъ, ибо оно тянется столь продолжительное время, что всякій можетъ опомниться. Предположимъ, отецъ протоіерей, что у лица было состояніе невмѣняемое. Но вѣдь надо было доѣхать до пригорода, тамъ простоять подъ вѣнцомъ, вернуться обратно въ городъ и чтобы за все это время невмѣняемость не прошла, такъ это было бы даже удивительно. Вѣдь эта невмѣняемость, отецъ протоіерей, какъ мы хорошо знаемъ, могла быть единственно только отъ водки. Но дѣйствіе водки со временемъ проходитъ, а тутъ въ такое продолжительное время не прошло. Ужъ это прямо чудо какое-то.

— Гм... Такъ, такъ. Дѣйствительно, похоже на чудо.

Смотритель поднялся и началъ ходить по кабинету. Экономъ,

видя это, и съ своей стороны обнаружилъ намѣреніе подняться, но смотритель остановилъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, сидите пожалуйста, отецъ экономъ. Я вотъ думаю... Я говорю: конечно, можно разсуждать и такъ, и этакъ, можно говорить такъ, какъ вы показываете, въ особенности если на формальномъ допросѣ. Но зачѣмъ же мы съ вами, отецъ экономъ, будемъ держаться формальности? Вотъ мы поговорили. Я былъ смотрителемъ училища, такъ сказать, начальствомъ вашимъ, а теперь давайте будемъ добрыми друзьями. Скажите же мнѣ, отецъ экономъ, для какой надобности вы такъ рисковали своей собственной шкурой?

Экономъ посмотрѣлъ на него въ высшей степени испытующимъ окомъ. Этотъ поворотъ не сразу встрѣтилъ съ его стороны довѣріе. Вѣдь какъ началъ, какимъ высокимъ тономъ! Совсѣмъ допросъ, форменный допросъ. Но онъ, экономъ, не такой уже дуракъ, чтобы опростоволоситься. Нѣтъ, онъ себя не выдастъ, онъ умѣетъ держать ухо востро! Каждое свое слово онъ обдумываетъ. Ничего не говоритъ лишняго. Тутъ не за что зацѣпиться.

Такъ, можетъ быть, онъ, смотритель, и видитъ, что этакимъ манеромъ отъ него ничего потребнаго для обвиненія не добьешься, ну и пустилъ въ ходъ иное обращеніе, дескать на дружеской почвѣ онъ больше свой языкъ развяжетъ. Такъ, что ли? Ну, нѣтъ, это еще надо поразсудить.

И онъ отвѣтилъ съ твердостью, не моргнувъ даже глазомъ:

— Я осмѣливаюсь не раздѣлить вашего мнѣнія касательно моей шкуры. Мое мнѣніе такое, что въ этомъ дѣлѣ для меня не было никакого риска, ибо дѣло было съ моей стороны совершенно чистое.

Смотритель подошелъ къ нему и остановился около него близко.

— Послушайте, отецъ экономъ, да перестаньте же ломаться. Я съ вами говорю, какъ вашъ другъ и доброжелатель. Понимаете? Вамъ грозитъ довольно непріятная штука, и я желаю вмѣстѣ съ вами обсудить дѣло такъ, какъ бы оно было мое, дабы найти наилучшій ходъ къ тому, чтобы васъ выручить. А посему не ломайтесь, а давайте говорить прямо. Зачѣмъ, ну зачѣмъ вы это сдѣлали?

Смотритель говорилъ искренно. Въ этомъ у экономa не было сомнѣнія. Нѣтъ, онъ не подводитъ, съ нимъ дѣйствительно можно быть откровеннымъ.

— Ахъ, отецъ протоіерей,—со вздохомъ, вырвавшимся изъ глубины груди, воскликнулъ экономъ.—Лучше даже и не спрашивайте. Теперь самъ вижу и понимаю, что сдѣлалъ весьма неосторожный шагъ.

— Но зачѣмъ, зачѣмъ? Хотѣли устроить вашу племянницу, я

это понимаю. Но какое же это счастье, прожить вѣкъ съ горчайшимъ пьяницей?

— Я такъ разсуждалъ, отецъ протоіерей, что онъ, когда женится, остепенится.

— Да гдѣ же это вы видѣли, чтобы отъ женитьбы человѣкъ, пьянствующій съ тоски, остепенился? Наоборотъ, отъ этого только больше пьютъ! Ахъ, ахъ, ахъ, отецъ экономъ, отецъ экономъ!

— Отецъ протоіерей, да вѣдь формально-то все правильно, все какъ слѣдуетъ.

— Да гдѣ же тутъ какъ слѣдуетъ? Вы, отецъ экономъ, точно въ младенчество впали, право. Вѣдь Кудахтенка мы знаемъ не первый день. Весь городъ знаетъ о его свойствахъ и качествахъ. Такъ развѣ же это можно скрыть, что у него подъ вліяніемъ водки бываетъ именно такое состояніе забвенія, когда съ нимъ можно дѣлать что угодно и онъ будетъ покоряться, а потомъ ничего не вспомнитъ. Вѣдь это же ясно, что на этой его особенности вы и построили вашъ планъ. Не знаю, не знаю, что изъ всего этого выйдетъ. Досадно, что вы впутались въ такую исторію, очень досадно.

— А развѣ уже есть какое дѣло?

— Дѣла еще нѣтъ. Изъ предѣловъ нашего училища оно еще не вышло. И, конечно, вы можете быть увѣрены, что не я буду тѣмъ лицомъ, которое начнетъ его. Самъ я не начну, но могутъ начать другіе. Если не Кудахтенко,—онъ человѣкъ равнодушный и едва ли сдѣлаетъ первый шагъ,—то кто-нибудь изъ товарищей, напримѣръ, Знойко: онъ къ нему ближе другихъ. Конечно, отецъ экономъ, я сдѣлаю все, чтобы дѣло задержать, смягчить, но если оно возникнетъ, не дать ему хода я не могу. И тогда вамъ будетъ не хорошо, отецъ экономъ... много потеряете. Вѣдь это уголовщина.

— Такъ что же дѣлать, что же дѣлать, отецъ протоіерей?— горестно воскликалъ экономъ.

— Единственное—это примириться съ Кудахтенкомъ, какъ-нибудь уломать его, чтобы не поднималъ дѣла, и главное сойтись со Знойко. Знойко человѣкъ горячій. Но онъ добръ, онъ великодушенъ, я знаю. Ну, словомъ, это уже ваше дѣло. Старайтесь, старайтесь. Я все сдѣлаю, что будетъ въ моей власти, а вы старайтесь.

— Благодарю васъ, отецъ протоіерей. Сердечно благодарю,— трогательнымъ голосомъ сказалъ экономъ и поднялся.

Онъ простился съ смотрителемъ, который отпустилъ его уже безъ того холода и суровости, какъ встрѣтилъ его.

Онъ уже не былъ начальникъ, а просто человѣкъ, который сочувствуетъ и хочетъ помочь.

Экономъ отправился къ себѣ. Душа его была потрясена и утомлена всѣмъ тѣмъ, что онъ испыталъ въ этотъ день.

IX.

Только теперь экономъ вдругъ охватилъ своимъ умомъ всю опасность своего положенія. Онъ увидѣлъ себя стоящимъ передъ глубокой пропастью. И эту пропасть онъ вырылъ для себя собственными руками.

Какъ это могло случиться? Зачѣмъ, зачѣмъ ему это понадобилось?

Жилъ человѣкъ и, можно сказать, наслаждался жизнью. Прекрасное мѣсто, общее уваженіе, вліяніе, возможность дѣлать хорошія сбереженія,—словомъ сказать, жизнь завидная. И вдругъ какая-то странная игра ума.

Ему завидовали. Даромъ, что былъ онъ всего только дьяконъ, а завидовали даже іереи.

Да что же изъ того, что дьяконъ? Онъ могъ быть и постарше. Только обстоятельства такъ сложились, да и не нужно ему этого было.

По происхожденію онъ былъ не здѣшній. Много лѣтъ тому назадъ онъ пріѣхалъ сюда съ архіереемъ, который былъ назначенъ сюда въ епархію. Тогда онъ былъ юноша лѣтъ девятнадцати, красивый, видный, развязный, умѣвшій смѣло и непринужденно держать себя въ обществѣ. Говорили, что архіерею онъ приходился родственникомъ, а другіе утверждали, что просто любимецъ.

Но все равно, онъ пользовался милостями и всякими льготами. Учился онъ въ семинаріи въ младшемъ классѣ, но никто не зналъ, есть ли у него для этого права. Такъ, просто поступилъ, по приказанію свыше. Къ тому же онъ ровно ничего не дѣлалъ, велъ веселую жизнь, кутилъ, ухаживалъ за попадьями и имѣлъ успѣхъ. Деньги у него всегда были. Все ему прощалось. На экзаменѣ онъ не зналъ ровно ничего и тѣмъ не менѣе его перевели въ слѣдующій классъ. Но тутъ ему надоѣло, и онъ бросилъ ученіе.

Такъ онъ околачивался безъ всякаго дѣла. Къ нему обращались съ разными просьбами и за успѣшное ходатайство платили ему, а онъ ходатайствовалъ охотно, и ему многое удавалось.

Лѣтъ двадцати шести онъ женился. Это было съ его стороны увлеченіе, любовь, капризъ. Женился онъ на больной, чахоточной дѣвушкѣ. Она была очень красива. Архіерей сердился, нѣкоторое время даже не пускалъ его на глаза, но потомъ простилъ.

Его сдѣлали дьякономъ. А жена взяла да и умерла черезъ два года. Такъ онъ и остался въ санѣ дьякона.

Скоро архіерея перевели въ другую епархію, а вдовый дьяконъ не захотѣлъ ѣхать съ нимъ. Онъ устроился здѣсь, пустилъ корни, ему было хорошо. Онъ уже былъ тогда экономомъ въ духовномъ училищѣ. На этомъ мѣстѣ сидѣлъ онъ и до сихъ поръ. Благодаря своей ловкости и практической сметкѣ, онъ сумѣлъ сохранить свои прежнія связи. Послѣ его родственника въ епархіи перебывало уже нѣсколько архіереевъ, и всѣмъ онъ былъ пріятенъ.

И вотъ отъ такого блага онъ полѣзъ въ петлю. А это, дѣйствительно, можетъ сдѣлаться петлей. Все зависитъ отъ направленія дѣла.

Что же теперь? Кто самый большой врагъ его? Знойко; конечно, онъ. Онъ одинъ способенъ на самостоятельность. Остальные дѣйствуютъ исподтишка и больше виляютъ хвостиками. Вѣдь какъ увильнулъ Кирпатовъ: мѣшать, говоритъ, не буду! И, дѣйствительно, не мѣшалъ. Вѣдь зналъ о предстоящемъ вѣнчаніи, а умылъ руки, сдѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ. А лучше бы, помѣшалъ! И тогда ничего этого не случилось бы... Тоже и учитель ариѳметики. Всѣ они— «моя хата съ краю»...

А Знойко, тотъ умѣетъ и громко говорить и добиваться. Что-жъ, не пойти ли къ нему сейчасъ? Нѣтъ, поздно. Ужъ онъ сдѣлаетъ это завтра. Но сегодня Кудахтенко, навѣрно, разсказалъ все. Завтра не будетъ ли поздно? Но ужъ одиннадцатый часъ. Въ городѣ въ это время ложатся спать. Онъ рѣшилъ отложить.

Знойко, между тѣмъ, дѣйствительно, узналъ всю исторію и гораздо раньше, чѣмъ предполагалъ экономъ.

Послѣ его ухода отъ Кудахтенка, этотъ сперва пришелъ въ неистовство, а успокоившись, рѣшилъ пойти къ другу. Онъ рѣдко бывалъ у Знойка, такъ какъ зналъ, что въ его квартирѣ есть женщина, которая играетъ роль въ его жизни. Но это былъ крайній случай. Онъ пошелъ и разсказалъ.

— Послушай, я тебѣ разсказывалъ сонъ,—говорилъ онъ,—а вѣдь оказывается, что это не сонъ, а дѣйствительность.

— Какъ дѣйствительность?—спросилъ совершенно огорошенный Знойко.

— А вотъ такъ: я былъ перевѣнчанъ, и у меня есть жена. Вообрази, у меня есть жена. И повѣдалъ мнѣ это самъ экономъ. Былъ у меня сейчасъ и даже жену привелъ.

— Какъ же это могло случиться?

— Этого, братъ, я и самъ не понимаю.

— Значитъ, воспользовались твоимъ невмѣняемымъ состояніемъ?

— Очевидно, ибо я ровно ничего не помню! Вотъ такъ, какъ

будто смутный сонъ. Что же теперь дѣлать? Вѣдь я, дѣйствительно, женатъ. Они показали мнѣ церковное свидѣтельство съ печатью.

Знойко, обладавшій воспалительнымъ темпераментомъ, быстро забѣгалъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, этого не будетъ. Этотъ экономъ, онъ всегда былъ мнѣ противенъ! Вѣдь въ сущности онъ воръ и грабитель, а мы всѣ попустители! И изъ-за чего? Изъ-за какихъ-то обѣдовъ, чтобъ ему ими подавиться! И его надо утопить. Этому дѣлу необходимо дать ходъ. Только ради Бога, Константинъ, ты не вмѣшивайся. Ты только напортишь. Я самъ, самъ, понимаешь?

Кудахтенку только это и было нужно, чтобы ему позволили не думать объ этомъ, ничего не предпринимать, а сидѣть и ждать. Терпѣть не могъ онъ никакой активной дѣятельности, особенно гдѣ нужно было сталкиваться съ людьми.

А Знойко надѣлъ парадный сюртукъ и отправился къ смотрителю. Тутъ онъ разсказалъ все, какъ было.

Смотритель сперва было становится на дыбы, не хотѣлъ вѣрить. Дѣйствительно, это было невѣроятно. Онъ зналъ экономa, какъ благоразумнаго, разсчетливаго, предусмотрительнаго человѣка и вдругъ прямо какое-то ребячество.

Но Знойко увѣрилъ его. Смотритель, желавшій во что бы то ни стало покровительствовать экономy, тѣмъ не менѣе увидѣлъ себя въ необходимости стать на формальную почву.

— Я принимаю ваше сообщеніе,—сказалъ онъ,—но прошу васъ пока не дѣлать его офиціально. Дѣло очень странное; сперва мнѣ нужно ознакомиться съ нимъ частнымъ образомъ. При томъ же, можетъ быть, оно уладится миромъ.

— Если вы, отецъ протоіерей, подъ этимъ мирнымъ исходомъ разумѣете то, что Кудахтенко примирится со своимъ положеніемъ и согласится принять къ себѣ жену, такъ это напрасно. Этого никогда не будетъ. Ужъ за это я вамъ ручаюсь. Я знаю его взгляды на это.

— Я ничего опредѣленнаго не разумѣю, но согласитесь, что мы должны исчерпать всѣ средства для мирнаго исхода. И мало ли что можетъ случиться. Константинъ Аполлоновичъ человѣкъ по меньшей мѣрѣ странный. Мы даже не знаемъ, чего отъ него ожидать можно. И вы этого не можете знать, хотя и другъ его. И не совѣтую я вамъ такъ ручаться. Что до меня, то я дѣлаю это не ради отдѣльнаго лица, какимъ могъ бы быть, напримѣръ, отецъ экономъ, а ради нашего училища, репутаціей коего я слишкомъ дорожу. И потому прошу васъ дѣло это пока не предавать гласности.

Знойко пообѣщалъ ему это, но, можетъ быть, это было уже нѣ-

сколько поздно. Правда, самъ Знойко никому, кромѣ смотрителя, не разсказывалъ этой исторіи, а Кудахтенко тѣмъ больше.

Но никто не знаетъ, какимъ образомъ распространяются тайны. У нихъ есть какіе-то особые никому не вѣдомые пути, такіе же скрытые, какъ и онѣ сами. Несомнѣнно только, что этотъ день не прошелъ даромъ.

Въ городѣ—разумѣется, исключительно въ духовномъ кругу—уже поговаривали о какомъ-то необыкновенномъ вѣнчаніи. Еще никто не зналъ ничего опредѣленнаго, но указывали церковь и лица.

Результатомъ этого было то, что на слѣдующій день раннимъ утромъ, когда экономъ только что всталъ и едва успѣлъ умыться, въ квартиру его постучались.

Онъ самъ отперъ дверь и встрѣтился лицомъ къ лицу съ отцомъ Василіемъ Медоносовымъ. У іерея съ окрайны лицо было очень встревоженное.

— А, отецъ Василій. Пожалуйте, пожалуйте. Очень радъ видѣть васъ. Очень радъ! Милости прошу въ столовую. Вотъ сейчасъ самоварчикъ подадутъ... Вотъ сливки, угодно вамъ сливокъ?

Экономъ говорилъ все это почти машинально. Онъ какъ будто хотѣлъ надуть самого себя, увѣряя себя, что отецъ Василій именно явился для того, чтобы напиться у него чаю со сливками.

Но въ сущности, какъ только онъ увидѣлъ окраиннаго священника, онъ сейчасъ же понялъ, что тревога дошла и до него, и тотчасъ же подумалъ: «Уже! Ну и быстрыя же ноги у сплетни!»

— Нѣтъ, отецъ экономъ, не до чаю мнѣ теперь и не до сливокъ,—сказалъ отецъ Василій, обладавшій прямымъ и добродушнымъ характеромъ,—а я по поводу вотъ этого вѣнчанія... Вѣдь говорятъ Богъ знаетъ что.

— А что такое, отецъ Василій?—почти наивнымъ тономъ спросилъ экономъ, прикинувшись ничего не понимающимъ.

— Да какъ же. Говорятъ, будто женихъ былъ, какъ бы сказать, не въ здравомъ умѣ и не въ твердой памяти.

— Да что вы, отецъ Василій. Да можетъ ли это быть? Вѣдь вы же видѣли, что онъ былъ какъ слѣдуетъ!

— Видѣлъ, дѣйствительно. Хотя и странные у него были глаза, но все же ничего такого особеннаго. Держалъ себя какъ всякій женихъ.

— Ну, то-то и есть.

— А говорятъ, будто это у него бываетъ какое-то особенное состояніе, что онъ дѣлаетъ все, что ему скажутъ, а самъ ничего не понимаетъ.

— Не вѣрьте, отецъ Василій. Враки, все враки...

— А какъ же это разсказываютъ, будто и невѣста, то-есть теперь уже жена, вовсе даже и не живетъ съ нимъ.

— Ну, да. Такъ это, знаете, произошла тутъ маленькая ссора.

— Какъ? Сейчасъ же послѣ вѣнчанія?

— Да видите... Это изъ-за... Ну, да ужъ надо прямо говорить: изъ-за приданаго,—сказалъ экономъ и мысленно назвалъ себя умницей за такую быструю изобрѣтательность,—понимаете, отецъ Василій, такъ какъ я принялъ большое участіе, ибо невѣста моя племянница, то женихъ и вообразилъ, что будетъ значительное приданое. Ему даже показалось, будто я это обѣщалъ, а я и не думалъ. Откуда же мнѣ взять, отецъ Василій? Сами знаете, я жалованья получаю всего-навсего шестьсотъ рублей въ годъ. Изъ чего же мнѣ тутъ накопить приданое? А онъ, женихъ-то, послѣ вѣнчанія сейчасъ и потребовалъ. А какъ ему было отказно, то онъ и заартачился. Только это временно, это уладится.

— Вы полагаете, отецъ экономъ?

— Увѣренъ.

— Гм... А мнѣ что-то боязно... Какъ бы не вышло чего... Знаете, по начальству пойдетъ, тогда...

— Да вамъ-то чего бояться, отецъ Василій? Если бы даже и правда была, вы же не можете знать, что такое тамъ у жениха въ душѣ. А видимость была правильная. И свидѣтели были и подписали.

— Такъ-то оно такъ, да торопливо все вышло. Вотъ, напримѣръ, оглашенія не сдѣлали. Конечно, это я сдѣлалъ для васъ, отецъ экономъ.

— А я буду помнить и отплачу. Нѣтъ, вы, отецъ Василій, не безпокойтесь. Живите себѣ съ миромъ.

Экономъ удалось успокоить Медоносова. Онъ уѣхалъ отъ него съ убѣжденіемъ, что все это пустыя сплетни.

Но самъ экономъ послѣ этого визита еще больше прежняго встревожился. Такъ, значитъ, уже говорятъ! Пошелъ катиться по городу снѣжный комъ. Вырастетъ онъ въ цѣлую гору. Сегодня вотъ это говорятъ, а завтра уже будутъ говорить, что экономъ ограбилъ человѣка, послѣ завтра скажутъ, что онъ убилъ кого-нибудь, совершилъ насиліе надъ женщиной.

Нѣтъ, онъ попалъ-таки въ тиски, изъ которыхъ не выбраться ему. Надо поторопиться къ Знойку. И онъ, не напившись даже чаю, пошелъ къ Знойку. Когда онъ подходилъ къ его квартирѣ, навстрѣчу ему попался вчерашній курьеръ, видимо выходившій отъ Знойка.

— Ты что тутъ дѣлалъ?—спросилъ его экономъ.

— А это отъ отца протоіерея посланъ былъ.

— Чего ради?—подозрительно разспрашивалъ экономъ.

— Посланъ обойти всѣхъ учителей и всѣхъ просить, чтобы до начала уроковъ зашли къ отцу протоіерею.

«Гм...—подумалъ экономъ,—можетъ, онъ желаетъ ихъ въ мою пользу расположить, а можетъ будутъ обсуждать, какъ бы вѣрнѣе погубить меня. Все можетъ быть, и никому, ни одной душѣ, нельзя вѣрить».

Онъ позвонился въ квартиру. Знойко уже всталъ и принялъ его.

Когда экономъ вошелъ, онъ встрѣтилъ его взглядомъ исподлобья.

— Вотъ пришелъ къ тебѣ,— осторожнымъ голосомъ сказалъ экономъ.

— Садись,—отрывисто промолвилъ Знойко.

— Ты уже самъ знаешь, по какому поводу,—прибавилъ экономъ, садясь.

— Какъ же, знаю.

— Ну, такъ вотъ, просить тебя хочу...

— Меня? Да вѣдь дѣло-то не мое!...

— Знаю, что не твое, но ты другъ и при томъ дѣятельный и горячій человѣкъ. Самъ Константинъ Аполлоновичъ и пальцемъ безъ тебя не двинетъ.

— О чемъ же ты просишь? Желаешь, чтобы и я пальцемъ не двинулъ?

— Вотъ именно. Пока. Я могу сказать, что всегда былъ хорошъ къ тебѣ, развѣ я тебѣ сдѣлалъ зло? А зачѣмъ же за добро платить зломъ?

Знойко покачалъ головой.

— Этими рѣчами, отецъ экономъ, меня на удочку не поймаешь. Я, братъ, не податливъ!

— Знаю, оттого и пришелъ къ тебѣ самъ просить.

— Поздно пришелъ. Я былъ уже у смотрителя и все разсказалъ ему.

— И это я знаю.

— Ага! Значитъ, уже сообщились!

— То-есть я догадываюсь. Отецъ протоіерей желаетъ мнѣ добра.

— Вотъ это-то меня и удивляетъ.

— Не всѣ такіе злобные, какъ ты. А тебя я прошу только объ одномъ: не дѣлай исторіи. Можетъ, оно какъ-нибудь и уладится. Не всѣ же такіе строгіе, какъ ты. Такъ вотъ, чтобы ты никому не разсказывалъ и вообще поудержался.

— Это я могу и, пожалуй, сдѣлаю. Но ты скажи мнѣ, какъ это ты могъ рѣшиться человѣка невмѣняемаго—ужъ этого ты не могъ не знать—такимъ образомъ утопить?

— Ахъ, и не говори ужъ. Лучше и не говори объ этомъ. Мнѣ такъ горестно, такъ горестно. Я совсѣмъ потерялся. Я только и прошу одно: пощади! Такъ ты мнѣ обѣщаешь хотя покамѣстъ не дѣлать исторіи?

— Я передалъ смотрителю. Теперь это его дѣло.

— Ну, вотъ, вотъ. Это все, чего я хочу. Такъ обѣщаешь?

— Хорошо. Я подожду и посмотрю, что изъ этого будетъ. Но если дѣло замнутъ, то извини, я его опять подниму...

— Чудакъ ты, Знойко,—какъ же можно такое дѣло замять? Ужъ тутъ одно изъ двухъ должно послѣдовать: либо согласіе, либо разводъ. Такъ я ухожу съ увѣренностью.

Экономъ ушелъ такъ же тихо и мягко, какъ и вошелъ. Но выйдя отъ Знойка, онъ вдругъ разсердился. Стало ему обидно, что всѣ такъ разговариваютъ съ нимъ, какъ-то снисходительно. Да вѣдь онъ еще не потревожилъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ у него есть связи.

И право же, стоило ли ему еще обивать пороги всѣхъ этихъ въ сущности ничтожныхъ людей? Что такое этотъ Знойко? Учителишка! Восемьсотъ рублей въ годъ получаетъ? Экая птица, подумаешь! А смотри-ка, какъ важно разговариваетъ. Исподлобья смотритъ.

А у него, у экономa, есть такіе люди, которые по три и по четыре тысячи въ годъ получаютъ. Да ему самъ секретарь консисторіи, который поступилъ на службу еще при томъ архіереѣ, которому экономъ родня, покровительствуетъ.

Да мало ли еще кто? Ого-го! Да онъ можетъ двинуть такую артилерію, что всѣ они запляшутъ, какъ куклы на ниточкахъ!

Но несмотря на такія горделивыя мысли, онъ все же торопился добраться до дома, чтобы не нагнали его учителя, которые какъ разъ въ это время сходились въ училищѣ.

Къ тому же они сегодня еще будутъ торопиться къ смотрителю передъ уроками. А дѣло пока стоитъ такъ, что лучше ни съ кѣмъ не встрѣчаться.

X.

Къ смотрителю собрались всѣ учителя, за исключеніемъ мелкоты, какъ учителя чистописанія и пѣнія. Можетъ быть, онъ потому и не позвалъ ихъ, что зналъ объ ихъ участіи въ дѣлѣ. Да они и жили оба слишкомъ далеко отъ училища, гдѣ-то на окраинѣ, тогда

какъ всѣ остальные учителя нанимали квартиры неподалеку отъ училища.

Само собой разумѣется, что Кудахтенко не получилъ приглашенія.

Принялъ ихъ смотритель неофиціально, даже не въ рясѣ, а всего только въ полукафтаньи.

— Вы, господа, меня извините,—сказалъ онъ,—что я покусился на ваше время въ столь ранній часъ. Но дѣло такого рода, что требуетъ маленькихъ жертвъ отъ всѣхъ насъ. Вы, вѣроятно, уже догадываетесь, о чемъ я говорю: это странное дѣло о повѣнчаніи одного изъ нашихъ товарищей. Признаюсь, я никакъ не могу взять этого въ толкъ. Дальнѣйшее несомнѣнно все объяснитъ. Теперь уже идутъ по городу разговоры. Сдержать мы ихъ не можемъ, но, по крайней мѣрѣ, мы не будемъ поддерживать ихъ, не будемъ давать имъ пищи, и тогда, быть можетъ, они сами собой умрутъ съ голоду и прекратятся. Я повторяю, господа, что дѣло идетъ не о постороннихъ людяхъ для насъ, а о товарищахъ нашихъ. Съ одной стороны, Константинъ Аполлоновичъ Кудахтенко, котораго всѣ мы уважаемъ, съ другой же стороны—нашъ почтенный отецъ экономъ, такъ много разъ засвидѣтельствовавшій свою полезность нашему училищу. Я, разумѣется, не ставлю на одну доску участіе въ дѣлѣ обоихъ. Они замѣшаны различнымъ образомъ. Одинъ является дѣйствующимъ лицомъ, другой же, такъ сказать, жертвой. Но и жертвой быть не всегда красота и пріятность. Въ данномъ случаѣ это такъ и есть. Поэтому, оберегая отъ нареканій одного, мы, быть можетъ, этимъ самымъ убережемъ отъ посмѣянія другого. А главное, господа, это—честь нашего училища. Что до меня лично, то заявляю вамъ, что если меня спроситъ кто: было ли что-либо подобное, то я прямо скажу: нѣтъ, не было. Я буду отвѣчать: ничего не было, доколѣ не будетъ надобности опредѣлить этотъ фактъ офиціально. Я же надѣюсь, что такой надобности никогда не явится. Я надѣюсь, господа. Однако не подумайте, что я могу оказать той или другой сторонѣ какое-либо лицепріятіе. Вы можете быть увѣрены, что имя и честь нашего училища у меня всегда будутъ на первомъ планѣ.

Сказавъ такую рѣчь, смотритель отпустилъ учителей къ урокамъ. Послѣ перваго же урока смотритель встрѣтилъ въ коридорѣ Кудахтенка, который шелъ въ учительскую. Повидимому, онъ нарочно постарался встрѣтить его не въ учительской.

— У васъ есть сегодня свободный часъ?—спросилъ смотритель.

— Есть, — отвѣтилъ Кудахтенко, — отъ одиннадцати до двѣнадцати.

— Если вы еще не имѣете опредѣленнаго плана на этотъ часъ, то не зайдете ли ко мнѣ?—предложилъ смотритель.—Только прошу васъ не дѣлайте изъ этого предмета для разговоровъ.

Кудахтенко поклонился и сказалъ, что придетъ. Какъ это ни странно, а онъ въ сущности испугался этого приглашенія. Въ пьяномъ видѣ онъ никого не боялся, а въ трезвомъ онъ терпѣть не могъ объясняться съ начальствомъ. Онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ.

Онъ, конечно, сейчасъ же догадался въ чемъ дѣло, зачѣмъ зоветъ его смотритель, и счелъ необходимымъ предварительно посовѣтоваться со Знойкомъ.

Въ то время, какъ всѣ учителя сидѣли тѣсной группой за круглымъ столомъ и неистово курили, онъ отозвалъ Знойка въ уголокъ и разсказалъ ему о приглашеніи, которое сейчасъ получилъ отъ смотрителя.

— Что-жъ я тебѣ могу посовѣтовать,—сказалъ Знойко,—одно: держись стойко и съ достоинствомъ, а главное, главное—ничего не обѣщай.

— Но ежели онъ пристанетъ?

— Вотъ именно: ежели пристанетъ, такъ тогда и не обѣщай. Не доставало, чтобы ты еще самъ лѣзъ къ нему съ обѣщаніемъ. Во всякомъ случаѣ, будь очень остороженъ. Лишнихъ словъ не говори. Онъ хитритъ, смотритель. Это я вижу по сегодняшней рѣчи, которую онъ намъ сказалъ. Онъ прячется за честь училища, а въ сущности во что бы то ни стало хочетъ вытащить изъ ямы эконома за его рыжіе космы. Того и гляди поймаешься на словахъ, такъ ужъ и слѣди за своими словами. Ты напрасно согласился пойти къ нему. Боюсь я, что ты наплетешь тамъ чего-нибудь. Могъ бы отговориться нездоровьемъ или чѣмъ-нибудь другимъ.

— Такъ, можетъ быть, лучше и не ходить?—спросилъ Кудахтенко.

— Нѣтъ, теперь это неудобно: ужъ разъ ты обѣщалъ—надо идти. А то онъ оскорбится и обозлится. Не надо давать ему въ руки никакихъ поводовъ становиться во враждебную позу. Онъ и безъ этого сумѣетъ напакостить. Вотъ именно въ этомъ дѣлѣ я постигъ, что это за птица. Ты говори все такъ, какъ было, ничего не сочиняй. И это хорошо будетъ, больше ничего и не надо.

Кудахтенко смертельно томился мыслью о предстоящемъ визитѣ. У него даже было тайное намѣреніе какъ-нибудь увильнуть. Но онъ не рѣшился. Въ условленный часъ онъ пошелъ къ смотрителю.

Смотритель принялъ его ласково, какъ никогда еще въ жизни. Въ послѣдніе годы онъ подозрительно смотрѣлъ на учителя русскаго языка и всегда немного косился на него. За него онъ уже получалъ

выговоры. А теперь вдругъ заговорилъ такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ самымъ желаннымъ гостемъ.

— А, ну, вотъ... Очень радъ, что вы пришли... Садитесь же, пожалуйста, Константинъ Аполлоновичъ... Очень, очень радъ...

Кудахтенко былъ сугубо смущенъ этой любезностью. Онъ вообще не особенно довѣрялъ людямъ: никогда ни съ кѣмъ не сближаясь, онъ ни отъ кого не видалъ ласковости, даже отъ Знойка, который, видимо, къ нему былъ расположенъ. Отношенія у нихъ въ сущности всегда были нѣсколько суровыя!

Суровое дѣтство разъ навсегда лишило его этой стороны существованія. Но зато, если онъ встрѣчалъ ласковость въ комъ-нибудь, то уже цѣнилъ это неимовѣрно и главное онъ не умѣлъ отличать настоящей теплоты отъ поддѣльной.

И теперь, если бы смотритель зналъ, что онъ могъ сдѣлать съ нимъ ласковостью, то усилилъ бы ее и многаго добился бы.

Но смотритель всетаки былъ очень остороженъ.

— Ну, ну, садитесь же, разсказывайте, что это за исторія такая,—говорилъ онъ;—когда я узналъ, я такъ и ахнулъ. Помилуйте, Константинъ Аполлоновичъ, нашъ Константинъ Аполлоновичъ заклятый врагъ брачной жизни и вдругъ обвѣнчанъ!

— Да что-жъ,—довольно угрюмо и глядя внизъ, сказалъ Кудахтенко.—Дѣйствительно, оказывается... обвѣнчанъ.

— Но разскажите же, какъ все это произошло.

Въ этомъ вопросѣ смотрителя было много безконечно хитрой предусмотрительности; онъ разсчитывалъ на простоту Кудахтенка. Ему казалось всетаки невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ такъ-таки ничего не помнилъ, и думалъ онъ, что Кудахтенко начнетъ разсказывать по порядку, но запутается, смѣшаетъ свои воспоминанія съ тѣмъ, что слышалъ отъ другихъ, и получится нѣчто для уловленія его въ пользу эконома.

Но Кудахтенко помнилъ завѣтъ Знойка: говорить такъ, какъ было. И онъ отвѣтилъ.

— Какъ было, отецъ протоіерей, этого я не знаю, а что помню, то разскажу: обѣдалъ я у эконома. Пришелъ не совсѣмъ трезвый, но помню все, что было тогда. Экономъ воздерживалъ меня отъ водки. Говорилъ: ты уже сегодня одинъ разъ былъ пьянъ, такъ этого довольно. И это справедливо: въ тотъ день я уже былъ пьянъ и выспался, и я слушался его. Потомъ, когда всѣ ушли, онъ предложилъ сыграть въ шашки и сказалъ: теперь мы можемъ разрѣшить выпивку, и принесли графинчикъ. Выпивали вмѣстѣ и я, и онъ. Только я, разумѣется, больше. Играли въ шашки, это я все помню, говорили все

какіе-то пустяки. Послѣднее, что я помню, я его побилъ въ шашкахъ, а тамъ наступило затменіе, и ужъ больше я ничего не знаю. Помню только на другой день: пришелъ Знойко и разбудилъ меня...

— Ну, а сонъ, сонъ вамъ всетаки снился?—спросилъ смотритель.

— Сонъ былъ. Не могу съ увѣренностью сказать, что это сонъ. Можетъ быть, смутное воспоминаніе о томъ, что было, но мнѣ казалось, что сонъ, и я разсказалъ Знойку, что во снѣ меня вѣнчали и нѣкоторыя подробности, которыя смутно помню.

— Вотъ это странно... Слѣдовательно, извѣстное сознаніе у васъ было, ежели запомнили кой-что.

— Не могу вамъ этого сказать, но помню не иначе, какъ сонъ.

— Ну, потомъ что было?

— А потомъ я пошелъ на уроки. Голова трещала, но Знойко убѣдилъ меня пойти, сказавъ, что вы мною недовольны, такъ какъ я очень плохо веду себя и могу даже потерять мѣсто.

— Ну, дальше, дальше.

— Послѣ уроковъ ко мнѣ пришелъ экономъ и съ нимъ его племянница и объявилъ мнѣ, что мы обвѣнчаны.

— И что же вы?

— Я, разумѣется, не призналъ... Я отвергъ... Племянница ушла. А экономъ остался и началъ уговаривать меня, чтобы я призналъ. Говорилъ, что я получу приходъ и что я остепенюсь. Кромѣ того, они мнѣ показали свидѣтельство о бракѣ, и я дѣйствительно увѣрился, что вѣнчаніе въ самомъ дѣлѣ было. Но я отвергъ окончательно.

— А скажите, Константинъ Аполлоновичъ, какъ вы собственно относились къ племянницѣ отца экономa?

— Никакъ. Совершенно никакъ.

— А что же, она некрасива? Я, признаться, ея не видалъ.

— Право, я даже не разглядѣлъ ея, какъ слѣдуетъ. Я совсѣмъ ею не интересовался. Я ее не зналъ.

— Гм... Такъ что желанія жениться на ней у васъ никоимъ образомъ не могло быть?

— Не только на ней, а и на комъ угодно. Я вовсе не имѣю склонности къ семейной жизни.

— Теперь скажите, Константинъ Аполлоновичъ, какія же ваши намѣренія?

— Право, отецъ протоіерей, у меня нѣтъ никакихъ намѣреній. Я жилъ себѣ извѣстнымъ образомъ и продолжаю жить. Я ничего не предпринималъ, слѣдовательно, мнѣ ничего и дѣлать не нужно.

— Но, однако, если состоялось такое законное вѣнчаніе по всѣмъ правиламъ, то повѣнчанная съ вами женщина имѣетъ свои права?

— Не знаю.

— Она можетъ попытаться ихъ осуществить.

— Все равно, я откажусь.

— Она можетъ прибѣгнуть къ законной власти.

— Я и законной власти то же самое скажу, что сказалъ вамъ.

— Словомъ сказать, вы этотъ бракъ ни въ какомъ случаѣ признать не можете?

— Нѣтъ, не могу, какъ совершившійся помимо моей воли.

— Да... Вотъ какъ вы круто ставите вопросъ. Очень круто. Ну, слушайте, Константинъ Аполлоновичъ, думаете ли вы, что вы всегда и впредь будете держаться такого направленія? А, можетъ быть, ваши убѣжденія перемѣнятся, и вы, можетъ быть, будете рады, что у васъ есть жена?

— Не могу себѣ представить этого.

— А вдругъ...

— Во всякомъ случаѣ, если бы у меня явилось стремленіе къ семьѣ, то я выбралъ бы себѣ жену добровольно.

— Да, это такъ, конечно,—согласился смотритель.—Словомъ сказать, вы не допускаете тутъ никакого соглашенія?

— Нѣтъ, рѣшительно никакого.

— Но видите ли, Константинъ Аполлоновичъ,—сказалъ смотритель, нѣсколько измѣнивъ свой тонъ. Онъ былъ попрежнему мягокъ, но въ то же время въ немъ какъ бы слышалась скрытая угроза:—видите ли, въ этомъ дѣлѣ вы можете опираться единственно на ваше безсознательное состояніе. Не такъ ли?

— Очевидно, такъ.

— Но не полагаете ли вы, что такого рода безсознательное состояніе, когда человѣкъ правильно движется, говоритъ, принимаетъ участіе въ вѣнчаніи, простаиваетъ довольно продолжительное время подъ вѣнцомъ, держится свободно, ходитъ вокругъ столика и даже подписываетъ актъ церковный, да, такъ не полагаете ли вы, что способность впадать въ такого рода безсознательное состояніе, которое по формѣ совершенно тожественно съ сознательнымъ, можетъ быть признана несовмѣстимой съ должностью учителя?

И, задавъ этотъ вопросъ, смотритель слегка отклонился назадъ и внимательно смотрѣлъ на Кудахтенка, а вопросъ дѣйствительно былъ коверзный. Кудахтенко не ожидалъ его и не былъ готовъ къ нему.

Въ самомъ дѣлѣ, выходила странность: человѣкъ ходитъ, разговариваетъ, участвуетъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ вѣнчаніе,

подписываетъ серьезный актъ, имѣетъ видъ здороваго и нормальнаго, и вдругъ оказывается, что онъ безъ сознанія и почти ничего не помнитъ.

Конечно, это объясняется дѣйствіемъ вина. Но такое состояніе можетъ явиться и тогда, когда онъ на урокѣ преподаетъ русскій языкъ. Какое же это можетъ быть преподаваніе, когда онъ даже ничего потомъ не помнитъ? Если не помнитъ, значитъ и не отвѣчаетъ за себя.

Да вѣдь онъ можетъ въ этомъ состояніи такихъ штукъ напреподавать, за которыя не только его прогнать слѣдуетъ, но и училище закрыть!

Вотъ мысль, ясно высказанная смотрителемъ. Кудахтенко былъ смущенъ. Онъ страшно дорожилъ своимъ мѣстомъ. Потерять его для него значило помереть съ голоду. Вѣдь онъ ничего не зналъ, кромѣ русской грамматики, такъ какъ преподавалъ онъ ее четырнадцать лѣтъ. Прежде онъ зналъ всетаки другіе семинарскіе предметы, а теперь давно уже все позабылъ. Значитъ пришлось бы всетаки жениться и проситься въ духовный санъ. А къ этому онъ совсѣмъ не чувствовалъ призванія. И Кудахтенко рѣшительно не могъ отвѣтить на вопросъ смотрителя.

— Да, конечно... Это такъ... Это возможно...—отвѣтилъ онъ сумрачно, и въ глазахъ его было выраженіе безконечной растерянности.

— Вотъ то-то и оно. Вамъ объ этомъ надо подумать,—сказалъ смотритель.—Выходитъ, что палка эта о двухъ концахъ. Безъ сомнѣнія, если вы возбудите дѣло, то выяснятся всѣ обстоятельства, виновный пострадаетъ и справедливость будетъ удовлетворена. Но вѣдь пострадаете и вы. Въ самомъ дѣлѣ, я долженъ сказать вамъ, что вашимъ образомъ дѣйствій уже и такъ недовольны. Я никогда не говорилъ вамъ объ этомъ, потому что не желалъ разстраивать васъ, ибо считаю вашу пагубную страсть болѣзнью и несчастіемъ вашимъ, и я далъ себѣ клятву, что пока я стою во главѣ училища, я не позволю, чтобы вамъ причинили вредъ... Но подобный случай, сами согласитесь, когда офиціально будетъ доказано существованіе у васъ такого безсознательнаго состоянія, въ коемъ вы даже можете быть обвѣнчаны, подобный случай парализуетъ всѣ мои дружескія усилія! Я уже ничего не буду въ состояніи для васъ сдѣлать. И если, конечно, вы позволите мнѣ коснуться вашей личной жизни...

— Я прошу васъ, отецъ протоіерей.

— Да, если позволите коснуться вашей личной жизни, то я выражу мнѣніе, что для васъ прямая выгода пойти въ этомъ дѣлѣ на миръ.

— То-есть какъ?

— Въ самомъ буквальномъ смыслѣ на миръ, то-есть если бы, напримѣръ, вы согласились признать этотъ бракъ для себя дѣйствительнымъ и обязательнымъ, и призвать къ себѣ жену... Не говорю уже о томъ, что тогда была бы вамъ прямая дорога къ іерейскому сану и приходу... Гдѣ-нибудь, напримѣръ, въ деревнѣ, вы быстро поправили бы свое здоровье, такъ какъ вели бы нормальную жизнь.

— Отецъ протоіерей...—попытался остановить его Кудахтенко.

— Позвольте, Константинъ Аполлоновичъ, вѣдь то, что я говорю, ни къ чему васъ не обязываетъ. Позвольте же досказать. А кромѣ того, ну, даже если бы вы не пожелали сана и прихода, вы и такъ могли бы найти въ этомъ выгоду. Вѣдь отецъ экономъ не бѣднякъ, и я не сомнѣваюсь, что онъ далъ бы за своей племянницей порядочное приданое. Нѣтъ, нѣтъ, даже и не возражайте. Говорю: васъ это ни къ чему не обязываетъ. Я только даю дружескій совѣтъ.

Кудахтенко, которому никогда въ жизни не приходила въ голову подобная мысль, сдѣлалъ огромные глаза и смотрѣлъ на него съ совершенно глупымъ изумленіемъ. Онъ даже ничего не могъ сказать на это, такъ что смотрителю пришлось самому устроить финалъ визита.

— Ну, вотъ и все, что я вамъ хотѣлъ сказать. Пока дѣло это мы не будемъ выдвигать. Надо время, чтобы стороны могли обсудить положеніе, сговориться, мало ли что можетъ быть... Но я просилъ бы васъ объ одномъ, Константинъ Аполлоновичъ, такъ какъ здѣсь замѣшана репутація училища всѣмъ намъ дорогого, то обѣщайте мнѣ, что ничего не предпримете, не посовѣтовавшись со мной. Обѣщаете?

— Обѣщаю,—сказалъ Кудахтенко и только уже послѣ того, какъ сказалъ это, вспомнилъ второй завѣтъ Знойка: «главное ничего не обѣщай». Но было уже поздно.

Кудахтенко поднялся. Смотритель проводилъ его въ переднюю.

Учитель русскаго языка спускался по лѣстницѣ внизъ и все думалъ о томъ, что ему предложили приданое. Когда же онъ сошелъ внизъ во дворъ, то ему вдругъ захотѣлось расхохотаться на весь училищный дворъ. Онъ удержался только потому, что былъ часъ перемѣны и во дворѣ бѣгали ученики.

Онъ пошелъ въ учительскую. Тамъ было полно народу. Всѣ курили и онъ сталъ курить. Знойко былъ здѣсь и посматривалъ на него вопросительно. Но неудобно было разспрашивать и объяснять.

Раздался призывной звонокъ. Учителя пошли на уроки. Знойко задержался въ учительской. Кудахтенко тоже остался.

— Ну?—сказалъ Знойко.

— Охъ, братъ, въ такой короткій срокъ не разскажешь,—промолвилъ Кудахтенко.—Послѣ урока заходи ко мнѣ.

— Что-нибудь важное.

— Есть и важное, а есть и такое, что я чуть не прыснулъ ему въ глаза. Впрочемъ, это могу сейчасъ сказать: предложили мнѣ приданое. Ха-ха-ха!

— Да что ты? Свое, что ли?

— Нѣтъ, говоритъ, экономъ дастъ.

— И много?

— Суммы не обозначили, только говорятъ прилично... Ха-ха-ха. Такъ приходи послѣ уроковъ.

Они разошлись. Послѣ уроковъ Знойко пошелъ прямо къ Кудахтенку. Однако онъ не совсѣмъ такъ отнесся къ дѣлу, какъ Кудахтенко.

— Приданое,—сказалъ онъ,—вещь весьма хорошая, я всегда такъ думалъ, и ты это замѣть.

— Такъ что же, прикажешь поторговаться?—спросилъ Кудахтенко.

— Боже сохрани. Я говорю вообще.

— А ну, я и замѣчу вообще. А что ты скажешь вотъ на что: не полагаете ли вы, говоритъ отецъ протоіерей, что способность ваша впадать въ такое состояніе, когда васъ даже обвѣнчать можно и прочее, можетъ быть признана несовмѣстимой съ должностью учителя?... А? Какъ тебѣ нравится?

— А это, братъ, очень серьезно. Тебя просто могутъ объявить сумасшедшимъ.

— Да неужели? И посадить въ сумасшедшій домъ.

— И это могутъ.

— Такъ я имъ въ ножки поклонюсь... Чего лучше... Ежели здравомыслящіе люди могутъ дѣлать такія штуки: вѣнчать съ первой попавшейся женщиной человѣка въ безсознательномъ состояніи и предлагать ему въ возмездіе приданое, то ужъ, конечно, сумасшедшіе люди окажутся честнѣе.

— Нѣтъ, ты не шути, Константинъ. Это въ самомъ дѣлѣ можетъ быть.

— Такъ что же мнѣ дѣлать? Признать себя женатымъ?...

— Ни въ какомъ случаѣ. А вотъ что: дать клятву, поклясться всѣмъ святымъ, что только есть у тебя, что никогда не будешь брать въ ротъ водки... Тогда и состоянія такого не будетъ...

Кудахтенко нѣкоторое время подумалъ.

— Трудно это,—сказалъ онъ.—Охъ, трудно, братъ Знойко. Ни

могу я дать такой клятвы, а если и дамъ, то не выдержу. Придетъ эта треклятая тоска—и все кончено...

— Ну, хоть теперь крѣпись. Крѣпись, сколько можешь, пока выяснится это дѣло. Иначе ты погибъ. Съ одной стороны, это угроза смотрителя, а съ другой—въ пьяномъ состояніи обкрутитъ тебя экономъ вокругъ пальца, и ужъ тогда ты не пикнешь. И я отъ тебя отрекусь, такъ и знай...

— Буду, буду крѣпиться. Ха-ха-ха... Вотъ экономъ надѣялся, что, женившись, я остепенюсь, и выходитъ по его. Вотъ я женился и буду крѣпиться.

Смотрѣлъ на него Знойко и думалъ о томъ, какъ это человѣкъ можетъ шутить, находясь въ такомъ дурацкомъ положеніи.

XI.

Дѣло о вѣнчаніи учителя Кудахтенка съ дочерью причетника Антониной находилось въ крайне неопредѣленномъ положеніи.

Уже около мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ совершилось повѣнчаніе, а движенія не было никакого. Въ городѣ сперва говорили, а потомъ перестали. Не было пищи, какъ говорилъ смотритель, и слухи умерли съ голоду.

А пищи не было потому, что штатъ училищный крѣпко держалъ слово, данное смотрителю. Дѣйствительно всѣ, когда ихъ спрашивали о событіи, единодушно отрицали его. Спрашивали:

— Что тамъ у васъ такое? Повѣнчали въ безсознательномъ состояніи?

И каждый учитель отвѣчалъ:

— Вздоръ, все это праздныя выдумки. По крайней мѣрѣ у насъ никто на это не жаловался.

— Но какъ же такъ? Всѣмъ извѣстно, что они живутъ врозь, съ перваго же дня.

— Не поладили, недоразумѣніе вышло, вотъ и все.

Отвѣчали кратко, угрюмо, видно было, что дѣлали это неохотно, а потому въ концѣ концовъ и разспрашивать прошла охота.

Въ самомъ дѣлѣ, какихъ только недоразумѣній не бываетъ на свѣтѣ!

Самого Кудахтенка никто не спрашивалъ. Его знали всѣ, но по настоящему знакомыхъ у него не было. Его считали дикимъ человѣкомъ. Кто-то, однако, попытался спросить его.

— Правда ли, что съ вами сыграли такую штуку: повѣнчали въ безсознательномъ состояніи?

Но вопрошатель былъ не радъ, что затѣялъ это. Кудахтенко просто сказалъ: «Подите вы къ чорту!»

Вообще онъ терпѣть не могъ, когда ему напоминали объ этой исторіи. Въ сущности, когда подумаешь и припомнишь всѣ обстоятельства, то роль его въ этомъ дѣлѣ была смѣшная. Человѣкъ, котораго можно повѣнчать помимо его воли—что-жъ это такое? Какой же это мужчина и еще богословъ, еще учитель, да и возрастъ его почтенный! Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, это смѣшно!

И если прислушаться къ разговорамъ, то это и былъ главный ихъ мотивъ. Составились цѣлые анекдоты объ этомъ событіи, и героемъ этихъ анекдотовъ былъ Кудахтенко.

Экономъ какъ-то замеръ. Обѣды у него прекратились. И его самого мало кто видѣлъ. Онъ избѣгалъ встрѣчи съ учителями. Онъ выжидалъ.

Правда, смотритель получилъ-таки частный, не офиціальный запросъ отъ начальства. Писалось о «дошедшихъ слухахъ», и онъ не обинуясь отвѣтилъ, что слухамъ не придаетъ никакого значенія, а жалобы не поступало.

Такъ это и висѣло въ воздухѣ. Страдалъ, правда, экономъ. Такая невыясненность дѣла для него была вродѣ пытки. Каждый день, каждый часъ могла возникнуть непріятность для него. Утѣшеніемъ ему служило то, что смотритель дѣйствительно велъ себя по дружески. Онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ съ рѣшимостью гасить всякую искру до послѣдней возможности.

Но было еще одно мѣсто, куда никто не заглядывалъ, потому что оно было отдаленно, бѣдно и не интересно. Это была маленькая квартирка въ церковномъ домѣ пригорода. Тамъ жилъ старый дьякъ, родственникъ эконома, и его дочка Антонина.

Никто не зналъ, что̀ собственно происходитъ въ этой квартирѣ. Съ виду въ ней было все такъ, какъ бывало всегда. Дьякъ кряхтѣлъ и стоналъ, жалуясь на ноги и на спину, и на все остальное, что только у него было. Все болѣло у него, все напоминало о старости, объ изношенности, о негодности и о близости смерти.

Антонина готовила обѣдъ, доила корову, убирала комнату, стирала бѣлье, словомъ, дѣлала все по хозяйству и по дому. Съ дьякомъ она мало разговаривала. Она вообще не отличалась разговорчивостью, а послѣ недавней исторіи совсѣмъ замолчала.

Но если бы кто-нибудь заглянулъ въ ея простую, до послѣдней степени несложную душу, то, можетъ быть, поразился бы тѣмъ, что тамъ происходило. Въ тотъ день, когда она ушла отъ эконома, она затаила въ душѣ глубокую обиду. Всѣ ея понятія, въ которыхъ она

выросла, всѣ основы ея души, все это было нарушено, перевернуто, приведено въ полный безпорядокъ. Жизнь, которая дотолѣ текла медленно, скучно, однообразно, но въ то же время цѣльно и по своему гармонично въ полномъ соотвѣтствіи своихъ частей, вдругъ была скомкана. Чистый источникъ нетронутой души замутился, загрязнился, запѣнился.

Тридцать лѣтъ жила она въ домѣ отца. Съ шестнадцати лѣтъ уже она начала мысленно готовить себя кому-то въ жены. До этого времени въ дѣтствѣ она слышала, что растутъ и вырастаютъ изъ дѣвочекъ въ дѣвицъ, чтобы выйти замужъ, жить, можетъ быть, очень бѣдно, но настоящей семейной жизнью, быть женой, помощницей мужу, работать, хотя бы пришлось нести самые тяжкіе труды, и быть матерью своихъ дѣтей.

О любви она не мечтала: это какъ-то вовсе не входило въ кругъ ея понятій. Придетъ кто-то, посмотритъ на нее, посватается къ ней и женится. И съ этого времени она къ нему привяжется и отдастъ ему всю себя тѣломъ и душой.

Это выйдетъ само собою по одному тому только, что она въ церкви обвѣнчается съ нимъ, свяжутъ имъ руки и обведутъ три раза вокругъ столика, дадутъ имъ выпить вина изъ одной чаши, пропоютъ «Исаія ликуй»... Это все, что надо для того, чтобы она навѣки привязалась къ тому, кто придетъ ее посватать и сдѣлать женой и матерью.

Это казалось ей естественнымъ. Ничего обиднаго для себя, ничего насильственнаго она въ этомъ не видѣла. Такъ дѣлаютъ всѣ, такъ полагается.

Жизнь устроилась иначе. До тридцати лѣтъ она прожила уже и этого не случилось. Кто-то приходилъ, правда, и не разъ, а цѣлыхъ три раза, но видно она пришлась не по вкусу, либо бѣдность стараго дьяка помѣшала. Замужество не состоялось.

Она прежде мечтала громче, потомъ про себя, а въ послѣдніе годы говорила и думала, что уже не мечтаетъ, но тайно отъ себя самой всетаки мечтала.

И вотъ пришелъ богатый и вліятельный родственникъ и сказалъ: я тебя выдамъ замужъ. Онъ взялъ ее къ себѣ и началъ показывать л дямъ.

Все это было, по ея мнѣнію, въ порядкѣ вещей. Надо, чтобы люди и дѣли ее, иначе какъ же выбрать и остановиться.

Родственникъ намѣтилъ ей мужа. Онъ сказалъ ей: вотъ этотъ, в него и смотри. Правда, онъ былъ странный человѣкъ, онъ былъ л яница, но только не такой, какъ всѣ, особенный. Она это видѣла. Л когда наединѣ съ самой собой она обсуждала возможность замуже-

ства съ нимъ, то у нея, какъ у всякой женщины, являлась смѣлая надежда, что она своимъ воздѣйствіемъ перемѣнитъ это.

Не красивъ онъ былъ: дикъ, грубъ, угловатъ и чудакъ. Но въ ней самой жилъ огромный запасъ нѣжности, и эта нѣжность шла навстрѣчу мужу, всякому мужу, всякому человѣку, кто сдѣлается ей близокъ. Не ему несла она свою нѣжность, не этому странному человѣку, а мужу, тому, кто будетъ данъ ей Богомъ, кто поставитъ ее въ условія жены и матери. Такъ чувствовала она и иначе не умѣла. И вотъ свершилось. Ихъ вѣнчали. Странный человѣкъ стоялъ рядомъ съ ней, ея руку связали съ его рукой, водили ихъ вокругъ столика, они пили изъ одной чаши. Все совершилось такъ, какъ въ мечтахъ, и по мѣрѣ того какъ это совершалось, она чувствовала каждую минуту, что онъ приближается къ ней, становится ей близокъ, а она отдается ему на всю жизнь.

И вдругъ оказалось, что тутъ былъ обманъ, подлогъ, насиліе. Ее поставили рядомъ съ нимъ помимо его вѣдома, противъ его воли. Онъ отказался отъ нея, онъ не хочетъ ея!

И въ тотъ моментъ, когда она изъ его собственныхъ устъ услышала отказъ, ея простая душа уже рѣшила уйти и больше никогда не приходить. Она была оскорблена такъ глубоко, какъ только можетъ быть оскорблена простая душа, надъ которой посмѣялись.

Но если бы это ограничилось только ея душой, она перенесла бы это мужественно. Тогда это и замерло бы тамъ навсегда... Но, кромѣ ея души, былъ еще внѣшній міръ. Вотъ отецъ: онъ, конечно, любитъ ее, потому что отецъ не можетъ не любить свою дочь. Но какъ онъ терзаетъ ее!

Среди своихъ стоновъ и возни съ болѣзнями, онъ часто говоритъ ей: «Эхъ, Антонина, какая твоя судьба... Какъ не повезло тебѣ... И не знаешь, что ты теперь: дѣвица или замужняя».

Или иначе: «Я такихъ вотъ, какъ этотъ твой Кудахтенко или какъ его, вѣшалъ бы».

И въ разныхъ другихъ видахъ онъ выражалъ ей свое сочувствіе. Конечно, это не были упреки. Онъ говорилъ это любя, но эта любовь ножомъ полосовала ея сердце.

Еще хуже было съ другими. Въ церковномъ домѣ жили и священникъ, и дьяконъ, у нихъ были семейства и слуги. И всѣ, глядя на нее, вздыхали сочувственно, качали головами, а иные говорили: «Охъ, сердешная... И нужно же, чтобы надъ тобой такая бѣда стряслась».

И отъ всего этого Антонина неимовѣрно страдала. Чувствовала она, что вышла изъ колеи своей жизни и никогда, никогда уже не

войдетъ въ нее. Она ни то, ни се. Не замужняя и не дѣвица. Это самое обидное положеніе.

Страдала она ужасно и хуже всего было то, что ни съ кѣмъ не могла подѣлиться своимъ горемъ. Никто не поймет. Всѣ будутъ сочувствовать, но вѣдь это еще хуже. И всѣ видѣли, что она худѣла, блѣднѣла, глаза ея горѣли какимъ-то страннымъ огнемъ, какимъ горитъ только глубокое тайное горе. Во всемъ она видѣла свою бѣду, все напоминало ей объ ея оскорбительномъ положеніи.

И по мѣрѣ того какъ проходили дни, вырасталъ и тяжелѣлъ камень, который лежалъ у нея на сердцѣ, и вотъ она начала чувствовать, что больше не можетъ жить съ этимъ камнемъ. И, наконецъ, у нея явилась странная мысль, отъ которой она содрогнулась. Она даже выразить ее не умѣла. Мысль эта шла вразрѣзъ со всѣмъ ея душевнымъ складомъ,—это была мысль о насильственной смерти.

Такую смерть она считала самымъ большимъ грѣхомъ. Но она, богобоязненная, дошла до этой мысли. Что же дѣлать, когда жизнь невмоготу.

Но странное дѣло: въ то время, какъ эта мысль бродила въ ея головѣ и разрывала ея душу, рядомъ съ нею уживалась еще и другая мысль: что этотъ человѣкъ, который такъ грубо отказался отъ нея, все же мужъ ей. Что бы онъ ни говорилъ и пусть это будетъ не по закону, но они стояли рядомъ въ церкви, надъ ними читали брачныя молитвы и пѣли брачныя пѣсни. Надъ ними держали вѣнцы, ихъ руки были связаны, и пили они изъ одной чаши. По ея мнѣнію, это связывало ихъ на всю жизнь. Съ того момента ея жизнь принадлежитъ ему.

И у нея было ясное представленіе, что безъ его воли она не можетъ распорядиться своей жизнью. Эти двѣ мысли, жившія рядомъ, наполняли теперь все ея существованіе. Съ ними она стояла у раскаленной плиты и готовила кушанья, съ ними она ходила въ коровникъ, доила корову и ухаживала за ней, съ ними она выполняла всѣ свои обязанности. Никогда не погасали онѣ, никогда не переставали разрывать на части ея сердце. И когда тоска слишкомъ уже сильно налегала на нее, она думала, что есть на свѣтѣ одинъ человѣкъ, которому она можетъ и должна разсказать все, что дѣлается въ ея душѣ. И ей казалось, что самый черствый, самый холодный человѣкъ не можетъ остаться равнодушенъ, если она покажетъ ему свою душу. Такъ сильно чувствовала она свое горе и воображала, что и другой, видя это, также почувствуетъ.

И вотъ, когда ей стало жить ужъ совсѣмъ невмоготу, у нея созрела странная, нелѣпая, невѣроятная мысль: пойти къ нему, къ

обвѣнчанному съ нею человѣку, и разсказать ему все. И тогда уже у нея дѣйствительно ничего не останется. Тогда все произойдетъ само собой.

Былъ воскресный день. Въ пригородной церкви служили обѣдню. Антонина рано встала, все сдѣлала по дому и пошла въ церковь.

Она рѣдко позволяла себѣ это. Хозяйственныя заботы мѣшали ей быть исправной богомолкой. Но на этотъ разъ ей это было нужно.

О, какъ она молилась въ этотъ день! Никто не зналъ этого. Она стояла въ уголкѣ позади всѣхъ богомольцевъ, чтобы никто, никто не видѣлъ ея лица. Въ глазахъ ея, обращенныхъ къ алтарю, было столько невысказаннаго словами горя, сколько мольбы къ Богу и сколько упованія.

Это была послѣдняя молитва, въ нее она вложила всѣ свои надежды, такъ она и смотрѣла на это и знала, что если Богъ не поможетъ ей, то уже больше молиться она не будетъ.

Послѣ обѣдни она пришла домой, накормила отца, потомъ надѣла на голову платокъ, тихонько черезъ дворъ вышла и ушла въ городъ.

Кудахтенко въ этотъ день проснулся довольно поздно. Онъ не былъ пьянъ вчера, какъ и раньше. Онъ вовсе не пилъ въ этотъ удивительный мѣсяцъ. Онъ свято выполнялъ совѣтъ своего друга Зойка—крѣпиться.

Но цѣлую недѣлю онъ исправно ходилъ въ училище, и это его утомляло. Всякая аккуратность и исправность утомляла его. Не былъ онъ созданъ для регулярной жизни порядочнаго человѣка.

Было принято, чтобы учителя по воскресеньямъ приходили въ училищную церковь. Но правило это соблюдалось не строго. Кудахтенко меньше всѣхъ выполнялъ его. Онъ давалъ себѣ отдыхъ.

Онъ проснулся часовъ въ 11, всталъ, умылся, одѣлся и теперь сидѣлъ за столомъ и пилъ чай. О происшедшей съ нимъ исторіи онъ совсѣмъ не думалъ. Онъ думалъ о ней первые дни, а затѣмъ, такъ какъ съ этой стороны его ничто не безпокоило, онъ даже забылъ о ней.

И вотъ, когда онъ выпилъ стаканъ чаю, закурилъ папиросу и, сидя за столомъ, смотрѣлъ въ пространство, къ нему въ комнату вошла его старая хозяйка и заявила:

— Константинъ Аполлоновичъ, тамъ какая-то женщина пришла и желаетъ васъ видѣть.

— Женщина?—съ удивленіемъ и даже недовольствомъ спросилъ Кудахтенко.

— Ну, да. Она говоритъ, что непремѣнно надо ей видѣть васъ.

— Какая такая женщина?

— А Богъ ее знаетъ! должно быть, нездоровая... Ужъ такая худая, да блѣдная, точно изъ больницы вышла.

— Удивительно. Что же я съ нею буду дѣлать?

— А ужъ этого я не знаю. Позвать ее?

— Ей-Богу, не знаю... Ну, да если ей такъ нужно... Пускай...

Онъ уже и теперь, когда неожиданная гостья еще не вошла, чувствовалъ тяготу. Онъ всталъ, застегнулъ свой домашній пиджакъ на всѣ пуговицы и приготовился къ пріему.

И вотъ въ коридорѣ послышались тихіе торопливые и какіе-то неровные шаги. Хозяйка указывала путь. Дверь отворилась и вошла женщина въ бѣдной суконной кофтѣ, въ платкѣ. Она вошла и остановилась около двери.

Кудахтенко въ первую минуту не узналъ ея. Лицо ея наполовину было закрыто платкомъ. Но глаза были видны и горѣли.

— Что же вамъ, собственно..,—спросилъ онъ въ высшей степени угрюмымъ голосомъ.

— Константинъ Аполлоновичъ, я... я къ вамъ пришла,—сказала гостья тихимъ, слабымъ, виноватымъ голосомъ.

Кудахтенко вздрогнулъ и нахмурился. Онъ почти узналъ голосъ Антонины. А когда она отвернула платокъ и открыла все свое лицо, онъ уже не сомнѣвался, что это она.

Но что это было за лицо! Онъ и не представлялъ себѣ, что человѣкъ такъ можетъ измѣниться. Ему случалось видѣть людей, которые умирали послѣ долгой изнурительной болѣзни. Такія у нихъ были лица, когда они лежали на столѣ.

— Это вы? — какимъ-то страннымъ, почти испуганнымъ голосомъ сказалъ онъ.—Но я... Я же... Право я...

Онъ хотѣлъ что-то сказать, что-то отрицать, оттолкнуть, но не находилъ словъ, а пока искалъ ихъ, произошло нѣчто странное: Антонина какъ стояла у двери, такъ и повалилась тамъ же на колѣни.

— Константинъ Аполлоновичъ, Константинъ Аполлоновичъ, видите, какая я... Видите, видите...—говорила она, и слезы лились изъ ея глазъ, но она не подымала руки, не вытерала ихъ, а такъ и смотрѣла на него этими глазами, изъ которыхъ лились слезы.

Никогда въ жизни Кудахтенко не видалъ такого лица и никогда въ жизни не испытывалъ такого ощущенія. Да плакалъ ли передъ нимъ кто-нибудь... Едва ли? Онъ въ далекомъ прошломъ передъ многими плакалъ, но на это никто не обращалъ вниманія. А передъ нимъ никто не плакалъ. Что-то дрогнуло у него въ груди.

— Что же я могу? Я ничего не могу,—сказалъ онъ, безпомощно разводя руками.

— Нѣтъ, только выслушайте... Больше ничего... Только выслушайте... Не откажите въ этомъ... Ради Создателя, не отказывайте...

— Ну, да, да... Хорошо... Я... Я готовъ выслушать... Говорите... Пожалуйста, пожалуйста...—совершенно смущенный, спутанный, сказалъ Кудахтенко.—Только встаньте... Ну, вотъ... И... Сядьте... Вотъ тутъ на диванѣ, или на стулѣ...

Антонина поднялась съ колѣнъ, машинально подошла къ дивану и сѣла, потому что ноги ея ослабѣли и подкашивались.

XII.

— Вотъ, — промолвила она и онять на нѣкоторое время замолчала. Очевидно слезы, хотя онѣ уже и не лились, мѣшали ей говорить. Она пересилила ихъ и говорила отрывисто, часто останавливаясь.—Вотъ... Видите, какая я стала... Это съ тѣхъ поръ... И я ничего отъ васъ не хочу... А только разсказать... И потому, что мнѣ некому... разсказать...

— Ну, такъ разсказывайте...—мягко, хотя и смутнымъ голосомъ сказалъ Кудахтенко.

— Константинъ Аполлоновичь, это все сдѣлалось безъ меня... Не думайте, не думайте... Я и не чаяла, я и не ожидала... Дядя экономъ сказалъ—есть человѣкъ... Я и повѣрила. Какъ было ему, дядѣ, не повѣрить? И пришла, и вижу: вы странный такой, на меня и не смотрите... А дядя говоритъ: ты ему по душѣ...: Чѣмъ же я виновата... И потомъ вы... Вы сами два раза мнѣ сказали... Разъ вотъ это, предложеніе, а въ другой разъ подтвердили... Я же ничего не знала, какъ это у васъ... Что вы ничего не помните... И я шла подъ вѣнецъ со страхомъ... Я дрожала, какъ осиновый листъ дрожала... Но это... Что было насильно... Нѣтъ, такъ я и думала... А ужъ когда дядя привелъ меня къ вамъ: не знаю, не помню и не хочу... Ну, тогда я ушла къ отцу и уже больше не думала... Но жить мнѣ невозможно съ тѣхъ поръ. Что я? Ни дѣвушка, ни женщина. Всякій на меня смотритъ и смѣшно ему, что это такъ произошло... И думаетъ: вотъ она навязалась человѣку, думала силой взять... А другіе соболѣзнуютъ: «Охъ, бѣдная, бѣдная»... А мнѣ ихъ слова—ножъ... Все во мнѣ нарушилось... Душа болитъ и не могу я жить... Опозорена и передъ людьми, и передъ Богомъ... Что же мнѣ теперь дѣлать? Чѣмъ мнѣ теперь жить?

Кудахтенко прошелся по комнатѣ.

— Послушайте, что же я могу? Я ничего не могу, — глухимъ голосомъ сказалъ онъ, стараясь не смотрѣть въ ея глаза, которые были устремлены къ нему и чего-то ждали отъ него.

— Я отъ васъ ничего не хочу, Константинъ Аполлоновичъ, а только я не смѣю... Безъ вашего слова не смѣю... Вотъ я и пришла сказать вамъ... И ужъ такъ, какъ вы скажете, и будетъ...

— Что будетъ?

— Жить мнѣ нельзя... Нѣту... Вотъ тутъ нѣту... Нехватаетъ,—и она указала на свою грудь.—Но жизнь моя къ вашей привязана. Ужъ тамъ — добромъ или нѣтъ, а Богъ благословилъ. Въ церкви мы стояли рядомъ... Руки наши вязали, пили мы изъ одной чаши... И ужъ это крѣпче цѣпей... Значитъ, вы обязаны сказать: помри... И я тогда помру...

Кудахтенко съ ужасомъ слушалъ эти странныя слова. Онъ не предполагалъ, чтобы племянница эконома могла говорить ихъ. Видѣлъ онъ ее за хозяйствомъ, когда она готовила или накрывала на столъ. Ее спрашивали о кушаньяхъ, и она отвѣчала. Съ другой стороны онъ ее не представлялъ себѣ.

Онъ стоялъ передъ нею, смотрѣлъ на нее и никакъ не могъ представить себѣ, что̀ можно сказать женщинѣ на такія слова.

— Какъ же это? Почему же? Зачѣмъ же?—безсмысленно спрашивалъ онъ.

— А потому,—отвѣтила Антонина,—вамъ отдана моя жизнь... Самимъ Богомъ въ церкви... Вы, можетъ быть, и безъ сознанія, а Богъ-то знаетъ... И теперь вы только и можете... отрѣшить меня отъ жизни...

«Отрѣшить меня отъ жизни»... Слова эти почему-то врѣзались въ сердце Кудахтенка и произвели тамъ какую-то неясную, новую работу, о которой онъ еще и самъ не зналъ. Но теперь мысли его рѣшительно не могли принять какую-нибудь удовлетворительную форму.

— Нѣтъ, этого я не могу,—сказалъ онъ.—Я не могу...

— А какъ же мнѣ быть? Константинъ Аполлоновичъ, какъ же мнѣ быть?

Кудахтенко только развелъ руками и опять началъ ходить по комнатѣ.

Наступило долгое, мучительное молчаніе. Онъ имѣлъ видъ человѣка, думающаго о чемъ-то, и она слѣдила за нимъ глазами, какъ бы съ упованіемъ, что вотъ онъ что-то такое придумаетъ и рѣшитъ, и скажетъ. Но минуты проходили, онъ ничего не говорилъ.

И вдругъ она поднялась и нѣсколько неровными, но въ то же время рѣшительными шагами подошла къ нему близко, близко, схватила его руки и съ громкимъ стукомъ упала передъ нимъ на колѣни. Онъ, пораженный, остановился.

— Константинъ Аполлоновичъ, одно слово. Я ничего не прошу... Я знаю... Чужая я вамъ... Не знаете вы меня, не хотите... И насильно нельзя... Нельзя вѣдь насильно... Это только дядя... Онъ посмѣялся надъ нами... Надъ обоими... Такъ Богъ съ нимъ... Я уйду и... Совсѣмъ уйду... Изъ жизни уйду, и онъ не отвѣтитъ... Но, Константинъ Аполлоновичъ, Богомъ мы связаны въ церкви... Нельзя уйти отъ этого... Можетъ, вамъ можно... Можетъ, вы и не вѣруете, а мнѣ нельзя... Такъ послушайте меня: жить-то мнѣ хочется, возьмите меня... Не въ жены, нѣтъ... Пускай только люди думаютъ, что я вамъ жена и чтобы не могли они качать головами и жалѣть меня... А я буду просто жить при васъ служанкой... Буду готовить вамъ обѣдъ и смотрѣть за хозяйствомъ... Я всю жизнь это дѣлала. Ну, чѣмъ я вамъ помѣшаю? Гдѣ-нибудь въ уголочкѣ буду сидѣть... На глаза вамъ показываться не буду. Ну, возьмите, возьмите...

И она поднесла его руки къ губамъ и поцѣловала ихъ.

Душа Кудахтенка была смятена. Подъ суровой наружностью у него было сердце, которое никто не умѣлъ тронуть и взять, но его можно было тронуть, и въ эту минуту оно забилось чуть-чуть посильнѣе, чѣмъ всегда.

— Встаньте же, встаньте, Антонина... Зачѣмъ это такъ?—проговорилъ онъ, и голосъ его слегка дрожалъ.—Встаньте...

Онъ нагнулся, взялъ ее подъ руки и поднялъ. Она показалась ему такой легкой.

— Мнѣ васъ жаль,—сказалъ онъ.—Вы несчастная, вы одинокая... Что же дѣлать?

— Вотъ я и пришла спросить: что дѣлать? Жить нельзя. Ну, силъ нѣтъ... А помирать страшно... Да и грѣхъ это передъ Богомъ.

— Надо жить, Антонина...—очень твердо сказалъ Кудахтенко.

— Надо? А какъ? А коли нечѣмъ?

— Надо жить,—повторилъ Кудахтенко, не будучи въ состояніи отвѣтить на ея послѣдніе вопросы.

Антонина помолчала.

— Такъ мнѣ уйти?—спросила она.

— Идите.

— Такъ, значитъ, жить приказываете... Что-жъ, буду... Черезъ силу, а буду... Коли приказываете, буду... Такъ я пойду ужъ...

Она больше не взглянула на него, а тихо побрела къ двери, отворила ее и вышла. Кудахтенко не слышалъ ея шаговъ... Они были такіе слабые.

Онъ ходилъ по комнатѣ, самъ того не замѣчая, ходилъ часъ, дру-

гой, третій. И все въ головѣ его неотступно стояли новыя для него слова:

«Отрѣшите меня отъ жизни». Что же онъ сдѣлалъ? Можетъ быть, онъ отрѣшилъ? Но потомъ онъ вспомнилъ ее послѣднія слова: «Буду жить... Черезъ силу, а буду».

И онъ все ходилъ, ходилъ, и какое-то новое непонятное чувство поднималось въ немъ, а онъ не понималъ его и боялся, и не зналъ, что съ нимъ дѣлать...

Часа въ четыре кто-то позвонилъ въ квартиру. Это пришелъ Знойко.

— Что это ты такой всклокоченный? — спросилъ его Знойко.— Вся борода у тебя на сторонѣ.

— Нѣтъ, такъ... Ничего... — отвѣтилъ Кудахтенко. — Ничего такого...

— Ужъ не разрѣшилъ ли выпивку?

— Нѣтъ, и не думалъ... Такъ, безъ всякой причины.

— А я пришелъ навѣстить тебя. Въ церкви ты не былъ. Думаю, здоровъ ли?

— То-есть, не пьянъ ли?

— Да, конечно... Потому что это теперь для тебя очень вредно..

— А почему это?

— Да потому, что тебя тогда обкрутятъ... Живьемъ возьмутъ...

— А что-жъ, ты думаешь, что это ужъ такъ плохо?

Знойко съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Вотъ такъ мысли... Откуда это?

— Изъ головы, братъ Знойко.

— А что, не было ли какихъ попытокъ?

— Попытокъ? Съ чьей стороны?

— Ну, не знаю... Можетъ быть, со стороны эконома... Можетъ быть, приданое хорошее предложилъ...

— А я выгналъ бы его изъ квартиры, я бы его съ лѣстницы спустилъ...

— А отчего же такія мысли?

— Да вѣдь голова-то—что постоялый дворъ. Мысли—что пріѣзжіе гости... Одинъ уѣхалъ, другой пріѣхалъ... Не услѣдить, кто откуда прибылъ и куда укатилъ...

— Это очень умно сказано. Право, Константинъ, тебѣ трезвость на пользу идетъ. Вотъ ты уже больше мѣсяца не пьешь и куда умнѣе говорить сталъ. Мнѣ нравится это сравненіе головы съ постоялымъ дворомъ. Не у всякаго такая голова, но у тебя дѣйствительно постоялый дворъ.

Посидѣлъ у него Знойко съ полчаса и, убѣдившись, что онъ трезвъ, ушелъ.

А когда онъ ушелъ, Кудахтенко вдругъ самъ себѣ удивился: «Почему же это я ничего не сказалъ Знойку о томъ, что приходила Антонина. Вотъ странно. Все говорилъ ему, рѣшительно все, а вотъ этого не сказалъ... Прямо удивительно»...

И главное—онъ чувствовалъ, что если бы Знойко сейчасъ вернулся, онъ опять бы не сказалъ ему. Было въ этомъ что-то такое, что онъ хотѣлъ оставить только для самого себя. Что именно, почему, и въ чемъ главный смыслъ того, что произошло сегодня, онъ не понималъ и не умѣлъ даже вникнуть въ это. Голова его привыкла работать надъ простыми вопросами обыденнаго существованія. Ничего головоломнаго не представлялось ему. Бывало это, несомнѣнно бывало, но подобные вопросы являлись къ нему въ видѣ какого-то мрачнаго тумана, въ видѣ черной тоски, которая тучей набѣгала на него, и онъ зналъ отъ нея только одно средство—пьянство.

Но то была своя тоска, а это чужая. Въ ней было что-то новое, непонятное, необъясненное.

Стоялъ передъ нимъ ясный образъ женщины, исхудавшей, смертельно блѣдной и плачущей. Она стояла передъ нимъ на колѣняхъ, въ глазахъ ея была мольба... Она говорила о своей погибшей жизни, о томъ, что ей нечѣмъ жить. Она смотрѣла ему въ глаза и ждала отъ него отвѣта.

«Отрѣшите меня отъ жизни»... И вотъ это: «Я буду у васъ слугой... Буду готовить обѣдъ... Не буду показываться вамъ на глаза, только возьмите, возьмите»...

Какъ разобраться во всемъ этомъ человѣку, который во всю жизнь имѣлъ дѣло только съ своимъ горемъ, только съ своей тоской и никогда не стоялъ лицомъ къ лицу съ чужимъ страданіемъ!

А въ душѣ его были затронуты и уже начали тихо звучать какія-то сочувственныя струны... Но онъ еще не понималъ этихъ звуковъ, да и звуки были нестройные, спутанные, смѣшанные.

Но они были ему дороги, и онъ не хотѣлъ, чтобы ихъ слышалъ кто-нибудь другой, даже благорасположенный къ нему Знойко.

А Знойко присматривался къ нему въ послѣдніе дни и тревожился. Ходилъ Кудахтенко какъ-то совсѣмъ особенно. Прямо, можно сказать, небывало. Въ прежнее время, когда на него находила тоска, уже за нѣсколько дней можно было предсказать, что онъ запьетъ. Онъ былъ мраченъ, какъ ночь, брови сдвинуты, зубы стиснуты. Онъ упорно молчалъ. Если къ нему обращались, онъ отвѣчалъ односложно, сердито и всегда какъ-нибудь грубо.

Теперь совсѣмъ другое. Онъ, видимо, былъ задумчивъ, но въ глазахъ его при этомъ была какая-то мягкость, просвѣтлѣніе. Голова его не была опущена, брови не были сдвинуты. Онъ и теперь молчалъ, но, когда обращались къ нему, отвѣчалъ тихимъ голосомъ, кроткимъ и яснымъ.

Никакъ не могъ понять Знойко этой перемѣны въ немъ и не былъ въ состояніи догадаться: запьетъ онъ или нѣтъ. Онъ какъ-то спросилъ его:

— Что братъ, Константинъ, надвигается?

— Кто? Что?

— Туча мрачная?

— Нѣтъ, этого не чувствую,—отвѣтилъ Кудахтенко.

— Стало быть, не запьешь?

— Не предвидится.

— А что же это? Почему такая задумчивость?

— Совсѣмъ другое.

— Да я вижу, что другое, но не знаю что.

— Самъ еще не знаю, оттого и объяснить не могу. Но насчетъ пьянства не опасайся. Не предстоитъ.

Прошла недѣля со времени посѣщенія Кудахтенка Антониной. Кудахтенко боролся, и даже отчаянно. Впечатлѣніе блѣднаго лица съ горящими глазами, съ молящимъ взглядомъ ни на минуту не оставляло его и слова: «Отрѣши меня отъ жизни», постоянно повторялись въ его душѣ. Но видѣлъ, что съ этой стороны ему грозитъ нѣчто, изъ чего уже не вырвешься. И прежній взглядъ на жизнь, взглядъ человѣка равнодушнаго, привыкшаго думать только о себѣ, боролся съ этимъ новымъ ощущеніемъ. Онъ не поддавался, а новое ощущеніе незамѣтно какъ бы подкатывалось подъ него, подмывало его, и онъ, самъ того не подозрѣвая, слабѣлъ въ своей позиціи съ каждымъ днемъ.

Онъ говорилъ себѣ: нѣтъ, нѣтъ, никогда.

А въ головѣ его, точно чужія, одна за другой протекали мысли: Что ты бережешь, жалкій ты человѣкъ? Одинокую, сумрачную, безцѣльную пьяную жизнь? Да чего-жъ тебѣ жаль въ ней? Твоей свободы? Ха-ха... Свободы два раза въ мѣсяцъ пьянствовать, впадать въ забвеніе, доходящее до такого унизительнаго состоянія, когда съ тобой могутъ сдѣлать, что хотятъ! Свободы!...

И развѣ не ты виноватъ въ томъ, что вотъ другой человѣкъ, уже совсѣмъ неповинный и безпомощный, впалъ въ отчаяніе и молитъ объ «отрѣшеніи отъ жизни?»

Ты винишь экономa... Но развѣ экономъ могъ что-нибудь съ

тобой сдѣлать, если бы ты самъ не махнулъ на себя рукой и не довелъ себя до такого паденія, когда тебѣ нѣтъ дѣла до себя, до своей жизни и до всего на свѣтѣ.

Да ты только подумай о томъ, что, проживъ уже сорокъ лѣтъ, ты до сихъ поръ не сдѣлалъ ни одного хорошаго дѣла! А тутъ тебѣ предстоитъ спасти душу человѣчью, жизнь подарить... Вѣдь вотъ она—служанкой готова быть, ничего отъ тебя не требуетъ, работать на тебя готова. И видишь, какая твердая у нея душа. Пошла къ вѣнцу, уже вся отдалась, чувствуетъ себя принадлежащей тебѣ... Подумай, какая передъ тобой открывается неисчерпаемая теплота душевная, преданность, близость... Подумай, подумай... Вотъ тебя хотѣли силой взять, ты не дался. А тутъ ты поступи хорошо по своей собственной волѣ.

Такъ думалъ въ немъ другой человѣкъ. Но этотъ другой человѣкъ былъ вѣдь онъ самъ, другая сторона его души. И она все больше и больше выплывала на поверхность, и, наконецъ, маленькій духовный міръ губернскаго города былъ пораженъ удивительнымъ событіемъ.

XIII.

Это былъ праздничный день. Кудахтенко пришелъ къ Знойку. Тотъ взглянулъ на него и изумился. На немъ были необыкновенно чистый воротничекъ и манжеты. Сюртукъ, обыкновенно грязный и измятый, былъ тщательно вычищенъ, выглаженъ. Борода расчесана. Усы приглажены.

Въ такомъ видѣ онъ былъ даже недуренъ собой. Изъ-подъ усовъ теперь выглянули губы толстыя, мясистыя и въ сущности, если къ нимъ присмотрѣться, добродушныя.

— Что это ты такъ разрядился, другъ?—спросилъ его Знойко.

— Иду къ отцу протоіерею-смотрителю,—сказалъ Кудахтенко.

— Да? Съ визитомъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ по другому.

— Такъ зачѣмъ же это?

— А вотъ посмотри. Хотѣлъ прямо пойти, да подумалъ, что ты мнѣ другъ, такъ надо тебѣ сказать. А то будешь имѣть право обидѣться.

Онъ вынулъ изъ кармана сложенный вчетверо листъ бумаги и отдалъ Знойку. Знойко развернулъ, сталъ читать, и лицо его принимало все больше и больше недоумѣвающее выраженіе. Въ бумагѣ было написано:

«Его высокопреподобію смотрителю Н—скаго духовнаго учили-

ща. Учителя Константина Аполлоновича Кудахтенка прошеніе. Желая ходатайствовать передъ начальствомъ о рукоположеніи меня въ санъ іерея, имѣю честь покорно просить объ увольненіи меня отъ должности учителя. Константинъ Кудахтенко».

— Что-о?—спросилъ Знойко, подозрительно осматривая его со всѣхъ сторонъ.

— Да, вотъ это самое,—отвѣтилъ Кудахтенко.

— А ты ничего не хватилъ?

— Рѣшительно ничего.

— Ни одной рюмки?

— Ни единой.

— А погоди-ка... Дай-ка изслѣдовать...

Знойко подошелъ близко къ его лицу и втянулъ въ себя воздухъ. Нѣтъ, ни малѣйшаго запаха водки не было слышно.

— Да что же все это значитъ?

— Такъ. Пришелъ къ заключенію.

— И безповоротно?

— Безповоротно.

— Значитъ, признаешь женитьбу?

— Признаю.

— Ну, вотъ что, Константинъ, коли признаешь, значитъ, у тебя есть основаніе. Это дѣло твоей души. А потому отговаривать и обсуждать не стану. Да и къ тому же мы сами иногда не знаемъ, что для насъ лучше, а что хуже, а для такого человѣка, какъ ты, особенно. Но разскажи же мнѣ, какъ ты къ этому пришелъ.

— Какъ пришелъ, братъ? Да вотъ видишь ли, это дней десять что ли тому назадъ, явилась ко мнѣ Антонина... Да, когда-бъ ты видѣлъ, какая она была... Щепка, братъ, и блѣдная какъ смерть, а глаза горятъ, а слезы градомъ. Да, пришла и говоритъ: ничего, говоритъ, не требую, а только жить больше не могу. А какъ моя жизнь послѣ вѣнчанія отдана вамъ, то... Вотъ тутъ братъ она такія слова сказала, которыя у меня вотъ уже двѣ недѣли коломъ торчатъ: «Отрѣшите меня отъ жизни». Думалъ я надъ этими словами, думалъ, ходилъ, ходилъ и доходился, вотъ видишь, до чего. Видишь ли, надо только одинъ разъ глубоко взглянуть. Понимаешь? Въ жизни мы смотримъ по поверхности и сверху оно кажется гладко, да чисто, и, кажется, можно такъ жить до смерти. А одинъ разъ взглянулъ глубоко и видишь—тамъ гады и всякая нечисть. Ну, и уже тогда навѣки тебѣ спокойствія нетъ противно. Такъ и я. Увидѣлъ страданіе, настоящее, братъ, не вное, которое все на виду, увидѣлъ, что человѣкъ теряетъ жизнь и что я однимъ поворотомъ пальца могу вернуть эту жизнь... А что

мнѣ стоитъ этотъ поворотъ? Подумай, съ чѣмъ я разстаюсь. Экая прелесть: жизнь одинокаго волка... А, можетъ быть, я и тоску ощущаю и въ пьянство впадаю оттого, что ни для кого ничего не сдѣлалъ... Вотъ оно что.

— И ты уже это все устроилъ съ нею, съ женой-то?

— Нѣтъ, пока еще ничего. Устрою здѣсь, тогда уже тамъ. Надо, чтобы все уже было кончено, а то вѣдь у нея сомнѣніе будетъ. Человѣкъ-то я невѣрный. Эхъ, братъ, Знойко, еслибъ ты слышалъ, какъ она говорила: ничего, говоритъ, не требую, а только уголокъ... Чтобы люди не смѣли думать, что я этакъ-то брошена и чтобы не смѣли жалѣть меня и говорить «ахъ, бѣдная». А я вамъ, говоритъ, служанкой буду... Вотъ какъ было... Ну, до свиданія. Иду къ смотрителю.

— А эконому объявилъ?

— Никому не говорилъ. Зачѣмъ? Вѣдь вообразитъ, что меня убѣдило его приданое... Нѣтъ, пусть всѣ знаютъ, что я это добровольно.

И онъ простился съ Знойкомъ, который никакъ не могъ отдѣлаться отъ изумленія. Резоны, которые представилъ Кудахтенко, были для него далеки отъ убѣдительности. Самъ Константинъ Аполлоновичъ не умѣлъ разсказать вполнѣ ясно все, что пережилъ. Но для него это было убѣдительно.

Онъ отправился въ училище и явился къ смотрителю. Протоіерей встрѣтилъ его пытливымъ взглядомъ. Хорошо вычищенный сюртукъ, расчесанная борода, аккуратный видъ и на него произвели впечатлѣніе. И онъ старался заранѣе проникнуть въ смыслъ этого посѣщенія.

— А, очень пріятно...—сказалъ онъ любезно.—Чѣмъ объяснить вашъ визитъ, Константинъ Аполлоновичъ?

Кудахтенко не разсчитывалъ пускаться здѣсь въ дальніе разговоры.

— Вотъ, отецъ протоіерей, мое прошеніе,—сказалъ онъ.

— Прошеніе? О чемъ же?

— Прошу васъ прочитать.

Смотритель сталъ читать.

— Въ отставку? Какая же причина?

— Да читайте ужъ до конца, отецъ протоіерей.

— А-а... Желаете просить сана... Это что же, въ монахи собираетесь?

— Какъ же въ монахи? Тамъ ясно сказано: іерейскій санъ.

— Ахъ... Стало быть... Смѣю догадываться,—говорилъ протоіерей съ какимъ-то расцвѣтающимъ лицомъ:—Смѣю догадываться,

что рѣшили пойти на мировую? Отецъ экономъ будетъ очень радъ. Это ему доставитъ большое удовольствіе.

— Я не имѣлъ въ виду доставлять удовольствіе отцу эконому.

— Но онъ, надѣюсь, знаетъ?

— Нѣтъ, онъ не знаетъ. Я ему не говорилъ. Я прошу васъ, отецъ протоіерей, не задержать исполненіе... Я хотѣлъ бы поскорѣе.

— О, въ этомъ вы можете быть увѣрены, Константинъ Аполлоновичъ! И вотъ еще, когда будете просить о приходѣ, имѣйте въ виду, что я готовъ оказать вамъ всякое содѣйствіе. Знаете, разные приходы бываютъ. Если похлопотать, гдѣ слѣдуетъ, то можно и въ городѣ получить.

— Очень вамъ благодаренъ, отецъ протоіерей.

Кудахтенко имѣлъ не особенно любезный видъ. Ему не нравилось слишкомъ предупредительное обращеніе протоіерея и то, что онъ прежде всего подумалъ объ экономѣ, даже забылъ о самомъ важномъ лицѣ въ этомъ дѣлѣ, объ Антонинѣ. Онъ вѣжливо раскланялся и вышелъ.

Онъ отправился домой. Едва прошло полчаса, какъ раздался быстрый звонокъ, потомъ стукъ въ дверь, и къ нему влетѣлъ экономъ.

Онъ былъ страшно и радостно взволнованъ. Онъ прямо бросился къ Кудахтенку въ объятія, и какъ тотъ деликатно ни отстранялся, а пришлось всетаки принять его.

— Голубчикъ, Кудахта, Костикъ милый... Ну, вотъ! Давно бы такъ! Ну и успокоилъ же ты мое сердце, охъ, какъ успокоилъ, а еслибъ ты зналъ, какъ я измучился. Ой-ой.

— Погоди,—сказалъ Кудахтенко, осторожно высвобождаясь изъ его объятій.—Знаю, что тебѣ это дорого стоитъ, но все равно это нисколько не уменьшитъ подлости твоего поступка.

Кудахтенко сказалъ это очень твердо, хотя и безъ гнѣва, но экономъ ни капли не обидѣлся. Онъ только махнулъ рукой.

— Э-э, о томъ лучше не будемъ вспоминать. То зарыто въ землю. Но нѣтъ, ты скажи мнѣ, чѣмъ же я тебя за это отблагодарю? Ужъ не знаю, чего я пожалѣлъ бы.

— Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, не благодари. Знай, что это я по своей волѣ дѣлаю, и ты ужъ здѣсь не при чемъ.

— Нѣтъ, какъ можно, надо, надо... Антонина мнѣ племянница, и я имѣю право дать за ней приданое. Ну, такъ вотъ тысячу рублей даю. Ужъ изъ души выдеру, а дамъ.

— Слушай, отецъ экономъ, — очень серьезно сказалъ Кудахтенко,—для чего это тебѣ хочется пока еще чистое и недурное дѣло временно запачкать своей грязью.

— Грязью? Да что ты! Я отъ чистаго сердца...

— Ну, не будемъ спорить о чистотѣ твоего сердца. Приданаго я отъ тебя не возьму и говорить объ этомъ перестанемъ.

— Не возьмешь, ну, какъ хочешь... А какъ же она отнеслась? Я думаю, рада. Съ ума сошла отъ радости. Но разскажи мнѣ, какъ ты ей сказалъ.

— Она еще не знаетъ. Я не говорилъ ей.

— Какъ, она не знаетъ? И ты такой жестокій, ты можешь томить ее? Ай, ай! Ну, я сейчасъ туда поѣду и скажу ей, непремѣнно скажу...

— Нѣтъ, ради Бога не ѣзди. Я самъ скажу, когда наступитъ время.

— Экій ты всетаки странный...

— Я всегда былъ для тебя странный, а ты для меня...

Но экономъ просьбы не исполнилъ, а поѣхалъ-таки въ пригородъ. Здѣсь появленіе его произвело непріятное впечатлѣніе. Дьякъ со времени вѣнчанія питалъ къ нему глубокое недовѣріе. А Антонина прямо не могла его видѣть. Но онъ пріѣхалъ не съ пустыми руками и имѣлъ полную возможность разыграть благодѣтеля.

Антонина была здѣсь. Экономъ прямо сказалъ:

— А я съ новостью. Нашъ Кудахтенко подалъ въ отставку.

Антонина вытянула шею и замерла. Все, что касалось Кудахтенка, пробуждало въ ней глубокое вниманіе. Но дьякъ сказалъ равнодушно:

— А пропади онъ, твой Кудахтенко.

— Нѣтъ, зачѣмъ же ему пропадать? Онъ намъ еще пригодится и очень даже... Подалъ въ отставку. Хочу, говоритъ, іерейскій санъ принять и на приходѣ жить.

— Вишь ты... Іерейскій санъ... Что же, онъ сперва развѣнчается, что ли, а потомъ опять женится?—сказалъ дьякъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ? Я, говоритъ, уже повѣнчанъ. У меня жена есть.

Тихій крикъ вырвался изъ груди Антонины, ноги ея подкосились, она опустилась на диванъ.

— И что врать-то, экономъ,—довольно грубо сказалъ дьякъ и закашлялся.—И такъ вонъ истерзали дѣвушку, а ты еще съ своими шутками.

— Не вру и не шучу, а чистая это правда. Сейчасъ у смотрителя былъ, самъ прошеніе подалъ. Я къ нему побѣжалъ, въ объятіяхъ его держалъ... Только онъ запретилъ мнѣ ѣздить къ вамъ. Говоритъ:

все устрою и тогда самъ скажу и возьму ее оттуда. Торопится очень. Смотритель просилъ отставку не задержать.

— Неужто... правда это?—тихимъ, дрожащимъ голосомъ спросила Антонина.

— Правда, милая, правда,—очень серьезно и даже съ чувствомъ сказалъ экономъ.—Неужели же бы я сталъ морочить тебя. Правда, одумался. Богъ его знаетъ, что ему помогло, а одумался. Благодарю тебя, Господи. И меня вызволилъ изъ бѣды... Да... И вотъ что, Антонина, я ему предложилъ вродѣ какъ бы приданое за тобой, а онъ отказался. Ну, это онъ по глупости. Такъ я тебѣ отдамъ... Вотъ даже и сейчасъ могу дать... Пятьсотъ рублей ассигновалъ... Потомъ онъ одумается и спасибо скажетъ.

Экономъ даже и самъ не замѣтилъ, какъ уменьшилъ сумму приданаго вдвое.

Антонина отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, дядя, спасибо, а только я не возьму.

— Съ чего же это такая гордость? Имѣй въ виду, что у него ничего нѣтъ. Жалованье получалъ маленькое, всего шестьдесятъ рублей, а на одну водку половину тратилъ.

— Онъ отказался, такъ, стало быть, и я не имѣю права брать. Ужъ какъ онъ, такъ и я.

— Ну, какъ хочешь. Мнѣ больше останется...—съ легкимъ оттѣнкомъ обиженности сказалъ экономъ.—А только вы ему не говорите, что я заѣзжалъ. Пусть ужъ будетъ по его. Охъ, и облегчилъ же онъ мою душу! Вотъ какъ облегчилъ!

И когда экономъ ѣхалъ домой, у него былъ рѣшительно побѣдоносный видъ. Онъ дѣйствительно сегодня завоевалъ многое.

Кудахтенко твердо шелъ къ своей цѣли. Онъ старался, какъ можно точнѣе и безъ малѣйшихъ уклоненій, выполнить свой планъ, и у него въ этомъ дѣлѣ явился даже своего рода фанатизмъ.

Всѣхъ удивляло его перерожденіе. Всѣ знали, что существуетъ на свѣтѣ такой чудакъ, ярый ненавистникъ женщинъ, и говорили, что его золотыми розсыпями не соблазнишь на духовный санъ. Кромѣ того, неофиціально знали и самую исторію.

И вотъ, когда онъ приходилъ въ консисторію хлопотать о мѣстѣ, чиновники сходились смотрѣть на него, какъ на чудо.

Смотритель повторилъ свою готовность устроить ему городское мѣсто. Но Кудахтенко сказалъ:

— Нѣтъ, я въ деревню хочу. Въ городѣ я жить не умѣлъ, можетъ, въ деревнѣ процвѣту.

И вотъ, ему назначили приходъ верстахъ въ тридцати отъ губернскаго города. Былъ назначенъ день для рукоположенія въ діакона, а черезъ недѣлю и въ священника.

Наканунѣ этого дня Кудахтенко поѣхалъ въ церковный домъ пригородной церкви. Онъ явился, когда дьякъ былъ на требѣ, а Антонина во дворѣ развѣшивала на веревкѣ бѣлье. Не найдя никого въ домѣ, онъ отправился во дворъ. Антонина, какъ увидѣла его, обомлѣла и уронила на землю мокрыя полотенца, которыя держала въ рукахъ.

— Константинъ Аполлоновичъ... Охъ, вотъ съ чѣмъ вы меня застали...

— Это ничего... Это все равно, Антонина, — сказалъ Кудахтенко.

— Такъ пожалуйте уже въ комнату. Вотъ, и отца нѣтъ... Только онъ скоро придетъ...

Они пошли въ комнату. Антонина все-таки забѣжала въ кухню. Тамъ она перемѣнила передникъ и привела себя въ порядокъ.

— Ну, вотъ,—промолвилъ Кудахтенко,—хотя я и просилъ эконома не говорить вамъ, но онъ, навѣрно, не выдержалъ. Да и въ городѣ говорятъ объ этомъ... Мы сдѣлали цѣлое событіе,—съ улыбкой прибавилъ онъ.—Такъ вотъ: завтра въ дьякона рукополагаюсь, а черезъ недѣлю и во священника.

— Слава Тебѣ Господи. А дальше какъ будетъ?—робко, неувѣреннымъ голосомъ спросила Антонина.

— А дальше поѣдемъ въ деревню Карнаевку, что въ тридцати верстахъ отсюда, и будемъ жить на приходѣ. Вотъ и все. Значитъ, Антонина,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой,—я не могу исполнить ваше желаніе: «отрѣшить васъ отъ жизни».

— Господи, — прошептала Антонина, и глаза ее наполнились слезами.

— Что же это? Вы, кажется, плачете?

— Это отъ радости, Константинъ Аполлоновичъ... Отъ радости, что Богъ внушилъ-таки вамъ такое намѣреніе... Подумалъ Онъ, значитъ, и обо мнѣ...

— Слушай же, Антонина,—сказалъ Кудахтенко, вдругъ какъ-то, неожиданно для самого себя, переходя на ты:—ты знаешь, что у меня есть пагубное пристрастіе. Я далъ себѣ слово бороться съ нимъ до послѣдней возможности. Надѣюсь на деревенскій воздухъ и деревенскую здоровую жизнь. Но если прорвусь и иногда... Тогда ужъ будь ко мнѣ снисходительна.

— О, Господи... Какъ нянька, ходить за вами буду... Да развѣ

можно къ своему близкому не снисходить? Во всемъ снисходить должны другъ къ другу, а иначе и жить нельзя!

— Ну, вотъ и хорошо. Такъ говори же мнѣ ты. Пусть все будетъ такъ, какъ слѣдуетъ.

Пришелъ дьякъ. Этотъ попросту началъ крестить Кудахтенка и Антонину и цѣловать зятя. Онъ говорилъ по обыкновенію о своихъ болѣзняхъ и о смерти, радовался, что дочь устроена, что этотъ камень упалъ съ его души.

На другой день въ соборной церкви рукополагали Кудахтенка. Изъ церкви онъ вышелъ преображенный. Сверхъ общаго ожиданія длинная ряса удивительно пошла къ его волосатому лицу, только путался онъ въ ней ногами неимовѣрно.

Эту недѣлю и еще нѣсколько дней послѣ рукоположенія во священника, онъ прожилъ на своей прежней квартирѣ, но каждый день ѣздилъ въ пригородъ и проводилъ тамъ нѣсколько часовъ.

Экономъ-таки кой-что сдѣлалъ по части приданаго. Онъ купилъ Антонинѣ бѣлье, подарилъ ей два платья, и это все Антонина приняла отъ него. А кромѣ того, онъ отправилъ въ Карнаевку цѣлыхъ три воза необходимой мебели, такъ какъ догадывался, что церковный домъ, въ которомъ имъ придется жить, былъ, конечно, пустъ.

Провожали ихъ старый дьякъ, экономъ и Знойко. Остальнымъ учителямъ Кудахтенко не далъ знать. Вообще ему надоѣло быть предметомъ общаго любопытства. Онъ старался какъ можно скорѣе и безъ шума уѣхать изъ города.

Скоро учительскіе обѣды у эконома возобновились, и такимъ образомъ произошло полное возстановленіе эконома во всѣхъ его правахъ.

А въ деревнѣ жизнь пошла тихая, спокойная, сѣрая и правильная, какъ хорошо заведенные часы.

Изъ Кудахтенка получился, какъ говорилъ про него благочинный, «пастырь умѣреннаго достоинства». Онъ не проявлялъ особеннаго рвенія, но выполнялъ всѣ свои обязанности.

Къ пьянству въ томъ видѣ, какъ это бывало въ городѣ, онъ не возвращался, но случалось, что выпивалъ. Тогда Антонина дѣйствительно ухаживала за нимъ, какъ за ребенкомъ, сносила всѣ его капризы и нелѣпыя выходки, а онъ на другой день, когда приходилъ въ себя, цѣнилъ это. И эти уклоненія становились все рѣже и рѣже.

У нихъ родилось двое дѣтей.

И. Н. Потапенко.

Памяти А. П. Чехова.

Въ странѣ чужой, въ борьбѣ съ недугомъ злымъ
Угасъ поэтъ—прекрасный и печальный,
Пропѣвшій намъ про отблескъ счастья дальній,
Про лучъ зари и свѣтлый день за нимъ.
Но ночь пока была еще темна,
И путь тернистъ, что велъ къ завѣтной дали,—
И вотъ его слова, исполнены печали,
Какъ жалоба на жизнь, надъ міромъ прозвучали,
И даже радость въ нихъ казалася грустна...
Грустна, какъ все, что видѣлъ онъ вокругъ,
Но что предать тогда лишь могъ забвенью,
Когда ушелъ отъ насъ страдальческою тѣнью
Онъ—нашъ незнаемый, но самый близкій другъ!
Его ужъ нѣтъ теперь.—Но для грядущихъ дней,
Для тѣхъ, кто будутъ жить мечтою обновленья,
Онъ будетъ памятенъ и горестью своей,
И грезой свѣтлою, и грустнымъ зовомъ къ ней,
И тѣмъ, что завѣщалъ предъ смертью—возрожденье.

Ал. Діесперовъ.

НОЧЬ НА ГОВОРУНѢ.

(Изъ уральскихъ воспоминаній.)

Рыба совсѣмъ перестала клевать. Сложивъ удочки, я всталъ и съ наслажденіемъ расправилъ свои онѣмѣвшіе отъ долгаго сидѣнья члены.

Солнце только что скрылось за горизонтомъ, и западъ, какъ заревомъ пожара, горѣлъ багровымъ свѣтомъ. По вышинѣ небесъ, гдѣ нѣжно-розовые тона мѣшались въ чудномъ сочетаніи съ свѣтло-голубыми, плыли легкія и золотыя, какъ мечтанья юности, облака. Неподвижный прудъ сладко дремалъ въ зеленыхъ берегахъ, надъ которыми вырисовывались далекіе силуэты пологихъ Уральскихъ горъ. Тихій воздухъ, казалось, насторожился, чутко внимая разнообразію звуковъ: слышались легкіе всплески воды—то рѣзвились стада еще неугомонившейся мелкой рыбешки; гдѣ-то, въ камышахъ, крякала утка; изъ лѣсу глухо звучалъ отдаленный топоръ; тоскливая пѣсня неслась отъ селенія, то совсѣмъ замирая, то вспыхивая яркой струей живого, жгучаго страданія.

Роднымъ, близкимъ вѣяло отъ окружающаго. Душу щемило грустью, и въ то же время такъ было хорошо, что хотѣлось кому-то крикнуть объ этомъ полной грудью.

Вытаскивая колъ, къ которому привязана была лодка, я вдругъ вспомнилъ, что оставилъ на берегу топоръ. Мнѣ стало досадно: возвращаться было далеко, а пристроиться къ чужому костру не хотѣлось, потому что я мечталъ провести эту ночь въ интимной бесѣдѣ съ самимъ собой. Я еще раздумывалъ, что мнѣ предпринять, когда услышалъ сзади плескъ веселъ. Мимо плыла маленькая лодочка, въ которой сидѣли двое: на веслахъ—дюжій мужикъ въ красной рубахѣ и дырокополой соломенной шляпѣ, а на кормѣ — мальчикъ, лѣтъ шести-семи, не больше. Онъ низко опустилъ голову и, повиди-

мому, сладко дремалъ. Гребецъ посмотрѣлъ на него черезъ плечо и сказалъ:

— Куды ты правишь, Валька? Правяя держи!

Мальчикъ встрепенулся и повернулъ лодку.

— Скажи мнѣ, куды ты поѣхалъ-то? Въ Рострубье ты поѣхалъ—вотъ куды ты поѣхалъ! А намъ на Говорунъ надо. И разъясни мнѣ теперь, пошто ты на Говорунъ... то бишь, въ Рострубье-то поѣхалъ? а? Ну, чё бы мы тамъ, въ болотѣ, дѣлать стали? Ахъ, ты чудакъ, чудакъ! Прямой ты чудакъ и есть! Ну, что же ты молчишь, вѣдь я съ тобой говорю? Задремалъ, видно?

— Задремалъ, тятенька!—робкимъ голоскомъ отвѣтилъ мальчикъ.

— То-то вотъ и оно-то! А ты не дремли—недолго ужъ теперь.

—«Охъ, ты вина мимо не лей,
Да по головушкѣ не бей!»...

затянулъ онъ рѣзкимъ голосомъ и вдругъ оборвался. По его тону я заключилъ, что онъ сильно навеселѣ.

— Поѣду за ними!—рѣшилъ я и налегъ на весла.

— Куды путь держишь, господинъ?—крикнулъ мнѣ мужикъ, замѣтивъ, что я упорно слѣдую за ними.

— На Говорунъ. А что?

— То-то, молъ, туда ровно. Вмѣстѣ заночуемъ, значитъ. Митричъ намъ рыбки на ушку дастъ.

— У меня есть.

— Самъ надергалъ?

— Самъ.

— Молодчага ты! Видно, раненько выѣхалъ? А мы вотъ съ парнишкой запоздали, такъ и поудить не пришлось. Ершиковъ до пятка достали все же!

— А какого это ты Митрича поминалъ?—полюбопытствовалъ я.

— Рыбакъ одинъ. Дальной сродственникъ мнѣ доводится. Цѣлое лѣто онъ тутъ проживаетъ. Землянку на Говорунѣ важненькую смастерилъ, въ непогоду укрыться, али отъ комарья—распрекрасное дѣло! Раньше онъ у насъ на заводѣ робилъ, а потомъ ушелъ, отъ злосчастій отъ своихъ ушелъ, потому очень онъ злосчастный.

— Чѣмъ же это?

— Семья большая была, потомъ всѣ въ разъ почти примерли, а старшій сынокъ безъ вѣсти пропалъ. Много тутъ всего было, и не перескажешь.

Мы подъѣзжали. Впереди, на темномъ фонѣ, загорѣлся, мигая,

слабый огонекъ... все ярче, ярче... Изъ сплошной массы выдѣлились стволы освѣщенныхъ деревьевъ. Мелькнула чья-то фигура. Берегъ сразу оживился и манилъ къ себѣ: тамъ былъ не одинъ то задумчивый и сумрачный, то грозно шумящій подъ дыханіемъ бури лѣсъ,— тамъ были люди, стучалъ топоръ, раздавались голоса, и мѣсто, дотолѣ дикое, стало казаться привѣтливымъ и уютнымъ.

Мой путникъ тихонько спросилъ:

— Кто ѣдетъ?

И потомъ громко выкрикнулъ:

— Сте-панъ!

Звучное эхо отвѣтило:—«панъ!»

— О-хо-хо-хо!—разразился онъ, довольный своей шуткой, и въ лѣсу сотней переливовъ загудѣло:—«хо-хо-хо!»

Я улыбнулся наивно-дѣтской радости мужика и спросилъ:

— Тебя Степаномъ зовутъ?

— Такъ точно.

— А по батюшкѣ?

— Матвѣичемъ.

— Степанъ Матвѣичъ. Помнить буду.

— Вамъ оно и помнить не къ чему, потому имя-то мое не для всѣхъ одинако: кому—Степанъ Матвѣичъ, кому — Степанъ, а кому— Степка-Жуланъ! Жулановъ я по фамиліи-то, значитъ.

— Ну, мнѣ Степаномъ Матвѣичемъ будешь.

— Тебѣ лучше знать.

Мы пристали къ Говоруну. Это былъ глубоко вдавшійся въ воду мысокъ. Въ одну сторону отъ него тянулись камыши, въ другую— высокій берегъ, покрытый вѣковымъ хвойнымъ лѣсомъ. Самъ Говорунъ густо поросъ липами, къ которымъ кой-гдѣ примѣшивались сосны, раскинувшія свой шатеръ, казалось, подъ самымъ небомъ. Липы были въ цвѣту, и ихъ ароматъ опьянялъ и туманилъ голову. Несмотря на полное, повидимому, отсутствіе вѣтра, слышалось легкое и нѣжное, какъ лепетъ ребенка, клокотанье воды между камнями, которые во множествѣ торчали надъ поверхностью.

— Вишь вотъ онъ, будто и тихо, а она урчитъ—разговариваетъ, значитъ,—вода-то! Потому по самому и мѣсто это Говоруномъ прозвали,—объяснилъ мнѣ Степанъ, вытаскивая лодку на песокъ.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега разложенъ былъ костеръ, красноватый отблескъ котораго падалъ на стоявшій стѣной лѣсъ, сверкая и дробясь яркими блестками на листьяхъ липъ, на крошечную избушку, робко пріютившуюся у высокаго камня, который былъ покрытъ узорчатымъ ковромъ мха, и на лица людей, размѣстившихъ-

ся вокругъ. Ихъ было трое. Лицомъ къ берегу, на толстомъ полѣнѣ сидѣлъ высокій и широкоплечій старикъ. Опершись руками въ колѣни и низко опустивъ голову, онъ сидѣлъ неподвижно, словно высѣченный изъ камня. На немъ была мягкая войлочная шляпа, бѣлая рубаха изъ грубаго холста и кожаный, во многихъ мѣстахъ прожженный фартукъ, изъ-подъ котораго виднѣлись обдерганные, короткіе штаны и босыя ноги. Направо отъ него полулежали два юные гимназиста, судя по ихъ форменнымъ фуражкамъ, сильно сдвинутымъ на затылокъ. Они пили чай, попыхивая папиросами съ той преувеличенно развязной манерой, которая свойственна курившимъ втихомолку, за угломъ, и не успѣвшимъ еще свыкнуться со свободой своихъ дѣйствій.

— Митричу сорокъ одно съ кисточкой! Господамъ ученикамъ мое почтеніе!—весело привѣтствовалъ сидѣвшихъ Степанъ, протягивая всѣмъ руку.

— Немножко излишняя любезность! Какъ ты объ этомъ, Паша, думаешь?—проговорилъ одинъ изъ юношей.

— А я такъ, Сенечка, думаю, что всѣ мы подъ Богомъ ходимъ!—отвѣтилъ почему-то другой, и оба захохотали безтолковымъ смѣхомъ полнаго довольства собой и всѣмъ окружающимъ.

— Ты опять, Степанъ, пьяной, да и сюда съ водкой, поди?—не отрывая глазъ отъ огня, немного печальнымъ и укоризненнымъ тономъ произнесъ Митричъ.

— Захватилъ немножко!—смущенно сознался Степанъ и, помолчавъ немножко, добавилъ:

— Слабость людская!... Что съ ней подѣлаешь? Ты бы, Митричъ, рыбки на ушку далъ мнѣ, я заплачу.

— Не надобно мнѣ твоихъ денегъ—бери такъ. Одинъ али съ парнемъ?

— Съ парнемъ. Ванька, зачерпни воды въ котелокъ да иди сюда!

Вскорѣ въ освѣщенномъ пространствѣ показалась фигура мальчика, окутаннаго въ непомѣрно длинное и широкое пальто сѣраго цвѣта. Подавъ отцу котелокъ, онъ поздоровался съ Митричемъ, который ласково потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Дудочку я тебѣ обѣщалъ въ прошлый разъ—теперь распрекрасную, можно сказать, приготовилъ.

— Спасибо тебѣ, дяденька!—сонно отвѣтилъ ребенокъ и, отойдя въ сторону, тотчасъ же свернулся въ клубочекъ, а старый рыбакъ поднялся и началъ рубить дрова отъ бревна, лежавшаго неподалеку отъ костра. Движенія его были медленны, но замѣчательно сильны и красивы. Я залюбовался имъ, и когда онъ, подправивъ потухающій

огонь, сѣлъ на прежнее мѣсто, я придвинулся къ нему поближе и сталъ его внимательно разсматривать. Его лицо было мужественно и красиво. Волосы, выбивавшіеся прядями изъ-подъ шляпы, и длинная, окладистая борода густо подернуты были пепломъ сѣдины. Глубокіе въ своихъ орбитахъ глаза смотрѣли вдумчиво и печально. Онъ, должно быть, замѣтилъ мои пристальные взоры, устремленные на него, потому что покосился на меня и сказалъ:

— Ты что же это, добрый человѣкъ, гостемъ себя держишь? Здѣсь всѣ одинаковые хозяева. Рыбки не изволишь ли, у меня есть запасецъ?

— Спасибо. Я самъ наудилъ на уху.

— Ну, такъ и вари, благословясь.

— Подожду немного—ѣсть мнѣ не хочется да и спать тоже.

— Какъ знаешь.

Я легъ на траву и началъ смотрѣть въ ясное небо, разубранное чуть замѣтными звѣздочками. Разумъ, подобно волнамъ вечерняго полусвѣта, расплывался широко: какъ сквозь дымку, мелькали знакомыя лица, припоминались полузабытыя рѣчи, давно пережитыя настроенія и чувства. Я позабылъ окружающее.

Меня пробудилъ звонкій голосокъ одного изъ гимназистовъ:

— У-у, проклятые, жалятъ какъ! Чтобъ васъ кошки съѣли!

— Это вы насчетъ комара? — словоохотливо вмѣшался Степанъ.—Шибко онъ злющій нонѣ, комаръ-то! Кабы его по веснѣ холодкомъ пришибло—менѣ бы его было.

Мужику, очевидно, очень хотѣлось завязать разговоръ. Помолчавъ съ минуту и не получивъ отвѣта, онъ началъ самъ немного заискивающимъ тономъ:

— Вы простите меня, господа, ежели я, по неразумію своему, что лишнее сболтну, а только оченно для меня занятно поговорить съ вами! Вотъ обучаетесь вы наукамъ разнымъ, книжки читаете, а можете ли вы понимать все, какъ оно происходитъ? Напримѣрно... значитъ... какъ оно на самомъ дѣлѣ есть, чтобъ и понятіе у васъ въ головѣ такое же было? Да! Вотъ она, задача-то, въ чемъ. Какъ оно происходитъ, значитъ, на самомъ-то дѣлѣ, чтобъ такъ его и понимать, безъ обманки!

Я приподнялся на локтѣ и посмотрѣлъ на разговаривающихъ. Передъ Степаномъ стояла бутылка съ водкой. Самъ онъ сидѣлъ по-турецки, держа въ одной рукѣ огурецъ, а въ другой краюху хлѣба, и испытующе смотрѣлъ на собесѣдниковъ. Его маленькіе глазки были слегка прищурены, а ротъ кривился въ полуироническую, полусму-

щенную усмѣшку. Юноши переглядывались между собою, и на лицахъ ихъ выражалось недоумѣніе.

— А ты самъ можешь понимать все, какъ оно есть и безъ обманки?—спросилъ, наконецъ, Паша.

— Я-то?... Я-то, что? Я—неученый! А вотъ вы, люди практикованные, должны вникать!—съ нѣкоторой долей самодовольствэ промолвилъ Степанъ.—Примѣрно вотъ, есть такая наука—геометрія, а?

— Есть.

— И я знаю, что есть, а вы разъясненіе дайте, о чемъ она толкуетъ, что въ ней, значитъ, объясняется?

— Геометрія—это наука о звѣряхъ.

— Какъ такъ звѣряхъ?

— Да такъ. Въ ней разсказывается, какъ разные звѣри живутъ: слоны, тигры, лошади, коровы...

Паша говорилъ это съ самымъ серьезнымъ видомъ, и на лицѣ мужика отразилось такое изумленіе, что Сеня, уткнувшись головой въ пальто, беззвучно смѣялся, о чемъ свидѣтельствовали его неровно вздрагивавшія плечи.

— О звѣряхъ!... Вотъ тѣ фунтъ!—протянулъ Степанъ.—А мнѣ человѣкъ одинъ сказывалъ, что она насчетъ фигуръ обучаетъ: какъ, къ примѣру, циркулемъ али кронциркулемъ распредѣлить и размѣрять то и другое. Что она, значитъ, геометрія-то, и къ нашему ремеслу—токарному ли, слесарному ли взять—сродственна.

— Навралъ онъ тебѣ, братецъ ты мой, съ три короба, а ты и повѣрилъ!

— Та-а-акъ! Ну, ладно, а химія—это какая наука?

— Химія учитъ о насѣкомыхъ—муравьѣ, мухѣ, тараканѣ, блохѣ, напримѣръ.

— Одно я могу понимать: или вы надо мной надсмѣшки строите, или я, простой чернорабочій, больше вашего понимать могу, хоть вы свою образованность на шапкахъ и носите! Да-съ! Химія—это о составѣ, что изъ чего состоитъ, значитъ, и что къ чему слѣдуетъ. И у насъ въ лабораторіи на заводѣ анализъ дѣлаютъ: сколько, къ примѣру, въ рудѣ желѣза и прочихъ разнообразныхъ частей. Химія—она все можетъ. Вотъ это что у меня въ рукѣ? Полѣно—обыкновенное дерево, значитъ. Хорошо!... Полѣно... Ну, а дальше что? А дальше вотъ что: кладу я это полѣно на огонь, и оно горитъ. Какъ это нужно понимать? Мы понимаемъ такъ: горитъ полѣно, и больше никакихъ, а если вникнуть хорошенько, такъ оно... и не горитъ совсѣмъ. Очень просто! Не горитъ, а химія въ ёмъ мѣняется. Вотъ оно какъ! Было

полѣно, а стало что? Что стало, я спрашиваю? Огонь, пепелъ, зола и дымъ! Вотъ тутъ химія-то и есть—мѣняется она!

— А знаешь, что я тебѣ скажу, милый человѣкъ? По-моему, ты выпилъ лишнее, у тебя въ головѣ химія перемѣшалась, вотъ ты глупости и говоришь теперь!

Сеня окончательно не могъ сдержаться и громко расхохотался, а Степанъ опѣшилъ.

— И охота это тебѣ, Степанъ, на смѣхъ себя давать? Иль не видишь, что шута гороховаго они изъ тебя сдѣлали? Буди парнишку-то да иди лучше уху хлебать, давно упрѣла ужъ,—сказалъ Митричъ внушительно и рѣзко.

— Эхъ, робята, робята!—укоризненно промолвилъ Степанъ и вдругъ раздраженно закричалъ:

— Ванька, вставай, стервенокъ, уху хлебать!

Мальчикъ пошевелился.

— Не хочу я, тятя!

— Какъ такъ, не хочу? Что ты съ пустымъ брюхомъ дрыхнуть-то будешь, а завтра, чѣмъ свѣтъ, жрать запросишь. Вставай, говорю, погань этакая!

Онъ подбѣжалъ къ мальчику и толкнулъ его въ бокъ ногой. Тотъ мигомъ вскочилъ и заплакалъ.

— Эхъ, Степанъ!... Несообразный ты человѣкъ. Ну, къ чему ты съ дитей такъ? Развѣ это резонъ!—сурово укорилъ его Митричъ, а Степанъ злобно и язвительно закричалъ въ отвѣтъ:

— Молчи ужъ ты, святой! Туда же другихъ учить лѣзешь! Забылъ, видно, Александру-то? Аль она не твоя дочь была?

Я замѣтилъ при неровномъ свѣтѣ костра, какъ поблѣднѣлъ старый рыбакъ, какъ потухъ и опустился гнѣвный взоръ его глазъ, а глубокая морщинка между бровями стала еще глубже. Глухимъ, упавшимъ голосомъ сказалъ онъ:

— Грѣшно тебѣ поминать это! Не сужу я тебя, а молвилъ такъ, потому что знаю, сколь тяжелъ передъ Господомъ грѣхъ, что свершаемъ мы ежечасно противъ дѣтей нашихъ.

Мнѣ и раньше чудилось, что въ душѣ Митрича живетъ большое горе, теперь же я убѣдился въ этомъ, и на сердцѣ стало больно, какъ будто Степанъ уязвилъ не его, а меня. Я боялся продолженія этой тяжелой сцены и, чтобы не быть ея свидѣтелемъ, схватилъ котелокъ и направился къ берегу. Пробиваясь межъ кустовъ, я слышалъ неровное всхлипываніе Вани, ласковый голосъ Митрича, который старался утѣшить ребенка, и сердитое ворчаніе Степана; но вскорѣ на лужайкѣ все стихло.

Я вышелъ къ лодкамъ и окинулъ взоромъ широкое пространство. Вода стояла темная, хмурая. Зари, которая не потухаетъ во всю короткую іюньскую ночь, не было видно, потому что съ запада подымались черныя громады тучъ. Грома еще не было слышно, но молніи ежеминутно озаряли трепещущимъ блескомъ половину неба, и тогда виднѣлись бѣлые и толстые, какъ вершины снѣжныхъ горъ, края грозовыхъ облаковъ. Одна за другой исчезали звѣзды, точно ихъ проглатывало страшное чудовище.

— Гроза идетъ,—сказалъ я, возвратившись къ огню.

— Запримѣтилъ и я,—отозвался Митричъ.—Давно ужъ не было дождичка-то, нужно бы!

— Въ прошломъ году шибко грозоватое лѣто было,—непринужденно, какъ прежде, замѣтилъ Степанъ.

— Пойдемъ-ка, Ванька, выкуримъ комаровъ да заляжемъ въ избу, а то, неровёнъ часъ, этта намочитъ пятки-то!

Они вооружились головнями и удалились въ землянку, а ихъ примѣру послѣдовали и гимназисты, которыхъ донимали дремота и несносныя насѣкомыя. Я началъ закусывать и пригласилъ Митрича, но онъ отказался. Лицо его опять дышало печалью.

Со стороны пруда донеслось едва слышное, но сердитое урчаніе далекаго грома. Митричъ снялъ шапку и набожно перекрестился.

— Смотрю я на тебя и дивлюсь,—сказалъ я ему,—очень ужъ ты серьезный да грустный. Должно быть, горе тебя гложетъ.

Онъ слабо усмѣхнулся и не спѣша отвѣтилъ:

— Угадалъ ты, есть у меня горе и большое горе, только не меня одного оно гложетъ, а всѣхъ людей, начиная отъ царей до послѣднихъ рабочихъ, что навозъ убираютъ.

— Какое же это горе такое?—съ удивленіемъ спросилъ я.

— Жизнь наша! Каждому человѣку она горе.

— Неужели же по-твоему совсѣмъ нѣтъ счастливыхъ людей?

— Можетъ, и есть, только я что-то не видалъ ихъ, хоть седьмой десятокъ на свѣтѣ живу. А я такъ это понимаю: кто заповѣди Божьей слушаетъ и людей братьями почитаетъ, тому нѣтъ счастія, потому очень ужъ много обиды и неправды кругомъ; кто же въ угарномъ веселіи живетъ и другихъ забываетъ, тому еще горше: не спасенье, а гибель готовитъ онъ себѣ! И выходитъ, что жизнь для всякаго — горе. Спросилъ ты меня, какое на моей душѣ горе, это все одно, что спросить, какая моя жизнь, а жизни своей я не скрываю. Къ чему таить? Отъ людей утаишь, а отъ Бога, судьи нашего, не скроешь.

— Разскажи мнѣ, люблю я старыхъ людей послушать.

— Хорошо ты сказалъ! Не надо смотрѣть на то, ученый или неученый человѣкъ говоритъ съ тобой: вѣдь и у неученаго душа-то болитъ и плачетъ, и всѣ мы передъ Создателемъ нашимъ равны. Послушай меня, можетъ, и научишься чему. Всякій отъ чужой жизни учится.

Пронесся порывъ свѣжаго вѣтерка, закрутилъ пламя въ кострѣ, разсыпая сотни яркихъ искорокъ, зашумѣлъ вѣтвями деревьевъ и стихъ. Митричъ подбросилъ дровъ въ огонь, отчего на полянѣ стало вдругъ темно и мрачно, закурилъ коротенькую трубочку и началъ:

«Человѣкъ-то, вишь ты, я не обыкновенный, не такой, примѣрно, какъ всѣ, а человѣкъ я смутный. Вотъ какой я человѣкъ! И жизнь моя вышла такая же смутная: дожилъ я до старости, а спокою никогда не зналъ. Работникъ я былъ хорошій и могъ бы, по нашему положенію, въ достаткѣ находиться, и жена была, и дѣти были—все было. Кажись, какъ бы не жить въ довольствѣ, а сердце-то да разумъ мой никогда спокойны да радостны не были: мутились все горькой мутью. Только съ тѣхъ поръ, какъ за ремесло-то рыболовное принялся я, такъ затихать помаленьку зачалъ. Хорошо, мирно тутъ, среди лѣсу-то и всякой Божьей твари: отъ людей дальше—къ Богу ближе. И съ дѣтства я такимъ былъ. Родитель мой въ крѣпостномъ состояніи находился. Сколько же?... Да ужъ, видно, за двадцать мнѣ было, когда воля-то вышла. Жили мы въ лѣсу больше. Отецъ въ артели робилъ: зимой деревья валили, а лѣтомъ уголь жгли да плоты вязали. И жизнь же была—и холодно, и голодно! На такую только нужда да неволя и принудить могутъ. Зимовали, какъ звѣри въ берлогѣ: по 40—50 человѣкъ въ одной избѣ спали. Наляжетъ это на нары народищу столько, что лишнему человѣку и помѣститься негдѣ. И мужики, и бабы, и дѣвки, случалось, ночевали тутъ. Отъ селенія-то верстъ тридцать стояли, такъ придутъ на побывку, хлѣба принесутъ, да дня по три и живутъ, а у кого дома нѣтъ, тѣ со всей семьей тутъ перебивались. По-скотски жили, гдѣ ужъ тутъ о дѣтской душѣ заботиться было. А душѣ-то дѣтской надо, чтобъ вокругъ нея чисто да свѣтло было, какъ въ синемъ небѣ звѣздочкамъ, а то она горитъ, горитъ—и погаснетъ, и вселится въ нее тьма отъ врага человѣческаго, и трудно ту тьму побороть. Бывало, всякаго безобразія насмотришься, всего наслушаешься: и непотребныя слова, и пьянство, и драки и... прочее... Все на глазахъ, на виду—учись только знай! А мальчикъ я былъ—какъ бы тебѣ это обсказать—такой, что все меня тревожило, да все мнѣ разъяснить въ своемъ умѣ хотѣлось. Наслушаюсь разговору про богатыхъ людей, да про наше [illegible]сненіе и бѣдноту и думаю: пошто все это такъ, и чѣмъ тѣ люди

лучше насъ. Ученые они, такъ обучи насъ, и мы ученые будемъ! Старшіе-то хоть и говорили, что все отъ Бога, только чуялъ я, что мало въ ихъ словахъ покорности да смиренія, что сами себя тѣшатъ они, потому какъ не знаютъ, чѣмъ собственному горю помочь. И сталъ я въ одиночку жить, отъ людей убѣгая. Одинъ разъ полторы сутки мы безъ хлѣба сидѣли: изъ заводу привезти запоздали. Пріѣхали и сказываютъ — смотритель задержалъ: намъ изъ заводу-то припасомъ больше, а не деньгами выдавали. Обозлились всѣ, кричатъ: «Онъ сытъ, такъ ему ладно!» И у меня въ сердцѣ, слышу я, такъ все и закипѣло, и забурлило,—взялъ бы да своими руками и задушилъ этого сытаго, что насъ, голодныхъ, разумѣть не хотѣлъ! Такая злоба нашла на меня, что ни Сибирь, ни каторга, ни плети не страшны были. И часто потомъ подобное бывало, а весь-то еще великъ ли я былъ! Лѣтомъ лучше жилось, вольготнѣе: то ягоды, да грибы собираешь, то рыбу ловишь, то птичекъ ловишь. Глянулось мнѣ смотрѣть, какъ разная тварь жилье себѣ строитъ, какъ дѣтенышей выводитъ, чѣмъ питается и какія мѣста любитъ. И многое запримѣтилъ я изъ разныхъ ея обычаевъ. Заберусь это въ самую гущину и лежу тамъ смирно. Спервоначалу-то, какъ придешь, тихо все станетъ, а потомъ опять за свое дѣло принимается. Дятелъ по дереву точно молоткомъ стучитъ; зябликъ, дроздъ поютъ; кукушка тоскливо столь кукуетъ, словно плачетъ о томъ, что въ чужомъ гнѣздѣ птенцовъ выводить опредѣлено ей; зайчикъ выпрыгнетъ, присядетъ и ушами прядетъ, а въ травѣ и муравей, и кузнечикъ, и всякой букашки—видимо-невидимо! И такъ весь лѣсъ, каждая полянка кишмя-кишатъ. И сколько во всемъ этомъ премудрости и тайны Божіей положено! Иной разъ задумывался я крѣпко. Набѣжитъ туча, дождь идетъ, молнія сверкаетъ, а я гляжу и думаю: что это за огонь тамъ, а какъ его водой не заливаетъ; откуда вода берется, и какъ она тамъ держится,—вѣдь небо-то, дескать, круглое. Приплыветъ пароходъ—отъ заводу за дровами и бревнами пароходы-то бѣгали,—а я ужъ тутъ какъ тутъ и дивлюсь: изъ желѣза сдѣланъ, а не тонетъ. Звѣзды свѣтятъ, солнце грѣетъ, и тутъ мнѣ спокою нѣтъ—изъ чего, да какъ, да почему? Спросить не у кого. У тятеньки попробовалъ какъ-то, а онъ мнѣ и говоритъ: «Дуракъ ты, коли Божье понимать хочешь, обо всемъ томъ только Онъ, Батюшка, да силы небесныя знаютъ!» И такъ я привыкъ все одинъ, да одинъ быть, что совсѣмъ дикимъ сталъ. Матери-то своей я не помню: рано умерла она, а отецъ, какъ похоронилъ ее, запивать началъ. И винить его въ томъ никакъ не могу, потому не сладко жилось ему, особенно супротивъ прежняго. Шибко онъ до всего дошлый, да внимательный былъ и,

молодой еще, при домѣ мастеромъ состоялъ, а потомъ за какую-то провинку смотритель его по три дня на конюшнѣ поролъ и каждый разъ солью сверху посыпалъ, да въ лѣсъ и отправилъ потомъ. Мѣсяца четыре, говорятъ, отецъ у смерти былъ, да поправился... Издѣвались тогда надъ нашимъ братомъ хуже, чѣмъ надъ скотомъ! И я ужъ при угольныхъ кучахъ находился, только вдругъ отца на старое мѣсто воротили, я тогда по механической части пошелъ, а тамъ, слышимъ, и воля вышла, и все по новому зачалось. И пришлось мнѣ въ тѣ поры крѣпко пожалѣть, что ко грамотѣ не обученъ, потому услышалъ я, что изъ книжки обо всемъ понятіе можно найти. Школы тогда не было еще, но попъ одинъ началъ ребятъ скликать, да учить. И еще пуще завидно мнѣ стало! Идти да проситься стыдно было, потому—большимъ себя считалъ, да и работа мѣшала, а научиться читать такъ хотѣлось, что просто бѣда! А тутъ еще, надо тебѣ сказать, тятенька—не тѣмъ будь помянутъ—на другой женился и со мной, не въ примѣръ прежняго, строгъ и взыскателенъ сталъ. Случалось, колотилъ даже. И какъ это меня мутило—упаси, Боже! Иной разъ такъ я даже руку на нее поднять готовъ былъ. Чужая вѣдь она мнѣ совсѣмъ была, а помыкала мной хуже, чѣмъ своимъ. Не говорю о томъ, что всѣ деньги до копейки обирала, а я въ грязныхъ, да рваныхъ рубахахъ ходилъ,—обѣдать съ собой вмѣстѣ не садили! Самовары тогда еще на рѣдкость были, а она прежде всего самоваръ купила. Вечеромъ они чай пьютъ, а я посматриваю! Все время въ злости я жилъ, да такъ, что все нутро у меня изгорѣло, но крѣпился и терпѣлъ. Только вышелъ со мной случай. Цѣлый годъ, почитай, копилъ я деньги, утаивая отъ родителевъ, и незадолго до перваго Спаса новую рубаху, шаровары и сапоги себѣ купилъ. Службу церковную я очень любилъ, а у насъ въ Перваго Спаса иконы поднимали. Прифрантился я въ тотъ разъ и пошелъ. Въ концѣ обѣденъ выбрался въ ограду и стою—иконъ дожидаю. Погода ясная, да теплая была, и народищу наплыло—тьма тьмущая. Такъ въ глазахъ и пестритъ. Только вижу, недалечко отъ меня двѣ барышни въ шляпкахъ стоятъ. Никогда я ихъ до того дня не видалъ и сейчасъ же смекнулъ, что это учительницы, потому какъ въ тотъ годъ у насъ школу открывали. Одна, пряменько тебѣ скажу, такая красавица изъ себя была, что ни прежде, ни послѣ не видывалъ я супротивъ нея. И по сейчасъ ее распрекрасно помню, примѣрно, въ томъ видѣ, какъ въ ту пору она была. Какъ увидалъ я ее, такъ и ошалѣлъ и глазъ оторвать не могу! Только вдругъ слышу, какъ шепчетъ ей другая-то: «Посмотри, какой красивый парень стоитъ!» Это про меня она, значитъ. Какъ посмотрѣли обѣ, меня даже въ потъ ударило! Пошептались между собой

что-то и отвернулись. И самъ не знаю, какъ я надумался и насмѣлился, только пришелъ какъ-то къ этой самой учительницѣ и бухъ прямо въ ноги. «Что ты?»—говоритъ, а сама меня поднимаетъ. Началъ ей объяснять, что ко грамотѣ научиться охота смертная, говорю, а у самого духъ захватываетъ. Выслушала она меня и улыбнулась, и такъ у меня на сердцѣ легко стало да весело, ровно солнышко послѣ ненастья выглянуло. «Рада,—говоритъ она,—слышать это отъ тебя. Приходи по вечерамъ да праздникамъ — научу!» И сталъ я учиться. Улучу времечко и бѣгу къ ней. Сперва-то конфузъ меня бралъ, и сидѣлъ я дуракъ-дуракомъ. А она такая ласковая, да терпѣливая была и все меня о житьѣ нашемъ разспрашивала. Началъ я понемногу насмѣливаться, а потомъ, какъ совсѣмъ пріобыкъ, живо до всего дошелъ, такъ что она дивилась даже. Только тутъ другая бѣда со мной приключилась. Стыдно сказать, а только сталъ я на Александру Сергѣевну не хорошо поглядывать. Парень я былъ здоровый, а въ ней этой опаски, къ примѣру, совсѣмъ не было. Наклонится, случалось, близко, тепломъ это напахнетъ, дышитъ прямо въ лицо, и духми отъ нея несетъ такъ, что въ головѣ туманъ, и понять ничего не могу, о чемъ она разсказываетъ. Одинъ разъ букву заглавную не могъ я вывести,—самъ знаешь, наши руки рабочія, грубыя, гнутся плохо. Перегнулась она ко мнѣ изъ-за плеча, взяла за руку и водитъ. Скосилъ я глаза и вижу: грудь ея высокая близехонько, только головой повести и дотронешься. Помутилось у меня въ глазахъ, и надавилъ я перомъ такъ, что оно сломалось и всю тетрадку чернилами забрызгало. «Что это съ тобой, Павелъ?» — спрашиваетъ.—«Ничего, только ужъ вы, Александра Сергѣевна, напредки не трогайте меня такъ!»—отвѣчаю, а самъ взглянуть на нее не смѣю. Помолчала она, а потомъ и говоритъ:

«Смѣшной ты какой! Какъ же я иначе-то буду?» Новое перо вставила—и опять за свое! Добилась-таки, что ладно выводить я сталъ, только потомъ всю ночь съ боку на бокъ проворочался. Какъ научился я, то все книжки читалъ. И точно въ панорамѣ жизнь-то незнакомая мнѣ представляться начала. Прочитаю книжку и иду къ Александрѣ Сергѣевнѣ, то, да другое спрашиваю. И говоритъ она мнѣ какъ-то: «Умный ты, Павелъ, и не рабочимъ бы тебѣ быть!» Отъ словъ-то ея этихъ возгордился я и такъ высоко въ своихъ мысляхъ заноситься началъ, что теперь и вспомнить смѣшно! Читалъ я, что нѣкоторые люди самоукомъ до большого богатства, чиновъ и учености доходили, и себя сталъ такимъ же считать. Придумаю, молъ, что-нибудь и сразу возвышусь, а потомъ образованность получу, богатымъ стану и благодѣтельницу мою за себя замужъ возьму. И такъ

это я себя распалилъ, что сна и ѣды лишился! Только прошла зима, и наступило лѣто. Какъ сейчасъ помню, въ Троицынъ день, вечеркомъ, принарядился я и пошелъ къ Александрѣ Сергѣевнѣ книжку перемѣнить. Что же ты думаешь? Въ комнатѣ у ней соръ, разбросано все, и сундукъ посреди стоитъ. Увидала она меня и говоритъ: «Не ко мнѣ теперь, Павелъ, надо за книжками ходить, а къ Марьѣ Петровнѣ: я ей все передала, потому какъ сама уѣзжаю». Точно обухомъ по головѣ-то меня торнуло. «Совсѣмъ развѣ уѣзжаете-то?» спрашиваю. «Совсѣмъ, говоритъ. Не увидимся ужъ съ тобой больше». Какъ услышалъ я это, такъ сердце у меня упало, и ни двинуться, ни сказать ничего не могу! Подошла она ко мнѣ, руку на плечо положила и говоритъ: «Жаль, видно, тебѣ меня? И мнѣ тебя жаль, да ничего не подѣлаешь. Сама я еще учиться ѣду, и ты учись, сколько можно, а меня добромъ вспоминай. Прощай теперь!» И самъ не знаю, какъ у меня такое слово молвилось: «Не поцѣлуете, молъ, на прощанье, вѣдь и я тоже человѣкъ?» Оторопѣла она сначала-то, изъ лица даже перемѣнилась, а потомъ оправилась. «Отчего же не поцѣловать?» промолвила и троекратно облобызала. Тутъ ужъ я себя потерялъ, озвѣрѣлъ вовсе. Схватилъ я ее и давай къ себѣ прижимать да цѣловать. Она не дается, а я того хуже дѣлаю... Только слышу вдругъ, точно издалека кто-то мнѣ сказалъ: «Богъ тебя будетъ судить, Павелъ!...» И какъ разъ во-время она это молвила, а то еще немножко... и она пропала бы, и я... Я ее... голубушку чистую!...»

Голосъ разсказчика дрожалъ. Онъ остановился и долго ковырялъ въ своей потухшей трубкѣ. Только вновь раскуривъ ее, онъ продолжалъ:

— Безъ ума убѣжалъ я отъ нея. И стыдно, и страшно было! «Ну, думаю, бѣда мнѣ, окаянному: прямо острогъ или Сибирь!» И такъ-то мнѣ тошно было, что хоть петлю на шею! Долго я ходилъ по улицамъ и вышелъ въ лѣсъ. Легъ среди кустовъ и лежу, а на сердцѣ у меня такъ и кипитъ, такъ и жжетъ! Наконецъ, стихло и стало глухо такъ, ровно въ бору ночью. Побрелъ я домой, по дорогѣ наткнулся на товарищей и въ первый разъ напился и всякаго непотребства надѣлалъ. Цѣлую недѣлю я крутилъ, все съ себя пропилъ, и все плакалъ во хмелю да приговаривалъ: «Какая моя жизнь? Лучше въ могилу лечь!» И потомъ, какъ только получка,—я и въ кабакъ. Вдолги ужъ послѣ того встрѣтилъ я на улицѣ Марью Петровну. Остановила она меня, разспросила, что книжки пересталъ брать, а потомъ и говоритъ: «Отъ Александры Сергѣевны поклонъ тебѣ. Велѣла еще она сказать тебѣ, что не сердится, а за что, не объясняетъ». Такъ, вѣришь ли, только отошелъ я отъ нея, припалъ лицомъ

къ заплоту да, какъ дитя малое, голосомъ и заревѣлъ. Люди идутъ, смѣются, а у меня и стыда нѣтъ! Святая была душенька! Ничего я съ той поры не слыхалъ про нее и не вѣдаю даже, жива ли. Послѣ этого разговору съ Марьей Петровной пуще прежняго зачала меня тоска сосать. Погляжу на людей, что кругомъ меня,—звѣрье-звѣрьемъ! И думаю, какъ жить съ ними стану? А тутъ вышла мнѣ другая линія. Какъ зачалъ я запивать, то и родителю покорствовать не сталъ. И обрѣшили они меня женить. Сначала я и руками, и ногами отбивался, а потомъ опамятовался и думаю, все равно, рано ли, поздно ли, отъ этого не убѣжишь, а все же лучше, чѣмъ въ не законѣ весь этотъ грѣхъ совершать. Согласился, чтобъ съ кѣмъ они, значитъ, захотятъ, съ той и обвѣнчаться. Вотъ и повели меня на смотрины, по рукамъ ударили, Богу помолились, а тамъ просватанье, дѣвичникъ и остальное все—по обычаю. Невѣста моя была дѣвка молодая, здоровая, полная. Лицо красное-раскрасное, губы толстыя, глаза навыкатѣ, какъ у овечки. Усадятъ насъ рядомъ въ переднемъ углу, и сидимъ мы цѣлый вечеръ, пьемъ да ѣдимъ. Въ избѣ народищу много—духота, жарища! Разопрѣетъ моя суженая, потомъ отъ нея разитъ, а она сидитъ да все платочкомъ вытирается. Молчитъ больше, а слово скажетъ—уши вянутъ! Муторно мнѣ было, и все Александра Сергѣевна да ея свѣтелка чистая вспоминались. Закрою глаза и, какъ живую, ее вижу, и даже духми, которыми она душилась, словно какъ нанесетъ откуда. Однако укрѣпился я, потому все единственно мнѣ было, хоть сейчасъ въ могилу лечь, только грѣха боялся. Поженились, и я отъ тятеньки отдѣлился, потому зналъ, что много грѣха будетъ, коли вмѣстѣ останемся. И пошла жизнь такая, что и вспоминать тошно! Жена моя, Марья, всей душой ко мнѣ, а я всей душой отъ нея. А бѣсъ-то меня къ вину такъ и толкаетъ! Напьюсь, бывало, и тутъ ужъ сдержать себя не могу: бивалъ я тогда ее сильно и всякія надсмѣшки надъ ней строилъ, а она сядетъ гдѣнибудь въ уголокъ, проплачется и опять же ко мнѣ идетъ. Черезъ три года ужъ Господь мнѣ дочку даровалъ. И такая-то она красивая уродилась, что сердце у меня взыграло: все мнѣ представлялось, что она съ Александрой Сергѣевной лицомъ схожа! Порѣшилъ я тогда воздержаться и образованность ей дать, чтобы въ люди вывести. Только этимъ и жилъ и самъ съ ней больше, чѣмъ мать, няньчился. И Марья въ ту пору отдохнула: ласковъ я съ ней сталъ по силѣ возможности. Да не судилъ Богъ. Къ тому времени, какъ подросла моя Шурочка, и въ школу я ее опредѣлилъ, у меня семья большая стала—самъ-восьмой! Содержанье все дороже да дороже дѣлалось, а заработки плохи были: едва на хлѣбъ да квасъ хватало, а по праздн-

камъ па щи съ мясомъ. Ужъ какъ мнѣ горько было, и сказать не сумѣю, а подѣлать ничего не могъ, потому она, нужда-то, хоть кого сломитъ! И опять на Марью да ребятъ побои и брань посыпались. Только одну Шуру пальцемъ никогда не тронулъ. Безъ похвальбы скажу—что хвалить, покойница вѣдь ужъ она теперь,—а только выросла моя дочка красавица-красавицей! Отъ жениховъ съ шестнадцати лѣтъ отбою не было. Но никто ей по сердцу не приходился, а я не неволилъ. И прямо тебѣ скажу, даже радъ былъ, что не идетъ она, потому горько мнѣ было отдать ее чужому. А любила она меня—дай ей, Господи, царства небеснаго—крѣпко и всячески мнѣ угождала. Такъ дожила она до девятнадцати годочковъ. Только вдругъ началъ я примѣчать за ней, что туманная она ходитъ, словно бы не въ себѣ, а иной разъ и глаза у нея красные, какъ отъ слезъ. Съ лица она похудѣла, а въ тѣлѣ полнѣть зачала. «Господи Боже, неужели же?...» думаю про себя. Пришелъ я одинъ разъ, вечеромъ, пьяненькій. Она самоваръ ставитъ да посуду моетъ. Посмотрѣлъ я на нее—и все понялъ! И по сердцу меня будто ножомъ кто полыснулъ. Духу перевести не могу! Это моя-то Шура, которую я въ гордости своей за такого же ангела почиталъ, какъ Александра Сергѣевна, въ незаконѣ дитя съ кѣмъ-то прижила! Молчалъ я, молчалъ, только вдругъ какъ крикну: «Шура, иди-ка сюда!» Почуяла она, видно, что догадался я, подошла, трясется вся и глазъ не поднимаетъ. «Ну, говорю, дочка милая, будетъ тебѣ за носъ-то насъ водить, винись сейчасъ!» Пала она мнѣ въ ноги и столь жалобно вскрикнула, что отъ сердца у меня отходить начало. И пронесъ бы, можетъ быть, Господь, кабы не спросилъ я, съ кѣмъ она связалась. Назвала она мнѣ служащаго одного, богатаго да красиваго, который хуже татарина намъ всѣмъ былъ. Свѣту я не взвидѣлъ, кричу: «Съ нимъ, съ проклятымъ!» да по щекѣ ее. А ударилъ разъ—и пошло!... И руками, и ногами хлесталъ!... Избилъ, а потомъ, полуживую, на улицу вытолкалъ, а она пошла и въ прорубѣ утопилась... Господи Боже, скорблю о содѣянныхъ мною согрѣшеніяхъ, услыши, прости и помилуй!...»

Митричъ остановился, осѣняя себя широкимъ крестомъ.

— Упокой, Господи, ея душу!—сказалъ я, невольно проникаясь его мыслями и горемъ.

— Аминь!—отозвался онъ и тяжело вздохнулъ.

И точно въ отвѣтъ ему надъ зеркаломъ водъ пронесся сдавленный, протяжный вздохъ,—казалось, одной надорванной грудью простонала многоголовая толпа, объятая однимъ чувствомъ ужаса и муки. Пронеслись странные звуки и умерли подъ сводами вѣкового лѣса.

— Что это?—спросилъ я, вздрагивая.

— «Здохня», топкая трясина, значитъ. Днемъ-то ее пучитъ на солнцѣ, а ночью она опускается и дышитъ этакъ. Часто мы съ ней перекликаемся здѣсь.

И Митричъ снова замолкъ.

«Передъ Рождествомъ это было,—началъ онъ, наконецъ,—а нашли ее только весной, когда ледъ оттаялъ; распухлую, синюю... Потрошили ее, прежде чѣмъ хоронить, а меня не разъ въ волость таскали, да отпустили, потому дѣло ясное было, что отъ стыда это она сдѣлала, передъ грѣхомъ своимъ, значитъ. Долгое время потомъ мерещилась она мнѣ по ночамъ. Придетъ вмѣстѣ съ младенчикомъ своимъ и стоитъ у кровати, а я лежу, ни живъ, ни мертвъ, и молитву творю. И осудилъ меня Богъ за грѣхъ мой великій! Съ той поры одно горе за другимъ пошло. Старшаго сынка въ солдаты забрили. Сначала-то писалъ онъ, а потомъ пересталъ, и вотъ ужъ восемь годковъ, какъ я отъ него никакой вѣсточки не получалъ. А остальныхъ четверыхъ въ одинъ мѣсяцъ всѣхъ скарлатинъ сгубилъ. Остался я одинъ со старухой, и Богу одному извѣстно, сколько слезъ горючихъ пролилъ я! Много, охъ, какъ много! Вотъ тутъ-то и сталъ я къ Господу обращаться и святое Его писаніе читать. Многія мѣста я наизусть знаю. У меня и теперь Библія и Житія святыхъ лежатъ здѣсь. И уразумѣлъ я, что одного Богъ хочетъ: пріумножить любовь къ Себѣ и твари, которую создалъ Онъ, что въ любви—спасенье и покой, и царствіе Божіе. Ведетъ Богъ человѣка тернистымъ путемъ и несчастія ему посылаетъ разныя потому только, что одно горе въ душѣ нашей любовь истинную и необманную вселяетъ. Возьми ты такого, къ примѣру, который въ радости выросъ и другихъ въ горѣ не видалъ, не можетъ онъ истинно любить. Всѣхъ онъ любитъ, но не та это любовь, которая Творцу нашему угодна: любитъ онъ только для себя, такъ же, примѣрно, какъ мягкую перину да ѣду сладкую. Пошли ему несчастіе, и озлобится онъ, и возропщетъ, и не будетъ въ сердцѣ его жалости къ другимъ: себя одного жалѣть будетъ онъ. Только та любовь есть прочна и истинна, которая черезъ испытаніе, какъ желѣзо сквозь огонь, прошла. Такую-то любовь и надо разжигать въ людяхъ! А люди не понимаютъ воли Божіей и уклоняются съ праведнаго пути».

— А старуха твоя гдѣ?—спросилъ я Митрича, потому что онъ прекратилъ разсказъ и сидѣлъ, поникнувъ головой.

— Старуха-то?... Годика четыре ужъ будетъ, какъ похоронилъ я ее. Съ тѣхъ поръ здѣсь и пробиваюсь.

— Неужели ты и зимой здѣсь живешь?

— Нѣтъ, не здѣсь, а неподалеку отсюда, на озерѣ Чембарѣ. Изба у меня тамъ теплая выстроена.

— И не тянетъ тебя ни къ людямъ, ни въ храмъ Божій?

— Ни крошечки. Къ людямъ не тянетъ, потому что озлоблены и горды они, а я ужъ старъ и слабъ, и не могу пользы имъ никакой сдѣлать. А въ храмъ Божій не тянетъ, потому что и здѣсь, въ лѣсу, великій и нерукотворный храмъ Его, и молиться мнѣ въ немъ способнѣе. Уйду я подальше, и никто мнѣ не мѣшаетъ! Все забуду, случается, а въ храмѣ шумъ, кашель, топотъ. Да и молюсь я по-своему. Одна только молитва у меня и есть, которую самъ я составилъ.

— Какая же это молитва?

— Хочешь, такъ прочту?

— Прочти. А записать можно?

— Не возбраняю, записывай.

Я досталъ книжечку, и онъ прочелъ свою молитву глубокимъ, проникновеннымъ тономъ:

«Господи Боже, міру Творецъ и Промыслитель, услыши и помилуй! Господи Боже, буди милостивъ мнѣ, грѣшному рабу Твоему! Господи Боже, смири мятежную и окаянную душу мою, да не возгоржусь и возропщу на благость Твою, но въ покаяніе приду! Господи Боже, помози мнѣ удалитися отъ зла и сотворити благо! Господи Боже, скорблю о содѣянныхъ мною согрѣшеніяхъ, услыши, прости и помилуй! Господи Боже, вопію къ Тебѣ, покарай тлѣнное тѣло раба Твоего, а душу живую услыши, спаси и помилуй! Господи Боже, умножь въ сердцѣ моемъ любовь къ Тебѣ и твореніямъ Твоимъ, ибо Ты любовь есть, и человѣкъ живетъ отъ любви Твоей, и любовь есть царствіе Твое. Аминь».

Разсвѣтъ былъ близокъ. Тучи, что еще недавно давали надежду на дождь, пронеслись стороной, не пославъ на истомленную землю ни одной капли. Даже въ лѣсу и около воды было душно.

Митричъ распростился со мной, сказавъ, что хочетъ подремать. Онъ улегся спиной къ костру, подложивъ подъ голову обрубокъ дерева. Едва ли онъ спалъ: изъ его груди частенько вылетали тяжелые вздохи. И я не могъ заснуть. Смотрѣлъ я на него и думалъ, что в его лицѣ сгибла крупная сила человѣческаго духа, родная мнѣ, русская сила.

В. Кичановъ.

МЕЛОЧИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Юмористическій разсказъ на конкурсъ.

Два письма къ подругѣ.

Переписала **Э. Жміевская.**

---

28 февраля 1904 г.

Дорогая Іоася!

Тебѣ, навѣрно, казалось, что въ теченіе шести лѣтъ ты сидѣла на школьной скамьѣ рядомъ съ самой незамѣтной Зосей Радлинской изъ Чернеевицъ. Тогда ты и не догадывалась, что эта самая Зося—будущая Ожешкова,—что я говорю, Ожешкова!—я ее въ самый тѣсный уголъ загоню, такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ мама... Конечно, не въ такихъ выраженіяхъ.

Чрезвычайно меня интересуетъ, дѣйствительно ли я обладаю талантомъ для судей *Иллюстрированнаго Еженедѣльника,* для свѣта, или только лишь для мамы?

Я тебѣ разсказывала нѣсколько разъ, что моя мама—существо исключительное и дѣтей хочетъ имѣть необыкновенныхъ. Ты уже знаешь, что Юзя изучаетъ философію въ Цюрихѣ, что Ромця въ Миланѣ подготовляется къ карьерѣ великой пѣвицы; я тебѣ много разсказывала и о Янкѣ. Ты даже захотѣла ознакомиться съ нимъ и мы ходили вмѣстѣ осматривать его картины, выставленныя въ рамочномъ магазинѣ на Краковскомъ Предмѣстьѣ. Ты восхищалась туманомъ, разстилающимся по лугу, и красивой деревенской дѣвушкой. Это наша горничная Ганка, только значительно изукрашенная. Итакъ, моя семья на пути къ славѣ. Только я одна до сихъ поръ была на пути къ... коровнику. Если бы меня кто-нибудь спросилъ, знаешь, такъ, по секрету, къ чему я имѣю влеченіе, то я сказала бы ему,—конечно, тоже подъ величайшимъ секретомъ,—что къ коровамъ.

Но какъ дочь своей матери и членъ своей необыкновенной семьи,

должна же я имѣть, наконецъ, какой-нибудь высшій, необычайный даръ, талантъ, однимъ словомъ? Но какой?

А надъ этимъ я головы себѣ не ломала, зная, что мама выручитъ меня въ этомъ случаѣ. Она съ истиннымъ вдохновеніемъ каждому изъ своихъ дѣтей показываетъ дорогу къ славѣ.

Бѣдняжка хотя такимъ образомъ вознаграждаетъ себя за хронологическую ошибку своей жизни, за анахронизмъ, вслѣдствіе котораго она родилась нѣсколькими годами раньше, чѣмъ надлежало: въ эпоху, когда женщины были обыкновенно женщинами.

— Жаль, что судьба предназначила мнѣ быть женою и матерью,— часто повторяла она.

Однажды по этому поводу дѣло чуть было не дошло до разрыва съ нашей сосѣдкою, панею Ольбецкою, потому что та, слыша эти жалобы, сказала со свойственной ей кисло-сладкой улыбочкой:

— Дорогая моя, если бы ваша матушка разсуждала такимъ же манеромъ, то наша мѣстность была бы лишена такой необычайной особы, какъ вы, а міръ—будущей славы вашихъ дѣтей.

Маму оскорбили не самыя слова, справедливость которыхъ она признаетъ, но тонъ пани Ольбецкой: «дорогая моя»!... Это нужно было только слышать!

Мама увѣрена, что «растратила» себя, и, желая охранить насъ отъ такой судьбы, уже въ колыбели высматривала исключительныя особенности, которыми обозначаются, кажется, всѣ будущія знаменитости. Юзя обязана своей философской карьерѣ непослушанію и буйному характеру,—признакамъ независимаго ума. Ромця любила дразнить кота, а когда онъ царапалъ ее, то съ испугомъ убѣгала прочь; въ понятіяхъ мамы это было доказательствомъ необыкновенной впечатлительности слуха и большой музыкальности. И вотъ она была помазана въ пѣвицы. Тетради Янка были полны кляксъ, онъ любилъ обмакивать палецъ въ чернильницу и насаживать «жидовъ» на бумагу. Это не ушло отъ бдительнаго ока мамы, и она посвятила его въ «маэстро палитры». Наша семья была тренирована сообразно будущей миссіи каждаго «провидѣннаго» мамой. Юзю, съ десятаго года ея жизни, допускали въ общество старшихъ, ей дозволялось высказывать свое мнѣніе и вступать въ диспуты съ самыми почтеннѣйшими людьми во всемъ околоткѣ, чтобы она вырабатывала себѣ независимое мнѣніе. Повліяло ли это на расширеніе ея міровоззрѣнія,—не знаю, но я слышала отъ няни, что она завоевала репутацію «несноснѣйшей и зазнавшейся дурищи». Ради Юзи мама переселилась въ городъ, отдала ее въ пансіонъ, и открыла свой салонъ для «широкихъ теченій». Мнѣ казалось, что всклокоченные волосы и смятые

воротники и есть собственно эти теченія, и я злилась, что они орутъ по цѣлымъ вечерамъ и не даютъ мнѣ спать, а вдобавокъ страшно любятъ пирожное и не оставляютъ на блюдѣ ничего для меня. Потомъ Юзя влюбилась въ одно теченіе, и мама увезла ее въ Цюрихъ. Теперь она на третьемъ курсѣ и уже помолвлена, но съ кѣмъ-то другимъ.

Ромця должна была услаждать своимъ пѣніемъ куколъ, а когда перестала играть въ куклы, пѣла въ дѣтскихъ хорахъ, которые мама нарочно устраивала. Потомъ ей приказали на нѣсколько лѣтъ прекратить занятія, и въ это время она играла на фортепіано. Наконецъ, мама увезла ее въ Италію, потому что у насъ, кажется, нѣтъ хорошихъ учителей. Зато въ Италіи нѣтъ баловъ, раутовъ и коньковъ. Бѣдной Ромцѣ не дозволяется ѣздить на велосипедѣ и играть въ крокетъ. Это ее приводитъ въ отчаяніе. Въ каждомъ письмѣ она обѣщаетъ, что умретъ отъ скуки, но все какъ-то не умираетъ, и каждый годъ, послѣ вакацій, не хочетъ возвращаться въ Миланъ и мечтаетъ о варшавскомъ карнавалѣ.

Съ Янкомъ дѣло пошло легче. Онъ былъ радъ, что мама хочетъ изъ него сдѣлать художника. Такимъ образомъ онъ могъ не утруждать себя въ школѣ и свободно устраивать разные пикники для изученія plein air'a. Вотъ уже три года онъ все кончаетъ свое ученіе въ Мюнхенѣ, ему тамъ весело, не то, что бѣдной Ромцѣ. Онъ говоритъ, что долженъ проникнуться духомъ искусства, чтобы не быть «мазилкой».

А я? Со мной было такъ. Ты знаешь, что я пишу дневникъ. Ты читала его и не догадывалась, что это верхъ совершенства. Да, моя милая, ни болѣе, ни менѣе! Я сейчасъ тебѣ разскажу, какъ я, къ своему великому удивленію, узнала объ этомъ. Между нами будь сказано, въ пансіонѣ я училась очень посредственно. Да и потомъ, въ теченіе цѣлаго полугода, во мнѣ не проявлялись никакія высшія стремленія, несмотря на способствующую этому атмосферу нашего дома.

Нашъ домъ лѣтомъ—настоящая академія искусствъ и наукъ. Ромця, къ своему вящему огорченію, «упражняется», Янекъ по цѣлымъ днямъ запирается въ мастерской па верху, рисуетъ нашу Ганку, и не впускаетъ къ себѣ никого, чтобы не спугнуть настроенія. Философка Юзя пишетъ какія-то нѣмецкія статьи, а потомъ посылаетъ ихъ по почтѣ, по секрету даже отъ мамы. Однимъ словомъ, всѣ заняты.

— А гдѣ же Зося?

— Паненка въ коровникѣ, за удоемъ.

Мама посылаетъ за мной слугу.

— Сейчасъ, сейчасъ, только молоко процѣжу.

Прибѣгаетъ горничная.

— Сейчасъ, Желтушка еще не выдоена...

Является мама своей собственной особой. Шутки плохи. Я узнаю, что я—комъ масла, безъ души и безъ сердца, и, вмѣсто пансіона, меня помѣстятъ въ какую-нибудь сельско-хозяйственную школу. Боже мой, какъ бы я хотѣла этого! Понятно, что я не высказываю своего желанія. Ужъ и такъ мама испытала не мало огорченій со мною.

Но, наконецъ, и надо мною загорѣлся лучъ и растопилъ весь комъ масла. Да, да, я пишу, чтобы донести тебѣ объ этомъ. Послушай. Въ одинъ осенній день, я вскочила съ постели чуть свѣтъ и пошла къ телятамъ. Утро было чудеснѣйшее, лѣсъ издали манилъ къ себѣ и, наконецъ, втянулъ меня подъ свой золотисто-зеленый сводъ. Я блуждала до самаго полудня и только голодъ напомнилъ мнѣ, что пора возвращаться домой. Прокрадываюсь потихоньку въ свою комнату, и что же я вижу? За моимъ письменнымъ столикомъ сидитъ мама и такъ углубилась въ чтеніе, что даже не слышитъ, какъ я пришла. Съ вечера я писала свой дневникъ, и мнѣ вдругъ такъ захотѣлось спать, что я забыла запереть его.

«Ну, теперь достанется мнѣ,—думаю себѣ.—Мама узнаетъ, что я читала Мопассана и что на улицѣ, когда мы шли парами, мнѣ издали кланялся какой-то незнакомый блондинъ въ цилиндрѣ... Помнишь, мы еще поссорились изъ-за того, мнѣ ли онъ кланялся, или тебѣ».

Во мнѣ замираетъ душа, моя масляная душа. И вдругъ оказывается, что мои опасенія напрасны. Ахъ, какая мама добрая! Наконецъ, она замѣтила мое присутствіе, но смотритъ такъ, какъ будто видитъ меня въ первый разъ.

— Дитя мое! Вся въ меня!... И ты также! А я уже пришла въ отчаяніе! Прости меня, Зосинька!

Мама проситъ прощенія у меня! Міръ переворачивается кверху ногами. Истинное чудо! Полная неожиданность!

— Моя кровь! Талантъ, огромный талантъ, самородный!—восклицаетъ мама, прижимая меня къ груди.—Бурлитъ, кипитъ юнымъ вдохновеніемъ. Это не литература, это жизнь! Ты обгонишь всѣхъ Ожешковыхъ! Инстинктивно ты показала міру новую форму! Вотъ увидишь, что мы изъ этого сдѣлаемъ!

Ну, съ тѣхъ поръ мама и начала «обрабатывать» меня на писательницу. Но какъ жаль, что мой талантъ проявился еще очень ранней осенью, когда человѣка такъ и отталкиваетъ отъ пера и чер-

нильницы. Въ воздухѣ чудесное благоуханіе, тамъ, въ коровникѣ, мычатъ телята, а ты, Зося, корпи надъ темами, заданными мамою: «О цвѣтахъ звуковъ и звукахъ цвѣтовъ въ природѣ» (мама вотъ уже два мѣсяца стала символисткой). «О золотомъ колоколѣ, который носятъ въ груди исключительныя натуры». Бѣдная мама не щадила усилій, для того, чтобы раскачать мой колоколъ. Сердце его билось, иногда ударяло очень громко, но не для литературы... А можетъ быть мой колоколъ былъ не изъ чистаго золота?... Хотя,—кто его знаетъ,—я начинаю проникаться вѣрою въ свой талантъ и съ великимъ нетерпѣніемъ буду ожидать рѣшенія судей конкурса.

Ахъ, право, я столько написала, а ты еще не знаешь, что и я принимаю участіе въ конкурсѣ *Иллюстрированнаго Еженедѣльника*. Мама видитъ въ этомъ перстъ Божій и думаетъ, что конкурсъ объявленъ былъ только для того, чтобы мой талантъ могъ показаться міру. Иначе, безъ связей въ литературной сферѣ, трудно куда-нибудь помѣстить даже образцовое произведеніе. Кажется, Реймонтъ ходилъ изъ одной редакціи въ другую съ своимъ первымъ произведеніемъ и его нигдѣ не хотѣли читать. Такъ мнѣ разсказывала мама, которая теперь изучаетъ исторію творчества всѣхъ нашихъ романистовъ. И вотъ, сейчасъ же послѣ обнародованія условій этого турнира, мама усадила меня за письменный столъ и, кромѣ того, сама начала обдумывать темы. Боже Ты мой, сколько я настрадалась, хотя бы надъ описаніями исключительныхъ натуръ, надъ звуками цвѣтовъ и надъ цвѣтами звуковъ! Я люблю природу, очень и очень, но по-своему, просто съ мосту; я смотрю на луга и лѣса, какъ на добрыхъ и милыхъ знакомыхъ, которые пріѣзжаютъ къ намъ на вакацію. Я говорю имъ: «Какъ я рада, что могу проводить съ вами все время съ утра до вечера, что могу говорить вамъ все, что ни взбредетъ мнѣ на мысль». Я разговариваю и со старою липою, подъ которой мы обѣдаемъ, напоминая ей, какъ, будучи еще ребенкомъ, я играла въ ея тѣни, а она разсказывала мнѣ старыя сказки, тѣ самыя, которыя ты вмѣстѣ со мной слышала изъ устъ старой няньки. У сиреней и жасминовъ я разспрашиваю, зачѣмъ они пробуждаютъ во мнѣ какую-то странную тоску по чемъ-то, чего еще не было.

Вотъ какъ я сношусь съ природой, но на бумагѣ такъ нельзя. Мама приказала мнѣ вбирать въ себя природу всѣми фибрами своей души, претворять ее въ себѣ, а потомъ бросать на нее рефлексы даннаго состоянія своей души, и представлять ее въ освѣщеніи настроеній, а не солнечныхъ лучей. Но данное состояніе моей души не подходитъ къ такимъ иллюминаціямъ, потому что состояніе моей души всегда одинаково: желаніе жить, а это банально и глупо, и я не

смѣла бы признаться въ этомъ передъ мамой, а тѣмъ больше передъ судьями конкурса.

Видя, что съ природой я никакъ не могу поладить, мама обдумываетъ различныя ситуаціи и читаетъ со мной англійскіе разсказы, потому что англичане больше всѣхъ націй обладаютъ юморомъ—но и это ни къ чему не приводитъ. И этого духа я не сумѣла вдохнуть въ себя, не умѣю вести разговора или очерчивать характеры. Каждая фигура говоритъ, какъ въ балаганѣ, не своими словами. Суфлеромъ бываетъ мама.

Мнѣ самой пришла въ голову только одна тема, но мама отнеслась къ ней съ наивысшимъ презрѣніемъ. Я просто-напросто хотѣла описать различные забавнѣйшіе промахи моей кузины Брони, которая два мѣсяца тому назадъ вышла замужъ, хочетъ помогать мужу, дѣлаетъ полотки, сыры, но все это ей не удается, потому что она ничего не знаетъ. Потихоньку я даже написала нѣсколько страницъ этого юмористическаго разсказа, и дѣло у меня начало налаживаться, но времени докончить мнѣ не хватило, потому что, наконецъ, нашлась «великолѣпная тема», нѣчто вродѣ сказки или фантазіи: о часахъ, стоящихъ выше человѣческаго предразсудка, которые молодымъ, только что возвратившимся съ вѣнчанія, вызваниваютъ тринадцатый часъ. Мысль оригинальная, и мы въ теченіе мѣсяца облекали ее въ воздушную, легкую одежду; не разъ она должна была мерзнуть въ ней, потому что и во мнѣ душа коченѣла, и вмѣсто того, чтобы все болѣе и болѣе воспламеняться, застывала и застывала. Наконецъ, я возненавидѣла и часы и новобрачныхъ и желала, чтобы зловѣщее предсказаніе часовъ осуществилось на самомъ дѣлѣ, хотя по натурѣ своей я вовсе не зла.

Я думала, что никогда не кончу своего разсказа, но, наконецъ, свершилось. Произведеніе, вдохновенное мамой, вымученное мною самою, направилось въ Варшаву.

Въ первые дни, даже въ первыя недѣли дальнѣйшія судьбы моего-нашего разсказа меня совершенно не интересовали. Мнѣ дозволялось ѣздить верхомъ, ходить на удой не только вечеромъ, но и утромъ, я вполнѣ пользовалась своею свободою и была совершенно счастлива. И только теперь, когда приближается срокъ рѣшеній судей конкурса, я все чаще и чаще думаю о своихъ часахъ, все больше и больше желаю счастія своимъ новобрачнымъ и своему юмористическому разсказу. Можетъ быть, онъ и не такъ плохъ, какъ мнѣ показался. Я перечитывала его вчера и сегодня.

..Почемъ я знаю, во всякомъ случаѣ, онъ оригиналенъ. Попался мнѣ подъ руки и другой разсказъ,—о Бронѣ, и этотъ мнѣ понра-

вился куда какъ больше. Дорогая моя Іоася, я исповѣдаюсь передъ тобою. Если бы я не получила награды, то ты не станешь смѣяться надо мною и не выдашь меня. Помни это! О результатѣ конкурса я извѣщу тебя тотчасъ же. Помолись за успѣхъ

твоей *Зоси.*

---

10 марта.

Іоася, Іоася, какъ я рада! Во мнѣ ничуть нѣтъ таланта, ни капельки! Ты уже знаешь, что я не получила награды, но всего еще не знаешь. Мама, предполагая, что заказное письмо не дошло, сама поѣхала со мною въ Варшаву. Мы были у всѣхъ судей конкурса и, наконецъ, напали на тѣхъ двухъ, которые слышали бой моихъ часовъ. Они прозвонили роковой часъ, но не новобрачнымъ, а только мнѣ, собственно моей дорогой мамѣ.

«Юмористическій разсказъ подъ девизомъ «Все для славы» — претенціозенъ, неискрененъ, а что самое худшее, скученъ и безъ малѣйшей дозы юмора. Мы читали его оба и предназначили для редакціонной корзины».

Такъ письменно отвѣтилъ мамѣ одинъ изъ судей. Но мама не сочла себя побѣжденной. Пошли мы къ другому судьѣ. Среднихъ лѣтъ, шатенъ, онъ былъ очень любезенъ со мною и удивлялся, какъ я написала такую вещь.

— Глядя на васъ, я предполагалъ бы, вы могли бы избрать совершенно другую тему, болѣе простую и веселую,—добавилъ онъ.

Вотъ это, дѣйствительно, умный литераторъ, и притомъ видитъ все, несмотря на то, что носитъ очки.

Мама подавлена. Жаль мнѣ ее, но за себя я ужасно рада. Только теперь я могу заняться коровами такъ, какъ я это понимаю. Пользуясь временною слабостью мамы, я упрошу ее, чтобы она позволила мнѣ пройти курсъ молочнаго хозяйства въ Хыличкахъ. Теперь меня уже никто не разлучитъ съ коровникомъ. Слава Богу!

Итакъ, моя Іоася, не было тебѣ счастія сидѣть рядомъ съ будущей Ожешковой, а только съ самой обыкновеннѣйшей

Зосей Радлиньской.

Юмористическій разсказъ.

(Награжденный на конкурсѣ *Иллюстрированнаго Еженедѣльника.*)

Густава Даниловскаго.

Панъ Матеушъ поселился навсегда въ Варшавѣ и, сознавая свои гражданскія обязанности, не только вступилъ въ члены общества бла-

творенія и поощренія изящныхъ искусствъ, но и рѣшилъ еще поощрять мѣстную литературу. Вслѣдствіе этого онъ при помощи конторы Унгра подписался на всѣ мѣстныя изданія, плату внесъ за весь годъ впередъ, причемъ, не имѣя еще устроенной квартиры, просилъ, чтобы всѣ преміи были присланы ему въ концѣ года. Какъ оказалось впослѣдствіи, онъ поступилъ вполнѣ основательно, потому что когда пришла первая порція газетъ, появилась надобность въ столѣ съ огромной столешницей, которая съ поразительной быстротою начала заваливаться грудами печатной бумаги.

Панъ Матеушъ сначала хотѣлъ поддерживать хоть какой-нибудь порядокъ въ раскладкѣ газетъ, но вскорѣ убѣдился, что эта работа превышаетъ его силы, и послѣ нѣсколькихъ недѣль на столѣ воцарился совершеннѣйшій хаосъ. Нумеръ *Нивы* смѣшался съ *Полемъ* и *Израэлитомъ*, *Гонецъ* перепутался съ *Курьеромъ*, а простыни *Слова* покрывали выпуски прогрессивныхъ еженедѣльниковъ.

Вмѣстѣ съ этимъ безпорядкомъ въ сердцѣ пана Матеуша какъ будто угасъ благородный піетизмъ къ печатному слову; онъ началъ допускать недозволительныя отступленія, завертывая, напримѣръ, разныя разности въ превосходнѣйшія иллюстраціи *Зерна* или употребляя самые интересные нумера *Газеты* на хозяйственныя надобности.

Но что еще хуже, такъ это то, что по этому поводу онъ не чувствовалъ ни малѣйшихъ угрызеній совѣсти, не утратилъ превосходнаго расположенія духа, въ послѣднее время даже еще болѣе подбодрился и какъ бы помолодѣлъ. Причиною этого было слѣдующее обстоятельство. Панъ Матеушъ, бывая тамъ и здѣсь, замѣтилъ, что множество мамашей, а также и дочекъ, третируютъ его не какъ стараго холостяка, за котораго (впрочемъ, совершенно справедливо) онъ почиталъ себя уже давно, а какъ солиднаго жениха, могущаго гарантировать своей избранницѣ не только достатокъ и покровительство, но и любовь, можетъ быть, и не слишкомъ порывистую, но прочную. Одна же вдова, среднихъ лѣтъ, соотвѣтственной корпуленціи, выступила на него въ походъ такъ энергично и открыто, что не дальше, какъ два дня тому назадъ, панъ Матеушъ, сидя съ нею, за праздничной трапезою, за бутылкою вина, подъ вліяніемъ ея огненныхъ взглядовъ, почувствовалъ несомнѣнное, явное матримоніальное настроеніе, котораго не испытывалъ уже много лѣтъ.

Это заставило его задуматься не на шутку. Всѣ праздники онъ провелъ въ размышленіи и съ біеніемъ сердца ожидалъ Новаго года, который они должны были встрѣтить вмѣстѣ, дабы убѣдиться, повторится ли это настроеніе, и тогда уже отважиться на рѣшительный шагъ.

Въ день святого Сильвестра*) онъ всталъ по обыкновенію въ восемь часовъ утра, обтерся холодной водою, и во время перемѣны бѣлья внимательно изслѣдовалъ въ зеркалѣ свои формы. Экзаменъ оказался очень удачнымъ. Крѣпости его тѣла, здоровому цвѣту лица могъ позавидовать не одинъ молодой человѣкъ; старательно подстриженные усы придавали его лицу молодцоватый видъ; небольшая лысинка на темени поддавалась замаскированію и только одна бородка нѣсколько компрометировала своей сѣдиною.

И панъ Матеушъ раздумывалъ надъ тѣмъ, не сбрить ли ее, когда его размышленія прервалъ звонокъ.

Накинувъ халатъ, удивленный раннимъ визитомъ, онъ спросилъ:

— Кто тамъ?

— Преміи изъ *Иллюстрированнаго Еженедѣльника*.

— Ага!—вспомнилъ панъ Матеушъ,—сегодня я получу все,—и, поднимая щеколду, почувствовалъ себя нѣсколько возбужденнымъ.

— Двѣнадцать томовъ Сенкевича и дюжина «Научной Библіотеки»,—говорилъ разносчикъ, показывая двѣ пачки красиво переплетенныхъ книжекъ.

— И вовсе недурно!... вовсе недурно,—осматривая переплеты, ворчалъ довольный панъ Матеушъ,—поблагодари, голубчикъ... Подожди, вотъ тебѣ на чай, милый...

— А это что?—воскликнулъ онъ, замѣтивъ, что разносчикъ открываетъ другую половинку двери.

— Отворяю я потому, что тамъ, въ воротахъ, выгружаютъ *Польскую Газету*.

Дѣйствительно, двери распахнулись настежь, и двое рослыхъ драбантовъ, сопящихъ и раскраснѣвшихся, внесли носилки, на которыхъ возвышались кучи *Исторіи Искусства*, пласты *Описанія земель, населенныхъ поляками*, разукрашенныя папки для временнаго храненія выпусковъ, переплеты для полныхъ томовъ и вся *Библіотека избранныхъ сочиненій*.

— Уфъ!—простонали посыльные, ставя на полъ носилки,—куда свалить это?—спрашивали они, отирая обѣими руками потъ со лба.

Панъ Матеушъ заметался по зальцу, слегка смущенный щедростью редакціи.

— Да вотъ сюда, у стѣны!

— Ну, валяй!—и посыльные высыпали весь грузъ, который образовалъ холмикъ, достигающій до парапета окна.

---

*) 31 декабря.

— Подождите!—крикнулъ панъ Матеушъ и пошелъ въ кабинетъ за мелкой монетою.

Но едва онъ успѣлъ возвратиться, какъ *Гонецъ*, всѣ *Курьеры* и нѣсколько меньшихъ еженедѣльниковъ успѣли уже сложить свои дары, такъ что небольшая зала оказалась по обѣ стороны заваленною прибавленіями чуть не до потолка, а въ образовавшійся по серединѣ узкій коридоръ протискивалось четверо человѣкъ, несущихъ большой, плоскій, четырехугольный предметъ, завернутый въ брезентъ. Передъ ними егозилъ какой-то вертлявый молодой человѣкъ въ визиткѣ, прокладывая себѣ дорогу и предостерегая всѣхъ:

— Осторожнѣй! Потише! Вотъ здѣсь... не влѣзаетъ... ну, такъ наискосъ!

— Я изъ *Путешественника*,—отрекомендовался онъ, завидѣвъ пана Матеуша,—съ радостною вѣстью! Посчастливилось вашему нумеру! Самая большая изъ нашихъ картинъ выпала на вашу долю... Раскройте!

Брезентъ упалъ.

Панъ Матеушъ, догадавшись въ чемъ дѣло, совершенно счастливый, съ любопытствомъ смотрѣлъ на художественное произведеніе. Онъ заходилъ то съ одной стороны, то съ другой, складывая руку въ трубочку, и со всѣхъ точекъ зрѣнія видѣлъ только полотно, покрытое слоемъ однообразной черной краски.

— Что это?—наконецъ, спросилъ онъ.

— Это внутренность навсегда покинутой шахты,—живо объяснялъ членъ редакціи,—мысль поистинѣ оригинальная... Когда-то здѣсь кипѣла жизнь, движеніе, сновали рудокопы съ своими лампочками. Тележки то опускались, то поднимались, выбрасывая на поверхность гигантскія массы черныхъ бриллiантовъ, вырванныхъ изъ лона земли... А теперь что? Глухая тишина, однообразно сгущенная темнота, великое «ничто», взывающее угрюмымъ голосомъ съ угрюмаго полотна. Настроеніе прямо трагическое! Тема, въ виду дороговизны угля, вполнѣ современная, а тѣмъ не менѣе, это происходитъ на глубинѣ, по крайней мѣрѣ, трехсотъ метровъ... Триста метровъ!—съ энтузіазмомъ восклицалъ онъ, видя нѣкоторое разочарованіе на лицѣ пана Матеуша.—Триста метровъ въ глубину, пять въ ширину, три въ длину, а все вмѣстѣ четыре тысячи пятьсотъ кубическихъ метровъ,—прибавилъ онъ съ удареніемъ,—и притомъ совершенно gratis. Я думаю, что въ васъ мы пріобрѣли вѣрнаго подписчика, то-есть я хотѣлъ сказать, друга нашего изданія.

— Я очень, очень вамъ благодаренъ,—пожимая руку молодого

человѣка, говорилъ панъ Матеушъ, ошеломленный и восхищенный его краснорѣчіемъ.

— Мы исполнили только нашу святую обязанность,—съ достоинствомъ отвѣтилъ репортеръ и раскланялся.

— Мы, конечно, какъ журналъ серьезный, не можемъ давать такіе объемистые презенты,—иронизировалъ какой-то худощавый господинъ, который вотъ уже нѣсколько секундъ стоялъ на порогѣ и провожалъ молодого человѣка завистливымъ взглядомъ.—Вы, милостивый государь, внимательно присматриваясь къ нашему *Домашнему врачу*, должны были обратить вниманіе на рядъ статей о величайшихъ врагахъ человѣка, о бактеріяхъ. И вотъ теперь, благодаря усиліямъ нашей редакціи, мы въ состояніи предложить нашимъ подписчикамъ, какъ годичную премію, чистыя культуры нѣкоторыхъ заразъ.

Худощавый господинъ открылъ большую шкатулку, въ которой рядами стояли флакончики и трубочки, тщательно заткнутые ватою.

— Вотъ это,—указалъ онъ на первый рядъ,—скандинавская проказа, настоящая, спеціально доставленная для нашихъ потребностей. Слѣдующіе ряды: азіатская холера, желтая лихорадка... Ну, дальше,—тифъ пятнистый, черная оспа, а здѣсь,—онъ презрительно махнулъ рукою,—обыкновенный дифтеритъ, скарлатина, разнаго рода сыпи, полный комплектъ болѣзней, хорошо извѣстныхъ и потому мало интересныхъ... Моровой язвы, къ сожалѣнію, мы не успѣли получить во время, но въ будущемъ году непремѣнно будемъ имѣть ее. Вы, какъ внесшій подписную плату за годъ впередъ, имѣете право выбрать два флакона перворазрядныхъ болѣзней, или три minorum gentium. Я весь къ вашимъ услугамъ.

Панъ Матеушъ въ испугѣ отскочилъ отъ него.

— Да нѣтъ... бормоталъ онъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— Я усердно прошу васъ, усердно прошу... безъ церемоніи, потому что вамъ это надлежитъ по праву. Я рекомендовалъ бы вамъ желтую лихорадку,—экзотическія вещи теперь въ модѣ.

— Я не хочу!—удалось проговорить пану Матеушу, хотя и подавленнымъ голосомъ.

— Такъ вы предпочитаете мѣстную холеру, собственную?... очень почтенно поддерживать свое... такъ и слѣдуетъ гражданину... ну, такъ вотъ, пожалуйте: телячій лишай, брюшной тифъ и чахотка, все перваго сорта, съ гарантіей.

Делегатъ *Домашняго Врача*, положивъ на письменный столъ три трубочки, важно поклонился и исчезъ со своей шкатулкой.

Панъ Матеушъ невѣрными шагами добрался до спальни, не спуская испуганныхъ глазъ съ зловѣщихъ флакончиковъ.

Тѣмъ временемъ изъ *Друга Животныхъ* ему прислали паршивую дворняжку Катона, который, обнюхавъ всѣ углы, сложилъ въ концѣ концовъ доказательства своего довѣрія на предкаминномъ ковринкѣ ручной работы, потомъ началъ лаять на пана Матеуша, получилъ ударъ ногою и залѣзъ подъ козетку съ гнѣвнымъ ворчаніемъ. Потомъ онъ вдругъ вскочилъ и завылъ самымъ отчаяннымъ образомъ.

— Уйдешь ли ты отъ меня? О, Господи Іисусе!—послышался чей-то голосъ, потомъ раздался крикъ, потомъ пронзительное хрюканье, и собака съ опущеннымъ хвостомъ, повизгивая, возвратилась на старое мѣсто.

За нею, ведя привязаннаго за ногу поросенка, показалась приземистая крестьянка съ кошелкой подъ мышкой.

— Да будетъ благословенно имя Іисуса Христа! Едва кишки мнѣ не выпустилъ, окаянный!

— Во вѣки вѣковъ!—машинально отвѣтилъ панъ Матеушъ.— Чего тебѣ нужно, голубушка?—спросилъ онъ, немного придя въ себя.

— А я изъ *Хорошей Хозяйки,* приказали мнѣ отвести сюда вотъ этого парсука, подкормите вы его, да помоете, такъ смотри какой будетъ къ Свѣтлому Празднику. А это—курочка, зимою несется... должно быть, прямо изъ Нѣметчины. Говорили, десятокъ яицъ въ день снесетъ, а я думаю себѣ: толкуй тамъ! Иду, а она кудахтаетъ; пощупала ее,—есть!... четверти часа не прошло, батюшки мои! опять кудахтаетъ, и такъ вотъ четыре раза за всю дорогу... вотъ они!

Хозяйка вынула изъ фартука яйца и положила ихъ на каминную доску, причемъ одно яйцо лопнуло, выпуская бѣлокъ, который Катонъ началъ жадно подлизывать. Хохлатка, выпущенная на волю, вскочила на цилиндръ пана Матеуша и начала пристраиваться въ немъ, хлопая крыльями.

— О, Пречистая Дѣва! она еще разсаживаться хочетъ! зимою-то!... ну, ужъ и бестія!... — дивилась женщина, покачивая головою.

Панъ Матеушъ, глядя на здоровенное лицо крестьянки, которая напоминала ему прелести сельскаго уединенія, развеселился и въ приливѣ чувства, по старинной привычкѣ, взялъ ее за подбородокъ и хотѣлъ было предложить, чтобы она захватила съ собою всю премію, какъ вдругъ рѣзкій саркастическій голосъ: «Извиняюсь... кажется,

не во время! помѣшала немного»...—привлекъ его вниманіе въ другую сторону.

Въ дверяхъ торчала высокая доскообразная дама въ очкахъ и въ огромной пелеринѣ, изъ подъ которой выглядывало нѣсколько дѣтскихъ ножекъ.

— Я прихожу сюда изъ *Новаго Педагога*,—язвительно прорычала она.

Раскрывъ пелерину, она показала пана Матеуша маленькимъ дѣвченкамъ и торжественно проговорила:

— Посмотрите: это мужчина, собственно говоря, старый холостякъ, пойманный на мѣстѣ преступленія!

Потомъ, скрывъ въ складкахъ своей одежды всѣхъ дѣтей, кромѣ одной четырехлѣтней дѣвочки, она зачастила шибко и категорически:

— Нашъ журналъ пришелъ къ убѣжденію, что не только теоретически, но и практически мы должны внѣдрять въ читателя основы правильнаго воспитанія. На вашу долю выпала опека вотъ надъ этой сиротою... Я глубоко ей сочувствую... Но, что дѣлать, свершилось! Я думаю, что для васъ это будетъ нѣкоторою формою покаянія за цѣлый рядъ лѣтъ, проведенныхъ въ распутствѣ. Ядзя, поклонись!

Ядзя присѣла.

Въ это время курица важно закудахтала.

— Что это за звѣрь?—начала экзаменъ дама.

— Это курица,—какъ машина отвѣтила дѣвчонка.

— Что дѣлаетъ курица?

— Курица кудахтаетъ.

— Зачѣмъ курица кудахтаетъ?

— Курица кудахтаетъ затѣмъ, что сноситъ яйцо.

— А что она сдѣлаетъ съ этимъ яйцомъ?

— Она сдѣлаетъ то, что сядетъ на него.

— Что же выйдетъ изъ этого яйца?

— Изъ этого яйца выйдетъ цыпленокъ.

— А ты сама откуда вышла?

— Я вышла изъ яйца.

— Хорошо! Вы понимаете,—обратилась она къ пану Матеушу,—что въ эти года мы можемъ знакомить дѣтей съ основнымъ вопросомъ воспитанія лишь только въ самыхъ общихъ чертахъ, и не особенно точно, но черезъ годъ она должна быть посвящена во все. Да, милостивый государь,—продолжала она пророческимъ голосомъ, поднимая кверху костлявый палецъ,—кончились прекрасные дни въ Аранхуэцѣ, благословенные дни аистовъ, которые приносили маленькихъ дѣтокъ и на которыхъ такъ легко было сваливать всѣ вины

молодящимся ловеласамъ! Имѣю честь кланяться!—и она удалилась, кѣряя пана Матеуша взглядомъ, полнымъ презрѣнія.

Катонъ заворчалъ, Ядзя забилась въ уголокъ, сжала кулачки и сложила губки подковкой.

Панъ Матеушъ, который обладалъ сердцемъ, какъ воскъ, остывъ отъ негодованія, въ какое его повергли оскорбительныя подозрѣнія, хотѣлъ было успокоить ребенка, но дорогу ему перегородило двое элегантныхъ, вѣжливыхъ и милыхъ въ обращеніи блондиновъ.

— Pardon,—заговорилъ тотъ, что повыше, кланяясь съ величайшей изысканностью.— *Фельдшерское Обозрѣніе*, несмотря на поддержку, которую оно нашло въ высоко-вліятельныхъ сферахъ, еще не въ состояніи выдавать цѣнныя преміи, хотя и стремится къ этому... Въ настоящее время мы пока оказываемъ только личныя услуги: стрижемъ, бреемъ, ставимъ банки, пьявки, мушки, что угодно à discretion и gratis... Мнѣ кажется, что эта бородка...

— Да, бородку-то, пожалуй,—согласился панъ Матеушъ, довольный тѣмъ, что хоть на этотъ разъ ему придется воспользоваться чѣмъ-нибудь.

Въ мгновеніе ока его лицо было покрыто мыломъ и бритва съ быстротою молніи замелькала вокругъ его щекъ. Тотъ, который пониже, тѣмъ временемъ досталъ машинку, и сразу оголилъ всю голову пана Матеуша, оставивъ только одинъ пучокъ волосъ для замаскированія лысины.

Прежде чѣмъ окропленный о-де-колономъ, съ отчаянно нафиксатуаренными усами, близкій къ истерикѣ, панъ Матеушъ успѣлъ опамятоваться, какъ блондиновъ уже не оказалось въ комнатѣ, зато въ ней очутился сильно сложенный брюнетъ, съ видомъ суровымъ и полнымъ угрозы.

— Прошу васъ пропѣть: а-а-а!—энергично скомандовалъ онъ.

— А-а-а!—машинально послушался панъ Матеушъ, широко раскрывая ротъ.

Въ обѣихъ рукахъ брюнета сверкнули клещи: трахъ, трахъ!—и въ каждыхъ осталось по зубу пана Матеуша.

— Вы имѣете еще право на три мастичныхъ пломбы или на одну золотую, по предъявленіи подписной квитанціи въ редакціи *Дантистъ*, отъ пяти часовъ до семи каждый день, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней,—заявилъ брюнетъ и величественно вышелъ вонъ.

Панъ Матеушъ, истекающій кровью, бросился въ спальню, заперъ ее на ключъ и упалъ на кровать, дрожа отъ раздраженія.

Изъ редакціи *Голоса*, *Эха*, *Католической Миссіи*, *Охотника*, *Модъ*, *Вѣка* непрестанно раздавались голоса.

— Оставить!—кричалъ панъ Матеушъ.

Полъ такъ и трещалъ отъ сыплющихся пачекъ книгъ, картъ, портфелей, альбомовъ, единственныхъ достовѣрныхъ изображеній Христа и всѣхъ святыхъ.

Наконецъ, пожертвованный *Меломаномъ* фонографъ задудѣлъ на голосъ: «Пробудись отъ ложныхъ сновъ»... Сотрудникъ *Праздничнаго Курьера* прочиталъ солидный трактатъ о покроѣ панталонъ, а автоматическій пистолетъ, доставленный журналомъ *Спортъ*, стрѣлялъ черезъ каждыя пять минутъ, разбивая каждый разъ по зеркалу. Потомъ нервно забарабанило нѣсколько десятковъ рукъ и ручекъ, трудящихся въ *Декадентѣ*.

— Оставить!—гремѣлъ панъ Матеушъ.

— Еще чего! Этого только не доставало!... не можемъ,—послышался отвѣтъ.—Мы пришли всѣмъ соборомъ только для того, чтобы показать обнаженную душу.

Панъ Матеушъ даже вздрогнулъ отъ этого безстыднаго предложенія.

Тѣмъ временемъ за дверями спальни шло совѣщаніе.

— Пускай онъ самъ потрудится придти въ редакцію, потому что намъ во второй разъ являться сюда невозможно!—сказалъ чей-то голосъ.

Кровь ударила въ голову пана Матеуша, онъ вскочилъ, чтобы отомстить за всѣ обиды, и вдругъ весь такъ и замеръ.

Въ дверь начали стучать какіе-то дрожащіе и таинственные пальцы.

— *Изъ міра духовъ*,—пронесся шепотъ, исходящій какъ будто изъ бездны.

У пана Матеуша (онъ былъ суевѣренъ) послѣдній клочокъ волосъ всталъ дыбомъ на головѣ. Ему показалось, что вотъ-вотъ явится какое-нибудь страшное видѣніе, скелетъ, что ли, а то, можетъ быть, и сама смерть съ косою.

Онъ сразу въ неистовствѣ бросился къ окну, выбилъ раму и началъ взывать о помощи.

Катонъ визжалъ, курица, какъ только миновало четверть часа, опять закудахтала. Ядзя жалобно пищала, поросенокъ хрюкалъ.

Подъ окномъ собралась цѣлая толпа народу. Заиграла трубка Скорой Помощи, раздались тревожные свистки полиціи.

Спустя минуту въ выбитыхъ дверяхъ показалось нѣсколько полицейскихъ.

При видѣ ихъ панъ Матеушъ посинѣлъ отъ негодованія. Какъ подписчикъ *Полицейской Газеты,* онъ былъ увѣренъ, что это тоже премія, которая самымъ грубымъ образомъ врывается въ его спальню.

— Вонъ!—закричалъ онъ внѣ себя отъ бѣшенства, схватилъ одною рукою Катона за хвостъ, другою поросенка за ухо и началъ этимъ лающимъ и хрюкающимъ оружіемъ угощать стражей порядка.

Обезоруженный, поколоченный и скрученный, онъ очень быстро очутился въ кварталѣ, обвиняемый въ нарушеніи общественной тишины и въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ.

При составленіи протокола панъ Матеушъ, не отдавая себѣ отчета въ истинномъ положеніи вещей, убѣжденный, что его и дальше станутъ награждать преміями, клялся и божился, что никогда не будетъ подписываться ни на что, и съ искренними слезами отрекался отъ всякихъ безплатныхъ приложеній. Однимъ словомъ, онъ велъ себя такъ безсознательно, что комиссаръ проворчалъ «сумасшедшій», велѣлъ его пока запереть въ «холодную», а на слѣдующій день отослать на испытаніе въ Творки.

На первой консультаціи панъ Матеушъ на вопросы доктора отвѣчалъ еще довольно складно и, только завидѣвъ на столѣ какую-то газету, началъ выказывать видимую тревогу, а когда ему на глаза попались аршинныя красныя буквы «Большое безплатное приложеніе», то съ пѣною у рта онъ схватилъ роковой документъ и пожралъ его въ мгновеніе ока.

Надѣли на него горячечную рубашку и засадили въ отдѣльную камеру, гдѣ въ теченіе трехъ дней онъ подвергался припадкамъ бѣшенства.

Послѣ пожратія объявленія острый періодъ миновалъ, и сумасшествіе пана Матеуша приняло форму спокойной маніи.

Ему казалось, что Богъ—въ одномъ лицѣ редакторъ и издатель двухъ конкурирующихъ изданій: *День* и *Ночь,* излагающихъ свои воззрѣнія на страницахъ пространства.

Всѣ явленія, совершающіяся во времени, всѣ вещи, находящіяся въ пространствѣ, представлялись ему подъ видомъ «текущихъ извѣстій», «объявленій» или «безплатныхъ приложеній».

Себя самого онъ сначала почиталъ за единственнаго подписчика и читателя этихъ огромныхъ газетъ, потомъ, по мѣрѣ осложненія болѣзни, ему стало представляться, что онъ только лишь плохо переплетенный томъ *Библіотеки избранныхъ произведеній,* которую никто читать не хочетъ. Это оскорбляло и огорчало его въ высочайшей степени. Онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ словно пергаментъ.

Наконецъ, двадцать девятаго марта онъ передалъ Великому Издателю свой духъ. Перваго апрѣля, въ дождливый, туманный и пасмурный день, пріѣхалъ оптовый букинистъ и макулатуру его тѣла, сваленную въ гробъ, вывезъ на Брудно. Несомнѣнно, небесная редакція приняла его благосклонно, потому что онъ страдалъ. Зато земныя редакціи отплатили ему черной неблагодарностью: объ его кончинѣ не было ни малѣйшаго упоминанія ни въ текстѣ, ни въ отдѣлѣ платныхъ объявленій.

Итакъ, неоплаканный, блаженной памяти подписчикъ, который вносилъ подписную плату за годъ впередъ, лишенъ былъ всякой рекламы, словно выдающееся произведеніе автора, не принадлежащаго ни къ какому лагерю, сдѣлалъ послѣднюю кляксу, а могила его, скорѣе, чѣмъ газетная слава, подверглась забвенію.

В. Л.

АДЯ СУМЦОВА.

(Посвящается памяти А. П. Чехова) *).

I.

Восемнадцатилѣтняя Адя Сумцова ходила по большой, погрузившейся въ сумерки, залѣ и поглядывала на часы. Было 6 вечера. Въ столовой лакей накрывалъ столъ къ чаю, стараясь не шумѣть, такъ какъ сегодня чай пили раньше обыкновеннаго, по случаю пріѣзда молодой барыни (бариновой замужней сестры), а генералъ еще отдыхалъ. Мать Ади—Вѣра Васильевна—и младшая сестра Лида уѣхали на вокзалъ встрѣчать тетю Валю, Адѣ же сказали, что она лучше сдѣлаетъ, если останется дома, такъ какъ назадъ втроемъ будетъ тѣсно. Адя очень любила тетю Валю и была ея любимицей, но Лида—была любимицей матери, и Адя привыкла ей во всемъ уступать.

«Мое отъ меня не уйдетъ!—думала она, прохаживаясь по залѣ,—постель для тети приготовлена въ моей комнатѣ; когда всѣ лягутъ, мы наговоримся вволю».

Тетю Валю Адя не видала болѣе двухъ лѣтъ, а за это время въ ея жизни было много впечатлѣній и событій. Уѣхавъ съ мужемъ сейчасъ послѣ свадьбы въ его имѣніе, тетя Валя оставила Адю въ 7-мъ классѣ гимназіи и только изъ писемъ знала объ окончаніи 8-го, объ ухаживаніи и предложеніи молодого чиновника, которому очень симпатизировала вся семья Сумцовыхъ, и о томъ, что Адя вдругъ увлеклась вновь пріѣхавшимъ блестящимъ адъютантомъ и отказала своему скромному претенденту. Поджидая любимую тетку и волнуясь свиданіемъ съ нею, Адя невольно уносилась въ прошлое и искала себѣ оправданія въ томъ, въ чемъ гдѣ-то глубоко въ душѣ считала себя неправой. Она соображала, чего тетя не знаетъ, что надо разсказать о чемъ посовѣтоваться... Адя дома чувствовала себя одинокой.

*) Это послѣдній разсказъ, принятый А. П. Чеховымъ. *Ред.*

Отецъ—очень умный и добрый человѣкъ, мало времени могъ отдавать ей, занятый службой; мать—свѣтская женщина, главнымъ образомъ дорожила своимъ покоемъ и тѣмъ, чтобы все и вся въ домѣ было «прилично». Любимица ея—Лида, въ достаточной мѣрѣ разстраивала ея нервы, и это отражалось всегда на Адѣ... «ты, какъ старшая, должна уступить, ты—старшая, будь тактична» и т. п., постоянно слышала Адя. Лида въ дѣтствѣ была слабенькой, и потому мать избаловала ее. Жила еще въ домѣ тетя Надя—старшая сестра Николая Николаевича Сумцова. Немолодая, вдова, она была несообщительна и въ жизни Ади не играла никакой роли. Близкихъ друзей у Ади не было, а подруги не любили бывать въ домѣ Сумцовыхъ; Адю же Вѣра Васильевна рѣдко и неохотно отпускала въ гости. Единственнымъ другомъ являлась тетя Валя—отзывчивая, веселая и безконечно любившая Адю. Два года тому назадъ тетя Валя неожиданно для всѣхъ собралась замужъ, рѣшивъ, что «пора вить свое гнѣздо». Она вышла за довольно богатаго помѣщика, который проѣздомъ черезъ городъ Х. очаровался ею и, очевидно, сумѣлъ очаровать ее. Тетя Валя экспансивностью тоже не отличалась и, не вступая въ откровенности съ родными, въ одинъ прекрасный день представила Соколовскаго какъ своего жениха и, сокративъ до минимума срокъ «жениховства», уѣхала послѣ скромной свадьбы хозяйничать въ имѣніе мужа.

Теперь она пріѣзжала частью по денежнымъ дѣламъ, частью повидать родныхъ, особенно Адю. Адя вошла въ свою комнату и достала изъ ящика письменнаго стола двѣ карточки. Подойдя къ окну, она стала разсматривать ихъ. На одной былъ изображенъ довольно полный молодой шатенъ, съ вьющимися волосами, привѣтливымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ и съ мягкой улыбкой. На оборотной сторонѣ карточки была надпись: «хорошей» и ниже: «такой, какихъ не встрѣчалъ». Адя подумала, что хорошо бы стереть эту надпись; тетя Валя непремѣнно подтрунитъ надъ нею, а не показать Адя не могла: она всегда была откровенна съ тетей... «Ну, пусть, считалъ хорошей—разочаровался, а этого вотъ я считала хорошимъ и тоже ошиблась». Адя посмотрѣла на другую карточку. Красивый брюнетъ въ адъютантскомъ мундирѣ, казалось, прямо въ душу глядѣлъ нахальными, но чрезвычайно красивыми глазами. Что-то защемило въ сердцѣ Ади и она съ грустью усмѣхнулась... «Другу»—стояло на оборотной сторонѣ карточки крупнымъ красивымъ почеркомъ... «Надъ этимъ тетя Валя еще больше будетъ смѣяться... хороша дружба!» Въ залѣ послышались голоса. Адя сунула карточки въ столъ и бросилась встрѣчать тетку.

II.

За чайнымъ столомъ собралась вся семья Сумцовыхъ. Вѣра Васильевна—полная, маленькаго роста женщина, необыкновенно бѣлыми и пухлыми ручками разливала чай, который на серебряномъ подносѣ разносилъ безшумно ступавшій лакей. Генералъ Николай Николаевичъ, куря сигару и ласково улыбаясь, слушалъ болтовню дочерей съ теткой, а тетя Валя—молодая, красивая, очень похожая на брата, старалась не обидѣть ни одну изъ племянницъ—каждую выслушать, каждой отвѣтить. Старшая ея сестра, «тетя Надя», видимо недовольная, не желала этого скрывать и рѣзко прервала болтовню:

— Я думаю, тетка съ дороги устала, въ ушахъ шумитъ, а вы еще прибавляете.

Адя и Лида умолкли.

— Что ты, Надя, я очень рада ихъ слушать,—возразила Валентина Николаевна.

— Да вѣдь и другимъ, можетъ быть, поговорить, а главное, тебя послушать, хочется.

— Я прогощу у васъ долго, успѣемъ наговориться.

Кончили чай, перешли въ гостиную. Лида начала показывать тетѣ Валѣ карточки новыхъ знакомыхъ и свои недавно снятыя. Адя сѣла въ сторонѣ и притихла.

— Что затуманилась, зоренька ясная,—проходя мимо и погладивъ ея щечку, сказалъ отецъ.

— Она у насъ въ минорѣ,—насмѣшливо отозвалась Лида и снова занялась болтовней съ тетей.

Черезъ годъ и Лида кончала 7-й классъ гимназіи и собиралась начать выѣзжать. Ей было всего 15 лѣтъ, отецъ хотѣлъ, чтобы она, какъ сестра, прошла и педагогическій классъ, но Лиду давно смущали длинныя платья и бальныя туфли сестры, и ученіе плохо шло ей въ голову; она заупрямилась и по всему было видно, что съ помощью матери побѣда останется на ея сторонѣ.

— Тетя Валя, знаешь, что наша Адя выдумала?—вдругъ перемѣнила разговоръ Лида.—Хочетъ на курсы ѣхать! Вотъ не было печали!

— Лида, что это у тебя за выраженія!—остановила мать.—Мало ли что можетъ придти въ голову Адѣ.

— Да, тетя, меня не пускаютъ на курсы, а Лиду просятъ поучиться еще годикъ, она не хочетъ,—отозвалась Адя.

— Не даромъ же тебя папа профессоромъ зоветъ,—засмѣялась тетя,—ты любишь учиться, Лида—нѣтъ, вкусы вѣдь разные бываютъ.

— И совсѣмъ не ради ученья она на курсы собралась,—начала было съ хохотомъ Лида, но мать остановила ее.

Тетя Валя перемѣнила разговоръ, и вечеръ прошелъ мирно и весело.

Оставшись вдвоемъ съ своей любимицей, тетя Валя обняла ее и, нѣжно цѣлуя, усѣлась съ нею въ ея комнатѣ въ уголку кушетки.

— Ну, теперь мы однѣ, Адя, говори, что у васъ тутъ происходитъ, я что-то замѣтила—съ Лидой вы не ладите, мама тобой будто недовольна... а ты грустна... что случилось?

Адя спрятала лицо на груди тетки и горько заплакала.

— Ну, полно, это нервы напряглись... дай имъ отдохнуть, да и облегчи душу... разсказывай все по порядку...

Тетя Валя гладила шелковистые волосы Ади и говорила ей слова ласки и любви, которыя такъ успокоительно дѣйствуютъ.

— Ты вѣдь невѣстой была... какъ его... Черненко, кажется?

— Нѣтъ, тетя, объявленной невѣстой его я не была, мнѣ вѣдь тогда еще 16 лѣтъ не было, но онъ сдѣлалъ предложеніе, я сказала мамѣ, она рѣшила подождать, пока я кончу 8-й классъ.

— Ну, ты кончила... дальше...

— Кончила,—вытирая слезы, повторила Адя,—а еще до окончанія Жакскій пріѣхалъ... Ты, тетечка, не видала его... я покажу карточку.—Адя торопливо достала.—Вотъ, суди сама—онъ красивъ.

Тетя Валя внимательно разсматривала карточку.

— Мнѣ не нравится, Адя... Какой у него взглядъ нехорошій!

Адя взяла изъ рукъ тетки карточку и, бросивъ ее на столъ, заговорила:

— Видишь ли, теперь я сама знаю, что человѣкъ онъ нехорошій, и я не горюю, что мы разошлись, но когда я увидала его и познакомилась, меня очаровала и красота его, и изящество, и все его умѣніе обращаться съ людьми... а когда мы разстались, мнѣ было больно, очень больно—все хотѣлось вѣрить, что наружность его не была обманчивой.

Адя опять примостилась около тетки и продолжала:

— Того, Черненко, я не любила; очевидно, я увлеклась его чувствомъ. За что онъ полюбилъ меня—не знаю. Я ему очень симпатизировала, у насъ всѣ его очень любили, но влюбиться въ него мнѣ и въ голову не приходило! Онъ бывалъ у насъ часто, игралъ съ Лидой въ воланъ, съ мамой—въ пикетъ, съ тетей Надей говорилъ о хозяйствѣ, съ папой—о службѣ... всѣмъ былъ пріятенъ, и мама ему такъ довѣряла, что разрѣшила ему репетировать со мной математику передъ экзаменами. Дѣло пошло отлично, принялись за исторію, экзамены всѣ я сдавала прекрасно; только, помню, за ботаникой за-

тила я, что онъ что-то очень нѣжно на меня смотритъ, а это былъ послѣдній экзаменъ. Сдала я и его удачно, иду домой, встрѣчаю Черненко... тутъ онъ и объяснился; чудакъ такой, говоритъ, ждалъ послѣдняго экзамена, чтобы не развлекать меня, а больше уже ждать не можетъ. Онъ, должно быть, дѣйствительно, любилъ меня, тетя!

— Покажи-ка мнѣ его карточку,—попросила тетя Валя.—Вотъ это лицо мнѣ нравится, и я вѣрю, что онъ любилъ тебя.

Тетя прочла надпись и, къ удивленію Ади, не засмѣялась.

— Бѣдный, я думаю, онъ не легко пережилъ твою холодность.

— Я, тетя Валя, не была холодна къ нему,—отвѣтила Адя и густо покраснѣла,—я вѣдь увѣрила себя, или мнѣ такъ показалось, что тоже люблю его, т.-е. я ни о чемъ не думала, по правдѣ говоря, а когда онъ сказалъ, что любитъ меня, мнѣ было ужасно пріятно.

— Даже ужасно!

— Да, да, очень, очень... я прибѣжала домой вся красная, до глупости веселая... сказала мамѣ и, знаешь, смѣшно даже, заплакала, сама ужъ не знаю отъ чего... отъ неожиданности, должно быть! Ну, мама тоже довольна была, какая-то торжественная стала и сказала, что если мы любимъ другъ друга, то черезъ годъ, когда я кончу 8-й классъ, можемъ жениться. Тутъ хорошее время настало: какъ разъ было лѣто, всѣ вмѣстѣ на дачѣ... мама намъ много свободы предоставила и Лида не постоянно къ намъ приставала... Вотъ тутъ-то и начинается самое страшное.

— Ужъ и страшное?

— Да, конечно, страшное, этого не нужно было,—задумчиво сказала Адя.—Въ августѣ, помню, было воскресенье, прихожу я къ Мусѣ Любовой, а потомъ предполагался пикникъ въ рощу. Вхожу въ столовую, вижу какой-то новый адъютантъ стоитъ у окна и разговариваетъ съ Мусинымъ отцомъ... я, тетичка, замерла... Какой онъ показался мнѣ особенный... просто не видала я такихъ! Кто?—спрашиваю Мусю.—«Папинъ новый адъютантъ Жакскій».—Не знаю ужъ нечаянно или нарочно, только Муся не познакомила насъ. За обѣдомъ онъ сидѣлъ противъ меня и все взглядывалъ на меня, а я, какъ на зло, краснѣла... Косы у меня, ты знаешь, хорошія, а тутъ растрепались, это меня смущало и я себя преглупо чувствовала. Черненко сидѣлъ со мной рядомъ и еще подбавлялъ, трунилъ все время надъ «модным адъютантомъ»: и ногти-то черезчуръ длинны, и зачѣмъ носитъ кольца, и смазливъ-то онъ, а не красивъ, однимъ словомъ ., злилъ меня. Послѣ обѣда въ нѣсколькихъ экипажахъ поѣхали въ] ошу, пили тамъ чай, бѣгали въ горѣлки, собирали цвѣты. Жакскій когда поймалъ меня въ горѣлки, говоритъ: «позвольте предста-

виться, насъ забыли познакомить, а теперь мнѣ съ вами становиться въ пару, и я ужъ никому не позволю поймать васъ». И знаешь, дѣйствительно, онъ все перехватывалъ меня: раза 3 бѣгали, никто насъ не могъ разлучить! Черненко озлился и бросилъ бѣгать; мнѣ стало его жаль, и я, когда ѣхали назадъ домой... сидѣли мы рядомъ на длинныхъ дрогахъ, знаешь? Ну, ночь была темная, теплая, такая ласковая... мнѣ было весело, хотѣлось и шалить, и приласкаться. Черненко взялъ мою руку и сначала жалъ ее, а потомъ улучилъ минуту и поцѣловалъ. Доѣхали до Любовыхъ, а отъ нихъ онъ меня проводилъ домой пѣшкомъ. Ты не брани меня, тетя Валя, я тебѣ все откровенно разсказываю. Онъ сначала упрекалъ меня въ кокетствѣ и говорилъ, какъ онъ меня любитъ, а потомъ, когда я позволила цѣловать мои руки, онъ такъ расхрабрился, что у насъ въ подъѣздѣ поцѣловалъ меня прямо въ губы... Я пришла домой, сказала, что у меня голова болитъ и легла скорѣе... У меня дрожали руки и лицо такъ горѣло... мнѣ казалось на немъ написано, что сейчасъ со мной было.

Тетя Валя грустно смотрѣла на Адю.

— Ну, говори ужъ все.

— Я все скажу, все... Вотъ кончились каникулы, начались занятія въ 8-мъ классѣ. Надо тебѣ сказать, я и въ 8-мъ училась хорошо и очень меня интересовали занятія съ маленькими. Говорятъ, я очень хорошо умѣю говорить съ дѣтьми; правда, онѣ меня любили и меня часто назначали вмѣсто заболѣвшей или непришедшей учительницы. Ну, вотъ тутъ ужъ на правахъ взрослой я ходила изъ гимназіи всегда одна и часто Черненко встрѣчалъ и провожалъ меня до дому. За это время наши отношенія были прекрасны. Я считала себя, послѣ тѣхъ поцѣлуевъ, связанной съ нимъ и очень хотѣла стать его женой, мечтала, что мы уѣдемъ на его родину въ Малороссію, будемъ хозяйничать, я сама буду учить своихъ дѣтей... я непремѣнно хотѣла имѣть много дѣтей, такихъ здоровыхъ, веселыхъ. Съ Жакскимъ я встрѣчалась рѣдко, у насъ онъ бывалъ съ визитами, заходилъ въ ложу въ театрѣ, да еще у Муси иногда встрѣчались; но каждый разъ и Черненко былъ тутъ, и я не хотѣла огорчать его, а поэтому избѣгала говорить съ Жакскимъ. Мнѣ казалось, что, дѣйствительно, ничего особеннаго въ немъ нѣтъ, и я только въ первую минуту такъ была очарована его внѣшнимъ изяществомъ. Но вотъ зимой, въ ноябрѣ, Черненко получилъ командировку на два мѣсяца. Передъ разлукой, считая его своимъ будущимъ мужемъ, я много ему позволяла цѣловать себя и... сама цѣловала его.—Адя опять замолкла на минуту.—Знаешь, тетя, ты будешь бранить меня, а я всетаки

въ душѣ упрекала Черненко за эти поцѣлуи... о, если бы я не попробовала этого... какъ бы это опьянѣнія, или головокруженія, я не почувствовала бы ытать его еще и еще... и, главное, вотъ ужасъ, тетя ..я... мнѣ, когда я влюбилась въ Жакскаго, захотѣлось ь нимъ цѣловаться... Я думала, тѣ поцѣлуи удержатъ меня, ждать Черненко, своего «Черненькаго», какъ я звала его, а ну, да что тутъ!—Адя махнула рукой и продолжала.—Повѣ-шь ты, тетя Валя, что съ отъѣзда Черненко я ни разу не вышла изъ гимназіи, чтобы не встрѣтить Жакскаго. И прежде мы иногда встрѣчали его, но не каждый день, во-первыхъ; во-вторыхъ, онъ не подходилъ къ намъ, иной разъ я его только издали видѣла, а тутъ началъ подходить... и всегда какой-нибудь такой предлогъ удобный. Я, признаюсь, мамѣ про эти встрѣчи не говорила. Я понимала, что на Черненко въ домѣ смотрятъ, какъ на моего будущаго мужа, съ Жакскимъ же мы были мало знакомы. Но онъ чародѣй какой-то, онъ умѣлъ такъ говорить, что я не замѣчала, какъ повторяла его слова... онъ затуманилъ совсѣмъ мою голову! Я всетаки могу тебя увѣрить, что если бы Черненко не уѣхалъ, все было бы благополучно, и я никогда не влюбилась бы въ Жакскаго. Я понимаю теперь, что въ Черненко я никогда не была влюблена, но мнѣ кажется, я его любила именно такъ, какъ надо любить мужа.

— То-есть какъ же это?—спросила, улыбаясь, Валентина Николаевна.

— Какъ? Симпатизировать, уважать... а не только влюбленной быть... влюбленный—знаешь, тетя, право наполовину перестаетъ быть самъ собой... я, по крайней мѣрѣ, не замѣтила, какъ на многое смотрѣла глазами Жакскаго и хотѣла только того, что, знала, нравится ему. Какъ я кончила занятія въ 8-мъ классѣ, какъ справилась съ экзаменами... и сама не знаю... я была какъ въ чаду! Жакскій увѣрилъ меня въ своей симпатіи и дружбѣ и не говорилъ даже о любви, а я въ каждомъ его словѣ, поступкѣ видѣла, что нравлюсь ему болѣе, чѣмъ другъ... Это кружило мнѣ голову! Подъ видомъ дружбы онъ выпыталъ у меня все о Черненко... онъ узналъ, что тот ь цѣловалъ меня и, вѣрно, ему самому захотѣлось цѣловать меня. Вот ъ тутъ-то я и упрекала Черненко... если бы не было его глупыхъ пов луевъ, мнѣ нечего было бы и разсказывать Жакскому, и онъ никогда не позволилъ бы себѣ того же, а я... у меня не было бы теперь эт хъ позорныхъ и мучительныхъ воспоминаній.

Адя вздохнула, тетѣ Валѣ отъ души было жалко этого ребенка. Он молчала.

— Кончай, Адя... гдѣ же вы могли такъ сблизиться?

— У Муси Любовой, тетя! Ты знаешь, у нихъ не то, что у насъ,— Муся пользуется полной свободой... ея мама сама кокетничаетъ, молодится... около нея всегда масса молодежи... За Мусей ухаживалъ въ то время Петровъ—младшій адъютантъ ея отца, а за мной вотъ Жакскій... мы не мѣшали другъ другу и цѣлые дни проводили у Муси наверху, или въ ихъ тѣнистомъ саду,—потомъ, весной.

За эту зиму было много вечеровъ для подростковъ, знаешь des bals blancs. На Рождествѣ были костюмированные вечера, и мама два раза дѣлала намъ съ Лидой костюмы... Жакскій въ это время и у насъ сталъ бывать чаще, маму съ Лидой совсѣмъ обошелъ... Лида даже вообразила, что онъ къ ней неравнодушенъ... только поэтому мамѣ и въ голову не приходило смотрѣть за его отношеніями ко мнѣ... Корректенъ, впрочемъ, онъ былъ безусловно. Часами обсуждалъ съ мамой туалетъ для костюмированнаго бала для Лиды и незамѣтно указывалъ для меня тотъ, что ему хотѣлось... онъ всѣхъ, всѣхъ, когда ему было нужно, умѣлъ заставить сдѣлать по-своему!

Черненко заболѣлъ въ командировкѣ и пріѣхалъ только въ февралѣ... Я уже не владѣла собой, лгать я не хотѣла и прямо сказала ему, что люблю Жакскаго... Мнѣ, право, теперь жаль Черненко! Ни словомъ онъ не упрекнулъ меня... сказалъ мамѣ, что заболѣлъ его отецъ и уѣхалъ... больше онъ не вернулся, устроилъ себѣ переводъ въ Полтаву. Тутъ я кончила курсъ. Лѣто прошло незамѣтно въ пикникахъ, гуляньяхъ, мнѣ все казалось необыкновенно весело! Зимній сезонъ начался въ этомъ году рано. Первый балъ... я никогда не забуду этого торжества! Я знаю, что была хорошенькой... даже мама похвалила меня, но мнѣ все освѣщало мое чувство къ Жакскому и его ко мнѣ. Онъ умѣлъ какъ-то быть со всѣми любезнымъ... я думаю каждую, какъ меня, могъ увѣрить въ своемъ исключительномъ вниманіи. Я по крайней мѣрѣ долго вѣрила, что онъ видитъ только меня, а съ другими говоритъ «для отвода глазъ», какъ онъ выражался!

— А предложеніе онъ тебѣ дѣлалъ?

— Нѣтъ, тетя Валя, знаешь, странно... между нами было рѣшено, что мы женимся, онъ цѣловалъ меня, называлъ своей невѣстой, а папѣ и мамѣ просилъ пока ничего не говорить... Я во всемъ его слушалась... Только однажды на балу, уже въ концѣ сезона— балъ былъ у Любовыхъ... вхожу я въ будуаръ полутемный, хотѣла отдохнуть, такъ какъ мама просила меня пораньше вернуться домой, у нея голова болѣла... я направлялась къ ней черезъ будуаръ, а въ залѣ танцовали... вдругъ вижу... Какъ это было ужасно, тетя Валя!

Вину: Жакскій мой обнимаетъ m-me Любову... Мусину маму... Боже мой! У меня въ глазахъ потемнѣло... Никогда я этой картины не забуду. Онъ сидитъ на маленькомъ диванчикѣ, а она стоитъ около него наклонившись, онъ обнялъ ее за талію и цѣлуетъ, цѣлуетъ, какъ цѣловалъ меня и, вѣрно, другихъ... За что, за что пережила я эту муку! Точно въ меня грязью швырнули, прямо въ сердце... все оскорбили, все выпачкали... Адя всхлипнула и, не выдержавъ воспоминаній, бросилась лицомъ въ подушку и зарыдала. Тетя Валя подала ей воды и отошла въ сторону.

«Пусть выплачется,—подумала она.—И зачѣмъ не было меня тутъ въ это время, невольно упрекнула она себя, можетъ быть, я во время замѣтила бы увлеченіе, поддержала бы бѣдную дѣвочку... не была бы она одна во власти проснувшихся и непонятыхъ инстинктовъ! А мамаша тутъ рядомъ живетъ съ своимъ ребенкомъ и не видитъ ничего! Хвалятъ миловидность, то-есть довольны успѣхами дочери въ обществѣ, и мысли не допускаютъ о томъ, что за этими тактичными манерами можетъ что-нибудь скрываться, что кто-нибудь можетъ увлечь этого ребенка и повести его за собой... Куда?» Тетя Валя въ страхѣ посмотрѣла на плачущую Адю.

— Успокойся, моя дѣтка,—наконецъ, сказала она, подходя къ ней... все это прошло, слава Богу, кончилось относительно благополучно... не разсказывай, какъ вы разошлись, эти воспоминанія тяжелы тебѣ, ты сломила себя, и хвала тебѣ!... Не надо плакать, а то завтра глаза будутъ вспухшіе... всѣ встревожатся.

— Да, тетя Валя, ты права, не надо... я и то тогда всѣхъ напугала, топиться хотѣла... Папа поддержалъ меня... онъ какъ-то умѣетъ, будто и не видитъ ничего, а когда надо, онъ тутъ и поддержитъ, и утѣшитъ, и опять куда-то спрячется.

— Будемъ же ложиться.

Тетя Валя начала причесываться на ночь и раздѣваться. Адя понемногу успокоилась.

— Правда, не только вѣдь свѣту въ окнѣ, что Жакскій... я о немъ и не думаю давно, это только воспоминанія и разсказы такъ меня взволновали... у меня теперь другое на умѣ... и ты мнѣ поможешь, тетя Валя, я очень на тебя разсчитываю.

— Что такое, говори.

— Видишь ли, всѣ эти выѣзды и ухаживанія надоѣли мнѣ; все это было хорошо, пока я была въ чаду, а очнулась... хочу теперь чего-то болѣе серьезнаго, прочнаго, чего-то, что меня не одурманитъ, а дастъ удовлетвореніе... Я знаю, здѣсь меня называютъ «зацѣло-

ванной и брошенной невѣстой...» Это очень обидно... меня цѣловали, правда, но меня никто не бросалъ.

— Полно, Адя, развѣ въ этомъ суть! Твое несчастіе въ томъ, что тебя не учили понимать и правильно цѣнить людей... По всѣмъ разсказамъ Черненко человѣкъ былъ очень хорошій и подходящій тебѣ, ты увлеклась внѣшнимъ блескомъ другого и не разсмотрѣла его пустоты... Гдѣ же Черненко теперь?

— Въ Полтавѣ... онъ женился, тетя Валя, и знаешь на комъ? на Сашѣ Соличъ, съ которой я была въ одномъ классѣ... Саша это лѣто гостила у дѣда въ Полтавѣ; знакома съ Черненко она была еще здѣсь, тамъ встрѣчались... Что-жъ, она будетъ лучшей женой, чѣмъ я...—грустно докончила Адя.

— Давно женился Черненко?

— Нѣтъ, я на-дняхъ получила письмо отъ Саши. Можетъ быть, и она хотѣла только кольнуть меня, что вотъ твой бывшій претендентъ забылъ тебя... но мнѣ это все равно теперь. Я мечтаю о курсахъ. Здѣсь учиться не у кого и нельзя учиться при порядкахъ и взглядахъ нашего дома... Уговори ты маму пустить меня въ Петербургъ.

— Хорошо, Адя, я поговорю съ мамой, и съ тобой мы еще поговоримъ, но сейчасъ давай спать... туши свѣчу.

Адя торопливо раздѣлась и, цѣлуя свою тетю Валю, уже веселая и полная надеждъ, говорила:

— Какая я ученая вернусь! а тамъ, можетъ быть, мѣсто устрою себѣ, или еще буду продолжать работать... вѣдь я сразу вырасту, стану самостоятельной. Неужели только и выхода для дѣвушки «нашего круга», что замужъ—уже въ постели смѣялась Адя.

Успокоенная и удовлетворенная разговоромъ съ теткой, Адя уснула.

III.

На слѣдующій день Адѣ не пришлось вовсе остаться съ тетей Валей вдвоемъ до поздняго вечера. Она слушала общіе разговоры, слонялась безъ дѣла и къ вечеру страшно устала.

— Ты продолжаешь, Адя, брать уроки пѣнія,—спросила тетя Валя,—спой намъ что-нибудь.

— Нѣтъ, тетя, мама отказала учительницѣ, а одна я еще не могу идти впередъ... Я пою понемногу, но...

— Суди сама, Валя,—прервала ее мать,—можно ли было продолжать уроки у m-me Sotoff, когда она такъ безобразно кривитъ ротъ при пѣніи... Адя могла бы невольно перенять эту манеру.

— Мамочка, я же не переняла ея, я знала, что это ея несчастная привычка, но она прекрасно преподавала, мнѣ недостаетъ ея указаній.

— Пустяки,—опять прервала Вѣра Васильевна,—тебѣ не профессіональной пѣвицей быть, а для себя ты и теперь поешь очень мило и—хочешь—можешь совершенствоваться сама.

— Ты знаешь, тетя Валя, у Ади страсть учиться... все учиться безъ конца, какая тоска!—заявила Лида.

— Не страсть учиться, а желаніе выучиться, не только все начинать и бросать.

— Не пикируйтесь, дѣти,—остановила Вѣра Васильевна.

— Я не пикируюсь, мама, мнѣ кажется, это не плохо, что я люблю музыку и пѣніе и хочу...

— Ахъ, перестань, пожалуйста,—ужъ совсѣмъ разсердилась Вѣра Васильевна,—люби ты музыку, но не терзай часами наши уши.

— То сольфеджіи поетъ, то экзерсисами душитъ, то одинъ какой-нибудь пассажъ повторяетъ до отчаянія,—опять заговорила Лида.

Адя пожала плечами.

— Вотъ я теперь и бросаю и музыку и пѣніе.

— Вѣчно крайности—или играть и пѣть по полдня, или вовсе не подходить къ роялю, ты какая-то ненасытная во всемъ, Адя,—строго сказала Вѣра Васильевна.

— Я не виновата, что мнѣ скучно безъ дѣла, пустите меня на курсы.

— Ахъ, Адя, объ этомъ кончено и не серди меня.

Адя постояла для приличія и ушла къ себѣ. Она вела дневникъ; сейчасъ ей хотѣлось хоть на бумагѣ вылить волновавшія ее чувства. А въ гостиной продолжался разговоръ на ея счетъ. Вѣра Васильевна убѣждала тетю Валю повліять на Адю.

— Совсѣмъ глупитъ дѣвочка!—возмущалась она.—Мы не были такими въ ея годы. Да вотъ сестра ея родная, Лида, эта тоже не будетъ такая; да, я увѣряю тебя, и Адя не была! Я очень цѣнила ея прилежаніе, но никогда не думала, чтобы она склонна была сдѣлаться синимъ чулкомъ.

— Полно, Вѣра,—не могла не вступиться за любимицу Валентина Николаевна,—Адя не синій чулокъ... она, можетъ быть, съ запросами болѣе серьезными, чѣмъ у большинства ея сверстницъ.

— Ты ее выгораживаешь, Валя, не спорь ты со мной! Виданное ли это дѣло, чтобы дѣвушку нашего общества отпустили одну жить въ коммунѣ какой-то, ходить со студентами по улицамъ, учиться... я не знаю чему тамъ... Она достаточно образована, прошла педаго-

гическіе классы, о которыхъ въ наше время и помину не было... да, наконецъ, неужели я не знаю, какъ воспитывать моихъ дочерей?—все больше и больше волновалась Вѣра Васильевна, и щеки ея покрывались красными пятнами. Тетя Надя поддержала ее, и она успокоилась.

— Ты, Валентина, не была здѣсь больше двухъ лѣтъ, за это время много воды утекло и здѣсь было новостей не мало.

— Я знаю, Адя мнѣ разсказывала. Я въ ея защиту одно позволю себѣ сказать: не хотите ее отпускать изъ дому, дайте ей возможность серьезно изучать музыку... дѣвочкѣ надоѣла пустая, свѣтская жизнь.

— Еще въ консерваторію не посовѣтуешь ли ее отправить?—опять возмутилась Вѣра Васильевна.

— По-моему именно отпустить бы... во-1-хъ, не надоѣдала бы всѣмъ въ домѣ своей музыкой, во-вторыхъ, была бы удовлетворена, совершенствуясь въ любимомъ дѣлѣ.

— Да что ей уроки, что ли, давать придется или на сцену поступать?

— Что-жъ, можно и уроки, и на сцену... все это мнѣ кажется лучше, чѣмъ всю жизнь выѣзжать, флиртовать, ловить жениховъ.

— Позволь, позволь, Валя,—моей дочери ловить жениховъ—quelle idée! У Ади было уже два жениха, есть и теперь претендентъ... Она очень мила въ обществѣ, Адя. Это она здѣсь напустила на себя что-то, а ты вотъ посмотри ее на балахъ... и хороша, и кокетлива, и остроумна... она пользуется большимъ успѣхомъ.

— Это она разочарована теперь, тетя Валя,—опять вступила въ разговоръ Лида,—а влюбится и опять будетъ весела и начнетъ мучить маму на вечерахъ, а я тутъ сиди и долби.

— Не долго осталось, вострушка, не тужи,—сказала тетя Надя.

— А кто же теперь ухаживаетъ за Адей?

— Очень богатый полковникъ Галкинъ,—сказала мать,—Адя и слышать о немъ не хочетъ.

Адя стояла въ дверяхъ и слышала послѣднія слова.

— Онъ мужикъ, тетя Валя, я не могу всю жизнь прожить съ такимъ!

— Какія глупости,—мужикъ,—засмѣялась Лида.—Конечно, онъ не такъ изященъ, какъ Жакскій, но красивѣе его и полковникъ уж...

— ты что же въ генеральши мѣтишь?—продолжала Лида дразнить А ю.

Та опять ушла.

— Есть у насъ и генералъ,—начала тетя Надя.—Да вотъ бѣда, пока Адя еще въ коротенькихъ юбочкахъ ходила, онъ б ыъ здѣсь,—помнишь, Суховъ?

— Помню, да какой же онъ генералъ?

— Ну, статскій совѣтникъ и вице-губернаторъ—все равно, что генералъ... вотъ я и говорю этотъ, если бы посватался... Онъ уѣхалъ теперь, какъ вице-губернатора получилъ.

— Да, прекрасный былъ бы мужъ,—вздохнула Вѣра Васильевна... и онъ Адю уже взрослой видѣлъ, какъ разъ на ея первомъ балу, онъ былъ еще здѣсь, много лестнаго онъ мнѣ на ея счетъ сказалъ... Знаешь, Валя, я сдѣлала Адѣ бѣлое газовое платье съ незабудками у пояса и въ волосахъ... Она была необыкновенно мила. Я переживала свою молодость, любуясь ею...—оживилась Вѣра Васильевна.

— Мама совсѣмъ было забыла меня,—начала Лида,—выѣзды съ Адей, туалеты Адѣ.—Ну, да слава Богу, теперь Адя ударилась въ святость, или ученость, и ужъ я буду выѣзжать, я одѣваться, я... я!

IV.

— Ну, тетя Валя,—говорила Адя,—если ты ничего не могла сдѣлать для меня, никто теперь не сдѣлаетъ! Папа пытался было убѣдить маму взять мнѣ компаньонку и пустить меня на зиму въ Петербургъ, даже самъ хотѣлъ взять отпускъ и пожить со мной первое время, но мама не хочетъ объ этомъ слышать!

— Я придумала для тебя занятіе, которое, мнѣ кажется, удовлетворитъ тебя. Видишь ли, по положенію твоего отца, здѣсь, въ провинціи, тебѣ дѣйствительно нельзя работать для заработка,—скажутъ у бѣдныхъ хлѣбъ отбиваешь.

— Я понимаю это, тетя.

— Учиться тебѣ самой здѣсь и не у кого, и съ вашими порядками это трудно. Я хочу предложить тебѣ сдѣлать доброе дѣло и съ пользой для себя занять свободное время; у тети Нади есть знакомая вдова, у которой три дѣвочки. Одна старшая въ прогимназіи, двѣ—младшихъ дома; нѣтъ средствъ ни учительницу взять, ни въ школу отдать. Возьмись-ка ты ихъ подготовить, а потомъ можно будетъ маму просить помѣстить ихъ на счетъ какого-нибудь изъ ея благотворительныхъ комитетовъ. Что скажешь объ этомъ, дружокъ?

— Я очень благодарна тебѣ, тетя Валя, только согласится ли мама.

— Это я берусь устроить.

Не прошло недѣли, какъ къ 9 часамъ утра въ комнату Ади начали приходить двѣ дѣвочки. Ихъ проводили чернымъ ходомъ и,

пока генеральша спала и кушала утренній кофе, а Лида отсиживала свои послѣдніе дни въ классѣ, Адя съ увлеченіемъ занималась съ дѣтьми. Лида начала было по обыкновенію вышучивать сестру, но мать запретила это, и временно въ домѣ настали миръ и тишина.

Дѣлая уступку матери, Адя изрѣдка ѣздила съ нею дѣлать визиты, выходила къ гостямъ, и Вѣра Васильевна была ею довольна.

— Ты можешь теперь, Адя, ѣздить со мной на экзамены въ наши пріюты,—говорила она.

— Зачѣмъ это, мама?

— Какъ же, ты сама учишь, совершенствуешься въ этомъ дѣлѣ, пріобрѣтаешь опытъ... ты можешь сдѣлать полезныя указанія учительницѣ.

— Я никогда не позволю себѣ, мама!

Но Вѣра Васильевна не терпѣла противорѣчій, и нуженъ былъ весь тактъ и привычка ладить съ матерью Ади, чтобы незамѣтно сдѣлать по-своему и не раздражать ее.

Тетя Валя, прогостивъ съ мѣсяцъ у своихъ, собралась домой. Ей казалось, она устроила временное благосостояніе своей любимицы, согласила всѣхъ и теперь въ глубинѣ души она одного желала Адѣ—хорошаго мужа.

— Пиши же мнѣ часто,—говорила она на прощанье,—какъ будутъ идти дѣла дальше съ ученицами, да не запирайся въ четырехъ стѣнахъ; назначеніе женщины—всетаки семья; надо найти человѣка по сердцу и свить свое гнѣздо, завести своихъ птенцовъ.

Тетя Валя уѣхала совсѣмъ довольная, а ея любимица задумалась надъ послѣдними словами тетки: «Легко сказать, найти человѣка по сердцу, свить свое гнѣздо... И неужели другого выхода дѣвушкѣ нѣтъ, какъ изъ одного гнѣзда въ другое, изъ одной опеки въ другую... неужели «наше общество», какъ говоритъ мама—это такія цѣпи, которыхъ нельзя сбросить, неужели такъ живутъ всѣ... не можетъ быть!»

V.

Прошелъ годъ. Лида Сумцова весной кончила 7-й классъ, провеселилась все лѣто на правахъ полувзрослой и теперь въ концѣ августа готовилась къ своему первому настоящему выѣзду въ свѣтъ. Съ утра она нервничала... еще не принесли платья, не заказали букета; туфли не такъ изящны, какъ у Ади, перчатки недостаточно длинны... Вѣра Васильевна ѣхала за новыми перчатками, посылала за платьемъ и букетомъ, уговаривала Лиду и въ концѣ-

концовъ объявила, что ляжетъ и чтобъ ее не безпокоили, иначе она не выдержитъ на вечерѣ. Сезонъ еще не начинался, балъ былъ благотворительный послѣ маленькаго концертнаго отдѣленія.

Адя тоже должна была ѣхать. Ея туалетомъ уже не занимались такъ, какъ, когда она выѣзжала одна; поэтому она по своему вкусу выбрала уже надѣванное платье и занялась прической сестры. Адя была мастерица причесывать, но Лидѣ трудно было угодить: то волосы мало волнисты, то черезчуръ завиты.—Кое-какъ сговорились. Лида была бы совсѣмъ хорошенькой, если бы не капризное выраженіе лица и не быстро краснѣющія вѣки. Стоило ей поволноваться, поплакать—ужъ трудно было вернуть нормальный цвѣтъ вѣкамъ—они краснѣли, вспухали и придавали жалкое выраженіе ея лицу. Вымывши шею и руки, надѣвъ чулки и туфли и кончивъ прическу, Лида сидѣла въ накинутомъ на плечи matinée матери у Ади въ комнатѣ и держала компрессы на глазахъ.

— Стоило плакать,—успокаивала Адя,—все принесли во́ время, все удачно, и ты будешь весела и интересна!

— Молчи, пожалуйста, это тебѣ всегда во всемъ везетъ, а не мнѣ.—Ты на первый балъ ѣхала, какъ царевна какая... весь домъ только на тебя и смотрѣлъ. И платье твое было лучше, и сезонъ только что открывался,—балъ былъ настоящій, а это что такое—полъ-вечера скучать за глупѣйшимъ концертомъ.

— А мнѣ кажется, такъ даже интереснѣе, не сразу начать танцовать. Я помню, какъ пріѣхала, вошла, меня сейчасъ же пригласили на вальсъ, и я не успѣла осмотрѣться, какъ ужъ закружилась.

— Не хвастайся, пожалуйста, и не уносись въ воспоминанія своихъ успѣховъ!

— Адичка, ты пріѣдешь попозже, дѣтка,—сказала входя Вѣра Васильевна,—тебѣ еще надо меня причесать да самой одѣться...

— Я все успѣю, мама.

— Да, но, мой дружокъ, втроемъ помнется платье Лиды, ты лучше съ папой пріѣзжай ко 2-му отдѣленію.

— Хорошо, мама, мнѣ все равно!

VI.

Было уже 10 часовъ утра, въ маленькой гостиной рядомъ съ комнатой Ади давно шептались ея ученицы, стараясь не разбудить учительницу. Прислуга, проведя ихъ сюда, сказала, что Надежда Николаевна спитъ послѣ вчерашняго бала и велѣла не шумѣть.

Когда Адя проснулась, она не могла отдать себѣ отчетъ, что съ

нею: глаза слипались, голову ломило, сердце сжималось, а какая-то мысль, съ которой, должно быть, она вчера и уснула, сразу дала о себѣ знать... хотѣлось вспомнить ее, уяснить себѣ что-то.

Да, да... первый балъ Лиды.

Адя вспомнила.

— Что же теперь будетъ? Я не завидую Лидѣ, какъ она вчера выразилась, потому что она моложе, но вѣдь для ея удовольствія и я не могу сразу постарѣть! Сколько упрековъ было высказано въ каретѣ на обратномъ пути домой?

Лида устала и нервничала; она каждый разъ будетъ и нервничать, и уставать и до, и послѣ бала... и каждый разъ, значитъ, будутъ сцены и до, и послѣ каждаго выѣзда... Однако—этотъ ея выѣздъ былъ удаченъ: и танцовала она много, и любезны съ нею были, но ей все казалось, что я мѣшаю ей, отбиваю ея кавалеровъ. Надо правду сказать, вчера меня особенно баловали вниманіемъ... можетъ быть, потому, что я давно не выѣзжала, можетъ быть, хотѣли показать, что и кромѣ Жакскаго есть любезные кавалеры... или, можетъ быть, Лида еще не завоевала симпатій, она держалась немного свысока... Я не знаю, въ чемъ дѣло, знаю только, что я ея упрековъ не заслужила и больше съ нею вмѣстѣ я никуда не поѣду.

Адя позвонила. Дѣвушка, войдя поднять шторы, доложила, что дѣти давно ждутъ. Адя начала быстро одѣваться. Набросивъ кофточку, она вышла къ ученицамъ и наскоро устроила ихъ въ уголку гостиной, давъ имъ задачи.

— Мама и Лида еще спятъ?—спросила она горничную.

— Не звонили еще!

— Такъ давайте мнѣ кофе сюда, я наскоро выпью и пойду заниматься.

Адя присѣла расчесывать волосы и опять вспомнила вчерашній вечеръ. Кто-то при Лидѣ похвалилъ ея волосы, Лиду это взбѣсило, и она тутъ же сообщила, что Адя любитъ выставлять напоказъ то, что у нея, по ея, Ади, мнѣнію, красиво: то ножку выставитъ, то волосы распуститъ...

Неловко было и досадно за Лиду!

Занятія съ дѣтьми сегодня шли неудачно, учительница была разсѣянна и рѣшила раньше отпустить ихъ. Старшая дѣвочка остановилась, видимо не рѣшаясь, наконецъ сказала:

— Надежда Николаевна, позвольте мнѣ завтра идти на экзаменъ. Мамаша просила учительницу, та позволила.

— Ты не вполнѣ готова, милая,—возразила Адя,—я сама сведу тебя на экзаменъ, когда будетъ нужно; пусть твоя мама не безпо-

коится, если не въ этомъ году, то въ будущемъ ты поступишь, я обѣщаю тебѣ это.

Дѣти ушли.

Вѣра Васильевна и Лида встали. За завтракомъ Лида опять начала пикироваться съ сестрой. Послѣ завтрака ѣздили куда-то, что-то выбирали въ магазинахъ, совѣтовались съ портнихой... Адя ходила какъ во снѣ. Что-то сверлило въ мозгу, отъ чего-то было такъ скверно на душѣ! Пришла тетя Надя, начались разсказы объ успѣхѣ Лиды на балу... Папа тоже пришелъ въ гостиную и слушалъ разговоры.

«Что это, точно я чужая стала, всѣ такъ заняты Лидой, меня будто и нѣтъ», подумала Адя,—отговорилась головной болью и ушла къ себѣ.

На слѣдующее утро Адя была очень удивлена: ея ученицы не пришли. Послѣ обѣда ей доложили о приходѣ старшей дѣвочки. Она велѣла провести ее къ себѣ. Дѣвочка въ слезахъ бросилась ей на шею.

— Я провалилась,—всхлипывала она.

— Куда провалилась? успокойся,—не понимала Адя.

— На экзаменѣ провалилась, оскандалилась...

— На экзаменѣ!

— Я не послушалась васъ, пошла и сѣла въ классѣ рядомъ съ дѣвочками... мамашѣ такъ учительница велѣла сдѣлать,—сказала, пусть я приду, она меня вызоветъ!

— Ну?

— Ну, и я не могла по Закону Божьему отвѣтить, молитву Ангелу хранителю забыла!

— Ну, не бѣда, не надо отчаиваться, не глупи только больше...

Дѣвочка всхлипнула сильнѣе.

— Что тебѣ?

— Мама хочетъ, чтобъ я въ этомъ году поступила, мамаша говоритъ, вы все можете, вы, если захотите, меня примутъ...

— Ты вотъ слушалась бы, не ходила безъ моего позволенія къ учительницамъ, можетъ быть, и поступила-бъ еще въ этомъ году... Ну, иди пока домой и приходи съ сестрой завтра. Я подумаю, посовѣтуюсь съ отцомъ, и скажу тебѣ, что будемъ дѣлать.

Дѣвочка ушла.

Найдя удобную минуту, Адя обратилась за совѣтомъ къ отцу.

Генералъ долго смѣялся надъ увѣренностью вдовы въ всемогуществѣ генеральской дочки и рѣшилъ не разочаровывать ея.

— Поѣдешь завтра къ начальницѣ, Адя, попросишь черезъ недѣлю другую, когда ты еще подготовишь дѣвочку, допустить ее сно-

ва держать экзаменъ и, если выдержитъ, ея счастіе. Плату за право ученія мама уже обѣщала изъ благотворительныхъ суммъ, а на подготовку дѣвочки можно употребить хоть и больше времени, ее примутъ послѣ начала занятій. Это исключеніе дѣлается очень часто, разъ есть мѣсто.

Сказали Вѣрѣ Васильевнѣ. Она рѣшеніе папы одобрила, и на слѣдующее утро, въ каретѣ съ выѣзднымъ Филиппомъ, Адя поѣхала къ начальницѣ прогимназіи.

VII.

— Передайте, пожалуйста, вашему батюшкѣ, chère Mademoiselle Soumtzoff, мои извиненія... могла ли я предполагать, что эта Соколова ваша ученица! Это такъ безконечно мило съ вашей стороны отдать свой досугъ доброму дѣлу... Присылайте завтра же дѣвочку, она принята!

— Но позвольте,—пыталась возразить Адя,—я хотѣла бы ее еще подготовить... она всетаки вчера не сумѣла отвѣтить...

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно, тутъ недоразумѣніе—вы готовили дѣвочку, вы трудились—она, конечно, прекрасно знаетъ все, что нужно для поступленія.

Начальница жала ручку Адѣ, говорила любезности по ея адресу и ея родителей, и смущенная Адя рада была, когда, наконецъ, ей можно было уѣхать. Итакъ, Соколова стала способна и ее можно принять потому только, что съ нею занималась дочь генерала Сумцова.

Какъ же такъ? Не стоило и трудиться... сразу бы самому папѣ попросить за нее, и ее приняли бы.

Дома всѣ были въ восторгѣ отъ удачи Ади. Мать находила, что вообще довольно «играть въ учительство» и пора сдать куда-нибудь и маленькую Соколову.

— Мы ее возьмемъ въ пріютъ,—говорила она.

— Можетъ быть, старуха Соколова не хочетъ отдавать дочь въ пріютъ,—возражала Адя.

— Какъ это не хочетъ! Я думаю, мы имъ добра желаемъ!

Кончилось тѣмъ, что старшую Соколову дѣйствительно приняли въ прогимназію, а младшая еще нѣкоторое время продолжала ходить къ Адѣ, такъ какъ ее дѣйствительно въ пріютъ отдавать мать не хотѣла. Вскорѣ Вѣра Васильевна объявила Адѣ, что у нея есть protégée бѣдная учительница, которой она хочетъ помочь въ деликатной формѣ, поэтому маленькая Соколова перейдетъ учиться къ этой дѣвушкѣ, платить которой будетъ Вѣра Васильевна... Адѣ пришлось уступить.

хотя она очень хорошо поняла тактику матери. Ее уже не удовлетворяла игра въ учительство и благотворительность, такъ какъ она поняла, что изъ всего этого сдѣлали дѣйствительно игру.

«Ничего, ничего у насъ нельзя дѣлать серьезно,—писала она тетѣ Валѣ, — поиграть — сколько угодно, вложить въ дѣло душу нельзя... сейчасъ на сцену являются нервы, приличія и т. п. Пропала моя музыка, пропало пѣніе, уроки... Пока еще не мѣшаютъ мнѣ читать, хоть и то выборомъ очень меня стѣсняютъ и, если удается прочесть что посерьезнѣе, то случайно... Я боюсь задохнуться въ этой золоченой (даже не золотой) клѣткѣ! Выходъ мнѣ очевидно одинъ—замужъ. «Наше общество» другого для барышни не допускаетъ!

Папа, я знаю, на моей сторонѣ, но и онъ безсиленъ противъ аргументовъ мамы и свѣта, что одно и то же. Замѣчаешь ты, тетя Валя, я стала зла? Лида права, я ужъ скоро старая дѣва!»

VIII.

Стоялъ сентябрь. Такъ называемое «бабье лѣто» баловало послѣдними теплыми ласкающими днями. Адя Сумцова сидѣла въ бесѣдкѣ своего городского сада и вышивала длинную полосу на качалку.

Около нея сидѣлъ высокій, худой мужчина въ свѣтлой лѣтней парѣ. На видъ ему можно было дать лѣтъ 40, въ самомъ дѣлѣ онъ былъ много моложе. Рѣдкіе свѣтлые волосы высоко открывали его лобъ, болѣе темные усы и борода плохо прикрывали тонкія, блѣдныя губы, голубые глаза казались очень строгими, и вся фигура, сухая и прямая, вытянувшаяся на садовомъ стулѣ, смотрѣла строго и торжественно. Разговоръ велся по-французски. Викторъ Платоновичъ Суховъ на-дняхъ пріѣхалъ въ Х и, послѣ двухъ, трехъ визитовъ, совершенно неожиданно для Ади, сдѣлалъ ей предложеніе. Правда, Сумцовы знали Сухова давно, онъ—какъ онъ выразился Адѣ—«привыкъ уважать ея семью и лелѣялъ мечту назвать когда-нибудь ее, Адю, своей женой!» но держался онъ такъ, что ни Адя, ни кто другой никогда и подозрѣвать не могли о существованіи у него такой мечты.

Вѣра Васильевна уѣхала съ Лидой и цѣлой компаніей молодежи и стариковъ въ сосѣдній монастырь, который славился красотой мѣстоположенія. Ихъ не было дома уже цѣлую недѣлю, и Адя, ожидая ихъ со дня на день, не писала матери о предложеніи Сухова, боясь не застать ея уже въ монастырѣ. Какъ ни неожиданно было для нея это предложеніе, она сейчасъ же дала Сухову согласіе, ей показалось,

что это именно тотъ выходъ, который удовлетворитъ всѣхъ. Отецъ далъ согласіе, считая Сухова человѣкомъ честнымъ и добрымъ, и если Адя надѣялась быть съ нимъ счастливой, это все, чего онъ для нея желалъ. Адя надѣялась на одно, на перемѣну; что до счастья... объ этомъ ей какъ-то не думалось...

— Я постараюсь быть для васъ хорошей женой,—отвѣтила она искренно и просто на предложеніе Сухова и протянула ему руку.—

Онъ наклонился и прикоснулся къ ней губами.

Сидя теперь съ женихомъ въ бесѣдкѣ и ведя пустой разговоръ, Адя почему-то вспомнила этотъ поцѣлуй и вскинула глаза на Сухова... «а что, если бы его поцѣловать сейчасъ прямо въ губы?—мелькнуло въ ея головѣ,—неужели онъ отвѣтилъ бы такъ же холодно, какъ холодно поцѣловалъ вчера мою руку?» Ей вспомнился первый поцѣлуй Черненко и другіе горячіе, безумные поцѣлуи.

Краска залила щеки Ади и глаза наполнились слезами... Не было времени отдавать себѣ отчетъ почему,—надо было какъ-нибудь объяснить свое смущеніе... «мысль о скорой разлукѣ съ отцомъ... о новой жизни,—сказала она и сейчасъ же подумала: «начинаю со лжи, а обѣщала быть хорошей женой»... Она еще больше покраснѣла и порывисто встала...

— Викторъ Платоновичъ, я не хочу, чтобы между нами была когда-нибудь малѣйшая недоговоренность... я всегда была искренной и правдивой и, думаю, вы хотите, чтобы я осталась такой...—она протянула ему руки. Суховъ взялъ ихъ и пожалъ.

— Я не сомнѣваюсь въ вашей искренности,—сказалъ онъ.

— Да, но сейчасъ я покраснѣла не потому, что о папѣ подумала... мнѣ, конечно, жаль разстаться съ нимъ, но я вѣдь добровольно дѣлаюсь вашей женой...

Адя спѣшила и чувствовала, что напрасно затѣяла этотъ разговоръ, но остановиться она не могла; ей казалось, какая-то стѣна стоитъ между нею и ея будущимъ мужемъ, ей хотѣлось сломать ее и почувствовать себя легко и счастливо... Суховъ смотрѣлъ попрежнему серьезно и безстрастно; его взглядъ расхолаживалъ Адю, она комкала свою фразу, спѣша договорить...

— Я вспомнила своего перваго жениха, вы знаете, я была невѣстой Черненко.

— Да, я знаю, но вы не вышли за него... et j'en profite,—любезно отвѣтилъ онъ.

Адя замолчала, ей стало холодно и скучно.

— И еще у меня былъ женихъ, Жакскій,—какъ-то строго, точно давая показаніе, сказала она послѣ долгой паузы.

— О, о,—протянулъ Суховъ.—Жакскій не былъ вашимъ женихомъ, не говорите этого... Хотя онъ и хорошаго общества и его родители почтенные люди, но онъ—passez moi le mot—онъ не могъ питать серьезныхъ намѣреній... Жакскій слишкомъ, какъ бы это выразиться, неосновательный человѣкъ! «Основательный»,—эхомъ отозвалось въ мозгу Ади... да, Викторъ Платоновичъ Суховъ, этотъ основательный, ну что-жъ, тѣмъ лучше для меня!

— Вы со мной согласны?

— Да, вы правы... я собственно не потому его вспомнила... Но войдемте въ домъ, мнѣ что-то холодно!

— Охотно, мнѣ тоже свѣжо! Суховъ всталъ и пропустилъ Адю впередъ.

Бесѣдка имѣла крытый, завитой дикимъ виноградомъ выходъ на площадку сада.

Темнѣло, въ саду никого не было. Адя обернулась и вызывающе взглянула на Сухова.

«Неужели ему не хочется поцѣловать меня», подумала она. Въ его глазахъ она ничего не прочла... Молча они дошли до дому, молча подошли къ дверямъ кабинета отца. Николай Николаевичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и попросилъ ихъ зайти къ нему. Адя закуталась въ пуховый платокъ и забралась съ ногами на тахту, Викторъ Платоновичъ присѣлъ у письменнаго стола.

— Адя, позвони, вели затопить каминъ, да послушай наши разговоры... Надо намъ, милѣйшій Викторъ Платоновичъ, сговориться кой о чемъ, о мелочахъ разныхъ...

— Весь къ вашимъ услугамъ.

Начались соображенія о днѣ свадьбы, надо было торопиться, такъ какъ Суховъ имѣлъ только двухмѣсячный отпускъ и хотѣлъ послѣ свадьбы еще съѣздить въ имѣніе къ своимъ родителямъ, чтобы познакомить съ ними молодую жену, а затѣмъ предполагалъ проѣхать въ Петербургъ, сдѣлать необходимыя покупки: въ провинціи, гдѣ онъ былъ вице-губернаторомъ, далеко не все можно было достать.

— Position oblige,—говорилъ онъ,—особенно теперь мнѣ, какъ семейному, придется дѣлать больше пріемовъ. Къ тому же я желалъ бы устроить подходящую рамку для такого...—Суховъ поискалъ выраженье...—bijou...

— Ну, mon bijou, пока ты еще мой,—пошутилъ Николай Николаевичъ. Иди-ка сюда, выбирай, на какихъ карточкахъ хочешь, чтобы отпечатали приглашенія?

— О, папа, мнѣ все равно, а bijou, если только я bijou, я всегда и весь твой!

Адя быстро подошла къ отцу и горячо, какъ-то порывисто поцѣловала его. Онъ на минуту озабоченно взглянулъ на нее и пожалъ ея горячую руку.

— Не простудилась ли ты, дружокъ,—что-то рука у тебя горяча, и глаза лихорадочно блестятъ... Не надо теперь поздно сидѣть въ саду...

Суховъ попрежнему смотрѣлъ своими непроницаемыми глазами, нельзя было угадать, слышитъ ли онъ даже происходящій разговоръ.

Лакей на подносѣ подалъ телеграмму.

— А-а, вотъ и мама съ Лидой возвращаются.

Суховъ встрепенулся.

— Вѣра Васильевна ѣдетъ... очень пріятно... Когда именно она будетъ здѣсь?

Николай Николаевичъ прочелъ депешу.

— Завтра выѣдутъ рано утромъ, пишутъ въ 7, чтобы къ 3-мъ быть дома... Ну, допустимъ, по обыкновенію дамскому опоздаютъ, проспятъ... выѣдутъ, скажемъ въ 9—10, часовъ въ 5—6 будутъ дома!

— Филиппъ, распорядись, обѣдъ завтра къ 6 и чтобы ландо было готово къ 2-мъ, мы выѣдемъ навстрѣчу генеральшѣ... съ собой возьмемъ холодныхъ закусокъ и винъ. Ты поѣдешь... я еще дамъ тебѣ указанія вечеромъ.

Филиппъ вышелъ.

— Вы поѣдете съ нами, Викторъ Платоновичъ?—обратился къ Сухову Николай Николаевичъ.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ. Когда вы рѣшили выѣхать?

— Я думаю въ 2, поѣдемъ до Захудаловки, а тамъ на опушкѣ лѣса приготовимъ имъ закусить и вмѣстѣ вернемся домой.

— Неужели, папа, вся компанія ѣдетъ? Я не хочу тогда выѣзжать навстрѣчу,—заговорила Адя.

— Нѣтъ, нѣтъ, мама пишетъ, ѣдемъ однѣ; соскучились.

— Ну, слава Богу!

— Да что тебѣ стѣсняться,—тамъ, кажется, все хорошіе знакомые были.

Послышался звонокъ, и черезъ минуту въ кабинетъ входилъ Ильинъ, добрый пріятель Николая Николаевича и старый знакомый Сухова.

— А, очень радъ!—Николай Николаевичъ пошелъ навстрѣчу гостю.—Очень кстати!

— Суховъ, вы давно ли въ нашихъ краяхъ?—обратился вновь пришедшій.—Какъ живете-можете?

— Благодарю васъ, прекрасно, я здѣсь всего нѣсколько дней, почти нигдѣ еще и не былъ.

— Что, тяжела шапка мономаха, ха-ха?

— Ничего, пока еще не чувствую.

Обмѣнялись привѣтствіями, шутками. Сообщено было о семейномъ событіи; Ильинъ поздравлялъ, балагурилъ, выражая всякія пожеланія. Адя вышла распорядиться чаемъ.

— Ѣдемъ завтра съ нами жену встрѣчать,—предложилъ Ильину Николай Николаевичъ.

— Ѣдемъ, очень радъ... а я, знаете, на сегодняшній вечеръ планъ имѣлъ, да не знаю, какъ теперь, устроитъ ли онъ васъ?

— Что такое?

— Зыковъ, бѣдняга, третій день не выходитъ, кашель одолѣлъ, думалъ я къ нему въ винтъ пойти сыграть... Кстати и четвертый партнеръ налицо.

— Что-жъ, идетъ!

— Идетъ, Викторъ Платоновичъ?

— Охотно!

Адя вошла и размѣщала маленькіе столики около сидящихъ у камина мужчинъ. За нею Филиппъ несъ чай.

— А у невѣсты-то мы и забыли спросить разрѣшенія похитить жениха,—засмѣялся Ильинъ.—Какъ, Надежда Николаевна, будетъ разрѣшеніе отъ вашей милости?

— На что?

— Я, Надежда Николаевна, пойду сыграть партію въ винтъ къ Зыкову,—тономъ не терпящимъ возраженія, хотя и очень мягко, сказалъ Суховъ.—Вы не будете въ претензіи?

— Конечно, нѣтъ.

— Скучать не будете?—опять смѣялся Ильинъ.

— Не буду.

Отецъ молча поцѣловалъ Адю.

— Вели, дружокъ, запрячь коляску, мы послѣ чаю и двинемся,—сказалъ онъ, видя, что Адя собирается уходить.

IX.

У опушки березовой рощи, въ виду пригородной деревни Захудаловки, Адя и Филиппъ разбирали корзины съ закусками, фруктами и разставляли все на коврѣ.

— Для мамы, Филиппъ, надо положить подушки изъ ландо, а то ей неловко будетъ прямо на коврѣ,—распоряжалась Адя.

— Слушаю-съ, барышня, все устрою-съ, да сейчасъ схожу въ деревню за ледкомъ, а то боюсь шампанское теплое будетъ... Вы извольте здѣсь посидѣть.

Мужчины: Сумцовъ, Суховъ и Ильинъ, куря и разговаривая, пошли по дорогѣ. Адя прилегла на коврѣ и задумалась. Осень стояла чудная. На солнцѣ пекло, паутинки летали въ воздухѣ и, точно лаская, касались лица, запутывались въ волосахъ. Адѣ припоминались разные стихи, поэтически описывающіе осень. «Но для меня какъ бы она ни была хороша, осень еще не скоро настанетъ,—подумала Адя,—у меня впереди лѣто, горячее, знойное... лѣто... Что это какія мысли глупыя лѣзутъ въ голову, кажется, что все ужъ назади—и весна моя, и лѣто, и даже эта ласкающая послѣднимъ тепломъ и свѣтомъ осень... Что же у меня впереди? Гдѣ онъ, мой избранникъ, съ которымъ я пойду рука объ руку? Отчего онъ не около меня? Неужели разговоры съ папой и Ильинымъ такъ интересны и нужны ему теперь, когда онъ знаетъ, что я одна здѣсь?»

«Какъ волна безпокойнаго моря,
Безъ тревоги ты жить не могла...
Если-бъ въ жизни и не было горя,
Ты сама бы его создала...»

Вчера, оставшись одна вечеромъ, Адя перелистывала любимыхъ поэтовъ и на прощанье загадала, что̀ ждетъ ее; открылось это стихотвореніе.

«Безъ тревоги, можетъ быть, я жить не могу,—думала она,—но создавать себѣ горе,—о, какъ я не хочу, какъ не хочу!»

Адя закрыла глаза, лицо Жакскаго, его вкрадчивый голосъ, его осторожная и страстная ласка живо воспомнились ей, она на минуту позволила себѣ отдаться этимъ вспоминаніямъ. «Все это рухнуло, но почему же думать, что въ то время, когда онъ мнѣ говорилъ слова любви и ласки, онъ не былъ искрененъ... Почему не вѣрить его послѣднимъ словамъ при разлукѣ... Онъ говорилъ, что серьезно любилъ только меня, что я права, намъ надо разстаться, онъ не можетъ жениться на мнѣ, но пусть я прощу ему оскорбленіе и повѣрю, что ему самому тяжело. Я тогда ничего слушать не хотѣла, послѣ этой нечаянно подсмотрѣнной мною сцены я не могла видѣть его... Какъ онъ скоро уѣхалъ... Вдругъ теперь я встрѣчу его въ Петербургѣ?» Адя вскочила: «Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Я хочу любить Виктора, я буду любить его... Зачѣмъ только онъ не хочетъ мнѣ въ этомъ помочь? Вѣдь тактъ, приличіе, воспитанность,—все это не мѣшаетъ чувству».

Со стороны деревни послышался колокольчикъ, и появилось облако пыли. Мужчины быстрымъ шагомъ подходили къ Адѣ.

— Мама ѣдетъ!

Николай Николаевичъ, стоя посреди дороги, махалъ платкомъ ямщику. Суховъ подошелъ къ Адѣ. Дормезъ остановился, и изъ него выглянуло недовольное личико Лиды.

— Что тутъ такое? Боже мой, папа! Но у нихъ пикникъ! Смотри, смотри, мамочка!—кричала она.

Вѣра Васильевна съ помощью мужа выходила изъ дормеза.

— Милый другъ, это вы насъ выѣхали встрѣтить? Превосходно!—говорила она.—И Викторъ Платоновичъ здѣсь? Какими судьбами?...

Викторъ Платоновичъ почтительно цѣловалъ ея руку.

— Батюшки, Сухарь здѣсь!—громкимъ шепотомъ обратилась Лида къ сестрѣ,—его недоставало! Ему чего нужно?

— Молчи, Лида.

— Да что съ тобой, влюбиться въ Сухаря успѣла?

— Можетъ быть.

— Что? Сегодня не первое апрѣля!

Суховъ подходилъ къ сестрамъ и такъ же любезно и торжественно поцѣловалъ ручку Лиды. Она состроила такую гримасу, пока онъ наклонялся, что Адя едва удержалась отъ смѣха.

— Что сей сонъ означаетъ?—шепнула она сестрѣ.

Всѣ перездоровались и начали размѣщаться на коврѣ.

— Боже мой, мы и забыли нашего милаго спутника!—вдругъ заволновалась Вѣра Васильевна.—Онъ тоже соскучился въ монастырѣ... Николай Николаевичъ, зови Василія Петровича, онъ дѣлаетъ видъ, что ищетъ что-то...

Старичокъ Василій Петровичъ шелъ уже и, цѣлуя руку Адѣ, подалъ ей завязанную въ платокъ огромную просфору.

— Удивительныя пекутъ въ этомъ монастырѣ, — говорилъ онъ,—кушайте на здоровье, свѣженькая.

— Спасибо вамъ, голубчикъ!— Адю очень тронуло вниманіе старика.

Филиппъ подавалъ шампанское и, не успѣвъ охладить его, наколотъ льду и поставилъ его на тарелкѣ посреди ковра.

— Что это, папа, по какому случаю мы пьемъ эту прелесть?— весело спросила Лида.

— Бери бокалъ и поздравь жениха и невѣсту,—какъ-то особенно строго сказалъ Николай Николаевичъ.

Лида остолбенѣла и отставила взятый было бокалъ. Вѣра Василь-

евна ахнула и протянула руки Адѣ и Сухову. Адя поцѣловала мать и отошла къ сестрѣ. Суховъ, стоя на колѣняхъ передъ сидящей на подушкахъ Вѣрой Васильевной, цѣловалъ ея руку и они обмѣнивались любезностями на изящнѣйшемъ французскомъ языкѣ.

— Адька, да ты съ ума сошла? Что ты выдумала, за Сухаря замужъ?—не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, сказала Лида и вдругъ по-дѣтски заплакала. Адя обняла ее и тихо повела въ сторону, къ дормезу.

— Перестань, Лида, что это съ тобой? Вѣдь услышатъ, будь же благоразумна!

— Я не желаю вовсе скрывать моихъ чувствъ; по моему, это ты глупость затѣяла, идти за Сухаря, за старье это!

— Я тебѣ очень благодарна, Лида, если ты хочешь выразить мнѣ сочувствіе и заботу о моемъ счастіи, но ты же понимаешь, я иду по доброй волѣ, папа никогда меня ни къ чему не принуждалъ, а мамы съ тобой даже дома не было... Что-жъ ты такъ всполошилась? Все будетъ хорошо... тебѣ будетъ безъ меня гораздо лучше... мы все не ладимъ съ тобой...

— Вздоръ, вздоръ, я такъ и знала, потому и всполошилась: ты хочешь роль жертвы разыграть, но никому твои жертвы не нужны, ты не можешь любить этого Сухаря.

— Довольно, Лида: à la longue это ужъ и не остроумно, и не сердечно. Я его люблю и буду его женой; я тебя прошу—не обращай на насъ общаго вниманія, иди и поздравь его.

— Не стану я его поздравлять!

— Ma future belle-soeur что-то не милостива ко мнѣ,—услышали сестры голосъ подошедшаго Сухова.

Адя обрадовалась ему и, благодарно взглянувъ, взяла его подъ руку.

— О, нѣтъ, Викторъ Платоновичъ, это она съ дороги устала и разнервничалась немного... Она хочетъ моего счастія; правда вѣдь, Лидуша?

— Да, конечно, счастія *тебѣ* я очень хочу.

— Вотъ и спасибо.

Лида кое-какъ справилась съ собой, но Сухова такъ и не поздравила. Вѣра Васильевна, раскраснѣвшаяся съ дороги и отъ выпитаго шампанскаго, сидѣла очень довольная на высокихъ подушкахъ и повторяла, что лучшаго зятя она никогда не желала.

Начали собираться домой.

— Какъ же мы теперь размѣстимся?—Адѣ хотѣлось сѣсть въ ландо вдвоемъ съ Суховымъ.—Невѣсту давайте мнѣ! — объявила

Вѣра Васильевна,—ужъ мы всѣ вмѣстѣ... Недолго ей съ нами побыть!—вдругъ расчувствовалась она и обняла Адю.

Суховъ съ Ильинымъ и Василіемъ Петровичемъ сѣли въ ландо, семейство Сумцовыхъ въ дорожный дормезъ.

— Ну, разсказывай же, Адичка, какъ это у васъ все вышло?—начала Вѣра Васильевна, только что экипажи тронулись.

— Это возмутительно, мама,—перебила Лида,—Адя жертву изображаетъ, за Сухаря идетъ, лишь бы уйти изъ дому.

Мать строго остановила ее.

— И пожалуйста, безъ фамильярностей, ты не ребенокъ; что это за выраженія: Сухарь! Ты должна бы радоваться счастію сестры! Говори, говори, дѣточка, когда же онъ тебѣ сдѣлалъ предложеніе?

Адя разсказывала, получала поцѣлуи матери, выслушивала рѣзкости сестры и чувствовала, что въ ушахъ у нея шумитъ отъ всей этой суеты. Ей казалось, что она горячо любитъ Сухова за одно то, что онъ освобождаетъ ее отъ этой такъ надоѣвшей ей жизни.

X.

Недѣля, оставшаяся до свадьбы, въ конецъ утомила Адю. Вѣра Васильевна сначала возмутилась такой спѣшкой. Ей хотѣлось посмаковать это «лучшее для дѣвушки время»... ей хотѣлось, принимая поздравленія и не спѣша готовя приданое, разсказывать всѣмъ, какъ давно она замѣтила впечатлѣніе, которое ея дочь произвела на Сухова. «Сердце матери не ошибается». Но Суховъ убѣдилъ ее, что приданое можно сдѣлать и безъ Ади, что отпускъ коротокъ и необходимо съѣздить и къ родителямъ, и въ Петербургъ, а главное, надо спѣшить къ мѣсту служенія, гдѣ молодая вице-губернаторша произведетъ фуроръ своей distinction, миловидностью, умомъ... Костюмы предполагалось частію выписать, частію заказать въ Петербургѣ.

Вдвоемъ съ женихомъ Адѣ приходилось оставаться мало, а когда оставались, разговоръ не выходилъ изъ банальностей. Сблизиться съ нимъ, какъ она мечтала, не удавалось. Разъ послѣ особенно утомительнаго дня пріемовъ и выѣздовъ, послѣ капризовъ Лиды и нервовъ Вѣры Васильевны, Адя, взволнованная, вбѣжала въ полутемную гостиную и чуть не наткнулась на Сухова, дремавшаго или мечтавшаго въ креслѣ.

— Откуда это вы такъ стремительно?—спросилъ онъ, остановивъ ее за руку.

— Отъ нихъ, отъ нихъ къ вамъ, Викторъ!—она опустилась на колѣни у его кресла и спрятала лицо въ его протянутыя руки.

— Что съ вами, Боже мой, васъ разстроили? — взволнованно сказалъ Суховъ.

— Любите меня, милый, любите!... Мнѣ такъ холодно, такъ одиноко! Какъ я буду любить васъ, если вы избавите меня отъ этого чувства! — говорила сквозь слезы Адя.

— Mon Dieu, я все сдѣлаю, tout ce qui est dans mon pouvoir pour vous rendre heureuse, ma chère petite,—говорилъ растерявшійся Суховъ.

Адя сѣла рядомъ на ручку кресла, обняла его и крѣпко поцѣловала.

— Vous me rendez fou,—прошепталъ онъ, сжалъ ея руки, но поцѣлуя не возвратилъ.

Адя задумчиво погладила его худую руку, довѣрчиво улыбнулась и сказала:

— Спасибо вамъ за ласку, вы успокоили меня, теперь я не чувствую себя одинокой... выплакалась и на долго буду молодцомъ!

Вечеромъ она писала тетѣ Валѣ: «Мнѣ трудно помириться съ мыслью, что тебя не будетъ на моей свадьбѣ, милая, любимая тетя Валя. Я просила Виктора заѣхать хоть на денекъ къ тебѣ, въ вашу Красновку, онъ обѣщалъ. Онъ очень добръ ко мнѣ, я начинаю любить его и, думаю, буду съ нимъ счастлива. Меня сначала смущала его холодность и какъ будто безразличіе, но я думаю, это просто—манера держаться, большая сдержанность и самообладаніе. Иногда мнѣ кажется, что онъ слабаго здоровья, онъ всегда блѣденъ, но онъ ни на что не жалуется. Мама въ восторгѣ отъ того, что онъ «si jeune et si bien décoré», какъ она говоритъ. На видъ онъ не молодъ и, по моему, видъ у него такой важный, что хоть министромъ ему быть. Меня лично его чины и ордена не забавляютъ, да, кажется, его самого тоже мало, но онъ очень любитъ службу и много говоритъ съ папой о дѣлахъ. Иногда я боюсь, что недостаточно для него серьезна, но онъ говоритъ, что знаетъ, что ему нужно и что другой жены никогда не выбралъ бы,—во мнѣ, по его словамъ, есть все, что нужно для его счастія. Я очень рада. Онъ не экспансивенъ и не ласкаетъ меня, какъ я хотѣла бы, но я это приписываю его сдержанности. Онъ часто говоритъ объ уваженіи къ женщинѣ, о томъ, какъ высоко онъ ставитъ женщину вообще... Я думаю, это гарантія для счастія? За послѣднее время я очень устала, у насъ такъ шумно, суетливо. Лида хлопочетъ о своихъ туалетахъ и сердится, если мама занята моими. Папа что-то грустенъ, ему, видимо, жаль разстаться со мной, но разъ буду счастлива я—и онъ будетъ доволенъ. Я мечтаю, не играя въ благотворительность, дѣлать много добра и помо-

гать мужу. Онъ говоритъ, губернаторъ у нихъ холостой, я буду первая дама... Маму это приводитъ въ умиленіе и она не перестаетъ повторять, что мнѣ всегда и во всемъ везетъ... Будемъ вѣрить, тетя Валя, правда?»

XI.

На пароходной пристани собралось все высшее общество Х. проводить молодыхъ Суховыхъ. Въ рубкѣ теплая компанія, въ ожиданіи пріѣзда отъѣзжающихъ, осушала крюшонъ и вела бесѣду на злобу дня.

— Умный человѣкъ Сумцовъ и дочь, кажется, любитъ, а какое безуміе сдѣлалъ,—говорилъ толстякъ военный врачъ.

— Какое безуміе? Почему безуміе?—не соглашались собесѣдники.—Суховъ на хорошей дорогѣ, у Сухова—связи, онъ далеко пойдетъ, Суховъ—богатъ!

— Полноте, господа, къ чорту его связи и богатство; вы посмотите на него, развѣ это мужъ для молодой дѣвушки, почти ребенка?

— А то, кто же,—мужъ, какъ мужъ!

— Какихъ дѣтей можетъ онъ дать ей?

— Ну, вотъ вы сейчасъ съ своей спеціальной точки на все смотрите... И дѣти будутъ, какъ дѣти!

— Ну, дай Богъ, чтобъ ихъ лучше вовсе не было,—возразилъ докторъ.—Я-то ужъ хорошо знаю здоровье Виктора Платоновича... Не будетъ у него дѣтей или жить не будутъ... Это для матери, я думаю, еще хуже!

— Да полноте, что вы каркаете!

— Не каркаю, жалѣю... За что сгубили дѣвушку!

— Ну, что вы, право! Ей вѣдь ничего не грозитъ? Онъ если и болѣлъ—давно поправился...

— Еще бы ей непосредственно грозило!... Да чего съ вами толковать... По моему, если дѣвушка идетъ замужъ, она хочетъ имѣть нормальную семью: заботливаго, здороваго мужа, здоровыхъ дѣтей...

— Опять вы свое, можно и безъ дѣтей!

— А коль дѣтей у насъ не будетъ, такъ мы собачекъ заведемъ,—запѣлъ кто-то.

— Или еще кого-нибудь другого... Суховъ будетъ мужъ удобный,—поддержалъ другой.

— Эхъ, господа, противно мнѣ говорить съ вами! — докторъ стукнулъ складнымъ табуретомъ, порывисто всталъ и вышелъ на палубу.

Входили Сумцовы и молодые Суховы. Наскоро простились, пожелали счастливаго пути и возвращенія молодымъ, раздался свистокъ, публика хлынула съ парохода. Трапъ подняли и пароходъ медленно отчалилъ отъ пристани. У самаго борта стояли Суховы. Адя не спускала глазъ съ лица отца, ей хотѣлось насмотрѣться на это дорогое, такое грустное и точно не спокойное за нее лицо.

— Пиши!—крикнулъ Николай Николаевичъ.

— Будь покоенъ!—отвѣтила Адя.

Вѣра Васильевна махала платкомъ, Лида бросала цвѣты, пока они не стали падать въ воду, не достигая борта. Пароходъ прибавилъ ходу, и скоро Адя различала только красную фуражку отца, еще минута—и все слилось и скрылось. Адя взглянула внизъ: «броситься бы», мелькнуло у нея. Эта же мысль приходила ей уже въ голову, только тогда она стояла не на борту парохода, а на краю открытаго окна второго этажа. Ихъ домъ стоялъ почти на берегу рѣки, и въ это раннее утро Адя, стоя на окнѣ, смотрѣла на высокую фигуру въ бѣломъ кителѣ, на мостикѣ парохода. Жакскій совсѣмъ уѣзжалъ изъ Х. послѣ многочисленныхъ побѣдъ и не всегда порядочныхъ поступковъ. Адѣ тогда показалось все такъ безотрадно, что мысль броситься изъ окна на мостовую естественно мелькнула, какъ окончаніе ея неудачной любви... Мысль о горѣ отца остановила ее тогда, теперь она подумала о немъ же и о мужѣ... Она невольно взяла его подъ руку и прижалась къ нему, ища опоры и защиты. Въ сердцѣ былъ не то страхъ передъ чѣмъ-то неизбѣжнымъ, не то боль отъ чего-то невозвратимо потеряннаго.

— Одни мы теперь,—сказала она мужу,—новая жизнь начинается для насъ!

Суховъ поцѣловалъ ея руку.

— Назадъ мы будемъ возвращаться уже по желѣзной дорогѣ,—сказалъ онъ.—Пароходы не будутъ ходить...

— Да, навѣрное...

Черезъ мѣсяцъ назадъ! Адѣ какъ-то странно показалось это.

— Мнѣ казалось, я навѣки разсталась со всѣмъ старымъ, для меня уже все, все новое,—вслухъ высказала она свою мысль.

— Черезъ два дня къ обѣду мы будемъ у моихъ стариковъ,—продолжалъ свои мысли вслухъ Суховъ.—Мать моя, впрочемъ, совсѣмъ не похожа на старуху и не любитъ, когда съ нею говорятъ о годахъ,—онъ усмѣхнулся.—За нами вышлютъ коляску, мы поѣдемъ красивой дорогой. Здѣсь лѣса, мимо полей, усадьба видна съ дороги очень издалека... Я радъ побывать въ старомъ гнѣздѣ и показать его вамъ.

— Я тоже рада... Отчего вы не называете меня на «ты», Викторъ?—спросила Адя.

— Съ удовольствіемъ—ты, моя Адя, моя?—спросилъ онъ.

— Твоя, Викторъ.

Это простое «ты» какъ-то мало шло къ манерѣ говорить и держаться Сухова, и Адѣ приходилось принудить себя говорить ему «ты». Это ее удивляло и безпокоило, вообще она чувствовала себя потерянной,—ей все казалось, что она не находила подходящаго тона, все что-то стѣсняло ее. Двое сутокъ пути мало содѣйствовали сближенію супруговъ. Они, сидя вмѣстѣ, не столько разговаривали, сколько думали вслухъ, каждый свои думы. Адя пыталась разспросить мужа объ его родныхъ, особенно о матери и отцѣ, но только и узнала, что maman немного молодится, папа до сихъ поръ на все смотритъ ея глазами. Братья его служатъ, одинъ при генералъ-губернаторѣ такомъ-то, адъютантомъ, другой—въ Петербургѣ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; оба не женаты, оба моложе Виктора. Адя не знала, о чемъ и какъ разспрашивать мужа, но ей хотѣлось узнать и его самого поближе, и его родныхъ, и ту обстановку, въ которой онъ жилъ раньше, пока не женился. Разъ она робко спросила:

— Ты много влюблялся въ молодости, Витя?

Онъ удивленно взглянулъ на нее.

— Зачѣмъ тебѣ это знать?

— Интересно же мнѣ, кого и какъ ты любилъ раньше?

— Я буду любить только мою жену, въ этомъ я тебѣ ручаюсь,—серьезно сказалъ онъ.

Адѣ больше не хотѣлось разспрашивать. Время прошло въ чтеніи газетъ, сидя въ рубкѣ или на палубѣ, въ обѣдахъ, завтракахъ, чаепитіяхъ и въ партіи винта, которую Викторъ Платоновичъ устроилъ себѣ на другой же день съ утра. Адя сидѣла рядомъ и разсѣянно читала газету, дремала и думала больше о прошломъ, чѣмъ о будущемъ.

— Викторъ Платоновичъ познакомитъ тебя со своими и поставитъ какъ нужно,—сказалъ отецъ Адѣ на выраженное какъ-то разъ безпокойство ея по поводу родныхъ мужа.

Адя привыкла вѣрить отцу.

XII.

Коляска на парѣ сѣрыхъ катила по мягкой деревенской дорогѣ. Вдали уже виднѣлась барская усадьба и огромный садъ. Суховъ оживленно, внимательно осматривая поля, которыя — давно убранныя —

казалось, Адѣ не могли представить никакого интереса; разспрашивалъ стараго кучера объ урожаѣ, посѣвахъ и домашнемъ хозяйствѣ, дѣлалъ свои замѣчанія, вообще былъ, видимо, въ хорошемъ настроеніи.

Лѣсъ, вдоль котораго шла дорога, пестрѣлъ осенними красками, листъ сыпался и солнце все скрывалось за тучами.

Къ усадьбѣ молодые подъѣхали при сѣромъ освѣщеніи. Дверь широкаго крыльца распахнулась, и Адя, поднимаясь нѣсколько ступеней, увидѣла на порогѣ высокую сухую женщину, поразительно похожую на ея мужа; «это моя belle-mère», сообразила она и смутилась подъ пристальнымъ, точно изучающимъ ее взглядомъ.

— Soyez la bien-venue, — услышала она звенящій и какой-то однотонный голосъ. Холодныя губы еле прикоснулись къ ея лбу и рука, отстранивъ ее, протянулась къ сыну.—Je vous fais mes compliments, mon cher,—обратилась тѣмъ же тономъ мать къ сыну и, кажется, такъ же холодно поцѣловала его въ щеку.

Адя перешла къ старику, который выступилъ изъ-за жены.

— Bonjour ma chère,—просто сказалъ онъ, пожавъ ея руку, и неловко, непривычнымъ жестомъ привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ.

Этотъ голосъ и поцѣлуй показались Адѣ человѣчнѣе перваго; отъ того у нея просто похолодѣло въ сердцѣ. Она благодарно взглянула на своего beau-père. Сѣдой, розовый старикъ смотрѣлъ скорѣе растерянно, чѣмъ добро, но его лицо понравилось ей,—она такъ искала ласки и сочувствія, что готова была видѣть ихъ тамъ, гдѣ не было только явнаго недоброжелательства.

— Ну, освобождайтесь отъ вашихъ пальто и идите обѣдать, мы по-деревенски—рано,—сказала Маргарита Францовна Сухова, двинувшись величественной походкой изъ передней въ первую дверь.

Старикъ Суховъ похлопалъ сына по плечу и, взявъ подъ руку, пропустилъ Адю впередъ.

— Идемте, идемте, мама не любитъ ждать.

— Это не мѣшаетъ намъ принять къ свѣдѣнію и руководству,— отозвался Викторъ Платоновичъ.

— Вы позволите мнѣ немного привести себя въ порядокъ послѣ дороги,—обратилась Адя къ Маргаритѣ Францовнѣ.

Та чуть повела плечомъ и молча пошла. Адя не знала, какъ это понять.

— Вотъ ваша комната,—указала, открывъ дверь направо, Маргарита Францовна.—Mais je vous prie de ne pas faire toilette... Мы и такъ запоздали съ обѣдомъ.

Адя вошла въ маленькую комнату въ одно окно и притворила въ столовую дверь.

— Я сейчасъ!

Она осмотрѣлась: двѣ кровати по стѣнамъ, около каждой по шкапику со свѣчей и по стулу, у окна письменный столъ, двѣ свѣчи, пепельница и спички на немъ, у одной стѣны умывальникъ, у другой—высокій комодъ, на немъ старинное зеркало, гребень и щетка. Больше ничего не было въ этой «ихъ», приготовленной для нихъ—для «молодыхъ»—комнатѣ.

Вещей Ади еще не вносили, изъ столовой слышался грохотъ посуды и сдержанные голоса рѣдкаго разговора. Адя подошла поправить волосы, вытерла лицо платкомъ и почувствовала, что сейчасъ зарыдаетъ. Дверь отворилась, Суховъ подошелъ къ ней. Адя моментально овладѣла собой, увидѣвъ его лицо. Это было лицо чужого ей человѣка; такого выраженія, холоднаго, нетерпящаго, казалось, возраженія, она еще не видала у мужа.

— Я готова, да и вещей еще не принесли,—сказала она.

Суховъ уже отворялъ дверь снова въ столовую.

— Вещи внесутъ... Вѣдь здѣсь мы дома, успѣемъ разобраться и одѣться... Теперь надо не нарушать режима стариковъ.

Супъ былъ уже розлитъ, Маргарита Францовна, очевидно, ждала только Адю, чтобы сѣсть за столъ. Она такимъ взглядомъ окинула ее, что Адя покраснѣла и искренно пожелала провалиться сквозь землю. Первыя минуты прошли въ томительномъ молчаніи. Адя едва проглатывала супъ и всѣми силами старалась подавить охватившее ее волненіе.

— Вы устали съ дороги?—первый заговорилъ Платонъ Николаевичъ Суховъ.

— Я? Нѣтъ, то-есть да, немножко,— опять краснѣя, отвѣтила Адя.

Маргарита Францовна бросила ей свой пронизывающій взглядъ.

— Какъ вы еще молоды, ma chère. «Нѣтъ, то-есть да».—Или да, или нѣтъ—я думаю!

— Maman, Адя просто не выспалась, мы рано встали сегодня, осматривали окрестности,—вступился Суховъ.

Адя почувствовала къ нему за эту невинную ложь искреннюю благодарность.

— А что, мой другъ, ты теперь безъ пилюль?—спросилъ отецъ сына.

Викторъ Платоновичъ какъ будто смутился, и чуткой Адѣ пока-

залось безпокойство и недовольство въ голосѣ, которымъ онъ отвѣтилъ:

— Конечно, папа, я давно бросилъ всякія пилюли, я совершенно здоровъ!

— Я вижу, вижу... очень радъ, а то прошлый пріѣздъ ты все возился съ какимъ-то лѣченіемъ, я думаю, воображаемыхъ недомоганій... Что же, окрестности наши понравились вамъ?—перемѣнилъ онъ разговоръ, опять обратившись къ Адѣ.

— Да, очень... Здѣсь красиво.

Подали слѣдующее блюдо. Разговоръ шелъ вяло.

— Не боитесь вы, ma chère, попасть въ такое высокое положеніе?—вдругъ спросила Маргарита Францовна.

Адя не поняла.

— Въ какое положеніе?

— Вашъ мужъ генералъ, вы такая молодая дѣлаетесь сразу вице-губернаторшей.

— Нѣтъ, я не боюсь, Викторъ поможетъ мнѣ поставить себя, какъ нужно... — Адя улыбнулась. — Вы говорите, Викторъ генералъ, нѣтъ, онъ не генералъ... онъ статскій совѣтникъ...

— Такъ что же? Онъ по положенію генералъ, да и статскаго совѣтника называютъ превосходительствомъ, такъ что вы сразу дѣлаетесь вашимъ превосходительствомъ, выйдя за моего сына.

Тонъ матери, хотя она говорила все тѣмъ же безстрастно звонкимъ и непріятнымъ голосомъ, очевидно, внушилъ сыну какія-то опасенія, потому что онъ снова вступился за жену.

— Вы же знаете, maman, que le père de ma femme est un vrai général... а статскій совѣтникъ... какъ бы это выразиться... какъ бы предверіе генеральства.

— Какъ вице-губернаторство—предверіе губернаторства,—добавилъ отецъ.

— Вотъ-вотъ именно!

— Я вѣдь,—звенѣлъ опять голосъ Маргариты Францовны,—этихъ вашихъ терминовъ не знаю... Я не имѣла счастія занимать официальнаго положенія—ни мужъ мой, ни отецъ не были чиновниками... Это были помѣщики, баре,—протянула она.

Адѣ положительно слышалась злоба и презрѣніе въ ея голосѣ, и при каждой фразѣ своей belle-mère она чувствовала, какъ щемитъ и холодѣетъ у нея на сердцѣ.

Встали изъ-за стола, перешли въ гостиную пить кофе. Эта комната, большая, какъ и столовая, была такая же неуютная и непривѣтливая. Мебель точно прилипла къ полу, не было уютныхъ угол-

ковъ, мягкихъ кушетокъ и креселъ. Огромные краснаго дерева диваны и кресла стояли симметрично по стѣнамъ. Казалось, никто никогда не сидѣлъ здѣсь. Адя замѣтила дорогую штофную обивку, драпри, севрскія вазы на подзеркальныхъ столикахъ и огромныя зеркала въ простѣнкахъ, но отъ всего этого, какъ отъ строгой фигуры хозяйки, вѣяло холодомъ. Лакей, подававшій кофе, двигался, какъ тѣнь, въ своемъ старомодномъ сюртукѣ, а вышедшая и что-то шептавшая барынѣ горничная бросила совсѣмъ непріязненный взглядъ молодой барынѣ и прошла мимо нея, шурша накрахмаленными юбками. Все здѣсь казалось непривѣтливымъ Адѣ и она ушла въ свою скорлупу.

— Вы, писалъ намъ сынъ, играете и поете, — нарушилъ молчаніе Платонъ Николаевичъ.—Не хотите ли попробовать нашъ рояль?

— Рояль прекрасный,—подтвердила Маргарита Францовна,— поиграйте немного, я послушаю...

Что это, точно экзаменъ!

— Нѣтъ, простите, я устала, да и врядъ ли моя музыка могла бы доставить вамъ удовольствіе...

— Объ этомъ предоставьте намъ судить, но я не принуждаю,— разрѣшила Маргарита Францовна.—Можетъ быть, теперь вы хотите идти къ себѣ до чаю... Ваши вещи уже внесены.

Адя готова была расцѣловать ее за это и чуть не бѣгомъ направилась въ отведенную имъ комнату. Дорожный кофръ и мелкія вещи были внесены, развязаны и обтерты. Адя принялась вынимать платье свое и мужа и временно положила на кровать. «Укажутъ же, куда его повѣсить».

«Написать бы папѣ... или тетѣ Валѣ,—подумала она, но ничего на столѣ не было.—Попрошу завтра... да и не надо писать, первое впечатлѣніе можно развѣ въ свой дневникъ занести, да и то въ надеждѣ, что дальнѣйшія изгладятъ его».

За разборомъ вещей время шло незамѣтно. Въ комодѣ появилось бѣлое, хорошо пахнущее бѣлье, на комодѣ—дорожные нессесеры, флаконы, щетки, на столѣ—складная рамка съ портретомъ отца и другая—матери съ Лидой, дорожный бюваръ и маленькая—безъ чернилъ—чернильница. Адя почувствовала себя лучше среди знакомыхъ вещей. Темнѣло. Голоса изъ гостиной не доходили до комнаты Ади и ей казался погруженнымъ въ могильную тишину. Изъ окна виднѣлась глухая часть сада. Адя поспѣшила опустить штору и зажечь свѣчи. Въ столовой тоже появился лучъ отъ зажженой лампы и послышались приготовленія къ чаю. Адя открыла дверь и позвала горничную, чтобы размѣстить гдѣ-нибудь ея и мужа платье. Та же, шу-

мящая юбками, горничная, такъ же непривѣтливо забрала платья и унесла въ коридоръ, гдѣ и начала вѣшать ихъ въ какой-то шкапъ.

Къ чаю опять собралось все семейство, опять разговоръ тянулся такъ, точно это были люди, случайно сошедшіеся на станціи. Пока— отъ нечего дѣлать—они перекидываются рѣдкими фразами; явится возможность ѣхать дальше—и каждый на полусловѣ готовъ оборвать разговоръ и забыть только что начатую бесѣду.

Послѣ чая Маргарита Францовна ушла и долго не возвращалась. Безъ нея—Адя замѣтила—всѣ, то-есть ея мужъ и beau-père, стали будто веселѣе, ей самой стало легче и она даже разговорилась. Когда Маргарита Францовна вошла, Суховъ père весело обратился къ ней:

— Да наша belle-fille—прелесть! Какъ остроумна!

Эта безцеремонная похвала удивила Адю, точно она вещь какая или дитя малое.

Маргарита Францовна была, повидимому, въ лучшемъ настроеніи послѣ конференціи со своей экономкой и отозвалась болѣе любезно:

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, мой сынъ не лишенъ вкуса!

Адѣ вспомнилась мать. Вѣра Васильевна тоже любила говорить: «Моя дочь... Моя дочь не можетъ лгать, моя дочь не нуждается въ женихахъ»... «Однако, эти двѣ матери по-моему всетаки не похожи другъ на друга»,—подумала Адя.

— Позволите вы намъ пораньше лечь сегодня?—спросила она,— дорожная усталость всетаки сказывается.

Маргариту Францовну, повидимому, удивила смѣлость belle-fille

— Какъ вамъ угодно, милая, ложитесь... Ты, Викторъ, ещ останешься съ нами,— болѣе утвердительно, чѣмъ вопросительн обратилась она къ сыну.

— Конечно, maman, я только устрою жену, взгляну, все ли тамъ есть.

Адя простилась и вышла.

— Простись и ты, Витя, мнѣ такъ хочется побыть съ тобо вдвоемъ,—просила она, ласкаясь. Ей страшно было остаться опят одной съ своими сомнѣніями.

— Нѣтъ, милая, нельзя, у насъ вся жизнь впереди... У стари ковъ я давно не былъ, они обидятся...

Суховъ спѣшилъ и, разсѣянно поцѣловавъ жену, вышелъ.

Адя присѣла къ столу и зарыдала.

«Старики обидятся, а я?... У насъ вся жизнь впереди... Мы д сихъ поръ все думаемъ о томъ, что предстоитъ впереди и не пользу емся тѣмъ, что могло бы быть сейчасъ... Я никогда не жила такт у меня всегда было — сегодня и вчера, о завтра я начинала думат

тогда, когда сегодня оказывалось плохимъ, я надѣялась сдѣлать лучшимъ мое завтра... Что-жъ это, со дня свадьбы мы все живемъ надеждами на это завтра, значитъ «сегодня»...

Изъ столовой доносились все тѣ же безстрастные голоса родителей и сына. Адя, задумавшись, перестала плакать. На большихъ старинныхъ часахъ въ столовой пробило одиннадцать. Съ послѣднимъ ударомъ задвигались стулья, послышались шаги, и черезъ минуту Суховъ входилъ къ женѣ.

— У насъ все по старому,—улыбаясь и совершенно удовлетворенный, сказалъ онъ,—старики все тѣ же: juste à onze heures, идутъ спать, ни минуты раньше, ни минуты позже.

Адя торопливо раздѣлась и легла на свою постель. «Боже! Какъ жестко, холодно, неудобно въ этой огромной, чужой кровати. Гдѣ-то моя маленькая милая кроватка!» Адѣ опять захотѣлось заплакать, но она пересилила себя. «Нечего сантиментальничать, теперь не время!»

— Покойной ночи, Викторъ.

— Я еще приду къ тебѣ, если позволишь, погрѣться... Мнѣ что-то зябнется.

XIII.

Десять дней жизни въ имѣніи стариковъ показались вѣчностью Адѣ. Старикъ вставалъ рано и, когда ему готовили чай и онъ пилъ его въ столовой, Адя просыпалась и уже не могла заснуть. Викторъ Платоновичъ, услышавъ отца, быстро вставалъ, надѣвалъ халатъ и, говоря женѣ: «Пока дамы спятъ, мы en deshabillé побесѣдуемъ», уходилъ къ отцу. Голоса, шумъ посуды доносились до Ади. Она никакъ не могла понять, почему имъ назначили именно эту, такую неудобную комнату, когда въ огромномъ домѣ было столько пустыхъ, отдаленныхъ, никому не нужныхъ комнатъ. Но оказывается, у каждой было свое названіе и она могла оказаться нужной. Эту комнату всегда занималъ Викторъ, она за нимъ и осталась, прибавили только лишнюю кровать.

— Ты спи, Адя,—говорилъ каждое утро уходя мужъ,—мы тихо говоримъ, не помѣшаемъ тебѣ.

Но Адя уснуть не могла. Разъ она одѣлась и явилась было, розовая и веселая, въ столовую, но beau-père смутился и сейчасъ же ушелъ, а мужъ объяснилъ ей, что это у нихъ не принято, дамы пьютъ кофе въ десять часовъ, къ этому времени ей нужно быть готовой, до тѣхъ же поръ своимъ выходомъ она только стѣснитъ его и отца. Адя валялась до половины десятаго, затѣмъ быстро одѣвалась и съ приходомъ мужа для одѣванья въ ихъ комнату, шла въ столо-

вую пить кофе и слушать бесѣду Маргариты Францовны. Разговоръ шелъ въ такомъ духѣ:

— И что же, ваша maman много принимаетъ? А туалеты можно въ X. заказывать или вы выписываете? Я одѣваюсь въ Варшавѣ... Мы каждую зиму проводимъ тамъ мѣсяца три... У насъ абонементъ въ оперѣ... Много знакомыхъ... Я еще не отстала отъ общества, женщина не должна никогда опускаться... Ну, сколько мнѣ лѣтъ по-вашему?

Адя вспомнила разговоръ съ мужемъ и не знала, что отвѣтить.

— Вы навѣрное кажетесь моложе своихъ лѣтъ, вѣдь Виктору уже... — попробовала было дипломатично уклониться отъ прямого отвѣта Адя, но Маргарита Францовна перебила ее:

— Помните, ma chère, «la femme a l'âge qu'elle paraît avoir... Мнѣ никто не даетъ болѣе сорока пяти, я очень сохранилась...

Адя охотно давала ей 45, но находила, что можно дать и 55. Туалеты ея belle-mère были, дѣйствительно, молоды и очень хороши. Каждое утро она являлась къ кофе въ новомъ капотѣ или matinée, каждый день надѣвала, если не другое платье, то другой воротникъ, фишю, бантикъ, вообще видно было, что туалетъ—это ея исключительная забота. Когда пріѣзжали гости,—а за время пребыванія «молодыхъ» ихъ перебывало не мало,—Адѣ тоже приходилось «faire toilette», и Маргарита Францовна сама осматривала свою belle-fille и дѣлала указанія. Адя въ душѣ благодарила свою мать за то, что она не поскупилась вложить ей побольше хорошенькихъ платьевъ и успѣлатаки сдѣлать ихъ достаточное количество. Пріѣзжавшіе гости, всѣ сплошь, не нравились Адѣ. Всѣ пребезцеремонно ее разсматривали и разспрашивали, всѣ говорили или о хозяйствѣ, или о туалетахъ и мѣстныхъ сплетняхъ. Мужчины при первой возможности уходили, и Викторъ Платоновичъ съ ними. Вдвоемъ съ мужемъ ей почти не удавалось побыть. Когда не было гостей, онъ уходилъ съ отцомъ смотрѣть хозяйство, она оставалась одна или слушала разговоры о туалетахъ и сосѣдяхъ Маргариты Францовны. Какимъ-то чудомъ удалось отдѣлаться отъ поѣздки по сосѣдямъ. Виктору не хотѣлось этого и при всей кажущейся почтительности къ родителямъ, онъ того, чего не хотѣлъ, умѣлъ не дѣлать.

— Теперь мы у васъ не надолго, пріѣдемъ въ другой разъ, поѣдемъ визиты дѣлать... у Ади еще и туалетовъ подходящихъ нѣтъ,— нашелъ онъ для матери убѣдительный аргументъ.

Иногда выходили всѣ въ садъ. Осень еще дарила теплыми, сухими днями. Гулять было гдѣ, но Адѣ одной выходить считалось неумѣстнымъ, а прогулки en famille до нельзя утомляли ее. Она затихла и была вся ожиданіе, ожиданіе отъѣзда изъ-подъ «родительскаго кро»а».

XIV.

Наконецъ, желанный день насталъ. Адя проснулась счастливая и еле сдерживала свою радость. Рѣшено было ѣхать не въ Москву и не въ Петербургъ, а въ Варшаву; такъ хотѣла Маргарита Францовна, которая считала Варшаву—европейскимъ городомъ, Петербургъ—болотомъ, а Москву—деревней.

— Fi donc, ma chère, одѣваться въ Москвѣ, вамъ нужно сдѣлать себѣ подходящіе къ вашему положенію туалеты, вѣдь вы будете давать тонъ обществу... Я даю вамъ адресъ моей портнихи и будьте покойны, она сумѣетъ одѣть васъ.

Адя соглашалась на все, лишь бы вырваться, лишь бы уѣхать.

Подали коляску, вынесли мелкія вещи, сундуки съ утра отправили на станцію. Адя—вся ожиданіе. Викторъ Платоновичъ чего-то медлитъ, тянетъ. «Чего ему нужно», думаетъ Адя.

«Денегъ, денегъ, Боже мой, какъ это я не догадалась! Онъ все ждалъ, что ему дадутъ, вечерами съ Адей разсчитывалъ, сколько можетъ получить, и до послѣдней минуты не получилъ; ну, очевидно, и не получитъ, чего же тянуть, чего ждать? Просить не рѣшается... Ахъ, какъ странно такого взрослаго видѣть такимъ... Адѣ подумалось—мальчишкой, но это выраженіе такъ не шло къ ея строгому, солидному Виктору. И отношенія какія у нихъ необыкновенныя»,—думала она въ ожиданіи отъѣзда.

Наконецъ, рѣшили, что пора ѣхать, простились такъ же холодно, какъ и поздоровались, и двинулись на крыльцо. Молодые сѣли въ экипажъ. Старикъ махнулъ платкомъ и крикнулъ:

— Bon voyage.

Маргарита Францовна сдѣлала какое-то движеніе рукой, похожее на то, что она благословляла отъѣзжающихъ. Ея лицо оставалось безстрастнымъ, розовая, добродушная физіономія старика, казалось, говорила: «что-жъ, все было хорошо и любезно и мы всѣ довольны».

Кто былъ доволенъ, дѣйствительно, и больше не скрывалъ этого—это Адя. Она, чуть коляска повернула, обняла и поцѣловала мужа.

— Какое счастіе, наконецъ, мы одни.

— Devant le cocher, ma chère,—пришелъ въ ужасъ онъ.

Настроеніе Ади однако ужъ ничто испортить не могло. Она ухитрилась даже развеселить своего хмураго мужа. Онъ немного сердился и брюзжалъ по поводу того, что старики не только не дали ему денегъ, но даже ни малѣйшихъ подарковъ по случаю свадьбы не сдѣлали ни ему, ни Адѣ.

— Я намекалъ отцу не разъ... у меня вѣдь пріемы, я одѣваюсь у честныхъ портныхъ, онъ знаетъ, я играю по большой... на все

это нужны средства... Я могу жить на жалованье, но экстраординарные расходы... не могу же я еще сбереженія дѣлать!

— Однимъ словомъ, на этотъ разъ мы съ тобой поемъ въ унисонъ,—смѣялась Адя,—и ты не горюешь, что мы уѣхали изъ твоего «родного гнѣзда». А на устройство нашего намъ хватитъ пока того, что далъ мнѣ папа,—все мое—твое, Викторъ; ты, надѣюсь, это знаешь.

Викторъ Платоновичъ пожалъ ея ручку.

XV.

Въ Варшавѣ у Ади заболѣлъ зубъ, и она уже нѣсколько дней подрядъ ходила къ дантисту, чтобы запломбировать его. Викторъ Платоновичъ что-то «расклеился», какъ онъ выражался, пересталъ выходить съ женой и рѣшилъ полѣчиться: у него появились на тѣлѣ нарывы, которые очень безпокоили его. Номеръ состоялъ изъ двухъ комнатъ, и Викторъ Платоновичъ попросилъ жену перейти спать на диванъ въ первую комнату, Адя согласилась. Она пыталась было предложить мужу свои услуги въ уходѣ за нимъ, но онъ даже не показалъ ей своихъ нарывовъ и увѣрилъ, что все это съ дороги, пустяки, лѣчился какими-то собственными средствами. Октябрь въ Варшавѣ стоялъ необыкновенно теплый. Адя наслаждалась свободой и была безконечно благодарна мужу за это свое счастливое и покойное состояніе. Она всѣми силами старалась показать ему свое расположеніе и жалѣла только, что нездоровье мѣшаетъ ему наслаждаться прелестью Варшавы вмѣстѣ съ нею.

«Я счастлива,—писала она любимой тетѣ Валѣ,—все мрачное позади, впереди—тепло и свѣтъ. И это даетъ мнѣ мой Викторъ! Я люблю его, тетя Валя, онъ такой хорошій!»

— Адя, ты пошла бы сегодня въ театръ, милая, а то соскучишься, всѣ вечера сидишь со мной полубольнымъ,—сказалъ какъ-то Суховъ женѣ.

— Пустяки! Я не скучаю никогда и не хочу получать удовольствіе въ театрѣ, когда ты будешь дома одинъ.

Суховъ перемѣнилъ позу въ креслѣ и поморщился.

— Что ты? Тебѣ больно?—встревожилась Адя.

— Да, еще нарывъ вскочилъ.

— Вотъ несчастье. Это въ вагонахъ пыльныхъ засорились поры,—соображала Адя.—На пароходѣ лучше было... Да ты сходилъ бы къ доктору,—посовѣтовала она.

— Былъ я у доктора.

— Когда? У какого?

— Здѣсь въ гостиницѣ живетъ, заходилъ я къ нему сегодня, ока ты у своего дантиста была.

— Ну, и что же онъ сказалъ, далъ что-нибудь?

Лицо Сухова нервно передернулось, но онъ овладѣлъ собой.

— Не тревожься, ты права, это съ дороги.

— Ну, слава Богу, дай я посмотрю,—Адя подошла и хотѣла обнять мужа,—бѣдный ты мой!

— Ахъ, не надо,—нервно отстранилъ онъ,—т.-е. мнѣ больно, не задѣнь.

Адя на минуту потерялась. Лицо мужа, землистое, нервное, голосъ не такой ровный, какъ всегда, удивили и испугали ее.

«Да, онъ въ самомъ дѣлѣ заболѣваетъ чѣмъ-то серьезнымъ,—подумала она,—какъ это я раньше не замѣтила!»

Весь день она старалась развлечь мужа и видѣла, что это не удается ей... Онъ еле сдерживалъ раздраженіе и, видимо, хотѣлъ избавиться отъ нея. Къ обѣду онъ почти не притронулся и сейчасъ послѣ обѣда началъ одѣваться.

— Я еще къ доктору, къ другому съѣзжу,—сказалъ онъ,—этотъ, можетъ быть, ошибся, ты не тревожься,—обратился онъ къ Адѣ и,ославъ ей воздушный поцѣлуй, быстро вышелъ.

Адя ничего не понимала. Ей стало страшно чего-то, какъ бываетъ страшно ребенку въ темнотѣ. Она машинально перекладывала съ мѣста на мѣсто вещи и вдругъ увидала револьверъ мужа, который онъ зарядилъ передъ дорогой и, смѣясь, показывая его ей, говорилъ: «въ деревнѣ безъ оружія нельзя... отъ разбойниковъ».

«Зачѣмъ это онъ вытащилъ револьверъ,—подумала она.—И какой онъ сталъ странный, не ласкаетъ, не цѣлуетъ меня... успокаиваетъ сегодня... я только тогда и встревожилась, когда онъ началъ успокаивать».

Вскорѣ Суховъ вернулся, Адя встрѣтила его тревожнымъ взглядомъ.

— Конечно, этотъ идіотъ ошибся,—возбужденно говорилъ Викторъ Платоновичъ, раздѣваясь,—ты права, пустяки, съ дороги; все скоро пройдетъ.

Адя очень обрадовалась.

— А я было совсѣмъ пріуныла,—начала она и хотѣла поцѣловать мужа.

— Цѣловать мнѣ тебя всетаки нельзя, видишь—на губахъ лихорадка высыпала.

Суховъ пожалъ ручки жены, погладилъ ее по волосамъ и, вынимая что-то изъ портмоне, улыбнулся.

— Я тебѣ сюрпризъ приготовилъ, угадай что?

— Не знаю... Колечко, брошку... маленькое что-то,—угадывала Адя, радуясь, что мужъ сталъ веселѣе и бодрѣе.

— Не угадала! Билетъ я тебѣ взялъ. Здѣсь на нѣсколько представленій вѣнская труппа, очень хвалятъ; подумалъ, надо воспользоваться случаемъ, посмотрѣть.

— Но безъ тебя я не хотѣла.

— Ничего, ничего, иди, можетъ быть, завтра ужъ и я поѣду съ тобой, а сегодня всего одинъ билетъ и досталъ.

— А что идетъ?

— Ибсена пьеса «Gespenster» («Призраки»), ты не видала?

— Нѣтъ, не видала и не читала.

— И я тоже, а говорятъ очень хорошо.

— Ну, что же, я посмотрю,—согласилась Адя,—и разскажу тебѣ.

Наскоро причесавшись и перемѣнивъ костюмъ, Адя поѣхала въ театръ. Дорогой на нее опять напалъ какой-то непонятный страхъ, точно какое-то мрачное облако повисло надъ нею.

«Куда я положила револьверъ,—подумала она,—и почему это онъ мнѣ вспомнился? Да, на окно въ первой комнатѣ я его положила».

Освѣщенный, переполненный публикой театръ развлекъ ее. Чуть не первое лицо, которое бросилось ей въ глаза, былъ докторъ изъ Х. Адя, хоть и мало была съ нимъ знакома, очень ему обрадовалась. «Какими судьбами она въ Варшавѣ, почему одна, что съ мужемъ?» — закидалъ ее докторъ вопросами. Она спѣшила разспросить про Х., но докторъ выѣхалъ почти вслѣдъ за ними и зналъ то же, что она изъ писемъ; его очень заинтересовало нездоровье Сухова, и онъ подробно разспрашивалъ Адю.

— Я зайду къ вамъ завтра, если позволите,—сказалъ онъ,—я когда-то лѣчилъ вашего мужа и мои совѣты могутъ быть полезны. А вотъ новость могу я вамъ сообщить, тоже не изъ веселыхъ,—сказалъ онъ,—про Жакскаго слышали?

— Нѣтъ, что такое?

— Да вы вѣдь не влюблены въ него больше? —съ обычной своей безтактностью засмѣялся докторъ.

— Не влюблена, конечно,—серьезно отвѣтила Адя.

— Я шучу, конечно, а случилось съ нимъ то, чего надо было ожидать, проворовался... казенныя деньги растратилъ, теперь подъ судомъ.

Адя была поражена.

— Жакскій! Бѣдный, бѣдный, какъ мнѣ его жаль!

Вотъ ужъ не стоитъ жалѣть... все это одна гниль, не въ фи-

зическомъ, такъ въ нравственномъ смыслѣ, всѣ эти молодые люди вашего «порядочнаго общества»,—зло усмѣхнулся докторъ.—И за такихъ выдаютъ дочерей! Знаете, васъ, лично васъ я почему-то всегда выдѣлялъ изъ вашего общества—заговорилъ сердечно докторъ послѣ паузы,—мнѣ почему-то вѣрилось, что вы вырветесь на волю и заживете здоровой, нормальной жизнью, внѣ этой прогнившей морали, этого выдуманнаго приличія и долга.

Ада съ удивленіемъ слушала его. Каждый антрактъ докторъ приходилъ къ ней и велъ разговоръ все болѣе и болѣе смущавшій ее. Безъ его помощи она, можетъ быть, не такъ поняла бы и, во всякомъ случаѣ, не такъ ужасно почувствовала бы смыслъ Ибсеновскихъ «Призраковъ». Совершенно по-дѣтски она задавала вопросы своему собесѣднику.

— Чему васъ учатъ,—восклицалъ онъ,—къ чему готовятъ! О чемъ думаютъ ваши грандамистыя мамаши!

Не щадя ея невѣдѣнія, молодости, онъ открывалъ ей жестоко глаза. Послѣдній актъ драмы произвелъ на Адю потрясающее впечатлѣніе. Какъ потерянная, она вышла изъ театра и направилась домой. Фразы изъ пьесы и разговора доктора путались въ ея головѣ. Точно завѣса спала съ ея глазъ, и будущее представилось ей безпросвѣтной бездной.

«Куда идти, что дѣлать? Кому вѣрить? Домой, домой,—спѣшила она.—Гдѣ-жъ мой домъ? У отца? Нѣтъ, туда я не вернусь! У мужа? Можетъ быть, отца моего ребенка?

Лицо артиста въ послѣдней сценѣ встало передъ ней... голова ея закружилась, сердце билось и замирало, она не помнила, какъ добралась до гостиницы и поднялась въ свой номеръ. У дверей она немного пришла въ себя.

«Боже, какъ просто, какъ это раньше не пришло мнѣ въ голову... вотъ онъ, выходъ... только бы не разбудить, если онъ спитъ».

Ада неслышно открыла дверь и скользнула въ комнату.

«Скорѣе, скорѣе,—она дошла до окна, перламутровая ручка револьвера сверкнула въ лучѣ луны,—вотъ спасеніе мое».

Суховъ спалъ. Онъ не сразу понялъ, что разбудило его. Казалось, что-то мягкое упало въ сосѣдней комнатѣ. Въ дверь стучались и черезъ минуту входили...

«Здѣсь былъ выстрѣлъ»...

Ада безъ признаковъ жизни лежала на полу.

Экъ.

СЖЕЧЬ, НЕ ВСКРЫВАЯ.

М. фонъ Эбнеръ-Эшенбахъ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Въ два часа ночи онъ вернулся домой и съ удивленіемъ замѣтилъ, что весь домъ еще былъ освѣщенъ и прислуга на ногахъ. Швейцаръ выскочилъ ему навстрѣчу и, отворяя дверцы кареты, пробормоталъ что-то сквозь зубы. На площадку выбѣжала служанка графини.

— Докторъ, докторъ! Это вы?—крикнула она.

Лотаръ стиснулъ зубы. Онъ не переносилъ крикливаго голоса старой Матле, но, какъ человѣкъ, умѣющій владѣть собой, онъ не показалъ виду и медленно сталъ подниматься по лѣстницѣ.

— Что же такое случилось?—спросилъ онъ мимоходомъ и прошелъ, не ожидая отвѣта.

Старуха съ ненавистью посмотрѣла ему вслѣдъ и отвернулась, зарыдавъ. Лотаръ вошелъ въ спальню жены, гдѣ она уже нѣсколько мѣсяцевъ лежала въ тяжкой болѣзни. Въ комнатѣ былъ полумракъ. Царила глубокая тишина, только изрѣдка слышался легкій трескъ свѣчи, горѣвшей на ночномъ столикѣ; свѣтъ падалъ на сестру милосердія, которая молилась, опустившись на колѣни.

Большая, украшенная рѣзьбой постель, стояла изголовьемъ къ стѣнѣ подъ огромнымъ шелковымъ балдахиномъ. Широкое, чудное ложе, а тѣло, которое на немъ лежало, было такое маленькое, тщедушное, почти дѣтски-нѣжное. Желтоватая блѣдность покрывала ея лицо; губы, казалось, только что еще улыбались; прекрасные, свѣтло-русые волосы были заплетены въ двѣ тяжелыя косы; руки были сложены. Дивныя руки!...

Лотаръ остановился среди комнаты, затаивъ дыханіе и не сводя глазъ съ тонкихъ очертаній лица спящей. Вслѣдствіе освѣщенія лампы, но почему-то черты ея ему показались смертельно блѣдными.

Съ улицы послышался шумъ приближающагося экипажа. Сестра милосердія поднялась и, замѣтивъ Лотара, поклонилась ему, поникнувъ грустно головой. Она была молода и очень хороша собой, и эта дѣвушка, отрекшаяся отъ міра, казалась олицетвореніемъ цвѣтущей жизни рядомъ съ этой блѣдной женщиной, у которой она просиживала ночи. Экипажъ остановился у подъѣзда, на лѣстницѣ послышался шумъ, рыданія и голосъ Матле:

— Войдите же, посмотрите! Сонъ ли это?... или обморокъ?... или... о, Боже, Боже!...

Докторъ вошелъ. Увидѣвъ свою миловидную, всегда терпѣливую паціентку, онъ, казалось, былъ сильно растроганъ. Онъ не пощупалъ ея пульса, не положилъ руки на ея сердце, онъ только взглянулъ на нее и упалъ: все кончено.

Матле смотрѣла на него, дрожа отъ страха, и продолжала жалобнымъ тономъ:

— Только что вы ушли, она заснула. Спала два часа, какъ ребенокъ. Потомъ проснулась, потянулась немного и спросила: «Матле, графъ дома? Нѣтъ еще? Такъ скажи ему, что я ему желаю покойной ночи; ахъ, Матле, какъ я хорошо спала». И она опять заснула... и спитъ... и спитъ...—не въ силахъ больше стоять, она опустилась на колѣни у постели.

Лотаръ подошелъ къ доктору.

— Умерла?—спросилъ онъ тихо, упавшимъ голосомъ.

— Умерла.

— Докторъ, вы это ожидали?

— Почти надѣялся. Самое тяжелое ей не пришлось испытать. Я же вамъ говорилъ, эта болѣзнь можетъ продолжиться еще долго и можетъ кончиться ежеминутно.

Въ тонѣ его голоса не было ни малѣйшаго упрека, да Лотаръ и не допустилъ бы никакого упрека. «Можетъ кончиться ежеминутно», это можно было сказать и про того, кто это говорилъ, и того, кто это слыхалъ, и вообще про всѣхъ людей. Несчастная женщина уже такъ давно страдала... неизлѣчимо, а онъ—пусть отъ него требуютъ все, что угодно, только не сидѣть у больной. Такъ онъ и не измѣнялъ своихъ привычекъ.

Сегодня, какъ всегда, провелъ вечеръ въ клубѣ, а затѣмъ былъ на балу у Фаншеттъ, гдѣ веселился, не такъ хорошо, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но все жъ-таки веселился. Какой жестокій случай, что какъ разъ въ это время умерла его жена. Хотя это только казалось жестокимъ: она ничего про это не знала, она жила и умерла вѣря въ неизмѣнную вѣрность своего супруга.

Да, она была еще ребенокъ! Такой человѣкъ, какъ онъ, съ болѣзненной женой и—супружеская вѣрность,—немыслимо... Но какъ хорошо, что она это считала возможнымъ и всегда жалѣла его; она никогда не предлагала ему такого вопроса, на который бы онъ долженъ былъ отвѣтить ложью, и вообще она ни въ чемъ его не стѣсняла. И, несмотря на такую скромность, ея существованіе было ему въ тягость.

Онъ часто думалъ о томъ, что смерть была бы для нея счастіемъ, такъ какъ на выздоровленіе нельзя было надѣяться. Теперь сбылось то, что онъ называлъ ея счастіемъ, и наступилъ часъ избавленія для него и для нея.

Онъ легъ спать и спалъ еще крѣпкимъ сномъ, когда его разбудили и доложили, что секретарь желаетъ его видѣть. Секретарь заявилъ ему, что распорядитель «предпріятія» проситъ дать ему указанія. Лотаръ не сразу понялъ, что это за «предпріятіе».

— Распорядитесь сами, Буркертъ, вы лучше всѣхъ знаете, какъ все надо устроить, вы настоящій церемоніймейстеръ,—отвѣтилъ онъ.

Маленькій, важный Буркертъ скромно улыбался.

— Однако, ваше сіятельство должны сами посмотрѣть, не оставила ли покойная графиня какое-либо приказаніе насчетъ своихъ похоронъ?

— Какія глупости, Буркертъ, она о смерти не думала.

— Но покойная графиня недавно причастилась.

— Потому что ея подруги ей это посовѣтовали какъ средство къ исцѣленію, а не потому, что она чувствовала близость смерти.

Но всѣ эти возраженія не помогли. Это была пустая формальность, но Буркертъ требовалъ строгаго соблюденія всѣхъ формальностей.

Секретарь уже добылъ у Матле позолоченный ключикъ отъ письменнаго стола графини и передалъ его графу.

Лотаръ наскоро одѣлся и поспѣшно прошелъ длинный рядъ комнатъ, раздѣляющихъ его помѣщеніе отъ покоевъ жены. Кабинетъ находился рядомъ съ комнатой, гдѣ лежала покойная; оттуда доносились до него шепотъ, тихіе шаги, шумъ передвигаемой мебели.

Нехотя Лотаръ отперъ и выдвинулъ ящикъ стола. Онъ увидалъ кучу бо́льшею частью еще нераспечатанныхъ писемъ, карточекъ, концертныхъ билетовъ, приглашеній на благотворительные вечера, нѣсколько драгоцѣнныхъ вещицъ, но ничего, что́ бы было похоже на завѣщаніе. Онъ уже собрался опять задвинуть ящикъ, когда ему бросился въ глаза большой конвертъ, завалившійся въ крайній уголъ ящика. Онъ взялъ его въ руки; въ немъ находились, повидимому,

нѣсколько сложенныхъ писемъ; почеркомъ Стеллы на немъ было написано: «Послѣ моей смерти сжечь, не вскрывая». Бѣдняжка! и у нея были свои ребяческіе секреты. Онъ зажегъ свѣчу и вскорѣ конвертъ запылалъ яркимъ огнемъ и былъ имъ брошенъ въ каминъ.

— Ничего не нашелъ, — обратился онъ къ своему секретарю, возвращаясь въ свою комнату.—Распоряжайтесь насчетъ похоронъ, извѣстите родныхъ въ Вѣнѣ и пошлите телеграммы остальнымъ.

— Вашу свояченицу, графиню Алисъ, слѣдовало бы первую извѣстить.

— Да, слѣдовало бы, но это невозможно. Она послѣдній разъ писала изъ Эллостонъ Паркъ, и теперь, по всей вѣроятности, находится на кораблѣ.

— Ваше сіятельство прикажете, конечно, торжественное богослуженіе въ замкѣ, торжественныя похороны въ родовомъ склепѣ...

— Если вы думаете, что мнѣ надо такъ приказывать, то я приказываю,—перебилъ его Лотаръ.

Буркертъ отвѣсилъ поклонъ.

— Я сейчасъ же телеграфирую въ Вальдговенъ, чтобы тамъ приготовили могилу; въ замкѣ тоже надо будетъ кой-что устроить для гостей; они, вѣроятно, останутся только одну ночь, а ваше сіятельство, можетъ быть, немного дольше.

— Да, можетъ быть.

— Это было бы хорошо. Счета, которые новый лѣсничій вамъ присылаетъ, мнѣ совсѣмъ не нравятся, а относительно служащихъ въ экономіи...

— Тѣ думаютъ о своей выгодѣ! Но что же дѣлать, Буркертъ? Вальдговенъ никто никогда не любилъ, да оно и не особенно весело, это наша могила. Вы, впрочемъ, правы, и для Вальдговена и для меня будетъ полезно, если я побуду тамъ нѣсколько дней.

— А я пока закажу благодарственныя карточки за присланные вѣнки и соболѣзнованія.

— Прекрасно, Буркертъ, прекрасно.

Да, этотъ человѣкъ умѣлъ совѣтовать! Остаться теперь въ Вѣнѣ было бы ему ужасно, среди печальныхъ родственниковъ и подругъ жены и безчисленныхъ знакомыхъ, которые всѣ пожелаютъ выразить ему свое сочувствіе.

Въ Вальдговенѣ ему не придется подчиняться общественнымъ обязанностямъ, а дѣла тамъ найдется вдоволь.

Лотаръ взялъ ванну, позавтракалъ, одѣлся и вышелъ. Онъ хотѣлъ прогуляться, отмѣнить сельско-хозяйственное засѣданіе, которое должно было состояться по его иниціативѣ, и заявить въ парла-

ментѣ о своемъ выѣздѣ на нѣсколько дней. Въ передней толпились мастеровые, вносили гробъ и черное сукно. Когда появился Лотаръ, они остановились и поклонились ему съ подобострастіемъ; повидимому, онъ произвелъ впечатлѣніе человѣка, не скупившагося въ деньгахъ. Все это непріятно поразило его, и онъ поспѣшно вышелъ на улицу. Знакомый ему голосъ окликнулъ его.

Изящно одѣтый молодой человѣкъ подошелъ къ нему; это былъ красивый мужчина большого роста, съ продолговатымъ, нѣжнымъ лицомъ; голубовато-сѣрые глаза глядѣли серьезно, причемъ ротъ почти всегда улыбался.

— Такъ и есть, это ты! Значитъ, неправда, что...—началъ онъ поспѣшно,—или все жъ-таки?—пристально, со страхомъ смотрѣлъ онъ другу въ глаза и пробормоталъ:—умерла... умерла...

— Пожелай и себѣ, и мнѣ такъ умереть; она отошла во снѣ.

— Когда?

— Ночью.

— Ахъ... когда мы были на балу?

— Да.

— Ты еще засталъ ее?

— Нѣтъ.

Они повернули и пошли вмѣстѣ.

— Куда ты идешь?—спросилъ Лотаръ.

— Въ министерство, конечно.

— Бери отпускъ на недѣлю и побудь со мной въ Вальдговенѣ. Можешь тамъ поохотиться. Твоего министра и безъ тебя свергнутъ. Поѣдемъ, Альбрехтъ, да?

— Не знаю, право, не знаю,— онъ вдругъ обернулся и пристально посмотрѣлъ Лотару въ лицо. — Почему ты вчера и третьяго дня и каждый разъ, когда я спрашивалъ, какъ ея здоровье, почему ты всегда отвѣчалъ: лучше?—онъ произнесъ эти слова безъ всякаго волненія, съ намѣреннымъ спокойствіемъ, еле сдерживая затаенную злобу.

— Почему? Потому что я это думалъ,—отвѣтилъ Лотаръ, какъ бы извиняясь; другу онъ давалъ отчетъ, если тотъ этого требовалъ; другу онъ многое позволялъ; онъ обращался съ нимъ, какъ снисходительный старшій братъ съ младшимъ.

Альбрехтъ погрузился въ свои мысли и молчалъ. У зданія министерства они разстались.

На него ея смерть произвела сильное впечатлѣніе, для ея сестры и для него это было большое горе. Онъ Стеллѣ всегда былъ очень симпатиченъ, она любила его ровный характеръ и веселость. Его

глаза порицаютъ глупость людей, а его ротъ извиняетъ ихъ»,—говорила она про него. Она всегда охотно его принимала, даже тогда, когда никого не хотѣла видѣть, потому что всѣ, какъ она выражалась, дѣлали «подобающія физіономіи», когда ей было плохо.

Альбрехтъ никогда не корчилъ такой гримасы, не надоѣдалъ ей своимъ участіемъ, а доказывалъ его. Онъ сидѣлъ у нея, когда всѣ другіе уходили веселиться, по цѣлымъ часамъ читалъ ей сочиненія ея любимыхъ авторовъ, которые не могли его интересовать. Онъ всегда былъ готовъ пожертвовать какимъ-нибудь удовольствіемъ, чтобъ остаться у нея. А если случалось, что служба или что-нибудь другое—аскетомъ его нельзя было назвать—его задерживало и онъ не могъ быть въ условленный часъ у нея, то онъ всегда заходилъ сказать ей о томъ или присылалъ письмо. Его письма были очень оригинальны и остроумны; но писалъ онъ ужаснымъ почеркомъ. Стелла дразнила его этимъ почеркомъ: «Какъ будто паукъ выпачкался въ чернилахъ и прошелся по бумагѣ». Какъ часто она, смѣясь, показывала мужу письма Альбрехта... Всѣ ли?... «Послѣ моей смерти, сжечь не вскрывая», пронеслось вдругъ у Лотара въ головѣ.

Когда нѣсколько часовъ спустя онъ вернулся домой, уже вся родня была въ сборѣ: его зятья и невѣстки и нѣкоторые другіе родственники. Все люди воспитанные, благоразумные, которые не позволили себѣ плакать или рыдать, а молча жали ему руку. Матле всѣ боготворили; они говорили, что никогда не забудутъ, какъ она ухаживала за покойной, и оба брата предлагали ей переѣхать къ нимъ. Она поблагодарила, но отвѣтила, что послѣ смерти «ея» Стеллы ей нѣсто только у «ея» Алисы, сестры покойной. Обѣ, осиротѣвъ, были на ея попеченіи и она только потому больше заботилась о «своей» Стеллѣ, что она была слабѣй сестры.

Когда Матле произнесла имя Алисы, старшая невѣстка презрительно передернула губой, а младшая боязливо взглянула на мужа, который не любилъ, когда говорили про Алису. Всѣ женщины въ этой семьѣ были непорочны, Алиса была единственная, которая послѣ непродолжительнаго, несчастнаго брака развелась съ мужемъ, измѣнила религію и вновь вышла замужъ. Родъ Гельборнъ существовалъ уже очень давно, и между ними не было ни одной разведенной жены; ея поступокъ былъ непростительнымъ нарушеніемъ традицій. Сейчасъ же послѣ развода Алисы братья отреклись отъ нея, и вся родня послѣдовала ихъ примѣру, за исключеніемъ Лотара и Стеллы. Они ей не измѣнили; она гостила у нихъ съ мужемъ, когда, повѣнчавшись, они проѣздомъ были въ Вѣнѣ. Стелла не могла произнести ни малѣйшаго упрека; жизнь Алисы прежде была такъ ужасно тяжела, а те-

перь она сіяла такимъ невыразимымъ счастіемъ. Новый зять былъ на-рѣдкость симпатичный человѣкъ, которому можно было простить, что онъ влюбился въ замужнюю женщину и отвоевалъ ее себѣ.

Послѣ этого послѣдняго свиданья, прощанье сестеръ было раздирающее; онѣ разставались надолго; но ихъ разлука ужъ приближалась къ концу, въ скоромъ времени путешественники должны были быть въ Европѣ; Алиса просила присылать письма въ Лондонъ. Теперь тамъ ожидало ее извѣстіе о смерти сестры.

Покойная лежала въ шелку и кружевахъ. Вѣнки покрывали ступени катафалка и задрапированныя чернымъ сукномъ стѣны и лежали даже на полу. Воздухъ былъ насыщенъ тяжелымъ запахомъ цвѣтовъ и ладана. Лотаръ вошелъ не задолго до начала панихиды. Его непріятно поразило великолѣпіе, которымъ окружали покойную.

Онъ ненавидѣлъ культъ мертвыхъ, всѣхъ этихъ людей въ глубокомъ траурѣ и вѣнки съ избитыми или глупыми надписями. Но этого требовало приличіе! Стелла лежала подъ пальмами, вся въ цвѣтахъ, и эту простую, славную молодую женщину нарядили для могилы, какъ на балъ.

Среди массы вѣнковъ одинъ, самый простой и самый дорогой, бросился ему въ глаза; въ немъ не было ни одного листочка, одни цвѣты, fleur d'orange, любимцы Стеллы. Вѣнокъ лежалъ у ея ногъ, почти прикрывая бѣлые атласные туфли, на серебряной, парчевой лентѣ не было надписи.

— Отъ кого этотъ вѣнокъ?—спросилъ Лотаръ слугу.

— Отъ графа Альбрехта, онъ самъ его принесъ.

«Самъ принесъ и положилъ къ ея ногамъ; довольно взыскательная скромность! Неужели это только право друга?... Послѣ моей смерти, сжечь не вскрывая»,—опять эта фраза вспомнилась Лотару; онъ испугался,—эти слова такъ назойливо вертѣлись въ его умѣ.

Жизнь, которую онъ велъ, не облагораживала; политика, холодная умственная работа и легкія любовныя связи,—вотъ въ чемъ состояла его жизнь. Стремленій къ исправленію никогда у него не было. Онъ былъ поклонникомъ господской морали, даже тогда, когда это слово еще не было открыто. Но съ честью онъ не шутилъ, и заподозрить друга и покойную, невинную жену казалось ему позорнымъ.

Всѣ присутствующіе нашли, что онъ былъ очень растроганъ во время панихиды.

Онъ не спускалъ глазъ съ кроткаго лица усопшей, и во взглядѣ было какое-то странное, измученное и пытливое выраженіе.

— Какъ пристально Лотаръ все время смотрѣлъ на Стеллу,—

сказала по окончаніи панихиды старшая невѣстка младшей,—такъ строго, какъ будто онъ ее о чемъ-то хотѣлъ спросить.

— Ахъ, нѣтъ, совсѣмъ не строго, напротивъ, будто спрашивая ее: «Неужели ты меня покинула?» такъ мнѣ показалось.

— Какія фантазіи! Онъ уже давно ее не любилъ и измѣнилъ ей.

— Такъ у него, можетъ быть, теперь угрызенія совѣсти.

— Ничуть не бывало: по отношенію къ женщинамъ у него совѣсти нѣтъ.

Младшая опять стала его защищать:

— Но онъ вѣдь всегда хорошо относился къ Стеллѣ и ее нельзя было назвать несчастной. Она не подозрѣвала, что онъ ей измѣнялъ, и гордилась имъ, и была счастлива.

Она вздохнула и вспомнила о своемъ недалекомъ мужѣ, которому съ удовольствіемъ бы простила такое легкомысліе, если бы онъ только въ домашней жизни былъ нѣсколько легче на подъемъ. А старшая подумала: «Все равно какой бы ни былъ мой мужъ, будь онъ только мнѣ вѣренъ».

Послѣдній разъ всѣ простились съ покойной, и гробъ былъ закрытъ и отправленъ на вокзалъ желѣзной дороги.

Матле, желая какъ можно дольше быть у «своей» Стеллы, присоединилась къ мужчинамъ, которые шли за гробомъ. Вечеромъ экстренный поѣздъ отвезъ ихъ всѣхъ въ Вальдговенъ.

Настроеніе этого общества, сначала нѣсколько грустное, стало постепенно мѣняться и дошло до шумнаго веселья. Устарѣлые анекдоты, которые уже давно больше не казались остроумными, теперь почему-то всѣхъ разсмѣшили; посыпались двусмысленности, наконецъ кто-то предложилъ играть въ покеръ.

Лотаръ и оба брата покойной сидѣли нѣсколько поодаль отъ другихъ; Альбрехтъ занялъ мѣсто противъ нихъ, на другомъ концѣ вагона; онъ упорно молчалъ, угрюмо уставившись въ одну точку. Не далеко отъ него у столика усѣлись партнеры и предложили ему играть съ ними; онъ поблагодарилъ и отказался; когда же они повторили просьбу, онъ нетерпѣливо и рѣзко отвѣтилъ имъ, что не желаетъ играть. Вдругъ Лотаръ крикнулъ ему со своего мѣста:

— Играй же, играй!

Альбрехтъ выпрямился и съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Играй!—повторилъ Лотаръ.

— Ты же знаешь, что я въ карты не играю,—сказалъ Альбрехтъ, передернувъ плечами.

—, это правда, Лотаръ даже зналъ, съ какихъ поръ и почему:

два года тому назадъ Альбрехтъ много игралъ въ клубѣ, часто проигрывалъ и сознался въ этомъ Лотару и Стеллѣ.

— Меня игра нисколько не занимаетъ,—говорилъ онъ,—я не игрокъ, я уже сколько разъ рѣшался не брать больше карты въ руки,—но, одни хорошія намѣренія мало помогаютъ.

— Но они должны помочь,—перебила его Стелла, горячась,—и если намѣренія одни слишкомъ слабы, дайте имъ опору въ лицѣ свидѣтеля. Я буду вашимъ свидѣтелемъ, Альбрехтъ; вы сдержите ваше слово, ради меня.

Лотаръ вспомнилъ, что онъ посмѣялся тогда надъ ея увѣренностію въ его твердость; но насколько она была права, доказало его постоянство.

— Ради меня, вы сдержите ваше слово!

Можетъ ли женщина быть такъ увѣрена въ своей власти надъ мужчиной, котораго она считаетъ только другомъ мужа? Лотару стало совѣстно, что подобный вопросъ могъ ему придти въ голову.

Альбрехтъ ужъ улегся спать и Лотаръ пытался заснуть, но не могъ; его мучило какое-то безпокойство. Онъ сталъ разбирать мельчайшія детали ихъ жизни,—могло ли это случиться и какимъ образомъ? Въ сущности это казалось невозможнымъ. Онъ былъ его лучшимъ другомъ... да, но вѣдь онъ тоже былъ хорошимъ другомъ того несчастнаго Гебгарта, жена котораго почти цѣлый годъ... и этотъ человѣкъ любилъ свою жену и чтилъ ея память послѣ ея смерти и говорилъ о ней, какъ о святой. И какъ онъ жалѣлъ этого человѣка! О, это проклятое сожалѣніе... можетъ быть, и его такъ жалѣетъ тотъ, который тамъ спалъ, очевидно, такъ спокойно... Ужасная ненависть, отчаянная злоба охватили его. Мысли съ мучительной назойливостью не оставляли его всю ночь.

Рано утромъ поѣздъ остановился у станціи. Изъ Вальдговена были присланы экипажи; всѣ быстро размѣстились, и лошади тронулись.

— Да, да,—пробормоталъ Лотаръ сквозь зубы,—два главныхъ дѣйствующихъ лица заключаютъ похоронную процессію.

Помолчавъ немного, Альбрехтъ сказалъ:

— Мнѣ разрѣшили отпускъ, я останусь съ недѣлю у тебя, если ты хочешь.

Что-то враждебное блеснуло во взглядѣ Лотара:

— Понятно, я хочу; ты мнѣ необходимъ, да, необходимъ...— онъ замолкъ, увидѣвъ предъ собой пару ясныхъ, спокойныхъ глазъ, которые серьезно и озабоченно смотрѣли на него. Развѣ можетъ что-нибудь быть честнѣе этихъ глазъ? Что въ нихъ отражалось, было

ясно, какъ Божій день. Тутъ ничего не было непонятнаго, видна была одна безграничная откровенность, простота, спокойствіе правдивой души.

Лотаръ вздохнулъ съ облегченіемъ. Какія ужасныя подозрѣнія мучили его ночью! Страшныя галлюцинаціи полупомѣшаннаго психопата!

Неужели и его не миновала эта ненавистная болѣзнь умирающаго столѣтія? Онъ самъ себѣ вдругъ показался смѣшнымъ и сказалъ:

— Да, да, наше время больное. Всѣ, какъ безпомощныя и безвольныя существа, переносятъ каждый въ своемъ маленькомъ міркѣ эту болѣзнь, и избѣжать ея никто не можетъ—ни самый сильный, ни самый здоровый. Даже у меня, понимаешь ли, у меня... было нѣчто вродѣ перваго припадка.

— Это очень понятно,—отвѣтилъ Альбрехтъ.

Похороны молодой графини совершались подобающимъ порядкомъ; выступили члены общества инвалидовъ и вольно-пожарнаго; всѣ сочли своимъ долгомъ присутствовать и стояли у дороги въ три и четыре ряда. Затѣмъ были надѣлены бѣдные, и гости собрались въ замкѣ къ завтраку, который, приготовленный деревенской кухаркой и поданный неуклюжими слугами, длился слишкомъ долго.

Во время дессерта уже были поданы лошади, и всѣ, которые въ тотъ же день хотѣли быть въ Вѣнѣ, поспѣшили собраться въ дорогу.

Послѣ обѣда Лотаръ и Альбрехтъ верхомъ отправились въ лѣсъ. Чѣмъ глубже они забирались въ чащу, тѣмъ больше становился безпорядокъ, который тутъ царилъ; деревья и кустарники были переплетены горной травой,—повидимому, никто не думалъ очищать лѣсъ. Лотаръ съ равнодушіемъ смотрѣлъ на это разореніе своей собственности; это происходило, конечно, оттого, что владѣльцы Вальдсговена прибывали сюда только мертвыми. Другое было бы дѣло, если бы хоть одинъ изъ нихъ раньше собрался сюда, такой какъ Лотаръ, который сейчасъ же замѣчалъ недостатки и зналъ средства ихъ устранить. Этотъ человѣкъ, который всю свою жизнь провелъ въ городѣ и только изрѣдка на нѣсколько недѣль пріѣзжалъ въ деревню, былъ тутъ, какъ дома, и распоряжался, будто это было его настоящимъ поприщемъ. Альбрехтъ не могъ надивиться.

— Ты все умѣешь,—сказалъ онъ,—куда ты посмотришь, тамъ дѣлается ясно, куда ты укажешь, тамъ цѣль.

Они вспомнили то время, когда познакомились и, несмотря на большую разницу въ лѣтахъ, такъ скоро подружились; они заговo-

рили и о Стеллѣ, о ея помолвкѣ съ Лотаромъ и о симпатіи, которую она питала къ другу мужа.

— Въ продолженіе одного часа я ревновалъ тебя,—сказалъ Лотаръ, и Альбрехтъ отвѣтилъ:

— Такія слабости слишкомъ скоро прошли у тебя.

— Слишкомъ скоро? Развѣ у меня былъ поводъ?

— Нѣтъ.

— Такъ что же?

— Кто не ревнуетъ—не любитъ.

— Ахъ, такъ; ты хочешь сказать, что моя любовь слишкомъ скоро прошла.

— Прости, я, должно быть, не правъ.

Онъ прекрасно зналъ, что онъ былъ правъ, но ему показалось слишкомъ жестокимъ то, что онъ сейчасъ высказалъ.

— Прости,—повторилъ онъ еще разъ.

Уже темнѣло, когда они вернулись въ замокъ. Лотаръ былъ въ хорошемъ настроеніи.

«Если бы онъ былъ любовникомъ моей жены,—думалъ онъ,—онъ не сталъ бы меня упрекать за то, что я не ревновалъ».

Послѣ ужина явилась Матле проститься; до пріѣзда Алисы она хотѣла погостить у своей родственницы; Лотаръ очень обрадовался ея отъѣзду и, желая великодушно вознаградить ее, отправился въ свою комнату, чтобъ написать о томъ своему секретарю.

Когда онъ вернулся въ столовую, старуха стояла съ Альбрехтомъ у камина; она плакала и, повидимому, только что перестала съ нимъ говорить. Альбрехтъ казался очень растроганнымъ и при его входѣ сунулъ въ карманъ бѣлый конвертъ, который былъ у него въ рукахъ. Матле съ видимымъ замѣшательствомъ пробормотала что-то въ благодарность, принимая письмо къ секретарю, и вышла.

Альбрехтъ не двигался съ мѣста, нѣсколько разъ онъ будто порывался что-то сказать, но все продолжалъ молчать. Лотаръ сидѣлъ у стола и, скрестивъ руки, въ упоръ смотрѣлъ на него; Альбрехтъ спокойно, съ состраданіемъ глядѣлъ на него и терпѣливо выносилъ этотъ взглядъ, который становился все холоднѣе и, наконецъ, преисполненъ былъ самой ядовитой ироніи.

Альбрехтъ уже не пытался начать разговора и, сказавъ:

— Спокойной ночи,—вышелъ изъ комнаты.

Лотаръ вскочилъ и протянулъ руку къ звонку, чтобъ вернуть Матле, но быстро отдернулъ ее.

— Нѣтъ, не стану я разспрашивать служанку, но завтра или послѣ завтра, или когда бы ни было, я узнаю эту тайну!

Утромъ Лотаръ съ управляющимъ посѣтилъ экономію и нашелъ все, какъ и ожидалъ, въ большомъ безпорядкѣ. Онъ нарочно поддавался досадѣ, отвлекавшей его отъ другихъ тяжелыхъ мыслей, которыя преслѣдовали его всю ночь и мѣшали спать.

Вернувшись, онъ пошелъ завтракать въ библіотеку, гдѣ сидѣлъ Альбрехтъ, развалившись въ креслахъ, съ книгой въ рукахъ; онъ быстро взглянулъ на Лотара, поздоровался и продолжалъ читать.

Лотаръ никогда не терялъ много времени на ѣду; и теперь послѣ пятичасового обзора экономіи, онъ залпомъ выпилъ нѣсколько стакановъ молока и былъ сытъ; покуривая турецкую трубку, онъ началъ перелистывать свою записную книжку, то и дѣло посматривая на Альбрехта; а тотъ все читалъ и читалъ; казалось, что для него, кромѣ этой книги, ничего не существовало на свѣтѣ.

Прекрасно выраженіе лица человѣка, который всю силу своего ума сосредоточиваетъ на одну точку. Такое выраженіе встрѣчается у играющаго ребенка и у простого рабочаго.

Лотаръ наблюдалъ за другомъ; какія у него чудныя линіи надъ бровями... Такимъ онъ бывалъ, когда читалъ Стеллѣ книгу, которая его интересовала; и она, навѣрное, находила его красивымъ...

— Что ты читаешь?—спросилъ онъ.

— Ты посмѣешься надо мной; французскій романъ; только что вышелъ въ печать: «Le passé», авторъ неизвѣстенъ.

Лотаръ не засмѣялся, а только презрительно подернулъ губой. Новая литература была ему незнакома.

Онъ заявилъ другу, что одного мнѣнія съ японцами, которые находятъ, что наши романы съ вѣчными любовными интригами смертельно скучны. У японцевъ любовь не играетъ такой большой роли, какъ у насъ; если у нихъ кого-нибудь помимо его воли хотятъ женить, то онъ лишаетъ себя жизни; если его жена ему не рождаетъ дѣтей или надоѣла, то онъ ее прогоняетъ. Все это очень просто, и они не теряютъ на такіе пустяки лишнихъ словъ.

— Прекрасно. Это наивное сужденіе очень мило, но нельзя же пренебрегать и нашими взглядами...

— Да что тамъ... немного психологіи, немного физіологіи...

— Да, да; но искусство имѣетъ право пользоваться тѣмъ, чему его научила наука. Совѣтую тебѣ прочесть эту книгу.

— Разскажи содержаніе, этого достаточно.

— Это не произведетъ того впечатлѣнія.

— Все равно, разсказывай!

— Мужъ и жена жили очень счастливо, пока ему не надоѣло это счастіе и онъ началъ искать веселья внѣ дома. Жена въ отчаяніи, узнавъ объ измѣнѣ мужа; она оскорблена въ своей гордости, во всемъ, что ей было свято. Мужъ старается убѣдить ее быть разумной и говоритъ: «Упреками ты меня не вернешь» и т. д. Онъ всегда имѣлъ на нее сильное вліяніе; она и на этотъ разъ подчинилась ему, страдала молча и никогда не спрашивала его, куда онъ уходитъ. Это геройство, сначала такое мучительное, потеряло мало-по-малу свою горечь. Однажды мужъ привелъ къ ней своего молодого друга...

— Молодого друга?—перебилъ его Лотаръ.

— Да. У этого молодого человѣка былъ мягкій, чуткій характеръ; воспитанный въ одиночествѣ строгими родителями, онъ совсѣмъ еще не былъ испорченъ...

— Теперь ты можешь пропустить нѣсколько главъ; я ужъ знаю, графиня Саверпъ и Фридолинъ полюбили другъ друга...

— Да; но какъ этотъ французъ сумѣлъ описать возникновеніе глубокой, захватывающей страсти!... Для Роби она святая, какое-то возвышенное существо, а для нея онъ только маленькій Роби и скорѣй бы она повѣрила, что лилія можетъ преобразиться въ скорпіона, чѣмъ онъ въ соблазнителя. И такъ они приближаются къ грѣху безъ единой грѣшной мысли.

— И ты думаешь, что это возможно? Въ этомъ убѣдилъ тебя твой французъ?

— Онъ сдѣлалъ больше. Онъ разрѣшилъ загадку безъ вины виноватыхъ: быть слѣпымъ по отношенію къ правдѣ и неправдѣ—невинность; они были слѣпы. Они такъ же мало сознавали, что они дѣлаютъ, какъ два криво посаженныхъ дерева, которыя по мѣрѣ роста все болѣе и болѣе приближаются другъ къ другу, пока, наконецъ, ихъ вѣтви сплетаются.

— Что же это?—подумалъ Лотаръ,—онъ защищаетъ свое дѣло. Къ чему эти подробности?—прибавилъ онъ громко.

Альбрехтъ, удивленный тономъ его голоса, поднялъ на него глаза:

— Что съ тобой?

— Ничего. Значитъ, влюбленные продолжаютъ путь всѣхъ влюбленныхъ,—онъ сжалъ губы, будто сдерживая зѣвоту.—И затѣмъ?

— Затѣмъ они наслаждаются своимъ счастіемъ безъ угрызеній совѣсти и стыда, еле стараясь скрывать свои чувства. И замѣчательно то, что вся твоя симпатія на ихъ сторонѣ, ты дрожишь за нихъ...

— Прескверная книга.

— Да я и не хвалю ея.

— А конецъ?

— Пока еще не знаю. Мужу нечего ихъ разоблачать, ему стоитъ только глаза открыть. Онъ слѣдитъ за ними, тая свою злобу; нѣсколько разъ онъ порывался сказать имъ, но все медлитъ. Хотя это не высказывается, но совершенно ясно: его совѣсть рисуетъ ему картину его собственной вины и мѣшаетъ ему обвинить ее. Его совѣсть является какъ бы защитникомъ блаженства этихъ грѣшниковъ.

Лотаръ рѣзко засмѣялся, а Альбрехтъ сталъ горячиться:

— Я знаю, я знаю, что ты мало даешь значенія совѣсти, потому что ты думаешь, что она не естественна, а намъ привита воспитаніемъ. Милый! все, что существуетъ—естественно! получается ли оно изъ первой или изъ десятой руки... Развѣ хорошіе сорта нашихъ плодовыхъ деревьевъ—неестественны, потому что они привиты?

— Какія соображенія!—сказалъ Лотаръ, но ужъ совсѣмъ другимъ тономъ; онъ успокоился: если бы Альбрехтъ былъ виноватъ, онъ не сталъ бы говорить про эту книгу.

Доложили о приходѣ лѣсничаго, и Лотаръ всталъ.

— Мы увидимся только къ обѣду,—промолвилъ онъ,—у меня еще дѣла.

Слѣдующее утро было пасмурно. Послѣ завтрака друзья занялись чтеніемъ писемъ и газетъ, присланныхъ съ почты. Для Лотара, между прочимъ, прислали бандероль—книгу. Почеркъ на оберткѣ былъ ему знакомъ. Было время, и не очень отдаленное, когда этотъ почеркъ приводилъ его въ восторгъ. Это прошло и было бы забыто, если бы она не такъ настойчиво напоминала о себѣ, эта красивая, умная женщина, которую онъ такъ бурно завоевалъ и, поигравъ, бросилъ, когда она посмѣла занять слишкомъ много мѣста въ его жизни. Теперь она была его врагомъ и исполняла свою угрозу: «Ты можешь меня покинуть, но забыть—никогда».

Книга, присланная ею, была «Le passé», и на первой страницѣ было начерчено ея руко: «Подражанія достойно!»

Какъ это скверно, скверно! она старалась возбудить въ немъ подозрѣнія; она не знала, что ревность, со всей своей адской мукой, уже зародилась въ немъ.

Лотаръ приподнялъ книгу.

— Посмотри, что мнѣ прислали,—сказалъ онъ,—хорошо, что я знаю содержаніе, въ случаѣ, если меня спросятъ о ней. Только конца я все еще не знаю. Какой же конецъ? Онъ обыкновенно все портитъ.

— А этотъ не портитъ,—возразилъ Альбрехтъ,—онъ единствен-

ный возможный. Авторъ возбуждаетъ въ насъ желаніе такого конца. Наша нравственность молчитъ; мы желаемъ грѣшникамъ побѣды. Они побѣждаютъ—мужъ прощаетъ...

— Послѣ смерти жены,—прибавилъ Лотаръ.

— Какъ такъ послѣ смерти жены? Пока она еще не собирается умирать.

— Вѣрно! Она жива, мужъ все прощаетъ и благословляетъ ихъ.

— По крайней мѣрѣ, онъ ихъ не проклинаетъ.

— И этимъ кончается романъ?

— Онъ заключается, но не кончается; онъ долго еще остается въ нашихъ мысляхъ.

Лотаръ сталъ перелистывать книгу, пробѣгая глазами нѣкоторыя страницы. Мало-по-малу романъ его заинтересовалъ. Онъ былъ непріятно пораженъ; мертвыя буквы какъ бы оживились, и ясно возстала передъ нимъ картина его собственной жизни. Онъ прочелъ:

«Сознаніе, унижающее и его, и другихъ, охватило его; онъ боролся съ ожесточеніемъ, чтобъ освободиться отъ него, но безполезно. Прошлое все снова появлялось передъ нимъ и дышало на него своимъ ядовитымъ дыханіемъ и говорило ему: Погляди на себя во всей красѣ твоей молодости, когда ты ежедневно цѣлыми часами просиживаешь у красивой, симпатичной женщины. Она больна, ея мужъ забываетъ ее. Тебѣ бы стыдно стало передъ самимъ собой, если бы тебѣ не удалось облегчить ея страданія и заставить ее не чувствовать одиночества»...

Въ сумеркахъ друзья отправились на охоту.

Дождь пересталъ. Былъ чудный вечеръ. Послѣ захода солнца растаяло послѣднее облачко и тихо свѣтилось небо въ своихъ неопредѣленныхъ, еще чуть-чуть ослѣпительныхъ краскахъ.

Охотники возвращались домой. Вокругъ нихъ все ново, все молодо; нѣжная, чистая зелень травъ и еле распустившейся листвы.

Поднялся легкій вѣтерокъ и проскользнулъ по вѣтвямъ, какъ бы усыпляя ихъ и призывая на покой всю природу; она была утомлена; утомленными звучали голоса птичекъ, медленнѣе стала воздушная пляска маленькихъ летучихъ насѣкомыхъ и движенія крошечныхъ бѣгуновъ и скакуновъ въ травѣ. Зарево потухло на небѣ, и все погрузилось въ матовую, сѣровато-голубую окраску.

Лотаръ и Альбрехтъ молча шли по широкой дорогѣ, направляясь къ замку. На горизонтѣ, еле мерцая, появились бѣловатыя точки; звѣзды, цѣлые міры невѣдомой величины, населенные, быть можетъ, милліонами существъ, выше организованныхъ, глубже мыслящихъ,

чѣмъ мы; и все это лишь на краткое время освѣщенная волна во вселенной.

Число бѣловатыхъ точекъ росло и росло и сдѣлалось безчисленнымъ, и ихъ слабое мерцаніе превратилось въ волшебный, чудный блескъ.

Лотаръ все время былъ молчаливъ. Никогда еще сознаніе человѣческой немощи не охватывало его съ такой подавляющей силой, какъ теперь, въ этой тишинѣ, послѣ тяжкой душевной борьбы.

«Человѣкъ—это атомъ въ безграничномъ пространствѣ. Человѣческая жизнь—это мгновеніе въ вѣчности,—думалъ онъ,—всю твою мудрость можно заключить въ два слова: «ты ничто!» Забудь прошедшее, не думай о будущемъ, не спрашивай! Живи, потому что тебѣ дана жизнь. Живи—этого тебѣ достаточно, такъ какъ ты ничто... какое-то «ничто», одаренное на короткое время сознаніемъ. Кому до этого дѣло?—спросилъ онъ друга,—не правда ли, что въ насъ?» и ему показалось, что Альбрехтъ озабоченно посмотрѣлъ на него.

У него нѣтъ больше заботъ. Исцѣляющее, отрадное спокойствіе наполнило его душу.

Прошелъ еще одинъ день. Спокойствіе души, которое Лотаръ завоевалъ себѣ, было еще въ силѣ. Правильная деревенская жизнь и присутствіе друга благотворно вліяли на него. Малѣйшее подозрѣніе исчезало, когда онъ заглядывалъ въ прекрасные глаза Альбрехта. Онъ наслаждался его присутствіемъ, никто не былъ ему такъ симпатиченъ, какъ онъ.

Лотаръ, страстный, горячій, энергичный, съ нѣкоторою склонностью къ философіи, былъ старше Альбрехта, который всегда былъ спокоенъ, равномѣренъ и беззаботенъ. Несмотря на такое различіе въ характерѣ, они сходились въ главныхъ убѣжденіяхъ и взглядахъ. Они знали, что, выйдя одинъ справа, а другой слѣва,—у цѣли они сойдутся.

Если бы Лотару не предстояла разлука съ Альбрехтомъ, ему бы нечего было бояться возвращенія его подозрѣній. Плохо, что вообще такое подозрѣніе могло зародиться, и изъ-за такого ребячества... «Сжечь, не вскрывая». Зачѣмъ онъ послушался ея? Секретъ его бѣдной жены, навѣрное, былъ очень невиненъ и онъ бы только посмѣялся надъ нимъ; какой-нибудь маленькій грѣшокъ, совершонный лишь въ мысляхъ...

Они опять были на охотѣ и поужинали въ большой, мрачной столовой, въ которой, казалось, затаился зимній холодъ; на голыхъ бѣ-

лыхъ стѣнахъ висѣли старинные портреты въ гнилыхъ рамахъ; двѣ тусклыя лампы еле освѣщали столъ и погружали остальную часть комнаты въ глубокій мракъ. Только огонь, горѣвшій въ каминѣ, нѣсколько веселилъ грустное впечатлѣніе.

Слуги вынесли послѣднее блюдо и исчезли. Часы, заведенные только въ честь пріѣзда хозяина, съ шумомъ подняли молоточки и начали бить. Альбрехтъ сталъ считать:

— Десять. Завтра, въ это время, я уже опять буду въ Вѣнѣ. Мой отпускъ кончился, пора ѣхать.

— Жаль,—отвѣтилъ Лотаръ,—очень жаль!

— Да, да, но это должно быть...—Альбрехтъ запнулся, помедлилъ и спросилъ:—ты позволишь мнѣ единый разъ, въ видѣ исключенія, вмѣшаться въ дѣла, которыя меня не касаются?

— Понятно.

— Въ такомъ случаѣ я прошу тебя... Я былъ въ склепѣ... онъ въ ужасномъ видѣ; позаботься...

— Я ужъ замѣтилъ. Будь покоенъ, все, что возможно, будетъ сдѣлано, хоть я и не сторонникъ культа мертвыхъ, какъ ты...

— Какъ я?

— Да. Ты приносишь вѣнки и посѣщаешь могилу. Сантиментальности я раньше въ тебѣ не замѣчалъ. Наши друзья всегда устраиваютъ намъ сюпризы; воображаешь, что ихъ хорошо знаешь, и ошибаешься.

Онъ, не сводя глазъ, пристально смотрѣлъ на Альбрехта. Въ сущности, онъ дѣйствительно его не зналъ. При всей сердечности, онъ былъ очень замкнутъ. До сихъ поръ это нравилось Лотару, а сегодня это почему-то его возмущало.

Упорный взглядъ Лотара былъ непріятенъ Альбрехту, онъ всталъ и подошелъ къ камину.

— Скажи, пожалуйста, что бы ты подумалъ, еслибъ нашелъ въ письменномъ столѣ близкой тебѣ особы конвертъ съ надписью: «Послѣ моей смерти сжечь, не вскрывая»?—проговорилъ вдругъ Лотаръ.

— Я не понимаю, какъ можетъ придти кому-нибудь въ голову рыться въ письменномъ столѣ даже очень близкой особы. Исключая, если... если она умерла.

— Положимъ, она умерла. Что бы ты подумалъ?

— Это зависитъ отъ мнѣнія, которое я имѣлъ о ней; было оно хорошее, оно бы и осталось хорошимъ.

— Ты меня понялъ. Ты говоришь pro domo!—воскликнулъ Лотаръ.

— Что это значитъ?

— Не притворяйся! Ты знаешь!

— Я ничего не знаю, даю тебѣ слово.

— Честное слово?

— Слово или честное слово, это все равно.

— Да, да случается, что иногда приходится давать честное слово за неправду.

— Это мнѣ не знакомо.

— Ничего, научишься. Даже сейчасъ. Если бы я, напримѣръ, спросилъ тебя,—продолжалъ Лотаръ, стиснувъ зубы,—было ли это дорогое наслѣдство, память, что передала тебѣ Матле тутъ, въ этой комнатѣ, тамъ у камина, гдѣ ты стоишь, когда я вошелъ, раньше, чѣмъ вы ожидали?

Альбрехтъ покачалъ головой; во взглядѣ у него была невыразимая грусть. Медленно вынулъ онъ изъ кармана маленькій конвертъ и подалъ его Лотару.

— Вотъ что она мнѣ передала.

Въ конвертѣ была свернутая прядь шелковистыхъ свѣтло-русыхъ волосъ, перевязанныхъ на одномъ концѣ ниточкой.

Лотаръ развернулъ прядь во всю длину.

— Тебѣ, это!—крикнулъ онъ. Бѣшеная злоба охватила его. Разумъ исчезъ; одна безумная яростъ владѣла имъ. Онъ вскочилъ и ударилъ Альбрехта кулакомъ по лицу.

— Несчастный!—воскликнулъ тотъ.—Это было для тебя... если тебѣ вздумается...—блѣдный какъ смерть, съ пѣной на губахъ, онъ съ трудомъ переводилъ духъ;—у тебя не было никакой памяти покойной... даже ни одного волоса!

— Подлецъ!—перебилъ его Лотаръ.—Ты лжешь! Придумай получше оправданіе!

— Оправданіе?—прохрипѣлъ Альбрехтъ; его лицо страшно исказилось, глаза пылали ненавистью.—Я ненавижу тебя, я презираю тебя! Ты судишь о другихъ по себѣ... О, твое прошлое!... О, если только вспомнишь... Этотъ ядъ отравляетъ тебя, грязнитъ ея святую память!...

— Хвали, хвали ее.

— Молчи! Завтра... самыя тяжелыя условія; проклятъ, кто ль ль подумаетъ объ оправданіи!

Дуэль произошла въ манежѣ кавалерійскаго полка, который стоял недалеко отъ Вальдговена. Секунданты сейчасъ же замѣтили, что эт поединокъ былъ серьезенъ.

ли два человѣка, которые были друзьями, съ такой ненавистью

смотрятъ другъ на друга, то о примиреніи нельзя помышлять, и такія дуэли обыкновенно кончались плохо.

То, чего опасались, случилось съ страшной быстротой. Первый выстрѣлъ Лотара убилъ наповалъ Альбрехта. Онъ упалъ, пораженный въ лобъ, безъ единаго звука.

Секунданты подбѣжали къ нему, медленно приблизился Лотаръ. Ни одинъ мускулъ въ его лицѣ не дрогнулъ, когда докторъ объявилъ ему о смерти соперника. Никто не подозрѣвалъ, что въ немъ происходило, какія ужасныя мученія онъ переносилъ, какую жгучую боль и сожалѣніе, что онъ такъ мѣтко попалъ, что мертвый лежалъ передъ нимъ, а не умирающій, у котораго онъ могъ бы выпытать признаніе.

Онъ отправился въ Вѣну, чтобы тамъ дождаться окончанія судебнаго слѣдствія по случаю его дуэли. Дома онъ нашелъ письмо Алисы, которая ему заявляла о своемъ скоромъ пріѣздѣ.

Уже на другой день она была въ Вѣнѣ. Она вошла, живой портретъ покойной сестры, и бросилась Лотару на шею.

— Бѣдный ты мой, бѣдный!—рыдала она. Она закидывала его вопросами, все продолжая плакать. Она прошлась по комнатѣ, упала на колѣни передъ постелью Стеллы и долго и горячо молилась. Въ кабинетѣ она остановилась у письменнаго стола и проговорила со слезами:

— Тутъ что-то лежало, что принадлежало мнѣ.

— Такъ оно, навѣрное, еще тамъ. Возьми, вотъ ключъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вынь самъ. Это письмо... нѣсколько писемъ,— она покраснѣла,—письма, которыя мнѣ писалъ мой мужъ, мой теперешній, милый мужъ, еще до моего развода, когда я была такъ несчастна и такъ больна и думала, что скоро умру... Тогда-то я ихъ передала Стеллѣ, а она сказала: «И я могу умереть!» и сложила ихъ въ одинъ конвертъ и написала...

— «Послѣ моей смерти сжечь, не вскрывая»!—вскрикнулъ Лотаръ и схватилъ ея руки.—Нѣтъ, ради Бога, скажи нѣтъ, это неправда, это не возможно!—его лицо сдѣлалось какимъ-то безжизненнымъ, глаза расширились, и страшное отчаяніе отразилось въ нихъ.

Алиса въ ужасѣ отступила. Онъ протянулъ руки, какъ бы желая привлечь что-то невидимое, и воскликнулъ:

— Альбрехтъ, Альбрехтъ!... А я живъ!...

Перев. Ел. П.

СЛѢДСТВІЕ, ПРИЧИНѢ НЕ СООТВѢТСТВУЮЩЕЕ.

(Изъ обыденной жизни.)

Пріѣхавши недѣли на двѣ по своимъ дѣламъ въ городъ N, я, испытавъ всѣ прелести дешевой гостиницы, въ первый же день пребыванія въ ней рѣшилъ переселиться на квартиру.

Послѣ довольно продолжительныхъ поисковъ я нашелъ, наконецъ, весьма подходящую, чистую и уютную комнату у чиновника, служившаго въ одномъ изъ мѣстныхъ учрежденій.

Семья его, состоявшая изъ жены и двоихъ дѣтей, была скромная, тихая, благодаря чему я пользовался полнѣйшимъ покоемъ и всѣми удобствами для моихъ работъ.

Каково же было мое удивленіе, когда однажды, часовъ около четырехъ пополудни я услышалъ у хозяевъ непривычный стукъ дверью, громкіе шаги, возбужденный говоръ и затѣмъ плачъ.

Черезъ нѣкоторое время въ дверь мою постучали, и, не ожидая приглашенія, въ комнату вошла, вся въ слезахъ, блѣдная и встревоженная хозяйка, еще молодая, но болѣзненная и худая женщина.

— Простите, пожалуйста,—проговорила она, съ трудомъ сдерживая волненіе,—я умоляю васъ зайти къ намъ...

— А что такое?—спросилъ я.

— Поговорите съ моимъ мужемъ...

— Съ вашимъ мужемъ!... Но мы такъ мало съ нимъ знакомы...

— Ахъ, мнѣ трудно вамъ разъяснить... Не откажите, ради Бога!

— Но позвольте, о чемъ же переговорить?

— Я прошу васъ!...

И она бросила на меня такой умоляющій взглядъ, что мнѣ оставалось только встать и послѣдовать за нею.

Въ гостиной, непосредственно примыкавшей къ моей комнатѣ, нагнувъ голову и заложивъ руки въ карманы, быстрыми шагами

ходилъ изъ угла въ уголъ мужъ хозяйки, мужчина лѣтъ 35-ти. Онъ такъ былъ погруженъ въ свои мысли, что не замѣтилъ нашего прихода, а когда поднялъ голову, остановился, какъ вкопанный, и нѣсколько секундъ смотрѣлъ такимъ взглядомъ, словно бы не понималъ, что̀ такое передъ нимъ происходитъ.

— Ахъ, здравствуйте! — наконецъ, произнесъ онъ, протягивая мнѣ руку.

— Здравствуйте,—отвѣтилъ я.

— Это она васъ пригласила?—спросилъ хозяинъ, кивкомъ головы указывая на жену.

— Да, я,—произнесла конфузливо и тихо послѣдняя.

— Ну, что же, послушаемъ, что вы скажете, послушаемъ!...

— Но я ровно ничего не знаю и не понимаю...

— Все объяснимъ, все, все разскажемъ!... Все!...—онъ опять забѣгалъ по комнатѣ и, схватившись за голову, воскликнулъ:—Какой позоръ! Боже! Ка-кой позоръ!... — потомъ, остановившись передо мною и глядя на меня въ упоръ, онъ быстро и путаясь заговорилъ:—У насъ въ годовомъ отчетѣ замѣчены были подчистки и поправки въ важныхъ цифровыхъ данныхъ... Столоначальникъ далъ мнѣ этотъ отчетъ, чтобы провѣрить и разслѣдовать дѣло... А тутъ вступилъ въ должность новый начальникъ... Подаютъ ему отчетъ, указываютъ на подчиски и докладываютъ, что провѣрка и разслѣдованіе возложены на меня... То ли невнятно столоначальникъ доложилъ, то ли генералъ не разслышалъ, но, должно быть, ему показалось, что я именно подчистки эти и сдѣлалъ... Словомъ, я не знаю, какъ и что, не знаю!... Только сегодня входитъ генералъ въ канцелярію... Мы, конечно, встали... Онъ, не поклонившись, кричитъ: «А кто здѣсь Лыжинъ?»... Столоначальникъ указалъ на меня. Онъ подходитъ и кричитъ: «Мер-рзавецъ! Негодяй!»... Что дальше онъ кричалъ, не знаю: я остолбенѣлъ, въ глазахъ у меня помутилось и... и... дальше не помню, ничего не помню...

У разсказчика навернулись слезы, онъ умолкъ и опять заходилъ по комнатѣ; жена его сжала губы и, блѣдная, какъ смерть, сдерживала свои нервы, стараясь не глядѣть ни на меня, ни на мужа.

Между тѣмъ послѣдній, немного успокоившись и остановившись передо мною, продолжалъ:

— Когда я очнулся, генерала уже не было, а возлѣ меня стояли сослуживцы и столоначальникъ... Онъ и говоритъ: «Успокойтесь—это произошла ошибка». Но какъ же?—спрашиваю я,—и онъ не извинится? Думаю, долженъ извиниться. Столоначальникъ ушелъ узнать, а сослуживцы говорятъ: «Если не извинится, мы уйдемъ»... Но ге-

пералъ былъ занятъ, что ли, только столоначальникъ ничего не узналъ... И вотъ теперь я не знаю, что... Жду результатовъ...

— Да, исторія непріятная...

— Непріятная?! — воскликнулъ хозяинъ. — Только не-пріятная?!...—Ха-ха!... Нѣтъ!... Это исторія подлая! гнусная!... Я рѣшилъ, если онъ не извинится, дать ему пощечину!... Да, да, пощечину!... Публично! При всѣхъ — въ клубѣ! Дд-а! Ни больше, ни меньше!...

— Сеня, но...—хотѣла что-то сказать жена.

Но мужъ перебилъ ее:

— Видите, видите, — быстро говорилъ онъ, указывая на жену пальцемъ, — она боится за меня, за себя, за дѣтей и забываетъ позоръ, честь, имя!

— Да нѣтъ же, нѣтъ!—воскликнула жена.—Ничуть!... Пусть меня Богъ накажетъ!... Ты только успокойся немного, обдумай, обсуди все... Вѣдь самъ же ты говоришь, что, быть можетъ, онъ еще извинится...

— Надо быть готовымъ на все... Я не могу, не могу иначе!... Публично, въ клубѣ!... Иначе немыслимо, недопустимо!... Правъ я, а?...

При этомъ вопросѣ хозяйка бросила на меня такой умоляющій, страдальческій взглядъ, что вмѣсто категорическаго мнѣнія я отвѣтилъ неопредѣленно:

— Я васъ понимаю...

— Понимаете? Да?

— Но...

— Что «но?»

— Ваша супруга предлагаетъ подождать завтрашняго дня, въ виду возможности извиненія.

— А вы?

Хозяйка опять взглянула на меня, и ея измученный видъ опять оказалъ вліяніе.

— Трудно высказаться стороннему человѣку,—отвѣтилъ я,— мнѣ не извѣстны условія вашей жизни... Во всякомъ случаѣ «утро вечера мудрѣе»...

— И если ты сегодня исполнишь твое намѣреніе,—сказала жена,—то ни въ комъ не встрѣтишь поддержки, скажутъ: «не выждалъ результатовъ и...»

— До завтра не далеко, — согласился мужъ, — подождемъ, подождемъ.

Послѣ этого, простившись, я ушелъ въ свою комнату и, когда

сталъ обдумывать все происшедшее, мною овладѣло мучительное чувство раздвоенности, если можно такъ выразиться. Я сознавалъ, что долженъ былъ поддержать благородное и совершенно справедливое чувство негодованія хозяина, не взирая на его жену, а между тѣмъ, собственно говоря, я не сказалъ ни да, ни нѣтъ и, пожалуй, даже былъ на сторонѣ хозяйки. Опасаясь завтра очутиться въ такомъ же, если не худшемъ, положеніи, я далъ себѣ слово уйти на цѣлый день изъ дому, чтобы въ концѣ концовъ не явиться страдальческимъ лицомъ въ чуждой мнѣ драмѣ. «Если,—разсуждалъ я,—въ случаѣ неизвиненія, поддержу хозяина въ его рѣшеніи, впослѣдствіи хозяйка будетъ негодовать на меня, такъ какъ несомнѣнно мужа ея прогонятъ, а, быть можетъ, и осудятъ; буде же стану на сторону жены, то, слѣдовательно, долженъ высказаться за безнаказанность издѣвательства надъ человѣческою личностью».

У хозяевъ между тѣмъ наступила мертвая, казалось, зловѣщая тишина, не прерванная ни малѣйшимъ звукомъ, словно бы тамъ не было ни единаго живого существа.

Утромъ на другой день прислуга, подавъ самоваръ, сказала, что хозяйка проситъ дозволенія войти.

Мнѣ неловко было отказать, и я, противъ своего желанія, далъ утвердительный отвѣтъ.

Черезъ нѣсколько минутъ жена хозяина вошла съ двумя дѣтьми: грудным, котораго она держала на рукахъ, и хорошенькою, лѣтъ трехъ, кудрявою дѣвочкою, уцѣпившеюся за юбку матери. Измученное, блѣдное лицо хозяйки, красные отъ слезъ глаза, усталый видъ производили невыносимо тяжелое впечатлѣніе.

Извинившись за безпокойство и сѣвъ на стулъ, она стала упрашивать меня никуда не уходить изъ дому.

— Я знаю,—говорила она,—что не имѣю на васъ ровно никакого права, но прошу васъ просто какъ человѣка... Мнѣ страшно... Я словно ожидаю смертнаго приговора... Малѣйшій стукъ приводитъ меня въ содроганіе: мнѣ все чудится, что возвратился мужъ... Я совершенно не знаю, что будетъ со мною въ тотъ моментъ, когда онъ придетъ и скажетъ, что тотъ не извинился... Слезы выступили на глазахъ хозяйки, и она наклонила голову къ ребенку. Дѣвочка, замѣтивъ это, расхныкалась. Я сталъ утѣшать ее и, пододвинувъ стулъ, положилъ книгу съ картинками. Дѣвочка подняла на меня свои ясные, каріе, влажные отъ слезъ глаза, засунула палецъ въ ротъ, затѣмъ улыбнулась и стала спокойно разсматривать картинки. Я же придумывалъ, что бы такое сказать хозяйкѣ,—но у меня ровно

ничего не выходило. Къ моему удовольствію, она сама, немного успокоившись, продолжала говорить:

— Если бы была какая-нибудь возможность, я бы сама сходила, чтобы узнать, что тамъ происходитъ у мужа; но не-на кого дѣтей оставить, особенно вотъ этого, грудного, тѣмъ болѣе, что онъ не совсѣмъ здоровъ...

— Я бы вамъ посовѣтовалъ успокоиться,—наконецъ, выжалъ я изъ себя фразу.

— Нѣтъ,—не утѣшайте меня: это напрасно... Я, право, не боюсь ни за свою будущность, ни за дѣтей, или, вѣрнѣе, какъ-то не соображаю всего этого, а страшно мнѣ, какъ это онъ...—Она зажмурила глаза, какъ бы видя предъ собою страшное зрѣлище, и, послѣ нѣкоторой паузы, продолжала:

— Самое это событіе страшно,—понимаете ли? Не могу я этого выразить словами: чувство это надо пережить—оно не передается... Ахъ, Боже мой, какъ оно мучительно!... Вотъ такъ и рисуется...

Въ это время расплакался грудной ребенокъ, и хозяйка поднялась, чтобы уйти:

— Простите, Бога ради, что я васъ извожу,—сказала она.

— Ничего, ничего...

— Такъ сдѣлайте милость, если есть какая-либо возможность, не уходите изъ дому: я совершенно не въ силахъ остаться одна... Вы у насъ и пообѣдаете...

— Спасибо.

— Покуда до свиданія!

— Мое почтеніе.

Оставшись одинъ, я началъ опять въ душѣ ругать и себя, и хозяйку. «Ну, что за нахальство! Обращаться за помощью къ совершенно чужому человѣку, обыкновенному квартиранту, который не выражалъ даже желанія знакомиться!... Насильно втягиваетъ неизвѣстное лицо въ семейную жизнь и ставитъ въ роль дѣйствующаго лица... Чортъ знаетъ что!... Почему я открыто не заявилъ, что и не могу, да и не желаю охранять ея покой»... Былъ моментъ, когда я твердо рѣшилъ черезъ прислугу заявить, что вспомнилъ о крайне важномъ дѣлѣ, которое требуетъ моего ухода. Я уже подошелъ къ двери, чтобы позвать горничную, взялся за ручку, но въ этотъ моментъ умственному взору моему представилась измученная женщина, и дѣти, и я не осуществилъ своего плана. Мало того,—не имѣя возможности отрѣшиться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на меня видомъ и разговоромъ хозяйки, я постепенно, незамѣтно для себя, про-

никся ея настроеніемъ и съ такимъ же, какъ она, чувствомъ страха сталъ поджидать прихода ея мужа. Совершенно инстинктивно я ежеминутно сталъ смотрѣть на часы, прислушиваться къ малѣйшему стуку и ходить на пальцахъ, словно опасаясь нарушить тишину. Я не могъ не только заниматься, но даже читать, и безсмысленно шагалъ, осторожно ступая изъ угла въ уголъ своей небольшой комнаты. Время тянулось мучительно долго, а когда стрѣлка часовъ стала приближаться къ 3-мъ,—времени прихода мужа хозяйки,—тревога моя возрастала все болѣе и болѣе. Напряженное состояніе, въ концѣ концовъ, настолько истомило нервы, что, прилегши на кровать, я, неожиданно для себя, уснулъ крѣпчайшимъ сномъ, и, когда горничная разбудила меня, нѣкоторое время не соображалъ, въ чемъ дѣло.

— Васъ барыня проситъ,—тихо говорила она.

— Какая барыня?

— Наша.

— Куда просить?

— Къ себѣ, обѣдать...

— А-а, понимаю теперь!... А баринъ пришелъ?

— Только что пришли.

— Который часъ?

— Уже пятый.

— Быть не можетъ?!

— Ей-Богу!

— Значитъ, баринъ запоздалъ?

— Сильно запоздали... Какъ сказать? Придете?

— Сейчасъ приду.

По уходѣ горничной я началъ оправляться, и въ это время въ памяти моей возстановилось все происшедшее. Съ чувствомъ близкимъ къ страху отворилъ я дверь въ гостиную и съ перваго же взгляда понялъ, что начальникъ не извинился.

Наклонивъ голову, хозяинъ, задумавшись, сидѣлъ въ креслѣ у стола; жена его, безпомощно опустивъ руки на колѣни, сидѣла у того же стола на диванѣ. Когда я произнесъ: «здравствуйте», хозяинъ вздрогнулъ, но, взглянувъ на меня, онъ улыбнулся, приподнялся въ креслѣ и протянулъ руку.

Я занялъ кресло противъ него.

— Ничего не вышло!—сказалъ хозяинъ, какъ бы угадывая мои мысли.

Я промолчалъ, рѣшивъ не заводить разговора объ этой тяжелой исторіи.

Но хозяинъ чувствовалъ потребность говорить.

— Ждалъ я до четырехъ часовъ,—продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы:—думалъ, что, когда всѣ разойдутся, онъ выйдетъ и извинится. А вмѣсто него является столначальникъ и заявляетъ, что «генералъ не привыкъ просить прощенія у подчиненныхъ». Какова подлость! а?

При послѣдней фразѣ хозяинъ вспыхнулъ, вспомнивъ, вѣроятно, самую сцену со столначальникомъ, и съ минорнаго тона сразу перешелъ въ мажорный.

— Не при-выкъ просить про-ще-нія! Каково!—Хозяинъ схватился съ кресла и забѣгалъ:

— Не привыкъ!... Я пріучу!... Я не побоюсь!... Я съ турками сражался!

— Вы?!—не удержался я выразить удивленіе.

— Да, я! я!... Конечно, я, такъ сказать, полу-военный, вольноопредѣляющійся, служилъ недолго, но встрѣчалъ смерть лицомъ къ лицу... Онъ сдѣлалъ небольшую паузу, которую прервалъ какимъ-то болѣзненнымъ смѣхомъ и пояснилъ его:

— Вспомнилъ я своихъ сослуживцевъ: вчера всѣ собирались уходить, сегодня «одумались»... Халуи!... «Мало ли чего на службѣ не бываетъ»,—приводятъ въ оправданіе... А одинъ пріятель возмутилъ меня до глубины души: совѣтуя «плюнуть на это дѣло», онъ сообщилъ мнѣ «слухъ», что генералъ, въ возмездіе, выдастъ мнѣ... усиленную награду!

Тутъ возбужденіе хозяина достигло апогея:

— На-гра-ду!—кричалъ онъ,— на-гра-ду!... Я тебѣ покажу награду!... Сегодня генералъ убѣдится, что мы люди, а не скоты!... Всѣ убѣдятся!... Я сдѣлаю это публично, при всѣхъ!...

Остановившись затѣмъ передъ женою, онъ сказалъ:

— И ты, Маня, должна къ этому приготовиться!

— Успокойся, Сеня, не думай обо мнѣ,—сдавленнымъ голосомъ отвѣчала хозяйка, глядя умоляющимъ взоромъ на мужа: дѣлай, что знаешь, но только успокойся!

При этомъ она посмотрѣла на меня, видимо ожидая поддержки. Мужъ угадалъ мысль жены и предупредилъ ее, обратившись ко мнѣ съ вопросомъ:

— А ваше мнѣніе?

— Зачѣмъ вы меня спрашиваете?—раздраженно отвѣтилъ я.— Вы ставите меня въ безвыходное положеніе... Поступайте, какъ знаете... Если я выскажусь опредѣленно, то впослѣдствіи, какъ это всегда бываетъ, или вы меня обвините, или ваша супруга—зачѣмъ я [illegible]совѣтовалъ то или иное. Я убѣдился на своемъ вѣку, что совер-

пивъ, при возбужденіи, извѣстный поступокъ, люди, при паденіи этого возбужденія, каются въ своихъ дѣяніяхъ и непремѣнно обвиняютъ другихъ... Поэтому я молчу.

— Но не можетъ же быть другого рѣшенія этого вопроса?

— Повторяю, я ничего не скажу... Это дѣло вашей совѣсти... и чести.

— Да, да, да!—быстро проговорилъ хозяинъ: именно, именно, это дѣло моей чести и совѣсти. Онъ сдѣлалъ сильное удареніе на словѣ моей.

Послѣ этого наступило гнетущее молчаніе, не прерывавшееся во все остальное время моего пребыванія, включая и обѣдъ.

Послѣ обѣда я тотчасъ ушелъ изъ квартиры съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться до ночи.

Но, странное дѣло, какая-то непонятная сила тянула меня домой. Вѣроятно, это была простая любознательность—чѣмъ кончится дѣло? Какъ бы то ни было, а въ девять часовъ вечера я былъ уже въ своей комнатѣ.

Когда горничная принесла самоваръ, я спросилъ ее:

— Баринъ дома?

— Нѣтъ, въ клубъ ушли.

— Въ клубъ?

— Да. А барыня плачутъ, — тихо добавила она, уже уходя изъ комнаты.

И меня опять стала одолѣвать досадная тревога. Я злился на себя, зачѣмъ я возвратился, когда имѣлъ возможность отправиться, напримѣръ, въ театръ, возлѣ котораго даже проходилъ. Я взглянулъ на часы и сталъ спѣшно пить чай, чтобы уйти въ театръ, хотя бы ко второму или третьему дѣйствію, лишь бы только какъ-нибудь убить томительное время.

Однако, выпивъ первый стаканъ, я сталъ колебаться.

Раздался осторожный стукъ въ дверь.

«Хозяйка!»—мелькнуло у меня въ головѣ.

Я даже вздрогнулъ и, прежде чѣмъ отвѣтить, взялъ шляпу, чтобъ показать видъ, что собираюсь уходить.

— Войдите,—сказалъ я послѣ этого.

Въ двери дѣйствительно показалась хозяйка.

— Вы уходите?

— Да. А что?

— Нѣтъ, ничего.

Она безпомощно опустила руки и прислонилась къ двери.

— Но, можетъ быть...

— Нѣтъ, у меня явилась совершенно дикая мысль...

— Какая именно?

— Впрочемъ, почему не высказать ее?... Я хотѣла просить васъ, чтобы вы... зашли въ клубъ...

— Въ клубъ?! Но я никогда не бывалъ въ немъ.

— Это, положимъ, пустяки: туда входъ разрѣшается просто съ визитною карточкой членовъ... Я бы дала вамъ карточку мужа.

— Но что я тамъ буду дѣлать? Вѣдь въ клубѣ, кажется, только въ карты играютъ?

— О, нѣтъ! Тамъ музыка и танцы. Вообще въ клубѣ не мало посѣтителей, которые просто сидятъ и смотрятъ.

— Предположимъ, однако, что я пойду, что же изъ этого выйдетъ... Вѣдь не буду же я его удерживать?

— Что вы, Богъ съ вами! Да развѣ я противъ этого? Клянусь, я вполнѣ одобрила его намѣреніе! Если бы не дѣти, я бы сама тамъ присутствовала.

— Но въ такомъ случаѣ, какая же моя роль?

— Право, не знаю, но... Да что объ этомъ говорить... Она закрыла рукою глаза и ушла.

Мнѣ стало страшно жалко эту измученную женщину, и я отправился вслѣдъ за нею.

— Давайте карточку, я отправляюсь въ клубъ.

Хозяйка просіяла.

— Спасибо, большое вамъ спасибо!—сказала она, крѣпко сжимая мою руку.

Не болѣе какъ черезъ часъ я уже подъѣзжалъ къ двухъэтажному, ярко освѣщенному дому, въ которомъ помѣщался «клубъ служащихъ въ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ».

Поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ, я, предъявивъ карточку хозяина и заплативъ рубль за входъ, былъ безпрепятственно пропущенъ въ залъ, гдѣ подъ военную музыку, игравшую на хорахъ, танцовали «венгерку».

Первымъ дѣломъ я отправился разыскивать моего хозяина и увидѣлъ его во второй отъ зала комнатѣ, гдѣ на нѣсколькихъ столахъ играли въ карты.

Блѣдный, истомленный, онъ заложивъ руки въ карманы и прислонившись къ стѣнѣ, какъ загипнотизированный, смотрѣлъ въ сосѣднюю комнату.

Я подошелъ къ нему.

— Какими судьбами?—удивился онъ.

— Просто развлечься.

— Маня просила? Признайтесь.

— Она дала вашу визитную карточку.

Хозяинъ вздохнулъ.

— Безпокоится, бѣдняжка.

Затѣмъ онъ опять сталъ смотрѣть въ сосѣднюю комнату и тих сказалъ мнѣ:

— Вотъ за тѣмъ столикомъ, какъ разъ противъ насъ...

— Ну?

— Видите, громадный, плотный мужчина? Сигару куритъ...

— Вижу.

— Это вотъ и есть негодяй... Какъ только кончатъ игру и он встанетъ, я ему и закачу.

И когда онъ сказалъ это, мнѣ тотчасъ почудилось, что всѣ обра щаютъ на насъ вниманіе.

Я что-то промычалъ въ отвѣтъ хозяину на его объясненіе отправился въ залъ.

Ежеминутно ожидая событія, я не находилъ себѣ мѣста; я без смысленно прогуливался по залу, когда танцы прекращались; зани малъ какой-либо стулъ, когда они возобновлялись, или торчалъ гдѣ либо въ углу.

Чѣмъ дольше тянулось время, тѣмъ мое вниманіе возрастало все болѣе и болѣе.

Я хотѣлъ было уйти, но мнѣ пришло въ голову, что быстро исчезновеніе возбудитъ всеобщее вниманіе, хотя меня въ клубѣ н знала ни единая душа. «Что подумаетъ прислуга?»—тревожила мен нелѣпая мысль: «Пришелъ по карточкѣ Лыжина и быстро исчезъ» И я, незамѣтно поглядывая на часы, все соображалъ, когда возможн будетъ оставить клубъ, не вызвавъ подозрѣнія.

Въ одинъ изъ антрактовъ ко мнѣ подошелъ лакей и таинственн шепнулъ:

— Васъ спрашиваетъ барыня.

— Меня?!—изумился я.

— Точно такъ-съ: они пріотворили изъ прихожей дверь и ука зали на васъ.

— Странно...

Я пошелъ за лакеемъ и къ своему удивленію увидѣлъ въ прих жей хозяйку.

— Гдѣ же мой мужъ?—испуганно спросила она.

— Здѣсь. Я его видѣлъ въ одной изъ комнатъ.

— Но, говорятъ, онъ ушелъ.

— Кто говоритъ?

— Да вотъ.

Она указала на капельдинера у вѣшалки.

— Точно такъ-съ,—подтвердилъ послѣдній.—Около часа, какъ ушли.

— Но значитъ, онъ дома.

— Я только что изъ дому.

— Ровно ничего не понимаю.

— А здѣсь ничего не произошло?—почти шепотомъ спросила хозяйка.

— Повидимому, нѣтъ... Позвольте, сейчасъ узнаю...

Я поспѣшно направился въ ту комнату, гдѣ находился генералъ, и увидѣлъ, что онъ совершенно спокойно играетъ въ карты.

Возвратившись, я сообщилъ объ этомъ хозяйкѣ.

— Но что же это такое?—съ дрожью въ голосѣ произнесла она.

— Быть можетъ, вы разминулись?

— Ѣдемъ!—нервно сказала она.

— Ѣдемъ, ѣдемъ!

— Я вся дрожу,—тихо проговорила хозяйка, спускаясь съ лѣстницы.—Я предчувствую...

— Онъ, несомнѣнно, дома,—утѣшалъ я ее.

— Дай-то Богъ!

Когда мы вышли на улицу, она крикнула:

— Извозчикъ! Поскорѣе!

И всю дорогу торопила его.

Настроеніе моей спутницы передалось мнѣ, и я точно также началъ ощущать тревогу.

— Дома баринъ?—спросила хозяйка, какъ только горничная отворила дверь.

— Нѣтъ.

— Нѣтъ?!

Она взглянула на меня.

— Быть можетъ, зашелъ куда-нибудь,—успокоивалъ я.

— Дѣти плачутъ,—сказала прислуга.

Хозяйка спѣшно направилась въ домъ. Я послѣдовалъ за нею.

Въ прихожей насъ встрѣтила дѣвочка въ одной рубашонкѣ съ заплаканными глазами; изъ комнатъ доносился крикъ грудного ребенка.

— Чего ты, милая, не спишь?—нагибаясь и цѣлуя дѣвочку, спрашивала хозяйка.

Дѣвочка улыбнулась и уткнула лицо въ юбку матери.

— Ну, идемъ къ Володѣ,—сказала послѣдняя.

Обратившись затѣмъ ко мнѣ, она умоляющимъ голосомъ просила:

— Не оставляйте, ради Бога, меня!

— Я посижу до возвращенія вашего мужа.

— Спасибо.

Черезъ самое короткое время она съ грудным ребенкомъ и не желавшею спать дѣвочкою возвратилась въ гостиную.

— Иди, дорогая, спать,—уговаривала мать дѣвочку.

Но та начала плакать.

— Ахъ, что же я съ тобою дѣлать буду?

Хозяйка сѣла у окна. Дѣвочка стала лѣзть къ ней на колѣни.

— Но у меня Володя, какъ же я тебя возьму?

Тогда я придвинулъ кресло къ стулу, на которомъ сидѣла хозяйка.

Дѣвочка тотчасъ взобралась на него и, положивъ голову на ручку кресла, стала дремать. А хозяйка все смотрѣла въ окно, прислушиваясь къ дребезжащему стуку извозчичьихъ дрожекъ, и каждый разъ, когда этотъ стукъ не затихалъ у подъѣзда, произносила со вздохомъ:

— Нѣтъ, не онъ!

— Но могло же случиться, что онъ зашелъ куда-нибудь?—повторялъ я въ утѣшеніе.

— Этого съ нимъ никогда не случалось за все время моей съ нимъ жизни.

— Нескромный вопросъ: онъ не пьетъ?

— Нѣтъ. Раньше, говорилъ, пилъ, особенно, когда былъ на войнѣ, и то, какъ онъ объяснялъ, «для храбрости».

— Ну, быть можетъ, сегодня...

— Да онъ теперь вовсе не пьетъ.

— Но, посудите: что же могло случиться? Я всетаки склоненъ думать, что онъ къ кому-нибудь зашелъ.

Она пожала плечами.

Когда среди мертвой тишины часы отчетливо пробили три, я, ранѣе увѣренный, что ничего съ хозяиномъ не могло произойти, сталъ и самъ тревожиться, глядя на окаменѣвшую, казалось, фигуру его жены, не отрывавшей взора отъ окна.

— Не можете ли вы припомнить кого-либо изъ его знакомыхъ или указать на гостиницу, гдѣ бы, по вашему мнѣнію, могъ быть вашъ мужъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не могу,—не задумываясь и не оборачиваясь ко мнѣ, отвѣтила хозяйка:—А что?

— Я бы съ удовольствіемъ сходилъ.

— Нѣтъ,—повторила она.

— Развѣ опять въ клубъ сходить.

Она быстро обернулась и сказала:

— Сходите, сходите!... Вѣдь возможно, что онъ лишь временно отлучился.

На губахъ ея промелькнула улыбка.

— Ахъ, какая я глупая!... Право, не знаю, какъ васъ благодарить.

Я ушелъ, взявъ съ собою ключъ, чтобы не будить прислугу.

На улицѣ царила мертвая тишина. Лишь изрѣдка издалека чуть-чуть доносились свистки локомотивовъ, стукъ колесъ извозчичьихъ дрожекъ, колотушки ночныхъ сторожей.

Раза два пытался я позвать извозчика, но мои возгласы, гулко раздаваясь на пустынныхъ улицахъ, оставались безъ послѣдствій, и я дошелъ до клуба пѣшкомъ.

Окна клуба были еще освѣщены, что давало мнѣ нѣкоторую надежду застать въ немъ хозяина. Моя фантазія нарисовала даже полную картину событія: хозяинъ на время вышелъ изъ клуба, освѣжился на чистомъ воздухѣ, а затѣмъ, возвратившись, исполнилъ свое намѣреніе; событіе, конечно, произвело переполохъ и обсуждается еще и сейчасъ, чѣмъ и объясняется, что до сихъ поръ въ клубѣ засидѣлись посѣтители.

Но, уже поднимаясь по лѣстницѣ, я сталъ сомнѣваться въ вѣрности моихъ предположеній, потому что въ комнатахъ царила тишина.

Заслышавъ мои шаги, со стула схватился дремавшій капельдинеръ и удивленно взглянулъ на меня.

— Что, Лыжина здѣсь нѣтъ?—спросилъ я его.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчалъ онъ.

— Не возвращался?

— Никакъ нѣтъ-съ: какъ ушли, больше не приходили.

— А кто же сейчасъ въ клубѣ?

— Два стола заплатили штрафъ и доигрываютъ.

— Какой штрафъ?

— У насъ полагается сидѣть до двухъ часовъ ночи, а если кто послѣ не остается, штрафъ платятъ.

— Но вы навѣрное знаете, что Лыжина среди играющихъ нѣтъ?

— Да какъ же не знать: я не только что въ лицо каждаго члена знаю, а по одеждѣ на вѣшалкѣ скажу, кто у насъ,—десять лѣтъ служу здѣсь.

— Мг...—произнесъ я, пожимая плечами.

— А развѣ они домой не приходили?

— Въ томъ-то и дѣло, что не приходилъ.

— Придутъ еще: господа часто до свѣту засиживаются... Куда-нибудь въ ресторацію зашли...

Если бы не категорическое заявленіе жены, что мужъ ея никуда не могъ зайти, слова капельдинера послужили бы мнѣ достаточнымъ успокоеніемъ, но теперь они не оказали на меня ровно никакого воздѣйствія, и я, взявъ отъ клуба извозчика, съ тревожнымъ чувствомъ поѣхалъ домой.

Мнѣ такъ ясно представлялся испугъ на лицѣ хозяйки, ея отчаяніе, когда она узнаетъ объ отсутствіи мужа въ клубѣ, что мурашки пробѣгали по тѣлу.

Когда извозчикъ подвезъ меня къ квартирѣ, я, прежде чѣмъ войти въ домъ, осторожно заглянулъ въ окно. Въ гостиной не видно ни души. «Не возвратился ли хозяинъ?» мелькнула мысль: иначе чѣмъ объяснить, что хозяйка отошла отъ окна.

Съ нѣкоторою надеждою направился я въ домъ. Но, вошедши въ гостиную, увидѣлъ, что дѣтей тамъ уже не было, а хозяйка, блѣдная, какъ мертвецъ, уснула, сидя на диванѣ.

Тогда я отправился въ свою комнату и, усталый, скоро тоже уснулъ.

Но спать мнѣ пришлось недолго.

Было только семь часовъ утра, когда меня разбудили.

— Что такое?—спросилъ я, глядя на испуганное, заплаканное лицо горничной.

— Баринъ нашъ повѣсился!

— Да что вы?!

— Честное слово!

— Гдѣ? Когда?

— Не знаю... Его повезли въ больницу... Господи, Боже мой!

И горничная ушла, а я, дрожа всѣмъ тѣломъ, спѣшно одѣлся и тотчасъ отправился въ хозяйскія комнаты, откуда доносился громкій плачъ дѣтей.

— Гдѣ же хозяйка?—спросилъ я горничную, носившую на рукахъ грудного ребенка и утѣшавшую дѣвочку.

— Въ больницу уѣхали,—отвѣтила она.

— Въ какую?

— Въ городскую, что ли,—не знаю... Тутъ полицейскій былъ...

Я немедленно отправился въ эту больницу. Тамъ встрѣтилъ я ко-

лодого военнаго врача, который, подтвердивъ грустный фактъ, спросилъ:

— Что же вамъ собственно нужно? Вы его родственникъ, что ли?

— Нѣтъ, не родственникъ...

— Какое же отношеніе вы имѣете къ этому самоубійству?

— Случайное, но большое...

Онъ удивленно взглянулъ на меня, а затѣмъ, чуть-чуть улыбнувшись, спросилъ:

— Быть можетъ, это событіе совершилось на романической подкладкѣ?

— О, нѣтъ! Это прозаическая трагедія, но очень тяжелая...

— Если здѣсь нѣтъ никакой тайны, то я былъ бы вамъ очень обязанъ за изложеніе трагедіи: мотивы самоубійствъ представляютъ для меня научный интересъ...

— Я охотно это сдѣлаю... У меня нѣтъ никого знакомыхъ, а между тѣмъ является органическая потребность дать выходъ нервному возбужденію, которое я переживаю...

— Я васъ вполнѣ понимаю... Пожалуйте въ дежурную комнату: мы тамъ напьемся съ вами чаю и вы разскажете...

Я отправился вслѣдъ за докторомъ въ конецъ длиннаго коридора, гдѣ находилась дежурная комната.

Въ ней на небольшомъ столѣ у дивана шумѣлъ самоваръ. На зовъ доктора изъ сосѣдней комнаты явился заспанный, въ бѣломъ фартукѣ, служитель; онъ заварилъ чай и подалъ два прибора, сахаръ и лимонъ.

— А что, дама эта еще здѣсь?—обратился къ нему съ вопросомъ докторъ.

— Здѣсь.

— Вы тамъ побудьте...

— Слушаю-съ... Да она спокойна.

Когда служитель ушелъ и мы усѣлись на диванъ, докторъ спросилъ меня:

— Это, вѣроятно, жена покойнаго?

— Да,—отвѣтилъ я.

— Я сказалъ сторожу, чтобы онъ не отлучался на случай обморока, истерики... Хотя женщина эта поразила меня своимъ спокойствіемъ: она только слегка вскрикнула и тотчасъ какъ бы застыла.

— Гдѣ его нашли?

— На одномъ изъ деревьевъ сада при клубѣ: повѣсился на ремнѣ, которымъ, вѣроятно, подвязывалъ брюки... Ремень крѣпкій,

англійскій, но приспособить его для самоубійства было весьма трудно.

— Будете вскрывать?

— Придется... Ну-съ, разскажите, что это за трагедія такая...

Докторъ мнѣ и себѣ налилъ по стакану чаю.

Я подробнѣйшимъ образомъ сталъ излагать ему все, происходившее у Лыжиныхъ до самоубійства.

Докторъ слушалъ меня съ необычайнымъ вниманіемъ, а когда я кончилъ, онъ, какъ бы про себя, тихо сказалъ:

— Слѣдствіе, причинѣ не соотвѣтствующее...

Докторъ всталъ и, заложивъ руки въ карманы и наклонивъ голову, нѣсколько минутъ ходилъ по комнатѣ, какъ бы что-то обдумывая.

Затѣмъ, остановившись передо мною, онъ спросилъ:

— Въ какомъ смыслѣ самоубійство Лыжина вы называете «прозаическою трагедіею?»

— Какая же тутъ романтика? Все основано на тяжеломъ положеніи подчиненныхъ—проза самая обыденная.

— Вы больше ничего въ этомъ такъ-таки и не видите?

— Рѣшительно ничего...

— А на мой взглядъ это трагедія унизительная, пошлая!... Это, такъ сказать, страхъ раба... Вѣдь вдумайтесь только въ суть! Человѣкъ не страшится покончить съ своею жизнью и въ то же время онъ не рѣшается защитить свое человѣческое достоинство! Онъ рискуетъ своею жизнью, своею семьею, передъ страхомъ, побѣдивъ который, онъ лишился бы только мѣста да еще понесъ бы небольшое наказаніе, такъ какъ оскорбленіе генерала произошло бы внѣ исполненія послѣднимъ служебныхъ обязанностей и въ неофиціальномъ мѣстѣ. А скорѣе всего его бы оправдали, такъ какъ онъ оскорбленъ былъ незаслуженно. Но рабскій страхъ затмилъ умъ покойнаго, лишивъ его логики...

— Позвольте, — замѣтилъ я: — но вѣдь покойный былъ на войнѣ...

— Вотъ тутъ-то и кроется самая ужасная вещь!—перебилъ меня докторъ:—тамъ, на войнѣ, храбрость его проявлялась не только съ дозволенія, но и по приказу, а здѣсь онъ долженъ былъ дѣйствовать на свой рискъ и страхъ... Нѣтъ, это что-то до такой степени унизительное, жалкое, что за человѣка страшно!... И онъ, самоубійца, не составляетъ исключенія: всѣ его сослуживцы только въ первый моментъ проявили нѣкоторые, хотя и неясные признаки своего человѣческаго происхожденія, если можно такъ выразиться, но

уже на другой день рабскій страхъ возвратилъ ихъ въ первобытное, такъ сказать, скотское состояніе...

Докторъ замолчалъ и сталъ ходить по комнатѣ. Лицо его было блѣдно, глаза горѣли.

Не знаю, говорилъ ли бы онъ еще, если бы не явился служитель и не позвалъ его въ палату.

— До свиданія,—сказалъ докторъ, протягивая мнѣ руку:—подумайте и выясните свой взглядъ на это событіе.

— Хорошо,—отвѣчалъ я и спросилъ служителя:—а дама еще въ покойницкой?

— Нѣтъ, уѣхали,—отвѣчалъ онъ.

Я отправился на квартиру, гдѣ горничная, отворивъ мою дверь, сообщила, что «барыня не здоровы».

— Что съ ней?—спросилъ я.

— Не знаю... пріѣхали и прямо въ постель легли.

Черезъ день я уѣхалъ изъ N, не простившись съ хозяйкою, у которой была настолько повышенная температура, что она бредила.

И. П. Бѣлоконскій.

Сумерки.

Причудливыхъ тѣней дрожащія волокна
Прокрались въ комнату и сѣрой полумглой
Осеннихъ сумерекъ окутали и окна
И недочитанный романъ передо мной.

Взволнованъ я. Чужихъ страстей намеки
И боль прощальныхъ словъ, и горечь тайныхъ слезъ,
Вы—въ книгѣ жизненной мнѣ памятныя строки,
Вы—лепестки осыпавшихся розъ.

Исчезнувшіе дни, оплаканныя ночи
Встаютъ передо мной узорами тѣней,
Какъ проблески любви, что стали все короче,
Какъ сумерки, что стали все длиннѣй.

Ѳ. Арнольдъ.

Сахалинъ, какъ колонія *).

Государственное значеніе колонизаціи Сахалина.—Слабое вліяніе центральной администраціи на внутреннюю жизнь острова и причины этого. — Отсутствіе какой бы то ни было регламентаціи колонизаціоннаго дѣла на Сахалинѣ. — Отсутствіе системы въ высылкѣ преступниковъ на Сахалинъ.—Высылка лицъ, непригодныхъ для земледѣльческаго труда.—Высылка больныхъ и слабыхъ.—Возрастъ ссыльно-каторжныхъ и сроки работъ.—Высылка горцевъ, рецидивистовъ и бродягъ.—Дерзость послѣднихъ.—Побѣги.—Непригодность рецидивистовъ и бродягъ для колонизаціи.—Вліяніе тюрьмы.—Тюремныя зданія.—Пища и одежда арестантовъ.—Смертность и заболѣваемость сахалинскаго населенія.—Каторжныя работы.—Много ли арестантовъ работаетъ.—Составъ надзирателей и тюремные порядки.—Заключеніе бывшаго начальника главнаго тюремнаго управленія А. П. Саломона объ исправительномъ значеніи каторжныхъ работъ.

Неудача попытки создать пенитенціарную колонію на Сахалинѣ слишкомъ бросается въ глаза, чтобы ее можно было отрицать. Не отрицаетъ ея и сахалинская администрація, усматривая причины ея въ томъ, что колонизаціи старались придать земледѣльческій характеръ вопреки естественнымъ условіямъ Сахалина. Но какъ прежде безъ достаточныхъ основаній увлекались предполагаемымъ плодородіемъ его почвы, такъ и въ настоящее время столь же огульно отрицаютъ возможность земледѣльческой культуры на Сахалинѣ. Отрицаютъ только потому, что культура эта не удалась и какъ на неопровержимый аргументъ невозможности сельско-хозяйственной колонизаціи Сахалина указываютъ на тотъ фактъ, что подавляющее большинство крестьянъ, едва получивъ право на выѣздъ, старается поскорѣе покинуть негостепріимный островъ и перебраться на материкъ. Но установить фактъ еще не значитъ его объяснить. Между тѣмъ офиціальная критика колонизаціоннаго дѣла на Сахалинѣ не идетъ далѣе констатированія фактовъ и не задается цѣлью проникновенія въ причины, ихъ порождающія, а безъ этого и самые факты остаются мало понятными, а потому и мало убѣдительными. Благодаря столь поверхностному отношенію къ текущей дѣйствительности, прошлому Сахалина придаютъ очень мало значенія и даже совсѣмъ его игнорируютъ, а между тѣмъ въ немъ-

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 1904 г.

то, быть можетъ, и лежитъ ключъ къ разгадкѣ вопроса, почему не удалась колонизація Сахалина.

Географическое положеніе этого острова и его естественныя богатства выводятъ Сахалинъ изъ узкой сферы интересовъ тюремнаго вѣдомства и придаютъ его колонизаціи широкое государственное значеніе. Его роль, какъ мѣста ссылки, можетъ имѣть значеніе лишь временное, только до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ перенаселенъ, а затѣмъ придется снова изыскивать средства, чѣмъ занять и куда дѣвать тѣхъ отверженцевъ, которыхъ общество постоянно извергаетъ изъ себя. Такимъ образомъ, въ непродолжительномъ времени Сахалинъ долженъ будетъ утратить значеніе мѣста ссылки, какъ утратили его другія наши окраины. Но значеніе Сахалина, какъ форта всего Приамурья и какъ колоніи, которую природа щедро надѣлила самыми разнообразными богатствами, будетъ возрастать все болѣе, по мѣрѣ водворенія и развитія на немъ культурной жизни. Эти двѣ сферы—военная и промышленная—придаютъ Сахалину значеніе такой громадной государственной важности, при которомъ роль его, какъ мѣста ссылки, совершенно теряется и можетъ занимать лишь служебное положеніе. Въ виду этого вопросъ о колонизаціи Сахалина пріобрѣтаетъ значеніе, заслуживающее особаго вниманія и заботливости. Но для правильной постановки этого дѣла въ будущемъ нельзя игнорировать его прошедшаго; а потому посмотримъ, какъ и при какихъ условіяхъ совершалась колонизація Сахалина, а затѣмъ попытаемся разобраться и въ причинахъ, которыя привели ее къ столь печальнымъ результатамъ.

Мы видѣли, что комитетъ 1868 г. придавалъ весьма широкое значеніе ссылкѣ на Сахалинъ. Въ ней видѣлъ онъ не только разрѣшеніе больного тюремнаго вопроса, но и лучшее средство къ укрѣпленію нашего политическаго и экономическаго значенія на Дальнемъ Востокѣ. Съ передачею Сахалина въ тюремное вѣдомство эта вторая и болѣе важная задача колонизаціи совершенно не была принята во вниманіе. Тюремное вѣдомство, имѣя свои строго опредѣленныя и весьма узкія задачи, стремилось прежде всего къ достиженію своихъ спеціальныхъ цѣлей и главнымъ образомъ къ эвакуаціи тюремъ, переполненныхъ преступниками, которые наводняли материкъ бродягами вслѣдствіе легкости побѣговъ.

Такому суженію первоначальной задачи ссылки на Сахалинъ много способствовало и выдѣленіе тюремнаго вѣдомства изъ состава министерства внутреннихъ дѣлъ. Какъ ни далеко стояло послѣднее къ вопросамъ, связаннымъ съ выполненіемъ спеціально юридической функціи тюремнаго вѣдомства, но колонизаціонное дѣло во всякомъ случаѣ было ему ближе, чѣмъ для министерства юстиціи, въ составъ котораго было выдѣлено главное тюремное управленіе, а потому отъ министерства внутреннихъ дѣлъ можно было бы ожидать болѣе широкой постановки колонизаціи. Но связь его съ Сахалиномъ выразилась единственно лишь въ подчиненіи ему начальника острова. Эта, чисто механическая, связь оказалась слишкомъ слабой для того, чтобы вовлечь министерство внутреннихъ дѣлъ въ кругъ

интересовъ острова, тѣмъ болѣе, что начальникъ его назначался «изъ военныхъ генераловъ», а не изъ гражданскихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, Сахалинъ оказался подчиненнымъ вліянію трехъ разнородныхъ вѣдомствъ, не имѣвшихъ ни единства цѣли, ни близкихъ точекъ соприкосновенія. Какъ генералъ и командующій мѣстными войсками, начальникъ острова былъ подчиненъ военному министерству, руководящая роль въ жизни острова принадлежала министерству юстиціи, а репрессивная власть сосредоточена въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ, который, однако, безсиленъ оказать какое-либо давленіе на жизнь острова, потому что ея распорядокъ всецѣло зависитъ отъ главнаго тюремнаго управленія. Въ результатѣ получилось, что ни одно изъ трехъ вѣдомствъ не имѣло въ своихъ рукахъ достаточно власти, чтобы всецѣло подчинить жизнь острова своему вліянію, а потому распоряженія центральныхъ управленій исполнялись на Сахалинѣ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это соотвѣтствовало видамъ мѣстной администраціи. Бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія, г. Галкинъ-Врасскій, свидѣтельствуетъ, напримѣръ, въ своей запискѣ о Сахалинѣ, что предложенныя имъ соображенія по части колонизаціи острова «были въ обсужденіи особаго совѣщанія при главномъ тюремномъ управленіи при участіи бывшаго генералъ-губернатора Приамурскаго края, генералъ-адъютанта барона Корфа, и другихъ, были тогда же въ принципѣ приняты въ видахъ болѣе прочнаго заселенія острова и, по предварительномъ одобреніи министерства внутреннихъ дѣлъ, были сообщены генералъ-губернаторомъ начальнику острова, но затѣмъ никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій по сему не послѣдовало» [1]).

Преемникъ Галкина-Врасскаго г. Саломонъ, посѣтившій Сахалинъ въ 1897 г., также свидѣтельствуетъ о полномъ игнорированіи сахалинской администраціей предписаній центральнаго вѣдомства. Такъ, еще въ 1894 г. ей указано было, чтобы тяжкіе преступники были занимаемы работами внутри тюремъ или же въ каменноугольныхъ копяхъ подъ строгимъ надзоромъ, а семейные, испытуемые 2 и 3 разрядовъ, обращались на подготовительныя работы по устройству поселеній. Обозрѣвая Сахалинъ,—говоритъ г. Саломонъ,—я не нашелъ никакихъ слѣдовъ того, чтобы это распоряженіе исполнялось мѣстными властями. Холостыхъ испытуемыхъ 1 разряда (т.-е. самыхъ тяжкихъ и не пользующихся по семейному положенію льготой преступниковъ) мнѣ приходилось встрѣчать на свободѣ безъ всякихъ работъ; семейные каторжные 2 и 3 разрядовъ содержались въ тюрьмахъ и даже выводились на добычу каменнаго угля, тогда какъ наиболѣе тяжкіе преступники раскомандировывались на внѣшнія хозяйственныя работы [2]).

Благодаря столь слабой фактической зависимости сахалинской администраціи отъ центральныхъ управленій, изъ Сахалина создалось что-то вродѣ восточнаго нашалыка, который жилъ своею, совершенно особою, жизнью и управлялся своими собственными неписаными законами. Такому оригинальному положенію Сахалина въ ряду другихъ нашихъ губерній и

областей много способствовало еще и то обстоятельство, что для него дѣйствительно никогда никакихъ законовъ не издавалось. Вотъ какъ характеризовалъ условія колонизаціонной дѣятельности на Сахалинѣ бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія Галкинъ-Врасскій послѣ посѣщенія этого острова: «Ссыльно-каторжные разряда испытуемыхъ должны по закону содержаться въ тюрьмѣ. Между тѣмъ недостатокъ помѣщеній и весь складъ зарождавшейся жизни на Сахалинѣ, призванной собственными силами все созидать и устраивать, начиная съ первобытныхъ вначалѣ построекъ, затѣмъ постепеннаго проведенія путей сообщенія среди тайги, поднятія земли подъ посѣвы, возведенія всякаго рода зданій наиболѣе необходимыхъ для размѣщенія ссыльныхъ, надзора и служащихъ и исполненія соединенныхъ съ симъ всевозможныхъ мастеровыхъ работъ; наконецъ, работы рудничныя въ каменноугольныхъ копяхъ, устройство пристаней, всякій ремонтъ и проч. обусловили въ общей сложности съ самаго начала такого рода отступленія отъ буквы закона, что теперь необходимо это имѣть въ виду, дабы, признавъ своевременность должной регламентаціи, не загубить живого дѣла исполненія каторги въ связи съ колонизаціей въ обширныхъ размѣрахъ» [3]). Въ виду столь оригинально сложившихся условій, которыя совсѣмъ не были предусмотрѣны уставомъ о ссыльныхъ, необходимо было дать для руководства сахалинской администраціи какія-нибудь точно установленныя и согласованныя съ требованіями мѣстной жизни правила, а потому Высочайше утвержденнымъ 15 мая 1884 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, между прочимъ, было постановлено «предоставить министру внутреннихъ дѣлъ безотлагательно войти въ обсужденіе вопросовъ объ устройствѣ быта отбывшихъ на Сахалинѣ сроки работъ каторжныхъ, а затѣмъ по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами внести предположенія свои на уваженіе государственнаго совѣта» [4]). Но это высочайшее повелѣніе и до настоящаго времени остается не выполненнымъ, и о. Сахалинъ продолжаетъ руководствоваться правилами, созданными практикой, но не установленными никакимъ закономъ.

Почувствовавъ на плечахъ столь чуждую своей обычной дѣятельности обузу, какъ колонизація Сахалина, главное тюремное управленіе совершенно растерялось. Мы видѣли, что даже въ 1882 году, по прошествіи трехъ лѣтъ послѣ начала постоянной ссылки на Сахалинъ преступниковъ, оно оставалось въ полномъ недоумѣніи даже относительно того, возможна ли вообще ссылка каторжныхъ на Сахалинъ, и тѣмъ не менѣе, подъ гнетомъ необходимости найти какое-нибудь для нихъ мѣсто, оно продолжало ихъ туда ссылать. «Общее число ссылаемыхъ на Сахалинъ,—говоритъ бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія г. Саломонъ,—опредѣляется безъ соотношенія къ тому, сколько отбывшихъ каторгу преступниковъ выбываетъ на поселеніе, сколько свободныхъ мѣстъ въ тюрьмахъ, сколько и какими работами можетъ быть занято людей» [5]). Высылка производилась безъ всякаго соображенія съ пользами колоніи, ея нужды совершенно игнорировались, составъ ссыльныхъ не подвергался

никакому контролю и въ этомъ отношеніи главное тюремное управленіе часто шло вразрѣзъ съ собственными же предположеніями. Повидимому, оно преслѣдовало одну только цѣль: вывезти на Сахалинъ какъ можно больше преступниковъ, чтобы избавить отъ переполненія тюрьмы материка и освободить ихъ отъ наиболѣе опасныхъ элементовъ. Съ 1879 года по 1900 годъ было привезено моремъ свыше 25 тысячъ преступниковъ, не считая тѣхъ, которые были высланы обычнымъ этапнымъ порядкомъ изъ Европейской Россіи и Сибири, причемъ число ихъ постепенно возростало. Въ первые годы съ 1879 по 1885 годъ было выслано на Сахалинъ морскимъ путемъ 4,585 человѣкъ, въ слѣдующее пятилѣтіе—5,764, въ пятилѣтіе 1890—1895 гг.—7,506 и, наконецъ, въ послѣднее пятилѣтіе по 1900 г.—7,625 человѣкъ.

Сельско-хозяйственныя занятія, которымъ придавалось главнымъ тюремнымъ управленіемъ преобладающее значеніе, казалось бы, должны были вызвать заботу, чтобы составъ каторги на Сахалинѣ соотвѣтствовалъ этимъ занятіямъ. Между тѣмъ въ 1885 году, т.-е. въ самый разгаръ увлеченія селько-хозяйственной колонизаціей, по произведенному по статейнымъ спискамъ подсчету каторжныхъ и поселенцевъ, оказалось, что до своего осужденія земледѣльческимъ трудомъ занималось изъ нихъ менѣе 60%. [6])

Для работы по расчисткѣ земли подъ пашню требуются, конечно, здоровые, сильные люди, способные вынести этотъ тяжелый, дѣйствительно, каторжный трудъ. Между тѣмъ, по свидѣтельству А. П. Саломона, «сплошь и рядомъ на пароходъ сдаются люди съ явственными признаками такихъ заболѣваній и физическихъ недостатковъ, которые вообще освобождаютъ отъ ссылки» [7]). Докторъ А. В. Щербакъ, въ теченіе восьми лѣтъ сопровождавшій партіи арестантовъ на Сахалинъ и участвовавшій въ коммиссіяхъ по освидѣтельствованію ихъ при отправленіи изъ Одессы, говоритъ, что не подлежащими отправкѣ на Сахалинъ считаются только тѣ изъ ссыльно-каторжныхъ, которые страдаютъ сифилисомъ (кромѣ третичной формы), тяжелой формой хроническаго воспаленія легкихъ, порокомъ сердца съ водянкою, сильнымъ скорбутомъ, трахомой, острыми инфекціонными болѣзнями и т. п. [8]). Описывая одну изъ такихъ пріемокъ, докторъ Щербакъ говоритъ: «Болѣе всего встрѣчалось глазныхъ болѣзней, а затѣмъ или чахотка, бронхитъ и разныя другія хроническія страданія, не составлявшія препятствій къ дальней перевозкѣ моремъ. Такимъ образомъ признанныхъ неспособными къ слѣдованію оказалось немного» [9]). Изъ приведенныхъ выдержекъ ясно, что медицинскій осмотръ отправляемыхъ на Сахалинъ каторжныхъ имѣетъ въ виду не степень годности ихъ къ тяжелымъ работамъ на далекомъ островѣ, а только лишь способность къ перенесенію ими морского пути и безопасность партіи отъ зараженія инфекціонными болѣзнями. Такимъ образомъ, слѣдовательно, и страдающіе третичной формой сифилиса, и фтизики, и больные порокомъ сердца, пока болѣзнь ихъ не достигла еще степени отековъ, и многіе другіе, неспособные къ работамъ,

арестанты всетаки зачисляются въ колонисты острова Сахалина. Результатомъ такого безразличнаго отношенія къ трудоспособности каторжныхъ является значительный процентъ слабыхъ и неспособныхъ къ работамъ, которые тяжелымъ бременемъ ложатся на колонію. По отчету доктора Супруненка болѣе 20% обращающихся на Сахалинѣ за медицинскою помощью страдаютъ мышечною слабостью [10]). По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1895 году среди ссыльно-каторжныхъ считалось 3,53% вовсе неспособныхъ къ работамъ и 20,93% слабосильныхъ. Въ 1896 году изъ арестантовъ рыковской тюрьмы на 714 полносилыхъ приходилось 285 слабосильныхъ. Изъ осмотрѣнныхъ въ томъ же году докторомъ Лобасомъ 95 человѣкъ дровотасковъ александровской тюрьмы 54 отмѣчены здоровыми, 30 слабыми, а остальные 11 человѣкъ оказались страдающими грыжей, малокровіемъ, хроническимъ бронхитомъ и проч. [11]). Въ дуйской тюрьмѣ, гдѣ сосредоточиваются самые здоровые каторжные, на 585 человѣкъ всего состава команды А. П. Саломономъ въ 1897 году было найдено 107 человѣкъ или около 20% больныхъ, неспособныхъ и на отдыхѣ [12]).

Сроки каторжныхъ работъ и возрастъ ссылаемыхъ также мало соотвѣтствуютъ нуждамъ колоніи и, по отбытіи каторжныхъ работъ, лишь немногіе изъ нихъ въ силахъ приняться за новую трудовую жизнь, для которой, въ особенности на Сахалинѣ, нужно много физическихъ силъ и еще больше энергіи. Изъ приложенной къ «Обзору острова Сахалина за 1900—1901 гг.» таблицы распредѣленія каторжныхъ по срокамъ, на которые они осуждены, усматривается, что осужденные на сроки до 8 лѣтъ составляютъ 19,5% всей каторги, на сроки отъ 8 до 12—26%, отъ 12 до 15—13,7%, остальные 40,8% осуждены на сроки свыше 15 лѣтъ и едва ли ихъ можно считать способными къ занятію земледѣліемъ по отбытіи каторжныхъ работъ. Таблица возрастного состава ссыльныхъ показываетъ, что въ возрастѣ до 30 лѣтъ поселенцевъ имѣется 20,7% и крестьянъ изъ ссыльныхъ 6,8%, въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ—первыхъ 43,3%, послѣднихъ 37,9% и, наконецъ, въ возрастѣ отъ 40 до 50 лѣтъ поселенцевъ 23,3% и крестьянъ 34%. Принимая во вниманіе тяжелыя условія каторги, которую каждому изъ нихъ пришлось отбыть, сорокалѣтній возрастъ слѣдуетъ считать крайнимъ предѣломъ для полносильнаго работника. Такихъ работниковъ изъ среды ссыльно-поселенцевъ и крестьянъ оказывается всего только 55,1%; прибавляя сюда лицъ въ возрастѣ отъ 40 до 50 лѣтъ и считая каждаго изъ нихъ за полурабочаго, найдемъ, что производительная часть населенія острова Сахалина составляетъ всего только 69,3%, а остальные 30,7% принадлежатъ къ возрастамъ нерабочимъ, напрасно только обременяющимъ собою колонію.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда главное тюремное управленіе еще только приступало къ колонизаціонной дѣятельности на Сахалинѣ, было установлено, чтобы горцы и рецидивисты не были высылаемы на Сахалинъ [13]). Горцевъ и вообще инородцевъ предполагалось сосредоточивать въ илецкой тюрьмѣ и пріурочить ихъ къ добычѣ соли, такъ какъ они,

по словамъ одного изъ отчетовъ главнаго тюремнаго управленія, «совершенно непригодны къ каторжнымъ работамъ въ Сибири и на Сахалинѣ и даютъ наибольшій процентъ больныхъ и бѣглыхъ» [14]). Въ имѣющихся у меня матеріалахъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, когда и по какимъ соображеніямъ было отмѣнено это правило, но въ настоящее время магометанъ на Сахалинѣ, среди которыхъ не менѣе половины горцевъ, считается 10,8% всего ссыльнаго населенія [15]), причемъ, послѣ православныхъ, они занимаютъ первое мѣсто по численности. Этотъ элементъ слѣдуетъ считать не только безполезнымъ, но даже вреднымъ для сахалинской колонизаціи, такъ какъ горцы менѣе другихъ преступниковъ способны сжиться съ условіями совершенно чужой для нихъ жизни и представляютъ собою наиболѣе подвижной и безпокойный элементъ.

Что касается рецидивистовъ, то начало ссылки ихъ на Сахалинъ мнѣ не извѣстно, ссылка же бродягъ допущена была «временно» въ 1896 году, причемъ ихъ сразу выслано было 402 человѣка, что составляетъ около 24% всѣхъ высланныхъ въ этомъ году мужчинъ. Съ тѣхъ поръ ссылка на Сахалинъ бродягъ не прекращалась, по закону же 10 іюня 1900 г. бродяги, по отбытіи ими четырехлѣтняго срока въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, водворяются на островѣ. Рецидивистовъ среди отбывавшихъ каторжныя работы на Сахалинѣ въ 1901 году числилось 20,4%, причемъ среди нихъ находились лица, осужденныя въ четвертый, пятый и даже въ шестой разъ. Эти двѣ группы представляютъ изъ себя самый опасный элементъ на Сахалинѣ. Въ подавляющемъ большинствѣ это люди, которымъ совершенно нечего терять, которымъ не страшна никакая человѣческая кара и для которыхъ процедура суда, присуждающаго сверхъ вѣчной каторги еще на 20 лѣтъ, есть только забавный эпизодъ, юмористическое представленіе, которое каторжные характеризуютъ словомъ «канитель». «Благодарю васъ за канитель, господа правосудіе», отвѣчаетъ обыкновенно каторжный на формальный вопросъ предсѣдателя суда, доволенъ ли онъ объявленнымъ ему приговоромъ, которымъ къ двумъ безсрочнымъ каторгамъ, къ двумъ вѣчностямъ, прибавлено еще 15 лѣтъ. Ихъ репутація отпѣтыхъ создаетъ имъ привилегированное положеніе въ тюрьмѣ, гдѣ ихъ боятся всѣ, начиная отъ надзирателя и кончая начальникомъ тюрьмы. Эти люди обыкновенно бѣгутъ, когда пожелаютъ, и составляютъ несчастіе для всего Сахалина, а главнымъ образомъ для поселенцевъ, устраивающихся своимъ хозяйствомъ. Ихъ очень часто они разоряютъ до тла, воруя ихъ скотъ и лошадей. Надо знать, съ какимъ трудомъ сопряжено для поселенца пріобрѣтеніе коровы или лошади, чтобы постигнуть всю глубину несчастія ихъ потерять. Часто поселенецъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ ковыряетъ лопатой чахлую землю, прежде чѣмъ ему удастся, при помощи казны или ссужающихъ деньги подъ высокіе проценты частныхъ лицъ, завести немудрую лошадь, заплативъ за нее 70—80 руб. Хорошо зная, какъ мало, благодаря всюду снующимъ голоднымъ бродягамъ, обезпечена на Сахалинѣ собственность, онъ бережетъ свою кормилицу болѣе рачительно, чѣмъ соб-

ственныхъ дѣтей, но на всякій часъ не остережешься. Съ потерею лошади для поселенца утрачивается всякая надежда воспрянуть. Мотыкой да лопатой наковыряешь не много, пропала надежда заработать извозомъ, другихъ заработковъ нѣтъ, на шеѣ неоплатный долгъ. Часто бродяги соединяются въ шайки и тогда становятся грозою для цѣлыхъ селеній. Деревня Чиписани, какъ я уже говорилъ ранѣе, нѣсколько разъ была разоряема бродягами, и въ концѣ концовъ переселенцы вынуждены были бросить насиженное мѣсто и переселиться на материкъ.

Дерзость бродягъ доходитъ до невѣроятнаго. Вотъ нѣсколько характерныхъ образчиковъ. Въ 1896 г. въ Корсаковскомъ округѣ были задержаны 9 бродягъ и отправлены подъ конвоемъ трехъ нижнихъ чиновъ и шести поселенцевъ. Во время слѣдованія эти бродяги, напавъ на конвой, отобрали три винтовки, берданку и одинъ дробовикъ, убили одного рядового и одного поселенца, а остальныхъ двухъ рядовыхъ и еще одного поселенца тяжело ранили, послѣ чего скрылись въ тайгу, испортивъ предварительно телеграфъ. Ночью эти бродяги напали на японскую рыбалку и убили одного японца, ранили другого въ голову и, избивъ остальныхъ, съ награбленными вещами поплыли на кунгасѣ (японская лодка). Но послѣдній поднявшимся штормомъ былъ выброшенъ на берегъ, послѣ чего они скрылись въ тайгѣ. Высланный противъ нихъ отрядъ команды нашелъ ихъ засѣвшими въ неприступномъ мѣстѣ на горѣ Каспучи и, потерявъ двоихъ ранеными, не причинилъ никакого вреда бродягамъ. Вскорѣ двое изъ нихъ явились добровольно, а остальные семь продолжали свои подвиги: ранили еще одного рядового изъ высланнаго противъ нихъ новаго отряда, одного японца и скрылись [16]). Шайка Бараташвили въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1898 и 1899 г. наводила паническій ужасъ на жителей Александровскаго и Тымовскаго округовъ. Дерзость ея дошла до того, что она сдѣлала днемъ вооруженное нападеніе на магазинъ Бородина, находящійся въ очень людной части самой столицы Сахалина, поста Александровскаго. Для поимки этой шайки была поставлена на ноги вся администрація обоихъ сѣверныхъ округовъ и были высылаемы воинскіе отряды, которымъ Бараташвили давалъ правильныя сраженія; наконецъ, послѣ того, какъ въ одной изъ схватокъ глава шайки былъ убитъ, она была частью переловлена, частью перебита. Въ ночь на 3 іюня 1900 г. на станкѣ Лахъ Александровскаго округа пять бѣгло-каторжныхъ, доставлявшихся въ постъ Александровскій, напали на окарауливавшихъ ихъ нижнихъ чиновъ и надзирателя. Убивъ прежде всего часового, бродяги тяжело ранили двоихъ солдатъ и сторожа, нанесли легкую рану надзирателю и, захвативъ четыре берданки и одну двустволку, патроны, солдатскую шинель и другія вещи, скрылись. Раненые солдаты умерли черезъ три дня, а бродяги не были разысканы, если только не погибли въ числѣ 16 бродягъ, перестрѣлянныхъ солдатами недѣли черезъ двѣ при попыткѣ ихъ переправиться на материкъ въ гиляцкой лодкѣ [17]).

Населеніе совершенно беззащитно отъ нападеній бродягъ. Убійство или

выдача бродяги властямъ наказывается по тюремнымъ законамъ смертью, а потому поселенцы и крестьяне не только не ловятъ бродягъ, а заискиваютъ передъ ними, угощая ихъ водкою, часто на послѣднія деньги. По собраннымъ мною даннымъ о числѣ побѣговъ за одиннадцать лѣтъ съ 1891 по 1901 годъ, среднимъ числомъ бѣжитъ ежегодно 325 человѣкъ. Можно представить себѣ, сколько разоренія вносятъ они въ мирную среду сахалинскаго населенія, сколько насилій, кражъ и убійствъ совершаютъ эти голодные, озлобленные и не признающіе никакого порядка люди.

Обращаясь къ вопросу о степени приспособленности къ колонизаціи ссылаемыхъ на Сахалинъ преступниковъ по ихъ нравственнымъ качествамъ, мы видимъ, что рецидивисты и бродяги должны быть признаны элементовъ безусловно не годнымъ для колонизаціи. По свѣдѣніямъ о числѣ высланныхъ на Сахалинъ бродягъ съ 1896 по 1899 годъ оказывается, что они составляютъ въ среднемъ 11,9% всей мужской каторги, число же рецидивистовъ за семилѣтній періодъ 1895—1901 гг. составляетъ въ среднемъ 806 человѣкъ въ годъ или 14,3%. Такимъ образомъ 26,2% всѣхъ ссылаемыхъ на Сахалинъ преступниковъ не могутъ внушить никакихъ надежъ на исправленіе и прочную осѣдлость. Если мы припомнимъ теперь, какой значительный процентъ среди сахалинскаго населенія составляютъ слабые, старики и люди неспособные къ земледѣльческому труду, то для насъ станетъ очевиднымъ, какъ мало можно разсчитывать на успѣхъ колонизаціи Сахалина при такомъ неудачномъ составѣ ссылаемыхъ туда преступниковъ.

Каждому изъ прибывающихъ на островъ ссыльныхъ приходится болѣе или менѣе продолжительное время пробыть въ тюрьмѣ. Въ среднемъ для группы каторжныхъ, осужденныхъ на сроки не болѣе 15 лѣтъ, это время составляетъ около $5^1/_2$ лѣтъ и, конечно, не можетъ остаться безъ вліянія на всю послѣдующую жизнь ссыльнаго. Вообще тюрьма и ссылка на Сахалинѣ такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что, говоря о колонизаціи, никакъ нельзя обойти тюрьмы, которая имѣетъ глубокое вліяніе на физическую и на нравственную природу преступниковъ. Посмотримъ же, какое вліяніе оказываетъ она.

Зданія тюремъ, по словамъ офиціальнаго «Обзора острова Сахалина за 1899 годъ», совершенно не соотвѣтствуютъ своему назначенію. «При постройкѣ ихъ,—говоритъ упомянутый отчетъ,—не принимались вовсе въ соображеніе цѣли пенитенціарныя, и строители заботились лишь о скорѣйшемъ возведеніи зданій, въ которыя можно было бы помѣстить людей, почему почти всѣ тюрьмы представляютъ собою не тюрьмы, предназначенныя для содержанія важныхъ уголовныхъ преступниковъ, а плохія казармы напоминаютъ собою скорѣе ночлежные дома». «Весьма многіе изъ нихъ пришли въ такую ветхость, при которой исключается всякая возможность осмысленныхъ ремонтовъ. Производимыя въ виду совершенной крайности поправки, по существу своему, являютъ лишь трату времени и матеріала, не давая ничего не только въ смыслѣ прочности, но и не отдаляя даже

срока разрушенія зданій» [18]). Тюрьмы построены на недостаточно осушенной почвѣ, а потому нѣкоторыя изъ нихъ страшно сыры. Стѣны, выстроенныя изъ сырого лѣса, расщелились настолько, что сквозь нихъ свѣтитъ, и онѣ служатъ плохою защитою отъ зимней стужи и вѣтра. Вслѣдствіе плохого устройства канализаціи, воздухъ пропитанъ міазмами разлагающихся нечистотъ. Тюрьмы тѣсны, а потому населеніе послѣднихъ страшно скучено. Въ александровской, наприм., тюрьмѣ въ 1901 г. приходилось всего только 0,48 куб. саж. воздуха на человѣка. Въ данномъ случаѣ ветхость тюремъ нѣсколько ослабляетъ вліяніе тѣсноты, такъ какъ щели способствуютъ обновленію воздуха, замѣняя искусственную вентиляцію.

Пища арестантовъ, по отзывамъ врачей, уже по самой своей формулѣ, не можетъ возмѣстить потерь рабочаго организма, такъ какъ, заключая въ себѣ достаточное количество бѣлковъ, слишкомъ бѣдна жирами. Свѣжее мясо арестанты видятъ рѣдко, и горячая пища варится обыкновенно съ солониной или съ соленой рыбой, которая плохо усваивается организмомъ и сильно раздражаетъ желудокъ. На каждаго работающаго арестанта полагается 40 зол. солонины или фунтъ соленой рыбы, три фунта хлѣба, 15 зол. 17 дол. крупы, 2 фунта картофеля или одна сороковая ведра капусты въ день. Но, въ дѣйствительности, они получаютъ меньше, что зависитъ частью отъ злоупотребленій, частью отъ системы экономій, изъ которыхъ «иногда покрываются растраты и недочеты въ нѣсколько тысячъ пудовъ, какъ это, наприм., было въ Тымовскомъ и Александровскомъ округахъ» [19]). Вслѣдствіе плохой усвояемости животной пищи въ соленомъ видѣ, главнымъ пищевымъ веществомъ для каторжнаго является хлѣбъ. Но погоня за экономіями заставляетъ тюремную администрацію увеличивать припекъ, который, по свидѣтельству выше цитированнаго автора, достигаетъ въ среднемъ 18 фунтовъ на пудъ муки, а иногда и больше, вслѣдствіе чего хлѣбъ, даже если онъ хорошо выпеченъ, получается жидкій и мало питательный. Нерѣдко также въ пищу арестантамъ поступаетъ провизія и не вполнѣ доброкачественная, что зависитъ какъ отъ недобросовѣстности поставщиковъ, такъ и отъ небрежности храненія провизіи. Въ 1894 г., наприм., изъ поставленной подрядчикомъ Вологдинымъ солонины 53 бочки были признаны совершенно не годными, а въ остальныхъ «тара не сходилась съ вѣсомъ на бочкахъ». Но такъ какъ степень испорченности солонины была не одинакова, то изъ этихъ 53 бочекъ, путемъ отдѣленія менѣе испорченныхъ кусковъ, было отсортировано 18, и хотя заключавшаяся въ послѣднихъ солонина «оказалась издающей кислый запахъ», а куски были такъ дряблы, что «разминались въ пальцахъ какъ мякишъ», тѣмъ не менѣе солонина была тюрьмою принята и съѣдена арестантами [20]). Бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія А. П. Саломонъ при ревизіи тюремныхъ складовъ нашелъ, что «бочки съ солониной отсырѣваютъ, и она въ нихъ быстро портится, а хлѣбъ и мука волжки, съ признаками затхлости. Оказывается, что при болѣе продолжительномъ храненіи эти предметы приходятъ въ совершенную негодность», и дѣйствительно,

въ онорскомъ и рыковскомъ тюремныхъ складахъ имъ было найдено нѣсколько бочекъ испорченой солонины и сотни пудовъ негодной въ пищу муки [21]). То же свидѣтельствуетъ и военный губернаторъ о. Сахалина, который нашелъ, что въ складахъ дуйской тюрьмы «вмѣстѣ съ мукой хранится забракованная солонина, издающая рѣзкій гнилостный запахъ и старые полушубки, покрытые толстымъ слоемъ плѣсени, и, какъ оказалось, не дезинфецированные, что не можетъ не отозваться и на доброкачественности муки» [22]).

Въ снабженіи арестантовъ одеждою также соблюдается система экономій, вслѣдствіе чего, по отзыву А. П. Саломона, «одежда, бѣлье и обувь часто бываютъ маломѣрными» и такъ какъ на доброкачественность постройки ихъ въ мастерскихъ обращается слишкомъ мало вниманія, то всѣ вещи и въ особенности коты быстро расползаются по швамъ и бросаются, несмотря на полную пригодность матеріала. Но послѣдній не всегда бываетъ достаточно свѣжій. По свидѣтельству того же автора, въ срединѣ нѣкоторыхъ развернутыхъ по его приказанію кусковъ холста найдена была плѣсень и гниль, а въ рыковскомъ и въ онорскомъ складахъ обнаружено было 10 кусковъ совершенно почернѣвшаго, разваливающагося холста. Кромѣ того, одежда выдается безъ соображенія степени необходимости въ ней для каждаго арестанта. «Отсюда происходитъ, что освобожденные по разнымъ случаямъ отъ работы и болѣе бережливые арестанты имѣютъ по нѣсколько перемѣнъ почти новой одежды, а работающіе въ тайгѣ и рудникахъ ходятъ въ лохмотьяхъ» [23]).

Яркой характеристикой вліянія всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій являются данныя о смертности и заболѣваемости ссыльнаго населенія. Общій процентъ смертности на Сахалинѣ не великъ и не превышаетъ 15 съ небольшимъ человѣкъ на тысячу населенія. Это объясняется отсутствіемъ на Сахалинѣ эпидемій, а также значительною эмиграціею ссыльныхъ путемъ легальнаго перечисленія на материкъ и побѣговъ. Но распредѣленіе смертныхъ случаевъ по возрастамъ представляетъ весьма характерное явленіе. Наибольшей смертностью отличается рабочій возрастъ отъ 20 до 50 лѣтъ, на который падаетъ 69,8% всѣхъ смертей, за нимъ слѣдуютъ дѣти и юноши, дающіе 19,3% и, наконецъ, старики составляющіе всего только 10,9% общей смертности [24]). Такимъ образомъ самый цвѣтущій возрастъ на Сахалинѣ подвергается наиболѣе неблагопріятнымъ вліяніямъ, что, несомнѣнно, имѣетъ ближайшую связь съ устройствомъ каторги. Къ сожалѣнію, медицинскіе отчеты не даютъ свѣдѣній о распредѣленіи смертныхъ случаевъ между отдѣльными группами населенія; изъ имѣющихся же по этой части данныхъ усматривается слѣдующее. За четырехлѣтіе съ 1890 по 1893 годъ смертность на тысячу давала для каторжныхъ отъ 26 до 37 человѣкъ, для поселенцевъ 19 — 25 человѣкъ, для крестьянъ 10—20 человѣкъ и для свободнаго населенія всего только 2 человѣка на тысячу [25]). Такое же распредѣленіе смертности по отдѣльнымъ группамъ населенія констатируетъ и отчетъ доктора Супруненка за 1885 г. [26]),

являясь такимъ образомъ указаніемъ, какой стойкостью отличаются неблагопріятныя условія жизни на каторгѣ.

Заболѣваемость очень велика. На 32,198 человѣкъ ссыльнаго населенія въ 1901 году было 41,666 заболѣваній, слѣдовательно, 9,468 человѣкъ болѣли болѣе одного раза въ годъ. Наибольшій процентъ заболѣваній падаетъ на болѣзни желудочно-кишечныя (16,3%) и болѣзни легкихъ (12,2%), далѣе слѣдуютъ: болѣзни травматическія (11,4%), ревматизмъ и нервныя болѣзни (11,2%) и инфекціонныя (7,1%) [27]). По свидѣтельству бывшаго завѣдующаго медицинскою частью на Сахалинѣ, доктора Поддубскаго, желудочно-кишечный катаръ существуетъ почти поголовно у всѣхъ ссыльныхъ. На этой почвѣ легко развиваются и другія заболѣванія, зависящія отъ упадка питанія: малокровіе въ связи съ истощеніемъ тѣла, воспріимчивость къ легочнымъ заболѣваніямъ, которыя имѣютъ наклонность переходить въ хроническія формы, заканчивающіяся то эмфиземою легкихъ, то прямо туберкулезомъ. На обѣднѣніе арестантскаго организма, по мнѣнію доктора Лобаса, указываютъ тѣ долгіе сроки, которые требуются для излѣченія самыхъ неважныхъ заболѣваній. Часто наблюдаются отеки ногъ, необусловленные какимъ-нибудь страданіемъ внутреннихъ органовъ и зависящіе исключительно отъ ненормальнаго состава крови [28]).

Съ понятіемъ «каторга» мы съ дѣтскихъ лѣтъ привыкли соединять представленіе о мрачныхъ рудникахъ и тяжкой, почти непосильной, изнурительной работѣ. Что касается Сахалина, то это представленіе не совсѣмъ отвѣчаетъ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ тяжкимъ можно назвать только трудъ такъ называемыхъ «бревнотасковъ». Это рабочіе, отряжаемые въ лѣсъ для вырубки бревенъ, которые затѣмъ они должны волокомъ притащить на себѣ въ тюрьму, часто за нѣсколько верстъ. Это очень изнурительный трудъ, тяжесть котораго увеличивается еще тѣмъ, что арестантскія лохмотья плохо защищаютъ отъ зимней стужи и отъ болотной сырости, въ которой приходится работать. Вымокшіе съ ногъ до головы арестанты не имѣютъ даже возможности по возвращеніи въ тюрьму замѣнить свое рубище сухимъ платьемъ, потому что другой перемѣны нѣтъ. Рудничныя работы сосредоточены исключительно въ мѣстахъ добычи каменнаго угля и не отличаются продолжительностью. Начинаются работы въ 6—7 час. утра и оканчиваются не позднѣе часа дня [29]). Этими двумя видами, за небольшими исключеніями, и исчерпываются собственно «тяжкія» работы.

Я не стану говорить здѣсь о нравственномъ значеніи труда. Если паразитизмъ вообще ведетъ въ вырожденію личности, то тѣмъ болѣе вреденъ онъ въ средѣ, которая въ значительномъ числѣ своихъ представителей и на каторгу попала только потому, что отбилась отъ труда. Поэтому трудъ въ режимѣ жизни каторжныхъ долженъ былъ бы занимать преобладающее значеніе; въ особенности необходимъ онъ на Сахалинѣ, гдѣ тюрьма должна служить подготовительной школой труда для будущихъ поселенцевъ, отъ трудоспособности которыхъ зависитъ все будущее острова. Посмотримъ же, какъ организованы работы на Сахалинѣ и поскольку онѣ способны воз-

родить преступниковъ къ новой жизни. Для этого обратимся къ официальнымъ даннымъ, обработаннымъ въ слѣдующей табличкѣ [30]):

Было задолжено арестантскихъ поденщинъ.

На работы производительныя:	Въ 1899 г.	Въ 1900 г.	Въ 1901 г.
На горныя работы	117,150	116,914	67,222
» заготовку строительн. матер. . .	19,986	77,156	73,723
» строительныя и ремонтныя . . .	84,157	82,523	51,804
» работы дорожныя	40,419	28,430	23,752
» ремесленныя	740,330	152,038	141,437
Итого . .	1.002,042	457,061	357,938
На работы хозяйственныя	899,290	744,622	699,857
Всего	1.901,332	1.210,683	1.057,795

Къ сожалѣнію, «Обзоры» не даютъ никакихъ свѣдѣній о томъ, сколько именно въ среднемъ было годовыхъ рабочихъ среди каторжныхъ, а потому, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ не представляется возможнымъ сдѣлать точныхъ выводовъ о томъ, въ какой мѣрѣ, дѣйствительно, использованъ трудъ каторжныхъ. Попытаемся однако подойти къ рѣшенію этого вопроса хотя приблизительно и для этого допустимъ, что въ 1899 году трудъ каторжныхъ былъ использованъ въ полной мѣрѣ, а затѣмъ посмотримъ, въ какомъ отношеніи къ этому труду находится трудъ каторжныхъ за два послѣдующихъ года. Въ 1899 году всѣхъ ссыльно-каторжныхъ было на островѣ 5,822 человѣка и всѣми ими въ общей сложности затрачено было 1.901,332 поденщины на разнаго рода работы. Въ 1900 году число каторжныхъ уменьшилось на 626 человѣкъ, или на 10,7%, число же поденщинъ, затраченныхъ къ этомъ году каторжными, уменьшилось на 36,3%, т.-е. число рабочихъ, сравнительно съ 1899 г. уменьшилось на 25,6%. Стало быть, въ 1900 г. вовсе не было занято работами 1,490 человѣкъ изъ 5,196 наличнаго числа каторжныхъ, или 28,7% всего состава каторги. Въ 1901 г. числилось всего каторжныхъ 5,663 человѣка, менѣе противъ 1899 г. на 2,7%, поденщинъ же въ этомъ году было затрачено меньше противъ 1899 г. на 44,3%, стало быть, сравнительно съ этимъ послѣднимъ годомъ, затрачено было рабочей силы на 41,3% менѣе, что соотвѣтствуетъ 2,404 человѣкамъ, или почти 42,5% всей каторги. Такимъ образомъ мы видимъ, что изъ числа всѣхъ каторжныхъ вовсе не занято никакими работами отъ 28,7% до 42,5%; но такъ какъ мы допустили, что въ 1899 г. была использована вся рабочая сила каторжныхъ, чего, конечно, въ дѣйствительности не было, то приведенныя процентныя отношенія могутъ имѣть значеніе только минимальныхъ.

Обращаясь къ частностямъ приведенной выше таблицы, мы видимъ, что всѣ работы каторжныхъ подраздѣляются на два крупныхъ отдѣла: работы производительныя и работы хозяйственныя, причемъ послѣднія составляютъ для 1900 года 63,3, а для 1901 года даже 67,9% всѣхъ по-

денщинъ. Посмотримъ же, въ чемъ состоятъ эти работы, на которыя затрачивается до двухъ третей арестантскихъ поденщинъ. Изъ числа хозяйственныхъ работъ употреблено на сельско-хозяйственныя работы въ 1900 году 9,410, а въ 1901 9,413 поденщинъ, на заготовку дровъ въ 1900 г. 102,781 и въ 1901—79,902 поденщины. Обѣ эти рубрики составляютъ для 1900 года 15,1% всѣхъ хозяйственныхъ работъ, а для 1901 г. 13%. Остальныя свыше 600 тысячъ поденщинъ употреблены на работы, извѣстныя подъ именемъ «разныхъ», къ которымъ относятся: «работы по обезпеченію арестантовъ пищей, по доставкѣ дровъ и воды въ различныя казенныя зданія, по поддержанію порядка и чистоты, по обслуживанію лазаретовъ, по окарауливанію окладовъ и пр. [31]), т.-е. тѣ именно работы, «наряжаемые на которыя люди заняты весьма короткое время, а потому, отвыкая мало-по-малу отъ физическаго труда, утрачиваютъ способность по окончаніи срока наказанія обезпечить свое существованіе» [32]). Такъ охарактеризовалъ значеніе этого вида работъ бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія, г. Саломонъ; но чтобы его слова не показались голословными, я приведу нѣсколько иллюстрирующихъ ихъ фактовъ изъ «рапортички о состояніи Александровской тюрьмы на 1 марта 1902 г.». Такія рапортички ежедневно подаются начальнику округа начальникомъ тюрьмы и имѣютъ совершенно офиціальный характеръ. На 2,023 преступника разряда исправляющихся приходится: на работахъ 913 человѣкъ, или 45,1%, разной прислуги 598 человѣкъ, или 29,5%, больныхъ, слабыхъ и неспособныхъ 243, или 12,5% и не занятыхъ никакими работами 259 человѣкъ, или 12,9%. Послѣдняя рубрика распредѣляется такъ: по станкамъ 40 чел., временно уволенныхъ 40 чел. и женщинъ 179. Подъ рубрикою прислуги мною соединены лица, носящія обязанности: старостъ и камерщиковъ, сторожей при казенныхъ зданіяхъ, конюховъ и бычниковъ, прислуги въ александровской лѣчебницѣ, околоткѣ, въ михайловской лѣчебницѣ и при пріютѣ, писцовъ и разсыльныхъ при разныхъ учрежденіяхъ, прислуги у чиновниковъ, хлѣбопековъ, хлѣборѣзовъ и кашеваровъ, уборщиковъ ретирадныхъ мѣстъ, музыкантовъ, пѣвчихъ и, наконецъ, пожарныхъ. Чтобы судить, насколько необходимы всѣ эти разряды прислуги и насколько они могутъ быть заняты, достаточно сказать, что на 98 человѣкъ больныхъ въ лазаретѣ и околоткѣ числится прислуги 86 человѣкъ, а на 893 заключенныхъ въ тюрьмѣ арестантовъ считается 175 человѣкъ прислуги, или 28,5% всего состава тюрьмы. Весьма характерно распредѣленіе на работы каторжныхъ дуйской тюрьмы, гдѣ содержатся исключительно сильные, здоровые люди, предназначаемые для «тяжкихъ» каменноугольныхъ работъ въ рудникахъ. Изъ 585 человѣкъ средняго суточнаго состава этой тюрьмы въ 1897 году назначалось на производство спеціально горныхъ работъ 145 человѣкъ, на разныя хозяйственныя занятія для потребностей рудника 124 человѣка, на внутреннія по тюрьмѣ работы 94 человѣка, на внѣшнія работы для надобностей тюрьмы 115 человѣкъ, больныхъ, неспособныхъ и слабыхъ 107 человѣкъ. «Такимъ образомъ,—

говоритъ А. П. Саломонъ,—въ тюрьмѣ, предназначенной для содержанія отборныхъ по состоянію здоровья каторжныхъ, обращенныхъ номинально исключительно на болѣе тяжкія работы, отбывающихъ такія работы оказывается въ дѣйствительности лишь 26,12% [33]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что свыше 40% всей каторги вовсе ничего не дѣлаютъ, изъ остальныхъ двѣ трети числятся по такимъ работамъ, которыя, занимая мало времени и требуя очень незначительныхъ усилій, только пріучаютъ къ бездѣльничанью и лишь около 20% всей каторги заняты трудомъ, который оправдываетъ свое названіе. Но едва ли трудъ этихъ пасынковъ каторги можетъ имѣть для нихъ морализующее значеніе. Одни изъ нихъ, какъ бревнотаски, заняты такимъ тяжелымъ трудомъ, который превышаетъ средніе силы и безъ того уже ослабленнаго тюремнымъ режимомъ организма; для нихъ онъ является проклятіемъ, казнью, которая медленно, но вѣрно ведетъ ихъ по пути разрушенія къ смерти. Другихъ озлобляетъ созерцаніе столькихъ дармоѣдовъ, которые умѣютъ прожить на казенныхъ харчахъ, не изнуряя себя непосильнымъ трудомъ. Горькое чувство обиды, попранной справедливости, которая высоко цѣнится даже и на каторгѣ, дѣлаетъ ненавистнымъ этотъ подневольный, ничѣмъ не вознаграждаемый трудъ и создаетъ глубоко пессимистическое отношеніе къ его роли какъ источника жизненныхъ благъ.

Но въ чемъ же причина такой ненормальной постановки труда, этого главнѣйшаго орудія воздѣйствія на преступника, какъ съ репрессивной такъ и съ пенитенціарной точекъ зрѣнія? Для разрѣшенія этого вопроса обратимся къ фактамъ. Одною изъ особенностей сахалинской тюремной жизни является преобладающее въ ней значеніе низшаго персонала служащихъ надзирателей, по представленіямъ которыхъ производится нарядъ на работы всѣхъ арестантовъ за исключеніемъ немногочисленныхъ мастеровыхъ. Они же распредѣляютъ каторжныхъ по работамъ, и они только имѣютъ за ними надзоръ какъ въ стѣнахъ тюремъ, такъ и внѣ оныхъ [34]). Тюремные надзиратели вербуются изъ мѣстнаго населенія, т.-е. изъ лицъ, въ свое время прошедшихъ всѣ степени каторги и ссылки, изъ военнослужащихъ мѣстныхъ командъ и даже изъ ссыльно-поселенцевъ. По свѣдѣніямъ 1899 года въ числѣ надзирателей 47% принадлежало къ военнослужащимъ и 11% къ поселенцамъ, причемъ среди надзирателей обращаетъ вниманіе значительный процентъ неграмотныхъ. Такъ, въ 1899 году они составляли 9,23% всего числа надзирателей, въ 1900 г. 13,8%, а въ 1901 г. даже болѣе 14% [35]). Вотъ какъ характеризуетъ надзирателей изъ военно-служащихъ официальный Обзоръ: «совершенно неопытные солдаты, взятые изъ мѣстныхъ командъ, исполняя обязанности надзирателей, не могутъ принести существенной пользы въ дѣлѣ поддержанія порядка и дисциплины въ тюрьмахъ, а напротивъ, сами же незамѣтно для самихъ себя подпадаютъ подъ вліяніе опытныхъ старыхъ каторжныхъ и, дѣйствуя подчасъ въ руку арестантовъ, деморализуютъ своимъ неумѣлымъ обращеніемъ ссыльно-каторжную массу» [36]). Что касается надзирателей изъ

ссыльныхъ, то бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія, А. П. Саломонъ, вотъ какъ отзывается о нихъ. «Послѣднюю особенность сахалинскаго надзора составляютъ такъ называемые «техническіе надзиратели». Это завѣдующіе мастерскими, въ большинствѣ случаевъ поселенцы изъ окончившихъ на Сахалинѣ же сроки каторжныхъ работъ, обезпеченіе участи которыхъ составляетъ почему-либо предметъ особой заботливости начальства. Собственно техническое ихъ значеніе почти всегда подлежитъ большому сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе они получаютъ до 75 р. содержанія (въ мѣсяцъ) изъ общаго надзирательскаго кредита. Къ сожалѣнію, ссыльные занимаютъ значительную часть должностей въ составѣ даже общаго тюремнаго надзора. Этимъ и объясняется низкій нравственный уровень надзирателей и ихъ малая служебная пригодность» [37]). «Изъ дѣлъ видно, что надзиратели увольняются сравнительно довольно часто и причинами увольненія между прочимъ служатъ: пьянство, картежная игра съ каторжными, нанесеніе побоевъ арестантамъ, оказаніе содѣйствія при побѣгахъ, неправильное полученіе водки и проч. [38]). При такомъ составѣ надзирателей безпорядки въ тюрьмахъ достигаютъ совершенно невѣроятныхъ предѣловъ. Вотъ какъ, напримѣръ, характеризуетъ сахалинскій военный губернаторъ тюрьмы для преступниковъ разряда исправляющихся: «Какъ далеко ушла практика жизни отъ строгихъ установленій соотвѣтствующихъ статей закона, видно изъ того, наприм., что тюрьмамъ для исправляющихся, благодаря незаконной свободѣ въ нихъ заключенныхъ, придана мѣткая кличка «вольныхъ тюремъ». Названіе это какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ образу жизни содержащихся въ тюрьмахъ для исправляющихся и эти тюрьмы напоминаютъ всего ближе постоялые дворы и ночлежные дома, такъ какъ, запираясь только на ночь, онѣ открыты въ теченіе всего дня и заключенные въ нихъ ссыльно-каторжные не отбываютъ въ сущности присужденнаго имъ по суду наказанія» [39]). Другимъ приказомъ военный губернаторъ констатируетъ процвѣтаніе въ тюрьмахъ майдановъ, этихъ тюремныхъ лавочекъ, гдѣ безпрепятственно продается все, что угодно: отъ хлѣба до водки и картъ. Вольныя тюрьмы являются притономъ для всякаго бродячаго люда, который заходитъ въ тюрьму, какъ въ клубъ, а часто и скрывается тамъ отъ розысковъ начальства. Вотъ нѣсколько служебныхъ записокъ, подписанныхъ начальникомъ александровской тюрьмы, весьма ярко характеризующихъ тюремные порядки: «принять въ полицейскій арестъ взятаго въ тюрьмѣ исправляющихся неизвѣстнаго человѣка, именующаго себя ссыльнымъ крестьяниномъ п. Александровскаго Крячкинымъ Алексѣемъ, провѣрить его личность». «Принять въ полицейскій арестъ взятаго въ тюрьмѣ неизвѣстнаго человѣка, называющагося поселенцемъ Михаиломъ Шелхоновымъ». «Прошу принять ссыльно-поселенца Побережнаго, задержаннаго въ тюрьмѣ пьянаго, виновнаго въ картежной игрѣ». Арестованный доставленъ въ полицейскій участокъ въ 10 часовъ ночи и обнаруженъ въ тюрьмѣ вслѣдствіе затѣянной имъ тамъ драки изъ-за картъ. Въ концѣ 1901 г. въ вольной тюрьмѣ былъ задержанъ скрывав-

шійся отъ полиціи бродяга Ганечкинъ. Извѣстный рецидивистъ и убійца Широколобовъ, приговоренный къ петлѣ и увернувшійся отъ нея вслѣдствіе замѣны смертной казни вѣчной каторгой, цѣлую зиму скрывался въ вольной тюрьмѣ, гдѣ находилъ и пріютъ и пищу. Не лучше порядки и въ тюрьмѣ для испытуемыхъ, такъ называемой «кандальной». Такъ, въ 1902 году въ ней задержанъ былъ неизвѣстнаго званія человѣкъ, который, какъ оказалось, былъ арестантъ той же тюрьмы, считавшійся въ бѣгахъ и спокойно проживавшій въ ней около мѣсяца, необнаруженный начальствомъ. Такіе порядки не есть что-нибудь случайное, временное: они существовали искони и пережили длинный рядъ смѣнившихъ другъ друга чиновниковъ. Бывшій смотритель александровской тюрьмы, г. Ливинъ, свидѣтельствуетъ, что въ 1887 году въ камерѣ для подслѣдственныхъ арестантовъ содержались осужденные за важныя преступленія рецидивисты. Оковы ихъ были такъ свободны, что легко снимались, а потому они надѣвали ихъ только на время посѣщенія тюрьмы начальствомъ. Кромѣ того они пользовались лучшею пищею въ ущербъ другимъ арестантамъ и вовсе не выводились на работы потому, что надзиратели ихъ боялись. «Около одной трети каторги, все лучшіе работники, по свидѣтельству того же автора, были отпущены надзирателемъ Катыревымъ на оброкъ; десятки числившихся въ бѣгахъ арестантовъ свободно укрывались въ казармахъ тюрьмы, получая въ ней горячую пищу и даже хлѣбъ. Днемъ эти люди проводили время на частныхъ работахъ или въ прогулкахъ, а ночью являлись въ казармы [10]). Катыревъ, наконецъ, преданъ былъ суду за свои злоупотребленія и приговоренъ къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ. Но такіе случаи рѣдки. Обыкновенно самые крупные проступки надзирателей караются только увольненіемъ отъ должности. Такъ, въ 1902 году было обнаружено, что одинъ изъ надзирателей при женской тюрьмѣ торговалъ тѣломъ ввѣренныхъ его попеченію арестантокъ, впуская по ночамъ мужчинъ съ платою по пятидесяти коп. за визитъ. Этотъ фактъ, благодаря случаю, получилъ широкую огласку, и тѣмъ не менѣе надзиратель поплатился за это гнусное дѣло только удаленіемъ отъ должности.

Таковы факты, характеризующіе положеніе каторги и роль истинныхъ ея хозяевъ-надзирателей. Состоя изъ людей малограмотныхъ и даже вовсе безграмотныхъ, съ незначительнымъ нравственнымъ багажомъ и при полномъ отсутствіи представленія о дѣйствительной роли и значеніи каторги, надзиратели ко всему этому страшно деморализованы той властью, которую они имѣютъ надъ безправной массой арестантовъ. Для нихъ понятіе «лишенный правъ» вовсе не фикція, и ежедневно въ массѣ мелочей надзиратель имѣетъ случай доказать ссыльно-каторжному, что если судъ лишилъ его гражданскихъ правъ, то только отъ его произвола зависитъ признаніе за нимъ правъ человѣческихъ. Вотъ въ чемъ лежитъ проклятіе сахалинской каторги и ключъ къ разгадкѣ всѣхъ ея неустройствъ. На каторгѣ тяжекъ не трудъ, а грубый произволъ. Тяжко это отрицаніе всякихъ че-

ловѣческихъ правъ, сознаніе которыхъ не покидаетъ однако даже самаго одичавшаго изъ арестантовъ.

Нужно ли говорить что-нибудь о морализующемъ значеніи каторжнаго труда при этихъ условіяхъ? Вотъ какъ резюмируетъ свои впечатлѣнія отъ сахалинской каторги бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія А. П. Саломонъ: «Отличительною чертою каторжнаго труда мнѣ представляется отсутствіе всякой системы въ устройствѣ работъ, которыя не находятся ни въ какой органической связи съ цѣлями колонизаціи, не служатъ средствомъ дисциплины, не направлены къ тому, чтобы дать каторжному возможность подготовиться къ жизни на поселеніи и скопить для этого хотя бы маленькія денежныя средства». «Объ исправительномъ значеніи каторги,—говоритъ далѣе тотъ же авторъ,—не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ того, все, что мнѣ удалось узнать о внутренней жизни сахалинскихъ тюремъ, приводитъ меня къ глубокому убѣжденію, что пребываніе въ этихъ тюрьмахъ безусловно гибельно не только для людей нравственно неустойчивыхъ, но и для тѣхъ, которыхъ привело на каторгу несчастное стеченіе обстоятельствъ или преступленіе характера формальнаго, каковыми являются многія, даже тяжкія, нарушенія воинской дисциплины. Вредъ тюремной жизни усугубляется еще тѣмъ дурнымъ примѣромъ, который подаютъ арестантамъ иные изъ ближайшихъ начальниковъ—примѣромъ лжи, нечестности, казнокрадства и безнравственности» [41]).

А. Сѣичъ.

---

[1]) *Тюремный Вѣстникъ* 1895 г., № 5, стр. 239.

[2]) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ". *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 1, стр. 22.

[3]) *Тюремный Вѣстникъ* 1895 г., № 5, стр. 237.

[4]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1884 г., стр. 95.

[5]) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ". *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 1, стр. 22.

[6]) *А. Щербакъ*: „По морямъ и океанамъ". *Новое Время* 1886 г., № 3818.

[7]) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ". *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 1, стр. 22.

[8]) *А. В. Щербакъ*: „Перевозка ссыльно-каторжныхъ на о. Сахалинъ моремъ" *Тюремный Вѣстникъ* 1893 г., № 6, стр. 242.

[9]) Тамъ же *Тюремный Вѣстникъ*. № 8, стр. 301.

[10]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1885 г., стр. 194.

[11]) *Д. А. Дриль*: „Ссылка на о. Сахалинъ", стр. 16.

[12]) *А. П. Саломонъ*, стр. 33.

[13]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1880—1881 г., стр. 81.

[14]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1882 г., стр. 24.

[15]) Обзоръ острова Сахалина за 1900 и 1901 годы вѣдомость № 136.

[16]) Отчетъ главнаго тюремнаго отдѣленія за 1896 г., стр. 167—168.

[17]) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 г., стр. 89.

[18]) Обзоръ, стр. 10—11.

[19]) *Д. А. Дриль*: „Ссылка на Сахалинъ". Отчетъ о командировкѣ, представленный и. о. юрисконсульта, стр. 21.

[20]) Тамъ же, стр. 19—20.

[21]) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ". *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 1, стр. 28.

[22]) Приказъ по острову 29 августа 1898 г., № 184, *Тюремный Вѣстникъ* 1900 г., № 1, стр. 57.

[23]) *А. П. Саломонъ*, стр. 28—30 и 31.

[24]) Сахалинскій календарь на 1894 г., стр. 123.

[25]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1894 г., стр. 161—164.

[26]) Тоже за 1885 г., стр. 193—194.

[27]) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 г., стр.

[28]) *Д. А. Дриль*: „Ссылка на о. Сахалинъ", стр. 17.

[29]) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ". *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 1, стр. 37.

[30]) Обзоръ о. Сахалина за 1899 г., стр. 25 — 24. Тоже за 1900 — 1901 гг., стр. 18—32.

[31]) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 гг., стр. 32.

[32]) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ". *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 1, стр. 33.

[33]) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ". *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 1, стр. 32—33.

[34]) Тамъ же.

[35]) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 гг., стр. 17.

[36]) Тоже за 1899 г., стр. 15.

[37]) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ". *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 1, стр. 42.

[38]) *Д. А. Дриль*: „Ссылка на Сахалинъ". Отчетъ о командировкѣ, представленный и. о. юрисконсульта, стр. 38.

[39]) Приказъ по острову 1899 г., № 28. *Тюремный Вѣстникъ* 1900 г., № 1, стр. 45.

[40]) *Линевъ*: „Записки сахалинскаго чиновника". *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 9, стр. 479—484.

[41]) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ". *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 1, стр. 38, № 2, стр. 74.

По берегамъ Кореи *).

(Очеркъ.)

VIII.

Быстро промелькнуло время, которымъ располагалъ я для осмотра Сеула и его окрестностей.

Съ утреннимъ поѣздомъ я вернулся снова въ Чемульпо и на сампанкѣ переправился на «Genkai-maru», который уже разводилъ пары.

Когда входишь на морской пароходъ, готовый къ отплытію, всегда испытываешь особое ощущеніе, и жуткое, и въ то же время пріятное.

Жуткое потому, что оставляешь землю, съ которою связанъ тысячами крѣпкихъ, хотя и невидимыхъ нитей, пріятное потому, что въ безпредѣльномъ просторѣ моря видишь необычную для земли мощную свободу, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемую ширь и даль.

Общество на пароходѣ значительно увеличилось вновь прибывшими. Большинство было японцы, отправлявшіеся черезъ Фузанъ въ Нагасаки, было нѣсколько англичанъ туристовъ-охотниковъ, которые соединяли путешествіе по Кореѣ съ удовольствіемъ охоты и пробирались въ Гензанъ. Были туристы американцы и неизмѣнные миссіонеры.

День былъ солнечный, ясный. Все общество размѣстилось на спардекѣ, оживленно бесѣдуя по группамъ.

Но вотъ и послѣдніе пассажиры прибыли, трапъ поднятъ, данъ послѣдній свистокъ, и «Genkai-maru» снялся съ якоря, плавно пошелъ мимо зеленыхъ острововъ въ открытое море.

Путь отъ Чемульпо на Фузанъ чрезвычайно интересенъ въ томъ отношеніи, что приходится идти все время, какъ по аллеѣ, между шхеръ и острововъ. Въ хорошую погоду это доставляетъ чрезвычайное удовольствіе, такъ какъ острова, скалы не только многочисленны, но и чрезвычайно разнообразны.

Встрѣчаются то голые и сѣрые, то крохотные, но покрытые пышной

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 1904 г.

растительностью, то большіе съ воздѣланными полями, то пустынные, но ярко окрашенные въ разноцвѣтныя прослойки почвы.

Хотя путь нашъ лежалъ прямо на Фузанъ, но вслѣдствіе вновь открытаго порта для иностранной торговли Мок-по, «Genkai-maru» долженъ былъ зайти, хотя и не имѣлъ еще никакого груза, въ этотъ портъ.

Мок-по былъ открытъ для европейцевъ 1 октября 1897 г. и только что начиналъ обстраиваться.

Мок-по находится въ шести часахъ пути отъ Чемульпо и представляетъ собою одну изъ красивѣйшихъ мѣстностей Кореи. Входъ въ бухту съ моря напоминаетъ входъ въ широкую рѣку, плавно текущую между двухъ покрытыхъ растительностью возвышенныхъ береговъ. Но пройдя этотъ входъ, мы сразу вошли въ обширный заливъ, окаймленный съ трехъ сторонъ возвышенностями, а съ четвертой, гдѣ виднѣлся берегъ, шла равнина, извиваясь дорогой въ синѣющія вдали горы.

Портъ Мок-по находится въ провинціи Чулла-до, одной изъ самыхъ живописныхъ по природѣ, здоровыхъ по климату и богатыхъ по производительности. Мокъ-по представляетъ собою превосходную гавань и прекрасную якорную стоянку для самыхъ большихъ судовъ.

Недавно открытый Мокъ-по быстро, однако, измѣнилъ уже свою физіономію и изъ бѣднаго корейскаго городишка съ глинобитными хатками преобразился въ чистенькій, благоустроенный городокъ съ шоссированными и правильно распланированными улицами.

Мок-по, главнымъ образомъ, населяютъ японцы, которыхъ насчитываютъ до 1,200 человѣкъ.

Окрестности Мок-по богаты дичью. Здѣсь водятся во множествѣ не только дикіе гуси, фазаны, утки, но много кабановъ, тигровъ.

Въ Мок-по мы простояли недолго и направились на Фузанъ.

Незамѣтно спустился тихій вечеръ, засверкало яркими звѣздами усѣянное небо, море было тихо и временами свѣтилось на далекія пространства фосфоризаціей, принимая лунный свѣтъ.

Въ Фузанъ мы пришли утромъ и стоянка наша должна была быть болѣе сутокъ.

Фузанъ представляетъ собою не только одинъ изъ бойкихъ портовъ, но и одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ корейскихъ городовъ, стоявшихъ всегда на пути японцевъ во время ихъ нашествій на Корею.

Находится Фузанъ на юго-восточномъ берегу Кореи и для японцевъ былъ открытъ по договору въ 1876 году, а для остальныхъ европейцевъ въ 1883 г.

Бухта Фузана глубока, обширна, съ прекрасной якорной стоянкой и чрезвычайно живописно окаймлена гористыми берегами.

Въ настоящемъ Фузанъ состоитъ изъ небольшого туземнаго городка, имѣющаго до 500 домовъ и населеннаго пятью тысячами корейцевъ и японцевъ, европейски обстроеннаго сетльмента, управляемаго выборными

отъ общества подъ предсѣдательствомъ японскаго консула. Японскій Фузанъ благоустроенъ, имѣетъ водопроводы изъ горныхъ ключей, имѣетъ полицію, поддерживающую порядокъ въ сетльментѣ.

Населеніе японскаго Фузана считалось въ 1902 г. 6,358 человѣкъ, изъ которыхъ японцевъ было 6,249, китайцевъ 85 и европейцевъ 22.

Туземный Фузанъ окруженъ стѣной и расположенъ по взгорью надъ бухтой. Фузанъ считается уѣзднымъ городомъ и имѣетъ важное значеніе, какъ складъ казеннаго риса, помѣщающагося въ императорскихъ магазинахъ.

Главный городъ провинціи Тонг-ой-фу находится въ восьми верстахъ разстоянія. Областной городъ торговый, богатый, имѣетъ до 33 тыс. населенія. Климатъ провинціи и Фузана здоровый.

Торговлю ведетъ Фузанъ съ Владивостокомъ, Японіей и Шанхаемъ. Съ этими пунктами онъ соединенъ правильнымъ пароходнымъ сообщеніемъ, а съ Нагасаки подводнымъ кабелемъ.

«Genkai-maru» долженъ былъ простоять въ Фузанѣ около двухъ сутокъ, такъ какъ имѣлъ много груза для выгрузки и много для нагрузки, да къ тому-жъ долженъ былъ ожидать парохода изъ Японіи, который долженъ принять пассажировъ на Владивостокъ, а «Genkai-maru» долженъ идти въ Японію, въ Нагасаки.

Въ виду этого я съѣхалъ на берегъ и устроился на это время въ чистенькой японской гостиницѣ, что дало мнѣ возможность продолжать ознакомленіе съ корейской жизнью.

Прежде всего я пошелъ на туземный корейскій базаръ, гдѣ всего скорѣе можно въ главныхъ чертахъ ознакомиться съ народомъ. На базарѣ встрѣчаешь всегда людей въ обычной ихъ обстановкѣ, со всей мелочью ихъ жизни, со всей утварью, съ производительностью земли, моря и промышленностью, исходящей изъ рукъ человѣческихъ.

Туземный базаръ былъ въ общемъ столь же бѣденъ, какъ и туземная часть Фузана. По береговой тропѣ, довольно широкой, стоялъ рядъ корейскихъ хатъ, корейскихъ лавчонокъ съ ихъ незатѣйливыми предметами торговли первой необходимости, являвшихся повтореніемъ того, что я ужъ видѣлъ въ Чемульпо. Единственно, что поражало, это обиліе рыбы, свѣжей и сушеной, которая лежала въ корзинахъ и висѣла въ связкахъ надъ входомъ лавки. Свѣжая рыба въ корзинахъ, блестѣвшая на солнцѣ своей серебристой чешуей, распространяла на далекое пространство тотъ своеобразный запахъ моря, который такъ бодритъ усталые нервы жителя города. Свѣжая рыба, которую называли продавцы «тай», была по размѣрамъ распредѣлена на нѣсколько корзинъ, въ которыхъ была маленькая, среднихъ размѣровъ и крупная, достигавшая до поларшина. Наружнымъ видомъ она напоминала сельдь.

Пройдя предмѣстье, поднявшись на полуразрушенную корейскую крѣпостцу, я затѣмъ вернулся на большую, историческую мандаринскую дорогу, которая идетъ отъ Фузана на Сеулъ. По этой дорогѣ искони хо-

дили японскія войска, посольства и попадавшіе въ страну европейцы, потерпѣвшіе у береговъ Кореи кораблекрушеніе.

Фузанъ послужилъ для Кореи дверью, черезъ которую впервые вошли въ эту страну японцы. Съ Фузана началась исторія сношеній Кореи съ Японіей, исторія, которая въ событіяхъ прошлаго не только даетъ ясное пониманіе настоящаго, но даже воспроизводитъ какъ бы снова давно прошедшія времена, вызывая ихъ изъ мрака смерти на свѣтъ жизни.

Въ виду огромности значенія переживаемыхъ нынѣ событій на Дальнемъ Востокѣ, которыя поставили Японію дѣйствующимъ лицомъ самостоятельно, я, пользуясь книгой Griffis'a, уклонюсь отъ передачи своихъ путевыхъ впечатлѣній, чтобы воспроизвести давно прошедшія времена перваго нашествія японцевъ на Корею.

О событіяхъ въ самой Японіи, предшествовавшихъ первому нашествію, Griffis разсказываетъ такъ. Послѣ двухвѣковой анархіи и феодальныхъ неурядицъ, въ Японіи установилось твердое правленіе и выдвинулся герой-воитель Хидейоши, которому подчинились и котораго признали всѣ феодалы и даже гордые владѣтельные князья. Получивъ съ разныхъ сторонъ признаніе своей силы, Хедейоши былъ страшно возмущенъ, что одна Чосенъ (Корея), которую японцы издавна считали своей данницей, не прислала ни посольства съ дарами, ни привѣта.

Въ іюлѣ 1585 года Хедейоши былъ назначенъ регентомъ-правителемъ и принялъ титулъ «тайкунъ». Въ честь своего возвышенія онъ задалъ пиршество, на которомъ присутствовали всѣ выдающіеся феодалы, придворная знать и воители страны. Среди витязей-воителей былъ извѣстный Язухиро, разговаривая съ которымъ, Хедейоши вспоминалъ старыя славныя боевыя времена Японіи и Жинго-Кого, совершившую побѣдоносный походъ во II вѣкѣ на Корею. Признавая, что Корея была данницей Японіи, Хедейоши предложилъ Язухиро отправиться въ Сеулъ и напомнить королю и правительству корейскому объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи Японіи.

Язухиро, старый, бывалый въ бояхъ и походахъ воякa, принялъ предложеніе. Высокаго роста, величественной осанки, сѣдовласый и съ длинной сѣдой бородой, онъ былъ образцомъ суроваго воина и понималъ побѣду, только пріобрѣтенную оружіемъ и мужествомъ, но былъ неспособенъ къ дипломатической игрѣ.

Во время своего путешествія по Кореѣ, направляясь въ Сеулъ, онъ держалъ себя съ корейскими чиновниками надменно.

Высадившись въ Фузанѣ, гдѣ его встрѣтилъ почетный корейскій конвой, вооруженный копьями, Язухиро прежде всего осмѣялъ корейскихъ солдатъ и ихъ начальника.

Привыкнувъ къ суровой простотѣ воина, онъ просто обращался со своими спутниками, но смотрѣлъ свысока и относился оскорбительно къ корейскому чиновничеству, которое съ своей стороны, хотя не понимало японскаго языка, но чувствовало на себѣ насмѣшки японскаго посла.

Прибывъ въ Сеулъ, гдѣ онъ былъ встрѣченъ, какъ посолъ, и гдѣ для него былъ устроенъ торжественный пріемъ и праздникъ съ музыкой и пѣснями корейскихъ гейшъ, Язухиро, когда всѣ подвыпили, обратился къ нѣкоторымъ сановникамъ и со смѣхомъ спрашивалъ ихъ, почему у нихъ, которые свою жизнь проводятъ въ пьянствѣ, развратѣ, забавахъ съ музыкой и пѣснями, не знаютъ ни тяжести походовъ, ни битвъ,—сѣдѣютъ волосы?

Въ заключеніе онъ взялъ корзину, въ которой находился перецъ, и зернами его забросалъ присутствующихъ.

Язухиро былъ возмущенъ всѣмъ видѣннымъ и вынесъ убѣжденіе, что такая страна съ развращеннымъ народомъ и изнѣженнымъ развратнымъ чиновничествомъ не достойна завоеванія. Онъ потребовалъ отъ корейскаго правительства посольства въ Японію, но ему отказали въ этомъ, сославшись на трудности пути.

Вернувшись обратно въ Японію, Язухиро возбудилъ противъ себя гнѣвъ Хедейоши, который обвинилъ стараго воина въ потворствѣ корейцамъ и приписалъ неудачу его умышленной измѣнѣ.

За потворство Кореѣ Язухиро былъ казненъ, а вмѣсто него было отправлено второе посольство въ лицѣ Іошитоши и друга его, монаха Геншо.

Высадившись въ Фузанѣ и прибывъ благополучно въ Сеулъ Іошитоши, прежде чѣмъ принять участіе въ празднествахъ, которыя хотѣли устроить въ честь его прибытія, потребовалъ рѣшенія вопроса о корейскомъ посольствѣ въ Японію.

Корейскіе сановники, не рѣшая вопроса официально, изъявили согласіе отправить посольство, если только японское правительство возвратитъ корейцевъ-преступниковъ, которые служатъ лоцманами у японцевъ-пиратовъ и проводятъ ихъ суда для грабежа корейскихъ береговыхъ деревень.

Іошитоши изъявилъ согласіе, и дѣйствительно въ Сеулъ были доставлены изъ Японіи 14 корейцевъ, которые безъ суда и были корейскимъ правительствомъ обезглавлены, какъ виновные въ грабежахъ.

Корейское правительство было очень довольно быстротой исполненія своей просьбы и оказывало японскому послу полное вниманіе. Для него было сдѣлано празднество; король принялъ Іошитоши въ аудіенціи, подарилъ ему коня изъ своихъ конюшенъ и назначилъ корейское посольство въ Японію, которое должно было отправиться вмѣстѣ съ Іошитоши.

Корейское посольство было многочисленно, имѣло съ собою слугъ, музыкантовъ и пѣвицъ. Прибыло оно въ Токіо въ 1590 г.

Принято было торжественно на аудіенціи Хедейоши, причемъ посольство отправилось на аудіенцію въ паланкинахъ, предшествуемое музыкантами.

Посолъ вручилъ Хедейоши письмо корейскаго короля и королевскіе подарки, которые состояли изъ двухъ корейскихъ коней-пони, 15 соколовъ со всей принадлежностью охоты на птицъ и звѣрей, съ шелковыми шапочками, было много драгоцѣнныхъ лѣкарственныхъ средствъ, письменныхъ принадлежностей и 20 роскошныхъ тигровыхъ шкуръ.

Послѣ аудіенціи посольство оставалось еще въ Токіо, а затѣмъ получило разрѣшеніе отправиться обратно, снабженное письмомъ Хедейоши къ корейскому королю и сопровождаемое Геншо, которому дано было порученіе во что бы то ни стало добиться отъ корейскаго правительства посредничества для начала сношеній Японіи съ Китаемъ.

Обратное посольство высадилось въ Фузанѣ въ 1591 г. и прибыло въ Сеулъ, гдѣ Геншо напрасно, однако, ожидалъ благопріятнаго отвѣта на посредничество Кореи въ сношеніяхъ Японіи съ Китаемъ; корейское правительство совершенно отказало въ своемъ участіи.

Получивъ этотъ отвѣтъ, Хедейоши былъ страшно раздраженъ и рѣшилъ завоевать Корею. Военныя приготовленія японцевъ заняли 1591—1592 гг.

Въ этотъ періодъ времени въ Японіи было уже много миссіонеровъ-іезуитовъ, которые успѣшно насаждали христіанство. Въ числѣ миссіонеровъ былъ португалецъ іезуитъ Louis Frois, который и оставилъ описаніе этого похода.

Японскіе феодалы и дайміо собрали огромныя морскія и сухопутныя силы, которыя численностью простирались до 500 тыс., но для вторженія въ Корею было предназначено 150 тыс., а остальные войска составляли резервъ, собственныя войска Тайко-Хедейоши, носильщиковъ и слугъ, остававшихся при арміи.

Всѣ войска были собраны въ провинціи Нагойя, округѣ Хиценъ, славившейся своимъ производствомъ фарфора во всей Японіи.

Въ войскахъ было много и старыхъ солдатъ-ветерановъ, были и молодые рекруты. Войска были вооружены кремневыми ружьями. Огнестрѣльное оружіе было уже давно извѣстно въ Японіи и составляло въ ея войскахъ громадное преимущество противъ корейцевъ, вооруженныхъ копьями, саблями и луками. Тайко-Хедейоши прилагалъ всѣ старанія, чтобы пріобрѣсти у португальцевъ два военныхъ корабля съ артиллеріей, но это ему не удалось, и войска были разсажены по старому обычаю въ джонкахъ и другихъ туземныхъ судахъ.

По данному сигналу громадная японская флотилія подняла паруса и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, отплыла въ Корею.

Японцы свои паруса сшивали изъ продольныхъ полосъ холста и поднимали ихъ вертикально, тогда какъ китайцы паруса свои сшивали изъ поперечныхъ полотнищъ, что и служило всегда отличіемъ между снаряженіемъ первыхъ и вторыхъ.

Отрядъ каждаго феодала имѣлъ на флагахъ и парусахъ свой девизъ и свою надпись, свои рисунки, придававшіе всей флотиліи ярко-пестрый видъ. На однихъ судахъ развивались флаги, имѣвшіе въ кругѣ изображеніе двухъ перекрестъ лежащихъ полосъ, на другихъ было изображеніе двухъ стрѣлъ или были изображены пальмовые листья, изображеніе солнца, бабочки, вѣера, шахматной доски, а на многихъ другихъ были написаны буддійскія изреченія. Такъ, на знаменахъ арміи Като Кійо-мора, строгаго

буддиста, было изображено: «Наму мійо хо ренойе кіу», т.-е. слава священному лотосу, или слава приносящей спасеніе книгѣ священнаго закона Будды.

Въ каждой флотиліи переднія палубы судовъ были защищены щитами изъ тяжелаго дерева, подъ прикрытіемъ которыхъ находились стрѣлки изъ лука.

Находясь въ защищенномъ пространствѣ, они могли пускать стрѣлы во врага и тогда, когда суда вступали въ бой, пуская въ ходъ мечи, копья и багры при абордажѣ другъ друга.

Съ носа судовъ спускались по бокамъ огромныя кисти, которыя развѣвались, словно конская грива, когда суда неслись по волнамъ, то поднимаясь на ихъ верхушки, то опускаясь въ разверзающіяся глубины.

Вмѣстѣ съ боевымъ флотомъ слѣдовали и транспортныя джонки, на которыхъ перевозилось продовольствіе для людей, состоявшее изъ солонины, сушеной рыбы, рисовой водки, риса, бобовъ. Слѣдовали также и запасы оружія, пуль, пороха, стрѣлъ, восковыхъ свѣчей. Однимъ словомъ, предусмотрѣно было все нужное, чтобы ничего не было забыто.

Самъ Хедейоши Тайко остался въ Японіи, такъ какъ правленіе страной было надежно только въ его сильныхъ рукахъ, когда армія отправилась воевать у чужихъ береговъ.

Главное начальство надъ войсками было ввѣрено двумъ воеводамъ: Кониши Юкинага и Като Кійо-мора.

Кониши, совсѣмъ еще юный, имѣвшій всего 23 года отъ роду, былъ очень даровитый и честолюбивый фаворитъ Хедейоши, происходившій изъ простого званія, сынъ торговца лѣкарственными принадлежностями. Чувствуя призваніе къ военной карьерѣ, онъ отличался беззавѣтной храбростью, рѣшительностью и, сражаясь подъ знаменами Хедейоши, обратилъ на себя его вниманіе.

Кониши былъ кромѣ того христіанинъ, крещенный іезуитами въ 1584 г.

Въ арміи Кониши вслѣдствіе этого было много и другихъ христіанъ.

Слѣдуя примѣру своего покровителя Хедейоши, Кониши относился съ полнымъ пренебреженіемъ какъ къ знатности происхожденія, такъ и къ различнымъ гербамъ и символамъ, которыми щеголяла знать.

Въ своей арміи Кониши выставилъ, какъ знамя, знакъ отцовскаго занятія, т.-е. громадный бѣлый мѣшокъ, который развѣвался на мачтѣ. Такіе мѣшки, только меньшихъ размѣровъ, вывѣшивали у своихъ лавокъ торговцы медицинскими средствами.

Получивъ военное образованіе подъ руководствомъ Хедейоши, Кониши въ военномъ искусствѣ ставилъ прежде всего стремительность атаки, которая всегда бывала вѣрнымъ залогомъ побѣды.

Като Кійо-мора происходилъ изъ знатнаго рода, былъ уже пожилыхъ лѣтъ, пользовался славой храбраго воина и былъ строгій буддистъ и врагъ христіанства.

Несмотря на разницу въ лѣтахъ и въ религіозныхъ воззрѣніяхъ сво-

ихъ предводителей, обѣ арміи глубоко вѣрили въ своихъ вождей и были одушевлены увѣренностью въ неизбѣжной побѣдѣ, стараясь лишь превзойти одна другую въ храбрости.

Корейцы не ожидали войны. Они были вообще плохо подготовлены и, умѣя стрѣлять изъ лука, владѣть копьемъ, они не могли идти въ сравненіе съ воинственными японцами, лучшими воинами на востокѣ въ XVI вѣкѣ. Кромѣ того корейцы не имѣли способныхъ предводителей, а корейская знать и правительство отличались и тогда распущенностью и развращенностью, проводя жизнь въ личныхъ удовольствіяхъ и пьянствѣ.

Корейскій король Сіенъ-жо, 15 представитель династіи Ни, раздѣлявшій распутство своего правительства, въ спѣшно изданномъ декретѣ предписывалъ народу укрѣплять свои города, возобновить полуразрушенныя стѣны крѣпостей, углубить рвы и наполнить ихъ водой.

Корейскій народъ отнесся къ указу короля довольно безучастно, и когда японцы высадились въ Фу-занѣ, то очень мало было сдѣлано для защиты городовъ, лежавшихъ на пути японцевъ.

У корейскаго войска много было холоднаго оружія, но все вооруженіе ихъ, состоявшее въ копьяхъ и сабляхъ, уступало японскому; огнестрѣльнаго же оружія у корейцевъ совсѣмъ не было. Не было также совершенно и морской защиты береговъ, если не считать флотиліи рыбачьихъ джонокъ. Военная организація у корейцевъ была недостаточна, да и та въ большей части была ложна, такъ какъ значилась только на бумагѣ.

Узнавъ о высадкѣ японцевъ, корейское правительство стало поспѣшно собирать войска и обучать новобранцевъ, заготовлять запасы продовольствія, возстановлять укрѣпленія и даже заводить самодѣльное огнестрѣльное оружіе.

Какъ ни серьезно было положеніе Кореи, но никто изъ корейскаго правительства и чиновничества не допускалъ возможности, чтобы японцы послѣ высадки въ Фузанѣ могли въ 18 дней подойти къ Сеулу. Однако, это случилось.

Японцы подошли къ Фузану утромъ 25 мая 1592 г. Первымъ пришелъ Кониши и высадилъ свою армію до наступленія ночи.

Затѣмъ на другой же день двинулся къ ближайшей крѣпости-городу Токъ-най и столь внезапно и рѣшительно атаковалъ ее, что крѣпость тотчасъ же сдалась, и даже бывшій случайно въ ней губернаторъ области не успѣлъ спастись, а взятъ былъ въ плѣнъ.

Кониши воспользовался этимъ обстоятельствомъ и взялъ клятву съ губернатора, что если онъ отправится немедленно въ Сеулъ и передастъ королю письмо Кониши, то будетъ совершенно освобожденъ.

Губернаторъ далъ клятву и, получивъ отъ Кониши письмо къ королю, немедленно выѣхалъ въ Сеулъ, но, получивъ свободу, измѣнилъ данной клятвѣ и въ Сеулъ не поѣхалъ.

Вѣроломство губернатора впослѣдствіи открылось, а неисполненіе имъ даннаго обѣщанія вызвало много послѣдующихъ событій.

Кониши, вѣрный своему убѣжденію дѣйствовать быстротой, оставался въ Токъ-най очень недолго. Онъ оставилъ въ крѣпости свой гарнизонъ и быстро двинулся на другую крѣпость Нак-ток-ганъ, расположенную по рѣкѣ того же имени, а затѣмъ на Санъ-чжю.

Въ это время подошла вторая армія Като, которая запоздала прибытіемъ на нѣсколько дней, такъ какъ была задержана въ морѣ бурей. Высадившись въ Фузанѣ, Като былъ очень огорченъ, когда увидалъ на стѣнахъ Токъ-най развѣвающіяся знамена Кониши. Счастіе было на сторонѣ юнаго полководца, и Като ничего не оставалось, какъ столь же стремительно пуститься съ своей арміей впередъ, стараясь догнать своего соперника и не допустить его первымъ достигнуть Сеула.

Като для своего похода на столицу Кореи избралъ другой, болѣе сѣверный путь.

Между тѣмъ Кониши столь же быстро заставилъ сдаться Сань-чжю, оставилъ также и здѣсь свой гарнизонъ, и немедля отправился на крѣпость Чюнъ-чжю, бывшую самой сильной въ провинціи Чюнъ-чюонгъ, и прикрывавшую путь на Сеулъ.

У этой крѣпости сходились оба пути, избранные Кониши и Като, но и здѣсь Кониши успѣлъ взять крѣпость Чюнъ-чжю до прихода Като, а когда послѣдній подошелъ, то Кониши уже двинулся нѣсколько дней передъ его приходомъ на Сеулъ.

Като стремительно пошелъ къ Сеулу и достигъ того, что обѣ арміи въ одинъ и тотъ же день, но съ разныхъ дорогъ, вошли въ столицу Кореи. Такимъ образомъ въ этомъ походѣ главная слава и успѣхъ выпали на долю Кониши. Тѣмъ не менѣе Сеулъ былъ пустъ, такъ какъ за три дня до прибытія Кониши и Като король и правительство оставили столицу, а населеніе все разбѣжалась. Паника была такъ сильна, что населеніе, побросавъ все имущество, побѣжало спасаться въ горы, а король и сановники, сопровождаемые войсками, изъ которыхъ большая часть также бѣжала въ страхѣ, направились въ Ляоянъ, отправивъ свои семейства въ сѣверныя провинціи, какъ наиболѣе безопасныя. Паника охватила всѣхъ въ Сеулѣ, какъ только получено было извѣстіе о взятіи японцами крѣпости Чюнъ-чжю, ключа столицы. Къ этому бѣдствію присоединилось еще другое: страшный ливень обратилъ всѣ дороги въ море грязи. Женщины и дѣти гибли отъ голода и истощенія. Не легко пришлось и королю съ своими приближенными, такъ какъ сопровождавшій его отрядъ солдатъ разворовалъ въ пути взятые запасы, и когда королевскій отрядъ пришелъ къ вечеру къ Сун-то, въ 30 миляхъ отъ Сеула, то оказалось, что продовольствія не было, и король, быть можетъ, въ первый разъ долженъ былъ утолить голодъ только рисомъ, который въ небольшомъ количествѣ былъ у солдатъ.

Предстояло совершить переходъ черезъ рѣку Ринъ-Инъ, притокъ рѣки Хань, что удалось совершить благополучно, и дальнѣйшее бѣгство короля было направлено въ крѣпости и городъ Пинъ-янъ.

Часть корейскихъ войскъ была оставлена оберегать переправу и задер-

жать наступающую по пятамъ японскую армію, такъ какъ Като и Кониши, соединившись въ Сеулѣ, спѣшно отправились вслѣдъ за королемъ.

Достигнувъ рѣки Ринъ-Инъ, они увидали на другой сторонѣ выстроенную въ боевомъ порядкѣ корейскую флотилію джонокъ.

Не имѣя у себя никакихъ средствъ для переправы, японцы остановились лагеремъ на берегу и, прождавъ нѣсколько дней перехода корейцевъ, которые въ свою очередь не разсчитывали переходить въ наступленіе на японцевъ, рѣшили завлечь корейцевъ, для чего снялись съ лагеря и начали ложное отступленіе.

Корейцы не поняли этой военной хитрости японцевъ и, увидавъ ихъ отступленіе, отрядъ корейцевъ дѣйствительно перешелъ рѣку обратно и пошелъ за японцами, которые этого только и ждали. Быстро перейдя въ наступленіе, они уничтожили корейскій отрядъ и, захвативъ оставленныя джонки, быстро переправились черезъ рѣку и разбили вторую часть корейскаго гарнизона. Переправивъ обѣ свои арміи, Като и Кониши рѣшили идти на Пинъ-янъ вслѣдъ за королемъ, но, чтобы не мѣшать другъ другу, раздѣлись снова на двѣ арміи. Выборъ провинціи предоставили рѣшить жребію.

Провинція Хамъ-Кіонгъ досталась Като, и онъ немедленно отправился на Гензанъ, а провинція Піонъ-Янъ досталась Кониши, и онъ немедля отправился на Пинъ-Янъ. Кониши шелъ быстро и черезъ три недѣли послѣ выхода изъ Сеула подошелъ въ концѣ іюля къ рѣкѣ; здѣсь на южномъ ея берегу онъ остановился лагеремъ и послалъ за подкрѣпленіями, которыя моремъ велъ къ нему Курода и Юши-тоши, огибая береговую линію четырехъ провинцій.

Теперь японцы особенно нуждались въ судахъ, имѣя которыя Кониши могъ войти въ рѣку и сдѣлать развѣдки корейскихъ войскъ вплоть до самаго Пинъ-Яна. Ожидая прибытія своей флотиліи, Кониши отправилъ на развѣдки нѣсколько отрядовъ, которые подошли къ самому Пинъ-Яну, защищаемому громаднымъ корейскимъ гарнизономъ, численность котораго, какъ говоритъ лѣтописецъ японо-корейской войны, іезуитъ Frois, была болѣе 80 тысячъ.

Корейскій король, считавшій себя въ безопасности въ Пинъ-Янѣ, такъ былъ перепуганъ появившимися передъ крѣпостью войсками Кониши, что немедленно со своими приближенными бѣжалъ въ Ан-чжю. Бѣгство короля однако не только не повліяло удручающе на корейскій гарнизонъ, но совершенно имѣло обратное дѣйствіе. Корейское войско было одушевлено и в жди его приготовили японцамъ неожиданный сюрпризъ. Темной почью с и сдѣлали вылазку и произвели стремительную атаку на японскіе отряды, к успѣвшіе еще соединиться.

Ночная аттака была такъ стремительна, что первое время много япон- въ было перебито, но съ наступленіемъ дня, когда выяснилось положе- нападающихъ и сражающихся, а главное, когда на выручку явился оспѣвшій отрядъ Курода, японцы перешли въ наступленіе, загнали боль-

шое число корейцевъ въ рѣку, гдѣ перетопили ихъ. Главныя силы корейцевъ пришли въ замѣшательство и поспѣшили укрыться въ крѣпость. Это движеніе корейцевъ дало въ руки японцевъ секретный выходъ изъ крѣпости, пользуясь которымъ японскія войска въ тотъ же день заняли Пинъ-Янъ.

Корейскія войска не оказали сопротивленія, а поспѣшно оставили городъ и частью бѣжали въ ближайшія горы, а частью вмѣстѣ съ населеніемъ достигли рѣки Ялу, перешли ее и вошли во владѣнія Китая, которыя начинались съ другого берега Ялу.

Китайскій губернаторъ провинціи Ляо-тунъ, пристально слѣдившій за всѣми событіями японо-корейской войны, придававшій большое значеніе завоеванію Кореи Японіей, указалъ своему правительству на грозящую опасность завоевательныхъ стремленій со стороны Японіи.

Опасность несомнѣнно была большая. Блестящія побѣды японцевъ надъ корейцами вызывали шумную радость въ Японіи, и Хедейоши послалъ въ благодарность Кониши обоюдоострый мечъ и коня, какъ «залогъ ни съ чѣмъ не сравнимой почести, которую только можно оказать человѣку».

Японскія войска ликовали и всѣ ожидали немедленнаго приказа идти войной на Китай. Имѣлъ это намѣреніе и Кониши, пославъ приказъ эскадрѣ, оставшейся у Фузана, обогнуть берега Кореи и войти въ рѣку Да-дунъ-гоу и соединенными силами арміи и флота дѣйствовать не только противъ Кореи, но и противъ Китая.

Приказанія однако завоевать Китай не послѣдовало, и на этотъ разъ исторія Дальняго Востока задержала нашествіе Японіи на Китай черезъ Корею до 1894 г. Корейскія войска частью разбились на шайки дезертировъ, но лучшая ихъ часть укрѣпилась въ горахъ, готовая биться съ японцами. Къ числу этихъ лучшихъ должны быть отнесены и не принимавшіе до этого времени участія въ войнѣ корейцы-рыбаки, увидавшіе японскую флотилію въ своихъ родныхъ водахъ.

Сознавая гибельное положеніе своей родины, корейцы-моряки не только собрали свою нетронутую войной флотилію, но, сравнивъ свои джонки съ японскими, постарались улучшить ихъ вооруженіе, устроивъ на судахъ еще вторую палубу, которая являлась гораздо лучшимъ прикрытіемъ для воиновъ, нежели японскіе щиты. Собравъ значительныя ловучія силы, корейцы внезапно атаковали ничего не подозрѣвавшую японскую эскадру и принудили ее къ бою. Въ первый разъ за все время войны японцы понесли пораженіе, и эскадра ихъ должна была уйти въ Фузанъ. Эта морская побѣда сильно подняла духъ корейцевъ, которые къ тому же вѣрили и въ помощь Китая, которому было извѣстно бѣдственное положеніе ихъ государства.

Въ Пекинѣ дѣйствительно знали о побѣдахъ японцевъ изъ донесеній губернатора Ляодунской провинціи, но относились съ недовѣріемъ къ могуществу Японіи и склонны были завоеваніе сильныхъ крѣпостей объ-

яснить измѣной начальниковъ, сдавшихъ эти крѣпости врагу, а не безсиліемъ корейскаго государства и его войскъ.

Тѣмъ не менѣе, чтобы убѣдиться въ истинномъ положеніи дѣлъ въ Кореѣ, китайское правительство отправило небольшой отрядъ изъ Пекина, какъ бы лично предназначенный для охраны корейскаго короля. Отрядъ этотъ пришелъ въ Ляодунъ и, перейдя границу, подошелъ къ Пинъ-яну, гдѣ по пути начальникъ отряда убѣдился въ полномъ пораженіи корейскихъ войскъ и владычествѣ японцевъ. Отрядъ вернулся обратно въ Ляоянъ, а въ Пекинъ было послано подробное донесеніе о всемъ видѣнномъ и слезныя мольбы корейскаго короля и его малочисленнаго правительства о помощи.

Мольбы имѣли успѣхъ, и пекинское правительство предписало губернатору Ляодуна собрать пять тысячъ войска въ провинціи и отправить на помощь корейскому королю.

Войско скоро было собрано и, раздѣленное на два отряда, имѣя шелковыя желтыя знамена, на которыхъ было начертано «Да-минъ», имя царствовавшей въ Китаѣ минской династіи, выступило противъ японцевъ, поставивъ себѣ цѣлью отнять у нихъ обратно Пинъ-янъ.

Китайскія войска шли въ полной увѣренности въ побѣдѣ, не принимая никакой предосторожности и не имѣя никакой боязни.

Къ городу Пинъ-яну они подошли безъ всякаго сопротивленія японцевъ, но когда вошли въ его извилистыя улицы и когда пошли на приступъ крѣпости, то японцы со всѣхъ сторонъ съ заранѣе выбранныхъ позицій поражали китайцевъ стрѣлами и копьями.

Одинъ китайскій отрядъ пошелъ на приступъ крѣпостной стѣны, гдѣ не было защитниковъ-японцевъ. Китайцы влѣзли почти до самаго верха, но японцы, скрытые въ засадѣ, стремительно бросались на влѣзавшихъ и сбивали ихъ обратно внизъ. Кто не былъ убитъ при паденіи или на стѣнѣ, того убивали изъ ружей. Въ этомъ бою китайцы въ первый разъ узнали силу огнестрѣльнаго оружія, противъ котораго не защищали ни доспѣхи изъ кожи, ни изъ желѣза. Предводитель китайцевъ былъ убитъ и никто изъ его отряда не спасся. Пораженіе китайцевъ было полное.

Когда пекинское правительство получило донесенія объ этой битвѣ, оно поняло, что оно имѣетъ дѣло съ могущественнымъ врагомъ. Вслѣдствіе этого было принято два рѣшенія. Первое состояло въ томъ, что было предписано собрать армію въ 40 тысячъ и отправить ее въ Корею, а второе состояло въ томъ, что былъ посланъ помимо корейцевъ нѣкій Чинъ-І-кей, который долженъ былъ вступить лично въ переговоры съ Кониши и предложить ему миръ.

Прибывъ въ корейскій лагерь, Чинъ очень удивилъ всѣхъ, изъявивъ желаніе отправиться къ японцамъ, но еще болѣе поразилъ ихъ благополучнымъ возвращеніемъ оттуда и сообщеніемъ, что имѣлъ переговоры съ Кониши, Іошитоши и Генчо.

Кониши согласился на перемиріе въ теченіе 50 дней, срокъ, необходи-

мый для путешествія въ Пекинъ и обратно, и предъявилъ свое требованіе относительно Кореи, которое состояло въ томъ, что къ Японіи должны отойти тѣ области, которыя нѣкогда занимали старыя владѣнія Шинра и Хіак-сай, на которыя Японія имѣетъ столь же старыя права. Эти части Кореи должны находиться въ вассальномъ отношеніи къ Японіи. Другими словами, Японія требовала подчинить своему вліянію всю южную Корею.

Прибывъ въ Пекинъ, Чинъ нашелъ уже китайскую армію готовой къ выступленію въ походъ. Несмотря на зимнее время, китайскія войска, численностью въ 60 тысячъ, подъ начальствомъ генерала Ли-ю-сань, о которомъ китайскія лѣтописи отзываются, какъ о чрезвычайно храбромъ и энергичномъ, совершившемъ уже нѣсколько походовъ и покорившемъ манчжурскія племена въ сѣверныхъ предѣлахъ Китая, выступили въ Корею.

Зимній походъ былъ тяжелъ, но Ли-ю-сань достигъ границъ Кореи и, перейдя рѣку Ялу, при видѣ корейскихъ горъ, воскликнулъ, указывая на нихъ своимъ войскамъ: «Вотъ мѣста, которыя нашей храбростью мы можемъ вернуть обратно, какъ наши наслѣдственныя владѣнія».

Укрѣпивъ свой лагерь, китайскій военачальникъ прибѣгнулъ, если только это достовѣрно, тѣмъ не менѣе къ обычной азіатской уловкѣ обмануть своего противника. Онъ послалъ къ Кониши сказать, что вернулся Чинъ-І-кей съ благопріятнымъ отвѣтомъ и желаетъ продолжать переговоры.

Кониши, отрѣзанный отъ всякаго сообщенія, не зналъ о прибытіи китайской арміи и послалъ почетный конвой, чтобы проводить прибывшаго посла къ себѣ. Посланные были встрѣчены китайцами радушно, для нихъ былъ сдѣланъ пріемъ, и когда они всѣ напились до пьяна, то были перебиты. Спаслось два или три.

Другой варіантъ говоритъ, что посланный конвой японцевъ былъ захваченъ въ засаду, что всѣ они храбро отбивались и были, кромѣ двухъ-трехъ спасшихся, всѣ перебиты.

Какъ бы то ни было, но Кониши узналъ о прибытіи китайскаго войска и увидалъ, что положеніе японцевъ было критическое: японская армія сильно уменьшилась въ числѣ отъ битвъ и болѣзней, а китайская армія пришла съ свѣжими силами и имѣла себѣ подкрѣпленіе въ оправившихся корейскихъ войскахъ, духъ которыхъ значительно поднялся и въ силу патріотизма, и въ силу пришедшихъ на помощь китайцевъ.

Кониши предстояло на выборъ или рискнуть принять бой съ соединенными силами превосходившихъ его силы китайцевъ и корейцевъ, или отступить по старой дорогѣ на Кай-сенъ (Хё-чжу) и Сеулъ.

Китайскій генералъ, однако, не медлилъ: спустя шесть дней по прибытіи, давъ отдохнуть своей арміи, онъ пошелъ на приступъ Пинъ-яна.

Кониши, пользуясь природными защищающими крѣпость позиціями, размѣстилъ свои войска и поджидалъ непріятеля.

Китайцы на разсвѣтѣ 10 февраля 1593 года пошли на приступъ Пинъ-яна по всей линіи его укрѣпленій. Первую атаку китайцевъ японцы, благодаря своему огнестрѣльному оружію, отбили, но китайцы пошли на

штурмъ и къ вечеру второго дня при помощи своихъ штурмовыхъ лѣстницъ овладѣли уже частью стѣнъ крѣпости.

Уронъ среди японцевъ былъ громадный, и Кониши ничего болѣе не оставалось, какъ ночью оставить крѣпость и уйти по старой дорогѣ на Сеулъ.

На другой день съ утра корейскія войска вмѣстѣ съ китайскими возобновили штурмъ Пинъ-яна и увидали, что крѣпость оставлена японцами. Занявъ Пинъ-янъ, корейскія войска, возбужденныя побѣдой, хотѣли отправиться въ погоню за ушедшими японцами, но Ли-ю-сань удержалъ ихъ и остался въ Пинъ-янѣ.

Кониши не зналъ этого, и, опасаясь преслѣдованія, быстро шелъ на Сеулъ и даже миновалъ Кай-сенъ.

Благополучно достигнувъ Сеула, онъ укрѣпился здѣсь, ожидая наступленія китайцевъ и корейцевъ.

Между тѣмъ Ли-ю-сань совершенно оставилъ мысль о преслѣдованіи Кониши, а обратилъ свое вниманіе на Като, который имѣлъ въ плѣну семью корейскаго короля и многихъ знатныхъ корейцевъ.

Като, какъ было сказано, отправился съ своей арміей на сѣверъ Кореи и опустошилъ всю провинцію Хамъ-кіонь, захвативъ также и часть провинціи Канъ-уэнь.

Во время своего похода Като имѣлъ нѣсколько битвъ къ корейцами и нѣкоторыя крѣпости удавалось ему взять только послѣ длительныхъ и кровавыхъ осадъ. Въ одной изъ такихъ взятыхъ крѣпостей онъ захватилъ въ плѣнъ двухъ сыновей короля, отправленныхъ для безопасности на сѣверъ, семьи многихъ сановниковъ и въ числѣ плѣнницъ одну славившуюся своею красотой во всей Кореѣ корейскую дѣвушку.

Оставляя гарнизоны во взятыхъ крѣпостяхъ, Като шелъ чрезъ сѣверную часть Кореи, перенося большія тягости похода какъ вслѣдствіе отсутствія дорогъ, трудностей пути, такъ и вслѣдствіе затрудненій въ продовольствіи.

Приходилось ему заходить съ отрядами въ дикія и гористыя мѣстности, гдѣ еще не ступала нога человѣка. Приходилось много терпѣть ему и его войскамъ отъ дикихъ звѣрей и особенно тигровъ, которые вступали въ открытую борьбу съ солдатами, будучи потревожены ими въ своихъ логовищахъ.

Разсказываютъ, что самому Като пришлось выдержать отчаянную борьбу съ тигромъ, котораго послѣ большой опасности быть растерзаннымъ онъ поразилъ копьемъ.

Покоривъ сѣверную часть Кореи, но потерпѣвъ и самъ громадный уронъ въ войскахъ, Като остановился, укрѣпившись въ г. Ан-пинь (Ань-біонь) близъ Гензана, оставивъ въ разныхъ покоренныхъ городахъ японскіе гарнизоны. Для его значительно порѣдѣвшей армія начался періодъ бездѣйствія, между тѣмъ какъ корейское населеніе и корейскія войска мало-помалу оправлялись отъ пораженій и объединялись въ чувствѣ любви къ

родинѣ. Среди корейцевъ крѣпла мысль объ отмщеніи завоевателямъ. На всемъ пространствѣ Кореи отъ Фузана, Гензана и до Пинъ-яна, т.-е. по пути, пройденномъ японскими арміями, стали собираться хорошо вооруженные отряды корейцевъ, которые начинали вести партизанскую войну противъ японцевъ.

Корейцы не только были хорошо вооружены своимъ холоднымъ оружіемъ въ видѣ копій и сабель, но многіе уже были вооружены самодѣльными ружьями и даже имѣли пушки, состоявшія изъ стволовъ выдолбленныхъ деревьевъ, обитыхъ снаружи желѣзными обручами. Изъ этой самодѣльной артиллеріи корейцы причиняли много вреда японцамъ.

Партизанскіе отряды скоро уже настолько были многочисленны и сильны, что дѣлали внезапныя нападенія на небольшіе японскіе гарнизоны, осаждали крѣпости и заставляли ихъ сдаваться.

Къ этому времени относится изобрѣтеніе однимъ корейцемъ особаго снаряда.

Нѣкто Ригосенъ изобрѣлъ особую бомбу «шинъ-тенъ-рай», т.-е. небесный потрясающій громъ, которая, будучи выброшена изъ деревянной пушки, не только при паденіи на землю разрывалась на множество осколковъ и убивала людей, но еще развивала особый ядовитый газъ, который умерщвлялъ каждаго, кто вдыхалъ его.

Пользуясь этимъ изобрѣтеніемъ, корейцы стали брать перевѣсъ во многихъ мѣстностяхъ надъ японцами, заставляя ихъ оставлять города и крѣпости и уходить. Вмѣстѣ съ тѣмъ росла также увѣренность въ себѣ корейцевъ и повышался ихъ духъ, а японцы теряли увѣренность въ себѣ и теряли бодрость духа, поддаваясь унынію.

Въ это время Ли-ю-сань прислалъ къ Като посла, который потребовалъ, чтобы японская армія и ея предводитель сдались китайцамъ.

Это высокомѣрно выраженное требованіе такъ раздражило Като, что онъ приказалъ своихъ знатныхъ плѣнныхъ подвергнуть болѣе строгому и бдительному надзору, а приведенную красавицу кореянку на глазахъ пословъ-китайцевъ собственноручно пронзилъ копьемъ съ такой силою, что пригвоздилъ ея тѣло къ стволу дерева.

Отвергнувъ съ гнѣвомъ предложеніе о сдачѣ непріятелю, Като тѣмъ не менѣе сознавалъ, что ему не удержать своей позиціи противъ корейцевъ, которые собирались все болѣе и болѣе вооруженными силами и вытѣсняли японцевъ изъ городовъ и крѣпостей.

Японцы, не будучи въ силахъ сдерживать корейцевъ и отражать ихъ, кончали жизнь массовыми самоубійствами, чтобы не сдаваться въ руки враговъ.

Въ то же время Като получаетъ изъ Сеула отъ Кониши письмо съ настоятельнымъ требованіемъ спѣшить къ нему на помощь.

Первоначально Като не хотѣлъ идти къ Кониши, но затѣмъ увидалъ, что это былъ единственный выходъ спасенія и для его арміи. Вслѣдствіе этого онъ отдалъ приказъ о выступленіи въ походъ и снова совершилъ

тяжелый переходъ по горнымъ и лѣсистымъ мѣстностямъ, совершилъ опасныя переправы и черезъ горныя рѣки и пришелъ въ Сеулъ на соединеніе съ Кониши.

Счастливо начавшееся завоеваніе Кореи закончилось для японцевъ гибельно: потерявъ множество войска, японцы потеряли и плоды своихъ побѣдъ, такъ какъ завоеванныя ими четыре провинціи Кореи, составлявшія большую половину всего государства, становились свободными съ уходомъ непріятеля.

IX.

Первый актъ японскаго нашествія на Корею закончился неблагопріятно, не предвѣщая ничего добраго и въ дальнѣйшемъ для остатковъ арміи обоихъ полководцевъ, Кониши и Като, успѣвшихъ соединиться въ Сеулѣ ранѣе, нежели подошли соединенныя силы китайцевъ и корейцевъ, наступавшихъ на Сеулъ.

Силы китайцевъ и корейцевъ исчислялись въ 200 тысячъ. Передовые ихъ отряды уже стали выдвигаться къ Сеулу въ концѣ февраля. Стычки между ними и развѣдочными отрядами японцевъ уже показывали, что предстоитъ серьезная борьба и что конечная побѣда едва ли будетъ на сторонѣ японцевъ.

Послѣ одной такой стычки, въ которой японскій отрядъ потерпѣлъ пораженіе, въ Сеулѣ собрался военный совѣтъ, на которомъ одинъ изъ японскихъ генераловъ, Ишидо, христіанинъ по религіи, предложилъ отступленіе изъ Сеула. Като, глубоко возмущенный этимъ предложеніемъ, съ негодованіемъ отвергъ его и гнѣвно воскликнулъ: «Да будетъ вѣчнымъ для насъ позоромъ, если мы, прежде чѣмъ увидимъ хоть одно знамя китайской арміи, отдадимъ ей столицу. Корейцы и нашъ народъ дома назовутъ насъ трусами и скажутъ, что мы испугались китайцевъ».

Гнѣвная рѣчь Като объединила всѣхъ японскихъ вождей въ неизбѣжности борьбы, но въ то же время привела ихъ къ сознанію необходимости обезопасить себя въ самомъ Сеулѣ отъ корейскаго населенія, которое, будучи враждебно, явится измѣнникомъ японцевъ и союзникомъ надвигающихся корейцевъ. Для борьбы съ населеніемъ рѣшено было удалить корейцевъ изъ нѣкоторыхъ частей столицы. Приняты были для этого мѣры жестокія, которыя въ то время, такъ же какъ и теперь, спустя триста слишкомъ лѣтъ, оправдывались неизбѣжностью и необходимостью войны.

Значительная часть Сеула была предана огню и скоро представляла собою большое обгорѣлое пепелище. Населеніе было изгнано, не взирая ни на полъ, ни на возрастъ, ни на положеніе, причемъ громадное количество людей было перебито.

Въ предѣлахъ расположенія японскихъ войскъ оставлены были только крѣпкіе и сильные корейцы, которые должны были служить японцамъ, какъ рабочіе и носильщики тяжестей. Избіеніе стара и млада, беззащитнаго и

невиновнаго было такъ жестоко, что, какъ разсказываетъ Griffis, годы спустя, буддистскіе монастыри принимали въ число своихъ монаховъ многихъ японцевъ-солдатъ, которыхъ мучила совѣсть и которые искали примиренія и искупленія своихъ невольныхъ преступленій въ постахъ и молитвѣ, чтобы не потерять участія въ достиженіи Нирваны. Ожидая наступленія главныхъ китайскихъ и корейскихъ силъ, японцы приложили всѣ старанія, чтобы укрѣпить Сеулъ.

Скоро стали появляться передовые китайскіе отряды, которые начинали тѣснить японцевъ. Стычки участились и, наконецъ, подошли главныя силы, такъ что японцы должны были дать бой.

Старый японскій генералъ Кобайскова вышелъ навстрѣчу китайцамъ, раздѣливъ свою 16 тысячную армію на три части. Центромъ въ 10 тыс. воиновъ онъ командовалъ самъ, а флангами по три тысячи въ каждомъ командовали другіе. Самъ Кобайскова спрятался въ засаду.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Сеула произошла первая встрѣча враговъ. Китайцы не только выдержали натискъ, но отбили атаку и преслѣдовали первыя двѣ дивизіи, начавшія отступленіе и имѣвшія большія потери.

Когда китайцы въ преслѣдованіи японцевъ зашли далеко, то Кобайскова вышелъ изъ засады и съ свѣжими войсками стремительно напалъ на китайцевъ.

Начался жестокій бой, перешедшій скоро въ рукопашный и окончившійся побѣдой японцевъ надъ китайцами.

Японцы въ этомъ бою выказали громадную стойкость и храбрость, ихъ начальники всѣ были въ лучшихъ праздничныхъ одеждахъ и имѣли самое лучшее у себя вооруженіе.

Китайцы и корейцы въ концѣ не выдержали боя и обратились въ бѣгство. Особенно велики были потери у китайцевъ въ офицерахъ.

Узнавъ о пораженіи, генералъ Ли-ю-сань рѣшилъ отступить со своими войсками отъ Сеула, такъ какъ онъ не зналъ, что Като уже пришелъ въ Сеулъ и соединился съ Кониши. Китайскій генералъ опасался, что Като зайдетъ ему въ тылъ и такимъ образомъ китайскія войска очутились бы между двухъ огней.

Отступая обратно въ Пинъ-янъ, Ли-ю-сань оставилъ лишь гарнизонъ въ ближайшей къ Сеулу крѣпости Сун-то.

Японскимъ войскамъ побѣда досталась также дорогой цѣною, и ни Кониши, ни Като не рѣшались продолжать преслѣдованіе разбитаго врага. Они выдвинулись только впередъ и заняли крѣпость-городъ Хä-чжу, укрѣпили его и рѣшили остаться въ этихъ мѣстахъ на зимовку. Чтобы обезопасить себя со стороны корейцевъ, японцы рѣшили только взять у нихъ горную крѣпость Ан-амъ, которою владѣли еще корейцы.

Эта крѣпость была расположена въ гористой мѣстности, окруженная обрывистыми скалами и отвѣсными камнями. Путь къ ней шелъ черезъ узкую долину, окруженную густымъ лѣсомъ.

Въ самую крѣпость вела узкая горная тропа.

Японцы рѣшили взять эту крѣпость штурмомъ, зная, что ее защищаетъ малочисленный корейскій гарнизонъ.

Корейцы ожидали штурма и въ глубокой тишинѣ дали японцамъ пройти долину, но когда ихъ войска подходили къ крѣпости, то корейцы со всѣхъ прилежащихъ скалъ и изъ-за камней пустили на японцевъ тучу стрѣлъ и стали сбрасывать груды камней, падавшихъ отвѣсно прямо на головы японскихъ солдатъ.

Японцы отступили и приготовились къ атакѣ на другой день, но корейцы, не имѣя надежды на помощь ни откуда, ночью оставили крѣпость и ушли.

Такимъ образомъ оба врага одинаково были достаточно обезсилены и оба принуждены были оставаться въ совершенно разоренной странѣ.

Война длилась уже три года, населеніе перестало обрабатывать землю, и плодородныя поля обратились въ безлюдныя пустыни.

Всѣ запасы, все продовольствіе, которое было у населенія, было истреблено тремя воюющими арміями. Народъ бѣдствовалъ отъ голода, а вмѣстѣ съ голодомъ вся страна вымирала отъ эпидемій, которыя поражали также и войска.

Селенія и города обезлюдѣли, мертвые оставались въ своихъ домахъ не похороненными, Корея загибла и запустѣла.

Въ японскихъ войскахъ смертность отъ болѣзней достигла огромныхъ размѣровъ; вмѣстѣ съ этимъ самоубійства, національное японское харакири (вспарываніе ножомъ живота) участилось. Положеніе было ужасное. Такое же тяжелое положеніе испытывали и китайскія войска.

Желаніе мира было общее у всѣхъ. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ Кониши, который послалъ письмо къ китайскому генералу, предлагая заключеніе мира. Лю-и-сань принялъ предложеніе и для мирныхъ переговоровъ послалъ Ченъ-І-кей'я, бывшаго при немъ все время войны.

Переговорами Кониши и Ченъ-І-кей'я были установлены слѣдующія, безусловно благопріятныя для японцевъ условія мира.

Принято было, что японцы удерживаютъ за собою временно пространство, занятое ихъ войсками до Коанъ-чжю. Миръ заключается между тремя государствами. Три южныхъ провинціи Кореи составляютъ владѣнія Японіи. Корея, какъ было раньше, платитъ дань Японіи и тайкунъ Хедейоши признается королемъ Кореи.

Кромѣ этихъ условій, было еще нѣсколько тайныхъ, изъ которыхъ было извѣстно, что за тайкуномъ Хедейоши признаны права, равныя правамъ китайскаго императора.

Со стороны Кониши было обязательство возвратить всѣхъ плѣнныхъ корейцевъ вмѣстѣ съ королевскими принцами, всѣ японскія войска должны были оставить Корею и уйти въ Фузанъ, гдѣ оставаться, пока условія мира не будутъ утверждены микадо. Первенство въ переговорахъ о мирѣ Кониши взялъ на себя, и хотя японцы признаны были побѣдителями и завоевательный ихъ планъ былъ достигнутъ, но Като выказалъ себя явнымъ

противникомъ Кониши и считалъ себя, какъ плѣнившаго королевскую семью и принцевъ, имѣющимъ право не согласиться на заключеніе мира, а продолжать войну.

Снова возникшія враждебныя отношенія между двумя полководцами на этотъ разъ не пошли далеко, такъ какъ очевидная гибель японской арміи отъ болѣзней заставила Като подчиниться необходимости пойти на соглашеніе. Като долженъ былъ согласиться, чтобы японскіе гарнизоны изъ всѣхъ взятыхъ ими городовъ и крѣпостей стягивались къ Фузану, очищая всю страну. По мѣрѣ того, какъ японскія войска очищали Корею, китайцы и корейцы приближались къ Сеулу, и въ тотъ же день, когда японцы его оставили, китайцы заняли столицу Кореи.

Отступленіе свое японцы совершали въ полномъ порядкѣ, и скоро остатки обѣихъ армій двухъ враждебныхъ другъ другу японскихъ полководцевъ стали лагеремъ въ Фузанѣ и окрестностяхъ, ожидая возможности отправиться на родину.

Условія мира, выработанныя китайскимъ представителемъ Ченъ-І-кей'емъ и Кониши должны были еще быть представлены въ Кіото и утверждены самимъ микадо, для чего отправлялось посольство въ лицѣ того же самаго Ченъ-І-кей'я и выборныхъ со стороны японскихъ вождей, которые должны были его сопровождать. Оба вождя армій оставались пока въ Кореѣ въ ожиданіи возвращенія Ченъ-І-кей'я.

Кониши, который, какъ было уже сказано, былъ ревностный христіанинъ-католикъ, тотчасъ же по заключеніи предварительнаго мира всѣ свои помыслы устремилъ на распространеніе христіанства какъ среди корейскаго населенія, такъ и среди солдатъ своей арміи. Для этой цѣли ему необходимо было имѣть священника, и онъ обратился въ іезуитскую миссію въ Японію съ просьбой прислать миссіонера. Таковымъ былъ присланъ въ концѣ 1593 года іезуитъ священникъ португалецъ Григорій de Cespedes и одинъ изъ новообращенныхъ японцевъ-христіанъ. Прибывшіе въ Фузанъ миссіонеры стали проповѣдывать христіанство среди солдатъ Кониши, переходя изъ лагеря въ лагерь и находя для себя благопріятную почву среди больныхъ, раненыхъ и отягченныхъ духомъ, для которыхъ христіанское ученіе приносило и облегченіе ихъ скорбей, и ободряющую свободу души.

Въ стремленіи своемъ насаждать христіанство Кониши снова столкнулся съ своимъ врагомъ Като, который былъ такой же ревностный буддистъ, какъ и ревностный врагъ Кониши.

Като не только запретилъ проповѣдь христіанства въ своей арміи, но сообщилъ въ Японію тайкуну Хедейоши свои подозрѣнія относительно христіанскихъ проповѣдниковъ, которые являются политическими врагами государственнаго японскаго строя и подъ видомъ христіанской проповѣди подготовляютъ заговоръ какъ противъ самого Хедейоши, такъ и противъ могущества микадо.

Обвиняя въ распространеніи вреднаго ученія миссіонера іезуита, Като обвинялъ также и Кониши, какъ его соучастника.

Обвиненіе Като миссіонера пришло во-время: Хедейоши и самъ былъ въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ іезуитами и готовился очистить отъ нихъ Японію, отправивъ ихъ всѣхъ въ Китай, такъ какъ убѣдился въ ихъ политическихъ интригахъ и считалъ ихъ подосланными шпіонами.

Кониши узналъ, что на него Като послалъ доносъ, и такъ какъ обвиненіе въ измѣнѣ микадо считалось самымъ страшнымъ преступленіемъ въ Японіи, то Кониши рѣшился лично отправиться въ Кіото, чтобы самому себя оправдать передъ Хедейоши отъ всякаго подозрѣнія. Съ этою же цѣлью онъ немедленно прекратилъ пропаганду у себя христіанства и отправилъ обратно въ Японію іезуита Григорія de Cespedes.

Китайскіе послы съ Ченъ-І-кей'емъ отплыли изъ Фузана и высадились въ Нагойя. Тайкунъ Хедейоши встрѣтилъ ихъ лично и устроилъ имъ торжественный пріемъ. Кромѣ разнообразныхъ празднествъ, въ честь прибывшихъ пословъ былъ устроенъ морской парадъ, въ которомъ участвовали сотни джонокъ, расцвѣченныхъ флагами съ разнообразными девизами феодаловъ.

Условія мира, выработанныя Кониши и Чэнъ-І-Кей'емъ, Хедейоши одобрилъ и принялъ, предписавъ немедленно Като освободить знатныхъ плѣнниковъ и корейскихъ принцевъ. Вина за войну и ея послѣдствія была всецѣло обрушена на Корею.

Послѣ принятія условій мира посольство получило разрѣшеніе отправиться обратно, причемъ вмѣстѣ съ Чэнъ-І-Кей'емъ былъ отправленъ въ Пекинъ и японскій посолъ отъ Хедейоши.

Стремясь поддержать мирныя сношенія съ Китаемъ, Хедейоши нисколько не имѣлъ намѣренія щадить несчастную Корею.

Доводы Като были убѣдительны для Хедейоши и остававшемуся въ Кореѣ полководцу было дано приказаніе занять войсками крѣпость Чжинь-Чжю, находящуюся въ 40 миляхъ на западъ отъ Фузана и еще незанятую японцами въ ихъ первое нашествіе.

Корейцы, крайне встревоженные враждебнымъ движеніемъ японцевъ, усилили гарнизонъ крѣпости, снабдили его провіантомъ и сдѣлали даже атаку на шедшія къ крѣпости японскія войска. Нападеніе корейцевъ было неудачно и весь ихъ отрядъ былъ истребленъ. Японскія войска подошли къ Чжень-Чжю и повели противъ нея осаду. Осадой руководилъ самъ Като.

Первый приступъ японцевъ былъ отбитъ, такъ какъ корейцы со стѣнъ крѣпости бросали на головы нападающихъ камни и бревна.

Видя упорство осажденныхъ и желая сохранить свои войска, Като примѣнилъ слѣдующій способъ. Онъ устроилъ «каме-но-коша», т.-е. защиту для осаждающихъ солдатъ на подобіе панцыря черепахи. Для этого взялъ нѣсколько сотъ сырыхъ кожъ и высушилъ ихъ на огнѣ до твердости кам-

ня. Этими сухими кожами онъ отвѣсно и наслаивая ихъ одна на другую закрѣпилъ крышу на огромныхъ деревянныхъ навѣсахъ. Подъ навѣсы помѣстились солдаты и, имѣя надъ собою такую защиту, которая противостояла огню, и копьямъ, и бросаемымъ каменьямъ и бревнамъ, двинулись подъ стѣны крѣпости. Здѣсь они начали подрывать стѣну и вынимать камни, пока не образовалась достаточная брешь, черезъ которую воины проникли внутрь крѣпости. Бой былъ ожесточенный, и крѣпость была японцами взята. Извѣстіе объ этомъ, дошедшее до Пекина, повергло китайское правительство въ страшное смятеніе. Ожидая послѣдующаго снова занятія Сеула, китайское правительство рѣшило собрать новую армію, а корейскій король и дворъ, возвращавшійся уже въ Сеулъ, снова съ дороги вернулся въ свое прежнее мѣстопребываніе. Но Като, не имѣя дальнѣйшихъ приказаній Хедейоши, оставилъ въ Чжинь-Чжо японскій гарнизонъ и возвратился въ Фузанъ.

Начальникъ китайскихъ войскъ также не понималъ дѣйствій японцевъ, начавшихъ снова войну, когда были заключены условія мира. Китайскій генералъ сталъ подозрѣвать въ вѣроломствѣ Чэнъ-І-Кей'я и послалъ снова его къ Кониши, чтобы получить разъясненія. О чемъ бесѣдовалъ Чэнъ-І-Кей съ Кониши Griffis не говоритъ, но сообщаетъ только, что, возвратясь отъ японскаго генерала, Чэнъ-І-Кей убѣдилъ китайскаго военачальника отвести свои войска къ границѣ Манчжуріи и доставилъ письмо Кониши, которое тотъ на свой рискъ написалъ китайскому императору.

Несмотря на проявленіе неожиданныхъ враждебныхъ отношеній со стороны Японіи къ Кореѣ, дипломатическія сношенія обоихъ государствъ продолжались и новое посольство изъ Пекина прибыло въ Фузанъ.

Новый китайскій посолъ пожелалъ по прибытіи своемъ имѣть свиданіе съ Кониши, но послѣдній уклонился отъ этого и заявилъ, что пока не получитъ указаній со стороны Хедейоши изъ Японіи, до тѣхъ поръ не можетъ видѣться съ посломъ.

Тотъ же отвѣтъ дали и другіе японскіе генералы.

Между тѣмъ Чэнъ-І-Кей былъ страшно оскорбленъ, что онъ не только не получилъ отъ китайскаго правительства награды, но явился устраненнымъ, а вмѣсто него присланъ другой посолъ, гораздо менѣе освѣдомленный. Послѣдствіемъ такого оскорбленнаго самолюбія было то, что Чэнъ-І-Кей сталъ интриговать противъ новаго посла, обвинялъ его чуть ли не въ самозванствѣ.

Чэнъ-І-Кей добился того, что вновь прибывшій посолъ не былъ допущенъ въ Японію, а отправился туда Чэнъ-І-Кей вмѣстѣ съ Кониши, чтобы предварительно узнать мнѣніе и расположеніе Хедейоши къ принятію посольства.

Возвратясь обратно, Чэнъ-І-Кей такъ повліялъ на посла, что тотъ рѣшилъ возвратиться обратно въ Пекинъ, не исполнивъ своего посольства, а передавъ его Чэнъ-І-Кею.

Въ Кіото готовилось въ это время торжество. У Хедейоши родился

сынъ Хедейори и счастливый отецъ устроилъ пиръ въ замкѣ Фушими близъ Кіото, на которомъ присутствовалъ весь цвѣтъ феодаловъ.

Къ этому торжеству прибыли снова Чэнъ-І-Кей во главѣ китайскаго посольства, сопровождаемый Кониши. Чэнъ-І-Кей привезъ письмо китайскаго императора къ Хедейоши.

Китайское посольство было принято съ большой торжественностью въ Фушими, вручило письмо императора и предъявило свои полномочія.

Хедейоши передалъ письмо для перевода, самаго точнаго, тремъ избраннымъ изъ числа ученыхъ монаховъ, знающихъ въ совершенствѣ китайскій языкъ.

Кониши, опасаясь, что содержаніе письма можетъ возбудить гнѣвъ Хедейоши, просилъ переводчиковъ сгладить непріятныя выраженія, но ученые переводчики остались непреклонны и передали содержаніе письма въ точности.

Заключительная фраза письма: «Мы, императоръ Китая, назначаемъ тебя, Хедейоши, королемъ Кореи», вызвала такой неудержимый гнѣвъ Хедейоши, что онъ собственными руками хотѣлъ задушить Кониши, считая его виновнымъ въ томъ оскорбительномъ отношеніи, которое явилось слѣдствіемъ веденныхъ имъ переговоровъ. Спасло его только заступничество тѣхъ же ученыхъ монаховъ, убѣдившихъ Хедейоши, что во всемъ виновны «лжедушные корейцы».

Китайское посольство было отправлено обратно не только холодно, но безславно и, вернувшись въ Пекинъ, сообщило китайскому правительству о выказанномъ ему безчестіи. Въ это же время и корейскій король, поселившійся уже въ Сеулѣ, обратился съ мольбою въ Пекинъ о помощи противъ вторичнаго нашествія японскихъ завоевателей.

Хедейоши дѣйствительно не медлилъ, и армія, состоявшая изъ 163 тысячъ конныхъ и пѣшихъ солдатъ подъ начальствомъ генераловъ Курода и Нагамаза, высадилась въ Фузанѣ въ январѣ 1597 г., присоединившись къ войскамъ Кониши и Като.

Въ это же время вступили въ Корею и новыя китайскія войска, переправившись черезъ рѣку Ялу. Главныя силы заняли Пинъ-Янъ и Сеулъ, а отдѣльный корпусъ въ 10 тысячъ занялъ крѣпость Нан-онъ въ провинціи Чулла.

Корейскія войска не бездѣйствовали, но на этотъ разъ главная организація шла не столько среди сухопутныхъ войскъ, сколько среди флота. Образовалась хорошо оборудованная эскадра подъ начальствомъ Генкая, одержавшаго уже разъ побѣду надъ японскимъ флотомъ.

Между тѣмъ положеніе Чэнъ-І-Кей'я становилось все хуже и хуже.

Какъ корейцы, такъ и японцы стали смотрѣть на него съ одинаковымъ подозрѣніемъ, одни—считая его на жалованьи у японцевъ, а другіе—не довѣряя его полномочіямъ, какъ посла, такъ какъ онъ не имѣлъ отъ китайскаго правительства никакихъ высшихъ отличій и никакого высокаго [illegible] положенія. Требованія къ Чэн-І-Кей'ю предъявлялись съ

обѣихъ сторонъ самыя противоположныя: Хедейоши требовалъ, чтобы вся южная Корея была отдана Японіи, а китайское правительство требовало, чтобы японскія войска оставили Корею.

Чэнъ-І-Кей начинаетъ уже пользоваться въ сношеніяхъ съ Като услугами буддійскихъ монаховъ, которые, посылаемые къ этому полководцу, убѣждаютъ его отступить въ виду пришедшихъ сотенъ тысячъ китайскаго войска, но получаютъ неизмѣнно суровый отвѣтъ: «пусть идутъ, я готовъ къ бою».

Кончилась вся дипломатическая карьера Чэнъ-І-Кей'я тѣмъ, что особенно враждебно относившійся къ нему Генкай, слѣдившій черезъ шпіоновъ за каждымъ его шагомъ, приказалъ схватить его и посадить въ тюрьму.

Вторая японо-корейская война разгоралась. Японскія войска раздѣлились въ Фузанѣ на три арміи, изъ которыхъ одна пошла на югъ въ провинцію Чулла къ крѣпости Нан-онъ, а двѣ другія пошли по старымъ путямъ, сѣверному и западному, на Сеулъ.

Полководцами двухъ армій остались Кониши и Като, но главное начальство надъ войсками было вручено старому 60-лѣтнему витязю японскому Хидеаки.

Кромѣ сухопутныхъ китайскихъ и корейскихъ силъ въ войнѣ готовились принять участіе корейскій и китайскій флотъ, составленный изъ хорошо оборудованныхъ и вооруженныхъ джонокъ. У корейцевъ было до 200 судовъ съ двойными палубами, съ поставленными на нихъ бросательными снарядами и даже пушками.

Первый морской бой былъ у корейцевъ, которые, не дожидаясь китайцевъ, рѣшили одни попытать счастія, помня свою первую морскую побѣду. Но на этотъ разъ корейцы потерпѣли страшное пораженіе, потерявъ въ короткое время 174 джонки изъ своего флота.

Это пораженіе оказало свое вліяніе и на сухопутную войну. Корейскія войска направились на подкрѣпленіе китайскаго гарнизона въ Нан-онъ, но японскій генералъ Като Іошіакира, узнавъ объ этомъ движеніи, послалъ свои войска, чтобъ предупредить союзниковъ, а Като Кійомаза послалъ свои морскія силы въ рѣку Семъ, гдѣ сдѣлалъ высадку на берегъ.

Японцы пришли раньше союзниковъ и повели осаду крѣпости, которую осажденные китайцы и корейцы не хотѣли сдать.

Крѣпость была сильно укрѣпленная, обнесенная высокими, сложенными изъ камней, стѣнами, съ глубокими рвами. По угламъ были боевыя башни въ нѣсколько этажей. Въ крѣпость вело четверо воротъ.

Послѣ двухъ неудавшихся приступовъ японцы на третій приготовили хитрость. Кониши велѣлъ заготовить своимъ солдатамъ вязанки свѣже срѣзаннаго риса, поля котораго обѣщали обильную жатву. Пользуясь этими вязанками, какъ защитой отъ стрѣлъ, японцы темной ночью по шли на приступъ съ той стороны стѣны, съ которой ихъ не ожидали, которая мало была защищена. Японцамъ удалось взобраться на стѣну, начался бой. Китайскія войска въ страхѣ бѣжали, а многіе изъ китайцев

въ паникѣ открыли ворота, чтобъ спасаться бѣгствомъ, чѣмъ воспользовались японцы и заняли крѣпость.

Избіеніе осажденныхъ было страшное и счетъ убитыхъ враговъ, производимый въ то азіатское время по отрубленнымъ головамъ непріятеля, какъ трофеямъ славы, показалъ, что убитыхъ было 3,726 человѣкъ.

По обычаю того времени японцы отрѣзали у пораженныхъ враговъ уши и носы и, вмѣстѣ съ головою убитаго начальника гарнизона крѣпости, въ бочкахъ отправили въ Кіото, гдѣ и были эти трофеи войны зарыты въ громадную могилу ушей, какъ монументъ военной японской славы.

Оставивъ въ завоеванной крѣпости гарнизонъ, японцы двинулись на Сеулъ и шли безпрепятственно, такъ какъ корейскія и китайскія войска въ попутныхъ крѣпостяхъ и городахъ бѣжали передъ японцами.

Блестящіе успѣхи сухопутной войны и движеніе японцевъ на Сеулъ было остановлено побѣдой китайскаго флота, соединившагося съ остатками корейскаго и разбившаго японскій флотъ вскорѣ послѣ занятія японцами крѣпости Нан-онъ.

Это пораженіе японскаго флота измѣнило весь ходъ войны. Японскій флотъ, слѣдуя за арміей близъ береговъ Кореи, доставлялъ японскимъ войскамъ продовольствіе и служилъ постояннымъ мѣстомъ, куда они могли отступать безъ опасенія быть уничтоженными.

Потерявъ свой флотъ, японская армія осталась не только въ разоренной, голодной, враждебной странѣ, но осталась отрѣзанной отъ моря. Въ виду этого военный японскій совѣтъ постановилъ, несмотря на сухопутныя побѣды, начать обратное отступленіе.

Между тѣмъ наступали уже холода, страна была разорена и китайская армія терпѣла большія лишенія. Затягивать войну угрожало большими бѣдствіями, почему китайскій полководецъ рѣшилъ вступить въ бой съ японцами и однимъ рѣшительнымъ ударомъ окончить тяжелую войну до наступленія зимы.

Въ присутствіи своихъ войскъ китайскій генералъ приказалъ соорудить алтарь и принесъ жертву на немъ для умилостивленія боговъ Неба и Земли, прося ихъ о дарованіи побѣды надъ врагомъ.

По окончаніи церемоніи онъ отдалъ приказъ соединеннымъ войскамъ китайцевъ и корейцевъ начать выступленіе.

Шпіоны оповѣстили объ этомъ японскихъ начальниковъ, стоявшихъ въ ближайшихъ пунктахъ. Первая стычка между передовымъ китайскимъ отрядомъ и японскимъ гарнизономъ произошла при Шин-зень. Хотя китайскій отрядъ былъ разбитъ, но японцы начали отступленіе. Когда же имъ были доставлены извѣстія, что силы союзниковъ достигаютъ въ Сеулѣ ста тысячъ, японскіе военачальники рѣшили начать общее отступленіе черезъ провинцію Кіон-сань, самую богатую, составлявшую часть прежняго государства Шинра.

Отступая черезъ эту провинцію, японскія войска забирали повсюду богатую добычу. Государство Шинра и Корея были самыми просвѣщен-

ными, державшими свѣточи древней цивилизаціи и образованности, поэтому и въ провинціи Кіонь-сань сохранилось много старинныхъ монастырей, храмовъ, зданій, изъ которыхъ японцы забирали съ собою всю домашнюю, общественную и храмовую утварь и обстановку, дорогія вещи, шелковыя ткани, произведенія искусства, драгоцѣнные письменные манускрипты, изображенія божествъ, сдѣланныя изъ золота, серебра, дерева, оружіе, книги, оставляя послѣ себя полное разореніе.

Особенно славился своимъ богатствомъ городъ Чжіонь-чжю съ древними богатыми буддистскими храмами и монастырями.

Японскіе монастыри и храмы, а также и хранилища старины, имѣютъ и до сего времени много цѣнныхъ историческихъ произведеній, вывезенныхъ въ Японію изъ Кореи.

Предавая на своемъ пути все разоренію и разграбленію, японскія войска въ ноябрѣ мѣсяцѣ достигли берега моря, подойдя къ крѣпости Уру-санъ (Уль-сань), находящейся въ 35 миляхъ отъ Фузана.

Занявъ Уру-санъ, японцы принялись дѣятельно исправлять старыя и возводить новыя укрѣпленія, такъ какъ ожидали скораго нашествія со стороны соединенныхъ китайско-корейскихъ войскъ.

Въ первыхъ числахъ января крѣпость была готова встрѣтить непріятеля, но положеніе японцевъ было тяжелое. Наступала зима, и они сильно страдали отъ холода и отъ суроваго климата.

Крѣпость Уру-санъ была сильна и хорошо защищена. Съ южной стороны она спускалась къ морю, а съ трехъ остальныхъ сторонъ на пространствѣ $3^1/_2$ миль обнесена высокой каменной стѣной. Кромѣ наружныхъ стѣнъ внутри ихъ находились еще три обнесенныхъ стѣнами и укрѣпленныхъ крѣпости съ боевыми башнямъ по угламъ.

Китайско-корейскія войска дѣйствительно шли на Уру-санъ, о чемъ случайно узналъ изъ перехваченнаго сообщенія монахамъ буддійскаго монастыря одинъ изъ японскихъ офицеровъ, стоявшій на передовомъ посту близъ этого монастыря.

Японскій офицеръ немедленно извѣстилъ гарнизонъ Уру-сана, для котораго уже не было неожиданностью, когда они увидали утромъ 30 января 1598 г. подступавшія войска непріятеля.

Передовой отрядъ, который японцы приняли за корейскія войска, былъ только отрядомъ охотниковъ, которые рѣшили штурмовать крѣпость лишь для того, чтобы заманить японцевъ въ открытое поле. Такъ оно и вышло.

Когда атака охотниковъ была отбита японцами, заставившими китайцевъ отступить съ урономъ, то главная часть гарнизона вышла ихъ преслѣдовать и скоро наткнулась на китайскія войска. Начался жестокій бой. Японцы съ громадными потерями едва вернулись въ крѣпость. Въ бою пало 18,360, а въ крѣпости оставалось всего пять тысячъ, такъ сильно уменьшилось число защитниковъ.

Какъ всегда бываетъ, что нѣкоторымъ выпадаетъ счастіе оставаться невредимыми въ бою, такъ и здѣсь указываютъ историки на одного япон-

скаго офицера Огавучи, который вернулся въ крѣпость, весь покрытый стрѣлами, бывшими въ его платьѣ, но не получивъ ни одной раны.

Положеніе осажденныхъ японцевъ было ужасно, и начальникъ крѣпости послалъ просить помощи у Като, который находился въ Фузанѣ.

На другой день китайскія войска подошли къ крѣпости и начали приступъ.

Малочисленные защитники не могли удержать наружныхъ стѣнъ, въ которыхъ китайцы пробили бреши и захватили стѣны. Японцы перешли во внутреннія укрѣпленія и отбивали успѣшно изо дня въ день производившіеся китайцами атаки и штурмы.

Положеніе однако обоихъ противниковъ было тяжелое: наступившіе морозы заставляли страдать отъ холода солдатъ; очень многіе изъ нихъ, будучи на постахъ, замерзали, къ этому присоединялся у обоихъ противниковъ недостатокъ въ продовольствіи, перешедшій скоро у японцевъ въ голодъ. Скоро японцы стали терпѣть лишенія и въ водѣ, такъ какъ китайцы прекратили возможность добывать воду съ горъ, и японцы пользовались только снѣгомъ и льдомъ.

Желая скорѣе окончить войну, китайцы предложили начать переговоры, но японцы отказались и разослали вездѣ, гдѣ только были ихъ войска, просить о помощи.

Голодъ и смертность стали ужасны въ крѣпости. Японцы не только поѣли всю живность, которая была, поѣли лошадей, но стали по ночамъ дѣлать вылазки и срѣзать у убитыхъ китайцевъ, лежавшихъ не убранными на полѣ битвы, куски мяса и поѣдали ихъ.

Гибель японцевъ, казалось, была неизбѣжна, и китайцы 12 февраля начали штурмъ крѣпости. Въ это время явилось неожиданно избавленіе: подошли японскія войска изъ Фузана и ударили въ тылъ китайцамъ.

Пораженіе китайцевъ было полное. Японцы собрали, какъ трофеи побѣды, 13,238 головъ, а уши и носы, по обычаю, отправили въ Кіото.

Послѣ этого пораженія китайскій вождь рѣшилъ окончательное отступленіе. Японцы освободились, но среди нихъ продолжались попрежнему болѣзни и страшная смертность.

Обстоятельства однако сложились такъ, что скоро позволили вернуться на родину измученнымъ войскамъ.

Въ сентябрѣ 1598 г. послѣ долгой болѣзни умеръ Хедейоши. Послѣдними его словами къ приближеннымъ было: «Верните обратно мои войска изъ Чо-сенъ» (Кореи). Его воля была исполнена.

По подсчету историка войны въ Кореѣ Огавучи было обезглавлено китайцевъ и корейцевъ 214,752, японцевъ пало въ бояхъ и отъ болѣзней 50 тыс. Такъ закончились безрезультатно японскія войны.

В. В. Корсаковъ.

Международные третейскіе суды XIX вѣка.

Подъ этимъ заглавіемъ вышла недавно книга Н. П. Голубева *), посвященная одному изъ интереснѣйшихъ вопросовъ международнаго права, важность котораго возрастаетъ въ наши дни. Она распадается на двѣ части: въ первой разсматриваются временные международные третейскіе суды, во второй—постоянные. Временные создаются государствами для отдѣльныхъ спорныхъ случаевъ, по рѣшеніи которыхъ судъ перестаетъ существовать. Это до сихъ поръ главная и наиболѣе распространенная форма третейской юрисдикціи. Послѣ нѣкоторыхъ вступительныхъ теоретическихъ замѣчаній о компромиссахъ XIX вѣка, авторъ подробно изучаетъ въ трехъ главахъ первой части: устройство временныхъ третейскихъ судовъ, ихъ вѣдомство и дѣлопроизводство въ нихъ (послѣднее со стороны ихъ внѣшней организаціи и со стороны ихъ функціонированія).

Центръ научнаго и практическаго интереса работы лежитъ во-второй части, трактующей о попыткахъ къ введенію постоянной юрисдикціи. Она распадается на два отдѣла: въ первомъ разсматриваются основные элементы соглашеній о такой юрисдикціи (въ практикѣ XIX вѣка; теоретическія о ней замѣчанія); во-второмъ—рѣчь идетъ о судебной уніи европейскихъ, американскихъ и азіатскихъ государствъ и, въ частности, о конференціяхъ: первой пан-американской въ Вашингтонѣ 1889—90 гг., мирной Гаагской 1899 г. и второй пан-американской въ Мексикѣ 1901—1902 гг.

Въ приложеніи дается очеркъ литературы по вопросу о международныхъ третейскихъ судахъ.—Таковы содержаніе и планъ настоящаго сочиненія. Въ немъ изучаются третейскіе суды истекшаго столѣтія и изложеніе по преимуществу—догматическое. Международной практикѣ отдается перевѣсъ надъ теоретическими соображеніями и пожеланіями. Этимъ объясняются недостатки и хорошія стороны работы г. Голубева.

Въ такомъ вопросѣ, какъ международный третейскій судъ, литература играетъ громадную роль. Она воспитала общественное мнѣніе и подготовила пути для обращенія правительствъ къ этому столь желательному

*) Москва, 1903 г. 312 стр.

способу осуществленія справедливости въ международныхъ сношеніяхъ. А между тѣмъ литературѣ отводятся въ концѣ книги всего семь страницъ. Очеркъ этотъ написанъ безъ системы и мало содержателенъ. Ни словомъ не упоминается о работѣ Гольдшмидта, подготовившаго извѣстный регламентъ института международнаго права о третейскихъ судахъ, которому также, въ свою очередь, не оказывается должнаго вниманія. Тутъ не говорится о такихъ важныхъ трудахъ, какъ сочиненія Мериньяка *) и Декана, а равно о стараніяхъ обществъ мира и междупарламентскихъ конференцій къ водворенію третейской юстиціи. Этимъ пренебреженіемъ къ литературѣ объясняется и другой недостатокъ разсматриваемаго сочиненія: въ немъ не указываются общія причины возрастанія значенія международной третейской юрисдикціи въ наши дни, обезпечивающія ей, можно надѣяться, еще большіе успѣхи въ будущемъ. Въ этомъ пунктѣ XIX вѣкъ, собственно его вторая половина, рѣзко отличается отъ предшествующихъ эпохъ, но какія тому причины? Въ чемъ особенности этого громаднаго, все возрастающаго движенія въ пользу права и мира въ международной сферѣ? На это либо нѣтъ отвѣтовъ вовсе, либо они даются такъ вскользь и намеками, что изъ нихъ нельзя вывести общихъ и яркихъ заключеній. Это результатъ увлеченія автора практикой, тутъ, какъ и вездѣ, не дающей отвѣтовъ на основные и принципіальные вопросы, которые однако столько проливаютъ на нее свѣта и уясненіе которыхъ рѣшительно необходимо для лучшаго пониманія самой этой практики.

Основу международнаго права авторъ видитъ въ самоограниченіи суверенныхъ государствъ. Это согласно съ господствующей теоріей, но такого утвержденія недостаточно, ибо оно ограничивается одною формальною стороною дѣла. Въ связи съ этимъ неустойчивы воззрѣнія г. Голубева на сущность третейскаго суда, который черпаетъ свои полномочія изъ соглашенія сторонъ, но какъ судъ и какъ международный органъ онъ стоитъ выше государствъ, его образовавшихъ. Послѣднее вѣрно, но тогда основаніе суда лежитъ не въ одной волѣ государствъ и не только въ компромиссѣ, вызвавшемъ его къ дѣятельности. То же слѣдуетъ сказать о мысляхъ автора относительно международныхъ конференцій: теоретически не представляется основанія не признавать и ихъ, какъ третейскіе суды, за юридическія лица съ собственною волею и не снабжать ихъ правомъ рѣшать дѣла большинствомъ голосовъ, разъ это допущено для третейскихъ судовъ и для нѣкоторыхъ конференцій неполитическаго характера. Авторъ дѣлаетъ оговорку, что многіе видятъ и въ третейскихъ судахъ не органы права, а лишь посредническіе совѣты, но это невѣрно, ибо это международные органы, которые имѣютъ свою волю, самостоятельную отъ воли той и другой стороны и для послѣднихъ обязательную. Но международными органами являются и конференціи. Авторъ далѣе слишкомъ суживаетъ компетенцію третейскаго суда, утверждая, что къ ней не относятся вопросы: о національномъ

*) О мирной Гаагской конференціи.

объединеніи народа, установленіе и измѣненіе нормъ международнаго права, мѣры высшей политики, толкованіе политическихъ договоровъ. Нельзя принять его тезисъ: но и въ сферѣ отношеній между государствами, регулируемыхъ международнымъ правомъ, не всѣ вопросы входятъ въ предѣлы вѣдѣнія суда. Гдѣ право, тамъ должна быть налицо и юридическая защита. Во всѣхъ фактическихъ отношеніяхъ и политическихъ спорахъ не трудно открыть юридическую сторону, которая и подлежитъ разсмотрѣнію суда. Только вопросы, затрогивающіе независимость государства, должны быть изъяты (cas réservés), но и тутъ спрашивается, кому объ этомъ судить: сторонѣ или суду? Государства, говоритъ авторъ, на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій и въ разныя историческія эпохи всегда и неизмѣнно поручали третейскимъ судамъ только споры извѣстнаго рода, именно въ сферѣ чисто юридическихъ отношеній и дѣла чисто матеріальнаго характера. Этотъ фактъ имѣетъ глубокое принципіальное значеніе.

На нашъ взглядъ онъ объясняется неорганизованностью юстиціи въ международной области и недостаточнымъ развитіемъ самого международнаго права. Съ устраненіемъ этихъ недостатковъ можно надѣяться, что третейская юрисдикція превратится для государствъ изъ добровольной въ обязательную въ преобладающемъ числѣ споровъ, причемъ договоры должны точнѣе опредѣлять конкретные случаи обращенія къ ней.

Поправки требуетъ и слѣдующее замѣчаніе автора: можно подмѣтить однообразныя и общія начала въ устройствѣ, вѣдомствѣ и дѣлопроизводствѣ отдѣльныхъ третейскихъ судовъ, повторяемыя въ договорахъ XIX в. Эти начала установились и сложились не только путемъ обычая, но и благодаря наукѣ, которая такъ сильно содѣйствовала выясненію природы и особенностей третейскаго суда, взятаго изъ римскаго и гражданскаго права, перенесеннаго на международную почву и къ ней все болѣе и болѣе приспособляемаго.

Въ этомъ отношеніи довольно напомнить хотя бы такія его отличія отъ третейскаго суда въ частномъ быту, какъ вопросы объ обязательномъ для сторонъ къ нему обращеніи, о неназначеніи ими въ составъ суда своихъ гражданъ, объ обжалованіи третейскихъ рѣшеній и т. д. Авторъ увлекается, когда утверждаетъ, что въ третейскомъ производствѣ стороны остаются хозяевами процесса: онѣ-де могутъ до постановленія судьею приговора покончить скорѣе дѣло путемъ непосредственнаго соглашенія; онѣ могутъ также до этого момента производить сообща перемѣны въ составѣ суда.

Первое, т.-е. примиреніе, допустимо, но никакъ не второе: это условіе низвело бы судъ на степень покорнаго и безвольнаго орудія сторонъ. Разъ онъ приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла, въ его составѣ стороны не могутъ уже дѣлать измѣненія, какъ и судьи не въ правѣ безъ особо уважительныхъ причинъ, которыя должны быть констатированы судомъ, отказываться отъ должности.

Желательна, вопреки мнѣнію автора, еще одна реформа въ третейской юстиціи: чтобы къ ней съ согласія государствъ могли обращаться и частныя

лица въ случаѣ неполученія ими правосудія передъ иностранными судами и властями.

Вопросъ о постоянной юрисдикціи въ теоретическомъ отношеніи авторъ разсматриваетъ спеціально съ двухъ сторонъ: касательно обязательнаго обращенія къ ней государствъ во всѣхъ спорахъ и относительно установленія постоянной ея организаціи, но безъ этой обязательности, между многими участниками. Мыслимо, конечно, и совпаденіе обѣихъ этихъ сторонъ.

Авторъ приходитъ къ выводу, что для практическаго упроченія постоянной юрисдикціи важнымъ является заключеніе государствами соглашеній для извѣстнаго рода споровъ, а не для всѣхъ. Но для какихъ именно, онъ не опредѣляетъ. Важно, далѣе, чтобы споры эти были въ соглашеніяхъ точно опредѣлены и чтобы ни одна изъ сторонъ не имѣла возможности уклониться отъ суда подъ предлогомъ, что данный споръ не предусмотрѣнъ въ соглашеніи (вопросъ, рѣшаемый самимъ судомъ, который долженъ имѣть право собираться по призыву одной изъ сторонъ).

Едва ли, какъ это ни желательно, можно уже теперь говорить о существованіи судебной уніи государствъ, въ особенности европейскихъ. По крайней мѣрѣ, гаагская конференція 1899 г., учредивъ постоянное бюро и административный совѣтъ въ дѣлахъ третейской юрисдикціи, не ввела принципъ періодически созываемыхъ конференцій. Кромѣ того, идея судебной уніи требовала бы обязательнаго обращенія къ суду, правильное и постоянное его функціонированіе.

Изложеніе работъ гаагской конференціи по занимающему насъ вопросу вставлено между очерками работъ обѣихъ американскихъ конференцій по тому же вопросу. Это объясняется хронологическимъ порядкомъ, но, быть можетъ, логически и сущностью дѣла требовалось бы не отдѣлять обѣ американскія конференціи вставкою о гаагскомъ собраніи, тѣмъ болѣе, что, при внѣшнемъ сходствѣ, глубокія внутреннія различія послужили мотивами къ созванію этихъ конференцій въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ.

Признаютъ ли американскія республики обязательное обращеніе къ третейскому суду? Авторъ это отрицаетъ даже послѣ мексиканской конференціи,—едва ли, однако, на достаточномъ основаніи: въ договорѣ, заключенномъ 29 января 1902 года между девятью республиками Америки, это обращеніе признано обязательнымъ во всѣхъ спорахъ, не нарушающихъ національной независимости или чести одной изъ сторонъ и не рѣшенныхъ дипломатическимъ путемъ.

Къ попыткамъ, сдѣланнымъ въ этомъ направленіи этими государствами и упоминаемымъ авторомъ (конгрессъ въ Лимѣ въ 1864—65 гг., старанія Колумбіи въ 1880—81 гг. и съѣздъ въ Панамѣ), должно еще прибавить попытки къ установленію судебной уніи, дѣлавшіяся между испано-американскими республиками и Испаніею (конгрессы въ Мадридѣ въ 1892 и 1900 гг.).

Изложеніе у автора тяжеловѣсное; обороты рѣчи однообразные. Для подкрѣпленія того или иного положенія приводятся длинные списки дого-

воровъ, ихъ годовъ и статей, что было бы, конечно, удобнѣе помѣстить не въ текстѣ, а въ выноскахъ.

Къ достоинствамъ сочиненія г. Голубева должно быть отнесено тщательное и весьма полное изученіе, по избранному имъ предмету, всего договорнаго матеріала, почерпнутаго какъ изъ извѣстныхъ сборниковъ трактатовъ Мартенса и его продолжателей, Клерка, Гертелета, Мура и др., такъ равно и изъ дипломатической переписки кабинетовъ за послѣднія десятилѣтія. Авторъ съ большою пользою для своей работы извлекъ эти данныя изъ богатыхъ книгохранилищъ Парижа *). Онъ въ одинаковой степени удѣлилъ вниманіе международной практикѣ Европы и Америки. Послѣдняя въ избранномъ имъ вопросѣ особенно поучительна и вообще мало извѣстна у насъ. Наибольшій интересъ работѣ его придаютъ очерки гаагской мирной конференціи и обѣихъ американскихъ конференцій, вашингтонской и мексиканской, по вопросу объ установленіи правильной международной третейской юрисдикціи.

Словомъ, сочиненіе г. Голубева представляетъ собою весьма полную обработку положительнаго международнаго права по одному изъ его важнѣйшихъ вопросовъ, обработку особенно полезную въ виду того, что она касается самыхъ послѣднихъ лѣтъ и такого предмета, который почти не разработанъ въ научной литературѣ Россіи.

Гр. Л. Камаровскій.

---

*) Матеріалъ этотъ авторъ систематизировалъ съ достаточною ясностью.

Что сдѣлано за сорокъ лѣтъ московскимъ городскимъ управленіемъ по народному образованію *)

Въ 1884 году городское управленіе, видимо, систематически противилось открытію новыхъ училищъ. Еще въ 1883 году въ думу поступило прошеніе за многочисленными подписями обывателей Сокольниковъ объ открытіи въ этой мѣстности, гдѣ благодаря дешевизнѣ квартиръ и конной желѣзной дорогѣ населеніе быстро стало расти, начальнаго училища. Но это прошеніе не удостоилось вниманія городского управленія и даже почему-то не было доложено думѣ («Лѣтопись», стр. 153). Отклонено было думой въ 1884 году и прошеніе обывателей Лефортова о томъ же. По отношенію же къ просьбѣ служащихъ и рабочихъ на станціи Москва 2-я Курской желѣзной дороги въ «Совѣтъ училищъ при московской городской управѣ»—принять ихъ училище въ вѣдѣніе городского управленія—членъ управы, завѣдывавшій городскими училищами, ограничился пометкою: «къ свѣдѣнію». Только пожертвованіе приспособленнаго для двухъ школъ зданія, сдѣланное гласнымъ Н. А. Алексѣевымъ, вызвало въ этомъ году открытіе одного мужского и одного женскаго училища.

Въ 1885 году было открыто два мужскихъ и два женскихъ начальныхъ училища «въ ознаменованіе совершеннолѣтія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Николая Александровича». Какъ ни ничтожно теперь стало количество вновь открываемыхъ школъ, однако находились гласные (и на этотъ разъ изъ профессорской среды), которые признавали даже и такой расходъ на народное образованіе для города излишнимъ («Лѣтопись», стр. 148). Кромѣ того, въ память исполнившагося въ 1884 году столѣтія «Жалованной грамоты», въ 1885 году были учреждены двѣ школы «по типу Маріинскихъ». Индифферентизмъ думы къ народному образованію въ это время достигъ такой степени, что управа нашла возможнымъ помимо думы измѣнить по своему усмотрѣнію и программу, и штатъ, и всю организацію этихъ училищъ, опредѣленную ранѣе приговоромъ думы, даже не давая въ этомъ ей отчета. «Такимъ широкимъ правомъ,—

*) *Русская Мысль*, кн. IV, 1904 г.

замѣчаетъ по этому поводу «Лѣтопись» (стр. 144),—исполнительный органъ городского управленія никогда не пользовался прежде при открытіи даже начальныхъ училищъ, да и не можетъ пользоваться по закону».

Въ 1886 году не было открыто ни одной школы; мало того—къ этому году относятся первыя мѣропріятія думы по сокращенію вечерне-воскресныхъ классовъ, хотя они и были признаны полезными.

Нельзя однако сказать, чтобы никто изъ думскихъ дѣятелей этого періода реакціи не замѣчалъ растущаго школьнаго нестроенія. Еще въ 1885 году нѣкоторые гласные настаивали на пересмотрѣ штатовъ и всей организаціи городскихъ училищъ. Съ этою цѣлью подъ предсѣдательствомъ члена, завѣдующаго училищами, была организована спеціальная коммиссія, докладъ которой разсматривался думою въ 1886 году. Но коммиссія эта была составлена такъ, что протестанты противъ существующаго положенія дѣлъ и иниціаторы поднятаго вопроса о пересмотрѣ не попали въ нее, а изъ попечителей было приглашено только пять человѣкъ, и дѣло кончилось тѣмъ же самовосхваленіемъ, какимъ ознаменованы всѣ отчеты завѣдующаго училищами члена въ этотъ темный періодъ исторіи городскихъ школъ *). Коммиссія засвидѣтельствовала, что настоящее устройство городскихъ училищъ «не оставляетъ желать ничего лучшаго», что они приведены теперь въ «цвѣтущее состояніе». Что же дѣлала коммиссія, призванная пересмотрѣть всю школьную организацію въ теченіе трехъ лѣтъ, кромѣ составленія похвальныхъ отзывовъ о существующемъ положеніи вещей? Сначала она признала было необходимымъ выработать общія правила по управленію училищами, «которыми могли бы руководствоваться вновь избираемые попечители и попечительницы», но потомъ нашла, что это «работа слишкомъ долгая и не вызывается неотлагательною надобностью всѣхъ училищъ, а потому заблагоразсудила отложить ее до болѣе благопріятнаго времени, которое такъ и не наступило. Всего болѣе, видимо, коммиссіей было удѣлено вниманія излюбленному предмету того періода—сокращенію расходовъ по школьному дѣлу. Но и въ этой области она не нашла ничего лучшаго, какъ сократить вдвое сумму, отпускаемую каждому училищу въ количествѣ 200 рублей на завтракъ дѣтямъ, состоящій изъ чернаго хлѣба съ солью, и при томъ не принимая во вниманіе количества учащихся въ немъ. Во всей работѣ коммиссіи «Лѣтопись» усматриваетъ единственную положительную сторону—это ходатайство передъ думою объ утвержденіи составленныхъ ею временныхъ правилъ о пенсіи для учителей и учительницъ.

---

*) Начиная съ 1883 года, въ „Отчетахъ о состояніи городскихъ училищъ", „постоянно превозносится блестящее положеніе этихъ училищъ" („Лѣтопись", стр. 126). Вотъ, напримѣръ, какими хвалебными словами начинается „Отчетъ" за 1884—1885 учебный годъ: „Истекшій учебный 1884—1885 годъ принадлежитъ къ выдающимся годамъ за время 18-лѣтняго существованія училищъ, учрежденныхъ московской городской думой: онъ примѣчателенъ какъ по приведеннымъ въ исполненіе, такъ и по постановленнымъ приговорамъ думы относительно утвержденія и расширенія начальнаго образованія въ Москвѣ" („Лѣтопись", стр. 137).

Чего не хотѣла сдѣлать коммиссія, то было выполнено попечительницею одной изъ школъ—С. Д. Свербеевой и гласными—С. В. Лепешкинымъ и И. Н. Мамонтовымъ, вошедшими въ думу съ заявленіями, которыя потребовали отъ составителей большого предварительнаго труда и изученія. Эти заявленія заключали въ себѣ массу цѣнныхъ указаній, между прочимъ, и по наиболѣе интересующему думу того времени вопросу объ удешевленіи школьнаго хозяйства, при улучшеніи къ тому же его организаціи. Въ особенности заслуживаетъ вниманія заявленіе И. Н. Мамонтова, указанія котораго во многомъ до сихъ поръ не утратили своего значенія и все еще остаются предметомъ благихъ пожеланій въ области думской школьной политики. Такъ, отмѣчая безсистемность состава городскихъ училищъ, вслѣдствіе чего непроизводительно содержатся лишнихъ 49 классовъ, онъ указываетъ, какъ планомѣрной организаціей отдѣленій можно безъ ущерба для дѣла, даже увеличивши жалованье учащимъ, или сократить расходъ по содержанію школъ (284,000 руб.) на 106,500 рублей, или увеличить число учащихся (7,100 человѣкъ) на 4,260 человѣкъ. Онъ указываетъ, какъ, путемъ устройства собственныхъ училищныхъ зданій на шесть классовъ (съ двумя параллелями при первомъ отдѣленіи и одною при второмъ) для 300 учениковъ, съ одной запасною комнатой, съ одной—для библіотеки и читальни, шестью комнатами для учащихъ, съ двумя кухнями и съ помѣщеніемъ для прислуги, можно не только наилучшимъ образомъ удовлетворить всѣмъ современнымъ требованіямъ школьной гигіены, но и достигнуть даже сокращенія расходовъ по содержанію школьныхъ помѣщеній *). Для расходовъ по устройству собственныхъ школьныхъ зданій И. Н. Мамонтовъ предлагаетъ сдѣлать облигаціонный заемъ. Въ области внутренней школьной организаціи И. Н. Мамонтовъ указываетъ, что «неясность коренныхъ началъ, положенныхъ въ основаніе школы, и отсутствіе согласованныхъ правилъ для завѣдыванія ею имѣли своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ доведенную до крайности обособленность при завѣдываніи каждой отдѣльной школой. Самостоятельность каждаго попечителя и попечительницы въ отдѣльности дошла до такого объема, что понятіе о дѣйствительномъ самоуправленіи и объ общности въ дѣлѣ завѣдыванія школой почти исчезло... Педагогическій персоналъ народныхъ школъ въ Москвѣ, подчиняясь почти исключительному вліянію гг. попечителей и попечительницъ, не имѣетъ ни правильной организаціи, ни единства... При управленіи школой попечитель является полнымъ ея хозяиномъ; для него нѣтъ ничего обязательнаго. Поэтому у насъ нѣтъ народной шко-

*) Къ 1903 году школъ, помѣщающихся въ собственныхъ зданіяхъ (выстроенныхъ городскимъ управленіемъ или пожертвованныхъ ему) было всего 19, т.-е. 10%. Изъ нихъ только выстроенныя частнымъ жертвователемъ—Капцовымъ въ 1892 году для мальчиковъ, и въ 1895 году для дѣвочекъ, а затѣмъ женское и мужское Міусскія въ память Императора Александра II, выстроенныя городскимъ управленіемъ въ 1900 году, соотвѣтствуютъ проекту И. Н. Мамонтова. Прочія выстроены на три класса. О качествѣ этихъ помѣщеній будетъ сказано ниже.

лы, какъ цѣльнаго организма, а есть семьдесятъ одна школа, каждая съ своимъ уставомъ». Для правильнаго завѣдыванія городскими училищами, по мнѣнію г. Мамонтова, нуженъ «отвѣтственный органъ, обладающій нравственнымъ значеніемъ, знаніемъ, энергіей, иниціативой и преданностью дѣлу». Этотъ органъ долженъ заботиться о педагогической сторонѣ школы и составить правила, которыми руководствовались бы всѣ лица, имѣющія къ школѣ ближайшее отношеніе. Такимъ органомъ долженъ быть совѣтъ попечителей и попечительницъ. «Идея самоуправленія, положенная въ основу учрежденія совѣта, должна считаться главнымъ условіемъ возможности преуспѣянія училищнаго дѣла въ Москвѣ». А между тѣмъ совѣтъ, «долго державшій въ своихъ рукахъ общее направленіе въ училищномъ дѣлѣ и дававшій школамъ общее направленіе для достиженія поставленной цѣли, отличается въ послѣдніе четыре года полнѣйшею бездѣятельностью... Самоуправленіе школы начало переходить въ произволъ, а единеніе и объединительный элементъ исчезаютъ... Обновленіе школьной организаціи необходимо». Наконецъ, И. Н. Мамонтовъ явился первымъ изъ городскихъ дѣятелей, признавшимъ необходимость для успѣховъ школьнаго дѣла активнаго участія въ немъ самихъ учащихъ. «Важнымъ способомъ для выясненія, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ сторонъ опыта, пережитаго московскими училищами,—говоритъ онъ въ своемъ заявленіи,—представляется обсужденіе и выясненіе педагогической стороны школы самими учителями и учительницами въ формѣ ли гласныхъ съѣздовъ или созыва наиболѣе опытныхъ учителей и учительницъ въ закрытыя засѣданія, подъ предсѣдательствомъ члена управы по училищному дѣлу». Эти съѣзды «будутъ имѣть и громадное воспитательное значеніе для учителей и учительницъ, и придадутъ жизнь школѣ, въ лицѣ ея непосредственныхъ исполнителей». Здѣсь будетъ умѣстно замѣтить, что И. Н. Мамонтовъ высказывался и за участіе учащихъ въ думскихъ коммиссіяхъ по школьнымъ вопросамъ. Такъ, при обсужденіи думою вопроса о параллельныхъ классахъ, онъ заявилъ; «я нахожу, что слѣдуетъ въ принципѣ признать, что разработка такихъ учебныхъ спеціальныхъ вопросовъ должна производиться при участіи гг. учителей и учительницъ, иначе выходитъ, что мы толкуемъ по поводу спеціальныхъ вопросовъ, не будучи компетентными въ нихъ, и потому можемъ рѣшать ихъ болѣе или менѣе опрометчиво». Кромѣ сказаннаго, И. Н. Мамонтовъ находитъ нужнымъ путемъ статистическаго обслѣдованія школъ выяснить вопросъ о такъ называемыхъ приготовительныхъ классахъ *), о причинахъ «большого количества оставленій учениковъ въ прежнихъ классахъ», и о томъ: «можно ли наши программы проходить въ теченіе трехъ лѣтъ». «Безъ подобныхъ свѣдѣній, въ достаточномъ числѣ собранныхъ и подробно разработанныхъ,—говоритъ онъ въ своемъ заявленіи,—нельзя постановить и сознательнаго опредѣленія по предложенію коммис-

*) Параллельные классы при первыхъ отдѣленіяхъ школъ нерѣдко превращались фактически въ приготовительные классы (для поступающихъ неграмотныхъ учениковъ) къ первому отдѣленію.

сіи о значеніи приготовительныхъ классовъ». Убѣдительно защищалъ въ своемъ заявленіи И. Н. Мамонтовъ и вечерне-воскресные классы, о чемъ рѣчь будетъ далѣе.

Коммиссія не касалась ни одного изъ указанныхъ въ заявленіи г. Мамонтова вопросовъ и вообще «не исполнила порученія, даннаго ей думою еще въ 1883 г.». А авторъ заявленія, хотя и «долженъ былъ бы участвовать въ коммиссіи», какъ иниціаторъ вопроса о пересмотрѣ школьной организаціи,—«несмотря на всѣ старанія, не могъ въ нее попасть». Да и тѣхъ двухъ заявленій С. В. Лепешкина и С. Д. Свербеевой, которыя предназначались для обсужденія въ коммиссіи, она коснулась лишь вскользь. Вслѣдствіе всего этого И. Н. Мамонтовъ въ засѣданіи 18 февраля 1886 года настоятельно просилъ думу оставить пока докладъ коммиссіи безъ обсужденія и передать на предварительное разсмотрѣніе совѣта попечителей и попечительницъ, при участіи члена управы, завѣдующаго городскими училищами. Но городской голова горячо настаивалъ на разсмотрѣніи доклада. «Коммиссія такъ долго ждала отвѣта думы на свою работу (съ 5 марта 1884 г.),—говорилъ онъ,—что откладывать еще дольше обсужденіе доклада было бы неудобно». Къ тому же «дума всегда признавала, что школьное дѣло идетъ удовлетворительно, даже хорошо». «Въ дѣлѣ народнаго образованія надо съ крайней осторожностью измѣнять существующія правила». Въ заключеніе городской голова объявилъ, что работа коммиссіи еще не окончена, что «по второму (?) отдѣлу ея будетъ представленъ особый докладъ». И дума приступила къ разсмотрѣнію доклада.

«Такъ былъ устраненъ отъ обсужденія думы общій вопросъ о всестороннемъ разсмотрѣніи училищнаго дѣла, ни разу потомъ и не возбуждавшійся. Коммиссія же, съ своей стороны, въ теченіе болѣе десяти лѣтъ не сочла нужнымъ исполнить данное ею обѣщаніе—закончить начатую ею работу», говоритъ «Лѣтопись» (стр. 175).

Докладъ коммиссіи обсуждался въ теченіе трехъ засѣданій (18, 25 и 28 февраля), и во все это время не было высказано ни одного серьезнаго замѣчанія ни по существу дѣла, ни противъ доклада. Только расходъ на завтраки думою былъ оставленъ въ прежнемъ видѣ. Зато пунктомъ третьимъ приговора, разрѣшившимъ гг. попечителямъ и попечительницамъ «покрывать передержки по какой-либо изъ статей по содержанію училищъ остатками отъ другихъ»—школьное хозяйство еще болѣе, чѣмъ прежде, предоставлялось личному усмотрѣнію. Этому же усмотрѣнію попечителей, по настоянію городского головы, было предоставлено и расходованіе взимаемой съ дѣтей платы за ученіе *). А предложеніе нѣкоторыхъ гласныхъ составить по примѣру С.-Петербурга и московскаго губернскаго земства изъ этихъ денегъ и изъ остатковъ отъ содержанія училищъ спеціальный школьный фондъ было отвергнуто. Во время обсужденія этого вопроса,

*) Приговоромъ думы въ 1865 г. суммы сбора за ученіе были предназначены на выдачу наградъ самымъ прилежнымъ учащимся и на пособіе бѣднымъ дѣвочкамъ при оставленіи ими училища („Лѣтопись“, стр. 177).

между прочимъ, выяснилось, что «не всѣ попечители даютъ отчеты о расходованіи училищныхъ суммъ» и что «остатки отъ расходовъ этихъ суммъ поступаютъ въ городскую кассу по нѣкоторымъ школамъ за десять лѣтъ». Когда нѣкоторые гласные попытались было узнать, почему это допускается управою, городской голова отвѣтилъ: «Позвольте теперь не касаться этого вопроса: училища—дѣло настолько жизненное, что нельзя для всѣхъ училищъ установить одну мѣрку». Знаменательно и высказанное, во время обсужденія вопроса о параллельныхъ классахъ, городскимъ головой по поводу превращенія параллельныхъ классовъ при первыхъ отдѣленіяхъ нѣкоторыхъ школъ въ подготовительныя отдѣленія для неграмотныхъ порицаніе тѣмъ «учителямъ, учительницамъ, попечителямъ и попечительницамъ, которые, желая щеголять другъ передъ другомъ (?), все болѣе и болѣе расширяютъ программу». По мнѣнію городского головы «при болѣе краткомъ курсѣ ученія и суженномъ объемѣ преподаванія дѣти будутъ имѣть возможность лучше усвоивать преподаваемое и не забывать пройденнаго, какъ это бываетъ при болѣе обширной программѣ» («Лѣтопись», стр. 179). Своеобразный взглядъ городского головы на школьное дѣло и странныя его заявленія «не встрѣтили, однако, въ средѣ гласныхъ ни одного запроса, ни возраженія». Только гласный И. Н. Мамонтовъ попытался было снова просить не разрѣшать вопроса о четвертомъ отдѣленіи до тѣхъ поръ, пока не разъяснится возбужденный имъ вопросъ—«можетъ ли утвержденная правительствомъ программа быть пройдена въ теченіе трехъ лѣтъ съ неграмотными дѣтьми?» «Но вопросъ этотъ былъ оставленъ безъ вниманія».

Такъ кончилась эта печальная длинная исторія «пересмотра штатовъ и всей организаціи московскихъ начальныхъ городскихъ училищъ», оставшись навѣки въ лѣтописяхъ московскаго городскаго самоуправленія мрачнымъ памятникомъ мрачнаго періода нашей общественности.

Въ теченіе двухъ лѣтъ, въ 1887 и 1888 гг., было открыто всего четыре училища (2 мужскихъ и 2 женскихъ). Но и при этомъ раздавались голоса въ думѣ: «Мы начинаемъ зарываться... Намъ слѣдуетъ подумать о томъ, гдѣ взять средства?»

Даже обычай ознаменовывать открытіемъ новыхъ школъ различныя замѣчательныя событія и торжества въ восьмидесятыхъ годахъ утратилъ свою силу. Ни празднованіе тысячелѣтія памяти Кирилла и Меѳодія въ 1885 г., ни 900-лѣтіе крещенія Руси въ 1888 г. не побудили думу къ открытію новыхъ школъ.

Такъ какъ съ 1884 г. городскія училища все менѣе и менѣе стали удовлетворять растущей потребности въ грамотности (число отказовъ желающимъ поступить въ школу *), составлявшее въ трехлѣтіе

*) Число отказовъ въ пріемѣ—худшій изъ показателей дѣйствительной потребности населенія въ школѣ, о чемъ рѣчь будетъ ниже, но это единственныя данныя, которыми руководилась дума того времени при открытіи новыхъ школъ или параллельныхъ отдѣленій.

1881—1883 г. 38,8%, поднялось въ трехлѣтіе 1884—1886 гг. до 39,6%), то думою въ 1886 г. было предложено совѣту попечителей и попечительницъ «разработать вопросъ объ условіяхъ и порядкѣ пріема дѣтей въ начальныя училища». Результатомъ этой разработки явились слѣдующія правила: «1) Въ первый классъ (отдѣленіе) начальныхъ училищъ принимать дѣтей не моложе восьми лѣтъ. 2) Въ случаѣ, если число желающихъ поступить въ училище превышаетъ число свободныхъ мѣстъ, то преимущество дается дѣтямъ: а) бѣдныхъ родителей, б) безграмотнымъ, в) старшимъ по возрасту и г) дѣтямъ московскихъ обывателей, т.-е. лицъ, проживающихъ въ Москвѣ не менѣе двухъ лѣтъ». Насколько эти правила выполнялись, неизвѣстно. Но дѣти моложе 8 лѣтъ принимались и послѣ 1886 г., что въ 1894 г. вызываетъ новое постановленіе думы о томъ же. Что же касается неграмотныхъ—замѣтнаго вліянія на увеличеніе ихъ пріема названныя правила не оказали. Въ пятилѣтіе 1882—1886 гг. неграмотные составляли 44,5% всего числа принятыхъ въ школу, а въ пятилѣтіе 1887—1891 гг.—49,5%. Въ такой же прогрессіи продолжало увеличиваться число поступающихъ неграмотными и въ слѣдующее пятилѣтіе, когда сократилось общее число отказовъ. Неграмотные въ 1892—1896 гг. составляли 55,2% общаго числа принятыхъ въ школы. Если бы правила о неграмотныхъ исполнялись, должно было бы произойти въ 2 послѣднихъ пятилѣтія обратное явленіе. Во время обсужденія правилъ, нѣкоторые гласные высказались противъ того, чтобы при пріемѣ оказывалось предпочтеніе бѣднѣйшимъ и неграмотнымъ. До чего дошло въ то сумеречное время легкомысленное отношеніе къ дѣлу, когда это касалось нуждъ народнаго образованія, можно судить по слѣдующему заявленію одного изъ гласныхъ, ставшаго съ 1888 г. во главѣ училищной коммиссіи, во время обсужденія вышеуказанныхъ правилъ: «Теперь дѣтей 7—8 лѣтъ, не умѣющихъ ни читать, ни писать, не бываетъ; всѣ они съ грѣхомъ пополамъ и читаютъ, и пишутъ, такъ какъ у каждаго есть братъ, сестра, отецъ или мать—грамотные, которые даютъ сами первоначальное понятіе объ азбукѣ и выучиваютъ писать. Если же и могутъ встрѣчаться совсѣмъ безграмотные, то пріемъ такихъ, *особенно* (?) безграмотныхъ вовсе нежелателенъ, такъ какъ они могутъ быть идіоты и ихъ, продержавъ въ школѣ 3—4 года, придется выпустить безъ окончанія курса... Вообще, такое предложеніе совѣта (чтобы при пріемѣ учениковъ давалось предпочтеніе неграмотнымъ) не цѣлесообразно». И это говорилось въ то время, когда управскіе отчеты свидѣтельствовали, что половина поступающихъ въ школы дѣтей неграмотны, а данныя всеобщей переписи московскаго населенія въ 1882 г. показывали, что на 6,622 учениковъ начальныхъ школъ приходится 15,735 неграмотныхъ дѣтей школьнаго возраста (8—12 лѣтъ), остающихся за дверями школъ, и что неграмотные (не считая дѣтей до пятилѣтняго возраста), составляютъ больше половины (50,2%) всего московскаго населенія.

Наконецъ, въ 1888 г. по протесту исполняющаго должность москов-

ского губернатора былъ упраздненъ совѣтъ попечителей и попечительницъ. Послѣ болѣе чѣмъ тринадцатилѣтней дѣятельности, которая со стороны администраціи не встрѣчала препятствій *), его существованіе было признано «противорѣчащимъ закону». Сообщая объ этомъ думѣ, городской голова Н. А. Алексѣевъ заявилъ, что «на постановленіе присутствія нѣтъ никакихъ основаній приносить жалобу, ибо оно совершенно правильно». И дума безмолвно согласилась съ нимъ. «Взамѣнъ» совѣта попечителей и попечительницъ по предложенію городского головы была составлена изъ гласныхъ подготовительная коммиссія «для предварительнаго разсмотрѣнія всѣхъ вопросовъ по училищной части». Предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ избранъ гл. А. А. Шиловъ.

Въ 1889 г. были открыты, «взамѣнъ» упраздненныхъ шести вечерне-воскресныхъ классовъ, одно женское и три мужскихъ начальныхъ училища. Въ этомъ же году приглашеніемъ шести школьныхъ врачей было положено начало учрежденію, «по примѣру Петербурга», врачебнаго надзора за училищами. Къ сожалѣнію, новый институтъ не вошелъ въ составъ общей городской санитарной организаціи, какъ это было постановлено думою, а попалъ въ вѣдѣніе училищнаго отдѣленія управы, завѣдующій которымъ членъ хотѣлъ видѣть въ школьныхъ врачахъ, по его собственному выраженію, «принадлежность школы» и вмѣстѣ съ школьной коммиссіей старался «поставить ихъ въ полную зависимость отъ усмотрѣнія попечителей и попечительницъ, какъ главныхъ хозяевъ и распорядителей въ школахъ». Проектъ организаціи врачебнаго надзора и инструкцій старшему и младшему школьнымъ врачамъ, составленный по порученію городского головы санитарнымъ врачомъ Н. Ѳ. Михайловымъ, былъ встрѣченъ училищною коммиссіей, попечителями и попечительницами «настолько враждебно, что они отказались даже обсуждать его». Вмѣсто этого проекта членомъ управы И. А. Лебедевымъ, «по просьбѣ попечителей и попечительницъ», были выработаны «общія положенія, на основаніи которыхъ управа могла бы составить инструкцію школьнымъ врачамъ». Вся задача наброска «общихъ положеній», не подкрѣпленнаго никакими доводами и объясненіями, заключалась лишь въ томъ, чтобы поставить врачей въ полную зависимость отъ попечительства и учительскаго персонала. «Училищные врачи имѣютъ своей обязанностью *содѣйствовать* попечителямъ и попечительницамъ начальныхъ училищъ въ ихъ заботахъ о здоровьѣ учащихся дѣтей и въ улучшеніи санитарныхъ условій училищныхъ помѣщеній»—гласило основное правило названныхъ «положеній». Обо всемъ, что по мнѣнію врачей слѣдовало бы предпринять,—они могутъ только «представлять на дальнѣйшее распоряженіе попечителей и попечительницъ», «сообщать», «заявлять», обращать вниманіе учителей и учительницъ»,

---

*) О томъ, какъ была парализована высокополезная дѣятельность совѣта въ 1882—1883 гг. самимъ городскимъ управленіемъ, сказано выше (см. *Русская Мысль* 1904 г., апрѣль).

Даже отчеты о своей дѣятельности они могли представлять въ управу не иначе, какъ чрезъ попечителя или попечительницу.

Докладъ училищной коммиссіи, при которомъ названныя «общія положенія» были представлены въ 1890 году въ думу, согласный съ ними во всемъ, что касалось стѣсненія дѣятельности школьныхъ врачей, расходился съ «положеніями» во взглядѣ на задачи этой дѣятельности. Не исполнивъ даннаго думой порученія—разсмотрѣть проектъ инструкціи г. Михайлова, училищная коммиссія высказывалась въ своемъ докладѣ противъ санитарнаго надзора (для чего и былъ учрежденъ институтъ училищныхъ врачей), указывая на пользу устройства школьныхъ амбулаторій, чѣмъ, безъ всякаго на то полномочія, «вмѣшивалась въ область, въ которой она была вовсе не компетентна». Для дополненія характеристики отношенія этой коммиссіи къ думскимъ постановленіямъ не мѣшаетъ упомянуть и о томъ мѣстѣ ея доклада, гдѣ умолчаніе «общихъ положеній» о должности старшаго училищнаго врача объяснялось тѣмъ, что «она учреждена постановленіемъ городской думы», тогда какъ въ докладѣ училищной комсіи, 18 октября 1888 года за № 149, таковой должности устанавливать не предполагалось». Во время обсужденія въ думѣ доклада коммиссіи и «общихъ положеній» г. Лебедева выяснилась вся ихъ несостоятельность и вся некомпетентность ихъ составителей въ той области, регламентировать которую и руководить которою брали на себя смѣлость членъ управы, завѣдующій училищами, попечители и училищная коммиссія. Гласные врачи—Н. Ѳ. Гагманъ и А. Н. Маклаковъ,—доказавши, что «коммиссія (въ числѣ четырехъ членовъ, подписавшихъ докладъ) неподлежаще взяла на себя рѣшеніе такого спеціальнаго и сложнаго дѣла, какъ установленіе врачебнаго надзора за училищами», и что «нельзя въ вопросахъ санитарныхъ отводить второстепенное мѣсто врачу и поручать рѣшеніе ихъ лицу, не свѣдущему по этой части», предлагали: или теперь же разсмотрѣть проектъ Н. Ѳ. Михайлова *) по статьямъ, или оставить докладъ совсѣмъ безъ обсужденія». Но тщетно гг. Маклаковъ, Гагманъ, Герье и другіе, присоединившіеся къ нимъ, гласные убѣждали думу не передавать училищной коммиссіи докладъ, «являющійся надгробнымъ словомъ надъ санитарнымъ надзоромъ училищъ» въ управу, какъ матеріалъ «для соображеній»; тщетно просилъ В. И. Герье «не налагать руку на свое младшее, но лучшее учрежденіе»,—по настоянію городского головы докладъ былъ переданъ въ управу «для соображеній при составленіи ею инструкціи училищнымъ врачамъ». Три года пролежало это дѣло безъ движенія. Наконецъ, въ 1893 г. инструкція была разослана управою, помимо думы, по училищамъ для *исполненія*. Инструкція оказалась списанною съ «общихъ положеній». Но туманъ, переполнявшій атмосферу думской дѣятельности въ теченіе десяти-

*) „Записка г. Михайлова, при которой былъ представленъ имъ „Проектъ инструкціи", не только была оставлена безъ вниманія коммиссіей, но даже и не была доложена думѣ" („Лѣтопись", стр. 233).

лѣтія, теперь начиналъ уже понемногу разсѣиваться, и сами виновники ненормальнаго положенія дѣлъ — попечители и попечительницы убѣдились теперь, что «инструкція, во-первыхъ, не опредѣляетъ точно отношенія между попечительствомъ, врачами и управою; во-вторыхъ, не опредѣляетъ точно и самую дѣятельность врачей». И въ думу поступило заявленіе десяти попечительницъ о пересмотрѣ только что разосланной инструкціи. А вскорѣ послѣ того гл. М. В. Духовскимъ было подано обширное заявленіе, въ которомъ разсматривались всѣ неудовлетворительныя стороны положенія врачебнаго надзора за школами, и вопросъ о школьныхъ врачахъ снова былъ поднятъ во всемъ его объемѣ. Главную причину ненормальнаго положенія дѣлъ Духовской усматривалъ въ несогласованности двухъ приговоровъ думы—1888 и 1890 года. Въ управской инструкціи онъ указалъ на массу нарушеній думскихъ постановленій. Между прочимъ, г. Духовскимъ приведенъ былъ отзывъ «русскаго общества охраненія народнаго здравія» въ С.-Петербургѣ, разсматривавшаго управскую инструкцію и признавшаго, «что подчиненіе школьнаго врача попечителю училища, при рѣшеніи медико-санитарныхъ вопросовъ, представляетъ невозможное явленіе, долженствующее отозваться крайне вредно и на самомъ школьномъ дѣлѣ». Все изложенное въ заявленіи г. Духовского привело его къ заключенію, «что положеніе училищныхъ врачей, во-первыхъ, не согласуется съ постановленіемъ думы о нихъ, или вѣрнѣе прямо противорѣчитъ ему; во-вторыхъ, не соотвѣтствуетъ и той прямой цѣли, для которой приглашены училищные врачи,—отвѣтственнаго веденія врачебнаго надзора въ школахъ, и, въ-третьихъ, наконецъ, положеніе ихъ весьма неопредѣленно какъ по отношенію попечительства, такъ и самой управы». По просьбѣ г. Духовского его заявленіе было передано на разсмотрѣніе двухъ коммиссій—общественнаго здравія и училищной. Но только черезъ три года послѣ этого училищные врачи вошли въ составъ общей санитарной городской организаціи и была составлена для нихъ управою новая инструкція.

Такимъ образомъ въ продолженіе восьми лѣтъ безплодно тормозилось самими городскими школьными дѣятелями полезное дѣло, начатое въ періодъ безвременья.

Но возвратимся къ школьной хроникѣ. Несмотря на быстро растущую въ населеніи потребность въ школахъ (въ 1889 году число желающихъ поступить было 6,594 челов., а въ 1890 году — 6,800 челов.), на увеличивающееся годъ отъ года число отказовъ (въ 1889 году—2,118 чел., а въ 1890 году—2,659 чел.); несмотря, наконецъ, на то, что сама финансовая коммиссія, отъ которой до сихъ поръ главнѣйшимъ образомъ исходили препоны открытію школъ, теперь стала признавать «неотложно необходимымъ открытіе ежегодно новыхъ училищъ», тѣмъ болѣе, что и положеніе городского бюджета она теперь считала для этого благопріятнымъ, въ 1890 г. не было открыто ни одной новой школы, въ 1891 г. было открыто 2 мужскихъ и одна женская школа, въ 1892 году на городскія средства была открыта 1 женская школа, а вторая для мальчиковъ была

открыта въ пожертвованномъ для нея зданіи А. С. Капцовымъ, на средства котораго она и стала содержаться. Кромѣ того, въ 1892 году въ зданіяхъ двухъ закрывшихся казенныхъ училищъ были открыты два городскихъ училища по Положенію 1872 года, содержаніе которыхъ городское управленіе приняло на себя, сокративши на половину отпускаемое до сихъ поръ въ размѣрѣ 13,988 руб. 45 коп. пособіе казеннымъ училищамъ. 1892 годъ былъ, наконецъ, годомъ юбилеевъ первыхъ 5 школъ, 2 попечителей и 2 учительницъ, ознаменованныхъ рѣчами въ духѣ московскаго самовосхваленія. «Выросла цѣлая могучая и стройная организація, составляющая... гордость Москвы передъ иноземцами»,—говорилось, напримѣръ, въ адресахъ попечителей и попечительницъ одному изъ юбиляровъ-попечителей. Искренностью, задушевностью и правдивостью звучали только рѣчи учащихъ своимъ товарищамъ-юбилярамъ.

Въ 1893 году не было открыто ни одной школы. Но это былъ послѣдній годъ худшаго десятилѣтія школьной исторіи, сказавшагося, къ сожалѣнію, не однимъ пониженіемъ количества вновь открываемыхъ училищъ, а и качественной порчей всего школьнаго строя. И въ этомъ повинны не столько отдѣльныя личности, стоявшія во главѣ городского хозяйства и школьнаго дѣла, сколько общее шатаніе умовъ и деморализація, охватившая тогда общество. Въ особенности же повинны въ этомъ тѣ наиболѣе сознательные общественные элементы, въ частности представители городского общества въ думѣ — гласные, которые допустили овладѣть собою разочарованности и унынію до полной апатіи и индифферентизма къ общественному дѣлу, къ тому, что составляло ихъ первѣйшій и священнѣйшій долгъ. Не будь этого индифферентизма, не стояли бы въ центрѣ общественнаго дѣла люди чуждые ему, неспособные понять истинныя потребности общества, а если бы и стояли, то не управляли бы имъ по своему усмотрѣнію. Доказательство налицо. Какъ только стало общество выходить изъ состоянія прострація, какъ только стало проясняться снова его сознаніе, стали пробуждаться его активныя силы,—представители сумеречнаго времени, хотя и продолжали оставаться на своихъ старыхъ мѣстахъ, стали утрачивать свое значеніе, а вліяніе на общественныя дѣла лучшихъ элементовъ стало расти.

Первые проблески предразсвѣтной зари на горизонтѣ московскихъ городскихъ школъ стали замѣтны въ 1894 году. Въ этомъ году по предложенію финансовой коммиссіи было открыто 4 школы (2 для мальчиковъ и 2 для дѣвочекъ), 2 изъ нихъ были помѣщены въ собственныхъ зданіяхъ, хотя выстроенныхъ и не спеціально для школъ. Попечители и попечительницы, при поддержкѣ финансовой и училищной коммиссій, въ этомъ году снова поднимаютъ заглохшій съ 1881 года вопросъ о томъ, чтобы думою было принято за правило ежегодно открывать опредѣленное число школъ, предлагая въ первое трехлѣтіе ограничиться открытіемъ по 5 школъ въ годъ. Кромѣ того, коммиссіи предлагали думѣ приступить къ разработкѣ

вопроса объ устройствѣ собственныхъ помѣщеній для школъ. Въ этомъ году въ стѣнахъ думы снова послышалась горячая рѣчь въ пользу школъ. Одинъ изъ участниковъ въ работахъ коммиссій, гл. Е. А. Покровскій *), не согласившись съ доводами въ пользу предложенія ежегодно открывать только по 5 школъ, вошелъ въ думу съ «особымъ мнѣніемъ». Указавши, что тѣ $^9/_{10}$ московскаго населенія, дѣти которыхъ составляютъ главнѣйшій контингентъ какъ учащихся начальныхъ школъ, такъ и тщетно тысячами толкущихся въ ихъ двери, принадлежатъ къ классу людей, «исполняющихъ весьма тяжелыя и въ то же время крайне полезныя работы на Москву», но не обладающихъ достаточными средствами даже для собственнаго существованія, покойный Покровскій доказывалъ, что городское общество обязано обезпечить имъ начальное школьное образованіе, «какъ это водится всюду на бѣломъ свѣтѣ, во всѣхъ городахъ земного шара, для низшихъ слоевъ народа». «Городскому управленію, — говорилъ онъ, — слѣдовало бы очень порадоваться тому отрадному явленію, что несчастныя дѣти, принадлежащія къ семьямъ, ютящимся по каморкамъ, угламъ и койкамъ, мало-по-малу начинаютъ выползать на свѣтъ Божій и заявляютъ о своемъ желаніи учиться; значитъ, и среди этихъ квартиръ, напоминающихъ иногда собою скорѣй звѣриныя логовища, чѣмъ жилища человѣческія, среди всяческаго мрака и невообразимой бѣдности, все еще теплится вѣра, что ученье свѣтъ, а неученье тьма... Значитъ, и въ этомъ безмѣрно жалкомъ народѣ проснулся, наконецъ, человѣкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ пробудилось и стремленіе къ наибольшему благосостоянію своему какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ». А между тѣмъ московское городское общество расходуетъ на народныя школы не только несравненно менѣе городовъ Западной Европы, но и менѣе «нѣкоторыхъ земствъ, которыя, несмотря на свои слишкомъ скромныя средства, тратятъ на свои школы отъ 10% до 25%», между тѣмъ какъ Москва «изъ своего десятимилліоннаго бюджета расходуетъ на это только 5%». Это позволяетъ составителю «Особаго мнѣнія» «заключить скорѣе о значительной скупости, чѣмъ скудости Москвы по народному образованію, тѣмъ болѣе, что въ иныхъ случаяхъ Москва не жалѣетъ средствъ на предпріятія, доставляющія обывателямъ только внѣшній комфортъ жизни». Предложеніе коммиссій, по мнѣнію Покровскаго, «никоимъ образомъ не составляетъ разрѣшенія вопроса, а, наоборотъ, представляетъ собою только затягиваніе его, потому что за этой полумѣрой и въ виду все болѣе и болѣе увеличивающагося стремленія народа къ грамотѣ, опять-таки у училищныхъ дверей будутъ стоять ежегодно по 2,000 и болѣе человѣкъ съ отказами въ начальной школѣ». Онъ убѣжденъ, что при внимательномъ изученіи городского бюджета будутъ найдены средства «для разрѣшенія такого важнаго вопроса, какъ народная школа». Останавливаетъ вниманіе ду-

*) Основатель журнала *Вѣстникъ Воспитанія*. *Ред.*

мы Покровскій и на плохомъ устройствѣ въ гигіеническомъ отношеніи школьныхъ помѣщеній въ наемныхъ зданіяхъ и на скудномъ снабженіи городскихъ училищъ учебными пособіями. Для удовлетворенія всѣхъ назрѣвшихъ нуждъ въ народномъ образованіи въ Москвѣ онъ полагаетъ полезнымъ образовать особую коммиссію, которая, «можетъ быть, нашла бы возможнымъ или а) представить думѣ проектъ спеціальнаго займа, или б) привлечь къ этому дѣлу побольше сочувствія жертвователей, подобно тому, какъ добрые люди на устройство клиникъ, больницъ, консерваторіи въ короткій срокъ принесли въ даръ Москвѣ цѣлые милліоны». Хотя «Особое мнѣніе» Покровскаго, какъ и попытки нѣкоторыхъ гласныхъ доказать, «что у города достанетъ средствъ на открытіе въ ближайшее время даже до 20 школъ», въ засѣданіи 24 мая 1894 г. и не встрѣтило сочувствія думы, тѣмъ не менѣе уже одно то, что ни въ коммиссіяхъ, ни въ думѣ не нашлось теперь ни одного голоса ни противъ школъ вообще, ни противъ каждогоднаго открытія ихъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ не открывались онѣ ни въ одинъ годъ предыдущаго (1884—1893 гг.) десятилѣтія, показывало, что злыя времена для школьнаго дѣла кончились.

Въ томъ же 1894 году (29 ноября), при разсмотрѣніи смѣты на 1895 годъ, гласные Ѳ. Ѳ. Воскресенскій и М. А. Саблинъ пытались снова поднять вопросъ объ увеличеніи числа назначенныхъ къ открытію ежегодно школъ. Ѳ. Ѳ. Воскресенскій, по поводу смѣтныхъ назначеній на содержаніе училищъ, замѣтилъ, что «дума мало заботится о распространеніи народнаго образованія». «Мнѣ думается,—сказалъ онъ,—что народное образованіе имѣетъ большее значеніе, чѣмъ всѣ другіе расходы, которые принимаются въ настоящее время думою», а особенно такіе, какъ «28,000 р. на электрическое освѣщеніе городской думы». М. А. Саблинъ *) прибавилъ съ своей стороны, что «на музыку на бульварахъ назначено 7,000 руб.: вѣдь на эту сумму можно бы содержать 2 школы; надо урѣзывать другіе расходы, чтобы больше употреблять на школы». На этотъ разъ, однако, городской голова и предсѣдатель училищной коммиссіи убѣдили думу, въ виду только что состоявшагося рѣшенія открывать ежегодно по 5 школъ, не передѣлывать теперь этого постановленія.

Въ 1895 году было открыто 7 училищъ (3 для мальчиковъ и 4 для дѣвочекъ). Изъ нихъ содержаніе 3 училищъ (2 Боевскихъ и 1 Капцовское) было обезпечено частными пожертвованіями. Но съ увеличеніемъ числа ежегодно открываемыхъ школъ не уменьшалось, а лишь возрастало количество отказовъ, достигшее въ 1895 году до 2,983.

И вотъ, въ 1896 году, «по совершенно неожиданному предложенію городского головы, было открыто заразъ 25 новыхъ училищъ, не считая

*) Одинъ изъ созидателей *Русскихъ Вѣдомостей*, нынѣ покойный. *Ред.*

2, устроенныхъ на средства частныхъ пожертвователей» *). 5 изъ нихъ было открыто на основаніи постановленія 1894 года, 5—въ ознаменованіе радостнаго событія рожденія великой княжны Ольги Николаевны и 15—въ память счастливаго дня посѣщенія Ихъ Императорскими Величествами городской думы **). Такимъ образомъ, 1896 годъ по числу открытыхъ училищъ является исключительно счастливымъ годомъ во всей исторіи московскихъ городскихъ начальныхъ школъ. И эта небывалая щедрость думы по отношенію къ народному образованію не вызвала ни одного возраженія. Растущее въ обществѣ просвѣтительное стремленіе заразило даже наиболѣе упорныхъ противниковъ школъ. Теперь даже въ управской «Пояснительной запискѣ» къ смѣтѣ на 1897 годъ по поводу того, что количество дѣтей, желающихъ поступить въ школы, возрастаетъ быстрѣе количества школъ, находимъ такое заключеніе: что «потребность въ открытіи все новыхъ училищъ будетъ усиливаться до тѣхъ поръ, пока городъ не предоставитъ населенію фактической возможности всеобщаго начальнаго обученія дѣтей». Теперь даже предсѣдатель училищной коммиссіи гл. Шиловъ не соглашается съ предложеніемъ управы и финансовой коммиссіи думѣ «вносить ежегодно въ городскія смѣты въ теченіе четырехъ лѣтъ суммы, потребныя на открытіе и содержаніе не менѣе пяти новыхъ начальныхъ училищъ»—на томъ основаніи, что «и въ истекшемъ трехлѣтіи число *пять* ежегодно открываемыхъ школъ оказалось крайне недостаточнымъ, такъ что сверхъ 10 школъ, открытыхъ на основаніи означеннаго постановленія, прибавилось въ 2 года еще до 23 школъ, и при всемъ томъ потребность дать достаточный доступъ городскому населенію къ начальному образованію нельзя еще считать удовлетворенной».

Въ 1897 году было открыто 7 училищъ (2 муж. и 5 жен.). Изъ нихъ 5 женскихъ школъ въ ознаменованіе рожденія великой княжны Татіаны Николаевны. Въ 1898 году было открыто 5 училищъ (3 муж. и 2 жен.). Въ 1899 году—14 училищъ (7 муж. и 7 женск.). Изъ нихъ 5 женскихъ школъ въ ознаменованіе рожденія великой княжны Маріи Николаевны, 2 женск. школы и 1 мужская—въ память столѣтія дня рожденія А. С. Пушкина. Въ 1900 году было открыто 8 училищъ (5 муж. и 3 жен.). Изъ нихъ 1 мужск. и 1 женск. въ память императора Александра II. Оба училища помѣщены въ образцово-устроенномъ для нихъ собственномъ зданіи.

Эти 4 года не ознаменовались чѣмъ-либо выдающимся въ школьной исторіи. Но теперь уже не было ни одного года, въ который не открыва-

---

*) *М. П. Щепкинъ*: „Наканунѣ общедоступности начальнаго обученія". *Русскія Вѣдомости* 1904 г., № 42.

**) Изъ 27 училищъ—12 было открыто для мальчиковъ и 14 для дѣвочекъ. Объ одномъ же изъ училищъ въ „лѣтописи" свѣдѣній мы не нашли, хотя 27, какъ сумма всѣхъ открытыхъ въ 1896 г. школъ показана и въ сводной таблицѣ роста училищъ въ „Отчетѣ о состояніи городскихъ начальныхъ училищъ за 1901—1902 учебный годъ" и въ только что цитированной статьѣ М. П. Щепкина.

лись бы новыя школы, какъ это было въ 3 предыдущія десятилѣтія. Если въ «объяснительныхъ запискахъ» члена управы, завѣдующаго училищнымъ отдѣленіемъ, и слышатся затаенныя желанія ограничить число ежегодно открываемыхъ школъ, то, несмотря на вызываемыя ими и предложеніями финансовой комиссіи, постановленія думы, начиная съ 1894 г. и кончая 1898 г., въ духѣ «системы *правильнаго* (?) ежегоднаго открытія опредѣленнаго числа новыхъ училищъ», они осуществляются только единственный разъ—въ 1898 году. Этотъ годъ былъ вмѣстѣ и послѣднимъ годомъ 17-лѣтія, въ теченіе котораго городскія училища состояли подъ руководствомъ И. А. Лебедева. Въ этомъ году былъ избранъ городскимъ головою князь В. М. Голицынъ, и школы въ слѣдующемъ пятилѣтіи (1899—1903) стали открываться еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ предыдущемъ.

Выдающимся годомъ послѣдняго пятилѣтія былъ 1901 годъ. 19 февр. этого года исполнилось 40 лѣтъ со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. И вотъ, въ собраніи думы 20 февраля доложены были два заявленія, одно за подписью 16 гласныхъ, другое за подписью 11 гласныхъ объ ознаменованіи 40-лѣтія великаго преобразованія «признаніемъ необходимости *немедленнаго осуществленія общедоступности начальнаго образованія* въ Москвѣ для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста и принятіемъ для сего соотвѣтствующихъ мѣръ». Съ этой цѣлью первымъ заявленіемъ предлагалось съ предстоящаго же 1901—1902 учебнаго года «учредить, соотвѣтственно числу отказовъ, не менѣе 12 училищъ сверхъ пяти обычно открываемыхъ» *). Кромѣ того гласнымъ Ѳ. Ѳ. Воскресенскимъ было внесено предложеніе о введеніи, въ ознаменованіе указаннаго событія, безплатнаго обученія въ городскихъ школахъ. Постановленіемъ думы вопросы, возбужденные выше означенными заявленіями, были переданы «на совмѣстное разсмотрѣніе комиссій училищной, финансовой, о пользахъ и нуждахъ общественныхъ и городской управы». Разработку вопроса о проведеніи общедоступности начальнаго образованія въ Москвѣ взялъ на себя бывшій тогда предсѣдателемъ училищной комиссіи проф. П. Г. Виноградовъ. Его соображенія, къ которымъ намъ придется вернуться въ слѣдующей главѣ, о количествѣ дѣтей, нуждающихся въ школѣ, о количествѣ школъ, которыя должны быть открыты въ ближайшее время, чтобы не было отказовъ ни одному изъ желающихъ поступить въ нихъ дѣтей, и о способахъ удешевить стоимость того значительнаго количества школъ, которое въ этихъ цѣляхъ потребуется открывать въ теченіе ряда лѣтъ, обсуждались въ коммиссіяхъ 12 апрѣля 1901 года. По расчетамъ П. Г. Виноградова выходило, что если въ теченіе 4 лѣтъ (1901—1904) открывать по 15 добавочныхъ школъ (сверхъ 5 обычныхъ), то на-

*) „Докладъ № 86 московской городской управы и коммиссій финансовой, училищной и о пользахъ и нуждахъ общественныхъ", 12 апрѣля 1901 г.

чальное образованіе черезъ 4 года будетъ обезпечено всѣмъ дѣтямъ 8—11-лѣтняго возраста, которыя, по его соображеніямъ, заявятъ желаніе поступить въ школы. Въ своей «Запискѣ» коммиссіямъ онъ однако предлагаетъ разбить проведеніе даже и такой условной «общедоступности» на 3 стадіи: 1) открыть уже наступающей осенью (1901 г.) 20 новыхъ училищъ на 1,000 мѣстъ; 2) въ смѣту расходовъ на 1902 годъ внести предварительно кредитъ на содержаніе 20 училищъ, а затѣмъ, на основаніи данныхъ осенняго пріема 1901 года разработать планъ открытія новыхъ школъ на 1902 годъ; 3) число дополнительныхъ училищъ (сверхъ 5 обычныхъ), подлежащихъ открытію въ 1902 и 1904 годахъ теперь не предрѣшать, а поручить училищной коммиссіи на основаніи осенняго пріема въ 1902 году и данныхъ переписи 1902 года представить думѣ доклады объ ихъ открытіи съ такимъ разсчетомъ, чтобы вся операція по проведенію общедоступности была закончена въ 1904 году. Коммиссіи и управа нашли проектъ П. Г. Виноградова «цѣлесообразнымъ со стороны школьной техники, весьма осторожнымъ со стороны опредѣленія числа училищъ, подлежащихъ открытію, и устраняющимъ всякую ошибку»,—и во всемъ согласились съ нимъ. Что же касается заявленія Ѳ. Ѳ. Воскресенскаго о введеніи безплатнаго обученія въ городскихъ начальныхъ училищахъ, какъ необходимаго условія ихъ общедоступности, то соединенное совѣщаніе признало его несвоевременнымъ и относящимся «къ иной стадіи въ историческомъ процессѣ развитія начальнаго образованія». Отвергнуты были совѣщаніемъ и другія предложенія о чествованіи дня сорокалѣтія освобожденія крестьянъ, такъ какъ «способъ ознаменованія памятнаго событія опредѣленно указанный въ заявленіяхъ 16 и 11 гласныхъ и въ запискѣ П. Г. Виноградова, по основной своей идеѣ наиболѣе соотвѣтствуетъ великому событію. Докладъ коммиссіи и управы съ запискою профессора Виноградова обсуждался думою 15 мая. Было постановлено: «Въ ознаменованіе сорокалѣтней годовщины освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости признать неотложнымъ проведеніе въ Москвѣ общедоступности обученія съ тѣмъ, чтобы мѣропріятія, необходимыя для осуществленія этого были закончены *не позднѣе* 1904 года» *).

Въ силу названнаго приговора, рѣшающаго тотъ громадной важности вопросъ народнаго образованія, который только въ неясныхъ очертаніяхъ носился въ мечтахъ лучшихъ думскихъ людей въ 1881 году, который былъ думскимъ пугаломъ въ теченіе чуть не $1^1/_2$-десятилѣтій, 1901 годъ обрѣтаетъ особо почетное мѣсто въ московской школьной хроникѣ. Думское рѣшеніе этого года тѣмъ важнѣе, что за мало опредѣленной, расплывчатой задачей «общедоступности» начальныхъ школъ самъ собою выступ

*) Предсѣдатель финансовой коммиссіи и бывшій членъ управы, завѣдовавшій городскими училищами (нынѣ товарищъ городского головы), не согласились одинъ съ этимъ приговоромъ, „по невыясненности вопроса объ общедоступномъ обученіи въ денежномъ отношеніи“.

паетъ на очередь главнѣйшій вопросъ школьной политики—*всеобщность* начальнаго образованія, завѣтная цѣль просвѣтительныхъ стремленій земствъ и городовъ. Насколько приблизилось къ этой завѣтной цѣли московское городское общество, что сдѣлано для населенія 191 городской школой, насколько въ частности за 4 послѣднихъ года выполнена городскимъ управленіемъ поставленная думою въ 1901 году задача,—объ этомъ рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же, въ заключеніе школьной хроники, укажемъ только, что въ 1901 году было открыто 9 мужскихъ и 9 женскихъ школъ (+2 параллельныхъ отдѣленія); въ 1902 году—3 мужскихъ и 4 женскихъ школы (+12 параллельныхъ отдѣленій), и въ 1903 г. –8 школъ (+19 параллельныхъ отдѣленій). Къ осени же текущаго года думою постановлено открыть 20 новыхъ школъ.

Н. Ма—й.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Арестантская республика.

„Путь къ пороку прокладываетъ не врожденная къ нему наклонность, а нищета".

(*Даніэль Де-Фо.*)

„Преступленіе просто профессія, наслѣдство прошлаго и безъ сомнѣнія весьма отдаленнаго, но наслѣдство порою прекрасно сохраненное и увеличенное получившей его цивилизаціей".

G. Tarde: „Le type criminel".

Что такое преступникъ? Типъ ли это вырожденія, примѣръ атавизма, т.-е. дикарь въ современномъ обществѣ, психически больной человѣкъ, продуктъ нищеты и дурного воспитанія, или типъ профессіональный? На всѣ эти вопросы едва ли можно дать отвѣтъ; можетъ быть, въ каждомъ отдѣльномъ мнѣніи есть извѣстная доля правды. Какъ бы то ни было, среди разныхъ профессій, преступники занимаютъ по численности не послѣднее мѣсто. Тотъ вредъ, который они приносятъ обществу, и тѣ страданія, которыя они испытываютъ сами, заставляютъ съ особымъ интересомъ вглядываться въ ихъ своеобразную, мрачную жизнь, въ изученіи ея искать отвѣта относительно причинъ преступности и средствъ борьбы съ этимъ общественнымъ зломъ. О тюремномъ мірѣ существуетъ цѣлая литература, и хотя я не надѣюсь сказать что-либо новое, но тѣмъ не менѣе думаю, что для читателя не будутъ лишены интереса наблюденія надъ характерами, бытомъ, нравами и учрежденіями арестантовъ наканунѣ крупныхъ реформъ, подъ вліяніемъ которыхъ все это несомнѣнно измѣнится, отольется въ новыя формы.

I. Категоріи арестантовъ.

Чтобы избѣжать повтореній и необходимости объяснять извѣстные термины и эпитеты, я начну съ описанія категорій и, такъ сказать, сословій въ арестантской артели, а уже затѣмъ перейду къ описанію самаго строя, нравовъ и обычаевъ этого общества.

Кромѣ высидочныхъ, арестанты дѣлятся на 4 категоріи. Во-первыхъ,

идущіе отъ общества *) «общественники, или, какъ ихъ презрительно называютъ другія категоріи,—«хвосторѣзы» **). Къ этой категоріи принадлежатъ самые разнообразные типы. Вы встрѣтите среди нихъ и крупнаго вора, не принятаго обществомъ по отбытіи наказанія въ ротахъ, и конокрада, сосланнаго обществомъ, и карманщика-«шармошника», и сосланнаго по ненависти сельскихъ властей, составившихъ подложный приговоръ; идутъ, наконецъ, и такіе, которые виновны только въ томъ, что общество имѣло мало земли, и старики, придравшись къ первому предлогу, постановили объ нихъ приговоръ. Общественникъ—крупный воръ, «грандовщикъ», «домушникъ», пользуется извѣстнымъ уваженіемъ и у другихъ категорій и правомъ голоса на сходкахъ. Къ карманщику или, какъ ихъ называютъ арестанты,—«шармошнику», относятся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ: «самый это безсовѣстный человѣкъ, прямо къ тебѣ въ карманъ лѣзетъ; ну, а попался,—какъ человѣку въ глаза смотрѣть? Въ домъ забраться—другое дѣло, тутъ никто не видитъ; взять «на грандѣ» тоже совсѣмъ другая вещь, а у шармошника какая совѣсть!» Затѣмъ слѣдуютъ «лишенцы», т.-е. ссыльно-поселенцы. Какъ общественники, такъ и поселенцы обыкновенно не пользуются уваженіемъ въ партіи ***),—рѣдко кому достанется майданъ и мѣсто на нарахъ; старостве же имъ вовсе недоступно. Существуетъ старая поговорка, что за одинъ и тотъ же проступокъ противъ арестантскихъ правилъ «бродягѣ слѣдуетъ сдѣлать строгій выговоръ, каторжнику дать двѣ плюхи, а лишенца просто удавить».

Далѣе идетъ весьма пестрая категорія каторжанъ. И здѣсь наибольшимъ уваженіемъ пользуется крупный воръ и «грандовщикъ», совершающій вооруженную кражу; наиболѣе презирается идущій за изнасилованіе и кровосмѣшеніе. Бродяги и до настоящаго времени имѣютъ наибольшій вѣсъ. Изъ бродягъ выбираютъ обыкновенно старостъ; ихъ солидарность и опытность даетъ имъ силу. Прежде бродяги имѣли въ тюрьмѣ огромное значеніе, ихъ была «и правая, и лѣвая», какъ говоритъ шпана ****), но

---

*) Отбывшіе тюремное заключеніе, въ случаѣ отказа общества принять ихъ обратно, ссылаются въ Сибирь. Сельскія общества могли приговоромъ отказаться отъ неосужденныхъ еще, но только подозрѣваемыхъ сообщественниковъ, наприм., въ конокрадствѣ. Этимъ правомъ сельскихъ обществъ часто пользовались міроѣды, чтобы отдѣлаться отъ непріятныхъ имъ общественниковъ, что достигалось составленіемъ подложнаго приговора, безъ присутствія міра. При недостаткѣ земли этимъ пользовались „старики“, чтобы, выславъ нѣсколько человѣкъ, захватить ихъ надѣлы. Провѣрить правильность и законность приговора было трудно, да и некому. Мнѣ извѣстно много случаевъ, гдѣ высылались люди, не угодившіе чѣмъ-либо старшинѣ или міроѣду. Общественники ссылаются обыкновенно въ западную Сибирь.

**) Хвосторѣзами дразнятъ жителей Тюкалинскаго округа. Цѣнность каждаго хвоста создала особый, презираемый въ тюремномъ мірѣ промыселъ—обрѣзаніе у чужихъ коней хвостовъ.

***) Арестантская партія не уважаетъ общественниковъ и отчасти поселенцевъ, какъ людей случайныхъ, не проникнутыхъ арестантской моралью, идущихъ на волю и потому обыкновенно плохихъ товарищей.

****) „Шпанка“—стадо барановъ отъ испанской овцы „шпанки“; „шпаной“ арестанты презрительно называетъ сѣрую, безцвѣтную, тюремную массу.

теперь, когда истыхъ бродягъ, т.-е. бѣглыхъ каторжниковъ, сравнительно немного, ихъ значеніе до извѣстной степени упало. На это указываютъ новыя прозвища: «псюга», «гопъ». Шпанка строго различаетъ бродягъ разныхъ категорій. Есть бродяги «самоходы», пользующіеся общимъ презрѣніемъ, это люди, осудившіеся за бродягу *), чтобы на казенный счетъ дойти въ Сибирь для пріисканія мѣста.

Бродяга «простокишникъ», бѣжавшій отъ податей, бѣжавшіе со службы солдаты. Ближе къ настоящему типу бродяги,—бродяга изъ любви къ искусству; изъ этихъ многіе несомнѣнно больные люди. Одинъ такой бродяга говорилъ мнѣ: «я иду всегда одинъ, потому что терпѣть не могу людей, я больной человѣкъ и общество мое опасно; окружающіе быстро заражаются тою же страстію къ бродяжеству». Истинный бродяга, хранитель тюремныхъ традицій и преданій,—это бѣглый каторжникъ, «перемѣнившій участь». Между ними встрѣчаются люди замѣчательные по высокому развитію и силѣ характера. Такіе люди, выступая только въ серьезныя минуты, пользуются безграничнымъ уваженіемъ и вліяніемъ.

Бродяга изобрѣтателенъ на фамиліи; кромѣ фамилій знаменитыхъ людей, встрѣчаются курьезныя фамиліи, наприм., «Чинги-Бринги», «Василій Здравствуй» (на перекличкѣ бродяга отвѣчаетъ не обычное «здѣсь», а «здравія желаю, ваше высокоблагоріе», что вызываетъ общій хохотъ); «Иванъ, куда солнце, туда я», и «И я за нимъ», «Точи потачивай, съ дороги сворачивай» и т. д.

II. Типы.

Главная сила въ тюрьмѣ и въ партіи принадлежитъ игроку «Ивану». Уже по наружному виду Иванъ—тюремный аристократъ, выдѣляется изъ общей среды. Шапка надвинута на самыя брови такъ, что глазъ почти не видно, на шеѣ полотенце съ вязаными, длинными развѣвающимися концами (разстегнутый воротъ рубахи и голая грудь тоже признакъ иванства); халатъ подпоясанъ и полы его подоткнуты за поясъ, чтобы видны были чулки, расшитые поджильники и подкандальники; цѣпи кандаловъ спущены очень низко, на ногахъ баретки (туфли) или перешитые унтами **), бродни ***) съ опущенными голенищами. Такова внѣшность «Ивана». Онъ обязательно «игрокъ своей жизни», «въ натурѣ игрокъ», потому что игра картежная, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, имѣетъ огромное значеніе въ арестантскомъ мірѣ, и поэтому игрокъ пользуется особымъ уваженіемъ. Иваны обыкновенно въ то же время и «глоты», т.-е. любители поживиться арестантскими грошами («злыднями»), занимая выборныя должности

*) Если арестованный безъ паспорта, скрываетъ свое происхожденіе, „не помнитъ родства“, то его, какъ бродягу, ссылаютъ въ восточную Сибирь.

**) Унты—облегающая плотно ноги кожаная обувь съ тонкой подошвой, вродѣ американскихъ макассиновъ.

***) Бродень—широкій, безформенный, изъ 3 кусковъ кожи сшитый „гирокъ“ (вродѣ лаптя) съ пришитымъ сверху широкимъ голенищемъ.

ти. Поддержку на сходѣ глотъ находитъ въ «горлопанахъ», т.-е. крикуныхъ, которые за подачку, такъ называемыя «горловыя деньги», поддерживаютъ своихъ патроновъ, когда они выступаютъ кандидатами. Горлопанъ обыкновенно всклокоченный, оборванный арестантъ, въ разстегнутой рубахѣ, въ шапкѣ, сдвинутой на затылокъ. Вскочивъ на нары и сильно жестикулируя, горлопанъ старается перекричать всю сходку, не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы поддержать кандидатуру своего патрона и подорвать, опозорить противниковъ.

Полупрезрительная кличка «крученный» прилагается къ тюремнымъ пройдисвѣтамъ, ловкимъ, оборотливымъ малымъ. Оборванный, порой совершенно голый, промотавшій казенную одежду («полнякъ»), проигравшій все, арестантъ называется «жиганомъ». «Михѣями», «отцами» и «Асмодѣями» зовутъ скопидомовъ, держащихся въ сторонѣ отъ шпанки, дающихъ деньги подъ проценты и прячущихъ деньги «за гашникъ» *). «Отцовъ» ненавидятъ, потому что они, пользуясь выгодами отъ «арестантской республики», ничего не даютъ ей взамѣнъ.

Арестантъ, слабый къ женскому полу, готовый всюду завести тюремный романъ, зовется презрительно «страдателемъ». Объясненія въ любви на пространствѣ производятся помощью крученія въ рукахъ платка за 2 противоположныхъ конца; отсюда терминъ «крутить любовь».

Лучшій типъ—это такъ называемый «самостоятельный арестантъ», «человѣкъ всѣхъ мѣръ», «два съ боку». Серьезный, молчаливый, не понимающій шутокъ, онъ мало замѣтенъ. Держится онъ особнякомъ, рѣдко, почти никогда не беретъ майданъ или старостве, относясь съ глубокимъ презрѣніемъ къ «крохо-борству». Рыцарское благородство, суровая сдержанность и сознаніе собственной силы внушаютъ невольное уваженіе окружающимъ. Такого человѣка «шпанка» зоветъ «кровожаднымъ», часто безъ всякаго основанія. Въ важныя минуты голосъ такого человѣка имѣетъ рѣшающее значеніе.

Самостоятельный арестантъ считаетъ дурнымъ тономъ «иванство»; онъ не перешиваетъ казенныхъ вещей и носитъ «полнякъ» въ томъ видѣ, какъ получилъ.

Наконецъ, долженъ упомянуть о паріяхъ тюремнаго міра, сухарникахъ, шакахъ и лягавыхъ.

Условія арестантской жизни выработали особую категорію типовъ, называемую «сухарниками».

«Сухарникъ», обыкновенно лишенецъ (ссыльно-поселенецъ), за извѣстную плату мѣняется съ долгосрочнымъ каторжникомъ, даетъ ему возможность освободиться на свое имя и «мѣсто», а послѣ заявляетъ, что онъ «смѣнщикъ» и по закону получаетъ плети и нѣсколько лѣтъ каторги. Смѣнки организуются обыкновенно такъ: лишенца, намѣченнаго въ смѣн-

*) „Гашникъ“ или „очкуръ“—рубецъ наверху штановъ (поясъ) сквозь который продернутъ ремешокъ, затягивающій штаны на пояснидѣ. Въ очкуръ часто прячутъ деньги, для сохранности.

щики, друзья каторжника заманивают въ игру и, когда онъ проигры
етъ всѣ «кормовыя» до мѣста и доходитъ до крайности, предлагаютъ
взять «сухари». Когда просьбы и угрозы, а главное голодъ, заставляют
сухарника согласиться, «хозяинъ» (берущій смѣнщика) одѣваетъ смѣнщи
ка, кормитъ его, даетъ такъ называемое «приданое», т.-е. бѣлье, постил
ку, подушку, чайный приборъ, чай и сахаръ, и денегъ отъ 3 до 25
болѣе рублей. Деньги даются обыкновенно въ самый моментъ смѣны
Хозяинъ и смѣнщикъ заучиваютъ одинъ отъ другого подсудность, родо
словіе и т. п. Если есть особыя примѣты: выбитый зубъ, бородавка
шрамъ, то смѣнщику поддѣлываютъ ихъ искусственно, т.-е. выбиваютъ
зубъ, выжигаютъ шрамъ или бородавку, чтобы подходили примѣты. Ког
хозяинъ уходитъ на мѣсто смѣнщика, товарищи каторжника ведутъ сухар
ника подъ строжайшимъ надзоромъ, чтобы онъ не могъ сообщить начал
ству о смѣнкѣ, пока хозяинъ не освободится. Чуть что замѣтятъ, могут
убить сухарника безъ пощады.

Такъ какъ любовь къ свободѣ—коренное чувство всякаго «самостоя
тельнаго» арестанта, то естественно, что человѣкъ, продающій за день
свою свободу, пользуется въ арестантской средѣ заслуженнымъ презр
ніемъ. Никогда не забудется и ничѣмъ не изгладится это пятно.

Названіе «сухарникъ» считается однимъ изъ самыхъ ужасныхъ оскор
леній для арестанта.

Праздность, пустые разговоры, неудовлетворенность половой потре
ности,—все это въ совокупности заставляетъ усиленнѣе работать вообр
женіе и, за отсутствіемъ естественнаго удовлетворенія, половое чувст
извращается. Молодой, миловидный арестантъ, особенно женственнаго в
да, становится объектомъ общаго вожделѣнія. Если педерастія распростр
нена въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ въ высшихъ слояхъ общест
гдѣ она является результатомъ полового пресыщенія, если въ закрытых
учебныхъ заведеніяхъ и монастыряхъ приходится бороться съ этимъ злом
то естественно, что тюрьма является самою благопріятною почвою д
развитія этого порока.

Соблазномъ, просьбами или угрозами вынуждаютъ юныхъ арестанто
удовлетворить половому влеченію старшихъ товарищей. Согласившійся, и
уступившій угрозамъ и насилію, становится съ того же момента «дѣвкой
человѣкомъ презрѣннымъ въ глазахъ каждаго арестанта.

Жертва тюремнаго разврата не имѣетъ голоса на сходкахъ, теря
всѣ права члена арестантской республики. Куда бы онъ ни пришелъ, в
бы онъ ни былъ, всюду преслѣдуетъ его позоръ и ничто никогда не см
етъ съ него этого пятна. Видалъ я случаи, когда такой человѣкъ, лѣтъ
не будучи ни въ чемъ замѣченъ, былъ увѣренъ, что никто не знаетъ
прошлаго, и вдругъ на сходкѣ какой-нибудь старикъ погрозитъ ему па
цемъ и уничтожитъ одной фразой: «тсс... мужъ близко» или «не мѣша
въ мужскія дѣла». Впрочемъ, и «мужья», «бабаи» не пользуются ува
ніемъ. Есть тюремная пословица, что «кто мальчиковъ держитъ, тотъ с

рые долги собираетъ», намекающая на то, что педерастъ обыкновенно самъ былъ когда-то жертвой тюремнаго разврата.

Презрѣніемъ пользуется сухарникъ, презирается жертва разврата, но не знаетъ предѣла ненависть арестанта къ «лягавому», «таратаечнику» *), т.-е. доносчику, выдавшему («засыпавшему») начальству арестантскія тайны. Рѣдко спасается «лягавый» отъ кровавой расправы арестантовъ. «Лягавый» обыкновенно робкій, забитый арестантъ; и днемъ и ночью преслѣдуетъ его призракъ скорой кровавой мести, отъ которой не спасетъ его никакое начальство. О лягавыхъ всюду извѣстно. Достигается это арестантской почтой. Пересыльные переносятъ письма или записки изъ тюрьмы въ тюрьму; такое письмо переходитъ зачастую черезъ тысячи рукъ, сохраняющихъ его, какъ святыню, и рано или поздно доходитъ до арестанта.

Благодаря этой почтѣ извѣстіе о «лягавомъ» часто предшествуетъ ему.

III. Арестантская республика.

Существуетъ убѣжденіе, что преступникъ — человѣкъ, не способный жить въ обществѣ; но ошибочность этой мысли становится ясной при первомъ взглядѣ на собраніе извѣстнаго числа арестантовъ. Всякое общество вырабатываетъ болѣе или менѣе своеобразный строй жизни, законы и обычаи; арестантское общество не составляетъ исключенія изъ этого правила.

Рука начальства не измѣнила тѣхъ рамокъ, въ которыя легла арестантская жизнь, и даже отчасти узаконила тюремнымъ обычаемъ. Всякое общество русскихъ арестантовъ и въ тюрьмѣ, и въ дорогѣ представляетъ изъ себя республику. Всѣ, за исключеніемъ сухарниковъ, жертвъ тюремнаго разврата и доносчиковъ, считаются равными и имѣющими право голоса. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ, при всякомъ недоразумѣніи и для выборовъ собирается сходка. На сходку идутъ всѣ арестанты, обсуждаютъ возникшій вопросъ и рѣшаютъ его большинствомъ голосовъ; рѣшенія сходки безапелляціонны. Часто сходки кончаются потасовкой и даже поножовщиной; но вѣдь то же бываетъ въ подобныхъ же случаяхъ въ средѣ свободныхъ гражданъ. И на арестантской сходкѣ существуютъ интриги при выборахъ и здѣсь существуетъ подкупъ. Кандидаты сулятъ «горловыя», то-есть деньги за голосъ, «горлопанамъ», обладателямъ широкой глотки, которые не стѣсняются пользоваться своими преимуществами. Сходка выбираетъ старосту и подстаросту, объ обязанностяхъ и правахъ ко орыхъ я скажу ниже; сходка назначаетъ парашниковъ, сходка продаетъ, или даетъ «на поправку» «майданъ», т.-е. право держать лавочку, гд внымъ же образомъ карты и водку.

Оскорбленный арестантъ собираетъ сходку, если самъ не хочетъ, или

*) Свести таратайку, тачку—значитъ, на тюремномъ жаргонѣ, донести.

боится наказать оскорбителя; замѣтившій злоупотребленія выборныхъ, собираетъ сходку, и сходка въ любое время можетъ смѣстить провинившагося.

Тотчасъ послѣ выборовъ можно наблюдать партіи, подобныя существующимъ во всякомъ обществѣ. Оппозиція группируется или около отвергнутыхъ кандидатовъ или около какого-либо жигана-бродяги.

Около выборныхъ держатся партіонные «Иваны» и тѣ изъ жигановъ, которые пользуются подачками—горловыми. Наконецъ, третью партію составляютъ «отцы», «богодулы», люди индифферентные, по большей части пожилые. Впрочемъ, строго говоря, «отцы», ненавидя отъ чистаго сердца арестантскую республику, всегда глухо протестуютъ противъ всѣхъ ея институтовъ; активнаго же вліянія на дѣла имѣть не могутъ, потому что ихъ презираютъ и обыкновенно на сходки они не ходятъ, хотя и имѣютъ на то право.

Арестантская республика развертывается шире всего передъ наблюдателемъ въ пути слѣдованія партіи; поэтому я, главнымъ образомъ, буду касаться организаціи арестантовъ въ пути.

IV. Выборныя лица.

Всѣ выборы производятся обыкновенно на мѣсяцъ. Въ старосты выбирается обыкновенно человѣкъ опытный: или старый бродяга, или «хорошій воръ», вообще арестантъ до мозга костей и предпочтительно игрокъ, потому что нажитыя имъ деньги останутся въ артели. Староста является отвѣтственнымъ лицомъ передъ начальствомъ, завѣдуетъ пріемкой продуктовъ, слѣдитъ за котломъ и раздачей хлѣба или же получаетъ и раздаетъ кормовыя; онъ же назначаетъ парядъ на нѣкоторыя работы и слѣдитъ за соблюденіемъ правильной очередности. Вообще въ арестантской артели староста является выборнымъ начальникомъ, а за всякій безпорядокъ, промотъ вещей, побѣгъ или смѣнку староста отвѣчаетъ своей спиной. Зато и власть его велика, выше него только сходка.

Подстароста раздѣляетъ со старостой его обязанности. Въ пути хорошій староста, ручаясь за партію, избавляетъ ее отъ мучительнаго и утомительнаго осмотра и повѣрки вещей *), содѣйствуетъ устройству смѣнокъ и т. п. Неся большую отвѣтственность, хорошій староста имѣетъ и большіе доходы и пользуется уваженіемъ какъ со стороны арестантовъ, такъ и со стороны администраціи.

Долженъ оговориться, что во многихъ тюрьмахъ должностныя лица изъ арестантовъ назначаются самимъ начальствомъ. Это всегда возмущаетъ арестантовъ.

---

*) Зимою, когда партія прошла 30—40, а то и болѣе верстъ, измученная, входитъ на этапъ, ее держатъ на морозѣ изъ-за повѣрки вещей до ночи, такъ какъ въ партіи бываетъ 300 и болѣе человѣкъ. При такихъ условіяхъ повѣрка вещей — пытка.

Повара и хлѣбопеки или выбираются артелью и служатъ изъ-за порцій, части припека и подаяній, или же назначаются начальствомъ за плату. Для удобства раздачи хлѣба или кормовыхъ, подаяній и для назначенія на работы староста часто выбираетъ для каждаго десятка особаго десятника.

Когда староста и подстароста выбраны, сходка приступаетъ къ продажѣ майдана или за деньги, которыя идутъ въ артельныя суммы, или за очистку тюрьмы, т.-е. майданщикъ обязанъ на свой счетъ очищать всю тюрьму.

Въ былыя времена, въ 70-хъ годахъ, майданъ въ знаменитомъ Шадринѣ ходилъ въ цѣнѣ до *1,500* руб. въ мѣсяцъ; еще въ 1895 г. майданъ въ Иркутскѣ шелъ за 100 руб. въ мѣсяцъ. При продажѣ майдана, какъ и при выборахъ, дѣло не обходится безъ крика, а подчасъ и драки. Кандидаты объявляютъ свою цѣну и указываютъ свои права на полученіе майдана. Выставляется на видъ долгій срокъ, то, что претендентъ «игрокъ», часто обѣщаютъ обѣды и подачки жиганамъ, т.-е. проигравшимся. Послѣ долгаго «гавканья» майданъ отдается или за наивысшую плату, или за очистку тюрьмы, или же, наконецъ, отдается даромъ «на поправку». Послѣднее практикуется особенно по отношенію къ идущему изъ тюрьмы на большой срокъ въ каторгу. Изъ выбранныхъ за майданъ денегъ платятъ парашникамъ, за баню, палачу и т. п., или же деньги просто дѣлятся на артель. Майданъ торгуетъ обыкновенно чаемъ, сахаромъ, табакомъ, бумагой, спичками и виномъ. Майданъ же держитъ карты, причемъ игрокамъ ставятся: свѣча, табакъ и бумага. На стуколкѣ платятъ въ майданъ копейку за взятый ремизъ; на штосу, банчкѣ съ каждаго выиграннаго рубля на меткѣ (банкъ) платится 10 коп., а за выигранный рубль на понтерахъ 5 коп.

Такъ какъ игра—господствующая страсть арестантовъ, то бо́льшая часть денегъ идетъ въ майданъ. Съ своей стороны, хорошій майданщикъ поддерживаетъ проигравшихся игроковъ, дѣлаетъ имъ иногда даровые обѣды или же даетъ денегъ на «фартъ» (на счастіе). Такъ какъ игра ведется обыкновенно подъ кормовыя деньги, то майданщикъ выпускаетъ марки, которыя даетъ желающимъ на всю сумму причитающихся за мѣсяцъ кормовыхъ. Должниковъ заноситъ въ книгу и получаетъ за нихъ постепенно кормовыя отъ старосты. Такимъ образомъ, выдавая свои «ассигнаціи» (марки) подъ кормовыя и хлѣбъ, дисконтируя денежныя квитанціи и т. п., майданщикъ является также тюремнымъ банкиромъ.

О парашникахъ говорить много нечего. Дѣлаются парашниками тѣ, кто беретъ дешевле; на ихъ обязанности лежитъ очистка камеръ и отхожихъ мѣстъ, а въ дорогѣ также доставка дровъ и воды.

Кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, существуетъ еще категорія людей, ищущихъ наживы въ тюрьмѣ—это «барахольщики». Рѣдкій арестантъ избавленъ отъ необходимости закладывать или продавать («головой» или «въ доску», т.-е. окончательно) свои вещи. Большинство не умѣетъ продавать, да и брезгуетъ этимъ. На выручку являются «барахольщики». Оборотливые аре-

станты берутъ въ закладъ, получая 10 к. съ рубля, покупаютъ или же берутъ только на комиссію вещи («барахло»).

Ходитъ такой барахольщикъ по этапу или по тюрьмѣ, выкрикивая: «У кого есть, что продать, промотать, разбить, забросить?!» У продающаго барахольщикъ спрашиваетъ крайнюю цѣну. Найдя покупателя, заламываетъ съ него втридорога, торгуется до изнеможенія и въ концѣ концовъ выговариваетъ себѣ съ покупателя нѣсколько копеекъ. Продавцу онъ говоритъ, конечно, цѣну гораздо меньшую полученной и опять-таки выговариваетъ себѣ нѣсколько копеекъ. Такимъ образомъ барахольщикъ безъ всякаго риска получаетъ зачастую больше продающаго. Въ виду вышеизложеннаго, барахольщики не особенно уважаются арестантами, тѣмъ болѣе, что торгашество пользуется въ этомъ кругу презрѣніемъ. «Крутель», «крученный»—вотъ клички, обычныя для барахольщика.

Долженъ въ заключеніе сказать, что «самостоятельный арестантъ рѣдко соглашается быть старостой, или взять «майданъ», предпочитая ѣсть сухой хлѣбъ, чѣмъ стать тюремнымъ «глотомъ» (т.-е. наживаться съ арестантовъ) и путаться во всѣ дрязги, неизбѣжныя въ положеніи старосты или майданщика.

V. Игра и ея значеніе.

При однообразіи и скукѣ тюремной жизни въ средѣ страстныхъ игроковъ, картежная игра сама по себѣ имѣетъ для нихъ большую цѣну, какъ развлеченіе. Но, кромѣ того, игра въ тюрьмѣ имѣетъ совершенно своеобразное значеніе: многіе живутъ исключительно игрою; игра, «вытряхивая» одного изъ денегъ, обогащаетъ артель, создаетъ особые заработки. Арестанты, обыкновенно изъ жигановъ, которые стоятъ «на стремѣ», т.-е. у двери и окна, чтобы крикомъ «двадцать шесть» или подобн. предупредить о приходѣ надзирателя («духа»), получаютъ съ игры «за стрему» отъ 5 до 15 коп. Съ выигрыша игрокъ даетъ бѣднымъ арестантамъ «съ фарту». Игра кормитъ печатающихъ карты («святцы») самодѣлки и рисующихъ фигуры—«рисовки». Съ штосоваго игрока получаетъ также отъ 10 и даже до 30% выигрыша игрокъ, помогающій считать «куши» и метать. Не имѣющіе большихъ денегъ, кидаютъ въ долю игроку свои гроши (хоть 5 коп.) и становятся «мотіантами», за что при выигрышѣ получаютъ долю («мотю» отъ фр. moitier), но получаетъ не пропорціонально своему вкладу, а игрокъ изъ благородства часто даетъ въ десять разъ больше. Наконецъ, игрою держится майданъ, который въ свою очередь окупаетъ очистку тюрьмы и общіе расходы артели или же просто платитъ въ артель извѣстную сумму. Поэтому игра въ тюрьмѣ имѣетъ огромное экономическое значеніе и считается не забавой, а «работой». Игрокъ пользуется большимъ уваженіемъ. Игра идетъ самая азартная; проигрывается все, съ кандалами включительно *). Когда деньги проиграны, игрокъ сбра-

*) Когда сгорѣлъ одинъ этапъ, арестанты, пользуясь этимъ, продали все, даже кандалы. Въ городѣ на пріемкѣ они заявили, что все сгорѣло. „А кандалы?“—по-

сываетъ съ себя вещь за вещью, и «Иванъ» въ широкихъ штанахъ въ одинъ мигъ обращается въ оборваннаго жигана, подчасъ совсѣмъ безъ штановъ. Про проигрывающаго говорятъ, что «ему король въ бороду смотритъ». Обманъ въ игрѣ пользуется полнымъ правомъ гражданства: даже лучшій другъ не смѣетъ сказать со стороны играющему другу, что его обманываютъ: «слѣпые въ карты не играютъ». Игра обыкновенно начинается вечеромъ, когда уже отошла повѣрка. Майданщики разстилаютъ халаты — майданы, ставятъ полусвѣчи, блюдца съ табакомъ и бумагой. На халатъ садится штосовой игрокъ, кладетъ деньги и понтерки и перетасовываетъ «метку». Подходитъ понтеръ: «Танцуй!» (т.-е. тасуй) «пускай въ рѣзку». Банкометъ покорно исполняетъ, объявляя: «Игра извѣстна, тузъ 14 (или фигура) хвостъ за талью не отвѣчаетъ, банкъ на столъ, отвѣтъ при себѣ». Ставятъ обыкновенно замысловато, наприм., «копейка съ кушемъ по кушу пятакъ мазу», или транспортъ съ кушемъ по кушу, или очкомъ ниже двѣ копейки очко, копейка минусъ и т. п. Король зовется «бардадымомъ», валетъ—«солдатомъ». Если карта бита, игрокъ разражается бѣшеною бранью. При проигрышѣ неистовство доходитъ до того, что образъ кидаютъ въ печь или парашу, остающіяся деньги рвутся и кидаются туда же. Игроковъ можно раздѣлить на двѣ рѣзко различающіяся категоріи: Иваны и жиганы. Но роли часто и легко мѣняются. Въ пути жиганы обыкновенно въ первый же вечеръ, послѣ продажи майдана, забираетъ кормовыя на мѣсяцъ впередъ и проигрываетъ (въ тюрьмѣ проигрываются хлѣбъ и казенныя вещи). Послѣ кормовыхъ очередь за полнякомъ, съ которымъ производятся сложныя операціи. Если арестантъ боится розогъ за промотъ вещей, то онъ мѣняетъ ихъ, беря придачу и получая вещи старыя.

Новыя вещи берутъ идущіе на волю. Въ концѣ концовъ остается жалкая пародія вещей, жигану нечѣмъ тѣла покрыть, онъ мерзнетъ, умираетъ съ голоду. Тогда онъ становится барахольщикомъ, «беретъ сухари» или становится «дѣвкой», лѣзетъ подъ нары («въ дѣвичью») и ищетъ себѣ «бабая» (содержателя).

Въ пути выручаютъ кражи у торговокъ, приходящихъ на этапный дворъ, выручаютъ подаянія и разныя продѣлки, «аферы», о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

VI. Наказанія и палачъ.

Такъ какъ лишенные правъ наказывались по суду плетьми до 105 ударовъ («полнякъ»), а за мелкіе проступки по тюрьмѣ всѣ вообще арестанты наказываются розгами, то палачъ играетъ видную роль въ арестантской жизни.

любопытствовало начальство.—„И кандалы сгорѣли“.—„А ноги какъ же цѣлы остались?“—„Мы ихъ водой поливали“.

Надо пояснить, что̀ такое плети. Плеть состоитъ изъ трехъ частей: рукояти—палки, самой плети и трехъ длинныхъ концовъ; вѣсъ плети доходитъ до 9 и, говорятъ, даже до 12 фунтовъ. При такой тяжести едва ли кто вынесъ бы плети, если бы наказаніе по суду не обратилось по большей части въ простой обрядъ. Сама жизнь дѣлала невозможнымъ исполненіе устарѣлаго, жестокаго закона.

Отмѣнивъ теперь плети, которыя давно стали формальностью, сохранили почему-то розги! А ужъ давно пора вовсе отмѣнить позорное тѣлесное наказаніе, печальное наслѣдіе татарской неволи; давно пора на дѣлѣ доказать, что Россія стала культурнѣе, цивилизованнѣе, чѣмъ была во времена Іоанна Грознаго. Палачъ, получающій отъ тюрьмы ежемѣсячную плату и отъ каждой партіи отъ рубля до трехъ, дѣлалъ обыкновенно только видъ, что наказывалъ: концы плети ударялись по полу, а къ тѣлу прилегала только толстая часть плети, такъ что наказываемый вставалъ обыкновенно какъ ни въ чемъ не бывало, и на тѣлѣ не замѣтно даже красноты. Все это относилось, конечно, только къ палачу изъ арестантовъ... Впрочемъ, бывали случаи жестокихъ наказаній; тогда арестанты мстятъ; такъ, напримѣръ, ими былъ повѣшенъ недавно палачъ красноярской тюрьмы.

Другое дѣло, если наказываютъ розгами и особенно, если палачъ—надзиратель, пожарный или полицейскій. Такъ какъ розгами наказываютъ за промотъ вещей, за проступки въ тюрьмѣ, то наказаніе бываетъ весьма жестокимъ; неудивительно поэтому, что арестантъ боится розогъ гораздо болѣе плетей. Хотя въ палачи идутъ, и то неохотно, самые послѣдніе арестанты, но палачъ не пользуется особымъ презрѣніемъ со стороны арестантовъ. Обычай установилъ, чтобы палачу всегда была плата или изъ денегъ, полученныхъ за майданъ или, если таковыхъ нѣтъ, то собираютъ съ артели или вычитаютъ изъ кормовыхъ. Лишенныхъ правъ заковываютъ въ кандалы вѣсомъ до 9 и даже 12—13 ф., а иногда и въ наручни. Повидимому, закованному нельзя надѣть портъ, но нужда научила. Штанина и гашникъ (поясъ съ продернутымъ ремнемъ) продергиваются сверху черезъ желѣзный браслетъ на ногѣ, нога просовывается въ гашникъ и штанина натягивается на одну ногу, очутившись уже подъ кольцомъ; та же операція продѣлывается и съ другой штаниной, и арестантъ одѣтъ. Впрочемъ, какъ бы ни были толсты кандалы, снять ихъ ничего не стоитъ; помощью ремней или нѣсколькими ударами, кандалина сжимается и арестантъ снимаетъ и надѣваетъ кандалы. Если же кандалы настолько тѣсны, что ихъ никакъ нельзя спять, то, ударивъ нѣсколько разъ полѣномъ поочередно сверху и съ боковъ, арестантъ разбиваетъ заклепки и вмѣсто нихъ забиваетъ заклепки свинцовыя, деревянныя съ гвоздями или, наконецъ, дѣлаетъ себѣ заклепки на винтахъ. Поэтому, не удерживая никого, кандалы являются только лишнимъ мученіемъ въ дорогѣ, такъ какъ не даютъ шага, производятъ раны, и всегда сушатъ ногу. Впрочемъ, при хорошемъ конвоѣ кандалы несутъ въ мѣшкахъ.

VII. Подаянія.—Продѣлки въ пути.

Русскій народъ смотритъ на арестанта, какъ на несчастнаго; онъ плохо вѣритъ въ правосудіе. Состраданіе народа выражается въ болѣе или менѣе щедрыхъ подаяніяхъ. Это предусмотрѣно арестантскимъ обычнымъ правомъ. Все, что подается съ правой стороны, идетъ въ пользу старостъ и парашниковъ, а подаваемое съ лѣвой стороны дѣлится между жиганами. Въ этомъ правилѣ видно, съ одной стороны, уваженіе къ труду, а съ другой—гуманное желаніе по мѣрѣ силъ поддержать жигановъ, безъ этой поддержки обреченныхъ на голодную смерть. То же сочувствіе къ проигравшемуся игроку выражается въ общей готовности помочь, «поддержать мазу» при кражахъ у торговокъ и разнообразныхъ мошенническихъ продѣлкахъ, именуемыхъ «аферами».

Въ нѣсколькихъ словахъ разскажу о наиболѣе употребительныхъ «аферахъ» въ пути слѣдованія. Самое обыкновенное—это продажа оловянныхъ и мѣдныхъ колецъ и крестовъ за серебряные и золотые. Въ отдѣлкѣ, въ способѣ придавать мѣди цвѣтъ и видъ благороднаго металла, въ «пробѣ»,—арестанты доходятъ до виртуозности. Не мудрено, что «челдонъ» (аборигенъ Сибири) и солдатъ вводятся въ обманъ и за грошовое кольцо платятъ хорошія деньги. Особымъ химическимъ способомъ съ новаго банковаго билета дѣлается до двухъ переводовъ на чистую бумагу и эти капированные кредитные билеты сбываются торговкамъ. Въ рѣдкой партіи не найдется мастера брать на «черное и красное» и на «наперстки».

Въ обоихъ случаяхъ требуется «затырщикъ», который помогаетъ аферисту, дѣлая видъ, что онъ человѣкъ посторонній. Обыкновенно аферистъ выходитъ на дворъ, кладетъ рядомъ на халатѣ три молодки (простыхъ картъ двоекъ или троекъ), изъ которыхъ двѣ черной масти, одна красной и объявляетъ: «Вотъ три карты. Кто красную отгадаетъ, тотъ деньги получаетъ; кто не отгадаетъ, тотъ деньги присылаетъ». Подхватывая черною картой красную, игрокъ показываетъ постоянно красную и перекидываетъ карты на виду у зрителей. Нужно, повидимому, немного вниманія, чтобы услѣдить, куда ложится красная карта. Торговка или солдатъ увлекаются возможностью легкой наживы и ставятъ кушъ. Аферистъ отворачивается, чтобы высморкаться или закурить; въ это время «затырщикъ», подмигивая поставившему кушъ, быстро поднимаетъ карты и на красной заламываетъ уголокъ. Дѣлается это въ одинъ мигъ, прежде чѣмъ аферистъ успѣетъ обернуться. Солдатъ увѣренъ въ побѣдѣ и увеличиваетъ ставку. Аферистъ начинаетъ перебрасывать карты, показывая красную; незамѣтно загибаетъ заломанный уголокъ и загибаетъ уголокъ на черной. Карты уложены; солдатъ открываетъ карту съ заломаннымъ уголкомъ и къ ужасу и изумленію видитъ, что открылъ черную масть и проигралъ. Подобна этой игра въ наперстки, гдѣ слѣдуетъ угадать, подъ которымъ изъ трехъ наперстковъ находится восковой шарикъ. Берутъ также на споръ. Ищущій жертвы выходитъ на дворъ, положивъ на зубъ узелокъ съ солью и

съ выраженіемъ муки, придерживаетъ щеку рукой. «Что съ тобой?» спрашиваетъ затырщикъ. — «Да зубъ болитъ!» — «Что-жъ ты кладешь?» — «Соль». — «И помогаетъ?» — «Замираетъ боль». Мнимый больной кладетъ узелокъ около намѣченной жертвы и проситъ постеречь, пока онъ пойдетъ полоскать зубъ. Затырщикъ быстро замѣняетъ соль табакомъ и, завязавъ по старому кладетъ на то же мѣсто. Является больной и какъ ни въ чемъ не бывало, кладетъ узелокъ на зубъ, при общемъ хохотѣ арестантовъ и намѣченной жертвы. Аферистъ съ поддѣльнымъ недоумѣніемъ осматривается и спрашиваетъ о причинѣ смѣха. «Да вѣдь въ узелкѣ табакъ, а не соль, а ты и не замѣчаешь», говоритъ затырщикъ. Аферистъ посылаетъ его сердито къ чорту, говоря, что можетъ соль отличить отъ табаку и выражаетъ готовность спорить насколько угодно. Торговка или солдатъ, видѣвшіе, какъ вмѣсто соли былъ насыпанъ табакъ, принимаетъ вызовъ и обѣ стороны кладутъ закладъ. Развязываютъ узелокъ и въ немъ оказывается соль, потому что аферистъ успѣлъ уже замѣнить узелокъ съ табакомъ узелкомъ съ солью. Вродѣ этого берутъ на узелокъ. Идетъ арестантъ къ торговкамъ: у него изъ кармана виситъ завязанный узелокъ. Затырщикъ на глазахъ у торговки ловко подкрадывается къ нему, вывязываетъ изъ узелка двугривенный и вмѣсто него завязываетъ копейку. Торговки смѣются. Покупатель, подойдя къ лоткамъ, начинаетъ торговаться и засовываетъ платокъ въ карманъ. «Чего ты можешь купить на копейку?» говоритъ затырщикъ. — «Пошелъ къ..... у меня двугривенный!» — Торговки хохочутъ. Завязывается споръ; торговки попадаютъ на удочку и кладутъ закладъ. Но у покупателя въ другомъ узелкѣ завязанъ также двугривенный; а копейку онъ незамѣтно развязалъ, опуская платокъ въ карманъ. Когда развязываютъ узелокъ, въ немъ оказывается двугривенный, и торговки проиграли закладъ.

Тамъ, гдѣ хорошій конвой, берутъ «на гаданье». Ночью конвой выпускаетъ одного или двухъ самыхъ ловкихъ воровъ; тѣ крадутъ предметы ни въ коемъ случаѣ не нужные арестанту, какъ-то сбруи, хомуты и т. п. и, зарывъ на извѣстномъ мѣстѣ за деревней, возвращаются въ этапъ. На другой день конвойные, будто случайно, заводятъ въ кабакѣ разговоръ о необыкновенномъ гадателѣ въ партіи. Слухъ доходитъ до обокраденныхъ, и они являются на этапъ. Гадатель соглашается послѣ долгихъ просьбъ, требуя новыхъ картъ, свѣчей, простынь, новый мѣдный тазъ и тому подобное.

Все это тотчасъ достаютъ. Свѣчи зажигаютъ, въ тазъ наливаютъ воды, двѣ-три колоды картъ разбрасываютъ кругомъ, простынями завѣшиваютъ окно. Ворожей начинаетъ болтать непонятный вздоръ и, глядя въ воду, указываетъ, гдѣ находятся вещи и какія. Гадателя щедро награждаютъ. «Всѣ вещи, бывшія при гаданьи, сожгите, говоритъ онъ, а то можетъ случится большое несчастіе! Впрочемъ, лучше я самъ все уничтожу».

Пораженные «челдоны» не смѣютъ спорить и все остается въ полномъ у ворожея. Далеко разносится его слава, нѣтъ отбоя отъ желающихъ [illegible]-

дать; денегъ, подаяній—дѣвать некуда, и партія идетъ припѣваючи, сытая и пьяная.

Въ рѣдкой партіи нѣтъ самозваннаго доктора, который лѣчитъ отъ всѣхъ болѣзней, даетъ «присуху» (вѣрнѣйшее средство заставить себя любить) и вообще шарлатанитъ «почемъ зря» (какъ говорятъ арестанты). Кирпичъ, уголь, моча играютъ видную роль въ этой своеобразной медицинѣ, давая хорошій заработокъ.

Всѣ эти и многія другія предпріятія поддерживаютъ голодающую партію.

VIII. Характеръ.

Заключеніе, особенно одиночное, постоянный надзоръ, мелкія придирки, оскорбленія и подавленіе личности со стороны администраціи пагубно вліяютъ на характеръ заключенныхъ. Въ результатѣ является, съ одной стороны, трусливость съ значительной примѣсью суевѣрія, съ другой—озлобленность. Настоящій арестантъ не шутитъ и не понимаетъ шутокъ, озлобленъ, обидчивъ (самой ужасной обидой считается обращеніе въ женскомъ родѣ). Если до драки дѣло доходитъ рѣдко, зато въ брани арестантъ доходитъ до виртуозности. Легкомысліе, непредусмотрительность, хвастливость, тщеславіе и пристрастіе къ тряпкамъ встрѣчаются довольно часто, и этой чертой своего характера арестантъ сильно напоминаетъ ребенка и человѣка некультурнаго. Честолюбіе и тщеславіе особенно выражаются въ очень распространенномъ желаніи оставить свою біографію. При этомъ на-ряду съ хвастливой болтливостью встрѣчаешь угрюмую неразговорчивость болѣе «самостоятельныхъ». Въ лаконизмѣ доходятъ подчасъ до художественности. Вотъ для примѣра начало біографіи одного каторжника: «Безотеческій я, солдатскій сынъ; отецъ въ солдатахъ, мать гуляетъ,—вотъ и я!»

На-ряду съ этими, часто непривлекательными чертами характера, долженъ отмѣтить многія хорошія качества, которыя зачастую отсутствуютъ у средняго человѣка, относящагося съ такимъ презрѣніемъ къ арестанту.

Всякій настоящій арестантъ глубоко проникнутъ чувствомъ товарищества и солидарности со всѣми другими заключенными. Дорожа своей независимостью, онъ даже въ мелочи не позволяетъ посягнуть на независимость другого и его свободу дѣйствовать, какъ ему заблагоразсудится. Что бы ни дѣлалось рядомъ, тюремное правило чести требуетъ, чтобы другіе не обращали на это никакого вниманія. Вмѣшаться въ чужое дѣло, спрашивать о чемъ-либо, касающемся лично другого, считается въ высшей степени неприличнымъ для добраго арестанта. Завидовать другому или злиться на оказанную другому льготу, или послабленіе,—считается преступленіемъ, равносильнымъ доносу.

Добывъ что-либо, особенно изъ запрещенныхъ вещей, заключенный дѣлится съ окружающими: никогда не выпьетъ онъ чаю, не съѣстъ куска,

не пригласивъ другихъ. Если у добраго арестанта нѣтъ ничего, то ему дадутъ другіе такъ, чтобы никто не видалъ. Попрекнуть тѣмъ, что давалъ, даже въ ссорѣ считается верхомъ подлости. Труднѣе всего курильщику обойтись безъ табаку; тамъ, гдѣ табакъ строго преслѣдуется, цѣна осьмушки махорки доходитъ до 3 рублей. Но даже тамъ, добывшій щепотку табаку, братски дѣлится съ другими, хотя знаетъ, что благодаря этому ему самому будетъ нечего курить. Щедрость также господствующая черта у арестанта. Беру самый обыкновенный примѣръ. Выигравшій часто возвращаетъ проигравшему всѣ вещи и часть денегъ, остальное даетъ «съ фарту» (съ выигрыша) игрокамъ, главнымъ образомъ жиганамъ, самъ выигравшій довольствуется зачастую тѣмъ, что выпьетъ съ проигравшимъ бутылку водки. Арестантъ высоко цѣнитъ оказываемое ему довѣріе, и я не имѣлъ случая видѣть, чтобы кто-либо рѣшился не оправдать его. Арестантская честь никогда не позволитъ обмануть того, что довѣряется. Приходя въ строгую тюрьму, арестантъ, у котораго на рукахъ большія деньги или какія-нибудь запрещенныя вещи, суетъ ихъ передъ обыскомъ первому встрѣчному въ полной увѣренности, что тотъ самъ послѣ разыщетъ его и возвратитъ данное ему на храненіе. Въ тюремной жизни, гдѣ переписка сопряжена съ такими затрудненіями, выручаетъ арестантская почта. Взятое для отправки письмо пересыльный арестантъ хранитъ, какъ святыню, и отправитъ по адресу, чего бы это ему ни стоило.

IX. Убѣжденія и взгляды.

Большинство арестантовъ скептически относится къ религіознымъ вопросамъ. Остальные, вѣрующіе, едва ли могутъ быть названы христіанами,—настолько вѣра ихъ затемнена обрядностью и суевѣріемъ. Одинъ еврей, спеціалистъ по церковнымъ кражамъ, признавался мнѣ, что онъ крестится, входя въ церковь, потому что по опыту знаетъ, что если перекрестится, то дѣло окончится удачей. При молитвѣ главное вниманіе обращается на число крестовъ и поклоновъ, ибо все проникнуто извѣстной дозой суевѣрія. Вообще, несчастія и особенно тюрьма дѣлаетъ человѣка, даже умнаго и развитого, до извѣстной степени склоннымъ къ суевѣрію. Средній же необразованный арестантъ крайне суевѣренъ, несмотря на свой религіозный скептицизмъ. Не вѣря въ Бога, онъ вѣритъ въ сны, вѣритъ, что видѣть воду значитъ освободиться, волки и медвѣди—пріѣздъ высшаго начальства, кровь—свиданіе съ родными или письмо отъ нихъ; выпалъ во снѣ зубъ—умеръ близкій человѣкъ и т. д. Вѣритъ онъ, что если поставилъ карту и, развернувъ трижды колоду, открылъ каждый разъ красную масть, то карта будетъ дана. Заключенный вѣчно гадаетъ. Буря камень, загадываетъ, что если со столькихъ-то ударовъ молотомъ, будетъ вершокъ, то сбудется желаніе; толкнувъ вагонъ, слѣдитъ со вниманіемъ, прокатится ли онъ до такого-то столба и т. п. Вѣритъ онъ въ примѣты, несчастные дни и проч.

Къ загробной жизни заключенный относится обыкновенно также насмѣшливо; впрочемъ, по этому поводу я мало слыхалъ серьезно высказанныхъ мнѣній. Наиболѣе характерное мнѣніе высказалъ приговоренный въ Иркутскѣ къ смерти Тарасовъ, спрошенный наканунѣ казни лучшимъ своимъ другомъ и товарищемъ—бродягою той же фамиліи. «Послушай, Тарасовъ, завтра ты умрешь. Скажи мнѣ откровенно, какого ты мнѣнія о загробной жизни?»—«Это все равно, что снять бушлатъ *) сѣрый и одѣть бѣлый или снять бѣлый и одѣть сѣрый». На другой день Тарасовъ умеръ спокойно, ни на минуту не теряя хладнокровія.

Большинство убѣждено въ равноправности всѣхъ людей и несправедливости существующаго порядка. Чаще всего приходится слышать рѣзко выраженное негодованіе по поводу экономическаго неравенства. Озлобленіе противъ администраціи, разумѣется, господствующая черта у пасынковъ общества. Признавая равноправность всѣхъ, арестантъ не дорось до признанія равноправности женщины. На женщину онъ смотритъ съ презрѣніемъ, видя въ ней собственность мужчины. Очень часто можно встрѣтить ясно выраженное женоненавистничество рядомъ съ господствующимъ сладострастіемъ.

Украсть у знакомаго, у товарища и человѣка, довѣрившаго имущество, считается безчестнымъ. Я знаю случаи, гдѣ ворамъ поручалось охраненіе имущества, давались ключи отъ амбаровъ. Мой вопросъ, воспользовались ли они этимъ случаемъ, вызывалъ каждый разъ негодованіе, и каждый добавлялъ въ объясненіе, что неужели онъ не найдетъ, гдѣ «поторговать» (украсть) въ другомъ мѣстѣ. Украсть у посторонняго человѣка, особенно зажиточнаго, не считается безчестнымъ.

Вѣдь это мое ремесло, объясняли мнѣ многіе. Но развѣ хорошо, что вы, не трудясь, берете то, что пріобрѣтено, можетъ быть, долголѣтнимъ трудомъ? «Какъ, не трудясь!?—возражали мнѣ съ негодованіемъ.— Хорошее дѣло требуетъ много труда; иной разъ полгода теряешь. Не легкая это работа и опасная!» Вообще большинство смотритъ на кражу и грабежъ, какъ на ремесло, какъ на трудъ. На жаргонѣ укралъ значитъ «заработалъ, поторговалъ, купилъ, «стырилъ» («затырилъ» значитъ спряталъ). Честный трудъ часто презирается: «пускай за меня чортъ работаетъ», «отъ работы кони дохнутъ», «съ работы не будешь богатъ, а будешь горбатъ», т. п. поговорки въ большомъ ходу.

Въ заключеніе долженъ отмѣтить, что большинство довольно развито и обладаетъ хорошими способностями. Мнѣ приходилось многихъ учить грамотѣ и я всегда удивлялся быстрымъ успѣхамъ своихъ взрослыхъ учениковъ. Въ школѣ, гдѣ учились вмѣстѣ дѣти каторжниковъ, надзирателей и крестьянъ, дѣти первыхъ рѣзко отличались по своимъ способностямъ.

Должен отмѣтить еще одну черту. Несмотря на свою озлобленность,

*) Бушлатъ—арестантская куртка для работы, вродѣ наглухо застегнутаго пиджака изъ сѣраго арестантскаго сукна съ желтыми или черными тузами на спинѣ.

заключенные и находящіеся на волѣ преступники любятъ животныхъ и дѣтей. Ихъ они окружаютъ часто трогательнымъ вниманіемъ, голодные сами, отдаютъ лучшій кусокъ своимъ любимцамъ. Уже это одно, кажется, говоритъ за то, что это люди не погибшіе, а скорѣе жертвы ненормальнаго воспитанія и условій жизни.

X. Заключеніе.

Разсматривая черты характера преступника, мы видимъ, что во многомъ онъ напоминаетъ ребенка и человѣка некультурнаго. Самъ онъ смотритъ на преступленіе, какъ на профессію, столь же естественную, какъ и всякая другая. Многія черты характера указываютъ на психическую ненормальность (хотя бы, наприм., пристрастіе собирать и хранить всякую дрянь,—черта общая у арестантовъ и психически больныхъ). Видѣть въ преступленіи исключительно психическое разстройство, атавизмъ или профессію, мнѣ кажется, неосновательнымъ. Я лично, послѣ многолѣтнихъ близкихъ наблюденій надъ міромъ преступниковъ, склоненъ видѣть въ преступленіи результатъ дурного воспитанія и ненормальныхъ условій жизни.

В. Александровъ.

Дегенераты въ нашей современной беллетристикѣ.

Жизнь Василія Фивейскаго—Леонида Андреева. (I. Сборникъ *Знанія* за 1903 годъ, книга первая. Спб., 1904 г.)

I.

Обращали ли вы вниманіе, какая масса дегенератовъ парадируетъ въ беллетристикѣ нашей въ послѣдніе двадцать лѣтъ, особенно въ произведеніяхъ писателей юнѣйшихъ поколѣній, начиная съ восьмидесятниковъ?

Конечно, и въ беллетристикѣ предшествовавшихъ годовъ, начиная съ пороковыхъ, найдете вы не мало типовъ людей больныхъ если не физически, то нравственно, надломленныхъ, исполненныхъ разъѣдающихъ рефлексій, безхарактерныхъ, безвольныхъ, изнѣженныхъ и ожирѣвшихъ. Развѣ не своего рода дегенератами являются лежебоки Тентетниковы и Обломовы, тщедушные и духомъ, и тѣломъ Чулкатурины, заглядывающіеся въ гвозди на чердакахъ Гамлеты Щигровскаго уѣзда, сластолюбивые чувственники Райскіе? Какую массу алкоголиковъ, эпилептиковъ и всякаго рода юродивыхъ, идіотовъ и такъ называемыхъ «порченыхъ» изобразили беллетристы-народники, начиная съ Рѣшетникова и Левитова и кончая Гл. Успенскимъ. О Ѳедорѣ Достоевскомъ нечего, конечно, и говорить,—объ этомъ спеціалистѣ по части героевъ вырожденія. Довольно сказать, что въ иныхъ его романахъ вы не найдете ни одного вполнѣ здороваго лица, словно осматриваете лѣчебницу психическихъ больныхъ. Какъ извѣстно, психіатры дивятся научной вѣрности и точности его изображеній.

Но если никто не сомнѣвался въ вырожденіи героевъ Достоевскаго и алкоголиковъ Гл. Успенскаго, носившихъ несомнѣнные признаки вырожденія, то никому не приходило въ голову, что до нѣкоторой степени дегенератами являются и многіе излюбленные «герои времени» тридцатыхъ и пороковыхъ годовъ, изъ которыхъ нѣкоторые разсматривались современною критикою, напротивъ того, какъ натуры богато одаренныя, титаны, своего рода сверхчеловѣки. Такъ, напримѣръ, характеризовалъ Евгенія Онѣгина и Печорина Бѣлинскій.

Рудина въ свою очередь многіе критики проводили такой взглядъ,

что это вовсе не безхарактерный человѣкъ съ атрофированной волей, способный лишь красно говорить, но въ то же время обнаруживавшій полную несостоятельность, когда отъ словъ переходилъ къ дѣлу, а напротивъ того,—богато одаренная натура, и все несчастіе его заключалось лишь въ томъ, что ему пришлось жить въ такое ужасное время, въ которое не было никакой возможности осуществлять слова въ какихъ-либо дѣлахъ.

Но и послѣ того, какъ Добролюбовъ въ своей статьѣ «Что такое обломовщина», развѣнчалъ всѣхъ «героевъ времени», начиная съ Евгенія Онѣгина и кончая Рудинымъ и Бельтовымъ, приравнявши ихъ къ Обломову,—правда, они потеряли свой прежній престижъ въ качествѣ богато одаренныхъ натуръ и титановъ,—тѣмъ не менѣе всетаки никому въ голову не приходило, чтобы они были хотя бы въ малой степени дегенераты. Ни у кого не было на устахъ и слова «вырожденіе». Самъ Добролюбовъ, приравнивая ихъ къ Обломову, смотрѣлъ на нихъ, какъ на жертвы скверныхъ условій жизни и дурного воспитанія, причемъ предполагалось, что если условія измѣнятся къ лучшему и воспитаніе будетъ вполнѣ правильнымъ и раціональнымъ, то, хотя бы на нихъ лично была бы и плоха надежда въ смыслѣ ихъ исправленія, по пословицѣ: «горбатаго исправитъ одна могилка», но дѣти ихъ должны выйти совсѣмъ другими людьми, ни мало не похожими на своихъ отцовъ. Въ шестидесятые годы вообще вѣрили, что хорошія условія жизни и раціональное воспитаніе могутъ производить чудеса чуть не внезапнаго превращенія людей, растленныхъ до мозга костей, въ идеальныхъ.

II.

Правда, и въ то время начинали уже поговаривать о «*печальномъ наслѣдіи отцовъ*», о тѣхъ или другихъ порокахъ и постыдныхъ дурныхъ страстяхъ, *всосанныхъ съ молокомъ матери, коренящихся въ крови, о худосочныхъ и растленныхъ до мозга костей* потомкахъ, несущихъ кару за безпечальную и безпутную жизнь дѣдовъ и отцовъ. Но всѣ подобные толки начались уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и принадлежатъ, главнымъ образомъ, семидесятымъ годамъ. Они явились результатами того печальнаго опыта и разочарованій, которыми закончилось движеніе шестидесятыхъ годовъ.

Казалось, что разъ крѣпостное право, бывшее главнымъ разсадникомъ обломовщины, рушилось, воспитаніе дѣтей встало на болѣе раціональную почву, явилось земство, гласный судъ, — словомъ, много шансовъ для приложенія своихъ силъ на благо родины и проведенія въ дѣло хорошихъ словъ,—то какъ не явиться въ интеллигентныхъ сферахъ массѣ людей идеальныхъ, энергичныхъ, вродѣ, напримѣръ, хотя бы Штольца, который былъ поставленъ Гончаровымъ въ противовѣсъ Обломову. А между тѣмъ люди дѣлались не только не лучше прежнихъ, переформенныхъ, а какъ будто даже съ каждымъ годомъ хуже и хуже. Грез-

вые реалисты, увлекавшіеся нѣкогда до самозабвенія естествознаніемъ, превращались въ отъявленныхъ карьеристовъ, дѣльцовъ и срывателей кушей не всегда чистыми путями; явились всякаго рода воспѣтые Щедринымъ ташкентцы, оказавшіеся несравненно и жаднѣе, и развратнѣе дореформенныхъ сластолюбцевъ и прелюбодѣевъ.

Дѣло извѣстное, что вырожденіе вовсе не есть такое явленіе, которое пребывало бы въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ положеніи: оно прогрессируетъ съ каждымъ поколѣніемъ, имѣетъ свои степени. Такъ, Онѣгины и Печорины могли казаться дегенератами и пигмеями сравнительно со своими дѣдами и отцами, которые гнули подковы, не знали никакихъ простудъ и болѣзней, выпивали въ одну ночь столько вина, сколько внуки ихъ не въ состояніи были и поднять, и безпечно прожигали жизнь, не думая о завтрашнемъ днѣ и не зная никакихъ меланхолій и разочарованій. Но эти самые Онѣгины и Печорины носили въ себѣ лишь первые зародыши вырожденія и могли казаться въ свою очередь гигантами сравнительно со своими дѣтьми и внуками.

Въ семидесятые же годы нашу интеллигенцію можно было уподобить свѣчѣ, которая горѣла съ обоихъ концовъ. Между тѣмъ какъ наиболѣе могучія, свѣжія, молодыя силы гибли въ неравной борьбѣ, нарождались поколѣнія все болѣе и болѣе тщедушныя, хилыя, больныя. Въ самомъ дѣлѣ, вы загляните только въ литературныя сферы послѣднихъ сорока лѣтъ XIX столѣтія, сколько вы насчитаете преждевременныхъ смертей не отъ чего иного, какъ именно отъ хилости организма, отъ тѣхъ или другихъ симптомовъ несомнѣннаго вырожденія. Такъ, Рѣшетниковъ, Левитовъ, Н. Успенскій, Щаповъ, П. Якушкинъ умерли отъ алкоголизма; Добролюбовъ, Новодворскій, Надсонъ — отъ чахотки; Гл. Успенскій, Гаршинъ—отъ психическихъ болѣзней; Писаревъ умеръ, хотя, повидимому, случайно, утонувъ во время купанья, но при жизни успѣлъ просидѣть нѣкоторое время въ психіатрической лѣчебницѣ, и до самой смерти страдалъ крайнимъ разстройствомъ нервовъ.

Но не одними только смертями отъ разныхъ хроническихъ и нервныхъ болѣзней знаменуется вырожденіе,—и въ продолженіе жизни дегенераты проявляютъ себя обыкновенно такимъ ненормальнымъ строемъ мыслей и чувствъ, такими чудачествами, такимъ, наконецъ, безволіемъ, апатіею, какихъ мы не замѣчаемъ въ организмахъ вполнѣ здоровыхъ и правильно развитыхъ.

Начиная съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ интеллигентной средѣ все болѣе и болѣе начинаютъ преобладать нытики, меланхолики, неврастеники, истерики, чудаки съ разными странностями, причудами, манiями и проч. Они дѣлаются уже не печальными исключеніями, не случайными уродами въ здоровыхъ семьяхъ, а имѣютъ претензіи стоять впереди, какъ сливки общества, какъ представители новыхъ словъ и мозговыхъ линій, становятся на пьедесталы и любуются собою, какъ героями иного чекана. Замѣчательно при этомъ, что они красуются и тще-

славятся самыми тѣми болѣзненными симптомами, которыхъ должны были бы стыдиться. Такъ, среди массы дегенератовъ послѣдняго времени составилось ходячее мнѣніе, что нормальные и здоровые организмы являются признакомъ золотой посредственности; люди же съ высшими духовными стремленіями, избранныя, идеальныя натуры по самому существу должны быть болѣзненными, потому уже, что больные нервы болѣе чутки и воспріимчивы къ впечатлѣніямъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что же такое, какъ не истые дегенераты всѣ эти декаденты, эстеты, ницшеанцы, индивидуалисты, мистики? Всѣхъ ихъ въ равной степени томитъ шумъ жизни и невмоготу имъ нести на себѣ иго какихъ-либо обязанностей; всѣ они, съ презрѣніемъ взирая на суету людскую и злобы дня, волнующія здоровыхъ людей, стремятся, какъ животныя, одержимыя водобоязнью, уединиться отъ людей и въ гордомъ уединеніи возноситься мыслью въ заоблачныя выси или же стараться устроить жизнь, совершенно непохожую на жизнь всѣхъ окружающихъ ближнихъ; всѣ они въ то же время, неспособные ни сильно любить, ни сильно ненавидѣть, томятся безысходною тоскою и кончаютъ самоубійствомъ, помѣшательствомъ, или иною хроническою болѣзнію. Согласитесь, что всѣ подобные господа встрѣчаются нынѣ на каждомъ шагу и являются въ неизмѣримой степени бо́льшими декадентами, чѣмъ ихъ дѣды, Рудины, Чулкатурины, или Гамлеты Щигровскаго уѣзда.

III.

Само собою разумѣется, что разъ въ жизни число всякаго рода дегенератовъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается, то и въ беллетристикѣ, этомъ зеркалѣ жизни, должны болѣе и болѣе преобладать типы дегенератовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, начиная съ разсказовъ Новодворскаго и Гаршина серія героевъ-дегенератовъ все болѣе и болѣе растетъ въ нашей современной беллетристикѣ. О герояхъ Новодворскаго и Гаршина нечего и говорить: всѣ они наподборъ истые дегенераты, исполненные неразрѣшимыхъ противорѣчій, раздвоенные, вѣчно брюзжащіе, ничѣмъ не довольные, въ концѣ-концовъ приходящіе къ сознанію полнаго банкротства и каждую минуту готовые покончить съ постылою жизнію.

Но и изъ нынѣ живущихъ беллетристовъ укажите мнѣ на такого, который не изобразилъ бы въ своихъ произведеніяхъ хотя бы одного дегенерата. Я ужъ не знаю, нужно ли и напоминать такія несомнѣнныя въ этомъ отношеніи и яркія вещи, какъ «Палата № 6-й», «Черный монахъ» Чехова, «Ошибка»—М. Горькаго, «Записки Мытищева»—М. Крестовской. Ужъ на что жизнерадостный оптимистъ г. Потапенко, но и онъ не преминулъ въ повѣсти «Свѣтлый лучъ» изобразить въ образѣ героя повѣсти Барвинскаго дегенерата, одержимаго paranoia hallucinata.

Но и кромѣ этихъ спеціально-психіатрическихъ произведеній, въ рѣдкихъ изъ современныхъ романовъ и повѣстей не встрѣтите вы цѣлыхъ страницъ и сценъ, въ которыхъ герои, повидимому, не имѣющіе никакихъ шансовъ на помѣщеніе въ психіатрическія лѣчебницы, говорятъ и дѣйствуютъ совершенно, какъ полоумные. При крайней безхарактерности и безволіи, они только и дѣлаютъ, что вѣчно ищутъ цѣли и смысла жизни, а сами палецъ о палецъ не двинутъ, ограничиваясь одними отвлеченными словопреніями, или же увлекутся какимъ-нибудь дѣломъ и быстро охладѣваютъ къ нему: оказывается, что это не то, что требуется, а необходимо что-то совсѣмъ другое, причемъ попрежнему:

Что ему книжка послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ.
Вѣрить, не вѣрить—ему все равно,
Лишь бы доказано было умно.

Возьмите, напримѣръ, повѣсть г. Вересаева «На поворотѣ». Передъ вами рисуется серія самой новѣйшей молодежи, и какіе всѣ они нервно-развинченные психопаты! Не будемъ говорить о Сергѣѣ, который со своими нервными припадками, доводящими его до изступленія, является несомнѣннымъ кандидатомъ въ лѣчебницу душевно-больныхъ. Но возьмите сестру его Варвару. Всѣмъ казалось бы барышня взяла: и красавица, и умница, отлично кончила фельдшерскіе курсы, поступила въ земскую больницу и такъ дѣятельно принялась за дѣло, что пріобрѣла общее расположеніе среди бѣднаго населенія, и на земскомъ собраніи единогласно постановили выразить ей благодарность за сердечное отношеніе къ больнымъ. Чего бы казалось ей недоставало? Любви? Но ее любилъ порядочный человѣкъ, къ которому и сама она была неравнодушна.

Но предложеніе любимаго человѣка она отвергла на томъ основаніи, что семья мѣшаетъ общественному дѣлу, а сама вдругъ заскучала, охладѣла къ дѣлу, вообразила, что въ ней все сохнетъ и что отъ ея взглядовъ, цѣлей, стремленій отлетаетъ духъ, и она совершенно неожиданно кончаетъ ни съ того, ни съ сего самоубійствомъ въ видѣ предумышленнаго зараженія сапомъ.

А затѣмъ, не говоря уже о докторѣ Токаревѣ, который въ свою очередь покушается на самоубійство, путаясь въ какихъ-то темныхъ, малопонятныхъ и совершенно безплодныхъ сомнѣніяхъ, даже и сестра его Таня, при всей жизнерадостности, является вполнѣ психопаткою со своей распущенностью, безалаберностью, опрометчивостью, вѣчнымъ желаніи кого-то чѣмъ-то удивить.

Возьмите, наконецъ, напечатанную въ нынѣшнемъ году въ нашемъ журналѣ повѣсть г. Боборыкина «Разладъ». Не правда ли, какъ симпатичны юные герои этой повѣсти—Муринъ и Ягодина, но какіе въ то же время они больные! Все они хлопочатъ о какой-то самостоятельности, индивидуальности, о томъ, чтобы не носить никакихъ шоръ, футляровъ,

кличекъ, а сами только и дѣлаютъ, что хвораютъ; и полюбить-то другъ друга у нихъ не хватаетъ темперамента при всей взаимной симпатіи, и въ концѣ-концовъ, умираютъ, безсильные что-либо сдѣлать и чѣмъ-либо проявить свою особенность отъ прочихъ смертныхъ.

IV.

Не только не уступаетъ, но въ значительной степени превосходитъ всѣхъ прочихъ современныхъ беллетристовъ въ этомъ отношеніи г. Леонидъ Андреевъ. О немъ утвердилась такая репутація, что это въ своемъ родѣ жестокій талантъ, избравшій своею спеціальностью мучить нервы читателей изображеніемъ различнаго рода экстраординарныхъ смертей со всѣми ихъ ужасами.

Но при этомъ ему недостаточно изображать то обыкновенное ужасное, которое представляется въ каждой смерти, какъ это мы видимъ, наприм., у Л. Толстого въ изображеніи смерти Андрея Болконскаго или Ивана Ильича. Г. Андреевъ изощряется, чтобы одинъ ужасъ усугубить другимъ ужасомъ еще болѣе ужаснымъ, чтобы у читателей въ концѣ-концовъ глаза закатились подъ лобъ отъ чувства не одного только ужаса, но и омерзѣнія, гадливости.

Такъ, напримѣръ, г. Андрееву мало было изобразить внезапную смерть отъ разрыва сердца человѣка въ такой моментъ, когда тотъ безпечно предавался любимому удовольствію, игралъ въ винтъ. Авторъ усугубилъ ужасъ тѣмъ, что герой его умеръ какъ разъ въ ту минуту, когда ему пришелъ на руки большой шлемъ безъ козырей, о которомъ онъ мечталъ всю жизнь, и особенно подчеркивается то обстоятельство, что герой *никогда* не узнаетъ о такомъ счастіи, *никогда*. Выходитъ такимъ образомъ, какъ бы злая иронія какой-то таинственной судьбы, нѣчто мистически-неразгаданное, что въ значительной степени усугубляетъ ужасъ трагическаго содержанія повѣсти.

Что можетъ быть ужаснѣе эпизода, разсказаннаго въ «Безднѣ». Представьте себѣ, что вы безпечно гуляли бы съ любимой дѣвушкой, прекрасной, какъ только что распустившійся цвѣтокъ, и дѣвственно чистой, какъ ангелъ. И вдругъ на васъ напали бы нѣсколько отвратительныхъ пьяныхъ негодяевъ, отбили бы у васъ дѣвушку, увлекли, и затѣмъ вы нашли бы во рву бездыханный, поруганный трупъ ея. Если бы этимъ закончивался разсказъ, то и въ такомъ видѣ онъ производилъ бы на читателя впечатлѣніе крайняго ужаса, и вмѣстѣ съ тѣмъ горькаго чувства, что вотъ сколько жалокъ и ничтоженъ современный нашъ интеллигентный человѣкъ: только что изъявлялъ онъ готовность умереть за любимаго человѣка, на дѣлѣ же у него не оказалось ни силъ, ни мужества, если и защитить и не спасти любимую дѣвушку, то уложить на мѣстѣ хотя бы одного негодяя и тѣмъ отмстить за поруганіе ея.

Но этого оказалось г. Андрееву мало: на одинъ ужасъ онъ н[illegible] за

другой, отъ котораго у васъ положительно кружится голова: интеллигентный человѣкъ оказывается не только ничтоженъ и жалокъ, но и омерзителенъ, когда въ немъ просыпается вдругъ звѣрь при видѣ полуобнаженной, безчувственной дѣвушки, и онъ дѣлается сообщникомъ только что ушедшихъ негодяевъ, и къ тому же неизмѣримо ниже ихъ, такъ какъ они были пьяные дикари, а онъ, образованный, гуманный и трезвый юноша, только что носился въ эмпиреяхъ высокихъ помысловъ. Многіе находятъ, что такая развязка невозможна, что авторъ пересолилъ, вышелъ изъ предѣловъ реальности: если бы даже предположить, что герой его по натурѣ былъ сластолюбецъ, то до того ли было ему въ столь ужасный моментъ увлекаться обнаженными формами дѣвушки и обращаться въ мерзкаго звѣря? Я же скажу, что все зависитъ здѣсь отъ того, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на героя. Но объ этомъ послѣ. Теперь же я замѣчу только, что авторъ въ настоящемъ случаѣ остается вѣренъ самому себѣ: какъ въ «Шлемѣ» ему мало было, чтобы герой умеръ во время игры, а необходимо казалось, чтобы смерть послѣдовала именно, когда ему пришелъ большой шлемъ, такъ и въ «Безднѣ» необходимо оказалось донять нервы читателей не простыми плетьми, а что называется, въ три кнута.

То же самое истязаніе читателей въ три кнута мы видимъ и въ разсказѣ г. Андреева «Въ туманѣ». Что казалось бы ужаснѣе, въ гимназистѣ-подросткѣ, почти мальчикѣ, совпаденіе первой чистой идеальной любви къ дѣвушкѣ и нравственнаго омерзѣнія заразы дурной болѣзнью. Этого одного ужаса казалось бы совершенно было достаточно, чтобы читатель могъ вывести изъ разсказа печальное раздумье о томъ, какъ нелѣпо поставлено у насъ воспитаніе дѣтей. Но автору мало было этого, и вотъ онъ притегнулъ въ концѣ страшный эпизодъ убійства проститутки съ такими ужасающими и омерзительными подробностями, что для многихъ разсказъ становится положительно неудобочитаемъ.

Въ числѣ всевозможныхъ ужасовъ человѣческой жизни не малую роль играетъ, конечно, и вырожденіе. Ведущее къ разнаго рода страшнымъ смертямъ, вырожденіе само по себѣ есть тлѣніе и смерть въ смыслѣ атрофіи жизненныхъ процессовъ, искаженія нормальнаго человѣческаго организма. Г. Андреевъ не преминулъ воздать обильную лепту этому печальному явленію и въ своихъ разсказахъ вывелъ цѣлую серію дегенератовъ. Можно даже сказать, что большинство его героевъ—дегенераты. Вы встрѣтите здѣсь и алкоголиковъ со всѣми ужасами бѣлой горячки («Въ подвалѣ»), и неврастениковъ, одержимыхъ маніей величія («Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ»), и людей несомнѣнно душевно-больныхъ («Мысль»). Въ собраніи его разсказовъ есть произведеніе «Стѣна», которое я не въ состояніи ни понять, ни объяснить иначе, какъ изображеніе бреда душевно-больного, причемъ авторъ лишь не предварилъ объ этомъ, предоставивъ читателямъ самимъ догадываться, что они имѣютъ здѣсь дѣло именно съ бредомъ.

Полагаю, что и на героевъ вышеупомянутыхъ разсказовъ, «Бездна»

и «Въ туманѣ», въ свою очередь слѣдуетъ смотрѣть, какъ на дегенератовъ. И въ такомъ случаѣ омерзительно-звѣрскіе поступки ихъ въ заключеніи разсказовъ вовсе не должны казаться вамъ противоестественными. Конечно, если мы, привыкши въ каждомъ выведенномъ лицѣ видѣть обобщеніе, будемъ смотрѣть на этихъ героевъ, какъ на олицетвореніе большинства современныхъ нормальныхъ юношей, то намъ сейчасъ же должно придти въ голову, что вѣдь это клевета на молодое поколѣніе: ну, развѣ мыслимо, въ самомъ дѣлѣ, чтобы у нормальнаго юноши, повидимому такого чистаго, нѣсколько минутъ тому назадъ такъ высоко настроеннаго, внезапно обнаружилась столь скотская страсть, какъ въ героѣ «Бездны», и къ тому же при столь ужасныхъ обстоятельствахъ. Если бы онъ былъ даже способенъ на столь гнусный поступокъ, то до того ли ему было! Но отъ дегенерата при атрофіи нравственнаго чувства и моментально мѣняющихся настроеніяхъ, — чѣмъ именно отличаются дегенераты,—всего можно ожидать.

Точно также и относительно героя «Въ туманѣ»: на каждомъ шагу вы встрѣтите гимназистовъ, не отличающихся чистотою нравовъ, посѣщающихъ съ товарищами дома терпимости, способныхъ соединять любовь къ идеальной барышнѣ съ зараженіемъ дурною болѣзнью и прибѣгающихъ къ помощи врачей съ спокойною совѣстью и убѣжденіемъ, что какъ же быть иначе? Но отъ дегенерата съ сильно-разстроенными нервами, у котораго каждое впечатлѣніе отражается въ горячечно-преувеличенномъ видѣ, съ свойственною дегенератамъ наклонностью къ сладострастно-кровавымъ жестокостямъ, можно ожидать опять-таки и не того еще, да и къ тому же въ пьяномъ видѣ.

Такъ что нельзя сказать, чтобы г. Андреевъ былъ реально неправъ. Читатель можетъ находить одностороннимъ и несимпатичнымъ, что г. Андреевъ изображаетъ одни только страшные и кровавые эпизоды, но не имѣетъ права вмѣнять это ему въ умышленную вину. Нельзя требовать отъ писателя не того, что онъ способенъ и стремится дать, а что намъ угодно получить отъ него.

И я съ своей стороны вовсе не смотрю на наклонность г. Андреева бить по нервамъ читателей въ три кнута, какъ на недостатокъ его произведеній, а только опредѣляю его талантъ, все равно, какъ Достоевскаго прозвали «жестокимъ талантомъ», желая лишь опредѣлить, а вовсе не унизить его.

V.

Но ни одно произведеніе г. Андреева не производило такой сенсаціи, какъ «Жизнь Василія Ѳивейскаго», появившееся недавно въ первой книгѣ «Сборника» товарищества «Знанія», и я нисколько этому не удивляюсь. Дѣйствительно, ни одно изъ прежнихъ произведеній не производитъ такого сильнаго и мучительнаго впечатлѣнія. Нѣкоторыя страницы такъ мучительно тяжело читать, какъ иныя страницы романовъ Достоевскаго

Какъ ни талантливы были нѣкоторыя изъ прежнихъ произведеній г. Андреева, но они кажутся пробами пера сравнительно съ «Жизнью», такъ какъ здѣсь впервые талантъ г. Андреева становится на ноги и рисуется передъ нами во весь ростъ. Не даромъ разсказъ понравился людямъ самыхъ различныхъ направленій: его расхвалили въ такомъ даже органѣ, гдѣ до сего времени топтали въ грязь, и онъ ничего не встрѣчалъ, кромѣ глумленій. Нѣкій склонный къ мистицизму критикъ вообразилъ даже, что г. Андреевъ въ лицѣ своего героя нарисовалъ русскаго Іова многострадальнаго.

Критикъ, очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе, съ одной стороны, четьминейскимъ заглавіемъ разсказа, съ другой—отцомъ дьякономъ, который на стр. 9-й разсказа приравниваетъ отца Василія именно къ Іову. Мистическій критикъ не принялъ при этомъ въ соображеніе, что книга Іова не разсказъ, а драматическая поэма, въ которой на первомъ планѣ стоятъ два дѣйствующія лица: Богъ и Діаволъ, ведущіе споръ объ Іовѣ, Іовъ же является лицомъ второстепеннымъ, какъ предметъ спора, и вовсе не въ томъ главное содержаніе книги Іова, чтобы показать ужасъ страданій его, а въ томъ, что, несмотря на всѣ эти страданія, Іовъ остался праведнымъ, и Богъ восторжествовалъ надъ Діаволомъ.

Въ разсказѣ же г. Андреева въ страданіяхъ о. Василія заключается все содержаніе, и страданія эти являются вовсе не какимъ-либо испытаніемъ свыше долготерпѣнія и праведности о. Василія, а происходятъ совсѣмъ отъ иныхъ причинъ, которыя и раскрываются мало-по-малу въ теченіи разсказа.

Правда, авторъ первыми словами разсказа даетъ читателю поводъ подозрѣвать, что страданія его героя были дѣломъ не слѣпого случая, а опредѣленіемъ свыше. «Надъ всею жизнью Василія Ѳивейскаго—читаемъ мы—тяготѣлъ суровый и загадочный рокъ. Точно проклятый невѣдомымъ проклятіемъ, онъ съ юности несъ тяжелое бремя печали, болѣзней и горя, и никогда не заживали на сердцѣ его кровоточивыя раны. Среди людей онъ былъ одинокъ, словно планета среди планетъ, и особенный, казалось, воздухъ, губительный и тлетворный, окружалъ его, какъ невидимое, прозрачное облако».

Что-жъ, пожалуй, можно согласиться, что о. Василій, дѣйствительно, былъ жертвой суроваго, безжалостнаго рока, но ни о. Василій, ни другіе люди не догадывались, что рокъ этотъ тяготѣлъ не надъ головою о. Василія, а сидѣлъ въ немъ самомъ, проникалъ все его существо, и привелъ
) въ концѣ концовъ къ безумію и смерти.

Рокъ этотъ заключался не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что и самъ Василій, и вся его семья были дегенераты. Въ этомъ, а не въ чемъ
онъ заключалась причина всѣхъ невзгодъ и страданій о. Василія и его
счастнаго семейства, и тяготѣвшее надъ нимъ проклятіе. Все содержа-
) разсказа, всѣ представленные въ немъ факты свидѣтельствуютъ не о
ъ иномъ, какъ именно объ этомъ.

VI.

Извѣстно, что на самой внѣшности выродившагося человѣка лежитъ печать проклятія тяготѣющаго надъ нимъ неотвратимаго рока, въ видѣ некрасиваго лица и неправильнаго сложенія, неувѣренной, нетвердой походки, заплетающагося языка, картавости, заиканья. Все это придаетъ человѣку видъ чего-то страннаго, аномальнаго, отпугиваетъ однихъ, другимъ внушаетъ невольное презрѣнье. О. Василій именно внушалъ окружавшимъ его людямъ такія чувства.

Самою наружностью онъ былъ антипатиченъ. Высокій ростомъ, державшійся неправильно, кривившійся на сторону, особенно шеей, съ некрасивымъ длиннымъ лицомъ, темнымъ отъ загара и мрачнымъ отъ скорбныхъ думъ, горящими, какъ угли, черными глазами и ввалившимися щеками, онъ носилъ и всѣ прочіе признаки вырожденія.

«О. Василія, — читаемъ мы, — не любилъ никто, ни прихожане, ни причтъ. Церковную службу отправлялъ онъ плохо, неблаголѣпно: былъ сухъ голосомъ, мямлилъ, то торопился такъ, что діаконъ едва успѣвалъ за нимъ, то непонятно медлилъ. Корыстолюбивъ онъ не былъ, но такъ неловко принималъ деньги и приношенія, что всѣ считали его очень жаднымъ и за глаза насмѣхались. И всѣ окрестъ знали, что онъ очень несчастливъ въ своей жизни и брезгливо сторонились отъ него, считая за дурную примѣту всякую съ нимъ встрѣчу и разговоръ. На свои именины, праздновавшіяся 28 ноября, онъ приглашалъ къ обѣду многихъ гостей и на его низкіе поклоны всѣ отвѣчали согласіемъ, но приходилъ только причтъ, а изъ почетныхъ прихожанъ не являлся никто. И было совѣстно передъ причтомъ и обиднѣе всего было попадьѣ, у которой даромъ пропадали привезенныя изъ города закуски и вина».

Авторъ мало знакомитъ насъ съ прошлымъ о. Василія. Мы узнаемъ лишь, что сынъ покорнаго и терпѣливаго отца, захолустнаго священника, онъ самъ былъ терпѣливъ и покоренъ, быстро падалъ и медленно поднимался, снова падалъ и снова медленно поднимался, словомъ испыталъ въ юности не мало горя, и конечно, не отъ чего иного, какъ именно отъ всѣхъ вышеозначенныхъ причинъ. Сдѣлавшись священникомъ, онъ женился на хорошей дѣвушкѣ, у него родились сынъ и дочь, и онъ подумалъ, что все у него стало прочно и хорошо, какъ у людей, и пробудетъ такимъ навсегда.

Но на седьмой годъ женитьбы съ нимъ случилось несчастіе, которое повело за собою вереницу бѣдъ, одна другой страшнѣе: утонулъ въ рѣчкѣ сынокъ его Вася, купаясь въ жаркій лѣтній день съ деревенскими ребятами.

Что и говорить, потерять ребенка столь неожиданно несчастіе большихъ размѣровъ. Но люди здоровые мужественно переносятъ и не такія несчастія. Молодой крѣпкій дубъ выдерживаетъ самые страшные ураганы, а дуплистое, гнилое дерево валится отъ малѣйшаго дуновенія. Ма[illegible] ли

матерей хоронятъ нѣжно-любимыхъ дѣтей, не всѣ же онѣ сходятъ съ ума отъ невозвратимыхъ потерь. Особенно же люди еще молодые, каковы были о. Василій и попадья.

Но вся бѣда заключалась именно въ томъ, что, будучи самъ дегенератомъ, о. Василій женился и на женщинѣ со всѣми признаками вырожденія. Конечно, если бы жизнь ея текла счастливо и мирно, она могла бы и всю ее прожить спокойно, и никто не обратилъ бы вниманія на эти признаки. Но развѣ возможно прожить жизнь безъ какихъ бы то ни было катастрофъ, невзгодъ и нравственныхъ потрясеній? И если на людяхъ здоровыхъ и сильныхъ горе и невзгоды оставляютъ послѣ себя неизгладимые слѣды, то выродившихся, слабыхъ нервами и разсудкомъ, съ предрасположеніями къ разнымъ болѣзнямъ, онѣ подкашиваютъ, какъ траву на сѣнокосѣ.

Такъ подкосила и попадью смерть сыночка. У нея помутился разсудокъ. На всю жизнь она почувствовала страхъ къ яркимъ солнечнымъ днямъ. Въ такіе дни она вставала лѣнивая и тусклая, смотрѣла въ глаза пристально и странно, такъ что отъ взгляда ея всѣ отворачивались, и вяло бродила по дому, отыскивая какія-нибудь вещи; изъ дома, обойдя всѣ его неприбранныя комнаты, она шла въ садъ, изъ сада во дворъ, потомъ опять въ домъ. Когда же солнце поднималось къ зениту, попадья наглухо закрывала ставни въ своей комнатѣ и въ темнотѣ напивалась пьяная, въ каждой рюмкѣ черпая острую тоскую и жгучее воспоминаніе о погибшемъ сынѣ.

VII.

А затѣмъ и пошла одна бѣда рождать другую. Попадья напивалась не въ одни яркіе лѣтніе дни, а и послѣ каждаго огорченія. Такъ, послѣ оскорбленія, нанесеннаго ей старостой церкви (объ этомъ будетъ еще рѣчь ниже), она запила, и «въ болѣзненной темнотѣ закрытыхъ ставень, среди чудовищныхъ грёзъ, рожденныхъ алкоголемъ, подъ тягучіе звуки упорныхъ рѣчей о погибшемъ первенцѣ,—у нея явилась безумная мысль: родить новаго сына и въ немъ воскреснетъ безвременно погибшій».

Какъ ни отнѣкивался слабовольный о. Василій, жена заставила его отвѣчать на ея разбушевавшуюся хмѣльную страсть. Забеременивши, она перестала пить, и въ домѣ о. Василія воцарился тихій и радостный покой. Но не надолго. На Крещеніе, ночью, попадья родила страшнаго урода: была у него большая голова и тоненькія ножки, и что-то странно-тупое и безсмысленное въ неподвижномъ взглядѣ округлыхъ глазъ. Три года провели попъ и попадья въ страхѣ, сомнѣніяхъ и надеждѣ, и черезъ три года ясно стало, что новый Вася родился идіотомъ. «Въ безуміи зачатый, безумнымъ явился на свѣтъ».

И чѣмъ болѣе онъ подросталъ, тѣмъ становился отвратительнѣе и страшнѣе, былъ нечистоплотенъ, какъ животное, дѣлалъ все подъ себя, выдергивалъ у матери и сестры цѣлыя пряди волосъ, кусался, говорилъ одно только слово: «Дай»; былъ золъ и требователенъ, и если чего-нибудь

не давали, громко кричалъ злымъ животнымъ крикомъ и тянулъ впередъ руки съ хищно-скрюченными пальцами.

Надо всѣми мыслями и желаніями въ домѣ господствовалъ страшный образъ идіота. Все хозяйство начало приходить въ разстройство. Работники лѣнились, не дѣлали, что приказываютъ, безъ причины уходили, грубили. Обѣдъ подавался то поздно, то рано, и всегда кого-нибудь не хватало за столомъ. Откуда-то появилось множество рваного бѣлья и одежды; попадья штопала, чинила, а все оставалось рваное; изо всѣхъ щелей лѣзли клопы, на глазахъ ползали по стѣнѣ, и ничѣмъ нельзя было остановить ихъ ужаснаго нашествія.

Попрежнему стала пить измученная попадья. Пила она много, до потери сознанія и болѣзни, но и могучій алкоголь не могъ вывести ее изъ желѣзнаго круга, въ серединѣ котораго царилъ страшный и необыкновенный образъ полуребенка, полузвѣря. Попрежнему она старалась вызвать въ своемъ воображеніи милое лицо тихонькаго мальчика, но вмѣсто него въ холодной и мертвой пустотѣ появлялась страшная и неподвижная маска идіота. Она прислушивалась, спитъ или не спитъ онъ за стѣною и порою въ опьянѣніи доходила до полнаго изступленія: билась головой, порывалась куда-то бѣжать и рвала на себѣ платье. И такъ сильна была въ своемъ безуміи, что не могли съ нею справиться о. Василій и Настя и приходилось звать кухарку и работника. Вчетверомъ осиливали ее, связывали полотенцами руки и ноги и клали на кровать, и охрипшимъ отъ крика голосомъ она молила: «Помогите! Помогите!»

Къ довершенію всѣхъ ужасовъ у дочери Насти обнаружились въ свою очередь зловѣщіе признаки вырожденія. Однажды мать поглядѣла, какъ она передъ зеркаломъ старалась подражать своему брату идіоту: сдѣлала такое же лицо, безсмысленное, съ дико искривленнымъ ртомъ и перекосившимися глазами, а затѣмъ подняла руки и, загнувъ напряженно пальцы, какъ у идіота, потянулась ими къ своему изображенію. Послѣ этого послѣдовалъ разговоръ о. Василія съ дочкой, во время котораго рѣчи Насти носили не то идіотическій, не то полубезумный характеръ.

Кончила попадья очень печально: въ одинъ прекрасный лѣтній день, когда о. Василій работалъ въ полѣ, въ домѣ его возникъ пожаръ, въ комнатѣ, гдѣ отдыхала пьяная попадья, вѣроятно отъ зароненнаго огня съ папиросы или отъ небрежно брошенной спички. Весь народъ былъ въ полѣ, и успѣли спасти только перепуганнаго идіота, да кое-какія вещи, а сама попадья сильно обгорѣла и ее вытащили чуть живою, безъ памяти, и ночью ея не стало.

VIII.

Всѣ эти бѣды, словно удары молота долбившіе и безъ того уже больную голову о. Василія, неуклонно вели его къ полному помраченію разсудка. И безъ того уже поражалъ онъ окружающихъ странностью своей сосредоточенности.

«Среди людей,—читаемъ мы,—ихъ дѣлъ и разговоровъ, о. Василій былъ такъ видимо обособленъ, такъ непостижимо чуждъ всему, какъ если бы онъ не былъ человѣкомъ, а только движущейся оболочкою его. Онъ дѣлалъ все, что дѣлаютъ другіе, разговаривалъ, работалъ, пилъ и ѣлъ, но иногда казалось, что онъ только подражаетъ дѣйствіямъ живыхъ людей, а самъ живетъ въ другомъ, куда нѣтъ доступа никому. И кто бы ни видѣлъ его, всякій спрашивалъ себя, о чемъ думаетъ этотъ человѣкъ?—такъ явственно была начертана глубокая дума на всѣхъ его движеніяхъ. Была она въ его тяжелой поступи, въ медлительности запинающейся рѣчи, когда между двумя сказанными словами зіяли черные провалы притаившейся далекой мысли: тяжелой пеленой висѣла она надъ его глазами, и туманенъ былъ далекій взоръ, тускло мерцавшій изъ-подъ нависшихъ бровей. Иногда приходилось по два раза окликать его, прежде чѣмъ онъ услышитъ и отзовется; другимъ онъ забывалъ поклониться, и за это стали считать его гордымъ».

Съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе развивавшаяся психическая болѣзнь о. Василія представляетъ въ разсказѣ г. Андреева два періода, противоположные по своему характеру.

Во время перваго періода о. Василій находился въ состояніи полной подавленности, запуганности и крайняго самоуниженія. Чувствуя надъ собою тяготѣніе какого-то злого рока, о. Василій всего боялся, особенно же страшнымъ и необыкновеннымъ въ его глазахъ былъ староста Иванъ Порфирычъ, большой гордецъ и бахвалъ. При встрѣчѣ съ нимъ о. Василій первый съ непріличной торопливостью снималъ широкополую шляпу, и, ходя, чувствовалъ, какъ чаще и торопливѣе становятся шаги его,—шаги человѣка, которому стыдно и страшно,—и путаются въ длинной рясѣ жилистыя ноги. «Точно вся жестокая, загадочная судьба его воплотилась въ той огромной черной бородѣ, волосатыхъ рукахъ и прямой твердой поступи, и если о. Василій не сожмется весь, не посторонится, не спрячется за своими стѣнами, эта грозная туша раздавитъ его, какъ муравья».

И чѣмъ болѣе самоуничижался о. Василій передъ старостой, тѣмъ болѣе онъ презиралъ его, и дошло до того, что Иванъ Порфирычъ отказался даже цѣловать руку у о. Василія, дерзко отвернулся и протянутая рука его, коричневая отъ загара, сиротливо осталась въ воздухѣ, а самъ о. Василій густо покраснѣлъ и не сказалъ ни слова.

Послѣ этого Ивану Порфирычу ничего не стоило нанести жестокое оскорбленіе и попадьѣ. Однажды на Воздвиженье попадья пришла изъ церкви вся въ слезахъ и разсказала, что Иванъ Порфирычъ, когда попадья проходила на свое мѣсто, сказалъ такъ громко, что всѣ слышали:

— Эту пьяницу совсѣмъ бы въ церковь пускать не слѣдовало. Стыдъ!

Но и тутъ о. Василій не проявилъ ни малѣйшаго протеста, негодованія, и когда попадья въ сокрушеніи причитала:

— Господи, за что? Господи!

О. Василій кротко утѣшалъ жену:

— Что съ нимъ подѣлаешь, Настенька! Терпѣть надо.

— Господи, Господи! И защитить некому!—плакалась попадья.

И уже въ этотъ первый періодъ болѣзни о. Василій проявлялъ себя порою безумными выходками, свидѣтельствовавшими, что въ головѣ у него неладно. Такъ, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ жену пьяною, онъ весь сжался и захохоталъ тихимъ, безсмысленнымъ хохоткомъ, потирая сухія, горячія руки. Онъ долго смѣялся и долго потиралъ руки: крѣпился, пытаясь удержать неумѣстный смѣхъ и, отвернувшись въ сторону, отъ горькихъ плачущей жены, фыркалъ въ руку, какъ школьникъ. Затѣмъ онъ пошелъ въ поле и тамъ, поднявъ глаза кверху и точно кому-то возражая, кого-то страстно убѣждая и предостерегая, онъ дважды произнесъ:

— Я—вѣрю.

Еще большее безуміе проявилъ онъ, когда исповѣдывалъ нищаго, который разсказалъ ему, какъ передъ тѣмъ разсказывалъ десяти священникамъ, будто десять лѣтъ назадъ онъ изнасиловалъ въ лѣсу подростка-дѣвочку и далъ ей, плачущей, три копейки; а потомъ ему жаль стало своихъ денегъ и онъ удушилъ ее и закопалъ. Нѣкоторые ему не вѣрили и смѣялись надъ нимъ; утверждали, что за десять лѣтъ въ округѣ не было убито и не пропадало ни одной дѣвочки; ловили его въ грубыхъ противорѣчіяхъ и съ очевидностью доказывали, что всю эту страшную исторію онъ выдумалъ спьяна, валяясь въ лѣсу. Отецъ же Василій повѣрилъ, осыпалъ его укорами, внушая страхъ адскихъ мукъ, а затѣмъ вдругъ присѣлъ на корточки и, въ унизительности необычной позы черпая странную и мучительную гордость, зашепталъ страстно:

— Слушай! Ты не бойся, ада не будетъ. Это я вѣрно говорю тебѣ. Я самъ убилъ человѣка. Дѣвочку. Настя ее зовутъ. И ада не будетъ. Ты будешь въ раю. Понимаешь, со святыми, съ праведниками. Выше всѣхъ—это я тебѣ говорю!

Послѣ этой совершенно сумасшедшей выходки, онъ вернулся домой поздно, сильно утомленный, блѣдный, до колѣнъ мокрый и покрытый грязью, какъ будто долго и безъ дорогъ бродилъ по размокшимъ полямъ. Затѣмъ онъ велѣлъ женѣ зажечь всѣ свѣчи и лампы, какія только были въ домѣ, и всю ночь проходилъ по комнатѣ, ступая неувѣренно и слабо подвигающимися ногами, причемъ голова его тряслась еле замѣтною и ровною дрожью и нижняя челюсть отвисла; съ усиліемъ онъ подбиралъ ее, облизывая языкомъ сухія потрескавшіяся губы, но черезъ минуту она падала снова и открывала черное отверстіе рта.

Попадья была въ полной увѣренности, что онъ умираетъ, но передъ утромъ онъ велѣлъ погасить свѣчи и объявилъ женѣ, что онъ снимет съ себя санъ, и осенью, собравши денегъ, они уѣдутъ—еще неизвѣстно куда. А идіотъ останется: онъ будетъ отданъ на воспитаніе.

Три мѣсяца затѣмъ отдыхала ихъ душа; снова вернулась въ ихъ домъ потерянная надежда и радость. Попадья была увѣрена, что съ отъѣздомъ начнется у нихъ новая жизнь, совсѣмъ особенная, какой нѣтъ и не можетъ быть у другихъ людей.

«О. Василій,—читаемъ мы,—пытался иногда говорить съ нею о томъ, куда они уѣдутъ и какъ будутъ жить, но она не хотѣла его слушать: точныя и опредѣленныя слова отпугивали ея широкую и безформенную мечту и какъ-то странно и страшно сближали будущее съ мучительнымъ прошлымъ. Одного только она хотѣла: чтобы это было далеко за предѣлами знакомаго ей и попрежнему страшнаго міра. Какъ и раньше, случались запои, но проходили быстро и она не боялась ихъ: вѣрила, что скоро перестанетъ пить совсѣмъ. «Тамъ будетъ другое, тамъ не нужно будетъ пить»—думала она, озаренная свѣтомъ неопредѣленной и прекрасной мечты».

Не знали они только одного: что куда бы ни поѣхали они и какъ бы ни измѣнили жизнь свою, всюду они несли съ собою проклятіе того тлѣнія, которымъ они преисполнены. Пожаръ поповскаго дома и ужасная смерть попадьи положили конецъ всѣмъ ихъ иллюзіямъ.

IX.

Катастрофа эта послужила переломомъ въ болѣзни о. Василія. Какъ прежде онъ былъ одержимъ маніей самоуниженія и преслѣдованія, такъ теперь онъ весь преисполнился маніей гордыни и величія. Въ пожарѣ дома и смерти жены онъ увидѣлъ указаніе свыше на новый путь, для котораго онъ былъ предназначенъ.

«Черезъ горнило бѣдствій,—читаемъ мы,—насильственно отторгая его отъ дома, отъ семьи, отъ суетныхъ заботъ жизни, вела его могучая рука къ великому подвигу, къ великой жертвѣ. Всю жизнь его Богъ обратилъ въ пустыню, но лишь для того, чтобы не блуждалъ онъ по старымъ, изъѣзженнымъ дорогамъ, по кривымъ и обманчивымъ путямъ, какъ блуждаютъ люди, а въ безбрежномъ и свободномъ просторѣ ея искалъ новаго и свѣтлаго пути. Вчерашній столбъ дыма и огня—развѣ онъ не былъ тѣмъ огненнымъ столбомъ, что указывалъ евреямъ дорогу въ бездорожной пустынѣ. Онъ думалъ: «Боже, хватитъ ли слабыхъ силъ моихъ?» Но отвѣтомъ былъ пламень, озарявшій его душу, какъ новое солнце.

«Онъ избранъ».

Похоронивъ жену и отправивъ дочь Настю къ сестрѣ, о. Василій поселился вдвоемъ съ идіотомъ въ новомъ полуотстроенномъ домѣ. Желая быть чистымъ для великаго подвига и еще невѣдомой великой жертвы, онъ наложилъ на себя строгій постъ: не пилъ чаю, не вкушалъ мясного и рыбнаго, и въ дни постные, въ среду и пятницу, питался однимъ хлѣбомъ, смоченнымъ въ водѣ. Людей попъ видѣлъ мало, и только по необходимости, и всѣ часы посвящалъ колѣнопреклоненной молитвѣ. А когда уставалъ, садился и читалъ Евангеліе, Дѣянія и Житія. Сверхъ праздничныхъ дней онъ ежедневно совершалъ раннюю литургію. Діаконъ отказался служить съ нимъ и помогалъ ему псаломщикъ, грязный и одинокій старикъ, давно когда-то лишенный діаконскаго сана за пьянство.

Сначалъ, прослышавъ о странностяхъ попа, многіе нарочно приходили посмотрѣть на него и удивлялись. Иные находили его безумнымъ, иные

умилялись и плакали; въ сердцахъ же многихъ выростала острая и непреодолимая тревога, ибо въ прямомъ, открытомъ и свѣтломъ взорѣ попа они уловляли мерцаніе тайны, глубочайшей и сокровеннѣйшей, полной необъяснимыхъ угрозъ и зловѣщихъ обѣщаній».

И стала крѣпнуть тревожная молва. Говорили мало, неопредѣленно, больше качали головами и вздыхали, но уже въ сосѣдней губерніи, за сотню верстъ отъ Знаменскаго, заговорили о «новой вѣрѣ». Позже всего дошли слухи до города, что кто-то себя сжегъ, что открылась новая изувѣрская секта. Въ Знаменское пріѣхали люди въ мундирахъ, ничего не нашли, и уѣхали обратно. Словомъ, какъ это всегда бываетъ, стоило появиться чему-либо выходящему изъ обычной нормы жизни, и суевѣрный людъ сейчасъ исполнился тревоги и въ суевѣрно мистическомъ ужасѣ началъ ждать чего-то грознаго.

Наконецъ, пришелъ моментъ, когда болѣзнь о. Василія, развиваясь все болѣе и болѣе, дошла до высшаго своего апогея, и о. Василій впалъ въ полное умоизступленіе. Все вокругъ содѣйствовало наступленію этого момента. Было начало лѣта, когда, какъ извѣстно, особенно обостряются душевныя болѣзни. Было невыносимо жарко, душно, собиралась гроза и надъ селомъ нависла черная туча, обратившая день въ ночь. Былъ Духовъ день; въ церкви во время службы присутствовала несмѣтная толпа и царила невообразимая духота, еще болѣе отягченная запахомъ разлагающагося трупа, такъ какъ въ это же время хоронили бѣднаго крестьянина Семена Мосягина, засыпаннаго передъ тѣмъ пескомъ. Вотъ тутъ-то о. Василій и возомнилъ, что насталъ часъ его подвига, который долженъ былъ заключаться не въ чемъ иномъ, какъ въ воскресеніи покойника силою вѣры, которая двигаетъ горами.

И вотъ о. Василій, когда кончилось отпѣваніе, вышелъ изъ алтаря и, стоя передъ гробомъ, три раза возопилъ, поднявши руку кверху: «Семенъ, тебѣ говорю, встань!» Народъ съ ужасомъ ринулся изъ церкви, о. Василій остался одинъ передъ трупомъ, опустилъ руку и долго ждалъ чуда. Не дождавшись, онъ повелъ передъ трупомъ такую рѣчь:

— Ты обмануть меня хочешь?... Такъ зачѣмъ же я вѣрилъ? Такъ зачѣмъ же Ты далъ мнѣ любовь къ людямъ и жалость, чтобы посмѣяться надо мною? Такъ зачѣмъ же всю жизнь мою Ты держалъ меня въ плѣну, въ рабствѣ, въ оковахъ? Ни мысли свободной, ни чувства, ни вздоха! Все однимъ тобою, все для тебя. Одинъ Ты! Ну, явись же, я жду.

— Не хочешь?—спрашиваетъ онъ послѣ долгаго молчанія, все такимъ тихо и смиренно и внезапно кричитъ бѣшенымъ крикомъ, выкатывая глаза, и давая лицу ту странную откровенность выраженія, какая свойственна сумасшедшимъ и глубоко спящимъ:

— Ты долженъ! Отдай ему жизнь! Бери у другихъ, а ему отдай! Я прошу.

Обращаясь затѣмъ къ трупу, приказываетъ ему съ гнѣвомъ и презрѣніемъ:—Ты проси Его! Проси.

И кричитъ святотатственно, безумно:

— Ему не нужно рая. Тутъ его дѣти. Они будутъ звать: отецъ. И онъ скажетъ: сними съ головы моей вѣнецъ небесный, ибо тамъ,—тамъ сѣромъ и грязью покрываютъ головы дѣтей моихъ. Онъ скажетъ, онъ скажетъ!

Со злобою трясетъ черный тяжелый гробъ и кричитъ:

— Да говори же ты, проклятое мясо!

Затѣмъ въ безуміи, съ каждой минутой все болѣе и болѣе овладѣвавшемъ его, ему начинаетъ казаться, что въ гробѣ не Семенъ, а идіотъ, схватившись хищными пальцами за края гроба, слегка приподнявъ голову, искоса смотритъ на попа прищуренными глазами. Волосы стали дыбомъ на головѣ о. Василія. Но затѣмъ опять лежитъ трупъ, опять идіотъ. И такъ въ чудовищной игрѣ двоилась гніющая масса.

Но вотъ разразилась гроза; раздался оглушительный ударъ грома. О. Василій поднялъ голову вверхъ и ему начало казаться, что падаетъ все—стѣны, потолокъ, своды, куполъ; колеблется полъ подъ ногами, рушится весь міръ. Съ дикимъ ревомъ бѣжитъ онъ къ дверямъ. Но не находитъ ихъ и мечется, и бьется о стѣны, объ острые каменные углы и реветъ. Съ внезапно открывшеюся дверью онъ падаетъ на полъ, радостно вскакиваетъ и чьи-то дрожащія, цѣпкія руки обнимаютъ его и держатъ. Онъ барахтается и визжитъ, освободивъ руку, съ желѣзной силой бьетъ по головѣ пытавшагося удержать его псаломщика и, отбросивъ ногою тѣло, выскакиваетъ наружу.

О. Василія нашли потомъ мертвымъ въ трехъ верстахъ отъ села посрединѣ дороги. Онъ лежалъ ничкомъ, костлявымъ лицомъ въ придорожную пыль, въ той же черной ризѣ, въ какой отправлялъ службу, и въ позѣ бѣгущаго человѣка.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе разсказа. Я представилъ одинъ лишь остовъ этого содержанія и, конечно, по этому остову трудно судить о всѣхъ достоинствахъ этого въ высшей степени художественнаго произведенія, главная сила котораго заключается не столько въ общемъ ходѣ сюжета, сколько въ мелкихъ деталяхъ, въ замѣчательномъ по своей точности психіатрическомъ анализѣ и въ рядѣ мучительныхъ сценъ, возбуждающихъ въ васъ, вмѣстѣ съ тѣмъ мистическимъ ужасомъ, какой неотразимо овладѣваетъ вами при видѣ людей психически-ненормальныхъ, чувство глубокой жалости къ несчастнымъ, тщетно борющимся съ тяготѣющимъ надъ ними трагическимъ рокомъ. Не преувеличивая можно сказать, что это то самое чувство, какое возбуждаетъ въ васъ созерцаніе мукъ Лаокоона или слезъ Ніобеи.

Вообще разсказъ г. Андреева несомнѣнно принадлежитъ сильному и высокому таланту и остается только пожелать, чтобы въ будущемъ онъ оправдалъ наши ожиданія еще болѣе сильными и высокохудожественными произведеніями.

А. Скабичевскій.

Пять лѣтъ переустройства средней школы (1899—1904 гг.).

Начало нынѣшняго академическаго года совпадаетъ съ годиной, весьма знаменательной для русской средней школы, для развитія въ Россіи науки, для русскаго общества: въ августѣ исполнилось ровно пять лѣтъ со дня опубликованія циркуляра министра народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣпова, которымъ русское общество было впервые оповѣщено о предстоящемъ пересмотрѣ школьнаго строя и преобразованіяхъ средней школы, созданной въ 1871 г. гр. Д. А. Толстымъ и остававшейся безъ сколько-нибудь существенныхъ измѣненій и коррективовъ въ теченіе болѣе четверти вѣка *).

Преобразованія, какъ можно было судить на основаніи циркуляра, намѣчались довольно широко. Знаменательно было и то, что министру народнаго просвѣщенія приходилось начинать съ констатированія полнаго и всеобщаго... *недовольства* средней школой.

«Среди педагоговъ и родителей учащихся въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ,—указываетъ министръ въ началѣ упомянутаго циркуляра,—давно слышатся жалобы на разные недостатки этихъ учебныхъ заведеній. Указываютъ, напримѣръ, на отчужденность отъ семьи и бюрократическій характеръ средней школы, вносящій сухой формализмъ и мертвенность въ живое педагогическое дѣло и ставящій въ ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ; на невниманіе къ личнымъ особенностямъ учащихся и пренебреженіе воспитаніемъ нравственнымъ и физическимъ; на нежелательную спеціализацію школы съ самыхъ младшихъ классовъ, обрекающую дѣтей на извѣстный родъ занятій, прежде чѣмъ выяснятся ихъ природныя способности и склонности; на чрезмѣрность ежедневной умственной работы, возлагаемой на учениковъ, особенно въ низшихъ классахъ; на несогласованность программъ между собою и съ учебнымъ временемъ, и на значительное наполненіе ихъ требованіями второстепенными или даже излишними; на недостаточное преподаваніе русскаго языка,

*) Попытки гр. Делянова ослабить увлеченіе классицизмомъ отличались безсистемностью и отсутствіемъ плана преобразованія средней школы.

русской исторіи и русской литературы и слабое ознакомленіе съ окружающей природой, что, взятое вмѣстѣ, лишаетъ школу жизненнаго и національнаго характера; на излишнее преобладаніе древнихъ языковъ и неправильную постановку ихъ преподаванія» и т. д.

Характернѣе всего то, что начавъ перечислять указываемые педагогами и родителями недостатки средней школы, министръ долженъ былъ вскорѣ же прекратить этотъ перечень, грозящій заполнить колоссальный свитокъ, и поспѣшить къ обобщенію; «указываютъ и на *многія* другія слабыя стороны средней школы»,—такъ заканчивается въ министерскомъ циркулярахъ этотъ перечень.

Какъ бы то ни было, хоть и болѣе чѣмъ черезъ 25 лѣтъ, но сѣтованія родителей и педагоговъ на строй и систему средней школы, наконецъ, остановили на себѣ вниманіе высшаго органа, вѣдающаго въ Россіи дѣло народнаго образованія, причемъ министерствомъ народнаго просвѣщенія было не только обращено вниманіе, но публично и открыто заявлено о томъ, что въ строѣ самой школы и примѣняемой въ ней системы кроется причина справедливаго недовольства и современной гимназіей, и современнымъ реальнымъ училищемъ. Это положеніе въ официальномъ циркулярѣ министра выражено слѣдующими, правда, мягкими и осторожными словами: «Хотя въ жалобахъ на наши среднія учебныя заведенія многое преувеличивается, а многое вызывается ошибочнымъ представленіемъ о всесильномъ значеніи школы и невниманіемъ къ той совокупности жизненныхъ условій, въ какія она поставлена,—я тѣмъ не менѣе *не могу не признать въ этихъ жалобахъ извѣстной доли справедливости*».

Если мы обратимся къ прошлому, то на его скрижаляхъ найдемъ болѣе рѣзкіе и въ то же время болѣе откровенные отзывы о школѣ графа Толстого. Такъ, министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Лорисъ-Меликовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Александру II указывалъ въ 1880 г., что «учебное вѣдомство возбудило противъ себя и государство, и сановниковъ, и духовенство, и дворянство, и ученое сословіе, и земство, и города,—однимъ словомъ, всѣхъ, кромѣ лично заинтересованныхъ въ продолженіи существующаго направленія». По силѣ, краткости и опредѣленности этотъ отзывъ можно сопоставить лишь съ отрывкомъ изъ большого стихотворенія С. Я. Надсона:

Проклятье вамъ, мои младенческіе годы!
За мертвой книгою, за школьною стѣной
Прошли вы безъ любви, безъ дружбы, безъ свободы
Не мирнымъ праздникомъ, а тяжкою грозой...

Впрочемъ, намъ могутъ возразить, что ни поэтъ, ни министръ внутреннихъ дѣлъ въ сужденіяхъ о системѣ средней школы не компетентны. Предвидя это, процитируемъ отзывъ лица, вполнѣ компетентнаго въ школьныхъ вопросахъ, барона А. П. Николаи. Бывшій попечитель двухъ учебныхъ округовъ, затѣмъ товарищъ министра и, наконецъ, министръ на-

роднаго просвѣщенія, бар. Николаи въ своей запискѣ «Pia desideria», воспроизведенной въ *Русскомъ Архивѣ*, такъ характеризуетъ толстовскую среднюю школу: «Если спросить,—говорится у него въ упомянутой запискѣ, относящейся къ 1893 г.,—возвысился ли общій уровень образованности, процвѣтаютъ ли болѣе прежняго науки вообще, а словесныя науки въ частности, пріобрѣла ли учащаяся молодежь болѣе, сравнительно со своими предмѣстниками, серьезное отношеніе къ знанію и къ жизни, болѣе любви къ труду,—то, думаю я, всякій безпристрастный наблюдатель будетъ склоненъ дать отвѣтъ скорѣе отрицательный». И бар. Николаи, бывшій въ теченіе многихъ лѣтъ высокимъ сановникомъ, посвященнымъ въ тайны и закулисныя стороны школьныхъ системъ, констатируетъ полную несостоятельность «толстовской системы». «Уставъ 1871 г.,—читаемъ въ той же запискѣ бар. Николаи,—составленъ былъ подъ прямымъ вліяніемъ мысли, что классицизмъ долженъ задержать у насъ ростъ идей либеральныхъ и содѣйствовать укрѣпленію идей охранительныхъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, напротивъ, было поднято гоненіе на классицизмъ, какъ на нѣчто опасное въ политическомъ отношеніи. Можно смѣло утверждать, что оба эти противоположные взгляда равно ошибочны, и система образованія должна выработаться внѣ подобныхъ ложныхъ соображеній... Классическая система по уставу 1871 г. должна была затруднить доступъ въ университеты, закрывая аудиторіи для такъ называемыхъ низшихъ классовъ. Но и это предположеніе не оправдалось: согласно условіямъ и требованіямъ времени, возросло количество гимназистовъ и студентовъ, причемъ вовсе не укрѣпилось въ обществѣ сочувствіе къ классицизму».

Словомъ, и бывшій министръ народнаго просвѣщенія констатируетъ полную несостоятельность толстовской классической школы. Обнародованіе циркуляра о предстоящемъ пересмотрѣ школьнаго строя внесло въ общество оживленіе, несмотря на то, что опубликованіе его послѣдовало вслѣдъ за пресловутыми «временными правилами 2 іюня 1899 г. о военной службѣ», каковыми впервые вводился, какъ законъ, порядокъ зачисленія въ солдаты воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній за участіе ихъ въ студенческихъ движеніяхъ, организаціяхъ и т. п., правила въ сравнительно короткій промежутокъ времени отмѣненныя.

Мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что оживленіе переживавшаго крайне угнетенное состояніе общественнаго мнѣнія при наличности отмѣченныхъ крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ явилось благодаря тому, что вопросъ о реформѣ средней школы отнынѣ ставился, что называется, ребромъ: вопросъ былъ поставленъ опредѣленно и прямо. Какъ извѣстно, въ первомъ же пунктѣ циркуляра 1899 г. о реформѣ средней школы основной задачей организовавшейся тогда коммиссіи намѣчалось не только улучшенія *существующихъ* типовъ средней школы, не только видоизмѣненія ихъ, но даже созданіе *новаго* типа средней школы. «Задача коммиссіи,—читаемъ въ циркулярѣ министра,—должна будетъ состоять въ

томъ, чтобы: а) обсудить всесторонне существующій строй средней школы, съ цѣлью выяснить его недостатки и указать мѣры къ ихъ устраненію при условіи сохраненія основъ классической гимназіи и реальнаго училища, какъ главныхъ типовъ этой школы въ Россіи и б) если бы при обсужденіи перваго вопроса возникли предположенія о видоизмѣненіи существующихъ типовъ или о созданіи какого-либо новаго типа, то подвергнуть разсмотрѣнію и эти предложенія».

Что въ 1899 г. въ дирижирующихъ слояхъ господствовало нелицемѣрное желаніе, а равнымъ образомъ дѣйствительно сложилось убѣжденіе о необходимости заняться кореннымъ переустройствомъ средней школы,— объ этомъ, между прочимъ, можетъ свидѣтельствовать предложеніе, высказанное министромъ попечителямъ округа, чтобы попечителя учебныхъ округовъ выбрали въ комиссію по вопросу о реформѣ средней школы по возможности представителей «*разныхъ направленій*, господствующихъ среди педагоговъ округа». Этотъ пунктъ циркуляра косвенно напоминалъ попечителямъ учебныхъ округовъ о нежелательности видѣть въ совѣщаніи однихъ только выразителей мнѣній и взглядовъ окружнаго начальства, педагоговъ же онъ предупреждалъ, что въ комиссіи они должны забыть о суровой дисциплинѣ, лишающей ихъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ права «смѣть свое сужденіе имѣть», но наоборотъ открыто выражать свои мнѣнія.

Зимой 1899 года начала свои работы комиссія, организованная при министерствѣ народнаго просвѣщенія для разсмотрѣнія вопросовъ о переформированіи средней школы. Съ этого времени прошло ровно *пять лѣтъ*, въ теченіе которыхъ народное образованіе находилось въ вѣдѣніи *четырехъ* лицъ: Н. П. Боголѣпова, П. С. Ванновскаго, Г. Э. Зенгера и В. Г. Глазова. Безъ сомнѣнія, въ исторіи русскаго министерства народнаго просвѣщенія это пятилѣтіе будетъ отмѣчено, какъ рѣдкій періодъ: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ никогда ни одно министерство такъ быстро не теряло главы, никогда, въ частности, министерство народнаго просвѣщенія не переходило столь легко и быстро изъ рукъ въ руки.

Передъ русскимъ обществомъ прошло пять лѣтъ *подготовительной* работы по переустройству средней школы, работы, вдохновляемой, регулируемой и корректируемой вотъ уже четвертымъ министромъ народнаго просвѣщенія, но переустройство школы не перешло въ область совершившихся фактовъ. Яркимъ доказательствомъ является то характерное,—даже больше,—то знаменательное явленіе, что учебная часть школы *до сихъ поръ* регламентируется *временными* расписаніями, устанавливаемыми при томъ *на одинъ* опредѣленный учебный *годъ*. Въ маѣ текущаго года такое временное расписаніе издано уже въ четвертый разъ: оно устанавливаетъ учебный планъ гимназій на 1904—1905 академическій годъ.

Самъ по себѣ, въ отдѣльности, этотъ планъ не можетъ имѣть никакого значенія: онъ представляетъ интересъ лишь постольку, поскольку находится въ связи съ этой длящейся вотъ уже пять лѣтъ работой по

переустройству средней школы, о которой мы только что говорили. Въ виду этого мы и разсмотримъ его, какъ одно изъ слагаемыхъ, какъ часть той работы, которая совершалась въ это пятилѣтіе въ области обѣщаннаго обществу коренного переустройства средней школы.

Началомъ переформированія средней школы безспорно должно считать тѣ частичныя измѣненія, которыя провелъ и осуществилъ министръ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповъ. Эти частичныя измѣненія потому должно отнести къ началу коренного переустройства средней школы, что они были связаны одной общей идеей и имѣли принципіальный характеръ. Въ періодъ завѣдыванія Боголѣповымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія нанесенъ первый рѣшительный ударъ классицизму. Прежде всего Н. П. Боголѣповымъ были окончательно отмѣнены экстемпорале, а затѣмъ циркуляромъ отъ 1 августа 1900 г. были отмѣнены вообще письменные экзамены по древнимъ языкамъ. Вся совокупность указанныхъ измѣненій дала въ результатѣ слѣдующее: хотя древніе языки еще не были изгнаны изъ общеобразовательной средней школы, тѣмъ не менѣе изученіе ихъ было настолько упрощено, что они были низведены на степень обычныхъ главныхъ предметовъ, какими являются математика или русскій языкъ. Правда, попрежнему древнимъ языкамъ въ гимназіяхъ отводилась большая часть времени, но послѣ того какъ грамматическая сторона изученія древнихъ языковъ была признана не имѣющей ровно никакого самостоятельнаго значенія, послѣ того какъ за грамматикой было признано лишь служебное значеніе, значеніе только вспомогательнаго средства при чтеніи классиковъ,—послѣ этого подавляющее число уроковъ, приходящихся на долю древнихъ языковъ, являлось очевидной для каждаго несообразностью, даже нелѣпостью, причемъ всѣмъ было ясно, что рядъ вполнѣ опредѣленнаго характера частичныхъ измѣненій ео ipso создалъ настоятельную необходимость кореннымъ образомъ измѣнить распредѣленіе числа учебныхъ часовъ между различными предметами классическихъ гимназій.

Коренного переустройства средней школы русское общество при Н. П. Боголѣповѣ не дождалось.

Замѣстителемъ Н. П. Боголѣпова явился П. С. Ванновскій, маститый старецъ, призывавшійся незадолго передъ тѣмъ Высочайшей властью для разслѣдованія причинъ, вызывающихъ среди учащейся молодежи волненія и безпорядки. 25 марта послѣдовалъ генералъ-адъютанту Ванновскому Высочайшій рескриптъ, по характеру и содержанію своему далеко не похожій на обычное обращеніе Высочайшей власти къ лицу, призывающемуся на постъ министра народнаго просвѣщенія. Знаменательной являлась заключительная часть рескрипта, содержавшая обращеніе Государя къ родителямъ и призывъ ихъ помочь правительству въ дѣлѣ воспитанія и образованія подростающаго поколѣнія. 5 апрѣля послѣдовалъ тотъ приказъ, в споминанія о которомъ живы до сихъ поръ и—въ этомъ не будетъ преувеличенія—переживутъ всякую давность, потому что въ исторіи русской

школы, въ исторіи культурнаго развитія страны ему будутъ отведены почетныя страницы.

Въ приказѣ 5 апрѣля 1901 г., первомъ по вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, П. С. Ванновскій обнародовалъ программу ближайшей дѣятельности министерства и тѣ основныя положенія, которыми отнынѣ должно руководиться въ дѣлѣ воспитанія и обученія. Не станемъ приводить in extenso текстъ этого приказа: каждое слово его, безъ сомнѣнія, неизгладимо внѣдрилось въ памяти и родителей, и истинныхъ педагоговъ, педагоговъ по призванію, по способности воспитывать и обучать, а не только по тому, что случай или неволя заставили надѣть синюю тужурку съ позолоченными пуговицами и форменную фуражку вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Сущность же программы,—говоря словами самого Ванновскаго,—опредѣлялась такъ: «коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго строя, обновленіе и устроительство русской школы и внесеніе въ дѣло воспитанія русскаго юношества разума, любви и сердечнаго о немъ попеченія». Къ коренному пересмотру учебнаго строя министръ обѣщаетъ «приступить безотлагательно; внесеніе въ дѣло воспитанія юношества «разума, любви и сердечнаго попеченія» министръ уже «поставилъ учебному персоналу въ первую, неуклонную и непремѣнную обязанность». Заключительная часть перваго приказа заканчивалась обращеніемъ къ родителямъ и семьѣ. Приглашая ихъ «путемъ домашняго воздѣйствія на дѣтей» помочь «въ осуществленіи великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія», преемникъ Боголѣпова, П. С. Ванновскій, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко подчеркиваетъ, что «преуспѣяніе воспитанія возможно лишь при взаимномъ содѣйствіи семьи и школы и ихъ постоянномъ общеніи».

Не забыта была и учащаяся молодежь. «Я,—читаемъ въ томъ же приказѣ отъ 5 апрѣля,—приглашаю учащуюся молодежь съ довѣріемъ отнестись къ мѣропріятіямъ правительства... дать намъ возможность посвятить свое время и силы на устройство русской школы и учебнаго дѣла». 25 апрѣля П. С. Ванновскій, воспользовавшись посѣщеніемъ Московскаго университета, въ рѣчи къ профессорамъ дважды подчеркнулъ свою признательность имъ за *сердечное* отношеніе къ учащейся молодежи. «Давно питая высокое уваженіе къ старѣйшему русскому университету, я,—говорилось въ обращеніи министра къ профессорамъ,—пришелъ засвидѣтельствовать ему свой поклонъ и познакомиться также съ вами, господа, которые такъ участливо и охотно отозвались на призывъ дѣйствовать *сердечными* мѣрами на юношество... Прошу васъ, господа, продолжать дѣйствовать такъ же достойно и въ дѣлѣ ученыхъ изслѣдованій, и въ дѣлѣ руководства молодежью, съ такой же энергіей, какую вы обнаруживали до сихъ поръ, и относиться къ ввѣренному вамъ молодому поколѣнію, къ его научнымъ и нравственнымъ нуждамъ съ тою *сердечностью*, какую вы проявили»... Нелишне вспомнить, что это обращеніе министра къ профессорамъ послѣдовало уже послѣ того, какъ *Московскія Вѣдомости* произвели сыскъ относительно бесѣдъ профессо-

ровъ со студентами и въ передовой статьѣ доносили: «либеральные профессора въ своихъ бесѣдахъ со студентами ободряютъ ихъ обѣщаніемъ, что ихъ требованія будутъ исполнены, заставляютъ ихъ подписывать заявленія солидарности съ забастовавшими товарищами и такимъ образомъ организуютъ сплоченные кадры студентовъ для будущихъ обширныхъ требованій».

Для переформированія средней школы наступали «золотые дни»: въ самомъ дѣлѣ, министръ народнаго просвѣщенія даетъ публичное обѣщаніе приступить къ «*коренному* пересмотру и исправленію нашего учебнаго строя», притомъ «*безотлагательно*» и на началахъ «*разума и сердечнаго попеченія*». Этимъ программа Ванновскаго радикально отличалась отъ программы Боголѣпова, который, обнародывая въ 1899 году программу занятій своей коммиссіи по пересмотру положеній о средней школѣ, заявилъ, что «обсуждая желательныя перемѣны въ существующемъ строѣ классической гимназіи и реальнаго училища, коммиссія *должна* руководствоваться соображеніемъ, что къ этой цѣли нужно *идти постепенно и осторожно*, ибо учебное дѣло не терпитъ *грубой ломки*».

Заявленіе П. С. Ванновскаго о намѣреніи *безотлагательно* произвести коренной пересмотръ школьнаго строя дали поводъ *Московскимъ Вѣдомостямъ* поинсинуировать на счетъ Ванновскаго, конечно, послѣ того, какъ тотъ покинулъ постъ министра народнаго просвѣщенія и совершенно удалился на покой. *Московскія Вѣдомости* не разъ, когда былъ министромъ народнаго просвѣщенія уже Г. Э. Зенгеръ, замѣститель Ванновскаго, вѣроятно, въ назиданіе, инсинуировали о «лихорадочной поспѣшности», съ какой почтенный государственный дѣятель яко бы проводитъ реформу. Нужно ли говорить, насколько прозрачно сквозитъ въ этой инсинуаціи клевета?... Вѣдь до Ванновскаго почти два года работала «боголѣповская» коммиссія по разсмотрѣнію вопросовъ о реформѣ средней школы и въ этотъ періодъ времени были собраны труды, разсмотрѣны, были высказаны соображенія и приведены въ систему всѣ заслуживающія вниманія мнѣнія о желательномъ типѣ средней школы. Всѣ главнѣйшіе недостатки существующей системы были выяснены вполнѣ, равнымъ образомъ было приведено въ полную извѣстность, чего ждетъ отъ средней школы общество.

Приказъ П. С. Ванновскаго отъ 5 апрѣля былъ встрѣченъ русскимъ обществомъ рѣдкимъ по единодушію привѣтствіемъ. И общество не ошиблось: оно скоро имѣло возможность убѣдиться, что у маститаго генерала слово и обѣщаніе не расходятся съ дѣломъ. 5 іюня 1901 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, фактически отмѣняющее дѣйствіе «временныхъ правилъ 2 іюня 1899 года», 18 іюня получила Высочайшее одобреніе программа генерала Ванновскаго, заключавшая въ себѣ планъ коренного переустройства средней школы. 23 іюня въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* были опубликованы основныя положенія *новой* средней школы, выработанной особой коммиссіей подъ предсѣдательствомъ П. С. Ванно-

сваго. «Правительственная общеобразовательная средняя школа, — говорится въ этомъ сообщеніи о результатахъ работъ коммиссіи Ванновскаго, — должна быть *единой, общаго* типа для всѣхъ учебныхъ заведеній сего рода, *съ семилѣтнимъ* курсомъ, съ *исключеніемъ* изъ программы *греческаго* языка, съ сохраненіемъ латинскаго лишь въ высшихъ четырехъ классахъ и съ замѣной сего языка для нежелающихъ изучать его дополнительнымъ курсомъ естествовѣдѣнія и графическими искусствами. Взамѣнъ упраздняемаго греческаго языка и сокращенія программы латинскаго въ средней школѣ общаго типа вводится преподаваніе русской и всеобщей литературы, исторіи и математики.

Такимъ образомъ получалась единая средняя школа, развѣтвляющаяся съ четвертаго класса на реальное и классическое отдѣленіе, причемъ и въ послѣднемъ классицизмъ представленъ не двумя, а только однимъ древнимъ языкомъ. Обращаясь къ дальнѣйшимъ частямъ опубликованной Ванновскимъ программы, мы встрѣчаемъ еще болѣе отрадное нововведеніе: по проекту коммиссіи правомъ поступленія въ университетъ пользуются и ученики, окончившіе курсъ по *реальному* отдѣленію: «оканчивающіе каждое отдѣленіе пользуются правомъ поступленія въ университеты: не изучавшіе латинскаго языка—на физико-математическій факультетъ; изучавшіе латинскій языкъ—на всѣ факультеты, кромѣ филологическаго; на филологическій же—изучавшіе, кромѣ латинскаго, и греческій языкъ, который будетъ преподаваться въ чисто-классическихъ гимназіяхъ, учреждаемыхъ въ пяти слѣдующихъ городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Юрьевѣ, по одной въ каждомъ. Но, сверхъ того, всякій окончившій среднюю школу имѣетъ право поступить на любой факультетъ университета, выдержавъ провѣрочный экзаменъ по латинскому, а на филологическій и по греческому».

Проектъ коммиссіи Ванновскаго окончательно уничтожалъ господство въ средней школѣ принудительнаго классицизма. Это только одно изъ достоинствъ проекта. Другимъ достоинствомъ его является допущеніе отступленій отъ общаго типа средней школы для тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя содержатся «на средства или съ пособіемъ отъ городовъ, земствъ, обществъ, сословій и частныхъ лицъ». Этотъ пунктъ, какъ совершенно справедливо указывалось въ 1901 году,—драгоцѣненъ тѣмъ, что даетъ средней школѣ извѣстную возможность развиваться, идти впередъ, частной же иниціативѣ—примѣнять различнаго рода нововведенія, прокладывать новые пути, т.-е. даетъ извѣстный просторъ и въ извѣстной степени свободу взамѣнъ рабскаго подчиненія готовому, извнѣ навязанному шаблону; все же, взятое въ своей совокупности, гарантируетъ среднее образованіе отъ косности и застоя. Наконецъ, не былъ забытъ въ проектѣ и третій основной принципъ: объединенность младшихъ классовъ различнаго рода школъ. Проектъ П. С. Ванновскаго придаетъ первымъ тремъ классамъ новой средней школы законченный курсъ; ученики, успѣшно прошедшіе эти три класса и почему-либо ограничившіеся ими, получаютъ свидѣ-

тельство объ окончаніи ими низшаго образованія: «въ промышленныхъ и всякаго рода техническихъ среднихъ школахъ, имѣющихъ и общеобразовательный курсъ, въ видахъ облегченія перехода изъ одной школы въ другую, программы первыхъ трехъ классовъ по возможности должны быть объединены съ курсомъ тѣхъ же классовъ средней общеобразовательной школы». Что касается объединенія среднихъ школъ съ низшими, то проектъ допускалъ это объединеніе въ такомъ видѣ: «ученики, прошедшіе курсъ низшихъ школъ, приближающихся по своей программѣ къ курсу первыхъ трехъ классовъ средней школы, могутъ поступать въ четвертый классъ съ повѣрочнымъ испытаніемъ лишь по предметамъ, не вошедшимъ въ программы этихъ школъ, а равно и по главнымъ предметамъ». Если въ послѣднемъ случаѣ не получалось полнаго согласованія программъ, то объединеніе программъ низшихъ классовъ промышленныхъ, техническихъ и общеобразовательной среднихъ школъ должно была отразиться самымъ благотворнымъ образомъ: родителямъ была, наконецъ, предоставлена полная возможность познакомиться съ способностями и склонностями своихъ дѣтей и, сообразно съ этимъ, выбирать для нихъ спеціальность, не спѣша, не наобумъ, а къ четвертому классу средняго учебнаго заведенія.

Въ основу проекта Ванновскаго вошли, если не всѣ, то значительная часть тѣхъ пожеланій, изъ-за которыхъ общество такъ долго и такъ упорно боролось. Тѣмъ болѣе было отрадно обществу узнать, что «переустройство средней школы по этому проекту будетъ произведено «съ возможной быстротой», причемъ «полное преобразованіе мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній должно быть завершено къ 1905 году».

Переустройство средней школы началось: на 1901—1902 учебный годъ П. С. Ванновскимъ дана была временная программа какъ гимназіямъ, такъ и реальнымъ училищамъ. Это былъ первый, но *рѣшительный* шагъ къ введенію коренной реформы. Дѣйствительно,—преподаваніе латинскаго языка было исключено изъ программъ перваго и второго классовъ, въ третьемъ и четвертомъ—оно въ значительной мѣрѣ ослаблено, а греческій языкъ исключенъ изъ этихъ классовъ вовсе.

1901—1902 учебный годъ должно считать историческимъ: по иниціативѣ Ванновскаго, получившей одобреніе и санкцію Высочайшей власти, свершилось раскрѣпощеніе средней школы отъ принудительнаго классицизма, къ которому русское общество, испытавшее его гнетъ на себѣ и на своихъ дѣтяхъ, не могло относиться иначе, какъ съ чувствомъ нескрываемой ненависти.

Ванновскому удалось дать новый толчокъ средней школѣ, новое направленіе. Наступила осень, начался *новый* 1901—1902 академическій годъ: безъ латинскаго языка въ низшихъ классахъ и съ прекращеніемъ изученія греческаго въ среднихъ. Затѣмъ послѣдовало объединеніе программъ первыхъ двухъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ,—какъ именно, на этой детали не станемъ останавливаться.

Ванновскій, какъ извѣстно, не имѣлъ возможности планомѣрно [illegible]

вести полное переустройство средней школы: еще не окончился *новый* 1901—1902 академическій годъ, какъ происходитъ новая перемѣна главы министерства народнаго просвѣщенія. 11 апрѣля, т.-е. ровно черезъ годъ и нѣсколько дней, П. С. Ванновскому было Высочайше разрѣшено покинуть постъ министра «по разстроенному,—какъ говорилось въ рескриптѣ,—отъ усиленныхъ трудовъ здоровью».

Не задолго до этого Ванновскій покончилъ еще съ однимъ изъ острыхъ вопросовъ средней школы,—съ вопросомъ о переводныхъ испытаніяхъ. Ванновскій нанесъ окончательное пораженіе экзаменаціонной системѣ. О безполезности экзаменовъ, какъ средства провѣрить дѣйствительныя познанія учениковъ, были исписаны цѣлые томы, мало того, цѣлый рядъ научно-произведенныхъ изслѣдованій объективными данными доказалъ, какъ рѣзко отражается на здоровьѣ подростковъ и юношей экзаменаціонная страда... но экзаменаціонная система свирѣпствовала со всей своей силой.

Частичное послабленіе было сдѣлано гр. Деляновымъ въ 1891 году: педагогическимъ совѣтамъ гимназій было разрѣшено переводить въ слѣдующій классъ тѣхъ учениковъ, которые, имѣя удовлетворительныя годовыя отмѣтки по всѣмъ предметамъ, а по двумъ главнымъ не менѣе четырехъ, не могли по болѣзни явиться на экзамены. До этого циркуляра ученики, находившіеся хотя бы и въ горячечномъ бреду, все же должны были являться на экзамены, иначе, какъ бы каждый изъ нихъ успѣшно ни учился въ году, ихъ неизбѣжно оставятъ въ томъ же классѣ на второй годъ наравнѣ съ неуспѣвающими. Въ 1895 году послѣдовалъ дополнительный циркуляръ, который разрѣшалъ переводить такихъ учениковъ безъ экзаменовъ не только вслѣдствіе ихъ болѣзни, но и по другимъ причинамъ, которыя будутъ признаны педагогическими совѣтами уважительными. 14 марта 1900 года послѣдовалъ относительно перевода учениковъ гимназій безъ экзаменовъ новый циркуляръ, который предоставлялъ педагогическимъ совѣтамъ гимназій право «удостоивать перевода въ высшій классъ тѣхъ учениковъ, которые, имѣя вообще удовлетворительныя отмѣтки за годъ, не могли явиться на экзамены по уважительной причинѣ». Этотъ циркуляръ расширялъ кругъ лицъ, которыхъ педагогическіе совѣты могли переводить безъ экзаменовъ: теперь уже не требовалось имѣть, кромѣ удовлетворительныхъ отмѣтокъ, еще по четверткѣ изъ двухъ главныхъ предметовъ.

Однако экзаменаціонная система оставалась въ полной своей неприкосновенности: экзамены, «вопреки разсудку», нисколько не утрачивали своего престижа, какъ провѣрочнаго средства, переводъ безъ экзаменовъ являлся только льготой, воспользоваться которой можно было лишь при наличности особо уважительныхъ причинъ. Ванновскій циркуляромъ 14 февраля 1902 года, покончилъ съ этими полумѣрами относительно экзаменовъ.

"Учитель узнаетъ ученика въ теченіе года, по цѣлому ряду работъ, по всей совокупности отвѣтовъ, а не въ какіе-нибудь полчаса на экзаменѣ,

по случайнымъ отвѣтамъ; разъ это такъ, никакихъ иныхъ основаній для перевода въ высшій классъ, кромѣ удовлетворительности годовыхъ отмѣтокъ, не должно быть. Что касается учениковъ, имѣющихъ по нѣкоторымъ предметамъ неудовлетворительныя отмѣтки, то переводные экзамены и въ этомъ случаѣ ровно ничего не могутъ дать, такъ какъ въ недѣлю или въ двѣ восполнить всѣ пробѣлы, допущенные въ году, немыслимо;. вотъ въ теченіе лѣта—это другое дѣло... Кажется, вопросъ о переводныхъ испытаніяхъ рѣшался очень и очень просто, кажется, отмѣна ихъ никакой ломкой не угрожала средней школѣ, но... но только Ванновскій рѣшился допустить на практикѣ простое рѣшеніе столь несложнаго вопроса, какимъ поистинѣ являлся вопросъ о переводныхъ испытаніяхъ. Циркуляромъ 14 февраля 1902 года П. С. Ванновскій уничтожилъ переводныя испытанія. Этотъ циркуляръ устанавливалъ новыя правила перевода учащихся изъ класса въ классъ: ученики, имѣющіе удовлетворительныя годовыя отмѣтки, переводятся въ слѣдующій классъ безъ всякихъ экзаменовъ; ученики, имѣющіе неудовлетворительную отмѣтку болѣе чѣмъ изъ двухъ предметовъ, оставляются на повторительный курсъ; ученики, получившіе неудовлетворительную отмѣтку за годъ по одному или двумъ изъ научныхъ предметовъ, могутъ, если пожелаютъ, подвергнуться повѣрочному испытанію по этимъ предметамъ, но только не весной, а по истеченіи лѣтнихъ каникулъ.

Мы видѣли, что въ теченіе своего кратковременнаго управленія П. С. Ванновскій успѣлъ совершенно измѣнить порядокъ перевода учащихся изъ класса въ классъ, кромѣ того, въ этотъ же періодъ были закончены работы по коренному переустройству средней школы, причемъ приступлено къ осуществленію, согласно выработанному плану, *единой* школы безъ принудительнаго классицизма. Открытымъ остался вопросъ «о взаимномъ содѣйствіи семьи и школы и ихъ постоянномъ общеніи», внѣ какового Ванновскій признавалъ «невозможнымъ преуспѣяніе воспитанія», о чемъ и заявилъ въ своемъ первомъ приказѣ по министерству народнаго просвѣщенія, принимая это министерство въ свое вѣдѣніе. Ванновскій не успѣлъ дать для этого «постояннаго общенія» и «взаимнаго содѣйствія» никакихъ конкретныхъ формъ, въ прошломъ ихъ средняя школа общеобразовательнаго характера не имѣла и... общеніе и взаимное содѣйствіе семьи и школы, внѣ котораго признавалось невозможнымъ «преуспѣяніе воспитанія», не вышло изъ области благихъ пожеланій и не привело ни къ какимъ практическимъ мѣропріятіямъ, не считая отдѣльныхъ начинаній, предпринятыхъ весьма немногими гимназіями и реальными училищами и выразившихся главнымъ образомъ въ устройствѣ подъ предсѣдательствомъ директора бесѣдъ родителей съ педагогами. Этимъ начинаніямъ, къ тому же, суждено было прекратиться, «не успѣвши расцвѣсть, въ утрѣ пасмурныхъ дней»...

Однако, было бы несправедливымъ не упомянуть о томъ, что дѣятельность генерала Ванновскаго въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія хранитъ нѣсколько такихъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что Ванновскій не только не хотѣлъ пренебрегать общественнымъ мнѣ-

ніемъ, но считалъ такое пренебреженіе крайне вреднымъ и прежде всего для интересовъ самой школы. Въ видѣ примѣра можно привести опубликованіе въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* трудовъ коммиссіи по реформѣ средней школы, сопровождавшееся заявленіемъ о желательности отзыва объ этихъ трудахъ и указаніемъ на то, что «мнѣнія наиболѣе серьезныхъ органовъ печати будутъ приняты во вниманіе».

Замѣстителемъ П. С. Ванновскаго былъ назначенъ Г. Э. Зенгеръ, вступившій въ управленіе министерствомъ 11 апрѣля 1902 года. При Ванновскомъ Зенгеръ, какъ извѣстно, былъ товарищемъ министра; ранѣе Зенгеръ былъ извѣстенъ какъ профессоръ древнихъ языковъ. Совершенно неожиданный уходъ Ванновскаго и назначеніе на его мѣсто профессора древнихъ языковъ сильно взволновали общество: реформа средней школы только началась, удалившимся на покой министромъ былъ сдѣланъ починъ первостепенной важности, вполнѣ естественно, являлось опасеніе за возможность пріостановки работъ по раскрѣпощенію средней школы. Реакціонная печать устами *Московскихъ Вѣдомостей* довольно опредѣленно намекала о реставраціи классицизма. Какъ извѣстно, этого не случилось потому, что мѣры, принятыя П. С. Ванновскимъ, дѣлали невозможнымъ возвращеніе къ прежней гимназической программѣ. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе принадлежало введенію 1901—1902 академическаго года особыхъ программъ для гимназій съ исключеніемъ латинскаго языка въ младшихъ классахъ и греческаго въ третьемъ и четвертомъ.

Опасеніе за участь работъ П. С. Ванновскаго увеличилось послѣ рѣчи, съ которой Г. Э. Зенгеръ обратился къ чинамъ министерства народнаго просвѣщенія, принимая послѣднее въ свое вѣдѣніе. Рѣчь носила вполнѣ программный характеръ. Въ ней замѣститель Ванновскаго познакомилъ если не съ полной программой предстоящей дѣятельности, то съ планомъ ближайшихъ его дѣйствій. Оказывается, проекты преобразованія средней школы — и Боголѣповскій, и выработанный при Ванновскомъ — вновь поступятъ на разсмотрѣніе, причемъ сначала разсмотритъ ихъ ученый комитетъ, затѣмъ совѣтъ министра народнаго просвѣщенія; мало того, на разсмотрѣніе совѣта будутъ точно такъ же переданы отзывы педагогическихъ и попечительскихъ совѣтовъ о результатахъ примѣненія въ 1901—1902 академическомъ году временныхъ программъ, получившихъ 18 іюня 1901 года Высочайшее одобреніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ новый министръ счелъ нужнымъ въ этой же рѣчи заявить, что ... *реформа не предрѣшена*. «По (браженіямъ фактическихъ обстоятельствъ, создавшихся въ школѣ,—чи- ъ мы въ этой рѣчи, — представляется неизбѣжнымъ установленіе въ и на будущій (1902—1903 академическій) годъ временнаго устройства.) временное устройство *должно быть осуществлено* съ *наименьшими нея потрясеніями*, съ возможнымъ соблюденіемъ педагогическихъ тре- ній и притомъ такъ, *чтобы не предрѣшались конечные результаты ормы средней школы*»... «Да сохранитъ насъ Богъ,—закончилъ свою

рѣчь Зенгеръ, — отъ высокомѣрія и односторонности, да убережетъ онъ насъ также отъ угодливости шумливому задору легкомыслія»...

«Фактическія обстоятельства», однако, очень скоро показали, что реформа предрѣшена и къ классицизму средней школѣ уже не возвратиться: 20 іюля послѣдовало Высочайшее повелѣніе, установившее для гимназій временную программу на 1902—1903 академическій годъ: эта программа совпадала съ той, которую удалось провести П. С. Ванновскому, и какъ бы подтверждала, что общеобразовательная школа не будетъ классической уже по одному тому, что и программа на 1902—1903 учебный годъ исключала изъ первыхъ двухъ классовъ латинскій языкъ, исключала изъ третьяго и четвертаго греческій, дѣлала естествовѣдѣніе обязательнымъ предметомъ и усиливала преподаваніе новыхъ языковъ, русскаго и исторіи.

Повернуть колесо назадъ оказалось уже невозможнымъ.

За мѣсяцъ до обнародованія только что указаннаго Высочайшаго повелѣнія, 11 іюня 1902 года на имя Г. Э. Зенгера данъ былъ Высочайшій рескриптъ, свидѣтельствовавшій, что въ данный моментъ реформа школы становится дѣломъ второстепеннымъ и что иныя заботы предстоятъ министерству Зенгера. Въ рескриптѣ, между прочимъ, указывалось: «Прежде всего подтверждаю мое требованіе, чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялись воспитаніе его въ духѣ вѣры, преданности престолу и отечеству и уваженія къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи пріучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненный религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиною и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволіе и самомнѣніе. Въ рескриптѣ затѣмъ указывалось на необходимость «немедленно позаботиться о томъ, чтобы постепенно въ столицахъ и губернскихъ городахъ были устраиваемы воспитательные пансіоны при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Наступалъ первый при новомъ министрѣ народнаго просвѣщенія учебный годъ. Въ виду рѣчи, произнесенной имъ при вступленіи на постъ министра, общество ждало нововведеній, иными словами, ждало *дѣла*, которое такъ или иначе опредѣлило бы планъ программы или, по крайней мѣрѣ, направленіе дѣятельности новаго лица въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Общество не ошиблось: преобразовательная дѣятельность Г. Э. Зенгера началась. Приказомъ, опубликованнымъ во всеобщее свѣдѣніе, министръ отмѣнилъ обязательность ношенія на спинахъ ранца: гимназистамъ и реалистамъ впервые послѣ 1871 г. разрѣшено было носить ранцы въ рукахъ, причемъ для ношенія книгъ въ учебное заведеніе не возбранялось употребленіе и иное, кромѣ ранца, соотвѣтствующее приспособленіе. Въ интересахъ физическаго развитія учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Зенгеръ установилъ въ году 7—8 новыхъ неучебныхъ дней, въ видѣ освобожденія

учениковъ отъ занятій въ серединѣ той недѣли, на которой не приходится праздника. Очень неясно рекомендовалось привлечь въ составъ педагогическаго совѣта школьнаго врача, но лишь при разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ гигіеной и санитаріей. Въ этомъ же приказѣ рекомендовалось учебному начальству обратить особенное вниманіе на религіозно-нравственное воспитаніе.

Можно было думать, что этимъ и закончится преобразовательная дѣятельность Г. Э. Зенгера. Но нельзя же было оставить программу гимназій полуразрушенной временными программами!...

Въ мартѣ 1903 года, т.-е. въ концѣ 1902—1903 учебнаго года, министру были Высочайше преподаны указанія, которыя должны служить главными основаніями подлежащихъ разработкѣ законодательныхъ проектовъ въ средней школѣ. Эти указанія существенно отличались отъ получившаго Высочайшее одобреніе и опубликованнаго во всеобщее свѣдѣніе плана преобразованія средней школы, выработаннаго коммиссіей Ванновскаго. Прежде всего былъ уничтоженъ основной принципъ, на которомъ коммиссія Ванновскаго строила среднюю школу: единая общеобразовательная средняя школа отвергнута, вмѣсто бифуркаціи ея на реальное и классическое отдѣленія оставались въ силѣ классическія гимназіи и реальныя училища, причемъ доступъ въ университетъ, даже на физико-математическій факультетъ, могли давать *только гимназіи*. Окончаніе семи классовъ реальнаго училища, согласно Высочайше преподаннымъ министру Зенгеру указаніямъ, открывало только доступъ въ высшія техническія заведенія на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ гимназисты будутъ имѣть доступъ къ высшему университетскому образованію, т.-е. безъ особыхъ дополнительныхъ экзаменовъ. Кромѣ этихъ двухъ типовъ средней школы совершенно неожиданно былъ намѣченъ еще *третій* типъ ея «съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ при шестиклассномъ составѣ». Третій типъ намѣчался исключительно съ цѣлью поставлять въ губернію чиновниковъ: окончаніе курса въ ней,—говорилось въ рескриптѣ,—даетъ право на службу въ губерніи».

Однако и Высочайше преподанныя въ мартѣ 1903 года указанія еще разъ подчеркнули невозможность реставрировать въ гимназіяхъ угнетающую всѣ остальные предметы роль древнихъ языковъ: «гимназіи,—говорилось въ первомъ пунктѣ Высочайшихъ указаній министру Зенгеру,—сохраняютъ восьмиклассный составъ; въ нихъ преподаются оба древніе языка, но обученіе греческому языку въ большей части ихъ необязательно». Необязательность для гимназистовъ изучать греческій языкъ приближала русскую классическую гимназію къ нѣмецкимъ реальнымъ училищамъ, гдѣ существуетъ обязательное изученіе латинскаго языка.

Руководствуясь этими указаніями, Г. Э. Зенгеръ передъ самымъ началомъ академическаго года опубликовалъ временную таблицу уроковъ на 1903—1904 учебный годъ. Эта таблица представляла особый интересъ: она была составлена самостоятельно г. Зенгеромъ, притомъ безъ оговорокъ

и ссылокъ «на соображенія фактическихъ обстоятельствъ». Такимъ образомъ *временная* программа давалась уже третій разъ, въ теченіе трехъ лѣтъ.

Мы не станемъ детально разсматривать таблицу уроковъ, данную г. Зенгеромъ, какъ не разсматривали подробности временной же таблицы Ванновскаго. Остановимся лишь на наиболѣе характерныхъ принципахъ, положенныхъ въ ея основу. Вмѣсто *единой* школы, эта таблица разсчитывала на двусистемную среднюю школу—реальную и классическую, причемъ для классической школы устанавливалось два отвѣтвленія: классическая школа съ однимъ древнимъ языкомъ (латинскимъ) и классическая школа съ двумя древними языками—латинскимъ и греческимъ. Латинскій языкъ начинался съ третьяго класса. Такимъ образомъ и г. Зенгеръ санкціонировалъ полное освобожденіе двухъ младшихъ классовъ отъ какого бы то ни было гнета древнихъ языковъ. Затѣмъ желающіе освобождались отъ обязанности изучать греческій языкъ. По таблицѣ Зенгера съ пятаго класса гимназія дѣлилась не на классическую съ однимъ латинскимъ языкомъ и реальную совсѣмъ безъ древнихъ языковъ: Зенгеръ удержалъ въ гимназіи обязанность изучать латинскій языкъ, съ пятаго класса начиналось изученіе греческаго языка, причемъ устанавливалась необязательность изученія его. Въ этомъ отношеніи Зенгеръ проявилъ большую осторожность и еще большую склонность къ полумѣрамъ: необязательность греческаго языка устанавливалась въ весьма и весьма своеобразной формѣ. И старой классической школѣ были извѣстны необязательные предметы: наприм., пѣніе, рисованіе, одинъ изъ новыхъ языковъ. Характернымъ признакомъ необязательности предмета являлось полное право ученика во всякое время прекратить изученіе необязательнаго предмета, конечно, представивъ при этомъ удостовѣреніе въ томъ, что родители согласны на это.

Иное отношеніе къ необязательности изучать въ гимназіяхъ греческій языкъ установилъ Зенгеръ, которому, видимо, было трудно помириться съ мыслью о томъ, что *классическая* гимназія и... и всего одинъ только древній языкъ: ученикъ могъ соглашаться или не соглашаться изучать греческій языкъ, но разъ онъ—по легкомыслію ли то, по ошибкѣ, или въ силу какихъ-либо иныхъ причинъ — заявилъ въ пятомъ классѣ о желаніи изучать греческій языкъ, онъ не имѣетъ права отказываться отъ изученія его,—наоборотъ, во всѣхъ послѣдующихъ классахъ изученіе этого языка для него становится уже обязательнымъ. Мало того, если ученикъ легкомысленно или просто не разсчитавъ свои силы и не разобравшись хорошенько въ программѣ, заявилъ о желаніи изучать греческій языкъ, оказываетъ явную неуспѣшность въ усвоеніи этого «необязательнаго» предмета, онъ долженъ остаться на второй годъ, но отнюдь не можетъ быть переведенъ въ слѣдующій классъ и освобожденъ отъ изученія греческаго языка. Оставшись на второй годъ въ пятомъ классѣ, такой ученикъ могъ прекратить изученіе греческаго языка. Полумѣра привела къ очевидной несообразности: за неуспѣшность въ греческомъ языкѣ ученикъ долженъ остава[illegible]

на второй годъ, но не для того, чтобы въ теченіе второго года имѣть возможность выравнять свои успѣхи по «необязательному» предмету, а для того, чтобы вновь получить право не изучать этотъ языкъ и бросить изучать его.

Во время лѣтнихъ каникулъ 1903 г. 28 іюня Зенгеромъ былъ изданъ весьма пространный циркуляръ, касающійся уже не учебной части, а отношеній средней школы къ учащимся. Въ немъ «иныя заботы», возложенныя на школу, нашли яркое выраженіе. Циркуляръ содержалъ интересное толкованіе словъ Государя въ рескриптѣ, данномъ министру народнаго просвѣщенія, но не Г. Э. Зенгеру, а П. С. Ванновскому. По толкованію г. Зенгеромъ Высочайшихъ словъ о необходимости *сердечнаго* объ учащихся пониманія выходило, что *сердечность* въ данномъ случаѣ не должна имѣть ничего общаго съ снисходительностью или слабостью къ ученикамъ: «именно *сердечная* заботливость о нравственномъ преуспѣяніи воспитывающихся сопряжена съ бдительнымъ и настойчивымъ проведеніемъ извѣстной системы требованій, подчиненіе которымъ только и въ состояніи пріучить юношу къ уваженію законности. Равнымъ образомъ *сердечная* забота о нравственномъ развитіи учащихся налагаетъ на воспитателя долгъ пробуждать своевременно въ молодежи чувство личной отвѣтственности за совершаемые поступки, а стало быть, въ подлежащихъ случаяхъ *прибѣгать къ мѣрамъ строгости*». При этомъ Г. Э. Зенгеръ указываетъ на то, что «въ распоряженіи начальства среднихъ учебныхъ заведеній имѣется достаточно средствъ воздѣйствія на учащихся въ смыслѣ примѣненія къ нимъ *сильныхъ репрессивныхъ мѣръ*, поскольку таковыя оказываются необходимыми», вплоть до «недопущенія соотвѣтственнаго воспитанника выпускного класса къ окончательному экзамену по его *нравственной незрѣлости*».

Но не однимъ только толкованіемъ словъ Высочайшаго рескрипта получитъ этотъ циркуляръ 1903 года историческое значеніе: въ немъ, кромѣ того, *впервые* министръ народнаго просвѣщенія заявляетъ о «вредномъ направленіи мысли» среди учениковъ старшаго возраста и «противоправительственной пропагандѣ въ широкихъ размѣрахъ, поражающей не мало жертвъ». До обнародованія этого циркуляра указанныя явленія наблюдались только среди учащихся *высшихъ* учебныхъ заведеній, но отнюдь не среднихъ.

Помимо того, циркуляръ Г. Э. Зенгера 1903 г. представляетъ интересъ и какъ первое публично сдѣланное приглашеніе школѣ озаботиться насажденіемъ среди учащихся «здоровыхъ воззрѣній на многое, что чаще всего представляется въ ложномъ освѣщеніи воспитанникамъ въ извѣстномъ возрастѣ».

Мѣрами, предупреждающими нравственную незрѣлость и недостатокъ благомыслія и благонравія среди учащихся средней школы, согласно циркуляра министра народнаго просвѣщенія, должны явиться: усиленіе надзора за школьнымъ, внѣшкольнымъ и квартирнымъ поведеніемъ учениковъ. Смѣнять за учениками должны и надзиратели (помощники классныхъ на-

ставниковъ), и учителя, и инспектора. Въ интересахъ усиленія же надзора за учениками среднихъ учебныхъ заведеній рекомендуется ввести «совѣщанія между директорами находящихся въ одномъ и томъ же городѣ среднихъ школъ для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, касающихся надзора за внѣшкольнымъ поведеніемъ учащихся».

Мѣрами, содѣйствующими доведенію учащихся до нравственной зрѣлости, благомыслія и благонравія, въ циркулярѣ г. Зенгера указываются словесное воздѣйствіе преподавателей (особенно историковъ и словесниковъ) и на урокахъ, и при посѣщеніи ученическихъ квартиръ. Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія кореннымъ образомъ измѣняетъ цѣль уроковъ и вообще обученія: отнынѣ урокъ долженъ «самъ по себѣ служить орудіемъ воспитательнаго воздѣйствія», а обученіе «должно быть использовано въ смыслѣ освоенія учащихся со здравыми воззрѣніями на многое, что чаще всего представляется въ ложномъ освѣщеніи воспитанникамъ въ извѣстномъ возрастѣ»; темы для сочиненій и разборъ послѣднихъ должны точно такъ же быть посвящены цѣли «уяснять воспитанникамъ надлежащее воззрѣніе на вещи и устранять такимъ образомъ внутреннія побужденія къ нарушенію извѣстныхъ правилъ». Для вящаго развитія среди учащихся надлежащаго воззрѣнія на вещи министръ рекомендуетъ при посѣщеніи ученическихъ квартиръ «имѣть въ виду не одинъ внѣшній осмотръ, а установленія нравственной связи съ этими учениками, нуждающимися въ участливомъ надзорѣ старшихъ». Развивать надлежащее воззрѣніе среди учащихся признается желательнымъ также и при помощи религіозно-нравственнаго на нихъ воздѣйствія. Циркуляръ г. Зенгера призываетъ и науку, и религію насаждать среди учащихся дисциплину и порядокъ, благонравіе и благомысліе, каковые отнынѣ признаются какъ бы главнѣйшими предметами обученія въ средней школѣ. Циркуляръ этотъ значительно усложняетъ не только труды, но и самую роль преподавателя средней школы.

Къ этому времени должно отнести отмѣну министромъ своего распоряженія о 7—8 лишнихъ свободныхъ дняхъ, сдѣланнаго всего лишь годъ тому назадъ. Что же касается участія врачей въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій, то за отсутствіемъ дальнѣйшаго развитія высказаннаго въ 1902 г. пожеланія, это участіе фактически свелось къ нулю.

Циркуляръ г. Зенгера отъ 28 іюня 1903 года, предписывающій пользоваться бесѣдами на урокахъ русскаго языка, а также подборомъ темъ для сочиненій въ цѣляхъ борьбы съ ложными воззрѣніями, подвинулъ разрѣшеніе вопроса о расширеніи гимназической программы по исторіи русской литературы. Вспомнили про подкомиссію, организованную П. С. Ваг новскимъ подъ предсѣдательствомъ А. И. Кирпичникова. Эта подкомиссія находила нужнымъ включить въ программу по исторіи русской литературы произведенія Тургенева, Гончарова, графа Льва Толстого, Достоевского и Островскаго. Въ изданномъ на этотъ счетъ циркулярѣ Г. Э. Зенгеръ указываетъ, что «обогащеніе классной программы новымъ рядомъ высокохудожественныхъ созданій, несомнѣнно, дастъ преподавателямъ возможность

полнѣе и энергичнѣе вліять на развитіе учениковъ, а этихъ послѣднихъ, благодаря новому источнику темъ, побудить къ болѣе оживленной самодѣятельности». Вмѣстѣ съ тѣмъ новый министръ не счелъ возможнымъ воспользоваться всей программой, выработанной при П. С. Ванновскомъ. Интересны мотивы, объясняющіе эту «невозможность». «Мы не думаемъ,—указываетъ Г. Э. Зенгеръ въ особомъ циркулярѣ,—что гимназистъ восьмого класса не долженъ читать «Войны и мира» или «Мертваго дома», но дѣлать творенія неумолимо-строгихъ и мучительно-зоркихъ судей нашей совѣсти предметомъ класснаго разбора и бесѣды опасно рекомендовать». Въ виду этого циркулярно былъ предложенъ значительно видоизмѣненный списокъ, въ который вошли нѣкоторыя произведенія Тургенева, Гончарова, Островскаго, Майкова, А. (но не Л.) Толстого, Тютчева и Фета; кромѣ того, дано разрѣшеніе преподавателямъ «знакомить учениковъ и съ избранными страницами» (только страницами) русскихъ критиковъ—Бѣлинскаго, Аполлона Григорьева, Добролюбова, Страхова и нѣк. др. Г. Э. Зенгеръ разрѣшилъ педагогическимъ совѣтамъ гимназій и реальныхъ училищъ использовать намѣченный матеріалъ, а также списокъ 30 темъ для сочиненій по новѣйшей русской литературѣ, во второмъ полугодіи учебнаго года (январь—май 1904 г.) въ видѣ дополненія къ курсу словесности восьмого класса гимназій и седьмого реальныхъ училищъ, причемъ, какъ указывалось въ циркулярѣ 4 ноября 1903 г., эти работы должны быть произведены въ «развитіе циркулярнаго распоряженія министерства отъ 28 іюня 1903 г.» Вмѣстѣ съ тѣмъ въ циркулярѣ министръ поясняетъ, что «ученый комитетъ указалъ, что такой капитальный вопросъ, какъ введеніе въ курсъ словесности въ восьмой классъ гимназій преподаванія новѣйшей русской литературы, не можетъ быть разрѣшенъ надлежащимъ образомъ безъ пересмотра и соотвѣтствующихъ измѣненій въ курсѣ словесности всѣхъ классовъ гимназій, а потому вопросъ этотъ и долженъ быть поставленъ на первое мѣсто при выработкѣ программъ для преобразуемой средней школы».

Въ текущемъ году Г. Э. Зенгеръ покинулъ постъ министра народнаго просвѣщенія, въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ остававшійся послѣ него безъ замѣстителя. Наконецъ, 11 апрѣля послѣдовало назначеніе В. Г. Глазова. Первая его рѣчь, приведенная in extenso въ майской книжкѣ нашего журнала, большинству читателей, безъ сомнѣнія, памятна, равнымъ образомъ должны быть пока еще памятными и указанія печати на отсутствіе въ ней сообщеній относительно программы блажайшей дѣятельности министра.

Вѣроятно, это обстоятельство и вызвало со стороны одной изъ петербургскихъ газетъ посылку своего сотрудника къ В. Г. Глазову для бесѣды о программѣ министра. Въ газетѣ эта бесѣда передана такъ:

«Вы спрашиваете меня,—сказалъ нашъ собесѣдникъ (т.-е. В. Г. Глазовъ),—какова программа, которую я намѣренъ проводить въ школѣ?

«Я отвѣчу кратко и ясно: школа, по моему глубокому убѣжденію,

должна подготовлять людей и притомъ хорошихъ людей. Въ этомъ должна быть ея главная задача.

«А какъ осуществить столь нелегкое дѣло—это другой вопросъ. И притомъ крайне важный. Для этого прежде всего необходимо имѣть талантливыхъ исполнителей.

«Больше я ничего не могу сказать вамъ какъ потому, что въ противномъ случаѣ пришлось бы говорить общими мѣстами, такъ и потому, что я еще не успѣлъ ознакомиться съ работами моихъ предшественниковъ».

В. Г. Глазову, по его словамъ, «не успѣвшему ознакомиться съ работами своихъ предшественниковъ», пришлось вскорѣ же по назначеніи сдѣлать важное распоряженіе—«объ устройствѣ учебной части въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ на 1904—1905 учебный годъ». Новый министръ сдѣлалъ важный коррективъ къ таблицѣ уроковъ Г. Э. Зенгера: развѣтвленіе гимназіи съ пятаго класса на два курса—съ греческимъ языкомъ и безъ греческаго отмѣнено,—греческій языкъ обращенъ въ необязательный предметъ въ общепринятомъ значеніи этого слова: прекратить изученіе греческаго языка учащемуся возможно когда угодно, разъ только послѣдуетъ на то согласіе родителей; кромѣ того, ученики, изучающіе и греческій языкъ, обязаны наравнѣ съ своими товарищами, не изучающими этого языка, проходить общій курсъ; греческіе уроки являются дополнительными. Впрочемъ, изученіе греческаго языка даетъ ученику право обучаться не двумъ, а одному новому языку.

Послѣ этого В. Г. Глазовъ сдѣлалъ слѣдующее довольно важное распоряженіе, имѣющее принципіальное значеніе: «въ виду многочисленности ходатайствъ лицъ, выдержавшихъ испытаніе изъ курса гимназіи безъ древнихъ языковъ, о принятіи ихъ въ высшія учебныя заведенія и неоднократныхъ случаевъ допущенія ихъ къ конкурснымъ испытаніямъ, для поступленія въ сіи заведенія», управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ распоряженіе «о недопущеніи упомянутыхъ лицъ къ конкурснымъ испытаніямъ, а равно предложить гг. директорамъ гимназій разъяснить лицамъ, подвергающимся означеннымъ испытаніямъ, что таковое испытаніе не даетъ права на поступленіе въ высшія техническія учебныя заведенія.

Мы исчерпали наиболѣе существенныя черты истекшаго перваго пятилѣтія переустройства средней школы. Постараемся насколько возможно короче резюмировать тѣ выводы, къ которымъ можно придти на основаніи опыта этого пятилѣтія.

Это пятилѣтіе показало, что господство классицизма въ средней школѣ окончательно и безповоротно прошло. Попытка удержать его призракъ въ видѣ «полунеобязательнаго» греческаго языка не удалась г. Зенгеру. Равнымъ образомъ древніе языки окончательно утратили свое былое преобладающее значеніе. И это—заслуга П. С. Ванновскаго.

Экзаменаціонная система разбита окончательно уничтоженіемъ переводныхъ испытаній. Это тоже заслуга Ванновскаго.

Мысль о созданіи единой школы оставлена, причемъ вновь подчеркивается недопустимость въ высшія учебныя заведенія лицъ, имѣющихъ свидѣтельство объ окончаніи курса гимназіи, но безъ древнихъ языковъ.

Въ послѣднее время предпринята попытка воспользоваться средней школой, главнымъ образомъ въ интересахъ пріученія учащихся къ строгой дисциплинѣ, въ интересахъ борьбы съ «ложными взглядами», причемъ ясно опредѣлилось стремленіе заставить науку принять участіе въ этой борьбѣ, подчинивъ ее временной, скоропреходящей «внутренней политикѣ», лишивъ самостоятельности и низведя на уровень одного изъ способовъ проведенія въ среду учащихся тѣхъ взглядовъ, которые въ данный моментъ почему-либо признаются трезвенно-благонамѣренными.

Вопросъ о взаимномъ постоянномъ единеніи семьи и школы не получилъ никакого движенія: попрежнему голосъ родителей, голосъ семьи, голосъ жизни остается у школы въ пренебреженіи; попрежнему—школа сама по себѣ, семья—сама по себѣ; попрежнему родители и семья имѣютъ возможность знакомиться со школьной системой *только по ея результатамъ*, нерѣдко заставляющимъ родительское сердце мучительно содрогаться и болѣзненно обливаться кровью.

Переформированіе средней школы страшно затянулось благодаря пересмотрамъ и измѣненіямъ плановъ, не только уже выработанныхъ, но получившихъ даже Высочайшее одобреніе и Высочайше санкціонированныхъ. Четыре года подъ рядъ приходится устанавливать особыя временныя программы всего на одинъ лишь учебный сезонъ, причемъ эти временныя программы публикуются по окончаніи весеннихъ пріемныхъ экзаменовъ, какъ будто считается совершенно лишнимъ для родителей знать, что за учебное заведеніе будетъ та гимназія, къ поступленію въ которую они такъ усердно готовятъ своихъ дѣтей.

Такимъ образомъ, впереди предстоитъ еще много дѣла и даже борьбы хотя бы во имя такого, казалось бы, въ настоящее время общепризнаннаго положенія, которое трактуетъ о томъ, что школа должна стоять внѣ перемѣнныхъ вѣяній, внѣ вліянія взглядовъ случайно очутившихся у власти политиковъ, что единственной ея миссіей должна быть задача образовательная, но отнюдь не политическая...

Истекшее пятилѣтіе, обнаружившее публично, на виду у всѣхъ, вопіющія аномаліи средней школы и существующей системы школьнаго воспитанія и обученія и давшее примѣръ широкой созидательной работы какъ теоретической въ видѣ массы трактатовъ и статей, появлявшихся на страницахъ и общей, и спеціально педагогической прессы, такъ и практической въ видѣ работъ лучшихъ коммиссій, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ эту борьбу болѣе легкой.

Н. А. Скворцовъ.

Одинъ изъ реформаторовъ русской школы.

П. М. Майковъ: «Иванъ Ивановичъ Бецкой». Опытъ его біографіи. Спб., 1904 г.

Иванъ Ивановичъ Бецкой безспорно заслуживаетъ подробной біографіи. Его нельзя причислить къ звѣздамъ первой величины въ средѣ русскихъ историческихъ дѣятелей XVIII столѣтія. Ему недоставало для этого истинно творческой натуры, самобытныхъ, оригинальныхъ дарованій. Его планы были копіями съ чужихъ образцовъ, въ его стараніяхъ приспособить изобрѣтенія западной цивилизаціи къ своеобразію отечественныхъ условій, рѣдко проглядывала та способность къ неожиданнымъ остроумнымъ комбинаціямъ, которая дается вдохновеніемъ, посѣщающимъ только избранныя натуры. Онъ рисуется намъ въ высшей степени способнымъ ученикомъ, какъ губка впитывавшимъ въ себя лучшія идеи современнаго ему вѣка и послушно воспроизводившимъ затѣмъ эти идеи, не оставляя на нихъ сколько-нибудь глубокаго штемпеля личнаго замысла, самостоятельной переработки. Справедливость требуетъ прибавить, что онъ умѣлъ не только учиться и выучиваться, но также и выбирать себѣ учителей, вѣрнымъ чутьемъ угадывая, гдѣ заложены добро и истина и, какъ растеніе къ солнцу, притягиваясь лучшими сторонами своей души къ наиболѣе свѣтлымъ лучамъ умственнаго движенія своей эпохи. Обостренной и хорошо направленной воспріимчивостью не ограничивались однако особенности его души. Это была не созерцательная, а дѣятельная натура. Ему никогда не случалось увлекаться какой-нибудь идеей, не пытаясь приступить къ ея практическому осуществленію, а жизнь сложилась для него такъ, что для удовлетворенія коренной потребности его характера претворять мысль въ дѣло ему открывалось довольно свободное и обширное поприще. И вотъ, въ этихъ настойчивыхъ попыткахъ Бецкого провести въ жизнь мечтанія лучшихъ умовъ своего времени, достигнуть конкретнаго воплощенія этихъ мечтаній на почвѣ родной русской дѣйствительности,—передъ нами вскрываются черты, въ высшей степени характерныя не только для самого Бецкого, но и для всей русской общественности второй половины XVIII столѣтія. Бецкой интересенъ и важенъ

сторика русской культуры не по размѣрамъ его личныхъ дарованій, а о чрезвычайной типичности его стремленій и дѣяній: они были, какъ ельзя болѣе, типичны для той общественной группы, въ рядахъ которой онъ дѣйствовалъ, для той эпохи, въ которую онъ жилъ и которой нъ служилъ.

Писалось о Бецкомъ до сихъ поръ не мало. Въ статьяхъ, спеціально освященныхъ отдѣльнымъ сторонамъ его дѣятельности, не было недотатка. Почти ни одинъ общій трудъ по исторіи русской литературы и по сторіи екатерининской эпохи также не обходился безъ болѣе или менѣе бстоятельнаго экскурса о Бецкомъ и основанныхъ имъ учрежденіяхъ. И стати въ нашей литературѣ не имѣлось цѣльнаго изображенія всей изни и дѣятельности Бецкого, которое представило бы передъ нами эту рактерную фигуру во весь ея ростъ и со всѣми ея деталями. Г. П. М. айковъ задался цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ и въ результатѣ его стойчивыхъ работъ, какъ надъ печатнымъ, такъ и надъ архивнымъ теріаломъ, получился недавно выпущенный имъ въ свѣтъ объемистый мъ, заглавіе котораго приведено выше въ подзаголовкѣ нашего очерка. нига появилась какъ нельзя болѣе кстати. Только что минуло двухсотѣтіе со времени рожденія Бецкого *), и русскому обществу отнюдь не ѣдовало пропускать этого срока безъ надлежащихъ литературныхъ поминокъ. Мы не скажемъ, чтобы г. Майкову удалось справить эти поминки такимъ безспорнымъ успѣхомъ, который бы не оставлялъ желать нигго большаго. Намъ кажется, что и теперь, послѣ выхода этой книги, цкому все еще предстоитъ ждать будущаго біографа. Г. Майковъ тщательно собралъ и разсортировалъ фактическій матеріалъ, касающійся его роя, чѣмъ и ограничилось содержаніе его труда, но онъ не далъ читалю возсозданія личности Бецкого,—эпохи, которая его породила, дѣла, торое было имъ совершено.

Собраны кирпичи, но зданіе не построено. Однако и собираніе кирпичей—трудъ почтенный и необходимый и, если онъ выполненъ обстоятельно и добросовѣстно, нельзя не принести за него искренней благодарсти. Мы считаемъ нелишнимъ остановить вниманіе читателей на результатахъ этого труда, представляющихъ не мало интересныхъ и поучительныхъ чертъ и позволяющихъ намъ обосновать на несомнѣнныхъ фактахъ, частью извѣстныхъ и ранѣе, частью впервые извлеченныхъ г. Майковымъ изъ архивныхъ документовъ—приведенное выше общее сужденіе о значеніи общественной дѣятельности Бецкаго.

I.

Прежде всего нѣсколько словъ о личной судьбѣ Бецкого. Много неясностей остается здѣсь для біографа послѣ самыхъ тщательныхъ разыска-

*) Нерѣдко время рожденія Бецкаго относится къ 1703 г., но есть показанія, ходящія это время на 1704 г.

ній. Туманно самое происхожденіе нашего героя. До насъ дошло собственное показаніе Бецкого, въ которомъ онъ опредѣленно называетъ себя «породою польскимъ шляхтичемъ» и свое появленіе на русской службѣ объясняетъ весьма обстоятельно слѣдующимъ образомъ: въ 1722 г. жилъ онъ «для науки» въ Парижѣ, гдѣ и былъ принятъ на русскую службу нашимъ посломъ кн. Вас. Лук. Долгорукимъ, при которомъ отправлялъ секретарскую должность.

Затѣмъ, *по требованію кн. Ивана Юрьевича Трубецкого* былъ онъ высланъ въ Кіевъ для отправленія секретныхъ дѣлъ и корреспонденціи ея величества на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и затѣмъ опредѣлился при кн. Трубецкомъ въ флигель-адъютанты. Такъ началось служеніе Бецкого Россіи. Это—показаніе самого Бецкого. Однако упорная молва, установившаяся еще съ начала XVIII ст. и затѣмъ не разъ подтвержденная очень компетентными свидѣтельствами, гласила иначе. Она переносила мѣсто рожденія Бецкаго изъ Польши въ Стокгольмъ, а кн. Ивана Юрьевича Трубецкого называла виновникомъ появленія Бецкого не только въ Россіи, но и вообще на Божьемъ свѣтѣ. Согласно твердо укоренившемуся и общепринятому еще съ XVIII ст. мнѣнію, Бецкой былъ незаконный сынъ кн. Трубецкого, прижитый послѣднимъ въ Стокгольмѣ, въ плѣну у шведовъ, куда князь попалъ въ 1700 г. послѣ несчастной битвы подъ Нарвой и гдѣ онъ пробылъ вплоть до размѣна плѣнныхъ въ 1718 году. Легенда окружила происхожденіе Бецкого заманчивыми подробностями. Говорили, что кн. Трубецкой проводилъ дни своего плѣна съ большимъ комфортомъ и свободой, былъ принятъ въ высшихъ кругахъ стокгольмской аристократіи, смѣло срывалъ тамъ цвѣты всевозможныхъ удовольствій и такъ серьезно увлекъ своей особой одну знатную баронессу—по однимъ показаніямъ Спарре, по другимъ—Вреде, что вступилъ съ нею въ связь, въ результатѣ которой Россія и получила Ивана Ивановича Бецкого. Г. Майковъ подвергъ вполнѣ основательному сомнѣнію детали этой блестящей исторіи. Предпринятыя имъ справки въ исторіи дворянскихъ фамилій Спарре и Вреде не открыли никакихъ слѣдовъ упомянутой связи. Въ то же время рядъ косвенныхъ соображеній сильно колеблетъ вѣроятность всей этой исторіи. Во-первыхъ, у насъ есть данныя, рисующія жизнь русскихъ плѣнниковъ въ Швеціи далеко не радужными красками. Въ письмахъ кн. Хилкова изъ Швеціи говорилось, что плѣнныхъ русскихъ генераловъ содержали тамъ «какъ звѣрей», взаперти и впроголодь, съ такими утѣсненіями и тяжкими мучительствами, которыхъ, по словамъ Хилкова, и «въ самыхъ *барбаризахъ* (т.-е. варварскихъ странахъ) не обрѣтается». Возможно, конечно, что съ годами тяжесть неволи поослабѣла, однако общее отношеніе къ русскимъ плѣнникамъ очевидно было весьма суровое и малодоброжелательное. Притомъ рожденіе Бецкого падаетъ на первые годы плѣна, и даже какъ разъ на такой періодъ, когда кн. Трубецкой всего менѣе могъ разсчитывать на радушное гостепріимство аристократическихъ салоновъ. Въ 1703 г. князь сдѣлалъ по-

пытку бѣжать изъ плѣна, былъ пойманъ и подвергнутъ особенно тяжелому заключенію; его заперли въ домъ, гдѣ сидѣли осужденные къ смерти подъ самымъ строгимъ карауломъ. Наконецъ, не лишены значенія и личныя свойства отца Бецкого для сужденія о степени его возможныхъ успѣховъ въ избранномъ обществѣ Стокгольма. По отзывамъ англійскаго посла Карлейля шведская знать того времени была самой блестящей во всей Европѣ. Что же представлялъ изъ себя кн. Ив. Трубецкой? По отзыву дюка-де Лирія это былъ «невѣжа, какихъ мало», при томъ же заика и человѣкъ, исполненный тщеславія и не пользовавшійся уваженіемъ и у себя на родинѣ.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ становится весьма вѣроятнымъ, что происхожденіе Бецкого было гораздо скромнѣе, чѣмъ разгласила позднѣйшая молва, и не въ кругахъ стокгольмскаго бомонда надлежало бы искать слѣдовъ его матери. Намъ приходитъ на мысль, что приведенное выше автобіографическое показаніе Бецкаго можетъ быть согласено съ его происхожденіемъ отъ кн. Ив. Трубецкого.

Если мы припомнимъ, что послѣ битвы подъ Нарвой Карлъ XII напалъ на Польшу, мы получимъ полную возможность предположить, что мать Бецкого принадлежала къ плѣннымъ польскимъ шляхтянкамъ, попавшимъ въ Стокгольмъ. Романъ плѣннаго русскаго генерала съ плѣнной шляхтенкой гораздо болѣе вяжется со всѣми разсмотрѣнными выше обстоятельствами, чѣмъ легендарные слухи объ успѣхахъ кн. Трубецкого въ будуарахъ шведскихъ баронессъ. Потому-то и самъ Бецкой, котораго не зачѣмъ подозрѣвать въ лживости, могъ офиціально называть себя позднѣе польскимъ шляхтичемъ, умалчивая о личности незаконнаго отца и разумѣя свое происхожденіе съ материнской стороны *).

Какъ бы то ни было, одно представляется несомнѣннымъ: кн. Ив. Трубецкой дѣйствительно былъ отцомъ Бецкого. Это подтверждается и позднѣйшими заботами князя о служебной карьерѣ и матеріальномъ обезпеченіи Бецкого и положительными указаніями лицъ, которыя въ данномъ случаѣ не могли ошибиться.

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVIII в. видную роль въ высшемъ обществѣ Петербурга и при самомъ дворѣ играла дочь кн. Трубецкого Анастасія Ивановна, бывшая замужемъ сначала за бывшимъ молдавскимъ господаремъ Кантеміромъ, потомъ за герцогомъ гессенъ-гомбургскимъ. Блиставшая красотой и образованіемъ, Анастасія Ивановна была любимицею императрицы Елизаветы. Бецкой всегда находился съ ней въ самой тѣсной дружбѣ, жилъ съ ней въ одномъ помѣщеніи и въ вотъ письмахъ близкихъ къ ея дому людей Бецкой постоянно называется ея кровнымъ братомъ. Эти родственныя отношенія не мало повліяли на первоначальные

*) Легенда вообще не мало поработала въ составленіи біографіи Бецкого. Такъ же Бецкого отцомъ Екатерины II! Положительно удостовѣрено, между тѣмъ, что Бецкой въ годъ рожденія Екатерины и непосредственно передъ этимъ не выѣзжалъ изъ Россіи.

успѣхи карьеры Бецкого. Отецъ далъ Бецкому хорошее образованіе, воспиталъ его, по словамъ записокъ Нащокина «съ преизряднымъ ученіемъ»,ославъ его для этой цѣли за границу уже по возвращеніи своемъ изъ шведскаго плѣна. Показанія о мѣстѣ обученія Бецкого чрезвычайно противорѣчивы. Основываясь исключительно на словахъ самого Бецкого, можно съ увѣренностью утверждать только то, что Бецкой пробылъ сколько-то времени въ копенгагенскомъ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ явился «для науки» въ Парижъ, гдѣ началъ и служебное свое поприще исполненіемъ секретарскихъ обязанностей при россійскомъ послѣ кн. Долгорукомъ. Скоро однако отецъ вызвалъ его въ Россію и опредѣлилъ при себѣ флигель-адъютантомъ. Въ этой должности Бецкой пережилъ достопамятныя событія, разыгравшіеся за смертью Петра II передъ воцареніемъ Анны. Вмѣстѣ съ своимъ отцомъ онъ принадлежалъ къ сторонникамъ сохраненія неограниченнаго самодержавія и его имя стоитъ среди подписей подъ челобитной, въ которой Анну просили уничтожить уже подписанные ею въ Митавѣ ограничительные пункты и принять самодержавную власть по примѣру предковъ. Какъ извѣстно, челобитная и вручена была императрицѣ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Трубецкимъ.

Въ 1738—39 гг. Бецкой совершилъ вторую заграничную поѣздку, объѣхавъ Германію для сопровожденія своей сестры Анастасіи Ивановны съ ея мужемъ герцогомъ Гессенъ-Гомбургскимъ. Новый государственный переворотъ, доставившій престолъ Елизаветѣ, открывалъ и для Бецкого новыя служебныя перспективы: мы уже знаемъ, что сестра Бецкого, жившая съ нимъ въ такой дружбѣ, была любимицей новой императрицы. Самъ Бецкой принималъ нѣкоторое участіе въ подготовкѣ переворота, онъ служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ Елизаветы съ Шетарди. Съ этихъ поръ онъ становится на виду. Въ 1741 г. онъ былъ пожалованъ въ камергеры къ наслѣднику престола. Образованный и даровитый, онъ положительно выдѣлялся изъ круга посредственностей, окружавшихъ молодой дворъ, и не могъ остаться незамѣченнымъ тою, чье царствованіе было впослѣдствіи украшено его своеобразными проектами и начинаніями. Еще прежде, чѣмъ Екатерина успѣла оцѣнить въ Бецкомъ умнаго и занимательнаго собесѣдника, ея мать, принцесса Іоанна Елизавета поспѣшила оцѣнить въ немъ привлекательнаго мужчину. Жизнь улыбалась Бецкому. Служебные успѣхи переплетались съ удачами въ любви. Но болѣе широкая жизненная дорога оказалась и болѣе скользкой, и Бецкой поскользнулся очень скоро. Молодой дворъ былъ окруженъ цѣлымъ роемъ интригъ, главной зачинщицей которыхъ явилась легкомысленная, суетливая и безтолковая мать Екатерины. Она примкнула къ врагамъ всесильнаго тогда канцлера Бестужева и въ концѣ концовъ сама попалась въ собственную паутину. Послѣдовалъ разгромъ всего приставленнаго къ молодому двору штата. Іоанна Елизавета была выслана на родину. Камергеры великокняжескаго двора отставлены отъ должностей. Эту участь долженъ былъ раздѣлить и Бецкой, уволенный по прошенію отъ службы съ чиномъ генералъ-майора. На все остальное

ремя царствованія Елизаветы, съ 1747 по 1762 годъ, Бецкой покинулъ оссію.

Эта третья заграничная поѣздка Бецкого имѣла въ высшей степени ажное значеніе въ его жизни. Временная житейская неудача была для него о-истинѣ благодѣяніемъ судьбы. Она оторвала его отъ затхлой сферы приворныхъ интригъ и будуарныхъ приключеній, она дала ему досугъ для ственной работы, открыла ему возможность многое узнать и увидѣть въ эпоху полнаго расцвѣта духовныхъ силъ свободно подышать воздуомъ самыхъ чистыхъ вершинъ европейской интеллигенціи.

Первый разъ онъ попалъ за границу еще мальчикомъ, вторая поѣздка ыла сдѣлана наспѣхъ, притомъ въ зависимости отъ маршрута свадебнаго утешествія его сестры, теперь онъ поѣхалъ не покататься по Европѣ, а ожить въ ней, ѣхалъ съ большимъ запасомъ интереса къ особенностямъ падной культуры и, можно думать, съ достаточно опредѣлившимися уже ственными наклонностями и житейскими взглядами. Можно сказать смѣло: а поѣздка по Европѣ (онъ жилъ въ разныхъ мѣстахъ — въ Италіи, ранціи, Голландіи, Австріи и т. п.) доставили ему тотъ основной идейый капиталъ, процентами съ котораго онъ пользовался затѣмъ въ тече-е всей своей государственной дѣятельности, которая еще предстояла ему Россіи.

«Когда я путешествовалъ, — вспоминалъ впослѣдствіи Бецкой объ омъ времени въ одномъ письмѣ, — я не терялъ времени, нѣжась въ рогѣ въ шлафрокахъ... никогда не занимался обѣдами въ пути на почтохъ дворахъ, а спѣшилъ въ городъ, гдѣ могъ просвѣтить себя осматриніемъ полезнаго, чѣмъ до полудня занимался; остальное время проводилъ почтенныхъ и просвѣщенныхъ обществахъ, а потомъ, прежде нежели жился спать, писалъ мой журналъ». Путешествуя, Бецкой безпрерывно блюдалъ и учился. Къ сожалѣнію, его путевой журналъ остается невѣстнымъ. Но и по тѣмъ случайнымъ отрывкамъ изъ его путевыхъ восминаній, которыя разсыпаны по его позднѣйшимъ произведеніямъ, мы жемъ судить, какъ внимателенъ и чутокъ былъ его глазъ и умъ по ношенію ко всему, что представляло какой-нибудь образовательный интеъ. Составляя проекты образовательныхъ и филантропическихъ учрежде-, Бецкой постоянно ссылается на свои личныя впечатлѣнія отъ видѣнго имъ въ западной Европѣ. Госпитали и благотворительныя заведенія ъ подвергалъ особенно тщательному осмотру. Здѣсь-то зарождались въ умѣ планы дальнѣйшихъ трудовъ на пользу родины. Въ Парижѣ онъ алъ въ самый центръ умственной аристократіи. У насъ имѣются докутальныя доказательства его хорошаго знакомства съ извѣстной г-жей ффренъ, салонъ которой притягивалъ къ себѣ цвѣтъ перворазрядныхъ менитостей научнаго и литературнаго міра тогдашней Франціи. Бецкой тывалъ въ себя сокъ просвѣтительной философіи у самаго ея источни.

Вопросы воспитанія заняли тогда видное мѣсто въ кругу темъ, волноши[illegible] общественное мнѣніе. Какъ разъ въ то время появился въ свѣтъ

«Эмиль» Руссо, съ такой «невѣдомою силой» ударившій по сердцамъ читателей и читательницъ. Цѣлое откровеніе развертывалось передъ мыслящими людьми, и Бецкой вернулся въ Россію, весь охваченный строемъ просвѣтительныхъ воззрѣній.

Возвращеніе на родину сдѣлалось для него возможнымъ благодаря смерти Елизаветы и воцаренію Петра III. Новый государь самъ вспомнилъ опальнаго камергера и вызвалъ его въ Россію. Бецкой былъ назначенъ директоромъ «канцеляріи отъ строеній». Такъ называлось учрежденіе, завѣдовавшее сооруженіями, принадлежавшими къ дворцовому вѣдомству. Съ высоты идеальныхъ мечтаній объ усовершенствованіи человѣчества пришлось опуститься сразу въ тину самыхъ мелочныхъ заботъ о ремонтѣ дворцовыхъ конюшенъ или о сазанахъ, уснувшихъ въ пруду какой-нибудь дворцовой мызы. Остается не вполнѣ выясненнымъ, какую позицію занималъ Бецкой при дворѣ во время все усиливавшихся недоразумѣній и даже столкновеній между императоромъ и императрицей. Различно толкуется роль Бецкого и въ моментъ переворота 1762 г. Извѣстенъ разсказъ княгини Дашковой о томъ, какъ Бецкой требовалъ отъ Екатерины признанія своихъ заслугъ по устройству переворота и успокоился не прежде, чѣмъ получилъ въ ознаменованіе этихъ заслугъ почетное,—а вѣроятное также и доходное,—порученіе завѣдовать приготовленіемъ новой большой короны для предстоящей коронаціи. Г. Майковъ частью подвергаетъ сомнѣнію справедливость всѣхъ подробностей этого разсказа, частью пытается дать ему новое толкованіе, предполагая, что кн. Дашкова извратила или просто не сумѣла ясно передать смыслъ этой сцены. Г. Майковъ утверждаетъ, что Бецкой не былъ въ числѣ сторонниковъ императрицы во время переворота. Подтвержденіемъ этому мнѣнію могутъ служить главнымъ образомъ два обстоятельства: 1) по свидѣтельству Штелина Бецкой находился на галерѣ Петра III при отплытіи послѣдняго изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ въ ночь съ 28 на 29 іюня, и 2) Бецкой не попалъ въ списокъ лицъ, награжденныхъ Екатериной за удачный исходъ переворота.

Какъ бы то ни было, воцареніе Екатерины совпало съ началомъ блестящаго періода государственной дѣятельности Бецкого. Онъ сохранилъ прежнія служебныя назначенія, къ которымъ вскорѣ присоединились новыя, гораздо болѣе важныя и соотвѣтствовавшія его гуманистическимъ идеаламъ. Бецкой былъ уже почти 60-лѣтнимъ старикомъ при воцареніи Екатерины. Близился закатъ жизни. Но для Бецкого—вопреки распространенному на Руси явленію—закатъ жизни совпалъ съ расцвѣтомъ дѣятельности, которая всѣмъ своимъ историческимъ значеніемъ всецѣло принадлежала царствованію Екатерины. Екатерина не была особенно расположена къ Бецкому. Она не питала къ нему не только симпатіи, но даже и безусловнаго довѣрія *). И тѣмъ не менѣе, они были родными по духу, ихъ

*) Въ книгѣ г. Майкова собрано не мало фактовъ, подтверждающихъ это положеніе.

умы были обвѣяны одними и тѣми же вліяніями, общая вѣра двигала ихъ дѣйствіями, однѣ и тѣ же иллюзіи обрекали ихъ на одинаковыя увлеченія и ошибки.

Мы отмѣтимъ теперь основныя черты общественныхъ начинаній Бецкого и попытаемся указать ихъ значеніе въ исторіи русской общественности и русской школы.

II.

При изложеніи біографіи Бецкого г. Майкову пришлось не мало потрудиться для разъясненія многихъ спорныхъ и темныхъ пунктовъ и для разрушенія ни на чемъ не основанныхъ легендъ, приросшихъ къ имени Бецкого и въ значительной мѣрѣ искажавшихъ правильныя очертанія его личной исторіи. Изъ предшествующей краткой передачи тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришелъ г. Майковъ въ этомъ отношеніи, свѣдущій читатель усмотритъ, насколько выиграли теперь наши представленія о жизни Бецкаго въ опредѣленности, простотѣ и ясности.

Въ иномъ положеніи находился г. Майковъ при характеристикѣ общественныхъ идеаловъ и государственныхъ начинаній своего героя. Здѣсь онъ стоялъ на твердой почвѣ, имѣя цѣлый рядъ предшественниковъ, не разъ уже подробно характеризовавшихъ воззрѣнія Бецкого на основаніи собственныхъ произведеній послѣдняго. Новому біографу предстояло подвести итогъ тому, что было сказано до него въ литературѣ о Бецкомъ, и въ связи съ критически-изученными біографическими данными представить читателямъ выпуклую обобщающую характеристику Бецкого, указавъ мѣсто, которое онъ занялъ въ исторіи нашего общественнаго развитія. Г. Майковъ уклонился отъ выполненія такой задачи и ограничился разработкой другой стороны дѣла: онъ тщательно разобралъ архивы тѣхъ учрежденій, во главѣ которыхъ стоялъ Бецкой, изслѣдовалъ весьма подробно служебную переписку послѣдняго и постарался извлечь изъ этихъ бумагъ фактическій матеріалъ, показывающій, какъ дѣйствовалъ Бецкой при практическомъ осуществленіи одушевлявшихъ его началъ. Бецкой — писатель, Бецкой — мыслитель занимаетъ вниманіе г. Майкова въ гораздо меньшей степени, нежели повседневное практическое участіе Бецкаго въ жизни созданныхъ имъ учрежденій.

Неполнота, проистекающая изъ такого, нѣсколько односторонняго изложенія, выкупается, однако, новизной приводимыхъ г. Майковымъ данныхъ, въ которыхъ разсыпано не мало живыхъ чертъ, дополняющихъ знакомый намъ образъ Бецкого характерными подробностями. Предстоитъ только собрать и объединить всѣ эти черточки, мелькающія тамъ и сямъ въ излагаемыхъ г. Майковымъ документахъ. Мы попытаемся сдѣлать это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что память Бецкого блистательно выдерживаетъ вновь историческій экзаменъ и образъ русскаго гуманнаго филантропа не только не проигрываетъ, но, наоборотъ, озаряется еще болѣе привлека-

тельнымъ освѣщеніемъ послѣ знакомства съ новыми документами. Мы привыкли чтить Бецкого по его *словамъ*. Новые документы даютъ возможность оцѣнить его по его *поступкамъ*.

Многообразная дѣятельность Бецкого распредѣлялась между цѣлымъ рядомъ учрежденій. «Канцелярія отъ строеній», воспитательные дома съ примыкавшими къ нимъ разнородными учрежденіями, «воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ», академія художествъ, сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ, коммерческое училище,—таковъ былъ довольно пестрый подборъ «служебныхъ мѣстъ», въ которыхъ проходила общественная работа Бецкого. Впрочемъ, эта пестрота была чисто-внѣшняя. За ней легко уловить ясно выраженное единство наклонностей и интересовъ. Благотворительность и воспитаніе — вотъ родная стихія Бецкого. Видимая разбросанность его общественныхъ начинаній проистекала изъ естественнаго стремленія примѣнить дорогіе ему принципы вездѣ, гдѣ только можно. Но самые принципы, ради торжества которыхъ работалъ Бецкой, оставались для него одинаково неизмѣнными на всѣхъ путяхъ его разносторонней дѣятельности. Въ этомъ отношеніи Бецкой представлялъ собою удивительно цѣльный типъ общественнаго дѣятеля, каждый шагъ котораго всегда былъ одухотворенъ единствомъ ясно сознанной и разъ навсегда хорошо продуманной мысли.

Одна только «канцелярія отъ строеній» врѣзывалась какимъ-то чуждымъ клиномъ въ кругъ его занятій и заботъ. Мы не будемъ останавливаться на этой сторонѣ служебной дѣятельности Бецкого, не имѣющей отношенія къ тому, чѣмъ имя Бецкого вписано въ исторію Россіи, и не лишенной нѣкотораго интереса развѣ только для личной его біографіи и для разъясненія его отношеній къ Екатеринѣ II. То былъ докучный міръ мелочныхъ хозяйственныхъ дрязгъ, не предоставлявшій никакой пищи для ума и сердца, но не мало обременявшій душу тревожными хлопотами и незаслуженными непріятностями. Приходилось исполнять быстро смѣнявшія другъ друга затѣи Екатерины въ области дворцовыхъ построекъ, остерегаясь, однако, заводить рѣчь объ отпускѣ необходимыхъ для этого суммъ, и помня, что отсрочиваніе новыхъ работъ ради покрытія долговъ по прежнимъ заказамъ всегда могло вызвать не особенно милостивую записку отъ императрицы вродѣ слѣдующей: «старый хрычъ (т.-е. Бецкой) вмѣсто того, чтобъ Петергофъ чинить, чортъ знаетъ, что изъ тѣхъ денегъ сдѣлалъ. Я думаю, что они *долги канцеляріи отъ строенія* заплатили отчасти» *).

Можно представить себѣ, какъ способствовала эта служба спокойствію духа Бецкого и насколько ею удовлетворялись его умственные интересы и запросы. Г. Майковъ подробно разсматриваетъ труды Бецкого по канцеляріи строеній, посвящая этому предмету цѣлую особую главу, къ которой мы и отсылаемъ интересующихся читателей.

---

*) *Майковъ*, стр. 89. „Сб. Р. Ист. Общ.“, т. X, стр. 225.

Мы послѣдуемъ за Бецкимъ въ ту область его дѣятельности, гдѣ онъ былъ самимъ собою, гдѣ онъ получалъ возможность въ своихъ общественныхъ начинаніяхъ дать исходъ внутреннимъ потребностямъ собственной души. Мы уже сказали, что то была область благотворительности и воспитанія. Но этимъ сказано еще далеко не все. Одною изъ характерныхъ и въ то же время наиболѣе привлекательныхъ чертъ Бецкого было постоянное стремленіе связать вопросы благотворительности и воспитанія со всею совокупностью назрѣвшихъ общественныхъ потребностей.

Бѣдность и отсутствіе добраго воспитанія представлялись ему основаніями всѣхъ общественныхъ бѣдствій, всей общественной неправды, и вотъ почему—борьба съ этимъ двоякимъ корнемъ соціальныхъ недуговъ принимала, согласно его замыслу, внушительныя очертанія всеобъемлющей общественной реформы. Въ планахъ и уставахъ, которые были составлены Бецкимъ для основанныхъ имъ разнообразныхъ учрежденій, онъ очень рѣдко былъ оригинальнымъ. Изслѣдованіе г. Майкова, по нашему мнѣнію, окончательно устранило на этотъ счетъ всякія сомнѣнія.

При устройствѣ воспитательныхъ домовъ Бецкой слѣдовалъ образцамъ, лично изученнымъ имъ на Западѣ во время заграничныхъ поѣздокъ, уставъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ скопированъ съ устава Сенъ-Сира *), а уставъ шляхетнаго кадетскаго корпуса очень близко воспроизводилъ уставъ воспитательнаго общества **); наконецъ, составляя уставъ академіи художествъ, Бецкой широко воспользовался старымъ проектомъ, составленнымъ для академіи еще при Шуваловѣ ***). Но, какъ пчела, обирая медъ съ готовыхъ цвѣтовъ, заимствуя чужія мысли и даже пользуясь цѣликомъ чужими работами, Бецкой умѣлъ одухотворять тѣ и другія путеводной идеей, которая лежала въ основаніи всѣхъ его гуманитарныхъ стремленій. То была идея о неразрывной связи прогресса воспитательнаго дѣла съ общимъ обновленіемъ всѣхъ жизненныхъ отношеній, съ общими успѣхами истины, добра, справедливости въ человѣческомъ общежитіи. Онъ смотрѣлъ на школу, какъ на источникъ всякаго нравственнаго тепла и свѣта, и вѣрилъ въ то, что нормальная постановка школы повлечетъ за собою оздоровленіе всей той жизненной сферы, съ которой школа будетъ соприкасаться. И вотъ, при изученіи педагогическихъ плановъ Бецкого становится въ высшей степени интереснымъ слѣдить за тѣмъ, какъ искусно переплетаетъ онъ съ вопросами воспитанія цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, соприкасавшихся такъ или иначе съ наиболѣе передовыми теченіями и запросами времени. Борьба съ крѣпостнымъ правомъ, борьба съ тѣлесными наказаніями, требованіе равноправія обоихъ половъ въ отношеніи образованія, настойчивое выдвиганіе необходимости общаго образованія насчетъ ранней спеціализаціи, поощреніе обществен-

---

*) *Майковъ*, стр. 265: наглядное сопоставленіе этихъ двухъ уставовъ.

**) Ibid, стр. 367.

***) Ibid, стр. 320.

ной самодѣятельности и иниціативы въ разнаго рода начинаніяхъ, направленныхъ на пользу самого общества, пропаганда строгой законности и правомѣрности въ управленіи общественными учрежденіями—вотъ вопросы первостепенной важности, которые подымалъ Бецкой попутно съ разработкой спеціально педагогическихъ своихъ теорій и плановъ. Онъ ставилъ эти вопросы и теоретически—въ своихъ уставахъ и запискахъ, и практически—въ своихъ непосредственныхъ распоряженіяхъ по управляемымъ имъ заведеніямъ. Многіе факты, указанные въ изслѣдованіи г. Майкова на основаніи документальныхъ данныхъ, приводятъ къ отрадному заключенію, что Бецкой не былъ при этомъ человѣкомъ фразы, что слово не расходилось у него съ дѣломъ. Поучительно даже и для нашего времени бросить взглядъ на дѣятельность Бецкого съ только что отмѣченныхъ сторонъ; вѣдь если названные выше вопросы всѣ безъ исключенія отличались свѣжестью смѣлой новизны для той эпохи, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Бецкой, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ даже и теперь, на зарѣ XX столѣтія, все еще не вышли у насъ вполнѣ изъ круга очередныхъ задачъ, ожидающихъ своего безповоротнаго разрѣшенія.

Мы поставили въ началѣ нашего списка борьбу съ крѣпостнымъ правомъ. Да, борьба съ крѣпостнымъ правомъ дѣйствительно была написана на знамени Бецкого. Онъ понималъ, насколько ученье и рабство несовмѣстимы другъ съ другомъ. Та «новая порода людей», о созданіи которой мечталъ Бецкой и отъ которой онъ ждалъ обновленія человѣчества, не должна была знакомиться съ цѣпями крѣпостной неволи. Общество благородныхъ дѣвицъ и шляхетскій корпусъ предназначались исключительно для дѣтей дворянскаго сословія, самымъ своимъ рожденіемъ обезпеченныхъ на всю жизнь въ неотъемлемомъ пользованіи свободой, а потому и не нуждавшихся въ этомъ отношеніи въ какой-либо спеціальной охранѣ. Въ иномъ положеніи находился третій питомникъ «новой породы людей»—воспитательный домъ, подбиравшій дѣтей, брошенныхъ на произволъ судьбы, безъ роду и племени и безъ всякаго знака ихъ сословнаго происхожденія.

По мысли Бецкого воспитательный домъ долженъ былъ дѣлаться для этихъ дѣтей не только убѣжищемъ отъ нищеты, но и колыбелью полнаго нравственнаго перерожденія. Не происхожденіе, а условія воспитанія предопредѣляютъ нравственную природу человѣка,—разсуждалъ Бецкой,—и потому онъ рекомендовалъ смотрѣть на всѣхъ безвѣстныхъ подкидышей, попавшихъ подъ сѣнь воспитательнаго дома, какъ на жатву будущей новой породы людей, не справляясь съ ихъ метрическими свидѣтельствами. И въ уставѣ воспитательнаго дома было спеціально постановлено, что всѣ питомцы этого дома обоего пола и дѣти ихъ и потомки *въ вѣчные роды* останутся *вольными* и никому ни подъ какимъ видомъ закабалены и укрѣплены быть не могутъ. Далѣе, имъ запрещалось вступать въ бракъ съ крѣпостными людьми, а на тотъ случай, если бы такой бракъ въ дѣйствительности какъ-нибудь совершился, постановлялось не только не закрѣп-

лять ихъ самихъ за помѣщиками, но распространять свободу и на другую сторону, вступившую въ супружество съ питомцемъ или питомицей воспитательнаго дома.

Такъ, учрежденіе воспитательнаго дома по мысли Бецкого выходило далеко за предѣлы простой филантропіи; дѣло шло не только о сострадании къ отдѣльнымъ бѣднякамъ, дѣло шло о пересозданіи всего склада господствовавшихъ въ обществѣ нравственныхъ понятій и соціальныхъ отношеній и, разумѣется, среди прочихъ золъ обреченнаго на разрушеніе ветхаго міра должно было погибнуть при этомъ и крѣпостное право. Любопытно отмѣтить, что самъ Бецкой, какъ это положительно явствуетъ изъ приводимыхъ г. Майковымъ документовъ, вовсе не склоненъ былъ ограничивать составъ питомцевъ воспитательнаго дома одними безвѣстными подкидышами и незаконнорожденными младенцами. Онъ готовъ былъ принимать туда всякаго званія сиротъ или вообще дѣтей, почему-либо лишенныхъ родительскаго попеченія *), даже не особенно стѣсняясь возрастомъ вступающихъ; такъ, напримѣръ, послѣ чумы Бецкой настаивалъ на свободномъ пріемѣ туда дѣтей даже 6—7-лѣтняго возраста и старше. Все это еще болѣе расширяло кругъ тѣхъ лицъ, которыя могли быть вырваны при посредствѣ воспитательнаго дома изъ грозившихъ имъ узъ крѣпостной неволи. Но и этого мало. Система воспитанія, разработанная Бецкимъ, неизбѣжно порождала требованіе на внесеніе болѣе смягченныхъ, болѣе гуманныхъ пріемовъ въ сферу самихъ крѣпостныхъ отношеній. Если Бецкой и не подымалъ вопроса о внезапномъ уничтоженіи крѣпостного состоянія, то онъ положительно требовалъ признанія за крѣпостнымъ человѣкомъ его человѣческой личности, требовалъ этого прежде всего съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ самаго владѣльческаго класса. Успѣхи воспитанія всего болѣе зависятъ отъ личныхъ свойствъ воспитателей и наставниковъ. Но кто, какъ не крѣпостной человѣкъ, является первымъ наставникомъ и наперсникомъ дворянскаго ребенка? Держите,—говоритъ Бецкой,—вашихъ рабовъ въ забитости и невѣжествѣ въ томъ убѣжденіи, что рабу ни на что не нужно ученье,—и ваши же собственныя дѣти въ нѣжные годы ранняго младенчества «напитаются всѣми пороками, всею грубостью, всѣми худыми разговорами сихъ рабовъ, которыми столь грубо и надменно пренебрегаете, и отъ сообщества съ ними послѣдуютъ невѣжество, свирѣпство, развратные нравы».

Какъ бы то ни было, крѣпостное право объявлялось несовмѣстимымъ въ этой эрой всеобщаго нравственнаго обновленія, наступленія которой Бецкой ожидалъ отъ примѣненія своей воспитательной системы. То самое крѣпостное право, которое устами рядовой общественной массы того времени провозглашалось священнымъ оплотомъ, краеугольнымъ камнемъ

*) При Бецкомъ для принятія въ домъ новаго питомца вопросъ о *законности* рожденія принесеннаго младенца вообще не игралъ никакой роли. Лишь впослѣдствіи при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ постановлено было принимать въ воспитательный домъ только незаконнорожденныхъ дѣтей.

свойственнаго Россіи порядка общежитія и государственнаго устройства, было заклеймено Бецкимъ, какъ позорное пятно, которому предстоитъ исчезнуть вмѣстѣ съ исчезновеніемъ «старой породы людей».

Любопытно отмѣтить, что хотя и косвенная, но тѣмъ не менѣе глубокая связь воспитательныхъ плановъ Бецкого съ эмансипаціонными стремленіями не ускользнула отъ вниманія современниковъ и даже послужила поводомъ къ наиболѣе злымъ нападкамъ на всю просвѣтительную дѣятельность Бецкого. Небезызвѣстный писатель XVIII в. Эминъ посвятилъ созданнымъ Бецкимъ учрежденіямъ цѣлую сатиру: «Сонъ». Бездарная, какъ и все, что выходило изъ-подъ пера Эмина,—сатира вышучиваетъ заведенія, ввѣренныя завѣдыванію «большого барсука», такъ именуется самъ Бецкой. Содержаніе сатиры мы пересказывать не будемъ: отъ нея вѣетъ безсиліемъ пошлаго зубоскальства, но отмѣтимъ одно неосторожное признаніе автора, вскрывающее намъ источникъ всѣхъ его нападеній. «Барсукъ»,—говоритъ Эминъ,—*своихъ* животныхъ не любитъ (т.-е. дворянъ?) и главное намѣреніе его состоитъ въ томъ, чтобы въ обществѣ когда-нибудь возстановить *вольность*, не разсуждая, что *вольность обществу принесетъ разореніе*».

Громко требуя смягченія крѣпостной неволи въ ожиданіи ея полнаго уничтоженія, настаивая на необходимости гуманнаго и просвѣщеннаго обращенія съ рабами, Бецкой съ еще бо́льшимъ жаромъ вооружается противъ грубыхъ воспитательныхъ пріемовъ, унижающихъ человѣческую личность въ ребенкѣ. Въ тотъ вѣкъ, когда въ русскомъ обществѣ еще пользовался полнымъ правомъ гражданства завѣтъ *Домостроя*: «любя сына, сокруши ему ребра», Бецкой рѣзко поднялъ свой голосъ противъ примѣненія тѣлеснаго наказанія къ воспитанію дѣтей. Въ этомъ вопросѣ онъ былъ неумолимо послѣдователенъ, отступивъ даже отъ своего иноземнаго авторитета—Локка. Локкъ допускаетъ тѣлесное наказаніе въ видѣ компромисса съ укоренившимися въ обществѣ обычаями, хотя и осуждаетъ его принципіально. Бецкой, наоборотъ, не желаетъ идти на какія бы то ни было уступки. Онъ пишетъ въ генеральномъ планѣ воспитательнаго дома: «единожды на всегда ввести въ сей домъ *неподвижный законъ* и строго утвердить *никогда* и *ни за что* не бить дѣтей». Наказывать слѣдуетъ не жестокостью, а стыдомъ. Жестокость въ наказаніяхъ коверкаетъ нравственную природу дѣтей, заранивая въ ихъ души суровость, мстительность и притворство. Кромѣ того, Бецкой выставлялъ еще одно важное соображеніе въ пользу своего нововведенія: съ ребенкомъ, котораго воспитываютъ «къ новому бытію», нельзя поступать, какъ съ рабомъ; не можетъ служить цѣли добраго воспитанія то, что связывается съ униженіемъ человѣческаго достоинства.

И, вѣрный своему принципу, Бецкой шелъ еще дальше: не только воспитываемыя дѣти, но и самые низшіе служители, состоящіе при воспитательныхъ заведеніяхъ, объявлялись имъ свободными отъ тѣлеснаго наказанія съ тою цѣлью, чтобы зрѣлище наказанныхъ побоями людей не по-

вляло плетворнымъ образомъ на дѣтскія души. Нѣтъ надобности прибавлять, что изгнаніе тѣлеснаго наказанія изъ системы воспитательныхъ средствъ не ограничивалось воспитательнымъ домомъ, но распространялось и на всѣ другія созданныя Бецкимъ образовательныя учрежденія.

Ту же широту взгляда и ту же смѣлость въ противоборствѣ общепринятымъ предразсудкамъ проявилъ Бецкой и въ другомъ вопросѣ: объ уравненіи мужского и женскаго образованія. Въ этомъ случаѣ Бецкой опередилъ свое время, по крайней мѣрѣ, на цѣлое столѣтіе. Онъ не считалъ нужнымъ дѣлать какое-нибудь различіе между программами обученія мужскихъ и женскихъ школъ и проводилъ эту идею настолько послѣдовательно, что предлагалъ ввести въ кругъ предметовъ, преподаваемыхъ въ обществѣ дѣвицъ, анатомію, между тѣмъ, какъ одна мысль о преподаваніи дѣвицамъ не только анатоміи человѣка, но и вообще естественныхъ наукъ считалась еще въ первой половинѣ XIX в. совершенно недозволительною; г. Майковъ приводитъ интересныя данныя о попыткахъ Бецкого въ указанномъ направленіи, попыткахъ, разбившихся о косныя предубѣжденія его современниковъ. Сама Екатерина, первоначально раздѣлявшая воззрѣнія Бецкого на необходимость знакомить дѣвицъ со всѣми тѣми науками, которымъ обучаются и мальчики, во вторую половину своего царствованія отступила отъ этой программы и уже не оказывала поддержки широкимъ просвѣтительнымъ планамъ Бецкого.

Съ учрежденіемъ «Комиссіи объ установленіи народныхъ училищъ въ государствѣ», этой комиссіи поручено было пересмотрѣть программы преподаванія въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ; пересмотръ былъ произведенъ безъ всякаго участія и даже безъ вѣдома Бецкого и во многомъ,— разрѣзъ съ руководящими идеями послѣдняго. Дѣвицъ было рѣшено вообще учить поменьше, признавалось достаточнымъ приготовить изъ нихъ хорошихъ домашнихъ хозяекъ, отодвинувъ на второй планъ задачи всесторонняго просвѣщенія ихъ ума и сердца. Такъ, уже при Екатеринѣ подготовлялась та реакція противъ широкой постановки женскаго образованія, которая пошла затѣмъ полнымъ ходомъ въ эпоху имератрицы Маріи Ѳеодоровны. Смѣлыя мечты Бецкого объ уравненіи учебныхъ курсовъ для мужчинъ и женщинъ не выдержали столкновенія съ предразсудками вѣка, что, конечно, нисколько не умаляетъ ихъ значенія въ исторіи педагогическихъ идей въ нашемъ отечествѣ.

Борьба противъ спеціализаціи женскаго образованія являлась для Бецкого лишь частнымъ приложеніемъ еще болѣе широкой идеи о нежелательности вообще всякаго рода спеціализаціи впредь до пріобрѣтенія извѣстнаго минимума общихъ познаній и достиженія извѣстной степени нравственной воспитанности, одинаково необходимыхъ для всякаго человѣка и гражданина, на чемъ бы ни сосредоточилась впослѣдствіи его спеціальность. Прежде чѣмъ фабриковать спеціалиста, школа должна создать истинно просвѣщеннаго умомъ и сердцемъ *человѣка*, и только при условіи такой просвѣщенности сами спеціалисты получатъ возможность съ истин-

ной пользой для дѣла примѣнять на практикѣ свои техническія познанія и навыки. Вотъ золотая мысль, которую настойчиво проводилъ Бецкой во всѣхъ своихъ образовательныхъ планахъ и учрежденіяхъ. И опять-таки позволительно спросить: такъ ли уже далеко ушли мы и въ этомъ отношеніи отъ современниковъ Бецкого, съ предразсудками и недомыслiемъ которыхъ ему приходилось упорно бороться? Развѣ не возникаютъ и въ наше время жаркіе дебаты по этому вопросу, который стоялъ внѣ спора для просвѣщеннаго вельможи Екатерининской эпохи? Развѣ не приходится и теперь ученымъ спеціалистамъ съ крупными именами затрачивать трудъ и время на составленіе цѣлыхъ трактатовъ съ обширной аргументаціей, съ тяжелымъ арсеналомъ подкрѣпляющихъ цифръ для того, чтобы защитить отъ близорукихъ нападокъ эту простую и невинную мысль о необходимости общеобразовательнаго фундамента для успѣшности всякаго рода спеціальнаго, техническаго образованія? Какъ почувствовалъ бы себя Бецкой, какимъ-нибудь чудомъ очутившись за столомъ иного современнаго намъ совѣщательнаго собранія въ разгаръ жаркихъ споровъ о томъ, повышаетъ ли грамотность производительность труда рабочаго, или представляется ли нужнымъ и возможнымъ допустить прочтеніе какого-нибудь общеобразовательнаго курса въ профессіональномъ учебномъ заведеніи? И что почувствовали бы иные современные ораторы, если бы этотъ пришелецъ изъ иного міра развернулъ передъ ними свои ветхіе школьные уставы со словами: «вотъ что я писалъ, господа, лѣтъ полтораста тому назадъ и на что получилъ въ свое время полное одобреніе своей всемилостивѣйшей государыни»: «училище искусныхъ офицеровъ должно быть также и училищемъ знатныхъ (т.-е. хорошихъ) гражданъ» или «если учрежденіе коммерческаго воспитанія будетъ взято единственно *по разумѣнію наименованія*, то, конечно, покажется изъ того плана предписанныхъ на изученіе наукъ много излишнихъ. Но мною за основаніе принято *не по одной той нитки* юношество проводить... ибо, какъ извѣстно, многіе изъ воспитанниковъ найдутся, кои или способности, или склонности къ произведенію коммерческаго дѣйствія имѣть не могутъ, а къ прочимъ знаніямъ свойственны, то дабы ни лѣтъ ихъ напрасно не потратить принужденіемъ, ни врожденной склонности не попрепятствовать, прочія знанія и присовокуплены...» Къ тому же многія общія науки полезны и необходимы и для самихъ профессіональныхъ цѣлей: «напримѣръ, физика, химія совсѣмъ, кажется, отдаленное должно почитаться знаніе отъ купечества; но, ежели свойство оной разобрать, то, конечно, найдется весьма нужною; она послужитъ и къ сохраненію товаровъ и къ узнанію времени къ покупкѣ оныхъ, а чрезъ таковое знаніе торгующій предохранитъ себя отъ убытка и тому послѣдующихъ опасностей; такъ и о прочихъ подобно тому разумѣть должно».

Такъ, Бецкимъ были выдвинуты и хорошо оцѣнены объ категоріи обычныхъ возраженій противъ ранней и узкой спеціализаціи образованія: такая спеціализація, согласно его убѣжденію, во-первыхъ, ограничиваетъ распро-

страненіе въ странѣ общаго просвѣщенія, которое само по себѣ имѣетъ для блага народа не меньшее значеніе, нежели успѣхи техническаго прогресса, во-вторыхъ, вредитъ плодотворности и самихъ спеціальныхъ занятій.

Наконецъ, нельзя не замѣтить, что, работая надъ поднятіемъ въ русскомъ обществѣ истиннаго просвѣщенія и духа гуманности и подготовляя возникновеніе «новой людской породы», Бецкой считалъ необходимымъ вызвать въ своихъ современникахъ подъемъ самостоятельнаго почина и сознательной самодѣятельности. Онъ какъ нельзя лучше понималъ, что живое дѣло просвѣщенія и филантропіи не должно быть забиваемо въ мертвящія рамки бюрократическаго формализма, что это дѣло должно быть учреждаемо, по его собственному выраженію, «на вѣрности, а не на приказныхъ обрядахъ», не при помощи *чиновниковъ*, а при содѣйствіи вѣрныхъ и трудолюбивыхъ людей. Устраивая свои образцовыя заведенія, Бецкой разсчитывалъ на то, что общество заинтересуется этими образцами и проявитъ самостоятельную готовность къ дальнѣйшему развитію начатаго имъ дѣла. Въ генеральномъ планѣ прямо былъ сдѣланъ въ этомъ смыслѣ призывъ къ обществу. Эти надежды не были лишены основаній. Въ книгѣ г. Майкова приводится, напримѣръ, любопытный списокъ частныхъ воспитательныхъ домовъ, возникавшихъ въ 70-хъ и 80-хъ гг. XVIII стол. въ различныхъ городахъ Россіи. Въ числѣ городовъ, въ этомъ далеко не полномъ, а лишь примѣрномъ спискѣ,—фигурируютъ: Новгородъ, Олонецъ, Енисейскъ, Осташковъ, Юрьевъ-Повольскій, Тихвинъ, Каргополь, Бѣлозерскъ, Вологда и т. д., а въ числѣ основателей филантропическихъ и образовательныхъ учрежденій—люди разнообразныхъ положеній: купцы, священники, судебные засѣдатели и даже крестьяне. Конечно, мы отнюдь не хотимъ сказать, что все это были филантропы и педагоги по образу и подобію Бецкого. Мы хотимъ только отмѣтить, что въ обществѣ дѣйствительно зашевелилось нѣкоторое движеніе въ указанномъ Бецкимъ направленіи. И если это движеніе не получило дальнѣйшаго развитія, то не въ инертности общества приходится искать объясненія его остановки. 31 октября 1808 г. состоялось Высочайшее запрещеніе устраивать въ губерніяхъ новые воспитательные дома (запрещеніе, отмѣненное только въ 1898 году), а что касается всякаго рода другихъ филантропическихъ и образовательныхъ учрежденій, то въ этомъ отношеніи частная иниціатива скоро была отстранена приказами общественнаго призрѣнія, которые дѣйствовали въ чисто-бюрократическомъ направленіи, замораживая живое дѣло холодомъ канцелярской рутины.

Самъ Бецкой всего менѣе былъ повиненъ въ склонности бюрократизировать дѣятельность созданныхъ имъ учрежденій. Въ составленныхъ имъ уставахъ, въ письмахъ и запискахъ, гдѣ онъ развивалъ свои основные взгляды на задачи этихъ учрежденій, на каждомъ шагу встрѣчаешь заботливое стремленіе поставить сущность дѣла выше его формы и вызвать въ непосредственныхъ исполнителяхъ своихъ плановъ внутренній неподдѣльный интересъ къ поручаемой имъ отвѣтственной работѣ. Теперь, изъ до-

кументовъ, изученныхъ г. Майковымъ, мы знаемъ, что и въ этомъ случаѣ Бецкой строго слѣдовалъ въ собственной практикѣ тѣмъ началамъ, которыя онъ такъ убѣдительно и краснорѣчиво развивалъ въ своихъ писаніяхъ. Среди обвиненій, брошенныхъ по адресу Бецкого его недоброжелателями, встрѣчаемъ, между прочимъ, указаніе кн. Щербатова въ его обличительномъ памфлетѣ «О поврежденіи нравовъ» на то, что Бецкой являлся въ руководимыхъ имъ заведеніяхъ «деспотомъ» и старался только о томъ, чтобы лестью и угодничествомъ отвлечь вниманіе Екатерины отъ своихъ своевольныхъ поступковъ. Документальныя данныя безслѣдно разрушаютъ это неосновательное обвиненіе. Слѣдя по архивнымъ документамъ за служебною дѣятельностью Бецкого, поражаешься тѣмъ, съ какой послѣдовательностью и корректностью поддерживалъ онъ повсюду коллегіальное начало въ управленіи ввѣренными ему учрежденіями, какъ охотно онъ ограничивалъ себя самого, встрѣчая несогласія съ своими предложеніями, хотя бы для него и была до очевидности ясна его собственная правота. Принудительнымъ проведеніемъ собственныхъ воззрѣній онъ боялся придавить живой духъ самодѣятельности въ управляемыхъ имъ заведеніяхъ, и ради обереганія этого духа онъ готовъ былъ мириться съ невыполненностью нѣкоторыхъ своихъ предположеній. Пріемы управленія, которыхъ слѣдовалъ Бецкой, могли служить высокимъ образцомъ для бюрократическихъ учрежденій того времени, проникнутыхъ атмосферой крѣпостническаго произвола и своеволія *).

До сихъ поръ мы умышленно говорили о такихъ сторонахъ дѣятельности Бецкого, которыя имѣли лишь болѣе или менѣе косвенное отношеніе къ главному дѣлу его жизни—къ пропагандѣ новой педагогической теоріи, почерпнутой имъ изъ сочиненій передовыхъ западныхъ авторитетовъ. И мы могли убѣдиться, что, ставъ въ главѣ цѣлой системы разнообразныхъ учрежденій, имъ самимъ созданныхъ, Бецкой невольно раскидывалъ благотворное вліяніе своей дѣятельности на многія области русской жизни, подымая рядъ свѣжихъ вопросовъ, даже и не имѣвшихъ исключительно школьнаго характера и, что особенно важно, подымая ихъ не книжнымъ отвлеченнымъ образомъ, а въ связи съ живымъ практическимъ дѣломъ, которое было у всѣхъ на виду.

Разносторонности этого вліянія удивляться не приходится. Бецкой былъ по своей ближайшей спеціальности школьнымъ реформаторомъ. Но дѣло школы онъ понималъ широко и основательно, а при сколько-нибудь широкой постановкѣ вопросы школы всегда неминуемо переплетутся съ самыми насущными вопросами жизни.

Мы лично склонны даже придавать большее значеніе этимъ, если можно такъ выразиться, эпизодическимъ элементамъ въ дѣятельности Бецкого,

*) Мы не приводимъ здѣсь фактовъ, на которыхъ основано высказанное въ текстѣ сужденіе объ административной дѣятельности Бецкого. Интересующихся отсылаемъ къ соотвѣтствующимъ страницамъ книги г. Майкова, стр. 146, 155, 162, 165, 179, 186, 190—195, 321—326, 331, 335, 409.

чѣмъ его спеціально педагогической теоріи. Нѣтъ спору, конечно, его педагогическое ученіе вносило яркій лучъ свѣта въ темное царство самодѣльной русской педагогіи того времени. Но вѣдь не мало было въ этой теоріи и ошибочныхъ увлеченій, которыми Бецкой заплатилъ щедрую дань философскимъ предразсудкамъ своего вѣка. И расплачиваться за эти увлеченія пришлось послѣдующимъ поколѣніямъ, испытавшимъ на себѣ практическія неудобства того, что рисовалось въ такихъ плѣнительныхъ очертаніяхъ съ высоты философскихъ аксіомъ XVIII столѣтія. Система закрытыхъ учебныхъ заведеній, наглухо отрѣзанныхъ отъ окружающей жизни—при всѣхъ своихъ частныхъ положительныхъ свойствахъ, особенно для того времени, когда она только что возникала, въ общемъ врядъ ли можетъ быть причислена къ отраднымъ пріобрѣтеніямъ русской общественности.

Педагогическія воззрѣнія Бецкого не разъ уже изглагались въ различныхъ книгахъ и статьяхъ и, можно думать, что они достаточно извѣстны читающей публикѣ.

Вотъ почему мы воздержимся отъ ихъ подробнаго анализа и ограничимся немногими замѣчаніями, поскольку это необходимо для законченности общей характеристики личности и дѣятельности Бецкого. Руководящими авторитетами въ теоретическихъ вопросахъ педагогіи были для Бецкого, какъ извѣстно, Монтень, Локкъ, Руссо. Бецкой не былъ первымъ и единственнымъ пропагандистомъ педагогическихъ идей этихъ мыслителей въ русскомъ обществѣ. Еще въ 1759 г. вышелъ въ свѣтъ русскій переводъ трактата Локка «О воспитаніи», сдѣланный профессоромъ московскаго университета Поповскимъ, въ 1768 г. Шаденъ перевелъ на русскій языкъ «Orbis visibilis» Амоса Коменскаго. Въ планѣ воспитанія вел. князя Павла Петровича Никита Ивановичъ Панинъ высказывалъ мысли, замѣчательно сходныя съ идеями Локка и Монтеня. Очевидно, свѣжая струя новыхъ педагогическихъ воззрѣній уже нашла доступъ въ русскій педагогическій міръ, и Бецкой не долженъ былъ чувствовать себя совершенно одинокимъ, развивая воспринятые имъ взгляды и говоря съ соотечественниками на языкѣ своихъ иноземныхъ авторитетовъ. Личная заслуга Бецкого заключалась въ подысканіи такого рода практической организаціи, при помощи которой можно было бы осуществить требованія педагогической теоріи при тогдашнихъ условіяхъ русской жизни. Сущность этой теоріи сводилась къ стремленію возможно болѣе согласовать порядокъ и направленіе воспитанія съ естественнымъ строемъ душевной жизни ребенка. Ея содержаніе можно свести къ нѣсколькимъ основнымъ положеніямъ, въ которыхъ замѣчательно здоровыя и свѣтлыя мысли переплетаются съ односторонними увлеченіями. Воспитаніе должно окружать ребенка атмосферою радости и веселья—вотъ краеугольное требованіе разбираемой теоріи. Всякое нормальное отправленіе какъ физической, такъ и духовной жизни, не противорѣчащее природѣ, но вытекающее изъ ея естественныхъ требованій, совершается безболѣзненно и соединяется съ чувствомъ удовольствія; слѣдовательно, воспитательные пріемы, погружающіе душу ребенка въ безотчетное уныніе, страхъ

и печаль, непремѣнно заключаютъ въ себѣ какое-нибудь уродливое насиліе надъ человѣческой природой. *Дѣти должны чувствовать себя счастливыми.* Безъ этого нѣтъ истиннаго воспитанія.

«Дабы произвести подданныхъ, отечеству полезныхъ,—говоритъ Бецкой,—надобно необходимо воспитателямъ и всѣмъ приставникамъ хранить въ сердцахъ питомцевъ своихъ *веселость, вольныя дѣйствія души* и *пріятное учтивство*... отвергнуть надлежитъ печаль и уныніе... быть всегда веселу, пѣть и смѣяться есть прямой способъ къ произведенію людей здоровыхъ, добраго сердца и остраго разума». И въ другомъ мѣстѣ: «мысли юношества надлежитъ приводить всегда въ ободреніе, а напротивъ того, искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостью и прискорбіемъ называться можетъ».

Не казармой или инквизиціоннымъ трибуналомъ должна выглядѣть школа, а привѣтливымъ очагомъ радости и ласки. Заманчивая, плѣнительная перспектива! Какъ можно достигнуть ея? Прежде всего, нормальнымъ *физическимъ* воспитаніемъ. Здоровый духъ развивается только въ здоровомъ тѣлѣ. Руководствуясь наставленіями Локка и доктора Сантеса, Бецкой составилъ особыя «Физическія примѣчанія о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества». Не излагая этихъ «примѣчаній», достаточно указать, что всѣ онѣ сводились къ двумъ основнымъ требованіямъ: 1) нужно предоставить организму всѣ условія для свободнаго и ничѣмъ не стѣсняемаго роста и 2) «не дѣлая натурѣ принужденія», нужно пріучить организмъ къ стойкому перенесенію всякаго рода лишеній и болѣзнетворныхъ вліяній. Но все это лишь необходимая предварительная ступень. Физическое развитіе должно сопровождаться моральнымъ, иначе это будетъ только «питаніе», но не воспитаніе. Основнымъ правиломъ моральнаго воспитанія Бецкой считаетъ то же самое требованіе—не насиловать естественныхъ наклонностей человѣческой природы. Было бы противно здравому разсудку ожидать, чтобы «яблоня приносила ананасы»; точно также, говоритъ Бецкой, неразумно и вредно искусственно исторгать изъ души ребенка несродныя ей настроенія. Невозможно веселиться по приказанію, невозможно чувствовать вопреки собственной склонности. Задача педагога—угадывать и открывать природныя способности дѣтей и облегчать ихъ свободное развитіе. Пріемы воспитанія должны индивидуализироваться примѣнительно къ каждому отдѣльному ребенку. Воспитатель долженъ помогать природѣ, не насилуя ея процессовъ своими преждевременными требованіями. Только въ согласіи съ природой воспитаніе можетъ добиться благодѣтельныхъ результатовъ.

Въ связи съ этими руководящими принципами Бецкой желалъ бы удалить всякіе принудительные элементы и изъ процесса обученія. «Возможность учительскаго искусства,—говоритъ онъ,—состоитъ въ томъ, чтобы въ ученіи питомцы полагали забаву». Эта свѣтлая мысль не лишена была однако нѣкоторой односторонности. Она была важна, какъ благодѣтельный протестъ противъ педагогическаго изувѣрства, превращающаго ученье въ

несносную страду и ожидающаго учебныхъ успѣховъ не отъ возбужденія любознательности, а отъ пассивнаго повиновенія учениковъ, внутренно проклинающихъ налагаемое на нихъ неудобоносимое бремя мертвой схоластической науки. Но, съ другой стороны, превращеніе ученья въ забаву представляло противоположную крайность. Работа живой любознательности вполнѣ совмѣстима съ серьезными трудовыми усиліями, лишь бы эти усилія свободно истекали изъ внутренней потребности заинтересованной въ работѣ души. Трудъ и забава должны ясно разграничиваться въ представленіи ребенка, котораго слѣдуетъ пріучать находить одинаковое наслажденіе не только въ забавѣ, но и въ трудѣ. Указанная односторонность въ воззрѣніяхъ Бецкаго не была случайнымъ увлеченіемъ. Если до нѣкоторой степени она являлась простой реакціей противъ обычныхъ злоупотребленій школьной рутины, превращавшей ученье въ мучительство, то, съ другой стороны, въ основѣ этой односторонности лежала общая идея, которая составляла одинъ изъ основныхъ догматовъ воспринятой Бецкимъ педагогической теоріи. То была идея о приматѣ чувства надъ разумомъ, о предпочтительной важности культуры сердца надъ культурою ума. Пусть ученье будетъ только милой забавой, а не упорнымъ серьезнымъ трудомъ: вѣдь увеличеніе знаній и изощреніе мыслительной способности и само по себѣ вовсе не такъ цѣнно для усовершенствованія человѣчества, какъ воспитаніе сердца. «Качество разума не занимаетъ первой степени въ достоинствахъ человѣческихъ; она украшаетъ оныя, а не составляетъ». Успѣхи разума могутъ быть даже вредны при отсутствіи добродѣтели. Итакъ, на первомъ планѣ должно стоять воспитаніе, а не обученіе, наставленіе въ добродѣтели, а не расширеніе умственнаго кругозора. Таковы были убѣжденія Бецкого, цѣликомъ воспринятыя имъ изъ передовой философской и педагогической литературы того времени. Эта реакція противъ «разума» во имя «чувства», противъ науки во имя добродѣтели, овладѣвшая на нѣкоторое время передовою мыслью западной Европы, имѣла весьма сложное происхожденіе, лежавшее далеко за предѣлами спеціально педагогическихъ и школьныхъ проблемъ. И Бецкой воспринялъ въ готовомъ видѣ примѣненіе этой реакціи къ теоріи воспитанія, разумѣется, не отдавая себѣ отчета въ истинныхъ условіяхъ ея возникновенія въ умственной жизни европейскаго Запада. Онъ простодушно довѣрился послѣднимъ словамъ иноземной мудрости, не пытаясь подвергнуть ихъ самостоятельному анализу. Можетъ быть, такой анализъ уже тогда подсказалъ бы ему, что нельзя механически разсѣкать человѣческую душу на обо с ленныя свойства и противопоставлять другъ другу умъ и чувство, какъ д ѣ независимыя духовныя силы; нельзя разсчитывать на тонкую работу ч вства, если спитъ мысль. Какъ бы то ни было, увлеченіе модной теоріей е е не приводило Бецкого въ данномъ случаѣ къ особенно нежелатель- н имъ практическимъ выводамъ и предпочтеніе добродѣтели разуму не по- м шало ему составить такія ученыя программы, которыя его противники с тали нужнымъ не добавлять, а сокращать, не помѣшало ему ратовать

и за введеніе точныхъ наукъ въ кругъ преподаванія: вспомнимъ, напримѣръ, его отношеніе къ преподаванію анатоміи.

Остается отвѣтить еще на одинъ вопросъ: какими способами надѣялся Бецкой примѣнять на практикѣ свою педагогическую теорію. Здѣсь мы подходимъ къ такому пункту воззрѣній Бецкого, въ которомъ нѣкоторые изслѣдователи считаютъ его наиболѣе оригинальнымъ и который въ то же время представлялъ наиболѣе уязвимое мѣсто всей его системы. Я разумѣю мечту Бецкого о созданіи новой породы людей, воспитанныхъ по всѣмъ правиламъ здравой педагогіи, путемъ искусственнаго разобщенія воспитываемаго юношества съ окружающимъ ихъ испорченнымъ и нравственно-разлагающимся міромъ при помощи системы закрытыхъ интернатовъ.—Въ литературѣ было указываемо, что эта идея принадлежала лично самому Бецкому, тогда какъ въ его иноземныхъ источникахъ говорилось только о частномъ, а не объ общественномъ воспитаніи. Руссо признавалъ, правда, что при условіи охраненія ребенка отъ всякихъ дурныхъ впечатлѣній, и совершенной изоляціи его отъ окружающей среды, изъ ребенка могъ бы выйти совершеннѣйшій l'homme de la nature, чуждый всякой нравственной порчи.—Но и Руссо признавалъ такую мечту вполнѣ неосуществимой, замѣчая, что для выполненія этой задачи пришлось бы искать мѣста на лунѣ или на необитаемомъ островѣ. Бецкой оказался отважнѣе самого Руссо и рѣшилъ замѣнить луну и необитаемый островъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ и сухопутнымъ шляхетскимъ корпусомъ. Результаты этого эксперимента извѣстны. Въ *отдѣльныхъ случаяхъ* созданныя Бецкимъ воспитательныя теплицы выращивали чудные цвѣтки, прикрывая ихъ до времени отъ бушевавшаго кругомъ нравственнаго одичанія. И до насъ дошли нѣкоторыя воспоминанія питомцевъ и питомицъ названныхъ заведеній временъ Бецкого объ ихъ дѣтствѣ, полныя искренняго благодарнаго чувства къ этому человѣку.—Но какъ общая реформа русскаго воспитанія, какъ попытка создать новую *породу* людей въ стѣнахъ закрытыхъ интернатовъ, система Бецкого не могла не оказаться несостоятельнымъ недоразумѣніемъ.—Явныя логическія несообразности лежали въ основаніи этой системы. Во-первыхъ, интернатъ вовсе не изолировалъ безусловно воспитанниковъ отъ окружающей дѣйствительности, хотя и отрѣзывалъ для нихъ пути къ свободному и нормальному общенію съ внѣшнимъ міромъ. Дѣтей отрывали отъ родителей, но къ нимъ приставляли воспитателей, надзирателей и прислугу,—все людей, взятыхъ изъ той же порочной и осужденной на нравственную гибель дѣйствительности. Далѣе, предполагалось, что воспитанники закрытыхъ заведеній, закаливъ свою душу за время затворничества въ правилахъ возвышенной добродѣтели, выйдутъ затѣмъ въ жизнь на борьбу со зломъ и порокомъ и принесутъ съ собой туда сѣмена нравственнаго обновленія общества.—При этомъ упускалось изъ виду, что для борьбы за добродѣтель нужно научить не только добродѣтели, но и борьбѣ. Между тѣмъ, замкнутое воспитаніе исключало идею борьбы съ тѣмъ зломъ, самое существованіе котораго тщательно должно было скры-

ваться отъ воспитываемаго подъ крылышкомъ интерната юношества.—И мудрено ли, что при этихъ условіяхъ нравственные задатки, вынесенные изъ воспитанія, далеко не всегда обнаруживали настоящую жизнеспособность, быстро глохли подобно тому, какъ тухнетъ свѣча, вынесенная навстрѣчу бурному вѣтру? Наконецъ, что могла значить выпускаемая изъ интернатовъ горсточка добродѣтельныхъ людей лицомъ къ лицу со всей общественной массой, разъ эта масса огуломъ была признана самимъ реформаторомъ исполненной нравственной порчи? Таковы возраженія, которыя всегда можно было бы предъявить системѣ Бецкого даже и въ томъ случаѣ, если бы созданныя имъ заведенія сами по себѣ выполняли съ полной безупречностью предписанную имъ программу дѣятельности.

Къ чести прозорливости Бецкого слѣдуетъ упомянуть, что онъ и самъ не былъ чуждъ сознанія слабыхъ сторонъ своей системы. Въ его сочиненіяхъ прорываются иногда признанія, убійственныя для самыхъ основныхъ положеній его теоріи.—Въ «разсужденіяхъ объ установленіи кадетскаго корпуса» вдругъ встрѣчаемъ фразу, которая въ сущности зачеркиваетъ всѣ планы и мечты Бецкого: «почти невозможно,—говоритъ онъ,—чтобы воспитаніе нѣкотораго числа людей превозмогло надъ общимъ примѣромъ». Какъ выходилъ Бецкой изъ такихъ самопротиворѣчій? Повидимому, ему трудно было изъ нихъ выпутываться. Онъ пытался иногда какъ бы оправдываться передъ самимъ собой въ возможномъ неуспѣхѣ своихъ начинаній. Эти оправданія съ головой выдаютъ Бецкого: сомнѣніе точило его душу.

Положимъ,—говорилъ онъ,—что питомецъ школы, получа отъ воспитанія все, что должно, потомъ, выйдя въ свѣтъ, уклонится отъ истиннаго пути, «но вѣдь сіе уже не можетъ относиться къ воспитанію».—Представимъ себѣ,—поясняетъ Бецкой въ другомъ мѣстѣ, что садовнику поручатъ для ухода молодое деревцо. Искусствомъ и заботами садовникъ взраститъ деревцо и вернетъ его собственнику покрытымъ цвѣтами и обѣщающимъ въ будущемъ плоды. Но послѣ, уже у собственника, деревцо завянетъ. Садовникъ ли будетъ виноватъ въ этомъ? Въ подобныхъ разсужденіяхъ Бецкого не трудно разглядѣть большую тревогу насчетъ дальнѣйшей судьбы его учрежденій.

Въ словахъ его какъ бы проглядываетъ мысль: дай Богъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ школьной жизни питомцы оправдали своимъ поведеніемъ приложенныя къ нимъ заботы, и то будетъ прекрасно; что станется съ ними дальше, за порогомъ школы, за это уже нельзя поручиться.—Бецкой какъ бы забывалъ при такихъ самоутѣшеніяхъ, что воспитательная работа ведется именно ради всей послѣдующей жизни воспитанника, онъ забывалъ, что его цѣлью было обновить людскую породу и посредствомъ школы перевернуть весь складъ общественной жизни. Уступка, которую онъ готовъ былъ сдѣлать въ минуту тяжелыхъ сомнѣній, равнялась для него настоящему идейному самоубійству.

Коренная ошибка его системы заключалась въ томъ, что, мечтая о преображеніи міра путемъ воспитанія, онъ заранѣе поставилъ крестъ надъ

всѣми наличными поколѣніями, и признавъ все общество за омертвѣвшую пустыню, сосредоточилъ свою любовную заботливость на устроенныхъ имъ отдѣльныхъ оазисахъ. Онъ упустилъ изъ виду, что оазисы, какъ бы ни были они сами по себѣ роскошны, не способны оплодотворить окрестную пустыню и, наоборотъ, сами ежечасно рискуютъ быть засыпанными ея песками.

Мы старались въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ равномѣрно освѣтить какъ безспорныя заслуги, такъ и ошибочныя увлеченія Бецкого. И мы думаемъ, что какъ тѣ, такъ и другія имѣютъ одинаковую важность въ исторіи нашего общественнаго развитія и въ частности въ исторіи русской школы. Поучительны стремленія Бецкого разбить оковы формализма, тяготѣвшія надъ школой, оживотворить школьное дѣло духомъ гуманной любви и свѣтлаго довѣрія къ неиспорченной природѣ ребенка. Поучительны его стремленія возбудить общественную самодѣятельность и иниціативу въ области просвѣтительныхъ начинаній. Но столь же поучительна и неудача, постигшая предпринятую имъ попытку реформировать школу, изолируя ее отъ окружающей жизни. Реформа школы, внушенная самыми благими и великодушными намѣреніями, не можетъ удаться внѣ связи съ параллельной реформой всего государственнаго быта, таково, думается намъ, основное нравоученіе, вытекающее изъ опыта понесенной Бецкимъ неудачи.

Нельзя отгородить школу отъ жизни китайской стѣной и надѣяться достигнуть благополучія школы независимо отъ общаго улучшенія внутренняго положенія. Школьная политика есть только часть общей внутренней политики и, пока эта истина не войдетъ въ общее сознаніе, въ результатѣ всѣхъ опытовъ школьныхъ преобразованій и улучшеній всегда получится нѣчто среднее между воздушнымъ замкомъ и карточнымъ домикомъ.

Ошибочныя увлеченія Бецкого не умаляютъ нашего уваженія къ его исторической памяти: вѣдь эти увлеченія были подсказаны лучшими стремленіями его вѣка. Онъ ошибался въ хорошей компаніи: вмѣстѣ съ Монтенемъ, Локкомъ, Руссо. Теперь, когда философскіе постулаты, служившіе отдаленнымъ основаніемъ для этихъ ошибокъ, потеряли для насъ прежнее значеніе, повтореніе и въ наше время такихъ же ошибокъ свидѣтельствовало бы лишь объ одномъ: о нашей близорукости и недостаточной вдумчивости въ смыслъ общественныхъ явленій.

А. А. Кизеветтеръ.

А. И. Герценъ, его хлопоты о заграничномъ паспортѣ и послѣдняя поѣздка въ Петербургъ.

Тяжело жить человѣку, опередившему свой вѣкъ. Окружающіе не поспѣваютъ его высоты и подозрительно смотрятъ на каждый шагъ. Жизнь такого великаго человѣка почти всегда есть сплошная дорога терній, непрестанныхъ страданій. То новое и высокое, чѣмъ онъ воодушевленъ и что спѣшитъ водворить въ жизнь, вызываетъ въ его отставшихъ современникахъ одни гоненія. За всякій шагъ, который безнаказанно дается потомственности, великій человѣкъ долженъ платиться и платится дорогою цѣною.

Рѣдко его жизнь оканчивается побѣдой. Всего чаще великій человѣкъ умираетъ непризнаннымъ, измученнымъ борьбою. Проходятъ года, а иногда цѣлое столѣтіе, прежде чѣмъ разсѣется туманъ невѣжества, окутывавшій его время, прежде чѣмъ засвѣтитъ лучезарное солнце правды и знанія, и люди догонятъ, наконецъ, своимъ развитіемъ опередившаго свое столѣтіе человѣка, поймутъ, оцѣнятъ его личность, его труды и признаютъ его великимъ.

Плеяда великихъ людей на землѣ вообще не велика. Однако въ нашей русской маленькой группѣ звѣздъ первой величины есть настоящія всемірныя свѣтила, которыя пока въ силу разныхъ несовершенныхъ условій нашей жизни не всѣмъ кажутся великими. Но туманъ разсѣивается, понемногу начинаетъ выглядывать яркое солнце, отъ котораго таетъ туманная завѣса, до сихъ поръ скрывавшая отъ толпы величіе и силу, хотя бы, напримѣръ, нашего Герцена. Теперь скоро настанетъ то время, когда поймутъ, какъ оригиналенъ, благороденъ, великъ нравственно и умственно былъ этотъ писатель, поймутъ силу и высоту его твореній.

«У тебя страшно много ума,—говорилъ Бѣлинскій Герцену,—такъ много, что я и не знаю, зачѣмъ его столько одному человѣку»... [1]).

«...Языкъ его, до безумія неправильный,—писалъ Тургеневъ П. В. Анненкову,—приводитъ меня въ восторгъ: живое тѣло»... «Такъ писать могъ онъ одинъ изъ русскихъ»... [2]).

---

[1]) Изъ письма Бѣлинскаго къ Герцену отъ 6 апрѣля 1846 г. (*Полярная звѣзда* на 8 г.)

[2]) *Русское Обозрѣніе*, 1894 г., апрѣль: Письмо Тургенева къ Анненкову 30 (18) ноября 1870 г.

I.

Есть люди, которыхъ сфера—неподвижность; другіе, наоборотъ, представляютъ изъ себя воплощенное движеніе. Къ категоріи первыхъ принадлежалъ Н. П. Огаревъ, къ категоріи вторыхъ—А. И. Герценъ.

Послѣдній всю жизнь представлялъ непрерывное движеніе, какъ въ смыслѣ духовнаго прогресса, такъ и въ смыслѣ физическаго передвиженія съ мѣста на мѣсто. Въ послѣднемъ случаѣ страсть къ передвиженію доходила у Герцена до того, что онъ вплоть до конца своей жизни не имѣлъ постояннаго пристанища, постоянной квартиры,—онъ вѣчно находился въ поискахъ такого мѣстечка, гдѣ бы онъ могъ наконецъ успокоиться. Но такого угла не находилось. Въ 1867 году Герценъ писалъ Тургеневу: «Нѣтъ ли какого-нибудь четвероугольника, на которомъ можно бы было жить спокойно. Если есть, сообщи». А за два года до смерти онъ жаловался на то же Огареву: «А хотѣл(ось) бы и мнѣ гдѣ-нибудь пріютиться, но ничего не предвижу... Ты проповѣдовалъ неподвижность—вотъ и ходить не можешь [1]); я, напротивъ, движеніе—и въ 56 лѣтъ не имѣю столько осѣдлости, какъ панъ Сверценевичъ или Жижоль [2]). Не знаю, какъ выработаться изъ этого положенія. Не посовѣтоваться ли съ Гризингеромъ—это по его части»... [3]).

Обстоятельства жизни съ самой юности складывались такъ, что помогали Герцену развивать подвижность его и безъ того подвижной натуры. Вѣкъ, который онъ опередилъ своимъ развитіемъ, находилъ его дѣла и даже самые помыслы вредными, заслуживающими кары; и съ тѣхъ поръ, какъ ему минуло 22 года, враждебныя силы начали перебрасывать его то на одну, то на другую изъ отдаленныхъ окраинъ: то въ Пермь, то въ Вятку, во Владиміръ, въ Москву, Петербургъ, Новгородъ, затѣмъ опять въ Москву...

Любовь къ передвиженію, къ новизнѣ, знакомство съ нравами и условіями провинціальной жизни окраинъ смягчали горечь перваго вынужденнаго отъѣзда изъ Москвы. Герценъ прекрасно воспользовался годами первой ссылки: въ Вяткѣ онъ непосредственно познакомился съ жизнью, нравами, дѣятельностью провинціи и взяточничествомъ ея чиновниковъ; онъ видѣлъ взяточничество воочію, видѣлъ, какъ чиновники притѣсняли и искажали жизнь бѣдняковъ, жертвовали истиной, гнули невинныхъ и давали торжество виновнымъ.

Въ силу своей подвижной натуры, онъ и въ ссылкѣ не сидѣлъ на одномъ мѣстѣ: черезъ годъ по пріѣздѣ въ Вятку онъ ѣдетъ на Великую рѣку любоваться на національный праздникъ [4]), а черезъ полтора—получа-

---

[1]) Огаревъ лежалъ въ Женевѣ съ сломанной ногой.

[2]) „Панъ Сверценевичъ, по словамъ Н. А. Огаревой, былъ одно время офиціозное лицо отъ Ржонда въ Лондонѣ, а Жижоль—заурядный полякъ-эмигрантъ".

[3]) Письмо отъ 30 іюня 1868 г. (*Русск. Стар.*, декабрь 1886 г., стр. 660).

[4]) „Переписка Герцена съ невѣстой". Письмо Герцена къ невѣстѣ 1836 года 24 мая изъ Вятки. (*Русская Мысль*).

етъ позволеніе, ради описанія Вятской губерніи, изъѣздить ее по всѣмъ направленіямъ, и дѣлаетъ двѣ тысячи верстъ, непосредственно знакомясь съ провинціальной и деревенской жизнью окрайны.

Герценъ выросъ умственно отъ годовъ первой ссылки и разбогатѣлъ опытомъ.

Освободившись отъ владимірскаго сидѣнья, откуда онъ не разъ совершалъ тайныя поѣздки въ Москву и подмосковныя деревни отца, сперва съ женой, потомъ одинъ,—онъ, послѣ шестилѣтняго отсутствія попадаетъ въ родную семью, въ Москву, и въ тотъ же годъ переселяется на жительство въ Петербургъ. Но лишь только онъ успѣлъ водвориться въ столицѣ, успѣлъ устроить семейное гнѣздо, какъ тѣ же враждебныя силы, которыя еще въ юности перебрасывали его изъ города въ городъ,—та же подозрительность—начинаютъ усматривать въ самыхъ простыхъ и невинныхъ словахъ Герцена государственное преступленіе и снова предпринимаютъ на него свои гоненія. Кто же въ зиму 1840 г., живя въ Петербургѣ, не писалъ и не разсказывалъ друзьямъ и знакомымъ того анекдота о будочникѣ у Синяго моста, анекдота, который ходилъ по всему городу? Разсказалъ его и Герценъ въ письмѣ къ отцу. Всѣмъ другимъ этотъ пустой фактъ сошелъ бы безнаказанно, а Герцену за то, что онъ Герценъ,—фактъ былъ вмѣненъ въ антиправительственный проступокъ, за который ему снова начали грозить... Вяткой. Но на этотъ разъ, къ счастію, угрозу свели на ссылку въ Новгородъ, назначивъ его совѣтникомъ губернскаго правленія.

Это мы теперь, стоя на разстояніи больше полустолѣтія отъ времени второй ссылки Герцена, говоримъ «къ счастію», для Герцена же этотъ вынужденный и неожиданный переѣздъ изъ Петербурга въ захолустный Новгородъ, гдѣ не было ни души близкой и гдѣ царилъ только одинъ убійственный провинціальный застой, съ его невѣжествомъ—далеко не могъ представляться счастіемъ, тѣмъ болѣе, что Герцену жаль было покидать Петербургъ, гдѣ, говоритъ онъ, «я тогда только что началъ сближаться съ петербургскими литераторами, печатать статьи».

Жизнь въ захолустномъ Новгородѣ была теперь менѣе ко времени, чѣмъ нѣкогда ссылка въ Вятку. Теперь ничѣмъ не заслуженный переѣздъ въ провинціальное захолустье могъ только раздражать, не представляя никакого интереса. Жизнь въ Новгородѣ не могла манить той новизной, какую имѣла для 22-лѣтняго юноши жизнь въ Вяткѣ. Да, теперь Герценъ былъ уже не юноша, а семейный человѣкъ, испытанный жизненнымъ опытомъ, вынесшій почти годъ тюрьмы и пятилѣтнюю ссылку,—вынесшій вкусъ долгой борьбы за невѣсту, которую вырвалъ, подвергаясь всевозможному риску, изъ враждующаго стана родственниковъ.

Даже женитьба и та не досталась ему легко и просто, какъ достается большинству людей, каждый важный шагъ его жизни бился съ бою, съ большой затратой силъ. Будь онъ такая же посредственность, какъ нѣкій полковникъ Снаксаревъ, который сватался за Наталью Александровну,—

за него бы обѣими руками отдала кн. Хаванская свою племянницу, да еще и приданое бы дала,—а онъ былъ не Снаксаревъ, а Герценъ.

Ему еще не было 30 лѣтъ, когда его снова отправили въ ссылку; но на самомъ дѣлѣ онъ былъ гораздо старше своихъ лѣтъ какъ по вынесенному опыту, такъ и по знакомству съ жизнью, а главное—по своему высокому уму и таланту.

Послѣдніе требовали обнаруженія. А какое возможно было обнаруженіе въ Новгородѣ для такого человѣка, котораго и въ столицѣ каждый шагъ казался опаснымъ? Онъ не разъ говоритъ въ своемъ «Дневникѣ», къ писанію котораго приступилъ въ Новгородѣ, что онъ гибнетъ, вянетъ, что онъ чувствуетъ въ себѣ такъ много «возможностей», которыя требуютъ обнаруженія.

«...Я чувствую психическую необходимость ѣхать въ большой городъ; надобны люди, я вяну, во мнѣ бродитъ какая-то неупотребленная масса возможностей, которая, не находя истока, поднимаетъ со дна души всякую дрянь, мелочи, нечистыя страсти»...

Тихій уголокъ, полный гармоніи и счастія семейной жизни, не наполняетъ его.

И Герценъ рвется изъ Новгорода, хотя бы опять въ Петербургъ или въ Москву. Но, вѣдь, онъ ссыльный, и, какъ ссыльный, онъ прикованъ къ Новгороду, а какъ совѣтникъ губернскаго правленія—онъ чиновникъ, находящійся на службѣ. И вотъ, какъ чиновникъ, онъ выхлопатываетъ себѣ у министра внутреннихъ дѣлъ, графа Строганова, мѣсячный отпускъ, и въ августѣ 1841 года удовлетворяетъ своей страсти къ передвиженію: со всей семьей ѣдетъ на мѣсяцъ въ Москву. А, вернувшись, пишетъ Дубельту, хлопочетъ о возможности покинуть Новгородъ. За него хлопочетъ въ Петербургѣ также и Огаревъ. Но все напрасно, и только письмо, написанное рукою Н. А. Герценъ объ ея болѣзни, къ государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, съ просьбой получить позволеніе уѣхать изъ Новгорода, переданное въ руки императрицы гр. Соллогубомъ, производитъ надлежащее дѣйствіе: Герцену позволяютъ сопровождать въ Москву больную жену, причемъ надъ нимъ остается висѣть, какъ Дамокловъ мечъ, прежній строгій надзоръ.

13 іюля 1842 г. совершается его вторичное возвращеніе изъ ссылки въ Москву. Съ этихъ поръ вплоть до января 1847 года—до выѣзда за границу—онъ живетъ все время въ Москвѣ, выѣзжая только на лѣто или въ подмосковное имѣніе отца—Покровское, или на дачу въ Соколово...

При его подвижной натурѣ это былъ слишкомъ большой промежутокъ сидѣнья въ одномъ городѣ. Поѣздки, передвиженія время отъ времени дѣлались для него такой же необходимостью, какъ притокъ свѣжаго воздуха въ душную комнату. Нигдѣ такъ сильно и рѣшительно не говоритъ Герценъ объ этой потребности, присущей его натурѣ, какъ въ отрывкѣ «Швейцарскіе виды».

«Долго живши на одномъ мѣстѣ и въ одной колеѣ, я чувствую что

на нѣкоторое время довольно, что надобно освѣжиться другими горизонтами и физіономіями... и съ тѣмъ вмѣстѣ взойти въ себя, какъ бы это ни казалось страннымъ. Поверхностная разсѣянность дороги не мѣшаетъ.

«Есть люди, предпочитающіе отъѣзжать *внутренно,* кто при помощи сильной фантазіи и *отвлекаемости* отъ окружающаго—на это надобно особое помазаніе, близкое къ геніальности и безумію—кто при помощи опіума или алкоголя. Русскіе, напримѣръ, пьютъ запоемъ недѣлю-другую, потомъ возвращаются ко дворамъ и дѣламъ. Я предпочитаю передвиженіе всего тѣла передвиженію мозга и круженіе по свѣту круженію головы».

Просидѣть на одномъ мѣстѣ четыре года ему было чрезвычайно трудно. Никогда онъ не выражалъ такой настойчивости въ полученіи заграничнаго паспорта, какъ именно въ эти годы.

II.

Поѣздка Герцена за границу въ 1847 г. не была дѣломъ минутнаго желанія, слѣдствіемъ разлада съ ближайшими изъ московскаго кружка или слѣдствіемъ болѣзни жены, какъ это значилось офиціально: о заграничной поѣздкѣ Герценъ думалъ давно, давно она была его горячимъ желаніемъ, понемногу превращавшимся въ органическую потребность какъ его подвижной натуры, такъ и въ потребность его ума и талантовъ. Ему давно душно было въ Россіи, гдѣ онъ на цѣлую голову былъ выше своего времени. Болѣзнь жены и главное разладъ съ близкими изъ московскимъ друзей послужилъ только *однимъ изъ послѣднихъ толчковъ*, но никакъ не онъ вызвалъ и рѣшилъ поѣздку за границу,—она была задумана много раньше.

Мысль о заграничной поѣздкѣ, мысль о поѣздкѣ въ Италію рано начала посѣщать его, повидимому, даже раньше «тюрьмы и ссылки». У отца на такія просьбы сына всегда былъ одинъ отвѣтъ: «Ты прежде закрой мнѣ глаза, потомъ дорога открыта на всѣ четыре стороны».

Но мечтать о заграничной поѣздкѣ, конечно, можно было и послѣ родительскаго отказа. Мы знаемъ изъ «Переписки Герцена съ невѣстой», какъ онъ часто въ тяжелыя минуты утѣшалъ ее и себя во время вятской ссылки перспективой заграничнаго путешествія. И всегда, начиная съ 1836 года, въ такихъ случаяхъ цѣлью путешествія была Италія. Только разъ въ 1837 году онъ замѣнилъ Италію востокомъ. Но это была минутная фантазія, зародившаяся вслѣдствіе чтенія какого-то большого сочиненія о востокѣ. Стоило отложить книгу въ сторону, поставить на полку, какъ мечты опять влекли въ Италію.

Въ Вяткѣ мечты объ Италіи послѣ отъѣзда наслѣдника и его наставника Жуковскаго разгораются еще сильнѣе. А переѣхавъ во Владиміръ, прежде чѣмъ осуществить эту мечту, онъ задумалъ сперва украсть невѣсту и жениться.

Тогда онъ обратился за позволеніемъ о женитьбѣ къ отцу, отецъ по-

совѣтовалъ «оставить пустыя мысли, порожденныя праздностью и скукой», а для того, чтобы лучше отвлечь его отъ нихъ, отецъ манитъ сына перспективой заграничной поѣздки,—вѣдь, онъ знаетъ его вкусы.

Но сынъ не поддался даже и на такую приманку: и, несмотря на всѣ препятствія, какія ему строила жизнь и родные,—увезъ невѣсту тайкомъ и тайкомъ женился.

Заживши съ молодой женой во Владимірѣ такою жизнью, которая не оставляла ничего больше желать, которую онъ самъ называлъ «предѣломъ счастія», онъ все же, какъ только хоть немного начиналъ расчищаться горизонтъ свободы, снова задумывался о заграничномъ путешествіи. Во Владимірѣ онъ имѣлъ въ домѣ иллюстрированное изданіе *Italie Pittoresque*, просматриваніемъ которой занималась его жена въ короткія отлучки мужа изъ Владиміра въ Москву. Это изданіе съ картинками какъ бы еще больше манило и разжигало желаніе мужа и жены и въ то же время подготовляло къ давно желанному путешествію, знакомило съ древними памятниками скульптуры и архитектуры, съ художественными произведеніями итальянскаго искусства.

Страсть къ передвиженію, какъ мы видѣли, не замирала у Герцена даже въ этотъ несравненный періодъ личнаго счастія. А стоило въ іюлѣ 1839 года придти во Владиміръ приказу о снятіи надзора, какъ Герценъ черезъ недѣлю уже начинаетъ планировать поѣздку въ Петербургъ ради освѣженія; но 28-дневный отпускъ со службы онъ получаетъ только въ началѣ декабря, и потому только 5 числа этого мѣсяца выѣзжаетъ черезъ Москву въ Петербургъ. Герценъ пускается въ этотъ далекій путь съ тайной надеждой выхлопотать позволеніе на поѣздку за границу.

11 декабря онъ выѣзжаетъ изъ Москвы съ надеждой на осуществленіе давно желанной мечты. Отецъ же посылалъ его въ Петербургъ въ видахъ его служебной карьеры, а также хотѣлъ удалить сына и отъ московскихъ друзей.

Но какъ послѣднее ни было непріятно Герцену, онъ примиряется и съ этой необходимостью, соглашается служить въ Петербургѣ, лишь бы только удалось *сперва* получить заграничный паспортъ, лишь бы ему съ женой удалось попутешествовать... «это будетъ эпилогъ поэтической жизни»,—пишетъ онъ изъ Петербурга женѣ [1]).

Но на этотъ разъ мечта не осуществилась: онъ получилъ отказъ на свою *первую* просьбу о заграничномъ паспортѣ. Дѣлать нечего, пришлось утѣшаться и утѣшать жену мыслью о Невѣ, о морѣ.

Переселившись въ сѣверную столицу, Герценъ на время перестаетъ соблазнять себя мечтою объ Италіи, по крайней мѣрѣ теперь онъ долго не заговариваетъ о *заграничномъ* путешествіи. Возможно, что, кромѣ полученнаго отказа, новизна жизни въ Петербургѣ, новыя знакомства уводили мысли въ другую сторону, а главнымъ образомъ—собственныя литератур-

---

[1]) „Связка писемъ А. И. Герцена", *Сѣверн. Вѣстникъ*, 1895 г., кн. VII.

ныя занятія, которыя теперь поглощали мысль. Въ это время Герценъ сдѣлался сотрудникомъ *Отечественныхъ Записокъ*: напечаталъ тамъ два отрывка подъ названіемъ «Записки молодого человѣка» и предисловіе къ «Разсказамъ о временахъ меровинговъ». А тамъ скоро опять налетѣлъ на него и тотъ новый строжайшій надзоръ, новая ссылка, о которой упоминалось раньше... и мысль о путешествіи какъ бы замерла сама собой.

Мы встрѣчаемъ ее снова воскресшей, и воскресшей съ чрезвычайной силою, только послѣ переѣзда изъ новгородской ссылки въ Москву, когда Герценъ поселяется здѣсь на постоянное жительство.

Теперь поѣздка уже не рисуется «поэтическимъ эпилогомъ», какъ было во время владимірской жизни: заграничное путешествіе для него теперь двойная необходимость—какъ радикальное средство для возстановленія здоровья жены, такъ и собственная потребность—подышать чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, «взойти въ себя и освѣжиться новыми горизонтами», увидать иныя страны, иныхъ людей.

Герценъ прекрасно знаетъ, что ему, какъ поднадзорному, конечно, не разрѣшатъ выѣзда за границу, потому онъ проситъ похлопотать о заграничномъ паспортѣ бывшаго своего начальника по службѣ, министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Строганова,—о паспортѣ для поѣздки на 6 мѣсяцевъ на воды въ Германію. Гр. Строгановъ, который относился къ Герцену благосклонно, обѣщалъ черезъ шефа жандармовъ, гр. Бенкендорфа, представить объ этомъ государю, Николаю Павловичу, докладную записку. Это было въ февралѣ 1843 года.

Колеблясь между надеждой и отказомъ, Герценъ 23 февраля вписываетъ въ своемъ «Дневникѣ»:

«А любимая мечта, послѣднее желаніе личное—путешествіе».

19 марта пишетъ тамъ же:

«Теперь одна цѣль, одно желаніе—поправить здоровье Natalie и ѣхать, ѣхать на югъ, въ степь, если нельзя въ Италію»...

Мысль о поѣздкѣ въ настоящее время настолько обостряется видомъ больной жены, что въ слѣдующій мѣсяцъ онъ вписываетъ въ «Дневникъ»: «Хотѣлъ бы уѣхать къ морю, чтобы остаться вдвоемъ съ Наташей».

Такъ писалъ онъ 10 апрѣля, а черезъ 5 дней онъ уже высказываетъ надежду на поѣздку за границу, потому что, какъ онъ говоритъ, гр. Строгановъ вторично писалъ къ гр. Бенкендорфу, чтобы онъ доложилъ объ этой просьбѣ государю. На этотъ разъ Герценъ былъ увѣренъ, что разрѣшеніе получится и онъ уѣдетъ.

«..Въ іюлѣ, можетъ быть, проведу мѣсяцъ съ Огаревымъ на Lago Maggiore; я поюнѣю, это одно изъ послѣднихъ требованій, чисто личныхъ». При этомъ онъ надѣется, что Италія поможетъ женѣ и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи.

Отвѣта или вообще какого-нибудь увѣдомленія отъ гр. Строганова насчетъ просьбы Герцена не послѣдовало, и Герценъ подумалъ, что графу не удалось доложить государю.

Но на самомъ дѣлѣ было иначе. Докладная записка по этому поводу была представлена имп. Николаю черезъ гр. Бенкендорфа. Государь на полѣхъ записки собственноручно начерталъ: «рано». Герценъ же объ этомъ узналъ гораздо позже.

Во всякомъ случаѣ, такъ ли, иначе ли, но и эту вторичную попытку получить заграничный паспортъ постигла неудача. Однако и эта вторичная неудача не въ силахъ была заглушить давнишнюю мечту,—мечту, которая съ каждымъ годомъ только крѣпла и становилась упорнѣй. Это былъ своего рода духовный голодъ, который, подобно физическому, до тѣхъ поръ не замираетъ, пока его не удовлетворятъ. Въ слѣдующемъ году онъ говоритъ о ней въ своемъ «Дневникѣ», какъ о недосягаемой, но все же желанной, не покинутой мечтѣ. Только теперь его манитъ за границу не столько путешествіе само по себѣ, сколько желаніе уединиться, уйти отъ толпы.

«О, если бы гдѣ-нибудь въ тепломъ краю года два пожить, пожить дѣятельно и мыслью, и сердцемъ, но безъ толпы. Мнѣ даже люди *обыкновенныхъ* (курсивъ мой) начинаютъ быть противны». Препровожденіе времени въ спорахъ, въ столкновеніяхъ съ славянофилами — все это до крайности надоѣло—и уже закончилось: славянофилы и западники рѣшили больше не встрѣчаться. А жизнь между тѣмъ утекала: Герцену уже 32 года.

Не стѣсняясь возрастомъ, онъ усиленно продолжаетъ учиться, желая уйти въ науку отъ пустоты окружающаго: опять идетъ учиться въ московскій университетъ, опять садится среди юнцовъ на студенческую скамью. Онъ слушаетъ лекціи по анатоміи, читаетъ химію, зоологію, много пишетъ статей, печатая ихъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, дѣлаетъ опыты надъ собаками и т. д. Есть у него надежда участвовать въ новомъ московскомъ журналѣ, объ открытіи котораго хлопоталъ въ то время Грановскій. Журналъ долженъ былъ оживить вялую московскую жизнь, долженъ былъ поднять ея діапазонъ и въ то же время открыть желанное поле дѣятельности. Весь московскій кружокъ возлагалъ на имѣющій открыться журналъ большія надежды. Но разрѣшенія на журналъ не дали. Слѣдовательно, послѣдняя надежда на оживленіе московской жизни, на возможность имѣть дѣятельность по сердцу—рухнула.

Теперь Герцену жизнь въ Москвѣ такъ кажется пуста, несносна, что въ декабрѣ этого года (1844) онъ записываетъ въ «Дневникѣ».

«Иной разъ, кажется, бѣжалъ бы, спасая себя и дѣтей».

Его не льститъ и не утѣшаетъ ни та слава, ни та популярность, которой пользуются его статьи въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Извѣстно, что студенты, лицеисты и даже семинаристы съ нетерпѣніемъ ожидали выхода каждой книжки этого журнала и гурьбами ходили въ кондитерскія, чтобы читать статьи Бѣлинскаго и Герцена. Мысль о заграничной поѣздкѣ одна свѣтитъ ему спасительной звѣздой и даетъ силы жить и не опускать рукъ. Она — единственный выходъ изъ тяжелаго положенія, гдѣ чуть не каждый его шагъ, каждое его слово являлись государственнымъ преступ

ніемъ. Теперь надзоръ, правда, не тяготитъ такъ, какъ бывало прежде, но жить все равно страшно тяжело и черезчуръ «одиноко». Герценъ попрежнему остается настойчивъ и упоренъ въ хлопотахъ о полученіи заграничнаго паспорта. Но теперь его начинаетъ манить не Италія, какъ прежде, а Парижъ.

Когда въ петербургскихъ административныхъ сферахъ произошла счастливая для Герцена перемѣна, когда на мѣсто шефа-жандармовъ графа Бенкендорфа сѣлъ тотъ самый графъ Орловъ, который приходился близкимъ родственникомъ вліятельной въ Петербургѣ Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовой, очень симпатизировавшей и сочувствовавшей Герцену, А. И. въ январѣ 1845 года написалъ Ольгѣ Александровнѣ письмо, въ которомъ просилъ, чтобы она выхлопотала ему черезъ графа Орлова заграничный паспортъ, или же, если этого нельзя, высочайшее позволеніе пріѣхать въ Петербургъ, чтобы самому хлопотать о паспортѣ.

Исполнить первую часть просьбы оказалось невозможно. О. А. Жеребцова отвѣчала, что «второе устроить легче».

Тогда Герценъ 27 января 1845 года [1]) отправляетъ письмо къ графу Орлову, который теперь былъ шефъ жандармовъ, съ просьбой разрѣшить ему пріѣхать въ Петербургъ для устройства своихъ дѣлъ.

«Это проба,—записываетъ онъ въ «Дневникѣ»,—какъ они смотрятъ на меня; если пустятъ, можно будетъ проситься въ чужіе края» [2]).

Отвѣтъ получился черезъ нѣсколько дней: графъ Орловъ прислалъ «высочайшее разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ на короткое время для устройства дѣлъ». И Герценъ думалъ весной, въ апрѣлѣ, ѣхать въ Петербургъ, о чемъ тогда же увѣдомилъ Бѣлинскаго. Но вдругъ перемѣнилъ планъ: положилъ полученное дозволеніе въ карманъ и не сталъ спѣшить съ поѣздкой.

Позволеніе пролежало въ карманѣ больше полутора года. Но эта медлительность вовсе не говоритъ за то, что въ Москвѣ его «горизонты расширились», что онъ нашелъ сферу для приложенія своихъ талантовъ и что жена его совершенно выздоровѣла. Ничего этого не бывало, въ Москвѣ все оставалось по-старому, на прежнемъ мѣстѣ, съ той же скукою, пустотой, и мысль о заграничной поѣздкѣ являлась для Герцена попрежнему единственнымъ выходомъ. Доказательствомъ тому, что онъ не забывалъ о ней, служитъ тотъ же «Дневникъ», въ которомъ онъ пишетъ въ октябрѣ того же года по поводу долгаго пребыванія Огарева въ чужихъ краяхъ:

«Я нетокмо не противъ заграничной жизни, но допускаю въ извѣстныхъ

---

[1]) Въ VII т. „Сочиненій Герцена“, въ I т. „Былого и Думъ“, Герценъ запамятовалъ и ошибочно написалъ въ XXXIII главѣ: *„За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины моего отца* гр. Орловъ былъ назначенъ на мѣсто Бенкендорфа, я написалъ тогда О. А. (Жеребцовой)“... Отецъ Герцена, какъ извѣстно, умеръ въ маѣ 1846 г., а не 1845 г.

[2]) „Пробу“ же Герценъ произвелъ, какъ видно изъ „Дневника“, въ генварѣ *1845* г., а не 1846 г. „Дневникъ“ даетъ возможность исправить неточность хронологіи.

случаяхъ экспропріацію, но не для того, чтобы жить тамъ праздному и проживать все свое состояніе пошло, такое употребленіе богатства въ наше время преступно» [1]).

Если мысли Герцена насчетъ заграничной поѣздки не измѣнились и, если имѣя въ карманѣ дозволеніе ѣхать хлопотать въ Петербургъ о паспортѣ, онъ не ѣдетъ, то невольно на память приходитъ, какъ объясненіе его медлительности, И. А. Яковлевъ, его отецъ.

«Вѣдь уже съ 1845 г.,—какъ говоритъ самъ А. И.,—силы отца постоянно уменьшались, онъ явнымъ образомъ гаснулъ». Мыслимо ли было при такихъ условіяхъ бросить отца и ѣхать за границу? Хоть отецъ былъ и тяжелаго характера человѣкъ, но все же онъ сильно любилъ сына Александра. Въ этомъ именно и надо искать ключа къ разгадкѣ несвойственной характеру Герцена медлительности. Да и самъ онъ говоритъ въ «Былое и Думы», что его послѣдней поѣздкѣ въ Петербургъ помѣшалъ сперва пріѣздъ друзей изъ-за границы, т.-е. Огарева и Сатина, которые вернулись въ Москву въ мартѣ 1846 г., затѣмъ болѣзнь и кончина отца. Но Герценъ дѣлаетъ это объясненіе относительно медлительности въ 1846 г., а, вѣдь, онъ медлилъ поѣздкой въ Петербургъ не только 1846 годъ, но и весь 1845 годъ. Отецъ болѣлъ, слабѣлъ и дѣлался раздражителенъ еще съ начала 1845 г., поэтому немыслимо было даже заводить разговора съ раздраженнымъ старикомъ о заграничномъ путешествіи. Да и денегъ на поѣздку требовалось въ тѣ времена не мало, а ихъ при жизни отца у Герцена не было. Смерть же отца разомъ сдѣлала Герцена богатымъ человѣкомъ: онъ получилъ послѣ И. А. Яковлева большую сумму денегъ, домъ въ Москвѣ и костромское имѣніе, Нерѣхтскаго уѣзда. Средствъ для поѣздки теперь было вволю, оставалось только устроить всѣ дѣла и ѣхать въ Петербургъ хлопотать о паспортѣ. А тутъ подошло лѣто, потому устроивши всѣ дѣла по наслѣдству, Герценъ со всей семьей переѣхалъ на дачу въ Соколово. А куда переѣзжалъ Герценъ, туда ѣхали за нимъ и друзья: туда переѣхалъ и Грановскій, нанявши небольшой флигель, и Огаревъ, помѣстившійся въ антресоляхъ «надъ управляющимъ флотскимъ маіоромъ безъ уха», и другіе. Здѣсь, въ тиши соколовской жизни, у друзей начались споры о разныхъ, давно назрѣвшихъ теоретическихъ вопросахъ, которые, какъ извѣстно, окончились полнѣйшимъ разладомъ Герцена съ близкими друзьями.

На его сторонѣ изъ всего сонма московскихъ друзей оказался только одинъ Огаревъ, съ которымъ Герценъ не видался давно. «Мы разными путями прошли тѣ же пространства и очутились вмѣстѣ. Къ намъ присоединилась Natalie».

Послѣ такъ ярко обнаружившагося разлада еще сильнѣе захотѣлось уѣхать, уѣхать скорѣй за границу. И перваго октября [2]) 1846 г. Герценъ пускается

---

[1]) „Дневникъ", стр. 275.

[2]) Въ I т. „Былое и Думы" Герценъ невѣрно говоритъ: „*Въ концѣ ноября* 1846 г. я отправился въ Петербургъ". Лежащая передо мной пачка собственноручныхъ писемъ Герцена и его жены за эту третью поѣздку Герцена въ Петербургъ позво. ляетъ

въ третье путешествіе въ Петербургъ съ «высочайшимъ разрѣшеніемъ» въ карманѣ, онъ ѣдетъ, чтобы въ третій разъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ.

III.

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ нынѣшнее желѣзнодорожное сообщеніе между Москвою и Петербургомъ замѣняли неудобные казенные почтовые экипажи и такіе же общественные дилижансы частныхъ предпринимателей. Казенные почтовые экипажи отходили и приходили ежедневно; ихъ сопровождали особые кондуктора, смотрителя [1]). Частныхъ дилижансовыхъ заведеній въ 1840-хъ годахъ насчитывалось въ Россіи одиннадцать. Ихъ дилижансы отходили отъ обѣихъ столицъ въ извѣстные дни и часы, и такъ же, какъ и казенные почтовые экипажи, они возили путешественниковъ по почтовымъ шоссированнымъ дорогамъ, которыя въ то время были такъ плохи, что больше походили на проселочныя.

Для всѣхъ проѣзжающихъ на почтовыхъ лошадяхъ еще съ XVIII столѣтія существовали по дорогамъ почтовые дома съ гостиницами. Съ начала XIX ст. почтовые дома дѣлились на три разряда. Дома перваго разряда съ гостиницами строились на главныхъ трактахъ, дома же 2-го и 3-го разряда строились тамъ, гдѣ разъѣзды были не такъ значительны. При им. Николаѣ I особенно умножилось число почтовыхъ домовъ всѣхъ трехъ разрядовъ и былъ еще прибавленъ 4-й разрядъ для трактовъ, пролегавшихъ по степнымъ мѣстностямъ, и особенно было обращено въ это время вниманіе на открытіе при почтовыхъ домахъ гостиницъ, содержателямъ которыхъ предоставлялись разныя льготы. По стѣнамъ гостиницъ обыкновенно висѣли разныя картинки и «объявленія о цѣнахъ кушаній, которыхъ нѣтъ, и правила какъ вести себя пріѣзжимъ» [2]). Но ни гостиницы, ни самые почтовые дома съ ихъ незавидной обстановкой не представляли путешественнику не только особыхъ, но даже и самыхъ необходимыхъ удобствъ, потому путешественнику приходилось непремѣнно брать съ собой въ дорогу слугу.

поправить эту маленькую хронологическую неточность. Герценъ выѣхалъ не въ концѣ ноября, а *1 октября*. Эта пачка писемъ вручена мнѣ многоуважаемымъ А. А. Герценомъ. Только двухъ большихъ писемъ А. И. Герцена недостаетъ въ моей коллекціи: эти два письма были напечатаны въ *Русской Мысли* за 1902 г. кн. XI, подъ общимъ заглавіемъ: „Русскіе писатели въ ихъ перепискѣ". Оба названныя письма напечатаны тамъ довольно точно, если не считать перемѣны нѣкоторыхъ знаковъ препинанія, двухъ пропусковъ передъ концомъ перваго письма: 1) „Сашѣ завтра отправлю собаку (далѣе пропущено) *по почтѣ*; и 2) въ самомъ концѣ этого же письма, послѣ слова прощай, пропущено: „*А. Гер. — Ельветѣ Ѳедоровнѣ кланяюсь*". Но нельзя не счесть серьезной опиской то, что вторая дочь Герцена названа тамъ *Липой*, тогда какъ ее звали Лизой; въ указанной же коллекціи писемъ Герценъ ее называетъ постоянно—*Ликой*.

[1]) „Министерство внутреннихъ дѣлъ 1802—1902 гг., 2-е прибавленіе", стр. 36.

[2]) „Станція Едрово" Искандера (*Московской Городской полиціи Листокъ*, 1847 г., №

Кромѣ неудобствъ сообщенія на лошадяхъ, въ тѣ времена существовали и другія затрудненія, мѣшавшія быстротѣ и свободѣ передвиженія изъ столицы въ столицу и вообще изъ города въ городъ. Такимъ препятствіемъ или, вѣрнѣе, осложненіемъ являлось полученіе изъ полиціи билета на выѣздъ, свидѣтельства, которое прозывалось подорожной. Безъ подорожной нельзя было пускаться въ путь, ни получить мѣста въ общественномъ экипажѣ. Съ подорожныхъ обыкновенно взимался сборъ въ 1 копѣйку ас. съ версты каждой лошади. Въ царствованіе имп. Николая I этотъ сборъ былъ увеличенъ: онъ былъ повышенъ до $^1/_2$ к. сер.

Такія затрудненія шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ встрѣчалъ человѣкъ при передвиженіи внутри Россіи! Каковы же должны были быть затрудненія для отъѣзжающаго русскаго за границу? И трудность полученія заграничнаго паспорта, и дороговизна его, и еще большая дороговизна самой дороги на лошадяхъ на такомъ огромномъ пространствѣ не только въ предѣлахъ Россіи, но и за границей и, наконецъ, страшныя неудобства этого самаго путешествія на перекладныхъ.

Рѣшивъ ѣхать въ Петербургъ въ третій разъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ, Герценъ посылаетъ въ полицію за свидѣтельствомъ на выѣздъ изъ Москвы. Но ему, какъ Герцену, конечно, трудно разсчитывать получить билетъ безпрепятственно,—ему, какъ уже было сказано, суждено все брать съ бою, а тѣмъ болѣе билетъ на выѣздъ изъ Москвы, гдѣ онъ находился подъ надзоромъ. И, какъ и слѣдовало ожидать, ему по первой просьбѣ билета не выдаютъ, вмѣсто билета къ нему въ домъ является квартальный надзиратель доложить, что къ нему пожалуетъ самъ частный приставъ. Послѣдній не заставляетъ себя ждать. Очутившись tête-à-tête съ А. И., частный приставъ таинственно сообщаетъ ему, что еще пять лѣтъ тому назадъ ему, Герцену, запрещенъ въѣздъ въ Петербургъ, а потому безъ высочайшаго повелѣнія онъ выѣзднаго билета ему не подпишетъ.

Но А. И. такъ уже привыкъ къ тому, что каждый его шагъ обставляется препятствіями, что слова частнаго пристава не удивили его, для него они не были сюрпризомъ, отвѣтъ на нихъ у него уже былъ готовъ. Герценъ преспокойно вынулъ изъ кармана бумагу съ «высочайшимъ» разрѣшеніемъ, полученную черезъ графа Орлова. Бумага озадачила и поразила пристава. Онъ вѣжливо попросилъ позволеніе показать ее оберъ-полицеймейстеру. А затѣмъ часа черезъ два вмѣстѣ съ этой бумагой Герцену принесли изъ полиціи и билетъ на выѣздъ изъ Москвы.

Теперь всѣ формальности были исполнены, оставалось только сѣсть въ экипажъ и ѣхать.

1 октября, во вторникъ, отходилъ изъ Москвы въ Петербургъ обыкновенный дилижансъ Серапинскаго заведенія. Здѣсь и взялъ Герценъ себѣ два мѣста. Вслѣдствіе неудобствъ, о которыхъ упоминалось выше, какія представляла дорога съ ея обстановками въ гостиницахъ, Герценъ ѣхалъ въ Петербургъ не одинъ, его сопровождалъ слуга Лаврентій, вмѣстѣ съ которымъ онъ и выѣхалъ. Дорога въ Петербургъ шла черезъ Торжокъ,

Новгородъ, первая станція изъ Москвы по Тверскому шоссе была «Черныя Грязи».

Такъ какъ главная цѣль поѣздки Герцена въ этотъ разъ были хлопоты о заграничномъ паспортѣ, то онъ еще до отъѣзда изъ Москвы забросилъ прошеніе въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, кн. Щербатова, о выдачѣ ему заграничнаго паспорта и при прошеніи приложилъ свой единственный аттестатъ или, вѣрнѣе, отставку отъ службы, а самъ выѣхалъ только съ билетомъ, выданнымъ изъ полиціи. Герценъ прекрасно зналъ, что кн. Щербатовъ ему, какъ находящемуся подъ строжайшимъ надзоромъ, выдать заграничнаго паспорта ни въ какомъ случаѣ не можетъ, а можетъ только, получивъ отъ него прошеніе, сдѣлать запросъ о немъ въ Петербургъ. Именно на это-то Герценъ и разсчитывалъ, ему этого и надо было, ради зондированія петербургской почвы.

Ѣздить по скучнымъ и безконечно длиннымъ русскимъ дорогамъ, лишеннымъ всякихъ удобствъ и красотъ, не привыкать было Герцену: онъ съ 22 лѣтъ былъ знакомъ и съ проселочными русскими дорогами, и со столбовыми, которыя въ то время больше походили на проселочныя.

Ѣхать до Петербурга пришлось цѣлыхъ трое сутокъ. На второй же день, когда экипажъ остановился на станціи Торжокъ, Герценъ тутъ же, въ конторѣ, принялся за письмо къ женѣ; но не успѣлъ докончить и пробовалъ карандашомъ дописывать дорогою въ экипажѣ. Послѣднее, конечно, оказалось невозможнымъ, и онъ дописалъ письмо, уже пріѣхавши въ Новгородъ. Такимъ образомъ первое письмо съ дороги, написанное въ нѣсколько пріемовъ, онъ отослалъ въ Москву только изъ Новгорода. Да и всѣ слѣдующія его письма за эту поѣздку писались въ нѣсколько пріемовъ и въ продолженіи нѣсколькихъ дней, почему онъ и самъ называетъ ихъ «журналами». Эти «журналы», рисующіе Герцена и его жену, какими они были передъ отъѣздомъ за границу, очень важны для будущаго историка русской литературы.

Письма этого времени къ женѣ, за эту послѣднюю поѣздку въ Петербургъ, хотя сильно отличаются отъ его писемъ къ невѣстѣ, хоть Герценъ, какъ и его жена съ тѣхъ поръ много выросли, радикально измѣнили свой взглядъ на міръ, на жизнь, на ея цѣли, какъ бы совсѣмъ отдѣлались отъ мистицизма, которымъ и женихъ, и невѣста были проникнуты въ вятскій періодъ, перешли къ реалистическому воззрѣнію, но все же остатки, обрывки старыхъ вѣрованій временами еще очень выглядывали и сквозили изъ-подъ новой одежды. При всемъ своемъ реализмѣ и отсутствіи вѣры въ мистицизмъ, у Герцена еще не исчезла или, вѣрнѣе, не вполнѣ исчезла вѣра, напр. въ предчувствія. Въ Торжкѣ онъ кончаетъ письмо словами: «Цалуй васъ всѣхъ, особенно Сашу потому...»

Недоконченную фразу въ конторѣ онъ дописываетъ въ дилижансѣ: «потому что *мнѣ его было что то очень жаль въ конторѣ...*» (курсивъ мой [1]).

[1]) Рукописное письмо отъ 2 октября 1846 г.

Это подтверждаетъ справедливость той мысли, что вѣрованія и убѣжденія, которыми жилъ человѣкъ долгое время, срастаются съ нимъ, глубоко входятъ въ его плоть и кровь, и незамѣтно для него самого, когда ему кажется, что онъ ужъ давно отъ нихъ отдѣлался, еще долго безсознательно живутъ въ немъ, сквозятъ въ его жизни, словахъ, усвоенныхъ въ тотъ далекій періодъ.

Если такую силу имѣютъ убѣжденія, долго жившія съ нами, то не меньшую силу, не меньшее вліяніе должны имѣть и лица, близко сожительствовавшія другъ съ другомъ, наприм., мужъ и жена. Недаромъ поэтому нѣкоторые говорятъ, что совмѣстная длинная жизнь мужа и жены дѣлаетъ ихъ похожими другъ на друга, не только въ воззрѣніяхъ и рѣчахъ, но дѣлаетъ будто бы похожими даже въ чертахъ лица, индивидуальность болѣе слабаго блѣднѣетъ, и сильный невольно окрашиваетъ слабаго; а если оба сильны, какъ было въ семьѣ Герценовъ, то оба окрашиваютъ другъ друга и въ такомъ случаѣ трудно бываетъ разобрать, что кому принадлежало первоначально.

Н. А. Герценъ понимала это прекрасно еще до отъѣзда за границу. В одномъ изъ своихъ писемъ за эту поѣздку мужа она говоритъ:

«А знаешь ли, какъ при всемъ совершеннолѣтіи мы еще дѣти, я говорю мы, потому, что я никакъ себѣ не могу представить, что бъ со мной исключительно могла сдѣлатся перемѣна или что нибудь резкое (?) *безъ того, чтобы и съ тобой того же не было*» (курсивъ мой) [1]).

Дѣйствительно, перечитывая первыя письма мужа и жены за эту третью петербургскую поѣздку, поражаешься сходствомъ ихъ мыслей, словно они заранѣе сговорились одновременно писать объ одномъ и томъ же.

Разставшись 1 октября, мужъ и жена принимаются за письма другъ къ другу въ одинъ и тотъ же день — 2 октября; но, что поразительно, и тотъ, и другой пишутъ въ первыхъ письмахъ объ одномъ и томъ же. И тотъ, и другой признаютъ, что ихъ романтизмъ прошелъ, и его мѣсто заступило совершеннолѣтіе.

«Да, Александръ, — пишетъ жена въ первомъ письмѣ, — совершеннолѣтіе настало, я это ярко чувствую, романтизмъ съ неопредѣленною тоскою, со взоромъ устремленнымъ въ туманную даль, съ стремленіемъ туда, туда... съ ноющею, страждущею любовью ко всему—отлетѣлъ и ни всегда. Я вижу сколько послѣдніе годы внесли здраваго смысла въ жизнь и вижу, что здравый смыслъ не изсушаетъ души нисколько—это вздоръ» [2]).

А вотъ что пишетъ Алекс. Ив. отъ того же числа:

«Здравствуйте, madame Herzen! вотъ я и далеко и некого побранить зачѣмъ рано вставать, и дѣти не кричатъ... и очень хочется писать к тебѣ, но уже нѣтъ тѣхъ громковѣщательныхъ фразъ которыхъ было много

---

1) Рукописное письмо отъ 9 октября 1846 г.

2) Рукописное письмо отъ 2 октября 1846 г.

въ томъ письмѣ [1]) 1837 года (т.-е. когда онъ написалъ ей изъ Вятки въ первый разъ о любви)» [2]).

Получивши письмо мужа почти съ тѣми же мыслями, какими за это время была полна ея душа, она снова возвращается въ отвѣтномъ письмѣ, а также и въ слѣдующихъ къ той же мысли—о наступившемъ для нихъ обоихъ совершеннолѣтіи, о томъ, что они больше не романтики.

«Наконецъ то получила отъ тебя письмо! Да, совершеннолѣтіе, а не усталь, не резигнація, я чувствую это на каждомъ шагу» [3])...

Признавая, что прошлое настроеніе ушло безвозвратно, Н. А. не отворачивается отъ него, какъ отъ непріятной ошибки, напротивъ, въ этомъ же письмѣ она говоритъ:

«Хорошо было и то время,—безпрерывнаго трепета сердца, безпрерывнаго порыванья куда то, желанія чего то—тогда какъ едва достаетъ силы сладить и съ тѣмъ что есть, хорошо пристать и къ пристани, съ перваго взгляда это можетъ показаться равнодушіемъ...»

Герценъ же только еще разъ, въ первомъ письмѣ изъ Петербурга, говоритъ подробно о происходящей въ нихъ обоихъ до сихъ поръ перемѣнѣ, намекая при этомъ на разладъ съ друзьями: «Мы часто говорили съ тобою о томъ какъ съ каждымъ потрясающимъ событіемъ все больше и больше разъясняется въ головѣ и все меньше романтизма, да отрицаніе идетъ косой. За однимъ рядомъ пад(а)етъ другой и все еще остается бездна травы». Больше ему некогда возвращаться къ тому, что они были «тогда» и что представляютъ ихъ воззрѣнія теперь. Онъ вернется къ этому въ Лондонѣ, когда вокругъ него будетъ только «могила, одиночество и чужбина», тогда онъ вернется къ воспоминаніямъ прошлаго. Теперь же онъ полонъ новыхъ впечатлѣній, какъ отъ дороги, такъ и отъ Петербурга.

Онъ такъ радъ, такъ веселъ, что добился, наконецъ, права выѣхать изъ Москвы, гдѣ онъ такъ давно засидѣлся, что первое его письмо съ дороги дышитъ весельемъ, полно веселыхъ шутокъ, удачныхъ остротъ. Послѣднія, достигая до кружка московскихъ друзей, подхватывались и пускались въ оборотъ, какъ поговорки.

«Ѣду я,—писалъ онъ въ первомъ письмѣ изъ Торжка, чувствуя въ душѣ ребяческое веселье и радость,—въ первый разъ съ комфортомъ, т.-е. съ кожанымъ мѣшкомъ который мнѣ мѣшаетъ сидѣть и съ томикомъ Вольтера который мнѣ мѣшаетъ спать. Сосѣдъ мой—русскій купецъ, вольноотпущенный крестьянинъ Ольги Ал. Жеребцовой; онъ отъ нея безъ ума, что меня заставляетъ ее еще болѣе уважать. У него фляжка съ виномъ, т.-е. съ водкой, и онъ угощаетъ меня верстъ черезъ пять, спрашивая: «Не прикажите ли *практическаго?*» Совѣтую передать это Огар(еву).—Я очень доволенъ симъ спутникомъ и такъ очаровалъ его во-первыхъ остротами, а во-вторыхъ тѣмъ что я практическое уважаю—что онъ

---

[1]) Далѣе карандашемъ вставленъ годъ.

[2]) Рукописное письмо А. И. Герцена отъ 2 октября 1846 г. изъ Торжка.

[3]) Рукоп. письмо Н. А. Герценъ, должно быть, отъ 10-го октября 1846 г.

за мной ухаживаетъ, бережетъ мои вещи, уговорилъ надѣть его шапку и пр(оч.).. только это допишу въ Новгородѣ.—Теперь отправлюсь обѣдать у Пожарской. Мой сосѣдъ и отъ теоретическаго не прочь т.-е. отъ редерера [1]).

Письмо кончаетъ уже въ Новгородѣ порученіемъ къ Н. М. Сатину выхлопотать ему какой-нибудь видъ на жительство въ Петербургѣ. У Сатина былъ знакомый чиновникъ въ канцеляріи генералъ-губернатора, потому хоть и не скоро, но ему все же удалось выхлопотать видъ и отослать Герцену. Изъ Новгорода, какъ уже было сказано, Герценъ отправляетъ женѣ первое письмо.

Дорога до Петербурга была длинная и «до того скучная, что самъ Лаврентій не надивится»,—писалъ Герценъ.—Онъ развлекалъ себя, кромѣ «практическаго», разговоромъ съ вольноотпущенницей О. А Жеребцовой, а также и томикомъ Вольтера. Съ этимъ писателемъ онъ былъ знакомъ еще съ дѣтства. Теперь, перечитывая, онъ очень доволенъ его талантомъ:

«...чудный талантъ,—пишетъ Герценъ въ первомъ письмѣ изъ Петербурга,—но при этомъ замѣчаетъ: и какъ онъ одностороненъ, какъ ограниченъ даже, его мысль какъ то не охватываетъ предметъ, а скользитъ по немъ, за то ни одной строки нѣтъ которая бы не была пропитана его мыслью все равно—панегирикъ ли это Датскому Королю или комплиментъ М-ше Шатье—вездѣ одно и то же» [2]).

Въ первомъ письмѣ изъ Петербурга Герценъ еще занятъ впечатлѣніями дороги, разсказываетъ о встрѣчѣ на станціи нѣмого мальчика, который напомнилъ ему его собственнаго глухонѣмого сына—Колю.

Пріѣхалъ Герценъ въ Петербургъ только 4 октября въ пятницу. Теперь у него въ сѣверной столицѣ не только много знакомыхъ, но и не мало друзей, въ особенности въ литературномъ мірѣ. Въ этотъ пріѣздъ онъ даже не останавливается въ гостиницѣ, да съ нимъ и паспорта настоящаго нѣтъ, настоящій паспортъ пришелъ изъ Москвы только передъ отъѣздомъ, а безъ паспорта въ гостиницѣ не будутъ держать. Потому онъ проѣзжаетъ прямо изъ конторы общественныхъ экипажей на квартиру къ Ивану Ивановичу и Авдотьѣ Яковлевнѣ Панаевымъ, которые жили во 2-й адмиралтейской части. Это, вѣдь, старые знакомые его и его жены. Герценъ съ ними настолько близокъ, что пріѣхавъ къ нимъ на квартиру прямо со станціи и, не заставъ никого дома, нисколько не постѣснился отсутствіемъ хозяевъ и безъ приглашенія остался у нихъ ночевать, и жилъ все время вплоть до выѣзда изъ Петербурга.

Очутившись одинъ въ квартирѣ Панаевыхъ и, не успѣвъ, какъ слѣдуетъ отдохнуть съ дороги, онъ сейчасъ же садится писать письмо и, конечно, опять ни къ кому другому, а все къ ней...—къ женѣ.

---

[1]) Рукоп. письмо А. И. Герцена отъ 2 октября 1846 г.
[2]) Рукоп. письмо А. И. Герцена отъ 4 октября 1846 г.

IV.

Много воды утекло со времени ихъ свадьбы; много пережито и перенесено за этотъ промежутокъ мужемъ и женой; много рубцовъ наложила жизнь на ихъ взаимныя отношенія, много успѣла. перестрадать за это время бѣдная Наталья Александровна вслѣдствіе бурнаго темперамента своего мужа. Происшедшая тяжелая драма въ ихъ жизни послѣ новгородской ссылки наложила на нѣжную душу Н—и А—ны много рубцовъ, развѣяла въ дымъ и прахъ прежнюю восторженно-религіозную любовь къ мужу и заставила прямѣй взглянуть въ глаза реальной жизни, лишенной всякихъ фантастическихъ иллюзій. Что же послѣ такого страшнаго погрома могло уцѣлѣть въ душѣ 26-лѣтней женщины, жившей до этой катастрофы иллюзіями, поглощенной романтическими бреднями и видѣніями, совсѣмъ незнавшей дѣйствительной жизни?

Внезапно налетѣвшій ураганъ на нѣжную, поэтическую душу молодой женщины сбилъ въ ея глазахъ съ пьедестала ея «ангела», ея превыше всѣхъ стоявшаго Александра и повергъ во прахъ. Это случилось въ Москвѣ по возвращеніи изъ новгородской ссылки.

Чистосердечная исповѣдь, искреннее раскаяніе, безпощадныя самобичеванія мужа, продолжавшіяся не одинъ годъ, и новые роды, хоть и не совсѣмъ, но успокоили, наконецъ, измученную душу разбитой и потрясенной жены.

Какъ послѣ грозной бури, разметавшей и поломавшей спокойно плывшій до тѣхъ поръ корабль, наступаетъ тишина, и на успокоивающуюся поверхность воды начинаютъ всплывать изъ морской глубины разбитыя части корабля, поломанныя снасти, мачты, превращенныя въ щепки, давая слабый намекъ на то, что было когда-то,—такъ жизненная катастрофа, налетѣвшая на Н—ю А—ну, хоть и произвела въ ней страшный погромъ, но не истребила, не вырвала съ корнемъ ея любви. Послѣ утихнувшей бури въ душѣ всплыли остатки прежней высокой привязанности, исчезло изъ нея все фантастическое, неземное; но и тѣ обломки, какіе уцѣлѣли отъ этой любви, были еще большимъ богатствомъ. Теперь на мѣсто прежняго фантастическаго величія Александра душу наполнила любовь, очищенная отъ всѣхъ преувеличеній, любовь къ тому дѣйствительному Александру, который стоялъ возлѣ нея, къ Александру земному, который и въ этомъ положеніи все же долженъ былъ въ ея глазахъ имѣть бездну несравненныхъ преимуществъ передъ другими окружавшими ее людьми.

Г. А. это поняла и ощутила въ себѣ къ этому земному Александру, хотя и не прежнюю, но все же большую любовь.

Вотъ какъ она сама писала ему на третій день отъѣзда Герцена въ Петербургъ.

«Да Александръ, и романтизмъ отлетѣлъ, и не дѣти мы болѣе, и совершеннолѣтіе и видится потому яснѣе и глубже—и чувствуется яснѣй... да; это не натянутая восторженность, не опьянѣвшая жизнью юность, это не время идолопоклонства, все это далеко тамъ, позади; не вижу ни

пьедестала, на которомъ ты стоялъ, ни сіянія около *главы* (курсивъ въ подлинникѣ) твоей, не вѣрю тому, что ты думаешь обо мнѣ глядя на звѣздочку въ ту же минуту какъ я гляжу на нее и думаю о тебѣ [1]), но вижу ясно и чувствую глубоко то, *что я ужасно много люблю тебя, что этой любовью полно все существо мое, что изъ нея состоитъ око, что она жизнь моя...*» (курсивъ мой) [2]).

Вотъ какой любовью была полна ея душа послѣ всѣхъ перенесенныхъ семейныхъ бурь и крушеній!

Любовь мужа тоже измѣнилась, но только перемѣна эта совершилась не подъ вліяніемъ какихъ-нибудь кораблекрушеній въ жизни Н. А. Образъ жены до сихъ поръ оставался высокимъ, его ничто не колебало, онъ не только оставался попрежнему чистъ, но послѣ перенесенныхъ ею страданій онъ сталъ еще чище, еще выше въ его глазахъ и все больше становился недосягаемымъ, подавляющимъ своею высотою. Самъ же рядомъ съ ней онъ, напротивъ, казался себѣ малъ, во много разъ меньше, ниже ея. Онъ любилъ ее теперь даже еще больше прежняго. Кому онъ пишетъ первое письмо съ дороги? Съ кѣмъ прежде всѣхъ хочется ему поговорить по пріѣздѣ въ Петербургъ? все опять съ ней и съ ней!

«...да и безъ романтизма—пишетъ онъ—все же на бѣломъ (т.-е. черномъ) свѣтѣ ничего нѣтъ ближе мнѣ какъ ты и потребность безпрестанно передавать тебѣ все что есть на душѣ превратилась въ привычку, иногда я это дѣлаю все однимъ словомъ... а ты и бранишься что я ничего не говорю» [3]).

Теперь какъ ни велика и ни высока его любовь къ Наташѣ, въ ней уже нѣтъ порывовъ въ заоблачный міръ, въ загробную жизнь. Теперь его любовь очищена отъ всякой примѣси мистическаго элемента,—это любовь высокая, но реальная, любовь реальнаго человѣка, который претерпѣлъ тѣ же превращенія, какія претерпѣло и его міровоззрѣніе со времени вятско-владимірской жизни и стало окончательно складываться и принимать опредѣленное направленіе еще въ Новгородѣ послѣ чтенія Фейербаха,—направленіе, которое, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось устойчивѣе, полнѣе и шире.

Первымъ письмомъ изъ Петербурга Герценъ заканчиваетъ рѣчь о дорожныхъ впечатлѣніяхъ, гдѣ рядомъ съ печальными были и радостныя встрѣчи. Напримѣръ, въ Новгородѣ... Вѣдь здѣсь ему за время второй ссылки пришлось прожить много тяжелыхъ дней и мѣсяцевъ, закончившихся отраднымъ эпизодомъ съ содержателемъ гостиницы Гибинымъ. Припомнимъ этотъ фактъ изъ «Былого и Думъ».

Когда Герценъ въ 1842 г. въ Новгородѣ получилъ изъ Петербурга разрѣшеніе сопровождать свою больную жену въ Москву, у него не было денегъ на выѣздъ изъ Новгорода.

---

[1]) Обо всемъ этомъ Н. А. Герценъ писала А. И—чу, когда онъ жилъ въ Н[illegible] и былъ ея женихомъ.

[2]) Рукоп. письмо Н. А. Герценъ отъ 3 октября 1846 г.

[3]) Рукоп. письмо А. И. Герцена отъ 4 октября 1848 г.

«У меня не было денегъ! ждать изъ Москвы я не хотѣлъ, а потому и поручилъ Матвѣю сыскать мнѣ тысячи полторы р. ас. Матвѣй черезъ часъ явился съ содержателемъ гостинницы Гибинымъ, котораго я зналъ и у котораго въ гостиницѣ жилъ съ недѣлю. Гибинъ толстый купецъ, съ добродушнымъ видомъ, кланяясь, подалъ пачку ассигнацій. Сколько желаете процентовъ?—спросилъ я его.—Да я, видите,—отвѣчалъ Гибинъ, этимъ дѣломъ не занимаюсь и за процентъ денегъ не даю, а такъ какъ наслышанъ отъ Матвѣя Савельича, что вамъ нужны деньги на мѣсяцъ, на другой, а мы вами очень довольны, а деньги слава Богу свободныя есть—я и принесъ.

«Я поблагодарилъ его и спросилъ, что онъ желаетъ, простую росписку или вексель. Гибинъ и на это отвѣчалъ: «Дѣло излишнее, я вашему слову вѣрю больше, чѣмъ гербовой бумагѣ».

— Помилуйте, да, вѣдь, могу же я умереть.

— Ну, такъ къ горести объ вашей кончинѣ, прибавилъ Гибинъ, смѣясь, немного прибудетъ отъ потери денегъ.

«Я былъ тронутъ и, вмѣсто росписки, горячо пожалъ ему руку. Гибинъ по русскому обычаю обнялъ меня и сказалъ: «Мы, вѣдь, все смѣкаемъ, знаемъ, что служили-то вы поневолѣ, и что вели себя не то, что другіе, прости Господи, чиновники, и за нашего брата и за черный народъ заступались, вотъ я и радъ, что потрафился случай сослужить службу» [1]).

И теперь, когда Герценъ проѣзжалъ черезъ Новгородъ,—пишетъ онъ: «...я былъ тронутъ пріемомъ въ гостинницѣ, тѣмъ болѣе что ее содержитъ не Гибинъ, а его бывшій прикащикъ, какъ мало надобно—прибавляетъ онъ—чтобъ заслужить о себѣ такую память; къ тому же попались какіе-то бродячіе музыканты, я шутя спросилъ ихъ умѣютъ ли пропѣть «Il segretto di esser felice» (секретъ быть счастливымъ) изъ Лукреціи, и они спѣли два раза и я вспомнилъ во-первыхъ Віардо, а во-вторыхъ Юлію Карловну [2]) которую заставляли сотни разъ пѣть. Потомъ опять скучная дорога... Mais à la fin des fins (но въ концѣ-концовъ) я всетаки пріѣхалъ» [3]).

Изъ приведеннаго отрывка письма видно, что у Герцена далеко не было атрофировано музыкальное ухо или, вѣрнѣе, онъ не былъ глухъ къ музыкальнымъ впечатлѣніямъ, какъ думаютъ нѣкоторые.

Если бы онъ былъ глухъ къ музыкѣ, то къ чему ему было заставлять пѣть бродячихъ музыкантовъ и притомъ еще два раза одну и ту же арію, которая ему была знакома по пѣнію артистки Віардо и по пѣнію одной московской знакомой? Если бы онъ былъ глухъ къ музыкальнымъ воспріятіямъ, то кто же бы могъ его гнать въ оперу, слушать Віардо или слушать пѣніе знакомой Юліи Карловны?

---

[1] Сочиненія Герцена. VII т.: „Былое и Думы", т. I, стр. 215.

[2] Юлія Карловна родная сестра Софьи Карловны, жены Евгенія Ѳ. Корша.—ея фамилія была Рейссигъ (Reissig).

[3] Рук. письмо А. И. Герцена отъ 4 октября 1846 г.

Но близко знавшіе Герцена отказываютъ ему не въ любви къ пѣнію музыкѣ, а въ любви и пониманіи классической музыки. Конечно, это нѣчто другое. Однако и съ этимъ нельзя согласиться вполнѣ, припоминая т или другія мѣста изъ «Былого и Думъ».

Припомните, какъ Герценъ, говоря о русскихъ послѣдователяхъ Геге левой философіи, смѣется надъ ними за то, что они мало цѣны давал такому музыканту, какимъ былъ Моцартъ:

«Философія музыки была на первомъ планѣ,—читаемъ мы въ «Было и Думы». Разумѣется, объ Россини и не говорили, къ Моцарту были сни ходительны, хотя и находили его *дѣтскимъ и бѣднымъ*, зато производи философскія слѣдствія надъ каждымъ аккордомъ Бетховена и очень ув жали Шуберта, не столько, думаю, *за сіи превосходные напѣвы* (курсив мой), сколько за то, что онъ бралъ философскія темы для нихъ, как «Всемогущество Божіе», «Атласъ» [1]).

Или вотъ еще мѣсто, гдѣ послѣ того, какъ Герценъ признался Фохт что онъ холоденъ къ твореніямъ Гайдена, говорится:

— А что, спросилъ Фохтъ, Моцарта вы любите?

— *Чрезвычайно, безъ всякихъ границъ* (курсивъ мой).

— Я зналъ это, потому что я вполнѣ вамъ сочувствую [2]).

Послѣ приведенныхъ мѣстъ, гдѣ Герценъ самъ свидѣтельствуетъ своей любви, о любви «чрезвычайной, безъ всякихъ границъ» къ такой классику, какъ Моцартъ, сомнѣнія въ его музыкальномъ чутьѣ и вку къ классической музыкѣ вообще едва ли возможны. Да и Ю. Ѳ. Куру жена владимірскаго губернатора, слушая какъ-то разъ во время отсутств Герценовъ во Владимірѣ сонату Бетховена, высказывала въ письмѣ к нимъ сожалѣніе, что въ это время тутъ не было А. И. А если онъ не любил твореній Гайдена и имѣлъ смѣлость это высказывать въ то время, ког другіе имъ упивались, то это далеко не служитъ доказательствомъ отс ствія въ нашемъ великомъ писателѣ истинныхъ музыкальныхъ вкусовъ симпатій. Во всякомъ случаѣ Герценъ не былъ профаномъ и противн комъ музыки, но, конечно, онъ не былъ и ея такимъ большимъ другом и знатокомъ, какъ Огаревъ. Подвижная, быстрая натура и пылкій у Герцена не допускали его до той внутренней тишины и сосредоточенно къ какой склонна была созерцательная натура Огарева. Одинъ былъ в движеніе, другой—неподвижность и созерцаніе. Да Герцена въ дѣтст почти и не учили музыкѣ, совсѣмъ не развивали его музыкальныхъ с собностей; а позднѣе ему было не до музыки, тѣмъ болѣе классическ которая для своего глубокаго пониманія все же требуетъ извѣстнаго м зыкальнаго развитія, музыкальной подготовки.

Е. Некрасова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Томъ VII. Сочиненій Герцена: „Былое и Думы", I т.

[2]) Томъ IX. Сочиненій Герцена: „Былое и Думы", II т., стр. 22 и 2

Памяти Чехова.

Дополняемъ перечень полученныхъ телеграммъ и писемъ. Изъ Мезени: ъ далекой украйны Сѣвера, куда біеніе сердца Россіи достигаетъ дол- ми мѣсяцами, шлемъ въ лицѣ литературнаго фонда горячее сочувствіе й мыслящей Россіи въ постигшемъ ее горѣ» (телеграмма на имя П. И. ніберга).

Изъ Евпаторіи группа лицъ: «поражены преждевременной смертью не- вѣннаго художника и человѣка».

Группа лицъ изъ Кисловодска проситъ редакцію *Русской Мысли* по- ниться могилѣ дорогого покойника.

Артиллерійскій солдатъ (изъ лагеря въ Клементьевѣ) пишетъ: «Подъ ой, толстой шинелью дрогнуло сердце и зарыдала душа при ужасной ти о безвременной кончинѣ глубоко любимаго, нѣжнаго, скромнаго, прав- го пѣвца тоски и человѣческихъ страданій».

Выражаетъ искреннее соболѣзнованіе писатель Ив. Порошинъ.

Учительница Богданова (село Хотынь, Сумскаго уѣзда, Харьковской рніи), въ теплыхъ выраженіяхъ характеризуя Чехова, пишетъ: «Когда воимъ ученикамъ, дѣтямъ крестьянъ, прочла «Ваньку» А. Чехова, то ie сказали: *вотъ этотъ написалъ правду*, а нѣкоторые заплакали, ъ ихъ тронула участь Ваньки».

Группа лицъ изъ Уфы, выражая свою печаль, говоритъ, что Чеховъ лъ родину, болѣлъ ея печалями, радовался ея немногими радостями. Иногіе въ своихъ телеграммахъ и письмахъ выражаютъ увѣренность, на смѣну *сумеркамъ* идетъ *заря*.

Изъ Устьлмы группа молодежи, рабочихъ и интеллигентовъ говоритъ, сочиненія Чехова долго будутъ любимымъ чтеніемъ тѣхъ, кто работа- для лучшаго будущаго, кому ненавистны люди въ футлярахъ и Іонычи.

Получена телеграмма изъ Вязьмы, подписанная городскимъ головой, алистомъ, учащеюся молодежью, учителемъ, рабочимъ.

Всѣмъ сердцемъ скорбитъ объ усопшемъ писательница Чюмина. Глубо- сожалѣніе высказываетъ телеграмма изъ Павлограда (двадцать шесть сей). Коллективная же телеграмма получена изъ Екатеринбурга: «Глу- взволнованные смертью нашего огромнаго художника, мы изъ глухого Урала шлемъ наши искреннія сожалѣнія, рожденныя горечью невоз-

вратимой утраты по писателѣ, вынесшемъ въ своемъ измученномъ серд несокрушимую вѣру въ торжество всечеловѣческаго идеала. Вѣчная памя борцу противъ отупляющей пошлости сумерекъ души и безъидейна распутья».

Присланы телеграммы изъ Щигрова (шестьдесятъ двѣ подписи), от счетчицъ московской земской статистики, отъ народныхъ учителей и уч тельницъ Каширскаго уѣзда (двадцать подписей), изъ одесской санатор (тридцать восемь подписей), отъ редакціи *Южныхъ Записокъ*, отъ служа щихъ станціи Божедаровки, отъ писательницы Пѣшковой-Толивѣровой, из харьковской кумысо-лѣчебной санаторіи (тридцать подписей), изъ Ник лаева отъ евреекъ, отъ писателей Н. В. Тулупова и И. А. Бѣлоусов Коллективныя депеши получены изъ Липецка, Майкопа, изъ Тульчи отъ читателей-евреевъ, изъ Петербурга (пятьдесятъ три подписи), от артистки Глѣбовой-Соловцовой, изъ Аренсбурга отъ мѣстной и пріѣжж интеллигенціи, изъ Александріи, Херсонской губерніи (коллективная), от группы служащихъ въ контролѣ привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ (из Варшавы), изъ Калуги (сорокъ одна подпись), отъ писателя Гнѣдича, ко лективная изъ Кирсанова, отъ телеграфистовъ Павелецкаго вокзала, из Орѣхова-Зуева (двадцать одна подпись).

Изъ Могилева шлетъ глубокое соболѣзнованіе группа еврейскихъ чит телей. Писатель графъ Л. Л. Толстой телеграфируетъ: «Искренне огорч юсь смертью милаго Антона Павловича Чехова и незамѣнимой въ ру ской литературѣ утратой». Прислало телеграмму правленіе общества п печенія о начальномъ народномъ образованіи въ Калужской губерні изъ Сорокъ (сорокъ три подписи), изъ Петербурга отъ присяжнаго пов реннаго Грузенберга. Мѣсто отправленія одной телеграммы (95 подписе не разобрано.

Земскіе врачи Зѣльковскаго уѣзда, «глубоко опечаленные смертью т варища-писателя А. П. Чехова, раздѣляютъ съ семьею умершаго ея велик горе».

Николаевскій музыкально-драматическій кружокъ глубоко скорбитъ невозвратной потерѣ для Россіи.

Писатель А. В. Амфитеатровъ телеграфировалъ: «Группа молодыхъ в логжанъ поручила мнѣ выразить глубокую скорбь, съ какой мы всѣ пер живаемъ тягостные дни невознаградимой общественной утраты. Да буду дорогому Антону Павловичу память и слава вѣчныя, какъ вѣченъ свѣт пролитый имъ въ печальную русскую жизнь».

Группа псковской учащейся молодежи выражаетъ свою скорбь. Русск учащіеся въ Фрейбургѣ (Баденъ), пишутъ: «Трагедія человѣка, которо *нуженъ весь міръ, а приходится довольствоваться тремя аршина земли*, завершилась... Глубоко пораженные безвременной смертью уважа маго писателя, выразителя страданій русскаго народа, мы надѣемся, ч испытавшіе на себѣ и понявшіе Чеховское настроеніе приложатъ всѣ св силы къ устраненію вызвавшихъ его причинъ».

Получены телеграммы отъ Русской студенческой библіотеки и читальни имени Н. К. Михайловскаго въ Фридбергѣ (Гессенъ); отъ группы студентовъ изъ Мосальска, изъ Феодосіи, изъ Кишинева, отъ кружка молодежи изъ Каменнаго, изъ Кишинева отъ учащейся молодежи, изъ Могилева, изъ Сморгонъ, изъ Потока, изъ города Острога, изъ Риги, отъ группы студентовъ Юрьевскаго университета, отъ гимназистовъ московскихъ пятой и Медвѣдниковской гимназій. Изъ села Антоньева, Калужской губерніи, отъ учащихъ и учащихся: «Въ тусклыхъ *сумеркахъ* нашей жизни лучомъ своего божественнаго таланта Чеховъ освѣтилъ и согрѣлъ намъ пониманіе правды, добра и красоты. Онъ далъ намъ прекрасный завѣтъ, говоря: *не успокоивайтесь*, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, *не уставайте дѣлать добро! Дѣлайте добро!* Да будетъ вѣчно имя его въ литературѣ родного народа!»

Ученики-земледѣльцы изъ Богородска пишутъ: «Намъ жаль Антона Павловича. Онъ стремился спасти душу человѣка отъ гибели въ болотѣ пошлости, разсѣять сумерки, сдѣлать жизнь красивой, чистой, доброй». Горячо откликнулись на печальную утрату русскіе студенты изъ Лейпцига, мужская и женская молодежь изъ Нальчика Терской области, группа архангельской молодежи...

Редакція *Русской Мысли* получила 20 августа слѣдующее сообщеніе:

На первомъ послѣ безвременной кончины писателя А. П. Чехова общемъ собраніи просвѣтительнаго общества «Помощь при вологодской безплатной библіотеки» было постановлено: для почтенія памяти А. П. Чехова назвать его именемъ первую имѣющую быть открытою безплатную библіотеку общества «Помощь» и выразить при этомъ глубокое сожалѣніе о безвременной его смерти, о чемъ увѣдомить редакцію журнала *Русская Мысль*.

О вышеизложенномъ правленіе общества «Помощь» во исполненіе постановленія общаго собранія отъ 2 сего августа и имѣетъ честь довести до свѣдѣнія редакціи вышеуказаннаго журнала.

Предсѣдатель правленія *Сомовъ*.

За секретаря *Б. Лузновскій*.

Крестьянинъ Николай Сулейкинъ, съ Высоковской мануфактуры, проситъ насъ напечатать его стихотвореніе на смерть А. П. Чехова:

По нашей всей землѣ родной
Молва о смерти пролетѣла,
Во всѣхъ каленою стрѣлой
Въ груди поклонниковъ засѣла.

Какъ воинъ истины святой,
Онъ первый былъ изъ нашей рати:
Сражался храбро съ сильной „тьмой“,
Разилъ ее мечомъ печати...

О, смерть! безжалостная смерть:
Всегда стоишь за тьму людскую,
Всегда не дашь пѣвцу допѣть
Во имя Правды пѣснь святую!

---

18 іюля въ Ялтѣ, на чеховскомъ вечерѣ, С. П. Гусевъ-Оренбургскій прочелъ слѣдующее стихотвореніе:

Еще одно разбилось сердце!
Въ могилу темный рокъ унесъ
Того, чья грудь не въ силахъ стала
Вмѣщать невыплаканныхъ слезъ.
Пѣвецъ угрюмыхъ настроеній—
Недаромъ нами онъ любимъ!
Художникъ слова несравненный,
Печалью вѣчною томимъ,
Онъ создалъ мрачную картину—
Какъ въ царствѣ пошлости людской
Изъ-подъ камней безплодно рвется
Ключъ жизни смѣлой и живой.
Духъ замурованъ тамъ—въ футлярахъ.
Въ оковахъ—чувство. Мысль—въ тискахъ.
Тамъ гибнетъ сила молодая
Въ пустыхъ житейскихъ мелочахъ.
На умъ, на пламенное сердце
Какъ въ тюрьмахъ тамъ наложены
Вѣками—ржавѣвшія цѣпи—
Наслѣдье рабской старины.
Все душитъ пошлости мертвящей
Болотный ядовитый газъ:
Она какъ звѣрь многоголовый
Не уставая давитъ насъ...
Она, она,—сестра родная
Всевластно правящаго зла,—
На душу нѣжную поэта
Тоской тяжелою легла!...
Онъ не борецъ былъ... Онъ—художникъ!
Но строчкой каждой онъ кричалъ:
—„Долой оковы съ чувства, съ мысли!“
Въ душѣ лелѣя идеалъ,
Онъ вѣрилъ: старый міръ погибнетъ
Какъ садъ „вишневой красоты“
И племя новое насадитъ
Иные, лучшіе сады!
Его унылая улыбка
Святой растворена слезой:
Онъ тосковалъ „по человѣкѣ“
Смертельной, черною тоской...
И пусть надолго,—въ міръ свободы
Пуская крѣпкіе ростки,—
Запомнитъ юная Россія
Преданья „чеховской тоски!“

Списокъ вѣнковъ на могилу А. П. Чехова.

Серебряные вѣнки:

1. Отъ журнала *Міръ Божій*. Антону Павловичу Чехову. Незабвенному художнику-обличителю. Во имя правды и добра.

2. Московскій литературно-художественный кружокъ. Памяти незабвеннаго писателя, своего почетнаго члена.

3. Общество русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ. 1904. Антону Павловичу Чехову.

4. Моему доброму генію, незабвенному А. П. Чехову. И. Д. Сытинъ.

5. Отъ дирекціи и артистовъ Императорскихъ театровъ. Антону Павловичу Чехову.

6. *Новости Дня*. Свѣтлой памяти Чехова.

7. Милому А. П. Чехову. А. И. и А. С. Суворины.

8. Дорогому А. П. Чехову. Благодарный читатель священникъ Г. Петровъ.

9. Антону Павловичу Чехову. Гордости родной литературы. *Одесскія Новости*.

10. Лучшему другу человѣка безсмертному Антону Павловичу Чехову. *Ялтинскій Листокъ*. Іюля. 1904.

11. Антону Павловичу Чехову. Отъ труппы Московскаго общества народныхъ развлеченій:

Н. Алексанова.
В. Алмазовъ.
И. Амченскій.
В. Аннинъ.
М. Аннинъ.
В. Байкова.
Д. Бестужевъ.
П. Бирюковъ.
Н. Бѣляевъ.
Н. Волгинъ.
Д. Дмитріевъ.
М. Дмитріевъ.
Л. Загаровъ.
Н. Истоминъ.
И. Калитовичъ.
Л. Каменева.
Д. Котляренко.
С. Крусановъ.
А. Лазарева.
Ф. Лазарева.
В. Лебедева.
Е. Литвинова.
У. Мансуровъ.
А. Михайловскій.
Л. Морозова.
Н. Мотылевъ.
Е. Окулова.
Е. Пожарская.
А. Рогозинъ.
А. Рѣшимовъ.
С. Сергѣевъ.
В. Сладкопѣвцевъ.
Б. Снигиревъ.
У. Суховъ.
И. Федоровъ.
А. Харламовъ.
Э. Шиховская.
Е. Щербаковъ.

12. А. П. Чехову. На могилу такихъ писателей, какъ ты, вѣнокъ долженъ возложить каждый читатель. Пріими же эту посильную дань, съ благоговѣніемъ приносимую къ подножію твоего послѣдняго упокоенія! Отъ А. Г. Чернявскаго. Г. Тифлисъ. 1904 г.

Металлическіе и изъ живыхъ цвѣтовъ.

1. Другу дѣтства и однокашнику А. П. Чехову. Отъ крѣпко любящаго его Вишневскаго.

Дорогой памяти А. П. Чехова. Московскіе врачи-психіатры.

Дорогому Антону Павловичу. Серпуховское уѣздное земство.

Антону Павловичу Чехову. Сословіе московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ.

Дорогому Антону Павловичу Чехову. Отъ псковской учащейся молодежи.

Незабвенному другу, больной души человѣку. Отъ больныхъ санаторіи „Березк

7. Гордости славянства А. П. Чехову. Славянское общество въ Москвѣ.

8. „Кому повѣмъ печаль мою". Отъ русской студенческой читальни въ Дармштадтѣ.

9. Антону Павловичу Чехову. Отъ „Сѣверо-Западнаго Слова".

10. Дорогому, горячо любимому Антону Павловичу Чехову. Михаилъ Александровичъ Членовъ.

11. Свѣтлой памяти Чехова. Театръ Корша.

12. А. П. Чехову. Отъ журнала *Образованіе*.

13. Незабвенному автору „Вишневаго сада". Отъ псковскаго драматическаго общества.

14. Вѣчная память незабвенному писателю и великому психологу А. П. Чехову. Отъ ялтинскихъ почитателей Елены и Льва Мазараки.

15. Пѣвцу тоски по идеалу Антону Чехову. Литературный фондъ.

16. Дорогому Антону Павловичу Чехову. Съ глубокой печалью „Среда" писателей.

17. Безвременно угасшему великому родному таланту А. П. Чехову. Отъ виленскаго городского собранія лицъ интеллигентныхъ профессій.

18. Самобытному провозвѣстнику новыхъ путей русской драмы А. П. Чехову. Союзъ драматическихъ и музыкальныхъ писателей.

19. Свѣтлому и чистому бытописателю А. П. Чехову. Редакція газеты *Свѣтъ*.

20. Высоко чтимому писателю, незабвенному сотруднику. *Русскія Вѣдомости*.

21. Антону Павловичу Чехову. Отъ студентовъ Московскаго университета.

22. Прекрасной звѣздѣ сумеречной эпохи А. П. Чехову. Редакція *Биржевыхъ Вѣдомостей*.

23. Антону Павловичу Чехову. *Знаніе*.

24. Незабвенному сочлену. Общество любителей россійской словесности.

25. Нашему любимому Чехову. Отъ его читателей и читательницъ.

26. Незабвенному почетному члену Антону Павловичу Чехову. Серпуховское собраніе любителей драматическаго искусства.

27. „Настанетъ новая счастливая жизнь". (Три сестры). А. П. Чехову. Отъ редакціи *Театръ и Искусство*.

28. Врачи больницы св. Николая Чудотворца.

29. Дорогому Антону Павловичу Чехову. Отъ нижегородской интеллигенціи.

30. Дорогому, несравненному художнику и поэту Антону Павловичу Чехову. (Отъ кого неизв.).

31. Антону Чехову. Редакція *Русской Правды*.

32. Товарищество „Просвѣщеніе".

33. Дорогому Антону Павловичу Чехову. Отъ крестьянъ Серпуховского уѣзда.

34. Дорогому и незабвенному Антону Павловичу Чехову. Московское общество народныхъ развлеченій.

35. Антону Павловичу Чехову. Императорская с.-петербургская русская драматическая труппа.

36. Дорогому Антону Павловичу Чехову. Отъ редакціи журнала *Осколки*.

37. Пѣвцу хмурыхъ людей, сѣрыхъ дней. Редакція *Нижегородскаго Листка*.

38. „Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ". Антону Павловичу Чехову. Далекому-близкому. Отъ редакціи К-ва *Гриф*ъ.

39. Незабвенному сотруднику. Отъ издателя *Нивы* А. Ф. Маркса.

40. Антону Павловичу Чехову пѣвцу тоски, страданій и печали. Таганрогское артистическое общество.

41. Знаменитому русскому писателю-врачу Антону Павловичу Чехову. Отъ общества нижегородскихъ врачей.

42. Поэту тоски А. П. Чехову. Отъ Е. Вочаровой.

43. Пѣвцу русской скорби. Отъ Д. Е. Жуковскаго.

44. Изболѣвшему сердцемъ за сѣрую русскую жизнь Антону Павловичу Чехову. Скорбный г. Клинъ.

45. (Безъ надписи).

46. Незабвенному А. П. Чехову. Отъ Е. П. Пѣшковой.

47. Антону Павловичу Чехову. Отъ служащихъ черниговскаго губернскаго земства.

48. Дорогому товарищу. Отъ сотрудниковъ и редакціи журнала *Нива*.

49. А. П. Чехову. Редакція *Новостей*, С.-Петербургъ.

50. А. П. Чехову. Отъ историко-филологическаго студенческаго общества.

51. Онъ жилъ „въ сумеркахъ..." „а думалъ о томъ времени, быть можетъ, уже близкомъ, когда жизнь будетъ такою же свѣтлой и радостной, какъ тихое весеннее утро". (Т. 12, стр. 13) Антону Павловичу Чехову. Студенты московскаго сельскохозяйственнаго института.

52. А. П. Чехову. *Петербургская Газета*.

53. Горячо любимому отзывчивому А. П. Чехову. Благодарный начинающій писатель.

54. Антону Павловичу Чехову. Александръ Амфитеатровъ. Вохогда.

55. Антону Павловичу Чехову. Отъ товарищей-врачей Московскаго университета выпуска 1884 г.

56. Антону Павловичу Чехову, лучшему другу русскихъ народныхъ учителей отъ общества попеченія объ улучшеніи быта учащихъ въ начальныхъ училищахъ г. Москвы.

57. Антону Павловичу Чехову. Отъ с.-петербургскаго городского общественнаго управленія.

58. Антону Павловичу Чехову. Редакція газеты *Русское Слово*.

59. Пѣвцу сумеречныхъ дней Антону Павловичу Чехову. Отъ редакціи *Русскаго Богатства*.

60. Писателю лучшему другу А. П. Чехову. „Мы увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную".

61. (Безъ надписи).

62. Антону Павловичу Чехову. Императорская петербургская драматическая труппа.

63. Антону Павловичу Чехову. Отъ московскаго городского общественнаго управленія.

64. Антону Павловичу Чехову. Отъ газеты *Московскій Листокъ* и журнала *Развлеченіе*.

65. Незабвенному Антону Павловичу Чехову. Отъ редакціи журналовъ *Дѣтское Чтеніе* и *Педагогическій Листокъ*.

66. Высокоталантливому писателю, почетному своему члену А. П. Чехову. Кіевское литературно-артистическое общество.

67. А. П. Чехову. Редакція *Южной Россіи*.

68. Другу и бывшему сотруднику Антону Павловичу Чехову. Редакція журнала *Будильникъ*.

69. Дорогому другу А. П. Чехову. Отъ Ф. Шехтеля.

70. Глубокочтимому Антону Павловичу Чехову. Отъ Елизаветы Васильевны лексѣевой.

71. Незабвенному благородному А. П. Чехову. Отъ Г. и М. Россолимо.

72. Всерусскому печальнику. Отъ галицко-русскаго народа.

73. Дорогому Антону Павловичу Чехову, славному врачу-писателю. Отъ нижегородскаго отдѣла общества охраненія народнаго здравія.

74. Нѣжной скорбной памяти вдохновеннаго учителя и друга. Московскій Художественный театръ въ безпредѣльномъ горѣ.

75. А. П. Чехову. *Восточное Обозрѣніе*.

76. Дорогому Антону Павловичу Чехову. Отъ Константина, Маріи, Киры, Игоря Алексѣевыхъ.

77. (Надпись стерлась).

78. Дорогому незабвенному Антону Павловичу Чехову. Съ великой скорбію Шаляпинъ.

79. Памяти Антоши Чехонте и Антона Чехова. В. Дорошевичъ.

80. Чехову. *Правда*.

81. А. П. Чехову. Отъ А. Андреевой.

82. А. П. Чехову. *Новое Время*.

83. Доброму человѣку царство небесное! Антону Павловичу Чехову. Отъ Анны, Софіи, Андрея, Всеволода, Сергѣя, Георгія, Людмилы и Глѣба Штекеръ.

84. Антону Павловичу Чехову. Признательный Василій Лужскій.

85. (Надпись стерлась).

86. Великому писателю-мыслителю. Отъ служащихъ въ псковскомъ губернскомъ земствѣ.

87. Антону Павловичу Чехову. Отъ московской консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.

88. А. П. Чехову. Отъ служащихъ г. Таганрога.

89. Антону Павловичу Чехову. Любимаго писателя оплакиваетъ драматическая труппа Мейерхольда.

90. Памяти великаго пѣвца сѣрыхъ будней, маленькихъ людей и свѣтлыхъ надеждъ. Отъ сельскаго учителя Медвѣденки и поручика Ѳедотика.

91. Дорогому другу юности Антону Павловичу Чехову. (Неизв. отъ кого).

92. Антону Павловичу Чехову. Московскій товарищескій кружокъ писателей изъ народа.

93. Антону Павловичу Чехову. (Неизв. отъ кого).

94. (Надпись стерлась).

95. Антону Павловичу Чехову. Совѣтъ Императорскаго русскаго театральнаго общества.

96. Идеалисту-страдальцу. Русское библіологическое общество.

97. Антону Павловичу Чехову. Отъ кружка молодежи.

98. Горячо любимому писателю скорбнику русскихъ сумерекъ. Отъ студентовъ московскаго техническаго училища.

99. Горячо любимому художнику-человѣку. *Русская Мысль*.

100. Истинному другу актеровъ А. П. Чехову. Отъ неутѣшнаго „Иванова" В. Давыдова.

101. Великому художнику слова Антону Павловичу Чехову. Отъ русскихъ сценическихъ дѣятелей.

102. Антону Павловичу Чехову. Отъ В. М. Васнецова.

103. Дорогому Антону Павловичу Чехову. Отъ служащихъ и рабочихъ Московскаго Художественнаго театра.

104. Незабвенному А. П. Чехову. Антрепренеръ одесской драмы Долиновъ.

105. (Надпись стерлась).

106. (Надпись стерлась).

107. Антону Павловичу Чехову. Отъ русскихъ студентовъ въ Берлинѣ.

108. Мы отдохнемъ... мы отдохнемъ!... А. П. Чехову. Отъ трехъ сестеръ Арбатскихъ.

109. Дорогой памяти А. П. Чехова. Отъ А. А. Бахрушина.

110. Рыбинскій литературно-музыкальный драматическій кружокъ. Незабвенному Антону Павловичу Чехову.

Ред.

«Нынѣ отпущаеши...»

(Письмо изъ деревни.)

Въ одно изъ прелестнѣйшихъ захолустій нашей средней полосы, гдѣ я провожу свое лѣто, пришла сегодня такъ долго, такъ горячо жданная и потому особенно дорогая и радостная вѣсть: *нѣтъ болѣе розги, нѣтъ и не будетъ, никогда, ни для кого!...*

Неужели это правда? Неужели это не сонъ,—тотъ сладкій, исполненый блаженнаго покоя сонъ, который снится иногда умирающему, обѣщая ясное и безболѣзненное утро?... Нѣтъ, не сонъ это, а самая заправская правда, возвѣщенная народу законодательнымъ актомъ верховной власти на большомъ печатномъ листѣ, который сейчасъ передо мною на столѣ; я могу видѣть его и осязать!...

Неизъяснимая, глубокая радость охватила все существо мое; та «сила благодатная въ созвучьи словъ живыхъ», о которой говоритъ Лермонтовъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи, перенесла меня въ иную область, сняла «тяжкое бремя съ души» и открыла незримую прежде перспективу, полную свѣта и надежды. Когда я нѣсколько разобрался въ охватившемъ меня впечатлѣніи, то понялъ, что оно вызвано сознаніемъ совершившагося освобожденія народа отъ вѣкового позора и страданія—освобожденія, явившагося отвѣтомъ на завѣтные запросы общества; я понялъ, что въ моемъ духовномъ самочувствіи уже не будетъ болѣе мѣста ни острой скорби о жертвахъ варварскаго закона, ни гнетущему сознанію стыда жить среди людей, допускающихъ, узаконяющихъ и восхваляющихъ грубѣйшее посягательство на святое право личной неприкосновенности,—жить, томиться и отводить душу лишь въ укороченныхъ, недосказанныхъ бесѣдахъ съ читателемъ, хотя платонически и очень отзывчивымъ. Теперь я наслаждаюсь сознаніемъ совсѣмъ иного рода—сознаніемъ, что благородныя усилія земскихъ людей не пропали даромъ, и мнѣ довелось дожить до того дня, въ который я могу завершить скорбный циклъ своихъ статей о розгѣ настоящимъ радостнымъ письмомъ въ ту редакцію, гдѣ онѣ преимущественно печатались. Такою радостью возрадуется, думаю я, каждый, свободный отъ плотоядныхъ инстинктовъ и умственной ограниченности, при-

знающей за растлевающей розгой не только наилучшее средство къ исправленію нравственности, но и чуть не панацею отъ всѣхъ соціальныхъ бѣдъ. Конечно, намъ придется еще переслушать и перечитать немало рѣчей изъ лагеря защитниковъ рухнувшей твердыни, но теперь это будутъ уже рѣчи надгробныя, въ пустынѣ вопіющія, рѣчи безъ сочувственнаго отклика и какой бы то ни было реализаціи.

Да будутъ незабвенны труды нашихъ лучшихъ людей въ земскихъ собраніяхъ, сельско-хозяйственныхъ комитетахъ и разныхъ спеціальныхъ съѣздахъ и коммиссіяхъ. Въ своихъ докладахъ, рѣчахъ и запискахъ они до блестящей наглядности выяснили всю горькую суть вопроса. Сколько ума, сколько любви, сколько отваги оставили они въ нихъ назиданіемъ потомству.

П. Обнинскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Послѣднія извѣстія объ урожаѣ.—Борьба съ недородомъ въ южныхъ губерніяхъ.—Совмѣстная дѣятельность земствъ.—Циркуляръ казанскаго губернатора и рѣшеніе правительствующаго сената о сношеніяхъ земствъ.—Экономическія мѣропріятія земствъ.—Положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита.—Губернскія совѣщанія о крестьянской реформѣ.

Въ августовской книжкѣ *Русской Мысли* мы довольно подробно изложили имѣвшіяся къ концу іюля свѣдѣнія объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ настоящее время, съ окончаніемъ почти всюду сельско-хозяйственнаго сезона, свѣдѣнія эти могутъ быть резюмированы общѣе и полнѣе. Въ общемъ, если считать по всей Россіи, урожай вышелъ средній, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже выше средняго. Такъ, о хорошемъ урожаѣ пишутъ, наприм., изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Калужской, Тамбовской, Тверской, Казанской губерній, въ Сибири изъ Томской и Енисейской. (Относительно урожая мы преимущественно пользуемся свѣдѣніями *Русскихъ Вѣдомостей*, отличающимися наибольшей полнотой). Зато въ нѣкоторыхъ, преимущественно южныхъ губерніяхъ, особенно въ Бессарабской, Херсонской и Таврической, выяснился полнѣйшій недородъ, грозящій совершенно обездолить населеніе и вынуждающій къ принятію экстраординарныхъ мѣръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и ожидалось и какъ почти всегда у насъ бываетъ, урожай оказался крайне пестрымъ: рядомъ съ районами, гдѣ онъ хорошъ, находятся другіе, гдѣ онъ совсѣмъ плохъ. Такъ, даже въ особенно пострадавшей Херсонской губерніи, одинъ уѣздъ—Херсонскій, оказался вполнѣ удовлетворителенъ. Есть также много мѣстностей, гдѣ при сравнительно удовлетворительномъ урожаѣ хлѣбовъ, совсѣмъ плохъ урожай кормовыхъ травъ, что отражается въ крестьянскомъ хозяйствѣ едва ли еще не хуже, такъ какъ хлѣбъ на продовольствіе и на сѣмена легче получить издалека, чѣмъ кормъ для скота, да и цѣна его бываетъ обыкновенно ровнѣе, находясь въ зависимости больше отъ общихъ, чѣмъ отъ мѣстныхъ условій. Кромѣ того, какъ ни плоха наша крестьянская продовольственная организація, все же она

иногда представляетъ нѣкоторую помощь, а она разсчитана, какъ извѣстно, преимущественно на удовлетвореніе нуждъ въ продовольствіи самого населенія и въ обсѣмененіи. Съ другой стороны, недостатокъ кормовъ имѣетъ своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ распродажу скота, т.-е. капитальное ухудшеніе въ хозяйствѣ вслѣдствіе уменьшенія удобренія—на сѣверѣ и уменьшенія живого инвентаря на югѣ. Поэтому въ послѣднее время особенно часто слышатся отовсюду жалобы именно на неурожай и плохую уборку травъ и на проистекающій отъ того вредъ для крестьянскаго хозяйства. Въ настоящее время недородъ травъ выяснился почти во всемъ привислинскомъ краю, въ Витебской губерніи и въ пораженныхъ неурожаемъ хлѣбовъ Бессарабской и Херсонской, а также въ большей части Саратовской. Особенность нынѣшняго лѣта въ значительной части среднеевропейской Россіи была та, что оно было холодное и дождливое, въ результатѣ чего созрѣваніе хлѣбовъ запоздало въ иныхъ мѣстахъ недѣли на три, спутавши всѣ хозяйственные разсчеты, да притомъ и уборка оказалась неудовлетворительна. Точно также дождливая погода мѣшала и уборкѣ сѣна. Вотъ, напримѣръ, что писали изъ Ярославля.

«Прошло Преображеніе, у насъ едва убрались съ сѣнокосомъ, уборки же хлѣбовъ и не начинали. «Рожь стоитъ въ поляхъ нетронутая серпомъ, и только дождь да вѣтеръ мѣстами путаютъ и выстилаютъ ее по землѣ. Ильинъ день (20 іюля) въ обыкновенные годы—разгаръ ржаного жнитва, а нынѣ въ это время рожь стояла зеленая. Даже и теперь (8 августа) она хотя и пожелтѣла, но зерно мягкое, недозрѣлое. И соломой, и колосомъ рожь въ подгородныхъ мѣстахъ, на хорошо удобренныхъ земляхъ, вышла хорошая; но земледѣлецъ, навѣрняка, получитъ мало. Уже и теперь отъ сырости масса зеренъ почернѣла, появились «рожки» (спорынья), и зерно нужно будетъ сильно отсортировывать, чтобы не получилось «пьянаго» или «ядовитаго» хлѣба. Яровое также стоитъ нетронутымъ. У овса еще и зерна нѣтъ—одно молоко, хотя солома и вышла роскошной на удобренныхъ и чуть-чуть возвышенныхъ мѣстахъ. Головки льна стоятъ совершенно зелеными, хотя опять-таки стебель вышелъ высокій и взошелъ ленъ густо. Мѣстами уже пробуютъ дергать ленъ: очевидно, потеряли надежду получить зерно. Еще болѣе грустно представляется дѣло въ будущемъ: уже и теперь, особенно въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи, настало время озимаго сѣва, а зерна нѣтъ, оно зеленѣетъ на полѣ, сѣять нечѣмъ».

Послѣднее обстоятельство представляетъ особую важность, такъ какъ не въ одной Ярославской губерніи, а и почти вездѣ крестьяне засѣваютъ поля новою рожью, которая въ обыкновенные годы поспѣваетъ недѣли за двѣ и больше до посѣва. Старой ржи обыкновенно къ этому времени ни у кого не остается: она или вся съѣдена, даже съ прикупкой со стороны, какъ въ большей части промышленныхъ мѣстностей, или же, какъ въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ, часть ея продана на удовлетвореніе всякихъ житейскихъ и хозяйственныхъ нуждъ, въ разсчетѣ, что ко времени

посѣва поспѣетъ новая рожь. Таково именно положеніе дѣла теперь въ Тверской губерніи, откуда пишутъ: «какъ выйдетъ изъ этого затруднительнаго положенія населеніе, сказать трудно. Возможно, что нѣкоторые купятъ, другіе займутъ прошлогднихъ сѣмянъ у болѣе зажиточныхъ сосѣдей, а иные, можетъ быть, засѣютъ поля и невызрѣвшимъ зерномъ. И повторится исторія 1902 г., когда у весьма значительной части населенія рожь оказалась невсхожей, и правительству пришлось давать населенію сѣменныя ссуды на пересѣвъ озимыхъ полей. Такія же жалобы идутъ изъ Нижегородской губерніи. Кромѣ опозданія съ сѣменами, и достоинство хлѣба пострадало отъ невозможности его убрать какъ слѣдуетъ вслѣдствіе дождей, такъ что и хорошій урожай оказался не на пользу. Напримѣръ, въ Ардатовскомъ уѣздѣ, по извѣстіямъ нижегородской земской газеты, урожай обѣщалъ быть «диковиннымъ», но дожди не дали хлѣбу созрѣть, въ иныхъ мѣстахъ колосья ржи проросли, въ другихъ—рожь приходилось косить зеленой, недозрѣвшей. Крестьяне пробовали сушить такое зерно и печь изъ него хлѣбъ, но такой хлѣбъ оказался вреднымъ».

Такимъ образомъ и въ нынѣшнемъ году, какъ и ежегодно, въ довольно значительной части Россіи населеніе будетъ поставлено неурожаемъ въ крайне трудное, а иногда почти безвыходное положеніе; мы говоримъ: неурожаемъ, но едва ли не правильнѣе было бы сказать—своею экономическою и культурною слабостью, дѣлающею для него невозможнымъ выдержать безъ разстройства неблагопріятныя послѣдствія неурожая. Въ сущности, вѣдь всѣ тѣ атмосферическія явленія, которыя являются ближайшими причинами послѣдняго, вовсе не представляютъ собою чего-нибудь необычайнаго, изъ ряду вонъ выходящаго. И дожди, затрудняющіе уборку, и холода, замедляющіе созрѣваніе хлѣбовъ, бываютъ едва ли не ежегодно въ той или иной болѣе или менѣе обширной полосѣ Россіи. Казалось бы въ теченіе вѣковъ къ этому можно было примѣниться. И дѣйствительно земледѣльцы-помѣщики, находящіеся въ тѣхъ же климатическихъ, но въ нѣсколько иныхъ экономическихъ условіяхъ, въ извѣстной мѣрѣ и примѣняются къ этимъ явленіямъ. Конечно, и они при этомъ терпятъ убытки и, вѣроятно, принуждены бываютъ сокращать свои расходы или дѣлаютъ займы, но при этомъ не получается картины того полнаго разоренія и бѣдствія, какое является послѣдствіемъ крестьянскаго неурожая. Мы не будемъ здѣсь воспроизводить этихъ картинъ изъ различныхъ мѣстностей, постигнутыхъ неурожаемъ, или на которыхъ отражаются неурожаи прошедшихъ лѣтъ. Всѣ онѣ довольно однообразны; мы ограничимся выдержкой изъ корреспонденціи (*Русск. Вѣдом.*), полученной изъ Нижнедѣвицка Воронежской губерніи, мѣстности, не считающейся въ нынѣшнемъ году особенно неурожайной. Мы избираемъ эту корреспонденцію потому, что она довольно наглядно рисуетъ постепенный ходъ экономическаго упадка малоземельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ земледѣльческой мѣстности, обрабатывающихъ арендуемую ими землю. Извѣстно, что вопросъ объ арендахъ только что недавно составлялъ предметъ обсужде-

нія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Вотъ что говорится въ этой корреспонденціи.

Ниже средняго сборъ хлѣбовъ въ минувшемъ году и необыкновенно запоздалая жатва въ нынѣшнемъ очень плохо отразились на крестьянскомъ хозяйствѣ. Не говоря уже о прогрессивномъ сокращеніи скота, до 50% крестьянъ (я говорю о трехъ селахъ нашего уѣзда) уже въ концѣ февраля должны были занимать хлѣбъ. Вначалѣ многіе изъ нихъ считались съ условіями займа, старались покупать за наличныя, но когда благодаря запоздалой веснѣ пришлось кормить рѣзкою лошадей, чтобы поддержать ихъ и пахать, самыя тяжелыя условія займа казались возможными. Теперь изъ собраннаго зерна нужно отдать долгъ, накормить семью и приготовить сѣмена, но все это для крестьянина, не имѣющаго надѣльной земли, какъ, напримѣръ, въ деревнѣ Сомовкѣ, возможно лишь тогда, когда онъ полностью въ болѣе разсчетливыхъ экономіяхъ или въ половинной долѣ въ болѣе снисходительныхъ внесетъ арендную плату за землю. Въ нынѣшнемъ году это условіе кажется особенно ненормальнымъ и тяжелымъ. Вопросъ, гдѣ взять нужную сумму, становится для крестьянина неразрѣшимымъ: трудъ по уборкѣ хлѣба запроданъ по дешевой цѣнѣ еще въ ноябрѣ, или въ лучшемъ случаѣ—раннею весной, съ „покоса“ пока денегъ нѣтъ, а гречиха, имѣющая хорошій сбытъ на мѣстномъ рынкѣ, едва завязалась. Фабрикъ и заводовъ нѣтъ; скотъ можно сбыть по сносной цѣнѣ только на Покровской ярмаркѣ (1 октября); поденныя работы сведены до minimum'а: въ разгаръ работы мужчина получаетъ 45 к., женщина—25 к., а въ среднемъ — 40 и 20 к. Остается одинъ выходъ—заемъ у частныхъ лицъ за проценты, иногда очень большіе. Снова создается долгъ, и такъ до безконечности. Обычай удерживать копны до внесенія арендной платы такъ укоренился въ нашихъ мѣстахъ, что его излишне поддерживать распиской: существуетъ еще одинъ способъ уплаты за землю, практикуемый по большей части кулаками изъ купцовъ и крестьянъ-собственниковъ: паръ на урожай 1906 года раздается въ декабрѣ 1904 г., причемъ вносится $^1/_4$ арендной платы, т.-е. за 1 годъ и 7 мѣсяцевъ впередъ, весною 1905 г., второй взносъ, $^1/_4$ стоимости, и при выкупѣ копенъ—остальныя деньги. Трудно спорить о выгодности для съемщика и второго способа. Необходимо найти какой-нибудь третій способъ уплаты аренды, обезпечивающій и арендатора, и землевладѣльца безъ ущерба и насилія для каждаго изъ нихъ.

Нельзя не отмѣтить также и того обстоятельства, что неурожай и на помѣщичьихъ земляхъ нерѣдко косвенно вліяетъ во вредъ окрестнымъ крестьянамъ, уменьшая требованіе на рабочія руки во время уборки хлѣбовъ. Въ такомъ родѣ жалобы были, наприм., въ нынѣшнемъ году изъ Свіяжска, гдѣ къ началу покоса массами явились косари, такъ какъ ростъ травъ на волжскихъ поймахъ былъ нынче необыкновенно роскошенъ и они ожидали хорошаго заработка; но начавшіеся послѣ двухъ жаркихъ дней дожди заставили прекратить покосъ и уборку сѣна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и косари остались безъ работы. Въ Бессарабской губерніи изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ населеніе массами уходитъ на заработки въ губернію Таврическую, Херсонскую и даже Екатеринославскую. Но и въ Таврической губерніи цѣны на рабочія руки упали до минимума, рабочихъ всюду много, и массы ихъ ходятъ, не находя дѣла. Паденію цѣнъ способствовала, кромѣ плохого урожая, еще и грандіозная конкуренція между рабочими, прибывшими изъ Бессарабіи и нижними чинами мѣстныхъ войскъ, уволенными на вольныя работы. Многіе изъ рабочихъ обращаются съ просьбами объ отправленіи ихъ на родину за общественный счетъ. Изъ

Сибирскихъ губерній: Томской, Енисейской, идутъ, напротивъ, жалобы на повсемѣстный при хорошемъ урожаѣ недостатокъ рабочихъ рукъ.

Въ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерніяхъ мѣстною губернскою администраціей принимаются, или лучше сказать подготовляются, мѣры къ оказанію помощи пострадавшему населенію. Въ разосланномъ земскимъ управамъ циркулярѣ херсонскій губернаторъ предлагаетъ немедленно выяснить, имѣются ли, судя по степени ожидаемаго недорода, основанія къ оказанію пособія населенію въ формѣ общественныхъ работъ. Въ Бессарабской губерніи начальникомъ губерніи созвано совѣщаніе по вопросу о принятіи безотлагательныхъ мѣръ борьбы съ надвигающимся бѣдствіемъ.

Совѣщаніе, по словамъ *Бессарабца*, признало необходимымъ немедленно собрать свѣдѣнія о запасныхъ продовольственныхъ средствахъ, имѣющихся налицо, а равно о размѣрѣ средствъ, необходимыхъ на своевременное удовлетвореніе продовольственной и сѣменной нуждъ населенія пострадавшихъ отъ неурожая уѣздовъ. Губернаторъ предложилъ уѣзднымъ управамъ организовать общественныя работы и посредничество для урегулированія движенія рабочихъ. Бендерская уѣздная земская управа, по словамъ *Од. Нов.*, приняла энергичныя мѣры къ сохраненію имѣющихся въ распоряженіи населенія остатковъ корма прежнихъ лѣтъ, для чего разослала по уѣзду свыше 2,000 печатныхъ наставленій о способѣ приготовленія сѣчки изъ старой соломы, отпуская въ кредитъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ изъ склада сельско-хозяйственныхъ орудій соломорѣзки. Кромѣ того, управа открыла бюро для пріисканія работы и направленія крестьянъ, нуждающихся въ заработкахъ, причемъ предложила, какъ передаетъ *Од. Листокъ*, всѣмъ волостнымъ правленіямъ уѣзда объявить во всѣхъ селеніяхъ, чтобы нуждающіеся въ заработкѣ сдѣлали о томъ заявленіе въ управу и послѣдняя будетъ находить по мѣрѣ возможности имъ работу. Публиковать свѣдѣнія о существующихъ работахъ рѣшила и аккерманская земская управа. Въ числѣ мѣръ, направленныхъ къ поддержанію скота въ уѣздѣ, бендерская земская управа признала желательнымъ переводъ части скота на прокормленіе въ мѣстности урожайныя. Но этому препятствуетъ высота тарифа на перевозку скота по желѣзной дорогѣ. Въ виду этого управа просила губернатора ходатайствовать льготный пониженный тарифъ на перевозку скота и лошадей. Что же касается общественныхъ работъ, рекомендуемыхъ губернаторскимъ циркуляромъ, то на этой мѣрѣ, по словамъ *Од. Нов.*, останавливается, какъ на серьезной, одно только аккерманское земство, а прочія видятъ въ ней слишкомъ слабый палліативъ и считаютъ ее даже неосуществимой, такъ какъ работъ, которыя не требовали бы техническихъ познаній, почти нѣтъ, да и дорожнаго капитала слишкомъ мало, чтобы работы эти дали населенію сколько-нибудь существенное подспорье.

Съ этимъ взглядомъ нельзя не согласиться. Общественныя работы, придумываемыя спеціально для оказанія помощи голодающимъ, заключаютъ въ самихъ себѣ противорѣчіе: если онѣ нужны, то ихъ надо дѣлать какъ слѣдуетъ, въ удобное время и въ удобныхъ условіяхъ, а не на спѣхъ, зарание подготовлять матеріалъ, нанимать наиболѣе свѣдущихъ и способныхъ рабочихъ и т. п., что все совершенно не вяжется съ продовольственными цѣлями. Если же эти работы сами по себѣ не нужны, то гораздо проще прямо выдавать деньги нуждающимся, не заставляя голодныхъ людей дѣлать то, къ чему они непривычны и неспособны, и не производя такихъ работъ, какъ рубка лѣсу, который не найдетъ себѣ сбыта, или

постройка дорогъ, которыя потомъ не будутъ ремонтироваться. Даже въ нравственномъ смыслѣ простая выдача денегъ намъ кажется гораздо менѣе развращающей, чѣмъ эта комедія работъ, о которой и заказчики, и рабочіе знаютъ, что она дѣлается только для того, чтобы одинъ благовиднымъ образомъ выдалъ деньги, а другой ихъ получилъ. Для насъ представляется сомнительной и полезность другой предполагаемой мѣры: принятіе на себя администраціей или земствомъ посредничества по пріисканію работъ. Такія посредническія бюро могли бы быть очень полезны, но лишь въ томъ случаѣ, если бы они представляли собою постоянное учрежденіе, которое заранѣе собирало бы свѣдѣнія о томъ, гдѣ есть спросъ на работу и гдѣ ея предложеніе. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что для успѣшнаго и обоюдно-полезнаго посредничества мало знать, что въ одномъ мѣстѣ есть свободные рабочіе, а въ другомъ—ощущается въ нихъ недостатокъ. Необходимо еще опредѣлить, насколько для каждой стороны могутъ быть удобопріемлемы тѣ условія, которыя могутъ быть предложены другою стороною; необходимо считаться съ условіями мѣста и времени, удобствомъ передвиженія, большимъ или меньшимъ знакомствомъ населенія различныхъ мѣстностей съ разнаго рода работами и съ условіями жизни въ другихъ мѣстностяхъ. Для всего этого требуется, очевидно, очень большая предварительная подготовка; безъ нея же объявлять о своемъ посредничествѣ и предлагать безработнымъ обращаться въ земскія управы, намъ кажется прямо рискованнымъ, такъ какъ весьма возможно, что такое объявленіе возбудитъ въ населеніи такія надежды, которыя управа потомъ не въ состояніи будетъ удовлетворить. Что касается до устройства постоянныхъ справочныхъ рабочихъ бюро, то за это дѣло, конечно, всего удобнѣе было бы взяться земству, но въ этомъ случаѣ могутъ оказаться формальныя препятствія. Правильная и успѣшная дѣятельность такихъ бюро была бы возможна не иначе, какъ при постоянномъ сношеніи между собою всѣхъ земскихъ управъ. Между тѣмъ такія сношенія администраціей не всегда признаются дозволенными. Какъ на примѣръ такого взгляда, можно указать на появившійся нынѣшней весной и обратившій на себя общее вниманіе циркуляръ казанскаго губернатора. Въ циркулярѣ этомъ, между прочимъ, говорится, что «изъ получаемыхъ губернаторомъ свѣдѣній усматривается, что нѣкоторыя земскія собранія и управы при обсужденіи разнаго рода мѣропріятій, относящихся къ сферѣ дѣятельности земскихъ учрежденій, не ограничиваются возбужденіемъ и разсмотрѣніемъ вопросовъ въ порядкѣ, установленномъ Полож. о земск. учрежд. 12 іюня 1890 г., но приглашаютъ къ соучастію въ совѣщаніяхъ представителей земствъ сосѣднихъ и другихъ губерній и входятъ съ ними въ сношенія и соглашенія». «Между тѣмъ,—далѣе говорится въ циркулярѣ,—подобныя соглашенія представителей земскихъ учрежденій разныхъ губерній вовсе не предусмотрѣны закономъ, на основаніи котораго кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій ограничивается предѣлами губерніи или уѣзда, подвѣдомственныхъ каждому изъ этихъ учрежденій (ст. 3 Полож. о земск.

учрежден.), а потому и не должны быть допускаемы безъ особаго на то разрѣшенія высшей власти, потому что всѣ подобныя дѣйствія являются нарушеніемъ закона, къ разъясненію точнаго смысла котораго имѣется достаточно указаній какъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ и со стороны сената». Въ циркулярѣ приводится рядъ такихъ указаній.

Трудно допустить, чтобы циркуляръ казанскаго губернатора былъ его личнымъ распоряженіемъ; скорѣе надо думать, что онъ выражаетъ собою общій правительственный взглядъ на взаимныя отношенія земствъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что подобныя же требованія уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ были обращены къ земскимъ управамъ многихъ губерній; да и въ настоящее время, по слухамъ, циркуляръ казанскаго губернатора не является единичнымъ. Московская губернская управа, говорятъ, получила тоже запросъ такого рода. Конечно, до извѣстной степени могло представляться возможнымъ, что, въ виду установившейся за послѣднее время практики, когда земскія соглашенія по разнымъ вопросамъ сдѣлались довольно обыкновеннымъ явленіемъ, формальныя требованія объ изоляціи отдѣльныхъ земствъ, предъявлявшіяся ранѣе, будутъ признаны несвоевременными. Разсуждая по существу дѣла, безъ сомнѣнія трудно себѣ представить, какой вредъ для кого бы то ни было можетъ произойти отъ того, что нѣсколько уѣздныхъ или губернскихъ управъ, у которыхъ, конечно, можетъ оказаться очень много общихъ или однородныхъ интересовъ, войдутъ между собою въ переписку или для ознакомленія съ тѣмъ, какъ то или иное дѣло выполняется тѣмъ земствомъ, гдѣ оно лучше поставлено, или даже для оказанія взаимной помощи и содѣйствія одного земства другому. Бывали, наприм., такіе случаи: тверское земство, желая оказать поддержку сѣтному промыслу, которымъ занимается значительная часть населенія Осташевскаго уѣзда, Тверской губерніи, вошло въ соглашеніе съ псковскимъ земствомъ, которое приняло на себя посредничество по сбыту осташевскихъ сѣтей псковскимъ рыбакамъ съ цѣлью улучшенія экономическаго положенія послѣднихъ. Такимъ образомъ отъ соглашенія двухъ земствъ послѣдовала выгода для части населенія той или другой губерніи. То же тверское земство долгое время поставляло изъ своего аптечнаго склада медикаменты нѣсколькимъ уѣзднымъ земствамъ другихъ губерній по взаимной выгодѣ обоихъ контрагентовъ. Всѣ такія соглашенія не могли быть, конечно, установлены безъ предварительныхъ переговоровъ и переписки. Въ послѣднее время многія земства вступили въ хозяйственные союзы для перестрахованія, или для совмѣстной покупки желѣза, сѣмянъ, сельско-хозяйственныхъ орудій и проч. Эти союзы учреждались съ вѣдома и даже отчасти при содѣйствіи правительства. Но какъ бы они могли устроиться безъ предварительныхъ сношеній и переговоровъ? Не совсѣмъ ясно является и то, какія мѣры могутъ принимать предсѣдатели управъ «къ недопущенію» послѣднихъ входить въ сношенія и соглашенія съ земствами другихъ губерній. Не говоря уже о томъ, что такая роль весьма

мало подходитъ къ положенію выборнаго представителя земскихъ инте
совъ, никакія мѣры не могли бы помѣшать членамъ управы или завѣ
ющимъ лицамъ входить въ сношенія съ соотвѣтствующими представител
другихъ управъ путемъ личнаго свиданія или частной переписки, такъ чт
всякое запрещеніе сношеній являлось бы чисто формальнымъ. Всѣ такія
соображенія давали, можетъ быть, основаніе надѣяться на невозобновлені
въ настоящее время запрещенія отдѣльнымъ земствамъ сноситься между
собою. Но такія ожиданія разрушаются циркуляромъ казанскаго губер
натора, указывающимъ на то, что по отношенію къ этому вопросу прави
тельственные взгляды не измѣнились. Однако правительствующій сенат
смотритъ на дѣло, повидимому, нѣсколько иначе, судя по мотивамъ рѣ
шенія 1-го департамента сената, состоявшагося по жалобѣ тверской гу
бернской земской управы на циркулярное распоряженіе министра внутрен
нихъ дѣлъ по вопросу о сношеніяхъ между собою земскихъ и городских
управъ разныхъ губерній по предметамъ, имѣющимъ общегосударственны
характеръ. Губернская управа, дѣйствовавшая по постановленію собранія
мотивировала свою жалобу тѣмъ, что 194 ст. общ. губ. учр., на которую
ссылался министерскій циркуляръ относится только до собраній и распо
странять ее на исполнительные органы не имѣется основаній. Сенатъ отк
залъ въ жалобѣ, но мотивировалъ свой отказъ не тѣмъ, что земскія со
бранія и управы не имѣютъ права вообще сноситься другъ съ другом
а тѣмъ, что «сущность обжалованнаго циркуляра сводится къ воспрещен
земскимъ управамъ сноситься съ таковыми же учрежденіями по дѣламъ
мѣстнаго, а общегосударственнаго характера и содержитъ въ себѣ ли
подтвердительное указаніе на обязанность земскихъ управъ ограничивать
въ своей дѣятельности кругомъ вѣдомства земскихъ учрежденій».

Съ этой точки зрѣнія, стоя на буквѣ закона, сенатъ былъ прав
отказавши тверской управѣ въ ея жалобѣ, но подчеркивая, что въ да
номъ случаѣ дѣло идетъ о воспрещеніи земскимъ управамъ вступ
въ сношенія и соглашенія по предметамъ общегосударственнаго, а
мѣстнаго характера, рѣшеніе это тѣмъ самымъ заставляетъ сдѣлать лог
ческій выводъ, что сношенія по предметамъ не общегосударственнаго,
мѣстнаго характера не воспрещены, что уже расходится съ циркуляро
казанскаго губернатора, говорящимъ о всякихъ вообще сношеніяхъ и с
глашеніяхъ земствъ разныхъ губерній. На практикѣ, конечно, всегда б
детъ очень трудно опредѣлить, есть ли данный вопросъ общегосударстве
ный или мѣстный. Если всякій предметъ, представляющій интересъ
исключительно для одной губерніи, считать уже по одному этому выход
щимъ изъ круга земской дѣятельности, то запрещеніе сношеній по об
государственнымъ дѣламъ легко можетъ быть сведено на практикѣ къ
прещенію всякихъ сношеній. Вотъ хоть бы вопросъ о посредничест
между рабочими изъ одной губерніи и работодателями изъ другой. Въ тр
ные моменты неурожая и безработицы такое посредничество, невозмож
безъ сношенія съ другими земствами, не только не воспрещается, но д

рекомендуется администраціей. Но что законно для земствъ двухъ губерній, то законно и для двадцати, что дозволяется въ моментъ нужды, то не можетъ быть запрещено и въ видахъ предупрежденія нужды. Пока что, именно эта разрозненность земствъ въ дѣлѣ экономическихъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью не временную помощь, а болѣе постоянное содѣйствіе улучшенію народнаго хозяйства, ведетъ къ тому, что въ этой области до сихъ поръ дѣлаются только отрывочные опыты. Каждое земство выдумываетъ и пробуетъ что-нибудь свое и пробуетъ почти всегда съ недостаточными средствами. И въ настоящее время мы можемъ указать многіе такіе опыты, доказывающіе во всякомъ случаѣ, что интересъ къ общественной дѣятельности не изсякъ и теперь несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ, конечно, война, отвлекающая къ себѣ и вниманіе и средства. И безъ сомнѣнія многіе изъ этихъ опытовъ въ своей ограниченной сферѣ приносятъ извѣстную долю пользы, хотя, конечно, не такими мелкими и случайными мѣрами можно успѣшно бороться съ констатируемымъ повсюду общимъ оскудѣніемъ народныхъ массъ. Въ числѣ такихъ опытовъ, предпринятыхъ земствами въ послѣднее время, можно указать, наприм., на производимую саратовской уѣздной земской управой операцію снабженія крестьянъ рабочимъ скотомъ. Разумѣется и это дѣло ведется въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ вслѣдствіе незначительности средствъ, которыя могли быть ассигнованы на этотъ предметъ. Во Владимірской губерніи довольно успѣшно идетъ дѣло по устройству въ деревняхъ кредитныхъ товариществъ. До послѣдняго года въ губерніи существовало всего четыре кредитныхъ товарищества и одно ссудо-сберегательное. Дѣятельность ихъ шла вполнѣ успѣшно. Позапрошлое губернское земское собраніе постановило выдавать ссуды на кредитныя товарищества въ размѣрѣ отъ 500 р. до 1,000 р. Судогодскій уѣздъ, выдѣляющійся среди остальныхъ дѣятельною агрономическою организаціей, идетъ впереди и по пропагандѣ кредитныхъ товариществъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ тамъ открылось кредитное товарищество въ с. Ильинскомъ, на-дняхъ открывается другое—мызинское. Въ первомъ — до 100 членовъ, во второмъ — до 40. Кромѣ того, ведутся переговоры объ образованіи товариществъ въ семи другихъ волостяхъ. Основныя средства: 500 руб. отъ земства, 1,000 руб. отъ государственнаго банка и членскіе взносы. Кромѣ того, уже теперь начинаютъ поступать со стороны крестьянъ вклады. Это довѣріе къ кредитнымъ товариществамъ при самомъ ихъ возникновеніи объясняется тѣмъ, что крестьяне видятъ, что все это дѣло они имѣютъ въ своихъ рукахъ, и эта увѣренность въ успѣхѣ возникающаго новаго дѣла чрезвычайно цѣнна. Ильинское кредитное товарищество находится въ округѣ офеней (косниковъ, съ книгами и пр.), которые, какъ обычное явленіе, берутъ взаймы деньги у кулаковъ по 150—200% годовыхъ; теперь же товарищество даетъ имъ всего за 8% по долгосрочному займу и за 12%—по краткосрочному. Дмитровская земская управа предполагаетъ въ первыхъ числахъ сентября открыть

въ Дмитровѣ учебную слесарную мастерскую, а затѣмъ, послѣ этого перваго опыта, открывать и другія спеціальныя учебныя мастерскія съ цѣлью распространять между крестьянами практическія сельско-хозяйственныя свѣдѣнія. На первую очередь поставлена слесарная мастерская, потому что однимъ изъ условій, особенно затрудняющихъ употребленіе въ крестьянскихъ хозяйствахъ усовершенствованныхъ машинъ и орудій, является неумѣніе ихъ ремонтировать. При мастерской будетъ также кузница, гдѣ будутъ обучать раціональной ковкѣ лошадей подъ руководствомъ земскаго ветеринарнаго врача. Вообще земство черезъ свои сельско-хозяйственные склады прилагаетъ въ послѣднее время большія старанія къ распространенія между населеніемъ улучшенныхъ орудій и во многихъ мѣстахъ достигло довольно значительныхъ результатовъ. Путемъ этихъ же складовъ распространяются и улучшенныя сѣмена. На результаты дѣятельности земскихъ складовъ указываетъ между прочимъ ярославская корреспонденція *Русскихъ Вѣдомостей:* «Земскіе сельско-хозяйственные склады,—говорится въ ней,—стараются по возможности пріобрѣтать сѣмена изъ первыхъ рукъ отъ наиболѣе извѣстныхъ хозяйствъ, минуя коммиссіонеровъ».

Обращаясь осенью каждаго года во всѣ извѣстныя земству сѣменныя хозяйства и торговли съ запросами о томъ, какія имѣются на продажу сѣмена, какое количество и по какой цѣнѣ, земскіе сельско-хозяйственные склады, получая образцы, имѣютъ возможность путемъ приращиванія, опредѣленія натуры, степени засоренности и т. п., сравнивать достоинство сѣмянъ различныхъ хозяйствъ, принимая во вниманіе какъ качества сѣмянъ, такъ и цѣны. Благодаря этому земства получаютъ возможность установить наиболѣе выгодныя условія для покупки, выбирая притомъ лучшій товаръ и пользуясь наравнѣ съ крупными оптовыми покупщиками большою уступкой, вслѣдствіе чего и населенію сѣмена обходятся гораздо дешевле. Въ 1899 г. орловская губернская земская управа, войдя въ соглашеніе со многими земскими управами другихъ губерній, въ томъ числѣ и Ярославской, сдѣлала первый опытъ совмѣстной закупки орудій и сѣмянъ за границей и въ Россіи для земскихъ сельско-хозяйственныхъ складовъ. Опытъ оказался удачнымъ: такъ, плугъ Эккерта „Реформа", выписывавшійся ранѣе отъ фирмы „Работникъ", обходился ярославскому сельско-хозяйственному земскому складу 51 р. 52 к., чрезъ орловское же земство тотъ же плугъ уже стоилъ только 45 р. То же самое подтвердилъ опытъ слѣдующихъ лѣтъ и при другихъ покупкахъ. Разумѣется, быстрое развитіе оборотовъ земскихъ сельско-хозяйственныхъ складовъ не осталось безъ вліянія на размѣры оборотовъ частныхъ складовъ и на условія продажи товара послѣдними. Въ силу этого нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось также понизить цѣны на товаръ и уменьшить взимаемый коммиссіонный процентъ. Для парализованія же оборотовъ земскихъ сельско-хозяйственныхъ складовъ нѣкоторыя изъ фирмъ поспѣшили заключить условія съ заграничными заводами и поставщиками, въ силу которыхъ послѣдніе могли отпускать въ Россію свой товаръ лишь чрезъ руки этихъ фирмъ. Естественно, что такая синдикатская дѣятельность коммиссіонныхъ русскихъ фирмъ должна была вызвать объединеніе земствъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждое изъ земствъ входило въ непосредственныя сношенія съ фабриками и заводами. Какъ разъ въ теченіе настоящаго и ближайшихъ лѣтъ истекаютъ сроки условіямъ, заключеннымъ русскими коммиссіонными фирмами съ различными заграничными фабриками и заводами, и теперь-то земствамъ необходимо поспѣшить, съ своей стороны, войти въ непосредственныя сношенія съ послѣдними.

Дѣятельность земскихъ сельско-хозяйственныхъ складовъ и вообще

экономическая дѣятельность земства обратила на себя вниманіе и правительственныхъ учрежденій. Такъ, изъ той же корреспонденціи мы узнаемъ, что въ ярославскую губернскую земскую управу поступило отъ ярославскаго губернатора отношеніе, которымъ послѣдній проситъ управу сообщить о томъ: 1) откуда и на какихъ условіяхъ пополняются имѣющіеся въ Ярославской губерніи сельско-хозяйственные склады; 2) образованы ли при отдѣльныхъ земствахъ посредническія бюро для совмѣстной закупки земствами различныхъ предметовъ для означенныхъ складовъ, и если таковыя бюро образованы, то на какихъ основаніяхъ они дѣйствуютъ; 3) можно ли ожидать по мѣстнымъ условіямъ, что организація подобнаго рода посредническихъ бюро дастъ выгоду по закупкѣ матеріаловъ и какъ значительна можетъ быть эта выгода.

Въ Рязанской губерніи всѣ земскія управы получили циркулярное предложеніе главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства сообщить отвѣты на вопросы: 1) Не происходило ли при управѣ совѣщаній по вопросу объ организаціи посредническаго бюро для совмѣстной закупки сельскохозяйственныхъ товаровъ; 2) не существуетъ ли уже подобнаго бюро при управѣ, и 3) дѣйствительно ли можно ожидать выгоды отъ дѣятельности подобныхъ бюро и какъ великъ можетъ быть размѣръ этихъ выгодъ. По сообщеніямъ управъ оказалось, что ни совѣщаній, ни посредническихъ бюро при нихъ не было организовано. Что же касается третьяго вопроса, то по этому поводу губернская управа сообщила, что, по порученію губернскаго земскаго собранія сессіи 1902 года, она сносилась съ уѣздными управами Рязанской губерніи, прося ихъ высказать свой взглядъ на объединеніе дѣятельности мѣстныхъ земскихъ складовъ при губернской управѣ, при чемъ всѣ уѣздныя земскія управы выразили сочувствіе подобной мѣрѣ, могущей очень значительно удешевить цѣны на сельско-хозяйственные товары, пріобрѣтенные земскими складами для распространенія среди сельскаго населенія.

Безъ сомнѣнія такіе же запросы должны быть получены и въ другихъ губерніяхъ. Было бы крайне желательно, чтобы отвѣты на нихъ были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе, такая сводка ихъ дала бы крайне интересную картину дѣятельности земства въ этой области за послѣднее время, о которой доходятъ большею частью лишь отрывочныя свѣдѣнія черезъ газетныхъ корреспондентовъ.

Такъ, по словамъ *Саратовскаго Дневника* губернская управа въ настоящее время организуетъ съѣздъ представителей сельско-хозяйственныхъ об ществъ въ губерніи. Въ разосланной по обществамъ ея бумагѣ по этому пр мету говорится, что наиболѣе цѣлесообразной и прочно организованной фо лой содѣйствія земству со стороны самого населенія въ земской дѣятельно и по сельскому хозяйству являются всякія товарищескія организаціи пр близкой связи и постоянномъ взаимодѣйствіи съ этими учрежденіями гу рнское и уѣздныя земства и намѣрены развивать свои мѣропріятія по по ржкѣ сельскаго хозяйства. Для установленія этой постоянной связи

и взаимодѣйствія между товариществами всякаго рода и обществами губернское земство признало желательнымъ созвать въ Саратовѣ въ теченіе осени этого года съѣздъ ихъ представителей для обсужденія, съ одной стороны, возможнаго участія и поддержки со стороны земства всякихъ общественныхъ и товарищескихъ организацій, съ другой стороны—для выясненія, какую помощь земскимъ сельско-хозяйственнымъ мѣропріятіямъ могутъ оказать эти организаціи.

Харьковское губернское земство приступаетъ къ изученію кустарной промышленности въ Харьковской губерніи, имѣя въ виду цѣлый рядъ мѣропріятій для улучшенія мѣстныхъ промысловъ. Въ силу состоявшагося въ этомъ смыслѣ постановленія собранія экономическій отдѣлъ разослалъ въ серединѣ іюля всѣмъ своимъ частнымъ корреспондентамъ до тысячи вопросныхъ бланковъ съ просьбой дать свѣдѣнія о томъ: а) какіе промыслы развиты въ данномъ селеніи, б) сколько занято промысломъ семействъ, мужчинъ и женщинъ и в) куда сбываютъ кустари свои произведенія. О промыслахъ, наиболѣе нуждающихся въ улучшеніи и содѣйствіи губернскаго земства, отдѣлъ проситъ корреспондентовъ сдѣлать особую отмѣтку или же отдѣльно сообщить въ губернскую управу.

Наконецъ, 17 и 18 августа при московской губернской земской управѣ состоялся съѣздъ земскихъ агрономовъ Московской губерніи. На этомъ съѣздѣ былъ заслушанъ весьма интересный докладъ о дѣятельности московскаго губернскаго земскаго сельско-хозяйственнаго склада; изъ этого доклада видно, что

изъ склада сельско-хозяйственныхъ орудій и сѣмянъ населенію преимущественно Московской губерніи продано на 175,000 р., кровельнаго желѣза въ предѣлы Московской губерніи продано складомъ на 130,000 р. Совѣщаніе нашло, что ассигнованныя московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ суммы въ 200,000 р., на пріобрѣтеніе для склада орудій, сѣмянъ и желѣза, совершенно недостаточны, и рѣшило ходатайствовать чрезъ губернскую управу у собранія объ увеличеніи этихъ суммъ до 400,000 р.; выяснилось, что вслѣдствіе синдиката производителей стоимость машинныхъ кровельныхъ гвоздей повысилась на 30—50%; выписывать же изъ-за границы, гдѣ цѣна на нихъ значительно ниже, не представляется возможнымъ вслѣдствіе высокой пошлины. Совѣщаніе агрономовъ высказалось, что московскому губернскому земскому складу и въ будущемъ слѣдуетъ продолжать непосредственно связь съ американскими фирмами по выпискѣ мелкаго сельско-хозяйственнаго инвентаря. Затѣмъ было доложено о результатахъ частныхъ совѣщаній земскихъ агрономовъ и завѣдующихъ сельско-хозяйственными складами, происходившихъ текущимъ лѣтомъ въ Орлѣ, Тулѣ и Москвѣ. Совѣщаніе московскихъ агрономовъ изъявило согласіе примкнуть къ общей организаціи по закупкѣ земскими складами различныхъ потребныхъ для нихъ вещей. Въ концѣ совѣщанія выяснилось, что вопросъ о выдачѣ населенію ссудъ на сельско-хозяйственныя нужды изъ губернскаго земскаго продовольственнаго капитала значительно осложнился за послѣднее время съ переходомъ земскихъ продовольственныхъ капиталовъ въ вѣдѣніе губернскихъ присутствій; пользоваться этимъ капиталомъ въ настоящее время весьма затруднительно, несмотря на то, что земство при пользованіи этимъ капиталомъ уплачиваетъ извѣстный процентъ.

Въ Архангельской губерніи, гдѣ нѣтъ земства, заботы объ экономическомъ содѣйствіи населенію принимаетъ на себя до извѣстной степени

мѣстная администрація. Архангельскій губернскій распорядительный комитетъ внесъ въ смѣту на слѣдующее трехлѣтіе 1905—1907 годъ около 12 тыс. руб. на агрономическую организацію.

Кромѣ общественныхъ силъ, на этомъ поприщѣ работаютъ и отдѣльныя лица. Подобно извѣстному устроителю артелей въ шестидесятыхъ годахъ Н. В. Верещагину въ настоящее время насажденіемъ артелей занимается Н. В. Левитскій, только задача послѣдняго гораздо обширнѣе и труднѣе. Верещагинскія артели были въ сущности союзами мелкихъ хозяевъ, тогда какъ артели г. Левитскаго имѣютъ въ виду быть настоящими рабочими коопераціями, притомъ въ самой сложной отрасли промышленности, въ земледѣліи. Неудивительно, что предпріятія г. Левитскаго далеко не всегда оказываются удачными, и въ особенности не всегда прочными, что однако не мѣшаетъ ихъ организатору настойчиво продолжать свое дѣло. Любопытенъ разсказъ Н. В. Левитскаго о бесѣдѣ его по поводу артелей съ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ-Плеве. На жалобы г. Левитскаго о притѣсненіяхъ со стороны администраціи, министръ отвѣтилъ, что артельныя предпріятія отнынѣ будутъ функціонировать въ имперіи какъ узаконенныя учрежденія. По словамъ г. Левитскаго въ министерствѣ финансовъ уже разработанъ образецъ уставовъ артелей, что, конечно, облегчитъ затрудненія артельщиковъ при организаціи артели и выработкѣ устава. Недавно вышло общее узаконеніе, касающееся другого рода ассоціацій—кредитныхъ. Въ немъ объ артеляхъ говорится уже какъ о признанныхъ, правомѣрныхъ учрежденіяхъ. Новый законъ, о которомъ мы говоримъ—Высочайше утвержденное 7 іюня 1904 г. Положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита. Сущность его, которую мы постараемся передать здѣсь, состоитъ въ объединеніи всѣхъ ранѣе дѣйствовавшихъ правилъ относительно различныхъ формъ учрежденій мелкаго кредита и въ установленіи опредѣленнаго отношенія къ ихъ государственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Положеніе раздѣляетъ всѣ учрежденія мелкаго кредита на двѣ категоріи: къ одной относятся кредитныя товарищества, ссудо-сберегательныя товарищества, общественныя (сельскія и волостныя) ссудо-сберегательныя кассы и земскія кассы, вообще учрежденія свободно возникающія по иниціативѣ общественной или частной на основаніи правилъ, указанныхъ въ Положеніи. Къ другой—относятся вспомогательныя и сберегательныя кассы бывшихъ государственныхъ крестьянъ, сельскіе банки и др. т. п. кредитныя учрежденія, дѣйствующія на основаніи особыхъ узаконеній и уставовъ, хотя относительно завѣдыванія ими и подчиняющіеся дѣйствію настоящаго положенія. Наибольшій интересъ представляютъ, конечно, кредитныя учрежденія перваго рода, какъ имѣющія вѣроятность развиваться болѣе свободно, а потому и болѣе широко. Особенно можно разсчитывать на широкое распространеніе земскихъ кассъ, которыя на основаніи образцовыхъ уставовъ могутъ быть открываемы безъ особаго разрѣшенія, равно какъ и образуемыя при содѣйствіи земства кредитныя и ссудосберегательныя товарищества. Всѣмъ кредитнымъ учреж-

деніямъ, подходящимъ подъ дѣйствіе настоящаго положенія, послѣднее присвояетъ права юридическихъ лицъ съ нѣкоторыми ограниченіями относительно пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ. Имъ предоставляется также для объединенія ихъ дѣятельности и установленія взаимныхъ между ними сношеній—образовывать союзы. Впредь до утвержденія въ законодательномъ порядкѣ правилъ о сихъ союзахъ, они образуются на основаніяхъ, устанавливаемыхъ въ подлежащихъ случаяхъ, Высочайше утвержденными положеніями комитета министровъ, по представленіямъ министра финансовъ. Учрежденіямъ мелкаго кредита предоставляется: 1) выдавать ссуды на оборотныя средства, на пріобрѣтеніе инвентаря и на хозяйственныя улучшенія, 2) посредничать по оборотамъ, въ томъ числѣ главнѣйше по покупкѣ необходимыхъ для хозяйства предметовъ и по продажѣ произведеній хозяйства и 3) принимать денежные вклады и заключать займы.

Посредническія операціи, требующія денежныхъ затратъ, какъ, напримѣръ, покупка необходимыхъ для хозяйства предметовъ, совершаются за личный счетъ довѣрителей. За свой собственный счетъ учрежденія мелкаго кредита могутъ покупать означенные предметы, равно какъ произведенія хозяйства, исключительно на суммы образованныхъ для этой цѣли спеціальныхъ капиталовъ, но не на общія оборотныя свои средства.

Кредитныя и ссудосберегательныя товарищества могутъ производить ссудныя и посредническія операціи только для своихъ членовъ, а сельскія и волостныя кассы только для членовъ ихъ обществъ. Ссуды на образованіе основныхъ капиталовъ учрежденій мелкаго кредита могутъ быть выдаваемы отъ казны и отъ земства. Для производства выдачъ изъ казны образуется особый капиталъ, составляемый: а) изъ остаточныхъ суммъ бывшаго особаго комитета для помощи нуждавшимся по случаю неурожаевъ 1891—1892 гг., и б) изъ ассигнованій изъ государственнаго казначейства на нужды мелкаго кредита. Учрежденія, пользующіяся ссудой изъ казны, подлежатъ правительственной ревизіи.

Общее завѣдываніе учрежденіями мелкаго кредита всякаго рода и наименованія ввѣряется министерству финансовъ, по государственному банку, и возлагается на образуемое при этомъ банкѣ управленіе по дѣламъ мелкаго кредита.

Къ предметамъ вѣдомства послѣдняго принадлежатъ: 1) попеченіе о развитіи мелкаго кредита; 2) распоряженіе капиталомъ, назначеннымъ на нужды мелкаго кредита (ст. 28); 3) изданіе уставовъ и правилъ дѣйствій учрежденій мелкаго кредита и 4) высшій надзоръ за этими учрежденіями и руководительство ихъ дѣятельностью.

34. Управленіе по дѣламъ мелкаго кредита составляютъ: 1) комитетъ по дѣламъ мелкаго кредита, 2) управляющій этими дѣлами, 3) помощникъ управляющаго, 4) ревизоры и 5) канцелярія.

35. Комитетъ по дѣламъ мелкаго кредита состоитъ подъ предсѣдательствомъ управляющаго дѣлами сего кредита изъ назначаемыхъ главными начальниками подлежащихъ вѣдомствъ членами комитета чиновъ: земскаго отдѣла, главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, отдѣла сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики, особенной канцеляріи по кредитной части государственнаго банка и государственнаго контроля, по одному представителю отъ названныхъ учрежденій, а также изъ помощника управляющаго дѣлами мелкаго кредита.

36. Обязанности управляющаго дѣлами мелкаго кредита возлагаются на одного

изъ членовъ совѣта государственнаго банка, назначаемаго для того Высочайшимъ приказомъ, по представленію министра финансовъ. Помощникъ управляющаго дѣлами мелкаго кредита, ревизоры и правитель канцеляріи назначаются, равнымъ образомъ, Высочайшими приказами, по представленію министра финансовъ.

Завѣдываніе на мѣстахъ дѣлами мелкаго кредита ввѣряется особымъ комитетамъ, которыя въ земскихъ губерніяхъ и въ тѣхъ, гдѣ имѣются органы управленія земскимъ хозяйствомъ (въ западныхъ губерніяхъ), состоятъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, предсѣдателя губернской и мѣстной уѣздной земскихъ, или по дѣламъ земскаго хозяйства, управъ, одного изъ членовъ губернской земской, или по дѣламъ земскаго хозяйства, управы по назначенію губернскаго земскаго собранія или комитета по дѣламъ земскаго хозяйства, одного изъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по назначенію губернатора, представителя мѣстнаго управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ, по назначенію начальника сего управленія и управляющаго конторой или отдѣленіемъ государственнаго банка.

Въ прочихъ губерніяхъ составъ комитетовъ опредѣляется соглашеніемъ министровъ финансовъ и земледѣлія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ или военнымъ по принадлежности. Къ вѣдѣнію губернскихъ комитетовъ относится разрѣшеніе открытія учрежденій мелкаго кредита, когда оно требуется, представленіе главному комитету ходатайствъ о ссудахъ изъ казны, представленіе ему же различныхъ предположеній и заключеній, назначеніе ревизій и составленіе отчета по губерніи. Затѣмъ ближайшій надзоръ за такими учрежденіями, какъ волостные и сельскіе банки и кассы, поручается земскимъ начальникамъ, а за образованными съ помощью земства ссудосберегательными и кредитными товариществами и земскими кассами—земскимъ управамъ. Въ случаѣ учрежденія въ губерніи или уѣздѣ земской кассы мелкаго кредита, надзоръ за образованными при содѣйствіи земства кредитными и ссудосберегательными товариществами можетъ быть возложенъ, по постановленію земскаго собранія или комитета по дѣламъ земскаго хозяйства, на управленіе означенной кассы.

53. На управляющихъ конторами и отдѣленіями государственнаго банка возлагается: 1) попеченіе о снабженіи учрежденій мелкаго кредита оборотными средствами посредствомъ открытія имъ кредитовъ на основаніи устава означеннаго банка; 2) надзоръ за учрежденіями, пользующимися такими кредитами и назначеніе собственною властью ихъ ревизіи и 3) наблюденіе за положеніемъ дѣлъ тѣхъ пользующихся изъ казны ссудой на образованіе основныхъ капиталовъ учрежденій, которыя не подвѣдомственны ни земскимъ начальникамъ, ни земскимъ или по дѣламъ земскаго хозяйства управамъ.

54. При конторахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка состоятъ въ распоряженіи управляющихъ инспекторы мелкаго кредита, назначаемые на должность управляющимъ дѣлами мелкаго кредита. Они производятъ

ревизіи по порученіямъ главнаго или губернскихъ комитетовъ и управляющихъ конторами государственнаго банка. По учрежденіямъ, пользующимся ссудой изъ казны или кредитомъ въ государственномъ банкѣ инспекторамъ предоставляется созывать чрезвычайныя общія собранія и временно устранять отъ завѣдыванія дѣлами учрежденія лицъ, принадлежащихъ къ составу его управленія. Въ отношеніи учрежденій, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ или земскимъ управамъ, инспекторъ не приводя означенныхъ выше мѣръ въ исполненіе собственною властью, сообщаетъ о необходимости принятія ихъ названнымъ лицамъ или управамъ. Если указанныя лица или управы не примутъ, засимъ, этихъ мѣръ, то инспекторъ доводитъ о семъ до свѣдѣнія губернскаго комитета.

Таковъ общій строй предположенныхъ учрежденій. Нечего, разумѣется, и говорить о томъ, насколько организація мелкаго кредита является насущною потребностью для огромнаго большинства русскаго населенія и насколько поэтому заслуживаетъ сочувствія всякая попытка въ этомъ направленіи, но именно важность этого дѣла и требуетъ серьезнаго критическаго къ нему отношенія. Важно, конечно, то, въ какія формы выльется эта организація, но еще важнѣе то, какой характеръ она получитъ въ практическомъ ея выполненіи: всякая организація, какова бы ни была ея внѣшняя форма, можетъ дѣйствовать сильно и слабо, энергично или вяло, проникая глубоко въ жизнь, или оставаясь на поверхности. Относительно формы и характера самихъ учрежденій мелкаго кредита, узаконяемыхъ положеніемъ 7 іюня возражать нѣтъ основанія. По всей вѣроятности, наиболѣе цѣлесообразными и живучими окажутся кредитныя товарищества и земскія кассы, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы и другія формы кредитныхъ учрежденій, какъ, наприм., бывшія одно время—въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ въ большомъ ходу ссудосберегательныя товарищества въ отдѣльныхъ случаяхъ не оказались бы удачными, какъ этому извѣстны очень многіе примѣры. Точно также въ нѣкоторыхъ случаяхъ при благопріятныхъ условіяхъ и старые крестьянскіе банки приносили свою долю пользы. Во всякомъ случаѣ, чѣмъ больше въ устройствѣ кредитныхъ учрежденій допускается разнообразія, тѣмъ легче выбрать для каждаго даннаго случая болѣе подходящую форму. Гораздо болѣе сомнѣній возникаетъ относительно цѣлесообразности устройства различныхъ завѣдующихъ инстанцій. Во-первыхъ, едва ли для успѣшнаго развитія мелкихъ кредитныхъ учрежденій окажется полезною тѣсная связь ихъ съ государственнымъ банкомъ. Государственный банкъ имѣетъ уже опредѣленныя и упроченныя традиціи, состоящія въ содѣйствіи по преимуществу крупной промышленности и торговлѣ, соотвѣтственно условіямъ и требованіямъ которыхъ онъ выработалъ себѣ извѣстный образъ дѣйствій, какъ относительно сущности дѣла, такъ и относительно его формы. Между тѣмъ условія и потребности того мелко-промышленнаго и рабочаго круга населенія, ради котораго создаются и съ которымъ будутъ имѣть дѣло учрежденія мелкаго кредита, очень далеки отъ условій круп-

ной промышленности и по всей вѣроятности даже мало знакомы большинству лицъ служащихъ въ государственномъ банкѣ и его отдѣленіяхъ.

На почвѣ этого малаго знакомства съ народной жизнью могутъ возникать всякія недоразумѣнія, тормозящія дѣло. Какъ на примѣръ такихъ недоразумѣній можно указать на то, что произошло въ тверскомъ земствѣ лѣтъ десять тому назадъ. Начавъ тогда устройство хлѣбныхъ ссудныхъ складовъ, т.-е. учрежденій, изъ которыхъ должны были выдаваться крестьянамъ мелкія ссуды подъ залогъ хлѣба, тверское губернское земство исходатайствовало себѣ для этой цѣли открытіе кредита въ государственномъ банкѣ. Кредитъ былъ открытъ довольно широко, въ 300,000 р., но когда дѣло дошло до практическаго пользованія имъ, то управленіе банка предъявило требованіе, чтобы каждая выданная ссуда обезпечивалась векселемъ заемщика. Не говоря уже о сложной процедурѣ засвидѣтельствованія на векселяхъ подписей безграмотныхъ, такое требованіе дѣлало самый кредитъ дороже на цѣлыхъ 6%, такъ какъ средняя величина ссудъ была около 5 руб., средній срокъ около шести мѣсяцевъ, а самая дешевая вексельная бумага стоитъ 15 коп. На ходатайство губернскаго собранія о разрѣшеніи губернской управѣ представлять для оправданія выданныхъ ей государственнымъ банкомъ авансовъ, вмѣсто векселей заемщиковъ, удостовѣренные управою списки съ указаніемъ суммы, выданной каждому заемщику, и количества представленнаго имъ обезпеченія, полученъ былъ отказъ отъ министерства финансовъ на томъ основаніи, что ходатайство это, съ одной стороны, противорѣчитъ 143 ст. устава государственнаго банка, а съ другой — можетъ при отсутствіи установленныхъ документовъ породить на практикѣ недоразумѣнія. Докладывая объ этомъ отвѣтѣ, управа сопровождала его замѣчаніемъ, что «едва ли возможно ожидать большихъ недоразумѣній, чѣмъ тѣ, которыя дѣлаютъ невозможнымъ для мелкаго заемщика самое пользованіе кредитомъ». Въ результатѣ кредитъ въ 300 тысячъ, открытый земству, не могъ быть использованъ и земству пришлось ограничиться своими собственными средствами. Десятилѣтняя практика показала съ тѣхъ поръ, что хлѣбные ссудные склады, оказывая довольно серьезную помощь населенію, не только расширили свою дѣятельность слишкомъ въ десять разъ противъ перваго года, но и упрочили свое финансовое положеніе настолько, что даютъ земству доходъ. Но ихъ и по сю пору два на всю губернію, потому что на открытіе большаго числа у земства нѣтъ своихъ средствъ. Въ этомъ примѣрѣ ясно, что все дѣло затормозилось изъ-за неудобоподвижности установленныхъ формъ, такъ какъ уже самое разрѣшеніе кредита въ 300 тысячъ доказывало желаніе министерства финансовъ серьезно помочь земству, а въ то же время не могло же оно считать въ самомъ дѣлѣ подписи разныхъ Ивановъ непомнящихъ болѣе благонадежными, чѣмъ удостовѣреніе губернскаго земства. Вотъ намъ и представляется возможность и въ будущемъ такого же формальнаго, бюрократическаго отношенія государственнаго банка и его агентовъ къ дѣлу учрежденій мелкаго кредита. Едва ли противовѣсомъ такому отношенію могутъ служить и губерн-

скіе комитеты. Мы вообще думаемъ, что обычное за послѣднее время порученіе разныхъ мѣстныхъ дѣлъ коллегіальнымъ учрежденіямъ, состоящимъ изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ, изъ которыхъ большинство не имѣетъ никакого отношенія къ порученному имъ дѣлу, если и можетъ еще быть допущено для *обсужденія* какихъ-нибудь вопросовъ, то совершенно уже нецѣлесообразно для дѣятельнаго веденія живого практическаго дѣла. Для самаго простого практическаго воздѣйствія при устройствѣ, наприм., какого-нибудь кредитнаго товарищества, обыкновенно надо бываетъ не одинъ разъ переговорить на мѣстѣ съ будущими его участниками, нужно понять ихъ желанія и заставить ихъ понять возможность или невозможность ихъ исполненія. Вообще нужно близко стоять къ населенію и его нуждамъ. Такой непосредственной близости не можетъ быть почти ни у одного изъ лицъ, входящихъ въ составъ губернскаго комитета. Поэтому, по всей вѣроятности, комитетъ будетъ только съ формальной стороны разсматривать поступающія къ нему просьбы и заявленія и едва ли въ состояніи будетъ проявить какую-нибудь свою инціативу. Если въ комитетѣ мнѣнія всѣхъ его членовъ будутъ имѣть приблизительно равное значеніе, то весьма возможно, что изъ нихъ получится та равнодѣйствующая, о которой говорится въ Крыловской баснѣ «Лебедь, ракъ и щука», если же одно мнѣніе получитъ преобладающее значеніе, то, по всей вѣроятности, это будетъ мнѣніе представителя финансоваго вѣдомства, во всякомъ случаѣ ближе другихъ членовъ комитета, кромѣ земскихъ, стоящаго къ дѣлу, но заинтересованнаго въ немъ все же со спеціальной точки зрѣнія своего вѣдомства. Поэтому намъ кажется, что губернскіе комитеты едва ли не будутъ излишними и только тормозящими дѣло инстанціями. Проще и цѣлесообразнѣе было бы поручить вѣдѣніе дѣла мелкаго кредита на мѣстахъ губернскому и уѣздному земству. При губернской управѣ могъ бы быть образованъ особый отдѣлъ, завѣдующій этимъ дѣломъ и непосредственно или черезъ уѣздныя управы дѣйствующій на мѣстахъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по тому или иному вопросу требовалось бы рѣшеніе центральной власти, губернская управа могла бы представлять свои предположенія и ходатайства въ центральное управленіе по дѣламъ мелкаго кредита. Разумѣется, завѣдываніе земства нисколько не мѣшало бы самому полному контролю за ходомъ дѣла со стороны какъ правительства, такъ и министерства финансовъ въ частности.

Само собою разумѣется, кто бы ни завѣдывалъ дѣломъ мелкаго кредита и какія бы правила для него ни были изданы, главнымъ залогомъ успѣшнаго веденія его всегда будетъ предоставленіе достаточной свободной инціативы самому населенію, и въ особенности крестьянскому, наиболѣе къ немъ заинтересованному. Къ сожалѣнію, предположенная въ настоящее время крестьянская реформа не позволяетъ надѣяться на измѣненіе положенія крестьянскаго сословія въ этомъ направленіи, скорѣе наоборотъ.

Въ настоящее время, вѣроятно, уже вездѣ собирались учрежденныя по иниціативѣ министерства внутреннихъ дѣлъ губернскія совѣщанія о пред-

положенной реформѣ крестьянскаго законодательства. По имѣющимся кратким газетным свѣдѣніямъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ совѣщаній трудно, конечно, сдѣлать какой-либо общій выводъ о направленіи ихъ дѣятельности. Въ большей части совѣщаній для разработки поставленныхъ вопросовъ избраны коммиссіи, а сами совѣщанія отложены до осени. Что касается до состава совѣщаній, то число членовъ въ нихъ колеблется отъ сорока до шестидесяти. Кромѣ представителей правительственныхъ учрежденій и обязательно приглашаемыхъ представителей отъ дворянства и земства, были всюду приглашены въ бо́льшемъ или меньшемъ числѣ мѣстные землевладѣльцы по выбору губернаторовъ, тоже дворяне, и бо́льшею частью земскіе начальники; послѣднихъ больше всего было въ полтавскомъ совѣщаніи— двадцать, а въ Орлѣ, кромѣ земскихъ начальниковъ, вошедшихъ въ составъ совѣщанія, губернаторъ пригласилъ и всѣхъ остальныхъ посѣщать его засѣданія. Въ Твери предсѣдатели уѣздныхъ управъ приглашены были не всѣ, а на выборъ, который дѣлался, повидимому, сообразно съ ихъ направленіемъ, выразившемся въ губернскомъ земскомъ собраніи. Въ Черниговѣ тоже изъ пятнадцати предсѣдателей уѣздныхъ управъ оказались приглашенными только шесть. Крестьяне, сколько извѣстно, не были приглашены нигдѣ, вѣроятно, потому что они признавались достаточно представленными черезъ земскихъ начальниковъ. О результатахъ совѣщаній имѣется пока немного свѣдѣній. Имѣя въ виду составъ совѣщаній и данныя имъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ инструкціи, надо полагать, что въ значительномъ большинствѣ ихъ основныя положенія министерскаго проекта не встрѣтятъ возраженій, а будетъ лишь указано на нѣкоторыя частныя неудобства, связанныя съ исполненіемъ того или иного правила, предлагаемаго проектомъ министерской коммиссіи. Очень возможно, что такого рода замѣчанія и будутъ впослѣдствіи приняты во вниманіе при составленіи окончательнаго законопроекта, подлежащаго внесенію въ государственный совѣтъ, хотя, съ другой стороны, возможно и то, что труды нынѣшнихъ губернскихъ совѣщаній раздѣлятъ судьбу трудовъ многихъ другихъ ранѣе бывшихъ совѣщательныхъ коммиссій и комитетовъ, не получивъ никакого практическаго значенія для законодательной дѣятельности по крестьянскому вопросу. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, когда правительство, при обсужденіи какихъ-нибудь государственныхъ вопросовъ, обращалось къ содѣйствію мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, оно проявляло несомнѣнно желаніе воспользоваться ихъ знаніями, но не считаться съ ихъ мнѣніями. Вслѣдствіе этого случается тотъ, такъ сказать, психологическій результатъ, что мнѣнія не недорого цѣнятся ни тѣми, кто ихъ подаетъ, ни тѣми, кто ихъ получаетъ, такъ какъ и тѣ, и другіе заранѣе знаютъ, что въ концѣ концовъ вопросъ рѣшится согласно со взглядами и направленіями, господствующими въ высшихъ сферахъ. Тѣмъ болѣе нельзя не цѣнить всякія хотя бы и частичныя проявленія серьезной и самостоятельной разработки мѣстными дѣятелями переданныхъ на ихъ обсужденіе вопросовъ. Такіе само-

стоятельные взгляды высказывались кое-гдѣ и въ нынѣшнихъ губернскихъ совѣщаніяхъ, хотя по условіямъ, въ которыя были поставлены совѣщанія, они и не могли касаться общихъ принциповъ, намѣченныхъ проектомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Не входя въ эту сферу общихъ принциповъ, многіе участники совѣщанія высказывали, по крайней мѣрѣ, самостоятельныя, не всегда сходныя съ министерскимъ проектомъ сужденія по главнѣйшимъ частнымъ вопросамъ крестьянскаго законодательства. Всѣ совѣщанія высказались согласно съ проектомъ за образованіе на-ряду съ сельскими обществами особыхъ земельныхъ обществъ, объединенныхъ общностью землевладѣнія, съ особыми сходами, сужденію и рѣшенію которыхъ должны подлежать дѣла, касающіяся землепользованія. Волость же, по мнѣнію большинства совѣщаній, должна быть реформирована въ томъ смыслѣ, что въ нее должны войти всѣ владѣющіе имуществомъ въ предѣлахъ волостной территоріи лица, принадлежащія къ бывшимъ податнымъ сословіямъ. При этомъ въ костромскомъ совѣщаніи многіе члены указывали на то, что волостное правленіе въ настоящее время потеряло свой первоначальный характеръ органа крестьянскаго самоуправленія, превратившись въ низшую административную инстанцію общаго управленія, почему является совершенно несправедливымъ возлагать содержаніе его на мѣстное крестьянское населеніе. Казанское совѣщаніе высказалось прямо за учрежденіе всесословной волости съ обложеніемъ на волостные расходы всѣхъ входящихъ въ нее недвижимыхъ имуществъ. Кіевское совѣщаніе признало, что не только волости, но и сельскія общества должны состоять изъ лицъ всѣхъ сословій, владѣющихъ недвижимою собственностью. Полтавское совѣщаніе тоже признало необходимымъ ввести въ составъ сельскихъ (а не волостныхъ) обществъ лица не одного крестьянскаго сословія, но предложеніе нѣкоторыхъ членовъ о включеніи въ составъ обществъ лицъ привилегированныхъ сословій было отвергнуто значительнымъ большинствомъ, а предположено ввести въ общество только лицъ, принадлежащихъ къ бывшимъ податнымъ сословіямъ, притомъ за исключеніемъ лицъ іудейскаго исповѣданія. Послѣднее предложеніе было сдѣлано вице-губернаторомъ фонъ-Визинымъ и принято большинствомъ всѣхъ членовъ совѣщанія противъ одного. По вопросу объ особомъ волостномъ судѣ мнѣнія совѣщаній оказались различны. Одни, какъ, напримѣръ, казанское, нижегородское, кіевское и таврическое, полагали совершенно упразднить особые волостные суды, причемъ въ послѣднемъ совѣщаніи это постановленіе прошло единогласно. Большинство же полагало, что волостные суды должны быть сохранены; но нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, ярославское, смоленское, орловское, воронежское, пермское, олонецкое, считали нужнымъ сохранить существующіе суды, лишь улучшивъ ихъ, какъ указывало олонецкое совѣщаніе, поднятіемъ уровня развитія судей и принятіемъ мѣръ къ ускоренію судопроизводства. Другія, сохраняя волостной судъ, считали нужнымъ внести въ него нѣкоторыя существенныя измѣненія. Такъ, юридическая коммиссія херсонскаго совѣщанія выразила желаніе, чтобы предсѣдательство въ со-

лостныхъ судахъ предоставлено было болѣе интеллигентному и самостоятельному лицу. Въ курскомъ и полтавскомъ совѣщаніи предположено значительно уменьшить компетенцію волостныхъ судовъ. Напротивъ, пермское совѣщаніе предполагаетъ даже увеличить ихъ компетенцію по дѣламъ гражданскимъ, допуская уменьшеніе ея по дѣламъ уголовнымъ. Съ послѣднимъ взглядомъ согласно и воронежское совѣщаніе. Относительно того, нужны ли для крестьянъ и ихъ судовъ особые гражданскіе и уголовные законы, какъ это проектируетъ коммиссія министерства внутреннихъ дѣлъ, или они должны быть подчинены общимъ законамъ, одинаковымъ для всѣхъ сословій, за послѣднее мнѣніе высказались всѣ тѣ совѣщанія, которыя стояли за полное упраздненіе волостного суда. Но этотъ же взглядъ раздѣляли и нѣкоторыя изъ совѣщаній, желавшихъ сохраненія отдѣльнаго волостного суда, какъ, напримѣръ, полтавское, херсонское и курское. Въ нѣкоторыхъ совѣщаніяхъ возбужденъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Пожеланіе въ этомъ смыслѣ было принято во владимірскомъ совѣщаніи единогласно, въ ярославскомъ большинствомъ 52 голосовъ противъ—8. Извѣстно, что это пожеланіе въ силу Высочайшаго манифеста 11 августа сдѣлалось наконецъ совершившимся фактомъ. Предполагая отмѣну волостныхъ судовъ, казанское совѣщаніе въ замѣну ихъ проектировало учрежденіе всесословнаго волостного суда, съ избираемыми волостью членами и предсѣдателемъ, избираемымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и утверждаемымъ особымъ департаментомъ судебной палаты, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть окончательной кассаціонной инстанціей для дѣлъ, подвѣдомыхъ новому волостному суду. Предсѣдатель всесословнаго волостного суда долженъ получать содержаніе отъ земства (2,200 р.). Относительно другихъ вопросовъ, преимущественно связанныхъ съ формами землевладѣнія, можно указать на постановленія казанскаго, кіевскаго и таврическаго совѣщаній, имѣющія въ виду точнѣе опредѣлить характеръ крестьянскаго владѣнія надѣльной землей при подворномъ владѣніи, приблизивъ его къ общему праву собственности. По мнѣнію кіевскаго совѣщанія, при подворномъ владѣніи какъ усадебная земля, такъ и полевой надѣлъ должны признаваться составляющими собственность одного домохозяина, а не всего крестьянскаго двора. Таврическое совѣщаніе полагало, что при подворномъ владѣніи усадебная и полевая земля должна считаться личною собственностью, безъ ограниченія въ распоряженіи и пользованіи его, при общинномъ же владѣніи усадьбы должны тоже признаваться собственностью, но не одного лица, а всего крестьянскаго двора. Олонецкое совѣщаніе тоже высказалось за ограниченіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ согласіемъ семьи правъ домохозяина въ пользованіи и распоряженіи надѣльной землей. Пермское совѣщаніе признало необходимымъ облегченіе перехода изъ общиннаго въ подворное пользованіе, отграниченіе крестьянскихъ надѣловъ, уничтоженіе черезполосности и передачу всѣхъ дѣлъ по разграниченіи въ вѣдѣніе крестьянскихъ учрежденій.

Такимъ образомъ, хотя въ большинствѣ совѣщаній и затрогивались

многіе важные вопросы, соприкасающіеся съ правовымъ положеніемъ крестьянъ, и даже во многихъ случаяхъ разрѣшались въ смыслѣ приближенія этого положенія къ правовымъ условіямъ прочихъ сословій, однако, сколько извѣстно, нигдѣ не былъ поставленъ, да едва ли и могъ быть поставленъ, общій вопросъ о томъ, должны ли крестьяне составлять обособленное, низшее сословіе, или они наравнѣ съ другими сословіями должны пользоваться всѣми правами, какія вообще предоставлены гражданамъ русскаго государства. Вопросъ этотъ имѣетъ громадную важность не только для самихъ крестьянъ, но и для всего русскаго народа. На всемъ государственномъ и общественномъ русскомъ строѣ не можетъ не отражаться тотъ фактъ, что огромное большинство русскаго народа до сихъ поръ признается неполноправнымъ, какъ бы несовершеннолѣтнимъ, не могущимъ по собственному усмотрѣнію распоряжаться своей личностью и имуществомъ и потому требующимъ надъ собой, сверхъ общаго наблюденія правительства надъ всѣми гражданами государства, еще особой, ближайшей опеки. Чѣмъ обусловлено такое положеніе вещей? Является ли оно только историческимъ послѣдствіемъ крѣпостного права, которое хотя и отмѣнено уже болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, но пережитки котораго сохраняются и до сихъ поръ во всемъ строѣ русской жизни и русскаго міровоззрѣнія. Или же, какъ утверждаютъ сторонники сохраненія крестьянской обособленности и подчиненности, послѣдняя имѣетъ свое логическое обоснованіе въ дѣйствительныхъ особенностяхъ той части русскаго населенія, которая называется крестьянами? Но въ сущности, что такое крестьяне? Мы всѣ привыкли говорить о крестьянахъ какъ о понятіи совершенно опредѣленномъ; а между тѣмъ это далеко не такъ. Вообще крестьянами называются мелкіе землевладѣльцы, личнымъ своимъ трудомъ обрабатывающіе принадлежащую имъ или арендуемую ими землю и тѣмъ добывающіе себѣ средства существованія. Въ этомъ смыслѣ крестьяне существуютъ и въ настоящее время во всѣхъ европейскихъ странахъ, образуя собою общественный классъ, имѣющій въ силу общности занятій и условій жизни его членовъ и многія общія характерныя для него бытовыя черты. Но ни эти бытовыя и культурныя особенности, ни даже особенности экономическихъ интересовъ этого класса не имѣютъ нигдѣ въ западной Европѣ своимъ послѣдствіемъ юридическаго и политическаго обособленія крестьянъ отъ другихъ общественныхъ классовъ. И въ Англіи, и во Франціи, и въ Германіи, и въ другихъ странахъ, государство признаетъ крестьянъ такими же полноправными гражданами, какъ и всѣхъ другихъ своихъ подданныхъ. Иначе обстоитъ дѣло у насъ, въ Россіи. У насъ крестьяне не представляютъ собою только исторически-сложившійся земледѣльческій классъ, имѣющій свои историческія и культурныя особенности: они образуютъ сословіе или, по выраженію 2 статьи IX т. Св. Зак., родъ людей по закону отличающійся отъ другихъ родовъ людей своими правами, вообще нѣсколько меньшими и своими обязанностями, вообще нѣсколько большими. И понятіе о крестьянинѣ, какъ лицѣ, принадлежащемъ въ крестьянскому

сословію, далеко не совпадаетъ у насъ съ понятіемъ о мелкомъ землевладѣльцѣ-земледѣльцѣ. Есть очень много крестьянъ, вовсе не занимающихся земледѣліемъ и не имѣющихъ земли; есть и такіе, которые владѣютъ большимъ количествомъ земли и обработываютъ ее наемными рабочими. Съ другой стороны, есть не мало мѣщанъ, а изрѣдка встрѣчаются и мелкопомѣстные дворяне, собственнымъ трудомъ обрабатывающіе землю. Вообще основной принципъ сословности не есть то или другое занятіе, а преемственная передача сословныхъ отличій по происхожденію. Поэтому и принадлежность извѣстнаго лица къ крестьянскому сословію опредѣляется прежде всего его происхожденіемъ. Крестьяниномъ по закону признается тотъ, кто родился отъ крестьянина. Правда, крестьянское сословіе, какъ и другія сословія, не представляетъ у насъ вполнѣ замкнутой касты: при извѣстныхъ условіяхъ изъ него можно выйти, какъ можно и войти въ него. Однако число такихъ входовъ и выходовъ на практикѣ очень не велико, тѣмъ болѣе, что принадлежность къ другимъ сословіямъ, кромѣ мѣщанства, является по закону препятствіемъ для вступленія въ крестьянское сословіе. Во всякомъ случаѣ количественное увеличеніе и уменьшеніе такимъ путемъ крестьянскаго сословія, какъ и увеличеніе, и уменьшеніе его естественнымъ путемъ рожденія и смерти, нисколько не измѣняетъ ни положенія самаго этого сословія, ни того несомнѣннаго факта, что русскій народъ раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ одна, гораздо большая, занимаетъ низшее, подчиненное и зависимое положеніе. Положеніе это вовсе не обусловлено какими-либо присущими ей особенностями. Если и существуютъ особенности, то не крестьянскаго сословія, а земледѣльческой жизни, извѣстнымъ образомъ исторически-сложившейся. Къ числу такихъ особенностей принадлежитъ общинное владѣніе землей и нѣкоторыя болѣе или менѣе связанныя съ нимъ различныя отъ общаго дѣйствующаго у насъ законодательства формы семейныхъ и наслѣдственныхъ отношеній. Но никакой логической связи между этими бытовыми особенностями и подчиненнымъ положеніемъ крестьянъ, какъ сословія, не существуетъ, да и само общинное владѣніе вовсе не распространяется на всѣхъ крестьянъ, даже занимающихся исключительно земледѣліемъ, не говоря уже о прочихъ. Другія же правовыя особенности крестьянъ, каково, напримѣръ, прикрѣпленіе ихъ къ мѣсту жительства посредствомъ паспортной системы, особое крестьянское управленіе и судъ, тяготѣвшее надъ крестьянами до послѣдняго времени тѣлесное наказаніе,—всѣ они выражаютъ собою не какія-либо отличія, присущія самому крестьянству, но лишь различное отношеніе къ нему государства сравнительно съ отношеніемъ его къ другимъ сословіямъ. Это различіе состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что хотя государство какъ цѣлое всегда, а при нашемъ государственномъ и общественномъ строѣ въ особенности, отдѣляетъ въ извѣстной мѣрѣ свои задачи и интересы отъ задачъ и интересовъ составляющихъ его отдѣльныхъ классовъ и личностей, но по отношенію къ другимъ сословіямъ оно у насъ [illegible] признаетъ за входящими въ ихъ составъ личностями право имѣть

свои собственныя цѣли и стремленія и достигать ихъ осуществленія путемъ собственной иниціативы и свободнаго выбора средствъ, поскольку эти личныя цѣли и средства не противорѣчатъ государственнымъ. По отношенію же къ крестьянскому сословію дѣло стоитъ у насъ иначе: государство, повидимому, смотритъ на крестьянство главнымъ образомъ какъ на рабочую, податную и военную силу, жизнь и дѣятельность которой должны быть направлены на цѣли самого государства, которое именно въ этихъ видахъ и беретъ на себя особый надзоръ за этой силой, особую охрану ея и вмѣстѣ съ тѣмъ устройство ея и дисциплинированіе. Въ силу этого, отношеніе государства къ крестьянству получило характеръ спеціальнаго попечительства или опеки, ближайшимъ образомъ регулирующей не только общественную, но и внутреннюю, домашнюю жизнь каждаго крестьянина и въ большинствѣ случаевъ прямо противодѣйствующей всякому проявленію въ крестьянской средѣ личной иниціативы. Личность крестьянина является не субъектомъ, способнымъ motu proprio воздѣйствовать на окружающую среду, но лишь объектомъ всякихъ мѣропріятій, признаваемыхъ свыше полезными для него и которыя могутъ быть иногда и дѣйствительно полезными, подобно тому, какъ въ прежнее время у заботливыхъ помѣщиковъ дѣлалось многое полезное для ихъ крестьянъ, особенно въ смыслѣ улучшенія ихъ экономическаго положенія, но, разумѣется, при этомъ не принимались въ разсчетъ мнѣнія и желанія самихъ крестьянъ. Въ этомъ же направленіи предположены и тѣ реформы, которыя въ настоящее время обсуждаются въ комитетахъ. Не слѣдовало ли однако при этомъ поставить такой вопросъ: не будетъ ли неудобно и даже опасно для всего государственнаго организма такое положеніе вещей,—особенно если оно долго продолжится, когда наиболѣе значительная и, пожалуй, самая важная часть этого организма, какъ бы парализованная, не будетъ имѣть своего собственнаго движенія, а будетъ приводиться въ движеніе только другими органами? Не явится ли даже опасность, что такое паралитическое состояніе можетъ постепенно перейти и на весь организмъ?

В. Л.

II.

О школьной реформѣ.—Новое положеніе о женскомъ медицинскомъ институтѣ.—Мѣропріятія противъ холерной эпидеміи.—Изъ жизни провинціи.—Законъ 7 іюня 1904 г.

Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія происходятъ въ настоящее время, подъ предсѣдательствомъ министра, совѣщанія коммиссіи, составленной изъ высшихъ чиновъ министерства и попечителей учебныхъ округовъ, для разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ школьной реформой. Совѣщанія эти обставлены такъ называемой канцелярской тайной. Объ этомъ нельзя, конечно, не пожалѣть, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ школьная реформа совершалась, такъ сказать, при открытыхъ дверяхъ, при яркомъ свѣтѣ гласности. И, безъ сомнѣнія, ничего кромѣ огромной пользы эти «открытыя двери» не приносили. Кажется, ни одинъ из

крупныхъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, выдвигавшихся за послѣднія десятилѣтія, не былъ такъ глубоко и всесторонне разработанъ, какъ школьный. Печать дала правительству огромный, въ высшей степени цѣнный матеріалъ, начиная съ серьезныхъ статей спеціалистовъ и знатоковъ дѣла и кончая множествомъ беллетристическихъ очерковъ, освѣщавшихъ такія интимныя стороны вопроса, которыя обыкновенно остаются недоступными для научнаго и публицистическаго освѣщенія. Не было ни одной детали, которая не была бы самымъ подробнымъ образомъ разсмотрѣна и обсуждена. Въ этомъ обсужденіи принимали одинаковое участіе и опытные педагоги, и профессора, и цѣлыя общественныя учрежденія, и самыя различныя общества и корпораціи, и журналисты, и, наконецъ, родители и даже учащіеся. Въ исторіи нашей общественности останутся памятными тотъ пламенный интересъ къ вопросу и тотъ подъемъ общественнаго настроенія, которые при этомъ обнаружились. Можно смѣло сказать, что горячее участіе общества въ обсужденіи школьной реформы было самымъ свѣтлымъ явленіемъ на общемъ сѣромъ фонѣ нашей жизни за послѣднее время. Именно это участіе и является тѣмъ поворотнымъ моментомъ, съ котораго начинается такая значительная перемѣна въ общественномъ настроеніи.

Разумѣется, дѣло реформы значительно выиграло бы, если бы къ участію въ немъ прямо были привлечены общественныя силы въ той или другой формѣ, но за отсутствіемъ такого приглашенія полная гласность и свободное обсужденіе вопроса въ извѣстной степени все же замѣняли непосредственное участіе общества въ дѣлѣ. И безъ сомнѣнія, правительство должно было остаться довольнымъ результатами допущенной гласности. Ему былъ предоставленъ такой обширный и основательный матеріалъ, изъ котораго было что выбирать и при которомъ уже нетрудно было ориентироваться въ вопросѣ. Тѣмъ болѣе, повторяемъ, жаль, что теперешнія совѣщанія, можетъ быть, окончательно рѣшающія судьбу реформы, облечены покровомъ тайны.

Впрочемъ, нѣкоторыя скудныя свѣдѣнія о совѣщаніяхъ проникли въ печать. Газеты сообщаютъ, что сначала предполагали ограничиться одной университетской реформой, но затѣмъ пришли къ убѣжденію, что университетская реформа безъ предварительной реформы средней школы не приведетъ ни къ чему, такъ какъ университетъ имѣетъ дѣло съ матеріаломъ, который ему доставляетъ средняя школа, и что поэтому необходимо начать съ реформы послѣдней.

Обращаясь къ средней школѣ, коммиссія остановилась на необходимости усиленія въ ней занятій и сближенія съ жизнью. По мнѣнію коммиссіи, теперь въ средней школѣ мало занимаются. Такъ много говорили о переутомленіи учащихся, что мало-по-малу перешли къ другой крайности, и теперь школа снова должна усилить свою требовательность.

Противъ этого по существу ничего нельзя имѣть. Многократно бесѣдуя за послѣдніе годы на этихъ страницахъ о школьной реформѣ и раз-

личныхъ ея подробностяхъ, мы никогда не останавливались особенно на вопросѣ о переутомленіи, придавая ему гораздо менѣе значенія, чѣмъ многимъ другимъ вопросамъ, какъ, напр., о внутреннемъ режимѣ школъ, о взаимныхъ отношеніяхъ между учащими и учащимися, о школьной программѣ, о сближеніи школы съ жизнью и т. д. Да, въ школѣ необходимо учиться и учиться серьезно, такъ какъ школьные годы кладутъ основаніе всей будущей жизни человѣка, и то, что пропустишь въ это время свѣжей, нетронутой воспріимчивости и впечатлительности, никогда потомъ не наверстаешь. Но ученіе ученію рознь. Не столь важенъ вопросъ, *сколько* учать, какъ вопросъ *чему* учатъ и *какъ* учатъ. Правильнымъ рѣшеніемъ послѣднихъ двухъ вопросовъ легко разрѣшается и вопросъ о переутомленіи учащихся. Одинъ часъ безсмысленной долбни латинскихъ вокабулъ или другой латинской и греческой премудрости утомитъ ученика несравненно болѣе, чѣмъ нѣсколько часовъ занятій такими интересными предметами, какъ естественныя науки, исторія или литература; пять уроковъ, проведенныхъ въ самыхъ интенсивныхъ, но оживленныхъ занятіяхъ съ учителями, умѣющими заинтересовать и занять классъ, утомятъ ученика гораздо меньше, чѣмъ одинъ урокъ, который онъ безъ всякаго дѣла высидитъ у преподавателя, скучно преподающаго скучный и ни къ чему не нужный предметъ. Даже при строгомъ толстовскомъ режимѣ и при переутомленіи латинской и греческой долбней наиболѣе способные и любознательные ученики находили еще ежедневно цѣлые часы для внѣшкольнаго чтенія интересныхъ книгъ и самообразованія. А ужъ какъ тогда донимали уроками и ученіемъ! А затѣмъ важенъ еще вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между учащими и учащимися, о школьномъ режимѣ, о всей школьной обстановкѣ. Уничтожьте взаимное недовѣріе и вражду между сторонами, изгоните изъ школы губящій ее бюрократическій, канцелярскій духъ, установите, дѣйствительно, разумное, доброе, сердечное отношеніе къ учащимся, и притомъ безъ всякаго излишняго послабленія, дайте ученикамъ живыхъ, хорошихъ, знающихъ и интересующихся дѣломъ учителей, а не машинообразныхъ чиновниковъ и людей въ футлярахъ и пусть они преподаютъ ученикамъ интересные предметы—и повѣрьте, что не будетъ ни вопроса объ усиленіи занятій, ни вопроса о переутомленіи, ни вопроса о распущенности учениковъ и отсутствіи дисциплины. Ученики будутъ учиться больше, чѣмъ во времена толстовскаго режима, не будутъ жаловаться на переутомленіе, будутъ любить, а не проклинать школу, и въ ней водворится дисциплина, тѣмъ болѣе прочная, что она будетъ основана на уваженіи и любви къ учителямъ, а не на строгихъ наказаніяхъ. Вѣдь это только г. Spectator и ему подобные патріоты своего отечества могутъ думать, что русскіе дѣти и юноши, какъ и ихъ отцы, питаютъ органическое отвращеніе къ ученію и образованію, и идутъ въ школы только для того, чтобы производить безпорядки и причинять непріятности попечительному начальству.

Кромѣ усиленія занятій, для котораго предполагается—и совершенно

напрасно—сокращеніе праздничнаго и каникулярнаго времени, коммиссія остановилась на вопросѣ о сближеніи школы съ жизнью. Въ какой формѣ она думаетъ производить это сближеніе—свѣдѣнія въ печать, къ сожалѣнію, не проникали, но самую постановку вопроса слѣдуетъ признать вполнѣ цѣлесообразной. Несомнѣнно, что правильно вести дѣло воспитанія школа сможетъ лишь тогда, когда будетъ пользоваться поддержкой семьи. Съ одной стороны, семья должна дать школѣ необходимыя свѣдѣнія объ индивидуальныхъ особенностяхъ учениковъ и объ условіяхъ, въ какія онъ поставленъ, съ другой стороны, она должна продолжать въ своихъ нѣдрахъ дѣло школы или, вѣрнѣе, семья и школа должны преслѣдовать однѣ и тѣ же задачи; и здѣсь, и тамъ ученикъ долженъ подвергаться приблизительно однимъ и тѣмъ же вліяніямъ. Вмѣсто существующей борьбы двухъ часто враждебныхъ вліяній, изъ которыхъ одно стремится парализовать другое, должны водвориться союзъ и солидарность. Но для того, чтобы школа могла пользоваться поддержкой и помощью семьи, она должна завоевать ея довѣріе; а завоевать его она можетъ такимъ же образомъ—и только такимъ же образомъ, какъ и любовь учениковъ, а затѣмъ голосу семьи должно быть предоставлено извѣстное мѣсто во всѣхъ вопросахъ воспитанія и ученія.

Говорятъ, коммиссія имѣетъ въ виду и увеличеніе числа среднихъ учебныхъ заведеній, которыя теперь переполнены учащимися.

Такимъ образомъ можно будетъ достигнуть нормальнаго комплекта учениковъ въ классѣ, приблизительно въ 25 человѣкъ. Такая мѣра, несомнѣнно, принесла бы хорошіе результаты. Дѣло воспитанія и даже обученія требуетъ строгой индивидуализаціи, которой не можетъ быть, когда въ классѣ 50—60 человѣкъ, т акъ что учитель лишенъ возможности основательно познакомиться съ своими учениками. Конечно, дѣло будетъ идти гораздо успѣшнѣе, когда составъ класса уменьшится вдвое.

Поднимался вопросъ и объ увеличеніи количества учащихъ и объ увеличеніи преподавательскаго жалованья. При этомъ послѣднее предложеніе вызвало возраженія. Нѣкоторые члены коммиссіи находятъ, что учительское дѣло требуетъ призванія, а потому не слѣдуетъ заманивать на эту дорогу высокими окладами.

Но это мнѣніе явно неосновательно. Всѣмъ извѣстно, что учительское жалованье такъ скудно и учительская жизнь такъ неприглядна, что многіе способные и призванные не рискуютъ вступить на этотъ тернистый путь. Но и изъ вступившихъ далеко не всѣ призванные и способные. Наоборотъ, огромное большинство непризванные и неспособные, идущіе на скудное содержаніе за неумѣніемъ устроиться лучше.

Кромѣ того, неизвѣстно, почему призваніе должно жить впроголодь. Казалось бы, что призванные и избранные, и обыкновенные люди одинаково нуждаются въ удовлетворительныхъ условіяхъ жизни, и что увеличеніе учительскаго жалованья можетъ послужить однимъ изъ средствъ для привлеченія на учительское поприще многихъ способныхъ людей, которые

теперь бѣгутъ отъ него. Мы говоримъ однимъ изъ средствъ, потому что одного увеличенія жалованья для этого мало. Нужно еще сдѣлать привлекательнымъ самый трудъ учителя, теперь превращеннаго въ чиновника, обязаннаго, не отступая на іоту и не смѣя проявлять своей иниціативы, безпрекословно исполнять всѣ приказанія и циркуляры начальства; нужно дать учителю извѣстную свободу и самостоятельность, нужно и самый режимъ школы измѣнить такъ, чтобы въ немъ было привольно не людямъ въ футлярахъ, а умнымъ, живымъ и способнымъ людямъ, которые ищутъ дѣла, а не службы, любятъ дѣтей, а не одно только 20-е число.

О какомъ бы школьномъ вопросѣ мы ни начали говорить, мы фатально приходимъ къ одному и тому же: нужно измѣнить теперешній школьный режимъ. Всѣ школьные вопросы, вся школьная реформа вертится, какъ вокругъ своей оси, вокругъ одного-двухъ простыхъ положеній: вмѣсто прежняго бюрократическаго режима нужно водворить другой, основанный на разумномъ добромъ отношеніи учащихъ къ учащимся и на взаимномъ довѣріи и любви и нужно учить учениковъ, хотя бы и много, но полезнымъ и интереснымъ предметамъ, чтобы съ ними не случилось того же, что съ крыловской обезьяной, которой пришлось сказать: «трудишься много ты, да толку мало въ томъ». А прочее все приложится...

Опубликовано новое положеніе о женскомъ медицинскомъ институтѣ. Оно исправляетъ одну большую несправедливость. Отнынѣ женщины-врачи уравниваются въ правахъ съ мужчинами. Онѣ получаютъ званіе лѣкаря и всѣ сопряженныя съ этимъ званіемъ по закону права на медицинскую дѣятельность и службу, кромѣ правъ на производство. Право на полученіе диплома на званіе лѣкаря предоставлено и тѣмъ, которыя окончили курсъ института до выхода новаго положенія. Женщины, окончившія за границей медицинскій факультетъ, допускаются къ испытаніямъ при институтѣ на званіе лѣкаря.

Улучшено и матеріальное положеніе института. До сихъ поръ онъ существовалъ исключительно на частныя средства. Теперь добавлено изъ государственнаго казначейства къ собственнымъ средствамъ института на текущій годъ 86,000 руб., а начиная съ 1905 г. по 139,000 руб. ежегодно. Надо надѣяться, что современемъ эта сумма будетъ увеличена, и существованіе института будетъ упрочено. Настоятельной потребностью является необходимость увеличенія помѣщеній института. Сотни русскихъ дѣвушекъ, за недостаткомъ мѣста на родинѣ, вынуждены искать пріютъ на заграничныхъ факультетахъ. Помимо другихъ соображеній, это прямо обидно для нашего національнаго самолюбія. Неужели мы не можемъ сами дать этимъ дѣвушкамъ образованіе, котораго онѣ ищутъ и которое пойдетъ на нашу же пользу?

Въ Закаспійской области и въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ появилась страшная гостья—холера, перешагнувшая туда изъ пред

ловъ Персіи. Памятуя холерные годы начала 90-хъ годовъ, мѣстныя власти принимаютъ мѣры къ борьбѣ съ эпидеміей, готовятся къ встрѣчѣ съ холерой и Кавказъ, Поволжье и побережье Каспійскаго и Чернаго морей. Еще съ самаго начала августа въ Баку производятся санитарные осмотры судовъ, приходящихъ изъ Красноводска и другихъ портовъ Закаспійской области. Всѣ они отправляются на спеціальную врачебно-наблюдательную станцію, гдѣ и подвергаются тщательному осмотру. Кромѣ того всѣ суда должны имѣть списки пассажировъ съ указаніемъ въ нихъ, откуда и куда пассажиръ слѣдуетъ и когда выѣхалъ въ дорогу. Точто также осматриваются на средне-азіатской дорогѣ въ 10 верстахъ отъ Красноводска всѣ поѣзда, идущіе изъ Средней Азіи. Въ Мервѣ, Асхабадѣ, Красноводскѣ и цѣломъ рядѣ другихъ городовъ, гдѣ холера уже констатирована, открыты холерные бараки. Открытъ пріемъ холерныхъ и въ желѣзнодорожныхъ больницахъ и пріемныхъ покояхъ. Всюду приглашаются врачи, выписываются медикаменты, производятся санитарные осмотры. При этомъ обнаруживается вопіющее санитарное неблагоустройство, въ которомъ находятся наши города въ обычное время и которое едва ли возможно будетъ устранить за короткій срокъ. Конечно, энергичныя мѣры будутъ приняты, немножко вездѣ пообчистятся, но борьба съ кореннымъ неблагоустройствомъ требуетъ многихъ лѣтъ правильной работы. А тѣмъ временемъ холера утихнетъ, и все останется попрежнему до тѣхъ поръ, покуда снова не грянетъ громъ. Даже сейчасъ подъ непосредственной угрозой холеры чистка производится крайне неохотно. Такъ, бакинскій губернаторъ увѣдомилъ городскую управу, что по донесенію мѣстнаго полицеймейстера, дома, осмотрѣнные главнымъ медицинскимъ инспекторомъ т. с. Анрепомъ и признанные имъ негодными для жилья, продолжаютъ оставаться въ томъ же ужасномъ положеніи, причемъ запасныхъ бараковъ все еще нѣтъ и ничего въ этомъ направленіи не дѣлается, а черногородское шоссе все продолжаютъ поливать водою изъ канавъ, застоявшейся и производящей сильное зловоніе. Въ томъ же Баку по поводу холерныхъ мѣропріятій происходятъ пререканія между городской управой и совѣтомъ съѣзда нефтепромышленниковъ. Управа требуетъ, чтобъ совѣтъ съѣзда выселилъ нѣсколько десятковъ семействъ заводскихъ рабочихъ изъ ихъ квартиръ и размѣстилъ ихъ въ болѣе гигіеническихъ помѣщеніяхъ, съѣздъ же ссылается на то, что члены этихъ семействъ городскіе граждане, а потому о нихъ долженъ позаботиться городъ.

Плохо готовятся къ холерѣ и въ Карсѣ. Корреспондентъ *Пет. Вѣд.* сообщаетъ, что, несмотря на приглашеніе полиціи содержать дома въ порядкѣ, мѣстные обыватели не признаютъ никакихъ санитарныхъ правилъ. На главныхъ улицахъ они выбрасываютъ соръ и выливаютъ помои, а на второстепенныхъ не рѣдкость встрѣтить трупы собакъ, кошекъ и домашней птицы. Въ четверти версты отъ базарной площади и центра города устроено свалочное мѣсто. Вдобавокъ, городъ пользуется очень плохой водой. Все это заставляетъ корреспондента предполагать, что, несмотря на

высокое положеніе Карса надъ уровнемъ моря и здоровый горный воздухъ, холера не минуетъ города.

Мало дѣятельности проявляетъ также Астрахань, несмотря на близость ея къ угрожающему району. Городская санитарно-исполнительная коммиссія раздѣлила городъ на санитарные участки, поручила надзоръ за ними попечителямъ изъ почетныхъ гражданъ и на этомъ успокоилась. А между тѣмъ санитарное состояніе города очень неприглядно. И здѣсь также практикуется излюбленный россійскимъ обывателемъ способъ выливанья помоевъ прямо на улицу, во дворахъ всюду отбросы и нечистоты, распространяющіе страшное зловоніе. Санитары обращаютъ мало вниманія на эти очаги заразы, даже на еженедѣльныя засѣданія коммиссіи они являются рѣдко, несмотря на тревожное время. Повидимому, и здѣсь ждутъ грома, чтобы, наконецъ, перекреститься.

Въ виду приближенія холеры и возможнаго ея пути по Волгѣ слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе на волжскіе пароходы. Санитарное состояніе этихъ пароходовъ, какъ намъ уже случалось писать, отвратительно. Недавно въ *Русск. Вѣдом.* г. Скворцовъ, помѣстившій нѣсколько времени тому назадъ въ нашемъ журналѣ статью о жизни и условіяхъ труда волжскихъ судорабочихъ, сообщилъ новыя данныя о санитарныхъ порядкахъ, или, вѣрнѣе, безпорядкахъ, существующихъ на Волгѣ и Камѣ. Данныя эти не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что плаваніе на волжскихъ и камскихъ судахъ въ виду полной антигигіеничности обстановки сопряжено съ большимъ рискомъ для здоровья. Гг. пароходчики и судохозяева не желаютъ считаться съ требованіями санитарнаго надзора и, по возможности, стараются вовсе отъ него избавиться. Такъ, врачъ Строганова заявляетъ о случаяхъ побѣговъ пароходовъ отъ санитарнаго надзора, другой врачъ министерства путей сообщенія доноситъ о насиліи надъ онымъ представителемъ санитарнаго надзора; командиру не понравилось замѣчаніе врача на грязное содержаніе парохода, и вотъ онъ безъ всякихъ предупрежденій отдаетъ распоряженіе объ отвалѣ парохода до окончанія осмотра и увозитъ врача на середину рѣки. Вообще указанія и замѣчанія санитарныхъ врачей принимаются пренебрежительно. Дѣло нерѣдко доходитъ до глумленія надъ ними.

«Мною лично,—пишетъ одинъ изъ врачей,—а также, не сомнѣваюсь, и другими врачами замѣчалось, что въ то время какъ котловыя и жалобныя книги содержатся въ большемъ или меньшемъ порядкѣ, *санитарныя* подаются врачамъ иногда въ такомъ *грязномъ*, растрепанномъ видѣ, что противно взять въ руки», или, «пароходъ беретъ съ собою книги котловую и жалобную (послѣднюю на пассажирскихъ пароходахъ), между тѣмъ *санитарная* очень часто находится въ безвѣстномъ отсутствіи и только послѣ неоднократныхъ настоятельныхъ требованій появляется на пароходѣ».

Камскіе пароходы отчетъ санитарнаго надзора описываетъ слѣдующимъ образомъ. «На пассажирскихъ пароходахъ почти совершенно не наблюдалось улучшенія въ устройствѣ кухонъ, ледниковъ, помѣщеній для [illegible]ан-

провизіи, буфетовъ и помѣщеній буфетныхъ и кухонныхъ служащихъ. ...ни темны, грязны и лишены вентиляціи. При осмотрѣ прислуги пас...ирскихъ пароходовъ «приходилось *сплошь* и *рядомъ* наблюдать чрезвы...ную грязь тѣла и бѣлья». Отчетъ отмѣчаетъ, что особенно грязно со...жится буфетная и кухонная прислуга. Оказывается, пароходная при...га не бываетъ въ банѣ болѣе полугода. Матросы имѣютъ возможность ...конечныхъ пунктахъ сходить въ баню; буфетная и кухонная прислуга ...го лишена: на конечныхъ пунктахъ ей также приходится работать не ...ѣе 18 часовъ въ сутки, чтобы удовлетворить требованія пассажировъ, ...ающихся на пароходѣ, или «публики, приходящей провести весело и ...тно время на пароходѣ, гдѣ торговля въ буфетѣ и отпускъ спирт...ъ напитковъ производятся даже тогда, когда всѣ заведенія, торгующія ...атками, закрыты». И вотъ при осмотрѣ офиціантовъ, прислуживающихъ ...ажирамъ I и II классовъ обязательно во фракѣ и форменномъ пиджа... бѣлой манишкѣ и бѣломъ галстукѣ, обнаруживалось подъ фракомъ ...изное, полуистлѣвшее нижнее бѣлье, издающее зловоніе». Въ такомъ ...видѣ являлись на смотръ повара. Состояніе нижняго бѣлья и тѣла ...іантовъ III класса, кухонныхъ мужиковъ, поваровъ и посудниковъ ...водило врачей въ ужасъ. Въ довершеніе всего среди офиціантовъ, спя...ъ часто на пассажирскихъ койкахъ, и среди поваровъ, готовившихъ ...анья на весь пароходъ, попрежнему санитарнымъ надзоромъ найдены ...ные венерическими болѣзнями и сифилисомъ въ заразной стадіи...

Относительно волжскихъ пароходовъ сборникъ отчетовъ врачей сани...аго надзора констатируетъ прежнее отсутствіе регуляторовъ для на...анія каютъ I и II класса, благодаря чему въ холодное время пасса...ы обречены или мерзнуть, или изнывать отъ жары, рискуя просту...ся. Попрежнему въ этихъ классахъ отмѣчаются обитыя бархатомъ или ...омъ койки, но лишенныя чехловъ. Если принять во вниманіе только ...что по Волгѣ ѣдутъ въ Самару чахоточные, на Кавказъ—сифилитики, ...ъ понятно, какую опасность представляетъ эта никогда не моющаяся ...ка коекъ (диванчиковъ) при отсутствіи предохранительнаго чехла. ...ій классъ попрежнему страдаетъ отъ отсутствія отопленія и вентиля... кромѣ того, до сихъ поръ въ третьемъ классѣ нѣтъ отдѣльнаго по...енія для женщинъ: послѣднимъ приходится помѣщаться среди мужчинъ ...ть невольными зрительницами разгула и пьянства; свидѣтелями этого ...одится быть и дѣтямъ, разъ они ѣдутъ по билетамъ третьяго класса». ...акое же равнодушіе, какъ и къ санитарному благоустройству, судо...ьльцы обнаруживаютъ и къ положенію своихъ служащихъ.

Что за бѣда,—читаемъ въ сборникѣ,—если и заболѣетъ матросъ или ...гаръ: уволить его, явится другой. Здѣсь взаимная конкуренція па...довладѣльцевъ не могла оказать своего полезнаго вліянія. Улучшенія ...остояніи рабочихъ помѣщеній являлись исключительно при *настояніи* ...тарнаго надзора и *или весьма туго*. Отчеты врачей констатируютъ, ...даже въ пассажирскихъ пароходахъ въ помѣщеніяхъ служащихъ «мало

свѣта, мало воздуха, нѣтъ вентиляціи, плохи нары, плохо обшиты стѣны и т. д., т.-е., что помѣщенія безусловно вредны для здоровья. Попрежнему матросы и другіе низшіе служащіе «гніютъ» въ трюмахъ баржей и пароходовъ, попрежнему скверно питаются, работаютъ 18—20 часовъ въ сутки, попрежнему къ нимъ широко примѣняются штрафы, идущіе въ карманъ пароходчика или судовладѣльца, попрежнему происходятъ злоупотребленія при окончательномъ разсчетѣ, благодаря удерживанію части мѣсячной платы».

Любопытно, что при такомъ положеніи дѣла санитарный надзоръ, какъ констатируетъ послѣдній сборникъ его отчетовъ, старается улучшить санитарныя условія пароходовъ преимущественно путемъ убѣжденій и совѣтовъ. Какъ видно, совѣты эти и убѣжденія туго принимаются судовладѣльцами, и санитарному надзору слѣдовало бы самому вспомнить совѣтъ, чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому, гдѣ нужно власть употребить.

Въ лѣтніе мѣсяцы многія земства, какъ извѣстно, устраиваютъ общеобразовательные курсы для учащихъ. Одно время это дѣло шло очень хорошо, курсы привлекали массу слушателей, лекторами на нихъ выступали извѣстные педагоги; казалось, все обѣщало дальнѣйшее процвѣтаніе этому полезному просвѣтительному начинанію. Но какъ это часто у насъ бываетъ съ просвѣтительными начинаніями, какъ только дѣло наладилось, оно стало встрѣчать многочисленныя внѣшнія препятствія. За послѣдніе годы сплошь и рядомъ приходилось читать, что курсы въ томъ или другомъ мѣстѣ не могли состояться то изъ-за неутвержденія преподавателей, то изъ-за не утвержденія программы и т. п., или что хотя и были устроены, но не по той программѣ, какая предполагалась. Подобныя сообщенія встрѣчаются и въ настоящее время. Такъ, въ Костромѣ жалуются, что на курсы допускаются только лица съ спеціальнымъ образованіемъ и образованіемъ ниже средняго и что кромѣ того ограничено и самое число слушателей. Такимъ образомъ большинство учителей и учительницъ земскихъ школъ при всемъ ихъ желаніи, на курсы не попадетъ.

Во Владимірѣ уже второй годъ подъ рядъ не удается устроить курсы. Въ прошломъ году предполагалось устроить курсы съ 1 іюня по 1 іюля. Но помимо того, что возникли препятствія съ утвержденіемъ лекторовъ—священнику о. Петрову не разрѣшено было читать лекціи по богословію въ томъ основаніи, что «въ каждой епархіи есть свои способные законоучители-священники»,—разрѣшеніе на курсы дано было 3 іюня телеграммой изъ Петербурга такого содержанія: «Курсы разрѣшены на условіяхъ, сообщенныхъ попечителю». Условія же эти были получены въ управѣ только 7 ноября—и курсы состояться уже не могли.

Въ нынѣшнемъ году, желая избѣгнуть прошлогднихъ препятствій, управа еще 4 марта возбудила ходатайство о разрѣшеніи курсовъ на 7-е іюня. На ходатайство послѣдовало извѣщеніе отъ директора народныхъ учи-

о томъ, что «весьма желательно ввести на курсахъ чтенія богословскія или религіозно-философскія, для каковыхъ и пригласить особаго лектора». Управа приняла это предложеніе. Тѣмъ не менѣе разрѣшеніе не получалось. Въ концѣ мая, въ виду приближенія срока, назначеннаго для курсовъ, управа послала телеграмму попечителю округа, отъ котораго послѣдовалъ отвѣтъ, что вопросъ о курсахъ находится на разрѣшеніи министерства. Управѣ пришлось принять мѣры на случай, если разрѣшеніе придетъ послѣ срока: она запросила лекторовъ, согласятся ли они начать чтенія послѣ 7 іюня, и собрала свѣдѣнія объ адресахъ разъѣзжавшихся на каникулы учителей, чтобы въ случаѣ разрѣшенія курсовъ немедленно ихъ найти. Отвѣтъ отъ директора народныхъ училищъ получился только 5 іюля. Отвѣтъ этотъ гласилъ, что на курсы не могутъ быть допущены учащія лица, не имѣющія полнаго общеобразовательнаго ценза, и что программы по «исторіи русской литературы» и «введеніе въ естествознаніе» не разрѣшены. Интересно, что послѣдняя программа въ прошломъ году была утверждена. Почему та же самая программа теперь оказалась невозможной—неизвѣстно.

Нельзя не пожалѣть о препятствіяхъ, какія встрѣчаетъ дѣло общеобразовательныхъ курсовъ. Въ сѣрой, неприглядной, протекающей въ тяжелыхъ условіяхъ жизни народныхъ учителей и учительницъ, разбросанныхъ по глухимъ деревнямъ и селамъ, курсы являются настоящимъ праздникомъ. Здѣсь они встрѣчаются съ товарищами, обмѣниваются съ ними мнѣніями и впечатлѣніями, въ живой товарищеской атмосферѣ курсовъ запасаются бодростью и энергіей для будущей работы, наконецъ, пріобрѣтаютъ необходимыя для своей дѣятельности знанія. А въ этихъ знаніяхъ учителя очень нуждаются, такъ какъ образовательная подготовка ихъ, степень развитія и умственныхъ интересовъ оставляетъ желать многаго. Недавно въ *Вѣст. Новг. Зем.* была помѣщена статья объ образовательной подготовкѣ учителей, въ которой указывалось, что съ недостаткомъ подготовленныхъ учителей приходится считаться не только нижегородскому, но даже такимъ земствамъ, какъ московское, тверское и др. Вслѣдствіе этого за послѣднее время въ земскихъ школахъ, кромѣ лицъ, получившихъ спеціально-педагогическое или среднее образованіе, учительствуютъ имѣющіе званіе сельскаго учителя, окончившіе курсъ городскихъ или епархіальныхъ училищъ, женскихъ прогимназій, низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ и пр. Любопытно также, что̀ читаютъ и какія періодическія изданія выписываютъ сельскіе учителя. Оказывается, что выдача книгъ изъ общественныхъ библіотекъ производится только въ четырехъ уѣздахъ и что число учащихъ, пользующихся библіотеками при управахъ, всего 70. Вообще книга, по замѣчанію автора статьи, не пользуется большимъ спросомъ среди учащихъ.

Руководитель педагогическихъ курсовъ, бывшихъ въ Череповцѣ въ 1898 году, Н. И. Ахутинъ, на основаніи отвѣтовъ учителей, пришелъ «къ тому заключенію, что $^2/_3$ учителей Новгородской губ. или совсѣмъ не чи-

тают, или пробавляются и довольствуются случайным чтеніемъ», и объясняетъ это тѣмъ, что у учителя «нѣтъ охоты къ чтенію, нѣтъ любви къ книгѣ»; останавливаясь дальше на вопросѣ, какія книги читаетъ учитель, Н. И. Ахутинъ жалуется на то, что среди требованій, предъявленныхъ въ 1897 году въ череповецкую общественную библіотеку, встрѣчаются книги Майнъ-Рида, Жюля-Верна, Робинзонъ Крузо, сочиненія Дютеррайля, Г. Борна, Габоріо и т. д., а изъ журналовъ такіе, какъ: *Задушевное Слово*, *Стрекоза*, *Осколки*, *Гусли*. Что касается періодическихъ изданій, то выписываются тѣ, что подешевле: изъ журналовъ больше всего *Нива*, изъ газетъ *Биржевыя Вѣдомости*.

При такомъ уровнѣ развитія учителей ясно, какое значеніе должны имѣть для нихъ общеобразовательные курсы.

Не встрѣчаетъ благосклоннаго отношенія къ себѣ и другое просвѣтительное начинаніе — внѣшкольныя общеобразовательныя лекціи, возникающія въ послѣднее время въ разныхъ городахъ. Въ прошломъ году обществомъ народныхъ развлеченій устраивались въ Москвѣ общеобразовательныя лекціи для народа, имѣвшія большой успѣхъ. Мировые судьи безмездно отдавали камеры подъ чтенія, а лекціи безмездно читали профессора и преподаватели. Рабочіе усердно ихъ посѣщали, все шло хорошо, пока не было получено распоряженіе, чтобы лекціи предварительно представлялись на разрѣшеніе попечителю округа. Такое условіе лекторы нашли для себя стѣснительнымъ, и вотъ полезному дѣлу придется распасться. Приблизительно то же случилось и въ Томскѣ, гдѣ съ 1901—1902 гг. обществомъ попеченія о начальномъ образованіи устраивались научно-популярныя лекціи. И здѣсь лекціи имѣли большой успѣхъ. Профессора университета безмездно читали, а частныя лица жертвовали на пріобрѣтеніе необходимыхъ принадлежностей. Въ настоящее время лекціи, какъ сообщаетъ *Восточ. Обозр.*, прекращены. Попечитель увѣдомилъ совѣтъ общества, что, такъ какъ при возбужденіи ходатайства объ устройствѣ публичныхъ лекцій совѣтъ, очевидно, не имѣетъ цѣлью усиленіе средствъ общества, подобнаго рода ходатайства отнынѣ удовлетворенію подлежать не будутъ».

Рядомъ съ этими запрещеніями, которыя встрѣчаютъ разныя просвѣтительныя начинанія со стороны органовъ министерства народнаго просвѣщенія, интересно отмѣтить ходатайство екатеринодарскаго комитета попечительства о народной трезвости о допущеніи въ книжныхъ складахъ попечительства всѣхъ изданій, разрѣшенныхъ общей цензурой. По этому вопросу въ засѣданіи комитета былъ заслушанъ докладъ непремѣннаго члена его. Въ настоящее время продажа книгъ изъ складовъ попечительства ограничивается лишь тѣми сочиненіями, какія допущены къ обращенію въ народныхъ читальняхъ.

Изъ доклада непремѣннаго члена выяснилось, что въ полномъ каталогѣ книгъ, разрѣшенныхъ для народныхъ читаленъ, куда входятъ всѣ изданія, допущенныя по 1900 годъ, числится всего 4,733 сочиненія и затѣмъ дополнительный каталогъ за 1900, 1901 и 1902 годы внесено 2,29[illegible]

чиненій. Но оказывается, что въ этотъ дополнительный каталогъ вошло не менѣе $^1/_3$ повторяющихся изданій, которыя значатся уже въ полномъ каталогѣ. Даже и въ послѣднемъ одни и тѣ же сочиненія повторяются по нѣскольку разъ.

Выслушавъ докладъ непремѣннаго члена, областной комитетъ постановилъ ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о допущеніи продажи въ книжныхъ складахъ попечительства всѣхъ книгъ, разрѣшенныхъ общей цензурой.

Но и здѣсь директоръ народныхъ училищъ остался при особомъ мнѣніи, находя такое ходатайство излишнимъ и неумѣстнымъ (!).

А. С.

Въ іюльской книгѣ мы отмѣтили законъ 7 іюня нынѣшняго года. Возвращаемся къ его анализу.

Государственныя преступленія, то-есть дѣянія, направленныя къ разрушенію или измѣненію существующаго въ данной странѣ государственнаго строя, или политическаго режима, въ связи съ соціальнымъ устройствомъ, разсматриваются обычно какъ нарушенія закона sui generis, требующія и особаго порядка разслѣдованія и суда, и исключительныхъ репрессивныхъ мѣръ.

Свойства этихъ преступленій, разъ какъ они не сопровождаются общими правонарушеніями, дѣйствительно исключительны. Они, въ чистомъ видѣ, не заключаютъ въ себѣ признаковъ посягательствъ на наиболѣе цѣнныя блага отдѣльныхъ лицъ, какъ-то: жизнь, здоровье человѣка, имущественныя и другія личныя права. Мотивы, руководящіе политическими преступниками, обычно лишены корыстнаго или иного позорящаго характера, и взглядъ законодателя на бо́льшую или меньшую преступность этихъ посягательствъ зависитъ нерѣдко отъ существующаго въ данномъ государствѣ образа правленія. При перемѣнѣ политическаго режима вчерашній государственный преступникъ можетъ превратиться въ героя и наоборотъ, о чемъ свидѣтельствуетъ въ достаточной степени исторія и постановленія нѣкоторыхъ европейскихъ кодексовъ о невыдачѣ политическихъ преступниковъ. Съ другой стороны, государственныя преступленія таковы, что хотя они сами по себѣ не состоятъ въ непосредственномъ посягательствѣ на личныя блага человѣка, но легко могутъ повлечь за собою таковыя и притомъ въ значительныхъ размѣрахъ, а, кромѣ того, они представляютъ опасность и угрозу самому существованію государства, общественному порядку, въ широкомъ значеніи этого слова, зависящему отъ незыблемости основныхъ законовъ государства, противъ которыхъ обычно направляются политическія преступленія. Послѣднее соображеніе побуждало всегда законодателя включать въ уголовные кодексы наиболѣе репрессивныя мѣры противъ преступленій государственныхъ; такое отношеніе къ названнымъ преступленіямъ замѣчается и въ нашемъ новомъ уголовномъ уложеніи, оставившемъ въ силѣ въ лѣстницѣ наказаній смертную казнь лишь за

наиболѣе тяжкія государственныя преступленія. Впрочемъ, этотъ взглядъ, царившій прежде во всѣхъ уголовныхъ кодексахъ, нынѣ въ виду доказанной опытомъ недѣйствительности угрозы тяжкимъ наказаніемъ для предупрежденія государственныхъ преступленій, начинаетъ видоизмѣняться и нарушенія этого рода подводятся подъ дѣйствіе общихъ понятій уголовнаго права.

У насъ по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года дѣла о государственныхъ преступленіяхъ подлежали судебному порядку преслѣдованія, но съ извѣстными изъятіями, а именно: дѣла эти, независимо отъ тяжести грозящаго обвиняемому наказанія, были безусловно изъяты изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей и подсудности окружныхъ судовъ. Дознаніе производилось чинами полиціи подъ наблюденіемъ прокуратуры, предварительное слѣдствіе—членомъ судебной палаты. Преданіе суду зависѣло отъ гражданскаго департамента судебной палаты, а прекращеніе слѣдствія отъ гражданскаго кассаціоннаго департамента сената; всѣ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ разрѣшались по существу судебною палатою съ сословными представителями. Но такой процессуальный порядокъ продержался недолго и новеллами 19 мая 1871 г., 7 іюля 1872 г., 9 мая 1878 г., 11 іюня 1880 г. и 14 августа 1886 года онъ былъ значительно измѣненъ, причемъ хотя въ законѣ и остались судебными инстанціями, разрѣшающими по существу политическія дѣла, судебная палата въ обычномъ составѣ и съ присоединеніемъ сословныхъ представителей, особое присутствіе сената съ тѣми же представителями и верховный уголовный судъ, но на самомъ дѣлѣ, согласно 1035 статьѣ Уст. угол. суд., почти всѣ дѣла такого рода до послѣдняго времени разрѣшались внѣсудебно, въ порядкѣ административномъ и притомъ безъ производства по нимъ предварительнаго слѣдствія, а по даннымъ дознанія, производимаго чинами корпуса жандармовъ, подъ наблюденіемъ лицъ прокурорскаго надзора судебной палаты. Въ исключительныхъ случаяхъ дѣла о политическихъ преступленіяхъ вѣдались на основаніи закона о государственной охранѣ военными судами. Административное разрѣшеніе дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ имѣло мѣсто по соглашенію министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ и на основаніи испрашиваемаго первымъ Высочайшаго повелѣнія.

Во измѣненіе описаннаго порядка разрѣшенія политическихъ дѣлъ и созданъ новый законъ 7 іюня текущаго года. Обращаясь къ критической оцѣнкѣ его, мы, во-первыхъ, должны констатировать, что онъ не внесъ крупныхъ, коренныхъ перемѣнъ въ процессуальное движеніе разсматриваемыхъ дѣлъ, такъ какъ эти дѣла и при дѣйствовавшемъ до 7 іюня законѣ могли быть передаваемы къ производству помимо жандармскаго дознанія предварительнаго слѣдствія и разсматриваться выше указанными судебными инстанціями. Наиболѣе существеннымъ въ новомъ законѣ является постановленіе его о введеніи въ дѣйствіе нынѣ же главъ новаго уложенія, предусматривающихъ государственныя преступленія, съ примѣненіемъ къ такovымъ и всѣхъ положеній общей части уложенія. Это постановленіе мож но

лишь привѣтствовать, такъ какъ отдѣлъ новаго уложенія о государственныхъ преступленіяхъ составленъ и изложенъ несравненно лучше прежняго. Составы отдѣльныхъ преступленій очерчены гораздо опредѣленнѣе, точнѣе и ближе по признакамъ къ дѣйствительности, а также понижена карательная санкція и суду данъ широкій просторъ въ выборѣ наказаній внѣ зависимости отъ предуказанныхъ закономъ обстоятельствъ. Вполнѣ практичнымъ является также точное перечневое указаніе преступленій, слѣдующихъ особой подсудности.

Къ дѣламъ, вызывающимъ всегда особое производство, отнесены новымъ закономъ преступленія, предусмотрѣнныя 99—113, 116—119, 121 и 128 ст. уголовнаго уложенія, остальныя же государственныя преступленія (статьи, ихъ карающія, тоже перечислены въ законѣ) слѣдуютъ этому порядку, если доказано, что они находятся въ связи съ вышеуказанными правонарушеніями или совершены изъ политическихъ побужденій; въ противномъ случаѣ преступленія эти подлежатъ судебному производству въ общемъ порядкѣ.

Введеніе такой колеблемости подсудности представляется намъ едва ли удачной по самымъ признакамъ ея, ибо не ясно о какого рода связи съ наиболѣе важными государственными преступленіями говорится здѣсь, о связи идейной или о связи по участникамъ, по дѣйствіямъ, а также недостаточно опредѣлительно (для закона) выраженіе «по политическимъ побужденіямъ». Наконецъ, новая 1031 ст. Уст. угол. суд. не указываетъ, какой органъ—судебный или административный—будетъ опредѣлять, есть ли въ данномъ случаѣ связь преступленій, перечисленныхъ въ 1030 статьѣ устава съ таковыми же, указанными въ 1031 ст., и надлежитъ ли дѣла послѣдней категоріи производить общимъ порядкомъ, а также, кто будетъ разрѣшать могущія возникнуть по сему предмету пререканія.

Подсудность дѣлъ обѣихъ категорій, при наличности политическаго мотива, такова: судебная палата для дѣлъ, наказаніе за кои ниже исправительнаго дома, тоже палата съ сословными представителями для дѣлъ бо́льшей важности и по особому Высочайшему повелѣнію правительствующій сенатъ съ сословными представителями и верховный уголовный судъ.

Останавливаясь на привлеченіи къ дѣлу суда сословныхъ представителей, состоящихъ изъ губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства, городского головы и волостного старшины, мы позволимъ себѣ высказать сомнѣніе въ цѣлесообразности созданія такой смѣшанной коллегіи. Закономъ 7 іюля 1889 года, сократившимъ подсудность дѣлъ объ общихъ преступленіяхъ суду присяжныхъ засѣдателей, цѣлый рядъ дѣлъ (о злоупотребленіяхъ въ банкахъ, желѣзно-дорожныя дѣла, брачныя, о сопротивленіи властямъ и т. п.) былъ переданъ на разрѣшеніе судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей, но опытъ этотъ оказался, какъ о томъ засвидѣтельствовали высшіе судебные чины, созывавшіеся министромъ юстиціи на совѣщаніе по поводу пересмотра Судебныхъ Уставовъ, вполнѣ неудачнымъ; это положеніе было не разъ высказано и въ нашей юриди-

ческой литературѣ (А. Ѳ. Кони, Джаншіевъ и другіе), и въ новомъ проектѣ уставовъ такая судебная коллегія отмѣняется для разсмотрѣнія общихъ преступленій. И дѣйствительно, соединеніе въ одну коллегію, рѣшающую и вопросы фактическіе и юридическіе, спеціалистовъ законовѣдовъ и лицъ, совершенно постороннихъ судебному дѣлу и стоящихъ на столь различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, какъ губернскій предводитель дворянства и волостной старшина, не можетъ дать гарантій правильнаго судебнаго рѣшенія: это рѣшеніе не будетъ результатомъ одинаковаго пониманія и взглядовъ на дѣло, не можетъ поэтому вызвать чувства нравственной, солидарной отвѣтственности за приговоръ; коллегія эта, не будучи судомъ общества, каковымъ является, не предопредѣляемый впередъ своимъ составомъ, судъ присяжныхъ, участіемъ постороннаго коронному суду элемента лишь уменьшаетъ самостоятельность его, не являясь для него дѣйствительнымъ подспорьемъ. А если это такъ для общихъ преступленій, то мы не видимъ, почему въ дѣлахъ о преступленіяхъ государственныхъ тотъ же составъ судей станетъ лучше и явитъ бо́льшія гарантіи справедливаго рѣшенія дѣлъ. Къ тому же, какъ то видно изъ закона 7 іюня, смѣшанная коллегія будетъ функціонировать не повсемѣстно въ Имперіи, и въ судебныхъ округахъ: варшавскомъ, тифлисскомъ, томскомъ, ташкентскомъ, омскомъ и части новочеркасскаго—дѣла о государственныхъ преступленіяхъ будутъ разсматриваться въ обычномъ составѣ судебныхъ палатъ, безъ приглашенія постороннихъ суду лицъ. Намъ думается, что такой нормальный составъ судебной коллегіи, несущій исключительно на себѣ отвѣтственность за правильность рѣшенія, являетъ гораздо больше гарантій справедливости и закономѣрности, чѣмъ случайное соединеніе элементовъ совершенно разныхъ съ возложеніемъ, однако, на нихъ тѣхъ же правъ и обязанностей.

При ознакомленіи съ установленнымъ новымъ закономъ порядкомъ производства дознаній о государственныхъ преступленіяхъ, каковыя могутъ имѣть такое же значеніе, какъ предварительныя слѣдствія, вполнѣ замѣняя ихъ, обращаетъ на себя вниманіе увеличеніе власти и правъ лица, производящаго, дознаніе по сравненію не только съ чинами полиціи по производству дознаній объ общихъ преступленіяхъ, но даже и съ судебнымъ слѣдователемъ, и безконтрольность или, вѣрнѣе, судебная неотмѣняемость его дѣйствій. Такъ, закономъ вовсе не указана судебная инстанція, которой могли бы подаваться жалобы обвиняемыми и другими заинтересованными лицами на постановленія и дѣйствія лица, производящаго дознаніе, которому однако предоставлены всѣ права судебнаго слѣдователя, между тѣмъ какъ судебные уставы весьма заботливо отнеслись къ установленію этой необходимой въ правильно-организованномъ процессѣ гарантіи правъ обвиняемаго и другихъ лицъ. Права прокурора, наблюдающаго за производствомъ дознанія, зато умалены по сравненію не только съ обще-полицейскимъ дознаніемъ, но и съ положеніемъ его на предварительномъ слѣдствіи. Постановленіе статьи 281 Уст. угол. судопр., об-

зывающее слѣдователя исполнять всѣ законныя требованія прокурора, отсутствуетъ въ новомъ законѣ; также не упоминается о правѣ прокурора возвращать дознаніе къ дополненію, предлагать о задержаніи оставленнаго на свободѣ обвиняемаго и требовать безапелляціоннаго освобожденія обвиняемаго изъ-подъ стражи, за исключеніемъ случая, когда лишенъ свободы обвиняемый въ преступленіи, влекущемъ наказаніе ниже исправительнаго дома (т.-е. maximum тюрьма). Законъ, повидимому, изъ-за неопредѣленности положенія при дознаніи лица прокурорскаго надзора, наблюдающаго за дознаніемъ, могущаго вызвать пререканіе между нимъ и офицеромъ корпуса жандармовъ, установилъ, что въ случаѣ возникновенія *затрудненія* при производствѣ дознанія оно разрѣшается прокуроромъ судебной палаты. Далѣе, лицу, производящему дознаніе въ случаѣ надобности осмотра или выемки почтовой или телеграфной корреспонденціи, допускаемой по общимъ преступленіямъ лишь съ разрѣшенія мѣстнаго окружнаго суда, дано право сдѣлать выемку и осмотръ по соглашенію съ наблюдающимъ за дознаніемъ прокуроромъ. Обращаетъ также на себя вниманіе слѣдующее положеніе: при возбужденіи по дѣлу, о коемъ производится дознаніе, предварительнаго слѣдствія, что нормально прекращаетъ розыскную дѣятельность полиціи, на обязанности чиновъ корпуса жандармовъ остается продолженіе самостоятельнаго розыска и разслѣдованія по этому дѣлу и сообщеніе добытаго матеріала слѣдователю, причемъ лицо прокурорскаго надзора, наблюдающее за слѣдствіемъ, обязывается съ своей стороны передавать чинамъ корпуса жандармовъ всѣ добытыя слѣдствіемъ данныя, могущія имѣть значеніе при дальнѣйшемъ разслѣдованіи. И прежде общая полиція обязана была доставлять слѣдователю полученныя ею по окончаніи дознанія свѣдѣнія о данномъ преступленіи, но она не продолжала, какъ оно устанавливается новой 1035 статьей Устава угол. судопр., розыскъ и была лишь обязана исполнять порученія, даваемыя ей въ этомъ отношеніи слѣдственною и покурорскою властью. Но совсѣмъ иначе поставлена теперь розыскная дѣятельность членовъ корпуса жандармовъ; она является самостоятельной, и прокурорскій надзоръ обязывается доставлять ей свѣдѣнія, нужныя для сего. Такое положеніе представляется намъ не вполнѣ согласнымъ съ существомъ обязанностей чиновъ полиціи, хотя бы и исключительной, разъ какъ начато слѣдствіе, и лишаетъ прокуратуру необходимой для высшаго государственнаго органа обвиненія и судебнаго преслѣдованія авторитетности. Къ тому же получается такое положеніе, что объ одномъ и томъ же дѣяніи можетъ производиться и притомъ различными пріемами, два разслѣдованія. Намъ думается, что правильнѣе было бы, съ точки зрѣнія надлежащей конструкціи интитута «предварительнаго разслѣдованія», поставить продолженіе чинами корпуса жандармовъ дознанія по дѣлу, переданному къ производству слѣдствія, въ совершенную зависимость отъ слѣдователя и наблюдающаго лица прокурорскаго надзора.

В отношеніи прекращенія дознаній мы должны констатировать троякій

порядокъ, устанавливаемый новымъ закономъ. Такъ, въ случаѣ смерти обвиняемаго, по давности и за силою Высочайшаго манифеста дознаніе прекращается прокуроромъ окружнаго суда, при наличности причинъ, устраняющихъ вмѣняемость по психической болѣзни обвиняемаго или при несовершеннолѣтіи его (до 17 лѣтъ) по отсутствію разумѣнія—окружнымъ судомъ, а по причинѣ отсутствія въ изслѣдуемомъ событіи признаковъ преступленія, за необнаруженіемъ или нерозыскомъ обвиняемаго и при недостаточности уликъ—вновь учрежденнымъ органомъ, губернскимъ совѣщаніемъ. Намъ не вполнѣ ясны основанія, по коимъ созданъ этотъ тройственный порядокъ, такъ какъ, напримѣръ, вопросы о примѣненіи давности могутъ представить къ разрѣшенію не меньшія юридическія затрудненія, требующія коллегіальнаго обсужденія, чѣмъ вопросы о вмѣненіи. Созданіе новаго органа, до нѣкоторой степени носящаго характеръ обвинительной камеры, представляется намъ тоже не вызываемымъ необходимостью и едва ли согласнымъ съ постановленіями судебныхъ уставовъ о порядкѣ прекращенія уголовныхъ дѣлъ; губернское совѣщаніе, хотя оно и вводится закономъ въ систему судебныхъ учрежденій, есть однако установленіе административное по своему составу; въ немъ три лица: предсѣдатель—губернаторъ, члены—прокуроръ окружнаго суда и начальникъ губернскаго жандармскаго управленія. Противъ такого состава, имѣющаго разрѣшать процессуальные вопросы фактическіе и юридическіе (отсутствіе признаковъ преступленія), требующіе, казалось бы, кромѣ юридическихъ познаній и судебную опытность (хотя бы для опредѣленія силы добытыхъ уликъ), можно возразить указаніемъ на неподготовленность теоретическую и практическую членовъ совѣщанія, на не согласную съ общимъ характеромъ дѣятельности прокурора передачу ему не совѣщательнаго голоса съ правомъ протеста, а рѣшающаго, и то, что двое изъ членовъ совѣщанія, а именно: начальникъ жандармскаго управленія и прокуроръ, какъ принимавшіе большее или меньшее участіе въ производствѣ разсматриваемаго дѣла, не могутъ являть всѣхъ гарантій безусловной безпристрастности. Казалось бы вполнѣ возможнымъ, не прибѣгая къ созданію новыхъ органовъ непредусмотрѣнныхъ уставами и едва ли судебныхъ, возложить обязанность прекращенія дознаній по всѣмъ тремъ выше упомянутымъ причинамъ или на окружный судъ, или на судебную палату. Въ связи съ высказаннымъ, мы думали бы также, что болѣе согласнымъ съ существующею практикой было бы установить утвержденіе обвинительныхъ актовъ прокурора окружнаго суда, составленныхъ на основаніи дознаній, судебною палатой.

Въ отдѣлѣ закона о производствѣ предварительнаго слѣдствія, которое не обязательно, но можетъ быть возбуждено прокуроромъ окружнаго суда съ разрѣшенія прокурора судебной палаты (проще было бы сказать прокуроромъ палаты), исключительнымъ представляется право слѣдователя на самостоятельное, безъ разрѣшенія суда, производство осмотра или вы-

почтовой и телеграфной корреспонденціи, и даже порученія этого акта жандармскимъ офицерамъ, каковое положеніе противорѣчитъ требованіямъ дѣйствующаго Устава. Жалобы на слѣдственныя дѣйствія приносятся въ судебную палату или правительствующій сенатъ по принадлежности. Этимъ совершенно правильнымъ постановленіемъ обвиняемымъ и другимъ заинтересованнымъ лицамъ дается гарантія, которой они лишены при производствѣ дознанія, хотя послѣднее ведется жандармскими офицерами, а первое судебными слѣдователями по важнѣйшимъ дѣламъ или членами судебной палаты. Оконченное слѣдствіе поступаетъ къ прокурору судебной палаты (при подсудности дѣла сенату—къ министру юстиціи), который, или особо назначенное министромъ лицо прокурорскаго надзора, составляетъ обвинительный актъ или заключеніе о прекращеніи, объ измѣненіи подсудности или о раздѣленіи предметовъ изслѣдованія. Обвинительные акты не подлежатъ утвержденію, а заключенія о прекращеніи и остальныя поступаютъ или въ сенатъ, или въ судебную палату по принадлежности и могутъ быть замѣнены опредѣленіемъ о преданіи суду. Вопросъ о томъ, необходимо ли предварительное слѣдствіе, или къ дальнѣйшему производству можно приступить по дознанію, разрѣшается окончательно прокуроромъ палаты. Часть дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ слушается обязательно при закрытыхъ дверяхъ, остальныя же въ зависимости отъ постановленія о томъ суда или отъ предложенія министра юстиціи. По просьбѣ подсудимыхъ или потерпѣвшихъ, судъ можетъ допустить въ залу засѣданія и по дѣлу, производящемуся не гласно, только родственниковъ по прямой линіи этихъ лицъ или супруговъ ихъ.

Защитниками по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ могутъ быть только присяжные повѣренные. Ограниченіе лицъ, допускаемыхъ въ засѣданіе при закрытыхъ дверяхъ по просьбѣ обвиняемаго и потерпѣвшаго, лишь однимъ родственникомъ по прямой линіи или супругомъ, а также ограниченіе права выбора защитника едва ли необходимы въ какихъ-либо видахъ и вносятъ лишь перемѣну въ существующій порядокъ.

Въ концѣ нашего краткаго обзора закона 7 іюня 1904 г. мы можемъ лишь повторить, что особо существеннымъ пунктомъ его мы признаемъ частное введеніе въ дѣйствіе новаго уголовнаго Уложенія. Но и въ этомъ положеніи мы усматриваемъ вредящую ему неполноту. Законъ допускаетъ разсмотрѣніе государственныхъ преступленій меньшей важности, перечисленныхъ въ новой 1031 статьѣ Устава угол. судопр. при извѣстныхъ условіяхъ въ порядкѣ общаго судопроизводства, но въ такомъ случаѣ оказывается, что къ этимъ преступленіямъ будутъ подлежать примѣненію статьи прежняго Уложенія, ибо новымъ кодексомъ могутъ руководствоваться лишь судебныя присутствія новаго типа, что создаетъ весьма чувствительную для подсудимыхъ, но нежелательную неравномѣрность примѣненія закона за тѣ же преступленія. Не предусмотрѣнъ также закономъ тотъ случай, когда судебная палата при разсмотрѣніи дѣла по обвиненію лица въ дѣяніи,

предусмотрѣнномъ въ 1031 статьѣ Уст. улож. судопр., но совершенно по политическимъ побужденіямъ, отвергнетъ наличность этихъ побужденій, въ виду чего остается открытымъ вопросъ: можетъ ли палата при указанномъ условіи примѣнить новое Уложеніе. Затѣмъ мы считали бы наиболѣе цѣлесообразнымъ и закономѣрнымъ подчиненіе производства дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ общимъ нормамъ нашего уголовнаго процесса, достаточно гибкимъ и практическимъ для разрѣшенія уголовныхъ дѣлъ всѣхъ категорій, безъ какого-либо увеличенія правъ и власти лицъ, производящихъ дознаніе, и безъ введенія въ процессъ посторонніхъ ему административныхъ лицъ, чѣмъ нарушается принципъ отдѣленія судебной власти отъ административной.

В.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Переговоры съ великобританскимъ правительствомъ по поводу осмотра и захвата нашими крейсерами англійскихъ судовъ велись примирительно и закончились благополучно. *Петербургу* и *Смоленску*, которые прошли Босфоръ и Дарданеллы, какъ торговые корабли, а потомъ вооружились, отданъ приказъ вернуться. Но, какъ мы уже говорили, русско-японская война выдвинула нѣсколько спорныхъ вопросовъ международнаго права, надъ которыми необходимо поработать и ученымъ, и дипломатамъ *). И вообще эта жестокая война даетъ Европѣ горестные уроки. Сраженія ведутся съ неслыханною настойчивостью. Артиллерійскій бой принимаетъ ужасающіе размѣры, сотни людей сразу взлетаютъ на воздухъ отъ взрываемыхъ фугасовъ.

Токійскій корреспондентъ въ *Le Temps*, Шарль Петти, указываетъ, что японское воспитаніе проникнуто воинственнымъ духомъ и пріучаетъ къ жестокости. На театральныхъ сценахъ постоянно разыгрываются сраженія съ ихъ реалистическими ужасами, агоніей умирающихъ, криками побѣды, стонами раненыхъ, съ проливающейся кровью. На такихъ спектакляхъ постоянно присутствуютъ женщины и дѣти, которыя радостно кричатъ *банзай* при изображаемыхъ успѣхахъ японскаго оружія. На сценѣ прославляются *герои*, которые, притворившись мертвыми, внезапно вонзаютъ кинжалъ въ животъ противника. И длятся такія представленія съ десяти часовъ утра до семи вечера. Здѣсь ѣдятъ, пьютъ и курятъ. Теперь особенно въ модѣ, конечно, пьесы, въ которыхъ японцы постоянно разбиваютъ русскихъ. Шарль Петти говоритъ, что ему трудно было сохранить хладнокровіе на такихъ представленіяхъ. Русскіе офицеры выводятся въ совершенно позорномъ видѣ, они произносятъ (часто на французскомъ языкѣ) отвратительныя фразы. Можно было бы, пишетъ сотрудникъ парижской газеты, умереть со смѣху отъ произношенія японскихъ актеровъ, еслибъ

*) Изъ Амстердама 2 сентября напечатана въ газетахъ слѣдующая телеграмма: „Сегодня открыта международная конференція по морскому праву. Постоянный секретарь конференціи удостовѣрилъ, что созывъ дипломатической конференціи по морскому праву—рѣшенное дѣло“.

все представленіе не носило жестокаго, зловѣщаго характера, еслибъ женщины и дѣти (съ пятилѣтняго возраста) не кричали восторженно *банзай*. И японцы ненавидятъ не русскихъ только, отмѣчаетъ Петти, а бѣлую расу вообще. Не мѣшало бы имѣть это въ виду англичанамъ и сѣверо-американцамъ.

Поучительна и статья Шарля Лорана въ *Revue de Paris: Въ Токіо. Первый мѣсяцъ войны*. Въ день отозванія японскаго посланника въ Петербургѣ, Курино, столица Японіи была совершенно покойна. Лорану сообщили (правда ли это?), что японка изъ Нагасаки, бывшая въ Харбинѣ подругою русскаго офицера, похитила у него тщательно изученную карту Манджуріи и убѣжала. Карта оказалась весьма драгоцѣнною для японскаго генеральнаго штаба.

О внезапномъ нападеніи на нашъ флотъ въ Портъ-Артурѣ первоначальныя свѣдѣнія говорили, что погибло восемь нашихъ судовъ. Знакомый Лорану японецъ разсказалъ ему, что онъ усомнился въ этомъ извѣстіи, и тогда отецъ его, въ страшномъ гнѣвѣ, закричалъ ему: «Ты не вѣришь этому, ты желаешь успѣха русскимъ! Если ты не хочешь болѣе быть японцемъ—тебѣ стоитъ только объ этомъ сказать!»

Въ Японіи были оскорблены задержками въ Портъ-Артурѣ отвѣтной ноты нашего правительства,—такъ пишетъ дружественный намъ корреспондентъ французскаго журнала. Онъ также отмѣчаетъ спокойное презрѣніе къ смерти, которое выказываютъ японцы, идя въ борьбу за отечество. Ихъ провожаютъ сдержанно, матери и жены удерживаютъ слезы.

Слѣдуетъ отмѣтить, что нашъ посланникъ въ Токіо, Розенъ, и нашъ представитель флота хорошо понимали положеніе вещей и своевременно сообщали о немъ. За два мѣсяца до войны японскіе военные корабли ходили безъ огней. Наши суда и маяки въ Портъ-Артурѣ освѣщались.

Японскіе офицеры, говоритъ въ своемъ дневникѣ Шарль Лоранъ, пришли въ восторгъ отъ указа, которымъ императоръ разрѣшалъ старые клинки обратить въ боевое оружіе въ эту войну. Они считаютъ ихъ олицетвореніемъ древней Японіи.

Еще нѣсколько фактовъ изъ дневника Шарля Лорана.

Japon Mail, газета, редактируемая англичаниномъ, печатаетъ статьи, направленныя противъ Россіи и Франціи. Японское изданіе, на англійскомъ языкѣ *The Russo-Japonesse War* открывается такими словами: «Наши читатели удивятся, быть можетъ, увидѣвъ русское имя впереди японскаго; это простая вѣжливость побѣдителю къ побѣжденному. Почти всегда въ послѣднихъ войнахъ мы замѣчали, что имя побѣжденнаго становилось первымъ: говорятъ франко-германская война, греко-турецкая, испано-американская».

Характеренъ и ужасенъ слѣдующій фактъ, достовѣрность котораго признаетъ Лоранъ: одинъ носильщикъ былъ призванъ въ армію. Онъ былъ вдовъ и имѣлъ двухъ дѣтей. Никуда пристроить ихъ не удалось. Тогда носильщикъ убилъ ихъ и отправился на войну...

Да, плохо мы знали Японію и японцевъ, и всего хуже тѣ, которые были ближе и которые знать были обязаны. Петербургскій корреспондентъ газеты *Temps* говоритъ, что нельзя свыкнуться съ необыкновеннымъ равнодушіемъ русскихъ къ тяжелымъ событіямъ въ Манчжуріи, равнодушіемъ фатализма и самоотреченія. Французскій наблюдатель ошибается. Этимъ качествомъ отличается нашъ азіатскій врагъ. Въ глубинѣ души русскіе люди переживаютъ теперь много горя, но зачѣмъ его выносить на улицу, подчеркивать? У насъ есть совершенно опредѣленныя опасенія, надежды и желанія, въ общественно-политическомъ отношеніи; но первая наша задача—сдѣлать посильное для нашихъ сражающихся братьевъ.

Великобританія спѣшитъ извлечь выгоды изъ кровопролитнаго столкновенія нашего отечества съ Японіей: англійскія войска вступили въ священную столицу буддизма, въ Лхассу. Впервые проникли европейцы въ этотъ таинственный городъ. Далай-лама удалился на сѣверъ, но англичанамъ, по всей вѣроятности, удастся заключить выгодный и въ торговомъ, и въ политическомъ, и въ военномъ отношеніи договоръ съ Тибетомъ. Ихъ положеніе однако довольно затруднительно: наступаетъ зима, суровая на высотахъ Тибета. Путь сообщенія съ Индіей тяжелъ и опасенъ. Населеніе можетъ перейти въ наступленіе противъ иноземцевъ. Для насъ въ виду того, что въ имперіи много буддистовъ, далеко не безразличенъ удачный походъ англичанъ; но, разумѣется, хорошо, что въ Лхассѣ англичане, а не русскіе; достаточно заботъ и затратъ у насъ и на Дальнемъ Востокѣ.

Китайскій амбанъ въ Тибетѣ, обыкновенно не игравшій никакой роли, теперь сносится съ англичанами. Каково будетъ отношеніе къ британскому протекторату китайскаго правительства впослѣдствіи,—трудно предвидѣть. Оно будетъ зависѣть и отъ исхода русско-японской войны (или японо-русской). Значеніе этой войны вообще громадно. Но вдали свѣтится надежда, что японцы, усвоившіе себѣ военное искусство и государственныя учрежденія Европы, усвоятъ и другія главнѣйшія особенности европейской цивилизаціи, впитаютъ въ себя духъ гуманности и отвращеніе къ милитаризму. Трудно предположить, чтобы успѣхи просвѣщенія и промышленности не смягчили суровую воинственность японскаго народа. Но и старой Европѣ придется во многомъ покаяться. Если, напримѣръ, нѣмецкіе инструкторы гордятся обученными ими японскими войсками, то нѣмецкому народу гордиться тутъ нечѣмъ.

Вопросъ объ отношеніяхъ между государствомъ и папою продолжаетъ сильно занимать французское общественное мнѣніе. Умѣренные республиканцы опасаются, что разрывъ конкордата можетъ имѣть вредныя для Франціи послѣдствія. Она перестанетъ, между прочимъ, быть покровительницею католиковъ всѣхъ національностей на Востокѣ. Но эта преимущественная роль теперь не имѣетъ уже серьезнаго значенія и фактически упраздняется. Папа Пій X и его статсъ-секретарь Мерри дель Валь въ первый же

годъ правленія испортили отношенія съ французской демократіей. Они закрыли общество католическихъ конгрессовъ, которое представляло демократическіе интересы итальянскихъ католиковъ. Президентъ этого общества, весьма вліятельный графъ Грозоли, очень хлопоталъ въ Римѣ, но не добился успѣха. Насильственными мѣрами нельзя, конечно, остановить движенія къ преобразованію католическаго духовенства въ Италіи на подобіе американскаго, ускользающаго отъ абсолютной власти римскаго первосвященника. Пій X не ладитъ и съ Америкой. Недавно онъ отправилъ въ Соединенные Штаты уполномоченнаго, кардинала Сатолли, чтобы произвести ревизію и устранить либеральныя теченія среди американскихъ католиковъ. Эта миссія не удается кардиналу. Извѣстно, что реакціонныя стремленія папства вызываютъ глубокое неудовольствіе среди австрійскихъ католиковъ. Даже въ Испаніи вліяніе римско-католической церкви начинаетъ колебаться. То, что было пріобрѣтено папствомъ, благодаря уму, выдержанной энергіи и такту Льва XIII и кардинала Рамполлы, быстро растрачивается Піемъ X.

На недавнихъ выборахъ въ Бельгіи (половины депутатовъ, а въ другихъ провинціяхъ въ сенаторы) правительственные католическіе кандидаты получили относительно меньше голосовъ, чѣмъ на прошлыхъ выборахъ. Либералы пріобрѣли три новыхъ сенаторскихъ мѣста и девять депутатскихъ *). За правительствомъ остается большинство, но оно быстро уменьшается. Кромѣ либераловъ и соціалистовъ въ оппозиціи стоитъ и партія христіанъ-демократовъ. Клерикальное правительство вотъ уже двадцать лѣтъ держится у власти. Проведенное имъ пропорціональное представительство, несмотря на множественность вотовъ, повело къ усиленію либеральной партіи, выставившей широкую демократическую программу.

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ идетъ избирательная кампанія на должность президента республики. Демократы выставили кандидатомъ судью Паркера, республиканцы — Рузвельта. Программы обоихъ очень похожи. Паркеръ отказался отъ биметаллизма, за который стоялъ прежній кандидатъ демократической партіи, Брайянъ. Рузвельтъ болѣе протекціонистъ, чѣмъ Паркеръ, но далеко не безусловный. Оба кандидата находятъ необходимымъ государственное наблюденіе надъ трестами.

Въ области внѣшней политики Рузвельтъ имперіалистъ. Ему мало *Америки для американцевъ,* онъ, вопреки доктринѣ Монро, стремится къ господству Соединенныхъ Штатовъ на Великомъ океанѣ. Ясно, какими опасностями грозитъ это республиканскимъ учрежденіямъ и нравамъ. Въ рукахъ президента Соединенныхъ Штатовъ находится большая власть, болѣе значительная, чѣмъ у многихъ конституціонныхъ монарховъ, а по своему личному характеру Рузвельтъ склоненъ къ имперіализму и неразлучному съ нимъ милитаризму.

---

*) Но соціалисты потеряли шесть.

Слѣдуетъ отмѣтить еще отношеніе Рузвельта къ неграмъ. Онъ рѣшительнѣе Паркера стоитъ за ихъ гражданскую и политическую равноправность съ бѣлыми. А вопросъ о неграхъ,—больной вопросъ въ Америкѣ. Ему будетъ посвящена статья въ октябрьской книгѣ нашего журнала.

У итальянской королевской четы родился наслѣдникъ престола, названный Гумбертомъ. Это событіе дало поводъ къ широкой амнистіи.

Въ политическихъ учрежденіяхъ Италіи намѣчаются серьезныя преобразованія. Министръ-президентъ Джіолитти намѣревается защищать выборы въ парламентъ по списку (отмѣненные во Франціи; за нихъ стоялъ Гамбетта).

Эту реформу *Temps* объясняетъ важнымъ недостаткомъ выбора по округамъ: ничтожное захолустье, подъ прискорбными вліяніями, можетъ послать депутатомъ человѣка, не заслуживающаго никакого уваженія. Въ августѣ возвратился въ Палермо бывшій депутатъ Палиццоло, который судился по обвиненію въ убійствѣ доктора Нотарбартало. Осужденный по первому приговору, послѣ его кассаціи по формальному поводу, Палиццоло былъ, за недостаткомъ уликъ, оправданъ во Флоренціи (онъ вождь *Маффіи* въ Палермо). Часть населенія встрѣтила его съ восторгомъ, многіе выѣзжали въ море навстрѣчу ему. Затѣмъ какой-то знатный сеньеръ, депутатъ ничтожнаго округа, отказался отъ своего званія для того, чтобы кандидатомъ выступилъ Палиццоло.

Вторая реформа имѣетъ цѣлью обязательность голосованія. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, въ Бергамо, напримѣръ, не принимаетъ участія 71% избирателей, въ среднемъ для всего королевства отъ 40 до 50%. Виною этого является недостаточное образованіе массъ и папская политика, запрещающая католикамъ участвовать въ выборахъ. Намъ эта реформа представляется не цѣлесообразною: не слѣдуетъ принуждать пользоваться своими правами,—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, принужденіе призоветъ къ избирательнымъ урнамъ преданныхъ Ватикану католиковъ и понизитъ качество народнаго представительства. Противъ указаннаго зла самымъ дѣйствительнымъ средствомъ является широкое распространеніе образованія.

Въ газетахъ появились сообщенія о содержаніи англійскаго договора съ Тибетомъ, о которомъ мы упоминали выше. Англичане расширяютъ свои рынки, новыя таможенныя пошлины не могутъ быть введены безъ соглашенія между Великобританіей и Тибетомъ; на пути между индійской границей и Янтунгомъ, Гіанцзе и Гартокомъ не должно быть никакихъ таможенныхъ станцій. Тибетъ обязывается исправить всѣ опасныя мѣста на дорогахъ съ цѣлью облегчить по нимъ перевозку товаровъ и путешествіе купцовъ.

Тибетъ обязывается назначить въ этихъ трехъ пунктахъ туземныхъ чиновниковъ, а чиновники, назначенные Великобританіей въ этихъ мѣстахъ должны находиться въ сношеніяхъ съ императорскимъ резидентомъ

и другими китайскими властями. Принимая во вниманіе возможность учрежденія новыхъ рынковъ въ будущемъ, постановлено, что и во вновь открываемыхъ рынкахъ будутъ введены соотвѣтственныя учрежденія.

Начавъ, вопреки праву, враждебныя дѣйствія, Тибетъ нарушилъ договоръ и оскорбилъ комиссара. Вслѣдствіе этого, Тибетъ обязывается уплатить Великобританіи контрибуцію 5 милл. долларовъ, т.-е. ½ милл. фунтовъ стерлинговъ. Эта сумма должна быть уплачена въ трехгодичный срокъ, причемъ первый платежъ долженъ быть произведенъ 1 января 1906 года. Передъ срокомъ уплаты Великобританія извѣститъ тибетцевъ, въ какомъ мѣстѣ должна быть произведена уплата или же о томъ, можетъ ли сумма быть принята въ тибетскомъ храмѣ Даргенлингѣ.

Для исполненія условій, обозначенныхъ въ пунктахъ 2, 3, 4 объ открытіи торговыхъ рынковъ, а также постановленій всѣхъ пунктовъ, касающихся контрибуціи, и для обезпеченія своевременной уплаты Тибетомъ установленной суммы, британскія войска будутъ попрежнему занимать долину Чумби въ теченіе трехъ лѣтъ, пока рынки не будутъ удовлетворительно организованы и контрибуція не будетъ вполнѣ уплачена.

Въ случаѣ, если контрибуція не будетъ уплачена, Великобританія будетъ продолжать оккупацію Чумби. Всѣ форты между индійской границей и Гіанцзе вдоль дорогъ, по которымъ ведутся торговыя сношенія съ внутреннимъ Тибетомъ, должны быть разрушены.

Безъ согласія Великобританіи никакая тибетская территорія не можетъ быть продана, отдана въ аренду или заложена какому-либо иностранному государству. Никакая иностранная держава не имѣетъ права вмѣшиваться въ администрацію и управленіе Тибетомъ или государственныя дѣла, связанныя съ управленіемъ Тибетомъ.

Никакая иностранная держава не имѣетъ права посылать офиціальное или неофиціальное лицо въ Тибетъ, какова бы ни была ихъ функція, для участія въ тибетскихъ дѣлахъ. Ни одна иностранная держава не имѣетъ права строить дороги, желѣзныя дороги и телеграфы или открывать разработку минеральныхъ богатствъ гдѣ бы то ни было въ Тибетѣ. Въ случаѣ, если бы Великобританія дала согласіе, чтобы другія державы строили дороги, желѣзныя дороги, телеграфы или разработку минеральныхъ богатствъ, она, Великобританія, произведетъ подробное разслѣдованіе на свой счетъ всего, что будетъ связано съ заключеніемъ соотвѣтственнаго договора.

Никакое недвижимое имущество или земля, содержащія минералы или разные металлы въ Тибетѣ, не могутъ быть заложены, вымѣнены, отданы въ аренду или проданы иностранной державѣ.

Пограничный комиссаръ Юнгъ и далай-лама подпишутъ этотъ договоръ, приложатъ къ нему свои печати въ 22-й день 7-й луны по тибетскому календарю или 1 сентября 1904 г. по англійскому календарю. Изъ двухъ текстовъ договора—англійскаго и тибетскаго—англійскій считается основнымъ.

Это протекторатъ по всѣмъ правиламъ британскаго искусства. Мы сомнѣваемся, чтобы такой договоръ былъ подписанъ далай-ламою, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. *Никакая иностранная держава* — это, разумѣется, единственно наше отечество.

Въ Вѣнѣ происходилъ международный конгрессъ представителей печати (девятый). Правительство отнеслось къ нему съ необычайною любезностью. Для засѣданій было отведено зданіе парламента. Министръ иностранныхъ дѣлъ, играющій въ Австро-Венгріи роль канцлера имперіи, явился на конгрессъ. Открытіе конгресса состоялось, пишетъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* *), по порученію императора старѣйшимъ членомъ императорскаго дома эрцгерцогомъ Райнеромъ (куратором академіи наукъ), который отъ имени императора произнесъ свою привѣтственную рѣчь. Въ честь конгресса, кромѣ того, дается раутъ у министра иностранныхъ дѣлъ гр. Голуховскаго, soirée у министра-президента Кёрбера, банкетъ въ ратушѣ, два парадныхъ спектакля въ императорской оперѣ и въ императорскомъ драматическомъ театрѣ. Конгрессистовъ везутъ въ спеціальныхъ поѣздахъ на живописный горный Земмерингъ, въ славящійся своими ландшафтами Зальцкаммергутъ, въ Вохау и т. д.

Министръ-президентъ привѣтствовалъ конгрессъ рѣчью, въ которой между прочимъ сказалъ: «Только притупляющая сила привычки позволяетъ намъ не поражаться ежедневно тою огромною затратою силы и таланта, какую представляетъ собою каждый газетный листъ. И какую огромную службу служитъ этотъ газетный листъ! Очень невелико число тѣхъ, которые могутъ черпать знанія изъ дорого стоящихъ книгъ, многіе изъ этихъ къ тому же не въ состояніи усвоить себѣ это знаніе,—и вотъ за нѣсколько геллеровъ и пфениговъ или сантимовъ каждый пріобрѣтаетъ толковаго учителя, уясняющаго ему все это. Въ этомъ смыслѣ печать—величайшій завоеватель, котораго зналъ міръ, наимогущественнѣйшій властитель. И не безъ основанія профессіональные ученые начинаютъ все чаще обращаться къ этой каѳедрѣ, которая имѣетъ столь обширную аудиторію, и начинаютъ признавать, что эта аудиторія получила благодаря печати достаточную предварительную подготовку для того, чтобы быть пріобщаемой къ священному храму науки. И чѣмъ тѣснѣе будетъ эта связь, тѣмъ быстрѣе исчезнетъ слово «чужой», ибо отличительная черта науки, это—одарять своими сокровищами всѣхъ»...

Керберъ признаетъ справедливыми нѣкоторыя обвиненія противъ современной печати, но не видитъ для устраненія недостатковъ другого средства, кромѣ образованія и меньше всего вѣритъ въ дѣйствительность полицейскихъ мѣръ ограниченія. Какъ человѣчество могло подняться до той высоты, на которой оно находится нынѣ, такъ оно найдетъ въ себѣ способности достигнуть того идеала, содержаніемъ котораго является исчез-

---

*) *Русскія Вѣдомости*, 5 сентября.

новеніе борьбы. Оно, это человѣчество, уже и теперь достаточно созрѣло для того, чтобы перейти отъ мнимой цѣнности блестящихъ бусъ, отъ фальшиваго набора блестящихъ обѣщаній, созданныхъ фантазіей, къ прочной цѣнности золотой валюты просвѣщеннаго познанія.

«Для того или другого правительства,—говоритъ Керберъ,—печать можетъ быть неудобнымъ противникомъ. Но я,—заявляетъ австрійскій министръ-президентъ,—научился быть сдержаннымъ въ оцѣнкѣ этой стороны дѣятельности печати. Ибо я знаю, что всякое «прошлое» было нѣкогда «будущимъ», всякое «будущее» становится когда-нибудь «прошлымъ». Ни одно правительство не можетъ поэтому сказать: «L'état c'est moi». Можно только одному мнѣнію противопоставлять другое. И поскольку печать «здорова», поскольку она остается въ союзѣ съ истиннымъ знаніемъ, она выполняетъ свою главную задачу: быть главнымъ рукавомъ потока, который несетъ истину въ народное сознаніе»...

Послѣ упорныхъ, кровопролитныхъ битвъ подъ Ляояномъ, гдѣ наши потери были велики, а у японцевъ ужасны, генералъ Куропаткинъ отвелъ армію на сѣверъ и не далъ войскамъ Куроки отрѣзать ея отступленіе. Положеніе дѣлъ характеризуется слѣдующими телеграммами. Государь Императоръ телеграфировалъ командующему манджурской арміи:

«Изъ донесеній вашихъ о бояхъ подъ Ляояномъ Я усматриваю, что держаться дольше на этой позиціи нельзя было, не рискуя быть окончательно отрѣзаннымъ отъ тыла. Отступленіе всей арміи при такой тяжелой обстановкѣ и полномъ бездорожьѣ безъ потерь орудій и обозовъ представляется выдающимся по трудности дѣломъ. Благодарю васъ и ввѣренныя вамъ молодецкія войска за геройскій подвигъ и беззавѣтное постоянное самоотверженіе. Господь Богъ помощь всѣмъ вамъ».

Генералъ Куропаткинъ отвѣтилъ Государю такими словами:

«Несказанно обрадована вся манджурская армія высокою милостивою оцѣнкою Вашимъ Императорскимъ Величествомъ ея трудовъ и боевыхъ дѣйствій. Всѣ мы преисполнены однимъ желаніемъ побѣдить врага и оправдать довѣріе къ намъ Верховнаго Вождя русской арміи. Вполнѣ спокоенъ за самоотверженную службу войскъ и на будущее время. Отходъ отъ Ляояна при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ былъ совершонъ, дѣйствительно, явился необходимымъ, хотя и выдающимся по трудности дѣломъ. Даже наши противники на этотъ разъ весьма скромны въ своихъ донесеніяхъ: совсѣмъ нѣтъ упоминанія о взятыхъ плѣнныхъ, орудіяхъ и о другихъ трофеяхъ. Офиціальное донесеніе Куроки подтверждаетъ, что къ утру 22 августа уже вся армія Куроки, наиболѣе многочисленная изъ всѣхъ трехъ армій, находилась на правомъ берегу Тайцзыхэ и при благопріятныхъ для нея условіяхъ боя могла бы отрѣзать войска, защищавшія Ляоянъ отъ войскъ, дѣйствовавшихъ на правомъ берегу Тайцзыхэ».

Портъ-Артуръ геройски держится.

В. Г

Журнальное обозрѣніе.

Крестьянскій вопросъ за послѣдніе годы привлекаетъ къ себѣ усиленное вниманіе какъ общества, такъ и правительства. Онъ обсуждался на агрономическихъ и сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ, на земскихъ собраніяхъ и въ мѣстныхъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности; 14 января 1902 года по Высочайшему повелѣнію объявлено было во всеобщее свѣдѣніе, что задачею предстоящей законодательной работы по пересмотру Положенія о крестьянахъ признано необходимымъ «поставить измѣненіе, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства, лишь тѣхъ изъ существующихъ узаконеній о крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тѣмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19 февраля 1861 года и представлялъ собою дальнѣйшее ихъ развитіе». Въ настоящее время законченъ проектъ работъ редакціонной коммиссіи по пересмотру положенія о крестьянахъ, онъ долженъ еще обсуждаться губернскими комитетами, а пока разсмотрѣнію его посвященъ цѣлый рядъ статей въ журналахъ: въ августовской книгѣ *Вѣстника Европы* статья г. Еропкина «Редакціонная коммиссія и ея труды» и въ іюльской книгѣ *Образованія*, статья г. Лунца «Пересмотръ законодательства о крестьянахъ». Статьи эти въ своихъ общихъ выводахъ, въ своемъ отношеніи къ трудамъ коммиссіи совершенно совпадаютъ.

Прежде всего оба автора статей замѣчаютъ, что редакціонная коммиссія произвольно сузила пересмотръ крестьянскаго законодательства лишь нѣкоторыми отдѣлами Положенія 19 февраля. Пересмотръ этотъ не распространяется ею ни на Положеніе о выкупѣ, ни на Положеніе о крестьянскихъ установленіяхъ, а лишь на общее Положеніе о крестьянахъ, да и то далеко не во всѣхъ его частяхъ. Далѣе вмѣсто основныхъ началъ Положенія 19 февраля, придерживаться которыхъ предписываетъ Высочайшее повелѣніе, а именно, вмѣсто самостоятельности выборнаго общественнаго управленія, точнаго разграниченія сферы дѣйствій мѣстныхъ выборныхъ и центральныхъ бюрократическихъ органовъ и наконецъ вмѣсто раздѣленія властей административныхъ и судебныхъ редакціонная коммиссія выдви-

гаетъ обособленность крестьянскаго сословія, общинное землевладѣніе и неотчуждаемость надѣловъ.

Правда, пореформенная эволюція крестьянскаго законодательства и быта выдвинула на очередь и тѣ начала, о которыхъ говоритъ коммиссія (законъ 14 декабря 1893 года), но кардинальными началами Положенія 19 февраля они не были и ни въ какомъ случаѣ быть не могутъ. Кромѣ того обособленность крестьянскаго сословія, сохраненіе сословнаго строя и сословныхъ учрежденій, какъ непреложно теперь уже выяснила практика, не только находятся въ вопіющемъ противорѣчіи съ требованіями дѣйствительности, не только вредятъ интересамъ самого крестьянства, но и являются самой главной помѣхой правильнаго развитія всего государственнаго организма. Разсмотрѣвъ и показавъ цифровыми данными образованіе избыточнаго крестьянскаго населенія, развитіе капитализма, разлагающаго патріархальный и однообразный крестьянскій строй, развитіе отхожихъ промысловъ, разслоеніе деревни, г. Лунцъ приходитъ къ неопровержимому выводу, что внутренняя крѣпость и сплоченность крестьянства, вызывавшія примѣненіе къ нимъ особливыхъ началъ и сословныхъ учрежденій, являются въ настоящее время совершенно несуществующими, столь же далекими отъ истины, какъ и былое народническое представленіе о мужикѣ. Между тѣмъ, какъ «всѣ наиболѣе образованные, предпріимчивые, сильные элементы крестьянства бѣгутъ изъ деревенской обстановки, прорываются на волю сквозь сословныя грани, навсегда покидаютъ сельское общество, кто же приходитъ на смѣну лучшимъ силамъ крестьянства? Экономическая жизнь полна движенія, и если одни интересы удаляютъ часть населенія изъ деревни въ городъ, то другіе интересы передвигаютъ волну людей изъ городовъ въ деревню. Но законъ крѣпкой стѣной ограждаетъ крестьянское сельское общество отъ сліянія со свѣже-прибывшими людьми. Никто изъ высшихъ сословій не можетъ войти въ составъ крестьянскаго сословія, хотя бы на то было согласіе обществъ. Такимъ образомъ крестьянское общество, отдавая лучшія свои силы и не получая взамѣнъ новыхъ, задерживается въ своемъ развитіи на уровнѣ неподвижной и невѣжественной массы, и здѣсь кроется коренная причина наблюдающагося оскудѣнія деревни».

«Между тѣмъ,—пишетъ г. Еропкинъ,—стоитъ лишь обратиться къ данымъ опыта и жизни, стоитъ лишь раскрыть журналы земскихъ собраній, вспомнить многочисленныя земскія ходатайства, стоитъ прочитать труды и заключенія мѣстныхъ комитетовъ и самого особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, припомнить постановленія и ходатайства различныхъ съѣздовъ дѣятелей самыхъ разнообразныхъ, не только общихъ, но даже и спеціальныхъ профессій, и нельзя не увидать, какъ вездѣ настойчивой красной нитью проходитъ мысль о недостаткѣ болѣе мелкаго, чѣмъ уѣздъ, сельскаго всесословнаго органа или всесословной волости. Сколько писалось на эту тему въ періодической печати, сколь-

книгъ, брошюръ, научныхъ и популярныхъ издано по этому вопросу! Неужели все это, по мнѣнію коммиссіи, настолько мелко, ничтожно и незрѣло, что не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія при обсужденіи реформы сельскаго управленія? Какое олимпійское невозмутимое величіе въ отношеніи коммиссіи къ животрепещущимъ вопросамъ жизни, разрѣшенія которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ все общество, вся мыслящая, вся земская Россія!»

Въ положительной части работъ редакціонной коммиссіи нельзя не отмѣтить предполагаемое отдѣленіе сельскаго общества, объединеннаго интересами сосѣдской жизни, и общества земельнаго, объединеннаго общностью землепользованія, а также проектируемое облегченіе условій выхода изъ общества или изъ общины отдѣльныхъ ея членовъ. Редакціонная коммиссія справедливо указываетъ, что за отмѣной круговой поруки нѣтъ уже никакихъ основаній насильственно задерживать въ обществѣ отдѣльныхъ домохозяевъ; имѣется уже полная возможность поставить выходъ изъ общества главнымъ образомъ, если не исключительно, въ зависимость отъ доброй воли каждаго члена его, «при томъ, разумѣется, условіи, чтобы выходящій разъ навсегда отказался отъ права участія во владѣніи и пользованіи мірской землей».

Что касается реформы волостной юстиціи, то въ этомъ отношеніи, по мнѣнію коммиссіи, существуетъ единственный исходъ—оставить волостной судъ въ настоящемъ его видѣ, снабдивъ его «твердыми правилами писаннаго закона», подъ которыми коммиссія подразумѣваетъ особо составленный ею волостной уставъ о наказаніяхъ и сельскій уставъ о договорахъ и наслѣдованіи. Нужно ли говорить о томъ, что оставленіе въ неприкосновенности все того же волостного суда, т.-е. собственно суда волостныхъ писарей, доказавшаго уже на практикѣ свою полную непригодность въ дѣлѣ правосудія, особливо—сословныя кары, ставящія крестьянство по ту сторону общаго закона для всѣхъ остальныхъ гражданъ Россійской Имперіи, тотъ же хаосъ неуловимаго обычая—нужно ли говорить, насколько неудачными, противорѣчащими требованіямъ жизни являются всѣ эти мѣры, проектируемыя коммиссіей? Но и эти мѣры, равно какъ и ограниченіе апелляціонной и кассаціонной инстанціи, т.-е. уѣзднаго съѣзда и губернскаго присутствія тѣмъ, что приговоры и рѣшенія волостного суда по наименѣе важнымъ дѣламъ должны подлежать немедленному исполненію независимо отъ обжалованія ихъ и т. д., теряютъ свою остроту передъ той частью проекта, гдѣ нынѣ существующую апелляціонную инстанцію—уѣздный съѣздъ, предполагается преобразовать въ «близкую къ населенію инстанцію», волостной съѣздъ въ 2—4 пунктахъ уѣзда съ тѣмъ, чтобы каждый такой съѣздъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника и предсѣдателей волостныхъ судовъ даннаго участка.

«Врядъ ли нужно доказывать,—пишетъ г. Еропкинъ,—въ какую пародію правосудія превратилась бы въ такомъ случаѣ приближенная къ населе-

нію апелляціонная инстанція, и не трудно себѣ представить, какая ро
досталась бы въ ней представителямъ мѣстнаго крестьянскаго населенія
предсѣдателямъ волостныхъ судовъ... Можно еще было бы—не скажем
примириться, но допустить возможность возникновенія въ средѣ редакціон
ной коммиссіи подобныхъ предложеній, если бы мы только что не усл
хали и не узнали отъ самой же коммиссіи, въ какомъ печальномъ поло
женіи находится постановка современной волостной юстиціи; въ самомъ
дѣлѣ, полный хаосъ въ примѣненіи нормъ обычнаго права; смѣлыя «по
дерзости» пробы воодушевленныхъ администраторовъ въ совершенно чуж
дой для нихъ священной области воплощенія народнаго правосознанія в
конкретныя формы законодательныхъ нормъ; невѣжество и юридическая
безпомощность народныхъ судей и доминирующій голосъ волостного пи
саря, диктующаго имъ готовыя рѣшенія съ непонятными спутанны
ссылками на толкованія самого сената... Достаточно лишь на одно мгно
веніе представить себя въ роли ищущаго правосудія въ такомъ исключи
тельномъ судилищѣ, чтобы самымъ рѣшительнымъ образомъ возстать про
тивъ малѣйшей попытки хотя немного затормозить и затруднить перенесен
дѣла въ болѣе компетентную и безпристрастную судебную инстанцію. Н
думала ли коммиссія о томъ, кто же и чѣмъ вознаградитъ потерпѣвшаг
напрасно отбывшаго какое-либо наказаніе, назначенное ему волостны
судомъ, разъ наказаніе это будетъ отмѣнено высшей инстанціей? Хоро
если этимъ наказаніемъ явится штрафъ, а если имъ будетъ неправосуд
арестъ?... Оставить населенію завѣдомо неисправный судъ, хаосъ пра
выхъ нормъ неустановленныхъ обычаевъ и созидающихся, не сформи
ванныхъ законоположеній, и при этомъ всячески затруднить ему досту
къ благому правосудію—единому источнику законности и правопорядка
странѣ—и лелѣять себя мечтой о блаженныхъ будущихъ временахъ,—
развѣ такимъ порядкомъ увѣнчиваютъ и превозносятъ въ глазахъ насе
нія авторитетъ народнаго суда, развѣ такъ проводятся въ жизнь и
законности и порядка?»

Одной изъ наиболѣе существенныхъ сторонъ крестьянскаго вопроса,
именно экономической его сторонѣ, посвящена статья г. Пѣшехонова въ
ской книгѣ *Русскаго Богатства*: «Крестьянское малоземелье, какъ
блема соціальной политики». Для разрѣшенія этого остраго вопроса
одного готоваго рѣшенія. Бороться съ крестьянскимъ малоземельемъ мо
различными путями. При той же численности земледѣльческаго насел
и при тѣхъ же размѣрахъ его земельной площади можно углубить послѣдн
сдѣлавъ ведущееся на ней хозяйство болѣе интенсивнымъ и прилага
къ ней трудъ болѣе продуктивнымъ. Можно далѣе путемъ переселенія
кратить численность сельско-хозяйственнаго населенія. Можно, наконе
увеличить размѣры находящейся въ его распоряженіи земельной площ
Авторъ статьи подвергаетъ разсмотрѣнію и сводкѣ мнѣнія сельско-хо
ственныхъ комитетовъ относительно послѣднихъ двухъ пунктовъ. По

свобода переселеній для всѣхъ желающихъ на-ряду съ широкой государственной помощью всѣмъ безземельнымъ, малоземельнымъ и неимущимъ—вотъ то мнѣніе сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, которымъ они лишь подтвердили отвѣтъ, данный въ свое время «свѣдущими людьми» по переселенческому дѣлу. Мѣстное и весьма ограниченное значеніе въ дѣлѣ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ имѣетъ и дополнительная нарѣзка казенной земли, гдѣ она имѣется въ сколько-нибудь достаточномъ количествѣ, и льготная сдача ея въ аренду. Мѣры, предлагаемыя комитетами въ интересахъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія за счетъ частновладѣльческой земли, сводятся главнымъ образомъ къ необходимости реформировать условія дѣятельности крестьянскаго банка—облегченіе формальныхъ условій пользованія банковскимъ кредитомъ, отмѣна доплатъ, пониженіе процентовъ по займамъ и т. д. Эти послѣднія мѣры, по мнѣнію автора статьи, безсильны существенно улучшить положеніе крестьянъ на земельномъ рынкѣ. Утвержденіе правъ коллективности на землю и установленіе «справедливыхъ цѣнъ» на нее для трудящихся—таковы должны быть, по мнѣнію автора, главныя задачи необходимой для насъ земельной реформы. «Нельзя не согласиться,—пишетъ авторъ,—съ тѣми мѣстными дѣятелями, которые, какъ г. Цибульскій, считали необходимымъ практиковать въ болѣе широкихъ и менѣе случайныхъ размѣрахъ систему обязательнаго выкупа необходимыхъ для крестьянскаго населенія земель». Въ частности авторъ указываетъ одинъ изъ путей необходимой реформы, представляющійся ему наиболѣе осуществимымъ и наименѣе болѣзненнымъ: «Пусть государство—если ужъ это необходимо—и признаетъ неотъемлемою собственностью землевладѣльца все, что имъ пріобрѣтено «посредствомъ дара, завѣщанія, наслѣдованія или покупки», и все, что онъ самъ вложилъ въ свою землю. Пусть оно не затрогиваетъ этого его «священнаго права». Но пусть оно заявитъ,—и для этого пришла уже пора,—что весь дальнѣйшій «незаслуженный» имъ приростъ цѣнности его земли, долженъ принадлежать не ему, а народу, коллективными усиліями или «нуждой» котораго они будутъ создаваться и опредѣляться. Во избѣжаніе недоразумѣній пусть государство оцѣнитъ и фиксируетъ стоимость принадлежащаго землевладѣльцу имущества и тогда при окончательномъ разсчетѣ съ нимъ—когда бы этотъ разсчетъ ни происходилъ — государству придется оцѣнить лишь «неиспользованныя улучшенія», какія произведены будутъ въ землѣ самимъ владѣльцемъ. Пусть государство даже не требуетъ, если это оказывается при данныхъ соотношеніяхъ невозможнымъ, чтобы послѣдній сейчасъ же поступился правами на свое имущество. Пусть только оно заявитъ о своемъ правѣ или предоставитъ это право другой коллективности (земству, общинѣ) оставлять за собой землю по фиксированной цѣнѣ, когда владѣлецъ самъ захочетъ продать ее или когда его кредиторы будутъ продавать ее съ публичнаго торга. Мобилизація земли происходитъ въ общемъ настолько быстро, что къ обязательному выкупу можно будетъ приступить и послѣ. Пусть

государство установитъ его сначала по отношенію къ новымъ владѣльцамъ, которые будутъ пріобрѣтать землю, зная, что она можетъ быть выкуплена. Потомъ и всѣ примирятся съ этою мыслью». Можно согласиться или не согласиться съ выводами г. Пѣшехонова, но отрицать его большую освѣдомленность, живой интересъ его статей, посвященныхъ нашей экономической дѣйствительности и основанныхъ всегда на разнообразныхъ, по большей части хорошо подобранныхъ статистическихъ матеріалахъ едва ли рѣшится кто-нибудь... Кромѣ тѣхъ господъ, для которыхъ собственная развязность является мѣрой всѣхъ вещей. Невозможно читать безъ крайне непріятнаго чувства статьи г. Іорданскаго въ іюльской книгѣ *Образованія* подъ заглавіемъ «Въ тискахъ идейной растерянности», направленную противъ г. Пѣшехонова. Въ статьѣ этой, въ сущности говоря, нѣтъ никакого содержанія. Трескъ звонкихъ и пустопорожнихъ фразъ вродѣ «марксистская мысль» подчеркиваетъ временное значеніе улучшеній механизма и сознательно раскрываетъ ихъ классовый характеръ», «пути, обоснованные научнымъ разсмотрѣніемъ дѣйствительности» и т. д., вызываетъ утомленіе и досаду. А какое великолѣпное презрѣніе къ повседневной культурной работѣ выказываетъ г. Іорданскій! Старое народничество перерождается,— пишетъ онъ. «Эффектная фразеологія—какъ наслѣдіе прошлаго, и мелкое доброходство—какъ дѣло настоящаго. Огромныя задачи сводятся къ микроскопическимъ мѣропріятіямъ. «Ты можешь левіафана на удѣ вытянуть на брегъ?»—спрашиваетъ жизнь эпигоновъ народничества, а они указываютъ въ качествѣ «уды» только мѣсто земскаго агронома или завѣдующаго складомъ кустарныхъ издѣлій. А когда имъ указываютъ на другіе пути, обоснованные научнымъ разсмотрѣніемъ дѣйствительности, они съ негодованіемъ кричатъ: «насъ предпочитаютъ держать на высотѣ чисто теоретическаго вывода!»—требуютъ практическаго указанія, приглашающаго къ дѣйствіямъ, хотя бы въ видѣ учрежденій... Невскаго общества народныхъ развлеченій»... Ну, еще бы! Что для г. Іорданскаго какой-то тамъ земскій агрономъ или общество народныхъ развлеченій, когда онъ знаетъ торжественно шествуетъ по другимъ путямъ, обоснованнымъ научнымъ разсмотрѣніемъ дѣйствительности. Только вотъ одно кажется намъ страннымъ. Не скажетъ ли г. Іорданскій, когда «научное разсмотрѣніе дѣйствительности» «обосновывало» путь неогляднаго и празднаго пустословія, путь дешеваго остроумія и трескучихъ фразъ, прикрывающихъ все убожество содержанія?

Въ іюльской книгѣ *Русскаго Богатства* помѣщена интересная статья Горнфельда «Экспериментальное искусство». Возставая противъ теоріи экспериментальнаго искусства проф. Овсянико-Куликовскаго, воскрешающей такую же старую, позабытую теорію Золя, авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Вопросъ о правдѣ въ искусствѣ слишкомъ сложенъ, чтобы его можно было считать рѣшеннымъ; есть однако его рѣшенія, которыя надо думать, отвергнуты безповоротно; они были основаны на недоразу-

мѣніи. Нѣтъ нужды повторять доводы, по которымъ они отвергнуты. Еще недавно они были превосходно объединены и сформулированы Фолькельтомъ. Цѣлью искусства никогда не было и не могло быть изображеніе дѣйствительности; достаточно напомнить, что мы имѣемъ искусства, въ которыхъ нѣтъ этого изображенія: музыку, архитектуру. Искусство есть мышленіе о дѣйствительности; изображеніе—реалистическое или идеалистическое—это средство. Копированіе само по себѣ даже самой рѣзкой теоріи реализма никогда не представлялось цѣлью искусства; было бы безцѣльно и безсмысленно создавать искусственно обрывки міра, совершенно тождественнаго съ существующимъ. Искусство создаетъ систему образовъ, условныхъ знаковъ, символизирующихъ міръ; эти образы связаны между собою общимъ закономъ—и эта законосообразность есть символъ той гармоніи, которою художникъ осмысливаетъ доступную ему дѣйствительность. Въ этомъ смыслѣ—превосходно формулируетъ Александръ Веселовскій—дантовскій символизмъ такъ же условенъ и вмѣстѣ реаленъ, какъ описанія bric-à-brac реалистическаго романа. Символизмъ и реализмъ въ отношеніи къ художественной правдѣ лишь различныя выраженія одной и той же условности, не направленія, а пріемы, видимыя противорѣчія которыхъ ощущаются лишь въ переходныя эпохи, въ смѣнѣ литературныхъ школъ, пока они не сгладятся, и что ощущалось, какъ реализмъ, не войдетъ въ ряды условностей и символовъ».

Ѳ. Арн.

Въ *Русскомъ Богатствѣ* (VII) обращаетъ на себя вниманіе разсказъ Мих. Немоловскаго «Телеграфистка». Живыми чертами затаенной элегіи намѣчаетъ авторъ судьбу своей героини Тамочки. Эта жизнерадостная дѣвушка сначала гордилась тѣмъ, что она ѣдетъ на службу, что она будетъ телеграфисткой. Но вотъ она пріѣхала на мѣсто своего назначенія, вотъ она поселилась на глухой и одинокой, всѣми забытой станціи, вокругъ которой, «какъ змѣя, безконечнымъ кольцомъ обвилась мертвая степь».

Тихо. Слышно, какъ тикаетъ дровосѣкъ въ косякѣ окна. Вдругъ налетѣвшій откуда-то вѣтеръ сразу бросился на станцію, словно желая сорвать ее съ мѣста, къ которому она такъ крѣпко прикипѣла, но, разочаровавшись въ своемъ желаніи, онъ съ злобнымъ свистомъ пронесся мимо телеграфистки, захлопнувъ по дорогѣ ея окно. Тамочка сердито отшвырнула окно назадъ...

Но Тамочка рѣдко сердится. Напротивъ, вся привлекательная и трогательная сторона разсказа именно въ томъ и состоитъ, что бѣдная телеграфистка никогда не жалуется. Ни она сама, ни авторъ не просятъ у васъ сочувствія, не говорятъ о скукѣ и тоскѣ: Тамочкѣ весело,—по крайней мѣрѣ, веселой рисуетъ ее г. Немоловскій, веселой кажется она самой себѣ. Что ничего, что кругомъ степь,—ни лѣса, ни сада, и только вдали на холмикѣ виднѣются три дикихъ груши; это ничего, что приходитъ товарный поѣздъ, постоитъ десять минутъ и «ползетъ дальше, къ новой станціи,

чтобы и тамъ постоять десять минутъ». Тамочка смѣется беззаботны
смѣхомъ, ея голосокъ переливается звонкими колокольчиками; она шал
съ котенкомъ и въ длинные, длинные вечера играетъ въ дурачки со ст
ціоннымъ сторожемъ, отвѣчаетъ на его разспросы о фантастическихъ в
нахъ, читаетъ ему вслухъ. А кругомъ или тихо тишиной «безкрайн
безжалостно-однообразной» степи, которая Тамочкѣ сначала тѣмъ и нра
лась, что напоминала ей знойную съ сыпучими песками пустыню; или
въ окна станціонной комнаты барабанитъ дождь и «капли шуршатъ, то
перешептываются о чемъ-то».

Громъ то съ трескомъ разрываетъ тяжелыя тучи, бросая и туда, и сюда ра
яренныя молніи, то тихо ворчитъ, свирѣпѣя, вѣроятно, на небо, которое ник
нельзя прорвать, раскрошить, разнести... И когда молніи кидаются на землю, ст
вспыхиваетъ и потомъ, какъ бы испугавшись, быстро закутывается въ тьму. Вѣте
забравшись за ставню, взвизгиваетъ, точно его тамъ придавили... Онъ никакъ
можетъ выбраться изъ-подъ ставни и стонетъ, и плачетъ отъ боли.

За первой жиденькой тучей, которая кисеей задернула небо, показывается
ная волна тумановъ. Катясь неровнымъ валомъ, она зловѣще подвигается къ ст
ціи. Все притихло, попряталось... Что-то тяжелое, гнетущее придавило степь.
затаила дыханіе, какъ осужденный на смертную казнь, ожидая, что вотъ-вотъ
махнется палачъ, зазвенитъ мечъ—и всему конецъ. Не шелохнется, только тяж
тяжело бьется сердце: то пыхтитъ отошедшій отъ станціи паровозъ.

Тамочка развлекается. Она удитъ рыбу, она разговариваетъ съ му
ками и у всякаго освѣдомляется, красивая ли у него жена или нѣтъ.
перестукивается съ сосѣдней станціей и все спрашиваетъ: «вамъ скучн
И неизмѣнно приходитъ отвѣтъ: «скучно». Самой же Тамочкѣ вовсе
скучно,—нѣтъ, нѣтъ, и всѣхъ скучныхъ она называетъ глупыми.

Тамочка развлекается. Она добродушно бранится съ начальникомъ ст
ціи; это человѣкъ вялый, «вяленый», и даже мазурка, которую онъ
игрываетъ, выходитъ у него похоронымъ маршемъ.

Тамочкѣ нравится смотрѣть на звѣздочки, когда онѣ, «точно умы
дождемъ», ярче блестятъ на небѣ и кругомъ вѣетъ прохладой и пахн
сѣномъ. Она видитъ, какъ «изъ земли выползла луна, вся красная,
будто ей пришлось употребить на вылазку невѣроятныя усилія, и ст
карабкаться по маленькимъ облачкамъ и тучкамъ вверхъ на небо. Бы
получно выбравшись изъ толпы тучекъ, которыя копошились на небос
нѣ, она поплыла спокойно и увѣренно, кокетничая съ маленькими зв
дочками, которыя мигаютъ не то отъ счастья, не то отъ страха».

Но особенно весело стало Тамочкѣ, когда на линіи прибавили чет
пассажирскихъ поѣзда и въ связи съ этимъ телеграфисткѣ назначили
мощника. Она съ восторгомъ ждала его и съ восторгомъ встрѣтила,
это оказался застѣнчивый горбатый юноша. Тамочка быстро подружил
съ нимъ, стала звать его по имени, гуляла съ нимъ, и было такъ весе
такъ хорошо; но, какъ это странно! — телеграфисту на одинокой,
забытой станціи сдѣлалось скучно, и онъ, конфузясь, уѣхалъ. «Я б

могу!»—были его послѣднія слова. И обиженная Тамочка осталась одна, опять «разъяренный громъ бросается въ догонку за змѣйкой молніи, онъ ѣсть ея въ темнотѣ и, не найдя, трясетъ со злости станціонныя зда-я», и опять «дождь шипитъ, словно трется о стекла мохнатое чудови-ще», и стрѣлочникъ Никита опять мурлычитъ свою угрюмую пѣсенку. ышится «злой, назойливый вой собаки, точно собакѣ люди сдѣлали льно и она хочетъ въ стонахъ вылить все свое горе, но вмѣстѣ съ тѣмъ этихъ стонахъ слышится и месть». Уходятъ и приходятъ поѣзда; сви-тельница чужого передвиженія, на томъ же мѣстѣ остается одинокая мочка. Она спрашиваетъ сосѣднюю станцію: «вамъ скучно?» Но оттуда отвѣчаютъ,—видно, спятъ. Самой же Тамочкѣ нисколько не скучно. мочка не знаетъ, какъ она несчастна...

Въ той же книгѣ *Русскаго Богатства* С. Елеонскій, извѣстный быто-сатель нашего духовенства, помѣстилъ разсказъ «Вожделѣнное пре-вѣяніе». Образы, которые онъ намѣтилъ, не отличаются особой худо-ственной яркостью; есть въ разсказѣ быстрая смѣна неблагополучія гополучіемъ, есть длинноты, непропорціональность частей, ненужные изоды (напримѣръ, обратное путешествіе учениковъ въ школу),—но все правдивый очеркъ автора написанъ тепло, и онъ умѣло вводитъ насъ мало знакомую среду духовнаго училища. Въ одно изъ такихъ училищъ на Павловна Турутина, земская учительница, отдала мальчика Бабуш-а, сына сторожихи въ ея школѣ. Изъ скудныхъ средствъ своихъ («зем-о прекрасное—черезъ каждыя пять лѣтъ прибавка») она учила чужого енка, и, естественно, ей хотѣлось, чтобы онъ хорошо учился и достигъ жделѣннаго преуспѣянія». Мальчикъ и учился хорошо, но смотритель шаевскаго духовнаго училища, Никодимъ Петровичъ Сидонскій, былъ ушъ на похвалу, и когда Турутина въ началѣ лѣтнихъ каникулъ явилась нему справиться объ успѣхахъ Бабушкина, смотритель, одѣтый въ льто съ приподнятымъ воротникомъ, «наивно силившимся закрыть ноч-о сорочку на жилистой шеѣ»,—смотритель далъ о мальчикѣ не очень агопріятный отзывъ. И о поведеніи его онъ отозвался хоть и безъ уко-зны, но и не безъ оговорки: вспомнилъ Сидонскій, что когда дѣтямъ дано было написать десять названій духовныхъ предметовъ, Бабушкинъ ихъ число помѣстилъ—конечно, безъ дурного умысла—слово «попъ». едило Бабушкину и то, что онъ былъ не изъ духовнаго класса, а «ино-словный» — элементъ только терпимый; по мнѣнію смотрителя, именно чужаки производятъ волненія въ семинаріяхъ и даже духовныхъ учи-щахъ. А Сидонскій не любилъ волненій и любилъ жить въ ладу со свя-ѣнниками. Это стремленіе къ миру и было одной изъ причинъ того, что донскій заступался противъ учителей за неуспѣшныхъ учениковъ, и не ереполнялась по отношенію къ нимъ чаша его «долготерпѣнія», свѣтлая точка на темномъ фонѣ лишаевской системы. Онъ боялся обидѣть духов-ныхъ отцовъ («они, какъ осиное гнѣздо: обидь одну осу — весь рой на теб[illegible] кинется и будетъ жалить»).

Бабушкинъ очень встревожился умѣреннымъ отзывомъ Сидонскаго. Мальчику казалось, что онъ дѣйствительно «виноватъ передъ наукой», и хотя кругомъ раскинулась манящая зелень лѣса и деревенскіе ребятишки прямо руками ловили въ пруду золотистыхъ пискарей,—Бабушкинъ одолѣлъ соблазнъ и всѣ каникулы отдалъ той наукѣ, передъ которой онъ хотѣлъ оправдать себя и которая могла спасти его отъ перспективы быть пастушкомъ. И онъ до изнеможенія, до зелени въ лицѣ все учился и учился. Тревожная мысль, что его выключили изъ училища, не давала ему покоя. И, наконецъ, онъ не выдержалъ, рѣшился спросить объ этомъ свое начальство и послалъ смотрителю Сидонскому трогательное письмо. Мальчикъ писалъ, что онъ больше не будетъ лазить ни на крышу генеральскаго дома (куда залетѣлъ однажды мячъ), ни на казенную крышу духовнаго училища; что тараканъ на каѳедру заползъ къ Ивану Макарычу самовольно и никто тутъ не виноватъ, и что ни на Николу, ни въ Благовѣщенье онъ, Бабушкинъ, нигдѣ не писалъ и не рисовалъ тѣхъ словъ и знаковъ, которыми ученики отмѣчали запойные дни смотрителя. И просилъ Бабушкинъ, чтобы его пожалѣли, потому что онъ учиться хочетъ и достигнуть священнаго сана,—иначе онъ въ тоску ударится. И кончилъ мальчикъ свое письмо поклономъ Борѣ, смотрительскому внуку. При мысли, что онъ, можетъ быть, никогда больше не увидитъ своего маленькаго друга, загрустилъ Бабушкинъ, и слеза скатилась на письмо, и развела собою засохшее имя смотрительскаго внука.

Сидонскій получилъ это письмо и хотя счелъ его нѣкоторой дерзостью, но все же отвѣтилъ на него,—успокоилъ мальчика: «Тебя перевели во второй классъ,—старайся заучить какъ можно больше словъ, и всѣ предметы, которые тебя окружаютъ, называй по-латыни».

Послѣдовалъ совѣту обрадованный мальчикъ.

Amicus amico carus est,—гудѣло въ комнатѣ учительницы, и сторожиха, еще молодая, но съ печатью горя на поблекшемъ лицѣ, восторженно глядѣла на разгорѣвшіеся глаза сына, на его курчавую, рыжеватую головку.

И она представляла себѣ, какъ Емеля превратится въ о. Емеліана, въ „батюшку“, какъ всѣ будутъ подходить къ нему за благословеніемъ; подойдетъ и она, его мать, и онъ благословитъ и поцѣлуетъ ее... „Тутъ бы и умереть“. Сладостная дрожь пробѣгала по спинѣ, лицо дѣлалось молодымъ, и слезы радости катились изъ глазъ женщины-матери, сосредоточившей весь смыслъ жизни на родномъ сынѣ.

Сынъ сторожихи предался всей своей маленькой душой классицизму. «Надъ его головой витали древнія слова древнихъ людей, жившихъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ, рѣяли и кружились въ воздухѣ чужіе странные звуки, и ветхія слова были для ребенка новыми, таинственно завладѣвая его раскрытымъ для знанія крохотнымъ, но горячимъ сердцемъ».

Это обстоятельство даетъ автору поводъ къ оригинальному отступленію:

И мальчикъ вырабатывалъ въ себѣ склонность къ мертвымъ, исчезнувшимъ изъ міра словамъ, находя ихъ болѣе выразительными и правильными, чѣмъ въ живомъ, родномъ языкѣ. Онъ уже стоялъ на грани тѣхъ путей, гдѣ, съ одной стороны, кон-

чается живая связь живого человѣка съ живой природой и начинается, съ другой, странная жизнь надъ жизнью—иллюзія: обозначеніе одного предмета и понятія множествомъ словъ, не увеличивающихъ суммы дѣйствительнаго знанія,—та невозможная игра, которая могла бы случиться только у художника, если бы онъ вздумалъ всю сотню своихъ картинъ писать на одномъ и томъ же полотнѣ: холстъ отъ наложенныхъ другъ отъ друга красокъ выросъ бы въ толщу брони, но всѣ оцѣнили бы этотъ сложный трудъ только по послѣднему пейзажу, упразднившему девяносто девять предыдущихъ.

Бабушкинъ вернулся въ училище зеленый, изможденный, но правый передъ наукой. Его ожидало большое счастіе: смотритель выхлопоталъ ему, хотя и иносословному, казенное пособіе, такъ что земская учительница Турутина не должна будетъ изъ своихъ 30 руб. въ мѣсяцъ платить 100 руб. въ годъ за сына школьной сторожихи. А въ это время и съ Сидонскимъ произошелъ значительный переворотъ: онъ сталъ сомнѣваться въ состоятельности своей педагогической методы.

«Смерть мухамъ!!! Сія бумажка употребляется, промочивши ее въ тарелкѣ двумя ложками водою и не давая ей просыхать»,—эта надпись на бумагѣ противъ мухъ прежде казалась Сидонскому примѣнимой и для людей, и для дѣтей. Но теперь, когда онъ смотрѣлъ на зеленое лицо Бабушкина, которому онъ самъ не давалъ «просыхать», его посѣщали другія мысли,—тѣ мысли и мечты, которыя онъ зналъ въ молодости и которыя сдунула налетѣвшая сѣдина. Ему стало жалко, что Емеля идетъ на встрѣчу жизни съ однимъ только трепетомъ, съ зеленымъ лицомъ. И теперь уже воспитаніе представлялось ему бочкой Данаидъ... «Каждый день начинай сначала, заводи все, какъ часы. Какъ будто усилія прошлаго дня беззвучно погибаютъ во тьмѣ минувшей ночи, и люди просыпаются по утру безъ памяти о вчерашнемъ! Снова лѣзетъ безпорядокъ, какъ трава на дворѣ... Неужели нельзя устроить такую педагогическую машину, которая обезпечивала бы порядокъ и преуспѣяніе на долгое время?»

Въ часы запоя, которымъ страдалъ Сидонскій (его опьянѣніе авторъ прикрашенно изображаетъ въ слишкомъ литературномъ и глубокомысленномъ видѣ),—въ часы запоя онъ старался оправдать свою строгость и говорилъ себѣ, что онъ дубитъ какъ кожу дѣтскія души, для того чтобы онѣ были носкія,—вѣдь «имъ придется быть ничѣмъ инымъ, какъ подметками общей жизни». Но переворотъ совершился въ немъ, несмотря на всѣ самооправданія. И вотъ онъ позвалъ къ себѣ Бабушкина и, по волѣ автора, разрубилъ Гордіевъ узелъ: онъ сжегъ латинскую и греческую грамматики. Онъ сказалъ мальчику: «Не надо *такъ* учиться, дурачокъ! Брось!» «И душа мальчика выросла въ эту одну краткую минуту больше, чѣмъ за цѣлые годы «вожделѣннаго преуспѣянія». Но «изъ пепла сожженныхъ учебниковъ возникла преграда» для послѣдующей дѣятельности Сидонскаго. Онъ потерялъ авторитетъ, школьники распустились, учуявъ неожиданную мягкость начальства, и Сидонскій долженъ былъ выйти въ отставку. Съ любовью проводила его дѣтвора, все простившая и все за-

бывшая, кромѣ крупицъ добра. Сидонскій занялся въ отставкѣ археологіей. Онъ сталъ духовнымъ центромъ семьи, въ которую вошли Емеля Бабушкинъ, уже гимназистъ, его мать, учительница, Боря,—и въ идиллическомъ спокойствіи зажилъ этотъ кружокъ.

А въ духовномъ училищѣ все продолжалось по-старому. Фіаловъ, одинъ изъ учителей, сталъ въ началѣ учебнаго года диктовать: «снѣгъ бываетъ бѣлый». «Онъ раздраженно сцѣпилъ зубы при мысли, что даетъ эту фразу ежегодно въ первый урокъ, вотъ уже двадцать второй годъ, еще дастъ за свою службу три раза, а потомъ... выйдетъ на пенсію».

А.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Сентябрь 1904 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Критика.—Педагогика.—Публицистика.—Исторія.—Географія, путешествія.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Юридическія книги.—Книги для дѣтей, пособія.—Книги для народа.—Періодическія изданія: *Вѣстникъ Воспитанія* за 1903—4 учебный годъ. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го августа по 1-е сентября 1904 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Жозефъ Бедье. Тристанъ и Изольда.—*Василій Якимовъ.* Безъ хлѣба насущнаго. Разсказы.—*В. Э. Саводникъ.* Новыя стихотворенія 1898—1903 г.—„На вичну память И. Котляревського“. Малорусскій сборникъ.—*К. С. Баранцевичъ.* Свободные сны и другіе разсказы.—*Д. Мережковскій.* Дафнисъ и Хлоя.—*Танъ.* Очерки и разсказы. Т. IV.—*Евгеній Чириковъ.* Т. IV. Пьесы.—*Федоръ Сологубъ.* Разсказы.—*Артуръ Шнитцлеръ.* Пьесы.

Жозефъ Бедье. Тристанъ и Изольда. Перев. съ франц. А. А. Веселовскаго, подъ ред. и съ введ. академика А. Веселовскаго. Съ предисл. и примѣч. проф. А. Трачевскаго. Спб., 1903 г. Ц. 75 к. Лежащій передъ нами выпускъ библіотеки, издающей подъ общимъ заглавіемъ „Рядъ историческихъ романовъ“, принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ изъ всей серіи какъ по выбору произведеній, такъ и по качествамъ перевода. Сюжетъ „Тристана и Изольды“ встрѣчается уже въ повѣстяхъ, ходившихъ среди кельтскихъ народностей. Въ своемъ прекрасномъ предисловіи А. Н. Веселовскій разсказываетъ исторію этого сюжета. Сказаніе о Тристанѣ, первоначально, какъ полагаютъ, шотландское, впослѣдствіи переселилось въ Уэльсъ, а подъ конецъ пріурочилось къ Бретани. Такимъ образомъ во Францію оно могло проникнуть двумя путями. Во-первыхъ, артуровскую сагу культивировали въ старо-французской и европейской литературѣ англо-норманны; во-вторыхъ, ее заносили во Францію бретонскіе пѣвцы. Самыя раннія извѣстныя намъ французскія обработки этого сюжета, сохранившійся отрывокъ нѣкоего Béroul'я, и появившаяся въ концѣ XII вѣка поэма Эйльгарда фонъ Оберге, воспользовавшагося для нея какимъ-нибудь французскимъ текстомъ, близкимъ къ Берулю. Всѣми ранними обработками воспользовался профессор[ ] Бедье, который попытался возстановить поэму въ томъ стилѣ и нас[ ]роеніи, въ какомъ она вышла изъ рукъ Беруля. Сюжетъ этотъ, какъ изв[ ]стно, одинъ изъ популярнѣйшихъ сюжетовъ артуровскаго цикла. Въ на[ ]лѣ XIII вѣка онъ появляется уже въ нѣмецкой обработкѣ, а въ не[ ]авнее время имъ воспользовался знаменитый композиторъ Вагнеръ. Эт[ ] сказка—художественная иллюстрація патріархальнаго быта, кромѣ тог[ ] она интересна, какъ одно изъ первыхъ изображеній чувства любви, пер[ ]ледшихъ впослѣдствіи во многія художественныя творенія.

Съ любовью Тристана и Изольды связана невидимыми нитями и любовь Абеляра и Элоизы, и любовь Паоло и Франчески. Нельзя не привѣтствовать появленія этого произведенія на русскомъ языкѣ при участіи такого спеціалиста, какъ академикъ Веселовскій.

Василій Якимовъ. Безъ хлѣба насущнаго. Разсказы. Спб., **1904 г. Ц. 1 р. 25 к.** Большинство разсказовъ Якимова, собранныхъ въ этой книжкѣ, первоначально были напечатаны въ журналахъ и газетахъ. Читателямъ *Русской Мысли* знакомо имя автора по разсказамъ: „Антихристова помощь", „Безпокойное сердце", „Съ хорошимъ хлѣбомъ" и друг.

Якимовъ очень совѣстливый писатель; онъ пишетъ просто, часто почти съ фотографической точностью, ему какъ-то стыдно разукрашивать содержаніе фантазіей, переходить въ отступленія и отдѣльныя описанія. Потому его разсказы пріобрѣтаютъ ту суровую простоту и холодность, которая дѣйствуетъ на читателя тѣмъ сильнѣе, чѣмъ она объективнѣе, рѣзче и яснѣе. Иногда эта простота, особенно въ отдѣлѣ разсказовъ: *Въ лѣтопись голоднаго года*, приводитъ автора къ публицистикѣ. Впрочемъ, это не портитъ общаго впечатлѣнія.

Якимову близко знакома обстановка, среди которой живетъ русскій крестьянинъ, духовные запросы крестьянина и то, чѣмъ эти духовные и насущные запросы удовлетворяются. Безъ глубокой скорби нельзя читать большинства разсказовъ. Дѣлается ясно до очевидности,—сколько еще работы предстоитъ русскому интеллигенту въ деревнѣ, какъ много остается незаконченнаго и какъ надо спѣшить помочь тѣмъ, которые нерѣдко живутъ „безъ хлѣба насущнаго".

Цѣлый рядъ разнообразныхъ по характерамъ и положеніямъ людей проходитъ въ книгѣ Якимова. Они всѣ такъ или иначе связаны съ деревней, и въ жизни деревни, особенно въ ея рѣдкомъ благополучіи, лежатъ ихъ интересы. Много работаетъ по деревнямъ незамѣтныхъ тружениковъ, часто великихъ подвижниковъ, которые вкладываютъ въ дѣло всю свою трепещущую душу, вродѣ Софьи Ивановны (разсказъ „Безпокойное сердце"), много тунеядцевъ и кулаковъ, которые стремятся уничтожить и послѣдніе зачатки роста русской деревни.

Борьба этихъ двухъ началъ,—добраго и злого—проходитъ по всей книжкѣ Якимова. Въ писателѣ этомъ сразу видно его активное и рѣзко опредѣленное отношеніе къ жизни, и вопросъ „что дѣлать въ жизни?"—категорически разрѣшается имъ: работать и своей неустанной работой помочь заброшенному, сидящему „безъ хлѣба насущнаго" въ деревнѣ крестьянину.

В. Э. Саводникъ. Новыя стихотворенія. 1898—1903 г. Ц. 60 к. Г. Саводникъ поэтъ не безъ таланта. Художественное чувство мѣры—его отличительная черта и его стихи льются тихо и плавно, умиротворяя читателя своей легкой грустью, спокойностью тона и мягкими красками. Саводникъ—лирикъ по преимуществу; его міровоззрѣніе довольно широко паѳосъ искрененъ.

Таковы лучшія стихотворенія, но къ сожалѣнію, немногія,—надо ихъ вылавливать изъ небольшого томика, а для невнимательнаго читателя они потонутъ въ массѣ гладкихъ, безцвѣтныхъ и перепѣтыхъ мотивовъ. Тяжелое и непріятное впечатлѣніе производитъ приложенная въ концѣ книжки большая и довольно пошлая сцена изъ древне-римской жизни „Цицеронъ и Катилина или противъ воли заплаченный счетъ". Она не вяжется съ первой половиной книжки и ее надо было бы вычеркнуть, такъ какъ совершенно непонятны ни цѣль, ни пріемы остроумія въ этой

сценѣ. Вообще при слѣдующемъ изданіи своихъ стиховъ, чего мы отъ души желаемъ г. Саводнику, мы посовѣтовали бы ему сильно сократить книжку,—отъ этого она только бы выиграла.

На вичну пам'ять И. Котляревського. Малорусскій сборникъ. Кіевъ, 1904 г. Ц. 3 р. 50 к. Этотъ сборникъ является новымъ отголоскомъ прошлогодняго знаменательнаго малорусскаго празднества—постановки памятника первому малорусскому писателю. Тридцать восемь писателей и 4 художника приняли въ немъ участіе своими литературными произведеніями и иллюстраціями: прекрасный портретъ основателя новѣйшей малорусской литературы работы художника Сластьона, иллюстраціи къ Энеидѣ художника Корніенко, барельефы Позена, снимки съ стариннаго дома Котляревскаго и съ его памятника въ Полтавѣ,—все это придаетъ сборнику совершенно особый колоритъ, вполнѣ соотвѣтствующій его заглавію. Рисунки Корніенка очень характерны и нельзя не пожелать скорѣйшаго выхода отдѣльнаго съ этими иллюстраціями изданія Энеиды Котляревскаго. По своему литературному содержанію сборникъ очень разнообразенъ: въ немъ есть произведенія драматическія—прекрасная драма Тобилевича „Гандзя", изъ жизни Украйны XVIII вѣка, есть произведенія и старыхъ и молодыхъ писателей, разсказы, очерки, поэмы и много стихотвореній. Среди поэтическаго матеріала особенной художественностью выполненія отличается переводъ нѣсколькихъ пѣсенъ поэмы Лонгфелло-Гайаваты. Переводъ написанъ Мирнымъ, онъ такъ богатъ красками, такъ національнозированъ прекраснымъ языкомъ переводчика, что даетъ цѣльное художественное впечатлѣніе, въ которомъ творческая фантазія Лонгфелло прекрасно сливается съ поэтическимъ лиризмомъ Мирнаго. Очень желательно, чтобы талантливый переводчикъ не ограничился нѣсколькими пѣснями, а обработалъ бы всю поэму. Изъ разсказовъ болѣе длинныхъ очень хорошо написанъ „Заручины" Ванниченко, рисующія ужасные нравы полукупеческой, полумѣщанской столичной среды; изъ маленькихъ очерковъ и картинокъ особенно художественны Чернявскаго „Смерть Зораба", Коцюбинскаго—„Цвитъ яблуни", М. Левицкаго—„Щастя Пейсаха Лейдермана", Бордуляка—„Жура". Изъ стихотвореній очень недурны стихи недавно выступившей на литературное поприще г-жи Комаровой и С. Павленко, а изъ давно подвизающихся очень хороши стихи Грабовскаго и его переводъ „Пѣсни о рубашкѣ", переводъ „Лѣсного царя"—Гранченко, „Пѣсня"—М. Славинскаго. Въ концѣ сборника помѣщенъ библіографическій указатель, гдѣ и когда печатались произведенія Котляревскаго и критическіе или біографическіе о немъ отзывы. Указатель очень полный, составленъ двумя знатоками-библіографами гг. Комаровымъ и Ефремовымъ. Вообще весь этотъ прекрасно изданный сборникъ, несмотря на свою высокую цѣну, явится желательной книгой въ любой библіотекѣ тѣхъ образованныхъ малороссовъ, которые въ наше время не могутъ не интересоваться своей родной литературой. Сорокъ писателей—это такой литературный кругъ, которымъ можетъ гордиться нація и не такая молодая въ культурномъ отношеніи, какъ украинская.

К. С. Баранцевичъ. Свободные сны и другіе разсказы. 18 разсказовъ. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. Ц. 1 р. Новый сборникъ г. Баранцевича носитъ какой-то случайный характеръ. Рядомъ съ очень недурными разсказами попадаются разсказы совсѣмъ незначительные по замыслу и небрежные по обработкѣ, а потому и весь сборникъ кажется неровнымъ, случайнымъ, составленнымъ наскоро и кое-какъ.

ь талантѣ г. Баранцевича выдѣляется одна рѣдкая и подкупающая

черта: доброе, душевное отношеніе къ своимъ героямъ. Онъ говоритъ о нихъ не голосомъ спокойнаго наблюдателя, не суровымъ тономъ обличителя и не со страстью „учителя жизни“, а говоритъ какъ человѣкъ, хорошо знающій горькую тягость жизни, понимающій людское горе и научившійся любить и жалѣть людей. Эта черта придаетъ особенную цѣнность даже и не вполнѣ художественнымъ разсказамъ. Она сквозитъ и въ юморѣ г. Баранцевича, нѣсколько рѣзкомъ и не всегда выдержанномъ.

Просмотримъ разсказъ, заглавіемъ котораго названа книга „Свободные сны“. Задуманъ онъ просто и въ тонѣ его нѣтъ ничего необычайнаго. Финляндецъ Торхоненъ давно, уже много лѣтъ служилъ въ какой-то „компаніи омнибусовъ“. Ему не везетъ. Мальчикомъ онъ такъ любилъ свою суровую финскую природу, что любовь эта шла въ ущербъ гимназическимъ занятіямъ. Когда гимназію „по малоуспѣшности“ пришлось оставить, Торхоненъ, еще почти ребенкомъ, принужденъ былъ добывать себѣ хлѣбъ. Есть у бѣднаго финна семья, но и съ семьей ему какъ-то не повезло. Онъ женатъ на француженкѣ и ни въ женѣ, ни въ дѣтяхъ онъ, ярый „финоманъ“, не видитъ ни малѣйшей симпатіи къ тому, что ему такъ дорого,—къ его родинѣ, къ языку, религіи. Тяжелая работа весь день, бутылка пива и финская газета въ грязной портерной вечеромъ — вотъ и вся жизнь Торхонена. Но онъ все никакъ не можетъ успокоиться. Онъ мечтатель. Ему все кажется, что можно и нужно жить лучше, и что во всякомъ случаѣ въ Финляндіи людямъ живется сравнительно очень хорошо. Кромѣ того, его усталую душу иногда посѣщаютъ „свободные сны“... Въ ранней юности онъ мечталъ сдѣлаться морякомъ,—и вотъ теперь ему, прикованному къ конторскому столу неотразимой потребностью питаться и кормить семью, иногда снятся сны... Будто онъ капитанъ громаднаго океанскаго парохода... Трудно вести морского гиганта по извилистымъ финскимъ шхерамъ, но капитанъ Торхоненъ справляется со всѣми препятствіями и счастливо выводитъ свой корабль въ широкое свободное море. Если корабль гибнетъ, капитанъ Торхоненъ спасаетъ всѣхъ пассажировъ и послѣднимъ уходитъ со своего мостика.

— Какіе, однако, сложные и послѣдовательные сны вамъ снятся,— подсмѣиваются надъ нимъ сослуживцы, которымъ онъ, за много лѣтъ, порядочно надоѣлъ своими однообразными разсказами.

„И всегда море, и всегда пароходы“, грустно вздыхаетъ Торхоненъ, изготовляя разсчетныя книжки.

Такъ съ этими мечтаніями, со „свободными снами“ и умретъ незамѣтный, никому не извѣстный Торхоненъ.

Разсказъ производитъ грустное впечатлѣніе, и настроеніе автора, который такъ искренне жалѣетъ своего мечтательнаго героя, поневолѣ передается читателю. А это такое значительное достоинство, что оно заслоняетъ нѣкоторые недостатки, вродѣ того, что̀ г. Баранцевичъ ради сомнительнаго юмора, заставляетъ Торхонена говорить: „Я соскучилъ немножко“. Но такихъ разсказовъ въ книгѣ немного. Отмѣтимъ еще „Поздно“, грустную исторію старой барыни, которая въ нанятой дѣвушкѣ-прислугѣ узнаетъ (вѣрнѣе чувствуетъ) свою дочь, которую давно, при самомъ рожденіи, она сама забросила на воспитаніе въ деревню. Заглохшее материнское чувство пробуждается съ болью и горемъ, но уже „поздно“, дѣвушкѣ двадцать шесть лѣтъ, и старой барынѣ не вѣрится въ то, чтобы изъ признанія крестьянской дѣвушки ея дочери вышло что-нибудь хорошее и радостное. Ей тяжело и грустно, хочется плакать „о прошломъ... о чемъ-то прошломъ?“

— Стоитъ-ли?—меланхолически говоритъ ея другъ, почтенный и умный старичокъ.—Стоитъ-ли?.. Вѣдь ужъ намъ не долго...

А рядомъ въ книгѣ стоятъ разсказы или ужъ слишкомъ наивные, какъ, напримѣръ „Глаза“ (о добродѣтельномъ антикваріи, безвозмездно возвращающемъ сыну купленный у него портретъ отца), „Запомни“ (о не менѣе добродѣтельномъ стражникѣ, пропускающемъ извѣстнаго контрабандиста, потому что его сынъ похожъ на собственнаго стражникова сына) или совсѣмъ мелкія и блѣдныя вещи вродѣ нѣсколькихъ разсказовъ, доказывающихъ невыгодность пріобрѣтенія земли подъ Петербургомъ черезъ комиссіонеровъ.

Не нравятся намъ неискренне и натянуто написанныя „Подруги“, совсѣмъ не хороши „Обезьяны“—бредни какого-то страннаго человѣконенавистника.

Очень жаль, что книга составлена такъ неразборчиво. Это значительно вредитъ г. Баранцевичу.

Д. Мережковскій. Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на островѣ Лесбосѣ. Спб. Изданіе М. В. Пирожкова. Ц. 1 р. 25 к. „Поэма Дафнисъ и Хлоя такъ хороша, что въ наши скверныя времена нельзя сохранить въ себѣ производимаго ею впечатлѣнія и, перечитывая ее, изумляешься снова“, говоритъ Гете. Дѣйствительно, повѣсть Лонгуса замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Въ ней чувствуется почти забытая свѣжесть и ясность эллинскаго міропониманія, радостная близость къ великому Пану—и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то странная, нѣсколько даже болѣзненная тонкость, странный разладъ между личностью автора и общимъ тономъ его разсказа.

Доселѣ неизвѣстно, къ какому времени относится „Дафнисъ и Хлоя“; неизвѣстно также, кто былъ авторъ повѣсти—Лонгусъ. Очень вѣроятно однако, какъ поясняетъ въ предисловіи г. Мережковскій, что указанныя нами особенности въ этой повѣсти объясняются тѣмъ, что она появилась въ первыя времена христіанства, въ эпоху разлада языческаго міра, въ эпоху запутанности и разлада, остатковъ стараго и перваго возникновенія новаго.

Лонгусъ просто и спокойно, безъ риторическихъ украшеній, разсказываетъ исторію нѣжной и свѣжей молодой любви. Онъ описываетъ начало этого чувства, его прекрасный расцвѣтъ, чистыя и наивныя страданія влюбленныхъ и ихъ счастливый бракъ.

Дафнисъ и Хлоя—дѣти, и дѣтьми они остаются до конца разсказа. Ихъ любовь проста и естественна, какъ любовь въ природѣ, во всемъ, что составляетъ ихъ идиллическую, пастушескую жизнь. Когда приключенія, которыя Лонгусъ щедро разсыпалъ въ своемъ разсказѣ, разъединяютъ ихъ, они страдаютъ; когда судьба снова позволяетъ имъ быть вмѣстѣ,—они счастливы. Ихъ ласки чисты, они не знаютъ, какъ имъ выражать свою любовь, какъ утолить неясное и непобѣдимое влеченіе др[illegible]ъ къ другу.

Лонгусъ до конца разсказа оставляетъ Дафниса и Хлою невинными и [illegible]вѣдающими, но видно, что самъ онъ слишкомъ хорошо знаетъ любо[illegible]ь, знаетъ жизнь и нѣсколько скептически, даже какъ бы съ легкой ир[illegible]ніей относится къ своей повѣсти, гдѣ любовь такъ проста и чиста. „Д[illegible] позволитъ мнѣ богъ любви,—говоритъ онъ,—описывая чужія стра[illegible]сти самому оставаться мудрымъ и свободнымъ“...

[illegible]о всякомъ случаѣ г. Мережковскій даетъ намъ книгу интересную и [illegible]нальную. Она написана прекраснымъ чистымъ языкомъ, вполнѣ

соотвѣтствующимъ содержанію повѣсти о Дафнисѣ и Хлоѣ. Своей книгѣ г. Мережковскій предпосылаетъ очень красивое и обстоятельное предисловіе, въ которомъ со вдумчивостью художника разбираетъ повѣсть Лонгуса, указывая ея характерныя и интересныя черты, выясняя ея значеніе.

Издана книга хорошо, но изданіе только выиграло бы, еслибъ на обложкѣ не было очень неудачнаго рисунка г-жи Татьяны Гиппіусъ. На этомъ рисункѣ изображены колѣнопреклоненные пастухъ и пастушка крайне отталкивающей наружности; право, Дафнисъ и Хлоя такого впечатлѣнія не производятъ.

Танъ. Очерки и разсказы. Томъ четвертый. Изданіе Н. Глаголева. Спб. Ц. 1 руб. Четвертый томъ разсказовъ г. Тана кажется намъ однимъ изъ наиболѣе интересныхъ. Въ немъ нѣтъ никакихъ новыхъ для г. Тана достоинствъ, но „чукотскіе разсказы", вошедшіе въ этотъ томъ, написаны какъ-то болѣе оживленно, съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ остальные.

Томъ этотъ весь занятъ разсказами изъ чукотскаго быта, въ которомъ г. Танъ является знатокомъ, не имѣющимъ соперниковъ. Мы уже упоминали въ отзывахъ о первыхъ трехъ томахъ, что г. Танъ—очень хорошій наблюдатель, не пропускающій ничего характернаго и типичнаго. Это, конечно, свойство очень важное для беллетриста-этнографа, и благодаря ему „Чукотскіе разсказы" читаются съ интересомъ.

„Восемь племенъ" авторъ называетъ „романомъ изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока Азіи", но, строго говоря, романомъ, да еще историческимъ, эту вещь назвать нельзя: слишкомъ не широка тема, взятая г. Таномъ. Но тема эта интересна. Передъ нами проходятъ совершенно особые люди, „восемь племенъ" дикарей съ своеобразной жизнью, страннымъ укладомъ быта, съ особыми понятіями и чувствами. На фонѣ этой дикой и привольной жизни, орошенной кровью, пронизнутой постоянной борьбой съ людьми и природой, и развертывается то, что дало г. Тану мысль назвать свое обширное произведеніе романомъ. Это трагическая любовь дикой дѣвушки къ вольнолюбивому охотнику „изъ племени людей одулъ", ея сумасшествіе и смерть.

Г. Танъ хорошо знаетъ страшную жизнь, которую описываетъ. Онъ, такъ сказать, пытливо заглянулъ въ глубь этой жизни. Вотъ, что является главнымъ и неоспоримымъ достоинствомъ его „романа". А главный недостатокъ, на нашъ взглядъ, заключается въ тонѣ разсказчика. Къ такой темѣ и такому фону подходилъ бы языкъ болѣе безхитростный, болѣе эпическій и сильный. Г. Танъ напрасно написалъ „Восемь племенъ" слишкомъ современнымъ и неяркимъ языкомъ.

Очень недурны и отрывки „На пьяной ярмаркѣ". Удачно вырисовались у автора типы чукчей, разъ въ годъ собирающихся на Анюйскую ярмарку, вѣрны и интересны фигуры чукотскаго начальства, которое побаивается своихъ дикихъ подчиненныхъ, сильно написаны картины единственной радости дикарей—гомерическаго пьянства. Эти картины реальныя и порою даже страшныя, производятъ тяжелое впечатлѣніе. Необходимо замѣтить, что на этотъ разъ авторъ счастливо удержался на границахъ, отдѣляющихъ реальное отъ безобразнаго,—а раньше это удавалось ему далеко не всегда. Хороша и красива сказка о томъ, „Кто первый пролилъ на землѣ кровь". Она объясняетъ отчасти полярную миѳологію, даетъ интересныя черты этики сѣверныхъ дикарей (жаль, что авторъ не указалъ, въ какомъ племени онъ слышалъ это преданіе).

проникнута суровой красотой сѣвера и порою дышитъ своеобразнымъ, жестокимъ юморомъ.

Матеріалъ у г. Тана богатый, и въ четвертомъ томѣ беллетристъ-этнографъ удачно справляется съ запасомъ своихъ долгихъ наблюденій, пробуждая въ читателѣ значительный интересъ къ темной и мало разработанной жизни далекаго сѣвера.

Изданіе г. Глаголева вполнѣ удовлетворительно и недорого.

Евгеній Чириковъ. Томъ четвертый. Пьесы. Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб., 1904 г. Ц. 1 рубль. Въ четвертомъ томѣ сочиненій г. Чирикова мы находимъ четыре пьесы: „На дворѣ во флигелѣ“, „За славой“, „Друзья гласности“ и „Евреи“. Трудно рѣшить, почему авторъ, довольно популярный беллетристъ, имѣющій достаточный кругъ читателей, такъ неожиданно открылъ въ себѣ драматурга. Драматургъ долженъ умѣть концентрировать дѣйствіе, долженъ умѣть дать многое на пространствѣ трехъ-четырехъ актовъ. Г. Чириковъ этого не умѣетъ. Драматургъ долженъ обладать способностью находить и придавать дѣйствію живыя, ясныя краски,—г. Чириковъ этой способности не имѣетъ. Драматургъ долженъ умѣть внести въ діалогъ жизненность и свободу,—г. Чириковъ этого не умѣетъ. Наконецъ, очевидно, драматургъ долженъ хорошо знать неизбѣжныя условія сцены или быть достаточно сильнымъ для того, чтобы реформировать ихъ, а г. Чириковъ и не знаетъ сцены, и не годится въ реформаторы театра.

Въ результатѣ мы видимъ четыре прескучныя пьесы, которыя скучно и трудно читать и еще труднѣе смотрѣть на сценѣ.

„На дворѣ во флигелѣ“—сѣрый, утомительный и безкрасочный жанръ. Во флигелѣ живутъ двѣ семьи мелкихъ чиновниковъ, живутъ въ нуждѣ, дорожа каждой копейкой, живутъ въ тяжеломъ и мрачномъ однообразіи тяжелыхъ дней, мучительно похожихъ одинъ на другой. Одинъ чиновникъ уже успокоился, живетъ безъ надеждъ и стремленій. Другой еще не успокоился. Онъ все еще ждетъ лучшаго и, не обращая вниманія на нужду, устраиваетъ у себя въ конторѣ маленькія, слабыя возмущенія, добивается правды и съ большими опасностями пытается защитить и отстоять свое человѣческое достоинство. Попытки эти приводятъ только къ тому, что неугомоннаго чиновника изгоняютъ со службы. Сосѣди пьютъ водку, разговариваютъ одинъ въ мажорномъ тонѣ, а другой въ минорномъ тонѣ, бабушка ворчитъ, жены чиновниковъ говорятъ о нуждѣ и недостаткахъ, жилецъ играетъ на гитарѣ и поетъ „письмо Периколы“, а молодая дѣвушка, сестра тихаго чиновника, повторивъ нѣсколько разъ, что ей „надо же куда-нибудь дѣваться“, въ концѣ пьесы ночью стремительно вбѣгаетъ въ комнату постояльца. Дверь затворяется. Большая пауза. На сценѣ пусто и темно. Затѣмъ выходитъ бабушка, желаетъ всѣмъ спокойной ночи и совершенно основательно замѣчаетъ, что утро вечера мудренѣй. И занавѣсъ опускается.

Разумѣется, все это естественно и правдоподобно. Есть такіе чиновники, есть такіе жильцы, такія дѣвушки, есть такая жизнь. Но для того, чтобы на этомъ фонѣ возникли живыя очертанія, краски, оттѣнки, чтобы со зрителемъ и читателемъ со страницъ книги и со сцены заговорили живымъ языкомъ живые люди, мало быть добросовѣстнымъ фотографомъ и добросовѣстнымъ регистраторомъ входящихъ и исходящихъ жизненныхъ явленій. Чиновникъ пьетъ, другой чиновникъ ищетъ безуспѣшно правды, дѣвушка бросается ночью въ комнату молодого жильца. Это—явленія, и только. Но ихъ органической жизни, ихъ связи, ихъ сущности Чириковъ не даетъ и не можетъ дать: въ чиновниковъ, въ дѣвуш-

ку, въ постояльца надо вдохнуть „духъ живъ“, а духа жива въ г. Чириковѣ-драматургѣ нѣтъ.

Это видно и въ остальныхъ пьесахъ.

Молодой драматургъ написалъ прекрасную пьесу и прославился („За славой“). Затѣмъ онъ женился на чрезвычайно взбалмошной особѣ и претерпѣлъ рядъ неудачъ. Талантъ его оказался недолговѣчнымъ, и пьесы перестали пользоваться успѣхомъ, взбалмошная жена надѣлала рядъ безтактностей и непріятностей. Въ концѣ концовъ жена ушла къ художнику, который вступилъ на путь славы какъ разъ въ то время, когда драматургъ ослабѣлъ. И драматургъ захворалъ.

Эта пьеса совсѣмъ слаба. Мы даже не знаемъ, кто такіе и каковы лица, которыя авторъ проводитъ передъ нами. Напримѣръ, намъ кажется, что и драматургъ, и художникъ—неумные и непріятные люди, жена драматурга—тоже, а остальные даже просто люди скверные.

А можетъ быть и не такъ? Можетъ быть, драматургъ, напримѣръ, величайшаго ума человѣкъ, а художникъ—самый душевный и симпатичный художникъ! Это можетъ быть извѣстно только г. Чирикову. Намъ онъ показалъ немногое — и это немногое скучно, неясно и производитъ впечатлѣніе какой-то подготовительной работы. Точно авторъ говоритъ: „Изъ этого я могу сдѣлать пьесу“. Да, *изъ этого* пьесу можно сдѣлать, но *это* не пьеса.

Не пьеса и „Друзья гласности“, гдѣ авторъ стремится показать горемычную судьбу провинціальной газеты. Опять проходитъ передъ нами длинный рядъ „дѣйствующихъ лицъ“, но не людей, опять мы слышимъ разговоры, разговоры и разговоры. И удивительно скучно разговариваютъ дѣйствующія лица г. Чирикова. Кажется, что имъ хочется одного: поскорѣе опустить занавѣсъ и съ миромъ разойтись. При основаніи газеты они даютъ обѣдъ, гдѣ губернаторъ произноситъ рѣчь, а наборщикъ даже читаетъ стихи, во второмъ актѣ часть дѣйствующихъ лицъ недоумѣваетъ, а часть „принимаетъ мѣры“ противъ газеты. Въ этомъ актѣ даже есть обиженный рецензентомъ антрепренеръ. Въ третьемъ дѣйствіи репортеръ хочетъ жениться на барышнѣ, служащей въ конторѣ, а одинъ „интеллигентный читатель“ является бить редактора-издателя.

Кажется, все есть для пьесы: есть возможность дать типы, художественно освѣтить хотя и слишкомъ публицистическую, но, во всякомъ случаѣ, очень интересную тему. А пьесы всетаки нѣтъ.

„Евреи“ („отрывки изъ пьесы“), повидимому, находятся въ нѣкоторой связи съ „Евреями“ г. Юшкевича, напечатанными во 2-мъ томѣ сборника „Знанія“. Такъ, напримѣръ, главнымъ лицомъ въ обоихъ одноплеменныхъ произведеніяхъ является почти одинаково очерченный энтузіастъ и философъ Нахманъ. Но „Евреи“ г. Юшкевича—живые люди, а дѣйствующія лица г. Чирикова — только очень хорошія маріонетки. Надуманно звучитъ въ пьесѣ лирическій элементъ, любовь исключеннаго русскаго студента къ исключенной еврейской курсисткѣ и драматическая коллизія, вытекающая изъ розни расъ.

Не хорошъ и заключительный аккордъ,—начатки еврейскаго погрома. Занавѣсъ опускается въ тотъ моментъ, когда раздается „сильный ударъ, трескъ, хохотъ, дверь и окна магазина съ трескомъ рушатся“... Такой эффектъ требуетъ большой осторожности.

Итакъ, драматическіе опыты г. Чирикова никакъ нельзя назвать удачными. И врядъ ли въ этомъ родѣ г. Чириковъ усовершенствуется.

Между прочимъ, при чтеніи „пьесъ“, намъ неоднократно приходилось

удивляться, куда пропалъ юморъ г. Чирикова, нерѣдко проглядывавшій въ прежнихъ его произведеніяхъ.

Ѳедоръ Сологубъ. Жало смерти. Землѣ земное. Обручъ. Баранчикъ. Красота. Утѣшеніе. Разсказы. Москва. Книгоиздательство „Скорпіонъ". 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. Разсказы г. Сологуба—плодъ намѣренно извращенной фантазіи. Мы давно уже не встрѣчали книги, которая производила бы такое отталкивающее, непріятное впечатлѣніе своею фальшью, надуманностью и нервическимъ, изломаннымъ тономъ. Авторъ доводитъ свое воображеніе до состоянія какого-то больного—и очень некрасиво больного—пассивнаго экстаза, въ которомъ его посѣщаютъ вялыя, печальныя и безобразныя галлюцинаціи. Эти экстатическія видѣнія больного человѣка онъ передаетъ намъ спотыкающимся языкомъ галлюцината, сопровождая ихъ болѣзненными гримасами и улыбками.

Мы не стали бы распространяться о захворавшемъ творчествѣ г. Сологуба, если бы книга его не давала намъ понять ясно, что болѣзнь эта—искусственная, что авторъ намѣренно, съ какими-то особыми цѣлями, прививаетъ себѣ сложную и отталкивающую болѣзнь, намѣренно раздражаетъ свое и безъ того уже извращенное воображеніе, чтобы потомъ любоваться своими судорожными подергиваніями, гримасами и выкликаніями. Мы полагаемъ, что г. Сологубъ поступаетъ совсѣмъ нехорошо, когда любуется своими произведеніями не наединѣ, а печатаетъ ихъ и выпускаетъ въ свѣтъ. Кликушество заразительно.

Разумѣется, и выраженія болѣзненной фантазіи могутъ быть красивы, могутъ быть сильны, производить могучее впечатлѣніе. Въ литературѣ мы имѣемъ не мало примѣровъ этого, и достаточно вспомнить фантазіи Эдгара По, чтобы вспомнить фантазіи истинно художественныя. Но бѣда въ томъ, что г. Сологубъ забылъ, что для созданія художественнаго произведенія мало одной фантазіи, даже хотя бы и больной. Нужно еще имѣть талантъ, а таланта у автора „Жало смерти"—нѣтъ. „Жало смерти"—разсказъ о двухъ отрокахъ; эти отроки по велѣнію г. Сологуба ведутъ себя самымъ неподобающимъ образомъ. Скверный мальчикъ Ваня оказываетъ прескверное вліяніе на хорошаго мальчика Колю, учитъ его курить, пить, мечтать (и „самое лучшее о чемъ-нибудь стыдномъ"). Въ концѣ концовъ Коля „соблазнился Ваниными соблазнами". Гадости обоихъ мальчиковъ завершились самоубійствомъ: оба отправились къ рѣчкѣ, навязали на себя камни и потонули.

Кажется, читателю слѣдовало бы по крайней мѣрѣ пожалѣть мальчиковъ, которыхъ въ припадкѣ нервнаго разстройства потопилъ г. Сологубъ. Но онъ предпочелъ сдѣлать такъ, что и мальчики кажутся отвратительными и самая исторія ихъ необыкновенно противной.

Въ слѣдующемъ разсказѣ появляется мальчикъ, который утратилъ спасительный страхъ; онъ пробуетъ самыя гадкія шалости, видитъ разные сны; есть даже совсѣмъ уже по-кликушески написанная сцена бѣченія свихнувшагося мальчика, сцена грязная и скверная, которою, однако, г. Сологубъ, видимо, болѣзненно восхищается. Но мальчикъ одумался только черезъ десять-пятнадцать страницъ, и къ жизни земной вопелъ онъ, въ путь истомный и смертный. Дальше—старый старикъ, спохватившись, что у него никогда не было дѣтства и дѣтскихъ игръ, отправляется по утрамъ въ лѣсъ играть обручемъ отъ бочки. Г. Сологубъ съ истиннымъ восхищеніемъ занимается этой нелѣпостью, разсматривая и поворачивая ее на всѣ лады. Въ разсказѣ „Баранчикъ" съ восторгомъ описывается, что маленькія крестьянскія дѣти увидали, какъ [illegible]жутъ маленькаго бѣлаго барашка, и вздумали играть въ баран-

чика. Маленькая дѣвчонка въ этой игрѣ зарѣзала брата, а сама со страху забралась въ печку и сгорѣла. Здѣсь уже чувствуешь какое-то хлыстовское изступленіе. Нельзя передать впечатлѣніе, которое производитъ г. Сологубъ, дѣлающій „чикъ-чикъ ножичкомъ“ по горлу бѣлоголоваго мальчика и любовно поворачивающій дѣтскіе трупики. Въ такомъ же тонѣ написаны и остальные два разсказа, съ тою лишь разницей, что въ „Красотѣ“ г. Сологубъ заставляетъ очень долго раздѣваться красивую дѣвушку, а затѣмъ убиваетъ ее игрушечнымъ кинжаломъ на томъ основаніи, что „въ ней родилось что-то скверное“, а въ „Утѣшеніи“ онъ выкидываетъ изъ окна четвертаго этажа мальчика, который видѣлъ, какъ оттуда же нечаянно упала трехлѣтняя дѣвочка.

Дѣйствительно, трудно написать болѣе непріятную книгу. Болѣзнь г. Сологуба такого рода, что простая скромность, кажется, должна заставлять скрывать ее, а не выставлять радостно напоказъ.

Артуръ Шнитцлеръ. Пьесы.—Въ погонѣ за легкой добычей.—Завѣщаніе.—Сказка. Переводъ съ нѣмецкаго О. Н. Поповой. Издательство О. Н. Поповой. Спб. Цѣна 2 р.—Одинокимъ путемъ. Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ. Артура Шнитцлера. Переводъ съ нѣмецкаго А. Ф. Даманской. Спб.. 1904 г. Ц. 50 к. О первой книгѣ, въ виду того, что три пьесы Шнитцлера, ее составляющія, хорошо извѣстны большинству читателей, мы скажемъ немногое. Отмѣтимъ прежде всего—крайнюю нежелательность переводовъ въ стилѣ г-жи Поповой. Кажется, не къ чему и некому объяснять, что никакого автора и ни съ какого языка нельзя переводить слово за словомъ. Въ лучшемъ случаѣ такой переводъ является безжизненнымъ и сухимъ, а въ худшемъ—даже рядъ ошибокъ въ самомъ смыслѣ фразъ, рядъ курьезовъ и стилистическихъ нелѣпостей. Между тѣмъ, г-жа Попова переводитъ Шнитцлера, превосходнаго стилиста, пишущаго легкимъ и изящнымъ языкомъ, именно такимъ ремесленнымъ способомъ. Вся красота и индивидуальность языка пропадаетъ совершенно,—получается рядъ фразъ тяжелыхъ, грубыхъ и даже невѣрныхъ.

Нерѣдки, напримѣръ, промахи такого рода:

Адольфъ (входя, склоняется надъ ребенкомъ).—Какъ поживаетъ мальчикъ? Что подѣлываетъ маленькій сладкій мальчикъ? (слишкомъ изъявительныя ласки). Что-то я мальчику принесъ?

Великолѣпенъ этотъ „сладкій“ мальчикъ, осыпаемый „слишкомъ“ изъявительными ласками. Переводчицѣ не мѣшало бы знать, напримѣръ, что по-нѣмецки „süss“ употребляется въ такихъ случаяхъ въ смыслѣ „милый“, „славный“. Переводитъ „Freiwild“—„Въ погонѣ за легкой добычей“, тоже не особенно хорошо.

Плохой переводъ, очень посредственное изданіе—и непомѣрно высокая цѣна.

„Der Einsame Weg“, „Одинокимъ путемъ“—одна изъ интереснѣйшихъ пьесъ вѣнскаго драматурга. Здѣсь ярко сказались главныя черты его красиваго дарованія: изящество (нѣсколько изысканное даже) замысла и разработки, тонкость всей картины, филигранная отдѣлка деталей,—и спокойный, нѣсколько грустный тонъ изящнаго философа-скептика. Шнитцлеръ рѣдко выдвигаетъ большіе вопросы и никогда не даетъ ихъ опредѣленнаго разрѣшенія. Но онъ умѣетъ заинтересовать, будитъ мысль и чувство, онъ тонко анализируетъ жизненныя явленія, вдумчиво, осторожно разсматриваетъ ихъ и обрисовываетъ легкими, но точными и рельефными штрихами. Кромѣ того, это драматургъ, умѣющій искать и находить свѣжія и нѣжныя краски въ томъ, что онъ рисуетъ.

Все это есть и въ „Одинокимъ путемъ“. Центральной фигурой является фонъ-Сала, умный, талантливый, многое извѣдавшій человѣкъ. Это тонкая натура, живо воспринимающая, художественная, но страдающая безвѣріемъ и мало чему придающая цѣнность. Конечно, это глубокій эгоистъ.

„Если бы вы были въ центрѣ земли, вы бы знали,—говоритъ онъ,—что всѣ предметы одинаковаго вѣса. А еслибъ вы очутились въ центрѣ вселенной, вы поняли бы, что всѣ предметы—одинаковой важности“. Въ сущности, у Шнитцлера никогда не бываетъ „героя“, и фонъ-Сала только нѣсколько рельефнѣе другихъ. Перейдемъ теперь къ дѣйствію.

У профессора Веграта умираетъ жена, остается сынъ Феликсъ и дочь Іоганна, тихая, задумчивая, самоуглубленная дѣвушка. Художникъ Юліанъ когда-то любилъ фрау Вегратъ и Феликсъ его сынъ. Юліанъ старѣетъ. Ему отрадно думать о Феликсѣ—и онъ сообщаетъ ему старую полузабытую тайну. Феликсъ и раньше угадывалъ ее, и Юліанъ обманывается въ своихъ ожиданіяхъ. Его сынъ далекъ отъ него.

Онъ не чувствуетъ любви къ Юліану и говоритъ, что „ложь зашла слишкомъ далеко“. Параллельно съ этой драмой развертывается другая, романъ фонъ-Сала и Іоганны, его послѣдняя и ея первая любовь. Но Сала смертельно боленъ, а Іоганна слишкомъ тонкая и глубокая натура. Она убиваетъ себя. Всей изысканности и изящества пьесы Шнитцлера нельзя передать въ простомъ пересказѣ. Къ счастію, г-жѣ Даманской удалось до нѣкоторой степени сохранить духъ и оттѣнки подлинника. Читатели заинтересуются этой книгой и, быть можетъ, задумаются надъ ней.

КРИТИКА.

В. Г. Бѣлинскій. Полное собраніе сочиненій. Т. VII.— *С. А. Венгеровъ.* Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. VI.—*Е. А. Ляцкій.* И. А. Гончаровъ. Критическіе очерки.

В. Г. Бѣлинскій. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. VII. Спб., 1904 г. Въ 7-й томъ вошло 110 статей и замѣтокъ изъ *Отечественныхъ Записокъ* 1842 г. (изъ нихъ 78 не входили совсѣмъ въ собранія сочиненій Бѣлинскаго или входили съ сокращеніями), статья о трудахъ академіи наукъ, задержанная тогдашней цензурой, и большая статья о сочиненіяхъ Дениса Давыдова, впервые открытая г. Венгеровымъ. Наблюденія надъ содержаніемъ и стилемъ этой статьи привели его къ заключенію, что она могла принадлежать только перу Бѣлинскаго. Позднѣе въ перепискѣ Плетнева и Грота онъ нашелъ этому авторитетное подтвержденіе. Статья очень характерна для Бѣлинскаго временъ преклоненія передъ „разумною дѣйствительностью“ и составляетъ любопытную параллель къ статьямъ о Бородинской годовщинѣ и Менцелю.

Обильныя примѣчанія попрежнему цѣнны, иногда разрастаются въ цѣлыя изслѣдованія (наприм., объ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ А. Майкову, Полежаеву, Баратынскому). Они разъясняютъ почти всѣ отголоски эпохи и личныхъ отношеній въ текстѣ Бѣлинскаго, его ошибки и недоразумѣнія, смѣну его взглядовъ, автобіографическія данныя въ его статьяхъ и пр. Съ изумительною энергіею почтенный редакторъ собралъ колоссальное количество фактовъ для характеристики великаго критика и его эпохи и этимъ положилъ прочный фундаментъ для ихъ изученія.

Примѣчанія производятъ вообще цѣльное и своеобразное впечатлѣніе. Библіографическая полнота и точность идутъ въ нихъ объ руку съ отголосками яснаго, трезваго и требовательнаго общественнаго міровоззрѣнія, которое, при всей любви и уваженіи къ любимому писателю, не позволяло закрывать глаза на его промахи и ложныя увлеченія.

Несмотря на громадные размѣры (643 стр.), цѣна оставлена прежняя—1 руб. 25 коп.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Историко-литературный сборникъ. Т. VI. Спб., 1904 г. Съ настоящаго выпуска монументальный трудъ С. А. Венгерова получаетъ новый характеръ. Онъ превращается, по словамъ почтеннаго редактора, „въ историко-литературный сборникъ, дающій матеріалы самаго различнаго рода, какъ въ обработанномъ, такъ и въ сыромъ видѣ".

6-й томъ распадается на три отдѣла: біографическіе очерки (безъ алфавитнаго порядка), дополненія и поправки къ предыдущимъ томамъ и автобіографическій архивъ „Критико-біографическаго словаря" (на А и Б).

Въ первомъ отдѣлѣ обстоятельные очерки посвящены академику В. Л. Чебышеву (проф. Поссе), Нилу Сорскому (проф. Архангельскаго), И. И. Янжулу (г. Слонимскаго), П. Г. Виноградову (проф. Карѣева), В. А. Зайцеву и др. Особенно любопытна біографія Зайцева, извѣстнаго дѣятеля 60-хъ годовъ: составленная близкимъ къ нему лицомъ (не названнымъ), она даетъ рядъ цѣнныхъ и свѣжихъ данныхъ для характеристики этого типическаго представителя нашего воинствующаго реализма „эпохи великихъ реформъ", его участія въ борьбѣ тогдашнихъ литературныхъ партій и въ рядахъ русской радикальной эмиграціи. Очеркъ написанъ очень живо и является „гвоздемъ" всего сборника.

Въ третьемъ отдѣлѣ болѣе другихъ интересны автобіографіи А. В. Амфитеатрова, Н. П. Ашешова, К. Д. Бальмонта и Н. Н. Булича. Въ первой намѣчается, хотя и не разъясняется любопытная эволюція отъ *Новаго Времени* къ Герцену; вторая даетъ нѣсколько яркихъ чертъ для характеристики нашей провинціальной печати. Г. Бальмонтъ говоритъ о „самыхъ замѣчательныхъ событіяхъ своей жизни"—„тѣхъ внутреннихъ внезапныхъ просвѣтахъ, которые открываются иногда въ душѣ по поводу самыхъ незначительныхъ внѣшнихъ фактовъ": это—„первая страстная мысль о женщинѣ въ возрастѣ пяти лѣтъ", „впервые сверкнувшая, до мистической убѣжденности, мысль о возможности и неизбѣжности всемірнаго счастія"—при видѣ, съ горы, чернѣющаго длиннаго мужицкаго обоза, „небывалый расцвѣтъ умственнаго возбужденія и жизнерадостности" послѣ прыжка черезъ окно на камни съ высоты 3-го этажа и т. д. Очень наивна и болтлива автобіографія дѣтской писательницы Барановской.

Къ книгѣ приложенъ указатель ко всѣмъ шести томамъ.

Е. А. Ляцкій. И. А. Гончаровъ. Критическіе очерки. Спб. 1904 г. Книга г. Ляцкаго составилась изъ статей, напечатанныхъ на страницахъ *Вѣстника Европы* и сочувственно встрѣченныхъ при появленіи почти всею нашею печатью, въ томъ числѣ и *Русскою Мыслью*. Теперь онѣ появляются въ дополненномъ и исправленномъ видѣ.

Начало ея посвящено сжатому обзору немногочисленной вообще литературы о Гончаровѣ. Жаль, что въ него не введены характеристики Ор. Миллера и г. Мережковскаго, которыя ничѣмъ не ниже отзывовъ Дружинина и М. А. Протопопова, цитируемыхъ г. Ляцкимъ.

Центральная, наиболѣе интересная часть книги посвящена выясненію субъективнаго элемента у Гончарова—автора, котораго обыкновенно счи-

таютъ ультра-объективнымъ. Факты жизни Гончарова сильно отразились на его творчествѣ. „Въ его манерѣ полубезсознательно набрасывать все, что ни попадется подъ руки, изображеніе „я“ стояло всегда на первомъ планѣ. Было ли это предметомъ инстинктивной и, можетъ быть, случайной работы художника подъ вліяніемъ непреднамѣреннаго влеченія къ чистому искусству, или же въ этомъ выразилось сознательное стремленіе воплотить свою жизнь и свою личность въ художественномъ произведеніи, сдѣлавъ ее интересной для другихъ,—рѣшить трудно, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что личность Гончарова и его жизнь давали содержаніе и характеръ его твореніямъ. Это обстоятельство объясняетъ поражающее однообразіе въ изображеніяхъ обстановки, быта, міросозерцанія героевъ и, наконецъ, пріемовъ художнической техники“ (стр. 175). Эти субъективные отголоски въ творчествѣ Гончарова своеобразно сливались съ тѣмъ, что „прирастало“ къ нему изъ „чужой“ жизни. Выясненію послѣдняго посвящена вторая часть труда г. Ляцкаго. Къ книгѣ приложены факсимиле и два портрета писателя.

ПЕДАГОГИКА.

А. Н. Куломзинъ. Доступность начальной школы въ Россіи.—*Т. Локоть.* Классицизмъ и реализмъ.

А. Н. Куломзинъ. Доступность начальной школы въ Россіи. Спб., 1904 г. „Начальная школа остается тѣмъ базисомъ, безъ котораго все непрочно. Техническая выучка должна ее завершать, но не можетъ ее замѣнить“. „Нельзя принуждать ходить въ школу, которой нѣтъ“. Слова эти достаточно характеризуютъ защитника всеобщаго непринудительнаго обученія и пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что говоритъ ихъ такой видный государственный дѣятель, какъ А. Н. Куломзинъ. Въ своей книгѣ, изданной по распоряженію предсѣдателя Высочайше учрежденнаго особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и основанной, главнымъ образомъ, на статистическихъ матеріалахъ 1898 года, г. Куломзинъ дѣлаетъ попытку отвѣтить на вопросъ: „не наступило ли время внести въ дѣло развитія у насъ начальнаго образованія необходимую во всякомъ крупномъ государственномъ мѣропріятіи планомѣрность и возможно ли безъ большого напряженія финансовыхъ силъ страны достигнуть такого расширенія школьной сѣти, чтобы начальное образованіе сдѣлалось доступнымъ бо́льшему числу дѣтей школьнаго возраста, при условіи равномѣрнаго развитія этой сѣти въ разныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта—сколько на это потребуется лѣтъ при поступательномъ, хотя и постепенномъ, но неуклонномъ движеніи къ предѣленной, заранѣе начертанной цѣли“. Поставивъ этотъ вопросъ, авторъ не ограничивается общими соображеніями, а стремится создать стройную схему школьной сѣти, освѣтивъ свой проектъ цѣлымъ рядомъ весьма интересныхъ статистическихъ таблицъ.

Опредѣляя рамки школьнаго возраста, г. Куломзинъ считаетъ возрастъ 7—14 лѣтъ (по западно-европейскимъ образцамъ) не въ мѣру великимъ для Россіи. „Не только во избѣжаніе непосильныхъ расходовъ, но и во избѣжаніе непримиримыхъ къ крестьянской жизни опытовъ, слѣдуетъ отказаться отъ 8-лѣтняго обученія“ (стр. 15). По мнѣнію автора, русская жизнь выработала типъ одноклассной начальной школы съ т хлѣтнимъ курсомъ, и измѣнять этотъ типъ—„значило бы ставить

на очередь новые опыты начальнаго обученія, отодвигая на задній планъ вопросъ о доступности населенію той школы, которую Россія сейчасъ можетъ имѣть". Такимъ образомъ, школьный возрастъ опредѣляется въ 8, 9, 10 и 11 лѣтъ, а нормальный школьный курсъ четырьмя годами, уступая неизбѣжному расширенію запросовъ школы при разсчетѣ плана на 15 лѣтъ впередъ. Горячимъ протестомъ отвѣчаетъ г. Куломзинъ на проекты урѣзыванія расходовъ путемъ преимущественнаго обученія мальчиковъ. „Именно дѣвочекъ и слѣдуетъ какъ можно старательнѣе обучать, ибо нельзя сдѣлать грамотнымъ и сколько-нибудь культурнымъ народъ, не имѣющій грамотныхъ матерей. Грамотная мать—грамотная семья" (стр. 17). Равнодушіе крестьянъ къ образованію дѣвочекъ блестяще опровергается цифрами. Нормы школьнаго радіуса слѣдуетъ установить для каждаго района „мѣстнымъ людямъ", такъ какъ опредѣлить его a priori невозможно; приблизительный радіусъ—трехверстный. Вообще „соображенія о разстояніи должны быть лишь дополнительнымъ коррективомъ" къ основному разсчету по числу дѣтей школьнаго возраста (стр. 23).

Въ основаніе проекта доступности начальнаго обученія г. Куломзинъ считаетъ возможнымъ положить только „четыре наиболѣе общихъ типа школы: 1) министерскія образцовыя (двухклассныя) школы; 2) одноклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія, находящіяся въ завѣдываніи училищныхъ совѣтовъ и дирекцій народныхъ училищъ (неправильно называемыя земскими); 3) церковно-приходскія училища, и 4) школы грамотности". Признавая за послѣдними лишь „подсобное" значеніе, авторъ предостерегаетъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія „вольными крестьянскими школами" *). Дешевизна школъ грамоты объясняется „множествомъ положеннаго въ нее безплатнаго или плохо оплачиваемаго труда, плохимъ составомъ учителей, неудобствами помѣщеній; всякое же улучшеніе влечетъ за собой ихъ удорожаніе". Притомъ эти школы обходятся крестьянамъ едва ли не дороже нормальныхъ (стр. 24—25). Если, такимъ образомъ, школы грамоты могутъ служить лишь „филіальными отдѣленіями нормальныхъ школъ въ мѣстностяхъ малонаселенныхъ", то двухклассныя министерскія школы оказываются слишкомъ громоздкими и дорогими, чтобы положить ихъ въ основаніе доступности плана всеобщаго обученія. Остаются, слѣдовательно, одноклассныя школы, церковно-приходская и земская, которыя г. Куломзинъ считаетъ „параллельными, и не только не противоположными, но логически тѣсно связанными". Ссылаясь на знаменательныя слова Государя: „Антагонизма въ этомъ дѣлѣ не должно быть" и „Несомнѣнно нужны обѣ" школы, и объясняя недостатки церковно-приходской школы ея малой обезпеченностью (?), г. Куломзинъ пытается разрѣшить вопросъ о „вѣдомствѣ, къ которому будетъ принадлежать единая по существу правительственная школа",—вопросъ второстепенный, по мнѣнію автора. Для этого имъ выработаны три положенія: 1) въ приходахъ, не имѣющихъ школъ, открывать такія въ первую очередь; 2) въ селахъ, гдѣ есть уже школа училищнаго совѣта (т.-е. земская), церковная школа будетъ обучать „дѣвочекъ—будущихъ матерей"; 3) „на окраинахъ, въ мѣстностяхъ съ болѣе сплоченнымъ иновѣрческимъ и иноплеменнымъ населеніемъ, церковно-приходская школа, разсчитанная по существу своему на пре-

*) Извѣстно, между прочимъ, что громадное большинство мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности высказалось противъ школъ грамотности, ставя имъ въ вину размноженіе недоучекъ и „рецидивистовъ безграмотности".

вославный приходъ, едва ли можетъ перетянуть къ себѣ всѣхъ дѣтей иновѣрцевъ; поэтому здѣсь яснѣе обозначаются задачи школъ министерства народнаго просвѣщенія; *тѣ же по существу, что и церковныя школы, онѣ менѣе замѣтнымъ, но тѣмъ болѣе дѣйствительнымъ образомъ служатъ великому дѣлу обрусенія и объединенія нашихъ окраинъ* (курс. нашъ). Это равно относится къ западно-европейскимъ и къ азіатскимъ окраинамъ; вездѣ миссіонерскія задачи должны быть отдѣлены отъ просвѣтительныхъ. Правительственная школа должна вытѣснить всѣ тайныя школы и перетянуть къ себѣ весь контингентъ дѣтей, обучающихся въ подобныхъ школахъ. Этой цѣли русская правительственная школа скорѣе достигнетъ, дѣйствуя на окраинахъ *подъ именемъ* (курс. автора) министерской, а не церковно-приходской школы" (стр. 29).

Не трудно видѣть, что г. Куломзинъ, отдѣляя отъ просвѣтительныхъ задачъ миссіонерскія, въ то же самое время примѣшиваетъ къ нимъ задачи политическія въ духѣ обрусенія, что врядъ ли относится къ компетенціи школы. Что касается до кредитовъ на начальное образованіе, то авторъ предлагаетъ „распредѣлять ихъ поровну между вѣдомствомъ святѣйшаго синода и министерствомъ народнаго просвѣщенія, пока не будутъ использованы для школьнаго дѣла всѣ церкви, не имѣющія еще своихъ школъ, а равно всѣ вновь выстроенныя" (стр. 30).

Общеобразовательную программу предлагается оставить безъ измѣненій, не взирая на ея недостатки, въ виду того, что „увеличеніе количества школъ въ настоящее время составляетъ болѣе насущную нужду, нежели усовершенствованіе ихъ качества", а „предѣла улучшеніямъ, а тѣмъ болѣе требованіямъ отъ школы нѣтъ вѣдь никакого" (стр. 31).

Въ дальнѣйшемъ развитіи плана г. Куломзинъ высказывается за увеличеніе вознагражденія учащимъ, за привлеченіе, главнымъ образомъ, учительницъ и противъ необходимости учительскихъ семинарій, которыя можно замѣнить пока краткосрочными лѣтними курсами. Дополнительные расходы на устройство и содержаніе школьной сѣти, по тщательному вычисленію автора проекта, выразятся въ суммѣ 110.491,313 руб. Осуществленіе проекта всеобщаго обученія должно начаться одновременно и повсемѣстно и закончиться для городовъ въ 10 лѣтъ, для селъ Европейской Россіи въ 15 лѣтъ, для Сибири и Кавказа въ 20 лѣтъ и для среднеазіатскихъ владѣній въ 25 лѣтъ. Черезъ каждые 5 лѣтъ долженъ производиться пересмотръ плана, для чего необходимо дѣлать однодневную школьную перепись.

Размѣры рецензіи не позволяютъ намъ остановиться на примѣрномъ порайонномъ разсчетѣ, выработанномъ г. Куломзинымъ, хотя разсчетъ этотъ, по тщательности разработки и изобилію цифровыхъ доказательствъ, несомнѣнно, интереснѣе теоретическихъ соображеній автора. Важнѣйшій недостатокъ проекта г. Куломзина тотъ, что въ основѣ его лежатъ исключительно фискальныя соображенія. Въ такомъ вопросѣ первостепенной важности, какъ начальное народное образованіе, нельзя исходить изъ соображенія о „свободной наличности государственнаго банка". Съ этой наличностью приходится, конечно, считаться, но отправнымъ пунктомъ она быть не должна. Всякій понимаетъ, что можно въ угоду общественному мнѣнію и настойчивымъ ожиданіямъ народа разбросать по странѣ десятки тысячъ грошовыхъ школъ, но еще вопросъ, значитъ ли это насадить въ ней просвѣщеніе. Второй дефектъ книги г. Куломзина въ томъ, что составлена она въ кабинетѣ государственнаго дѣятеля, занимающаго постъ, повидимому, слишкомъ высокій для того, чтобы ви-

дѣть народъ не на однѣхъ таблицахъ, въ образѣ массы статистическихъ палочекъ, а въ жизни, и знать школу не по отчетамъ подлежащихъ вѣдомствъ, а хотя бы по опыту школьнаго учителя.

Прив.-доц. Т. Локоть. Классицизмъ и реализмъ (основные вопросы реформируемой школы). Москва, 1903 г. Ц. 40 к. Эта небольшая книжка вышла еще въ прошломъ году, но разсматриваемые въ ней вопросы и въ настоящее время стоятъ у насъ на очереди, ожидая своего разрѣшенія. Указавъ на то, что „жизнь самымъ настойчивымъ образомъ требуетъ переустройства школы“ и что она „давно уже обнаружила отрицательныя черты прежней организаціи школы“, авторъ справедливо видитъ эти отрицательныя черты не только въ классицизмѣ въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. въ преобладаніи въ ней древнихъ языковъ въ ущербъ новымъ и естествознанію, но и въ преобладаніи схоластическаго метода преподаванія и формализма въ отношеніяхъ воспитателей и руководителей школы къ ея воспитанникамъ и къ тому обществу, къ той семьѣ, которая вручаетъ и довѣряетъ своихъ дѣтей школѣ. Авторъ не склоненъ, какъ это, къ сожалѣнію, часто бываетъ, и къ тому, чтобы закрывать глаза на зависимость организаціи школы, какъ и всякаго общественнаго учрежденія, отъ общаго характера общественной жизни въ данный историческій моментъ; тѣмъ не менѣе онъ думаетъ, что „организація этихъ учрежденій, несомнѣнно, можетъ—въ большей или меньшей степени—освобождаться отъ давленія господствующихъ общихъ условій времени, можетъ опережать ихъ, можетъ, слѣдовательно, являться въ свою очередь самостоятельнымъ активнымъ факторомъ. Съ этой точки зрѣнія съ нетерпѣніемъ ожидаемая русскимъ обществомъ реформа средней школы является особенно цѣнной, важной и желательной реформой, имѣющей несомнѣнную живую органическую связь съ реформами въ другихъ областяхъ русской общественной жизни. Далѣе авторъ высказываетъ увѣренность, что реформа средней школы будетъ идти въ направленіи сближенія съ природой, съ настоятельными запросами и нуждами современной общественной жизни, съ естественными духовными потребностями и свойствами молодого развивающагося организма учащихся. Мы не раздѣляемъ въ этомъ случаѣ оптимизма автора и полагаемъ, что школа, какъ и всякое другое общественное явленіе, можетъ лишь въ самыхъ узкихъ предѣлахъ уклониться объ общаго направленія государственной жизни. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ такое уклоненіе было бы лишь тогда возможно, если бы исключительною цѣлью школы было поставлено научное образованіе ея учениковъ внѣ всякихъ государственно-воспитательныхъ требованій. Но при существующемъ порядкѣ вещей, очевидно, это-то условіе и является совершенно невозможнымъ. А какъ отражаются тѣ или иныя направленія государственной политики на ходѣ учебнаго дѣла, можно видѣть изъ второй главы этой же книжки, большая часть которой занята изложеніемъ различныхъ попеременно смѣнявшихся у насъ взглядовъ на значеніе въ школѣ естествознанія, въ связи съ господствовавшими въ разное время общегосударственными принципами. Но и не раздѣляя всѣхъ надеждъ автора на практическое выполненіе школьной реформы въ указанномъ имъ направленіи, мы полагаемъ, что выясненіе желательныхъ основаній этой реформы имѣетъ большую важность хотя бы въ смыслѣ болѣе сознательнаго отношенія къ ней самого общества. И въ этомъ отношеніи книжка г. Локотя можетъ принести значительную долю пользы, тѣмъ болѣе, что по ея краткости и ясности изложенія она, вѣроятно, можетъ имѣть обширный кругъ читателей. Авторъ обращаетъ особое вниманіе на то, что

въ системѣ школьнаго преподаванія важно не столько ея содержаніе, сколько самый характеръ преподаванія; съ этой точки зрѣнія классицизмъ можетъ быть глубоко реальнымъ, а реализмъ глубоко схоластичнымъ. Въ этой схоластичности, развивающей систематически безотчетную поверхностность и ложную самоувѣренность мысли, авторъ видитъ едва ли не главный вредъ теперешней классической школы. Школа должна пойти по пути реализма, „но въ то же время и общество и руководители реформы должны избѣгать опасности пойти по пути шаблоннаго демократизма, упрощенія школы, сведенія ея на уровень грубо практической, технической, ремесленной школы, дающей и образованіе только ремесленное". Языкознаніе, естествознаніе и математика должны составлять основу средней общеобразовательной школы, и преподаваніе всѣхъ ихъ должно имѣть вполнѣ научный характеръ. Поэтому естествознаніе можетъ имѣть истинное образовательное значеніе только при условіи систематическаго, притомъ серьезно обставленнаго преподаванія его и въ старшихъ классахъ средней школы. Что касается до преподаванія въ средней школѣ исторіи и въ связи съ ней политической географіи и исторіи литературы, то авторъ, ссылаясь на мнѣніе, высказанное Д. И. Писаревымъ, отрицаетъ всякое ихъ значеніе, какъ общеобразовательныхъ предметовъ, видя въ теперешнемъ ихъ преподаваніи ту же „схоластику", противъ которой онъ особенно возстаетъ. Намъ кажется, что нельзя согласиться съ такимъ взглядомъ. Возраженіе, что научное пониманіе исторіи не доступно ученикамъ средней школы не имѣетъ рѣшающаго значенія въ данномъ вопросѣ. Всякая наука даетъ учащемуся лишь то, что можетъ воспринять по степени своего развитія. Высшая математика и высшія проблемы естествознанія тоже недоступны ученикамъ средней школы, а вѣдь онѣ-то и составляютъ сущность этихъ наукъ, для которыхъ тѣ математическія и естественно-научныя свѣдѣнія, которыя могутъ быть преподаваемы въ гимназіяхъ, составляютъ лишь предварительную подготовку; приблизительно то же можно сказать и о языкознаніи. Но всего важнѣе то, что исключеніемъ исторіи изъ общеобразовательнаго курса нарушается требованіе самого же автора, чтобы школа отвѣчала естественнымъ духовнымъ потребностямъ учащихся. Въ числѣ этихъ духовныхъ потребностей одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ, конечно, желаніе знать о человѣкѣ, человѣческомъ обществѣ и его дѣятельности.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Т. I.

Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Т. I. Сборникъ статей: К. К. Арсеньева, В. М. Гессена, І. В. Гессена, М. И. Ипполитова, А. А. Левитьева, П. Н. Милюкова, В. А. Розенберга, И. М. Страховскаго, Н. В. Чехова и Г. И. Шрейдера. Изд. Н. Н. Львова и А. А. Столовича при участіи газеты „Право". Спб., 1904 г. Ц. 2 р. 50 к. Работы мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, общественное значеніе которыхъ не можетъ, конечно, измѣряться практическими результатами, долго еще не перестанутъ вызывать самый оживленный обмѣнъ мнѣній въ широкой публикѣ и прессѣ. Въ [illegible]чь, собственно, и заключается главный смыслъ и конечная цѣль

отвѣтственной работы комитетовъ, выполнившихъ ее въ общемъ гораз
успѣшнѣе, чѣмъ можно было ожидать, принявъ во вниманіе искусствен
и, нужно отдать справедливость, искусно подобранный составъ „призва
ныхъ“ членовъ. Лежащій передъ нами сборникъ „Нужды деревни“, и
данный Н. Н. Львовымъ и А. А. Стаховичемъ при участіи газеты *Право*,
нужно признать не только самымъ лучшимъ, подробнымъ и безпристрас
нымъ обзоромъ трудовъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, но и во
обще самой интересной книгой изъ числа вышедшихъ за лѣтніе мѣсяцы.

Сборникъ открывается введеніемъ П. Н. Милюкова, посвященны
генезису губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ о сельско-хозяйственны
нуждахъ и характеру ихъ дѣятельности. Тщательно обозрѣвъ дѣятель
ность самыхъ разнообразныхъ группъ въ различные періоды совѣщатель
ныхъ работъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что „на мѣстахъ „ру
скіе общественные дѣятели высказались съ неменьшимъ единодушіем
чѣмъ они могли бы высказаться въ центрѣ, если бы получили къ это
возможность“. „Въ лицѣ ихъ русское общественное мнѣніе умывает
руки въ судьбѣ реформъ, несогласныхъ съ его собственными настоятел
ными совѣтами. Въ качествѣ „мнѣнія“, оно, конечно, большаго сдѣла
не можетъ. Но это мнѣніе, такъ какъ оно высказано комитетами, у
теперь есть также и сила. Оно можетъ спокойно и увѣренно ждать, по
жизнь сдѣлаетъ за него то, чего оно само сдѣлать не можетъ: устр
нить тлетворное дѣйствіе силъ, ему противоположныхъ. Тогда очере
будетъ за живыми силами земской Россіи“.

Статья В. М. Гессена „Основы правопорядка“ указываетъ на „то
Leitmotiv, который, во всевозможныхъ варіаціяхъ, проходитъ красн
нитью чрезъ труды значительнаго числа уѣздныхъ комитетовъ“. Таки
„общимъ мѣстомъ“ комитетскихъ трудовъ является „требованіе *зак
ности въ управленіи*“, какъ *первую* условія общественнаго поряд
Непосредственно за этимъ слѣдуетъ требованіе для населенія гражда
скихъ и публичныхъ правъ. Оба эти требованія знаменуютъ собою „
акцію противъ начала административной опеки, опредѣляющаго соде
жаніе и характеръ нашего законодательства послѣднихъ десятилѣтій
Систематизируя „пожеланія“ уѣздныхъ комитетовъ, авторъ статьи в
ражаетъ на упрекъ въ „*безсодержательности* общей формулировки и
пожеланій“, исходившій, какъ извѣстно, отъ комитетовъ губернскихъ,
объясняется личнымъ составомъ послѣднихъ и предсѣдательствованіе
губернаторовъ. „За общею формулировкой этихъ пожеланій,— говор
онъ,—скрывается весьма содержательная и вполнѣ опредѣленная по
тическая программа, осуществленіе которой необходимо повлекло бы
собою коренное и всестороннее преобразованіе всего нашего обществ
наго строя“.

„Крестьянскій вопросъ“, въ широкой постановкѣ его сельско-хоз
ственными комитетами, обслѣдованъ И. М. Страховскимъ въ статьѣ т
же названія. Вопросъ этотъ сводится къ пожеланію „поднятія личнос
крестьянина“. Въ частности, подъ этимъ угломъ зрѣнія, комитетами р
смотрѣны самые разнообразные интитуты крестьянскаго права. По
просу о землепользованіи, большинство комитетовъ, несмотря на „нес
таніе, которое вызывалось столкновеніемъ исповѣдуемой ими индив
альной свободы съ такимъ стариннымъ бытовымъ крестьянскимъ у
новленіемъ, какъ общинное землевладѣніе“, высказались въ пользу
щины. За исключеніемъ ничтожнаго меньшинства комитетовъ, катего
чески требующихъ преобразованія общиннаго владѣнія въ подворное,
остальные комитеты заняли по отношенію къ этимъ двумъ ф

крестьянскаго землевладѣнія то положеніе, которое является преобладающимъ въ настоящее время: никакого насилія въ ту или другую сторону". Далѣе идетъ требованіе раскрѣпощенія крестьянъ отъ „крѣпостного права существующей податной системы", при которой, по подсчету комитетовъ, податное бремя поглощаетъ до 100% крестьянскаго дохода. Въ отношеніи управленія комитеты указываютъ на неудобство вѣчевой организаціи сельскихъ сходовъ, на обремененіе крестьянскихъ учрежденій полицейскими и фискальными обязанностями, на стѣснительность паспортной системы и на главное зло крестьянскаго быта—административную опеку въ лицѣ земскихъ начальниковъ. Въ неразрывной связи стоятъ вопросы о несуществующемъ въ дѣйствительности крестьянскомъ „обычномъ правѣ", давно замѣнившемся отчасти административнымъ усмотрѣніемъ, отчасти произволомъ безграмотныхъ волостныхъ судей и реорганизаціи низшихъ судовъ. „Чего же въ общемъ хотятъ комитеты?—спрашиваетъ авторъ статьи.—Не равноправности ли крестьянъ съ другими сословіями? Именно, равноправности".

Въ частности, вопросу о земскихъ начальникахъ посвящена слѣдующая по порядку статья В. А. Розенберга, суммирующая общественное, рѣдкое по единодушію, мнѣніе комитетовъ о власти, которой, по выраженію одного изъ комитетовъ Рязанской губерніи, „очень легко нарушить любое право, но защитить отъ правонарушенія почти невозможно".

Въ статьѣ „Юридическая помощь населенію" І. В. Гессенъ сопоставляетъ извѣстную презумпцію ignorantia juris nocet, существующую и въ нашемъ законодательствѣ, съ наличнымъ отсутствіемъ правосознанія (не говоря уже о знакомствѣ съ писаннымъ правомъ) у народа, для котораго „законъ, что дышло: куда повернешь, туда и вышло". Юридическая помощь населенію сводится къ двойственной задачѣ „поднятія и укрѣпленія правосознанія, воспитанія стремленія къ борьбѣ за право, съ одной стороны,—и оказанія помощи въ отдѣльныхъ случаяхъ правонарушеній, съ другой". Разрѣшить эту задачу должна народная юридическая литература—въ первомъ смыслѣ, и организованная земская адвокатура въ лицѣ консультацій изъ молодыхъ силъ,—въ послѣднемъ смыслѣ. Приблизительно тотъ же планъ предлагаетъ большинство комитетовъ.

Та же юридическая безпомощность народа упоминается комитетами въ рядѣ другихъ причинъ „спеціальныхъ правонарушеній въ условіяхъ сельскаго быта". Своеобразное отношеніе комитетовъ къ „спеціальнымъ правонарушеніямъ" послужило матеріаломъ для статьи М. И. Ипполитова. Аграрные вопросы вызвали къ жизни „аграрные инстинкты", что, конечно, объясняется составомъ комитетовъ. Мѣры, рекомендуемыя такими „аграрными комитетами", какъ ихъ называетъ авторъ статьи, сводятся къ усиленію репрессій за порубки и потравы, введенію коллективной отвѣтственности, приданію этимъ проступкамъ „характера позорности", „упрощенію порядка взысканія путемъ допущенія продажи всего крестьянскаго имущества" и т. п. способамъ „бить и рублемъ, и дубьемъ". Впрочемъ, и здѣсь лучшіе комитеты оказались на высотѣ своего призванія. „Въ мнѣніяхъ комитетовъ,—заключаетъ статью авторъ,—и въ этомъ вопросѣ проявились живыя теченія, отразилась борьба интересовъ, были заявлены нѣкоторыя жизненныя требованія, даны практическія указанія,—всего этого не могутъ замѣнить никакіе детальные доклады и объяснительныя записки бюрократическихъ канцелярій".

Недостаткамъ межевого дѣла, этому старому и вѣчно юному вопросу, посвящена статья А. А. Леонтьева „Межевыя нужды деревни". Не ограничиваясь обзоромъ комитетскихъ мнѣній, авторъ даетъ прекрасный

историко-критическій очеркъ межевого дѣла въ Россіи и въ общихъ чертахъ рисуетъ планъ его упорядоченія. Отвѣты комитетовъ на такой спеціальный вопросъ естественно не могли бы дать слишкомъ обильнаго матеріала для созидательной работы.

Мнѣнія комитетовъ по земскому вопросу въ общемъ сводятся къ протесту противъ „ежедневной, ежегодной и, очевидно, ни на что не нужной обидной опеки со стороны администраціи". Что касается до созидательной работы комитетовъ, то авторъ большой статьи „Земскій вопросъ", Г. И. Шрейдеръ, говоритъ, что „каковы бы ни были недоразумѣнія и ошибки комитетовъ, мы рѣшаемся утверждать, что именно онѣ, эти ошибки и недоразумѣнія, представляютъ наиболѣе поучительное изъ того, что комитеты дали по вопросу о земскомъ самоуправленіи. Въ нихъ, въ этихъ ошибкахъ и недоразумѣніяхъ, превосходное и наглядное доказательство, что надлежащее правильное отношеніе къ любой сторонѣ этого вопроса,—идетъ ли рѣчь объ организаціи представительства, о компетенціи, о надзорѣ или финансовой власти земства,—все равно немыслимо, разъ не усвоено, повидимому, элементарное превосходно формулированное Чичеринымъ правило („какія бы выгоды ни представляло самоуправленіе съ точки зрѣнія осуществленія разныхъ цѣлей, онѣ оставляются въ сторонѣ, если того требуютъ политическія цѣли даннаго государства")".

Къ сожалѣнію, размѣры отзыва не позволяютъ намъ остановиться на весьма обстоятельной статьѣ Н. В. Чехова „Народное образованіе". Раздѣливъ свой обзоръ на двѣ части, авторъ въ первой группируетъ мнѣнія „земской Россіи" по отдѣльнымъ вопросамъ народнаго просвѣщенія (всеобщее обученіе, организація школьнаго дѣла, вопросы положенія учащихъ, внѣшкольное образованіе), а во второй части разсматриваетъ отвѣты комитетовъ неземскихъ губерній по районамъ (западныя окраины, западный край, восточная Россія, Кавказскій край). Нечего и говорить, что для первой части труда матеріалъ оказался несравненно обильнѣе и цѣннѣе.

Намъ остается упомянуть еще о заканчивающей сборникъ статьѣ К. К. Арсеньева „Сельско-хозяйственные комитеты въ неземскихъ губерніяхъ". И здѣсь, несмотря на особыя неблагопріятныя условія работы, комитеты затрагиваютъ тѣ же вопросы о необходимости уравненія крестьянъ съ другими сословіями, о коренной реформѣ волостного суда, о введеніи всеобщаго обученія и т. д. Въ частности здѣсь большинствомъ комитетовъ поднятъ вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій, а комитетами западныхъ губерній—объ отмѣнѣ ограничительныхъ постановленій, касающихся поляковъ и евреевъ.

„Стремленія, которыя можно объединить именемъ освободительныхъ, существуютъ, несомнѣнно, во всѣхъ концахъ имперіи. Вездѣ чувствуется потребность въ расширеніи рамокъ личной и коллективной дѣятельности, въ устраненіи стѣсняющихъ ее препятствій".

Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать выхода въ свѣтъ второго тома сборника „Нужды деревни", который долженъ быть законченъ осенью.

ИСТОРІЯ.

В. С. Пругавинъ. 1) Религіозные отщепенцы. 2) Старообрядчество во второй половинѣ XIX в.

А. С. Пругавинъ. Религіозные отщепенцы (очерки современнаго сектантства). Спб., 1904 г., 2 вып. Ц. 2 руб. А. С. Пругавинъ. Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка (очерки изъ новѣйшей исторіи раскола). М., 1904 г. Ц. 1 руб. Хотя обѣ эти книги и не представляютъ собою сколько-нибудь цѣльной исторіи религіозной жизни русскаго народа въ ея проявленіяхъ, отклоняющихся отъ господствующей церкви, и хотя составляющіе ихъ очерки и не новы, такъ какъ они въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія были помѣщаемы въ разныхъ журналахъ, тѣмъ не менѣе, сведенные вмѣстѣ, они даютъ въ высшей степени любопытную и поучительную картину одной изъ наиболѣе интересныхъ сторонъ русской народной жизни. Интересъ этой картины, помимо внутренняго ея содержанія, усиливается еще тѣмъ, что въ нашей литературѣ почти не имѣется такихъ религіозно-историческихъ изслѣдованій, что объясняется, конечно, прежде всего тѣмъ, что самостоятельное возникновеніе и развитіе религіозныхъ теченій въ народной средѣ было темой до послѣдняго времени почти что недоступной для изслѣдователя-историка; свѣдѣнія о разныхъ ученіяхъ и сектахъ получались большею частью черезъ священниковъ-миссіонеровъ и обличителей и чаще всего въ обстановкѣ слѣдственнаго производства, при какихъ условіяхъ трудно было ожидать откровенныхъ объясненій, съ одной стороны, и вполнѣ объективнаго отношенія—съ другой. Поэтому въ литературѣ имѣются опредѣленныя свѣдѣнія лишь о сравнительно немногихъ изъ народно-религіозныхъ ученій. Въ силу, конечно, тѣхъ же причинъ и въ изслѣдованіи А. С. Пругавина мы встрѣчаемъ очень много пробѣловъ, а съ нѣкоторыми ученіями знакомимся лишь по отрывкамъ, взятымъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, хранящихся въ мѣстныхъ архивахъ. Подъ названіемъ религіозныхъ отщепенцевъ авторъ, въ отличіе отъ старообрядцевъ, разумѣетъ ученія и секты преимущественно раціоналистическаго и мистическаго характера; но и изъ нихъ онъ касается большею частью появившихся въ послѣднее время, да и то не всѣхъ даже важнѣйшихъ; такъ, онъ ничего не говоритъ о молоканахъ, духоборахъ, христовщинѣ, малороссійской штундѣ, такъ что книга „Религіозные отщепенцы“ является не столько исторіей русскаго сектантства, сколько лѣтописью отдѣльныхъ попытокъ отысканія „праваго пути“, предпринимавшихся то отдѣльными лицами, то товариществами людей близкихъ между собою по духу. Изъ изображенныхъ авторомъ „ересіарховъ“ особенно выдается нравственно-чистая и поэтически-свѣтлая личность В. К. Сютаева, котораго авторъ зналъ лично и разсказу о посѣщеніи котораго авторомъ въ 1880 году посвященъ одинъ изъ самыхъ обширныхъ очерковъ.

Извѣстно, что знакомство съ Сютаевымъ не осталось безъ вліянія и на послѣдній періодъ дѣятельности гр. Л. Н. Толстого, и уже одно это обстоятельство даетъ право на вниманіе новоторжскому крестьянину, еле ютному, сохранившему весь крестьянскій строй рѣчи, мысли и жизни и въ то же время своимъ умомъ додумавшемуся до постановки, а отча- и своеобразнаго практическаго рѣшенія важнѣйшихъ религіозно-нравственныхъ и соціальныхъ вопросовъ. Основная сущность ученія Сю-ва состояла въ томъ, что „надо доискиваться какъ бы грѣшники не ли, какъ бы воры не воровали“. Вся религія у него сведена къ

ея нравственной сторонѣ, при полномъ отрицаніи всякой не только обрядности, но и догмы. „Мы будемъ царствовать на землѣ,—говорилъ Сютаевъ,—и царство наше будетъ состоять въ томъ, что „не будетъ грабежу, не будетъ убивства, дѣлежа не будетъ, ссоры, драки не будетъ, найму не будетъ, торговли не будетъ, денегъ не будетъ, любовь будетъ, смиреніе",—въ особенности же не будетъ войны. Чтобы достичь этого царства, надо всѣмъ „искать правильной вѣры" и примѣнять свои убѣжденія къ жизни, не боясь суда и наказанія. Самъ Сютаевъ нѣсколько разъ пытался устроить общую жизнь „безъ дѣлежа". Сынъ его отказался отъ военной службы. Отличительной чертой Сютаевской проповѣди является полное отсутствіе догматизма и въ самомъ ученіи: обо всемъ надо разсудить. Характерны послѣднія прощальныя слова, сказанныя имъ А. С. Пругавину: „надо дознаться, придетъ ли Спаситель!"

Мы не хотимъ однако портить въ передачѣ свѣжесть безыскусственныхъ разговоровъ Сютаева, какъ они переданы въ разсматриваемой нами книгѣ, и потому можемъ только обратить на нихъ вниманіе читателя. Отсутствіемъ догматизма въ ученіи Сютаева объясняется, вѣроятно, и то, что изъ него не выработалось никакой секты, или религіозной организаціи. Совершенно другой типъ, но тоже незаурядный, представляетъ собою основатель ученія симбирскихъ бѣлоризцевъ Писцовъ; это прежде всего представитель практическаго здраваго смысла. Уклоняясь отъ церкви и возставая противъ видимыхъ имъ церковныхъ злоупотребленій, а также и усиливающейся, по его мнѣнію, нравственной распущенности, онъ въ то же время очень консервативно относится къ существующему экономическому и общественному строю и въ личной жизни довольно удачно соединяетъ служеніе Богу и мамону. Другія секты напротивъ не имѣютъ въ себѣ почти ничего религіознаго, а построены почти исключительно на фактахъ и условіяхъ экономическаго характера, даже находящихся въ связи со столь недавними явленіями, какъ освобожденіе крестьянъ и выдача уставныхъ грамотъ: таковы такъ называемыя немоляки или немоляи и медальщики. Что касается до книги о старообрядчествѣ, то въ ней собраны статьи: „два милліона или двадцать милліоновъ", изображающія полную неудовлетворительность статистическихъ свѣдѣній о старообрядцахъ, „запросы и проявленія культурной жизни въ расколѣ" и нѣкоторыя другія, но съ особенно живымъ интересомъ прочтется, вѣроятно, разсказъ о судьбѣ старообрядческихъ архіереевъ Алимпія, Аркадія, Геннадія и Конона, заточенныхъ въ Суздальской монастырской тюрьмѣ, изъ которыхъ первый тамъ и умеръ, а послѣдніе трое были освобождены только въ 1881 году, пробывши въ заключеніи: Геннадій 18 лѣтъ, Кононъ 22 года и Аркадій 27 лѣтъ.

Извѣстно, что Суздальская тюрьма, при Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ для заключенныхъ такого рода существуетъ и теперь, хотя другая подобная при Соловецкомъ монастырѣ недавно уничтожена. Замѣчательно, что въ періодъ реформъ отношеніе правительства къ религіознымъ отщепенцамъ мало отличалось отъ отношенія къ нимъ въ предыдущій періодъ. А между тѣмъ въ обществѣ тогда уже слышались голоса, вродѣ голоса Н. И. Костомарова (цитировано въ книгѣ А. С. Пругавина) о томъ, что несправедливо осыпать расколъ обвиненіями и глумиться надъ нимъ, такъ какъ какіе бы признаки заблужденія ни представлялись въ немъ, „все-таки онъ соединялся съ побужденіями вырваться изъ мрака умственной неподвижности, со стремленіемъ русскаго народа къ самообразованію".

ГЕОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Д. Зеленинъ. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описаніе Прикамскаго края.

Д. Зеленинъ. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описаніе Прикамскаго края. Съ 7-ю иллюстр. Юрьевъ, 1904 г. Ц. 60 к. Справедливо полагая, что путешествіе лучшее средство для изученія жизни, а жизнь—главная и лучшая школа, авторъ этой книги настойчиво рекомендуетъ жителю центровъ путешествіе по наименѣе культурнымъ, наиболѣе захолустнымъ мѣстамъ, къ числу которыхъ несомнѣнно относятся бассейны двухъ названныхъ въ заголовкѣ рѣкъ. Трудно что-либо возразить противъ мысли о пользѣ путешествія, не только въ захолустныя, но и во всякія другія мѣста, не необходимо протестовать противъ слѣдующаго страннаго, если не сказать болѣе, положенія г. Зеленина: человѣкъ уставшій, изнемогшій... отъ одного созерцанія борьбы за существованіе въ какомъ-нибудь центрѣ—*„съ громаднымъ облегченіемъ и съ тихою радостію будетъ созерцать спокойное, патріархальное „прозябаніе“ захолустнаго городка или деревни“*. Таковая исходная точка автора „Путеводителя“, очевидно, должна была до извѣстной степени вліять и на выборъ матеріала для наблюденій надъ захолустной жизнью описываемаго имъ интереснаго края. Въ книгѣ дѣйствительно читатель не найдетъ почти экскурсій въ область соціальной или „внутренней“ политики, но зато познакомится со множествомъ разныхъ курьезовъ и даже анекдотовъ изъ бытовой жизни различныхъ народностей, населяющихъ города и села по Камѣ, Вяткѣ и ихъ притокамъ, узнаетъ филологическое происхожденіе названій тѣхъ же городовъ и селъ и даже будетъ посвященъ смѣло въ нѣкоторые весьма интимные обычаи, наприм., татарокъ и матримоніальные порядки инородческаго населенія. И тѣмъ не менѣе, читая всѣ эти мѣстныя легенды, повѣрья, описаніе суевѣрныхъ обычаевъ и проч., свидѣтельствующія о полудикомъ и крайне невѣжественномъ состояніи мѣстныхъ жителей, вы помимо желанія автора и даже вопреки ему невольно содрогнетесь при мысли, какъ много нужно просвѣтительной работы, чтобы хотя сколько-нибудь поднять умственное развитіе этихъ гражданъ русской земли, но уже отнюдь не почувствуете никакого „облегченія“, а тѣмъ болѣе „радости“ при видѣ этого „патріархальнаго прозябанія“, передъ которымъ умиляется (въ предисловіи) почтенный авторъ. Послѣдній почему-то забываетъ, что и во всѣхъ упоминаемыхъ имъ Малмыжахъ, Вяткахъ, Сарапулахъ и ихъ уѣздахъ точно также во всей прелести процвѣтаетъ „борьба за существованіе“, принимая только, можетъ быть, еще болѣе рѣшительныя и жестокія формы, чѣмъ въ „центрахъ“. Вольно же автору закрывать на нихъ глаза и увлекаться только описаніемъ бытовыхъ костюмовъ, свадебныхъ обычаевъ, религіозно-суевѣрныхъ обрядовъ и тому подобныхъ внѣшнихъ проявленій „жизни“. Все это, вмѣстѣ съ картинками мѣстной природы, конечно, само по себѣ имѣетъ большой интересъ, но должно быть освѣщено съ болѣе широкой точки зрѣнія, которая не позволитъ забыть о самой сущности человѣческаго существованія.

Справедливость требуетъ сказать, что г. Зеленинъ въ поставленныхъ себѣ предѣлахъ отнесся къ дѣлу съ большимъ вниманіемъ и даетъ въ общемъ довольно интересныя описанія, пользуясь при этомъ, кромѣ личныхъ наблюденій, довольно обильной литературой, перечисляемой въ

концѣ книги въ особой главѣ. Желая быть практически полезнымъ для своего читателя и путешественника, онъ всюду перечисляетъ станціи и пароходныя пристани, обозначаетъ разстоянія, стоимость проѣзда, названія пароходныхъ компаній; подробно описываетъ мѣстные курорты, кумысо-лѣчебницы, грязевыя лѣчебницы и цѣлебные ключи. Не забыты имъ и всѣ знаменитые русскіе дѣятели, уроженцы края, о которыхъ приведены мѣстами краткія біографическія данныя и характеристики. Въ концѣ книги напечатаны и списки именъ этихъ дѣятелей, а равно и названія лѣчебныхъ заведеній, съ указаніемъ страницъ книги, гдѣ о нихъ говорится. Книга напечатана на хорошей бумагѣ, прекраснымъ шрифтомъ, но съ довольно произвольной орѳографіей: грѣха въ томъ нѣтъ, что авторъ не употребляетъ буквы ѣ, но онъ неизвѣстно почему пишетъ, наприм., *посвоему, какбы, столькоже, ниодинъ, тамже,* не не отдѣляя частицъ *по, бы, же, ни,* чѣмъ затрудняетъ чтеніе. Кромѣ того, на каждой почти страницѣ встрѣчаются грубѣйшія корректурныя ошибки, чему нельзя не удивляться, принимая во вниманіе попытку ввести въ книгу непривычное для глазъ правописаніе безъ буквы ѣ. Несовершенна и редакціонная часть: цитируя описаніе г. Перми изъ книги Вас. И. Немировича-Данченко, авторъ не поправилъ его ошибочнаго утвержденія, что этотъ городъ стоитъ на *правомъ* берегу Камы (стр. 87); на 89 стр., въ другой цитатѣ изъ соч. проф. Шмурло уже находимъ, что Пермь находится на *лѣвомъ* берегу названной рѣки; на стр. 137 встрѣчаемъ „ученыя“ пособія, вмѣсто учебныя и т. д. Занимаютъ не мало мѣста описанія мѣстечекъ и пристаней ничѣмъ не замѣчательныхъ. Книга всетаки прочтется не безъ интереса.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

А. Дамашке. Задачи городского хозяйства.—*В. Тотоміанцъ.* Задачи городского самоуправленія.—*Проф. П. И. Мигулинъ.* Выкупные платежи.—*А. Ф. Никитинъ.* Очерки санитарно-экономическаго положенія грузчиковъ на Волгѣ.

А. Дамашке. Задачи городского хозяйства. Перев. съ нѣмецкаго В. Я. Канель съ предисловіемъ проф. И. Х. Озерова. М., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.—В. Тотоміанцъ. Задачи городского самоуправленія. Спб., 1904 г. Ц. 20 к. И большая книга Дамашке, и маленькая брошюрка г. Тотоміанца трактуютъ объ одномъ и томъ же предметѣ, какъ разумѣется, въ различномъ объемѣ и отчасти съ разныхъ точекъ зрѣнія. Первая, выдержавшая въ Германіи пять изданій, представляетъ собою почти исчерпывающее предметъ руководство, если ограничить городское хозяйство только его общественно-экономической стороной, исключивъ изъ обсужденія его техническую сторону, т.-е. вопросы о наилучшихъ способахъ выполненія различныхъ городскихъ мѣропріятій, какова, наприм., устройство больницъ, канализація и т. п. Этой стороны дѣла авторъ вовсе не касается, о чемъ и заявляетъ въ предисловіи. Точно также въ рамки этого сочиненія не входитъ подробное изложеніе сущности самоуправленія и различныхъ формъ общиннаго избирательнаго права, хотя авторъ и находитъ нужнымъ вкратцѣ упомянуть о нѣкоторыхъ сторонахъ этого вопроса. По его мнѣнію „государственные законы должны вообще предоставить полную свободу хозяйственной жизни страны, устранить всѣ вредныя препятствія съ ея пути и установить опредѣленныя нормы существованія“. Но гдѣ дѣло касается частныхъ хозяйственныхъ интересовъ, обусловленныхъ индивидуальными особенностями отдѣльныхъ

общинъ, тамъ общія государственныя формулы неумѣстны. „Изъ этихъ соображеній непосредственно вытекаютъ два вывода. Государственная власть можетъ сохранить за собой право контроля за дѣятельностью общинъ, но должна ограничить пользованіе своимъ правомъ самыми необходимыми предѣлами. Она не должна руководствоваться мелочными соображеніями даже въ томъ случаѣ, если та или другая сторона жизни приняла не тѣ формы, которыя были желательны государственнымъ дѣятелямъ, находящимся въ данное время у кормила правленія. Община не можетъ выполнить своихъ великихъ соціальныхъ задачъ безъ послѣдовательно проведенной идеи самостоятельности. Второе требованіе касается самихъ органовъ общественнаго управленія. Если дѣйствительно опредѣляющимъ моментомъ для ихъ дѣятельности должны быть интересы всего общества, то преобладающее вліяніе не должно быть заранѣе обезпечено ограниченной части этого общества. Интересы всей общины только тогда и могутъ найти себѣ прочную защиту, если каждый членъ общины имѣетъ право и обязанность принимать участіе и словомъ и дѣломъ въ служеніи этимъ интересамъ".

Основной задачей разсматриваемой книги было, по объясненію автора, краткое изложеніе вопросовъ народнаго хозяйства въ политикѣ германскихъ общинъ,—вопросовъ, допускающихъ еще въ настоящее время различныя мнѣнія. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается на описаніи практическихъ опытовъ, предпринятыхъ въ сферѣ муниципальнаго хозяйства и ни разу во всей книгѣ не высказываетъ такихъ требованій, которыя не были бы приведены гдѣ-нибудь въ Германіи. Вся книга разсчитана на читателей изъ среды должностныхъ лицъ нѣмецкихъ муниципалитетовъ, представителей городовъ, предсѣдателей и членовъ коммунальныхъ ферейновъ, наконецъ всѣхъ городскихъ избирателей. Но она,—въ особенности въ виду практической постановки изложенныхъ въ ней вопросовъ,—можетъ, конечно, принести значительную пользу даже и въ русскихъ условіяхъ общественной жизни для представителей и участниковъ нашего городского самоуправленія, хотя бы въ смыслѣ указанія на существующіе у насъ въ этомъ дѣлѣ пробѣлы и недостатки. Въ краткой рецензіи мы не можемъ, конечно, изложить хотя бы и въ извлеченіи содержанія этой книги, но, чтобы дать о немъ нѣкоторое понятіе, мы перечислимъ ея главнѣйшіе отдѣлы: 1) вопросы народнаго образованія: общественныя общеобразовательныя и частныя школы, программы и школьная гигіена и внѣшкольныя общеобразовательныя учрежденія; 2) рабочій вопросъ и мѣры къ его упорядоченію, рабочіе комитеты, промышленные суды и камеры соглашенія, бюро для пріисканія работы и консультаціонныя бюро; 3) нужды среднихъ классовъ; 4) незаслуженный приростъ цѣнности, сущность его и значеніе въ народномъ хозяйствѣ; полученіе его общиной, налогъ на общую цѣнность и на приростъ цѣнности; 5) земельная собственность общинъ; 6) жилищный вопросъ; 7) общинные налоги и общинныя предпріятія: освѣщеніе, водоснабженіе, аптеки и т. п. Очень многое изъ сказаннаго въ этихъ главахъ можетъ имѣть значеніе практическаго указанія и примѣра и для русскаго городского правленія, хотя конечно не все, въ виду различія русскихъ городовъ отъ германскихъ въ отношеніи какъ большихъ общественныхъ правъ, такъ и большей культурности послѣднихъ. Наиболѣе практическое значеніе у насъ въ настоящее время можетъ имѣть вопросъ о муниципализаціи различныхъ общественно-полезныхъ промышленныхъ предпріятій. На эту сторону дѣла обращаетъ преимущественное вниманіе и г. В. Томіанчъ, издавшій ранѣе книгу именно подъ такимъ заглавіемъ. Въ

настоящей брошюрѣ онъ говоритъ объ устройствѣ городскихъ путей сообщеній, объ уничтоженіи отбросовъ, о канализаціи и водоснабженіи, газовомъ и электрическомъ освѣщеніи, трамваяхъ, телефонахъ, объ устройствѣ дешевыхъ квартиръ, коротко иллюстрируя всѣ эти указанія примѣрами дѣятельности городскихъ общественныхъ учрежденій въ Англіи, Франціи, Германіи и Швейцаріи. Упоминается и о попыткахъ заграничныхъ муниципалитетовъ къ улучшенію положенія рабочихъ. Въ заключеніе авторъ ставитъ вопросъ, гдѣ причина отсталости во всѣхъ этихъ вопросахъ русскихъ городовъ, и отвѣчаетъ на него такъ. „Она заключается главнымъ образомъ въ коренномъ юридическомъ различіи между заграничнымъ и нашимъ городскимъ управленіемъ. Тамъ избирательными правами пользуются почти всѣ... граждане и такимъ образомъ направляютъ городское хозяйство въ интересахъ большинства, т.-е. прогресса. У насъ же городское управленіе въ рукахъ домовладѣльцевъ и промышленниковъ, а огромная масса горожанъ-квартиронанимателей лишена избирательнаго права", и только первый шагъ къ допущенію ихъ къ выборамъ сдѣланъ въ Петербургѣ. А между тѣмъ справедливое распредѣленіе доли участія каждаго обывателя въ распоряженіи экономическими интересами общества, можетъ быть, нигдѣ не имѣетъ такого значенія, какъ въ городскомъ управленіи. Труднѣе всего, говоритъ Дамашке, служить дѣлу справедливости въ средѣ общины, гдѣ рѣчь идетъ о непосредственныхъ экономическихъ выгодахъ каждаго въ отдѣльности и гдѣ сталкиваются между собою личные эгоистическіе интересы. Но эта трудность тѣмъ болѣе должна побуждать людей къ дѣятельной совмѣстной работѣ на благо населенія. Необходимо только „имѣть всегда передъ глазами конечную цѣль даже въ тѣ моменты, когда стремимся лишь къ тому, чего можно добиться уже при настоящихъ условіяхъ".

Проф. П. П. Мигулинъ. Выкупные платежи. Къ вопросу объ ихъ пониженіи. Харьковъ, 1904 г. Ц. 50 коп. Эта небольшая, но весьма содержательная брошюра, хотя и представляетъ собою перепечатку (впрочемъ, съ измѣненіями и дополненіями) того, что сказано было о выкупной операціи въ большомъ трудѣ автора о „Русскомъ государственномъ кредитѣ", тѣмъ не менѣе появилась въ настоящее время весьма кстати, какъ потому, что вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей былъ недавно поставленъ на очередь особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, такъ и потому, что въ своемъ теперешнемъ видѣ изслѣдованіе автора является гораздо болѣе доступнымъ для большой публики; а въ подобныхъ вещахъ популяризація иногда имѣетъ даже большее значеніе, чѣмъ самое изслѣдованіе, такъ какъ черезъ нее вопросъ разъясняется для общественнаго мнѣнія и на него устанавливаются въ обществѣ болѣе опредѣленные взгляды. Авторъ весьма ясно и обстоятельно излагаетъ возникновеніе и весь дальнѣйшій ходъ выкупной операціи. Пользуясь офиціальными, вполнѣ провѣренными цифрами, авторъ приходитъ къ несомнѣнному выводу, что операція эта, поскольку она касалась помѣщичьихъ крестьянъ, была съ самаго начала выгодна для казны. Начиная съ 1862 и до 1878 года почти ежегодно крестьянскіе платежи не только покрывали всѣ расходы, т.-е. оплату капиталовъ и процентовъ по принятымъ на себя казной обязательствамъ, а равно и операціонные расходы, но и значительно превышала ихъ. Всего за эти 17 лѣтъ въ приходѣ по выкупной операціи было 480.904,233 руб., въ расходѣ 339.581,961 р., слѣдовательно, получился чистый барышъ въ 81.322,272 р., не считая того, что за это время за крестьянами, несмотря на сложенія, накопились недоимки 16.911,261 р. Менѣе выгодна

была для казны операція выкупа надѣловъ удѣльныхъ крестьянъ, такъ какъ удѣльное вѣдомство получало 6% съ оцѣнки земли, а не $5^1/_2$%, какъ помѣщики, но все же и тутъ убытку не было. Что же касается до такъ называемаго выкупа у государственныхъ крестьянъ, то въ сущности это былъ не выкупъ, ибо покупать землю государственнымъ крестьянамъ было не у кого: она и безъ того имъ принадлежала; это было простое увеличеніе оброчной подати на 45%, съ переводомъ ее изъ безсрочной въ срочную—съ 44-лѣтнимъ срокомъ. Подробно слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ выкупной операціи, авторъ указываетъ, какъ она постепенно превращалась изъ кредитной въ чисто фискальную, благодаря тому, что связь между обязательствами государственнаго казначейства по выкупной операціи и выкупными платежами крестьянъ все болѣе и болѣе терялась. Дѣлая подробный финансовый подсчетъ и принимая въ соображеніе, съ одной стороны, произведенныя уже до сихъ поръ пониженія выкупныхъ платежей, а съ другой стороны—совершенную конверсію государственныхъ займовъ, выпущенныхъ для цѣлей выкупа, авторъ приходитъ къ заключенію, что правительство можетъ, не потерпѣвъ никакого убытка, сложить еще по меньшей мѣрѣ 87 милліоновъ выкупныхъ платежей. Извѣстно, что министерство финансовъ проектировало пониженіе выкупныхъ платежей всякаго рода крестьянъ на 20 милліоновъ, преимущественно въ центральныхъ губерніяхъ. Упоминая объ этомъ, авторъ ставитъ вопросъ, что нужно: сокращеніе ли налоговъ, или употребленіе государственныхъ расходовъ на дѣйствительныя нужды сельскаго населенія. Возражая сторонникамъ послѣдняго взгляда, авторъ указываетъ на то, что крестьяне и безъ всякаго формальнаго пониженія выкупныхъ платежей не въ состояніи вносить и не вносятъ полнаго оклада, такъ что пониженіе его только узаконитъ существующій порядокъ вещей. Пониженіе выкупныхъ платежей во всякомъ случаѣ явилось бы довольно крупнымъ облегченіемъ лежащаго на крестьянахъ податного бремени. Что же касается до активнаго содѣйствія правительства хозяйственнымъ нуждамъ крестьянъ, то оно, конечно, нужно, но ему не помѣшаетъ пониженіе выкупныхъ платежей, такъ какъ всѣ такого рода дѣлаемыя государствомъ производительные расходы неизбѣжно вызываютъ и соотвѣтственное возрастаніе государственныхъ доходовъ. Снабженіе крестьянина землею есть еще только половина дѣла, землю ему даютъ, иногда даже даромъ (при переселеніяхъ), но затѣмъ оставляютъ совершенно на произволъ судьбы, не даютъ ему стать на ноги и окрѣпнуть. Меліоративный кредитъ у насъ въ зачаточномъ состояніи, и тотъ урѣзанъ по случаю войны. Ничтожную сумму (2 милліона), ассигнованную на организацію мелкаго народнаго кредита, тоже отобрали на военныя нужды. Сельско-хозяйственныхъ школъ нѣтъ; объ организаціи сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ крестьянъ не подымалось серьезно и вопроса. Соглашаясь съ авторомъ въ томъ, что мы слишкомъ склонны къ рутинѣ и боимся нововведеній, вслѣдствіе чего едва ли возможно разсчитывать на осуществленіе всякихъ широко задуманныхъ задачъ, мы думаемъ, что авторъ не договорилъ до конца, что же является причиной этой рутины. Намъ думается, что основная причина ея лежитъ въ отсутствіи самодѣятельности народа и въ особенности крестьянскаго населенія, которое у насъ находилось и находится на положеніи неправоспособнаго, подлежащаго постоянной опекѣ. При такомъ отношеніи къ нему, конечно, ни сложеніе съ него нѣкоторой доли податной тяжести, ни даже употребленіе на нужды крестьянскаго хозяйства правительственныхъ средствъ не въ состояніи серьезно

улучшить положеніе крестьянства. Намъ нѣсколько страннымъ показалось высказанное авторомъ ожиданіе какихъ-то благъ отъ колонизаціи присоединенныхъ Монголіи (?) и Манчжуріи. О предполагаемомъ присоединеніи Монголіи мы до сихъ поръ не слыхивали; стремленіе же въ Манчжурію,—когда мы за сотни лѣтъ не сумѣли какъ слѣдуетъ колонизовать и Сибири,—выразилось, какъ указываетъ страницей раньше самъ авторъ, лишь въ сокращеніи и тѣхъ ничтожныхъ попытокъ улучшенія крестьянскаго хозяйства, какія въ послѣднее время дѣлались правительствомъ и по всей вѣроятности даже если намъ и удастся занять Манчжурію, расходъ на ея оккупацію еще долго будутъ отнимать у правительства тѣ рессурсы, которые могли бы имъ быть употреблены на содѣйствіе экономическому улучшенію коренного русскаго населенія.

А. Ф. Никитинъ. Очеркъ санитарно-экономическаго положенія грузчиковъ на Волгѣ. Изданіе управленія внутреннихъ водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ. Спб., 1904 г. Давно уже не приходилось намъ выносить такого безотраднаго впечатлѣнія, какъ изъ знакомства съ различными сторонами жизни грузчиковъ, условіями ихъ труда, насколько они выяснились изъ обстоятельнаго труда д-ра Никитина. Авторъ состоитъ санитарнымъ врачомъ на Волгѣ, имѣлъ возможность лично изучить жизнь грузчиковъ во всѣхъ разнообразныхъ и мучительныхъ ея проявленіяхъ. Офиціальный характеръ этого изданія служитъ для насъ гарантіей того, что д-ръ Никитинъ во всякомъ случаѣ далекъ отъ преувеличенія, далекъ отъ мысли представить тенденціозно-мрачную картину.

И тѣмъ не менѣе картина получилась прямо ужасающая. Грузчики вовсе не свободные люди, способные располагать собой, какъ имъ угодно. Это—рабы въ полномъ смыслѣ этого слова, находящіеся въ кабальной зависимости отъ хозяевъ и кулаковъ-подрядчиковъ. Д-ръ Никитинъ постарался охватить жизнь грузчиковъ во всей ея полнотѣ, и это въ значительной степени ему удалось. Рабочій періодъ, физическое развитіе грузчиковъ, профессіональныя болѣзни среди нихъ, несчастные случаи, работа грузчиковъ, обстановка работъ и приспособленія, заработная плата, жилища, питаніе, условіе найма,—таковы всѣ тѣ различныя стороны жизни грузчиковъ, которыя подробно разработалъ д-ръ Никитинъ.

Книга эта представляетъ большой интересъ. Она показываетъ, до чего можетъ дойти эксплоатація хозяевъ, если во-время не остановить ее, если не поставить извѣстныхъ препятствій на пути предпринимателей къ наживѣ. Грузчики не пользуются благами законовъ, на подобіе фабричныхъ, и результаты успѣли уже сказаться. Если въ рабочемъ уже оживаетъ въ настоящее время человѣкъ, если онъ уже начинаетъ понимать и научается отстаивать свои права, то грузчикъ—совершенно забитое существо и всецѣло предоставленъ произволу хозяевъ. Грузчикъ дѣлаетъ чрезвычайно тяжелую работу, которая заставляетъ его преждевременно состариться, переносить всякаго рода опасные недуги. А судохозяева или подрядчики пальцемъ о палецъ не ударяютъ для того, чтобы улучшить положеніе грузчиковъ, облегчить ихъ трудъ и доставить имъ сносныя человѣческія условія существованія. Замѣтьте при этомъ, что по Волгѣ ежегодно въ періодъ навигаціи провозятся сотни милліоновъ пудовъ груза, и для судовладѣльцевъ сопряжены были бы съ ничтожными сравнительно жертвами заботы объ участи рабочихъ. Подрядчики, обязующіеся доставить къ опредѣленному сроку артель грузчиковъ, зарабатываютъ на этой операціи, ничего не дѣлая, [illegible]

рублей, тогда какъ рабочіе за тяжелый трудъ, непрерывно продолжающійся въ теченіе 200 дней навигаціи, получаютъ гроши и дѣлаются притомъ часто жертвами самаго возмутительнаго обмана со стороны хозяевъ.

Отсутствіе закона допускаетъ странные обычаи на Волгѣ. Рабочій никогда не получаетъ полностью причитающагося ему вознагражденія. Часть жалованья обязательно удерживается до конца навигаціи. На этой почвѣ и возникаютъ всевозможныя злоупотребленія. Хозяева пользуются безпомощностью грузчика для того, чтобы въ концѣ навигаціи предложить ему меньше того, что онъ въ дѣйствительности заработалъ. Сознаніе того, что у рабочаго не хватитъ ни умѣнья, ни средствъ для предъявленія иска, дѣлаетъ предпринимателя настойчивымъ въ его обычной системѣ обмановъ.

Договоръ о наймѣ заключаетъ въ себѣ пункты, которые напоминаютъ намъ о добромъ старомъ времени крѣпостного права. Грузчикъ, нанимаясь сдѣльно на опредѣленную работу, долженъ выполнить безплатно цѣлый рядъ другихъ. Рабочаго дня опредѣленнаго не существуетъ. Грузчикъ обязанъ работать всегда, во всякое время дня и ночи, когда бы ему ни приказали. Въ случаѣ болѣзни рабочій долженъ безропотно уйти, предоставивъ свое мѣсто другому. Предприниматели сумѣли себя обезопасить отъ всякихъ непріятныхъ сюрпризовъ въ случаяхъ увѣчій, и въ договорѣ имѣется пунктъ, по которому грузчикъ отказывается отъ всякихъ претензій, отказывается не только за себя, но и за всѣхъ своихъ родственниковъ, если онъ сдѣлается жертвой несчастія. Въ то же время д-ръ Никитинъ указываетъ не разъ на то, что несчастные случаи объясняются исключительно преступной безпечностью хозяевъ, ихъ полнымъ игнорированіемъ насущнѣйшихъ нуждъ своихъ рабочихъ.

Судовладѣльцы и не думаютъ замѣнить спину рабочихъ какими-либо механическими приспособленіями. У д-ра Никитина приводится разсчетъ, изъ котораго видно, что устройство всякаго рода приспособленій для перемѣщенія грузовъ должно обойтись весьма дешево. Но, очевидно, въ этой отрасли труда эксплоатація живой рабочей силы настолько выгодна, что не приходится думать о какихъ-либо новыхъ затратахъ въ цѣляхъ ускоренія нагрузки и выгрузки. Рабочій все выноситъ на своей спинѣ, и въ силу этого превращается очень скоро изъ крѣпкаго человѣка въ хилаго, слабаго и болѣзненнаго. „Говорить о нормальномъ грузѣ,—справедливо замѣчаетъ д-ръ Никитинъ,—немного странно, такъ какъ это значитъ говорить о нормальной ненормальности. Не можетъ быть нормальнымъ то обстоятельство, что человѣкъ исполняетъ работу вьючнаго животнаго. Но уничтожить эту ненормальность можетъ только примѣненіе разныхъ двигателей, паровыхъ, электрическихъ и прочихъ, которые рано или поздно должны будутъ замѣнить человѣка“. Косность судовладѣльцевъ замедляетъ этотъ процессъ замѣны живого труда механическими приспособленіями, а эта косность тяжелѣе всего отзывается на грузчикахъ. Они подвергаются различнымъ тяжкимъ заболѣваніямъ, гибнутъ въ неравной борьбѣ съ невыносимыми условіями существованія.

Книга д-ра Никитина служитъ яркимъ доказательствомъ того, что предприниматели сами, по собственной иниціативѣ никогда не предпримутъ никакихъ улучшеній въ условіяхъ жизни рабочихъ. Нужна сила, которая заставила бы ихъ это сдѣлать. Либо организація грузчиковъ должна быть сильна для того, чтобы хозяинъ не могъ ихъ безнаказанно эксплоатировать, либо долженъ быть прочный законъ, который регулировалъ бы отношенія между судовладѣльцами и грузчиками.

Д-ръ Никитинъ горячо рекомендуетъ изданіе спеціальнаго закона

для защиты правъ грузчиковъ, и къ его мнѣнію нельзя не присоединиться. „Какъ наше непосредственное наблюденіе,—говоритъ д-ръ Никитинъ,—такъ и мнѣнія другихъ компетентныхъ лицъ, сходятся въ томъ, что для наблюденія за исполненіемъ закона, для предварительнаго разслѣдованія дѣлъ (по найму, увѣчью и болѣзнямъ), для принятія мѣръ по предупрежденію несчастій и вреднаго вліянія работы въ каждомъ данномъ случаѣ, для изученія всѣхъ обстоятельствъ данной профессіи долженъ быть учрежденъ органъ санитарной инспекціи или спеціальной инспекціи труда".

Мы можемъ только пожелать исполненія въ возможно недалекомъ будущемъ справедливыхъ и разумныхъ предложеній д-ра Никитина.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Т. Дж. Паркеръ. Курсъ зоотоміи (позвоночныя).—*Анри Купэнъ.* Причудливыя животныя.

Т. Дж. Паркеръ. Курсъ зоотоміи (позвоночныя). Съ добавленіями по Мильнсъ Маршаллю и Хёрсту. Переводъ съ англійскаго П. П. Сушкина и В. А. Дейнеги. Съ 66 рис. М., 1904 г. Ц. 2 р. 50 к. На русскомъ языкѣ очень мало руководствъ для практическихъ занятій по анатоміи животныхъ, а для нѣкоторыхъ группъ нѣтъ даже никакого руководства, такъ что появленіе новаго весьма солиднаго изданія можно только привѣтствовать. Представителями взяты минога, скатъ, акула, окунь, ящерица, голубь и кроликъ. Анатомія описана весьма обстоятельно, съ большимъ количествомъ подробностей, что особенно важно для практической пригодности руководства при самостоятельныхъ занятіяхъ безъ постоянныхъ указаній руководителя. Конечно, разъ занятія происходятъ при непосредственномъ участіи руководителя, онъ сообщитъ всѣ подробности, но тогда вообще печатное пособіе отступаетъ на второй планъ. Но съ книгой Паркера можно заниматься безъ руководителя.

Изъ представителей опущена лягушка—самый обычный объектъ—вѣроятно потому, что она обстоятельно изложена въ другихъ изданіяхъ, имѣющихся на русскомъ языкѣ. Причина, съ одной стороны, уважительная, но, съ другой стороны, покупатель разбираемой книги можетъ и разить претензію, что его обязываютъ для прохожденія полнаго курса зоотоміи позвоночныхъ купить кромѣ этой книги еще другую (или „Лягушку" Мильнсъ Маршаля, или „Лягушку" Беркоса и Ингеницкаго). Говоря о подборѣ представителей, не можемъ не отмѣтить, что чувствуется нѣкоторая неравномѣрность въ томъ, что изъ отряда селяхій взято два представителя (скатъ и акула), а изъ отряда ганоидовъ—одного. Въ книжкѣ, изданной для русскихъ, это особенно бьетъ въ глаза, такъ какъ стерлядку можно купить дешево повсюду, а ската надо выписывать съ какой-нибудь зоологической станціи. Конечно, для англичанъ отношенія къ этимъ объектамъ совсѣмъ иныя, но тутъ переводчикъ могли бы принести большую пользу русскимъ учащимся, обработавъ самостоятельно анатомію стерляди для учебныхъ цѣлей. Въ заключеніе еще разъ повторимъ, что книга эта цѣнное пріобрѣтеніе для нашей учебной литературы.

Анри Купэнъ. Причудливыя животныя. Переводъ женщины-врача Е. Д. Вургафтъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Изд. Маркса. Уже само заглавіе книги нѣсколько странно, а если мы просмотримъ оглавленіе, то еще болѣе удивимся своеобразной класси-

ція, которую принимаетъ авторъ въ этой книгѣ. Мы видимъ тутъ главы „Животныя-блюдолизы“ (?!), „Актеры въ природѣ“, „Животныя въ рыцарскихъ доспѣхахъ“, „Животныя-хирурги“ и тому подобныя, во многихъ случаяхъ совершенно неподходящія категоріи, которыя совершенно неумѣстны при какой бы то ни было системѣ изложенія. Дѣло въ томъ, что, описывая природу, мы менѣе всего имѣемъ право уподоблять ея естественныя явленія случайнымъ и искусственнымъ особенностямъ нашего человѣческаго быта. Такое уподобленіе сразу направляетъ мысль читателя не въ ту сторону, куда слѣдуетъ, и хорошіе интересные факты теряютъ свое настоящее значеніе въ этихъ претендующихъ на остроуміе фантастическихъ сравненіяхъ и уподобленіяхъ. Само слово „причудливый“, „чудной“ неприложимо къ явленіямъ природы.

Вредъ фантастической группировки научныхъ фактовъ, принятой Купэномъ, сказывается на каждомъ шагу. Такъ, въ первую главу—„животныя-блюдолизы“ попадаютъ факты совершенно разнороднаго біологическаго значенія: тутъ и куличокъ, очищающій крокодила, и питающійся падалью грифъ, и рыбки, заплывающія внутрь медузъ, и рыба-прилипало, и гидрактиніи, живущія на раковинѣ, которую таскаетъ „ракъ-отшельникъ“, и паразитическіе клещи. Явленія симбіоза и паразитизма и, наконецъ, питаніе падалью—все это перемѣшано безъ разбора.

Въ главѣ съ вычурнымъ заглавіемъ „животныя въ рыцарскихъ доспѣхахъ“, авторъ хотѣлъ показать значеніе твердыхъ покрововъ для защиты животнаго и приводитъ въ примѣръ только различныхъ ракообразныхъ и броненосцевъ изъ млекопитающихъ. Здѣсь представлялся случай изложить защиту съ помощью твердыхъ покрововъ во всемъ животномъ царствѣ и дать нѣчто цѣльное, но авторъ этимъ случаемъ не воспользовался. Нѣкоторыя описываемыя животныя отнюдь не подходятъ подъ понятіе „причудливыхъ“ — напримѣръ, пѣвчія птицы, которымъ посвящена цѣлая глава. Вообще случайное и безсистемное расположеніе матеріала, по существу весьма интереснаго, составляетъ первый важный недостатокъ книги. Второй недостатокъ—вычурная манера изложенія, стремленіе къ остротамъ и каламбурамъ, которые такъ неумѣстны при описаніи явленій природы. Вычурность описаній, сравненій и сопоставленій вредитъ не только формѣ изложенія, но и самому смыслу, внѣдряя въ умъ читателя ложныя понятія. Приведемъ примѣры: про гидрактиній сказано, что онѣ „стараются придать себѣ привлекательный видъ (?!), подражая въ своей внѣшности экзотическимъ растеніямъ“, про клеща, паразитирующаго на перьяхъ птицъ, что онъ „играетъ одновременно роль санитара и куафера (!), стараясь держать въ чистотѣ (?!) тѣло пріютившаго его животнаго“. Если бы такихъ пріемовъ изложенія не было, книга много бы выиграла. Повторяемъ, въ ней много интересныхъ фактовъ, не мало рисунковъ, правда, не всегда хорошихъ, и жаль, что авторъ думаетъ, что его манера изложенія содѣйствуетъ „популяризаціи“. Простота и естественность всегда лучшіе помощники популяризаціи.

Въ переводѣ не мало шероховатостей: на стр. 18 стрекательные органы названы „колючими капсулами“, на стр. 25 мы читаемъ „ракушки-кристацеи“ (!?), на стр. 79 вмѣсто „бѣлуха“ (китообразное) сказано „бѣлуга“ (рыба), Вегое названа медузой (не думаемъ, чтобы такая ошибка была въ оригиналѣ). Далѣе не слѣдуетъ выдумывать новыхъ словъ и называть, напримѣръ, планарій „вьюнушками“.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Н. И. Кузнецовъ. Систематическій сводъ указовъ правительствующаго сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Т. II.—Отчетъ о дѣятельности консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при московскомъ мировомъ съѣздѣ за 1903 г.

Н. И. Кузнецовъ. Систематическій сводъ указовъ правительствующаго сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Томъ II, 1899—1903 гг. Воронежъ, 1903 г. Первый томъ названнаго труда, изданный секретаремъ воронежской губернской земской управы, г. Кузнецовымъ, и содержавшій въ себѣ указы сената за періодъ 1866—1900 года, вышелъ въ свѣтъ въ 1900 году и тотчасъ былъ сочувственно отмѣченъ спеціальной и общей прессой. За послѣдніе три года вновь накопилось достаточное количество сенатскихъ указовъ и разъясненій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ текущей земской жизни, что дало возможность составителю „Свода“ выпустить второй томъ.

Нельзя не привѣтствовать книгу, какъ настольную и давно желанную для каждаго земскаго дѣятеля. Авторитетъ сената въ особенности необходимъ въ послѣднее время, когда земство, путемъ различныхъ „фиксацій“ и „надзоровъ“, все болѣе и болѣе подчиняется мудрымъ правиламъ объ опекѣ надъ малолѣтними. Какъ всегда, жизнь идетъ впереди законовъ, и земству зачастую приходится считаться съ такого рода личнымъ усмотрѣніемъ губернской администраціи, которое и при современномъ направленіи внутренней политики еще не успѣло получить законодательную санкцію. Къ чести сената нужно сказать, что его постановленія въ громадномъ количествѣ случаевъ основываются на точномъ разумѣ положительныхъ дѣйствующихъ законовъ, не предвосхищая грядущихъ вѣяній законодательныхъ и правительственныхъ сферъ. Конечно, это безпристрастіе высокопоставленнаго правительственнаго учрежденія служитъ лучшей гарантіей для земства, и лишь безусловнымъ довѣріемъ къ авторитету сената можно объяснить то огромное количество дѣлъ, которое восходитъ къ нему по жалобамъ земскихъ учрежденій.

Изъ наиболѣе важныхъ сенатскихъ указовъ истекшаго трехлѣтія необходимо упомянуть рядъ постановленій по вопросамъ объ отношеніи мѣстной администраціи къ земскимъ учрежденіямъ, о разграниченіи круга вѣдомства губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, о совмѣстности ихъ дѣятельности, о земскихъ выборахъ и правахъ гласныхъ, о порядкѣ обложенія имуществъ разныхъ категорій и основаніяхъ ихъ оцѣнки и переоцѣнки и, въ особенности, по вопросу о народномъ образованіи. Все это вопросы каждаго дня, и тѣмъ болѣе важно ознакомиться съ отношеніемъ къ нимъ сената. Множество повторныхъ указовъ сената по однороднымъ дѣламъ свидѣтельствуютъ о неудовлетворительномъ знакомствѣ земскихъ дѣятелей съ сенатской практикой, и этимъ сообра женіемъ подчеркивается насущная необходимость въ полномъ систематическомъ сводѣ указовъ по земскимъ дѣламъ. Поэтому мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ книгу г. Кузнецова, имѣющую тѣмъ больш практическое достоинство, что къ ней приложены три прекрасныхъ указателя: систематическій, хронологическій и алфавитный.

Отчетъ о дѣятельности консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при московскомъ мировомъ съѣздѣ за 1903 г. М., 1904 г. Въ дѣлѣ борьбы съ юридической безпомощностью населенія московской консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при надлежитъ первое мѣсто, какъ старѣйшему учрежденію съ наиболѣе ра

витой клієнтурой. Такъ, за отчетный годъ число обращеній въ Москвѣ и уѣздахъ достигло почтенной цифры 7,509. Дѣятельность консультаціи не ограничивается предѣлами столицы, и консультанты время отъ времени выѣзжаютъ для дачи совѣтовъ и составленія бумагъ неимущему населенію нѣкоторыхъ уѣздовъ, причемъ эти поѣздки пріурочиваются къ опредѣленному дню засѣданій уѣздныхъ съѣздовъ. Такихъ поѣздокъ въ минувшій годъ было сдѣлано 99 (въ Александровъ, Богородскъ, Павловскій посадъ, Клинъ, Подольскъ, Волоколамскъ, Рузу и Серпуховъ). Отдѣлъ уѣздныхъ консультацій въ своемъ отчетѣ отмѣчаетъ громадное несоотвѣтствіе между спросомъ на юридическую помощь населенія уѣздовъ и тѣмъ ограниченнымъ предложеніемъ, на которое хватаетъ времени и средствъ консультаціи. Совѣты въ большинствѣ случаевъ даются безплатно, и расходы на поѣздки не могутъ быть покрыты выручкой за совѣты. За отчетный годъ въ уѣздахъ былъ поданъ 551 совѣтъ и составлено 69 бумагъ. Это дало консультаціи доходу 69 руб. 35 к. при общемъ расходѣ 709 р. 37 к. Такимъ образомъ каждый совѣтъ обошелся въ 1 р. 15 к. Малая успѣшность дѣятельности отдѣла уѣздныхъ консультацій объясняется, между прочимъ, ограниченностью состава (36 членовъ). Желая получить надежный матеріалъ для сужденія о мѣрахъ упроченія дѣятельности отдѣла, предположено учредить „опытную“ уѣздную консультацію въ г. Серпуховѣ (болѣе частыя поѣздки и широкое распространеніе свѣдѣній о дѣятельности).

Что касается до основной дѣятельности консультаціи, подачи совѣтовъ въ помѣщеніи мирового съѣзда, то, какъ замѣчаетъ распорядительная коммиссія, „въ отчетномъ году въ общемъ дежурства посѣщались болѣе исправно и ни разу не замѣчалось недостатка консультантовъ“. Такимъ образомъ и этотъ недостатокъ прежнихъ лѣтъ оказывается устраненнымъ, что объясняется, очевидно, увеличеніемъ числа членовъ консультаціи со 143 до 197 (въ томъ числѣ 83 присяжныхъ повѣренныхъ и 114 помощниковъ).

Въ отчетномъ году при консультаціи учреждена постоянная совѣщательная коммиссія, на обсужденіе которой были предложены нѣкоторые вопросы изъ текущей практики консультацій, причемъ наибольшее вниманіе было удѣлено вопросамъ крестьянскаго земельнаго законодательства, съ цѣлью установить возможно-однообразную практику по отдѣльнымъ казусамъ. Въ виду принципіальнаго разногласія консультантовъ по спорнымъ вопросамъ крестьянскаго права, одинъ изъ членовъ принялъ на себя трудъ изслѣдованія этихъ вопросовъ. Работа его напечатана въ приложеніи къ „Отчету“ (Д. И. Курскій, „Нѣкоторые спорные вопросы крестьянскаго земельнаго законодательства“). Въ томъ же приложеніи напечатанъ докладъ „Объ организаціи юридической помощи нуждающемуся населенію въ западной Европѣ“—Н. М. Жданова, имѣвшаго отъ распорядительной коммиссіи порученіе ознакомиться на мѣстѣ съ дѣятельностью этихъ учрежденій.

Еще въ 1902 году консультаціей было принято къ производству нѣсколько принципіальныхъ „фабричныхъ“ дѣлъ. За отчетный годъ по одному изъ нихъ консультаціи удалось добиться благопріятнаго сенатскаго рѣшенія. Кромѣ того, согласно пожеланію общаго собранія, члены консультаціи гг. Шамонинъ, Ганнушкинъ, Метакса и Сахаровъ принимали участіе въ кишиневскомъ процессѣ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ, ПОСОБІЯ.

Эрнстъ Сетонъ-Томпсонъ. 1) Лисья семья. 2) Красный воротничекъ. Раз... Давайте работать! Практическое руководство ко всевозможнымъ работамъ ... маги, дерева, металла и т. д. Вып. II и III. Состав. *С. А. Порѣцкій.—Ф. Г... таевъ.* Два ребенка. Разсказъ.—*С. И. Гречушкинъ.* Міръ Божій. Третья и ... тая книги для чтенія.

Эрнстъ Сетонъ-Томпсонъ. Лисья семья. Цѣна 15 коп.—К... ный воротничокъ. Цѣна 20 коп. Разсказы. Переводъ съ анг... скаго. Съ рисунками автора. Хотя всѣ эти разсказы вмѣстѣ ... многими другими уже имѣются въ русскомъ переводѣ въ изданіи ... вленкова (Сетонъ-Томпсонъ: „Разсказы изъ жизни животныхъ"), ... они настолько хороши, что пріятно ихъ видѣть вторично изданными ... „Библіотекѣ для дѣтей и для юношества", Горбунова-Посадова. То... сонъ рѣдкій по таланту писатель. Область его творчества, въ кото... онъ неподражаемъ,—разсказы изъ жизни животныхъ. Наблюдатель... натуралистъ, знатокъ природы и нравовъ дикихъ животныхъ, Томпс... передаетъ намъ въ яркихъ художественныхъ картинахъ рядъ біогра... дикихъ звѣрей и птицъ. Самое опасное при такомъ изложеніи—вне... въ излишній антропоморфизмъ, надѣляя своихъ животныхъ-героевъ ... ловѣческими добродѣтелями и пороками, и это обычное явленіе у ... лаго ряда писателей, бравшихся за подобные сюжеты. Томпсонъ из... гаетъ этого. Своими зоологическими познаніями онъ и пользуется име... для того, чтобы не нарушать біологической правды въ описаніяхъ ... ключеній своихъ героевъ. Всѣ повадки и инстинкты звѣрей и птицъ ... искажены антропоморфизмомъ, а только оживлены художественнымъ ви... женіемъ. Рисуемыя Томпсономъ фигуры поистинѣ художественны. Ма... лисица, воспитывающая въ своихъ дѣтяхъ необходимыя уловки и хи... сти, нужныя для жизни, стоитъ передъ нами какъ живая, и намъ иск... не жаль, когда вся семья гибнетъ отъ своихъ враговъ—людей. Едва ... не самый художественный разсказъ—„Красный воротничокъ", исто... семьи куропатокъ. Не прибѣгая ни къ какой сантиментальности, авт... заставляетъ насъ всей душой полюбить прелестныхъ куропаточек... страдать ихъ печалями, радоваться ихъ радостями. Для юношест... дѣтей трудно подыскать лучшаго чтенія. На-ряду съ познаніями по е... ственной исторіи они получатъ здѣсь и художественныя эмоціи, и ур... добра.

Давайте работать! Практическое руководство ко всевоз... нымъ работамъ изъ бумаги, дерева, металла и т. д. Выпу... второй и третій. По иностраннымъ и русскимъ источникамъ ... ставилъ С. А. Порѣцкій. Москва, 1904 г. Намъ уже приходи... говорить объ этомъ полезномъ изданіи, предпринятомъ „библіотекой ... дѣтей и для юношества", издающейся подъ редакціей И. Горбу... Посадова. Второй выпускъ составитель посвятилъ практическому р... водству по производству столярныхъ и плотничныхъ работъ,—работъ... необдѣланнаго дерева и изъ испанскаго камыша, по выпиливанію, рѣ... по дереву и токарнымъ работамъ. Въ большинствѣ случаевъ ука... простѣйшія работы, притомъ по изготовленію предметовъ, полезныхъ ... повседневномъ обиходѣ. Большимъ вниманіемъ со стороны подрост... будетъ, безъ сомнѣнія, пользоваться глава, трактующая о выпилив... лобзикомъ: эти работы, какъ не требующія сложныхъ, разнообр... и многочисленныхъ инструментовъ, доступны дѣтямъ и не богат... мей, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать относительно токар...

лярныхъ работъ: несмотря на стремленіе составителя ограничиться простѣйшими подѣлками, большая часть указанныхъ въ руководствѣ работъ требуетъ массы инструментовъ, по цѣнѣ доступныхъ лишь очень состоятельнымъ людямъ. Въ третьемъ выпускѣ сгруппированы практическія указанія по производству слесарныхъ, токарныхъ и другихъ работъ по металлу, по гальванопластикѣ и формованію изъ металла, формованію изъ гипса и цемента, изготовленію моделей кораблей, изготовленію лодокъ, физическихъ приборовъ и руководство по разнымъ работамъ изъ бумаги и дерева. Практическія указанія изложены просто, ясно и доступно всѣмъ и каждому. Масса рисунковъ и чертежей является наглядныхъ поясненіемъ текста.

Ф. Горностаева. Два ребенка. Разсказъ. Изд. „Посредника". Москва, 1904 г. Ц. 1½ к. Очень тепло написанный разсказъ о томъ, какъ къ земскому врачу ночью пріѣхалъ крестьянинъ, у котораго сынъ умиралъ отъ дифтерита. Врачъ въ это время только что сдѣлалъ операцію своему сыну: у него тоже былъ дифтеритъ, причемъ очень тяжелой формы. Врачъ мучился, ожидая кризиса. Горячо любя своего сына, онъ не рѣшается оставить его одного, чтобы самому ѣхать къ крестьянину, однако, совѣсть его мучаетъ, и онъ ѣдетъ помочь чужому ребенку, оставляя своего на произволъ судьбы. Операція крестьянскому сыну сдѣлана, больному ребенку становится лучше. Врачъ спѣшитъ домой, прислуга сообщаетъ, что „маленькому барченку полегчало".

Міръ Божій. Третья и четвертая книги для чтенія въ начальныхъ, двухклассныхъ и воскресныхъ школахъ, съ рисунками. Составилъ С. И. Гречушкинъ. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова. Москва, 1904 г. Ц. 80 к. Третья и четвертая части хрестоматіи г. Гречушкина, какъ и первыя двѣ, свидѣтельствуютъ, что въ настоящее время нѣтъ ничего проще, какъ составить книгу для класснаго чтенія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ: для этого стоитъ только пріобрѣсти десятокъ имѣющихся уже хрестоматій, вооружиться ножницами, клеемъ, дать пятокъ или два статей изъ другихъ книгъ,—и *новая* хрестоматія готова. Третью и четвертую части своей хрестоматіи Гречушкинъ понадергалъ изъ Л. Толстого, Ушинскаго, Д. Тихомирова, В. Вахтерова и „Книги для взрослыхъ"... Такимъ образомъ, составитель избавилъ себя отъ труда рыться по первоисточникамъ: произведенія Пушкина, Гоголя, Тургенева и многихъ другихъ онъ бралъ не изъ собранія ихъ сочиненій, а изъ хрестоматій... Печальнѣе всего, что г. Гречушкинъ, будучи, вѣроятно, совершенно незнакомымъ съ народной школой, считаетъ свою книгу доступной для *начальныхъ* училищъ. Въ хрестоматіи двадцать семь печатныхъ листовъ, въ предисловіи самъ г. Гречушкинъ предупреждаетъ, что въ его „книгѣ *нѣтъ такихъ статей*, которыя могли бы быть прочитаны и усвоены учениками *безъ помощи учителя*", но вѣдь для того, чтобы прочесть 240 статей, занимающихъ 27 печатныхъ листовъ, съ соотвѣтствующими объясненіями учителя, потребуется minimum *четыре-пять* лѣтъ, да на первую и вторую части года три,—итого *семь-восемь* лѣтъ, при максимальномъ четырехлѣтнемъ курсѣ, установленномъ въ начальныхъ училищахъ! Что касается воскресныхъ школъ, то составитель, къ сожалѣнію, оставилъ безъ поясненій, почему тѣ должны пользоваться его хрестоматіей, для которой первоисточникомъ въ значительной степени послужила „Книга для взрослыхъ".

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

Изданія „Жизнь и Правда“: 1) *К. Ковальскій.* Кухаркинъ мужъ. Судъ Божій. 2) *Бретъ-Гартъ.* Отчаянная. 3) Подвигъ индіанки. Съ французскаго. 4) *К. Суздальцева.* По Краснымъ Крестомъ. Другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ. 5) *М. Ильинъ.* Вознагражденіе рабочихъ за несчастные случаи.—Индійскій мудрецъ Сиддарта-Будда. Изданіе „Посредника“.

I. Кухаркинъ мужъ. К. Ковальскаго. II. Судъ Божій. К. Ковальскаго. III. Отчаянная. Бретъ-Гарта. IV. Подвигъ индіанки. Съ французскаго. V. Подъ Краснымъ Крестомъ. К. Суздальцева. VI. Другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ. К. Суздальцева. VII. Вознагражденіе рабочихъ за несчастные случаи. М. Ильина. М., 1904. Изданіе „Жизнь и Правда“. Очень полезныя листовки для народнаго чтенія, толково и ясно написанныя. Намъ кажется только нѣсколько сомнительной мораль *Суда Божія,* да и по изложенію эта брошюрка вполнѣ удовлетворительна. Она начинается такою фразою: „Каньшин все еще прислушивался къ отдаленнымъ звукамъ музыки, словно всп хивавшей на противоположной сторонѣ пруда, который только что об гнула, выѣхавъ въ открытое поле, коляска, запряженная парой вор ныхъ,—когда сидѣвшій возлѣ него немолодой уже мужчина, въ свѣ ломъ пальто и форменной фуражкѣ вѣдомства юстиціи, проговорил сквозь зубы, не вынимая изо рта папиросы“.

Подвигъ индіанки—разсказъ объ открытіи хиннаго дерева; *По Краснымъ Крестомъ* — объ ужасахъ войны, объ основателѣ *Краснаго Креста* Дюнанѣ и о дѣятельности этого братолюбиваго общества; *Другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ*—краткое и простое описаніе кассъ взаимопомощи на случай болѣзни и смерти. Г. Ильинъ въ своей книжечкѣ пересказываетъ и разъясняетъ законъ 2 іюня 1903 г. Начало въ общемъ очень хорошее.

Индійскій мудрецъ Сиддарта-Будда. Изд. „Посредника“. Москва, 1904 г. Ц. 6 к. Авторъ сжато, просто и понятно даже для совершенно неподготовленнаго читателя разсказываетъ жизнь Сиддарты Будды, попутно излагая сущность буддійскаго вѣроученія и главнѣйшія притчи. Очерку предпослано краткое географическое и историческое описаніе Индіи, колыбели буддизма.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Вѣстникъ Воспитанія за 1903—1904 учебный годъ.

Журналъ „Вѣстникъ Воспитанія“ за 1903—4 учебный годъ. Вопросъ о реорганизаціи русской школы, реформа которой получила начало, но далеко еще не приведена къ концу, всего болѣе занимаетъ журналъ *Вѣстникъ Воспитанія* за истекшій 1903—4 учебн. годъ. Во главѣ такихъ статей должна быть поставлена статья г. Лозинскаго „Попытки коренной реформы на Западѣ (мартъ и апрѣль, 1904 г.). Правда, только что выписанное заглавіе предполагаетъ со стороны автора интересъ къ сторону Запада, а не Россіи, но по прочтеніи статьи у читателя остается сомнѣнія, что авторъ пишетъ ее въ поученіе русской реформѣ. Далѣе, на ту же тему о реформѣ нельзя не назвать статьи: „Учащаяся молодежь средней школы прежде и теперь“ г. Рокова (январь, 1904 г.), его же „Объ организаціи школьныхъ наблюденій“ (мартъ, 1904 г.), „Переходная пора въ жизни средней школы“ (май, 1904 г.), —та

г. Локотя „Классицизмъ и реализмъ“ (октябрь, 1903 г.), статью, озаглавленную „Съѣздъ директоровъ и представителей попечит. совѣтовъ коммерч. училищъ въ январѣ мѣсяцѣ 1902 г.“ (декабрь, 1903 г.), статью г. Гартвига „Общественное воспитаніе въ коммерческихъ училищахъ“ (мартъ, 1904 г.), статью г. Левитскаго „Изъ области истинной педагогіи“ (апрѣль, 1904 г.), статью д-ра Шейниса „Къ вопросу о физическомъ воспитаніи дѣтей“ (апрѣль, 1904 г.), статью г. Лотоцкаго „Два устава“ (январь, 1904 г.) и мн. друг. Но, кромѣ средней школы, въ журналъ попадаютъ иногда статьи, касающіяся реорганизаціи высшей школы; такова, наприм., статья г. Рожкова „Факультетъ общественныхъ наукъ“ (февраль, 1904 г.). Наконецъ, и общей постановкѣ реформы русской школы отводится видное мѣсто на страницахъ *Вѣстника Воспитанія*. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ упомянуть три статьи о преобразованіи въ преподаваніи исторіи: г. Никольскаго „О преподаваніи древней исторіи“ (январь, 1904 г.), г. Егурнова „О постановкѣ исторіи какъ учебнаго предмета въ женскихъ гимназіяхъ“ (мартъ, 1904 г.) и г. А. Г. „Какъ я велъ занятія по исторіи въ VIII классѣ женской гимназіи“ (май, 1904 г.), затѣмъ статью г. Когана „О преподаваніи исторіи западно-европейскихъ литературъ въ средней школѣ“ (январь, 1904 г.) и статью г-жи Алферовой „Опытъ преподаванія методики ариѳметики въ VIII классѣ женской гимназіи“ (февраль, 1904 г.).

Но содержаніе статей не вполнѣ удовлетворительно. Вотъ, наприм., вышеназванная статья г. Гартвига. Хотя она, судя по заглавію, имѣетъ въ виду только коммерческія училища и общественное воспитаніе въ нихъ, но г. Гартвигъ оговаривается въ примѣчаніи, что такое воспитаніе необходимо для всякой школы, и коммерческія училища стоятъ въ заголовкѣ только потому, что статья въ видѣ доклада была прочитана въ секціи коммерческаго образованія 3-го съѣзда дѣятелей по технич. и профес. образованію. Итакъ, статья общаго характера, о чемъ же говоритъ въ ней авторъ? Да все о тѣхъ же идеализмѣ, самодѣятельности и сотрудничествѣ, какъ трехъ основахъ духовнаго строительства въ современной школѣ, о которыхъ десятки, а можетъ быть и сотни разъ твердили и твердятъ, каждый на свой ладъ, всевозможные писатели въ области педагогіи, которыхъ развелось за послѣднее время безконечное количество. Съ глубокомысленнымъ видомъ г. Гартвигъ распространяется о томъ, что учащимся слѣдуетъ довѣрять, что сила балльной оцѣнки и единицы вовсе не спасительна, что наказанія въ нашихъ школахъ формальны и механичны, что въ учащихся слѣдуетъ развивать самодѣятельность и самостоятельность, что учитель во имя сотрудничества долженъ быть среди учащихся старшимъ товарищемъ и проч., и проч. Но однако кто же всего только что перечисленнаго не знаетъ и не повторяетъ постоянно. Мало того: недоразумѣніе, о которомъ сейчасъ шла рѣчь, становится просто смѣшнымъ, когда г. Гартвигъ ставитъ себѣ въ великую заслугу, что онъ садится, „чтобы быть только старшимъ товарищемъ“ между учащимися, „на одну изъ скамеекъ вмѣстѣ съ учениками“, и „лицо, проходящее мимо класса, недоумѣваетъ, куда дѣвался учитель“. Конечно, всякія бываютъ лица, „проходящія *мимо* (?) класса, но придавать серьезное значеніе факту учительскаго водворенія на ученическихъ скамьяхъ и удивленію проходящихъ лицъ просто уморительно.

Другимъ примѣромъ шаблона и избитости всего намъ послужитъ статья г. Лозинскаго „О попыткахъ коренной реформы на Западѣ“. Г. Лозинскій начинаетъ статью довольно широковѣщательно о современномъ педагогическомъ движеніи на Западѣ, приводя его въ связь и съ

Ж. Ж. Руссо, и съ Песталоцци, и съ гр. Л. Толстымъ; но по существу онъ говоритъ о трехъ попыткахъ практическаго осуществленія лучшихъ педагогическихъ идеаловъ на Западѣ; это: 1) *Новая школа* д-ра Reddie въ Abbotsholm'ѣ въ Англіи; 2) такъ назыв. Landeziehungsheime д-ра Hermann'a Lietz'a подлѣ Ильзенбурга въ Гарцѣ, въ Тюрингіи, и 3) подъ тѣмъ же названіемъ въ замкѣ Гляризагъ на берегу Баденскаго озера, въ Швейцаріи. Но развѣ о тѣхъ же попыткахъ и въ тѣхъ же мѣстахъ интересующійся читатель не прочелъ уже цѣлаго ряда статей въ различныхъ журналахъ? Въ примѣчаніи самъ г. Лозинскій называетъ нѣсколько, какъ онъ выражается, „замѣтокъ“ въ *Вѣстникѣ Воспитанія* по этому поводу; но на самомъ дѣлѣ, не замѣтокъ только, а цѣлыхъ статей, и притомъ не въ одномъ *Вѣстникѣ Воспитанія*, появилось на ту же тему изрядное количество, причемъ статьи эти настолько исчерпали съ разныхъ сторонъ вопросъ, что г. Лозинскому приходится, какъ говорится, размазывать старое; во всякомъ случаѣ, чего-нибудь свѣжаго, новаго и интереснаго намъ не удалось вынести изъ статьи г. Лозинскаго.

Остановимся еще на статьѣ г. Левитскаго, имѣющей въ виду опять желательныя перемѣны въ нашей школѣ и снова не идущей далѣе повторенія общераспространенныхъ истинъ, несмотря на то, что статья эта носитъ многообѣщающее заглавіе „Изъ области истинной педагогіи“. На самомъ дѣлѣ истинная педагогія г. Левитскаго сводится къ тому, что дѣти, посѣщающія занятія въ С.-Петербургскомъ Мраморномъ дворцѣ, знакомятся съ живой природой, „не расчлененной, не приведенной къ схемамъ и элементамъ“, что съ ними обращаются любовно и ласково, и что устроители занятій серьезно и тщательно подготовляются къ своему дѣлу. Едва ли указанныя сейчасъ достоинства занятій въ Мраморномъ дворцѣ представляютъ собой нѣчто неслыханное и небывалое, и во всякомъ случаѣ за послѣднее время среди педагогическихъ требованій подобныя перечисленнымъ стали уже общимъ мѣстомъ.

Укажемъ на интересныя статьи г. Рокова. Когда онъ защищаетъ теперешнюю учащуюся молодежь сравнительно съ прежней или указываетъ на то, что въ нынѣшней переходной порѣ въ жизни школы можно усмотрѣть симптомы прогресса и совершенствованія, онъ разсуждаетъ не только съ знаніемъ дѣла и убѣдительно, но и не заурядно. Этого мало: г. Роковъ способенъ подняться надъ уровнемъ рутинныхъ педагогическихъ разсужденій и предлагаетъ дѣйствительно интересный проектъ организаціи школьныхъ наблюденій съ опросомъ родителей учащихся при поступленіи послѣднихъ въ школу, съ примѣрнымъ планомъ первой характеристики тѣхъ же учащихся и съ планомъ періодическихъ характеристикъ. Въ концѣ-концовъ нельзя не согласиться со словами г. Рокова, что „организація школьныхъ наблюденій будетъ однимъ изъ первыхъ крупныхъ шаговъ въ движеніи педагогики“.

Относительно постановки преподаванія отдѣльныхъ предметовъ въ школѣ статьи *Вѣстника Воспитанія* гораздо удачнѣе. Отмѣтимъ статьи г. Когана, который вполнѣ основательно доказываетъ необходимость введеніе въ программы среднихъ школъ курса исторіи западно-европейскихъ литературъ и намѣчаетъ этотъ курсъ, а также статью г. Никольскаго о преподаваніи древней исторіи, гдѣ авторъ чрезвычайно ясно показываетъ нераціональность стараго педагогическаго направленія въ преподаваніи исторіи и рекомендуетъ новое, которое отличается несомнѣнной цѣлесообразностью и въ которомъ развивается такое, наприм., вѣрное положеніе, что „прежде чѣмъ изучать исторію систематически, надо познакомить учениковъ съ историческими элементами“.

Что касается педагогическихъ статей *Вѣстника Воспитанія*, которыя не приноровлены спеціально къ реформѣ нашей школы, а рѣшаютъ вопросы, одинаково важные для всѣхъ временъ и мѣстъ, то и имъ едва ли суждено имѣть какое-либо значеніе. Образцомъ можетъ явиться статья г-жи Шеталовой „О лжи“ (апрѣль, 1904 г.); и тутъ снова приходится встрѣчаться съ общеизвѣстнѣйшими и несомнѣннѣйшими истинами. Говоря, наприм., о томъ, что „въ основѣ лжи лежитъ способность воображенія“, г-жа Шеталова продолжаетъ поучать слѣдующимъ образомъ: „Способность воображенія является необходимымъ факторомъ творчества во всѣхъ сферахъ: научной, эстетической, практическихъ изобрѣтеній; она заключается въ умѣніи придавать новыя формы, новыя отношенія между элементами, уже извѣстными, уже данными въ опытѣ“. Неужели подобныя истины неизвѣстны кому-нибудь изъ читателей *Вѣстника Воспитанія?* Впрочемъ, статьи разсматриваемаго сейчасъ отдѣла не всегда страдаютъ переповтореніемъ общеизвѣстныхъ истинъ: иной разъ въ нихъ предлагаются соображенія, которыя, можетъ быть, и хороши въ теоріи, но не могутъ имѣть примѣненія на практикѣ. Такъ, г. Лозинскій въ статьѣ „Проблемы сексуальной педагогіи“ (январь и февраль, 1904 г.), вполнѣ раціонально настаивая, во второй части ея, на томъ, чтобы родители осторожно и разумно знакомили дѣтей съ истиной половыхъ отношеній, вмѣсто всякаго лганья и обмана, въ первой высказываетъ слѣдующія требованія духовной гигіены цѣломудрія: „1) *надо*, изволите ли видѣть, *удалять ребенка по возможности отъ такой обстановки и среды, которыя могутъ оказать на него дурное вліяніе* и 2) *надо окружать ребенка по возможности всѣмъ, что способно расширить кругъ его высшихъ интересовъ, пробудить въ немъ его лучшія способности и дарованія, облагородить чувство и укрѣпить волю*“. Какъ, подумаешь, легко выполнить всѣ эти „надо“!

Совсѣмъ иное впечатлѣніе сравнительно съ разсмотрѣнными группами статей производятъ своими несомнѣнными достоинствами статьи по исторіи педагогіи въ *Вѣстникѣ Воспитанія*. Изъ такихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи: г. Страхова „Педагогическія идеи іезуитскаго ордена“ (октябрь, 1903 г.), г. Лотоцкаго „Духовное образованіе въ первой половинѣ XIX вѣка“ (сентябрь, 1903 г.), г. Лозинскаго „Дѣтскіе годы и семейное воспитаніе А. И. Герцена“ (ноябрь, 1903 г.), проф. Ланглуа „Средневѣковые университеты“ (ноябрь и декабрь, 1903 г.) и г. В. Якушкина „Объ ученіи Петра Великаго и объ его отношеніи къ наукѣ“ (сентябрь, 1903 г.). Дѣлать цѣнныя справки относительно стараго это значитъ намѣчать правильный новый путь, а такъ какъ большинство только что указанныхъ статей дѣлаютъ именно эти цѣнныя справки, то сами собою онѣ являются содержательными и поучительными въ широкомъ значеніи этихъ словъ.

Но все-таки наиболѣе интересными слѣдуетъ считать въ журналѣ *Вѣстника Воспитанія* за 1903—4 уч. годъ такъ называемые „рефераты и мелкія сообщенія“. Въ этомъ отдѣлѣ читатель всегда найдетъ что-нибудь весьма важное и значительное въ области педагогіи. Такъ, въ одной книжкѣ здѣсь дѣлается сообщеніе о чрезвычайно содержательномъ опытѣ педагога Стэнли Голла касательно „стремленія выставляться и застѣнчивости, какъ фазъ самосознанія“ (ноябрь, 1903 г.); въ другой напечатаны выразительныя данныя о санитарномъ состояніи школъ въ Россіи (январь, 1904 г.); въ третьей собраны любопытнѣйшіе вопросы дѣтей, показывающіе, на что направлена дѣтская любознательность (…брь 1904 г.); въ четвертой производится „оцѣнка способностей шко-

лою и жизнью“ (октябрь, 1903 г.) и т. д., и т. д. Можно съ увѣренностью сказать, что въ отдѣлѣ „рефератовъ и мелкихъ сообщеній“ передъ нами богатый и разнообразный матеріалъ, способный дать пищу любознательности каждаго, кто занимается педагогіей.

Особнякомъ стоятъ статьи по разнымъ отраслямъ науки, литературы и искусства. Не всѣ онѣ одинаковыхъ достоинствъ, но многія изъ нихъ отличаются большимъ интересомъ. Назовемъ статьи: проф. Макс. Ковалевскаго „Этнографія и соціологія“ (мартъ, 1904 г.), его же „О задачахъ школы общественныхъ наукъ“ (сентябрь, 1903 г.) и „Теорія заимствованія Тарда“ (декабрь, 1903 г.), прив.-доц. А. Ивановскаго „Антропологическое изученіе Россіи“ (сентябрь, 1903 г.), проф. А. Фортунатова „Сельское хозяйство и агрономія“ (декабрь, 1903 г.), г. А. Калишевскаго „Къ вопросу о художественныхъ пріемахъ въ современномъ русскомъ искусствѣ“ (апрѣль, 1904 г.) и друг. Насколько, дѣйствительно, цѣнны перечисленныя статьи, примѣромъ можетъ послужить статья г. Калишевскаго, который не только правильно и ясно освѣщаетъ современныя явленія въ русскомъ искусствѣ, но и указываетъ основательныя причины этихъ явленій. „На рубежѣ двухъ столѣтій,—говоритъ онъ,—современное общество переживаетъ одинъ изъ важныхъ критическихъ моментовъ, когда настроеніе становится особенно напряженнымъ. Оно вызвано цѣлымъ рядомъ переворотовъ въ умственной и нравственной сферѣ общественной жизни. На нашихъ глазахъ происходитъ переоцѣнка всего культурнаго достоянія прошлаго и попытки къ рѣшенію тѣхъ вопросовъ, которые оставилъ нерѣшенными XIX вѣкъ. Мы переживаемъ и парадоксальную философію Ницше, съ ея культомъ личной силы, и индивидуалистическія тенденціи Ибсена, присутствуемъ при переходѣ прямыхъ послѣдователей Маркса въ лагерь идеалистовъ, задумываемся вмѣстѣ съ Толстымъ надъ основными проблемами бытія. Прежнія доктрины, прежніе идеалы уже не выдерживаютъ новыхъ запросовъ жизни, и человѣкъ, ликвидируя старое міросозерцаніе, весь проникнутъ страстными порывами къ новымъ, еще не яснымъ идеаламъ. Онъ тревожно ищетъ и борется“.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 августа по 1 сентября 1904 г.

А. Г. Наши задачи на Востокѣ. Спб., 1904 г. Ц. 60 к.

Балталонъ, Ц. Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. Изд. 5-е. М., 1904 г.

Бессараба, И. В. Матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губерніи. Спб., 1903 г.

Браунсъ, Р. Царство минераловъ. Описаніе главныхъ минераловъ, ихъ мѣсторожденія и значеніе ихъ для промышленности. Драгоцѣн. камни. Вып. II. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб., 1904 г. Ц. 2 р. 75 к.

Васильевъ, Н. Тоска по вѣчности. Казань, 1904 г.

Васильевъ, П. Этимологія русскаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. М., 1904 г. Ц. 40 к.

Венгржиновскій, Я. О военномъ банкѣ. Ц. 20 к. — О мѣрахъ къ устраненію полученія денегъ по подложнымъ ассигновкамъ. Ровно, Волынской губ., 1903 г. Ц. 15 к.

Внѣшняя торговля по европейской границѣ за 1903 г. Спб., 1904 г.

Вопросы психо-неврологіи въ общедоступныхъ очеркахъ, выходящихъ подъ ред. д-ра мед. Л. Левенфельда (въ Мюнхенѣ) и д-ра мед. Г. Курелла (въ Бреславлѣ). Спб., 1904 г.

Врачебная хроника Харьков. губ. Харьковъ, 1904 г.

Вѣстникъ психологіи, криминальной антропологіи и гипнотизма. Подъ общею редакціею акад. В. М. Бехтерева и проф. В. С. Серебренникова. Г. 1-й, вып. VI. Спб., 1904 г.

Гамбаровъ, Ю. Политическія партіи. Спб., 1904 г. Ц. 20 к.

Гельмольтъ, Г. Исторія человѣчества. Всемірная исторія. Т. II, вып. I. Спб. Ц. 50 к.

Герцль, Теодоръ. Обновленная земля. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Гесдёрферъ, М. Комнатное садоводство. Изд. А. Ф. Девріена. Вып. I. Спб.

Глаголевъ, А. Коммерческое образованіе. Ч. I и II. М., 1904 г.

Голубевъ, П. 200-лѣтіе русской горной промышленности. Пермь, 1904 г.

Даммеръ, О. Доступные опыты по химіи. Спб.

Денежный отчетъ прилукской уѣздной земской управы за 1903 годъ. Прилуки, 1904 г.

Дружининъ, Н. П. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Ч. I и II. Изд. 3-е. Ц. 60 к.

Журналы засѣданій чернигов. губер. земскаго собр. Черниговъ, 1904 г.

Записки иваново-вознес. отд. Импер. русскаго техническаго общества. Вып. II. Иваново-Вознесенскъ, 1904 г.

Изданія „Жизнь и Правда“. Кухаркинъ мужъ. — Судъ Божій. — Вознагражденіе рабочихъ за несчаст. случаи. — Подъ краснымъ крестомъ и др.

Изданія „Донская Рѣчь“. *Серафимовичъ*: На льдинѣ. *Бѣлоконскій*: 1) Какъ живутъ японцы. 2) Корея. 3) Страшное мѣсто. *Телешовъ*: 1) Хлѣбъ-соль. 2) Нужда. *Короленко*: Соколинецъ. *Золя*: Кровь и другъ.

Капелькинъ и Флеровъ, А. Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I. Съ 83 рис. въ текстѣ. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М., 1905 г.

Карышевъ, Н. Экономич. бесѣды. Ростовъ на/Д., 1904 г. Ц. 20 к.

Келлеръ, К. Жизнь моря.—Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Перев. съ нѣмец. Вып. III, изд. 2-е А. Ф. Девріена. Спб., 1904 г.

Клоссовскій, А. Матеріалы къ вопросу о постановкѣ средняго образованія въ Россіи. Одесса, 1904 г.

Красильниковъ, Ф. С. Малороссія и малороссы. (географическо-этнографическій очеркъ.) Съ 19 рис. М., 1904 г.

Кругловъ, А. Кто виновникъ убыли женской души. М., 1904 г. Ц. 20 к.

Кузнецовъ, Я. Ѳ. Становые управители Ярославск. губ. Владиміръ, 1904 г.

Лункевичъ, В. В. Нерѣшенныя проблемы біологіи. Съ 81 рис., 4 таб. и 8 портретами. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1904 г. Ц. 2 р.

М. З. и Г. И. Отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики. 1903 г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. VI. 1904 г. Въ с.-хоз. отнош. Вып. I. Спб., 1904 г.

Максимовъ, А. Историко-библіогр. изслѣдованіе. Спб., 1904 г. Ц. 30 к.

Мережковскій, Д. С. Дафнисъ и Хлоя. Повѣсть Лонгуса. Изд. М. В. Пирожкова. Спб., 1904 г.

Мечниковъ, И. Этюды о природѣ человѣка. М., 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

Министерство финансовъ. — Учрежденія по части торговли и промышленности. — Матеріалы для торгово-промышленной статистики. — Сводъ товарныхъ цѣнъ на главн. русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1903 г. Спб., 1904 г.

Наживинъ, И. У дверей жизни. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1902 г. Спб., 1904 г.

Обзоръ податного состоянія Курской губ. за 1901—1902 гг. Курскъ, 1904 г.

О'релль, Максъ. Правда о женщинѣ. Перев. съ англ. Н. д'Андрѣ. Спб., 1904 г. Ц. 65 к.

Отоцкій, П. Докучаевъ, В. В. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Паульсенъ, Фр. Германскіе университеты. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Вып. II. Пермь, 1904 г.

Полипенко, Г. М. На Дальній Востокъ! Путевые очерки. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.

Полный сводъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената за 1875 г. №№ 151—397, 397—647, 647—891. Изд. Ротенберга. Екатеринославъ, 1904 г.

Поляковъ, Р. Зубы. Одесса, 1904 г. Ц. 75 к.

Пржевалинскій, В. Разсказы: Крѣпкая башка. — Ферапонтъ Варѳоломеевичъ. Спб., 1904 г.

Пушкинъ, А. С. Сочиненія. Т. V. Спб., 1904 г.

Ратцель, Ф. Земля и жизнь. Т. I. 15 вып. Вып. I — VII. Спб., 1904 г. Ц. 50 к. за вып.

Риманъ, Г. Музыкальный словарь. Вып. XVIII. М., 1904 г.

Романовскій-Романько, А. С. Южно-русское садоводство. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.

Селивановъ, А. Первое прибавленіе къ книгѣ: фарфоръ и фаянсъ Рос. имперіи. Владиміръ, 1904 г. Ц. 1 р.

Сельское хозяйство и лѣсоводство. Журналъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Т. 214. № 7, іюль, 1904 г. Спб., 1904 г.

Склодовская-Кюри. Радій и радіоактивныя вещества. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Статистика по казенной продажѣ питей 1902 г. Изд. главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей по стат. отдѣленію. Вып. III. Спб., 1904 г.

Танъ. Очерки и разсказы. Т. IV. Ц. 1 р. — Пашенькина смерть. Разсказъ. Ц. 7 к. — Черный студентъ. Разсказъ. Ц. 4 к. — Кто первый пролилъ на землю кровь. Очеркъ. Ц. 40 к. Изд. Глаголева. Спб.

Татариновъ, П. Ариѳметическій задачникъ, заключающій въ себѣ задачи и численные примѣры на отвлеченныя именованныя и составныя именованныя числа и на простыя дроби. Изд. 2-е, исправленное. Симферополь, 1904 г. Ц. 30 к.

Творенія Платона. Федръ. (О значеніи философіи.) Перев. съ введен. и примѣч. Н. Мурашова. М., 1904 г.

Текущая сельско-хозяйствен. статистика Олонецкой губ. Вып. VIII. — Сельско-хозяйственный обзоръ за 1903 г. Петрозаводскъ, 1904 г.

Третій всероссійскій шахматный турниръ. Сборникъ партій турнира съ примѣч. и діаграммами въ текстѣ. Изд. „Шахматнаго Обозрѣнія".

Труды духовной академіи. 1904 г., августъ. Кіевъ, 1904 г.

Уоллесъ, Альфредъ Р. Мѣсто человѣка во вселенной. Спб.

Фесенко, Ив. Какъ торговать. Одесса, 1905 г. Ц. 50 к.

Хозяйственно-экономич. свѣдѣнія Кишиневскаго уѣзда. Кишиневъ, 1904 г.

Шекспиръ, Вилльямъ. Отелло. М., 1904 г. Ц. 20 к.

Ярославское губернское земство. Очеркъ дѣятельности мышкинскаго земства по народн. образованію (1865—1900 гг.). — Очеркъ пошехонскаго земства по народному образованію (1865—1901 гг.). — Очеркъ дѣятельности угличскаго земства по народному образованію (1865—1899 гг.). Ярославль, 1903 г.

Ясинскій, М. Сборникъ статей по исторіи права. Кіевъ, 1904 г. Ц. 3 р.

XXXIX очередное нижегородское уѣздное земское собраніе 29 сентября—7 октября 1903 г. и экстренныя земскія собранія 7 мая 1903 г. и 17 марта 1904 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: *Жозефъ Бедье.* Тристанъ и Изольда.—*Василій Якимовъ.* Безъ хлѣба насущнаго. Разсказы.—*В. Э. Саводникъ.* Новыя стихотворенія 1898—1903 г.—„На вичну пам'ять И. Котляревського. Малорусскій сборникъ,—*К. С. Баранцевичъ.* Свободные сны и другіе разсказы.—*Д. Мережковскій.* Дафнисъ и Хлоя.—*Танъ.* Очерки и разсказы, Т. IV.—*Евгеній Чириковъ.* Т. IV. Пьесы.—*Ѳедоръ Сологубъ.* Разсказы.—*Артуръ Шнитцлеръ.* Пьесы . . . 271

Критика: *В. Г. Бѣлинскій.* Полное собраніе сочиненій. Т. VII.—*С. А. Венгеровъ.* Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. VI.—*Е. А. Ляцкій.* И. А. Гончаровъ. Критическіе очерки 281

Педагогика: *Н. А. Куломзинъ.* Доступность начальной школы въ Россіи.—*Т. Локотъ.* Классицизмъ и реализмъ. 283

Публицистика: Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Т. I 287

Исторія: *В. С. Пруцавинъ.* 1) Религіозные отщепенцы. 1) Старообрядчество во второй половинѣ XIX в. 191

Географія, путешествія: *Д. Зеленинъ.* Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описаніе Прикамскаго края. 293

Политическая экономія: *А. Дамашке.* Задачи городского хозяйства.—*В. Тотоміанцъ.* Задачи городского самоуправленія.—*Проф. П. П. Мигулинъ.* Выкупные платежи.—*А. Ф. Никитинъ.* Очерки санитарно-экономическаго положенія грузчиковъ на Волгѣ 294

Естествознаніе: *Т. Дж. Паркеръ.* Курсъ зоотоміи (позвоночныя).—*Анри Купэнъ.* Причудливыя животныя. 300

Юридическія книги: *Н. И. Кузнецовъ.* Систематическій сводъ указовъ правительствующаго сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Т. II.—Отчетъ о дѣятельности консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при Московскомъ мировомъ съѣздѣ за 1903 г. 302

Стр.

Книги для дѣтей, пособія: *Эрнстъ Сетонъ-Томпсонъ*: 1) Лисья семья. 2) Красный воротничекъ. Разсказы.—Давайте работать! Практическое руководство ко всевозможнымъ работамъ изъ бумаги, дерева, металла и т. д. Вып. II и III. Состав. *С. А. Порѣцкій.—Ф. Горностаевъ.* Два ребенка. Разсказъ.—*С. И. Гречушкинъ.* Міръ Божій. Третья и четвертая книги для чтенія. 304

Книги для народа: Изданія „Жизнь и Правда“: 1) *Ковальскій.* Кухаркинъ мужъ. Судъ Божій. 2) *Бретъ-Гартъ.* Отчаянная. 3) Подвигъ индіанки. Съ французскаго. 4) *К. Суздальцева.* Подъ Краснымъ Крестомъ. Другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ. 5) *М. Ильинъ.* Вознагражденіе рабочихъ за несчастные случаи.—Индійскій мудрецъ Сиддарта-Будда. Изданіе „Посредника“ 305

Періодическія изданія: *Вѣстникъ Воспитанія* за 1903—1904 учебный годъ. 306

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 августа по 1 сентября 1904 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1904 годъ

на

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Подъ редакціей **Д. И. Тихомирова.**

Иллюстрированный журналъ для семьи и школы. XXXVI годъ изданія.

Журналъ допущенъ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ВЫШЛА СЕНТЯБРЬСКАЯ КНИЖКА.

Содержаніе: Высочайшій манифестъ. Царскія милости. I. Съ Николаевскаго моста. Столичная миніатюра. **Н. Познякова.** II. Тито. Исторія луговой волчицы. Разсказъ **Э. Сэтонъ-Томпсона.** Съ англійскаго. **А. Рождественской.** Со многими рисунками. Продолженіе. III. Осень. Стихотвореніе. **Ф. Шкулева.** IV. Кондитеръ Савельичъ и его друзья. Разсказъ. I. Кто такой былъ Савельичъ. II. Савельичъ при должности. III. Савельичъ на базарѣ. IV. Савельичъ и плѣнный турокъ. **В. А. Попова.** Съ рисунками. V. Княжой отрокъ. Историческая повѣсть изъ преданій XIII в. **Т. Сѣверцова (Полилова).** Продолженіе. Съ рисунками художника **Н. Д. Бартрама.** VI. Стихотвореніе. Осень. **Ив. Бѣлоусова.** VII. Ярина. Изъ Б. Гринченко. Съ украинскаго. **Павла Тудуба.** VIII. Керекемъ Юсуфъ. **Б. Т.** IX. Стихотвореніе. Привѣтъ птичкамъ. **Е. Нечаева.** X. Слѣпая Гудула. Изъ крымскихъ легендъ. **Ел. Буланиной.** XI. Осенній вѣтеръ. Стихотвореніе. **Мих. Свободина.** XII. О перелетѣ птицъ. Съ рисунками. Продолженіе. **С. Покровскаго.** XIII. Индусы. Продолженіе. **И. И. Иванова.** XIV. Стихотвореніе. Книга. **Андрея Ворохова.** XV. Гнѣздо орловъ. VII. Путевыя впечатлѣнія въ Черногоріи. Въ кучѣ. VIII. Юнаки. IX. Изъ Подгорицы въ Никшичъ. **Павла Россіева.** Продолженіе. Съ рисунками. XVI. Воздухъ и его дѣти: вѣтры, бури, ураганы, циклоны и смерчи. III. Дневные и ночные вѣтры. IV. Два друга — дождь и вѣтеръ. **Н. Сворцова.** Продолженіе. Съ рисунками. XVII. Державный вождь земли русской—императоръ Петръ Великій. Плоды побѣдъ. Дѣла съ Востокомъ. **Д. И. Тихомирова.** Продолженіе. XVIII. Картинки изъ абиссинской жизни. V. Абиссинская деревня. VI. Амба. **Людм. Бессель.** Съ рисунками. Продолженіе. XIX. Стихотвореніе. **В. Смирнова.** XX. И. С. Тургеневъ и старушка кружевница. **А. Піотровской.** XXI. Изъ жизни животныхъ. Слонъ „Мавликъ". XXII. Обычаи и преданія. Сказка. Киргизская легенда. XXIII. Про войну. Кто въ выигрышѣ отъ войны? На перевязочныхъ пунктахъ. Въ борьбѣ — враги, въ бѣдѣ—друзья. Сестры милосердія. Съ голоду. XXIV. Объявленія.

Подписка на журналъ „Педагогическій Листокъ" на 1904 г. прекращена вслѣдствіе израсходованія всѣхъ экземпляровъ.

При этой книжкѣ прилагается для всѣхъ подписчиковъ томикъ безплатнаго приложенія: В. Шекспира—„Ромео и Джульетта", въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы. **Ив. Ив. Иванова.**

Въ 1904 году Дѣтское Чтеніе дастъ всѣмъ подписчикамъ безплатную премію, заключающуюся въ семи томикахъ Вилліама Шекспира, съ портретомъ и иллюстраціями; въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы профессора Московскаго университета **И. И. Иванова:** 1) „Біографія Шекспира". 2) „Король Лиръ". 3) „Ромео и Джульетта". 4) „Гамлетъ". 5) „Отелло". 6) „Макбетъ". 7) „Коріоланъ".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

„Дѣтское Чтеніе" безъ „Педагогическаго Листка". Безъ пересылки на годъ—4 р. 50 к., съ пересылкой на годъ—5 руб. „Педагогическій Листокъ" безъ „Дѣтскаго Чтенія". Безъ пересылки на годъ—1 р. 50 к., съ пересылкой на годъ—2 р. „Дѣтское Чтеніе" съ „Педагогическимъ Листкомъ". Безъ пересылки на годъ—5 р., съ пересылкой на годъ—6 руб. За границу—8 р. Отдѣльный №—75 к.

Объявленія въ журналахъ: страница—40 р., $\frac{1}{2}$ страницы—20 р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Большая Молчановкѣ, д. № 24, Д. И. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (книгопродавцы пользуются уступкой 5%).

Каталоги книгоиздательства Дм. Ив. Тихомирова и проспекты журналовъ „Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ" высылаются по первому требованію безплатно.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.** Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

Вышла августовская книга журнала искусства, литературы и общественной жизни

„ПРАВДА“.

Содержаніе: I. Высочайшій манифестъ. II. **А. Карасевичъ**—Памяти А. П. Чехова. (Стихи). III. **Е. Ефимовъ**—Какъ водится (эскизъ). IV. **Мужикъ**—Дневникъ Олены. V. **Вл. Муриновъ**—Ночь (очеркъ). VI. **К. Францозъ**—Дитя искупленія. (Перев. съ нѣм. Мих. Сильвина). VII. **Эллень Келлеръ**—Исторія моей жизни (продолженіе). VIII. **В. Базаровъ**—Изъ исторіи просвѣтительства (окончаніе). IX. **Н. Германъ**—Промышленный кризисъ и техническій прогрессъ. X. **Левъ Шейнисъ**—Письмо изъ Франціи. Французскіе суды. XI. **Н. Скворцовъ**—Матеріалы по изслѣдованію труда и быта грузчиковъ. XII. **Ю.**—По Горбатовскому уѣзду, Нижегородской губ. XIII. **Другъ**—Казенные, земскіе и общественные сборы въ Самарской губерніи. XIV. **Н. Рожковъ**—О подборѣ и изученіи матеріала по исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи. (Письмо въ редакцію). XV. **Рисъ (Э. Борецкая)**—По поводу статьи „Философскій кошмаръ“ (письмо въ редакцію). XVI. **Библіографическія замѣтки.** XVII. **Изъ провинціальной жизни.** XVIII. Кончина В. К. Плеве († 15 іюля 1904 года). XIX. **М. Невѣдомскій**—А. П. Чеховъ † 2 іюля 1904 года. (Некрологъ). XX. **Е. С. Иностранное обозрѣніе.** Печать и дипломатія. Русско-японская война. Лубочныя изданія. Японія и Корея. Русско-японскія отношенія по вопросу о Кореѣ. Манчжурская торговля. Желтая опасность. XXI. **Францъ-Адамъ Бейерлейнъ**—Зóря (Lapfenstrekh). Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. XXII. Объявленія.

Цѣна августовской книги 1 р.

Желающимъ высылаются безплатно: Указатель статей первой половины 1904 года и подробныя объявленія.

Условія подписки: Годъ—8 р. (безъ дост. 7 р. 50 к.), полгода—4 р., 3 мѣс.—2 р. Годовымъ подписчикамъ—разсрочка.

Адресъ редакціи: Москва, Кудрино, 1, 18. Редакторъ-издатель **Вал. Кожевниковъ.**

Контора журнала „Русская Мысль“

(Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина)

принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экземпляровъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.

Сенкевичъ, Генр. Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобр. для безплатныхъ народн. библіотекъ и читаленъ.

Его же. Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

Его же. На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Его же. Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ В. М. Лаврова. Первая серія въ шести томахъ (около 180 печатныхъ листовъ). По подпискѣ 5 р. Отдѣльно:

I томъ. Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій ром. изъ временъ Нерона. Ц. 1 р.
II томъ. Безъ догмата. Романъ. Ц. 1 р.
III томъ. Огнемъ и мечомъ. Ц. 1 р.
IV и V томъ. Потопъ. Ц. 1 р. 75 к.
VI томъ. Панъ Володіевскій. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Островъ Сахалинъ (Изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е изданіе. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изданіе. Ц. $1^1/_2$ коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Новая библіотека „Русской Мысли".

Южные сосѣди китайцевъ. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безпл. нар. библ. и читальни, въ ученич. библ. низш. учил. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Життейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к. Допущено въ безплат. народныя библіотеки и читальни.

Разсказы Людвига Анценгрубера (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова.* 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплат. народн. библіотек. и читальни.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго.* Съ рис. и таблиц. діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ безпл. народ. библ. и читальни, въ учител. библ. низш. училищъ.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Гансена*). 92 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ Минист. Нар. Просвѣщенія.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Круппа). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Особ. Отд. Мин. Нар. Пр. допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бытовые очерки. Въ мастерской, *И. А. Данилина.*—Преступники, *П. Б. Хотимскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы. *Петръ Розеггеръ.* (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ безплатныя народн. библіотеки и читальни.

Башка. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.* (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

Офицерша.—Подъ шумъ вьюги. *А. И. Эртель.* 77 стр. Ц. 15 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ рис. въ текстѣ и сравнит. таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологич. порядкѣ, на отдѣльн. листѣ. 200 стр. Ц. 50 к.

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дѣлчковъ.* 91 + IV стр. Ц. 15 к.

Продолжается подписка на 1904 г.

(ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать „Р. М.“ безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается 30 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 55 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Всѣ изданія редакціи „Русской Мысли“ находятся на складѣ при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1.

Въ типографіяхъ т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ, коему переданъ главный складъ изданій журнала *Русская Мысль*, и въ магазинѣ **т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°** на Никольской ул., въ д. Чижовыхъ.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Въ Перми: въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

PSlav 605.

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.
Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1904

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
журнала „Русская Мысль“,

Складъ: Москва, Пименовская ул., Т-во Кушнеревъ и К°.

Библіотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

Баранцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

Ожешкова, Элиза. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Изд. 2-е. Допущено въ народныя библіотеки и читальни.

Ремезовъ, М. Н. Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.

Немировичъ - Данченко, Вл. Ив. Драма за сценой. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Допущено въ безпл. нар. библ. и читальни.

Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к.

Ожешкова, Элиза. Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 5 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(Подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева.)

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 к. Допущено въ безпл. народныя библіотеки и читальни.

II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.

III. **Дюкло.** Пастёръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

IV. **Бартъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.

V. **Гауппъ, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.

VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущено въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.

VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, и учительскія библ. средн. учеб. зав., семинарій и учительск. институтовъ.

VIII. **Дюкло.** Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. Одобрено для фундамен. библ., гимназій и реальн. уч., для библ. учител. институт., семинар., учительск. библ. для низш. учеб. зав., для безплатн. народн. библ. и читаленъ.

IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.

X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.

XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. 5 вып. Одобрено для ученическихъ, средн. и старш. возр., библ. средн. учебн. завед. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижникъ. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Томъ II. Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 к. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. 2-хъ ча Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Перев. В. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Прусъ, Болеславъ. Изъ воспоминаній циклиста. Перев. съ польскаг В. М. Лаврова. Ц. 75 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти разсказы. Изданіе 2-е, удешевленно Перев. В. М. Лаврова, съ предис віемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущено въ безплатныя народныя библ теки и читальни, и учительскія библ теки низшихъ училищъ.

Объявленія.

Новыя изданія Д. С. Горшкова.

Проф. И. Х. Озеровъ:

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОССІЯ

и

ЕЯ ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

НА ИСХОДѢ XIX И ВЪ НАЧАЛѢ XX ВѢКА.

Съ 72 діаграммами.

Изъ оглавленія: Введеніе.—Положеніе сельскаго населенія.—Малая емкость нашего внутренняго рынка и его причины.—Ростъ промышленности и мѣры къ ея поощренію: таможенный тарифъ, политика государственнаго банка, казенные заказы.—Экономическое значеніе городовъ.—Постройка желѣзныхъ дорогъ и желѣзнодорожное хозяйство.—Государственный долгъ.—Сахарный вопросъ.—Кооперативный принципъ и его значеніе.—Расходы на народное образованіе.—Необходимость реформъ въ нашей налоговой системѣ.

259 стр. Цѣна 1 руб. 75 коп.

На-дняхъ поступятъ въ продажу:

Очерки по крестьянскому вопросу.

Сборникъ статей подъ редакціей проф. А. А. Мануилова.

Выпускъ II.

Содержаніе: В. Ю. Скалонъ. „Крестьянскій банкъ и его недоимщики".—А. А. Мануиловъ. „Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи".—Его же. „Аренд-ный вопросъ передъ особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности".—В. М. Хвостовъ. „Аренда земли по русскому и западно-европейскимъ законодательствамъ".—Л. К. Брейеръ. „Сдача и съемъ надѣльныхъ земель".—М. Я. Герценштейнъ. „Сберегательныя кассы за послѣднее десятилѣтіе (1895—1904 гг.).—Проекты редакціонной коммиссіи по пересмотру законодательства о крестьянахъ: 1) Вл. Розенбергъ. „Волость". 2) А. А. Мануиловъ. „Общинное землевладѣніе".

355 стр. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Склады изданій—въ Москвѣ: Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. 1. Обращаться въ контору журнала *Русская Мысль*; 2) въ Петербургѣ: Книжный складъ „Право", Загородный, 2.

Выписывающіе изъ Москвы за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„	географіи.
Проф. Н. И. Кареѣва	„	исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго . . Проф. В. Т. Шевякова	„	біологическихъ наукъ.
Проф. Д. И. Менделѣева	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. А. В. Совѣтова	„	сельско-хозяйственный.
Проф. Н. Ѳ. Соловьева	„	музыки.
А. И. Сомова	„	изящныхъ искусствъ.
Академика М. И. Янжула	„	политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые два мѣсяца.

Вышелъ 81-й полутомъ.

Цѣна каждаго полутома 3 р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтою, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 7 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Цѣна каждаго 1 р. 50 к. безъ пересылки. Всѣхъ выпусковъ двѣнадцать.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при конторѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1).

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., с. 6.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

КНИГА X

МОСКВА.

1904.

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°. Пимен. ул., собст [illegible]
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ОКОЛО ЛИТЕРАТУРЫ. Очерки.—Н. И. Тимковскаго 1

II. НА МОРѢ. Изъ путевыхъ впечатлѣній.—Ѳ. Ѳ. Тищенка. . . 51

III. ЖЕНИХЪ ИЗЪ-ЗА МОРЯ. Разсказъ Авраама Кагана. Перев. съ англійскаго.—В. А. Кошевичъ. 61

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.—К. Д. Бальмонта. 120

V. ВЪ СТЕПИ.—А. К. 122

VI. ИЗЪ «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДІИ» ДАНТЕ. Пѣснь 28-я «Чистилища».—Эллисъ 134

VII. ЛЯЛИНА МАМА.—Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. 139

VIII. ЧТО ТАКОЕ ДУШЕВНОЕ ЗДОРОВЬЕ. — И. Г. Оршанскаго. *Окончаніе*. 1

IX. А. И. ГЕРЦЕНЪ, ЕГО ХЛОПОТЫ О ЗАГРАНИЧНОМЪ ПАСПОРТѢ И ПОСЛѢДНЯЯ ПОѢЗДКА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.—Е. С. Некрасовой. *Окончаніе*. 36

X. РАСА ПРОЛЕТАРІЕВЪ. (Экономическое и соціальное положеніе негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки).—Д-ра И. Розенберга. 61

XI. СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ БАШКИРЪ. (По офиціальнымъ даннымъ).—Я. 82

XII. АББАТЪ ФЕЛИСИТЕ ДЕ-ЛАМЕННЭ И ЕГО НОВЫЙ БІОГРАФЪ.—В. Н. Сторожева. 92

XIII. ШАРЛЬ БОДЛЕРЪ.—П. С. Когана. 114

XIV. САХАЛИНЪ, КАКЪ КОЛОНІЯ.—А. Сѣича. 135

XV. ВЪ БОРЬБѢ СЪ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ РЕАКЦІЕЙ.—В. Я. Канель 169

XVI. ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНІЯ.—Б. 180

XVII. ЗАМѢТКИ ЧИТАТЕЛЯ.—В. Г. 199

XVIII. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ 207

XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 227

XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 266

XXI. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.—Ю. А. 271

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Критика, публицистика.—Педагогика, народное образованіе.—Исторія, исторія литературы, мемуары.—Языкознаніе, этнографія, географія.—Статистика.—Естествознаніе.—Медицина.—Книги для дѣтей и для народа.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 сентября по 1 октября 1904 г. 313

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

ОКОЛО ЛИТЕРАТУРЫ.

(Очерки.)

I.

Отъ редактора журнала «Истина, добро и красота», Николая Павловича Четвертухина, къ сотруднику журнала, Григорію Александровичу Глѣбову:

«Дорогой Григорій Александровичъ!

Не упрекайте меня ради Бога за мое долгое молчаніе. Я теперь окончательно убѣдился, что редакторъ журнала не принадлежитъ себѣ: «Истина, добро и красота» поглощаютъ все мое время, всѣ силы. Я не успѣваю отвѣчать на письма, не успѣваю даже... (N. Слѣдуетъ нѣсколько словъ, написанныхъ крайне неразборчиво). А мнѣ очень бы хотѣлось поговорить съ вами по душѣ, какъ говорили въ былыя времена, когда мы... (N. Тутъ опять идетъ цѣлая строка, изъ которой Глѣбовъ съ трудомъ разобралъ только слово «идеалъ»). Бываютъ минуты, когда я мучительно чувствую свое нравственное одиночество среди безпрестанной... людей, и тогда я вспоминаю васъ. Вы пишете, что собираетесь въ Петербургъ? Вотъ обрадовали бы! Пріѣзжайте хоть на одинъ день: чувствую настоятельную потребность поговорить съ вами. Вѣдь иногда разговоръ важнѣе всякаго дѣла. Не правда ли? Хотѣлось бы освѣжить отношенія... Не весело у насъ, въ Петербургѣ: всѣ злятся, ворчатъ, сплетничаютъ... Какъ у васъ, въ Москвѣ? Можетъ быть, лучше?... Пріѣзжайте!... Жму руку.

Вашъ Н. Четвертухинъ.

P. S. Вашъ очеркъ «Въ неустойчивомъ равновѣсіи» идетъ въ январской книжкѣ, которая запоздала по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ».

(ъ Григорія Александровича Глѣбова къ Николаю Павловичу етв тухину:

«Дорогой Николай Павловичъ!

И мнѣ хотѣлось бы освѣжить отношенія. Надо о многомъ поговорить...

Собирался въ Петербургъ постомъ, но, получивъ ваше письмо, рѣшилъ пріѣхать, не откладывая. Не пишу больше, потому что въ первыхъ числахъ февраля буду въ Петербургѣ.

До свиданія! Вашъ Г. Глѣбовъ».

II.

Черезъ нѣсколько дней Глѣбовъ ѣхалъ со скорымъ поѣздомъ въ Петербургъ. Цѣлый вечеръ смотрѣлъ онъ въ окно вагона, и мысль лихорадочно работала въ немъ. Думалось какъ-то особенно легко; воображеніе рисовало картину за картиной; на языкъ просились какія-то особенно образныя выраженія: прочувствованныя, сильныя, сочныя. Давно Глѣбовъ не чувствовалъ себя такъ хорошо. Въ этомъ поѣздѣ, мчавшемся безпрепятственно среди лѣсовъ и снѣжныхъ полей, было что-то могучее, побѣдоносное: точно это мчится впередъ всепобѣждающая мысль человѣка, свободная, смѣлая, торжествующая. Мерещилась какая-то великая идея: для нея-то и вызванъ на свѣтъ этотъ мощный бѣгунъ, проложенъ и расчищенъ путь, зажжены огни, протянуты телеграфныя проволоки; для нея-то и несутся теперь съ быстротой птицы всѣ эти похрапывающіе въ вагонѣ люди: имъ кажется, что они спѣшатъ по своимъ личнымъ маленькимъ дѣламъ, а въ сущности они, сами того не замѣчая, служатъ одной великой идеѣ... «Впередъ, впередъ!»

И даже когда Глѣбовъ, покачиваясь на мягкомъ сидѣньѣ 2-го класса, задремалъ подъ равномѣрный стукъ колесъ, въ немъ еще долго держалось пріятное, повышенное настроеніе.

Ему казалось, что онъ не напрасно торопится, что его ждетъ большое, хорошее дѣло, давно назрѣвшее, давно требующее самоотверженныхъ работниковъ; что вмѣстѣ съ нимъ жаждутъ этого дѣла десятки, сотни, тысячи другихъ... Что это за дѣло,—Глѣбовъ не представлялъ себѣ ясно: онъ только чувствовалъ, что такое дѣло есть, что оно, какъ воздухъ, незримо проникаетъ собою все; что тамъ, въ далекомъ Петербургѣ, куда онъ несется среди ночного мрака и зимней стужи, много головъ напряженно думаетъ надъ нимъ, много сердецъ волнуется заботой все о томъ же живомъ и свѣтломъ дѣлѣ... «Впередъ, впередъ!»

. . . . . .

— Станція Любань, остановка 8 минутъ! — прокричалъ нѣсколько разъ кондукторъ, проходя по вагону.

Глѣбовъ проснулся и открылъ глаза. Поѣздъ стоялъ. Въ окно виднѣлось голое дерево съ растопыренными обледенѣвшими вѣтвями; въ стекла ударяла крупа... Пассажиры, съ измятыми лицами, хмурые и вялые, зѣвали, кряхтѣли, разминались, ежились отъ холода, и Глѣбовъ, смотря на нихъ, думалъ, что никакой великой идеѣ они не служатъ, а хотятъ только, чтобы имъ было потеплѣе, поуютнѣе... Проведя ночь въ скрюченномъ положеніи, онъ ощущалъ усталость въ ногахъ, въ спинѣ, въ шеѣ; кожу на лицѣ стягивало, и на ней ощущался непріятный налетъ. Чтобы освѣжить лицо, онъ приложился лбомъ къ стеклу и долго стоялъ, глядя машинально въ окно.

На видъ Глѣбову можно дать и 30, и 40 лѣтъ, смотря по выраженію на его лицѣ: если оно спокойно или оживлено, то—тридцать; если же оно тревожно или апатично, то—сорокъ. Именно такимъ казалось теперь его блѣдноватое, нервное лицо, съ небольшой спутанной бородкой, съ усталыми, строгими глазами, неподвижно смотрящими передъ собой. Какія-то безсвязныя, безвкусныя, противныя мысли торопливо пробѣгали у него въ головѣ—въ то время, какъ мимо него мелькали унылыя деревья, невзрачныя будки, неприглядныя фигуры людей...

— Куда это я такъ бѣшено лечу—и зачѣмъ? — вдругъ спросилъ онъ себя съ недоумѣніемъ.

Пассажиры мало-по-малу оживились и разговорились. Толковали о томъ, что мостовыя въ Петербургѣ лучше, чѣмъ въ Москвѣ, но что зато въ Москвѣ лучше кормятъ; разбирали, кто въ какомъ вѣдомствѣ служитъ, гдѣ и черезъ кого надо дѣйствовать, жаловались на дороговизну квартиръ... Глѣбовъ оглядѣлъ лица разговаривающихъ: Боже, какія стертыя, полинявшія физіономіи, какіе тусклые глаза! Въ нихъ не свѣтится живой мысли, живого чувства; въ каждой складкѣ, въ каждой чертѣ лица сидитъ черствая озабоченность и что-то затаенно-недовѣрчивое... Глѣбовъ отвернулся къ окну. Теперь мимо него мелькали фабричныя трубы—и опять деревья, будки, мужики съ лопатами, провожающіе равнодушными взглядами поѣздъ. Пошли длинныя линіи вагоновъ, раздался свистокъ... Вотъ и вокзалъ.

III.

— Николай Павловичъ въ редакціи?—спросилъ Глѣбовъ, входя въ помѣщеніе «Истины, добра и красоты».

На изъ барышенъ, служащихъ въ конторѣ редакціи, сутулова-

тая, малокровная, подняла отъ бумагъ голову и, вмѣсто отвѣта, крикнула въ слѣдующую комнату:

— Иванъ Николаевичъ, когда долженъ придти редакторъ?

Глѣбовъ вошелъ въ эту комнату и увидалъ тамъ стоящаго передъ конторкой незнакомаго ему блондина въ золотыхъ очкахъ, съ лицомъ, на которомъ закаменѣло недоброжелательное выраженіе. Продолжая шуршать бумагами, онъ посмотрѣлъ изъ-подъ очковъ на Глѣбова. Глаза ихъ встрѣтились, и на лицахъ обоихъ одновременно мелькнуло: «Знакомиться ли? Здороваться ли? Или не надо?» Кончилось тѣмъ, что Глѣбовъ сдѣлалъ какое-то движеніе головой, а недоброжелательный человѣкъ качнулъ неопредѣленно корпусомъ.

— Николай Павловичъ скоро будетъ,—произнесъ онъ съ натугой и опять сердито зашуршалъ бумагами.

Глѣбовъ вошелъ въ кабинетъ редактора, взялъ со стола только что вышедшую книжку журнала и началъ просматривать свой очеркъ, мѣстами изъѣденный цензурой, какъ мѣхъ молью. Пестрѣли опечатки: одна, другая, третья... Глѣбова покоробило.

— Чортъ знаетъ, что такое!—сказалъ онъ, швыряя книгу.— Кто это здѣсь такъ отвратительно держитъ корректуру?

— Это я, къ вашимъ услугамъ,—отозвался недоброжелательный господинъ, поднимая голову отъ конторки.

Онъ скрестилъ руки и смотрѣлъ въ упоръ на Глѣбова; очки его зловѣще сверкали.

— Ну, отъ такихъ услугъ я отказываюсь,—проворчалъ Глѣбовъ.

— Такъ жалуйтесь на меня редактору!—заклокоталъ корректоръ.—Вы оба съ Николаемъ Павловичемъ убѣждены, что всякій, имѣющій счастье служить въ редакціи «Истины, добра и красоты», обязанъ вытянуть изъ себя послѣднія жилы: онъ не смѣетъ ни хворать, ни отдыхать, ни думать о чемъ бы то ни было, кромѣ «Истины, добра и красоты». Онъ долженъ быть сытъ и счастливъ однимъ сознаніемъ, что состоитъ при такомъ передовомъ журналѣ!

— Вовсе я этого не думаю,—досадливо возразилъ Глѣбовъ, передъ глазами котораго все еще пестрѣли опечатки.—А вы лучше взгляните, какая галиматья здѣсь напечатана: вмѣсто «апатично», стоитъ «аппетитно»! Чортъ знаетъ, что такое!

— Посадилъ бы я васъ на мое мѣсто! Интересно, что бы вы тогда заговорили? Я и корректоръ, я и въ конторѣ, я и къ сотрудникамъ бѣгаю, и въ типографію, и въ цензуру... У насъ людей-то жалѣютъ меньше, чѣмъ лошадей на конкѣ: тамъ, по крайней мѣрѣ, смѣняютъ, а здѣсь... Я тутъ зрѣніе себѣ испортилъ... Я по ночамъ не сплю... Мнѣ тутъ некогда духъ перевести!

Слушая этотъ глухой и какъ будто надтреснутый голосъ, Глѣбовъ ходилъ нервными шагами по кабинету и тоскливо хмурился. Въ открытыя со всѣхъ сторонъ двери онъ видѣлъ головы служащихъ, низко согнутыя надъ бумагами, и ему казалось, что на лицѣ у каждаго написано: «мнѣ трудно, мнѣ скучно, мнѣ опротивѣла эта редакція, этотъ журналъ и все, что съ нимъ связано».

«Странное впечатлѣніе!—промелькнуло въ головѣ Глѣбова.—Выходитъ, что «Истина, добро и красота» придавили ихъ какимъ-то прессомъ». И въ немъ опять заныло чувство, которое онъ испыталъ въ вагонѣ, подъѣзжая къ Петербургу: отъ этихъ согнутыхъ фигуръ съ утомленными, пасмурными лицами повѣяло на него той же мертвящей грустью, какую возбуждали въ немъ голыя, угрюмыя деревья, жалкія будки, каменныя трубы и деревянные пассажиры. Отовсюду глядѣла на него своими безжизненными глазами противная лямка, изъ-за которой не видно жизни. «Зачѣмъ все это?» спросилъ онъ себя, и по его душѣ скользнуло ощущеніе ненужности всего этого: редакцій, конторъ, фабричныхъ трубъ, журналовъ, очерковъ, поѣздовъ, на которыхъ мчатся люди ради этихъ ненужныхъ дѣлъ, всей этой мучительной сутолоки на улицахъ, въ домахъ, въ головахъ, въ нервахъ. Онъ живо представилъ себѣ, какъ его очеркъ, который, можетъ быть, никому не нуженъ, набирали сумрачные наборщики вотъ съ такими же усталыми и черствыми лицами, какія у этихъ служащихъ; потомъ этотъ очеркъ читалъ, злясь на массу работы, цензоръ; потомъ вотъ этотъ сердитый и, видимо, несчастный человѣкъ правилъ, стиснувъ зубы, корректуру; потомъ... «Да вѣдь я своимъ очеркомъ, въ сущности, прибавилъ только лишнее звено къ поганой лямкѣ»!

Глѣбовъ подошелъ къ корректору и сказалъ примирительно:

— Ну, чортъ съ ними, съ опечатками! Пусть будетъ «аппетитно». Отечество вѣдь отъ этого не погибнетъ. Я не зналъ, что вы корректировали. Простите!

Потомъ, вспомнивъ, что они еще не познакомились, протянулъ руку и произнесъ:

— Глѣбовъ.

— Березовскій...—буркнулъ корректоръ, неловко суя Глѣбову руку, и поспѣшилъ скрыть свои покраснѣвшіе глаза за корректурнымъ листомъ.

Въ передней кто-то хлопнулъ дверью, съ трескомъ сорвалъ съ себя громоздкіе ботики. На порогѣ показался Четвертухинъ, высокій брюнетъ, съ зачесанными набокъ, слегка посѣдѣвшими волосами.

Передъ Глѣбовымъ мелькнуло насупленное, раздраженное и огорченное лицо.

— А, Григорій Александровичъ!—воскликнулъ Четвертухинъ, замѣтивъ вдругъ Глѣбова, и сдѣлалъ судорожное усиліе, чтобы привести лицо свое въ порядокъ; но оно еще нѣсколько мгновеній продолжало быть сердитымъ и безпокойнымъ.—Вотъ и отлично, и отлично!—говорилъ Четвертухинъ, подходя къ Глѣбову съ протянутой рукой и потомъ вводя его за собой въ кабинетъ.—Только что пріѣхали?

Онъ, наконецъ, справился съ своимъ лицомъ, и оно превратилось въ оживленное, ласковое. Однако Глѣбовъ видѣлъ, что Четвертухинъ очень далекъ отъ него въ эту минуту: этого было достаточно, чтобы Глѣбовъ самъ мгновенно почувствовалъ отчужденность и скуку. Онъ молча присѣлъ къ столу и уставился хмурымъ взглядомъ на редакціонный шкапъ.

— Ну, видъ у васъ не блестящій,—замѣтилъ Четвертухинъ, взглянувъ внимательно на Глѣбова. Потомъ взглядъ его упалъ на пачку писемъ, и онъ принялся суетливо просматривать ихъ.

— Когда же у меня былъ блестящій видъ?—вяло возразилъ Глѣбовъ и опять машинально взялъ со стола книгу журнала.

— Видѣли свой очеркъ? Цензура кое-что почеркала, но немного, — сказалъ Четвертухинъ, продолжая торопливо просматривать корреспонденцію.

Глѣбову не нравилось, что тотъ разговариваетъ, читая письма.

— Опечатки тутъ ужасныя...—сухо отозвался онъ, наблюдая, какъ въ глазахъ Чертвертухина, бѣгающихъ по строкамъ письма, отражаются поперемѣнно досада, нетерпѣніе, насмѣшка, горечь.—Вы напрасно не выслали мнѣ корректуру: я вѣдь просилъ васъ...

— Голубчикъ, извините: совсѣмъ изъ ума вонъ!—воскликнулъ Четвертухинъ.—Затормошился, засовался... Не до того было!

Глѣбовъ уже примирился было съ мыслью объ опечаткахъ, но теперь его задѣли за живое слово: «не до того было»...

— Такъ всетаки нельзя, Николай Павловичъ,— сказалъ онъ, вставая, нахмуренный, съ кресла.—Я знаю, у васъ много заботы, да вѣдь и авторъ, естественно, заботится о томъ, чтобы его не искажали. И вообще, такое отношеніе къ чужому труду...

«Боже, о какомъ вздорѣ мы говоримъ!»—пронеслось вдругъ у него въ головѣ, и онъ, злясь на себя, замолчалъ и нахмурился еще больше.

— Простите ради Бога: я не думалъ, что вы примете это такъ къ сердцу, — произнесъ Четвертухинъ съ замѣшательствомъ.—

Видите ли: корректоръ у меня, этотъ Березовскій,—очень странный человѣкъ,—продолжалъ Четвертухинъ, понизивъ голосъ.—Онъ работаетъ, какъ волъ, но иногда вдругъ на него находитъ: это бываетъ у него передъ запоемъ. Начинаетъ бѣситься, говорить дерзости, перестаетъ работать. Изъ-за жены сталъ запивать: поведенія она у него не совсѣмъ корректнаго... хотя и жена корректора... хе-хе. Она срываетъ цвѣты удовольствія,—а у насъ изъ-за этого куча опечатокъ. Я понимаю, что для автора это крайне непріятно, но вы, ради Бога, не разстраивайтесь и будьте для перваго раза снисходительны...

— Ну, бросимъ всю эту чепуху!—сказалъ Глѣбовъ съ взрывомъ ожесточенія противъ самого себя.—Это все моя проклятая впечатлительность!—Онъ сѣлъ на прежнее мѣсто и, потирая переносицу, говорилъ угрюмо:—Мнѣ просто досадно, что мы съ вами такъ нескладно встрѣтились. Хотѣлось поговорить о томъ, что важно для насъ обоихъ, а вмѣсто этого съѣхали на пустяки. Это все не то, не то... Потолкуемъ по хорошему.

— Да, да... и мнѣ хочется съ вами по душамъ. Ну, что у васъ въ Москвѣ? Всетаки, чай, повеселѣе, чѣмъ у насъ?

— Нѣтъ, и у насъ въ общемъ невесело. Тоже сплошь и рядомъ грызутся изъ-за выѣденнаго яйца, брюзжатъ, сплетничаютъ или носятся съ такими пустяками, что жалко смотрѣть. И вѣдь главное: всѣмъ въ глубинѣ души скучно отъ этихъ пустяковъ,—и всетаки цѣпляются за каждую побрякушку, нарочно раздуваютъ ее до степени общественнаго событія, чтобы какъ-нибудь заполнить томительную пустоту внутри. А такъ какъ пустоту легче заполнить въ желудкѣ, чѣмъ въ душѣ, то особенно охотно устраиваютъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ разные обѣды и ужины... Вѣдь вотъ что обидно: каждый, взятый въ отдѣльности, гораздо умнѣе, оригинальнѣе, живѣе, чѣмъ въ общественной жизни; а тамъ какъ-то всѣ краски стираются, и на сцену выступаетъ или пустопорожняя болтовня, или прямо пошлость, замаскированная разными приправами изъ науки, искусства, философіи... Впрочемъ, вы, кажется, меня не слушаете... Вамъ, повидимому, сейчасъ не до того?... Должно быть, получили непріятныя письма?

— Да, препротивныя...—отвѣтилъ, весь сморщившись, Четвертухинъ, бѣшено позвонилъ, крикнулъ: «Чаю!» потомъ взялъ со стола письмо и, потрясая имъ, продолжалъ: —Курковскій какую свинью мнѣ подложилъ! Требуетъ, чтобы я снялъ его фамилію съ обложки, потому что не можетъ сотрудничать вмѣстѣ съ Щавелевымъ. Какъ вамъ это нравится? Вы знаете Щавелева,—скажите: что онъ разбойникъ, что ли, какой или прохвостъ? Нѣтъ, онъ вполнѣ по-

рядочный и дѣльный человѣкъ. Вся бѣда его въ томъ, что онъ разошелся съ Курковскимъ во взглядахъ по какимъ-то даже не принципіальнымъ вопросамъ.

Человѣкъ въ грязной манишкѣ и засаленномъ пиджакѣ принесъ подносъ съ чаемъ и разной сдобью, осторожно вдвинулъ его на столъ между рукописей и вышелъ на цыпочкахъ.

— Если Курковскій не уступитъ, придется пожертвовать Щавелевымъ,— а жаль...— молвилъ съ грустью Четвертухинъ, жуя слойку.—Ничего не подѣлаешь: публика любитъ Курковскаго.

— Мало ли что любитъ публика!—рѣзко возразилъ Глѣбовъ.— Мы должны вести ее за собой, а не бѣжать за нею на пристяжкѣ. Подкрашенная ложь интересуетъ публику больше, чѣмъ не наруминенная правда,— такъ неужели вы хотите, чтобы ваша «Истина» преподносила публикѣ эту ложь?

— Ахъ, это—самое мое больное мѣсто!—вздохнулъ Четвертухинъ и безпокойно завозился на своемъ вертящемся креслѣ.—Приходится считаться съ требованіями публики, идти навстрѣчу ея запросамъ...

— И вертѣться, какъ вотъ вы сейчасъ вертитесь?—усмѣхнулся Глѣбовъ.

— Да, да!—расхохотался Четвертухинъ.—У редактора должно быть вертящееся кресло... Ха-ха!... Ахъ, тяжела ты, редакторская шапка!—заключилъ онъ со вздохомъ, запивая слойку чаемъ.

— Какъ же вы говорите, что его нѣтъ?—пробрюзжалъ чей-то непріятно-рѣзкій голосъ въ передней.—Вотъ его ботики, я узнаю ихъ по буквамъ.

— О, чортъ... Это Рожновъ!—прошепталъ съ гримасой Четвертухинъ.—Сколько разъ говорилъ этому ослу Семену: «убирай, каналья, ботики!»

Въ кабинетъ, раздражительно покряхтывая, входилъ господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, въ плисовыхъ сапогахъ, весь точно выцвѣтшій, вылинявшій. Маленькіе сѣрые глаза на его кисломъ, брюзгливомъ лицѣ выражали одновременно и затаенную обиду, которую онъ не проститъ во вѣки вѣковъ, и болѣзненную надменность, заставляющую его заранѣе презирать тѣхъ, къ кому приходится обращаться.

— Вы, повидимому, изволите быть дома?—сказалъ, слегка гнусавя, Рожновъ и медленно протянулъ руку Четвертухину.—Надѣюсь, что ваше *alibi* не касается меня?

— Вы знакомы?—спросилъ вмѣсто отвѣта Четвертухинъ, кивая на Глѣбова.

Рожновъ остановилъ на Глѣбовѣ тяжелый, намѣренно равно-

ный взглядъ, въ которомъ такъ и сквозило: «Я тебя знаю, но не признаю. Если есть люди, которые даже меня не признаютъ, то тебя-то я прямо считаю за мальчишку, за нуль».

— Мы съ вами встрѣчались,—сказалъ Глѣбовъ, протягивая ему руку.

— Можетъ быть...— прогнусавилъ надменно Рожновъ и потомъ, сдѣлавъ паузу, какъ бы съ усиліемъ подалъ Глѣбову свою костлявую руку.—Рожновъ,—произнесъ онъ такимъ тономъ, точно въ этомъ небольшомъ словѣ таилась цѣлая бездна.

— Отвыкъ я ѣздить по редакціямъ,—говорилъ онъ брюзгливымъ и умышленно разслабленнымъ голосомъ.—Сегодня получилъ книжку «Истины» и съ удивленіемъ увидалъ, что мой разсказъ еще не напечатанъ. Признаться, я не привыкъ къ такимъ задержкамъ: меня всегда печатаютъ раньше, чѣмъ я напишу... то-есть, кончу. Издатели рвутъ у меня изъ-подъ рукъ мои работы; но у васъ, вѣрно, сотрудничаютъ все геніи, такъ что мнѣ, какъ просто таланту, хотя и признанному въ Россіи, приходится отходить въ глубину сцены.

— Помилуйте, Іаковъ Ермолаевичъ, я высоко цѣню все, что выходитъ изъ-подъ вашего пера...—возразилъ Четвертухинъ, бѣгая глазами.

По лицу Рожнова скользнула было торжествующая усмѣшка, но онъ поспѣшилъ прогнать ее и надменно выпятилъ нижнюю губу.

— Мнѣ это очень лестно слышать,—прогнусавилъ онъ,—но, однако, мой «Заморышъ» до сихъ поръ не напечатанъ.

— Его задержалъ цензоръ,—сказалъ Четвертухинъ, глядя на свои сапоги, и Глѣбовъ понялъ, что онъ безбожно лжетъ.

— Цензура?—глубокомысленно насупился Рожновъ.

— Да, она подозрѣваетъ тамъ скрытый смыслъ и... довольно опасный.

Рожновъ забезпокоился:

— Даже «опасный», вы говорите? Гм... какъ сказать? Конечно, затронулъ тамъ глубокую идею, но... но какая же опасность? Я съѣзжу къ цензору, я объясню ему...

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же вамъ самимъ?—испугался Четвертухинъ.—Я сегодня же выручу вашъ очеркъ изъ цензуры. Мнѣ уже обѣщали...

Да?... Гм... Вы говорите: «глубокая идея»... А какъ вы находите сцену, когда Юрій, вернувшись ночью домой, застаетъ вмѣсто [illegible] ея записку, написанную на папильоткѣ?

[illegible]у сцену?... О, да... это глубоко!

— А то мѣсто, гдѣ мать слышитъ вопли своего ребенка и бѣжитъ отъ него прочь?...

— О, это производитъ потрясающее впечатлѣніе!...

— Мнѣ мои поклонники говорили, что при чтеніи этого мѣста мурашки по кожѣ бѣгаютъ. Вотъ тоже очень сильный моментъ, когда эта женщина...

Рожновъ долго разбиралъ своего «Заморыша», находя тамъ одинъ перлъ за другимъ и безпрестанно спрашивая:

— Не правда ли: это тонко? это глубоко?

Наконецъ, онъ всталъ, протянулъ уже болѣе милостиво руку Четвертухину и, прощаясь, сказалъ утвердительно:

— Ну, такъ, значитъ, «Заморышъ» идетъ въ февральской книгѣ.

— Да, да... постараюсь.

— А на мартовскую у меня есть «Непрощенный грѣхъ»... листа въ полтора.

— Рукопись съ вами?

— Она у меня тутъ.—Рожновъ многозначительно постучалъ пальцемъ по лбу и прибавилъ:—Вы мнѣ только оставьте въ мартѣ мѣсто.

— Какъ же безъ рукописи, Іаковъ Ермолаевичъ? Это неудобно...

— Значитъ, вы хотите купить «на вырѣзъ?» Это будетъ стоить дороже.

— Т.-е. какъ «на вырѣзъ?»

— А вотъ какъ покупаютъ арбузы. «На вырѣзъ» всегда дороже.

— Ха, ха, ха!... Я бы всетаки предпочелъ «на вырѣзъ». А, впрочемъ, тамъ видно будетъ...

— Фу!—вздохнулъ Четвертухинъ, когда Рожновъ, наконецъ, убрался.—Былъ онъ молодъ и хорошо писалъ, но тогда его ни въ грошъ не ставили; теперь онъ старъ и глупъ, пишетъ скверно, перекраиваетъ свои раннія произведенія и выдаетъ ихъ за новыя,—а посмотрите: вѣдь публика читаетъ! Привыкла къ его имени: «А, Рожновъ! Знакомый авторъ: надо прочесть». Поэтому и печатаютъ его охотно. А какое величіе въ обхожденіи! Ха-ха... Попробуйте-ка назвать его просто «Яковъ Ермолаевичъ!» Это прежде онъ былъ Яковъ, а теперь *Іаковъ*... Надо всетаки прочитать его «Заморыша». Вѣрно, страшная гиль. Не помню, куда я засунулъ рукопись. Марья Ивановна, гдѣ у насъ разсказъ «Заморышъ?»—крикнулъ онъ въ дверь.—Поищите, нѣтъ ли въ шкафу? А то вѣдь Іаковъ всю душу изъ насъ вымотаетъ. На бѣду еще, онъ—старинный знакомый нашего издателя...

Въ кабинетъ вошла та самая барышня, которую Глѣбовъ спрашивалъ о редакторѣ.

— Тамъ Филипчиковъ пришелъ, спрашиваетъ васъ, — сказала она замогильнымъ голосомъ.—Третій разъ приходитъ.

Четвертухинъ петерпѣливо махнулъ рукой:

— Ахъ, Г'осподи, о чемъ я съ нимъ буду говорить? Ну, зачѣмъ онъ ходитъ?

Барышня молча ждала. Ея летаргическое, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ лицо не выражало ничего, кромѣ крайняго переутомленія.

— Скажите, что меня нѣтъ въ редакціи или что я занятъ... Верните ему его рукописи.

Барышня повернулась, какъ автоматъ, вышла и притворила за собой дверь.

— Кто этотъ Филипчиковъ?—спросилъ Глѣбовъ.

— Молодой авторъ. Написалъ цѣлый ворохъ и прозы, и стиховъ.

— Что-жъ, плохо?

— Не знаю. Я не читалъ. Развѣ есть возможность читать все? Думаю, что неважно: нигдѣ не печатался, совершенно неизвѣстенъ... Насъ завалили самоучки и прозой, и стихами... главное—стихами. Что мнѣ дѣлать съ этой уймой? У насъ пока достаточно матеріалу...

Глѣбовъ пріотворилъ дверь и увидалъ въ щелку Филипчикова: коренастый, малаго роста юноша, съ большой стриженой головой, въ очкахъ. Возлѣ него былъ стулъ, но онъ не присаживался на него, а стоялъ въ своемъ толстомъ ватномъ пальто безъ воротника и, согнувшись надъ столомъ, что-то писалъ скрюченными отъ холода пальцами; на его скуластыхъ щекахъ расходились все шире пунцовыя пятна и, наконецъ, расползлись по всему лицу... Кончивъ писать, онъ взялъ свои рукописи, которыя барышня завернула ему въ газету, и, мучительно конфузясь, пробурчалъ:

— Передайте, пожалуйста, эту записку редактору.

— Хорошо,—безучастно отозвалась барышня, не поднимая головы отъ бумагъ.

Филипчиковъ долго возился въ передней; должно быть, онъ отъ волненія никакъ не могъ попасть въ свои калоши... Барышня, даже не дождавшись его ухода, вошла съ запиской къ Четвертухину.

— Положите тутъ, — сказалъ тотъ, судорожно роясь въ ящикахъ стола.

Барышня положила и ушла.

— Можно прочесть?—спросилъ Глѣбовъ.

— Конечно!... Прочтите вслухъ.

— «Многоуважаемый господинъ редакторъ!—читалъ Глѣбовъ.— Три мѣсяца съ половиной мои рукописи пролежали у васъ въ редакціи. Я писалъ вамъ много разъ, умоляя васъ отвѣтить, но никакого отвѣта не получилъ. Теперь я на послѣдніе гроши пріѣхалъ изъ провинціи, чтобы хотя что-нибудь услышать отъ Васъ, но мнѣ молча вернули мои произведенія»...

— Куда вы? — съ удивленіемъ спросилъ Четвертухинъ, когда Глѣбовъ вдругъ сорвался съ мѣста.

— Я догоню его... Такъ нельзя: это жестоко. Вѣдь человѣкъ нарочно изъ провинціи пріѣхалъ...

Глѣбовъ предвидѣлъ, что Филипчиковъ будетъ медленно-медленно спускаться съ лѣстницы, потомъ нерѣшительно отворитъ дверь, постоитъ у подъѣзда, соображая: «Куда же теперь идти?»—и затѣмъ медленно тронется въ путь. Такъ и вышло: Глѣбовъ увидалъ его въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подъѣзда. Филипчиковъ понуро шелъ, запрятавъ иззябшія руки въ рукава и придерживая ими пачку своихъ рукописей.

— Господинъ Филипчиковъ!—окликнулъ его Глѣбовъ.

Филипчиковъ отъ неожиданности вздрогнулъ и остановился въ недоумѣніи.

— Пройдемтесь немножко вмѣстѣ,—сказалъ Глѣбовъ.—Видите ли, я—близкій сотрудникъ «Истины»... Можетъ быть, вы дадите мнѣ прочитать ваши вещи?

Филипчиковъ покраснѣлъ и пробормоталъ что-то невнятное.

— Я прочитаю сегодня, а завтра утромъ вы зайдите ко мнѣ: побесѣдуемъ... Глѣбовъ,—рекомендовался онъ, протягивая руку.

— Ахъ, Глѣбовъ!—радостно всполохнулся Филипчиковъ.—Я знаю, знаю... Какъ же! Я читалъ ваши... Очень вамъ благодаренъ.

Его круглое, почти безъ растительности, лицо расплылось въ дѣтской улыбкѣ, а глаза, на которыхъ уже не было очковъ, сдѣлались до смѣшного маленькими и счастливыми.

— Вы долго еще пробудете въ Петербургѣ?—спросилъ Глѣбовъ.

— Нѣтъ, я собственно хотѣлъ нынче же уѣхать. Что-жъ мнѣ здѣсь? Только проживаться... Да и проживать-то нечего! — прибавилъ Филипчиковъ дѣтски-довѣрчиво и засмѣялся. — Но, конечно, если вы будете такъ добры... если я могу разсчитывать... Конечно, я останусь здѣсь по возможности.

Лицо у Филипчикова было смущенное, но продолжало сіять улыбаться.

— Такъ вы лучше дайте мнѣ свой адресъ, я зайду —

завтра часа въ два,—предложилъ Глѣбовъ.—А то самъ-то я могу уйти съ утра изъ дому: пожалуй, не застанете меня...

— Я очень далеко живу, — сказалъ виноватымъ голосомъ Филипчиковъ.

— Ничего! Какъ вашъ адресъ?

— И адресъ такой большой... Я уже лучше напишу вамъ на рукописи.

Филипчиковъ нашарилъ въ карманѣ огрызокъ карандаша, развернулъ рукописи и, стараясь всѣми силами писать четко, изобразилъ на одной ихъ нихъ свой адресъ. Глѣбовъ взялъ у него адресъ и увѣсистую пачку рукописей.

— Такъ я зайду завтра около двухъ.

Филипчиковъ взволнованно пожалъ ему руку и пошелъ уже болѣе молодцоватой походкой, но вдругъ вернулся, догналъ Глѣбова и сказалъ, конфузясь:

— Нѣтъ, ужъ лучше я къ вамъ зайду, а то у меня очень... Такая, знаете, обстановка...

Глѣбовъ посмотрѣлъ на него и понялъ, что Филипчикову стыдно передъ нимъ за ту конуру, въ которой онъ, вѣроятно, проживаетъ, здѣсь.

— Хорошо, я буду ждать васъ завтра часовъ въ десять утра,— сказалъ онъ и, назвавъ гостиницу, гдѣ остановился, еще разъ пожалъ на прощанье руку Филипчикову.

IV.

Вернувшись въ редакцію, Глѣбовъ засталъ въ кабинетѣ, вмѣсто отвертухина, двухъ литераторовъ; они пили чай и разговаривали. Одинъ, лѣтъ 30-ти на видъ, крайне худой, съ нездоровымъ желчнымъ лицомъ, поэтъ и беллетристъ Горшанскій, былъ старый знакомый Глѣбова. Другого,—Колобаева,—Глѣбовъ зналъ, какъ автора многочисленныхъ повѣстей и статей по всевозможнымъ вопросамъ, и отъ всѣхъ этихъ повѣстей и статей у него осталось впечатлѣніе какой-то громадной кучи мусора, въ которой тамъ и сямъ блестѣли частицы настоящаго, чистаго золота, точно нарочно заваленнаго всякимъ соромъ. Плотный, съ короткой шей, втянутой въ туловище, съ густыми нависшими бровями и добрыми безцвѣтными глазами, такъ мало гармонировавшими съ ними, Колобаевъ сидѣлъ въ креслѣ съ тѣмъ незыблемымъ видомъ, который ясно показывалъ, что онъ засѣлся здѣсь надолго и можетъ проспдѣть неподвижно хоть сутки. Обдуманно посапывая, онъ говорилъ мѣрнымъ, вѣскимъ то-

номъ что-то о «новомъ искусствѣ», а Горшанскій, высоко поднявъ брови и смотря на него въ упоръ своими умными глазами, слушалъ его съ явно насмѣшливымъ видомъ.

— Да, пора прекратить это вѣчное нытье, это изображеніе всякихъ мизеровъ и всю эту плаксивость,—мѣрно и однотонно гудѣлъ Колобаевъ, какъ языкъ большого колокола.—Передъ нами должны открыться теперь новые горизонты, освѣщаемые блескомъ новой зари...

— Ба!—воскликнулъ Горшанскій, завидѣвъ Глѣбова.—Пріѣхали?... А мы съ этимъ ихтіозавромъ только что промывали ваши кости.

Глѣбовъ обрадовался Горшанскому, но, услыхавъ въ его тонѣ обычную шутовскую, хотя и безобидную, нотку, не выразилъ своей радости, а только пожалъ ему руку и спросилъ:

— Гдѣ же Николай Павловичъ?

Потомъ, встрѣтившись глазами съ Колобаевымъ, сдѣлалъ нерѣшительное движеніе корпусомъ въ его сторону.

— Мы немножко знакомы, — прогудѣлъ Колобаевъ, заколебавшись въ креслѣ, и подалъ Глѣбову свою толстую, сильную руку.

— Редактора парятъ въ банѣ,—сказалъ Горшанскій.

— Какъ въ банѣ?

— Издатель пріѣхалъ мыть ему голову. Вонъ они... тамъ, въ горячей банѣ,—пояснилъ онъ, кивнувъ головой на плотно закрытую дверь.—А вы, батюшка, кажется, помирать собрались? Неврастенія, что ли... или, можетъ быть, печенка? Эхъ, вы! А все оттого, что пессимистъ. Вотъ посмотрите-ка на эту оптимистическую глыбу: глазъ радуется! Бодростью, свѣжестью вѣетъ отъ него... съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ получать за листъ въ полтора раза больше противъ прежняго.

— Много желчи, мало смыслу,—замѣтилъ добродушно-олимпійскимъ тономъ Колобаевъ.

— Прежде онъ страдалъ міровою тоской,—продолжалъ Горшанскій, пропустивъ мимо ушей слова Колобаева,—видѣлъ во всемъ упадокъ, вырожденіе, писалъ статьи на тему: «Куда же мы идемъ наконецъ?!» А теперь, когда въ карманѣ у него зашевелился солидный гонораръ, онъ увидѣлъ свѣтлые горизонты впереди, какую-то новую красоту... и все призываетъ къ чему-то. Не человѣкъ, а трубный гласъ!

Колобаевъ смотрѣлъ на Горшанскаго съ такимъ видомъ, точно тотъ выполнялъ передъ нимъ куплеты, значащіеся въ программѣ.

— Старо, братъ, старо, не оригинально! «Плашмя», что ...

вается.—замѣтилъ онъ прежнимъ тономъ, потомъ обратился къ Глѣбову:—Я тутъ ругалъ васъ за вашъ послѣдній очеркъ: искренно, талантливо, но болѣзненно... да. Пора сказать, какъ въ 9-й симфоніи Бетховена: «Оставимъ, братья, эти звуки!»

— «Пора намъ стать людьми», какъ твердилъ попугай у Андерсена,—ввернулъ Горшанскій.

— Всякій пессимизмъ есть не что иное, какъ узость взгляда или узость чувства,—продолжалъ Колобаевъ, не обращая вниманія на Горшанскаго.—Жизнь представляется вамъ безнадежно мертвенной, упрямо выталкивающей изъ себя всякую новую идею; люди кажутся вамъ совершенно чуждыми всякимъ высшимъ интересамъ...

— Не совсѣмъ такъ,—попробовалъ было возразить Глѣбовъ.

— Это клевета на жизнь, клевета на человѣка!—воскликнулъ Колобаевъ, не слушая Глѣбова.—Вѣдь вотъ объединилась же горсточка людей около такого симпатичнаго журнала, какъ «Истина, добро и красота»! Пусть эта горсть незамѣтна среди необозримой житейской толчеи, но она всетаки дѣлаетъ свое дѣло во имя идеи, подвигаетъ жизнь впередъ, пробиваетъ новые пути... Всегда въ сердцахъ людей живутъ и будутъ жить истина, добро и красота!

— Тра-та-та-та!—добавилъ въ такомъ же повышенномъ тонѣ Горшанскій.

— Надо пошире смотрѣть на вещи,—продолжалъ Колобаевъ, попрежнему не обращая вниманія на Горшанскаго.—Оглянитесь вокругъ себя: вездѣ жизнь, вездѣ красота!

— Только въ тебѣ-то, плезіозавръ, ея нѣтъ.

— Молчи, желчь!—добродушно разсмѣялся Колобаевъ, хлопнувъ рукой по остроконечной колѣнкѣ пріятеля.—Даже сахаръ, съ которымъ ты пьешь чай, становится кислымъ! Пишетъ хорошо, съ настроеніемъ (люблю я поэта Горшанскаго!), тонко понимаетъ красоту, чуетъ ее вездѣ... столько въ немъ вдумчивой, нѣжной поэзіи, а послушать его—Мефистофель да и только!

Между ними завязалась наполовину шутливая, наполовину серьезная перестрѣлка остротами и насмѣшками. Эта не совсѣмъ добрая игра видимо давала обоимъ своего рода эстетическое удовлетвореніе, но въ душѣ Глѣбова оставляла непріятный осадокъ. Взаимное издѣвательство собесѣдниковъ заражало его, разжигая въ немъ безцѣльную страсть къ глумленію, отъ которой ему дѣлалось нравственно тошно...

— Да, да, экономія, бюджетъ... Главное—бюджетъ! — послышался изъ передней голосъ тяжко сопѣвшаго человѣка.—Бережливость, Николай Павловичъ, бережливость! До свиданія!

Проводивъ издателя, Четвертухинъ вошелъ въ кабинетъ и гнѣвно захлопнулъ за собою дверь.

— Съ легкимъ паромъ!—привѣтствовалъ его Горшанскій.

Губы Четвертухина прыгали отъ волненія. Онъ ни на кого не глядѣлъ и расхаживалъ по кабинету, ожесточенно пощипывая бороду.

— Купецъ, торгашъ!—заговорилъ онъ звенящимъ отъ досады голосомъ.—У него какой-то подлый, чисто-панический страхъ за свои деньги. Вѣдь журналъ прогрессируетъ, подписка идетъ хорошо, а онъ видитъ только одно: что послѣдняя книжка вышла толще нормы! «Подешевле» да «поосторожнѣе»—только и слышишь отъ него. Тьфу!

— А вы бы посовѣтовали ему вмѣсто журнала открыть рыбокоптильню: говорятъ, выгодно,—замѣтилъ Горшанскій.

— Адріанъ имѣетъ свой raison d'être...—загудѣлъ было примирительно Колобаевъ.

— А онъ вонъ сейчасъ предлагалъ мнѣ уменьшить гонорары сотрудникамъ.

— Ну, ужъ это глупо!—сказалъ Колобаевъ далеко не примирительнымъ тономъ.

Всѣ невольно расхохотались, а потомъ и самъ Колобаевъ заколыхался отъ смѣха. Въ это время изъ передней послышался спокойный и властный баритонъ:

— Хозяинъ у себя? Начальство-то наше?

— Лукутинъ,—прошепталъ Четвертухинъ, заволновавшись, и сразу весь какъ-то не то обдернулся, не то подтянулся.

— Знаменитость!—желчно произнесъ Горшанскій.—Вашъ ликъ, Николай Павловичъ, сейчасъ сіяетъ, какъ ярко вычищенный мѣдный тазъ.

Въ дверяхъ появился, высоко поднявъ брови надъ своими проницательными, насмѣшливыми глазами, представительный господинъ среднихъ лѣтъ, въ домашнемъ коротенькомъ пиджачкѣ и рубашкѣ-фантазіи; Глѣбовъ видѣлъ въ полуоткрытую дверь, какъ головы служащихъ повернулись вслѣдъ Лукутину.

— Георгій Степановичъ!—воскликнулъ, радостно волнуясь, Четвертухинъ и сталъ продолжительно пожимать руку Лукутина.—Давно, давно пора вамъ вспомнить объ «Истинѣ, добрѣ и красотѣ». Вы, господа, знакомы?

— Да, повидимому,—отозвался Горшанскій, здороваясь съ Лукутинымъ.—Изъ того, что вы, встрѣтившись со мной вчера на Невскомъ, отвернулись, я заключилъ, что вы меня узнали.

Лукутинъ поднялъ еще выше брови и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Горшанскаго.

— На Невскомъ?—переспросилъ онъ безразличнымъ тономъ.

— Да, на Невскомъ?.. Пожалуйте въ креслице!—сказалъ Горшанскій съ явной насмѣшкой, вставая съ редакторскаго кресла.

— Не безпокойтесь, пожалуйста,—сухо промолвилъ Лукутинъ.

— Нѣтъ, ужъ позвольте... Каждой вещи свое мѣсто!—замѣтилъ Горшанскій, подвинулъ Лукутину кресло и вышелъ въ сосѣднюю комнату.

Лукутинъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, потомъ поздоровался не то ласково, не то фамильярно съ Колобаевымъ и Глѣбовымъ и сѣлъ.

— Сердечно радъ видѣть васъ у себя, Георгій Степановичъ,—сказалъ Четвертухинъ, лаская глазами Лукутина.

— Не радуйтесь,—насмѣшливо возразилъ тотъ.—Я пришелъ за авансомъ.

Лицо Четвертухина передернуло, точно отъ внезапной невралгіи, но онъ постарался скрыть это подъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Да вѣдь, Георгій Степановичъ, если я не ошибаюсь, тамъ за вами уже есть авансикъ? Хе-хе... Я думалъ, что вы принесли намъ свою вещь, которой мы ждемъ съ такимъ нетерпѣніемъ.

— Вещь-то я принесъ, только не отдамъ ее вамъ безъ аванса. Я предвидѣлъ, дорогой мой, что вы огорчитесь. Что-жъ дѣлать? Редакторы и сотрудники для того и существуютъ, чтобы огорчать другъ друга.

— Но вѣдь, Георгій Степановичъ, мы уже васъ авансировали...

— Другъ мой, для того, чтобы писать, надо кушать, а чтобы кушать, надо имѣть деньги... Такъ ужъ самимъ Богомъ устроено.

— Я бы всей душой, но мы сейчасъ переживаемъ кризисъ!

— Въ такомъ случаѣ—увы! я отдамъ рукопись въ другой журналъ, который *не* переживаетъ кризиса.

— Георгій Степановичъ, вспомните: «Истина»—предпріятіе не гешефтъ-махерское, а идейное, надо же поддержать его! Погодите, вотъ мы станемъ на ноги...

— Ахъ, мой пріятный, а я къ тому времени ноги протяну... Идея—дѣло хорошее, но что скажетъ мой домохозяинъ, если я предложу заплатить ему за квартиру не наличными деньгами, а парой самыхъ что ни на есть отмѣнныхъ идей?

— Хе-хе... Я это понимаю, чувствую, Георгій Степановичъ, но вѣдь вы знаете, какъ усчитываетъ меня мой издатель. Не отождествляйте меня ради Бога съ нимъ!

— Такъ наличныхъ не имѣете?—спросилъ Лукутинъ, вставая.

— Увы, нѣтъ!... Вотъ единственные сто рублей, которые необходимы на текущіе расходы.

Четвертухинъ вынулъ бумажникъ и раскрылъ его передъ Лукутинымъ съ самымъ безнадежнымъ видомъ.

Лукутинъ граціознымъ движеніемъ руки, какъ ловкій фокусникъ, изъялъ изъ бумажника двумя пальцами сторублевку и положилъ ее себѣ въ карманъ.

— Ну, вотъ и деньги! А вы говорите: «нѣтъ денегъ!»...

Затѣмъ онъ вынулъ изъ другого кармана рукопись.

— Получайте!... До свиданья, господа. Пойду, постригу еще одного издателя: онъ за послѣднее время успѣлъ обрасти шерстью...

И, покачиваясь на ходу, Лукутинъ вышелъ изъ кабинета.

— Чудакъ, право!—донесся изъ передней его баритонъ.—Говоритъ: «денегъ нѣтъ»... Какихъ же ему еще денегъ? Настоящая государственная ассигнація!... Терпѣть не могу этихъ символистическихъ выраженій.

— Поздравляю, Николай Павловичъ!—сказалъ Горшанскій, входя въ кабинетъ.—Сначала вамъ издатель вымылъ голову, а потомъ васъ остригли... ха-ха! Студникову копейки впередъ не дали, какъ онъ передъ вами ни разстилался; Кузьминъ вонъ до сихъ поръ безъ галошъ щеголяетъ,—ему, небось, не дадите? Горохова тоже держите въ черномъ тѣлѣ... Туманцевъ всѣ пороги у васъ обилъ: ему семью кормить нечѣмъ...

— Что Туманцевъ!—отозвался Четвертухинъ, начиная выходить изъ столбняка, въ который привелъ его Лукутинъ.—Вотъ эта вещица, батенька, будетъ у насъ «гвоздемъ»!—прибавилъ онъ, щелкая пальцемъ по рукописи Лукутина.—Это, сударь мой,—имя, да еще какое!

— Чтобъ вамъ повѣситься на этомъ гвоздѣ!—сказалъ Горшанскій.

— Ну, да ужъ вы—извѣстная колючка,—выразилъ Четвертухинъ съ неудавшимся смѣхомъ.

— Лукутину можно дать: публика на него побѣжитъ,—прожурчалъ примирительно Колобаевъ.—А я, Николай Павловичъ, задумалъ для «Истины» статью: «Искусство будущаго». Но мнѣ хочется предварительно развить передъ вами устно эту тему, чтобы вы могли судить...

— Да, да, это чрезвычайно интересно...—пробормоталъ Четвертухинъ, взглянувъ озабоченно на часы.

— Ну, ты, китоврасъ, развивай здѣсь свою тему (ра[illegible]ше

вечера не кончишь!), а я пойду, пошляюсь по свѣжемъ воздухѣ: больно скучно здѣсь въ вашей лавочкѣ. До свиданья.

— Будете сегодня на моемъ «четвергѣ»?—спросилъ Четвертухинъ, провожая Горшанскаго.—Приходите: надо объединяться... Что это, и вы уходите?—огорчился онъ, увидя, что Глѣбовъ прощается съ Колобаевымъ.

— Да, мнѣ нужно зайти кой къ кому.

— Какъ же это? Мы съ вами и не поговорили. А вы вотъ что: приходите ко мнѣ сегодня обѣдать. Идетъ такъ? Часовъ въ шесть?

— Хорошо.

— Мы съ вами тогда на просторѣ, по душамъ... Вы гдѣ остановились-то?

Глѣбовъ назвалъ гостиницу.

— Ну, это близехонько... Значитъ, я буду ждать? До свиданья!

V.

Запихавъ съ большимъ трудомъ рукописи Филипчикова въ боковой карманъ пальто, Глѣбовъ вышелъ вмѣстѣ съ Горшанскимъ на улицу.

— Скучища какая!—произнесъ съ тоской Горшанскій.—Знаете, бываетъ скука здоровая, съ зѣвотой во весь ротъ, съ пятнадцатичасовымъ сномъ въ сутки, съ заплывшими глазами, съ халатомъ, туфлями и огромнымъ самоваромъ,—а то бываетъ скука нездоровая, довитая: какая-то, знаете, сырая, мозглая. Отъ этой скуки днемъ не знаешь, куда дѣвать себя, ночью не спишь, ворочаешься въ потѐли... Ничего не дѣлаешь, устаешь, злишься и все жаждешь чего-нибудь противоестественнаго... Вы куда теперь?

— Мнѣ бы хотѣлось повидать Покатилина.

— Его нѣтъ въ Петербургѣ.

— Гдѣ же онъ?

Горшанскій только свистнулъ очень выразительно...

— Ну, такъ я къ Доппелю зайду. Онъ мнѣ писалъ, что...

— И Доппеля нѣтъ.

— Какъ?!... И его?..

Горшанскій снова свистнулъ и сказалъ:

— Пойдемте лучше въ трактиръ... Въ какой-нибудь самый что ни на есть пакостный.

— Въ трактиръ? Зачѣмъ?

— Для тоски...

— Расковыривать себѣ душу?

— Ну, такъ что-жъ?

— Какая цѣль? Тоски и безъ того много.

— Все такъ прѣсно, банально...—произнесъ Горшанскій, смотря въ сторону и морщась.

— Нѣтъ, въ трактиръ я не пойду.

— Ну, такъ куда же?

Глѣбовъ не сразу отвѣтилъ. Когда онъ ѣхалъ въ Петербургъ, ему казалось, что здѣсь придется передѣлать массу дѣла, переговорить о множествѣ вопросовъ, что не хватитъ времени на все это... И вдругъ теперь онъ почувствовалъ, что въ сущности и дѣлать нечего и говорить не о чемъ и идти некуда и не стоитъ.

— Гм... куда, бишь, я?... Да,—мнѣ надо повидаться съ Туманцевымъ.

— А, съ этимъ лохматымъ?—сказалъ Горшанскій, и въ голосѣ его прозвучала задушевная нотка.—Я заходилъ къ нему на дняхъ... Хорошій парень, съ нутромъ, да вотъ принесло его зачѣмъ-то въ Петербургъ: околѣетъ онъ здѣсь!

— Знаете что: зайдемте сейчасъ вмѣстѣ къ нему?—предложилъ Глѣбовъ.

Горшанскій на минуту призадумался...

— Нѣтъ,—рѣшительно произнесъ онъ,—я не пойду. Онъ опять будетъ стонать, ерошить свои лохмы, а я долженъ буду говорить ему разныя утѣшительныя вещи. Это скучно и безполезно. Не умѣю я прикладывать этихъ согрѣвающихъ компрессовъ... Ахъ, какая пре-лесть!—вдругъ воскликнулъ онъ, остановившись противъ окна книж-наго магазина, гдѣ было выставлено объявленіе: «Продаются романы отъ 25 копеекъ».—Какъ вамъ нравится это «отъ 25 копеекъ»? Ка-писалъ, о чемъ и какъ писалъ,—это наплевать, лишь бы было «отъ 25 копеекъ».—«Дайте мнѣ романовъ на три четвертака!»—«Берите ужъ на весь цѣлковый!» Вотъ вамъ и смыслъ нашей дѣятельности!...

Они вышли на Невскій и остановились на углу, обдуваемые гни-лымъ вѣтромъ...

— Всѣ идутъ по своимъ дѣламъ, а мы стоимъ на распутьи,—сказалъ съ усмѣшкой Горшанскій.—Въ этомъ есть что-то симво-лическое...

Онъ помолчалъ, поглядѣлъ наверхъ и прибавилъ:

— На небѣ-то точно грязное бѣлье развѣшено. Пойду, пошляюсь по улицамъ, посмотрю на петербургскія скаредныя рожи, помечта-о томъ, чего нѣтъ въ жизни... Придете вечеромъ къ Четвертин-на его литературныя посидѣлки?

— Вѣроятно. А вы?

— Можетъ быть, зайду... Все равно, дѣваться некуда. Ну, стало быть, до свиданья.

Онъ жалъ руку Глѣбову, продолжая упорно смотрѣть въ сторону. Обоимъ давно хотѣлось сказать другъ другу что-то важное, задушевное, но каждый разъ они кончали тѣмъ, что разставались, не высказавъ этого важнаго...

— Эхъ, если бы теперь было лѣто... да въ деревню... да чтобы сѣномъ пахло!—вырвалось у Горшанскаго.—Ну, прощайте... Кланяйтесь лохмачу.

Сгорбившись и втянувъ голову въ коротенькій барашковый воротникъ, Горшанскій пошелъ по тротуару и быстро затерялся въ толпѣ, а Глѣбовъ вяло поплелся къ Туманцеву, спрашивая себя въ сотый разъ: отчего это не могутъ сблизиться люди, даже когда ихъ тянетъ другъ къ другу? Отчего душа современнаго интеллигента не можетъ разгорѣться яркимъ огнемъ, какъ отсырѣвшее полѣно, которое трещитъ, дымитъ, загорается и сейчасъ же опять потухаетъ?...

VI.

Туманцевъ жилъ въ 4-мъ этажѣ огромнаго каменнаго дома. Еще съ лѣстницы 2-го этажа Глѣбовъ услыхалъ дѣтскій гвалтъ въ его квартирѣ. Горничная съ сердитымъ лицомъ впустила Глѣбова въ переднюю, куда сейчасъ же вышелъ и самъ Туманцевъ. Глѣбовъ не видалъ его около трехъ лѣтъ, и теперь едва удержался, чтобы не ахнуть: до того Туманцевъ измѣнился. Когда три года тому назадъ онъ перебрался съ семьей изъ деревни въ Петербургъ, у него былъ такой здоровый, оживленный видъ: глаза его жизнерадостно блестѣли, угловатыя движенія его были свободными, размашистыми; все говорило объ избыткѣ молодой, рвущейся въ дѣло силы. Теперь цвѣтъ лица сталъ у него совсѣмъ петербургскій, глаза потухли, во всей фигурѣ поселилась какая-то безпокойная дряблость; копна каштановыхъ кудрявыхъ волосъ замѣтно посѣдѣла... Онъ производилъ на Глѣбова впечатлѣніе судна потерпѣвшаго аварію: руль сбитъ, снасти поломаны, и весь корпусъ какъ-то безпомощно накренился...

— А!—сказалъ онъ неопредѣленнымъ тономъ и потомъ нерѣшительно поцѣловался съ гостемъ.—Пойдемте въ кабинетъ...

— Ну, вотъ... ну, и ладно...—растерянно повторялъ онъ, теребя свою пышную, тоже начинающую сѣдѣть бороду и морщась отъ [illegible] криковъ за дверью.

По кабинету были разбросаны газеты, журналы, выкройки, дѣтскія сломанныя игрушки; на письменномъ столѣ валялись въ безпорядкѣ книги, бумаги, карандаши, окурки, лежало какое-то вязанье... Кабинетъ производилъ такое же хаотическое впечатлѣніе, какъ и самъ хозяинъ.

Послѣ обычныхъ разспросовъ о томъ, какъ доѣхалъ и надолго ли пріѣхалъ, наступило молчаніе. Оба невольно прислушивались къ плаксивому дѣтскому голосу за дверью, къ которому вскорѣ присоединился другой, необыкновенно визгливый.

— Тише вы тамъ!—крикнулъ Туманцевъ въ дверь и началъ ходить по комнатѣ, ероша волосы. Онъ видимо волновался и, застигнутый Глѣбовымъ врасплохъ, растерялъ всѣ слова.

— Ну вотъ, и хорошо...—повторялъ онъ.—Я думалъ: «кто это?» А это—вотъ кто!

Онъ вынулъ изъ коробки папиросу, но забылъ закурить и въ задумчивости мялъ ее между пальцами...

Вошла горничная, собрала выкройки и дѣтскія игрушки и унесла все это.

— Чаю бы намъ, что ли,—какъ-то прокряхтѣлъ ей вслѣдъ Туманцевъ и опять зашагалъ. Все его существо было пропитано странною нерѣшительностью, доходящею до смѣшного. Онъ вяло передвигалъ ноги и ходилъ съ такимъ видомъ, будто боялся зацѣпиться за что-нибудь. Пальцы его рукъ все время пошевеливались, какъ будто спрашивая съ недоумѣніемъ: «Въ чемъ же однако дѣло? Надо же какъ-нибудь... А что, собственно, надо?»

— Н-да, — вотъ она, литература! — произнесъ онъ, потирая грудь.

— Что, какъ дѣла?

— Да что—дѣла!

Онъ вяло махнулъ не рукой, а кистью руки и повторилъ уныло:

— «Дѣла»... Какія тамъ дѣла!

Онъ нехотя закурилъ папиросу и не замѣтилъ, что она у него тотчасъ же потухла.

— Послушайте, Михайло Савельичъ, въ васъ, право, есть что-то ненормальное.

— Да, ненормальное... У меня все ненормально, начиная вотъ съ этого...

Онъ кивнулъ головой на письменный столъ, посрединѣ котораго лежала начатая, прожженная и засыпаная пепломъ рукопись.

— Пишу—му́ка, не пишу—тоже му́ка, сижу дома—му́ка, иду куда-нибудь—еще хуже... Да что!... Эхъ!

Онъ тряхнулъ кистью и опять принялся слоняться по кабинету. Въ его тусклыхъ глазахъ, въ съѣхавшемъ набокъ галстукѣ, въ старческой походкѣ, во всѣхъ его неопредѣленныхъ, недоконченныхъ движеніяхъ такъ и сквозила надорванность; казалось, что если этотъ человѣкъ ляжетъ сейчасъ на диванъ, то и будетъ лежать до вечера, до утра,—до тѣхъ поръ, пока что-нибудь не заставитъ его встать съ отвращеніемъ. На Глѣбова пахнуло унылой скукой, не хотѣлось ни говорить, ни двигаться; но онъ преодолѣлъ себя, всталъ, взялъ Туманцева подъ руку и началъ ходить вмѣстѣ съ нимъ.

— Я вижу, у васъ упадокъ духа,—сказалъ онъ.—Не будемъ поддаваться меланхоліи... Разсказывайте-ка все по порядку, а потомъ обсудимъ вмѣстѣ.

— По порядку?... Вотъ это-то и есть для меня самое трудное, потому что именно порядка-то и нѣтъ у меня ни въ чемъ: ни въ дѣлахъ, ни въ семьѣ, ни въ головѣ... Нѣтъ, ужъ порядка отъ меня не ждите!

Съ того момента, какъ Глѣбовъ взялъ его подъ руку и сталъ ходить рядомъ съ нимъ, Туманцевъ немножко подбодрился: и тонъ его, и походка, и выраженіе лица сдѣлались тверже, опредѣленнѣе.

— Знаете, что я вамъ скажу?—говорилъ онъ, какъ будто оживившись.—Я вотъ иногда стою у окна, смотрю на ворону, какъ она перелетаетъ съ мѣста на мѣсто, и завидую этой самой воронѣ всѣми силами своей писательской души! Она живетъ, летаетъ, болтаетъ съ своими товарками по-вороньему, она чувствуетъ жизнь, а я... Помните, 4 года тому назадъ мои «Деревенскіе очерки» произвели фуроръ? Такъ вотъ это событіе я считаю самымъ страшнымъ несчастіемъ въ моей жизни. До своихъ «Очерковъ» я жилъ по-человѣчески: было много непріятностей съ крестьянами, много разныхъ хозяйственныхъ дрязгъ и тяжелыхъ минутъ, но я былъ здоровѣе, нормальнѣе; когда я уставалъ, это была здоровая усталость, а послѣ нея былъ здоровый сонъ. А здѣсь—безпрерывная, безпредметная тревога, проникающая какъ будто во всѣ поры тѣла! Вотъ этотъ мой палецъ... даже и онъ съ утра до ночи въ тревогѣ! Бываютъ рѣдкія минуты, когда все, повидимому, обстоитъ благополучно, но и въ эти минуты не перестаешь внутренно дрожать, коробиться, замирать... Только-только забылся, вдругъ ужалитъ тебя: «надо что-то обдумать, что-то сдѣлать, куда-то побѣжать, надо спѣшить, спѣшить, напрягаться, надрываться». Зачѣмъ? Изъ-за чего? А чортъ его знаетъ! Въ деревнѣ на досугѣ (и досугу бывало много) почитаешь всласть, займешься тѣмъ, что интересуетъ, поговоришь, съ дѣтьми погуляешь, поболтаешь... А здѣсь? Урывками схватишь книгу—не потому, что именно

она тебѣ нравится, а потому, что другіе прочли ее, говорятъ о ней, пишутъ,—потому, что эта книга виситъ въ данное время въ столичной атмосферѣ. И въ театръ идешь не по внутреннему побужденію, а потому что объ этой пьесѣ всѣ говорятъ, пишутъ, читаютъ, спорятъ... Разговариваешь съ женой, съ дѣтьми, а у самого гвоздь въ головѣ: «надо работать, надо бѣжать, надо не прозѣвать!» И жена вѣчно въ тревогѣ: какъ бы концы съ концами свести? Развѣ это—жизнь? Это—лихорадка!

Онъ закурилъ папиросу, затянулся разъ-другой и съ сердцемъ швырнулъ ее на полъ.

— Мнѣ помнится, Михайло Савельичъ,—осторожно замѣтилъ Глѣбовъ,—я предостерегалъ васъ тогда...

— Помню... Но другіе захвалили меня, убѣждали переѣхать въ Петербургъ, «пожертвовать всѣмъ для искусства». Особенно вашъ Четвертухинъ старался... Охъ, этотъ Четвертухинъ! Сначала носилъ меня на рукахъ, а теперь у него 25 рублей не допросишься въ черный день. Пока на меня была мода (не долго она продолжалась!), онъ заискивалъ передо мной, засыпалъ авансами, комплиментами, а теперь... Снялъ съ меня сливки и... Ну, да чортъ съ нимъ! Я не знаю, былъ ли у меня... есть ли у меня талантъ? Въ «Деревенскихъ очеркахъ» я разсказалъ то, что мнѣ съ дѣтства глаза намозолило; а когда мнѣ пришлось, что называется, «творить», я растерялся... Впрочемъ, это, можетъ быть, оттого, что жить трудно стало: одна квартира чего здѣсь стоитъ! Я всячески тянулся, перезаложилъ имѣніе, продалъ лѣсъ, надѣлалъ долговъ, нахваталъ авансовъ... Петербургъ пожираетъ все съ чудовищной быстротой! Семья моя привыкла у себя въ деревнѣ жить широко, въ сытости, въ теплѣ, а чего это здѣсь стоитъ? Ну, и... Пришлось мнѣ думать не о томъ, что я пишу, а о томъ, откуда бы получить деньги за написанное,—и притомъ какъ можно скорѣе и какъ можно больше, потому что—сегодня за квартиру, завтра—за сына въ гимназію, послѣ завтра—дрова, долгъ мяснику, жалованье прислугѣ... Видѣли, какая у насъ горничная сердитая? Вѣдь у нея на лицѣ написано, что она третій мѣсяцъ не можетъ получить своего жалованья!... Эхъ, жизнь собачья! Пишешь да обѣдень, суешь даже въ самыя паршивыя газетишки, презираешь себя за это и чувствуешь, что не въ состояніи выскочить изъ этой петли.

— Э, какое малодушіе!—возразилъ нетерпѣливо Глѣбовъ.—Ничего тутъ роковаго нѣтъ. Просто, встаньте въ одно прекрасное утро, плюньте на все, заберите семью—и маршъ опять въ деревню!

— Что вы говорите, развѣ это возможно?

— Почему же нѣтъ?

— Вонъ у меня ужъ сынъ въ гимназіи...

— Ну, такъ что же? Его можно пристроить здѣсь въ какой-нибудь хорошей семьѣ. Это я могу развѣдать... На каникулы онъ будетъ пріѣзжать къ вамъ, въ деревню. Да и вы сами можете наѣзжать.

— Эхъ, все это не то... Ну, что я стану дѣлать въ деревнѣ? Тамъ все запущено, хозяйство въ упадкѣ... Зачѣмъ я поѣду?

— А вотъ именно затѣмъ, чтобы не было въ упадкѣ.

— Эхъ, знаю я все это, Григорій Александровичъ, да не могу я... понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю.

— Насчетъ сына, насчетъ хозяйства—это я вамъ все вру: это можно какъ-нибудь устроить... Да я-то самъ не въ состояніи теперь заниматься ничѣмъ другимъ, кромѣ писанія...

— Да кто-жъ вамъ мѣшаетъ писать въ деревнѣ? Если вы такъ любите литературу, если у васъ есть потребность писать, такъ вы и тамъ не забросите этого дѣла.

Туманцевъ въ возбужденіи засовался по комнатѣ, нещадно теребя свою бороду.

— Литература... искусство... потребность писать... хм!—саркастически заговорилъ онъ.—Да если пошло на правду... Водовозъ возитъ воду, почтальонъ бѣгаетъ съ письмами, чиновникъ скрипитъ перомъ, учитель поправляетъ тетрадки... Вы думаете, у нихъ есть потребность въ этомъ? Вы думаете, они дѣлаютъ это потому, что любятъ свое дѣло? Нѣтъ, они просто попали на такую линію. Такъ и мы, писатели... Вся разница въ томъ, что наше дѣло сильнѣе затягиваетъ... и всѣ одержимые, мы отравлены литературой, какъ морфинистъ—морфіемъ, пьяница—алкоголемъ, курильщикъ—никотиномъ. Чего тутъ говорить о призваніи, о задачахъ искусства и прочихъ высокихъ матеріяхъ, до которыхъ рѣдко кому есть дѣло?

Та же горничная съ недовольнымъ, обиженнымъ лицомъ, внесла и подносъ два стакана съ чаемъ и ломтики лимона на блюдечкѣ.

— А... этого?... Графинчикъ?—какъ-то виновато крякнулъ Туманцевъ, бѣгая глазами.

Горничная молча вышла. Вскорѣ за дверью послышалось чье-то ворчанье.

— Ну, и тамъ сердятся!—пробормоталъ Туманцевъ, ероша волосы.—Всѣ сердятся, всѣ ноютъ!

Горничная внесла маленькій графинчикъ съ коньякомъ, изъ котораго Туманцевъ торопливо бухнулъ себѣ въ стаканъ «на глазъ»,

потомъ онъ такъ же торопливо принялся глотать чай. Лицо его быстр краснѣло и принимало ожесточенное выраженіе.

— Литература... гм! — опять заговорилъ онъ, покончивъ со стакаиомъ. — Да если бы мы дѣйствительно любили литературу, она давала бы намъ счастіе, удовлетвореніе, а мы всѣ недовольны, всѣ изглоданы безпрерывнымъ неудовлетвореніемъ, всѣ носят брюзжимъ. Есть довольные между нами,—да чѣмъ именно они д вольны? Вонъ Блошкинъ прибѣжалъ ко мнѣ вчера въ такомъ уд вольствіи: радуется, что его драма имѣла успѣхъ. А спросите: пр чемъ тутъ литература, искусство? Онъ читалъ мнѣ свою драму в чернякѣ, мечталъ нанести этой вещью ударъ пошлости, оппор тюнизму. Потомъ я увидалъ его драму на сценѣ. Боже мой, к кой пошлостью сдѣлалась она сама! Все жульнически построено дешевыхъ эффектахъ, на красивыхъ фразахъ подъ занавѣсъ! Вм сто протеста — патока съ имбиремъ, вмѣсто настоящей правды гнусная театральная ложь. Пришлось, говоритъ, кое-что измѣнит сократить, передѣлать: цензура, да требованія сцены, да еще разн соображенія: ну, и... «Зато, говоритъ, шумный успѣхъ»... а у с мого ротъ до ушей. Чорта ли ему до идеи, до искусства? А Нюров нашу общую знакомую, помните?

— Какже! какже...Такая милая дѣвушка: чуткая, умненькая. На драматическихъ курсахъ была?

— Ну, вотъ, вотъ!... Она тоже мечтала о служеніи искусст Теперь играетъ въ провинціи всякую пошлятину, надъ которой са прежде издѣвалась, и имѣетъ такой видъ, точно выполняетъ свящ вую миссію; мечтаетъ объ одномъ только: какъ бы ей перебр ся въ столицу и играть здѣсь ту же пошлятину, какую играла та Чего имъ съ Блошкинымъ нужно? Искусства?... Нѣтъ, имъ про нужно нюхать вотъ эту самую театральную атмосферу, получ хлопки и... рубли. Вотъ и я такой же одержимый. Мнѣ нужна литература, а только тотъ соусъ, подъ которымъ она подается, острыя приправы, за которыми я даже не ощущаю ея настоящ смысла. Мнѣ нужно шибануть въ носъ читателя, чтобы онъ нюхн и расчихался; мнѣ надо узнавать изъ газетъ, что А. пишетъ повѣс В. ставитъ драму, С. справляетъ юбилей, Иксъ съ Игрекомъ не ругались, а Зетъ оклеветалъ печатно и того, и другого. Чѣмъ с дальнѣе новость, тѣмъ больше она меня наркотизируетъ. Мнѣ ну и этотъ подлый Питеръ, и эта мерзкая литература—ради ихъ ну ради той лихорадки, въ которую отъ нихъ вѣчно бросаетъ ме Какое тутъ къ чорту искусство, когда я работаю со скрежетомъ бовнымъ? Каждый день я встаю съ противной мыслью, что н

детъ садиться за столъ и писать. Усаживаюсь, беру съ отвращеніемъ перо... Потомъ вдругъ вспомню: «А! надо набить папиросъ, дочитать книгу, просмотрѣть газету»,—постараюсь увѣрить себя, что это необходимо и неотложно, бросаю перо и принимаюсь набивать папиросы, чистить мундшукъ, жевать какую-нибудь книгу, до которой мнѣ, въ сущности, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Потомъ думаю: «Однако надо писать»,—сажусь, вожу перомъ по бумагѣ; мнѣ скучно до умопомраченья, хочется бросить все къ чорту, но я пришпориваю себя, какъ запаленную лошадь: «Натуживайся, кляча, работай!» «Пиши, коли ты писатель! Пиши, пиши, скотина ты этакая!»

Онъ зашагалъ по кабинету, подергиваясь на ходу и всклокочивая свои и безъ того лохматые волосы, а Глѣбовъ, глядя на него, нервно пожимался и нетерпѣливо потиралъ переносицу.

— Вы не знаете, до чего я развратился здѣсь,—снова заговорилъ Туманцевъ,—какими мелкими чувствами живу съ утра до вечера!... Для меня чуть ли не вопросомъ жизни является то, что скажетъ обо мнѣ критикъ, котораго я нимало не уважаю. Я готовъ писать скверно,—лишь бы думали, что я пишу хорошо, и хвалили меня по недоразумѣнію; выдумываю самые модные сюжеты, ломаю голову надъ тѣмъ, какъ бы пооригинальнѣе, понеобыкновеннѣе написать. Я завидую, до гадости завидую всякому чужому успѣху! Достаточно, чтобы кого-нибудь похвалили, а обо мнѣ промолчали, и я ужъ ненавижу и этого «кого-нибудь», и этого критика, промолчавшаго обо мнѣ. Знаю, что это низко, подло, но ничего не могу сдѣлать съ собой, потому что меня обуяли семь литературныхъ бѣсовъ. Я, вродѣ Добрынина, Кудашева, Любскаго, сталъ просто-напросто литературнымъ мазурикомъ: мы съ ними всѣ поставляемъ линючій, да еще иногда краденый ситецъ, стараемся ловко ввернуть его покупателю и выдать за настоящій, хорошій товаръ. Каждый изъ насъ чувствуетъ только собственную мозоль, и ни до чего другого намъ нѣтъ дѣла! Прохвостничество!

— Ну, знаете, Михайло Савельевичъ... довольно самобичеваній, да еще такихъ преувеличенныхъ!—сказалъ Глѣбовъ, вставая съ рѣшительнымъ и нетерпѣливымъ видомъ.—Разъ человѣкъ созналъ свое паденіе, онъ долженъ пробовать встать, а не хныкать, какъ ребенокъ. Если вы умѣете быть такимъ искреннимъ передъ самимъ собою,—значитъ, въ васъ еще сидитъ живой человѣкъ: вотъ и уцѣпитесь за этого живого человѣка и перестройте свою жизнь. Уѣзжайте къ себѣ въ деревню! Сдѣлайте этотъ прыжокъ... Тутъ все дѣло въ томъ, чтобы рѣшиться «сдѣлать прыжокъ», а то будете увязать все глубже и глубже.

— А если я уже увязъ по самую маковку? А если я какъ разъ не въ силахъ сдѣлать этого вашего «прыжка?» Взять и уѣхать въ деревню... Гм!... Эхъ, да вы не знаете...

Онъ стоялъ противъ Глѣбова, и въ его красивыхъ, безпомощныхъ глазахъ, такихъ наивныхъ и искреннихъ, виднѣлся испугъ, почти ужасъ.

— Это для меня могила. Понимаете: огромный склепъ, гдѣ я долженъ замуравить себя. Прежде я любилъ деревню, природу, любилъ по-своему крестьянъ, хоть и часто ругался съ ними. Я чувствовалъ себя тамъ нужнымъ... по крайней мѣрѣ, бывали такіе моменты. Теперь все это стало для меня чуждо, скучно... даже какъ будто враждебно. Я сѣлъ между двухъ стульевъ: теперь я не нуженъ ни здѣсь, ни тамъ. Вотъ я пріѣду къ себѣ въ деревню, и меня будетъ глодать обидное сознаніе, что я—неудачникъ, вылетѣвшій со своимъ писательствомъ въ трубу. Я стану жадно дожидаться газетъ, гдѣ прочитаю, что А. пишетъ повѣсть, В. ставитъ драму, и буду коробиться душой при мысли, что я-то вотъ не пишу повѣсти и не ставлю драмы, а толкую съ женой и старостой о разныхъ хозяйственныхъ дрязгахъ, что время летитъ, года уходятъ, а я все больше погружаюсь въ неизвѣстность, все больше затериваюсь въ толпѣ. И все мнѣ будетъ противно, невыносимо: и семья моя, и мужики, и бабы, и поле, и лѣсъ, и наше деревенское небо, которое я прежде такъ любилъ... Вотъ смотрите сюда скорѣй,—смотрите!

Глѣбовъ подошелъ къ окну и увидалъ, что по двору не спѣша идетъ широкобородый дворникъ въ тулупѣ, направляясь къ крыльцу, гдѣ помѣщалась квартира Туманцева.

— Я знаю, что онъ идетъ ко мнѣ за деньгами, и ненавижу его и боюсь. Вотъ, чѣмъ сталъ для меня теперь мужикъ! Прежде я любилъ говорить: «нашъ темный, но умный народъ», а теперь я иначе не выражаюсь, какъ: «охъ, ужъ мнѣ этотъ народецъ!» Когда я пишу о немъ, онъ представляется мнѣ не иначе, какъ въ видѣ старшихъ дворника, швейцара, мясника, столяра, идущихъ ко мнѣ за деньгами... Прежде я чувствовалъ въ нихъ живую душу, интересовался ею, а теперь, при видѣ ихъ, у меня одна мысль: «Пронеси, Господи!»

— Михайла Савельичъ!—раздался за дверью сдержанный женскій голосъ, въ которомъ слышались и безпокойство, и досада, и нетерпѣніе.

— Ну, такъ и есть!—произнесъ съ гримасой Туманцевъ и пошелъ.

— Третій разъ приходитъ,—раздалось за дверью.—Выйди къ нему самъ, поговори.

— Да скажи, что дома нѣтъ.

— Говорила,—не вѣритъ.

— О, чортъ... Откуда же я возьму?

Туманцевъ вернулся въ кабинетъ, направился прямо къ графинчику и сдѣлалъ изъ горлышка два-три глотка.

— Слушайте... можетъ, у васъ есть?... Заимообразно?—сказалъ онъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ, сжимая бороду въ кулакѣ.

— Рублей сорокъ могу...

— Дайте, коли можете... Ничего не подѣлаешь: надо заткнуть этой народной душѣ глотку. Половину отдамъ ему въ счетъ за квартиру, половину—горничной.

Получивъ деньги, онъ вышелъ и долго не возвращался; для Глѣбова было ясно, что на эти сорокъ рублей накинулось сразу многое множество неудовлетворенныхъ нуждъ, и хозяева не знаютъ, какъ разорваться.

— Ничего не подѣлаешь, надо идти къ управляющему,— объявилъ Туманцевъ, входя съ разстроеннымъ лицомъ. — Вы побудьте тутъ, я скоро вернусь.

— Нѣтъ, я обѣщалъ къ Четвертухину обѣдать. Можетъ быть, вы зайдете къ нему вечеромъ на его журъ-фиксъ?

— Къ Четвертухину? Ну, ужъ не знаю...

На прощанье Туманцевъ долго и горячо жалъ руку Глѣбова.

— Такъ надо «сдѣлать прыжокъ»? — крикнулъ онъ, стоя на площадкѣ лѣстницы, когда Глѣбовъ уже спускался къ выходной двери.

— Непремѣнно и какъ можно скорѣе! — крикнулъ ему снизу Глѣбовъ.

— Вотъ такъ?—спросилъ Туманцевъ, перегнувшись черезъ перила. — Оно хорошо бы, да духу не хватаетъ... Неспособенъ полетѣть ни кверху, ни книзу, а такъ только потрепыхаю крыльями—и останусь, гдѣ былъ... Прежде могъ летать, а теперь—нѣтъ. Литература-то меня, знать, телѣгой переѣхала!

VII.

Ничто такъ не утомляло Глѣбова, какъ зрѣлище человѣческой слабости. Это унылое «ничего не подѣлаешь», пропитавшее насквозь все существо Туманцева, угнетало и раздражало Глѣбова. «Проклятая впечатлительность!» — бормоталъ онъ, идя по улицѣ и тщетно стараясь стряхнуть съ себя «гнилое» настроеніе. Ему казалось, что

домà, эти многоэтажныя каменныя глыбы, и панели, по которымъ скребли туполицые дворники, и городовые, точно вросшіе въ землю, и извозчики, и сѣдоки ихъ, и лавочки, и трактиры, и неподвижные памятники, неподвижные шпицы и церковные купола, и это неподвижное мертвенно-сѣрое небо,—все молча говоритъ ему въ одинъ голосъ:

— Ничего, братъ, не подѣлаешь!

. . . . . .

Вотъ и опять Невскій проспектъ. Онъ всегда производилъ на Глѣбова впечатлѣніе гигантскаго калейдоскопа съ сѣрымъ, тусклымъ стекломъ... «Калейдоскопъ снаружи, калейдоскопъ внутри!»—подумалъ онъ, вступая на солнечную сторону Невскаго, гдѣ, впрочемъ, не было и признака солнца. Вотъ большой книжный магазинъ, гдѣ въ изобиліи выставленъ книжный товаръ на всѣ вкусы, всякихъ цвѣтовъ и форматовъ.—«Боже, какая масса пишется, печатается, выставляется, поглощается, и все это точно проваливается въ какую-то воронку! Попрежнему Невскій кишитъ сѣренькими, изглоданными и напуганными жизнью или тупо-самодовольными, мелкими и бездарными людьми; попрежнему завѣтныя думы и лучшія чувства, скрытыя подъ обложками избранныхъ книгъ, завалены, задавлены толстымъ слоемъ пошлости, безстыдства, продажной угодливости; попрежнему тускло и сумрачно кругомъ, попрежнему жизнь этихъ идущихъ и ѣдущихъ людей нищенски убога»...

Въ кіоскѣ, гдѣ, какъ и много лѣтъ тому назадъ, пестрѣли Еруслаы, Прапорщики, Протупеи, оракулы и сонники, Глѣбовъ купилъ газету и, усѣвшись на скамейкѣ противъ Казанскаго собора, сталъ читать. Но газета только дразнила мысль, скользя по поверхности или прыгая съ предмета на предметъ и оставляя внутри осадокъ чего-то пестраго, недосказаннаго, какой-то полуправды, полулжи. И здѣсь это несносное впечатлѣніе обидной безсвязицы! Глѣбову казалось, что и газета со всѣми ея рубриками, извѣстіями, анекдотами, и весь этотъ людъ, тѣснящійся на Невскомъ, и вся эта литература, выставленная въ окнахъ магазиновъ—все это идетъ мимо жизни, которая закопалась куда-то глубоко-глубоко. Вотъ Еруслань — тотъ претъ себѣ, откровенно повернувшись спиной къ жизни, а всѣ эти красующіеся въ витринахъ тонкіе и толстые томы въ зеленыхъ, желтыхъ, сѣрыхъ оберткахъ, старательно дѣлаютъ видъ, что они сейчасъ только вышли изъ самой сердцевины жизни, тогда какъ они только коснулись ея и тотчасъ же въ испугѣ шарахнулись въ сторону.

Глѣбовъ скомкалъ газету, этотъ бумажный калейдоскопъ, сунулъ ее въ карманъ, оглядѣлся и вдругъ сказалъ самому себѣ съ тоской:

— Уѣхать бы куда-нибудь!

Но вмѣсто того, чтобы уѣхать, всталъ и отправился обѣдать къ Четвертухину.

VIII

— Николай Павловичъ дома?

— Ихъ нѣту.

— Какъ нѣтъ?

— Они заѣзжали ненадолго и опять уѣхали.

— Какъ же такъ?—произнесъ Глѣбовъ, смотря съ недоумѣніемъ на горничную, и вдругъ, неожиданно для самого себя, почувствовалъ, что онъ радъ этому.

Онъ уже повернулся, чтобы выдти изъ передней, но за дверью послышался шелестъ платья. Вошла жена Четвертухина, дама умѣренныхъ лѣтъ, высокая брюнетка съ лицомъ актрисы на сильныя драматическія роли.

— Здравствуйте, Григорій Александровичъ! Очень рада васъ видѣть,—сказала она, плавно подходя къ Глѣбову и протягивая ему руку съ привѣтливостью, но и не безъ величія.—Раздѣвайтесь. Будемъ обѣдать... Николай Павловичъ очень извиняется передъ вами: онъ совершенно забылъ, что ему необходимо быть сегодня на юбилейномъ обѣдѣ.

Снимая пальто, Глѣбовъ искоса взглядывалъ на Четвертухину. Въ лицѣ и во всей фигурѣ Марьи Владиміровны было что-то величавое и секретно-дѣловое, точно она затаила въ себѣ огромной важности тайну и полна сознаніемъ какой-то страшной отвѣтственности. «Должно быть, и ее литература зашибла», — подумалъ Глѣбовъ. Прежде Четвертухинъ былъ на казенной службѣ и писалъ свои либеральныя статьи не иначе, какъ подъ псевдонимомъ, а теперь онъ стоитъ открыто во главѣ журнала, призваннаго сказать новое, смѣлое слово, пробить въ литературѣ новые пути. Вотъ это-то новое слово, должно быть, и отпечаталось въ лицѣ Марьи Владиміровны, придавъ ему новое выраженіе. Когда она заговорила о томъ, что толстый старый журналъ «Калейдоскопъ» окончательно испошлился и катится внизъ по наклонной плоскости, Глѣбовъ понялъ, что Четвертухина вся насыщена «Истиной, добромъ и красотой», и ему стало жутко отъ мысли, что онъ долженъ обѣдать съ Марьей Владиміровной и толковать о журналахъ, сотрудникахъ, подпискѣ, цензурѣ, литературѣ...

«Ну, ничего,—съ нами будетъ сидѣть ея ребенокъ: авось, онъ помѣшаетъ разговорамъ?»—подбадривалъ себя Глѣбовъ.

Онъ возлагалъ большія надежды на Вовочку, очень болтливаго и шаловливаго ребенка; но Вова не оправдалъ его надеждъ, потому что не вышелъ изъ дѣтской, и Глѣбову пришлось обѣдать вдвоемъ съ хозяйкой.

— Да, дни «Калейдоскопа» сочтены, — говорила Марья Владиміровна, наливая гостю супу.—Наша «Истина» забьетъ его. У насъ, во-первыхъ, Лукутинъ; во-вторыхъ... Кстати: говорятъ, Бертовъ сейчасъ въ Петербургѣ, только будто бы прячется отъ всѣхъ? Если намъ удастся заманить къ себѣ и Бертова, то «Калейдоскопъ» можетъ закрывать свою лавочку.

«Эхъ, лучше бы мнѣ пойти въ кухмистерскую!» — думалъ въ это время Глѣбовъ, лѣниво глотая супъ.

А Марья Владиміровна продолжала говорить о конкуренціи «Истины» съ «Калейдоскопомъ», о низости газетъ, которыя стараются уронить «Истину» въ глазахъ публики, о романѣ, который она переводитъ съ итальянскаго все для той же «Истины» («Это нѣчто совершенно новое, смѣлое до дерзости!»), о сотрудникахъ «Истины» (... у насъ подобралась квинтъ-эссенція всего живого, талантливаго...») и о сотрудникахъ другихъ журналовъ.

— Ну, кто тамъ? Заборинъ?... Ахъ, этотъ Заборинъ! Глядитъ умно, а напишетъ непремѣнно глупость... Коля правду говоритъ про него, что это—всесторонне глупый субъектъ... А затѣмъ, кто тамъ? Жеребьевскій? Я согласна, что послѣдняя его вещь лучше другихъ, но это значитъ только, что другія его вещи еще хуже, чѣмъ эта. Ну, кто же еще? Лѣспинская? О ней мы лучше промолчимъ... Это не женщина и не писательница: это—просто домашняя птица. Не правда ли? А больше и указать не на кого: редакторы, издатели, сотрудники—все это какіе то инвалиды мысли, все это старо, все это отжило...

— Ну, позвольте... А, напримѣръ, Ковригинъ?

— Ковригинъ? Гм... Немножко честенъ и чуть-чуть умѣнъ—вотъ все, что о немъ можно сказать.

— А Гутниковъ?... Впрочемъ, я знаю, что вы съ нимъ въ контрахъ...

— Ахъ, Гутниковъ производитъ на меня необыкновенно благотворное впечатлѣніе; когда я вижу его, то думаю: надо стараться какъ можно меньше походить на Гутникова. Это—какая-то луна, готовая отражать въ себѣ все, что угодно: солнце, тучу, церковь, кабакъ, человѣческое лицо, морду дворняжки...

— Тамъ, наконецъ, есть Ремневъ, Кольскій, Гростонъ...

— Ну, это все вывихнутые люди. Я давно занесла ихъ...

собъ психопатовъ. Намъ нужны новые, свѣжіе люди, которымъ принадлежитъ будущее. Пора содрать съ жизни старыя, затасканныя отрепья, взволновать до дна эту стоячую воду. Надо немилосердно бить, комкать, топтать это одеревенѣлое мѣсиво, чтобы поскорѣе вызвать на свѣтъ новыя формы жизни...

— Да, между прочимъ, на какомъ юбилеѣ сегодня Николай Павловичъ?

Марья Владиміровна смутилась, но тотчасъ же оправилась.

— Какъ? Вы не знаете, что Куницкій справляетъ сегодня свой юбилей? Весь Петербургъ говоритъ объ этомъ!

— Куницкій?— переспросилъ съ удивленіемъ Глѣбовъ. — Позвольте, да что же общаго имѣютъ съ Куницкимъ и самъ Николай Павловичъ, и всѣ его статьи, и его журналъ, и его убѣжденія?

— Убѣжденій своихъ Коля держится строго,—возразила, краснѣя, Марья Владиміровна.—Нельзя отрекаться отъ своихъ убѣжденій, но можно пріостанавливать ихъ временно, какъ пріостанавливаютъ машины на фабрикахъ.—Николай приноситъ эту жертву для «Истины». Куницкаго нельзя уважать, какъ человѣка, потому что онъ—флюгеръ, сума переметная, но онъ играетъ слишкомъ видную роль въ литературномъ мірѣ. На его юбилеѣ вся литература.

— Ну, положимъ, не вся...—проворчалъ Глѣбовъ.

— Николаю, какъ редактору, приходится поневолѣ поддерживать всевозможныя связи...—говорила Марья Владиміровна.

Тонъ ея былъ горячъ и убѣдителенъ, но розовыя пятнышки на щекахъ выдавали ее.

— Хотите кофе?—спросила она, видя, что Глѣбовъ безнадежно замолчалъ.

— Нѣтъ, спасибо. Я чувствую какую-то странную усталость... Пойду домой.

— Ваше «Неустойчивое равновѣсіе»—прелесть!...

— Спасибо за комплиментъ... До свиданья.

— Новенькое что-нибудь привезли?

— Нѣтъ.

— Жаль... Николай Павловичъ проситъ васъ зайти утромъ въ редакцію.

— Хорошо... Можетъ быть, зайду.

— А вечеромъ сегодня у насъ литературный журъ-фиксъ. Вы знаете?

— Знаю.

— Придете?

— Постараюсь.

— Приходите. Намъ хочется объединить около *Истины* все живое, передовое... всякую «живность», какъ выражается мужъ. Не правда ли, очень удачное выраженіе? А вы все хандрите? Не хорошо, стыдно. Теперь время не такое... Мода на хандру, слава Богу, прошла. Теперь надо кипѣть, дерзать, призывать, въ набатъ бить... Вотъ приходите вечеромъ: Григорьевъ прочитаетъ свою новую критическую статью,—и вы увидите... Онъ всегда пишетъ съ воображеніемъ, съ перцемъ...

— Да, это любопытно,—сказалъ Глѣбовъ, выходя за дверь.— До свиданія. Не простудитесь...

Придя къ себѣ въ номеръ, Глѣбовъ легъ на диванъ и сталъ читать рукопись Филипчикова. И стихи, и проза молодого автора были очень наивны, но эта-то именно наивность и подкупала Глѣбова: онъ самъ въ ранней юности такъ же чувствовалъ, такъ же писалъ. Теперь онъ опять переживалъ свои юношескія настроенія: это стремленіе къ высокому идеалу, эти призывы къ братству, къ борьбѣ за человѣка, наполнявшіе тетрадки Филипчикова, были какъ будто старыми произведеніями самого Глѣбова. Все было переписано такъ же отчетливо, старательно; послѣ каждаго стихотворенія стояли такія же точно звѣздочки, какія нѣкогда ставилъ Глѣбовъ; на каждомъ шагу попадались выраженія, точь-въ-точь такія, какими пестрѣли первыя сочиненія Глѣбова, не попавшія въ печать. Читая тщательно разлиневанныя тетрадки, Глѣбовъ все время усмѣхался доброю улыбкой: онъ живо представилъ себѣ, какъ горѣли голова и сердце автора, когда онъ вкладывалъ свои пылкія чувства въ чужія затасканныя формы, когда ему казалось, что никто въ мірѣ еще не чувствовалъ такъ сильно и искренно, какъ онъ.

Кончивъ читать, Глѣбовъ долго лежалъ въ задумчивости все съ тою же доброй усмѣшкой, рисуя себѣ круглое дѣтское лицо Филипчикова, которое онъ завтра увидитъ передъ собой. Чей-то гогочущій голосъ въ коридорѣ вывелъ его изъ задумчивости... «Ахъ, вѣдь къ Четвертухину надо».—Онъ взглянулъ на часы: было почти десять.— Надо, надо поторопиться»,—говорилъ себѣ Глѣбовъ, лѣниво вставая съ дивана. Онъ потоптался по номеру, закурилъ папиросу и тотчасъ же бросилъ ее, безцѣльно посмотрѣлъ сначала въ окно, потомъ въ зеркало,—и вдругъ ему вспомнился Туманцевъ: тотъ такъ же нерѣшительно слонялся по комнатѣ, такъ же машинально закуривалъ, такъ же безъ всякой надобности садился, вставалъ, подходилъ къ окну. Что бы ни дѣлалъ Туманцевъ, онъ какъ будто безпрерывно спрашивалъ себя: «а зачѣмъ, собственно, я дѣлаю это?» Глѣбовъ не-

обыкновенно ярко представилъ себѣ это хроническое недоумѣніе, которое онъ ощущалъ въ самомъ себѣ. «Да зачѣмъ мнѣ, въ сущности, тащиться туда?»—спросилъ онъ себя вслухъ. Онъ мысленно уже слышалъ, какъ и Четвертухинъ, и Марья Владиміровна доказываютъ съ жаромъ, что дни *Калейдоскопа* сочтены, что *Истина* побѣдоносно идетъ впередъ, что они переманятъ къ себѣ Бертова и что Лукутинъ уже далъ въ *Истину* свой очеркъ, долженствующій быть «гвоздемъ». Потомъ Колобаевъ будетъ гудѣть о «новомъ искусствѣ» и призывать всѣхъ къ жизнерадостности, Горшанскій начнетъ язвить его, острить на всѣ лады, а у самого внутри будутъ попрежнему скрести кошки; потомъ Григорьевъ прочтетъ свой задорный критическій очеркъ, назначенный для ближайшей книжки *Истины*, сдѣлаетъ въ немъ вселенскую смазь и Заботину, и Ремневу, и Гутникову, а Марья Владиміровна будетъ апплодировать, говорить, что Григорьевъ съ каждою новой статьей «растетъ, растетъ!» потомъ она скажетъ съ величавой игривостью: «Ну, а теперь, господа, пойдемте водку пить». И тутъ опять будутъ говорить объ *Истинѣ*, пить за *Истину*, и опять пить за *Истину*... а Колобаевъ опять»...

«Нѣтъ, всѣ эти разговоры объ *Истинѣ* поистинѣ мнѣ надоѣли»,—сказалъ Глѣбовъ вслухъ, зѣвнулъ и началъ, не спѣша, снимать сапоги...

IX.

— Ваши вещи произвели на меня очень симпатичное впечатлѣніе: все это искренно, и все такія хорошія мысли проводятся. Нѣтъ ничего ходульнаго, бьющаго на эффектъ. Все написано отъ чистаго сердца.

Такъ говорилъ Глѣбовъ, сидя на другой день утромъ за самоваромъ противъ Филипчикова. Щеки Филипчикова рдѣли и отъ утренняго мороза, по которому онъ прошелъ нѣсколько верстъ, и отъ удовольствія; въ его маленькихъ глазкахъ свѣтилась любовь къ Глѣбову и благодарность.

— Значитъ, можно будетъ что-нибудь напечатать?—спросилъ он , страшно волнуясь и засовывая свои красныя отъ холода руки ме ду колѣнъ.

— Нѣтъ, для печати это не годится.

Филипчиковъ вспыхнулъ, согнулся надъ столомъ, глаза его поме кли.

— Видите ли,—продолжалъ Глѣбовъ,—печатать такія вещи— эт се равно, что водить карандашомъ по одному и тому же мѣсту.

Все это было уже тысячу разъ написано и напечатано, и оригинальнаго въ вашихъ вещахъ ничего нѣтъ. Вѣдь тутъ вотъ что обидно: авторъ все это самъ внутренно пережилъ, все это дѣйствительно волновало его чувство и мысль, ему естественно кажется, что тутъ не чужое, а его собственное, очень близкое, очень дорогое для него; но дѣло-то въ томъ, что другіе авторы раньше его переживали такія же настроенія, высказали и опубликовали ихъ, и читатель будетъ относиться къ вашимъ словамъ, какъ къ повторенію чужихъ. Новымъ и свѣжимъ это можетъ быть только для васъ самихъ, потому что вы все это прочувствовали, да еще для людей, очень мало знакомыхъ съ литературой.

— Такъ какъ же быть тогда?—пробормоталъ пристыженный Филипчиковъ.

— Поживете, узнаете побольше жизнь, поработаете,—и тогда, можетъ быть, напишете то, чего другіе не написали, или разработаете старые сюжеты такъ, какъ они еще не разрабатывались.

Филипчиковъ, поднявъ голову и слегка открывъ ротъ, глядѣлъ на Глѣбова съ недоумѣніемъ и испугомъ, какъ будто тотъ рисовалъ передъ нимъ самыя мрачныя перспективы.

— А всетаки, скажите мнѣ, пожалуйста, есть у меня талантъ или нѣтъ?—спросилъ онъ, волнуясь и замирая.

— Ну, это очень трудно поддается опредѣленію,—усмѣхнулся Глѣбовъ.—Тутъ легко ошибиться въ ту или другую сторону. Я, по крайней мѣрѣ, не возьму на себя смѣлости рѣшать этотъ вопросъ.

Филипчиковъ опустилъ глаза, съежился и все потиралъ руки между колѣнъ съ видомъ человѣка, который иззябъ и никакъ не можетъ согрѣться. Глѣбовъ осторожно и ласково разспрашивалъ его, какъ онъ живетъ, чѣмъ занимается, какіе у него планы на будущее. Оказалось, что Филипчиковъ служитъ помощникомъ учителя въ уѣздномъ училищѣ, занимается усердно своимъ дѣломъ, но больше всего думаетъ о самообразованіи и мечтаетъ стать литераторомъ; ему хотѣлось бы перебраться въ Петербургъ, устроиться гдѣ-нибудь при редакціи, «хотя бы за самое маленькое вознагражденіе», и жить литературнымъ трудомъ. Филипчиковъ отвѣчалъ на разспросы охотно и откровенно, но Глѣбовъ чувствовалъ, что всѣ разговоры потеря[ли] теперь для Филипчикова свое прежнее значеніе: если напечатать р[у]кописей нельзя, все другое становится для Филипчикова не интер[е]снымъ. «Самообразованіе... Петербургъ... идейная жизнь... литер[а]турные передовые люди»...—все это зиждется для Филипчикова [на] одномъ смутномъ, но глубокомъ упованіи: «вдругъ прочтутъ руко[пи]си, вдругъ поздравятъ меня съ талантомъ, вдругъ откроютъ м[ои]

широкую дорогу,—и тогда»... Глѣбовъ былъ убѣжденъ, что объ этомъ «вдругъ» Филипчиковъ мечталъ долго, страстно, безпрерывно; это «вдругъ» грезилось ему по ночамъ, сопровождало его во время занятій въ классахъ, глядѣло на него изъ каждой строчки, которую онъ писалъ и переписывалъ. Ради этого «вдругъ» Филипчиковъ цѣлый годъ копилъ по грошамъ деньги, чтобы съѣздить въ Петербургъ и поговорить о своихъ произведеніяхъ съ писателями и издателями. Онъ самъ признался Глѣбову, что живетъ уже двѣ недѣли въ Петербургѣ, рискуя потерять мѣсто въ школѣ, страшно скучаетъ тутъ, но не рѣшается уѣхать, не узнавъ о судьбѣ своихъ рукописей.

— Въ редакціи очень гордо относятся къ начинающимъ,—сказалъ онъ, краснѣя и хмурясь.—Я ужъ, идя въ редакцію, нарочно надѣвалъ очки, чтобы казаться постарше,—прибавилъ онъ жалующимся тономъ—и вдругъ, неожиданно для себя, разсмѣялся самымъ дѣтскимъ смѣхомъ, котораго, впрочемъ, самъ же сейчасъ застыдился.

Послѣ этого внезапнаго смѣха все пошло хорошо. Глѣбовъ разсказывалъ о редакціяхъ и разныхъ литературныхъ злобахъ дня; Филипчиковъ, въ свою очередь, подробно разсказалъ, какъ онъ обращался изъ своей глуши въ столичныя редакціи, какія письма писалъ редакторамъ и издателямъ; писалъ и «милостивый государь, г. редакторъ», и «многоуважаемый г. редакторъ», и «глубокоуважаемый г. редакторъ», но результатъ былъ одинъ и тотъ же: всѣ эти «милостивые государи», «многоуважаемые» и «глубокоуважаемые» упорно молчали. Глѣбовъ тоже разсказалъ Филипчикову о своихъ первыхъ хожденіяхъ по литературнымъ мытарствамъ, и эти воспоминанія особенно сблизили собесѣдниковъ. Когда Филипчиковъ, разсовавъ свои рукописи по карманамъ, сталъ прощаться, лицо у него было довѣрчивое, почти умиленное.

— Хотя изъ моей поѣздки ничего не вышло, а все-таки у меня теперь отлегло отъ сердца,—сказалъ онъ, потрясая руку Глѣбову.— Теперь поѣду, буду работать, буду совершенствоваться...

Онъ запнулся, застыдившись слова «совершенствоваться», и мо[illegible]на мялъ руку Глѣбова.

— Вы когда же ѣдете?—спросилъ Глѣбовъ.

— Нынче же уѣду... Чего же мнѣ тутъ ждать? Прощайте, Григо[illegible] Александровичъ!

— Ну, дай вамъ Богъ!

Отъ души благодарю васъ за сочувствіе... Простите, что отня[illegible]немя.

Филипчиковъ вышелъ, но тотчасъ опять просунулся въ дверь и спросилъ:

— А напечатать ничего изъ моихъ вещей нельзя? Такъ-таки ужъ ровно ничего?

— Мнѣ кажется, что нѣтъ.

— Можетъ быть, въ какой-нибудь газеткѣ или...

Глѣбовъ пожалъ плечами. Въ лицѣ и голосѣ Филипчикова было что-то такое, чего юноша самъ, видимо, стыдился и что старался спрятать отъ Глѣбова.

— Мнѣ казалось, что иногда печатаютъ вещи довольно слабыя,—пробормоталъ онъ виноватымъ голосомъ.—А впрочемъ...Еще разъ простите!

Онъ скрылся, но не отходилъ отъ полуотворенной двери; потомъ, не показываясь, спросилъ изъ коридора тономъ, который онъ силился сдѣлать равнодушнымъ:

— А вы не знаете, Григорій Александровичъ: говорятъ, Бертовъ въ Петербургѣ?

— Да, мнѣ говорили... А вы откуда знаете?

— Въ *Листкѣ* прочиталъ... Всего хорошаго!

Филипчиковъ застучалъ ботиками по коридору, и Глѣбовъ, прислушиваясь къ его медленнымъ шагамъ, чувствовалъ, что Филипчиковъ уходитъ отъ него недовольнымъ.

Только что Глѣбовъ одѣлся, чтобы пойти въ редакцію «Истины», какъ дверь номера распахнулась, и въ комнату быстро вошелъ корректоръ Березовскій.

— Жена у васъ?—выпалилъ онъ, остановившись среди номера.

— Какая жена?

— Моя жена, моя!

Глѣбовъ, опѣшенный, стоялъ передъ нимъ и ничего не понималъ. Березовскій былъ не столько пьянъ, сколько взвинченъ: въ его тонкомъ, запальчивомъ, помутившемся взглядѣ сохранялось созна-тельное выраженіе, но усмѣшка на губахъ была нехорошая, недо-дозрительная. Оправясь отъ неожиданности, Глѣбовъ вспомнилъ, что говорилъ ему Четвертухинъ о корректорѣ, и понялъ, что у того начинается мрачная полоса запоя.

— Жены вашей у меня нѣтъ,—мягко сказалъ Глѣбовъ. — Я даже совсѣмъ не знакомъ съ нею.

— Это ничего не значитъ,—возразилъ Березовскій все съ тою же подозрительной усмѣшкой.—Ей познакомиться недолго... Вамъ извѣстно, что значитъ на простонародномъ языкѣ: «познакомиться»... А?

— Я вижу, вы разстроены,—замѣтилъ Глѣбовъ попрежнему мягко и спокойно.—Вы присядьте, отдохните и разскажите толкомъ.

Тонъ Глѣбова какъ будто подѣйствовалъ на Березовскаго отрезвляющимъ образомъ. Онъ машинально сѣлъ на диванъ, снялъ шапку, оперся локтями о столъ и задумался.

— Снимайте пальто,—предложилъ Глѣбовъ.—Вотъ чаю выпейте...

— А вина нѣтъ?—спросилъ Березовскій, точно въ забытьи.

— Вина нѣтъ... Снимите пальто.

— Нѣтъ, не сниму,—возразилъ Березовскій все въ томъ же забытьи.—И въ редакцію больше не пойду!... Къ чорту «Истину»!

Онъ надѣлъ зачѣмъ-то шапку и, подбоченясь, уставился на Глѣбова мутными глазами, въ которыхъ тускло просвѣчивала какая-то навязчивая мысль.

— Вчера на «четвергѣ» вашего пріятеля, Николая Четвертухина, жена всѣхъ разспрашивала о васъ, узнала отъ Четвертухина вашъ адресъ,—говорилъ насмѣшливо и нараспѣвъ Березовскій.—А меня вчера оттуда въ шею вытолкали!—неожиданно прибавилъ онъ.

— Что вы говорите!

— То-есть, не то, что въ шею, а благороднымъ манеромъ... «Честью просятъ», ха-ха!... За правду пострадалъ... именно за правду, а не за «Истину»... Ха-ха!... Впрочемъ, я кажется, пьянъ? И, кромѣ того, наслѣдилъ у васъ...

Онъ сталъ неловкими движеніями снимать калоши, усмѣхаясь чему-то про себя. Глѣбовъ не узнавалъ въ немъ того молчаливаго и надменно застѣнчиваго человѣка, который сгибался вчера въ редакціи надъ конторкой съ угрюмо-дѣловымъ видомъ: борода у него свалялась въ смѣшной комочекъ, подъ золотыми очками бѣгали воспаленные глаза, шапка сидѣла на затылкѣ.

— Я, батенька, всю ночь пилъ... и буду продолжать въ томъ же духѣ, пока не придетъ ко мнѣ благодѣтельница!—говорилъ Березовскій, все кряхтя надъ калошами.

— Я не совсѣмъ понимаю, о чемъ вы...

— Наша общая благодѣтельница, для которой всѣ равны... Она всѣхъ уложитъ рядышкомъ.

— Вы говорите о смерти?

Березовскій снялъ, наконецъ, калоши, облокотился о столъ и началъ какъ будто задремалъ.

— Послушайте,—тихонько произнесъ Глѣбовъ, дотрогиваясь до его руки.—Съ вами случилось что-нибудь непріятное? Что такое произошло вчера у Четвертухина на вечерѣ?

— Всѣ они—хамы, буржуи!... Людей много, а человѣка нѣтъ! Вотъ только вы да Горшанскій... Пойдемте вино пить!

— Да посидите лучше у меня. Хотите, позавтракаемъ вмѣстѣ?

— Домой не пойду... Нѣтъ у меня своего гнѣзда... и никогда не было... Пакость одна, конура холодная... Злость, зависть, ревность... Дайте мнѣ ощутить радостную теплоту жизни!... А она вмѣсто этого взяла и ушла...

— Кто?

— Жена, такъ называемая жена!

— Ушла? Куда ушла?

— Нѣтъ, хуже: она просто не пришла... Это еще гаже. Я еще вчера зналъ, что она не вернется... Я ее насквозь вижу... Знаю, къ кому она отправилась отъ Николки Четвертухина. Она всѣмъ разсказываетъ, будто я ее зарѣзать хочу. Себя я хочу зарѣзать, а не ее. Не я ее зарѣзалъ, а она меня!... А впрочемъ, къ чорту все, къ дьяволу... Пойдемте въ кабакъ!

— Ну, полноте, голубчикъ... Вотъ выпейте-ка чаю, освѣжитесь, а потомъ мы съ вами...

— А, вы не хотите идти со мной? Брезгуете? Напрасно-съ, напрасно-съ... Я не корректоръ, нѣтъ! Я тоже писатель, слышите?... Тоже печатался... да-съ! И меня когда-то корректировали такіе же горемычные, какъ я теперь!... Положимъ, я—непризнанный, а вы признанный, да вѣдь помремъ, оба рядышкомъ ляжемъ. А вы какъ думали? Всѣхъ черви съѣдятъ. Самые обыкновенные черви... Ха-ха! А вы полагаете, что для васъ особенныхъ выпишутъ... изъ-за границы, напримѣръ?

— Да успокойтесь вы ради Бога... Я вовсе не...

— Всѣ снисходятъ, всѣ похлопываютъ по плечу—и меня, и жену мою... Ха-ха! Она таетъ, а я... нѣтъ, я не таю. Я умѣю ненавидѣть вашего брата! Я васъ всѣхъ насквозь вижу... мишурные людишки, свищи, бездушные скрибы!

Березовскій стоялъ блѣдный, съ искаженнымъ отъ злости лицомъ и размахивалъ шапкой передъ самымъ носомъ Глѣбова.

— Вы—не люди, а вывѣски! И жена моя—не жена, а литературная, нѣтъ, литераторская...

Онъ въ бѣшенствѣ выкрикнулъ непристойное слово и бросился вонъ изъ комнаты, оставя на полу около стола свои калоши, подъ которыми уже начали обозначаться небольшія лужи... Глѣбовъ видѣлъ въ окно, какъ онъ, разстегнутый, съ шапкой въ рукѣ, торопливо переходилъ улицу, направляясь къ пивной; подойдя къ ней, онъ погрозилъ шапкой въ пространство, сердито толкнулъ ногой дверь и ввалился въ пивную.

X.

— Моя жизнь это—сплошная драма. Вы сами, дорогой Николай Павловичъ, видѣли, что мнѣ приходится переживать...

— Да, да. Вашъ супругъ становится невозможнымъ.

— Я вчера принуждена была ночевать у знакомыхъ... Я всего могла ожидать отъ него. Онъ способенъ избить, зарѣзать...

— Да, да. Я это понимаю... А, Григорій Александровичъ!— привѣтствовалъ Четвертухинъ Глѣбова.—Позвольте васъ познакомить: Березовская Инна Сергѣевна.

Глѣбовъ увидѣлъ передъ собой стройную средняго роста брюнетку, изящно одѣтую, съ смуглымъ, цыганскаго типа, лицомъ и круглыми черными заплаканными глазами, очень выразительно говорившими о томъ, что жизнь ея есть сплошная драма.

— Ахъ, мосьё Глѣбовъ!—воскликнула она, протягивая руку въ перчаткѣ, и вдругъ лицо ея, точно по какому-то волшебству, измѣнилось до неузнаваемости: въ глазахъ сверкнулъ какой-то обольстительный блескъ, на румяныхъ губахъ проскользнула кокетливая, многообѣщающая улыбка.

— Вы почему не были у меня вчера на «четвергѣ»?—спросилъ Четвертухинъ Глѣбова съ ласковымъ укоромъ.

— Ахъ, нѣтъ, я очень рада, что вы вчера не были,—произнесла загадочнымъ тономъ Березовская, и опять лицо ея подернулось трагическимъ выраженіемъ.

— А я очень жалѣю, что васъ не было,—сказалъ Горшанскій, выходя изъ угла, гдѣ онъ сидѣлъ съ газетой.

— Ба, да и вы здѣсь! Я и не замѣтилъ,—обрадовался Глѣбовъ, здороваясь съ Горшанскимъ.

— Вчера Иванъ Николаевичъ хорошо наложилъ намъ всѣмъ по шапкѣ,—говорилъ тотъ не то шутливо, не то серьезно.—Николаю Павловичу больше всѣхъ влетѣло.

Онъ разсказывалъ Глѣбову о вчерашнемъ, а Березовская въ это время отошла съ Четвертухинымъ къ сторонкѣ и разговаривала съ нимъ вполголоса, видимо заботясь о томъ, чтобы ея наиболѣе эффектныя фразы доходили до слуха Глѣбова и Горшанскаго:

— Вы понимаете, Николай Павловичъ, что я больше не могу жить съ человѣкомъ, который такъ мало уважаетъ... Словомъ, я считаю это униженіемъ для женщины... Я бы предпочла жить своимъ трудомъ.

— Своимъ трудомъ?—повторилъ Четвертухинъ, слегка поддразнивая ее какъ балованнаго ребенка, и кокетничая съ ней.—Вотъ мѣ-

сто корректора у насъ, вѣроятно, освободится, такъ какъ вашъ ревнивый супругъ...

— О, нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу перебѣгать ему дорогу... Пусть его читаетъ корректуру. Вы ужъ простите ему его выходки... Нѣтъ, я хотѣла бы заняться переводами съ французскаго.

— Переводами?... Гм... У насъ ужъ есть достаточный комплектъ переводчиковъ...

— Я знаю: Марья Владиміровна переводитъ. Но, можетъ быть, что-нибудь и на мою сиротскую долю перепадетъ?—говорила Березовская, гипнотизируя Четвертухина глазами и обольстительно улыбаясь.—Конечно, прежде всего женѣ; но вѣдь не все же женѣ...

— Постараюсь, постараюсь...

— А пока вотъ тутъ у меня есть стихотворенія...

— Оригинальныя? Ваши?

— Не знаю, насколько они оригинальны, но они—мои...

И она, какъ-то загадочно усмѣхаясь, достала изъ мѣшечка нѣсколько мелко исписанныхъ почтовыхъ листовъ.

— Тутъ я обнажаю передъ читателемъ женскую душу...—говорила Березовская, подавая Четвертухину красивымъ жестомъ свои стихи.

— Обнажаете?—пробормоталъ Четвертухинъ и провелъ языкомъ по губамъ.

— Лукутину очень понравилось... Онъ даже просилъ передать вамъ, что рекомендуетъ это для помѣщенія въ «Истинѣ».

— Георгій Степановичъ? А!

— Такъ какъ стихи эти есть сплошная и горькая истина, то помѣщеніе ихъ именно въ «Истинѣ»...

— Отлично, отлично... А теперь мнѣ надо бы...

Четвертухинъ взглянулъ на часы и ахнулъ:

— Богъ мой, какъ время бѣжитъ! Мнѣ еще надо къ цензору, къ издателю, въ типографію... Вашъ супругъ зарѣзалъ не васъ, а меня: теперь у насъ такое горячее время... Да, кстати: не знаете, гдѣ я могу поймать Бертова?

— Я вчера видѣла его. Онъ сегодня уѣзжаетъ... Если хотите, поѣдемте сейчасъ къ Георгію Степановичу: отъ него, можетъ быть, узнаете, гдѣ искать Бертова...

— Превосходно!... Вы дождетесь меня, господа?—обратился онъ къ Горшанскому и Глѣбову.—Я скоро вернусь,—позавтракаемъ вмѣстѣ, поговоримъ по душамъ... Семенъ, подай одѣться!

Березовская крѣпко пожала руку Горшанскому, потомъ обратилась къ Глѣбову:

— Вы еще поживете въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, я скоро уѣду.

— Какъ это жаль! Мнѣ бы такъ нужно поговорить съ вами...

Она стояла передъ Глѣбовымъ, гипнотизируя его глазами, въ которыхъ переливалъ какой-то шалый блескъ, и тутъ Глѣбовъ впервые замѣтилъ, что эти красивые глаза слегка подведены.

— Я увѣрена, что мы еще увидимся съ вами,—многозначительно сказала Березовская, пожимая руку Глѣбова своей горячей и какой-то цѣпкой рукой.

— Петрунинъ пріѣхалъ по неотложному дѣлу,—объявилъ Четвертухинъ, возвращаясь изъ передней, гдѣ онъ началъ было уже одѣваться.—Вы, Инна Сергѣевна, поѣзжайте, пожалуйста, къ Георгію Степановичу, задержите его: я скоро пріѣду.

Березовская вышла, и скоро изъ передней послышался стариковскій, но еще довольно твердый и громкій голосъ Петрунина, говорившаго Иннѣ Сергѣевнѣ:

«Богиня, скажи мнѣ, какой ѳиміамъ
Достоинъ тебя, неземная?»

— «Memento mori», явился: значитъ, гдѣ-нибудь покойничкомъ запахло,—сказалъ Горшанскій Глѣбову.

— Что это за «memento mori?»

— Петрунинъ, нашъ «поминальщикъ»: я такъ зову его. Любитъ усопшихъ писателей... Къ живымъ онъ равнодушенъ, а покойничковъ обожаетъ: хлопочетъ на похоронахъ, устраиваетъ литературныя поминки... Особенно цѣнитъ скоропостижно умершихъ... Не такъ ли, Николай Павловичъ?

— Нѣтъ, счастливецъ этотъ Лукутинъ!—воскликнулъ Четвертухинъ, отвѣчая на собственныя мысли.—Везетъ ему! Вотъ теперь Березовская... Этакая женщина! Вотъ ужъ именно: *ж-женщина*!

Онъ сѣменилъ по кабинету, усиленно вдыхая въ себя струю крѣпкихъ духовъ, оставшуюся послѣ Березовской, и все повторялъ: «Везетъ ему, везетъ!»

— Смотрите: задастъ вамъ Марья Владиміровна,—замѣтилъ Горшанскій.—Вамъ бы одну «Красоту» редактировать, а «Истину» и «Добро»—по боку...

— Однако Петрунинъ тамъ заболтался,—проворчалъ Четвертухинъ, прислушиваясь къ смѣху Инны Сергѣевны.—Викторъ Михеевичъ!—крикнулъ онъ.

Вошелъ, покрякивая, Петрунинъ, высокій старикъ съ сухимъ, строгимъ лицомъ, на которомъ, впрочемъ, послѣ разговора съ Бере-

зовской, еще играла какая-то суетная жилка. Онъ молча подалъ руку Глѣбову, потомъ Горшанскому и сѣлъ... Жилка сбѣжала съ его лица.

— Кого хороните, Викторъ Михеевичъ? — спросилъ Горшанскій.—Простухина?

— Да.

— Это вы написали некрологъ?

Горшанскій указалъ на газету...

— Я. А что?

— Ужъ очень хорошо написано. Я готовъ скоропостижно умереть ради такого некроложища.

— Я принесъ вамъ статью о покойномъ Простухинѣ для ближайшей книжки журнала,—обратился Петрунинъ къ редактору, не замѣтивъ иронiи Горшанскаго.

— Колобаевъ пишетъ о немъ,—сказалъ Четвертухинъ.—Вчера только на моемъ «четвергѣ» разсказывалъ намъ планъ статьи.

— Колобаевъ не зналъ лично Простухина, а я зналъ,—возразилъ сердито Петрунинъ.—Я былъ при немъ въ послѣднiе дни его жизни... По счастливой случайности, онъ даже, если можно такъ выразиться, умеръ на моихъ рукахъ... Я говорю «по счастливой случайности» потому, что его смерть застала всѣхъ врасплохъ. Хорошо, что я у него тогда засидѣлся, а то бы онъ такъ и умеръ одинъ-одинешенекъ.

— Да, это въ самомъ дѣлѣ вышло очень удачно...—пробормоталъ Четвертухинъ, соображая что-то.—Помѣстить и Колобаева, и васъ?... Нѣтъ, Простухинъ былъ не настолько большой писатель, чтобы печатать сразу двѣ статьи о немъ... Впрочемъ, вы дайте мнѣ вашу статью: я соображу и устрою это...

— Надо бы намъ организовать литературный вечеръ въ память Простухина,—говорилъ Петрунинъ, передавая редактору статейку.—Вотъ и вы бы, господа, приняли участiе,—обратился онъ къ Глѣбову съ Горшанскимъ.

— Я уѣзжаю въ Москву,—отвѣтилъ Глѣбовъ.

— Я тоже куда-нибудь уѣду,—сказалъ Горшанскiй.

— Объ этомъ мы завтра потолкуемъ... послѣ похоронъ,—засуетился Четвертухинъ,—а теперь мнѣ надо ѣхать, ловить Бертова.

— Бертова? И мнѣ его надо...

— Вотъ и поѣдемъ вмѣстѣ... Семенъ, давай пальто!

— Зачѣмъ вамъ, Викторъ Михеевичъ, къ Бертову?—замѣтилъ Горшанскiй.—Развѣ онъ умираетъ?

— Ахъ, вотъ кто плохъ: Гороховъ,—сказалъ съ ожив[illegible]

Петрунинъ, обращаясь къ Четвертухину, уже выходившему изъ кабинета.—Я третьяго дня заѣзжалъ къ нему, спрашивалъ его доктора; говоритъ: «безнадеженъ».

— На вашей душѣ грѣхъ, Николай Павловичъ,—сказалъ Горшанскій:—вы бы могли поддержать его. Вѣдь онъ жилъ впроголодь...

Четвертухинъ нахмурился, рѣзко повернулся и вышелъ.

— Я на всякій случай приготовлю о Гороховѣ статью для мартовской книги...—говорилъ Петрунинъ, слѣдуя за редакторомъ и вытягивая на ходу свою длинную жилистую шею.

— Можно подумать, что сидишь въ бюро похоронныхъ процессій,—молвилъ Глѣбовъ.

— Нюхъ у этого Петрунина на покойниковъ сверхъестественный,—сказалъ Горшанскій.—Ну, я Четвертухина ждать не буду...

— Я тоже пойду...

Опять, какъ наканунѣ, Глѣбовъ съ Горшанскимъ вышли вмѣстѣ на улицу. Опять, какъ вчера, дулъ гнилой вѣтеръ, и тяжелое, сѣрое небо низко висѣло надъ головами.

— «И грязь, и мразь!... На небѣ хмуро»...—продекламировалъ Горшанскій.—Хорошо сдѣлалъ Гороховъ, что умеръ: чего трепаться-то?... Матовый колпакъ наверху, матовые силуэты кругомъ... И мысли, и чувства, и настроенія—все матовое.

— Скажите, пожалуйста: что за человѣкъ Березовскій?—задумчиво спросилъ Глѣбовъ.—Мнѣ почему-то особенно жаль его.

— И мнѣ жаль. Парень хорошій... Душа у него большая, нѣжная, только искалѣченная. Мечталъ сдѣлаться литераторомъ, да не вытанцовалось, и отъ этого у него вѣчно ноетъ внутри... Мечталъ найти утѣшеніе въ женѣ — вѣдь онъ ее любитъ, какъ сумасшедшій,—а вмѣсто утѣшенія нашелъ одну скверность... Вы видѣли, какъ онъ одѣта? Развѣ на корректорское жалованье разодѣнешься такъ? Та Инна—барыня, что называется, «напрокатъ», и неглупая шельма... съ большимъ коготкомъ. Обожаетъ писателей... извѣстныхъ, конечно... и притомъ, въ противоположность Петрунину, только живыхъ. Бѣгаетъ по знаменитостямъ и въ глубинѣ души гордится, что она любовницей литературныхъ тузовъ всѣхъ мастей... Впрочемъ, если бы она была поскромнѣе, Березовскій, можетъ быть, и не любилъ бы ее такъ: вѣдь сердце человѣка, даже самаго немудрящаго, представляетъ изъ себя такой винегретъ... Однако, позвольте: куда мы идемъ?

— Я не знаю,—сказалъ Глѣбовъ.

— Я тоже не знаю...

Они, какъ вчера, остановились они на перекресткѣ, обдувае-

мые сырымъ вѣтромъ, и нѣкоторое время молча смотрѣли другъ на друга. Опять, какъ вчера, обоимъ хотѣлось сказать что-то задушевное, высказать самую главную свою мысль или заботу,—и опять все расплывалось въ молчаливомъ и странномъ недоумѣніи...

— Да что вы думаете сейчасъ дѣлать?—спросилъ Горшанскій.

— Что дѣлать?

Глѣбовъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Я думаю уѣхать съ почтовымъ поѣздомъ въ Москву.

— Съ почтовымъ? Гм... А знаете: не поѣхать ли и мнѣ съ вами?

— Отлично! Я очень радъ. Будемъ разговаривать по дорогѣ.

— Ей-Богу, поѣду! — оживился Горшанскій.—Не все же кружиться тутъ въ вихрѣ удовольствій...

— Такъ мы отправимся сейчасъ по домамъ, уложимся, встрѣтимся на вокзалѣ и позавтракаемъ вмѣстѣ. Вы пораньше пріѣзжайте на вокзалъ.

— Браво! — воскликнулъ Горшанскій, окончательно оживляясь.—Великолѣпная идея! Такъ я сейчасъ ѣду укладываться... Извозчикъ!

XI.

Глѣбовъ долго ждалъ Горшанскаго на вокзалѣ, потомъ наскоро позавтракалъ одинъ и вышелъ на дебаркадеръ. До отхода поѣзда оставалось не болѣе 20 минутъ. Народу ѣхало много, было тѣсно, суетливо, въ глазахъ рябило отъ разношерстной толпы. Глѣбовъ ходилъ и все высматривалъ Горшанскаго, досадуя на его вѣчную неаккуратность.

— Я говорила вамъ, что мы увидимся!—раздался возбужденный и какъ-то особенно вибрирующій женскій голосъ.—Здравствуйте!

Передъ Глѣбовымъ выросла Березовская въ изящнѣйшей мѣховой кофтѣ и кокетливо сдвинутой на-бокъ шапочкѣ. И щеки, и глаза ея горѣли, все лицо дышало чѣмъ-то шальнымъ и жаднымъ.

— А мы ужъ давно тутъ,—сказалъ, подходя, Четвертухинъ.—Все Бертова выслѣживаемъ.

— Мы не могли изловить его,—подхватила Инна Сергѣевна.—Узнали только, что онъ ѣдетъ съ этимъ поѣздомъ.

— Можетъ быть, онъ пріѣхалъ раньше и забился въ вагонъ,—спросилъ Четвертухинъ, озабоченно поглядывая на часы.

— Я сейчасъ пройду по вагонамъ 1-го и 2-го класса,—[illegible] жила Березовская.

— Васъ кондукторъ безъ билета не пуститъ,—замѣтилъ Четвертухинъ.

— Ну, меня-то пуститъ!

И Березовская исчезла за толпой.

— А вы развѣ тоже ѣдете?—вдругъ догадался Четвертухинъ.

— Ѣду,—отвѣтилъ Глѣбовъ.

— Что же это вы?... Намъ и поговорить не пришлось... Жаль, жаль.

— О чемъ говорить-то, Николай Павловичъ? Опять обмѣниваться пустыми орѣхами?

Четвертухинъ обезпокоился, пытливо взглянулъ на Глѣбова и сказалъ, огорченно махнувъ рукой:

— Да, вы правы... Замотался я, раздрызгался какъ-то и всѣ хорошія, настоящія слова растерялъ. Лопочешь второпяхъ цѣлый день на всѣ стороны... Все дѣла, дѣла, а въ сущности путнаго ничего не дѣлаешь: одному дѣлу мѣшаетъ другое, другому—третье и такъ далѣе. Ужъ сколько лѣтъ все собираюсь, все хочу, страстно хочу написать что-нибудь крупное—и все сбиваюсь на мелочи, на дрязги. Вы не можете представить себѣ, какъ меня это иногда мучитъ. Чувствую, что съ каждымъ днемъ мельчаю да мельчаю! Если это продолжится такъ еще года два-три...

— Ахъ, Юрій Александровичъ!—воскликнулъ онъ при видѣ Бертова и бросился къ нему, расталкивая толпу.

Бертовъ, горбясь и щурясь, прошелъ мимо Глѣбова съ группой провожавшихъ его мужчинъ и дамъ. Навстрѣчу ему вышелъ румяный молодой человѣкъ, объявилъ Бертову съ почтительнымъ поклономъ, что билетъ для него взятъ и мѣсто въ 1-мъ классѣ занято.

Бертовъ любезно кивнулъ ему головой и вошелъ за нимъ въ вагонъ. Четвертухинъ тоже протискался въ вагонъ.

— Григорій Александровичъ!... Здравствуйте, Григорій Александровичъ!—послышался запыхавшійся и какъ будто знакомый голосъ.

Глѣбовъ обернулся и увидѣлъ Филипчикова.

— Еще разъ здравствуйте,—сказалъ онъ, пожимая иззябшую руку юноши.—Вы тоже ѣдете?

– Да. У меня къ вамъ просьба... огромная просьба.

– Что такое?

– Бога ради, представьте меня Бертову.

- Съ какой цѣлью?

Филипчиковъ замялся и забѣгалъ глазами.

Я бы хотѣлъ... Я попросилъ бы его...

— Прочитать ваши рукописи?

— Да... отчасти. И замолвить за меня словцо. Онъ имѣетъ большое вліяніе.

— Не могу исполнить вашей просьбы, потому что я самъ почти незнакомъ съ нимъ. А вы опять въ очкахъ?—усмѣхнулся Глѣбовъ.

Филипчиковъ смотрѣлъ на Глѣбова, моргалъ, потиралъ руки и часто дышалъ отъ волненія.

— Такъ я пойду туда, посмотрю... Можетъ быть, и улучу моментъ... Можетъ быть, я съ нимъ какъ-нибудь самъ познакомлюсь.

И онъ побѣжалъ рысцой къ вагону 1-го класса. Глѣбовъ тоже пошелъ посмотрѣть, какъ провожаютъ Бертова. У одного конца вагона сгруппировалась порядочная кучка людей, среди которыхъ выдѣлялся громоздкій Колобаевъ. Бертовъ стоялъ на площадкѣ, смотрѣлъ на лица поклонниковъ и поклонницъ своими загадочными, не то безразлично-добрыми, не то грустно-равнодушными глазами и изрѣдка односложно и лѣниво отвѣчалъ на привѣтствія и разспросы. Ближе всѣхъ къ нему стояла Березовская, вся переполненная какимъ-то чувственнымъ экстазомъ, и Глѣбову казалось, что вотъ-вотъ она кинется на Бертова, начнетъ жадно цѣловать его или укуситъ, или и то, и другое вмѣстѣ.

— Съ кѣмъ она теперь живетъ?—послышался за спиной Глѣбова сдержанный мужской голосъ.—Съ Курковскимъ?

— Что вы! Курковскій давно бросилъ ее,—отозвался другой голосъ, тоже пониженный.—Послѣ него она жила съ Патовымъ, потомъ со Штерномъ, потомъ... Дай Богъ памяти... Да много было... А теперь она съ Лукутинымъ.

Раздался второй звонокъ.

— Вотъ и я!—сказалъ Горшанскій, хлопнувъ Глѣбова по плечу.—Я васъ все въ буфетѣ искалъ.

— А, наконецъ-то вы! Очень радъ.

— Знаете, вѣдь я не ѣду съ вами.

— Вотъ-те разъ! Какъ же такъ?

— Да такъ... Мы вонъ съ этимъ мостодонтомъ (онъ кивнулъ на Колобаева) рѣшили, что лучше поѣхать въ Вѣну.

— Въ Вѣну? Зачѣмъ вдругъ въ Вѣну?

— А чортъ его знаетъ, зачѣмъ.

— Здравствуйте,—сказалъ Колобаевъ, подходя впопыхахъ къ Глѣбову.—Иди скорѣй, проводи Бертова. Чего-жъ ты тутъ?—обратился онъ къ Горшанскому.

— Не пойду я.

— Это почему?

— У него на глазахъ пленки.

— Что за чепуха! Какія пленки?

— Вѣдь это хорошо бываетъ у барышни, когда глаза съ поволокой, а въ данномъ случаѣ...

— Эхъ, самолюбьишко поганое,—сказалъ солидно Колобаевъ и опять протискался къ Бертову.

— Когда вамъ жизнь станетъ не мила, бросайтесь подъ Колобаева,—замѣтилъ Горшанскій, слѣдя насмѣшливымъ взглядомъ за толстякомъ. Но черезъ минуту лицо его уже было сумрачнымъ, а въ глазахъ свѣтилось что-то больное.

— Почему, когда оглядываешься на прожитые годы, становится такъ нестерпимо грустно?—произнесъ онъ въ уныломъ раздумьи.— Все кажется, что упущено что-то очень важное, ушло безвозвратно самое дорогое, и не знаешь, что это за «самое дорогое»... А вѣдь дѣло-то очень просто: ушло самое главное—жизнь...

Рѣзко прозвенѣлъ третій звонокъ. Поднялась послѣдняя судорожная суета, эта агонія прощанія. Около Бертова раздался гулъ привѣтствій и пожеланій, сквозь который прорвался звучный голосъ Березовской:

— Я увѣрена, что мы скоро увидимся съ вами! До свиданія! до свиданія!

Глѣбовъ пожалъ Горшанскому руку и вскочилъ на площадку. Свистокъ, еще свистокъ, поѣздъ дрогнулъ и тронулся.

Вдругъ Горшанскій, точно его что толкнуло, вскочилъ на площадку, обнялъ Глѣбова, крѣпко поцѣловалъ его и соскочилъ на дебаркадеръ. Передъ Глѣбовымъ въ послѣдній разъ промелькнула тонкая фигура Горшанскаго и свита Бертова. Четвертухинъ потрясалъ шапкой и кричалъ Бертову:

— До свиданія, Юрій Александровичъ! Не забывайте «Истину!» Ради Бога, не забывайте «Истину!»

Березовская граціозно помахивала муфтой, а Колобаевъ совсѣмъ ужъ не граціозно посылалъ Бертову воздушные поцѣлуи.

Потомъ сразу все пропало. Передъ глазами Глѣбова, все еще стоящаго на площадкѣ, замелькали вагоны, потомъ пошли деревья, бу ки, мужики съ лопатами, фабричныя трубы, кирпичи. Шелъ сн ъ, поднималась метель. Черезъ площадку прошелъ кондукторъ, за ыпанный снѣгомъ, и, когда онъ отворилъ наружную дверь, въ не со свистомъ ворвался рѣзкій, пронизывающій вѣтеръ. Окрестно застилались мутною завѣсой, все подергивалось матовымъ коло омъ, и уже нельзя было разсмотрѣть ни деревьевъ, ни фабричн трубъ...

Темнѣло. Кое-гдѣ по сторонамъ заблестѣли огоньки. Метель все усиливалась, стекла были засыпаны снѣгомъ. Снѣгъ проникалъ во всѣ щели, покрылъ полъ площадки бѣлымъ налетомъ, забивался въ рукава и за воротъ Глѣбову. А Глѣбовъ все стоялъ на площадкѣ, прислушивался къ мѣрному энергичному стуку поѣзда, неутомимо и быстро несущагося впередъ, и мечталъ о томъ времени, когда человѣкъ найдетъ внутри себя такой же могучій двигатель, который выведетъ его изъ-подъ матоваго колпака на свѣтлый, широкій просторъ, гдѣ можно будетъ дышать полной грудью.

Н. Тихковскій.

НА МОРѢ.

Изъ путевыхъ впечатлѣній.

I.

Пароходъ идетъ Чернымъ моремъ изъ Севастополя къ югу, въ Батумъ, заходя попутно на всѣ пристани.

Жаркій іюльскій день. Тихо. Солнце ослѣпительно сверкаетъ на мѣрно колышущейся лазурной поверхности моря, покрытаго мелкой рябью. Воздухъ залитъ сіяніемъ прямыхъ и отраженныхъ водой солнечныхъ лучей. Невозможно смотрѣть на море съ солнечной стороны: глаза слѣпитъ.

Пассажиры нерваго и второго классовъ, преимущественно молодежь, частью размѣстились на затѣненной сторонѣ палубы, любуются моремъ и читаютъ или ведутъ тихіе разговоры; другіе, особенно люди болѣе солиднаго возраста, сидятъ или даже лежатъ въ просторныхъ и свѣтлыхъ каютахъ за опущенными занавѣсками открытыхъ оконъ, кто куритъ, кто читаетъ, а кто разговариваетъ съ сосѣдомъ о политикѣ.

Въ обширной общей каютѣ второго класса вотъ уже два дня идетъ картежная война. Играютъ все одни и тѣ же: какой-то отставной хромой офицеръ, богатый еврей-негоціантъ въ чесучевой парѣ и съ драгоцѣнными кольцами на пальцахъ, любящій сравнивать русскіе порядки съ заграничными, которые онъ хорошо узналъ при частыхъ дѣловыхъ поѣздкахъ въ западную Европу; третій партнеръ—плотный, упитанный священникъ, очевидно, владѣлецъ хорошаго прихода; четвертый—худенькій, тощій чиновникъ, проигрывающій свое жалованье. Онъ постоянно нервничаетъ, споритъ, злится на проигрышъ; вновь и вновь берется за карты, съ твердымъ намѣреніемъ отыграться, а въ концѣ-концовъ опять проигрываетъ.

Они разстаются съ картами только тогда, когда спятъ, да по

утрамъ до 11 часовъ, когда вмѣстѣ съ остальной публикой посл
чаю выходятъ на палубу и обмѣниваются впечатлѣніями наступив
шаго дня.

Но вотъ одиннадцать часовъ утра. Матросъ обходитъ палубу, по
трясая пронзительнымъ звонкомъ. Публика, въ томъ числѣ и кар
тежники, спускается въ столовую. Всѣ усаживаются за двумя дли
ными столами, накрытыми бѣлоснѣжными скатертями и уставле
ными вазами съ фруктами и сверкающей чистоты приборами.

Едва завтракъ оконченъ, наша компанія идетъ въ общую каюту,
усаживается за свой карточный столъ и играетъ до самаго обѣда, д
5 часовъ. А послѣ обѣда, часовъ съ восьми—опять карты, часов
до двѣнадцати ночи. Такъ было вчера, такъ и сегодня.

II.

Совсѣмъ иначе жизнь идетъ въ третьемъ классѣ. Огромная откры
тая палуба вся завалена нагроможденными одинъ на другой тюка
и ящиками разнаго товара, корзинами фруктъ и ягодъ и человѣче
скими фигурами. Люди заполняютъ всѣ проходы и закоулки, гдѣ
положенъ товаръ; одни стоятъ у борта или прислонившись къ ящи
камъ и тюкамъ съ товаромъ, другіе усѣлись на узлахъ съ вещами
третьи валяются прямо на грязной палубѣ, заплеванной и засоренн
всякими отбросами и объѣдками. То и дѣло пассажиры спорятъ дру
съ другомъ изъ-за какого-нибудь квадратнаго полуаршина мѣст
толкаютъ одинъ другого, громко ругаются и чуть не доходятъ до ру
пашной. Иные, усѣвшись поудобнѣе, развязываютъ свои сумки
ѣдятъ, пьютъ чай изъ жестяныхъ чайниковъ, пьютъ водку; та
играютъ въ карты, въ другомъ мѣстѣ поютъ подъ звуки хрипящ
гармоніи. Въ толпѣ сѣраго русскаго народа не мало кавказскихъ го
цевъ, грузинъ, черкесовъ, армянъ и татаръ; у борта стоятъ и см
трятъ на воду блѣдный и нервный гимназистъ, рядомъ съ нимъ—
захудалый студентъ въ синей рубахѣ подъ форменной тужуркою,
немного дальше—тщедушная барышня въ шляпкѣ; въ другомъ мѣс
тощій дьяконъ или священникъ, въ поношенномъ подрясникѣ изъ бу
мажной матеріи и въ вылинявшей шляпѣ, споритъ о Евангеліи с
благообразнымъ мужикомъ, вѣроятно, какимъ-нибудь сектантомъ.
всѣ эти люди, постоянно соприкасающіеся боками другъ съ другом
наступающіе одинъ другому на ноги, спорящіе и ругающіеся изъ-
самыхъ скромныхъ, но недостижимыхъ удобствъ, слились въ од
пеструю, копошащуюся, какъ муравейникъ, массу, перемѣшавшу
съ товаромъ, тюками, ящиками, мѣшками и узлами. Ихъ цѣлы

печетъ солнце, обдуваетъ вѣтеръ, иногда мочитъ дождь, за исключеніемъ тѣхъ счастливцевъ, которымъ удалось съ бою захватить мѣсто посреди палубы, на доскахъ, закрывающихъ отверстіе, ведущее въ трюмъ: въ этомъ мѣстѣ надъ палубой натянутъ брезентъ, и здѣсь сидѣть и лежать можно безъ опасенія, что наступятъ на ногу или на голову, такъ какъ крышка трюма устроена выше остальной палубы.

Но вотъ вдали что-то засинѣло, показались деревья, зданія. Это пристань. Пароходъ направляется къ берегу. Скоро стало видно, что вся пристань сплошь занята народомъ. Матросы высыпали на палубу, засуетились. Одинъ тащитъ какую-то веревку, другіе снимаютъ брезентъ надъ срединой палубы и сгоняютъ съ возвышенія народъ, неохотно оставляющій насиженныя мѣста, снимаютъ доски, налаживаютъ подъемныя машины для выгрузки товара.

Раздается глухой гулъ. Пароходъ дрожитъ отъ толчка о пристань, смягченнаго кранцемъ *). Два матроса бросаютъ съ палубы на пристань концы веревки. Тамъ ловко ихъ подхватываютъ, натягиваютъ и прикрѣпляютъ ими пароходъ къ пристани. Другіе матросы спускаютъ съ палубы трапъ, и публика валитъ на пристань и смѣшивается съ толпой, одѣтой по-кавказски и по-восточному, иногда просто въ грязныя цвѣтныя лохмотья. Слышится гортанная, не русская рѣчь. Извозчики, крючники, продавцы всевозможныхъ съѣстныхъ продуктовъ, расположившіеся на пристани,—все это бо́льшей частью мѣстное, горское или закавказское инородческое населеніе. Русскихъ почти не замѣтно.

Пассажиры, особенно третьяго класса, спѣшатъ запастись харчами: тащатъ на пароходъ хлѣбъ, рыбу, бутылки съ молокомъ, огурцы, арбузы, яблоки, абрикосы, персики, груши, алычу, инжиръ, туту. Все это дешево и доступно большинству.

Подъемныя машины работаютъ на всѣхъ парахъ. Слышенъ лязгъ цѣпей. Постоянно раздаются крики матросовъ:

— Вира!

— Майна!

Выгрузка кончена. Начинается нагрузка. И опять работаютъ машины и слышны лязгъ цѣпей и тѣ же крики:

— Вира!

— Майна!

Въ самый разгаръ нагрузки раздается первый гудокъ. Черезъ пол-

*) Кранецъ — пробочная масса, оплетенная веревками въ видѣ мяча; при подходѣ парохода къ пристани кранецъ спускается на веревкѣ съ борта въ томъ самомъ мѣстѣ, которымъ пароходъ долженъ толкнуться о пристань.

часа второй. Нагрузка кончена. Третій гудокъ. Всѣ пассажиры уже на пароходѣ. Трюмъ закрывается досками, и пассажиры третьяго класса опять съ бою захватываютъ мѣста на его крышкѣ. Матросы натягиваютъ брезентъ, другіе поспѣшно убираютъ трапъ, третьи — веревки, протянутыя на пристань,—и пароходъ отчаливаетъ.

По мѣрѣ того, какъ пароходъ медленно удаляется, съ пристани кричатъ послѣднія прощальныя слова провожаемымъ. Съ обѣихъ сторонъ кивaютъ головами, машутъ платками, шапками, иные до тѣхъ поръ, пока за дальностью разстоянія станетъ невозможно различать другъ друга.

III.

На этой пристани на пароходъ сѣлъ въ числѣ многихъ другихъ новыхъ пассажировъ третьяго класса пожилой человѣкъ тщедушнаго сложенія, съ сильной просѣдью въ черныхъ, коротко остриженныхъ волосахъ и въ узкой клиновидной бородѣ; на головѣ у него высокая папаха, одѣтъ въ черкеску съ патронами на груди, подпоясанную кожанымъ, украшеннымъ серебромъ съ чернью поясомъ; на ногахъ кавказскіе мягкіе сапоги съ острыми загнутыми кверху носками. Держался онъ прямо, стройно и манерами и костюмомъ былъ, какъ настоящій кавказскій горецъ.

Онъ притащилъ съ собой на пароходъ небольшой тюкъ, завернутый въ парусину, и положилъ его на палубѣ въ углу, между бортомъ парохода и барьеромъ, отдѣляющимъ палубу третьяго класса отъ палубы второго класса. Видно, онъ часто плавалъ въ морѣ, такъ какъ не обнаруживалъ того любопытства, съ которымъ другіе пассажиры наблюдали бѣгъ дельфиновъ за пароходомъ. Двое изъ этихъ животныхъ, завидѣвъ идущій пароходъ, пустились за нимъ въ погоню, догнали его и плывутъ рядомъ съ нимъ подъ водой, отъ времени до времени стрѣлой выбрасываясь на поверхность воды и дѣлая быстрые прыжки въ воздухѣ. Видно, что они стараются обогнать пароходъ. И это въ концѣ концовъ удалось имъ...

Пассажиры, толпясь у борта, смотрѣли на игру дельфиновъ и нечаянно наступали ногами на парусиновый тюкъ тщедушнаго человѣка въ костюмѣ горца. Онъ поднялъ свой багажъ и черезъ барьеръ положилъ его на палубу второго класса. Потомъ сквозь толпу пробрался въ дверь въ барьерѣ и самъ сталъ на той же палубѣ, около тюка. Здѣсь было удобно, просторно, никто его не тѣснилъ. Онъ развязалъ свой тюкъ, вынулъ изъ него нѣсколько легкихъ шелковыхъ платковъ, пару кавказскихъ бѣлыхъ войлочныхъ шляпъ, еще что-то и сталъ предлагать пассажирамъ.

Публика не обращала вниманія на его товаръ. Рѣдко кто взглянетъ на платокъ или шляпу, спроситъ, сколько стоитъ, и отвернется.

— Здѣсь нельзя стоять съ билетомъ третьяго класса,—сказалъ продавцу подошедшій дежурный матросъ.—Надо уходить туда. Ну, поскорѣй!—и онъ толкнулъ ногою развязанный тюкъ съ товаромъ.

— И зачѣмъ толкать!—сказалъ продавецъ, пожимая плечами.—Пускай лежитъ: оно васъ не трогаетъ. Дайте бѣдному человѣку продавать, заработать кусокъ хлѣба.

— Оставьте его!—сказалъ изъ публики какой-то господинъ въ золотыхъ очкахъ.

— Съ насъ требуютъ... Отвѣчать за нихъ придется,—проговорилъ матросъ, но не сталъ настаивать и отошелъ въ сторону.

Продавецъ остался на своемъ мѣстѣ. Онъ положилъ платки и шляпы опять въ тюкъ, вынулъ изъ него два куска тонкаго, домашней работы, сѣраго кавказскаго сукна, похожаго на англійское трико, и обратился съ ними къ господину въ золотыхъ очкахъ, который только что заступался за него передъ матросомъ:

— Каспадынъ, купите, дешево продамъ.

— Не надо мнѣ.

— Каспадынъ симпатычный, купите: товаръ такой симпатычный и каспадынъ симпатычный. Дешево даю: деньги надо, для вечера продать хочу. Ей-Богу!

Но «симпатычный» господинъ отошелъ на другой конецъ палубы.

Появился помощникъ капитана въ сопровожденіи двухъ матросовъ, сталъ провѣрять билеты, прощелкивая ихъ щипцами. Когда онъ дошелъ до продавца шляпъ и платковъ, то сказалъ ему:

— Нельзя здѣсь: надо въ третій классъ.

И затѣмъ, обращаясь къ матросамъ, добавилъ:

— Перевести.

IV.

Прошло съ полчаса. Стало темно. Палуба со всѣхъ сторонъ освѣтилась электричествомъ, и широкое, необозримое море казалось теперь черной безбрежной бездной, слившейся съ такой же черной бездной неба, на которомъ сверкалъ пока еще только одинъ крупный брилліантъ—вечерняя звѣзда.

Вотъ неожиданно вынырнулъ справа изъ темноты какой-то встрѣчный пароходъ и быстро, съ шумомъ прошелъ мимо, привѣтливо отвѣчая гудкомъ на пронзительный гудокъ своего товарища·

онъ такъ же, какъ и первый пароходъ, былъ ярко освѣщенъ электричествомъ, будто иллюминованный по поводу какого-нибудь торжественнаго случая. И веселые огни его, быстро пробѣгая мимо въ унылой, черной темнотѣ, свѣтили особенно привѣтливо и манили къ себѣ.

Нѣсколько минутъ пассажиры любовались убѣгающей вдаль иллюминаціей. Потомъ, когда огни скрылись, одинъ за другимъ стали укладываться спать. Скоро вся палуба третьяго класса была покрыта, какъ трупами, разбросанными во всѣхъ направленіяхъ и во всевозможныхъ позахъ человѣческими тѣлами.

Второклассные большей частью уже были по каютамъ. Партія картежниковъ—толстый священникъ, офицеръ, чиновникъ и еврей-негоціантъ сражались за зеленымъ столомъ. Только немногія одинокія фигуры оставались еще на палубѣ: одинъ устремилъ взоры въ черное пространство и сидитъ неподвижно, какъ статуя; другой поднялъ глаза на небо, на которомъ появляются все новыя и новыя звѣзды; третій навалился грудью на бортъ и смотритъ внизъ на бѣлую пѣну, вырывающуюся изъ-подъ колесъ и на разбѣгающіяся въ стороны волны. Какой-то «чистый» пассажиръ третьяго класса пробрался сюда съ узломъ и чемоданомъ, вынулъ изъ узла подушку и одѣяло, постлалъ на лавочкѣ и легъ спать. Противъ него у борта, прямо на полу, растянулся продавецъ шляпъ и платковъ, положивъ голову на свой тюкъ съ товаромъ и надвинувъ на глаза папаху.

Прошелъ толстый помощникъ капитана, недавно провѣрявшій билеты. Лицо его лоснилось отъ только что выпитаго вина. Взглянулъ онъ на чистаго человѣка, проникшаго сюда изъ третьяго класса и улегшагося спать на чужой палубѣ, и хотя зналъ въ лицо всѣхъ пассажировъ второго и перваго класса, слѣдовательно, зналъ, что этотъ не изъ здѣшнихъ, но ничего не сказалъ, предоставивъ ему лежать на облюбованномъ мѣстѣ. Когда же вслѣдъ за этимъ онъ увидѣлъ лежавшаго на своемъ тюкѣ торговца въ черкесскомъ костюмѣ, то сейчасъ же позвалъ матроса и сказалъ строго:

— Я велѣлъ убрать...

Матросъ подбѣжалъ къ торговцу, выдернулъ изъ-подъ его головы тюкъ, такъ что тотъ стукнулся головой о полъ, и бросилъ черезъ барьеръ на палубу третьяго класса на ноги какому-то сонному пассажиру.

— Сказано: уходи, значитъ, долженъ слушаться, а то черезъ васъ только отвѣчай...—говорилъ матросъ.

— И зачѣмъ сердиться? Что я тутъ сдѣлалъ? Мѣсто все равно гуляетъ. Собака сѣно не кушаетъ, другимъ не даетъ...— ворчалъ торговецъ, выходя за барьеръ и поднимая свой товаръ.

V.

Когда матросъ удалился, торговецъ осторожно положилъ свой тюкъ [illegible] барьеръ туда, гдѣ онъ только что лежалъ, а самъ отправился [illegible] себѣ мѣста на палубѣ третьяго класса. Медленно пробираясь [illegible] имъ проходамъ, переступая черезъ разбросанныя всюду ноги [illegible] огахъ, опоркахъ и босыя, обошелъ онъ всю палубу, но мѣста не оказалось. Тогда онъ сталъ у барьера со стороны третьяго [illegible], стоялъ часъ, два часа, оберегая свой товаръ, все свое бо[illegible]во. Глаза устали смотрѣть, вѣки опускались, ему хотѣлось растянуться и спать безпечно и крѣпко гдѣ попало, хотя бы на этой грязной палубѣ, гдѣ такъ натоптано ногами, наплевано и валяется столько разныхъ объѣдковъ, что его тошнитъ отъ брезгливости... О, когда онъ разбогатѣетъ, то будетъ брать билетъ второго класса; тогда не понадобится ему крадучись пробираться на чистую палубу и терпѣть, когда его прогоняютъ; тогда онъ, какъ честный человѣкъ, смѣло, рѣшительно, на глазахъ публики пойдетъ и займетъ въ каютѣ второго класса самое лучшее мѣсто, какое ему понравится, мягкое, удобное и чистое. А матросъ-носильщикъ принесетъ ему туда его тюкъ съ товаромъ. И онъ дастъ за это матросу на чай двугривенный, какъ честный, благородный, «симпатычный» пассажиръ.

Онъ стоялъ полусонный и мечталъ о томъ блаженномъ времени, когда это сбудется. И думалъ онъ о своей семьѣ, о своей милой, вѣрной, доброй Хайкѣ, такой нѣжной и хрупкой, черноволосой и черноокой, съ такими маленькими руками и тонкими пальцами, которыми она сама все дѣлаетъ для семьи. Почти наяву видитъ онъ ее, какъ она тамъ, у себя дома, въ маленькой закавказской деревушкѣ, уже раздѣтая, лежитъ на большой, мягкой перинѣ на всю широкую буковую кровать, застланную, хоть и хорошо помятою, но все еще чистою простыней, выстиранной ея собственными руками. А возлѣ нея, на приставленныхъ къ кровати стульяхъ, лежитъ маленькая, такая хорошенькая Ривке, которой еще нѣтъ и года. А въ ногахъ матери, на той же кровати, рядышкомъ спятъ Ицекъ и Черна. А самый старшій, пятилѣтній Гершко, покоится у противоположной стѣны, одинъ единственный на всемъ деревянномъ диванѣ, какъ какой-нибудь господинъ... И всѣ они такіе хорошіе, милые... Взялъ бы, да такъ всѣхъ ихъ и расцѣловалъ... Да сохранитъ ихъ Іегова! Пусть онъ поможетъ малюткамъ поскорѣе вырасти и сдѣлаться честными евреями, и счастливыми, и богатыми, чтобы была у нихъ хорошая торговля, чтобы ѣздили они во второмъ классѣ...

Короткая лѣтняя ночь быстро промчалась. Уже небо засѣрѣло и

стала видна даль морская и электричество уже погасили. Всѣ спать, а онъ все стоитъ. И ему хочется спать, глаза такъ и слипаются, ноги вздрагиваютъ, такъ и клонитъ голову. И онъ идетъ въ дверку за барьеръ, на чистую палубу второго класса, падаетъ на свой тюкъ и сразу засыпаетъ.

VI.

Настало утро, тихое и ясное. Солнце заливаетъ палубу яркимъ свѣтомъ, но въ воздухѣ еще стоитъ ночная свѣжесть. Большинство палубныхъ пассажировъ уже на ногахъ, но нѣкоторые еще лежатъ. На палубѣ появляются матросы, таща резиновые рукава, и кричатъ:

— Вставай!

Въ одну секунду всѣ лежавшіе очутились на ногахъ, и каждый поднялъ свои пожитки: кто держитъ ихъ въ рукахъ, кто на головѣ, кто положилъ на ящики или бочки съ товаромъ.

Матросы обильно поливаютъ палубу соленой водой, которую сейчасъ же сметаютъ метлами въ море вмѣстѣ съ соромъ, арбузными корками, костями, рыбьими головками и всякой нечистью. И гдѣ только прошлись матросы съ метлами и швабрами, пассажиры наперерывъ другъ передъ другомъ опять занимаютъ мѣста на сырой еще палубѣ.

Солнце поднялось уже высоко. Вся чистая публика послѣ чая высыпала изъ каютъ на палубу. Разговариваютъ, читаютъ газеты, книги, любуются моремъ.

По палубѣ медленно идетъ знакомый уже всѣмъ пассажирамъ тщедушный торговецъ, несетъ два куска сукна.

— Купите, каспадынъ. Барыня, купите: карошъ товаръ; закетъ, юбки модный здѣлать...

Всѣ смотрятъ сукно, спрашиваютъ, сколько стоитъ и сколько въ кускѣ аршинъ. Торговецъ проситъ за каждый кусокъ по девяти рублей. Ему даютъ по два рубля, но онъ не беретъ, клянется, что ему самому дороже стоитъ и проситъ дать ему заработать, такъ какъ у него жена, дѣти.

— А ты любишь жену и дѣтей?—спросилъ кто-то изъ публики.

— О, дай Богъ, каспадынъ, чтобы вы такъ любили вашего жену и дѣти, какъ я моего!—съ необыкновеннымъ чувствомъ сказалъ торговецъ, приложивъ руку къ груди.

Толстый еврей въ чесучевомъ костюмѣ, любитель играть въ карты, заговариваетъ съ торговцемъ на еврейскомъ языкѣ.

— Эхъ, надо дать заработать бѣдному человѣку,—сказалъ онъ потомъ.—Получай четыре рубля.

Онъ заплатилъ деньги, взялъ кусокъ сукна, отнесъ въ каюту и вышелъ опять на палубу. А продавецъ все ходитъ съ другимъ кускомъ сукна, каждому предлагаетъ купить, убѣждая, что это самый лучшій, самый модный товаръ и что онъ согласенъ послѣдній кусокъ отдать тоже за четыре рубля только для того, чтобы расторговаться. Никто не даетъ такой цѣны. Тогда подходитъ прежній покупатель-еврей, вынимаетъ золотой.

— Беру и этотъ кусокъ, пускай бѣдный человѣкъ заработаетъ.

Продавецъ хочетъ дать ему рубль сдачи, но купившій говоритъ:

— Это сукно лучше, за этотъ кусокъ я плачу пять рублей!... Дай Богъ хорошо торговать!—закончилъ онъ, поворачиваясь, чтобы уйти.

Торговецъ прикасается рукой къ папахѣ и сконфуженно дѣлаетъ легкій, смиренный поклонъ.

Богатый еврей уноситъ и этотъ кусокъ въ каюту, имѣя торжествующій видъ, съ сознаніемъ, что сдѣлалъ доброе дѣло. Публика смотритъ вслѣдъ уходящему, на его тучную фигуру и на его толстый, лоснящійся затылокъ. А торговецъ возвращается къ своему тюку и начинаетъ выбирать новыя вещи для продажи.

Въ это время откуда ни возьмись матросъ, тотъ самый, который прогналъ его раньше съ палубы.

— Опять сюда забрался! Что за народъ! Маршъ сію минуту!

— Я сейчасъ, дайте только товаръ вязать...

— Ну, ну, нечего разговаривать, тамъ можно увязать.

И матросъ схватываетъ его и тащитъ за барьеръ.

— Каспадынъ матросъ, дайте товаръ убрать. Каспадынъ, одна минута!...

По палубѣ идетъ, прогуливаясь, помощникъ капитана. Увидѣвъ эту сцену, онъ дѣлаетъ матросу энергичный жестъ. Матросъ начинаетъ настойчивѣй тащить торговца. Тотъ схватываетъ въ охапку свой развязанный тюкъ и, положивъ его на барьеръ, спѣшитъ собрать концы парусины, въ которую товаръ былъ завернутъ, чтобы затѣмъ взять его на плечи и унести.

— Убери, убери его,—почти шепотомъ, чтобы не обратить на эту сцену вниманія публики, но съ тѣмъ же выразительнымъ жестомъ приказываетъ помощникъ капитана.

Въ то время, когда торговецъ уже собирался взвалить свой товаръ на плечи, отъ толчка матроса тюкъ соскочилъ съ борта и по-

висъ въ воздухѣ надъ водою. Торговецъ изо всѣхъ силъ держалъ за концы парусины и силился поднять его.

— Ай, упадетъ, упадетъ! Позвольте, каспадынъ матросъ!

Но «каспадынъ» матросъ съ такой силой дернулъ торговца, что тотъ чуть не кубаремъ вылетѣлъ за барьеръ на палубу третьяго класса, а товаръ упалъ въ море.

Нѣсколько человѣкъ закричало, что надо остановить пароходъ. Торговецъ завопилъ благимъ матомъ и побѣжалъ въ каюту капитана съ просьбой объ этомъ. Туда же пришелъ и помощникъ капитана и разсказалъ, въ чемъ дѣло.

Капитанъ велѣлъ идти полнымъ ходомъ.

Ѳ. Тищенко.

ЖЕНИХЪ ИЗЪ-ЗА МОРЯ.

Разсказъ **Авраама Кагана.**

(Переводъ съ англійскаго.)

I.

Флора была одна въ задней комнатѣ, которую превратила какъ бы въ свой будуаръ. Она сидѣла въ качалкѣ, противъ печки, погруженная въ «Крошку Дорритъ». Ея выхоленное дѣвичье тѣло проникалось пріятной теплотой, нѣжащее ощущеніе которой примѣшивало къ интересу, возбужденному чтеніемъ, радостное сознаніе, что она защищена отъ бушующей на улицѣ снѣжной метели.

Мало-по-малу рѣзкій послѣобѣденный свѣтъ началъ становиться меланхолично-сѣроватымъ. Сумерки проникали въ комнату почти видимыми волнами. Флора опустила книгу на колѣни и устремила взоръ на сверкающій пурпуръ печного стекла. Сгущавшійся мракъ вмѣстѣ съ теплотою комнаты и впечатлѣніемъ отъ романа подѣйствовали на нее такъ, что на нѣсколько минутъ Флора унеслась далеко отъ привычной ей обстановки.

Она была въ своемъ кругу единственной дѣвушкой, читавшей Диккенса, Скотта и Теккерея, кромѣ «Семейнаго Чтенія» и «Собесѣдника», составлявшихъ исключительную умственную пищу ея бывшихъ товарокъ по школѣ. У нея въ комнатѣ стояли рояль и изящная библіотечка.

Она была довольно высока и красиво сложена. Съ ея продолговатаго лица, оттѣнкомъ напоминавшаго слоновую кость и окруженнаго покорною массою матово-черныхъ волосъ, никогда вполнѣ не сходилъ слабый отблескъ улыбки, одновременно задумчивой и лукавой. Когда она разражалась своимъ искреннимъ, добродушнымъ смѣхомъ, то ея глубокіе, темные, какъ бы молящіе глаза казались полными перлами. Линія носа, чуть-чуть слишкомъ крутая, придавала всей ея

живописной внѣшности нѣчто неожиданное и способствовала величественности ея фигуры, когда она ходила.

Мѣсяца за два до нашего знакомства съ Флорой, она отпраздновала въ двадцатый разъ свое рожденіе, совершившееся въ этомъ самомъ домѣ на Мотъ-Стритѣ, домѣ, принадлежавшемъ ея отцу.

Недавно являлся сватъ и разсыпался въ похвалахъ одному молодому еврею-врачу; но старый Струнъ прервалъ его рѣзкимъ заявленіемъ, что отдастъ свою единственную дочь за человѣка богобоязненнаго и торговаго, а молодчику, погруженному въ безбожную науку гоевъ и бреющему бороду, нечего и свататься. Что же касается Флоры, то она горѣла желаніемъ выйти за доктора. Матримоніальнымъ идеаломъ въ ея кругу былъ идущій въ гору молодой купецъ, не такъ давно прибывшій въ Америку.

Большинство замужнихъ подругъ Флоры, рожденныхъ, подобно ей, въ Америкѣ, имѣли мужей этого сорта—чудаковатыхъ парней, вызывавшихъ своимъ ломанымъ англійскимъ языкомъ хохотъ даже у собственныхъ невѣстъ. Флорѣ ненавистна была перспектива выйти замужъ такъ же, какъ другія дѣвушки съ улицы Мотъ или съ Баярдовой. Она привыкла считать окружающихъ за фонъ, на которомъ должна была ярко выдѣляться ея собственная личность. Но, кромѣ того, она жаждала попасть въ болѣе утонченную среду, и ея смутнымъ идеаломъ былъ воспитанный американскій джентльменъ, подобный тѣмъ, что живутъ въ «верхнемъ городѣ».

Поэтому, какъ только съ губъ свата слетѣло слово «докторъ», она ухватилась за него, какъ за важное открытіе. Въ тѣ времена—въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ—подобная партія была бы исключительной для дѣвицы изъ Нью-Йоркскаго «гетто».

Флора представила себѣ, какъ чисто-выбритый господинъ, въ очкахъ и высокой шляпѣ, выскакиваетъ изъ каретки, и этотъ образъ прочно засѣлъ у нея въ мозгу.

— Ни за кого не выйду, кромѣ какъ за доктора!—объявила она, сознательно избѣгая въ рѣчи всякихъ неправильностей, какъ и подобало супругѣ доктора.

Но что было дѣлать съ несогласіемъ отца? Азраилъ Струнъ никогда не бывалъ уступчивъ; а теперь, когда онъ съ каждымъ днемъ становился набожнѣе, положеніе казалось безнадежнымъ. Но Флора была дочерью своего отца и, если принимала рѣшеніе, то даже не могла образить себѣ не могла, чтобы его не выполнить рано или поздно.

Мысли Флоры текли именно по этому направленію, когда снизу изъ столовой, послышался угрюмый голосъ отца. Была какъ разъ годовщина смерти его отца. Въ былые годы онъ ограничился [illegible]

жинальной службой въ синагогѣ; на этотъ же разъ онъ не удовольствовался тѣмъ, что зажегъ собственную свѣчу передъ налоемъ кантора въ домѣ молитвы и прочиталъ «Койдышъ» за душу усопшаго, а еще провелъ весь день въ постѣ и пѣніи псалмовъ дома. Флора умилилась при мысли, что онъ постится и молится цѣлый день, и побѣжала къ нему съ книгою въ рукѣ.

— Ты опять изъ синагоги, папа?—съ любовью спросила она по-англійски.—Теперь покончилъ съ постомъ, да?

— Не такъ-то легко покончить съ Господомъ, дочь моя,—отвѣтилъ онъ на жаргонѣ и указалъ въ потолокъ.—Никакое угожденіе Всевышнему не можетъ быть чрезмѣрнымъ. Скорѣе, Тамара!—прибавилъ онъ въ сторону рядомъ расположенной кухни.

— Вечеромъ больше не будешь читать «Тилимъ» *), папа?

— Да тебѣ платить за это, что ли?— добродушно усмѣхнулся онъ.

— Разумѣется, я плачу твоимъ здоровьемъ. Я не позволю тебѣ пѣть еще. Ты ослабъ, съ тебя довольно!

— Тс! Это—не картофельная похлебка, которой можетъ быть довольно.—Онъ сталъ нервно теребить свои тощія сѣдыя бакенбарды.—Тамара! Пора бы ужъ разговѣться, не такъ ли?

— Можете мыть руки: ужинъ готовъ,— пріятнымъ голосомъ отозвалась экономка.

Онъ снялъ шляпу, накрылъ свои стального цвѣта волосы бархатною ермолкою и, когда, въ кухнѣ, наклонилъ свою крѣпкую, средняго роста, фигуру для совершенія омовенія, то на его красномъ, корявомъ лицѣ появилось выраженіе благочестія.

Когда, по окончаніи ужина, Азраилъ и Тамара готовились произнести благодарственную молитву, Флора вернулась къ чтенію романа.

— Прочь эту безбожную погань, когда здѣсь произносятся священныя слова!—проворчалъ старикъ.

Флора съ удивленіемъ повиновалась. Всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ онъ и самъ рѣдко читалъ молитвы послѣ трапезы. Она отчасти привыкла къ его новымъ обычаямъ, но такая суровость, какъ на этотъ разъ, была ей непонятна и казалась невыносимой.

— Можешь читать книгу немного погодя: мудрость изъ нея не убѣжитъ,—съ добродушной ироніей подтвердила Тамара.

Она была бѣдная вдова лѣтъ сорока. Азраилъ взялъ ее въ домъ столько же за ея благочестіе и въ память талмудической учености ея

*) Псалмовъ.

покойнаго мужа, сколько ради кулинарнаго искусства, которымъ она славилась по всему гетто.

Азраилъ невнятно загудѣлъ благодарственную молитву. Постепенно, однако, увлекаясь еврейскими словами, которыя были для него лишь непонятнымъ наборомъ звуковъ, онъ сталъ качаться изъ стороны въ сторону, а голосъ его перешелъ въ торжественный, душу раздирающій напѣвъ. Тамара аккомпанировала ему шепотомъ, все время горестно кивая своею прикрытою парикомъ головою.

Флора была тронута. Зрѣлище это было для нея ново, и она смотрѣла на него съ почтительной симпатіей христіанина, попавшаго къ евреямъ въ синагогу въ Судный День.

Наконецъ, усердное пѣніе перешло въ набожное бормотаніе и прекратилось. Въ уютной комнатѣ воцарилось молчаніе. Азраилъ сѣлъ и потянулъ себя за жиденькія бачки, какъ бы желая вытянуть ихъ подлиннѣе.

— Флора!—сказалъ онъ сердито.—Я ѣду въ Европу.

Азраилъ Струнъ что думалъ, то и говорилъ, а что говорилъ, то и дѣлалъ.

— Въ Европу? Да ты, папа, съ ума сошелъ! Что это ты разсказываешь?

— Что слышишь. Послѣ Пасхи поѣду въ Европу. Мнѣ нужно заглянуть въ Правлю.

— Да ты тамъ не былъ уже болѣе тридцати пяти лѣтъ. Ты тамъ все перезабылъ.

— Я не помню Правлю? Да лучше, чѣмъ улицу Мотъ; лучше, чѣмъ собственный носъ! Я тамъ родился, дочь моя,—прибавилъ онъ, придвинувшись къ ней ближе и гладя ее по лишеннымъ блеска черным волосамъ. Онъ дѣлалъ это такъ рѣдко, что дѣвушка почувствовала, какъ сердце стало расти у нея въ груди: она начинала скучать по отцѣ еще раньше, чѣмъ настала предстоявшая разлука.

Тамара широко раскрыла глаза, изумляясь величію предпріятія.

— Въ самомъ дѣлѣ, поѣдете? — освѣдомилась она съ оттѣнкомъ зависти.

— Что ты тамъ будешь дѣлать? Это такъ далеко,—выговорила Флора за неимѣніемъ болѣе основательнаго довода.

— Ничего, дитя мое: вѣдь мнѣ же не пѣшкомъ идти всю дорогу.

— А вдругъ русская полиція арестуетъ тебя за долгое отсутствіе? Ты, вѣдь, говорилъ, что арестуетъ?

— Ну, ужъ это—ядро пустого орѣха!—возразилъ онъ, придавая словамъ своимъ смыслъ восклицанія: «Дудки!» Флорѣ были привычны его метафоры, иногда весьма туманныя и заставлявшія

шателя недоумѣвать, какъ онѣ могли придти ему въ голову.—Ядро пустого орѣха! Да здравствуютъ американскіе доллары!

Она остановила на немъ долгій, точно издалека направленный взглядъ и рѣшительнымъ тономъ сказала:

— Сударь, никуда вы не поѣдете!

— Тамара, подай мнѣ псалтырь,—ворчливо произнесъ старикъ.

Когда дѣвушка вышла, экономка предложила вопросъ:

— А Флору... вы тоже возьмете?

— Зачѣмъ? Чтобы она тамъ насмѣхалась надъ нашими обычаями или чтобы набожные люди указывали на нее пальцами и звали «гойкой», да? Она останется съ тобою собирать деньги съ квартирантовъ. Ея у меня не было, когда я жилъ въ Правлѣ, и я хочу очутиться тамъ такимъ, какимъ тогда былъ. Мнѣ надо взглянуть на могилы родителей. Душа моя болитъ по нихъ, Тамара,—прибавилъ онъ вполголоса и принялся перелистывать псалтырь.

II.

Когда Азраилъ Струнъ удалился отъ дѣлъ, то вдругъ началъ бояться смерти. Прежде у него на это не хватало времени. Когда у него былъ мучной лабазъ да двѣ булочныхъ, да кое-какая недвижимость, то отъ хлопотъ и жить-то было некогда, а не то что думать о смерти. По будниамъ онъ въ синагогу даже не заглядывалъ, а въ субботу, возсѣдая въ молитвенномъ плащѣ у восточной стѣны, безмятежно дремалъ, безсознательно кивая въ тактъ замысловатымъ импровизаціямъ кантора, или всѣми силами старался отвлечь свои мысли отъ муки, которую выбить изъ головы оказывалось такъ же трудно, какъ изъ его длиннаго субботняго сюртука.

Первая проповѣдь, подъ которую онъ не заснулъ, была произнесена вновь прибывшимъ заморскимъ проповѣдникомъ вскорѣ послѣ того, какъ Азраилъ заблагоразсудилъ перевести весь свой капиталъ въ недвижимость. Вновь прибывшій остановился, между прочимъ, на посмертной судьбѣ грѣшниковъ, погубившихъ «свою часть» въ будущей жизни. Прислушиваясь къ его пламеннымъ увѣщаніямъ, Азраилъ вдругъ сообразилъ, что очень старъ и очень грѣшенъ.

— Во мнѣ же грѣховъ, что въ арбузѣ сѣмянъ,—сказалъ онъ себѣ, выходя изъ синагоги.—Каждую минуту можешь ты быть отозванъ, Азраилъ, а гдѣ твой багажъ? Что возьмешь съ собою на тотъ свѣ[illegible], какъ говорилъ проповѣдникъ, а?»

[illegible]ы, онъ такъ былъ занятъ земными дѣлами, что совсѣмъ не подумалъ о такихъ дѣлахъ, которыя дали бы ему «часть въ жизни

вѣчной»; и тогда какъ его цѣнныя бумаги были безопасны отъ огня въ несгораемомъ шкапу, душа его шла прямо навстрѣчу пламени ада.

Тогда онъ отрастилъ пару косматыхъ пейсовъ и, дѣля сердце между тоскою по оставленному дѣлу и сокрушеніемъ о грѣхахъ, сталъ посвящать чтенію псалмовъ значительную долю своего неограниченнаго досуга.

Какое наслажденіе доставляло ему это чтеніе! И какъ легко оно пошло, такимъ же напѣвомъ, какъ читалъ, бывало, отецъ его (миръ душѣ его!), напѣвомъ, о которомъ Азраилъ вовсе не вспоминалъ болѣе тридцати лѣтъ, но который теперь полился у него изъ горла самъ собою вмѣстѣ съ первымъ же прочитаннымъ стихомъ! Азраилъ Струнъ не сумѣлъ бы объяснить вамъ смысла тѣхъ словъ, которыя выпѣвалъ такъ усердно, потому что въ дѣтствѣ едва успѣлъ пройти Тору (пятикнижіе), какъ отецъ уже засадилъ его за работу: трепать ленъ; но самые звуки словъ, произносимыхъ съ унаслѣдованными интонаціями, при сознаніи, что онъ читаетъ именно псалмы, «таяли, точно сахаръ, въ устахъ его», какъ онъ разъ выразился въ разговорѣ съ набожной экономкой.

Съ каждымъ днемъ становился онъ богомольнѣе и экзальтированнѣе, а наконецъ, мало-по-малу, поддался чувству, неиспытанному имъ въ теченіе болѣе, чѣмъ тридцати лѣтъ.

Азраила Струна обуяла тоска по родинѣ.

Тридцать пять лѣтъ назадъ покинулъ онъ мѣсто своего рожденія и уже болѣе тридцати лѣтъ, въ чаду своихъ американскихъ успѣховъ, совершенно пересталъ интересоваться имъ. Теперь же, на пятьдесятъ восьмомъ году жизни, онъ вдругъ началъ тосковать по роднымъ мѣстамъ и стремиться туда.

Можетъ быть, пылъ пробудившагося въ немъ религіознаго чувства возстановилъ давно порванную связь. Во всякомъ случаѣ, какъ многочисленны ни были примѣры благочестія въ кругу его американскихъ знакомыхъ, однако понятіе объ истинномъ еврействѣ было въ его умѣ почему-то неразрывно связано съ Правдой. Во всѣ годы, прожитые въ Нью-Йоркѣ, его не покидало смутное, но глубоко-вкоренившееся убѣжденіе, что американская набожность—товаръ настолько же безвкусный, какъ американскіе огурцы или американская рыба, — единственные продукты, безнадежную малоцѣнность которыхъ, сравнительно съ однородными произведеніями своего роднаго города, онъ признавалъ, несмотря на свое восхищеніе всѣмъ, что видѣлъ въ своемъ новомъ отечествѣ.

III.

Въ одинъ ясный майскій день Азраилъ подъѣзжалъ къ Правлѣ на мужицкой телѣгѣ. Онъ неподвижно глядѣлъ на непрерывную линію плетней и въ воображеніи проводилъ палкою по безчисленнымъ зигзагамъ ихъ верхняго края. Дѣятельность его чувствъ какъ бы пріостановилась.

Вдругъ струя майскаго благоуханія открыла глаза его на пестроту волнующейся степи, а ухо—для томнаго щебетанія птицъ. Среди великолѣпія раскинутаго передъ нимъ простора онъ разглядѣлъ плюшевые шарики клевера, львиный зѣвъ, золотую «куриную слѣпоту», хотя на своемъ скудномъ родномъ жаргонѣ не зналъ ихъ отдѣльныхъ названій, а соединялъ всѣ цвѣты подъ общимъ наименованіемъ: «цацки»,—словомъ, которое не сходило съ губъ его уже тридцать пять лѣтъ. Онъ глядѣлъ на «цацки», которые задумчиво качались туда и сюда, и ему почему-то казалось, что чирикаютъ не птицы, а именно цвѣты клевера. Все, передъ нимъ бывшее, производило на него впечатлѣніе кивающаго и бормочущаго сборища, погруженнаго въ благоговѣйную молитву. Ему почудилось, что и цвѣтовъ-то такихъ нѣтъ въ Америкѣ, и что онъ подобныхъ не видывалъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ съ родины.

Отзвуки давнихъ-давнихъ лѣтъ долетали до Азраила отъ этого шепчущаго сборища. Въ душѣ его звучала пѣсня. Ему захотѣлось закрыть глаза и отдаться ласковому дуновенію вѣтра, чтобы тотъ унесъ его, куда захочетъ. Сферы чувствъ его перепутались: онъ видѣлъ океанъ благоуханія, вдыхалъ въ себя небесную мелодію, слушалъ симфонію красокъ.

— Какое счастіе дышать! Какой рай!—восклицалъ онъ мысленно.—Ахъ, холера тебя забери, какъ хорошо! Стоишь ли ты этого, старый грѣшникъ? Тебѣ бы десять казней египетскихъ! Но тише! степь молится...

Сверкающимъ ребячьимъ взоромъ впился онъ въ исполинскую колодезную бадью, выдѣлявшуюся на ясномъ небѣ, а потомъ въ пейзажъ, надъ которымъ она нависла. Темнѣвшая вдали масса лѣса одновременно быстро бѣжала и стояла на мѣстѣ. Барашки облаковъ переползали черезъ туманную вершину холма. А тамъ: смотри!—на горизонтѣ сверкнула длинная, широкая полоска серебра! Это озеро? Глаза Азраила напряжены, а въ душѣ пробуждаются воспоминанія. Онъ не помнитъ самой мѣстности, но помнитъ свое представленіе о ней. Въ первые годы жизни въ Америкѣ, въ тѣ времена, когда онъ предавался сладкимъ терзаніямъ тоски по родинѣ и останавливался

мыслію на пейзажѣ, который промѣнялъ на невѣдомую страну, передъ его духовнымъ взоромъ рисовалось нѣчто подобное тому, что онъ видитъ теперь. Ему это кажется сновидѣніемъ. Тридцатипятилѣтняя давность покрыла все туманомъ.

Азраилъ смотритъ вокругъ съ глубокимъ благоговѣніемъ. Небесный куполъ склоняется надъ землею любовно и торжественно, и вся безпредѣльность обнимаемаго имъ пространства полна мелодіи. Скрипъ мужицкой телѣги является подходящимъ аккомпанементомъ ко всему, къ каждому цвѣтовому пятну, къ каждому звуку.

То ему казалось, будто онъ перенесенъ въ иной міръ; то его охватывало сомнѣніе въ собственной тождественности.—Кто ты?—чуть не вслухъ спрашивалъ онъ себя, испытующе сжимая и разжимая руку.—Что это за штука такая—жизнь? Ты живъ ли еще, Азраилъ?—Послѣ этого онъ почему-то вспомнилъ о портретѣ Флоры, вынулъ его изъ внутренняго кармана и сталъ разсматривать.

Телѣга свернула на проселокъ, и польскій мужикъ, пригнувшись, крикомъ и подхлестываніемъ разогналъ лошадь, которая пошла трусцой. Что-то сѣрое показалось вдали, а еще дальше, снизу, выплывали, точно изъ-за неба, какія-то туманныя пятна. Телѣга покатилась подъ гору. Азраилъ—въ волненіи. Онъ чувствуетъ себя какъ бы наканунѣ великаго событія, но самъ хорошенько не знаетъ какого.

Телѣга несется далѣе. Сердце Азраила такъ и трепещетъ. Вдругъ... О, Владыка Вселенной! Вѣдь это сверкаетъ ручеекъ... Какъ его звать-то?—Рѣпка?—спрашиваетъ онъ ямщика.

— Рѣпка!—отвѣчаетъ тотъ, не оборачиваясь.

— Рѣпка, холера ее забери! Рѣпка, милая, да живетъ она долгіе годы! Кто умѣлъ плавать лучше Азраила?—Вонъ тамъ, на другомъ берегу, Азраиловъ отецъ разъ гнался за нимъ, чтобы побить его за купанье во время «Девяти Дней». Онъ ударился головой объ острый выступъ камня и всталъ, обливаясь кровью изъ глубокаго порѣза въ нижней губѣ. Шрамъ остался до сихъ поръ, и теперь Азраилъ съ восторгомъ ощупываетъ его пальцемъ. При этомъ, въ его памяти воскресаютъ лица нѣкоторыхъ его товарищей по играмъ. Фу! Онъ могъ побороть каждаго изъ нихъ! Онъ такой былъ озорникъ, сорванецъ! Но сколькихъ изъ этихъ проказниковъ найдетъ онъ теперь въ живыхъ?—спрашиваетъ онъ себя, и при этомъ вопросѣ у него сжимается сердце.

Азраилъ напрягаетъ зрѣніе, всматриваясь въ даль и, наконецъ, примѣчаетъ дымокъ, который вьется, поднимаясь къ синему небу. Вотъ ясно видны и самыя трубы. Душа его переполнена. Рыданія вырываются изъ груди.—*Say*!—начинаетъ онъ,—обращаясь къ [illegible]

ку. Но «*Say*», вѣдь, по англійски!—Слухай!—восклицаетъ онъ, съ восторгомъ произнося это польское слово. Онъ начинаетъ называть всѣ окрестныя мѣста, и утвердительные кивки невозмутимаго мужика радуютъ его до глубины души. Онъ вертится туда и сюда и, въ пылу своего нетерпѣнія, чуть не выскакиваетъ изъ телѣги.

Смутныя группы домовъ начинаютъ выдѣляться яснѣе. Азраилъ узнаетъ католическую церковь. Его сердце колотится отъ восторга.

— Тс! грѣшное сердце! Это—церковь невѣрныхъ.—Но грѣшное сердце не внемлетъ никакимъ увѣщаніямъ.—А что это тамъ бѣлѣетъ поодаль отъ другихъ жилищъ?—Помѣщичій домъ, такъ же вѣрно, какъ то, что я—еврей!—Онъ совсѣмъ забылъ эту усадьбу, такъ же вѣрно, какъ то, что онъ—еврей. А какъ фамилія этого помѣщика? Живъ ли онъ еще? А вонъ и мельница, та самая мельница!—Я упаду въ обморокъ!—говоритъ онъ самъ себѣ вслухъ.

Наконецъ Азраилъ нѣсколько успокоился.

Полчаса спустя совершился его въѣздъ въ родимый городъ. Онъ ожидалъ, что тутъ его волненіе перейдетъ границы его физическихъ силъ; но этого не случилось. Въ минуту въѣзда онъ былъ торжественно спокоенъ.

Городъ измѣнился мало, и онъ тотчасъ узналъ его. Все какъ будто привѣтствовало пріѣзжаго, который отвѣчалъ на привѣтъ молчаніемъ, полнымъ благоговѣнія. Онъ нашелъ кое-что, изгладившееся изъ его памяти; но видъ этихъ забытыхъ подробностей взволновалъ его душу еще глубже, нежели все то, что онъ ожидалъ здѣсь встрѣтить. Разъ только онъ былъ озадаченъ: конечно, передъ нимъ была площадь синагоги, такъ же покрытая лужами, какъ и всегда; но что съ нимъ такое случилось? Онъ хорошо помнитъ, что переулочекъ былъ тамъ сзади; а этотъ идетъ по совсѣмъ другому направленію. Что было вдоль, то стало поперекъ.

А вотъ и постоялый дворъ Лейзера Пойзнера.—Но какою онъ сталъ развалиной!—Азраилъ съ горестью произнесъ это восклицаніе въ сердцѣ своемъ, точно при видѣ преждевременно состарившагося друга. Онъ помнитъ даже запахъ конюшни, расположенной позади, вдоль всего маленькаго зданія, и не забылъ ни единой комнаты. Ахъ, ахъ! В такою же осталась базарная площадь, съ тою же церковью и по- ной калančой. Скудный рядъ избушекъ на рѣчномъ берегу, мостъ и плотовъ, кожевенный заводъ,—ничто не измѣнилось съ тѣхъ п ъ, какъ онъ отсюда уѣхалъ; а между тѣмъ, все приняло какой-т странный, таинственный, чуждый видъ, точно передъ нимъ была п орама. То была Правля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не Правля; т.-е., ра- з ѣется, то была все та же милая, старая Правля, но въ ней точно

что-то прибавилось въ глазахъ Азраила. Тридцатипятилѣтняя разлука придала новый видъ городу.

Однако, Струнъ вдругъ чувствуетъ себя «Азраилкой о тринадцати волоскахъ», какъ его дразнили въ дѣтствѣ. Въ слѣдующую минуту онъ опять становится домовладѣльцемъ съ улицы Мотъ и совершеннымъ чужестранцемъ у себя на родинѣ. Теперь онъ могъ бы купить весь этотъ городъ! Онъ могъ бы разорить всѣхъ здѣшнихъ богачей; а, однако, было время, когда онъ здѣсь жилъ почти нищимъ. Грудь его расширяется торжествомъ. Эй, вы! Гдѣ вы тутъ, здѣшніе шишки: Зорахъ Латоцкій, ребъ Липпе, ребъ Нохумъ? Живы ли вы еще? Тридцать пять лѣтъ назадъ Азраилка считалъ за честь махать надъ вами пальмовой вѣткой на праздникѣ Кущей, тогда какъ теперь, вынимайте-ка ваши кошельки, гордые магнаты, помѣряйтесь богатствомъ съ Азраилкой-трепальщикомъ, если хватитъ духу! Сердце его трепетало отъ восторга. А всетаки,—задуши его черная немочь!—оно ноетъ и тоскуетъ, Азраилово-то сердце. Онъ смотритъ на Правлю, и душа его жаждетъ не этой Правли, а той, какая была тридцать пять лѣтъ назадъ и которой теперешняя Правля является лишь отраженіемъ,—той самой, гдѣ его знали за сорванца и бѣднягу-мальчишку, питавшагося толокномъ и селедкой.

Что касается жителей, то они произвели на Азраила нѣсколько иное впечатлѣніе, чѣмъ неодушевленная часть города. При встрѣчѣ съ ними, нѣкоторыя лица сразу представлялись ему знакомыми; даже въ нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ онъ немедленно призналъ черты ихъ покойныхъ родителей. Но многія физіономіи казались ему чужими, и Азраилъ только тогда начиналъ находить въ нихъ знакомое, когда люди эти называли себя по имени.

— Шмулька!—взвизгнулъ онъ, завидѣвъ почтеннаго старичка, точно разстался съ нимъ не болѣе, какъ мѣсяцъ назадъ. Шмулька—уже не прежній цвѣтущій и живой юноша. У него бѣлая борода и во всей фигурѣ видны признаки дряхлости. Азраилу же кажется, какъ будто борода эта только приклеена къ тому юному лицу, которое онъ зналъ. Но какъ сжимается сердце Азраила въ его груди. Лихорадка дѣятельности, въ которой онъ провелъ тридцать пять лѣтъ, отвлекла его вниманіе отъ полета времени. Онъ лишь недавно сообразилъ, что слово «старикъ» можетъ примѣняться и къ нему; но никогда этотъ фактъ не представлялся ему съ такою убѣдительной, ужасающей ясностью, какъ теперь, когда онъ очутился лицомъ къ лицу со Шмулькою. Шмулька сталъ для него зеркаломъ.

— Шмулька, Ангелъ Смерти, да воспалятся кости твои!

воскликнулъ онъ, внезапно припомнивъ прозвище друга дѣтства, и кинулся къ нему на шею.

Шмулькѣ стало неловко. Его сконфузило давно позабытое прозвище, и онъ попытался освободиться отъ нежданныхъ объятій; но Азраилъ оказался сильнѣе и продолжалъ его тискать и жать, сопя и кряхтя отъ избытка чувствъ.

Тетка Сара-Рахиль, которую Азраилъ оставилъ пожилою, но чрезвычайно дѣятельною и ловкою торговкою,—оказалась совсѣмъ дряхлою и впавшею въ дѣтство.

— Не узнаете вы меня, тетенька?—умоляюще приставалъ онъ къ ней. Она не отвѣчала, а продолжала жевать губами.—Можетъ ли это быть, чтобы вы позабыли Азраилку, который таскалъ у васъ виноградъ съ лотка?

Потомъ онъ растерянно прошепталъ:—Она ничего не понимаетъ!

IV.

Первой же субботѣ, проведенной Азраиломъ на его родинѣ по возвращеніи, суждено было стать достопамятнымъ днемъ въ исторіи этого мирнаго городка.

Въ синагогѣ, во время утренняго богослуженія, онъ былъ не единственнымъ предметомъ вниманія. По крайней мѣрѣ, взгляды, которые проникали сквозь отверстія въ перегородкѣ, отдѣлявшей женщинъ, направлялись на гораздо болѣе юнаго гостя, изъ ближайшей деревушки, даже чаще, нежели на него. Ребъ Липпе, сорокъ лѣтъ считавшійся первымъ «хозяиномъ» въ мѣстной общинѣ, вознамѣрился выдать младшую дочь свою за *иллуя* (чудо талмудической учености), и теперь привелъ его на показъ въ синагогу, причемъ всякому было извѣстно, что за этимъ молодымъ человѣкомъ обезпечено пять тысячъ рублей.

Избранному жениху, бѣдному сиротѣ, было всего девятнадцать лѣтъ, но молва о необычной остротѣ его ума и памяти разнеслась уже повсюду. Лишь немногіе изъ самыхъ тонкихъ мѣстныхъ діалектиковъ могли противустоять ему въ спорѣ, и ходили слухи, будто онъ изучилъ двѣ тысячи священныхъ книгъ буквально какъ свои пять пальцевъ. Это означало, что если бы вы указали пальцемъ на какое-либо слово въ какой-либо книгѣ, то онъ сказалъ бы вамъ, какое слово стоитъ на этомъ самомъ мѣстѣ, на какой угодно другой страницѣ. Такъ какъ намъ придется продолжать знакомство съ [illegible]тимъ молодымъ человѣкомъ, то прибавимъ тутъ же, что по наруж[illegible]сти онъ былъ еще совсѣмъ мальчикъ, и что если бы не чрез-

мѣрность откровенности въ улыбкѣ, то его блѣдное голубоглазое лиц
было бы наиближайшей семитической копіей съ ходячихъ портретов
лорда Байрона. Его поклонники сѣтовали на недостатокъ въ немъ со
лидности. Въ то время, какъ онъ находился въ Правлѣ, будучи, в
нѣкоторомъ родѣ, гостемъ всего города, его изловили на слѣдующих
занятіяхъ: на угощеніи свиньи нюхательнымъ табакомъ и на уча
стіи въ бѣготнѣ взапуски по мосту съ мальчиками гораздо моло
же его.

Его обрученіе съ дочерью реба Липпе было еще предметомъ пере
говоровъ и носились слухи, что къ тому имѣются кое-какія препят
ствія. Родня «чуда» была довольна происхожденіемъ и соціальным
положеніемъ реба Липпе, но полагала, что мальчикъ могъ бы взя
себѣ невѣсту покрасивѣе и побогаче. Тѣмъ не менѣе, ребъ Липп
держалъ себя въ синагогѣ такъ, какъ будто дѣло было уже покончен
но, и посадилъ молодого человѣка рядомъ съ собой, самъ сидя
первомъ мѣстѣ послѣ раввинскаго, находившагося близъ Ковче
Завѣта.

Азраилу, какъ вновь прибывшему и изъ уваженія къ его басн
словному богатству, было указано тоже почетное мѣсто, по другу
сторону Ковчега. До отъѣзда его съ родины, онъ помѣщался, быв
ло, у двери, и это обстоятельство было еще свѣжо въ памяти ре
Липпе, котораго сердило то, что общее вниманіе не вполнѣ сосред
точивалось на немъ самомъ и на его «чудѣ». Ребъ Липпе былъ го
дый старикъ и слишкомъ ревностно хранилъ память о своихъ у
ныхъ предкахъ и о собственномъ, освященномъ временемъ, достои
ствѣ, чтобы уступить мужику-трепальщику, сколько бы тотъ ни п
тащилъ съ собою американскаго золота. Поэтому, когда его то
рищъ, другой староста синагоги, шепнулъ ему, что слѣдовало
предоставить американцу чтеніе третьяго отдѣла въ еженедѣльн
части «Пятикнижія», тѣмъ болѣе, что за эту высокую честь при
жій набобъ навѣрно заплатитъ богатымъ пожертвованіемъ, то по
тенный ребе сталъ пунцовымъ.

— Пустимъ отдѣлы съ аукціона!—выпалилъ онъ.

Это рѣдко практиковалось въ обыкновенныя субботы; но в
реба Липпе была закономъ, столь же обязательнымъ и непрел
нымъ, какъ законъ Моисеевъ, къ которому она теперь относи
Такимъ образомъ, богомольцы вдругъ превратились въ ст
лей борьбы кошельковъ.

— Пять злотыхъ за третій отдѣлъ!—крикнулъ съ амв
хожій на хорька маленькій служка традиціоннымъ пѣвуч
номъ, который такъ шелъ къ его черной бородкѣ. Такъ

ящія сдѣлки не разрѣшаются въ праздничный день, хотя бы и къ выгодѣ дома Божія, то цифры, выкликаемыя служкою, были фиктивныя, т.-е. подразумѣвалось, что онѣ изображаютъ собою двойную сумму противъ той, какая въ дѣйствительности должна быть внесена въ синагогу.

— Шесть злотыхъ за третій!—продолжалъ онъ, переводя на слова хмурый кивокъ реба Липпе.

Презрительно вздернувши головой, Азраилъ накинулъ еще злотый. Еще двое изъ присутствовавшихъ обратились къ аукціонеру, который, разгорячившись, со вкусомъ произнесъ:

— Восемь злотыхъ за третій!

Затѣмъ быстро послѣдовало:

— Девять злотыхъ за третій! Десять злотыхъ за третій! Одиннадцать, двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать злотыхъ за третій!

Остальные предлагающіе отставали другъ за другомъ и, когда сумма достигла шестидесяти злотыхъ, то состязались уже только ребъ Липпе и Азраилъ.

Вся община замерла, точно околдованная. Многіе сидѣли, разинувъ ротъ; на устахъ другихъ застыла улыбка; но у всѣхъ въ глазахъ горѣлъ азартный огонекъ, и всѣ вытягивали шеи по направленію то къ одному, то къ другому изъ соперниковъ.

«Чудо», сойдя съ мѣста, пробралось въ удобный уголокъ. Дядя неоднократно манилъ его назадъ, но мальчикъ не обращалъ вниманія на его знаки, слишкомъ заинтересовавшись аукціономъ.

— Семьдесятъ злотыхъ за третій! Семьдесятъ одинъ, семьдесятъ два!... Восемьдесятъ злотыхъ за третій!

Битва стала такъ горяча, надбавки дѣлались такъ часто, что служка, обливаясь потомъ, а съ нимъ и многіе изъ зрителей, вертѣлъ головою то направо, то налѣво, съ быстротою и правильностью гимнастическаго упражненія.

Надо сознаться, что безмолвныхъ сторонниковъ у Азраила было больше, чѣмъ у его соперника, ибо даже многіе изъ почитателей и ближайшихъ друзей реба Липпе втайнѣ рады были напомнить этому почтенному гражданину, что есть на свѣтѣ люди побогаче его.

Женщины тоже принимали участіе въ волненіяхъ этого утра. Въ ихъ окошечкахъ глаза такъ и сверкали, и отвѣты тѣхъ счастливицъ, которымъ было видно, вмѣстѣ съ вопросами тѣхъ, кто находился позади, производили сначала гулъ, потомъ хаосъ, восклицаній и, наконецъ, въ этомъ дамскомъ сонмищѣ едва не разразилась междусобная война.

«Третій отдѣлъ» принесъ около двадцати восьми рублей чисто-

ганомъ. Азраилъ былъ увѣренъ, что послѣдняя надбавка была сдѣлана именно имъ и что поэтому ему принадлежатъ и честь, и заслуга добраго дѣла. Однако, когда дошло до чтенія и раскрытъ былъ «третій отдѣлъ», то чтецъ вызвалъ по имени реба Липпе.

Азраилъ былъ пораженъ.

— Стой! Это не выйдетъ!—крикнулъ онъ громовымъ голосомъ, вдругъ почувствовавъ себя американскимъ гражданиномъ.—Что я купилъ, то мнѣ и подайте!—Лицо его горѣло, глаза пылали гнѣвомъ.

По залѣ пронесся гулъ неодобренія. Захлопали пюпитры, призывая къ порядку. Ребъ Липпе взошелъ на платформу торжественно, благочестиво, сіяя золотымъ кружевомъ своего «талеса» и серебромъ своей волнистой и длинной бороды, какъ будто взрывъ негодованія противъ Азраила былъ не болѣе, какъ оваціей въ честь его самого. Онъ одаренъ былъ хитростью лисицы, тщеславіемъ павлина и сентиментальностью женщины въ теченіе «Десяти покаянныхъ дней». Многіе сомнѣвались въ законности его права; но и на нихъ величественность его тріумфальнаго шествія произвела столь глубокое впечатлѣніе, что они даже шепотомъ не отважились высказаться. Только «чудо» выразило свое мнѣніе:

— Какъ же такъ? Кажется, вѣдь тотъ кивнулъ послѣднимъ? Да постигнетъ меня болѣзнь, если вру,—вслухъ сказало это дитя природы и было остановлено своимъ дядей.

— Да неужели его верхъ будетъ?—продолжалъ Азраилъ, покрывая всеобщій ропотъ своимъ голосомъ.—Сыграть со мной такую штуку такъ же мудрено, какъ подоить козла! Я прибавилъ послѣднимъ! Двадцать восемь паршивыхъ рублей! Тьфу! Да я готовъ дать сотню, двѣ сотни, пятьсотъ! Я могу купить всю Правлю и реба Липпе съ его золотымъ кружевомъ и всѣмъ потрохомъ, а потомъ и продать съ уступочкой, да!—Онъ двинулся къ эстрадѣ какъ бы съ намѣреніемъ силою захватить «третій отдѣлъ», но вызванные этою выходкою вопли остановили его.

— Что здѣсь, базарная площадь?—крикнулъ второй староста въ искреннемъ негодованіи.

— Заткните горло этому неучу!—взвизгнулъ одинъ изъ богомольцевъ съ гнѣвомъ и отвращеніемъ.

— Выставить его вонъ!—завопилъ другой, наслаждаясь скандаломъ.

— Если не умѣетъ вести себя въ святомъ мѣстѣ, пусть ѣдетъ назадъ, въ свою Америку!—воскликнулъ третій, единственно, что выразить свое участіе. Но его слова привели къ благому результ

напомнили Азраилу, что онъ здѣсь—иностранецъ и шумомъ можетъ привлечь полицію.

Въ ту же минуту онъ увидалъ рядомъ съ собою худощавое лицо престарѣлаго раввина. Взявши его подъ руку, старецъ попросилъ его не нарушать субботы.

Азраилъ ли ошибся или служка, и крылась ли тутъ какая-нибудь плутня, такъ и осталось неизвѣстнымъ; только Азраилъ притихъ и, усѣвшись за свой пюпитръ, сталъ слѣдить за чтеніемъ Торы по собственному экземпляру, хотя мстительныя чувства, бушевавшія въ его груди, не давали ему сосредоточиться, и онъ потерялъ строчку, съ которой началъ слѣдить.

Успѣхъ перваго увѣщанія раввина вновь привелъ его къ Азраилу.

— Я зналъ вашего отца, да будетъ съ нимъ миръ! Онъ былъ праведный еврей!—обратился онъ къ нему замогильнымъ голосомъ, дрожавшимъ отъ старости.—Послушай меня, сынъ мой: взойди на эстраду и публично извинись передъ всей общиной. Всевышній,—да будетъ Онъ благословенъ!—поможетъ тебѣ.

Обращеніе раввина тронуло Азраила до слезъ, и, весь проникшись набожнымъ смиреніемъ, онъ моментально очутился на эстрадѣ, гдѣ заговорилъ просто и грубо по обыкновенію:

— Не гнѣвайтесь на меня, господа! Я не хотѣлъ никого обидѣть, хотя тутъ была плутня! Она такъ же видна, какъ толстый быкъ! Ну, всетаки я жертвую двѣ тысячи рублей, и пусть канторъ прочитаетъ: «Господь, полный милосердія...» за упокой моихъ отца и матери, да будетъ съ ними миръ!

Такой способъ извѣщенія о пожертвованіи былъ совершенно новъ, и форма извиненія одновременно разсмѣшила и скандализировала прихожанъ; но отъ названной суммы у нихъ захватило духъ и умолкли всѣ враждебныя чувства.

Когда чтеніе окончилось и, среди бурныхъ восклицаній, свитки были убраны въ Ковчегъ Завѣта, канторъ вернулся на свое мѣсто, «умедъ», и торопливо затянулъ «полу-койдышъ».

— Скажите аминь!—заключилъ онъ отрывисто, послѣ чего внезапно, точно отъ испуга, погрузился, вмѣстѣ со своими слушателями, въ молчаніе.

Кивая или покачивая головами, или качаясь всѣмъ тѣломъ изъ стороны въ сторону, всѣ двѣсти или триста присутствовавшихъ составили одинъ шепчущій хоръ, произнося про себя торжественную молитву «муссафъ»; при этомъ нѣкоторые читали ее машинально, другіе—съ благоговѣйной сосредоточенностью, а третьи—съ конвульсіями религіознаго восторга. То здѣсь, то тамъ вырывались

вздохи среди безмолвія жестикулирующихъ богомольцевъ; вдругъ раздавалось прищелкиваніе пальцами въ восторженномъ порывѣ; откуда-то изъ угла доносилось рыданіе, а изъ женскаго отдѣленія слышалось печальное бормотаніе. «Чудо», съ закрытыми глазами и суровымъ отъ непритворнаго экстаза лицомъ, усердно шевелилъ губами, какъ бы замѣняя этимъ звуки словъ, которыхъ не осмѣливался выговорить вслухъ. Азраилъ качался и трясся. Его лицо исказилось въ жалобно-укоризненную гримасу обиженнаго ребенка, готоваго залиться слезами; его жиденькія бачки скорбно подрагивали въ тактъ его шопоту. Онъ не сознавалъ, что произносятъ его губы, но чувствовалъ, что вся душа его изливается передъ небомъ и что его сердце разорвется, если онъ не дастъ воли подавляемымъ рыданіямъ.

Наконецъ, безмолвныя молитвы пришли къ концу; одинъ за другимъ, прихожане отступали, каждый на три шага отъ своего мѣста. Только трое были еще погружены въ великую молитву: раввинъ, ради котораго канторъ почтительно отсрочивалъ начало слѣдующаго псалма; ребъ Липпе, который не хотѣлъ «отступить» прежде раввина, и Азраилъ, который, въ самозабвеніи, пять разъ повторялъ одни и тѣ же молитвенныя слова.

По выходѣ изъ синагоги, Азраилъ нашелъ въ Правлѣ полную перемѣну, какъ будто, пока онъ молился и спорилъ, маленькій городокъ подвергся процессу опошленія. Отлетѣла вся поэзія тридцатипятилѣтней разлуки, оставивъ только зрѣлище грязи и нищеты. Онъ чувствовалъ себя такъ, точно никогда отсюда и не отлучался и точно все, что онъ видѣлъ, уже надоѣло ему до смерти; въ то же время его сердце сжималось отъ тоски по Америкѣ. Городъ интересовалъ его лишь постольку, поскольку давалъ ему возможность ослѣпить мѣстныхъ жителей блескомъ своего финансоваго великолѣпія.

— Я покажу имъ, кто они и кто Азраилъ!—утѣшалъ онъ себя.

Вечернему богослуженію предшествовала проповѣдь. Городской проповѣдникъ, по обыкновенію, взялъ текстъ изъ того отрывка пятикнижія, который читался утромъ. Но онъ ухитрился присоединить сюда намеки на обстоятельства, интересовавшія весь городъ. Съ хвастливою щедростью цитируя Талмудъ и «Примѣчанія», онъ особенно подчеркивалъ важность изученія закона Божія и похвально ть стараній выдать свою дочь за человѣка, изучившаго законъ.

— Извѣстное изреченіе въ трактатѣ «Псохимъ»,—говорилъ онъ,—гласитъ, что надо быть готовымъ продать все, что имѣешь, лишь бы выдать дочь за изучившаго законъ. Съ другой стороны, «отдать дочь въ руки неуча—все равно, что предать ее въ когти льва». Далѣе въ трактатѣ «Берошатъ» мы читаемъ, что «дать дочь

ють школьнику, изучающему святой законъ и питать его отъ щедрот своихъ подобно принесенію жертвы Богу». И, какъ сказано въ трактатѣ «Сота», «подать ему вина, все равно, что вылить сіе вино на алтарь».

Взгляды всѣхъ сосредоточились на ребѣ Липпе и на «Чудѣ» рядомъ съ нимъ.

Продолжая рѣчь свою, ученый проповѣдникъ, остроумнымъ подборомъ цитатъ и ариѳметическими дѣйствіями надъ числовымъ значеніемъ буквъ, пришелъ къ заключенію, что исполненіе вышеприведенныхъ предписаній необходимо для обезпеченія себѣ мѣста въ саду Эдемскомъ.

Все это наполнило душу Азраила новымъ страхомъ передъ загробной жизнью и грызущею завистью къ ребу Липпе. Онъ ушелъ изъ синагоги совершенно подавленный и, когда пришелъ къ себѣ на постоялый дворъ, то главнымъ предметомъ его бесѣдъ съ хозяиномъ стало «чудо».

V.

Вечеромъ того же дня, въ заключеніе празднованія субботы, пошло въ аукціона еще одно доброе дѣло, и еще разъ отчаянно сразились колельки реба Липпе и Азраила.

На этотъ разъ объектомъ добраго дѣла оказался чудесно-ученый юноша, а самое дѣло заключалось въ томъ, чтобы взять его въ зятья.

Комната (въ помѣщеніи одного изъ дядей юноши) была полна бородатыхъ жидовъ, табачнаго дыма и шума. Тутъ были: самъ этотъ юноша Шая, его двое дядей, ребъ Липпе, старшій сынъ послѣдняго двое его сторонниковъ; Азраилъ, его домохозяинъ и сватъ.

Широкоплечій, кипящій самоваръ, сверкая отверстіями своей рѣшетки, точно глазами, стоялъ посреди стола. Подлѣ него лежалъ портретъ Флоры, изображавшій эту дѣвицу во всемъ великолѣпіи нью-йоркскаго щегольства.

Юный герой дня смотрѣлъ на портретъ, разинувши ротъ отъ неудержимаго любопытства, пока, наконецъ, печальное и проницательное выраженіе глазъ изображенной на немъ дѣвушки не нарушило его душевнаго равновѣсія; тогда онъ отвернулся, но продолжалъ посматривать на него украдкой.

Его собственное представленіе о невѣстѣ исключало наличность [illegible]япы. Поэтому, мысль о томъ, что такая принцесса станетъ его [illegible]ной приводила его въ ужасъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, льстила ему. А [illegible]ст[illegible]я улыбка этого еврейскаго личика перевернула всѣ его поня-

тія о самомъ себѣ и погрузила его въ туманъ фантазій.—Чего ты смотришь на меня такъ?—мысленно говорилъ онъ портрету.—Что ты такое? Просто еврейская дѣвица, и я тебя нисколько не боюсь! Но отчего ты такъ печальна? Не могу ли я помочь тебѣ? Что-жъ ты не отвѣчаешь? Сними-ка шляпу, хочешь?

Дочка реба Липпе не носила шляпы, но была не въ его вкусѣ, и теперь онъ это сообразилъ. Съ другой стороны, слово «Америка» звучало для него обольстительно и вызывало въ его умѣ картины сліянія талмудической славы съ современною.

Почтенная борода реба Липпе подергивалась отъ нервной улыбки.

— Да, я не болѣе, какъ неучъ!—громовымъ голосомъ восклицалъ Азраилъ съ оттѣнкомъ демократическаго тщеславія.—Но знаете: я вѣдь не самъ собираюсь замужъ за мальчика. Двадцать тысячъ рублей чистоганомъ сейчасъ, а когда старый неучъ уберется, то Шая получитъ въ наслѣдство въ десять разъ больше. Она моя единственная дочь, и когда я умру, лопни глаза мои, если я возьму съ собой мои дома въ могилу! Черви не ѣдятъ домовъ, вы знаете!

Безыскусственность его выраженій сердила степенныхъ старыхъ талмудистовъ, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ, съ ироніей указавъ пальцемъ на фотографію:

— Ваша дѣвушка похожа на дочь какого-нибудь знатнаго гоя, а Шая—еврейскій отрокъ.

— Вамъ не нравится моя дочка, нѣтъ?—отпарировалъ Азраилъ.—А почему, позвольте спросить? Потому ли что она не рожа, что на ней шляпка? Великій раввинъ въ Вильнѣ не менѣе набоженъ чѣмъ любой изъ васъ, да? Ну такъ, когда я былъ тамъ, проѣздомъ сюда, то видѣлъ его дочь, и она тоже была въ шляпкѣ и тоже хорошенькая. Двадцать тысячъ рублей!

Тѣмъ временемъ, самъ юноша слушалъ съ такимъ интересомъ, что забылъ какъ американскій портретъ, такъ и то вліяніе, какое этотъ торгъ могъ имѣть на его личную судьбу. Разлегшись на столѣ, какъ только позволялъ самоваръ, и подперевъ голову обѣими руками, онъ слушалъ и наблюдалъ съ захватывающимъ, но совершенно объективнымъ интересомъ.

Послѣ долгихъ перешептываній и подавляемыхъ споровъ въ лагерѣ Азраилова врага, сынъ реба Липпе провозгласилъ:

— Десять тысячъ рублей и пятилѣтнее полное содержаніе! Предполагалось, что это, въ соединеніи съ преимуществами происхожденія, общественнаго положенія и учености реба Липпе, превосходитъ сумму, предложенную Азраиломъ. Впрочемъ, всякій въ комнатѣ зналъ, что предложеніе стараго талмудиста значительно пре-

его средства, но присутствующіе не успѣли удивиться сказанному, потому что, едва было оно произнесено, какъ Азраилъ нетерпѣливо и насмѣшливо воскликнулъ:

— Тридцать тысячъ рублей и пожизненное содержаніе, и квартира, и починка чулокъ, и папиросы, и спички, и горчица, и мыло... и что еще?

«Чудо» захихикало, но его тотчасъ дернули, чтобы онъ сѣлъ на стулъ. Ему начиналъ нравиться грубоватый и прямодушный американецъ.

Наступило молчаніе. Шая и его дяди видимо склонялись на сторону «неуча». Ясно было, что Азраилъ сталъ господиномъ положенія.

Наконецъ, ребъ Липпе и его свита встали со своихъ мѣстъ.

— Можете оставить это золото за собой,—сказалъ онъ Азраилу съ насмѣшливой улыбкой.

— И подавиться имъ,—прибавилъ его сынъ.

— Куда вы такъ торопитесь, ребъ Липпе?—сказалъ одинъ изъ дядей, подбѣгая къ старику съ раболѣпною угодливостью.—Вѣдь мы еще ничего не рѣшили. Мы еще не знаемъ...

— Вы не знаете, а я знаю. Я не возьму этого парня, хоть бы онъ и самъ принесъ въ приданое двадцать тысячъ. Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ и всякихъ благъ!—возразилъ Азраилъ.—Почему для лисы зеленъ виноградъ? Потому что высоко виситъ.

Часъ спустя остальная компанія чокалась стаканами и обмѣнивалась поздравленіями по поводу сговора Флоры Струнъ съ Шаей Голубомъ.

— Такъ вотъ, прими мое поздравленіе!—говорилъ Азраилъ, навалгаясь на «чудо» и почти сплющивая его въ своихъ могучихъ объятіяхъ.—Поздравляю тебя, Флоринъ женихъ! Поздравляю тебя, Флоринъ суженый! Моей милой дочки милый женишокъ!—продолжалъ онъ, пряча лицо на плечѣ юноши.—Я—всего только неучъ, но ты будешь мнѣ зятемъ: я стану тебя кормить и поить, какъ наказывалъ проповѣдникъ; жемчугомъ усыплю я праведный путь твой, вѣнецъ надѣну тебѣ на голову... хотя я—не больше, какъ неучъ!

Въ голосѣ старика слышались рыданія. Тронутые слушатели молчали и улыбались.

— Неучъ, да честный человѣкъ!—шепнулъ кто-то одному изъ дей.

— Золотое сердце!—вставилъ хозяинъ постоялаго двора.

«А что скажетъ Флора?—вдругъ пришло въ голову Азраилу среди радости, переполнявшей его сердце.—Не воображаю ли я, что аме-

риканская барышня пойдетъ за этого старозавѣтнаго книжника и богомольца? Вздоръ!—тутъ же утѣшилъ онъ себя.—Какъ прикажу, то пойдетъ, и нечего мнѣ тревожиться. Вѣдь это не только для меня, но и для нея будетъ польза».

Внезапнымъ движеніемъ онъ рознялъ руки и, снявъ свои громадные золотые часы съ цѣпью, надѣлъ ихъ на Шаю со словами:

— Носи на здоровье, дитя мое! Вотъ тебѣ первый подарокъ отъ невѣсты. Но погоди: то ли будетъ въ Америкѣ!...

На другое утро Азраилъ пошелъ на кладбище и ужаснулся его обширности. Между тѣмъ, какъ въ живой Правдѣ едва ли прибавилось съ дюжину домовъ, въ безмолвной Правдѣ число могилъ почти удвоилось. Надгробные камни, почти всѣ небольшіе и попорченные непогодою, являлись незначительнымъ меньшинствомъ въ сравненіи со множествомъ деревянныхъ памятниковъ, на которыхъ висѣли для отличія самые прозаическіе предметы, какъ-то: старыя жестянки, худые горшки, отставныя шапки, башмаки и т. п. Но все это далеко не ослабляло впечатлѣнія, а еще подчеркивало и усиливало трагичность зрѣлища. Отслужившая посуда и одежда какъ бы размышляли о дняхъ своей новизны, когда служили дѣятельному, живому населенію городка. Вещи эти казались таинственно умолкнувшими, какъ будто тоже были когда-то живыми, а теперь явились сюда къ своимъ хозяевамъ, лежащимъ подъ холмиками, чтобы стать участниками вѣчнаго покоя въ городѣ мертвыхъ.

— Отецъ, отецъ!—началъ Азраилъ громкимъ, молитвеннымъ возгласомъ, распростираясь на старой могилѣ, какъ только канторъ окончилъ свое чтеніе и ушелъ.—Это я, Азраилъ, сынъ твой; помнишь ли меня? Я пріѣхалъ нарочно изъ Америки, чтобы просить тебя помолиться за меня и за мою дочку. Она—хорошая дѣвочка, и я стараюсь вести ее по пути праведному. Отдаю ее замужъ за величайшаго начетчика въ Законѣ Божіемъ, какой здѣсь есть. Помолись, чтобъ этотъ мальчикъ нашелъ милость въ глазахъ ея! Ты знаешь, тятя милый, что я, вѣдь, только неучъ и горе мнѣ! Грѣховъ у меня много-множество. Но теперь я стараюсь исправиться и быть хорошимъ евреемъ. Ты, вѣдь, умолишь Всевышняго принять мое покаяніе?—попросилъ онъ съ возрастающимъ пафосомъ въ голосѣ.—Ты теперь близокъ къ Нему, отецъ; такъ сжалься же надъ своимъ сыномъ и похлопочи, чтобы грѣхи его простились. Ты помолишься за меня? Вѣдь помолишься? Но все-таки у меня больше заботы о Флорѣ,— по-еврейски-то имя ея будетъ: Блуме. Что такое я? Такъ, старая тряпь. А Флора—она у меня цвѣточекъ! Походатайствуй передъ престоломъ Всевышняго, помолись, чтобы ничто ее со мной не раз-

обы не сглазилъ кто мое сокровище. Мать у нея умерла, она была еще крошкой, бѣдная дѣвочка, и теперь она—мое венное утѣшеніе. А ты, вѣдь, ей—дѣдушка: такъ помолись же

ло Азраила горѣло, его грубый голосъ звучалъ унынiемъ, вос- ъ, благоговѣнiемъ. Глаза его были сухи, но душа, переполнен- зами и поэзiей, изливалась въ страстной, надрывавшей серд- звучей рѣчи.

– Гдѣ разница между этой былинкою и мною?—спросилъ онъ вши.—Чѣмъ тебѣ важничать, Азраилъ? Не брыкайся, будь добръ, будь набоженъ, носи Бога въ сердцѣ и не храпи! Будь тише травы, потому что—слышишь?—борона приближается, чтобы запахать траву; кружки со сборомъ позвякиваютъ; ангелъ смерти стоитъ съ ножомъ наготовѣ... Охъ, помолись за твоего сына, отецъ!—завопилъ онъ въ ужасѣ.

Наступила пауза. Пчела, жужжавшая поблизости, какъ будто молилась подобно Азраилу, и ея участiе ободрило его.

— Охъ, отецъ! Я не видалъ тебя уже тридцать пять лѣтъ. Тридцать пять лѣтъ!—повторилъ онъ, умѣривши голосъ и прислушиваясь къ словамъ своимъ.

— Тридцать пять лѣтъ, это—мы!—какъ будто отвѣтили ему надгробные камни съ края кладбища, и Азраилъ невольно оглянулся.

Потомъ онъ продолжалъ:

— Тридцать пять лѣтъ! Я уже не увижу тебя никогда, отецъ! Не увижу твоего милаго лица, не заговорю съ тобой, какъ встарину, и не могу пойти за тебя ни въ огонь, ни въ воду! Ужъ не могу! Ужъ не могу! Помнишь, какъ ты сажалъ меня на колѣни, или молился со мною въ синагогѣ, или давалъ мнѣ такiя оплеухи, что въ глазахъ темнѣло, когда замѣчалъ, что я пропускаю слова въ молитвенникѣ? Все уже это прошло! Неужели и вправду прошло?

Онъ примолкъ, точно ожидая отвѣта, а потомъ сказалъ съ горькимъ насмѣшливымъ смѣхомъ надъ самимъ собой:

— Молчитъ твой отецъ, Азраилъ! Ни слова, хоть ты на куски разорвись. Все прошло, Азраилка! Все, все, все пропало навѣкъ!

Его грубый голосъ оборвался. Рѣчь его перешла въ конвульсiи подавляемыхъ рыданiй, а душа продолжала умолять отца принять его въ то святое мѣсто, гдѣ покоится онъ самъ.

Когда Азраилъ всталъ на ноги, то взоръ его упалъ на памятникъ, совершенно тожественный съ памятникомъ его отца; онъ нахмурился отъ ревниваго чувства.

къ могилѣ матери, въ болѣе старую часть кладбища, онъ нѣ-

сколько разъ оборачивался назадъ. Памятникъ отца быстро терялся въ цѣломъ лѣсу другихъ памятниковъ. Его покойный отецъ, его бѣдный отецъ утрачивалъ свою индивидуальность и, наконецъ, сталъ простымъ пятнышкомъ въ этой пестрой смѣси холмиковъ, камней, плитъ и всякаго хлама. Азраилъ почувствовалъ глубокую скорбь. Онъ повернулся и до тѣхъ поръ шелъ назадъ, пока могила отца вновь не стала для него центромъ видимаго міра.

Потомъ онъ пошелъ излить свое сожалѣніе и слезы на могилы матери, сестеръ, братьевъ, дядей. Наконецъ, совершенно измучившись, онъ принялся гулять между чужими памятниками. Наклоняясь, чтобы разбирать на нихъ еврейскія надписи, онъ то качалъ головою, чувствуя, какъ сердце его сжимается отъ воспоминаній, то вздыхалъ, то въ горестномъ изумленіи всплескивалъ руками.

Намогильные камни и плиты были облиты красновато-золотыми лучами заходившаго солнца. Азраилъ ничего еще не ѣлъ, но, хотя истомился тѣломъ и духомъ, не испытывалъ ни голода, ни желанія уйти съ кладбища. Здѣсь онъ нашелъ болѣе современниковъ, которыхъ хорошо помнилъ, болѣе жителей Правли своей юности, чѣмъ въ отстоявшемъ за версту городишкѣ. Кладбище захватило его и удерживало силою памяти о быломъ.

Вернувшись, наконецъ, въ городъ, онъ почувствовалъ себя возрожденнымъ. Правля вновь стала мила его сердцу, хотя Флора и Америка влекли къ себѣ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ старался говорить мягкимъ тономъ и пошелъ по домамъ своихъ родныхъ и по бѣднымъ города, раздавая имъ деньги и прося получающихъ «пожалѣть его и не выражать благодарности», чтобы тѣмъ не уменьшить его заслуги.

Затѣмъ онъ отправился мириться къ ребу Липпе.

— Вы, вѣдь, живете здѣсь и можете добыть себѣ другое «чудо»,— кротко убѣждалъ онъ его.—А въ Америкѣ такого добра не найдешь. Къ тому же, вы сами умѣете читать Талмудъ, между тѣмъ какъ я вѣдь неучъ, и что я сдѣлалъ, чтобы имѣть часть въ жизни вѣчной. Вотъ триста рублей на дѣла милосердія. Простите меня, ребъ Липпе. Какой вамъ отъ того будетъ убытокъ?

Въ комнатѣ были постороннія лица, и оригинальность этой трогательной просьбы одновременно смягчила и позабавила ихъ. Ребъ Липпе былъ растроганъ до слезъ. Сверхъ того, такой поступокъ Азраила искупалъ нанесенную имъ обиду.

— Я прощаю васъ отъ всего сердца,—сказалъ онъ съ чувствомъ, поглаживая «неуча», точно ребенка.—Сядьте. Пусть Всевышній возвратитъ васъ въ домъ вашъ съ миромъ и благо[illegible]

оюзъ просватанныхъ. Тутъ нашелся еще молодой человѣкъ, достойный моей дочери; Шаѣ же пусть Господь—да будетъ Онъ благословенъ—пошлетъ желаніе и силу проповѣдать Его законъ въ Америкѣ. Гамошніе евреи нуждаются въ подобномъ отрокѣ, и я радъ, что онъ ѣдетъ съ вами. Вы увозите съ собою драгоцѣнный камень, ребъ Азраилъ. Берегите его!

— Ужъ, повѣрьте, буду,—радостно отвѣтилъ Азраилъ.

VI.

Чѣмъ ближе подплывалъ къ Нью-Йорку Азраилъ со своимъ «чудомъ» на буксирѣ, тѣмъ глубже погружалась Правля въ золотой туманъ поэзіи и тѣмъ отчетливѣе рисовался въ его воображеніи великій американскій городъ. Съ каждой пройденной милей къ этой мысленной картинѣ прибавлялась новая подробность, и съ каждою подробностью его новая родина становилась дороже его сердцу.

Онъ ѣхалъ домой. Онъ чувствовалъ это все острѣе, все восторженнѣе съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, съ каждою минутой.

Санди-Хукъ показался въ виду.

Есть ли на свѣтѣ зрѣлище болѣе красивое, величественное и возвышающее душу, нежели видъ Нью-Йоркской гавани съ подплывающаго корабля въ ясное лѣтнее утро? Восхитительная прелесть моря, зелени и неба вызвала въ умѣ Шаи новое представленіе о раѣ, гдѣ, въ тѣни роскошной листвы, праведники—почтенные старики съ серебристыми бородами—киваютъ и качаются надъ переплетенными въ золото томами Талмуда. Однако, впечатлѣніе отъ величавой яркости картины было такъ сильно, что сердце у него замерло и онъ робко прильнулъ къ Азраилу.

На палубѣ началась суета. Свистки парохода почти не умолкали, пассажиры, разрядившись точно въ церковь, хлопотали надъ своимъ багажомъ или разгуливали съ праздничнымъ, нетерпѣливымъ видомъ.

Азраилъ морщилъ и кусалъ себѣ губы отъ восторга.

— Ахъ, какая тутъ синяя вода!—съ живостью сказалъ Шая.

— Америка хорошая страна, правда?—отвѣтилъ старикъ.—Но съ нею и сравнить нельзя съ Флорой! Погоди, вотъ увидишь ее. Ты старайся быть хорошимъ мальчикомъ,—продолжалъ онъ вполголоса,—прилежно читай свой Талмудъ и не обращай вниманія ни на что другое; тогда все, что Богъ мнѣ далъ, будетъ твоимъ. У меня нѣтъ сыновей, чтобы читать «койдышъ» по моей душѣ, когда я умру. Ты вѣдь

дочкѣ такихъ подарковъ, съ тѣхъ поръ, какъ Америка стоитъ на бѣломъ свѣтѣ.

У Флоры глаза запрыгали отъ радостнаго ожиданія. Воображеніе ея колебалось между бриллiантами, рубинами, изумрудами, сапфирами и жемчугомъ.

— Я добылъ тебѣ жениха, за пятнадцать тысячъ долларовъ! Красивѣе и милѣе нѣтъ на свѣтѣ. Онъ—*иллуй*.

— Что такое?—спросила она въ изумленіи.

— Ахъ, это значитъ: чудесный парень, который знаетъ Талмудъ и всѣ священныя книги. Всѣхъ европейскихъ раввиновъ онъ можетъ разбить въ пухъ и въ прахъ. Первый богачъ въ Правилгнался за нимъ, но остался съ носомъ. Шая, поди-ка сюда!

Дѣвушка смотрѣла на отца въ величайшемъ замѣшательствѣ: «Что онъ шутитъ, или же серьезно способенъ на такую ужасную выходку?»

Явился Шая, опустивъ глаза и крутя указательный палецъ правой руки, какъ онъ дѣлалъ, когда ему бывало не по себѣ, что однако случалось рѣдко.

У Флоры закружилась голова.

— Вотъ твой суженый, дочь моя. Хорошъ подарокъ, не такъ ли? Ждала ли ты себѣ такого славнаго женишка, а? Ну, дѣти, я пойду разбирать вещи, а вы познакомьтесь и поболтайте.—Съ этимъ онъ двинулся къ двери.

— Папа, папа!—закричала Флора, точно безумная. Но онъ даже не повернулъ головы и пошелъ своей дорогой.

Въ отчаяніи, она подбѣжала къ молодому незнакомцу, который все еще крутилъ свой палецъ, стоя посреди гостиной и глядя на потолокъ,—и выпалила:

— Сударь, вы лучше уйдите прочь! Если вы думаете стать моимъ женихомъ, то жестоко ошибаетесь!

Она говорила на еврейскомъ жаргонѣ; но ея выговоръ, особенно же въ произношеніи буквы *р*, былъ настолько американскимъ, что показался Шаѣ похожимъ и на его родной языкъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на языкъ невѣрныхъ. Какъ бы то ни было, онъ понялъ ее. И это обстоятельство, что эта величественная молодая особа заговорила съ нимъ, дало ему иллюзію, будто онъ стоитъ передъ еврейской царевной библейскихъ временъ.

— Куда же мнѣ идти? Я здѣсь никого не знаю.—Онъ сказалъ это съ выраженіемъ наивнаго отчаянія, которымъ тронулъ сердце дѣвушки.—Въ чемъ моя вина?—прибавилъ онъ съ мольбою.

Она посмотрѣла на него пристально, потомъ взяла его за руку

оперченный гладкій подбородокъ, широко раскрыла глаза и отъ души расхохоталась.

— Мой отецъ, въ самомъ дѣлѣ, привезъ васъ сюда съ тѣмъ, чтобы женить на мнѣ?—спросила она, впервые взглянувъ на свое положеніе съ точки зрѣнія комизма, и опять звонко засмѣялась.

Шая покраснѣлъ и взялся за свой палецъ, но тотчасъ же выпустилъ его и тоже захихикалъ. Ея веселость разсѣяла его смущеніе, а затрудненіе, съ которымъ она говорила на жаргонѣ, напомнило ему болтовню дитяти.

Флора забавлялась и любовалась имъ, точно ребенкомъ. Шаѣ казалось, будто онъ играетъ съ подобнымъ себѣ мальчикомъ.

Изо всѣхъ иммигрантовъ, за которыхъ вышли или были просватаны ея пріятельницы, ни одинъ не оказывался, тотчасъ по пріѣздѣ, такимъ приличнымъ, миловиднымъ и забавнымъ, какъ этотъ ученый молодчикъ. Ничего бы не было особеннаго, если бы она вышла за него черезъ годъ или черезъ два, когда онъ научился бы кое-какъ по-англійски и привыкъ бы къ обычаямъ страны. Но въ умѣ ея твердо засѣло рѣшеніе, которымъ она хвасталась и передъ подругами; оно обязывало ее выйти за доктора, этотъ же мальчикъ предназначался даже не въ купцы, а въ правовѣрные раввины или что-нибудь въ такомъ же родѣ. Слово «раввинъ» соотвѣтствовало въ ея умѣ представленію о нечесанномъ, долгополомъ субъектѣ, который ничего не знаетъ о жизни, нюхаетъ табакъ и отравляетъ существованіе себѣ и окружающимъ. Неужели же ей сдѣлаться раввиншей? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Будь что будетъ, а ее поведетъ подъ брачный балдахинъ лишь изящный американскій джентльменъ! Въ бѣшенствѣ она кинулась вонъ изъ гостиной и предалась своему горю въ столовой, на кушеткѣ.

Но пока она лежала, засунувъ подъ голову стиснутыя руки и трепеща гнѣвомъ и отчаяніемъ, а, между тѣмъ, все еще не вѣря, что это не шутка, не миражъ, въ ея душу проникло робкое новое чувство. Сначала оно было не больше песчинки, но потомъ усилилось до того, что стало гнести сердце, какъ нестерпимо-тяжкое бремя. Ей невыносима была мысль, что это бѣдное, смѣшное существо осталось въ одиночествѣ и въ смертельномъ страхѣ. Однако, сама она не хотѣла сдѣлать ни шага. Пусть отецъ уберетъ его отсюда, или же она уйдетъ изъ дому и поступитъ работать на фабрику.

— Тамара!—вдругъ произнесла она въ ту минуту, какъ въ комнату вошла экономка.—Тамъ, наверху, есть пріѣзжій. Онъ долженъ быть голоденъ.

— Что же ты сама не дашь ему поѣсть?—съ неудовольствіемъ

возразила Тамара. —Ты знаешь: сегодня понедѣльникъ, и я чувствую слабость. Но что же онъ дѣлаетъ наверху? Пускай бы сошелъ!

— Сходи за нимъ сама,—отрѣзала Флора.—Онъ придется тебѣ по вкусу: ученый талмудистъ, святая душа!—прибавила она, ядовито посмѣиваясь.

Тамара взглянула на нее съ досадою и набожнымъ упрекомъ, послѣ чего отправилась наверхъ.

Когда вернулся Азраилъ, то растолковалъ, что Шая вовсе не станетъ раввиномъ и не будетъ одѣваться иначе, чѣмъ всѣ свѣтскіе люди въ Америкѣ; но что онъ посвятитъ свою жизнь благочестію и изученію Талмуда отчасти дома, отчасти въ какой-нибудь синагогѣ.

— А то зачѣмъ же я надрывался всю жизнь?—убѣждалъ старикъ.—Самъ-то я неучъ, дочь моя, да и долга ли жизнь человѣческая? Не омрачай дней моихъ, Флора!

Тамара набожными кивками выражала полное согласіе.—На старой родинѣ каждая дѣвушка была бы рада выйти за такого «Сына Закона»,—уговаривала она Флору.—Это только здѣсь мы грѣшники, и дѣвушки выходятъ все за свѣтскихъ людей. Дай Богъ такого жениха каждой дочери Израиля.

— Не суйся въ чужія дѣла!—разразилась Флора. Она поняла отцовскія объясненія весьма смутно, и они произвели на нее впечатлѣніе, противоположное желаемому.

— Оставь ее въ покоѣ. Гроза пройдетъ,—шепотомъ сказалъ Азраилъ.

Когда привезли Азраиловъ багажъ, то въ немъ оказался большой ящикъ, набитый еврейскими книгами. Онѣ были разной величины, но двадцать пять изъ нихъ представляли собою совершенно одинаковые фоліанты, переплетенные въ кожу, величественные и сіявшіе изобиліемъ позолоты и эмали. Въ двадцати первыхъ заключался весь Вавилонскій Талмудъ, съ разнообразными къ нему примѣчаніями. Черезъ нѣкоторое время появился и книжный шкапчикъ орѣховаго дерева. Ему было отведено почетное мѣсто въ первой гостиной, и Азраилъ, Тамара и Шая принялись разставлять священныя книги по полкамъ.

Флора сидѣла и смотрѣла на нихъ съ насмѣшкой, пока къ горлу ея не подступили рыданія; тогда она заперлась на самомъ верху, у себя въ спальнѣ, и расплакалась такъ, точно у нея разрывалось сердце. Содержаніе всѣхъ этихъ книгъ, привезенныхъ отцомъ, какъ бы въ дополненіе къ навязанному ей жениху, было для нея настоящею китайщиною; она никогда не видывала ихъ въ такомъ множествѣ; ни на минуту не вслушивалась въ разговоры, случайно до нея

тавшіе, о подобныхъ книгахъ и о людяхъ, посвящавшихъ ихъ чтенію свою жизнь. Теперь она испугалась ихъ, точно онѣ были полны колдовскихъ заклинаній и точно Шая былъ профессоромъ черной магіи.

Ученый юноша тѣмъ временемъ приводилъ въ порядокъ свою библіотеку, открывая то ту, то другую книгу, чтобы взглянуть на шрифтъ. На корточкахъ передъ стуломъ, на которомъ лежалъ толстый томъ, онъ переворачивалъ страницу за страницей, и вдругъ его вниманіе было привлечено хорошо знакомымъ отрывкомъ. Не мѣняя положенія, онъ началъ перечитывать его, пока, совершенно увлекшись, не принялся бормотать слова нараспѣвъ съ тѣми странными интонаціями и неописанными кривляніями, которыя, очевидно, столь же необходимы при чтеніи Талмуда, какъ пара глазъ.

— Глядите, глядите!—подтолкнула Тамара Азраила, которому помогала переносить остальныя книги на мраморный столъ. Азраилъ обернулся къ «чуду», и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ оба глазѣли, разинувъ ротъ, на это странное, вдохновляющее зрѣлище. Затѣмъ экономка и хозяинъ обмѣнялись взглядами взаимнаго пониманія, причемъ она благочестиво покивала своею, облеченною въ парикъ, головою, какъ будто говоря:—Какую находку послало намъ небо!

— Всевышній благословилъ васъ,—наконецъ, выговорила она шопотомъ.

— Да радуется онъ долгіе годы, живя съ нами, — со вздохомъ отвѣтилъ Азраилъ.

— Флора не знаетъ, какое сокровище послалъ ей Владыка вселенной.

— Узнаетъ,— кратко возразилъ онъ.

VII.

Въ ближайшую субботу Азраилъ вернулся изъ синагоги съ цѣлою дюжиною почтенныхъ талмудистовъ, въ числѣ которыхъ находился и раввинъ данной общины. Ученыхъ гостей стали потчевать виномъ, холодною рыбою и тѣмъ лимоннымъ тортомъ, съ присоединеніемъ настоящихъ еврейскихъ пирожныхъ, приготовленіемъ которыхъ славилась Тамара.

— Долгой жизни, м-ръ Струнъ! Долгой жизни, Шая!—говорилъ каждый изъ гостей, поднимая стаканъ.

— Жизни и мира! Жизни и мира!—былъ однообразный отвѣтъ.

— Да благословитъ Богъ бракъ и да сохранитъ ихъ на сто двадцать лѣтъ!—продолжалъ ребъ Мепделе, маленькій человѣчекъ съ роскошными рыжими пейсами, протягивая руку за кускомъ субботняго пирога.

— И да пошлетъ имъ Богъ дѣтей и да дастъ имъ возрастить ихъ въ познаніи закона, проводить ихъ подъ брачный балдахинъ и порадоваться на ихъ дѣла благочестія,—присоединился сюда же другой съ пейсами, подобными тоненькимъ штопорамъ, беря на вилку кусокъ рыбы.

— И да пребудетъ Шая «сыномъ закона», и да изучаетъ его съ неослабнымъ усердіемъ, — раздалось изъ-подъ болтающейся пары трубъ.

— Въ этомъ все дѣло!—подтвердилъ хоръ жующихъ ртовъ.

— А гдѣ же невѣста?—спросилъ кто-то.—Она должна выйти! Она должна выйти!

— Вѣрно!—отъ души подтвердилъ ребъ Менделе.—Пусть дастъ взглянуть на себя невѣста! «И дочери Іерусалимскія вышли, приплясывая»—процитировалъ онъ; «и что же сказали онѣ?» «Подними взоръ твой, о юноша, и созерцай дѣвицу, которую выбираешь. Не прельщайся красотою, но»...—Онъ остановился и покраснѣлъ. Продолженіе цитаты было бы слѣдующее: «бери дѣвицу (говорятъ дѣвушки молодому человѣку) изъ хорошей семьи, ибо написано въ Притчахъ Соломоновыхъ: «Лжива прелесть и тщетна красота; но женщина, боящаяся Господа во-истину достойна похвалы». Такія слова плохо подошли бы къ данному случаю и, хотя Азраилъ не понималъ ни по-халдейски, ни по-еврейски, но ученый юноша могъ все понять и обидѣться.

Вмѣшался другой сѣдовласый «сынъ закона»:

— «Грядите и воззрите, о, дочери Сіонскія, на царя Соломона въ вѣнцѣ, которымъ увѣнчала его матерь въ день брачный, въ день радости его сердца». Въ Талмудѣ же сказано: «День брачный означаетъ день, въ который данъ былъ законъ». Поэтому, когда, если Богу угодно, совершится бракосочетаніе Шаи, то это будетъ день брачный какъ въ буквальномъ, такъ и въ талмудическомъ значеніи слова; ибо развѣ онъ не преисполненъ закона? Поэтому тогда произойдетъ союзъ закона съ дочерью реба Азраила; не такъ ли?

— Нечего краснѣть, Шая! — сказалъ раввинъ, — хотя чудный отрокъ, увлекшись «райскимъ вкусомъ» лимоннаго торта,—лакомства, о какомъ во всю жизнь не имѣлъ и понятія,—слишкомъ былъ занятъ пристальнымъ наблюденіемъ за постепеннымъ уменьшеніемъ его размѣровъ, чтобы краснѣть.

Флора была у себя въ спальнѣ, мѣстѣ своего добровольнаго изгнанія, гдѣ проводила большую часть времени съ тѣхъ поръ, какъ въ домѣ находился навязываемый ей женихъ. Отецъ былъ къ ней добръ и внимателенъ, какъ обыкновенно, и даже не упомянулъ

ней о Шаѣ; но она знала, что рѣшеніе его неизмѣнно, и минутами бывала близка къ самоубійству. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ всѣхъ ея сладкихъ мечтаній о катаніи по Центральному парку въ докторской кареткѣ и въ обществѣ самого доктора, возможно ли ей было стать женою этого неотесаннаго мужлана, который не умѣлъ ни подать руки, ни поклониться и не могъ сказать ни слова безъ какого-нибудь безобразнаго тѣлодвиженія или наматыванія на пальцы своихъ возмутительныхъ пейсовъ? Охъ, что сказали бы ея подруги! Она дразнила ихъ неправильностью англійской рѣчи ихъ, сравнительно благовоспитанныхъ, жениховъ, а теперь сама была просватана за этого жалкаго святошу!

Однако, образъ Шаи какъ-то не совпадалъ въ ея умѣ съ представленіемъ о «неотесанномъ мужланѣ» или «святошѣ». При видѣ его, она каждый разъ хмурилась; но когда случайно, за ужиномъ, ихъ взоры встрѣчались, то оба не могли удержаться, чтобы не улыбнуться другъ другу, точно дѣти въ церкви.

— Милая Флора, мнѣ нужно сказать тебѣ кое-что, — сказалъ Азраилъ, стуча въ запертую дверь ея убѣжища.

— Оставь меня въ покоѣ, папа. У меня болитъ голова.

— Превосходно, но отопри дверь. Я не съѣмъ тебя.

Она горячо желала, чтобы отецъ самъ началъ тяжелое объясненіе, надѣясь такимъ образомъ сразу кончить. Имѣя это въ виду, она стиснула зубы и повернула ключъ. Но Азраилъ вошелъ съ видомъ настолько невоинственнымъ, кроткимъ, умоляющимъ, столь непохожимъ на свой обычный, что, захваченная, такъ сказать, врасплохъ, она была совсѣмъ обезоружена.

— Прошу тебя, дочь моя, не сокращай дней моихъ и сойди внизъ, — проговорилъ онъ съ искреннимъ чувствомъ. — Мнѣ ужъ такъ недолго жить, и Всевышній послалъ мнѣ утѣшеніе, чтобы я умеръ добрымъ евреемъ; неужели ты отнимешь его у меня? Неужели посрамишь меня передъ Богомъ и людьми?

Слова и пафосъ, съ которымъ они были произнесены, до такой степени противорѣчили привычному представленію Флоры объ отцѣ, что ей показалось, будто онъ, дѣйствительно, молитъ о жизни своей. Она была глубоко тронута и поражена, и прежде нежели опомнилась, о[illegible]тилась уже внизу, въ маленькой столовой, полной народа.

— Съ субботой тебя, Флора, съ субботой!—привѣтствовало ее [illegible]тенное собраніе.

— Съ субботою и васъ! — отвѣтила она, граціозно кланяясь и в[illegible]ыхнувъ.

— Да будетъ угоденъ тебѣ гость твой,—продолжалъ одинъ изъ

старцевъ,—и если такова воля Божія, пусть доживемъ мы до твоей веселой свадьбы.

Лицо Флоры стало еще краснѣе.

Нѣкоторые изъ талмудистовъ собирались подшутить надъ молодой парочкой; но внушительная фигура, полная достоинства осанка и даже одежда американской дѣвушки остановили всякія поползновенія этого рода, такъ что ученые старые господа стали искать другого исхода своему веселому настроенію.

— Скажи-ка намъ что-нибудь отъ Писанія, Шая!—произнесъ ребъ Менделе, талмудически помавая обѣими руками.

— Да, да!—поддержали остальные.—Твой нареченный тесть угощаетъ насъ пищею земною, а тебѣ подобаетъ ублажить души наши словами Писанія.

Шая, покраснѣвши не менѣе Флоры, пробормоталъ, глядя на скатерть:

— Не слѣдуетъ бесѣдовать во время трапезы.

— Изреченія изъ Писанія не суть бесѣда, — возразилъ ребъ Менделе.

— Въ примѣчаніяхъ сказано: «Не слѣдуетъ даже произносить изреченій о молчаніи во время трапезы»,—неохотно отвѣтилъ Шая, не поднимая глазъ.—А вѣдь изреченіе это взято изъ Писанія, такъ. Слѣдовательно, запрещеніе простирается и на слова Писанія.

Кромѣ того, что онъ конфузился, чудо-отрокъ еще совсѣмъ не желалъ начинать богословскихъ преній въ присутствіи модной свѣтской дѣвицы.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же ты привелъ его?—продолжалъ нападать ребъ Менделе.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ сослался еще на два текста, и Шая, все не отрывая глазъ отъ скатерти и воздерживаясь отъ всякой жестикуляціи, не вытерпѣлъ, чтобы не доказать непримѣнимость обоихъ. Ударъ былъ жестокъ, но рыжебородый старикъ искусно вышелъ изъ неловкаго положенія, принявъ улыбающійся видъ и притворившись, будто все это была уловка, чтобы заставить «чудо» показать весь блескъ своего ума и эрудиціи. Храня на устахъ, на всякій случай, ту же улыбку, ребъ Менделе отважился на вторичное нападеніе. Кое-кто изъ прочихъ талмудистовъ принялъ участіе. Бой разгорѣлся, хотя Шая, сражаясь въ одиночку съ полудюжиною старшихъ, оставался спокойнымъ и не поднималъ со скатерти ни руки ни взора. Разъ уже очутившись въ пылу борьбы, онъ не хотѣлъ быть побѣжденнымъ въ присутствіи Флоры.

Она, съ своей стороны, не могла подавить въ себѣ возрас

интереса къ спору и кончила тѣмъ, что сѣла на стулъ, который пять минутъ назадъ нѣжно подставила ей Тамара. Безъ сомнѣнія, изъ всего, что говорилось, она не понимала ни единаго слова. Для нея это препирательство являлось такимъ же зрѣлищемъ, какъ схватка двухъ боксеровъ, и совмѣщала въ себѣ всѣ волнующіе элементы кулачнаго боя, исключая только насилія (которое одно удерживало Флору отъ посѣщенія кулачныхъ состязаній); хотя руки и пальцы почтенныхъ участниковъ были, пожалуй, еще дѣятельнѣе, нежели кулаки атлетовъ при боксѣ. По мѣрѣ того, какъ ожесточались споривше, она начинала подмѣчать въ себѣ явное пристрастіе къ молодому человѣку.

— Это вовсе не благородно!—думала она про себя.—Шесть стариковъ на одного мальчугана! Ну, признаюсь!

Азраилъ и Тамара, оба понимая не болѣе Флоры, такъ предались восхищенію молодымъ витяземъ, что даже не замѣтили явнаго интереса дѣвушки къ происходившему и упустили поздравить другъ друга по этому поводу. Хозяинъ смотрѣлъ на спорившихъ съ выраженіемъ смиреннаго почтенія, точно передъ нимъ сидѣлъ сонмъ царей; экономка смотрѣла и сіяла, при каждомъ смѣломъ нападеніи котораго-нибудь изъ патріарховъ кивая головой съ такимъ видомъ, будто понимаетъ все и оцѣниваетъ силу каждаго удара.

Подстрекаемый присутствіемъ Флоры не менѣе, чѣмъ вызовами противниковъ, Шая постепенно разгорячился до такой степени, что, выслушавъ съ терпѣніемъ длинное и мудрое разсужденіе толстаго «сына закона», вдругъ самъ перешелъ въ наступленіе и накинулся на противника.

— Вы такимъ образомъ толкуете этотъ текстъ?—вскрикнулъ онъ, коварно хихикая.

Затѣмъ, наклонивъ свою кудрявую голову къ самому лицу оппонента и дико жестикулируя, онъ вылилъ на него цѣлый водопадъ самыхъ запутанныхъ силлогизмовъ и цитатъ.

Передъ зрителями очутился совершенно новый Шая. Голубые глаза его метали искры, все лицо пылало, а пѣвучая рѣчь поражала воинственной звучностью.

— Но мнѣ кажется, что у равви Іоханона сказано совсѣмъ не то, -возразилъ величавый талмудистъ.—Боюсь, что вы переиначили слова его.

то была та соломинка, за которую хватается утопающій. Оно ста очевидно даже для Флоры, понявшей сдѣланное на жаргонѣ во: женіе; сердце ея забилось отъ злорадства.

Въ самомъ дѣлѣ? вы такъ думаете?—съ мальчишескимъ за-

дорогъ спросилъ Шая.—Прекрасно. Мы посмотримъ!—Съ этими словами онъ стрѣлою вылетѣлъ вонъ изъ комнаты и побѣжалъ наверхъ.

— Этотъ мальчикъ—геній,—скромно замѣтилъ толстый старикъ.—Что за голова! Что за память! Что за острый умъ!

— Да и что за ученость!—подтвердилъ раввинъ.—Можно только удивляться, когда онъ успѣлъ столько выучить?

— Ему стоитъ только заглянуть въ книжку, чтобы знать ее наизусть,—ввернулъ Азраилъ.—Онъ утеръ носъ всѣмъ раввинамъ въ Правлѣ и въ округѣ.

Это мужицкое замѣчаніе показалось нѣкоторымъ изъ слушателей смѣшнымъ, но не засмѣялся никто.

— Вы добыли себѣ сокровище, м-ръ Струнъ,—сказалъ ребъ Менделе.

— Еще бы,—отвѣтилъ хозяинъ, блаженно ухмыляясь и принимаясь гладить дочь по головѣ.

— Вы знаете, что сказано въ Талмудѣ, м-ръ Струнъ?—продолжалъ раввинъ.—Что тотъ, кто кормитъ и поитъ изучающаго Писаніе, равенъ человѣку, приносящему жертву Богу.

— Знаю, — восторженно отвѣтилъ Азраилъ. Въ правленской синагогѣ то же изреченіе было примѣнено проповѣдникомъ къ ребъ Липпе.

Въ эту минуту вернулся Шая съ цѣлымъ ворохомъ толстыхъ книгъ. Его цитата оказалась вѣрною и, не встрѣчая дальнѣйшихъ возраженій, но увлеченный предметомъ спора, онъ отважился произнести экспромптомъ цѣлую рѣчь. Теперь лицо его сіяло восторженною дѣтскою радостью, а голосъ звучалъ, какъ нѣжная и страстная мелодія. Старикъ смотрѣлъ на него съ отеческимъ восхищеніемъ.

Когда онъ кончилъ и откинулся на спинку стула, то послалъ торжествующую улыбку Флорѣ. Краска залила ея щеки, и она опустила глаза. Въ ту же минуту Азраилъ накинулся на молодого героя.

— Ахъ, ты, милый маленькій воробушекъ!—воскликнулъ онъ, поднимая Шаю на рукахъ, точно ребенка, и горячо его цѣлуя.

Тамара утерла передникомъ глаза. Флора собралась было убраться по добру по здорову, но тутъ же увидѣла, что находится въ большой опасности, потому что отецъ какъ бы забылъ объ ея присутствіи и, спустивши «чудо» на полъ, первымъ долгомъ пригласилъ гостей наверхъ, чтобы показать имъ вновь привезенныя книги.

Когда патріархи гуськомъ потянулись изъ столовой, Шая, проходя мимо Флоры, весело шепнулъ ей:

— Хорошо я имъ задалъ?

— Ну, признайся же,—сказала Тамара, когда обѣ [illegible]

остались однѣ:—развѣ не должна ты благодарить Бога за такое сокровище-жениха?

— Онъ вовсе мнѣ не женихъ,—выпалила Флора,—и никогда имъ не будетъ. Мнѣ все равно, сколько бы ни продержалъ его папа въ домѣ.

VIII.

— Ахъ, папа! — рыдала Флора. — Неужели этому не будетъ конца? Ты знаешь, я вѣдь никогда за него не выйду.

— Развѣ я тебя заставляю?—возражалъ онъ.—Какое тебѣ дѣло, что онъ въ домѣ? Вѣдь онъ не поѣдаетъ твоего обѣда? Вообрази, что онъ тебѣ братъ, и будь безъ заботы. Я такъ полюбилъ этого мальчика, точно родного сына. Не ты ли будешь читать «койдышъ» по моей душѣ? Не ты ли будешь поминать меня въ годовщину моей смерти? Богъ думаетъ, что я недостоинъ имѣть сына, но послалъ мнѣ это святое дитя въ утѣшеніе. Когда я слушаю, какъ онъ читаетъ священныя книги,—продолжалъ онъ съ возрастающимъ чувствомъ,—то сердце у меня такъ и таетъ. Всевышнему было угодно создать твоего папу неучемъ. Ну, я полагаю, что Онъ свое дѣло знаетъ, и не намѣренъ совать носъ, куда меня не спрашиваютъ, да умничать: почему и зачѣмъ; но, кажется, что Онъ всетаки надо мною умилосердился и на старости лѣтъ послалъ мнѣ ангела, чтобы я могъ заслужить награду, заботясь о немъ. Слышала ты, что сказали мудрые люди? Что кормить человѣка, который ничего не дѣлаетъ, какъ только читаетъ священныя книги,—все равно, что приносить жертвы! Да, дочь моя, Богъ далъ мнѣ этого юношу; Онъ послалъ меня за нимъ въ Правлю, все затѣмъ, чтобы загладить грѣхи мои. Что-жъ, по твоему, мнѣ его выгнать? Не будетъ этого, хотя бы Нью-Йоркъ перевернулся вверхъ ногами.

— Но, папа...

— Молчи! Дай мнѣ высказаться. И не проси, чтобы я его отправилъ прочь. Онъ для меня даръ Божій. Онъ такъ же святъ, какъ свитокъ закона. Ты мнѣ—дочь, а онъ мнѣ—сынъ. Развѣ я гоню те[illegible] подъ брачный балдахинъ кнутомъ? Если Господу не угоденъ бр[illegible]къ этотъ, то онъ не состоится; вотъ и все.

Этотъ разговоръ происходилъ недѣли черезъ двѣ послѣ препира[illegible]льства съ талмудистами. Азраилъ питалъ надежду, что когда П[illegible]я подучится по-англійски и усвоитъ манеры Флоринаго кружка, т[illegible]онравится дѣвушкѣ. Онъ не представлялъ себѣ, чтобы можно б[illegible] остаться безчувственной къ прелестямъ молодого человѣка, ко-

тораго искренно считалъ самымъ красивымъ изо всей еврейской колоніи. Онъ пригласилъ къ нему учителя, а остальное предоставилъ времени и Богу.

— Вы его подучите только по-англійски, да немножечко счету, вотъ и все,—внушалъ онъ учителю.—Только смотрите не читайте ему слишкомъ много этихъ вашихъ языческихъ книгъ. Ему не нужно всякихъ обезьяньихъ хитростей, какимъ учатъ ребятъ въ гимназіяхъ. Понимаете?

Флора постепенно привыкала къ присутствію Шаи въ домѣ, какъ будто онъ и дѣйствительно былъ вновь узнаннымъ ею братомъ, получившимъ гдѣ-то странное и непонятное ей воспитаніе; лишь при случаѣ и черезъ все болѣе долгіе промежутки времени она видѣла свое положеніе въ безотрадномъ свѣтѣ и принималась умолять отца, чтобы тотъ изиѣнилъ его.

Молодые люди нерѣдко оставались вдвоемъ. Дверь въ будуаръ Флоры изъ большой гостиной, превратившейся теперь въ кабинетъ Шаи, была по большей части отворена. Они часто переговаривались, и она подсмѣивалась надъ его манерами, а разъ или два даже прослушала его англійскіе уроки, смѣясь надъ его ошибками въ произношеніи и поправляя его внушительнымъ тономъ ея бывшихъ учительницъ.

— Зачѣмъ ты такъ вертишь пальцами?—разъ сказала она съ огорченіемъ.—Неужели не можешь читать безъ этого?

— Я привыкъ за Талмудомъ, хи-хи-хи!—пробормоталъ онъ со смѣхомъ, принимая это замѣчаніе, какъ комплиментъ.

Игрою на роялѣ она не мѣшала ему заниматься, потому что въ синагогахъ, гдѣ онъ выросъ, ему приходилось читать среди гула множества голосовъ; но онъ любилъ этотъ инструментъ и часто отрывался отъ книгъ, прислушиваясь изъ-за двери къ энергичнымъ аккордамъ Флоры. Когда мелодія бывала грустною, то при первыхъ звукахъ онъ вздрагивалъ отъ наслажденія; зато потомъ, чѣмъ дальше онъ слушалъ, тѣмъ сильнѣе сжималось его сердце отъ острой тоски по родинѣ, и, въ то же время, въ немъ пробуждалось желаніе еще большей близости, родственности между собою и музыкантшей. Иногда онъ входилъ къ ней въ комнату и преспокойно стоялъ позади нея, пока она играла.

— Ахъ, какъ хорошо!—сказалъ онъ разъ, чувствуя себя точно въ земномъ раю.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—воскликнула она съ притворнымъ удивленіемъ, оборачиваясь къ нему.—Музыка вовсе не для

«святого дитяти», какъ ты!—Она съ насмѣшкой повторила любимое выраженіе отца.

— Не говори такъ!—отвѣтилъ онъ съ укоромъ.—Ты всегда любишь дразнить меня. Отчего я тебя не дразню?

Въ общемъ, Шая относился къ своему положенію вполнѣ безпечно. Онъ изучалъ свой Талмудъ и англійскія книжки, позволялъ Тамарѣ пичкать себя всевозможными лакомствами и гулялъ по улицамъ и публичнымъ зданіямъ. Менѣе, чѣмъ въ полгода, онъ сталъ знать городъ и окрестности много лучше, нежели Флора, и понимать значеніе нѣсколькихъ тысячъ печатныхъ англійскихъ словъ, не умѣя, однако, ни самъ употреблять ихъ, ни узнавать ихъ въ чужой рѣчи. Флору поражали его быстрые успѣхи, а та легкость, съ какой онъ одолѣвалъ ариѳметику и англійскую грамматику, въ которыхъ она была не особенно сильна въ школѣ, даже оскорбляла ея самолюбіе. Выходило, какъ будто «святоша» побѣждаетъ ее на ея же почвѣ.

Изученіе новыхъ предметовъ, до такой степени чуждыхъ обычной сферѣ его занятій, казалось ему новооткрытымъ умственнымъ наслажденіемъ. Онъ выучилъ наизусть по-англійски значительную часть еврейскаго молитвенника и Ветхаго Завѣта, а наибольшее его удовольствіе, когда Азраила не бывало дома, состояло въ разрѣшеніи ариѳметическихъ задачъ. Но эти задачи казались ему дѣтскою игрою, онъ стремился къ болѣе существенной умственной пищѣ изъ той же области языческой науки. Онъ зналъ изъ Талмуда, что эта дальнѣйшая ступень достигается посредствомъ «Измѣрительной Премудрости», которую научился отъ своего наставника называть геометріей.

— Принесите мнѣ, пожалуйста, геометрію,—шепнулъ онъ своему просвѣтителю.

— Хорошо, но ничего не говорите м-ру Струну.

Запрещенный плодъ былъ доставленъ, и «чудо» божественной премудрости жадно накинулось на него.

— Какъ тонко!—въ порывѣ восторга говорилъ юноша своему учителю.—Разумѣется, не столь глубокомысленно, какъ Талмудъ; но мнѣ и во снѣ не снилось, чтобы у «гоевъ» въ книгахъ могли быть такія хитрыя вещи. Да приключится со мною болѣзнь, если я могъ это подозрѣвать!

— Это еще только начало!—восторженнымъ шепотомъ возразилъ тотъ.—Погодите, пока побольше узнаете. А есть еще книги гораздо интереснѣе!

Послушайте, молодой человѣкъ!—сказалъ Азраилъ учителю

около недѣли спустя.—Не утруждайте больше праведныхъ ногъ вашихъ, чтобы ходить сюда. Вы черезчуръ далеко заходите съ парнемъ!

Теперь Шая безо всякаго труда разбирался въ теоремахъ и задачахъ одинъ. Но онъ скучалъ по своемъ другѣ и наставникѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ дней не могъ наслаждаться ни Талмудомъ, ни своею контрабандною геометріей. Онъ сталъ непосѣдливъ. Душа его томилась тоскою.

— Отгадай, гдѣ я былъ,—таинственно сказалъ онъ Флорѣ, однажды вернувшись домой подъ вечеръ. Онъ говорилъ на жаргонѣ; она же отвѣчала по-англійски, перемѣшивая свою рѣчь фразами на жаргонѣ.

— Развѣ не занимался въ синагогѣ?—освѣдомилась она.

— Нѣтъ, въ библіотекѣ Асторовъ...—сказалъ онъ шепотомъ.—Ахъ, сколько тамъ книгъ, Флора! И наверху, и внизу, большія комнаты точно въ богатой синагогѣ, всѣ въ полкахъ, и всѣ полны книгъ! Была ты когда-нибудь тамъ, Флора?

— Нѣтъ...—неохотно призналась она. Было ясно, что «святоша» забирался дальше, чѣмъ она, въ такомъ мірѣ, который она считала вполнѣ своимъ; эта мысль была ей и ненавистна, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мила.

— Что-жъ ты тамъ дѣлалъ?

— Я только смотрѣлъ на книги,—охъ, какое ихъ множество! И потомъ я узналъ, какъ тамъ достать геометрію,—у нихъ есть все на свѣтѣ, говорю тебѣ,—и сдѣлалъ нѣсколько задачъ. Не говори отцу, что я тамъ былъ.

— Конечно, не скажу,—отвѣтила она конфиденціальнымъ тономъ.—А дамъ туда пускаютъ?

— Разумѣется, только для нихъ отведена особая зала. Не пойдешь ли туда со мной?

— Когда-нибудь схожу,—отвѣтила она уклончиво.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, тамъ такъ хорошо сидѣть и читать! Только надо сидѣть смирно. Я объ этомъ забылъ и на одномъ мудреномъ мѣстѣ началъ разсуждать вслухъ; тогда ко мнѣ подошелъ важный старый баринъ и тронулъ меня за плечо. Охъ, какъ я испугался, Флора! Только онъ ничего мнѣ не сдѣлалъ, пусть я захвораю, если вру! Онъ только сказалъ мнѣ, чтобъ я замолчалъ.

Флора такъ и фыркнула отъ хохота.

— Пари держу, что ты распѣвалъ такъ же смѣшно, какъ когда читаешь Талмудъ!

— Да,—согласился онъ превесело.

— И вертѣлъ руками, и вытряхивалъ изъ себя всю душу,— продолжала она, передразнивая его тѣлодвиженія.

— Нѣтъ, этого не было, сейчасъ умереть, не было,—возразилъ онъ съ горячностью и оттѣнкомъ досады.—Ахъ, какъ тамъ славно! Я совсѣмъ и не зналъ, что у невѣрныхъ есть столько книгъ. Интересно, о чемъ это въ нихъ написано? Только очень скверно, что не умѣю говорить по-англійски.—Онъ помолчалъ съ видомъ отчаянія. —Когда я спросилъ у нихъ книгу и какъ достать ее, то они ничего не поняли.

— Я все понимаю, что ты говоришь по-англійски. Ты говоришь совершенно правильно,—попыталась она его утѣшить. Дѣтская печаль въ его улыбкѣ и ясныхъ голубыхъ глазахъ тронула ея сердце.

— Ты-то понимаешь, а другіе нѣтъ. Я бы такъ хотѣлъ говорить, какъ ты, Флора! Прочитай со мной страничку-другую, хочешь? Я принесу учебникъ, хорошо?

— Что за спѣхъ такой? Нельзя ли потомъ?

Но онъ не могъ ждать. Имъ овладѣло лихорадочное нетерпѣніе вобрать въ себя весь языкъ невѣрныхъ,—всѣ опредѣленія, правила, произношеніе, все,—сразу, однимъ отчаяннымъ усиліемъ. Незнаніе языка представлялось ему теперь единственнымъ препятствіемъ, преграждавшимъ ему доступъ въ волшебный новый міръ, который передъ нимъ открылся.

— Ахъ, прослушай меня, да продлятся дни твои, Флора! Меня тянетъ къ книгѣ, точно нечистая сила. Ты согласна?

— Хорошо,—уступила она, добродушно подсмѣиваясь надъ пламенностью его просьбъ и чувствуя себя польщенной.

Въ чтеніи прошло не болѣе четверти часа, какъ онъ уже сдѣлался разсѣяннымъ.

— Навѣрно, опять пропустилъ строчку!—замѣтила она неловкимъ шепотомъ.

— Ахъ, да!

Они сидѣли на почтительномъ другъ отъ друга разстояніи, имѣя между собою уголъ мраморнаго стола. Ея полный, красиво очерченный бюстъ отражался въ простѣночномъ зеркалѣ напротивъ. Она сидѣла прямо и солидно; на ней былъ синій шелковый лифъ съ красной отдѣлкой, а изъ массы черныхъ, какъ уголь, волосъ, выглядывала красная ленточка. Она наклонилась впередъ, чтобы взглянуть на неправильно прочитанное слово. Головы ихъ почти столкнулись, ея щека, цвѣта слоновой кости, чуть не коснулась его щеки.

— Гдѣ это?—спросила она вполголоса.

Онъ не отвѣтилъ. Его взоръ былъ прикованъ къ ея чернымъ

рѣсницамъ. Красненькая полоска, алѣвшая подъ ея подбородкомъ туманила ему мозгъ. Немного помолчавши, онъ робко погладилъ е вспыхнувшую щеку и сказалъ:

— Какая нѣженькая!

Она хотѣла было отодвинуть лицо, но чувствовала оцѣпенѣніе Онъ продолжалъ ее гладить, пока, не встрѣчая сопротивленія, не кос нулся щеки губами въ робкомъ поцѣлуѣ. Оба опустили глаза. Он молчали, но сердца ихъ—каждое, предчувствуя біеніе сосѣдняго,— колотились безумно.

— Скверный мальчикъ!—наконецъ прошептала она, не под мая головы.

Встрѣтившись глазами послѣ вторичной паузы, они вполго и нервно захихикали.

— Не смѣй такъ дѣлать въ другой разъ!—сказала она.—Не этомъ ли состоитъ твое благочестіе?

— Не говори такъ, Флора,—пожалуйста не говори! Ты знае меня огорчаютъ такія рѣчи,—сказалъ онъ съ мольбою. И тронут смущеніемъ, лаской и печалью въ выраженіи ея лица, онъ схват ея руку и принялся цѣловать сначала ея пальцы, а потомъ гл точно упрашивая открыть ему значеніе ихъ мрачныхъ взоровъ. Гу ихъ встрѣтились и слились въ порывѣ страсти. Послѣ этого по луя Шая почувствовалъ себя на десять лѣтъ старше и, когда взглядъ упалъ на книжный шкапъ, онъ спросилъ себя съ недоу ніемъ: зачѣмъ здѣсь эти сверкающіе, массивные фоліанты.

— Ты вѣдь скажешь твоему отцу, что согласна быть моей вѣстой?—спросилъ онъ черезъ нѣкоторое время.

Его голосъ и лицо показались ей совсѣмъ другими.

— Почемъ ты это знаешь?—спросила она, скрывая подъ ливымъ противорѣчіемъ овладѣвшее ею восхищеніе, которое дал было понято этимъ несвѣтскимъ молодымъ человѣкомъ.

— Какъ, развѣ ты не хочешь?—спросилъ онъ тономъ прос

Вдругъ глаза Флоры засверкали внезапнымъ вдохновеніе она сказала:

— Постой! Какъ бы тебѣ понравилось быть докторомъ, Ш

— Но твой отецъ меня выгонитъ, если я начну для учиться.

Она задумалась.

— Ну, а представь себѣ, если онъ ничего?—спросила чемъ лицо ея вдругъ вновь покрылось краской.

— Ахъ, тогда я до смерти радъ былъ бы выучить

скія книги, всякія книги, какія бы ты только захотѣла, Флора. Только ребъ Азраилъ не позволитъ.

— Слушай! Ты умѣешь соблюдать секретъ?—спросила она, точно маленькая школьница, сговариваясь съ подругами.

— Насчетъ того, что ты стала моей невѣстой?

— Нѣтъ,—съ нетерпѣніемъ возразила она.—Я совсѣмъ про другое: про твое ученіе. Папа и не пронюхаетъ, пока не будетъ слишкомъ поздно, понимаешь? Если будешь уменъ, то мы это устроимъ.

— Превосходно. Я ужасно хорошо умѣю хранить тайны,—похвастался онъ.

— Ну, я хочу, чтобы ты сталъ докторомъ, Шанька,—продолжала она съ материнской нѣжностью.—Если это исполнится, то я буду тебя любить, и ты будешь моимъ голубчикомъ, и все такое; если нѣтъ—тогда не буду. Ахъ, развѣ не прелестно, чтобы всѣ знали, что ты ходишь въ университетъ и учишься вмѣстѣ съ хорошими, благовоспитанными людьми изъ «Верхняго города?» Мы стали бы вмѣстѣ ходить въ театры и читать разныя книги. Ты будешь чудо какимъ студентомъ, право! Весело будетъ носить высокую шляпу, очки и ѣздить въ каретѣ съ негромъ-кучеромъ? Весело, скверный мальчишка, да? Здравствуйте, докторъ Голубъ! Какъ поживаете?

Она подставила губы, и они начали цѣловаться.

— Знаешь что, Шая? Когда придетъ папа, то я куда-нибудь уйду, и ты можешь сказать ему... самъ знаешь что. Тогда намъ будетъ еще легче надувать его. Ты скажешь?

— Мнѣ стыдно.

— Ну, и я не скажу.

— Ужъ не сердись, скажу. Я всегда буду дѣлать все, что ты мнѣ велишь, Флора,—проговорилъ онъ, заглядывая въ ея черные блестящіе глаза,—всегда, всегда! —И въ пылу своего восторга опять на минуту почувствовавъ себя ребенкомъ, онъ мастерски закричалъ пѣтухомъ, причемъ подпрыгнулъ и захлопалъ руками вмѣсто крыльевъ.

Когда Азраилъ и Шая остались въ гостиной вдвоемъ, то молодой человѣкъ сказалъ, принимаясь крутить свой указательный палецъ:

- Флора велѣла вамъ сказать, что она довольна.

Довольна, чѣмъ?—спросилъ старикъ, вскочивши на ноги.

- Быть моей невѣстой.

- Неужели? Она это сказала? Когда? Тамара!—крикнулъ онъ, сбѣгая внизъ по лѣстницѣ и таща за собою «чудо».—Тамара, да

продлятся дни твои! Всевышній, наконецъ, умилосердился надо мно Флорочка согласилась! Да будетъ благословенъ Всевышній!

— Да будетъ благословенъ Всевышній!—откликнулась Тамара, причемъ ея пріятное черномазое лицо просіяло отъ искренняго во сторга. — По Его волѣ распадаются и желѣзныя стѣны. Чудесна выйдетъ парочка, это всякому видно! Пусть проживутъ вмѣстѣ ст двадцать лѣтъ... Много счастья!

— Много счастья и тебѣ, и всѣмъ намъ,—отвѣтилъ Азраилъ.— А гдѣ же Флора? Принеси-ка выпить, Тамара!

Онъ подошелъ къ «кружкѣ чудотворца» и пожертвовалъ сер бряную монету на помощь богомольцамъ въ Палестинѣ, сказав при этомъ:

— Благодарю и восхваляю Тебя, владыко вселенной, за Тв милость ко мнѣ. Дай дѣтямъ жить долгіе годы и храни въ Шаѣ л любовь къ Твоему святому закону. Ты знаешь, что Самъ устро эту свадьбу и поэтому ужъ долженъ позаботиться обо всемъ. Я только Твой рабъ и больше ничего.

IX.

— Что, Шая дома?—освѣдомился старый Азраилъ, входя комнату Флоры однимъ лѣтнимъ утромъ. Прошло уже четыре мѣс послѣ обрученія его дочери съ талмудистомъ, которое было озна новано торжественной церемоніей и роскошнымъ пиромъ, тогда к самая свадьба назначена была гораздо позднѣе. Окончательное ув чаніе своихъ желаній Струнъ откладывалъ «на послѣ», точно тылку рѣдкаго вина. Онъ боялся, какъ бы радости сего міра, ст быстро слѣдуя другъ за другомъ, не отняли у него доли загроб блаженства. Дастъ ли Всевышній дожить ему до той минуты, к его дочь и «святой отрокъ» станутъ рядомъ подъ брачный балдахи Теперь Азраилъ уповалъ, что дастъ.

— Шаинька дома?

— Разумѣется, дома... папа,—отвѣтила Флора, отрывая г отъ книги.—Слово «папа» она прибавила громче и какъ будто то вспомнивъ.

Дверь гостиной была полупритворена. Азраилъ остановился у рога и прислушался къ пѣвучему чтенію молодого человѣка. Вс лицо старика засіяло блаженствомъ.

— Мой вѣнецъ, мой Мессія, мой «Койдышъ!» Моя доля въ дущей жизни!—бормоталъ онъ.

— Ты ужъ позавтракалъ, папа?—спросила Флора еще нежели прежде.

Въ эту минуту распѣваніе Шаи раздалось съ новою силою и стали отчетливо слышны еврейскія слова. Азраилъ съ ожесточеніемъ замахалъ на нее рукой. Черезъ нѣкоторое время онъ замѣтилъ вполголоса, указывая по направленію гостиной:

— Вотъ мой завтракъ. Это—для души, дитя мое; оно недоступно червямъ могильнымъ и пойдетъ со мною на тотъ свѣтъ. А все остальное—чепуха!

Онъ собрался уходить, но не могъ еще разъ не остановиться въ восхищеніи, а потомъ, потихоньку отворивши дверь, онъ проникъ въ святилище на цыпочкахъ, чтобы насладиться не только слухомъ, но и зрѣніемъ. Онъ засталъ Шаю въ восторженномъ качаніи и распѣваніи надъ томомъ Талмуда.

Флора съ лукавымъ удовольствіемъ наблюдала за отцомъ.

— Боюсь, что мнѣ не слѣдуетъ такъ таращить на него глаза,—мысленно остановилъ себя Азраилъ:—я вѣдь могу его сглазить!—Вернувшись во вторую гостиную, онъ тихонько сказалъ:—Флорочка, я боюсь, какъ бы твое общество не мѣшало ему иногда. Хорошенькая невѣста можетъ, знаешь, всякому перевернуть мозги и отвлечь отъ закона. Лучше бы ему больше заниматься въ синагогахъ.

Дѣвушка покраснѣла до корней своихъ черныхъ волосъ и опустила глаза. Но едва дошелъ ея отецъ до своей комнаты, на верхнемъ этажѣ, какъ она со звонкимъ смѣхомъ вбѣжала въ первую гостиную.

— Можешь теперь продолжать, милочка, — сказала она, одною рукою обнимая Шаю за шею, а другою вытаскивая изъ-подъ толстаго еврейскаго тома англійскую книжку по философіи естествознанія.

— Ты слышалъ, какъ я закричала?

— Еще бы,—отвѣтилъ Шая, сіяя.—Онъ перебилъ меня на самой серединѣ очень интереснаго объясненія.

— Правда? О чемъ же это было? Все про звуки—то же, что прежде?

— Да, только еще помозговитѣе, чѣмъ то, что я тебѣ разсказывалъ.

Онъ началъ объяснять на жаргонѣ то, что читалъ по акустикѣ, она выслушивала его восторженную популяризацію съ покорнымъ любящимъ невниманіемъ.

Молодой человѣкъ сталъ дѣлать видъ, будто проводитъ послѣобѣденные часы, а иногда и утро, въ различныхъ синагогахъ еврейскаго квартала. Опекунъ его поощрялъ это нововведеніе, гордясь юношей и желая, чтобы «женихъ его дочери» распространялъ свои богословскія познанія и въ другихъ общинахъ, кромѣ своей.

— Твоя ученость есть даръ Божій, Шаинька,—говорилъ онъ, и тебѣ нечего стыдиться разносить ее повсюду.—Ребъ Липпе сказалъ, что въ Америкѣ нуженъ человѣкъ, подобный тебѣ, для распространенія здѣсь святого закона. Ступай же и дѣлай это, сынъ мой, а Всевышній помилуетъ всѣхъ насъ ради тебя.

«Чудо» и будущій тесть его были предметомъ разговоровъ въ правовѣрной еврейской колоніи, и Азраилу бывало всего пріятнѣе выслушивать похвалы «жениху своей дочери» изъ устъ талмудистовъ. Однако, настало время, когда эти хвалебные гимны прекратились, по крайней мѣрѣ въ синагогѣ его общины. Азраилъ остро почувствовать это и началъ надоѣдать ученымъ членамъ своей общины безконечными рѣчами о Шаѣ, съ цѣлью добиться отъ нихъ какого-нибудь одобренія его изумительнымъ талантамъ. Но желаніе его исполнялось, по большей части, какъ-то неохотно, и бѣдный Азраилъ оставался еще болѣе неудовлетвореннымъ, чѣмъ до тѣхъ поръ. Особенно томилось его сердце по жаркимъ похваламъ реба Цалела, бѣднаго, болѣзненнаго, стараго разносчика, который считался однимъ изъ самыхъ набожныхъ и ученыхъ людей въ околоткѣ. Азраилъ любилъ его за полную искренность и чуждое всякихъ компромиссовъ соблюденіе собственнаго достоинства. Онъ часто приглашалъ его къ себѣ въ домъ, но оборванный и полуголодный разносчикъ неизмѣнно отклонялъ приглашеніе.

— Что мнѣ тамъ дѣлать, ребъ Азраилъ?—отвѣчалъ онъ съ тою, отчасти скорбною улыбкой, которая освѣщала все его блѣдное старое лицо, какъ только онъ начиналъ говорить.—Посмотрите на свои дорогіе ковры и убранство и припомните, что вы—домовладѣлецъ, а я—бѣдный разносчикъ! Мнѣ лучше съ вами встрѣчаться въ синагогѣ, потому что здѣсь мы равны. Въ книгѣ Іова сказано: «Ибо Онъ не выказываетъ пристрастія старѣйшинамъ и не отличаетъ богатыхъ отъ бѣдныхъ, такъ какъ всѣ люди—твореніе Его». Ребъ Цалелъ перевелъ этотъ текстъ на жаргонъ для назиданія своего слушателя, послѣ чего Азраилъ почувствовалъ себя гораздо болѣе богатымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, но въ то же время ощутилъ нѣкоторое смиреніе, точно будто деньги его были чѣмъ-то постыднымъ.

Необычная молчаливость этого человѣка на тему о достоинствахъ Шаи очень печалила Азраила, и въ умѣ его даже начинали зарождаться какія-то смутныя подозрѣнія.

Разъ, вечеромъ, Азраилъ сидѣлъ вмѣстѣ съ ребомъ Цалелом въ учебной комнатѣ своей синагоги. Была послѣдняя половина ноября, а свадьба Шаи предполагалась во время праздника «Ханукка», черезъ сколько недѣль спустя. Вечернее богослуженіе, совершавшееся

будни въ этихъ комнатахъ, было окончено, и «ученики» могли теперь предаться своимъ богоугоднымъ занятіямъ безъ помѣхи, если исключить возможность непрошеннаго прибытія какихъ-нибудь богомольцевъ. Двѣ просторныя, грязноватыя комнаты, соединенныя распахнутою настежь дверью, были скудно освѣщены свѣчами, разставленными на простыхъ, длинныхъ еловыхъ столахъ, которые были придвинуты къ слинявшимъ стѣнамъ. Открытые книжные шкапы были полны растрепанныхъ, старыхъ книгъ; такія же книги въ гораздо бо́льшемъ количествѣ находились въ употребленіи или лежали безпорядочными кучами на столахъ, скамьяхъ и подоконникахъ.

Въ одной изъ комнатъ, вокругъ длиннаго стола, сидѣли участники ежедневнаго класса «Мишны». Ихъ было около дюжины, все больше бѣдные разносчики или ремесленники,—люди смирные, нуждающіеся, жалкіе, которые, тяжело наработавшись или намерзнувшись за день, приходили сюда «взять святое слово въ уста». Едва ли хоть одинъ изъ нихъ дошелъ до «Гемары» (другая часть Талмуда), и даже съ «Мишною» могли справиться въ одиночку лишь немногіе. Сидя передъ раскрытыми книгами, они слѣдили за своимъ добровольнымъ учителемъ, крупнымъ тяжеловѣснымъ человѣкомъ среднихъ лѣтъ, представлявшимъ собою какую-то массу изъ нечесаной бороды, мускулистаго мяса и лохмотьевъ, оживленную бѣшено-горѣвшими, громадными и умными, черными глазами. Онъ читалъ громко, со свирѣпымъ увлеченіемъ, раскачиваясь, размахивая косматою гривою, когда время отъ времени вскидывалъ голову, чтобы объяснять «Мишну» ученикамъ, и очень часто умолкая на срединѣ фразы или даже слова, чтобы дать учащимся договорить другую половину и тѣмъ доказать свои успѣхи. Нѣкоторые изъ его слушателей въ смиренномъ молчаніи водили по строкамъ своихъ книгъ пальцами, вмѣсто указокъ; наиболѣе понятливые храбро перебивали важнаго наставника, радостно предупреждая его объясненія или указывая на какое-нибудь противорѣчіе; одинъ старый притворщикъ бормоталъ непонятныя полуфразы съ хорошо разыгранным удовольствіемъ; другой, маленькій старичокъ, чувствуя туманъ въ мозгу своемъ, лишь робко кивалъ въ знакъ согласія; а третій воздерживался отъ дремоты надъ святою книгою лишь благодаря частымъ толчкамъ сосѣда. Позади участниковъ въ занятіяхъ стояло нѣсколько завидующихъ «неучей», подобныхъ нашему бѣдному Азраилу, для которыхъ даже «Мишна» являлась роскошью, превышавшей ихъ умственныя средства.

Одинъ изъ длинныхъ столовъ въ сосѣдней комнатѣ былъ покрытъ развернутыми фоліантами ежедневнаго класса «Гемары». Тутъ было человѣкъ пятнадцать, всѣхъ возрастовъ и положеній, отъ неуклю-

жаго торговца яблоками, для котораго священныя книги являются единственнымъ источникомъ удовольствія какъ въ этой жизни, такъ и въ будущей, до сытаго и разодѣтаго молодого мебельщика, для котораго Талмудъ сталъ второю натурою еще въ мрачную пору его жизни, проведенную въ Россіи. Въ этой группѣ было нѣсколько «острыхъ мозговъ» и одинъ или два бывшихъ «чуда», подобныхъ Шаѣ. Этотъ классъ не нуждался въ руководителѣ, но имѣлъ избраннаго изъ своей среды чтеца,—старика съ ребячьимъ лицомъ, обрамленнымъ бѣлоснѣжными волосами, имѣвшаго на худой шеѣ широчайшій некрахмаленный полотняный воротникъ. Онъ тоже не договаривалъ многихъ фразъ, но дѣлалъ это только потому, что считалъ ихъ слишкомъ извѣстными и повтореніе ненужнымъ. Когда онъ имѣлъ что-нибудь прибавить къ тексту, то обращался къ сосѣду, весело прищелкивая пальцами, а иногда чуть не щипля его отъ восторга. Остальные выражали участіе то покручиваніемъ пальцевъ, то быстрымъ повтореніемъ цѣлаго силлогизма, то неописаннымъ рядомъ жестовъ, безмолвно выражавшимъ весь логическій процессъ, заключавшійся въ какомъ-нибудь хитромъ разсужденіи. По временамъ цѣлый классъ уподоблялся сумасшедшимъ своими криками и жестикуляціей. Бывало, что за порывомъ энтузіазма слѣдовала шутка, вслѣдствіе радости по поводу разрѣшенія какого-нибудь затрудненія, и вообще вся эта пестрая компанія похожа была на счастливую семью за субботнимъ столомъ.

Прочіе длинные столы въ обѣихъ комнатахъ были заняты «учеными», каждый изъ которыхъ въ одиночку погруженъ былъ въ доброе дѣло изученія закона «ради самаго изученія». Одни мелодично и тихо распѣвали надъ своими заплесневѣлыми томами; другіе улыбались и бормотали, точно любящая мать надъ колыбелью младенца; третьи стонали, или спорили и разсуждали со своими книгами, или захлопывали ихъ и взвизгивали отъ восторга, а не то испускали ревъ, точно львы въ клѣткахъ. Какой-то патріархъ обучалъ своего десятилѣтняго внука, и оба пронзительно визжали, сопровождая это самою запутанною пантомимой; черноглазый маленькій школьникъ состязался въ одиночку съ томомъ, который былъ больше, нежели онъ самъ; «богатый домовладѣлецъ» въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ съ достоинствомъ покачивался и покручивалъ пейсы, точно повѣряя какую-нибудь тайну своей громадной золотистой бородѣ. Тутъ же были одинъ или два бѣдняка съ глухими голосами, пріѣхавшіе въ Америку искать счастія, а теперь содержимые на счетъ общины, взамѣнъ чего отдавали все свое время «закону и службѣ». Кучка людей занята была споромъ о «словахъ закона» и «словахъ обыденной жизни».

Всѣ эти возгласы и бормотанія сливались въ одинъ гулъ, сопровождаемый хаосомъ тѣлодвиженій, одновременно и смѣшной, и торжественный, имѣвшій въ себѣ нѣчто трагическое и представлявшій собою какую-то смѣсь сѣдой старины съ самою живою современностью.

Азраилу зрѣлище это способно было замѣнить и ѣду, и питье; хотя онъ самъ не могъ принимать въ немъ участія, однако теперь, со времени прибытія «чуда», считалъ себя какъ бы членомъ ученаго собранія. Онъ сидѣлъ въ отдаленномъ углу той комнаты, гдѣ изучали «Гемару», то наблюдая шумныя сцены съ разинутымъ отъ благоговѣнія ртомъ, то оборачиваясь полюбоваться ребомъ Цалеломъ, который помѣщался съ нимъ рядомъ. Мертвенно блѣдное лицо и горящіе глаза разносчика были обращены къ потемнѣвшей страницѣ, раскрытой передъ нимъ, а голосъ его звучалъ меланхоліей, точно ослабленный разстояніемъ призывъ охотничьяго рога.

Вотъ ребъ Цалелъ прервалъ чтеніе, и сосѣди вступили въ разговоръ. Когда Азраилъ расхвастался геніальностью и прекраснымъ характеромъ Шаи, тщетно вызывая пріятеля на подтвержденіе своихъ словъ, то разносчикъ, вдругъ покраснѣвши, перебилъ его:

— Что пользы играть въ «кошку и мышку», м-ръ Струнъ?— вдругъ выговорилъ онъ со своей невеселой улыбкой. — Лучше ужъ выскажу вамъ то, что камнемъ лежитъ у меня на сердцѣ. Вашъ Шая пошелъ дурной дорогой. Онъ—*апикойресъ* *).

— Апикойресъ?—переспросилъ Азраилъ, точно слово это вдругъ получило новое значеніе.

— Да, апикойресъ и Іеровоамъ, сынъ Небата: онъ грѣшитъ и другихъ вводитъ въ прегрѣшенія,—угрюмо отвѣтилъ талмудистъ.— Мнѣ тяжело огорчать васъ, м-ръ Струнъ, но онъ слишкомъ начитался «гойскихъ» книгъ и, когда бываетъ здѣсь безъ васъ, то болтаетъ всякому, къ кому пристанетъ, что земля вертится вокругъ солнца, что и дождь, и громъ, и день, и ночь,—все на свѣтѣ можно объяснить естественнымъ образомъ, что нѣтъ Бога на небѣ, и всякую подобную пакость, какую слышишь отъ каждаго «апикойреса»—да будутъ они низринуты на край свѣта! Все можно объяснить! Вотъ пусть и объясняетъ имъ ангелъ смерти, пусть...

— Стойте, ребъ Цалелъ! — возразилъ Азраилъ. — Нечего вамъ проклинать его: вѣдь не вы его кормите. А что вы говорите, такъ это ложь, такая же громадная ложь, какъ Огъ, царь вассанскій!—закончилъ онъ съ холоднымъ бѣшенствомъ, отдѣляя отъ скамьи свое тяжеловѣсное тѣло.

---

*) Эпикуреецъ—атеистъ.

— Ложь? Въ самомъ дѣлѣ? Ну, такъ хорошо же! Когда такъ, то вы узнаете все. Маленькій Менделе видѣлъ, какъ ваша привозная кукла курила папиросу въ прошлую субботу.

— Шая курилъ въ субботу? — повторилъ Азраилъ. Конкретность, реальность этого грѣха поразила его сильнѣе, нежели все, переданное разносчикомъ о безбожныхъ разсужденіяхъ Шаи.

— Ступай вонъ! — какъ бы говорилъ неучу окружавшій его гамъ.—Съ этой минуты тебѣ тутъ нечего дѣлать!

— Шая курилъ папиросу въ субботу! — повторилъ онъ еще разъ. — Ладно; а я вамъ скажу, что и Менделе, и вы, и вся ваша шайка—просто куча первоклассныхъ враліей и завистливыхъ сплетниковъ. У него животъ болитъ отъ мысли, что онъ не могъ добыть такого жениха для своей дѣвочки, какого добылъ я. Да, я привезъ для моей дочери чудо учености, и этотъ юноша можетъ всѣхъ васъ стереть въ порошокъ, размолоть, какъ кофе. Я привезъ его — слышите? И пусть всѣ мои и его враги лопаются отъ зависти!—Онъ прищелкнулъ языкомъ и пальцами и съ минуту глядѣлъ на собесѣдника уничтожающимъ взоромъ.

— Ну, я не намѣренъ спорить съ неучемъ,—проговорилъ ребъ Цалелъ въ крайней досадѣ.

Его рѣчь была заглушена окружающимъ шумомъ, но слово «неучъ» достигло ушей Азраила и затронуло его за живое.

— Замолчите, ребъ Цалелъ,—сказалъ онъ. блѣднѣя.

— Съ какой стати? Вы не у себя дома. Это домъ Господень. Здѣсь я богаче васъ. Я хотѣлъ только сказать, что мнѣ жалко вовсе не васъ. Вы — неучъ, были имъ и всегда останетесь. Но мальчикъ этотъ былъ на пути къ тому, чтобы стать великимъ мужемъ во Израилѣ, а вы привезли его сюда, въ распроклятую Америку, чтобы сдѣлать изъ него апикойреса. Горе, горе, горе!

— Замолчите, ребъ Цалелъ! Имѣйте жалость,—произнесъ Азраилъ молящимъ, прерывающимся голосомъ. — Не посыпайте солью раны мои. Простите меня: вы знаете, что я неучъ. Пожалѣйте меня и ничего не говорите больше. Но все, что вы сказали... что они сказали... все неправда... Забери меня холера, если вру!—И, задыхаясь, онъ выбѣжалъ вонъ изъ синагоги.

Очутившись на улицѣ, онъ чувствовалъ, что ему нанесенъ ... какой-то ужасный ударъ, но не постигалъ вполнѣ его значенія, и все, только что происшедшее между нимъ и ребомъ Цалеломъ, казалось ему давно прошедшимъ. Крики уличныхъ разносчиковъ и весь окружавшій его шумъ и гамъ доносились до него, будто издали, будто съ ... его берега широкой рѣки, вдоль которой онъ поспѣшно шелъ с...

— Апикойресъ, апикойресъ!—повторялъ онъ про себя, тщетно стараясь вникнуть въ значеніе слова, извѣстнаго ему слишкомъ хорошо. — Апикойресъ, и курить по субботамъ! — Зрѣлище это поразило его даже въ воображеніи.—Чтобы Шая курилъ во святую субботу! Это—вранье!

Онъ направился было къ жилищу Менделя съ намѣреніемъ избить рыжаго сплетника до смерти, однако, вскорѣ остановился и повернулъ домой. У Азраила Струна не хватило духу стать лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который видѣлъ жениха его дочери курящимъ въ день субботній. Затѣмъ Шая представился ему чѣмъ-то поганымъ, нечестивымъ, и хотя это «что-то» не имѣло ничего общаго съ его возлюбленнымъ «чудомъ», кромѣ имени, а самъ молодой человѣкъ сіялъ въ его воображеніи бѣлизною, чистотою и миловидностью, какъ всегда, однако бѣшенство Азраила направилось теперь на собственный домъ его, и онъ ускорилъ шагъ, чтобы придти домой, какъ можно скорѣе.

Собравшись съ мыслями, онъ рѣшилъ подождать, пока замѣтитъ что-либо самъ. Можетъ быть, въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ, что труситъ. Онъ дрожалъ при мысли, что слышанное отъ ученаго разносчика можетъ оказаться справедливымъ, и трепетно просилъ самъ себя отсрочить мучительную необходимость этому повѣрить.

Тѣмъ не менѣе, когда онъ увидѣлъ Шаю за ужиномъ, то негодующій голосъ въ сердцѣ его прошепталъ: «Апикойресъ!» И это мысленно произнесенное слово окружило юношу атмосферой чего-то запретнаго, дьявольскаго.

Теперь онъ ненавидѣлъ Шаю; онъ чувствовалъ, что будто боится его.

— Гдѣ это былъ ты такъ поздно, папа?—освѣдомилась Флора.

— Глубоко подъ землей. Тебѣ очень нужно, гдѣ твой папа, неправда ли?—злобно усмѣхнулся онъ.

— Папа,—сказала она укоризненно,—ты съ ума сошелъ?

Онъ не далъ отвѣта.

— Вы были у вечерней службы?—вмѣшался Шая.—А я занимался сегодня въ сувалкской синагогѣ.

Азраилъ остался несообщительнымъ и мрачнымъ.

Молодые люди, поддерживаемые Тамарою, сдѣлали еще нѣсколько попытокъ втянуть его въ разговоръ, но упорная молчаливость главы семейства привела всѣхъ въ дурное настроеніе, и трапеза прошла въ несчастномъ молчаніи.

— Смотри, не догадывается ли папа о твоихъ дѣлахъ, Шаинька!—сказала Флора, когда они остались вдвоемъ.

— Фу, да развѣ ты въ первый разъ видишь его не въ духѣ? Вѣроятно, поспорилъ съ кѣмъ-либо изъ квартирантовъ или дворниковъ.

— Вѣроятно, — мрачно согласилась она. — Но что, ежели онъ пронюхаетъ? Теперь я просто вся измучусь.

— Тоже и я. Я люблю твоего отца, совершенно какъ родного. Я бы ужъ хотѣлъ, чтобы поскорѣе свадьба. А ты?—спросилъ онъ своимъ ребяческимъ тономъ.

X.

На слѣдующее утро Азраилъ отправился въ сувалкскую синагогу къ утренней службѣ (у него не хватило духу пойти въ свою) и кстати узнать, что здѣсь дѣлалъ Шая наканунѣ.

Къ своему ужасу онъ услышалъ, что «жениха его дочери» здѣсь не видали уже нѣсколько недѣль. Азраилъ подумалъ и рѣшилъ накрыть молодого человѣка.

Теперь онъ не сомнѣвался въ вѣрности словъ реба Цалела, но уже пересталъ огорчаться ими; они имѣли отношеніе не къ Шаѣ, не не къ «жениху его дочери», не къ «чуду», которое онъ привезъ, а къ «апикойресу». Зато Азраилова душа возмущалась при мысли, что онъ сталъ жертвой систематическаго обмана. Шая оказался апикойресомъ и тайнымъ врагомъ, подобнымъ змѣѣ.

— Этотъ молодчикъ вздумалъ надувать Азраила Струна!—Онъ задыхался отъ ненависти и весь дрожалъ отъ желанія поймать Шаю на какомъ-нибудь грубомъ нарушеніи Моисеева закона.

Онъ сталъ ходить по разнымъ синагогамъ, гдѣ предполагалось, что молодой человѣкъ изучаетъ Талмудъ, и остро предвкушалъ то злорадство, какое почувствуетъ, когда убѣдится, что тотъ тамъ не бывалъ. Но каждый разъ, какъ это его пламенное желаніе осуществлялось, онъ вмѣсто торжества испытывалъ подавляющее уныніе.

«Тебя надулъ мальчишка, Азраилка, горе твоей глупой головѣ!—мучилъ онъ самъ себя, испытывая и бѣшенство, и скорбь.— Ахъ, холера его забери! Я покажу ему, каково дурачить Азраила Струна!»

Онъ открылъ, что Шая часто находился въ обществѣ своего бывшаго учителя англійскаго языка и нерѣдко ходилъ въ гости къ послѣднему на занимаемый имъ чердачокъ на Клинтоновой улицѣ; тогда старикъ сталъ съ нетерпѣніемъ ждать ближайшей субботы, чтобы сдѣлать набѣгъ на компанію атеистовъ и застать Шаю курящимъ

или читающимъ во святой день. Но катастрофа разразилась на день или на два раньше.

Прослѣдивъ за Шаей до Клиптоновой улицы, Азраилъ остановился за угломъ, на мѣстѣ весьма удобномъ, откуда были видны окна двухъ чердачныхъ комнатокъ, одна изъ которыхъ предполагалась мѣстомъ безбожныхъ дѣяній молодого человѣка.

Старикъ не имѣлъ въ виду ничего опредѣленнаго, потому что день былъ не субботній и ему не хотѣлось портить ожидаемаго эффекта, заставши виновнаго только за чтеніемъ языческихъ книгъ. Однако, онъ точно приросъ къ мѣсту и стоялъ въ безцѣльномъ ожиданіи, устремивъ взоры на окна, за которыя не могъ ими проникнуть. Наконецъ, утомившись и убѣдившись, что поступаетъ глупо, онъ вернулся домой и, войдя къ себѣ въ спальню, повалился на постель въ мукахъ оскорбленной гордости и безсильной злобы.

На другое утро онъ вернулся на то же мѣсто. Чердачныя окна влекли его «точно нечистые духи», какъ онъ мысленно выражался.

Простоявши нѣсколько минутъ въ ожиданіи, онъ съ дикою радостью увидѣлъ, что Шая и его сообщникъ вышли на улицу. Онъ прослѣдовалъ за ними до улицы Грандъ, а оттуда, черезъ Пассажъ, на площадь Лафайета, гдѣ они исчезли за массивными дверями величественнаго зданія, которое, повидимому, не было ни частнымъ жилищемъ, ни конторою.

— Это—церковь?—спросилъ Азраилъ у прохожаго.

— Церковь? Нѣтъ, это—библіотека, библіотека Асторовъ,—объяснилъ тотъ.

«Ахъ, куча языческихъ книгъ!»—воскликнулъ онъ про себя, отчасти разочаровавшись, отчасти торжествуя. Необычность обстановки и новость впечатлѣній усиливали власть надъ нимъ «нечистаго». Онъ помѣстился такъ, чтобы наблюдать, не будучи видимымъ, и сталъ ждать выхода молодыхъ людей. Какая будетъ ему польза проводить ихъ отсюда обратно въ еврейскій кварталъ, онъ себя даже не спрашивалъ. Онъ ждалъ потому, что «нечистый» не давалъ ему тронуться съ мѣста.

Прошелъ часъ; Азраилъ ослабѣвалъ отъ голода, однако, не двинался. «Тотъ еще тоже не завтракалъ,—подумалъ онъ,—однако, выдерживаетъ. Это колдовство нечистыхъ книгъ—да погубятъ онѣ его до смерти!—поддерживаетъ его силы. Теперь, пожалуй, скоро выйдутъ». Однако, прошло много времени, а Азраилъ все еще ждалъ. Наконецъ, вотъ они, богоотступники! Поглядѣть на нихъ — какъ весел...! «Черный годъ» сіяетъ на ихъ лицахъ, да сіяютъ они такъ

же на своемъ смертномъ одрѣ! А этого подлеца учителя я добьюсь, чтобы арестовали!»

Онъ пошелъ за ними по Четвертой улицѣ, назадъ къ Пассажу и дальше, по шумному проѣзду, пока—«о, скорбь и слезы!»—они не вошли въ христіанскій ресторанъ!

Точно острый ножъ вонзился въ сердце Азраила. Ему казалось, что онъ видитъ внезапно объятымъ пламенемъ свой храмъ, результатъ многолѣтнихъ трудовъ, предметъ сердечнѣйшихъ заботъ, только что достроенный и готовый къ освященію. «Чудо», его «чудо», его «Койдышъ», его слава въ здѣшней жизни и въ будущей, оказывался погруженнымъ въ самую гущу нечистоты!

Онъ было кинулся за ними вслѣдъ, но остановился, чтобы подождать, пока имъ не будетъ подана трефная пища. Нѣсколько минутъ спустя, онъ вошелъ, холодно и равнодушно, точно обычный за всегдатай.

Оба молодыхъ человѣка были заняты телячьими котлетами. Студентъ поглощалъ свою съ небрежнымъ аппетитомъ и непринужденностью, происходившею отъ привычки; между тѣмъ какъ бѣдный Шая имѣлъ видъ человѣка, притворяющагося, будто съ наслажденіемъ ѣстъ первое въ жизни блюдо сырыхъ устрицъ. Отъ запаха доходившаго изъ кухни, у него кружилась голова, а сама котлета вызывала въ немъ тошноту, отчасти вслѣдствіе его привычки къ мясу лучшаго сорта, а главнымъ образомъ вслѣдствіе сознанія, что она ѣстъ трефное.

Азраилъ занялъ пустой стулъ за тѣмъ же столомъ.

— Хлѣбъ да соль, Шая!—сказалъ онъ.

Молодые люди остолбенѣли.

— Хороша ли свинина? Вкусна ли?—продолжалъ Азраилъ.

— Это—не свинина. Это—телячьи котлеты,—нашелъ въ себѣ силу отвѣтить учитель.

— Кажется, я не съ вами говорю? — прошипѣлъ Азраилъ. В сердцѣ его зрѣло желаніе убить. Но въ эту минуту къ нему подошелъ лакей.

— Чего вамъ угодно?

— Ничего!—отвѣтилъ Азраилъ, вдругъ вскакивая съ мѣста и кидаясь вонъ, какъ будто въ этомъ заключался самый ужасный изъ насилія, какой онъ только могъ себѣ представить.

XI.

Азраилъ засталъ дочь за роялью.

— Перестань или я разнесу въ щепки твою поганую [illegible]!

кривнулъ онъ, чувствуя какъ будто этотъ инструментъ тоже все время былъ въ заговорѣ и теперь издѣвается надъ нимъ.

— Что? Что такое случилось? — спросила она, съ изумленіемъ вставая съ табуретки.

— Случилось? Надувай дохлаго индюка, а не меня: у меня-то голова еще на плечахъ! Вотъ оно, слышишь?—прибавилъ онъ, хватаясь за голову.—Теперь всему конецъ, Флора!

— О чемъ это ты?—спросила она еще разъ.

— О томъ, что если Шайка покажется въ этомъ домѣ, то я убью васъ обоихъ. Ты думала, что у тебя отецъ дуракъ, не такъ ли? Ну, плоха еще ты въ разсчетахъ, Флора! Я все зналъ, но добивался кое-какихъ подробностей. Теперь онѣ у меня всѣ вотъ гдѣ, въ карманѣ, и я только что имѣлъ удовольствіе пожелать ему пріятнаго аппетита въ «гойскомъ» ресторанѣ, пусть подавился бы онъ трефнымъ!

— Не тебѣ бы проклинать его такимъ образомъ!—вспылила она, густо краснѣя.

— Не мнѣ? А кто-жъ мнѣ можетъ помѣшать?

— *Я* могу. Тутъ моей вины нѣтъ. Ты знаешь, я прежде не хотѣла.

Намекъ, что во всемъ виноватъ единственно онъ самъ, возбудилъ въ немъ новый порывъ бѣшенства; но онъ сдержался и со злобнымъ спокойствіемъ сказалъ:

— Флора, ты за него не выйдешь.

— Выйду. Я жить безъ него не могу,—заявила она спокойно и выразительно.

Азраилъ вышелъ изъ ея комнаты.

— Всему конецъ, Тамара! Мой свѣтъ погасъ,—говорилъ онъ, выходя изъ столовой въ кухню.—Нѣтъ болѣе Шаи.

— Ахъ, скорбь и мракъ надо мною! Не случилось ли съ дитятей—миръ ему и благодать!—какого-нибудь несчастія?

— Да, онъ «умеръ и погребенъ и сошелъ со сцены». Хуже того: еврей богоотступникъ хуже покойника. Всему конецъ, Тамара!—повторилъ онъ съ унынiемъ.—Я сейчасъ видѣлъ, какъ онъ ѣлъ *трефное* въ *гойскомъ* ресторанѣ. Америка отняла у меня мое утѣшеніе.

— Горе мнѣ!—воскликнула экономка, хватаясь за свой паникъ.—Трефное! Неужели ему здѣсь мало ѣды? Развѣ я не подаю ему самую лучшую пищу въ мірѣ? Каждый царь былъ бы радъ имѣть такіе обѣды.

— Ну, видно трефное-то вкуснѣе! — съ горечью возразилъ Авраамъ.

— Бѣдствіе на мою грѣшную голову! Должно быть, мы сглазили мальчика: мы поглощали его нашими восхищенными взорами.

Между тѣмъ, какъ Азраилъ отвѣчалъ на градъ ея разспросовъ, Флора тайкомъ вышла изъ дому.

Какъ только Струнъ ея хватился, онъ побѣжалъ на Клинтонову улицу. Тутъ онъ узналъ отъ квартирной хозяйки, что ея жилецъ недавно вышелъ со своимъ пріятелемъ и барышней, которую молодые люди застали ожидающею у нея въ гостиной. Въ отчаяніи, Азраилъ побывалъ въ Асторовой библіотекѣ, у нѣсколькихъ Флориныхъ пріятельницъ и даже въ ресторанѣ у Пассажа.

Когда онъ вернулся домой, измученный усталостью и злобой, то засталъ дочь у нея въ комнатѣ.

— Гдѣ ты была?—спросилъ онъ строго.

— Я тебѣ скажу, только не огорчайся, папочка,—отвѣтила она умоляющимъ, слезливымъ тономъ.

— Гдѣ ты была?

— Я скажу тебѣ, только не брани Шаю. Онъ ужасно тебя любитъ. Это все я виновата. Онъ не хотѣлъ идти, но мнѣ иначе невозможно было, папочка. Мы ходили въ думу и вступили въ гражданскій бракъ. Шая не хотѣлъ.

— Въ гражданскій бракъ?

— Да, только не сердись, папочка миленькій. Мы сдѣлаемъ все, что ты захочешь. Если ты не хочешь, чтобъ онъ былъ докторомъ, такъ и не надо.

— Докторомъ!—повторилъ онъ точно во снѣ.—Такъ вотъ у васъ что было задумано? Вижу: вы таки меня надули. Ты вышла замужъ, Флора?—продолжалъ онъ, еще плохо понимая, чтобы эти слова могли примѣняться къ его дочери. Въ магистратѣ... безъ балдахина и посвященія... Какъ язычница?... Что ты надѣлала, Флора!—Онъ упалъ въ кресло, скрежеща губами и дергая себя за пейсы.

— Папочка, папочка, не надо!—рыдала она, обнимая его и цѣлуя.—Ты знаешь: это вѣдь все не моя вина.

Ему стало выясняться, что никакой серьезной бѣды всетаки еще не произошло и что можно поправить дѣло еврейской брачной церемоніей; мысль эта принесла ему такое облегченіе, что весь его гнѣвъ пропалъ и онъ даже почувствовалъ нѣкоторую благодарность къ дочери за то, что она не сдѣлала чего-нибудь еще худшаго.

— Я знаю, тутъ вина не твоя,—сказалъ онъ съ трагическимъ спокойствіемъ.—Все это сдѣлала Америка. Но что толку болтать? Дѣло конченное, и я не хочу больше брать грѣха на душу. Я не позволю тебѣ стать его женою безъ балдахина и посвященія. Теперь

же сыграемъ еврейскую свадьбу, на этой недѣлѣ,—завтра. Ты меня пересамила, и я не брыкаюсь, такъ? Видно, Богу не угодно послать Азраилу-неучу радость на старости лѣтъ и «Койдышъ» по его душѣ, когда черви будутъ точить его дурацкія кости.

— Охъ, не говори этого, папочка, а то у меня просто сердце разорвется. Ты знаешь, что Шая тебя любитъ, какъ родной сынъ.

— Апикорейсъ — мой сынъ? Апикорейсъ — мой «Койдышъ?» Нѣтъ!—возразилъ онъ, въ раздумьѣ качая головой.

Говоря это, онъ чувствовалъ, какъ будто и Флора тоже стала ему совсѣмъ чужою.

Онъ сошелъ въ нижній этажъ въ состояніи смертельной апатіи.

— Я все потерялъ, Тамара!—сказалъ онъ.—И дочери у меня нѣтъ. Теперь я одинъ на свѣтѣ—одинъ, какъ камень.

Не успѣлъ онъ затворить за собою кухонную дверь, какъ Флора уже вышла и отправилась на Клинтонову улицу порадовать жениха извѣстіемъ объ уступкѣ отца.

Экономка сидѣла въ кухнѣ и шила шелковые чехлы для свитковъ «Торы» своей синагоги. Азраилъ стоялъ рядомъ съ нею, прислонившись къ шкапу, напротивъ палестинской кружки. Беззвучнымъ, покорнымъ полушепотомъ онъ разсказалъ ей о поступкѣ Флоры и о своемъ рѣшеніи какъ-нибудь замять дѣло ускореніемъ еврейской свадьбы. О торжественномъ празднованіи теперь, конечно, нечего было и думать. Проектировавшійся пиръ, о которомъ толки должны были разнестись по всѣмъ синагогамъ и который составлялъ предметъ его сладчайшихъ грёзъ, превратился въ его воображеніи въ нѣчто подобное похоронамъ. Тамара совѣтовала ему не падать духомъ и приводила въ примѣръ равви Нохума «И это тоже», который принималъ жесточайшіе удары судьбы со словами: и это тоже къ лучшему. Но Азраилъ былъ неутѣшенъ.

— Да, Тамара! Все кончено, все! — бормоталъ онъ растерянно. — Все это былъ сонъ! Прошлогодній лимонный тортъ! Улетѣло и не поймаешь. Прошло и нѣтъ его! Ты знаешь, каково мнѣ? Точно кто сыгралъ со мною злую шутку.

Благочестивая женщина была тронута.

— Грѣшно такъ принимать это къ сердцу,—сказала она съ горячностью.—Вамъ надо беречь здоровье. Снесите ваше горе, какъ правовѣрный еврей, ребъ Азраилъ! Уповайте на Всевышняго, и доживите еще до того, что порадуетесь на дочь вашу и на внуковъ, если будетъ угодно Богу.

Азраилъ тяжело вздохнулъ и смолкъ. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на

кружку богомольцевъ, прислушиваясь къ еле уловимому звуку Тамариной иголки.

— Знаешь что? Уѣдемъ въ землю Израилеву,—сказалъ онъ вдругъ, точно продолжая прерванную фразу.—Они меня пересамыли. Я не могу перемѣнить міръ. Пусть живутъ, какъ хотятъ, и сами отвѣчаютъ Всевышнему. А мнѣ на это наплевать. Я отдамъ Флорѣ половину моего состоянія, остальное же продамъ. Ты правильная женщина, Тамара. Отчего намъ не пожениться и не кончить дни, служа Господу вмѣстѣ, во Святой землѣ?

Тамара съ удвоеннымъ усердіемъ взмахивала иглою. Ему видны были только ея глянцевитый черный парикъ и пылающая смуглая щека.

— У насъ будетъ достаточно денегъ на безбѣдное житье и на щедрыя дѣла милосердія,—продолжалъ онъ.—Я знаю, что я только неучъ. Развѣ я говорю, что нѣтъ? Но развѣ неучъ ужъ и не человѣкъ? Развѣ я не могу умереть, какъ правовѣрный еврей?—проговорилъ онъ жалобно и съ мольбой.

Глянцевитый парикъ наклонился ниже, а шелковая матерія ловко зашуршала.

— Ты знаешь, у меня что на умѣ, то и на языкѣ. Я что говорю, то и дѣлаю, и намъ съ тобою сватовъ ненужно, и Америка теперь для меня «трефъ». Мнѣ никуда глазъ показать нельзя. Весь міръ пустъ и теменъ для меня. Все прошло, прошло, прошло! Я только малое дитя, Тамара. Ну, пожалѣй же меня. Я выдамъ Флору замужъ по закону Моисея и Израиля, а потомъ сами пойдемъ на балдахинъ и пустимся въ путь. Я хочу родиться вновь. Ну?

Отвѣта не было.

— Ну, Тамара?

— Разъ ужъ такъ угодно Богу...—произнесла она съ покорностью, не поднимая головы отъ работы.

XII.

Флора вся горѣла нетерпѣніемъ раздѣлить съ Шаей свою радость и стосковалась по его присутствію. Она не видала его съ той минуты, какъ онъ сдѣлался ея законнымъ супругомъ, и эти два или три часа показались ей за цѣлую недѣлю.

Когда нѣмка, державшая квартиру на Клинтоновой, сказала ей, что ни ея квартиранта, ни его пріятеля нѣтъ дома, то сердце у молодой женщины такъ и упало. Принесенная ею вѣсть рвалась наружу, и ея переутомленные нервы больше не могли сносить молча[illegible]

мысленно выругала отсутствующаго жениха и, не зная, гдѣ искать его, пошла пока къ нѣсколькимъ пріятельницамъ, чтобы облегчить душу хоть въ бесѣдѣ съ ними.

— Когда вернется, скажите ему, чтобы не смѣлъ отлучаться ни на минуту, пока я не приду. Скажите ему, что у меня важныя новости,—наставляла она квартирную хозяйку, съ трудомъ побѣждая въ себѣ сильнѣйшее искушеніе излить душу передъ этою посторонней женщиной.

Она пришла назадъ около восьми часовъ вечера. Шая встрѣтилъ ее подъ воротами.

— Ну?—спросилъ онъ съ тревогою.

— Ну?—передразнила она.—Вотъ ужъ ты душечка! Что не дождался? Не могъ догадаться, что я приду?

— Почемъ я зналъ? Но скажи мнѣ, что отецъ? Чего ты меня мучаешь?

— Говоритъ, что тебя не хочетъ,—отвѣтила она. Но взоръ ея выражалъ нѣчто гораздо болѣе пріятное, и они бросились другъ къ другу въ объятія съ такимъ ощущеніемъ счастія, что обоимъ показалось, будто они во всю жизнь не знали ничего подобнаго.

— Да живутъ твои милые глазки! Да радуются твои ручки и ножки!—бормоталъ онъ, съ нѣжностью гладя ея руку.—Увидишь, какъ все дивно устроится. Ты меня еще не знаешь. Говорю тебѣ, ты еще вовсе меня не знаешь,—повторялъ онъ съ нѣкоторою хвастливостью, самъ хорошенько не зная, что хочетъ выразить.

Рѣшили тотчасъ идти домой и, какъ возможно, умилостивить Азраила Струна. Однако, когда Флора поторопила его сходить за пальто и шляпою, онъ помедлилъ и сказалъ:

— Флорочка, знаешь что? Пойдемъ наверхъ на одну минуточку. Мы тамъ читаемъ интереснѣйшую книгу и тамъ столько прекрасныхъ людей! Настоящихъ американцевъ, христіанъ. Пойдемъ, Флорочка.— Онъ почти силою втащилъ ее на двѣ лѣстницы.—Не бойся: хозяйка все про насъ знаетъ,—прошепталъ онъ.—Увидишь, что за чудесные люди. Говорю тебѣ, они такіе образованные и такъ любятъ евреевъ. Для нихъ еврей—все равно, что гой, даже лучше.

Флора начинала чувствовать на сердцѣ тяжесть. Ее буквально по[зилъ тотъ фактъ, что Шая въ эту минуту заинтересованъ чѣмъ-то кромѣ нея и ихъ общаго счастія; но прежде, нежели она успѣла оп чниться, они уже очутились въ полной народа комнатушкѣ.

Въ ней было человѣкъ десять-двѣнадцать; одни сидѣли—двое на ст іяхъ, двое—на сундукѣ хозяина, трое—на кровати,—а прочіе ст ли у окошка или подпирали головами покатый потолокъ чердака.

Посредѝнѣ стоялъ круглый столъ, заваленный книгами, бумагами папиросными окурками. На печуркѣ шипѣлъ жестяной чайникъ, нѣкоторые изъ гостей прихлебывали изъ стакановъ русскій чай с плавающими ломтиками лимона. Въ составъ группы у стола входил господинъ среднихъ лѣтъ, съ красивымъ и очень интеллигентны лицомъ, шотландскаго типа, днемъ онъ бывалъ земледѣльцемъ, а н вечерамъ—философомъ; шведъ-портной, съ физіономіей католи ческаго священника; докторъ философіи цюрихскаго университе въ синихъ очкахъ; молодой индусъ, добывавшій себѣ жалкое прои таніе, поставляя талантливыя статьи на второсортныя еженедѣльны изданія, и нѣсколько русскихъ евреевъ,—всѣ неугомонные спо щики и, по большей части, обладавшіе гимназическими или универ ситетскими дипломами. Это общество собиралось по четвергамъ д чтенія и разбора книги Генріетты Мартино: «Августъ Контъ», под руководствомъ шотландца, который занималъ главенствующее по женіе въ кружкахъ позитивистовъ.

Философъ, въ порывѣ рыцарства, уступилъ свой стулъ да но для него нашлось мѣсто на сундукѣ, и онъ тутъ же сталъ пр должать чтеніе съ горячностью, сдерживаемой благовоспитанность причемъ керосиновая лампа, стоявшая посреди стола, бросала св сіяніе прямо на его открытое, пріятное лицо.

Публика его слушала съ добросовѣстнымъ вниманіемъ, причем тѣ, кто былъ помоложе, принимали особенно сосредоточенный в или прерывали чтеца ненужными вопросами.

Взгляды Шаи останавливались то на Флорѣ, то на читающе группѣ. Они какъ будто говорили:

— Видали ли когда такую красавицу и изящную барышню? О моя невѣста, *моя* и ничья больше.—И еще:—Взгляни на этихъ зам чательныхъ людей, Флора: я имъ товарищъ!—Однако, скоро он увлекся чтеніемъ и, наполовину забывъ о присутствіи Флоры, н гнулся впередъ, полуоткрывши ротъ, выражая на лицѣ восторгъ старательно производя пальцами гимнастику, отражавшую въ со процессъ Контовыхъ разсужденій.

Молодая женщина оглядывалась въ замѣшательствѣ. Шотланде и его чтеніе внушали ей почтеніе, но остальные и «весь ансамбл показались ей сборищемъ странныхъ личностей, сходящихся для н добрыхъ цѣлей. Это вовсе не похоже было на тотъ міръ внѣшняго внутренняго изящества, въ который она разсчитывала проникну посредствомъ брака съ докторомъ. Всякій галантерейный торгове одѣвался лучше, чѣмъ эти люди, представлявшіеся ей скорѣе ко ями съ каррикатурныхъ и нелѣпыхъ лицъ изъ Диккенсовыхъ ро

новъ, нежели обществомъ образованныхъ господъ. На минуту даже Шая сталъ въ глазахъ ея чужестранцемъ и врагомъ. Подавленная духотою въ жаркой и безобразной комнаткѣ, она чувствовала, какъ будто ее заманили въ берлогу какихъ-то ужасныхъ существъ и испытывала желаніе закричать о помощи. Потомъ она стала недоумѣвать: что можетъ быть общаго у Шаи съ этими существами въ потертой одеждѣ, и какая связь между всѣмъ этимъ и докторскою степенью, неразлучною съ ѣздою въ каретѣ.

— Шая,—прошептала она, дергая его за рукавъ.

— Одну минуту, Флорочка! — попросилъ онъ.—Ахъ, какъ премудро!

Завязался споръ. Русскіе увлекались чрезвычайно. Одинъ изъ нихъ, молодой человѣкъ съ полнымъ достоинства басомъ, былъ въ особенности, ненавистенъ Флорѣ. Она не могла бы объяснить, почему; только голосъ его, вмѣстѣ съ красной вышивкой малороссійской сорочки, задѣвалъ ее за живое.

Комната была полна дыма и рѣчей на ломаномъ англійскомъ языкѣ.

Шая такъ и кипѣлъ доводами и вопросами, которыхъ не рѣшался произнести вслухъ; поэтому онъ сидѣлъ молча, то дѣлая быстрый жестъ отчаянія при высказываемой кѣмъ-либо нелѣпости, то кивая съ восторженнымъ одобреніемъ и вообще вертясь, точно въ пляскѣ св. Витта, отъ безсильнаго стремленія къ участію въ преніяхъ.

— Шая, вѣдь ужъ поздно, и папа...

— Секундочку, Флорочка, пожалуйста, да продлится жизнь твоя!—умолялъ онъ, съ оттѣнкомъ раздраженія, и, взявши изъ рукъ шотландца книгу, началъ ее перелистывать, лихорадочно отыскивая мѣсто, которое показалось ему неправильно истолкованнымъ.

Флора вознамѣрилась протестовать и пригрозить, что уйдетъ безъ него, но не могла ни сказать слово, ни двинуться съ мѣста. Ее душилъ кошмаръ отчаянія и ревности—ревности къ книгѣ шотландца, къ малороссійской сорочкѣ, къ пустымъ чайнымъ стаканамъ съ ломтями лимона, ко всей разгорячившейся компаніи и ко всей Шаиной будущности, изъ которой она казалась себѣ исключенною.

Перев. В. Кошевичъ.

* * *

«Живи одинъ,—мнѣ Мысль сказала,—
Звѣзда Небесъ всегда одна.
Забудь восторгъ, начни сначала,
Дорога скорби—суждена».

«О, нѣтъ,—шепнуло ей Мечтанье,—
Звѣзда—одна, одинъ—цвѣтокъ,
Но ихъ дыханья и сіянья
Проходятъ множествомъ дорогъ».

И вѣчно-юное Стремленье
Прервало ихъ неравный споръ:
Взялъ лютню я,—и волны пѣнья,
Звеня, наполнили просторъ.

---

* * *

Неужели опять и опять, безъ конца,
Мы съ тобою продолжимъ вражду?
Я узнать не могу дорогого лица,
Я одинъ чрезъ кошмары иду.

Не одинъ, а ужаснѣй, вдвоемъ, но съ врагомъ,
Потому что ты больше не другъ.
Ты закрылась, замкнулась въ рѣшеньи нѣмомъ,
Ты вошла въ заколдованный кругъ.

Другъ безъ друга не можемъ мы быть никогда,
Мы же связаны сердцемъ съ тобой.
Такъ зачѣмъ же встаетъ безконечно вражда,
Закрывая просторъ голубой?

Ты не хочешь понять, что мы оба равны,
Что другъ друга нельзя побѣдить.
И, войдя въ лабиринтъ, мы должны, мы должны
Сохранить путеводную нить.

Что̀ намъ въ маломъ, когда въ насъ великое есть?
Уступи, вѣдь и я уступлю.
Драгоцѣнныхъ камней въ нашемъ сердцѣ не счесть,—
Возвратимся лишь въ наше «Люблю»!

К. Бальмонтъ.

ВЪ СТЕПИ.

За окномъ звякнули бубенцы, послышалось фырканье лошадей, скрипъ подъѣхавшихъ саней, раздались хрустящіе шаги по снѣгу, низенькая дверь распахнулась, впуская клубы морознаго воздуха.

— Айда, бачка, гатуво,—добродушно окликнулъ изъ-за заиндевѣвшаго воротника бараньяго тулупа киргизъ, ямщикъ.

За столомъ, освѣщеннымъ сальнымъ огаркомъ, на которомъ стоялъ позеленѣвшій, нечищенный съ самаго появленія на свѣтъ, самоваръ, сидѣлъ молодой довѣренный Павелъ Кузьмичъ, ужъ готовый въ путь. Онъ неторопливо собралъ разложенныя по столу бумаги,—должно быть, счета съ ярмарки,—которые просматривалъ сейчасъ, сидя за самоваромъ. Бережно уложилъ онъ ихъ въ бумажникъ, гдѣ виднѣлась объемистая пачка ассигнацій и позвякивало золото.

Распахнувъ полы полушубка и теплой тужурки, бережно опустилъ онъ бумажникъ во внутренній карманъ и, должно быть, довольный итогами, весело вскинулъ свѣтло-голубые глаза на киргиза.

— Гатуво,—передразнилъ онъ его, ну,—гатуво, такъ и мы гатуво... айда!

Онъ подтянулъ кушакъ на полушубкѣ, накинулъ доху, глубже нахлобучилъ дорожную шапку.

— Прощай хозяинъ,—также весело кивнулъ онъ головой, точно выросшему откуда-то старому киргизу.—Получай, въ обидѣ не будешь,—опустилъ онъ серебряную мелочь въ протянувшуюся грязную руку хозяина, плату за скверный чай.

— Часъ добрій, часъ добрій,—закивалъ тотъ въ отвѣтъ головой, расплываясь въ улыбку, отъ которой на желтомъ, скуластомъ лицѣ его не осталось ни плутоватыхъ узкихъ глазъ, ни приплюснутаго намека на носъ.

Ночь была морозная, ясная. Вызвѣздило. По стояникѣ ко[illegible] виднѣлись огоньки, пахло дымкомъ отъ костровъ, въ ко[illegible]ыхъ

тлѣлся кизякъ. Кой-гдѣ мелькали низкорослыя, широкоплечія, темныя фигуры въ малахаяхъ и овчинныхъ тулупахъ.

Старый киргизъ суетливо оправлялъ доху, подтыкалъ толстую, мягкую кошму на ногахъ Павла Кузьмича.

— Ну, ѣзжай съ Богомъ, бачка, бывай назадъ.

Лошади рванули, тряхнувъ бубенцами, и скоро все слилось съ темнымъ фономъ ночи.

Полозья весело поскрипывали по снѣгу, бубенцы позвякивали, мохноногія, неказистыя на видъ башкирки лихо несли возокъ, потряхивая кой-гдѣ, на обнажившихся отъ снѣга мерзлыхъ кочкахъ.

Дороги не было видно.

Какая въ степи дорога! Кто ее дѣлалъ, на что она кочевникамъ?

Одна дорога что въ степи, что въ морѣ: звѣзды небесныя, вѣхи.

Киргизъ уныло тянулъ что-то невообразимо-гнусливое, скучное, однообразное, на одной ноющей нотѣ.

Но замолкъ и онъ. Только темная ночь тысячами глазъ смотрѣла на эту одинокую тройку, съ колыхавшимся по снѣжнымъ заносамъ возкомъ.

Укачало было молодого спутника, да стало навѣвать вѣткомъ тонкимъ, рѣжущимъ. Забрался онъ подъ распахнувшуюся на груди доху, защипалъ Павла Кузьмича, заставилъ-таки его очнуться отъ сладкихъ грезъ.

Бѣлесоватое небо нависло надъ головою. Гдѣ же звѣзды? Едва мигаютъ онѣ черезъ мутно-бѣлый покровъ, словно гаснутъ въ немъ.

— Э-гей!—встрепенулся Павелъ Кузьмичъ, зорко вглядываясь въ потухающія звѣзды; ты, косоглазый, куда везешь? или не понимаешь звѣздной дороги.

— Пурга, бачка... ай-ай пурга будетъ. Стоянка Сапарка хочетъ, стоянка ночевать... бѣда большой, шайтанъ игратъ,—послышался глухой голосъ, изъ-за поднятаго воротника бараньяго тулупа.

— Пурга? какая тутъ пурга. Снѣгъ валитъ, одна бѣда—звѣздъ не видать. Ну, ѣзжай, киргизская башка, на стоянку—сердито запахнулся полой дохи Павелъ Кузьмичъ, пряча лицо отъ остраго вѣтра.

«И говорилъ вѣдь Тавдулка-азіатъ, уговаривалъ ночевать... ни до бы остаться, все равно, не знай гдѣ, теперь ночевать доведется. На ночевки-то къ этимъ косоглазымъ ѣздить опасно. Скорѣй бы до станицы добраться. Все веселѣй—свой крещеный людъ.

А по степи, завиваясь бѣлыми столбами, подымая пушистый сн гъ, съ заунывнымъ воемъ, несся вѣтеръ—степной гуляка.

Небо заволакивало и мягкіе хлопья снѣга безшумно валились на кибитку, на примолкнувшаго ямщика.

Бѣлая мгла, беззвучная, мягкая, окружала, надвигаясь со всѣхъ сторонъ.

А тамъ, дома, ждутъ не дождутся! Все чисто - начисто убрано. По ярко-натертымъ крашенымъ поламъ легла дорожка. Въ кіотѣ краснаго дерева, полномъ старинныхъ образовъ, въ тяжелыхъ окладахъ, теплится лампадка. По стѣнамъ вытянулись, какъ солдаты на парадѣ, неуклюжіе стулья, тоже краснаго дерева, съ подушками, между ними подзеркальники, съ зеркалами въ золоченыхъ рамахъ, столы ломберные, цвѣты на окнахъ, цвѣты въ жардиньеркахъ (единственная уступка новшеству), канарейка-щебетуха и соловка въ клѣткѣ, покрытой бумагой—любимецъ папенькинъ.

Ну, только скучно, чинно тутъ ужъ очень. Сразу видно гостиная комната «для параду»; и портреты такіе, точно бы не у себя дома, а въ гостяхъ,—отецъ, съ натянуто-застывшимъ, не своимъ выраженіемъ лица, съ хитро и старательно расчесанной бородой, чтобъ медаль виднѣе было; мать въ шелковомъ платьѣ, надутая, важная, съ золотой цѣпью на шеѣ и брошка на ней дорогая, и серьги бриліантовыя въ ушахъ, а перстней сколько на пальцы понанизано!..

«Пусть видятъ—купчиха, деньги имѣетъ, есть на что купить... Старые люди... старыхъ порядковъ, тонкости не понимаютъ!»

А вонъ въ задней комнатѣ—совсѣмъ она другая: хлопотунья насѣдка; въ темномъ бумазеевомъ платьѣ и фартукомъ даже подвязана, хлопочетъ около буфета, банокъ и баночекъ на столѣ. Это къ Рождеству закуски, соленья да маринады отбираетъ,—дѣло, важности не малой.

Жарко натоплено въ комнатѣ.

Вотъ бы погрѣться! Пахнетъ такъ вкусно.

Шипитъ самоваръ на кругломъ столѣ, разливаясь на разные лады звонкой пѣсенкой,—что твой курскій соловей!

Батюшка сидитъ въ косовороткѣ, низко подпоясанный шелковымъ пояскомъ съ кистями.

Благодушно, до десятаго поту, опрокидываетъ онъ чашку за чашкой, пріѣдая любимымъ ежевичнымъ вареньемъ.

Чай наливаетъ Ѳектинька, сиротка, дальняя родственница. Ловка ея лоснится отъ душистой помады, бѣленькая шейка такъ соблазнительно отдѣляется отъ бѣлоснѣжнаго воротничка, голубые глазки такъ наивно-лукаво поглядываютъ на черноволосую смуглянку—сестренку Нюшу.

Вотъ народъ! Ужъ вѣчно у нихъ есть о чемъ пошушукать

смѣяться: алыя губки дрожатъ, на румяныхъ щечкахъ играютъ ямочки; фыркнутъ, ей-Богу, фыркнутъ, а и вся-то причина смѣха—батюшкино сопѣнье.

— Ну, ну, вы!—сурово-добродушно осаживаетъ онъ ихъ,—захихикали, за столомъ сидите!

— Надо почтеніе къ самовару имѣть,—смѣшливо шепчетъ Нюша; Ѳектинька фыркаетъ, Нюша за нею.

— Совсѣмъ ты, мать, дѣвокъ избаловала, никакого понятія не имѣютъ,—ворчитъ отецъ.

— Батюшки-свѣты, ужъ и посмѣяться нельзя, аль сами молоды не бывали!

— Время знать надо, всему время свое; вотъ къ примѣру возьмемъ,—внушительно поднимаетъ онъ толстый палецъ.

— Ой, да никакъ кто-то къ намъ!—не слушая его, стремительно восклицаетъ мать.

Дѣйствительно, изъ передней доносится звонокъ; вслѣдъ за нимъ начинается стремительная бѣготня, сутолка, неизбѣжная въ ихъ домѣ въ этихъ случаяхъ, такъ знакомая Павлу Кузьмичу.

Смятеніе передается въ заднюю комнату, «гости пожаловали, Анна Абросимовна съ барышней Лизаветой Ивановной».

Мать срываетъ фартукъ, натягиваетъ на плечи пуховый платокъ, но раздумываетъ, надѣваетъ шелковую шаль. Ѳектинька и Нюша моются, еще больше дѣлая сумятицы. Только отецъ, махнувъ рукой, степенно переваливаясь, ворча, уходитъ въ спальню отдохнуть. Человѣкъ онъ серьезный, старинныхъ понятій, не любитъ съ бабами компанію водить; баба—баба она и есть,—развѣ въ благодушную минуту посидитъ, снисходительно пошутитъ.

— Потаповы господа!—врывается Захарка, кухонный мальчикъ.

Нюша, Ѳектинька бѣгутъ и сталкиваются въ дверяхъ съ Лизанькой.

Она вбѣгаетъ вся розовая съ морозу, живая какъ ртуть—балованная дочка, одиночка, кидается на шею одной, другой, точно вѣкъ не видались.

Сверкая веселыми глазками, вся трепеща отъ молодого веселья и жданья поскорѣе сообщить подругамъ какую-то важную новость, увлекаетъ Ѳектиньку и Нюшу въ «барышнину» свѣтелку.

У Лизаньки всегда коробъ новостей самыхъ важныхъ: новое платье, ложа въ театръ, балъ въ коммерческомъ, модная прическа... и новостей самыхъ животрепещущихъ и при этомъ неистощимый запасъ веселья.

Огневая! не одно сердце по ней сохнетъ, и хороша она! Ахъ, эта родинка на розовой щечкѣ, около румяныхъ губокъ!

Одна она съ ума свести можетъ. Глаза каріе подъ дугою черныхъ бровей... прическа модная; вѣдь Лизанька модница не изъ послѣднихъ. Ужъ теперь обязательно взобьетъ бѣлокурую головку Фектиньки, да и Нютинымъ кудрямъ достанется.

«О чемъ это онѣ шушукаются,—ревниво думаетъ, въ дремотѣ, молодой купеческій сынъ.—Помнитъ ли, что обѣщала передъ отъѣздомъ... Эхъ, только бы пріѣхать!»

— Стой!... что это? широко открылъ онъ глаза. Бубенцы звякнули и смолкли. Бѣлые хлопья почти перестали падать.

Что же стали? Чего этотъ косоглазый вожжи бросилъ, обернулся весь на облучкѣ, вытянулъ шею и такъ странно блестящими глазами смотритъ въ глубь возка.

— Ты что?...

— Деньга давай, барынъ... ста рублей давай... лучше давай...— яростно-безсмысленно бормоча, валится онъ въ возокъ.

Да что-жъ это! Свой ты! Эй, чортъ! Куда ты!—испуганно хватается за карманъ полушубка, хочетъ крикнуть Павелъ Кузьмичъ и только шевелитъ губами, силясь сбросить съ себя наваливающагося киргиза.

— Деньга давай... ста рублей надо,—хрипло налѣзаетъ тотъ. Глухая, безмолвная, ужасная борьба завязывается въ возкѣ.

Молча, хрипло дыша, съ лицами, искаженными смертельнымъ страхомъ и тупой злобой, борются они.

А бѣлые хлопья безшумно валятся на нихъ.

Киргизъ вдругъ взметнулся и снова упалъ... что-то сверкнуло въ бѣлой мглѣ, что-то ударилось какъ-то странно въ тѣло, вырвался изъ груди Павла Кузьмича раздирающій душу вопль, и въ тоже мгновенье раздался выстрѣлъ: короткій, мокрый, шлюпающій звукъ.

«Что это? Гдѣ я?! кто это хрипитъ... боль какая... дышать мѣшаетъ».

Павелъ Кузьмичъ дѣлаетъ усиліе подняться... Онъ поднялся, схватился за бокъ, натолкнулся на рукоятку ножа, невыносимая боль рванула все его тѣло.

Съ силой ухватилъ онъ эту рукоятку,—это она мѣшаетъ дышать... Ножъ упалъ на снѣгъ за кибиткой... Павла Кузьмича обдала горячей кровью изъ раны.

«Смерть...—мелькнуло въ его головѣ.—Смерть!—содрогнулся

онъ отъ отвращенія и ужаса:—не можетъ быть! Умереть такимъ молодымъ! А жить такъ хочется!»

Лизанька съ родинкой, мать, Нюша, напомаженная Фектинька, клѣтка съ желтой канарейкой,—все быстро замелькало въ бѣлыхъ хлопьяхъ снѣга.

«Что-жъ онъ не добиваетъ... Лежитъ такъ странно... хрипитъ... Такъ я убилъ его! я убилъ!»—холодкомъ пробѣгаетъ по всему тѣлу жуткая мысль, а сердце въ отвѣтъ тревожно-радостно бьется... спасенъ... спасенъ... изъ раны же течетъ и течетъ липкая, горячая кровь.

«Кровью изойдешь»,—вдругъ съ ужасомъ спохватывается онъ, съ усиліемъ разстегиваетъ полушубокъ, куртку, не замѣчая своихъ стоновъ, накладываетъ на рану свой шейный платокъ, кое-какъ затягиваясь кушакомъ и снова теряетъ сознаніе.

«Живъ еще»,—недовѣрчиво, тревожно ощупываетъ онъ себя, а кругомъ бѣлоглазая ночь, слышится хрипѣніе въ ногахъ, да пофыркиваютъ застоявшіяся лошади; ноги затекли отъ тяжелаго тѣла киргиза, нѣтъ силъ ихъ освободить, а кругомъ ни души.

«Замерзнемъ», съ отчаяніемъ думаетъ Павелъ Кузьмичъ.

Хрипло понукаетъ лошадей, но, привычныя голосу хозяина, умныя животныя не трогаются, лѣниво потряхивая бубенцами.

«Замерзнемъ!»—отчаянно шепчетъ онъ, чувствуя, какъ холодъ оковываетъ его тѣло, какъ падаютъ его силы.

До него доносится, точно откуда-то издали, протяжный, ноющій звукъ.

Можетъ быть, это почудилось,—настораживается онъ...—Можетъ быть, это застоналъ его убійца.

И вдругъ ужасная мысль, какъ молнія, проносится въ его мозгу... точно поднятый электрическимъ токомъ, срывается онъ, не чувствуя боли, крови, которая сочится черезъ повязку.

А что какъ волки!

Передъ его неестественно широко раскрытыми глазами встаетъ страшная картина, такая нерѣдкая въ этихъ степяхъ: къ завываніямъ вѣтра примѣшивается протяжный волчій вой... мелькаютъ темныя, воровскія тѣни... вотъ, вотъ... свѣтятся фосфорическимъ блескомъ, среди хлопьевъ снѣга, глаза степныхъ разбойниковъ... ихъ все больше... ближе и ближе зловѣщій вой.

Лошади не жди... защищаться нѣтъ силъ.

— Помогите...—срывается хриплый крикъ съ его губъ, и въ отв[illegible]ъ ему раздается стонъ и хрипѣніе въ ногахъ.

[illegible]ѣтъ!... слава Богу... онъ одинъ... кругомъ степь и молчаніе...

Это разгоряченное воображеніе болѣзненно ярко рисуетъ съ страш
реальной правдой ужасную картину.

Жить—жить во что бы то ни стало, наперекоръ судьбѣ... т
хочется жить!

Онъ съ усиліемъ, съ болью тянется черезъ грузное тѣло на
кибитки, не обращая вниманія на его стоны, вглядывается въ мут
даль... никого, ничего! одинъ бѣлый снѣгъ сливается съ горизон
да яркія звѣзды мигаютъ съ темнаго неба.

Постой!... нѣтъ, нѣтъ, какая-то точка. Кто это? Что это? (
тревожно ищетъ револьверъ и не находитъ его.

Да и чему онъ поможетъ, если это волки... оттянетъ страш
смерть на нѣсколько мгновеній!

Но нѣтъ, точка одна... Онъ ясно видитъ теперь... Напряж
до боли всматривается онъ вдаль... точка растетъ... приближаетс
не разберешь: человѣкъ ли, волкъ ли.

— Господи, спаси!—шепчутъ холодѣющія губы,—можетъ,
стаи отбился—одинъ,— успокаиваетъ Павелъ Кузьмичъ себя.—
однимъ справиться можно, найти бы только револьверъ. Трус
онъ въ одиночку.

А точка вырастаетъ, принимаетъ опредѣленныя очертанія.

— Человѣкъ! Слава Богу, человѣкъ! Вонъ-вонъ качается на
шади—дремлетъ, что ли? Ну, такъ и есть—киргизъ.

И тутъ впервые сознательно встаетъ передъ Павломъ Куз
чемъ мысль объ убійцѣ... А вѣдь здорово, видно, я его царапнул
Пронюхаетъ этотъ разбойникъ... прикончитъ. Они, эти бестіи, м
тельные, за своего горло перерѣжетъ. Пойметъ, косоглазый, чт
спроста—поживой пахнетъ. Что дѣлать?...

Гнусливые звуки уже долетѣли изъ глубины ночи. Темная
гура всадника пріостановилась издали, вдругъ оборвавъ пѣніе.

Лошади, почуявъ чужую, зафыркали, зазвенѣли бубенцами.

— Кто тамъ?—по-киргизски окликнулъ всадникъ,—чего ст

— Ѣзжай сюда... урусъ понимашь?—коверкалъ слова Па
Кузьмичъ, думая лучше быть понятымъ.

— Понимай,—недовѣрчиво откликнулся всадникъ, трогая с
рожно лошадь.—Бѣда какой, что ли?

— Какая бѣда,—пересиливая боль и волненіе, стараясь
рить покойно, отозвался Павелъ Кузьмичъ.—Видишь, вонъ з
болвану водки далъ, его развезло съ нее, свалился, не
толкаю—спитъ... Ты, малайка, довези до станицы... Ждутъ
тамъ.

— Ай, ай!—покачалъ головой киргизъ.—Сладкай

ай, сладкàй, чего дѣлать можетъ. Не хороша бачка... Зачѣмъ давалъ? Надо какъ ѣзжалъ давать...

— Ну, какъ быть, свалялъ дурака, въ другой разъ умнѣй буду... Довезешь, что ли? Довези, а ужъ я тебя такъ угощу, три дня спать будешь. Бишь-бармакъ *) велю давать.

— Куда тебѣ? Станица русской надо?—сдался на заманчивое обѣщаніе киргизъ.

— Въ станицу, въ станицу,—радостно заговорилъ Павелъ Кузьмичъ.—Далеко, что ли?

— Не больно далекà, не больно близкà, въ сторону давалъ пьяный башка.

— Такъ ты довези, а ужъ я тебя угощу, не пожалѣю.

— Довеземъ... зачѣмъ не довеземъ. Лошàдь къ кибиткамъ привязать нада.

Лошадь привязали. Киргизъ взобрался на облучокъ. Сани колыхнулись, освобождаясь отъ навалившагося снѣга. Въ ноги Павлу Кузьмичу ударилось со стономъ и хрипѣніемъ тѣло киргиза.

— У... собака пьяный,—обернулся на его храпъ новый возница. — Сладкай водка, ай-ай сладкай, — причмокнулъ онъ губами и гикнулъ на лошадей.

«Не догадался!»— съ облегченіемъ подумалъ Павелъ Кузьмичъ и, ослабѣвъ отъ напряженія и потери крови, опустился въ глубь кибитки, вздрагивая при каждомъ движеніи киргиза въ ногахъ.

Нѣсколько разъ терялъ онъ сознаніе и опять приходилъ въ себя, подъ звуки заунывной, дикой пѣсни и звонъ бубенцовъ. Ему чудилось, что грузное тѣло киргиза поднимается со дна саней. Зловѣще горятъ узкіе глазки на скуластомъ лицѣ, раздвигаются черныя губы въ страшную усмѣшку, и онъ валится, душитъ его тяжестью своего тѣла.

Хочетъ крикнуть на помощь Павелъ Кузьмичъ, хочетъ вырваться изъ страшныхъ объятій, а объятья все сильнѣе стискиваютъ его, страшная рѣжущая боль въ боку становится нестерпимою. Онъ сразу открываетъ глаза: бѣлая пелена мглистой ночи... степь, степь кругомъ... хрипѣніе вылетаетъ изъ губъ киргиза, то ослабѣвая, то усиливаясь, а безконечно унылая, дикая пѣсня льется себѣ по степи, пересыпаясь звяканье бубенцевъ.

Онъ опять забывается.

---

*) Бишь-бармакъ (пять пальцевъ) любимое праздничное кушанье киргизовъ: мясо, рѣзанное кусками, жареное въ салѣ.

Стопъ!... около него слышатся голоса... свѣтаетъ... лица... много лицъ, не скуластыя, узкоглазыя, а русскія—свои.

— Убить хотѣлъ... защищался,—отвѣчаетъ онъ на любопытные взгляды, восклицанія и ужъ окончательно теряетъ сознаніе.

— Какъ хорошо, тепло! Деревяннымъ масломъ пахнетъ,—а, это, вѣрно, Фектинька лампадку заправляетъ... Испить бы! Смерть пить хочется.

— Фектинька, водички бы!—онъ открываетъ глаза. Гдѣ это онъ? Чистенькая горенка, правда, и лампадка теплится передъ образницей, по бокамъ которой висятъ шитые ручники. Молодая казачка наклонилась надъ Павломъ Кузьмичемъ.

— Испей... испей, родименькій, ишь онъ тебя, болѣзнаго, разбойникъ, пырнулъ-то какъ... Ну, благодари Господа Батюшку, ничего... не смѣртно, слышь!

Павелъ Кузьмичъ благодарно и радостно слушаетъ ее и хочетъ вѣрить. Вѣдь жизнь такъ чудно хороша! Онъ не успѣлъ еще испытать ее всю, и какъ онъ не чувствовалъ ея раньше! И все кругомъ мило, радостно, все восхищаетъ его: и бѣлье такое чистое и кругомъ такъ чистенько, тепло, уютно, а главное—жизнь, жизнь осталась! О, теперь онъ знаетъ ей цѣну.

— Правда?—радостно спрашиваетъ онъ.

— А-то вру! Вонъ спрошай дохтура, вонъ этотъ самый.

Павелъ Кузьмичъ повернулъ голову къ входившему.

— Буду я жить? — весь замирая отъ страха услышать отрицательный отвѣтъ, обернулся онъ къ доктору.

— А съ чего умирать? Пустяковая рана, только что крови много потеряно. Видно, было кому за васъ молиться, вѣрно вѣдь разбойникъ мѣтилъ, да маху далъ... Такъ пустячки, ничего важнаго не задѣлъ. А вотъ ему такъ карачунъ, это ужъ вѣрнѣе вѣрнаго. И судить его, видно, ужъ тотъ судъ будетъ,—безъ присяжныхъ засѣдателей,—неопредѣленно ткнулъ рукой въ пространство докторъ.—Да какъ это васъ, батенька, угораздило? Дуэль, что ли, затѣяли?

— Гдѣ онъ? — не отвѣчая доктору, серьезно спросилъ Павелъ Кузьмичъ.

— Тутъ же въ домѣ, на той половинѣ, сейчасъ въ себя пришелъ, очень настаиваетъ васъ увидать.

— Меня?—вдругъ встрепенулся Павелъ Кузьмичъ, поднимаясь и снова падая на подушки.

— Ну, что-жъ тутъ удивительнаго—васъ. Да только не къ чему это, и безъ васъ помретъ.

Съ ужасомъ смотрѣлъ на доктора Павелъ Кузьмичъ. Какъ это онъ хладнокровно, спокойно—«умретъ!» «Неужели умретъ! А жизнь такъ хороша, а жить такъ хочется»,—болѣзненно пронеслось въ его мозгу.

— Пойду я къ нему.

— Полно-те, что за пустяки. Эка невидаль, мало ихъ тутъ, разбойниковъ, привозятъ. Эти операціи они и другъ надъ другомъ частенько продѣлываютъ.

— Пойду я,—спуская ноги съ кровати, пересиливая боль, прошепталъ Павелъ Кузьмичъ.

— Что-жъ, совѣтъ данъ, а остальное ваше дѣло... Бѣды, положимъ, большой вамъ не будетъ, если пройдете.

— Ужъ лежалъ бы себѣ, баринокъ,— сожалительно покачала головой казачка.

— Нѣтъ, хозяюшка, пойду я, помоги мнѣ одѣться.

Накинувъ полушубокъ и засунувъ ноги въ широкія валенки, онъ узкими сѣнями, опираясь на руку казачки, вошелъ въ черную половину избы,—собственно клѣть.

Сквозь маленькое оконце лился блѣдный свѣтъ потухающаго дня.

На кошмѣ, постланной поверхъ соломы на полу, лежалъ киргизъ.

Лицо его страшно осунулось, глаза, лихорадочно блестящіе, глубоко ушли въ орбиты, запекшіяся губы почернѣли, онъ сухо, коротко дышалъ, видно было, что онъ не жилецъ на свѣтѣ.

Жилистая рука, безсильно откинувшись, лежала на кошмѣ, другой онъ судорожно перебиралъ на груди складки попоны, которой былъ покрытъ.

Его лицо точно оживилось при входѣ Павла Кузьмича.

— Кончàлъ, бачка... совсѣмъ кончàлъ,—заговорилъ онъ отрывисто, задыхаясь —Спасибо пришла, барынъ... спасибо... Сапарка совсѣмъ кончàлъ... за дѣло, бачка, шайтанъ толкалъ... Давай, барынъ, клятва—ей-Богу по вашему, Валлай по нашему,—давай клятва,—заволновался онъ и закашлялся,—чего просить буду... жалѣть не станешь. Сапарка сегодня жилъ, а завтра нѣтъ, а ты, ай-ай, долгà будешь жить. Деньга не кажи... кошелька не кажи... давай клятва. Сапарка смирный была... вотъ смирный какой!... Худой былъ Сапарка хозяинъ... худой, ай-ай, все пропалъ: овца пропалъ, баранъ пропалъ, лошадь пропалъ... Пришла урусъ: «давай деньга». Сапарка деньга нѣтъ: тащи овца, тащи баранъ, ай-ай, все пропалъ. Лошадъ тройка ставалъ... бросалъ улусъ Сапарка, извозъ бралъ.

Ашать *) нѣтъ, баба плачетъ, малайка плачетъ, дѣвчонка плачетъ, ашать надо.

Онъ снова закашлялся, захрипѣлъ, судорожно впиваясь корявыми пальцами въ грудь, на губахъ показалась кровь, а глаза не отрываясь, сверкая острымъ блескомъ, впились въ лицо Павла Кузьмича, точно приковывая его. Казачка поднесла ковшикъ къ губамъ Сапара. Онъ притихъ и лежалъ, тихо перебирая губами.

— Кошелька твой увидалъ,—вновь заговорилъ онъ ослабѣвшимъ голосомъ,—ай-ай, деньга много, ста рублей, ай-ай, многа! Сапарка чужой не бралъ, не нада чужой... зачѣмъ брать?... Пуля шумитъ, шайтанъ въ ухà звонитъ: барынъ спитъ, лошàдь бѣжитъ. Сапарка себѣ говоритъ: хороша ста рублей имѣть! ай-ай, хороша! Овца будетъ, баранъ будетъ, кибитка теплый будетъ... баба веселый... малайка веселый... дѣвчонка веселый... Ай-ай, богатый Сапарка будетъ... Улусъ скажетъ: Сапарка умный, деньгà большая добывалъ... голова хорошій... а шайтанъ кричитъ: «возьми ста рублей»... не нада, Сапарка говоритъ... «Нада, батырь будешь, жена новый возьмешь, молодой, ай-ай, хороша». Сапарка ничего теперь не надо, овца не нада, баранъ не нада, жена молодой не нада... Клятва нада... прячь деньга, не нада кошелька... Другой увидитъ... рѣзàть станетъ. Сапарка смирный былъ, шайтанъ толкалъ... дай клятва, Сапарка сегодня жилъ, завтра помиралъ.

Дрогнуло что-то въ душѣ Павла Кузьмича.

— Прости ты меня, Сапаръ, Христа ради, взманилъ я тебя... я и жизни лишилъ. Спросилъ бы ты лучше... да, гдѣ! нѣтъ, не далъ бы вѣдь... крѣпки мы на деньги-то, а клятву тебѣ дамъ и бабу твою не оставлю, будетъ что ашать... слышь?

— Спасибо, барынъ...—закрывая ослабѣвшія вѣки, хрипло прошепталъ Сапаръ.—Судьба такой... шайтанъ толкалъ... ножа давалъ «большой хозяинъ будешь»... Прощай, барынъ... Сапарка помирать хочетъ.

— Ишь ты, вѣдь нехристь, а тоже душу имѣетъ,—покачала задумчиво головой казачка,—а ты, баринокъ, слово помни, грѣхъ коли забудешь... Баба безъ мужика—сирота. Оно хотя, въ ихнемъ быту, бабу-то его, коли брательникъ есть, за себя возьметъ; а у нихъ ужъ водится такъ... киргизы, извѣстно. Есть, что ли, у тебя брательникъ-то, слышь ты, болотный?—наклонилась она къ нимъ.

---

*) Ѣсть.

— Сапарка... не надо... Сапарка не хочетъ...—не поднимая отяжелѣвшихъ вѣкъ, забормоталъ Сапаръ.

— Ишь ты, безъ памяти знать сталъ... онъ все такъ: лопочетъ, лопочетъ, а тамъ и затихнетъ. А ты, баринокъ, не взманивай,— много съ этихъ денегъ самыхъ зла: съ денегъ да съ голоду-нужды— страсть что! Иди-ка, иди, ишь тебя пронзило какъ, какъ бы хуже не стало.

Исполнилъ ли обѣщаніе Павелъ Кузьмичъ, не знаю, а кошелька въ тѣхъ поръ никто у него въ рукахъ не видалъ.

А. К.

Изъ „Божественной комедіи“ Данте.

Пѣснь 28-я

„Чистилища“.

Данте въ земномъ раю.— Явленіе св. Матильды.

Посв. П. И. Астрову.

Тогда чудесный лѣсъ узрѣть вблизи желая,
Я тихо полемъ брелъ, Горы *) покинувъ сѣнь;
Въ густой листвѣ деревъ сіянье умѣряя,

На небесахъ рождался новый день;
Со всѣхъ сторонъ неслись цвѣтовъ благоуханья,
И легкій вѣтерокъ, какъ бы прохлады тѣнь,

Ласкаясь, мнѣ дарилъ несмѣлыя лобзанья,
И чуткіе листы развѣсистыхъ деревъ,
Едва колышимы отъ нѣжнаго дыханья,

Склонялись къ Западу, туда, гдѣ межъ луговъ
Тѣнь черную Гора священная *) кидала...
Пернатая семья чуть слышно межъ кустовъ

Безпечный свой напѣвъ такъ нѣжно напѣвала,
И кроткая заря привѣтственный ихъ хоръ
Средь шепота вѣтвей лучами обливала;

Такъ радостно шумитъ-гудитъ сосновый боръ
На берегу Кіассы, лишь порою
Сирокко выпуститъ Эолъ... Увы, съ тѣхъ поръ,

---

*) Гора Очищенія, находящаяся къ Западу.

Какъ я вступилъ въ тотъ лѣсъ несмѣлою стопою,
Я въ темной чащѣ слѣдъ невольно затерялъ,
Какъ вдругъ ручей сверкнулъ нежданно передо мною,

На берегу его я въ изумленьи сталъ...
Журча прозрачными, кристальными струями,
Онъ стебли нѣжныхъ травъ, волнуясь, колыхалъ...

Земныя воды всѣ передъ его водами
Нечистой примѣсью казаться бъ стали намъ,
И было видно все подъ чистыми волнами,

Скользящими во мглѣ, вокругъ по берегамъ
Склонялись дерева, вкругъ тѣни упадали,
И свѣту лунному и солнечнымъ лучамъ

Къ той влагѣ доступа ревниво не давали...
Я задержалъ стопы и изумленный взглядъ
Вперилъ въ тотъ чудный садъ, гдѣ въ благовонной дали

Невиданныхъ деревъ открылся стройный рядъ,
И вотъ передо мной предстала, какъ видѣнье,
Жена прекрасная *) вдыхая ароматъ,

Она срывала райскія растенья,
Весь путь ея убравшія кругомъ,
И сладостно ея лилося пѣнье...

Я молвилъ: «О, жена, любви святой лучомъ
Ты грѣешь сердце мнѣ, безгрѣшная душою,
Съ божественнымъ, сіяющимъ челомъ!

Передъ тобою здѣсь склонился я съ мольбою,
Услышь меня, явись на свѣтъ изъ темноты,—
Пусть голосъ нѣжный твой услышанъ будетъ мною!...

И свѣтлый образъ твой и вешніе цвѣты
Цереры бѣдной дочь **)—увы!—напоминаютъ.
Исполненную скорбной красоты...

---

*) Матильда.
**) Прозерпину.

Журчанье райскихъ струй мой слухъ теперь плѣняетъ,
Какъ душу матери, поникшую въ слезахъ
Плѣняло нѣкогда»... Какъ плавно выступаетъ,

Танцуя, женщина на сближенныхъ носкахъ,
Она приблизилась къ рѣкѣ, едва ступая,
Съ улыбкой дѣвственно-стыдливой на устахъ

И стала тамъ (мое желанье исполняя)
Среди ковра цвѣтовъ лазурно-золотыхъ,
Гдѣ катится воды струя живая...

И голосъ сладостный разслышалъ я въ тотъ мигъ,
Узрѣвъ передъ собой видѣнья ликъ прекрасный...
Жена приблизилась къ семьѣ деревъ густыхъ

И очи подняла... (Клянусь, въ тотъ мигъ ужасный,
Когда Венеры сынъ богиню поразилъ,
Въ ея очахъ едва ль зажегся лучъ столь ясный!)

И улыбнулась мнѣ... Въ восторгѣ я слѣдилъ,
Какъ чудная жена съ улыбкой собирала
На берегу цвѣты, что райскій садъ взростилъ

Безъ сѣмени... Въ то время раздѣляло
Насъ только три шага, но въ мигъ блаженный тотъ
Мнѣ райская рѣка еще несноснѣй стала,

Чѣмъ Ксерксу Геллеспонтъ, хоть въ немъ (молва идетъ)
Для многихъ храбрецовъ препятствіе нашлося,—
Когда Леандръ по лону быстрыхъ водъ

Переплывалъ заливъ въ Сестосъ изъ Абидоса,
Онъ меньше Геллеспонтъ въ тревогѣ проклиналъ,
Чѣмъ у меня въ тотъ мигъ проклятій пронеслося,

Но рѣку перейти я все же не дерзалъ...
«Вы всѣ лишь странники въ раю—Она вѣщала—
«Хоть для людей его Благой Творецъ создалъ.

«Но если въ грудь твою сомнѣніе запало.
Пусть «Delectasti» *) вновь прольетъ небесный свѣтъ,
Чтобъ сердце чернаго сомнѣнія не знало,

*) Псаломъ 91, стихъ V.

«Я дать могу на все твоей душѣ отвѣтъ
И всѣмъ вопросамъ дать я властна разрѣшенье,
А ты моимъ рѣчамъ готовъ внимать иль нѣтъ?

«Увы! и плескъ воды, и вѣтра дуновенье,
И лѣса шумъ въ слова, что нынѣ я слыхалъ,
Мѣшаютъ мнѣ вникать, здѣсь все въ одно мгновенье

Инымъ предстало мнѣ, что ранѣ я видалъ!
—«Познай же все, чему дивишься ты душою,
Стремись къ тому, чтобъ мракъ въ душѣ твоей пропалъ...

Знай, Благо Высшее любуется собою,
Но для блаженства былъ Имъ созданъ человѣкъ
И этотъ свѣтлый рай, что нынѣ предъ тобою,

«Былъ сотворенъ, чтобъ миръ вкушали мы во вѣкъ.
Но онъ *) оставилъ рай, свершивши преступленье,
Онъ трепетъ радости и смѣхъ, покинувъ брегъ,

«Несчастный, превратилъ въ печаль и сожалѣнье;
Здѣсь мощная Гора воздвиглась за тобой,
Чтобъ вихри бурные, земныя испаренья,

«Что поднимаются, едва наступитъ зной,
Не угнетали духъ въ долинахъ свѣтлыхъ рая;
Вращенье воздуха вокругъ вершины той,

«Что возвышается, его не прерывая,
Густой колышетъ лѣсъ, и тихо лѣсъ шумитъ,
Благоуханія повсюду разливая,

«И далѣ ароматъ деревъ зефиръ струитъ,
Вращаясь медленно широкими кругами;
Передъ тобой чудесный садъ лежитъ;

Онъ полонъ весь роскошными плодами,
І воды, что теперь передъ тобой бѣгутъ,
Іе испаряются воздушными струями,

И ихъ морозъ и ледъ не закуютъ,

---

*) е. первый человѣкъ.

Но Воля Вышняя источникъ исторгаетъ;
Съ той стороны, гдѣ ты избралъ пріютъ,

«Забвенье всѣхъ грѣховъ волна рѣки вливаетъ,
Съ другого берега—всѣ добрыя дѣла,
Забытыя, въ душѣ чудесно воскрешаетъ.

«Два тока чистые рѣка въ себѣ слила,
И Лету хладную и свѣтлую Эвноэ,
И здѣсь прозрачною волною протекла...

«Знай, слаще нѣтъ струи; здѣсь тишиной святою
Полна душа твоя, здѣсь миръ вкушаешь ты!...
Какъ символъ милости верховной надъ собою

«Увидишь ты вѣнецъ Нетлѣнной Красоты!...
Поэты древніе воспѣли гимны раю,
О вѣкѣ золотомъ взлелѣяли мечты,

«Душою возносясь къ сему святому краю,
Гдѣ вѣчная весна, цвѣты, плоды кругомъ,
Гдѣ нектаръ сладостный съ амврозіей вкушая,

«Утонешь ты въ восторгѣ неземномъ!»...
Внимая рѣчь ея, я духомъ возвышался...
Когда-жъ къ поэтамъ *) взоръ я обратилъ потомъ,

Мнѣ каждый ласково и грустно улыбался.

Эллисъ.

---

*) Виргилію и Стацію.

ЛЯЛИНА МАМА.

Лялю привезли въ пріютъ поздно вечеромъ. Хоть это было и неурочное время—дѣти въ 9 уже должны были спать,—но поѣздъ приходилъ въ 10-мъ часу, а дѣвать дѣвочку было некуда.

Надзирательница Анна Васильевна была предупреждена и ждала ее; не ложилась и нянька.

Лялѣ казалось, что съ вокзала, сначала по яркимъ и шумнымъ, потомъ по тихимъ и полутемнымъ улицамъ, они ѣхали «милліонъ часовъ», но наконецъ пріѣхали въ небольшой домъ, стоявшій въ саду и занесенный снѣгомъ.

Чужой дядя, который привезъ Лялю изъ Екатеринослава, поцѣловалъ ее и сказалъ:

— Ну, прощай, малышка, будь умницей!

Потомъ простился съ встрѣтившей ихъ надзирательницей и уѣхалъ.

Ляля осталась съ совсѣмъ незнакомыми ей людьми. Къ чужому дядѣ, за три дня пути, послѣ долгихъ первыхъ слезъ, она привыкла: онъ былъ очень добрый, на станціяхъ покупалъ ей апельсины и пряники, ночью укутывалъ ее пледомъ, а днемъ разсказывалъ разныя исторіи, про своихъ собакъ, и какъ онъ маленькимъ мальчикомъ заблудился въ лѣсу, и «все такое».

И потомъ, главное, онъ былъ маминъ знакомый: мама сама ее отправила съ нимъ... а тутъ были только чужія.

Сердце у Ляли билось, какъ у пойманнаго воробья; глаза, изъ-п ъ спутанныхъ бѣлокурыхъ кудрей, смотрѣли со страхомъ на стоявп хъ передъ нею двухъ женщинъ; и, какъ она ни крѣпилась, ей о нь хотѣлось плакать.

Младшая изъ женщинъ—худая, одѣтая въ черное, съ сѣдыми в осами, несмотря на молодое лицо, спросила ее:

— Какъ тебя зовутъ, дѣвочка?

— Ляля...—прошептала та.

— Ты устала, вѣрно... Вы, няня, посадите ее въ ванну, потомъ дайте кружку молока—и спать.

Толстая старуха въ бѣломъ чепцѣ, съ добродушнымъ лицомъ, принялась раскутывать дѣвочку.

Изъ-подъ теплой, старой шубки и трехъ вязаныхъ платковъ высвободилась крохотная фигурка, до того маленькая, что надзирательница удивилась:

— Сколько же тебѣ лѣтъ, Ляля?

— Восемь... опять чуть слышно произнесъ тихій голосокъ.

— Господи, до чего мала! Я думала, самое большее лѣтъ пять. Ну, няня, ведите ее въ ванну.

— Давай ручку, матушка!

— А мои вещи?—со страхомъ спросила Ляля, оглядываясь на корзиночку и узелъ, заключавшіе въ себѣ ея богатства.

— Вещи поставятъ къ тебѣ, и ты ихъ завтра утромъ разберешь, а теперь ужъ поздно!—сказала надзирательница.—Ляля покорно послѣдовала за нянькой и черезъ минуту уже сидѣла въ ваннѣ, молча и только время отъ времени тихонько говоря:

— Ой! когда мыло попадало ей въ глаза. Старуха усердно вымыла ее, вздыхая:

— Владычица, ребрушки всѣ видны!...

Потомъ расчесала бѣлокурые локоны, надѣла на нее длинную ночную рубашонку и, закутавъ въ одѣяло, отнесла въ спальню.

— Вышей молочка, да и спи!—шепотомъ сказала нянька, уложивъ Лялю въ кровать.

Это была маленькая, бѣлая кровать. Въ комнатѣ, чуть освѣщенной синеватымъ свѣтомъ лампады, было 12 такихъ кроватей, стоявшихъ по 6 въ рядъ. Онѣ были совсѣмъ одинаковыя, какъ въ сказкѣ, одинаковыя красныя одѣяла, одинаковыя подушки, и возлѣ нихъ стояли одинаковые бѣлые столики. Только одна изъ нихъ была пуста и ждала Лялю, а на остальныхъ одиннадцати лежали одиннадцать маленькихъ существъ; въ слабомъ освѣщеніи можно было различить одиннадцать круглыхъ, стриженыхъ головокъ, казавшихся тоже совсѣмъ одинаковыми. Всѣ онѣ мирно спали, одинаково вытянувъ руки сверхъ одѣялъ, и не проснулись отъ тихой нянькиной возни.

Ляля отпила молока, но ей глотокъ не шелъ въ горло.

— Я не хочу больше...

— Ну, не хочешь, такъ и ладно. Спи, матушка, Христос... тобою: утро вечера мудренѣе.

Няня оправила одѣяльце и вышла.

Ляля осталась одна, и тутъ мужество сразу покинуло ее. Она обѣщала мамѣ быть умницей, не плакать, не капризничать... Мать, предвидѣвшая все, что ждетъ Лялю въ новомъ для нея мѣстѣ и непривычной обстановкѣ, постаралась заранѣе все разсказать ей, «какъ и что будетъ», обѣщала, что у нея будутъ «добрыя, хорошія» надзирательница и няня, и что онѣ будутъ часто мамѣ писать, и напишутъ, если Ляля будетъ плакать, а тогда мама сама станетъ плакать, и заболѣетъ, и не пріѣдетъ за ней. Это, конечно, заставило Лялю изо всѣхъ силъ крѣпиться при нихъ. Но сейчасъ она больше удержаться не могла: въ чужой, странной комнатѣ, далеко отъ мамы, ночью, когда и всегда все кажется такъ страшно, а особенно сейчасъ здѣсь этотъ синеватый полумракъ, и спящія, незнакомыя существа...

Она тоскливо позвала:

— Мамочка, мама!—и неслышно заплакала.

Вдругъ ей послышался какой-то шорохъ. Она испуганно примолкла и насторожилась.

Рядомъ на кровати, отдѣленной отъ ея кровати только столикомъ, что-то зашевелилось.

Въ полумракѣ комнаты Ляля разглядѣла круглую головку съ громадными, блестѣвшими и въ этой темнотѣ, глазами. Это была дѣвочка лѣтъ 10. Она приподнялась на постели, опершись на локотокъ, и шепотомъ спросила Лялю:

— Дѣвочка, о чемъ ты плачешь? Ты новенькая?

Ляля не поняла, что значитъ «новенькая», но на первый вопросъ отвѣтила немедленно:

— По мамѣ скучно!

— А у тебя есть мама?—съ оживленіемъ и изумленіемъ спросила дѣвочка, какъ будто имѣть маму было дѣло очень необыкновенное.

— Ну да, есть!

— Почему же она тебя сюда отдала?...—съ неменьшимъ изумленіемъ продолжала допрашивать та, забывъ даже шептаться.

— Оттого, что мама очень мало получаетъ... и очень занята... и со мной некому смотрѣть...—повторяла Ляля твердо запомненныя ею причины ея ужасной разлуки съ мамой.—И мнѣ здѣсь будетъ лучше...—и, очевидно глубоко несогласная съ собственными словами, Ляля опять всхлипнула.

— Не плачь, дѣвочка!—сочувственно утѣшала ее сосѣдка.—Съ хорошо... всѣ добрые... и ѣздитъ такая хорошая Марья Гавриловна и возитъ намъ конфеты... Духами отъ нея пахнетъ, прелесть!

— Мама меня лѣтомъ опять возьметъ!—продолжала свои сообщенія Ляля.—Только до лѣта такъ долго.

— Вовсе не долго: еще только зима и весна, и сейчасъ и лѣто! А твоя мама кто?

— Актриса.

— Моя тоже была актриса.

— А твоя мама гдѣ?—заинтересовалась Ляля, ободренная присутствіемъ неспящаго существа и ласковымъ голосомъ сосѣдки.

Та помолчала.

Потомъ тихо сказала:

— Моя мама умерла... три года какъ умерла...—и, перемѣнивъ тонъ, спросила:—А твоя мама какая, разскажи мнѣ?

— Моя мама? Она лучше всѣхъ!—оживилась Ляля и тоже приподнялась на локтѣ.—Если бы ты знала, какая она! Дорогулечка моя! Я тебѣ завтра ея портретъ покажу,—и опять Ляля заплакала тихо и горько.

Двѣ мягкія, худенькія ручки вдругъ обняли Лялю: это дѣвочка вскочила съ постели и присѣла къ ней на кровать, гладя Лялю по лицу и утѣшая. Поддавшись неожиданной ласкѣ, Ляля всхлипывала и потихоньку разсказывала:

— Если бы ты знала, какъ мнѣ хорошо съ мамочкой было! Вотъ знаешь, уйдетъ мама въ театръ, останусь я одна; Матреша меня уложитъ.

— Кто это—Матреша?

— Это горничная въ номерахъ, она была очень славная. Всегда отъ жильцовъ мнѣ конфеты и картинки носила. Ну, такъ вотъ, на диванъ оборотятъ къ стѣнкѣ, чтобы я не упала, а потомъ укроетъ меня маминой шубкой бѣличьей, такой старенькой, теплой-теплой. И зайца своего я рядомъ положу, чтобы не страшно было. Такъ тепло, тепло, хорошо. А потомъ мамочка вернется изъ театра, я мигомъ проснусь—всегда просыпалась—она меня на руки, и цѣлуетъ, обнимаетъ, и въ свою постельку положитъ. Все мнѣ говоритъ, что представляла, что дѣлала... А теперь она тамъ одна, а я ту-утъ!...

— Ну, не плачь же! Хочешь, будемъ друзьями? Будемъ всѣмъ дѣлиться, и вмѣстѣ играть, и ты мнѣ все, все о своей мамѣ разскажешь. Хорошо?

— Хорошо!—утирая слезы, отвѣтила Ляля. Дѣвочки поцѣловались.

— А теперь спи... а то нянька придетъ, и достанется!—и дѣвочка опять перебѣжала босыми ножонками по полу, и юркнула на свою кровать, стуча зубами отъ холода.

Лялѣ стало легче, когда она подѣлилась своимъ горемъ съ сочувствующею душой; къ тому же усталость давала себя знать. Она уже начала дремать, передъ глазами у нея поплыли золотыя и зеленыя звѣздочки и точки... когда вдругъ полусонный голосокъ спросилъ ее:

— А тебя какъ зовутъ?

— Ляля,—пробормотала она.

— А меня Тавочка.

Черезъ минуту послѣ этого запоздалаго представленія обѣ мирно спали.

Тавочку съ Лялей связала тѣсная дружба. Надзирательница даже удивлялась: до сихъ поръ Тавочка мало съ кѣмъ изъ дѣтей сходилась, ее даже прозвали «дичкомъ». А это крохотное бѣлокуренькое созданіе—на два года моложе ея—вдругъ сразу точно покорило ее себѣ. Она, впрочемъ, быстро сдѣлалась любимицей вообще всего пріюта: надзирательница, няня, пріѣзжающія дамы — всѣ баловали хорошенькую дѣвочку, казавшуюся гораздо меньше своихъ лѣтъ, сажали ее на колѣни, гладили ея волосы—и она тоже охотно и мило возвращала имъ ласки, въ то время какъ Тавочка съ легкой ревностью смотрѣла изъ уголка, сверкая глазами, и потомъ спѣшила увести маленькую подругу. Ляля освоилась со своей новой обстановкой очень скоро, привыкла къ ней, не дичилась и ластилась ко всѣмъ—хотя и она замѣтно предпочитала остальнымъ дѣтямъ Тавочку; она льнула къ ней, какъ бы отдаваясь подъ ея покровительство, но на самомъ дѣлѣ безошибочнымъ дѣтскимъ инстинктомъ поняла, что въ ихъ «союзѣ» главенствовать будетъ она, и, дѣйствительно, не взирая на свою слабость, сдѣлалась полновластной тиранкой и повелительницей Тавочки. Она не стѣснялась капризничать съ ней; заставляла ее отдавать ей то изъ обѣда, что ей нравилось, играя въ то, во что Тавочкѣ вовсе не хотѣлось и т. д. А Тавочка все переносила, чтобы только не лишиться Лялинаго благоволенія, и что-то неудержимо притягивало ее къ дѣвочкѣ. Это что-то—была «Лялина мама».

Въ пріютъ этотъ большей частью принимали только круглыхъ сиротъ, и для Ляли сдѣлали первое исключеніе—приняли ее, хоть у нея была мать—въ виду большихъ заслугъ ея дѣда передъ русской сценой, и трагической смерти отца, маленькаго актера, скончавшагося во время представленія.

Такъ что Ляля изъ дѣвочекъ въ пріютѣ была единственной, у которой «была мама».

Тавочка лишилась матери три года назадъ; она хорошо помнила

ее, помнила, какъ ей жилось при мамѣ. Прошедшее казалось ей сладкимъ сномъ; она знала, что ничего не можетъ быть лучше какъ имѣть маму. А у Ляли была мама, и любила, ласкала, баловала ее, и Ляли обо всемъ этомъ могла ей разсказывать. И это дѣлало ее чѣмъ-то необыкновеннымъ въ глазахъ Тавочки; она смотрѣла на нее съ тѣмъ безотчетнымъ уваженіемъ, съ какимъ нѣкоторые люди относятся къ титуламъ, каковы бы они ни были: «его сіятельство» или «его превосходительство»—и уже является какое-то почтеніе къ счастливому обладателю этой прибавки.

Такъ вотъ и Тавочка, слегка понижая голосъ, съ безкорыстной гордостью объявляла другимъ дѣтямъ или посѣтителямъ:

— У нея есть мама!

Она гордилась своей дружбой съ дѣвочкой, у которой есть мама, какъ иные гордятся дружбой съ знаменитымъ писателемъ или обладателемъ феноменальнаго тенора, словно и на нихъ падаетъ отблескъ его славы и геніальности, и дружба, которою удостаиваетъ ихъ такой человѣкъ—возвышаетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ.

Все, чего въ сущности Тавочка добивалась отъ Ляли, сводилось къ словамъ:

— Разскажи мнѣ еще что-нибудь о мамѣ!

Безсознательная потребность любви, таящаяся въ ея натурѣ, заставляла ее о чужомъ счастьи слушать съ замираніемъ, точно это могло ей прибавить вѣры въ то, что это счастіе есть и, можетъ быть, когда-нибудь и ей достанется.

На портретъ Лялиной мамы она могла часами смотрѣть не отрываясь. Онъ стоялъ на видномъ мѣстѣ, посреди столика, который онѣ должны были владѣть сообща съ Лялей; но собственно онъ всецѣло перешелъ къ Лялѣ, такъ какъ, когда она разставила на немъ все свое имущество—куколокъ, маленькій подсвѣчникъ, чашечку, картинки и т. п.—Тавочка принесла ей и свои немногочисленныя сокровища и отдала съ радостью. Ей доставляло наслажденіе отдавать, уступать подругѣ все, что можно: тутъ былъ осликъ съ оторваннымъ ухомъ, плѣшивая обезьянка, бонбоньерка, доставшаяся ей въ прошломъ году на елкѣ и два круглячка-камешка, найденныхъ въ саду, «ровныхъ-ровныхъ, какъ два братца». На одномъ изъ нихъ она чернилами написала «Тавочка», а на другомъ—«Ляля» и положила передъ завѣтнымъ портретомъ.

На этомъ портретѣ въ хорошенькой рамкѣ, украшенной искусственнымъ цвѣткомъ, изображена была Лялина мама, въ роскошномъ, какъ Тавочкѣ казалось, нарядѣ, съ бѣлокурыми локонами, падающими по плечамъ, а на головѣ у нея была звѣздочка. Прекрасная

лица Тавочка ничего не могла вообразить себѣ; чѣмъ-то чуднымъ, волшебнымъ казалась ей эта далекая, чужая мама, которая, однако, существовала и о которой она такъ много знала отъ своей маленькой подруги. А слушать о ней она могла безъ конца: какъ она одѣвается, что она любитъ, о чемъ говоритъ съ Лялей и т. д. и т. д. Доходило до того, что даже Ляля не такъ часто и упорно, вѣроятно, возвращалась бы мыслью къ мамѣ: дѣтство легко развлекается и отвлекается,—если бы не постоянная просьба Тавочки «разсказать о мамѣ».

Тавочка закрывала глаза и воображала себѣ Лялину маму, съ золотыми кудрями, нѣжную и прекрасную, какъ добрая волшебница въ ея любимыхъ сказкахъ. Она переживала за Лялю всѣ ихъ разговоры на ночь, ея баловство, ея ласки... И грезилось, что у нея будетъ такая же мама, что и ей достанется частичка Лялинаго счастія. Тавочка была одной изъ тѣхъ натуръ, которымъ мало было бы, чтобы ихъ любили, а которыя хотятъ сами любить; но не все равно кого, «лишь бы», а именно одного «одинъ избранный душою идеалъ», выражаясь высокимъ стилемъ. И если бы кто-нибудь вздумалъ десятилѣтней Тавочкѣ объяснять, что она обрѣла свой идеалъ въ лицѣ Лялиной мамы, она бы даже не поняла, что это значитъ, а между тѣмъ это было такъ.

Она днемъ и ночью все думала и мечтала объ отсутствующей, но словно родной и близкой ей Лялиной мамѣ.

Когда на ночь Ляля цѣловала и крестила портретъ по своему обыкновенію (отчего все стекло рамки было немножко затуманено), Тавочка почему-то стыдилась и не рѣшалась сдѣлать при ней то же самое. Но она всегда ждала, когда Ляля заснетъ, и тогда она вскакивала съ постели и тихонько, въ темнотѣ, тоже прижимала свѣжія губки къ стеклу, и только послѣ этого засыпала.

Тавочка уже 2-й годъ училась. Ихъ учили и предметамъ, и даже начали учить языкамъ. Ляля еще не училась ничему, кромѣ азбуки. Тавочка занималась съ большимъ рвеніемъ, любила географію, перечитала всѣ имѣвшіяся налицо книжки. Но всѣ свободные часы она проводила съ Лялей, и стоило той потребовать—забывались и книжки и уроки.

Какъ истинныя подруги, дѣвочки совершенно не сходились характерами. Если взглянуть на нихъ со стороны, непремѣнно Ляля могла считаться гораздо болѣе привязчивой и нѣжной. Она была одна изъ тѣхъ пассивныхъ натуръ, которыя кажутся необыкновенно ласковыми и любящими. Такія женщины и взрослыми очень долго сохраняютъ

почти дѣтскій видъ; онѣ слабы, безпомощны, наивны и въ высшей мѣрѣ обладаютъ тѣмъ, что зовется «женственностью». Обыкновенно всѣ окружающіе называютъ ихъ ласкательно-зоологическими именами вродѣ «киски, мышки, цыпки, рыбки» и т. д., балуютъ и лелѣютъ. И онѣ платятъ любовью за любовь: онѣ нѣжно любятъ своихъ матерей, но спокойно переходятъ въ руки мужа и также нѣжно любятъ его; а если мужъ рано покончитъ земное существованіе, то, оплакавъ его, онѣ выходятъ за другого и также нѣжно и трогательно любятъ и его. Словомъ, эмблемою ихъ можетъ служить «нѣжный плющъ, вкругъ дуба обвитой».

Такимъ «плющомъ» являлась Ляля и сейчасъ, въ свои 7 лѣтъ, уже таящая въ себѣ всѣ задатки этого типа женщинъ, какъ крохотная завязь растенія скрываетъ въ себѣ въ миніатюрѣ всѣ его будущіе листья, цвѣты и плоды.

Тавочка была не такова. Она не располагала къ ласкѣ и баловству. Ее не звали ни «киской», ни «рыбкой», ни «цыпкой», а скорѣе «волченкомъ, дичкомъ», иногда «чертенкомъ»—судя по обстоятельствамъ. Но у этого чертенка было глубокое и чуткое сердце, жаждущее *давать*, а не *брать*. И сильнѣйшая—она уступала и повиновалась Лялѣ, хотя и вкусы у нихъ были разные.

Тавочка любила фантазировать и сочинять. Она постоянно исписывала, къ отчаянію надзирательницы, всѣ свои классныя тетрадки невѣроятными стихами и сочиненіями, и увѣряла Лялю, что будетъ сочинительницей, какъ Коваленская или Котъ Мурлыка, сказками которыхъ она зачитывалась. Правда, въ писаніяхъ ея перемѣшивалось все, что она слышала или учила за день: папа и мама ея героевъ, положимъ, покупали деревеньку возлѣ Парижа и управляющій оттуда присылалъ имъ въ Петербургъ цыплятъ и яйца; дѣти оказывались невзначай старше своихъ родителей и т. п. Но уже какая-то искорка трепетала въ ея «сочиненіяхъ», которыми она усердно дѣлилась съ Лялей. Любимымъ ея занятіемъ было мечтать, какъ она будетъ «большая и богатая», и какія она тогда сдѣлаетъ комнаты для Лялиной мамы и для Ляли. Она украситъ ихъ цвѣтами, и всѣмъ, что ей представлялось верхомъ роскоши. О роскоши она судила, во-первыхъ, по сказкамъ, а, во-вторыхъ, по комнатѣ надзирательницы. Вотъ отчего въ будущихъ ея дворцахъ перемѣшивались фонтаны, розовые кусты, красные бархатные диваны, комоды съ вязаными скатертями, кресла-качалки, золотые троны и кружевныя накидки на подушкахъ; но были тамъ и комнаты бѣлыя изъ серебра съ красными гіацинтами, «красивыя какъ во снѣ», и платья лучшаго цвѣта и хрустальные башмачки.

Ляля, наоборотъ, сочинять совсѣмъ не любила, и даже слушала безъ интереса; а любила играть «въ лавку», «въ гости», «въ вагоны» и т. п. положительныя игры.

Тавочка всѣмъ другимъ предпочитала пѣсню, которую у нихъ пѣли дѣти подъ руководствомъ молоденькой помощницы надзирательницы. Пѣли хоромъ, становясь въ кругъ; пространство внутри круга изображало озеро.

«Вдоль по озеру большому
Сѣрый гусь плыветъ,
И печальную онъ пѣсню,
Грустную поетъ!...»

За этимъ выходилъ кто-нибудь изъ дѣтей, изображающій гуся, и пѣлъ, разводя руками и представляя, что съ трудомъ плыветъ:

«У меня крыло больное,
Не могу летѣть,
И на озерѣ всю зиму
Долженъ я сидѣть!...»

Пѣсня была дѣйствительно унылая; и когда ее пѣла Тавочка, то чистый, дѣтскій голосъ дрожалъ отъ внутреннихъ слезъ. Въ воображеніи ея такъ ясно рисовался бѣдный, сѣрый гусь, котораго покинули товарищи и которому такъ холодно на озерѣ...

Ночью, въ полудремотѣ, Тавочка мысленно строила для гуся домикъ, съ соломой внутри, какъ она видѣла въ зоологическомъ саду, куда ихъ лѣтомъ возили; и грѣла, и голубила больного гуся; только тогда гусь уютно согрѣвался и засыпалъ тамъ, засыпала и Тавочка.

Ляля, наоборотъ, терпѣть не могла «гадкой пѣсни про гуся», а предпочитала веселыя пѣсенки съ танцами, вродѣ:

«Ножками топъ-топъ-топъ,
Ручками хлопъ-хлопъ-хлопъ!»

И плясала такъ, что надзирательница уже просила попечителя хлопотать о пріемѣ Ляли въ театральную школу: очевидно, она не знала, что имъ предстоятъ дворцы, золотые троны и красные бархатные диваны.

Не взирая на всѣ эти несоотвѣтствія, дружба дѣвочекъ все крѣпла. На Тавочкиной груди выплакала Ляля и свое первое сильное горе въ стѣнахъ пріюта.

Это было вскорѣ по ея поступленіи туда.

Тавочка окончила классъ французскаго языка и бѣжала къ Лялѣ подѣлиться съ ней животрепещущей новостью:

— Ляля! вообрази! Шкафъ-то вѣдь оказался «l'armoire!»

Но это сообщеніе совершенно не привлекло Лялинаго вниманія. Она сидѣла въ углу, держась обѣими руками за голову и во весь голосъ плакала.

Тавочка мигомъ забыла о наукѣ и обо всемъ на свѣтѣ и встревоженно кинулась къ Лялѣ:

— Ляличка, что ты, милая, о чемъ ты?

— Тавочка! Меня хотятъ обстричь!—прорыдала Ляля въ отчаяніи, продолжая судорожно держаться за бѣлокурые локоны и обращаясь прямо въ источникъ слезъ.

— Ну, что-жъ дѣлать!—попробовала урезонить ее Тавочка:—насъ здѣсь всѣхъ велятъ стричь—иначе нельзя. У меня волосы были вотъ до сихъ поръ...—она показала на то мѣсто, гдѣ у нея со временемъ должна была образоваться талія,—и то обстригли. Да ничего: вѣдь потомъ опять вырастутъ... когда мы будемъ большія!

— Когда большія? Да, Тавочка! А какъ же теперь-то меня мамочка узна-а-етъ! безъ моихъ волосиковъ!... И такъ она ихъ любила, такъ любила!...—еще отчаяннѣе убивалась Ляля.

Тавочка примолкла. Она соображала; эта роковая мысль ее поставила втупикъ,—впрочемъ, не надолго.

— Мы напишемъ твоей мамѣ, Ляля! Мы ей напишемъ, что тебя обстригли, вотъ она и узнаетъ!

— Развѣ что напишемъ?—чуть-чуть пріободрилась Ляля, хотя и продолжала плакать, утирая глаза кулаками.

Тѣмъ не менѣе ее обстригли; надзирательница и такъ долго медлила, жалѣя кудрей дѣвочки, но правила требовали этого.

Со стриженой головкой Ляля больше стала походить на остальныхъ дѣтей, которые положительно, какъ Соломоновы мальчики и дѣвочки, были почти не отличимы въ своихъ длинныхъ, сѣрыхъ передникахъ и одинаково обстриженныя. Нѣсколько дней Ляля плакала по своимъ волосамъ, но, наконецъ, утѣшилась. А мамѣ было отправлено письмо такого содержанія (безъ сохраненія правописанія):

«Дорогая моя мамуличка, золотая моя, мнѣ здѣсь очень хорошо только мнѣ обстригли волосы и я боюсь что ты меня не узнаешь такъ ты помни что у меня теперь голова круглая какъ шарикъ волосы я спрятала въ коробку изъ-подъ конфетъ до тебя. Цѣлую тебя мильонъ мильоновъ разъ и люблю какъ отсюда и до неба писала Тавочка моя подруга она тебя тоже страшно любитъ мамуличка я каждый день учусь и умѣю пѣсни пѣть пріѣзжай скорѣй твоя дочка Ляля».

Дней черезъ десять пришелъ отвѣтъ, который читала Ляля

Тавочка. И вдругъ она увидѣла своими глазами: «поцѣлуй отъ меня милую Тавочку и поблагодари, что она пишетъ для тебя письма».

Боже мой! О такомъ счастіи Тавочка и мечтать не смѣла. Поцѣлуй отъ Лялиной мамы! Такъ вотъ она уже о ней знаетъ, ее цѣлуетъ, вѣрно немножечко, «хоть чуточку любитъ».

— Какъ ты думаешь, твоя мамочка меня хоть чуточку любитъ?— съ бьющимся сердцемъ спрашивала она у Ляли.—Какъ ты думаешь, что будетъ, когда она пріѣдетъ?

Ляля великодушно обѣщала ей, что мама и ее полюбитъ, и тоже будетъ ласкать, какъ Лялю...

— А потомъ... Когда у нея будетъ много-много денегъ, знаешь что? Я попрошу ее, и она возьметъ тебя къ себѣ въ дочки!

Увы—маленькія перелетныя пташки уже хорошо знали, что исполненіе многихъ мечтаній, главнымъ образомъ, зависитъ отъ денегъ...

И молясь на ночь, Тавочка просила:

— Боженька, Господи, миленькій! Сдѣлай, чтобы у Лялиной мамы было много-много денегъ!

Опять синеватый свѣтъ лампадки озаряетъ двѣнадцать бѣлыхъ кроватокъ и двѣнадцать стриженыхъ головокъ. Тихо и ровно дѣтское дыханіе. Спятъ сладко, какъ будто никогда въ жизни не придется имъ узнать, что такое горе, голодъ, тоска... Спятъ счастливо, какъ будто и сейчасъ, вмѣсто наемной няньки, подобранныхъ изъ милости—ихъ, любимыхъ и балованныхъ, уложила въ постель, убаюкала ласковая мать. Но убаюкало ихъ милое, почти безсознательное дѣтство, и подъ лепетъ его дѣтской сказки имъ спится покойно и сладко.

Близко одна отъ другой лежатъ двѣ головки. Одна—бѣленькая, свѣтлая, съ пухлымъ ротикомъ, сложившимся въ улыбку. Другая—смуглая, съ огромными темными рѣсницами, бросающими тѣнь на полщеки. У нея одной во снѣ странное, недѣтское выраженіе: ея брови сдвинуты и ротъ какъ-то горько сжатъ — и такова всегда Тавочка во снѣ.

Много есть бездомныхъ и безпріютныхъ людей на свѣтѣ. Ступайте, пройдите отъ одного угла улицы до другого, вы сейчасъ же убѣдитесь въ этомъ. Хриплый басъ попроситъ у васъ «на ночлегъ», дѣтскій голосокъ запищитъ: «подайте копеечку, ѣсть хочется»... женскій шепотъ скажетъ: «два дня не ѣла»...

Дадите вы имъ или нѣтъ, но все же эти люди *просятъ*. Они заявляютъ о своемъ существованіи, объ отсутствіи крова, о голодѣ. И такъ или иначе, мы стараемся помочь имъ. Строимъ ночлежные дома,

богадѣльни, пріюты, устраиваемъ даровые обѣды, концерты и спектакли въ пользу нашихъ ближнихъ,—словомъ, стараемся успокоить нашу совѣсть относительно нихъ...

Но сколько есть въ этой же самой толпѣ, сталкивающейся съ нами бокъ-о-бокъ на улицѣ большого города, другихъ нищихъ, другихъ голодныхъ, которыхъ мы не видимъ, не замѣчаемъ, иначе говоря, они не просятъ и не взываютъ къ нашему состраданію. Правда, разсмотрѣть ихъ трудно: они не жмутся у угловъ, дрожа отъ холода, съ протянутой рукой; они отлично одѣты и гордо проходятъ или проѣзжаютъ мимо насъ, и иногда слѣпая толпа завидуетъ имъ и зоветъ ихъ счастливцами—и все же они худшіе нищіе. Имъ пришлось бы просить «на копеечку счастія», взывать: «иного лѣтъ не знаю людской ласки»... Это тѣ нищіе, которые испытываютъ самый странный голодъ,—голодъ душевный, голодъ по близкой душѣ, по безкорыстному участію, по чистой ласкѣ!...

О, тяжело, тяжело грѣться у чужого очага; не приведи Богъ никому.

Да для этихъ людей никто и не открываетъ пріютовъ милосердія: вѣдь построить деревянный или каменный домъ гораздо легче, чѣмъ какъ дворецъ открыть свое сердце *не только* тому, кого мы любимъ, а тому, кто нуждается въ нравственной поддержкѣ и въ святомъ подаяніи любви.

Маленькая Тавочка... Съ 6 лѣтъ ее бросали изъ дома въ домъ; послѣ смерти матери ее подобрала прачка, у которой онѣ снимала комнату, потомъ сердобольная портниха; потомъ ее взяла маленькая актриса, — актриса пристроила ее въ семью режиссера; тотъ помѣстилъ ее въ пріютъ, куда она попадетъ потомъ? Что ждетъ ее? Не извѣстно...

Чужія семьи, чужіе люди; вѣчное ощущеніе, что ты чужая, ничѣмъ не связанная съ окружающими, кромѣ ихъ равнодушнаго милосердія; вѣчная, мучительная жажда своей доли любви въ этомъ мірѣ...

Она спитъ, маленькая, блѣдная дѣвочка, и на ея лицо падаетъ странная тѣнь. Я знаю, откуда она. Это — тѣнь черныхъ крыльевъ одиночества, безшумно вѣющихъ надъ печальной и страстной душой, обреченной ему на жертву. Все больше и больше будетъ эта тѣнь закрывать ея жизненный путь; вмѣстѣ съ дѣтствомъ, съ юностью все дальше и дальше будутъ исчезать утѣшающія, свѣтлыя мечты и надежды; все безнадежнѣе и покорнѣе будутъ онѣ уступать дорогу этой страшной тѣни, все меркнуть, блѣднѣть, пока не растаютъ совсѣмъ, и все не обниметъ побѣдительная, послѣдняя вѣчная тьма.

И во снѣ блѣдная дѣвочка вздыхаетъ долгимъ, тяжкимъ вздохомъ, а лежащая рядомъ бѣлокурая головка улыбается—тоже сквозь сонъ.

Время шло. Уже съ крышъ капала вода, блестя на солнцѣ, и въ саду стояли лужи; дѣтей водили на прогулку уже не въ шубахъ, а въ легкихъ пальто. Дни были все длиннѣе; рѣка подъ вечеръ становилась розовой, а небо золотымъ, и красиво сквозило въ прорѣзи черныхъ деревьевъ. Изъ кухни тянуло капустой, рыбой и грибами; изъ сосѣдней церкви доносился заунывный звонъ—близился великій постъ и съ нимъ близился пріѣздъ Лялиной мамы.

Она написала, что пріѣдетъ на всю первую недѣлю.

Мама!... Не только Ляля ждала ее: кажется, еще страстнѣе, тревожнѣе ждала и Тавочка. Наконецъ-то, наконецъ-то она увидитъ эту дорогую, любимую Лялину маму, которая, навѣрно, возьметъ ее въ дочки!... Какъ это будетъ, что онѣ будутъ говорить другъ другу, Тавочка не знала; она знала одно, что вотъ пріѣдетъ ея мечта, ея добрая волшебница, въ золотыхъ локонахъ и со звѣздой въ волосахъ... придетъ къ нимъ—и все пойдетъ иначе. Будетъ что-то чудное, радостное, а что,—она себѣ представить ясно не могла.

Тавочка смотрѣла на всю толпу сѣренькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ съ круглыми головками, и чувствовала себя совершенно отдѣльной отъ нихъ. У нея была своя дорогая тайна... У нея была «Лялина мама», а у нихъ нѣтъ.

Тавочка и Ляля сидятъ въ большой комнатѣ послѣ завтрака. Праздникъ. Дѣти гуляютъ; но Тавочка кашляетъ и ее не пускаютъ, а Лялю надзирательница тоже почему-то оставила дома. Но обѣ о прогулкѣ не жалѣютъ, онѣ увлеклись чѣмъ-то. Нянька время отъ времени заглядываетъ къ нимъ, потомъ уходитъ къ себѣ, видя, какъ онѣ мирно сидятъ. Онѣ вообще рѣдко ссорятся, если не считать двухъ-трехъ мгновенныхъ вспышекъ гнѣва, которыя иногда, какъ смерчъ, налетаютъ на Тавочку; но и послѣ нихъ она немедленно раскаивается, и со слезами проситъ у Ляли прощенія и цѣлуетъ ей ручки и даже башмачки, а Ляля быстро прощаетъ, иначе говоря, ей скучно сердиться. Но сейчасъ онѣ болѣе чѣмъ когда-либо въ дружбѣ: всѣ ихъ мысли заняты предстоящимъ пріѣздомъ мамы и тѣмъ, что и какъ тогда будетъ. Бесѣдуя объ этомъ, онѣ, кромѣ того, вырѣзываютъ человѣчковъ изъ бумаги и раскрашиваютъ ихъ, то-есть вырѣзаетъ Тавочка, а Ляля только командуетъ, кого вырѣзать, но тѣмъ не менѣе, показывая нянькѣ, говоритъ:

— Смотри, какъ *мы* хорошо вырѣзаемъ.

Уже вырѣзаны и «Тавочка», и «Ляля» и признаны удивитель
похожими.

Дѣлается это очень просто: клочокъ бумаги сгибается пополам
вырѣзается полукругомъ головка, затѣмъ растопыренная рука, п
рехватъ въ таліи, юбка и прямо торчащая, въ видѣ бородки клоч
нога; разверните—и получится совершенно симметричная фигура.

Нельзя сказать, конечно, чтобы ея очертанія удовлетворяли всѣм
требованіямъ анатоміи и живописи; «но ты доволенъ ли, взыскатель
ный художникъ?» А Тавочка и Ляля въ восторгѣ отъ своихъ куколъ

Въ кружкѣ, изображающемъ голову, Тавочка ставитъ двѣ точ
на мѣсто глазъ, точку на мѣсто носа и тире или опрокинутую скоб
на мѣсто рта; волосы красятся черной или желтой краской, щеки—
розовой, а остальное подкрашиваетъ дѣтское воображеніе и заставл
етъ куколъ казаться очаровательными.

Теперь надо сдѣлать Лялину маму. Это труднѣе, потому что на
вырѣзать локоны. Но Тавочка собираетъ всю свою сообразительност
съ любовію вырѣзаетъ бумагу спиралью и покрываетъ самой ярк
желтой краской.

Ляля, съ восхищеніемъ раскрывъ ротъ, любуется смѣлостью г
ніальной художницы, и обѣ такъ увлечены, что даже не замѣчают
какъ отворяется дверь, и Анна Васильевна пропускаетъ высокую, х
денькую женщину въ темномъ платьѣ.

— Что это?

Крикъ, почти вопль, и темная фигура уже на колѣняхъ пере
Лялей, цѣлуетъ ее всю, душитъ въ своихъ объятіяхъ, плачет
смѣется, все сразу, а Ляля только визжитъ:

— Мама!...

Такъ несмотря на стриженые волосы, на то, что Ляля сидѣла
дверямъ спиной—все равно, сразу узнала. И цѣлуетъ жадно, и
оторвется, и прячетъ голову въ колѣни ребенку, и смѣется, и пл
рыдаетъ.

Тавочка вскочила со стула и стоитъ, прижавшись въ уголкѣ,
смотритъ, вся дрожащая; дыханіе у нея захватило.

Такъ вотъ она, Лялина мама!

Не такая, о, совсѣмъ не такая, какъ на портретѣ: ни золото
платья, ни звѣзды, ни длинныхъ локоновъ? Но это ничего! Т
она кажется еще лучше... Все въ ней прекрасно: и худенькія,
кія ручки, и блѣдное лицо съ большими, сіяющими отъ слезъ
счастья глазами... А голосъ ея рвется и звенитъ, какъ струн
она лепечетъ:

— Дѣтка моя, ненаглядная, бѣдный мой стриженый, солнышко мое, киска моя крохотная!—и всякія несвязныя, глупыя, чудныя слова, которыя любовь заставляетъ казаться божественной музыкой.

— Тавочка, пойдемъ со мной!—говоритъ надзирательница, желая оставить мать съ дѣвочкой.

— Ой!—только шепчетъ Тавочка, хватаясь инстинктивно за стулъ и прячась за нимъ.

А Ляля вспоминаетъ о подругѣ:

— Нѣтъ, пусть Тавочка не уходитъ! Мама, это та самая Тавочка, которая тебя любитъ!

Мать только теперь взглядываетъ на дѣвочку. У той останавливается сердце и краска отливаетъ отъ щекъ. Все ея существо рвется навстрѣчу къ ней; ей хочется протянуть руки и броситься на шею къ Лялиной мамѣ, и чтобы вотъ такъ же, такъ же прижала она ее къ себѣ, какъ только что прижимала свою дочку... Она ждетъ чего-то и вся трепещетъ.

— Ахъ, милая дѣвочка!—говоритъ Лялина мама. Она говоритъ очень ласково... Но странно: неужели это тотъ же самый голосъ, который только что твердилъ чудныя слова Лялѣ? Какъ будто онъ совсѣмъ другой?...

И она взглядываетъ на Тавочку съ улыбкой своими большими глазами... и глаза какъ будто иначе смотрятъ... Потомъ она притягиваетъ Тавочку за руку, говоритъ:

— Спасибо тебѣ за мою Лялю!

И цѣлуетъ.

Она ее поцѣловала! Вотъ о чемъ Тавочка мечтала такъ давно, и такъ была счастлива, что Ляля «позволила ей, что мама ее поцѣлуетъ...» И это былъ добрый и ласковый поцѣлуй.

Отчего же, отчего Тавочкѣ вдругъ стало такъ холодно... И она такъ и замерла, чувствуя, какъ будто у нея что-то отняли.

А Лялина мама уже больше не смотритъ на нее. Опять ея глаза обнимаютъ Лялю, всю, всю.

— Я ее сейчасъ увезу, Анна Васильевна!... Вы поймите, мнѣ каждая минутка дорога. Вѣдь полгода... полгода не видала!

— Еще бы не понять! Няня, давайте ея вещи.

— И теперь-то... всего недѣльку, а тамъ опять...— обрывается голосъ матери.—Такъ ужъ хоть всю недѣлю вмѣстѣ!

Няня приноситъ вещи.

— Мама, я къ тебѣ!—съ восторгомъ кричитъ Ляля.

— Ко мнѣ, сокровище мое, ко мнѣ, ангелъ мой!—и мать, на колѣняхъ, укутываетъ дѣвочку. Натягиваетъ ей камаши, цѣлуетъ

ножки мимоходомъ; торопится, словно у нея могутъ отнять ея сокровище, лихорадочно быстро застегиваетъ пальтецо.

Добросердечная Ляля оглядывается на Тавочку, застывшую въ своемъ углу, и спрашиваетъ:

— Мама, а что же Тавочка?

Можетъ ли мать думать о томъ, что происходитъ въ душѣ чужого ребенка? Она не знаетъ ихъ мечтаній и плановъ съ Лялей; она не догадывается, что чужая, блѣдная дѣвочка, строгими глазами смотрящая изъ своего угла, вся полна мучительной мольбой полюбить ее и «взять въ дочки». Она только думаетъ, что ея Ляля полюбила чужую дѣвочку—и, можетъ быть, будетъ скучать безъ нея? И она отвѣчаетъ:

— А ты вернешься къ ней черезъ недѣлю,—и съ легкой завистью, почти ревностью, прибавляетъ:—Вѣдь ты съ ней еще все лѣто пробудешь, а можетъ быть и... Ну, прощайте, прощайте, Анна Васильевна; спасибо вамъ за мою крошку!—она горячо жметъ руку надзирательницѣ, суетъ что-то нянькѣ, и потомъ опять наклоняется къ Тавочкѣ съ поцѣлуемъ.—Прощай, милочка!

Тавочка слегка отшатывается, такъ что поцѣлуй приходится въ воздухѣ. Глаза ея горятъ, а губы бѣлы какъ полотно.

Ляля тоже цѣлуетъ ее небрежно: она вся уже полна новыхъ впечатлѣній и щебечетъ:

— Мама, а мы на санкахъ или на извозчикѣ поѣдемъ? Мама, а мы куда? А ты мнѣ купишь орѣшковъ?

Дверь захлопнулась за ними.

Тавочку нянька напрасно ищетъ пить молоко. Она—въ темномъ коридорѣ, въ углу на сундукѣ, забившись такъ, чтобы ее никто не видалъ. У нея одно желаніе: никого, ничего не видѣть, не слышать. Въ сердцѣ у нея что-то порвалось и болитъ; лицомъ къ стѣнѣ, она, заглушая рыданія, выплакиваетъ свое страстное горе...

Она—одна.

Т. Щепкина-Куперник.

Что такое душевное здоровье *)

Можно ли въ самой психикѣ, т.-е. въ явленіяхъ нашего сознанія, искать критерій душевнаго здоровья?

Какъ только ставится такой вопросъ, тотчасъ же дѣлается яснымъ, что если такое мѣрило и существуетъ, то во всякомъ случаѣ оно не можетъ заключаться въ объемѣ нашего сознанія, въ количествѣ умственнаго багажа, которымъ тотъ или другой человѣкъ обладаетъ.

Очевидно, что ни количество образовъ, мыслей, ни масса чувствъ, ни даже сумма стремленій, которые гнѣздятся въ душѣ даннаго лица, не въ состояніи характеризовать душевнаго уровня, а тѣмъ менѣе не можетъ служить масштабомъ для опредѣленія, здоровъ ли душевно или нѣтъ данный индивидъ.

Объемъ духовной сферы любого человѣка, казалось бы, проще всего измѣрять числомъ словъ, ему извѣстныхъ, т.-е. числомъ находящихся въ его обладаніи представленій и понятій.

Однакожъ попытка, сдѣланная въ томъ направленіи, т.-е. вычисленіе количества словъ, которыми обладаютъ различные люди, не дали ничего характернаго для опредѣленія средней нормы психическаго здоровья. Оказалось, что деревенскій житель современной Европы имѣетъ въ своемъ распоряженіи почти такое же число словъ, какое наблюдается у многихъ представителей полудикихъ народовъ—до 1,000 словъ, средній образованный человѣкъ употребляетъ отъ 3 до 4 тысячъ словъ, выдающіеся писатели располагаютъ лексикономъ въ 7—8 тысячъ, а въ сочиненіяхъ великаго Шекспира встрѣчается 15,000 словъ.

Такая широкая скала колебанія въ количествѣ представленій, какая обнаруживается у здороваго средняго человѣка, отъ 1 до 4 тысячъ, наглядно показываетъ ненадежность этого критерія.

Съ первыхъ же шаговъ мы уже наталкиваемся на аналогію съ матеріальной основой нашей психики, съ нервной тканью. И послѣдняя, особенно мозгъ, даетъ большія количества колебаній у совершенно здоровыхъ

*) *Русская Мысль*, 1904 г., кн. V.

людей—отъ 1,250 грм. до 2,000 грм. Мы видимъ, однакожъ, что для духовнаго здоровья необходима наличность извѣстнаго минимума мозговой ткани—не менѣе 1,000 грм., для того, чтобы было возможно душевное здоровье.

Нѣчто аналогичное этому мы находимъ и въ сферѣ сознанія. Для каждаго народа, для каждаго класса общества индивидъ долженъ обладать опредѣленнымъ минимумомъ представленій, для того, чтобы его можно было признать душевно здоровымъ. Дикарь, не умѣющій считать дальше 10, можетъ быть выше средняго уровня другихъ своихъ соплеменниковъ, и быть душевно здоровымъ; современный житель Европы, будь это даже пастухъ, если онъ не въ состояніи сосчитать больше 10, безусловно представляетъ субъекта патологическаго, слабоумнаго.

Очевидно, что, допустивъ такой количественный критерій, мы должны считаться съ средой, воспитаніемъ, профессіей, режимомъ, соціальными условіями и друг. факторами, и что самъ по себѣ объемъ сознанія не можетъ служить критеріумомъ душевнаго здоровья и болѣзни.

Духовный міръ не есть простая ариѳметическая сумма душевныхъ явленій. Быть можетъ, за исключеніемъ самыхъ простыхъ элементарныхъ ощущеній, т.-е. впечатлѣній органовъ чувствъ, всѣ болѣе сложныя душевныя явленія, какъ, напримѣръ, мысли, сужденія, особенно же болѣе субъективные акты,—чувствованія и стремленія—не обладаютъ независимостью, но находятся подъ давленіемъ общаго строя душевной жизни, невидимой, скрытой, но постоянно проявляющейся внутренней психической организаціи. Вотъ почему отдѣльные душевные акты не должны быть разсматриваемы какъ самостоятельные факторы. Они должны быть изучаемы, исходованы лишь въ связи съ цѣлымъ душевнымъ складомъ человѣка.

Цѣльность психическаго міра обусловлена тѣмъ, что въ основѣ всей психической жизни лежитъ приспособленіе индивида къ средѣ. Вотъ почему вся духовная дѣятельность имѣетъ своимъ центромъ тяжести и регулятромъ интересы этого индивида, то, что называютъ «духовной личностью» или нашимъ «я». Во всѣхъ духовныхъ актахъ, особенно же въ чувствованіяхъ и стремленіяхъ, явно или скрыто, участвуетъ контролирующая и направляющая, то стимулирующая, то задерживающая, то видоизмѣняющая дѣятельность этой скрытой силы—нашей душевной организаціи.

Внутренняя организація нашего духовнаго міра выражается прежде всего въ существованіи выработанныхъ и унаслѣдованныхъ группъ реакціи, связанныхъ съ опредѣленными жизненными функціями,—таковы такъ наз. инстинктъ питанія, половой, инстинктъ самообороны и т. п.

Инстинктъ, какъ извѣстно, свойственъ и животнымъ. Инстинктъ нельзя пріурочить ни къ одному изъ трехъ главныхъ отдѣловъ душевной жизни,—къ уму, чувству или волѣ, такъ какъ въ инстинктѣ содержатся всѣ эти три элемента. Инстинктъ есть въ одно и то же время и кристаллизованное знаніе, и вѣками выработанная манера ощущать, чувствовать и реагировать, т.-е. дѣйствовать. Отсюда видно, что т. н.

есть своего рода микрокосмъ души, т.-е. цѣлый душевный аппаратъ въ миніатюрѣ, организованное сочетаніе всѣхъ основныхъ душевныхъ силъ, но лишь въ примѣненіи къ одной сторонѣ физіологической жизни и нервной дѣятельности. Инстинкты представляютъ собою истинный прототипъ души, ея зародышевую форму. Какъ только какая-нибудь сторона душевной жизни человѣка достигаетъ такой степени зрѣлости и устойчивости, что она принимаетъ почти неподвижную форму и при помощи соотвѣтствующаго приспособленія къ нервной организаціи она передается въ видѣ предрасположенія отъ родителей къ дѣтямъ,—мы имѣемъ дѣло съ инстинктомъ. Такъ, наприм., потребность семейной жизни, почти не присущая человѣку на низшихъ ступеняхъ его доисторической жизни, впослѣдствіи настолько сложилась въ опредѣленное представленіе, чувство и стремленіе, что у современнаго человѣка мы уже видимъ довольно прочную организацію этой потребности, проявляющуюся въ видѣ инстинкта. То же можно сказать и про болѣе сложныя и новѣйшія историческія наслоенія, какъ инстинктъ собственности, власти, честолюбія, инстинктъ массоваго дѣйствія, или коллективности и т. п. Инстинкты оказываютъ громадное вліяніе на всю индивидуальную душевную дѣятельность человѣка, давая ей опредѣленное направленіе каждый разъ, какъ какое-либо представленіе или стремленіе задѣваетъ сферу интересовъ того или другого инстинкта.

И вліяніе это тѣмъ могущественнѣе и тѣмъ неуловимѣе, что инстинкты оказываютъ свое давленіе еще въ сферѣ безсознательной, т.-е. въ тотъ періодъ, когда данный психическій процессъ еще не вышелъ изъ лабораторіи нервнаго процесса.

Многія явленія изъ области душевныхъ болѣзней и многія преступленія оставались бы необъяснимыми, еслибъ мы упустили изъ виду разстройство въ механизмѣ инстинктовъ. Цинизмъ, наприм., составляетъ одинъ изъ раннихъ признаковъ вырожденія и многихъ тяжелыхъ мозговыхъ болѣзней и обнаруживается иногда еще въ такое время, когда субъектъ еще вполнѣ сознаетъ неприличіе своего поведенія; здѣсь, очевидно, инстинктъ разстраивается еще въ началѣ заболѣванія.

Совокупность всѣхъ инстинктовъ, ихъ степень развитія, характеръ, и вліяніе на психику составляютъ въ сложности то, что называютъ темпераментомъ. Сюда входитъ также общій характеръ нервной функціи—чувствительность, подвижность, работоспособность,—форма главныхъ движеній, какъ-то: походки, почерка, голоса и пр.

Таковъ 1-й этажъ или самый глубокій и основной слой нашей душевной организаціи.

За нимъ ступенью выше слѣдуетъ характеръ, т.-е. выработанныя и упрочившіяся привычки въ сферѣ мозговой или психической функціи. И умственная или, вѣрнѣе, душевная дѣятельность имѣетъ свои инстинкты, правда, не столь устойчивые и неподвижные, какъ простѣйшіе инстинкты. Съ полнымъ правомъ можно говорить объ альтруистическомъ, религіозномъ инстинктѣ. Съ такимъ же правомъ можно говорить о томъ или другомъ

способѣ реагировать, чувствовать, о большей или меньшей психической энергіи и устойчивости; такъ называемый характеръ для нашей психической жизни—то же, что темпераментъ для низшей безсознательной дѣятельности.

Наконецъ, третьей и высшей ступенью духовной организаціи является построеніе «личности», или нашего сознательнаго «я».

Въ широкомъ смыслѣ этимъ словомъ обозначаютъ все духовное богатство, которымъ обладаетъ данный индивидъ, какъ лично пріобрѣтенное, такъ и тѣ свойства и дарованія, которыя онъ унаслѣдовалъ. Сверхъ того, въ составъ понятія о личности включаютъ еще и всѣ свойства нервно-психической организаціи, т.-е. темпераментъ и характеръ.

Согласно опредѣленію Мейнерта, въ основѣ «первичной личности» лежитъ тѣлесное самоощущеніе, т.-е. сводка и равнодѣйствующее, сознательное и полусознательное, всѣхъ ощущеній, получаемыхъ отъ всѣхъ уголковъ нашего тѣла, включая сюда и нервную ткань.

Это «первичное я», какъ называетъ его Мейнертъ, уже присущее ребенку, впослѣдствіи мало-по-малу обрастаетъ новымъ слоемъ представленій о предметахъ, лицахъ и явленіяхъ, входящихъ въ сферу нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ даннаго лица. Такимъ путемъ образуется слой «вторичнаго я».

На нашъ взглядъ, *«личность» можетъ быть всего ближе опредѣлена какъ духовное тѣлосложеніе*, что обозначаетъ не только содержаніе, но и извѣстное строеніе, а главное извѣстный родъ реакціи на окружающій міръ. Личность, т.-е. духовная величина и форма нашей индивидуальности, можетъ быть не только большей или меньшей, но болѣе или менѣе энергичной, устойчивой, она можетъ и должна имѣть свою манеру реагированія на Божій міръ, она можетъ быть пассивной или активной, оборонительной или агрессивной, она можетъ оказывать большее или меньшее регулирующее вліяніе на характеръ и темпераментъ, она можетъ или преимущественно опредѣляться въ своей работѣ внѣшними стимулами, но типъ психо-рефлексовъ, или, наоборотъ, она обнаруживаетъ большую наклонность къ самостоятельной, автономной дѣятельности. Она можетъ обладать значительнымъ внутреннимъ сцѣпленіемъ или цѣльностью, тогда весьма трудно оторвать какое-нибудь сросшееся съ личностью представленіе или стремленіе. Она можетъ легко или трудно воспринимать новые элементы, видоизмѣняться и развиваться въ теченіе жизни, или же, разъ сформировавшись, остаться на всю жизнь неподвижной, окаменѣлой и т. д.

Она можетъ достигнуть такого развитія и пріобрѣсть такое преобладающее значеніе въ духовной жизни человѣка, что всѣ отдѣльные акты умственной волевой работы будутъ носить на себѣ печать ея вліянія. В этомъ выводѣ, подтверждаемомъ наблюденіями, заключается самый существенный пунктъ ученія о личности. Личность, по мѣрѣ своего развитія становится не только новымъ факторомъ на ряду съ другими въ области душевной жизни, но стремится постепенно подчинить себѣ всѣ

послѣдней, больше всего область дѣйствій. Вниманіе и ассоціація идей и воля становятся подчиненными «личности», отъ которой они получаютъ направленіе.

Съ помощью вниманія мы можемъ дѣлать выборъ между впечатлѣніями и этимъ косвенно направлять и всю нашу душевную дѣятельность. Благодаря вниманію, человѣкъ до извѣстной степени эмансипируется отъ подавляющаго вліянія окружающей среды, перестаетъ быть ея пассивнымъ отраженіемъ и достигаетъ духовной автономности. Вниманіе есть проявленіе нашей личности въ сферѣ умственной жизни.

Вниманіе различно у разныхъ субъектовъ и по силѣ своего вліянія, и по продолжительности времени, въ теченіе котораго мы въ состояніи удержать въ сознаніи данное вожделѣнное впечатлѣніе и устранять нежелательное. Какъ способность, вниманіе есть продуктъ выучки и упражненія и значительно колеблется у разныхъ людей. Сила вниманія падаетъ замѣтно подъ вліяніемъ вредныхъ физіологическихъ и психологическихъ моментовъ, какъ-то: утомленія, волненія, изнуренія, опьянѣнія. Въ дѣтствѣ и въ глубокой старости вниманіе слабо.

Богато одаренные духовно люди обладаютъ въ высокой степени способностью сосредоточить и удержать (фиксировать) свое вниманіе на произвольно ими выбранномъ объектѣ.

Слабоуміе характеризуется больше всего недоразвитіемъ вниманія. Еслибъ мы въ состояніи были измѣрять величину способности вниманія, мы имѣли бы, вѣроятно, наиболѣе близкое мѣрило степени развитія нашей интеллектуальной энергіи.

Въ сферѣ нашихъ дѣйствій или воли также обнаруживается вліяніе личности. Если мы прослѣдимъ нить дѣяній правильно развитого человѣка, то мы будемъ иногда поражены той странной непостижимой внутренней связью этихъ поступковъ и ихъ однородностью. Такая однородность при крайней сложности и индивидуальности отдѣльныхъ актовъ воли говоритъ въ пользу существованія какого-то невидимаго общаго регулятора для волевой дѣятельности. Воля есть самое позднее, цѣнное, наиболѣе нѣжное, т.-е. наименѣе устойчивое пріобрѣтеніе, сдѣланное человѣкомъ. Она должна быть по степени своего развитія и по силѣ не одинакова у разныхъ людей. Она вообще еще въ statu nascendi у массы людей и, вслѣдствіе своей тѣсной связи съ уровнемъ данной культуры, должна достигать различной высоты у разныхъ народовъ. Воля есть внѣшнее проявленіе всей духовной личности человѣка.

Говоря о волѣ, нельзя обойти понятіе о сознательности, которая многими считается за главный признакъ воли и употребляется въ смыслѣ цѣлесообразности. Нужно только имѣть въ виду, что ея цѣлесообразность особаго рода, что въ ней обнаруживается соотвѣтствіе между реакціей, т.-е. поступкомъ, и индивидуальностью, т.-е. личностью.

Слово «сознательное» употребляется еще въ иномъ смыслѣ, какъ признакъ воли. Когда говорятъ, что такое-то лицо поступило не сознательно,

то, очевидно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о дѣйствительно безсознательности, т.-е. о томъ, что это лицо не вѣдало, что оно творитъ, и дѣйствовало, какъ лунатикъ. Этимъ хотятъ лишь выразить тотъ фактъ, что данное рѣшеніе не вызвало въ умѣ этого лица представленія о послѣдствіяхъ, препятствіяхъ, о долгѣ, чести, о своемъ интересѣ, не вызвало воспоминанія, т.-е. уроковъ прошлаго, и т. д.

Подъ неопредѣленнымъ выраженіемъ «сознательное» скрывается весьма реальный фактъ, играющій капитальную роль въ актѣ воли—это размѣръ и полнота процесса ассоціаціи. Сознательное есть мѣра этого процесса. Чѣмъ ассоціація шире, тѣмъ сознательность полнѣе. Когда ассоціація наибольшая, т.-е. когда данное рѣшеніе воли, прежде чѣмъ сложиться, профильтровалось сквозь всѣ тѣ психологическіе факторы, которые стоятъ въ какомъ-либо соотношеніи съ даннымъ случаемъ, подлежащимъ рѣшенію, когда, наконецъ, это рѣшеніе ассоціировалось съ матеріаломъ индивидуальнымъ, т.-е. съ элементами личности, тогда дѣйствительно ассоціація достигла своего полнаго предѣла, степень сознательности въ то же время наибольшая,—рѣшеніе есть уже функція всего «я». И здѣсь мы снова приходимъ къ тому, что наиболѣе полное проявленіе воли, какъ особой функціи, заключается въ наиболѣе полномъ участіи высшаго регулятора нашей личности.

Координація или правильное распредѣленіе силъ и импульсовъ, съ помощью которыхъ производятся движенія, также достигаетъ своего наибольшаго развитія въ актѣ воли. Такъ, наприм., если для достиженія цѣли необходимо совершить такой-то рядъ отдѣльныхъ дѣйствій, то всѣ эти дѣйствія должны быть произведены въ извѣстномъ порядкѣ. Даже въ такомъ, какъ будто чисто умственномъ актѣ, какъ убѣдительное изложеніе своей мысли, координація играетъ важную роль. То, что называютъ умѣньемъ излагать и доказывать мысли, заключается не столько въ объемѣ доказательствъ, сколько въ порядкѣ ихъ расположенія, въ ихъ своевременности, пропорціональности каждой изъ нихъ по ея значенію для цѣлаго, словомъ, въ координаціи фактовъ и аргументовъ.

Такъ называемая умѣлость въ поступкахъ и предпріятіяхъ также главнымъ образомъ, заключается въ правильномъ сочетаніи отдѣльныхъ дѣйствій. Большая часть того, что называютъ разумностью, цѣлесообразностью, сознательностью, чѣмъ характеризуются волевые акты, сводится въ концѣ концовъ къ правильной координаціи мотивовъ, цѣлей, шансовъ и препятствій.

Въ актѣ воли немалую роль играютъ заученныя движенія, т.-е. привычныя дѣйствія и поступки. Какъ въ механизмѣ рефлексовъ огромная экономія достигается тѣмъ, что нервная система вырабатываетъ рядъ готовыхъ, цѣлесообразныхъ реакцій, которыми мы пользуемся на каждомъ шагу, такъ точно и въ сферѣ волевыхъ дѣйствій мы обладаемъ извѣстнымъ арсеналомъ выработанныхъ реакцій, которыя входятъ уже готовые элементы во всѣ наши поступки.

Главная задача воли именно въ томъ и заключается, чтобъ намъ облегчить работу выучиванія новыхъ дѣйствій, но разъ это достигнуто, дальнѣйшее повтореніе этого дѣйствія уже совершенно машинально переходитъ въ разрядъ психорефлексовъ. Такъ, напримѣръ, много трудностей требуется преодолѣть, чтобъ выучиться писать, играть, рисовать, чтобы усвоить себѣ извѣстныя манеры, чтобъ научить ребенка чистоплотности и т. д. Но разъ это достигнуто, всѣ эти вещи производятся автоматически. Могущественная сила привычки такъ велика, что она нерѣдко вступаетъ въ борьбу и успѣшно съ волей тамъ, гдѣ послѣдняя, подъ вліяніемъ какого-либо мотива или чувства, стремится нарушить обычное теченіе нашихъ дѣйствій, раньше выработанное.

Волю можно поэтому въ нѣкоторомъ смыслѣ сравнить съ капитаномъ судна, который, приспособляясь къ новымъ обстоятельствамъ, измѣняетъ по временамъ направленіе и скорость движенія судна. Но въ промежуткѣ между такими новыми моментами судно, иногда по цѣлымъ суткамъ, двигается въ силу своего собственнаго механизма.

Отсюда, между прочимъ, еще разъ видно, какъ шатко разграниченіе между волей и рефлексами. То, что сегодня впервые нами дѣлается, заучивается съ помощью извѣстнаго умственнаго и нравственнаго усилія и составляетъ актъ нашей воли, завтра же, разъ оно усвоено и уже не нуждается для своего осуществленія въ этомъ усиліи, оно обращается въ психо-рефлексъ. Мало того, такія заученныя дѣйствія могутъ совершаться не только безъ активнаго, избирательнаго участія воли, но по долгомъ навыкѣ, даже безъ участія сознанія; мы подаемъ помощь страждущимъ иногда совершенно машинально, а между тѣмъ какой длинный путь пришлось пройти человѣчеству, прежде чѣмъ люди усвоили себѣ такую привычку.

Сознательность составляетъ необходимое условіе волевыхъ актовъ лишь въ первые моменты ихъ возникновенія и заучиванія. Чѣмъ больше повторялся и чѣмъ больше усвоенъ этотъ актъ, тѣмъ болѣе сознаніе отходитъ на задній планъ, и для вполнѣ заученныхъ волевыхъ актовъ сознаніе составляетъ уже лишь побочное дополнительное, но не существенное явленіе. Это безспорно весьма важное обстоятельство въ ученіи о волѣ, такъ какъ оказывается, что у воли отпадаетъ самый, казалось, капитальный пунктъ различія между ней и рефлексами. Этимъ самымъ понятіе о волѣ окончательно превращается въ представленіе о механизмѣ, правда, весьма сложномъ, а волевые акты дѣлаются закономѣрными проявленіями этого механизма нашей личности.

Есть, наконецъ, еще одинъ факторъ воли, но также общій съ рефлексами—это способность задержки или угнетенія, играющая существенную роль въ волевыхъ актахъ. Угнетеніе проявляется въ актѣ воли многоразличнымъ образомъ. Во-первыхъ, подавленіемъ нѣкоторыхъ мотивовъ, представленій, чувствъ и стремленій устраняются элементы, вредные для данного стремленія воли.

Далѣе, угнетеніе ослабляетъ чрезмѣрное напряженіе нѣкоторыхъ вне желательныхъ факторовъ, т.-е. регулируется ихъ пропорціональное развитіе и участіе въ дѣлѣ рѣшенія или выбора, чѣмъ достигается самая трудная часть дѣла—координація мотивовъ и силъ, и средствъ, участвующихъ въ данномъ волевомъ актѣ.

Но безспорно самой важной частью дѣла слѣдуетъ признать тотъ непосредственный выигрышъ времени, который достигается благодаря угнетенію. Самая большая опасность для развивающагося волевого рѣшенія заключается всегда въ томъ, что одинъ какой-либо изъ мотивовъ, участвующихъ въ выработкѣ рѣшенія, или одно изъ чувствъ и стремленій получаетъ чрезмѣрное напряженіе, достигаетъ преобладающаго вліянія на весь процессъ и разрѣшается чисто рефлекторнымъ путемъ въ формѣ какого-нибудь скороспѣлаго рѣшенія и поступка, не давъ волевому акту времени созрѣть надлежащимъ образомъ путемъ ассоціаціи.

Возможность задержать, отложить исполненіе нашихъ рѣшеній составляетъ поэтому самый высокій и цѣнный даръ нашей психической организаціи.

Въ этой способности нѣтъ однакожъ ничего новаго, ничего спеціальнаго, что дало бы право усматривать въ волѣ какое-то особое начало. Способность эта присуща уже и рефлексамъ и обнаруживается въ нашей способности подавлять рефлексы отъ боли, испуга и т. п.

Каждый разъ, когда мы отъ чего-либо удерживаемся, мы вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляемъ въ себѣ эту цѣнную способность задержки и отсрочки для всѣхъ другихъ проявленій воли.

Съ этимъ капитальнымъ фактомъ психіатры и педагоги должны считаться какъ съ одной изъ самыхъ важныхъ особенностей воли. Благодаря такой отсрочкѣ воли, процессъ выработки волевого акта затягивается, время для ассоціаціи выигрывается, чѣмъ дается возможность выступить не только сильнѣйшимъ, эгоистическимъ мотивамъ, обыкновенно первымъ врывающимся въ сознаніе, но и болѣе слабымъ, альтруистическимъ и вообще болѣе тонкимъ и отдаленнымъ факторамъ нашей духовной личности.

Древніе моралисты и законодатели, повидимому, глубже насъ понимали значеніе этой способности задержки, когда они въ основу своего нравственнаго катехизиса клали отрицательныя, т.-е. чисто задерживающія внушенія — не убей, не воруй и т. п. Такія задерживающія представленія съ дѣтства усвоенныя, дѣйствуютъ у взрослыхъ какъ чисто механическій тормозъ и барьеръ для скороспѣлыхъ волевыхъ рѣшеній.

Резюмируя изложенное, мы въ правѣ опредѣлить волевое дѣйствіе, какъ видоизмѣненный рефлексъ, сопровождающійся въ эпоху своей выработки сознаніемъ и регулируемый механизмомъ нашей личности.

Въ своемъ способѣ осуществленія поступокъ подчиненъ прежде всего темпераменту, т.-е. законамъ организаціи и отправленія нервной системы, затѣмъ уже такъ называемому характеру, т.-е. законамъ психической дѣятельности и, наконецъ, въ послѣдней инстанціи поступки регулируются

направляющимъ вліяніемъ пріобрѣтенной психической индивидуальности—личности.

Чтобы составить себѣ правильное понятіе объ организаціи нашего духовнаго міра и о механизмѣ его дѣятельности, слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующее.

А. Индивидуальность. Хотя уже въ самой нервной функціи, въ устройствѣ и отправленіи мозга мы встрѣчаемъ рѣзко выраженную индивидуальность, но душевная жизнь человѣка, міръ его сознанія безконечно превосходитъ нервную функцію по богатству, формѣ и разнообразію проявленій.

Знаменитый германскій психіатръ Флехсигъ указываетъ на рѣзкое проявленіе этой индивидуальности въ дѣйствіи алкоголя на нашу психическую жизнь и наше сознаніе. Пусть, говоритъ Флехсигъ, компанія въ 5—6 человѣкъ напьется до опьянѣнія, и пусть это будутъ люди одного возраста и тѣлосложенія, приблизительно одного уровня физическаго здоровья, опьянѣніе можетъ у каждаго изъ нихъ выразиться въ различной степени и формѣ. Одинъ придетъ въ состояніе веселаго возбужденія, другой, наоборотъ, впадетъ въ состояніе тоски, душевной подавленности, изобразитъ картину меланхолическаго помѣшательства, третій будетъ въ состояніи безсмыслія, не сознавать, что съ нимъ и вокругъ него дѣлается—передъ нами явится типъ остраго слабоумія. Кое-кто изъ компаніи, пожалуй, будетъ галлюцинировать и т. д., найдется и такой членъ компаніи, который побѣдоносно справится съ выпитымъ имъ виномъ, и на психикѣ котораго вовсе не отразится дѣйствіе алкоголя.

Мы видимъ на этомъ примѣрѣ, говоритъ Флехсигъ, какъ одно и то же количество ядовитаго напитка оказываетъ совершенно различное, даже противоположное дѣйствіе на нашу психику. Флехсигъ думаетъ, что индивидуальное проявленіе формы опьянѣнія обусловливается различнымъ химическимъ дѣйствіемъ алкоголя на мозгъ.

Но такое толкованіе Флехсига ничѣмъ не доказано. Съ такимъ же правомъ мы можемъ предполагать, что при одномъ и томъ же химическомъ дѣйствіи алкоголя на мозгъ, психическая реакція можетъ быть сама по себѣ весьма индивидуальна. Въ пользу этого говоритъ тотъ фактъ, что дѣйствіе алкоголя на психику одного и того же человѣка можетъ быть различно въ разное время и при различныхъ условіяхъ. Кромѣ того, наблюденія надъ людьми показываютъ, что чисто психическія вліянія тоже оказываютъ на различныхъ людей самое разнообразное и индивидуальное дѣйствіе. Видъ краснваго пейзажа, музыкальная пьеса, чтеніе драматическаго произведенія вызываютъ въ зрителяхъ и слушателяхъ самыя разнообразныя чувства, мысли и настроенія; въ этихъ индивидуальныхъ реакціяхъ человѣческой души сказываются особенности душевной организаціи каждаго изъ присутствующихъ. Когда внезапное, выходящее изъ обычнаго уровня впечатлѣніе поражаетъ толпу, наприм., пожаръ, наводненіе, землетрясеніе и т. п., индивидуальная выносливость и натура отдѣльныхъ личностей проявляются всѣмъ своемъ богатствѣ. Одинъ пробуждается къ цѣлесообразной, разум-

ной дѣятельности, другіе теряютъ голову, третьи приходятъ въ состояніе нервнаго, полусознательнаго возбужденія, а многіе впадаютъ въ оцѣпѣніе или въ обморокъ, есть и такіе, у которыхъ развиваются нервные, даже психическіе припадки.

Въ такіе экстраординарные моменты жизни особенно ярко выступаетъ индивидуальное разнообразіе размѣровъ того запаса душевной энергіи, которымъ обладаетъ тотъ или другой индивидъ. Индивидуальное разнообразіе человѣческой души также рельефно обрисовывается при многообразныхъ психо-физіологическихъ состояніяхъ, каковы: радость, страхъ, гнѣвъ, досада, ревность, любовь. Тутъ что ни субъектъ — другая реакція, другія формы психическихъ проявленій.

Всѣ эти явленія становятся вполнѣ понятными, если мы примемъ во вниманіе, что на всѣхъ ступеняхъ психической организаціи—въ инстинктахъ, характерѣ и личности, психика человѣка не пріурочена къ одному какому-либо неподвижному типу, а повинуясь закону приспособленія къ окружающей средѣ, къ физической природѣ и соціальной жизни, складывается въ различные типы.

Достаточно вспомнить, какъ рѣзко могутъ различаться между собою люди одного и того же народа, одной и той же среды, даже въ одной и той же семьѣ по типу своего темперамента.

Классическое дѣленіе темпераментовъ, установленное Гиппократомъ, который принималъ существованіе четырехъ основныхъ человѣческихъ темпераментовъ—сангвиническаго, меланхолическаго, флегматическаго и холерическаго—сохраняетъ и понынѣ свою силу лишь съ нѣкоторыми поправками.

Это дѣленіе оказывается также пригоднымъ не только для отдѣльныхъ индивидовъ, но и для цѣлыхъ народовъ. Есть народы флегматики, какъ, напримѣръ, голландцы, народы сангвиники, какъ южные итальянцы и французы.

Кромѣ этихъ чистыхъ типовъ встрѣчается масса варіантовъ и смѣшанныя переходныя формы. Три основныя человѣческія расы—черная, желтая (монгольская) и бѣлая (кавказская) обладаютъ каждая своеобразнымъ темпераментомъ. Легко возбуждающійся и неустойчивый характеръ негра рѣзко отличается отъ болѣе тяжелаго, нѣсколько мрачнаго, малоподвижнаго темперамента монгола, темпераментъ жителя кавказской расы представляетъ счастливое сочетаніе высокой устойчивости и болѣе легкой возбудимости.

Въ темпераментѣ мы имѣемъ проявленіе общаго склада нервной функціи и безсознательной душевной организаціи, насколько она проявляется въ чувствительности и подвижности, въ инстинктахъ, въ работѣ, въ полѣ жизни, въ стремленіи къ извѣстной пищи, въ унаслѣдованныхъ и приспособленныхъ реакціяхъ на внѣшній міръ и т. п.

Стоитъ намъ подняться одной ступенью выше въ области сознательной душевной жизни—въ царство психики, и тутъ насъ тотчасъ же поразитъ крайнее разнообразіе формъ и типовъ.

Въ то время, когда у однихъ людей замѣчается преобладаніе импульсивности, стремленіе къ дѣятельности, другіе обнаруживаютъ больше склонности къ жизни внутренней, созерцательной. Встрѣчается и типъ людей, каждый душевный актъ которыхъ сопровождается богатой окраской чувствъ. Особенно же рѣзкое различіе обнаруживается между разными людьми въ построеніи ихъ личности.

Выраженія: крупная и мелкая личность, сильная и слабая, столь часто встрѣчающіяся въ литературѣ, имѣютъ реальное основаніе. Какъ есть люди физически слабые и сильные, мелкіе и крупные, такъ и въ отношеніи психической организаціи люди представляютъ большія колебанія.

Крупная и сильная личность большей частью даетъ намъ духовный типъ агрессивный, хищный, а въ сферѣ чисто интеллектуальной—новаторовъ. Слабая личность есть существо пассивное, представитель рутины, традицій, легко подчиняющійся всякаго рода авторитетамъ—и людей, и идей и преданій, и установленныхъ формъ жизни. Все неисчерпаемое богатство литературы зиждется на описаніи картинной галлереи основныхъ типовъ человѣческой личности и человѣческаго духовнаго склада. Типы храбрыхъ и трусовъ, оптимистовъ и пессимистовъ, довѣрчивыхъ и подозрительныхъ, добрыхъ и злыхъ, фантазеровъ и разсудительныхъ, скупыхъ и щедрыхъ, новаторовъ и рутинеровъ, правдивыхъ и лживыхъ, вѣрныхъ и вѣроломныхъ и др., встрѣчаются на каждомъ шагу среди культурныхъ, передовыхъ народовъ.

Среди современныхъ европейскихъ народовъ разнообразіе формъ человѣческой личности достигаетъ своего наиболѣе пышнаго развитія. И нужно ли говорить о томъ, что каждый изъ этихъ типовъ обладаетъ спеціальной устойчивостью и что каждый разъ, какъ индивидъ опредѣленнаго типа стоитъ на рубежѣ душевнаго здоровья и начинающейся болѣзни, приходится считаться съ особенностями и индивидуальной натурой даннаго субъекта.

Знаменитый вѣнскій психіатръ Мейнертъ весьма картинно сравнивалъ духовный міръ человѣка съ полемъ, засѣяннымъ извѣстными культурными растеніями, гдѣ въ почвѣ скрываются зерна многихъ дикихъ растеній. Въ обычное время эти послѣднія задавлены ростомъ культурныхъ растеній, но стоитъ лишь почвѣ заболѣть, наприм., при засухѣ или другой причинѣ, тогда нѣжныя культурныя сѣмена погибаютъ, и изъ почвы появляются ростки болѣе грубыхъ и дикихъ растеній.

Аналогичное явленіе, говоритъ Мейнертъ, наблюдается и въ душѣ человѣка.

Въ каждомъ изъ насъ рядомъ съ реальнымъ сознаніемъ нашей личности, нашего значенія, нашей дѣйствительности, нашей вѣроятной будущности, гдѣ-то далеко на глубинѣ безсознательнаго, въ подпочвенной области нашей души, гнѣздятся скрытыя, подавленныя мечты, надежды, опасенія и фантазіи. Стоитъ лишь ослабѣть контролю сознанія надъ этимъ подпочвеннымъ царствомъ, и оттуда немедленно всплываютъ зачатки бредовыхъ мыслей, плановъ, чувствъ, образовъ и стремленій.

Въ этомъ-то безконечно разнообразномъ и индивидуальномъ богатствѣ подпочвеннаго слоя нашей духовной личности Мейнертъ основательно видитъ источникъ разнообразія и индивидуальности содержанія, т.-е. breadth развивающагося какъ при легкихъ и временныхъ уклоненіяхъ душевнаго здоровья отъ нормы, часто наступающихъ вслѣдствіе нервнаго и психическаго переутомленія, такъ и при физической болѣзни и, особенно, при душевныхъ волненіяхъ и нервныхъ разстройствахъ.

В. Ключъ къ столь пышному развитію индивидуальности, многогранности человѣческой души мы находимъ въ историческомъ развитіи нашей духовной организаціи.

Сравнивая между собою народы и расы, стоящіе на неодинаковыхъ ступеняхъ духовной матеріальной культуры, мы открываемъ у нихъ существенныя различія въ складѣ душевной жизни.

Нѣкоторые изъ первобытныхъ народовъ представляютъ въ своей духовной физіономіи такія рѣзкія отличія отъ человѣка европейской расы, что путешественники, впервые столкнувшіеся съ этими племенами, выносятъ нерѣдко такое впечатлѣніе, будто передъ ними слабоумные люди, нѣчто среднее между человѣкомъ и животнымъ. Таковы многія австралійскія племена и Веды, обитающіе на островѣ Цейлонѣ и описанные братьями Саррацинъ, акки, открытые Швейнфуртомъ, населяющіе часть экваторіальной Африки, между Конго и истоками Нила и друг. Веды, по описанію бр. Саррацинъ, увидавъ европейца, закрываютъ себѣ лицо своими длинными волосами и, дрожа всѣмъ тѣломъ, издаютъ дикіе вопли и находятся нѣсколько минутъ въ состояніи сильнаго возбужденія.

Малайцы, стоящіе уже на сравнительно болѣе высокой ступени духовнаго развитія, обладающіе соціальной организаціей, зародышемъ литературы, и рѣдко по самому пустому поводу приходятъ въ такую ярость, которая для европейца представляется настоящимъ припадкомъ остраго неистовства и помраченія сознанія, какой можно въ Европѣ наблюдать лишь въ домахъ умалишенныхъ.

Въ головѣ читателя можетъ возникнуть предположеніе, что, быть можетъ, упомянутые дикіе народы, дѣйствительно, не могутъ считаться нормальными людьми и неспособны достигнуть уровня человѣческаго общества. Такое предположеніе однакожъ блистательно опровергается наблюденіями. Отдѣльные индивиды изъ этихъ племенъ, попавъ въ условія культурной жизни, оказываются нерѣдко способными подняться на большую умственную и моральную высоту надъ уровнемъ ихъ расы. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить тѣ два индивида изъ племени акки, признаваемые получеловѣческими существами, близкими къ обезьянамъ, которые, будучи привезены въ Европу, уже спустя два года были въ состояніи въ самомъ засѣданіи географическаго конгресса (1875 г.) написать по-итальянски письмо, обнаружившія довольно солидное умственное развитіе.

Переходя къ народамъ, достигшимъ сравнительно болѣе высокаго умственнаго уровня, мы находимъ въ ихъ характерѣ, въ чувствахъ, инстинктахъ

такія уклоненія отъ того, что мы привыкли считать неотъемлемой принадлежностью здороваго душевнаго строя, что мы съ трудомъ можемъ въ нихъ видѣть людей, подобныхъ намъ. Чисто звѣрская жестокость, отсутствіе слѣда чувства стыдливости, отсутствіе представленія о своемъ и чужомъ, отсутствіе понятія о совѣсти, правдивости и множество подобныхъ чертъ ставятъ этихъ людей на одинъ уровень съ тѣми подонками нашего общества, которые у насъ являются лишь продуктомъ алкоголизма и психическаго вырожденія.

Въ Японіи еще очень недавно можно было встрѣтить на улицахъ совершенно нагихъ людей.

У многихъ горцевъ Кавказа еще недавно процвѣталъ обычай родовой мести, причемъ убійство, которое у цивилизованнаго человѣка является актомъ, совершаемымъ лишь въ минуты затменія сознанія и душевнаго разстройства, считалось чуть ли не подвигомъ.

То, что у насъ считается преступленіемъ противъ половой чести и болѣзненнымъ извращеніемъ здороваго чувства, во многихъ странахъ востока живетъ какъ обыденное, нормальное явленіе, не шокирующее общественной нравственности и чувства стыдливости.

Исторія духовнаго развитія человѣчества и сравненіе человѣческихъ расъ, стоящихъ на различной духовной и культурной высотѣ, приводитъ къ тому заключенію, что нервная система человѣка въ теченіе долгаго періода эволюціи не только видоизмѣнялась, совершенствовалась качественно, но и росла въ объемѣ.

Относительно мозга есть основаніе предполагать, что каждая крупная историческая фаза эволюціи человѣка знаменовалась приростомъ или цѣлыхъ его отдѣловъ, какъ, наприм., лобной его доли, или увеличеніемъ его массы, прибавленіемъ новыхъ клѣтокъ и нервныхъ путей.

Аналогичное этому явленіе констатировано и для отправленій нервной системы вообще, мозга же въ особенности. Постепенно съ вѣками, пережитыми первобытнымъ и доисторическимъ человѣкомъ, непрерывно наростала сумма какъ заученныхъ и унаслѣдованныхъ рефлексовъ, реакцій и приспособленій, такъ и размѣръ самой приспособляемости, т.-е. районъ возможныхъ новыхъ приспособленій.

Въ психической сферѣ это явленіе непрерывнаго роста выступаетъ еще яственнѣе. Ростъ языка, количество представленій, понятій, чувствъ, стремленій внѣ всякаго сомнѣнія. Остановился ли уже въ настоящее время матеріальный ростъ нервной системы, какъ физическаго органа, достигъ ли онъ своего матеріальнаго предѣла, мы не знаемъ. Но то несомнѣнно, что функціональная энергія нервной дѣятельности продолжаетъ еще на нашихъ глазахъ наростать даже у самыхъ передовыхъ народовъ. Ростъ и развитіе психики во всѣхъ отрасляхъ жизни, спеціализація труда въ фабрично-заводской промышленности и ремесленной ручной работѣ развиваютъ и увеличиваютъ остроту органовъ чувствъ, точность и тонкость движеній, что непрерывно связано съ усовершенствованіемъ нервной функціи.

Распространеніе музыки, танцевъ, пѣнія, гимнастики, велосипедной ѣзды, стрѣльбы, верховой ѣзды, плаванія и многихъ другихъ видовъ спорта неизбѣжно влечетъ за собою усовершенствованіе самой капитальной нервной функціи—способности къ сложной и точной координаціи движеній.

Объективно прогрессъ нашей нервной системы проявился уже во все болѣе возрастающей способности европейской расы къ акклиматизаціи въ тропическихъ странахъ, климатъ которыхъ еще недавно былъ абсолютно невыносимъ для европейцевъ.

Едва ли представляется надобность доказывать непрерывный ростъ духовныхъ способностей современнаго человѣка.

Его органы чувствъ дѣлаются тоньше, что легко констатировать въ осязаніи, способности различать цвѣта, высоту звуковъ и т. д. Способность вниманія—этотъ краеугольный камень умственной, вѣрнѣе, познавательной дѣятельности, расширяется. Память современнаго человѣка средняго уровня содержитъ въ своихъ нѣдрахъ несравненно большее число образовъ и звуковъ, зрительныхъ и двигательныхъ представленій, нежели сто лѣтъ назадъ помѣщалось въ головѣ ученаго.

Наиболѣе замѣтно обрисовывается прогрессъ во внутренней нашей духовной организаціи, въ развитіи нашей личности. Это сказывается уже въ томъ, что наше «я» все болѣе и болѣе подчиняетъ себѣ отдѣльные акты нашей духовной жизни, которые не являются, какъ на низшихъ стадіяхъ культуры, психическими рефлексами, т.-е. непосредственными реакціями на впечатлѣнія и не подчиняются непосредственно желаніямъ и цѣлямъ данной минуты.

Личность все болѣе налагаетъ на нихъ свою властную руку, взвѣшиваетъ каждый отдѣльный мотивъ, судитъ, выбираетъ и рѣшаетъ, сообразуясь съ своей организаціей, съ своимъ содержаніемъ, своимъ прошлымъ и т. д. направленіемъ своей дѣятельности. Прогрессъ оказывается въ ростѣ и укрѣпленіи самаго послѣдняго и самаго существеннаго пріобрѣтенія нашей психической жизни и нашей личности—способности угнетенія, т.-е. самообладанія.

Самое содержаніе духовнаго богатства человѣка все болѣе расширяется, непрерывно обогащаясь альтруистическими элементами.

У первобытнаго человѣка содержаніе его личности почти цѣликомъ состоитъ изъ однихъ инстинктовъ, ограждающихъ его личное существованіе. По мѣрѣ того, какъ человѣчество развивается духовно и культурно, сфера личности раздвигается — туда врастаютъ интересы семьи, рода, общества, къ представленіямъ о настоящемъ прибавляются заботы о будущемъ, воспоминанія о прошломъ. Особенно туго и медленно подвигается развитіе нравственнаго чувства, т.-е. симпатіи къ другимъ. Канибализмъ, еще и нынѣ не исчезнувшій у многихъ дикихъ народовъ, указываетъ на такое душевное состояніе людей, когда страданія ближняго не находятъ себѣ никакого отклика въ душѣ канибала, когда человѣкъ для человѣка мертвая вещь, а не живое и близкое существо.

Мало-по-малу въ душѣ человѣка растетъ и расширяется чувство сострадания, которое есть не что иное, какъ распространеніе чувства боли, личнаго страданія, на окружающихъ.

У многихъ представителей современныхъ передовыхъ народовъ процессъ просачиванія и инфильтраціи альтруистическихъ симпатій въ личность и расширеніе личнаго страданія достигли уже такихъ размѣровъ, что оно уже охватило животное царство и выражается въ отвращеніи къ убойнѣ, проявляется въ заботахъ о животныхъ.

Въ этомъ расширеніи альтруизма и въ развитіи такъ называемаго нравственнаго чувства играетъ видную роль постепенное возрастаніе психической болевой чувствительности, т.-е. способности человѣка испытывать боль не отъ однихъ только реальныхъ тѣлесныхъ впечатлѣній, а также отъ представляемыхъ и даже воображаемыхъ, ожидаемыхъ и возможныхъ впечатлѣній.

Строго говоря, величина этой психической чувствительности можетъ служить истиннымъ мѣриломъ степени развитія альтруизма въ личности.

Ростъ личности идетъ еще и въ другихъ направленіяхъ. Шагъ за шагомъ къ центральному умственному ядру личности прирастаютъ новыя наслоенія: религіозныя эмоціи, эстетическія и умственныя, т.-е. стремленіе къ познаванію и сопряженное съ умственной работой удовольствіе и всѣ высшія чувства красоты, благоговѣнія и правды.

Утверждая, что содержаніе нашей духовной личности представляетъ опредѣленное строеніе, наслоеніе историческихъ пріобрѣтеній въ порядкѣ ихъ появленія у человѣка, мы готовы встрѣтить со стороны читателя сомнѣніе въ правильности нашего взгляда и ожидать слѣдующее возраженіе. Правда, содержаніе нашей личности растетъ и обогащается постоянно новыми элементами, но чѣмъ можетъ быть доказано, что эти пріобрѣтенія наслаиваются, т.-е. размѣщаются въ нашей личности въ опредѣленномъ порядкѣ, соотвѣтственно хронологической и іерархической послѣдовательности ихъ возникновенія?

Чѣмъ вообще можетъ быть доказано существованіе организаціи въ нашей личности? Вѣдь самое представленіе о психической личности есть нѣчто абстрактное, почти искусственное, и мы въ дѣйствительности узнаемъ о существованіи нашей личности лишь посредственно, благодаря ея вліянію на конкретныя явленія нашей духовной жизни.

Эта аргументація, какъ она ни кажется внушительной, можетъ быть отчарирована безъ большого труда.

Начать съ того, что различіе между представленіемъ о нашемъ физическомъ тѣлосложеніи и духовномъ, т.-е. личностью, отнюдь не такое ужъ бо[ь]шое, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Когда мы говоримъ о тѣлосложеніи и физической организаціи, мы опира[е]мся на наши субъективныя ощущенія и тѣ впечатлѣнія, которыя доступны не однимъ намъ, но и окружающимъ. О нашемъ ростѣ, фигурѣ, цв[ѣ]тѣ нашей кожи и т. п. могутъ судить и другіе люди. Поэтому наше

сужденіе о нашемъ физическомъ тѣлосложеніи имѣетъ не только субъективный, но и объективный характеръ—эта объективность имѣетъ, впрочемъ, лишь добавочное, провѣрочное значеніе; въ основѣ нашего представленія о своемъ физическомъ «я» лежитъ группа ощущеній, безъ которыхъ не могло бы въ насъ зародиться представленіе о своемъ тѣлѣ. Только благодаря тому, что мы видимъ свое тѣло, ощущаемъ свое сердцебіеніе, свое дыханіе, чувствуемъ отправленія своихъ внутреннихъ органовъ, испытываемъ бодрость и усталость, жаръ и холодъ, сытость, голодъ и жажду и т. д., мы доходимъ до общаго самоощущенія и сознанія своего тѣла.

Обращаясь къ нашему психическому самоощущенію, мы находимъ, что и оно имѣетъ своей основой сумму тѣлесныхъ ощущеній, доставляемыхъ намъ органами нашего тѣла; главную роль, впрочемъ, здѣсь играетъ матеріалъ, доставляемый отправленіями нашей центральной нервной системы и мозга въ частности.

Каждое изъ нашихъ тѣлесныхъ ощущеній въ то же время содержитъ въ себѣ и частицу психическаго самоощущенія. Видѣть себя значитъ не только сознавать, что есть что-то видимое, но также, что существуетъ нѣчто видящее. Этотъ первый слой психическаго самоощущенія, готовый уже въ ранніе годы дѣтской жизни, въ позднѣйшіе годы покрывается новымъ слоемъ ощущеній.

Близкіе намъ люди, предметы, природа, на лонѣ которой протекли первые годы нашей юности,—все это входитъ въ составъ этого вторичнаго самосознанія, или вторичной личности.

Представленіе о нашей духовной личности, также какъ и представленіе о нашемъ тѣлѣ, имѣетъ объективное существованіе; люди, говоря о комъ-либо, опредѣляютъ его не только какъ тѣлесный предметъ, но не колеблясь говорятъ объ его психической натурѣ. Мы говоримъ столь же увѣренно о характерѣ человѣка, объ его психическихъ особенностяхъ, какъ объ его носѣ и другихъ физическихъ свойствахъ его. Мы такъ же ясно различаемъ духовную индивидуальность нашихъ ближнихъ, какъ и ихъ физическое тѣлосложеніе. Мы разсуждаемъ о душевныхъ качествахъ литературныхъ типовъ, несмотря на то, что передъ нами лишь продуктъ творчества и мы не сомнѣваемся, что этимъ выдуманнымъ типамъ соотвѣтствуютъ существующіе гдѣ-то живые люди.

Какъ постоянство физическаго типа и тѣлосложенія подтверждается для насъ самихъ и для другихъ неизмѣнной правильностью нашихъ физическихъ отправленій и постоянствомъ свойствъ органовъ нашего тѣла, такъ точно и существованіе духовнаго тѣлосложенія доказывается и дѣлается очевиднымъ для насъ и окружающихъ насъ, благодаря единообразію и типичности въ общемъ теченіи и въ проявленіяхъ нашей духовной жизни.

Человѣкъ, обладающій тонкими органами чувствъ, хорошей памятью, краснорѣчіемъ, чувствительностью, душевной энергіей, обнаруживаетъ сегодня и завтра всѣ эти качества, и мы увѣрены, что въ любой моментъ встрѣтимъ у него эти качества, какъ мы не сомнѣваемся, что [illegible]

глаза нашего знакомаго будутъ и завтра тѣми же, какими мы ихъ видѣли сегодня.

Когда мы называемъ какого-нибудь человѣка вспыльчивымъ, эгоистомъ, гурманомъ, злопамятнымъ, мы не сомнѣваемся, что эти свойства ему всегда присущи.

Все это даетъ право смотрѣть на духовное тѣлосложеніе, какъ на такое же объективное явленіе, какъ и физическое строеніе тѣла.

Есть, впрочемъ, одно весьма важное различіе между физическимъ и духовнымъ тѣлосложеніемъ. Первое доступно непосредственному наблюденію и изученію; мы можемъ расчленять его на органы и ткани, въ состояніи его анализировать и объективно установить типъ его строенія.

Въ отношеніи же къ психической организаціи такого рода анализъ и весьма затруднителенъ, по крайней мѣрѣ въ непосредственной формѣ, и возможенъ лишь косвенно путемъ изученія проявленій личности, ея вліянія на душевные процессы. Вотъ почему возможно сомнѣніе относительно самаго типа внутренней организаціи элементовъ, входящихъ въ составъ личности, а стало быть вполнѣ естественно сомнѣніе въ существованіи самаго факта постепеннаго, правильнаго и хронологическаго наслоенія элементовъ.

Къ счастію, имѣются твердо установленные факты, которыхъ вполнѣ достаточно для доказательства существованія такой внутренней организаціи и іерархическаго наслоенія элементовъ личности. Эти факты заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что различные элементы, входящіе въ составъ личности, обладаютъ неодинаковой энергіей и устойчивостью и что чѣмъ старше по времени зарожденіе въ нашей душѣ какого-либо элемента, идеи или чувства, тѣмъ прочнѣе они сидятъ въ нашей личности и тѣмъ больше ихъ вліяніе на всю психическую жизнь индивида и тѣмъ большее противодѣйствіе они въ состояніи оказать въ борьбѣ съ другими психическими силами. Наиболѣе же молодыя пріобрѣтенія нашей личности, идеи, чувства и стремленія, недавно нами усвоенныя, оказываются наименѣе прочными, мало связанными съ ядромъ нашего духовнаго «я» и весьма легко уступающими противодѣйствію другихъ психическихъ мотивовъ и вліяній.

Каждому изъ насъ изъ личнаго опыта и наблюденій надъ другими извѣстно, что въ повседневной борьбѣ мотивовъ за гегемонію надъ нашей душой сплошь и рядомъ побѣда остается на сторонѣ эгоистическихъ элементовъ; инстинкты сплошь и рядомъ побѣждаютъ голосъ совѣсти. Старыя привычки легко берутъ верхъ надъ благородными внушеніями чести; все могущество пороковъ заключается въ силѣ привычекъ надъ единичными мотивами. Классическое изреченіе: «не будите звѣря въ человѣкѣ» имѣетъ такой же смыслъ—признаніе въ человѣкѣ могущества темныхъ силъ прошлаго надъ молодыми чисто человѣческими элементами.

Педагоги имѣютъ возможность на каждомъ шагу убѣдиться, какъ трудно устоять недавно усвоеннымъ понятіямъ, манерамъ и взглядамъ противъ старыхъ привычекъ, противъ предразсудковъ и суевѣрій, которые дѣти усваиваютъ себѣ дома и, какъ говорятъ, всасываютъ съ молокомъ матери.

Нельзя не замѣтить полной аналогіи между этими явленіями и тем установленнымъ въ біологіи закономъ, который гласитъ, что чѣмъ моло тканевые элементы, чѣмъ они менѣе дифференцированы и ближе къ з родышевому, эмбріональному состоянію, тѣмъ они измѣнчивѣе и неусто чивѣе въ своемъ строеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти явленія заставляютъ н дозрѣвать существованіе какого-то организующаго начала, которому по чинено строеніе духовной личности. Безъ такого организующаго нача наша духовная личность представляла бы безпорядочный агломератъ р личныхъ психическихъ матеріаловъ, и оставалось бы совершенно непоня жимымъ существованіе такой іерархической устойчивости различныхъ пс хическихъ явленій въ порядкѣ, обратномъ времени ихъ возникновенія.

Другой фактъ, тѣсно примыкающій къ предыдущему, заключается томъ, что при всякаго рода разстройствахъ душевной жизни какъ п болѣзняхъ, такъ и при физіологическихъ колебаніяхъ нормальнаго душ наго строя, первыми поддаются, т.-е. разстраиваются или вовсе исчезаю опять-таки наиболѣе юныя наслоенія психической личности, самыя свѣ ея пріобрѣтенія.

Всякаго рода аффекты, т.-е. сильныя душевныя потрясенія, перев мленіе, лихорадочное состояніе, опьянѣніе, какъ бы обнажаютъ бол глубокіе слои нашего душевнаго склада.

Когда душевная болѣзнь развивается медленно, какъ бы подкрадывает къ человѣку, первыми жертвами болѣзни падаютъ новѣйшія наслоенія л ности — высшія этическія, интеллектуальныя, гуманитарныя наслоен абстрактныя идеи. Этотъ фактъ, имѣющій первостепенное значеніе д ученія о душевномъ здоровьи, уже давно подмѣченъ психіатрами.

Уже въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія англійскій психіатръ Маудсли в сказалъ положеніе, что порядокъ, въ которомъ при нѣкоторыхъ форм душевныхъ болѣзней совершается распаденіе душевнаго строя, слѣду закону обратнаго развитія души, т.-е. первымъ разрушается то, что п слѣднимъ пріобрѣтено.

Болѣе убѣдительнаго доказательства существованія организаціонн начала и іерархическаго наслоенія ея элементовъ трудно и требовать.

Обращаясь къ ближайшей темѣ нашей бесѣды, трудно не замѣти какое огромное значеніе имѣетъ этотъ фактъ для вопроса о границѣ м жду душевнымъ здоровьемъ и душевной болѣзнью.

Становится яснымъ, что для рѣшенія вопроса, имѣемъ ли мы пер собою душевно здороваго или душевно больного человѣка, мы въ нѣ торыхъ случаяхъ должны уяснить себѣ объемъ, содержаніе, организа и устойчивость духовной личности даннаго субъекта.

Мы подошли къ факту, хорошо разработанному въ психіатріи, что р стройства душевнаго здоровья развиваются въ двухъ различныхъ форм иногда по типу разстройствъ физіологической работы мозга, иногда по типу разложенія психической личности.

Въ первой категоріи случаевъ душевная болѣзнь выражается

стройствѣ основныхъ отправленій мозга, какъ-то: памяти, мысли, рѣчи, образованія впечатлѣній (иллюзіи и галлюцинаціи) и т. п. Во второй группѣ заболѣваній разстройства проявляются въ болѣе замѣтной формѣ—либо въ перемѣнѣ личности, либо въ распаденіи ея: въ идеяхъ преслѣдованія, величія и т. п. Этотъ типъ душевныхъ заболѣваній, находящійся въ тѣсной связи съ вырожденіемъ и болѣзненной наслѣдственностью, представляетъ иногда въ началѣ болѣзни больше затрудненія для распознаванія, и тутъ-то выступаетъ вся важность правильной оцѣнки психической личности и знакомство съ законами ея организаціи.

С. Только что указанное историческое развитіе и іерархическое наслоеніе личности въ теченіе многихъ человѣческихъ поколѣній проявляется еще и въ иной формѣ — въ постепенномъ развитіи и наслоеніи содержанія нашей личности въ теченіе индивидуальнаго роста человѣка отъ первыхъ дней его сознательной жизни до его полнаго душевнаго расцвѣта.

Личность въ душѣ ребенка представляется намъ зародышемъ того, что мы видимъ у взрослаго человѣка уже въ состояніи полнаго развитія. До извѣстнаго момента жизни, до 3—4 лѣтъ у дѣтей отсутствуетъ даже самое представленіе о своемъ «я». Вундтъ разсказываетъ про себя, что, будучи уже четырехъ лѣтъ отъ роду, онъ однажды, стоя прислонившись къ козѣ, упалъ, когда коза отодвинулась отъ него, и въ этотъ моментъ онъ впервые созналъ, что *онъ* упалъ, т.-е. подумалъ и почувствовалъ: «я упалъ».

Психологи и педагоги, занимавшіеся наблюденіями надъ ходомъ развитія дѣтской души, констатировали поразительную аналогію между порядкомъ послѣдовательнаго наслоенія психологическихъ элементовъ личности у ребенка и историческимъ порядкомъ духовнаго развитія народовъ.

Мы наталкиваемся опять на аналогію между законами развитія психики и физической организаціи, гдѣ, какъ извѣстно, доказанъ слѣдующій законъ: филогенезисъ, т.-е. развитіе формъ въ теченіе эмбріональной и индивидуальной жизни животныхъ воспроизводитъ въ сжатомъ и сокращенномъ видѣ онтогенетическое, т.-е. историческое развитіе формъ животнаго организма въ ряду поколѣній.

Этой аналогіей еще разъ подтверждается наше предположеніе, что личность психическая не есть условное понятіе, а имѣетъ реальное существованіе и въ своемъ развитіи подчиняется общимъ біологическимъ законамъ.

Для занимающей насъ цѣли—для вопроса о границахъ душевнаго здоро ья и болѣзни особенно важно отмѣтить, что личность психическая не ес нѣчто неизмѣнное, что она имѣетъ различное содержаніе, строеніе и стойчивость въ разныя эпохи жизни, особенно въ періодъ его роста и звитія, оттого и самая картина нарушенія равновѣсія и здоровья пс ической личности должна получиться иная въ разные моменты жизн —послѣднее вполнѣ подтверждается наблюденіями. Когда передъ нами

ребенокъ или несозрѣвшій юноша съ признаками душевнаго вырожденія и требуется рѣшить вопросъ, здоровъ ли онъ душевно или нѣтъ, необходимо считаться съ значеніемъ возраста, а также слѣдуетъ имѣть въ виду возможность различныхъ аномалій въ развитіи нормальнаго типа психической личности и помнить, что самый типъ душевнаго здоровья можетъ у такихъ субъектовъ представлять рѣзкія уклоненія отъ нормы.

Факты эти приводятъ насъ къ болѣе широкому воззрѣнію на психическую личность человѣка. Мы должны допустить, что не всѣ люди проходятъ одинаково въ теченіе своего индивидуальнаго духовнаго роста весь длинный путь и циклъ развитія, что большинство останавливается на среднихъ ступеняхъ исторической лѣстницы, не достигая ея вершины. Нѣкоторые отстаютъ въ своемъ развитіи и остаются на всю жизнь на низшихъ ступеняхъ, сохранивъ многія изъ свойствъ низшихъ расъ и только немногія болѣе одаренныя натуры, въ силу совпаденія болѣе благопріятной наслѣдственности и внѣшнихъ условій, достигаютъ вершины лѣстницы и даютъ духовную личность высшаго порядка.

Эти индивидуальныя различія въ іерархіи духовной личности блистательно подтверждаются и объясняются тѣми данными, которыми снабжаетъ насъ анатомическое изученіе строенія мозга. Оно открываетъ, во первыхъ, безконечное разнообразіе въ развитіи отдѣльныхъ частей и тканевыхъ элементовъ, т.-е. нервныхъ клѣтокъ и волоконъ. Особенно важно, однакожъ, то обстоятельство, что это индивидуальное разнообразіе не представляетъ хаотическаго безпорядка, но обнаруживаетъ извѣстную законность.

У различныхъ субъектовъ процессъ формированія и созрѣванія нервовыхъ элементовъ совершается не одинаково успѣшно во всѣхъ частяхъ мозга и обнаруживаетъ значительную неровность. Въ то время, какъ однѣ клѣтки и нервныя волокна достигаютъ вполнѣ законченнаго развитія своихъ формъ и стало быть и своей работоспособности, другіе элементы останавливаются на болѣе раннихъ стадіяхъ развитія и, слѣдовательно, являются и функціонально несозрѣвшими.

Приходится поэтому отказаться отъ господствующаго понятія о какомъ то несуществующемъ среднемъ мозгѣ, въ смыслѣ анатомическомъ и физіологическомъ, и расширить это понятіе въ представленіе лѣстницы, іерархіи мозговъ.

Одинъ мозгъ оказывается, если не цѣликомъ, то въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, близкимъ по состоянію своихъ клѣтокъ и волоконъ къ мозгу ниже насъ стоящихъ расъ, а другіе, небольшое число счастливыхъ человѣческихъ единицъ, обладаютъ мозгами, которые по своему строенію, развитію своихъ элементовъ значительно выдѣляются и стоятъ по своей работоспособности далеко впереди средняго уровня данной расы и даже эпохи.

Становится очевиднымъ, что наша духовная личность и душевная организація, существованіе которой мы съ трудомъ допускаемъ, не

не только психологическую реальность, но зиждется на прочной матеріальной, біологической основѣ—на физическомъ строеніи нашей нервной системы, особенно на мозгѣ. Само собою разумѣется, что понятіе о среднемъ душевномъ здоровьи, о предѣлахъ его колебаній, о различныхъ его типахъ, объ условіяхъ его устойчивости и нарушеніи его цѣлости, становится на реальную, чисто біологическую почву.

D. Слѣдуетъ, однакожъ, тутъ же указать и на обратную сторону этого вопроса. Приведя длинный рядъ доказательствъ того положенія, что нашъ духовный міръ представляетъ опредѣленную внутреннюю цѣльность, связность и организацію, мы должны въ то же время указать, что рядомъ съ центростремительной психической силой, стремящейся подчинить все центральному управленію—нашему духовному «я», существуетъ другая сила, дѣйствующая въ противоположномъ, центробѣжномъ направленіи и ограждающая автономность, извѣстную независимость отдѣльныхъ душевныхъ явленій. Эта сила обусловливаетъ родъ федеративнаго устройства нашего душевнаго міра. Нужно, впрочемъ, тутъ же оговориться, что эта тенденція къ автономности всего ярче проявляется на двухъ крайнихъ полюсахъ нашего духовнаго міра, которые наидальше отстали отъ центра притяженія нашей личности, а именно: въ области инстинктовъ и въ сферѣ высшихъ умственныхъ актовъ—въ области логическаго, особенно абстрактнаго мышленія.

Повседневный опытъ открываетъ намъ частое совпаденіе въ душѣ одного и того же человѣка самой высокой духовной личности и самыхъ низкихъ инстинктовъ. Непостижимымъ образомъ уживаются и укладываются рядомъ въ головѣ и душѣ одного и того же человѣка широкая гуманность, всеобъемлющій альтруизмъ, идеальныя интеллектуальныя и этическія эмоціи съ грубыми, подчасъ полуживотными половыми инстинктами, такъ назыв. извращеніями полового чувства.

Самое широкое развитіе интеллектуальныхъ и эстетическихъ эмоцій, любовь къ искусству и къ наукѣ уживаются рядомъ съ самымъ низкимъ эгоизмомъ, жадностью, дѣтскимъ тщеславіемъ, лживостью, завистью, недоброжелательствомъ, вѣроломствомъ,—словомъ, со всѣми аттрибутами атавистической, полуживотной, вѣрнѣе, дикой личности.

Особенно разительны противорѣчія и дисгармонія, встрѣчающіяся въ чисто интеллектуальной сферѣ. Исторія знаетъ примѣры геніевъ мысли, обнаруживших глубокую силу критики въ области науки, въ то же время проявлявшихъ необычайное, почти дѣтское легковѣріе въ необычной и чуждой имъ сферѣ знанія, съ которой они случайно сталкивались.

Примѣры великаго Ньютона, Кардана, Целлера, Крукса и многихъ другихъ свѣтилъ науки передъ глазами у всѣхъ. Люди, самаго реальнаго и скептическаго склада, вѣрятъ въ гаданія, привидѣнія, въ хиромантію, въ понедѣльникъ, въ 13-ое число, въ домовыхъ и т. п. суевѣрія, составляющія пережитокъ первобытнаго мышленія дикихъ народовъ.

Такая дисгармонія и автономія умственныхъ элементовъ должна быть

особенно принята во вниманіе при обсужденіи нѣкоторыхъ случаевъ увлеченія спиритизмомъ, гдѣ легковѣріе, склонность вѣрить въ сверхъестественное, чудесное, иногда достигаетъ предѣловъ патологической слабости мысли.

Изъ всѣхъ уголковъ нашей души область чувствъ, будучи наиболѣе интимно связана и слита съ нашей духовной личностью, оказывается наиболѣе однородной, компактной и проявляетъ наиболѣе единства въ своемъ содержаніи. Но и здѣсь иногда прорывается наклонность къ автономному проявленію нѣкоторыхъ чувствъ, стоящихъ въ полной дисгармоніи съ общимъ строемъ чувствъ даннаго лица.

Такъ, люди, добрые по натурѣ, довѣрчивые ко всѣмъ, проявляютъ иногда къ опредѣленному лицу столько индивидуальной ненависти, злобы и жестокости, которыя стоятъ въ полномъ противорѣчіи со всѣмъ тономъ ихъ духовной личности.

Обыкновенно такая личная идіосинкразія вырастаетъ на почвѣ одного изъ атавистическихъ чувствъ или мести, или ревности. Послѣднее чувство почему-то многіе считаютъ продуктомъ новѣйшей психической формаціи, что совершенно невѣрно. Уже у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, гдѣ царитъ единоженство и гдѣ жена составляетъ цѣнную рабочую силу и вещь въ глазахъ мужа, ревность, имѣя своимъ источникомъ жадность собственника, достигаетъ уродливаго развитія. Еще больше развивается ревность у полукультурныхъ народовъ, у которыхъ религія береть подъ свое покровительство это атавистическое чувство. Заблужденіе относительно новѣйшаго происхожденія чувства ревности объясняется тѣмъ, что новѣйшая культура вплела въ это чувство новый элементъ—чувство оскорбленнаго достоинства и идеальную этическую эмоцію—негодованіе.

Мы должны поэтому считаться съ той особенностью духовнаго міра человѣка, что рядомъ съ централизаціей въ формѣ духовной личности, въ областяхъ болѣе отдаленныхъ отъ сферы притяженія личности, имѣетъ мѣсто нѣкоторый психическій симбіозъ, т.-е. совмѣстная жизнь противоположныхъ моментовъ, нерѣдко взаимно исключающихъ одинъ другого.

Это обстоятельство должно насъ предостерегать отъ слишкомъ односторонннихъ увлеченій и поспѣшности при сужденіи о душевномъ здоровьѣ. Не всякое грубое уклоненіе отъ всего строя духовной жизни даннаго лица даетъ намъ право видѣть душевную болѣзнь тамъ, гдѣ передъ нами быть можетъ лишь аномалія душевнаго развитія, причемъ равновѣсіе и устойчивость душевнаго здоровья могутъ сохраниться во всей своей неприкосновенности.

Эти соображенія о душевномъ симбіозѣ получаютъ особенное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ нами наслѣдственное предрасположеніе къ неправильному развитію духовнаго склада, когда у субъекта съ формально здоровымъ разсудкомъ обнаруживаются аномаліи въ области инстинктовъ, суевѣрія, странности, склонность къ фанатизму и т. д.

Опредѣленіе границы между душевнымъ здоровьемъ и болѣзнью въ такихъ случаяхъ можетъ представлять большія затрудненія, и

этой группѣ нерѣдко попадаются субъекты, изъ которыхъ приходится въ силу практической необходимости составить особый переходный классъ, стоящій на рубежѣ между здоровыми и больными людьми.

Вооружившись изложенными данными, мы можемъ ближе подойти къ нашей задачѣ и поставить вопросъ, какъ опредѣляется душевное здоровье человѣка, и какія границы отдѣляютъ область душевнаго здоровья отъ болѣзненныхъ разстройствъ нашей души.

Цѣлый рядъ положеній вытекаетъ изъ предыдущаго изложенія.

Ясно, во-первыхъ, что нѣтъ и не можетъ быть вопроса о душевномъ здоровьи отдѣльно взятомъ и независимо отъ матеріальнаго органа души—нервной системы и мозга. Какъ душевное здоровье есть лишь частичное здоровье мозга и, въ свою очередь, нуждается въ здоровьи всего организма, такъ душевная болѣзнь немыслима при нормальномъ физіологическомъ состояніи мозга. Древнее изреченіе «здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ» нуждается въ небольшой поправкѣ: «здоровая душа въ здоровомъ мозгѣ и здоровыхъ нервахъ».

Тотъ самый методъ и тѣ самые пріемы, которыхъ держится врачъ, устанавливая понятіе о физическомъ здоровьи и болѣзни, должны служить руководящей нитью для психолога и психіатра. Этихъ пріемовъ вполнѣ достаточно, чтобы дать отвѣтъ на всѣ вопросы о душевномъ здоровьи и болѣзни.

Аналогія между тѣлеснымъ и психическимъ здоровьемъ можетъ быть прослѣжена не только въ общемъ построеніи психической жизни, но и во всѣхъ деталяхъ.

Если даже забыть на время про неразрывную связь между душой и мозгомъ и, уступая властному голосу самосознанія и требованіямъ эмпиризма и такъ называемаго практическаго здраваго смысла, замкнувъ свое вниманіе въ предѣлахъ одной психики, спросить себя, возможно ли уловить въ ней самой признаки здоровья и болѣзни, то въ концѣ-концовъ этотъ путь *приведетъ насъ* къ тѣмъ же заключеніямъ.

Обратимся къ тремъ отдѣламъ психической жизни: къ уму, чувству и волѣ и посмотримъ, можно ли въ какой-либо изъ этихъ областей найти несомнѣнные признаки и базу для отличія душевнаго здоровья отъ душевной болѣзни. Задача эта сразу раздваивается и распадается на двѣ различныя задачи: одна изъ нихъ заключается въ отысканіи критерія душевнаго здоровья, другая—преслѣдуетъ обратную цѣль отысканія признаковъ душевной болѣзни.

Посмотримъ, что намъ можетъ дать одинъ психологическій анализъ въ наиболѣе доступной и выдающейся части психики, въ мышленіи, которое могло бы служить несомнѣнной гарантіей нормальнаго или здороваго состоянія нашей психики?

Наблюденіе надъ душевными больными даетъ на этотъ вопросъ весьма категорическій и притомъ отрицательный отвѣтъ. У весьма многихъ, если

не у большинства людей, страдающих помѣшательствомъ, можно по временамъ найти весьма здоровыя идеи и разсужденія. Иногда, правда, это давно выработанныя или усвоенныя извнѣ мысли, которыя больной машинально, полусознательно повторяетъ и высказываетъ, но во многихъ случаяхъ можно убѣдиться, что больной мозгъ способенъ правильно создать или воспроизвести ходъ логическаго процесса, приводящаго къ данной мысли. Только въ позднѣйшихъ стадіяхъ развитія помѣшательства, въ состояніи такъ называемаго вторичнаго слабоумія, весь психическій механизмъ такъ глубоко разстроенъ, что построеніе правильной мысли дѣлается невозможнымъ. Такое полное банкротство логическаго аппарата наблюдается также въ моменты чрезвычайнаго возбужденія и ненормально скораго хода мысли, а также и въ острыхъ разстройствахъ сознанія, когда больной теряетъ сознаніе окружающаго, своей личности и въ его мышленіи наступаетъ полная спутанность. Но во всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ полнаго разстройства интеллекта настолько рельефно и обильно выступаютъ многочисленныя проявленія общаго заболѣванія мозга и всей нервной системы, что разстройство логической дѣятельности отходитъ уже при этомъ на задній планъ.

Зато во многихъ случаяхъ медленно развивающихся душевныхъ болѣзней логическая дѣятельность сравнительно долго удерживаетъ свой нормальный характеръ и, даже въ случаяхъ яснаго бреда, больной и рѣдко въ состояніи развернуть въ защиту своихъ бредовыхъ, по существу ложныхъ идей, блестящую аргументацію и формально правильно построенную діалектику (Folie raisonnante).

Съ положительностью можно сказать, что наличность вполнѣ правильнаго мышленія, нормальная логическая дѣятельность не есть гарантія душевнаго здоровья и не исключаетъ у даннаго лица возможности глубокаго душевнаго заболѣванія.

Имѣемъ ли мы право утверждать обратное, т.-е., что наличность неправильной, явно нелѣпой мысли или неправильнаго хода мышленія можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ душевной болѣзни?

Спору нѣтъ, на такой вопросъ въ очень многихъ случаяхъ можно ответѣтить: да; но не слѣдуетъ увлекаться кажущейся легкостью отвѣта, спѣшить заключеніями, что одного нарушенія логическаго мышленія достаточно для характеристики психической болѣзни.

Вспомнимъ прежде всего, что встрѣчается не мало случаевъ, когда человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ психически здороваго, по временамъ преслѣдуетъ одна какая-нибудь ложная или даже нелѣпая неотвязчивая мысль. Бываетъ, что страдающій этимъ субъектъ вполнѣ отчетливо знаетъ неправильность своей мысли, ея чуждость его душѣ; онъ относится къ ней, какъ враждебной внѣшней силѣ, его преслѣдующей; весь его логическій аппаратъ протестуетъ противъ господства и террора этой мысли и все же остается безсильнымъ разсѣять ее или удалить ее изъ сознанія. Мысль эта можетъ иногда годами жить какъ паразитъ въ душѣ

жертвы, но всетаки оставаться изолированной, т.-е. не оказывать никакого замѣтнаго вліянія на его душевный міръ, не сливаться съ его личностью, не вліять на его поведеніе и поступки.

Въ правѣ ли мы будемъ такого субъекта считать душевно-больнымъ или нѣтъ?

Оставимъ на время этотъ вопросъ безъ отвѣта и возьмемъ другой, еще болѣе типичный примѣръ патологической идеи.

Передъ нами человѣкъ, у котораго предполагаютъ душевную болѣзнь. Приступаютъ къ экзамену и на первый вопросъ: «Кто вы?» получаемъ отвѣтъ: «Императоръ всесвѣтный, царь царей, Богъ». Что можетъ быть нелѣпѣе, характернѣе такого отвѣта? Не нужно быть ни психіатромъ, ни даже врачомъ, чтобы сразу не увидѣть, что мы имѣемъ дѣло съ душевнобольнымъ; психіатръ можетъ быть еще смѣлѣе въ своемъ діагнозѣ и предположить, что передъ нимъ человѣкъ, одержимый маніей величія, быть можетъ, даже паралитикъ, т.-е. страдающій смертельнымъ недугомъ—прогрессивнымъ параличомъ.

Казалось бы въ такихъ случаяхъ достаточно одной нелѣпой или больной идеи, чтобы рѣшить вопросъ о болѣзни субъекта.

Такъ ли это, однакожъ?

Какъ только мы вникаемъ нѣсколько внимательнѣе въ душевное состояніе лица, одержимаго такой больной мыслью, мы убѣждаемся, что передъ нами не единичное логическое заблужденіе, а что весь душевный строй даннаго лица расшатанъ. Такой больной обыкновенно потерялъ способность понимать значеніе людей, фактовъ, цифръ.

«Всесвѣтный императоръ» не шокируется своимъ халатомъ, деревянной ложкой, подчиняется служителямъ, униженно выпрашиваетъ у посѣтителя папиросочку или съ комической важностью носитъ на груди донышко коробки отъ сардинокъ, которое должно изображать орденъ Льва и Солнца. Если этотъ больной—паралитикъ, налицо имѣется масса рѣзкихъ симптомовъ тяжкаго мозгового недуга; если онъ хроникъ, помѣшанный, одержимый бредомъ величія, мы легко откроемъ у него цѣлый рядъ разстройствъ не только въ сферѣ мысли, но и въ его чувствахъ, въ дѣйствіяхъ, въ его отношеніи къ окружающимъ и т. д.

Но самое существенное явленіе, которое характерно для всѣхъ этихъ видовъ бредовыхъ случаевъ—это вліяніе, которое бредовая идея оказываетъ на всю духовную личность больного, полное сліяніе съ послѣдней, [р]ка, съ которой больной относится къ ней, неспособность больного [к]тически отнестись къ ней. Все значеніе бредовой идеи заключается не [в] томъ, что она возникла и развилась въ головѣ больного, а въ томъ, [ч]его логическій аппаратъ потерялъ свою ось—способность критической [п]вѣрки своихъ идей и въ томъ, что эта идея слилась со всей духовной [л]ностью больного.

Намъ становится понятно различіе между этими случаями и вышеприв[е]деннымъ примѣромъ человѣка, въ сущности душевно здороваго, но одер-

жимаго навязчивой идеей. Такой человѣкъ можетъ также имѣть въ своей головѣ нелѣпую мысль, но онъ совершенно иначе относится къ ней—онъ сохраняетъ способность критики, его мышленіе не порабощено этой идеей, что указываетъ и на цѣлость интеллектуальнаго механизма, и на здоровье всей духовной организаціи.

На этихъ примѣрахъ и, особенно, на вышеупомянутыхъ случаяхъ резонирующаго помѣшательства (Folie raisonnante) можно до очевидности убѣдиться, какъ ошибочны и поверхностны ходячія воззрѣнія на механизмъ логической дѣятельности.

Тамъ, гдѣ думаютъ видѣть продуктъ самостоятельнаго логическаго процесса, эта самостоятельность оказывается фикціей и, въ дѣйствительности логическій процессъ является лишь заключительнымъ звеномъ и внѣшнимъ проявленіемъ какой-то глубоко скрытой психической работы, быть можетъ, протекающей въ безсознательной сферѣ.

Больная мысль оказывается въ такихъ случаяхъ лишь прыщикомъ на кожѣ субъекта, у котораго питаніе и составъ крови нарушены.

Теперь мы въ состояніи отвѣтить на поставленный выше вопросъ: можно ли въ одной болѣзненной, насильственной мысли видѣть симптомъ разстройства душевнаго здоровья?

Очевидно, что до тѣхъ поръ, пока мысль является чѣмъ-то чуждымъ всему духовному строю человѣка, пока она имѣетъ своимъ источникомъ какую-то внѣшнюю для всего духовнаго «я» силу, пока она не санкціонирована этимъ «я», не признана имъ, она живетъ паразитической жизнью въ его душѣ и не можетъ служить признакомъ душевнаго разстройства. Конечно, одна возможность автономіи отдѣльной мысли и неспособность психически справиться съ паразитомъ уже даетъ указаніе на извѣстную слабость душевной организаціи, заставляетъ предполагать у даннаго субъекта почву, подготовленную къ психическому заболѣванію, менѣе резистентную, но отсюда еще далеко до душевной болѣзни.

Наблюденіе часто открываетъ и внѣшнюю причину этой «idée fixe»—источникомъ ея чаще всего бываетъ какое-нибудь необычно сильное впечатлѣніе, вызывающее сильный аффектъ испуга или страха у данн... лица. Аффектъ оставляетъ надолго въ душѣ того, кто его перенесъ, болѣзненную воспріимчивость ко всему, что стоитъ въ какой-либо связи съ испытаннымъ впечатлѣніемъ и наклонность къ болѣзненному, неотвязчивому воспоминанію, вѣрнѣе, воспроизведенію въ памяти пострадавшаго всѣхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ перенесеннымъ аффектомъ.

Это болѣзненное воспоминаніе является для психической организаціи даннаго лица чѣмъ-то совершенно чуждымъ, внѣшней силой, нарушающей нормальный ходъ ея работы и проявляющейся въ ненормальной идеѣ. Характерно для этого рода идей то, что обыкновенно ихъ появленію въ сознаніи страдающаго предшествуетъ каждый разъ внезапное чувство страха и волненія. Этимъ явно указывается, что какъ зарожденіе этой

такъ ихъ повторное появленіе имѣетъ своимъ источникомъ область чувства и никакъ не должно быть приписано разстройству сферы интеллекта.

Другой родъ болѣзненныхъ идей наблюдается у вырождающихся субъектовъ и такъ называемыхъ наслѣдственниковъ, т.-е. лицъ съ сильнымъ психопатическимъ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ. У нихъ нерѣдко, и притомъ безъ волненій, возникаютъ въ головѣ совершенно нелѣпыя идеи, вродѣ того, сколько ступеней въ лѣстницѣ, почему небо голубое, вообще идеи въ формѣ неотвязчивыхъ вопросовъ. У такихъ субъектовъ нелѣпыя мысли держатся, впрочемъ, недолго и смѣняются одна другой, безъ всякой связи, будучи, видимо, въ зависимости отъ внѣшнихъ впечатлѣній и служа выраженіемъ нецѣлесообразной ассоціаціи идей. Такого рода нелѣпыя идеи имѣютъ самостоятельное происхожденіе въ области интеллекта и служатъ серьезнымъ указателемъ ненормальности психики. Но и въ этихъ случаяхъ не отдѣльно взятая, та или другая, нелѣпая мысль имѣетъ значеніе, а наклонность даннаго лица къ такимъ непроизвольнымъ, автоматическимъ мыслямъ и конвульсивная работа всего психическаго механизма.

Мы еще больше убѣдимся въ тѣсной связи между нелѣпыми идеями и всѣмъ строемъ психическаго механизма, когда ближе ознакомимся съ характеромъ этихъ идей. Нетрудно подмѣтить, что тѣ бредовыя идеи, которыя имѣютъ характеръ навязчивый, чуждый, паразитическій, рѣдко относятся къ самой личности, а обыкновенно имѣютъ своимъ содержаніемъ нѣчто совершенно постороннее. Когда же передъ нами душевно-больной съ нелѣпыми идеями, то послѣднія почти всегда относятся къ его собственной личности, чѣмъ еще разъ подтверждается, что появленіе этихъ идей есть результатъ какихъ-то скрытыхъ измѣненій въ организаціи нашего «я».

Если у кого-либо изъ читателей осталось еще малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что сама по себѣ нелѣпая или больная мысль еще не дѣлаетъ человѣка больнымъ, мы предлагаемъ сдѣлать небольшую экскурсію въ интимный духовный міръ здоровыхъ людей. Заглянемъ, читатель, въ душу вполнѣ здороваго человѣка, или въ свою собственную. У каждаго изъ насъ, иногда совершенно внезапно, неизвѣстно откуда, проносится въ умѣ мысль, образъ, желанія, не только не имѣющіе корней и содержанія въ нашемъ сознаніи, но и въ настроеніи и во всемъ ходѣ нашей текущей душевной жизни.

Чаще всего это случается въ минуты переутомленія, во время напряженной умственной работы; обычная умственная работа внезапно пріостанавливается, нить мыслей обрывается, въ сознаніи всплываютъ невѣдомо откуда картины, то мрачныя, то заманчивыя. Почти всегда эти картины имѣютъ тѣсное отношеніе къ нашему «я», къ нашей судьбѣ, къ нашей будущности. Сплошь и рядомъ ядро и канва этихъ картинъ построены изъ какихъ-либо реальныхъ, иногда ничтожныхъ фактовъ и событій—на этой канвѣ выводятся самые фантастическіе узоры.

Иногда картина разрастается въ цѣлую серію воображаемыхъ событій—

и если мы себя поймаемъ на этой работѣ, то мы будемъ поражены
воистину бредовымъ характеромъ. И замѣчательно при этомъ то, что
ніе идей идетъ въ одномъ опредѣленномъ направленіи—или въ направ
ніи горделиваго бреда, или въ сторону бреда уничиженія, преслѣдованія.
Въ первомъ случаѣ въ нашемъ воображеніи рисуются картины успѣха,
побѣдъ, или же образы рисуются въ пессимистическомъ тонѣ: неудачи, бо
лѣзни, обиды и т. п.

Появленію такихъ внутреннихъ фантасмагорій способствуетъ, кромѣ
реутомленія, еще вліяніе различныхъ событій нашей жизни, когда подъ ихъ
вліяніемъ происходитъ внезапное колебаніе нашего настроенія и са
чувствія.

Вліяніе природнаго темперамента и характера ярко проявляется
направленіи этихъ психическихъ фантасмагорій—то оптимистическихъ,
пессимистическихъ.

Нерѣдко наблюдается и явное соотвѣтствіе между содержаніемъ фан
смагорій и внѣшними впечатлѣніями. Но всего любопытнѣе, что иног
непріятныя, угнетающія впечатлѣнія вызываютъ бредъ и грезы діаметра
но противоположнаго, оптимистическаго характера, какъ бы родъ реа
со стороны нашей личности.

Это заставляетъ вспомнить слова Мейнерта, что внутри насъ, въ гл
бинѣ нашей безсознательной жизни находятся зародыши идей, которы
при благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. при ослабленіи направляющей д
тельности нашего «я», обнаруживаютъ свое существованіе и вступаютъ
сознаніе.

Будемъ ли мы считать душевнобольнымъ человѣка въ тотъ момент
когда онъ замечтался, когда его сознаніе заполонено этими бредовы
образами и идеями? Конечно, нѣтъ, и совершенно правильно. До тѣхъ пор
пока такія идеи не овладѣли сознаніемъ, не слились съ нашимъ личны
«я», пока онѣ не высказываются, пока онѣ не получили вліянія на на
поступки,—словомъ, до тѣхъ поръ, пока онѣ не болѣе какъ изолиров
ныя идеи, а не представители всей нашей личности, послѣдняя за ни
не отвѣтственна и онѣ въ свою очередь не компрометируютъ послѣдн

Анализъ различныхъ видовъ и формъ ложныхъ, бредовыхъ, нелѣпы
идей приводитъ насъ къ тому общему выводу, что какъ наличность з
ровой логики не всегда гарантируетъ душевное здоровье, такъ, съ дру
стороны, бредовая или нелѣпая идея, одна, безъ другихъ признаковъ
шевнаго или логическаго разстройства, не даетъ еще права заключить
душевной болѣзни даннаго лица.

Обратимся къ другому отдѣлу нашей духовной жизни—къ міру чувс
Не найдемъ ли мы въ этой области характерныхъ симптомовъ душе
болѣзни и гарантій душевнаго здоровья?

Едва ли нужно доказывать, что когда передъ нами человѣкъ, правил
реагирующій на всѣ впечатлѣнія и стремленія соотвѣтственными чув
ми, словомъ, когда сохранена нормальная чувствительность, мы —

основаніе и право считать его душевно-здоровымъ. Но изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ спѣшить заключеніями, будто бы наличность того или другого нормальнаго чувства въ отдѣльности, наприм. чувства родительской любви или чувства самосохраненія или эстетическаго чувства, даетъ право не сомнѣваться въ нормальномъ состояніи душевнаго здоровья. Именно въ этой области, въ сферѣ нашихъ чувствъ дана возможность сложнаго симбіоза, т.-е. одновременнаго, совмѣстнаго существованія въ душѣ человѣка различныхъ, подчасъ противоположныхъ чувствованій, настроеній и желаній.

Переплетеніе любви и ненависти, надеждъ и опасеній, гнѣва и страха, симпатіи и антипатіи къ одному и тому же лицу и т. п. комбинаціи составляютъ весьма обычное, почти нормальное состояніе человѣческой души.

Можно быть весьма добрымъ и чувствительнымъ въ тѣсномъ кругѣ близкихъ людей, семьи, наприм., и совершенно не реагировать на страданія окружающихъ, обнаруживать патологическую душевную слѣпоту чувствъ ко многимъ, бьющимъ въ глаза явленіямъ жизни. Душевная чувствительность имѣетъ, какъ и зрѣніе и слухъ, свои индивидуальныя границы у каждаго человѣка—сердце можетъ быть также близорукимъ, какъ и глазъ. Оттого по одному или даже по нѣсколькимъ подмѣченнымъ здоровымъ чувствованіямъ нельзя судить о всемъ мірѣ чувствованій даннаго лица.

Недостаточное развитіе какого-либо нормальнаго чувства еще не даетъ права считать человѣка больнымъ, зато по наличности какого-либо больного чувства можно уже съ большимъ основаніемъ заподозрить ненормальную душевную организацію.

Такъ, замѣчая у культурнаго человѣка индифферентизмъ, отсутствіе сочувствія къ страданіямъ и несчастію ближняго, мы еще не въ правѣ видѣть въ немъ больного, но когда онъ обнаруживаетъ ненормальную реакцію радости при видѣ горя людского, когда физическія истязанія людей доставляютъ ему удовольствіе, когда онъ ищетъ жестокихъ наслажденій, казней, пытокъ и т. п., мы можемъ смѣло въ немъ заподозрить патологическую личность.

Половая распущенность и даже извращенность сама по себѣ не есть еще симптомъ душевной болѣзни, но въ соединеніи съ жестокостью она является уже психо-патологическимъ состояніемъ.

Такія аномаліи основныхъ человѣческихъ чувствъ, впрочемъ, скорѣе свидѣтельствуютъ о душевной уродливости и неправильномъ типѣ душевной организаціи, нежели о болѣзни въ общепринятомъ смыслѣ.

Зато взрывъ сильныхъ аффектовъ, т.-е. сильныхъ напряженій отдѣльныхъ чувствъ, какъ гнѣва, страха, имѣютъ безусловно не только значеніе симптома душевной болѣзни, но зачастую составляютъ самую суть болѣзненнаго состоянія.

Насъ не можетъ удивлять такая тѣсная близость между чувствами, особенно же аффектами и душевнымъ разстройствомъ, если мы вспомнимъ, что чувство не есть элементарное, конкретное состояніе сознанія, какъ

мысль, образъ, впечатлѣніе, воспоминаніе и т. п. Каждое чувство захватываетъ весь районъ духовной жизни человѣка. Чувство немыслимо безъ образа, безъ конкретнаго ощущенія или безъ представленія, вообще безъ участія чисто-умственной работы.

Точно также всякое чувство есть прежде всего реакція нашего «я» и стремится неудержимо вылиться въ дѣйствіяхъ, захватывая и сферу воли. На чувство поэтому нельзя смотрѣть, какъ на изолированное психическое явленіе, оно всегда универсально, служа выраженіемъ напряженія всей нашей психики.

Чувство оказываетъ огромное вліяніе на весь ходъ ассоціаціи идей, устраняя все, не гармонирующее съ нимъ, и даетъ всему теченію сознанія направленіе, соотвѣтствующее основному тону своего настроенія. Чувство парализуетъ способность самообладанія, оно разсѣиваетъ вниманіе или сосредоточиваетъ его односторонне на одной точкѣ. Чувство, разъ занявъ поле сознанія, на время устраняетъ изъ послѣдняго всѣ противоположныя чувства и все то, что можетъ ихъ вызвать.

Оттого уже въ предѣлахъ самосознанія каждое чувство, въ особенности сильное, есть состояніе нарушеннаго равновѣсія и влечетъ за собою уничтоженіе основныхъ условій нормальной душевной дѣятельности. Къ тому же сильное чувство влечетъ за собою рѣзкое нарушеніе физіологическихъ условій нервно-мозговой жизни; чувство сопровождается возбужденіемъ или параличомъ мышцъ, возбужденіемъ сердца, сосудовъ, дыханія, краснотой или блѣдностью кожи, слезами, потомъ и др. физическими явленіями; волненія, сопровождающія чувства, обнаруживаютъ сильное участіе ненормальной дѣятельности нервно-мышечной системы и многихъ физическихъ органовъ тѣла.

Неудивительно послѣ этого, что сильныя чувства стоятъ такъ близко къ душевнымъ разстройствамъ и, часто повторяясь, подготовляютъ почву для развитія послѣднихъ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что общераспространенное теперь въ публикѣ мнѣніе о той роли, которую играетъ переутомленіе въ происхожденіи нервныхъ и душевныхъ болѣзней, сильно преувеличено, такъ какъ по отношенію къ культурному классу общества весьма значительная доля вреднаго вліянія должна быть приписана не переутомленію, а «переволненію», т.-е. избытку всякаго рода эмоцій, которыми такъ богата современная жизнь.

Признавая такое выдающееся значеніе за чувствами и аффектами, какъ указателями душевнаго разстройства, мы должны однакожъ указать, что чувства становятся такими лишь съ того момента, когда они выходятъ изъ своихъ нормальныхъ рамокъ, разливаются по всей психикѣ и вырываются наружу въ формѣ физіологическихъ движеній и дѣйствій.

Возьмемъ такой случай, когда чувство, хотя и интенсивное, но остается въ своихъ предѣлахъ, когда ему не удается овладѣть ни всѣмъ полемъ сознанія, ни теченіемъ мысли, ни стремленіями и волей, когда субъекту удается сдержать физіологическія проявленія этого чувства и подавить

проявленіе его въ какихъ-либо дѣйствіяхъ. Такое локализированное въ предѣлахъ психики чувство уже теряетъ свое доминирующее значеніе. Чувство, даже ненормальное по своему содержанію и характеру, пока оно остается чисто мѣстнымъ психическимъ явленіемъ, можетъ уживаться рядомъ съ полнымъ душевнымъ благополучіемъ и, только съ того момента, когда оно въ силу ли своей необычайной силы и стремительности, либо вслѣдствіе слабаго сопротивленія всей психической организаціи субъекта, дѣлается господиномъ послѣдней, подчиняетъ себѣ всю личность и волю, оно пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе и исключаетъ душевное здоровье.

Намъ остается разсмотрѣть вопросъ, можетъ ли сфера воли дать указанія для характеристики душевнаго здоровья и душевной болѣзни. Нѣтъ надобности доказывать, что совершенно нормальныя дѣйствія, правильное поведеніе въ извѣстныхъ случаяхъ уживаются рядомъ съ явно нелѣпыми и болѣзненными поступками и что по этой причинѣ наличность первыхъ отнюдь не исключаетъ возможности душевной болѣзни у даннаго лица. Многіе помѣшанные въ состояніи совершать рядъ цѣлесообразныхъ дѣйствій. Это въ такой степени общеизвѣстно, что англійскіе законодатели допускаютъ возможность вполнѣ законнаго завѣщательнаго или другого гражданскаго акта, если только не будетъ доказано, сверхъ общаго факта душевной болѣзни, что и данное дѣяніе, наприм., завѣщаніе, составлено подъ вліяніемъ болѣзненныхъ мотивовъ.

Точно также уголовный англійскій законъ допускаетъ вмѣняемость и наказуемость душевно-больного человѣка, совершившаго преступленіе, если будетъ доказано, что онъ совершилъ это дѣяніе по такимъ же мотивамъ, такъ же сознательно и обдуманно и выполнилъ его такъ же, какъ и здоровый преступникъ.

Можно, конечно, оспаривать теоретическую правильность такого взгляда, но фактически безспорно, что у душевно-больного человѣка при извѣстныхъ условіяхъ дана возможность вполнѣ правильныхъ поступковъ. Интересно въ этомъ отношеніи то различіе, которое существуетъ между дѣйствіями заученными, т.-е. поступками, ставшими вслѣдствіе частаго повторенія почти автоматическими, и дѣйствіями новыми, т.-е. нуждающимися въ нѣкоторой новой мозговой и психической работѣ. Способность совершать поступки перваго рода, заученные, можетъ долгое время сохраниться у людей, у которыхъ душевная болѣзнь сдѣлала уже большіе успѣхи, тогда какъ способность совершать новыя непривычныя дѣйствія, творчество воли, довольно рано теряется у душевно-больныхъ. Хорошей иллюстраціей этого положенія могутъ служить тѣ весьма нерѣдкіе случаи, на которые указалъ знаменитый берлинскій психіатръ Вестфаль, когда военные оказываются, еще долгое время по заболѣваніи психозомъ, въ состояніи автоматически продолжать исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей, состоящихъ изъ заученныхъ актовъ, какъ команда, подписываніе бумагъ и т. п.

Итакъ здѣсь, въ сферѣ дѣяній, воли, положительные факты, т.-е. наличность явно нецѣлесообразныхъ поступковъ, имѣетъ безспорно рѣшающее

значеніе и представляетъ гораздо больше доказательности въ пользу душевной болѣзни, нежели всевозможныя субъективныя, чисто-психическія явленія, какъ, наприм., ложныя мысли и уродливыя чувства.

Припомнивъ все, что было сказано о механизмѣ воли и отдаленныхъ волевыхъ актовъ, мы не затруднимся понять роковое для нашей психики значеніе нашихъ дѣйствій. Каждое наше дѣяніе есть продуктъ кооперація всѣхъ физіологическихъ элементовъ нашей нервной системы и психологическихъ элементовъ нашей психики, выработанный подъ верховнымъ контролемъ нашей духовной личности и ея внѣшняго представителя—воли.

Каждый поступокъ, за исключеніемъ автоматически-заученныхъ и машинообразно-выполняемыхъ, является равнодѣйствующей всѣхъ душевныхъ способностей. Ихъ правильность служитъ указателемъ правильнаго хода всей машины; нелѣпые поступки свидѣтельствуютъ объ ослабленіи контроля со стороны памяти, ассоціаціи идей, характера, личности, служатъ доказательствомъ, что весь ходъ нашей духовной машины пострадалъ.

Это, впрочемъ, не относится къ автоматическимъ, заученнымъ дѣйствіямъ и къ такимъ, которыя вытекаютъ изъ ложныхъ идей, наприм., изъ суевѣрій, предразсудковъ, таковы, наприм., дѣйствія, связанныя съ гаданіемъ, заговорами, различныя обрядовыя дѣянія и т. д. Всѣ они стоятъ внѣ сферы вліянія личности и внѣ сознательной воли и не могутъ, разумѣется, имѣть большого значенія для характеристики душевнаго состоянія даннаго лица.

Такимъ же образомъ въ жизни самаго разумнаго и уравновѣшеннаго человѣка бываютъ моменты, когда извѣстное впечатлѣніе или событіе застанетъ его врасплохъ и какъ бы перескакиваетъ черезъ всѣ физіологическіе и психологическіе барьеры, обходитъ и ассоціацію идей, и волевой механизмъ, и контроль личности и прорывается наружу въ видѣ рефлекторной реакціи. Такая сокращенная реакція, или психо-рефлексъ можетъ стоять въ полной дисгармоніи со всѣмъ психическимъ механизмомъ данной личности, и реакція по характеру своему можетъ оказаться нелѣпой и не можетъ быть поставлена въ счетъ тому лицу, которому она принадлежитъ.

Такіе поступки сопровождаются обыкновенно моментально развившимся аффектомъ, противъ котораго въ первый моментъ оказались безсильными или неподготовленными всѣ регуляторы нашей психики. Очень часто эти дѣянія, имѣя крайне импульсивный характеръ, приводятъ къ преступленіямъ. Квалификація такого рода преступленій оказывается подчасъ задачей весьма нелегкой, такъ какъ, съ одной стороны, совершонное дѣяніе какъ будто является чѣмъ-то вполнѣ чуждымъ душевному складу совершившаго это дѣяніе, съ другой же стороны, нѣтъ формальныхъ основаній признавать это лицо въ данный моментъ больнымъ и невмѣняемымъ.

Исключивъ это и имъ подобныя категоріи аномальныхъ дѣяній, мы можемъ принять, какъ общее положеніе, что во всякомъ сознательномъ поступкѣ проявляется все содержаніе и весь механизмъ духовной жизни

что въ силу этого поступки служатъ указателемъ нашего душевнаго здоровья и болѣзни.

Психологическій анализъ привелъ насъ къ тому же выходу, къ которому мы пришли путемъ изученія физіологическихъ законовъ душевнаго механизма. Не отдѣльные элементы нашей душевной жизни, а общій строй, особенно же организація и устойчивость нашей психической личности,— вотъ что можетъ служить критеріумомъ душевнаго здоровья и душевной болѣзни.

Душевное здоровье, какъ и физическое, заключается въ приспособленности, въ устойчивости равновѣсія. Какъ физическое здоровье держится на обмѣнѣ веществъ, на балансѣ химическомъ, какъ здоровье нервной системы основано на балансѣ прихода и расхода физической энергіи, раздраженій и реакцій, такъ и психическая жизнь имѣетъ своимъ базисомъ обмѣнъ впечатлѣній, т.-е. психическихъ воздѣйствій со стороны другихъ людей и психическихъ реакцій каждаго человѣка на окружающихъ людей.

Въ этомъ пунктѣ открывается и принципіальное различіе между духовной жизнью, съ одной стороны, и физической и нервной—съ другой.

Все разнообразіе рефлексовъ, безсознательныхъ реакцій и приспособленій нервной системы къ окружающему міру можетъ быть сведено къ одному опредѣленію,—приспособленіе къ пространству и движенію. Человѣкъ или передвигается въ пространствѣ, или передвигаетъ другія тѣла. Про нервную систему можно сказать, что ея функція въ цѣломъ заключается въ способности сохранять равновѣсіе въ движеніи и посреди совершающихся вокругъ насъ движеній.

Вмѣсто физическихъ агентовъ психика имѣетъ дѣло съ людьми, событіями, дѣйствующими на насъ не какъ физическая энергія, а какъ психическія силы. Наши поступки не имѣютъ значенія простого расхода энергіи, а носятъ характеръ обмѣна духовныхъ воздѣйствій. Наша душевная жизнь представляетъ картину психическаго взаимодѣйствія, борьбы и обмѣна душевныхъ силъ между каждымъ изъ насъ и всѣмъ окружающимъ насъ соціальнымъ міромъ.

Оттого слово, эта основа психическаго взаимодѣйствія между людьми, есть также основа духовной жизни, и разстройство его являетъ собою самый грозный предвѣстникъ, угрожающій душевному здоровью опасностью.

Въ духовной жизни человѣка роль пространства занимаетъ соціальная среда; люди, какъ живые носители душевныхъ силъ, замѣнили собою физическихъ дѣятелей, возбуждающихъ нервную систему. Правильное реагиро ваніе на дѣйствія окружающихъ насъ людей основано на точномъ учетѣ то силы или того значенія, которое имѣетъ для насъ то или другое лицо, то или другое его дѣйствіе, его сила и его сопротивленіе.

Вся соціальная жизнь есть непрерывное движеніе, но не физическое, а психическое среди окружающихъ насъ психическихъ силъ, т.-е. людей. Сохранять равновѣсіе среди этого вихря сложныхъ движеній значитъ точно опредѣлять размѣръ этихъ движеній, вѣрно опредѣлять ихъ направленіе

благопріятное или неблагопріятное для насъ и своевременно, точно, приспособить свои движенія къ внѣшнимъ.

Общепринятыя выраженія: разумность, цѣлесообразность, здравый смыслъ, умѣлость, имѣютъ одинъ общій смыслъ и обозначаютъ правильную оцѣнку своихъ силъ, значеніе окружающихъ насъ людей и вещей, оцѣнку степени силы и противодѣйствія фактовъ, степени близости и отдаленности событій, ихъ большей или меньшей вѣроятности, способность точно улавливать причинныя отношенія событій и, въ концѣ-концовъ, способность лавировать среди этихъ фактовъ, т.-е. приспособляться къ нимъ, двигаться съ ними и среди нихъ.

Движеніе на всѣхъ ступеняхъ эволюціи природы оказывается тождественнымъ съ жизнью и въ звѣздныхъ тѣлахъ, и въ физическомъ мірѣ, и въ біологическихъ явленіяхъ, и въ мірѣ духовномъ.

Представленіе о душевномъ здоровьи во всемъ своемъ объемѣ совпадаетъ съ понятіемъ о психическомъ равновѣсіи, т.-е. способностью человѣка сохранить свое равновѣсіе и устойчивость среди своего движенія по жизненному пути. Замѣчательно то детальное сходство, которое съ этой точки зрѣнія открывается между душевной болѣзнью и физической. Въ физическомъ передвиженіи нашего тѣла физіологи различаютъ, согласно законамъ механики, два вида равновѣсія — статическое, когда наше тѣло неподвижно, когда мы стоимъ, и динамическое, когда мы передвигаемся. Въ случаяхъ разстройствъ нервной функціи или при заболѣваніяхъ нервной системы, динамическое равновѣсіе теряется и нарушается раньше нежели статическое. И это вполнѣ понятно, такъ какъ механизмъ передвиженія гораздо сложнѣе и требуетъ больше напряженія со стороны нервной системы.

Больной нервами можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще твердо держаться на ногахъ, но при этомъ уже обнаруживать рѣзкое разстройство акта ходьбы.

Въ сферѣ психическаго здоровья мы находимъ поразительную аналогію. Въ начальной стадіи многихъ душевныхъ болѣзней человѣкъ еще можетъ справляться съ задачами своей обыденной жизни, исполнять привычныя обязанности, т.-е. удерживаться по отношенію къ окружающей жизни на одной точкѣ — въ положеніи статическаго равновѣсія. Но чуть только произошла малѣйшая перемѣна въ окружающей житейской обстановкѣ, явилось новое лицо, новое обстоятельство, потребовалось психическое передвиженіе, перемѣщеніе центра тяжести, — въ положеніи даннаго лица сразу обнаруживается полная несостоятельность его психики. Онъ еще можетъ кое-какъ стоять на своихъ ногахъ, но при попыткѣ ходить онъ спотыкается и падаетъ.

Аналогія между психическимъ движеніемъ человѣка и его физіологическимъ актомъ ходьбы идетъ гораздо глубже внѣшняго сходства и скрываетъ за собою внутреннее сходство условій и механизма обѣихъ группъ явленій.

Эта аналогія удивительнымъ образомъ предугадана здравымъ смысломъ человѣчества и проглядываетъ въ языкѣ, этомъ величайшемъ философскомъ произведеніи. Такъ, мы находимъ въ языкѣ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ цѣлый рядъ выраженій, характеризующихъ различные случаи нарушенія физическаго равновѣсія. Человѣкъ спотыкается, хромаетъ, шатается, падаетъ, теряетъ почву подъ ногами, у него кружится голова, онъ потерялъ равновѣсіе и т. д. И всѣ эти выраженія мы встрѣчаемъ въ языкѣ, когда намъ нужно выразить или описать фактъ потери способности нормальнаго психическаго приспособленія. И въ соціальной или психической жизни человѣкъ иногда спотыкается, шатается, падаетъ, теряетъ голову, равновѣсіе и т. п.

Особенный интересъ представляетъ сопоставленіе физическаго головокруженія и психическаго. Физическое головокруженіе наступаетъ у здороваго человѣка, когда у него внезапно исчезаетъ почва подъ ногами или когда онъ смотритъ съ большой, непривычной высоты на землю; словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рѣзко и внезапно измѣняется отношеніе между физической почвой и тѣломъ человѣка.

Не то ли же самое мы видимъ и въ нашей духовной, соціальной жизни? Какъ часто приходится наблюдать, что при рѣзкой перемѣнѣ условій жизни, наприм., при потерѣ нами лицъ, бывшихъ для насъ опорой, мы «теряемъ почву подъ ногами», теряемъ душевное равновѣсіе и иногда падаемъ.

Психическое и соціальное головокруженіе тоже не рѣдкость въ жизни людей. У человѣка, внезапно, силой случая, поднявшагося на неожиданную и непривычную для него соціальную высоту, «голова кружится отъ успѣха и счастія». Люди въ такомъ положеніи, если они даже одарены большимъ запасомъ духовной энергіи, оказываются иногда не въ силахъ приспособиться къ новому положенію, совершенно мѣняются, теряютъ масштабъ для оцѣнки своихъ собственныхъ силъ, кончаютъ паденіемъ, иногда столь же быстрымъ, какъ и подъемъ.

Мы не считаемъ парализованнымъ человѣка, который, нечаянно споткнувшись въ темнотѣ или отъ лишней рюмки вина, упалъ, а лишь того, кто въ силу органической своей слабости не въ состояніи держаться на ногахъ.

Такъ точно не можемъ мы признать душевно-больнымъ человѣка, случайно пошатнувшагося и упавшаго, а лишь того, у кого психическій механизмъ оказывается не въ состояніи поддерживать его равновѣсіе и регулировать его поступательное движеніе по жизненному пути.

П. Оршанскій.

А. И. Герценъ, его хлопоты о заграничномъ паспортѣ и послѣдняя поѣздка въ Петербургъ *).

V.

Потому ли, что въ день пріѣзда Герцена въ Петербургъ была, может быть, по петербургскому обычаю, ненастная осенняя погода, которая на водитъ сплинъ, грусть и тоску, или потому, что, пріѣхавъ на квартир Панаевыхъ, Герценъ, не заставъ хозяевъ, очутился одинъ среди чуж обстановки, онъ по пріѣздѣ испытываетъ скуку. «Скучно что то очень» [1], — пишетъ онъ женѣ.

Изъ петербуржцевъ онъ еще не успѣлъ никого повидать, потому есте ственно, что мысленно онъ не оторвался еще отъ Москвы и продолжа думать о женѣ и о дѣтяхъ. То ему вспоминается его бѣдный сынъ, г хонѣмой Коля; то онъ огорчается мыслью, что Наташа («Тата»), по луй, и «не замѣчаетъ, что меня нѣтъ, а Лика не узнаетъ, когда пріѣду» Старшимъ же сыномъ, Сашей, его мысль настолько занята, что онъ первомъ же письмѣ изъ Петербурга дѣлаетъ ему отдѣльную приписку, шетъ нарочно крупными буквами:

«Саша здравствуй, мы пріѣхали съ Лаврентьемъ и ждемъ писемъ тебя, напиши какой гостинецъ прислать тебѣ, если не будешь шали

Онъ еще настолько живетъ Москвой, что первое письмо изъ Пет бурга, за исключеніемъ нѣкоторыхъ дорожныхъ впечатлѣній, у него наполнено или намеками на происшедшій разладъ съ московскими друзь или поклонами и поцѣлуями, которые блестятъ герценовской шуткой его веселымъ остроуміемъ.

«Прощай, кончаетъ онъ письмо. Маменькѣ цалую руку, Мар(ьѣ) К (паровнѣ Эрнъ) жму ее а дѣтямъ протягиваю»...

«Кланяйся всѣмъ. Что Огаревъ въ Соколовѣ или здѣсь, кланяйся м больше Маріи Ѳедоровнѣ (Коршъ)—не потому чтобъ я ее любилъ м

*) *Русская Мысль*, кн. IX, 1904 г.

1) Рук. письмо Герцена отъ 4 октября 1846 г.

2) Рук. письмо Герцена отъ 4 октября 1846 г.

больше это было бы просто не учтиво, а потому что мнѣ кажется что ей мой дружескій привѣтъ по слабости ко мнѣ будетъ пріятенъ» [1]).

Какъ видимъ, онъ еще не занятъ Петербургомъ и его обитателями, всѣ его мысли еще всецѣло витаютъ въ Москвѣ. Послалъ поцѣлуй женѣ, онъ приписываетъ: «да скорѣе писемъ, писемъ. Съ истиннымъ уваженіемъ честь имѣю пребыть».

Письмо это онъ дописываетъ и отсылаетъ только на другой день пріѣзда, т.-е. 5 октября, въ субботу. И въ этотъ же день утромъ дѣлаетъ визитъ Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовой, потому насчетъ своихъ хлопотъ о заграничномъ паспортѣ онъ въ первомъ письмѣ изъ Петербурга еще ничего не могъ сообщить, а только далъ обѣщаніе увѣдомить насчетъ этого въ понедѣльникъ, такъ же, какъ и о *Современникѣ*, который въ это время переходилъ въ новыя руки, къ Ив. Ив. Панаеву и поэту Некрасову.

Но если бы Александръ Ивановичъ въ вихрѣ встрѣчъ съ старыми и новыми петербургскими знакомыми и вздумалъ позабыть на нѣкоторое время о Москвѣ, то его до этого не допустили бы письма жены. Н. А. не только невѣстой, но и будучи женой, много и часто писала Герцену, не дожидаясь полученія его писемъ. Въ то время пока мужъ успѣетъ прислать ей всего только одно письмо, Н. А., случалось, успѣвала отослать два, изъ которыхъ каждое было больше написаннаго мужемъ. И о комъ же, какъ не о дѣтяхъ или не о близкихъ друзьяхъ было писать ей? Почти ежедневно въ отсутствіе Герцена друзья навѣщали Н. А., часто у нея обѣдали,—а Грановскій, тотъ въ отсутствіе А. И., даже читалъ ей и ея знакомому кружку женщинъ греческую исторію;—о комъ же и о чемъ же послѣ этого она могла больше писать? Она въ рѣдкомъ письмѣ не говоритъ о дѣтяхъ, въ рѣдкомъ не передаетъ какой-нибудь милой сценки или милаго лепета кого-нибудь изъ нихъ. Она не пропускаетъ случая сообщить даже о такомъ фактѣ въ жизни дѣтей, какъ приходъ шарманщика, и довольно подробно разсказываетъ объ этомъ событіи.

...«Потомъ дѣти позвали шарманку—она играла очень долго, и Наташа все время неутомимо плясала; что за живое, милое созданье эта Наташа: еще до своего рожденія она была названа Consuella di mia alma, и до сихъ поръ не измѣняла себѣ; когда ее спросятъ, «гдѣ папа»—«Далибухъ»—отвѣчаетъ она и машетъ рученкой, показывая, что далеко; Лика толстѣетъ и растетъ, а Коля... здоровъ, веселъ, большею частію, но какое иногда у него бываетъ грустное личико—сердце обливается кровью» [2])...

Вѣдь, теперь Н. А. окружена цѣлымъ вѣнкомъ малютокъ, изъ которыхъ старшему, Сашѣ, уже семь лѣтъ,—старшей дочери, Татѣ, скоро будетъ два года, младшему сыну, Колѣ, скоро три, а младшей дочери, Ликѣ, скоро годъ [3]).

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Рук. письмо Н. А. Герценъ отъ 10 октября 1846 г.

[3]) Но дочь Лика, т.-е. Елизавета, умерла раньше, чѣмъ ей минулъ годъ; она родилась 30 декабря 1845 г., умерла 27 ноября 1846 г. и похоронена рядомъ съ

Въ третьемъ письмѣ Н. А., намекнувъ о происшедшемъ разладѣ въ московскомъ кружкѣ друзей, опять переходитъ къ рѣчи о дѣтяхъ.

«Хорошо еще мнѣ съ дѣтьми; какъ отдыхаешь глядя на эти совершенно безпечные личики: какъ имъ жизнь легко живется, платокъ повязанъ на лбу, и они играютъ въ жмурки и совершенно щастливы; Наташа сдѣлаетъ кружекъ карандашомъ и кричитъ—Паге, Паге, т.-е. Палагѣя будто нарисовала, и всѣмъ показываетъ и сама радуется, и смѣется. Саша уже не имѣетъ этого въ себѣ—успоко(ива)ющаго, онъ дѣлается ужасно заботливъ и внимателенъ, преслѣдуетъ меня также какъ ты, заставляетъ дѣлать что полезно по его мнѣнію и останавливаетъ отъ того что вредно» [1]).

Получивъ первое письмо мужа изъ Петербурга, она предлагаетъ старшему сыну писать отцу собственноручно, а для того, чтобы онъ охотнѣе и покойнѣе писалъ, она не стѣсняетъ его правописаніемъ и не исправляетъ ошибокъ: «чтобы не отравлять ему удовольствія писать къ тебѣ».

Отецъ не оставляетъ письма безъ отвѣта, и такимъ образомъ переписка съ сыномъ продолжается всѣ двѣ недѣли отсутствія отца изъ дому.

Болѣзнь почти цѣлую недѣлю по отъѣздѣ мужа держала Н—лью А—ну въ домашнемъ карантинѣ. Профессоръ Альфонскій, который ее лѣчилъ въ это время, позволилъ ей выѣхать изъ дому только 6 октября, да и то не иначе, какъ въ каретѣ. Понятно, что до этого времени она могла напоминать письма къ мужу только разсказами о дѣтяхъ и о тѣхъ изъ друзей, которые ее чаще другихъ навѣщали,—какъ Огаревъ, Сатинъ, Грановскій, М. Ѳ. Коршъ, Рѣдкинъ, жена Кетчера—Сима и друг.,—она знала, что разсказы о нихъ послѣ дѣтей для него самое интересное.

Дѣйствительно, мы и сами видимъ, какъ часто его мысль въ Петербургѣ, несмотря на усиленныя хлопоты о заграничномъ паспортѣ, несмотря на новыя знакомства, на выѣзды въ театръ,—занята дѣтьми, онъ не забываетъ и при этихъ условіяхъ ни о нихъ, ни о своей матери, Лукѣ Ивановнѣ, ни о М. Ѳ. Коршъ, которая, правда, сама ему часто приписываетъ въ письмахъ Н—и А—ны, ни о М. К. Эрнъ, ни объ Огаревѣ. В письмѣ отъ 8 октября онъ пишетъ, что писать некогда, а все же не забываетъ прибавить: «Поцелуй Сашу, Колю, Наташу и Лику». Несмотря на «некогда», онъ не забываетъ и объ игрушкахъ для нихъ.

«Сашѣ завтра отправлю собаку (по почтѣ), стало она будетъ почтенная собака,—да чтобъ онъ не ломалъ ее» [2]).

А изъ слѣдующаго письма, которое писано въ тотъ же день вечеромъ, видно, съ какимъ вниманіемъ, съ какой заботою относился онъ къ покупкѣ самыхъ игрушекъ! «Собаку я не отослалъ, потому что *ѣздилъ мѣсяцъ ее* (курсивъ мой), зато теперь посылаю цѣлую коллекцію: Наташѣ коро-

---

своимъ братомъ Ваней въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ надъ ней надъ братомъ поставлены два памятника, въ видѣ небольшихъ, черныхъ мраморныхъ столбиковъ, оканчивающихся шаромъ съ крестомъ.

[1]) Рук. письмо Н. А. Герценъ отъ 5 окт. 1846 г.

[2]) *Русская Мысль*, ноябрь, 1902 г., стр. 155.

Ликѣ гумиластиковый мячъ, Николѣ—собаку, а Сашѣ тигра и собаку со щенятами,—прошу не ломать и поставить на видѣнье имъ, ибо формы изящны». Даже и въ послѣднемъ письмѣ изъ Петербурга онъ не забываетъ и находитъ время написать старшему сыну: «Саша, ожидай меня въ концѣ этой недѣли, скажи это Колѣ Наташѣ и Ликѣ». Ему скучно было безъ дѣтей. Онъ въ послѣднемъ письмѣ по обыкновенію острить насчетъ этого: «Разцалуй дѣтей, мнѣ по ихъ тоска—Кошка Авд(отьи) Як(овлевны) не совсѣмъ ихъ замѣняетъ» [1]).

Хоть и много интереса представляли Герцену новыя встрѣчи въ Петербургѣ, новыя лица, новыя знакомства, но онъ не разъ говоритъ: «Несмотря на все сіе и многое иное, мной начинаетъ овладѣвать тоска по родинѣ, безъ васъ мнѣ не живется; иной разъ хочется смертельно послушать, какъ Наташа коверкаетъ языкъ—въ эти минуты я утѣшаю себя, что она въ это время капризничаетъ... Здѣсь истинно, глубако близкаго ничего нѣтъ...» [2]).

Герценъ въ эту поѣздку сдѣлалъ много новыхъ знакомствъ. Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ онъ въ первый разъ встрѣтился съ Гончаровымъ, съ Достоевскимъ, Кронебергомъ, съ Никитенкомъ, съ женою Бѣлинскаго и т. д. Самого Бѣлинскаго въ это время не было въ Петербургѣ: онъ еще 26 апрѣля, какъ видно изъ его письма къ Герцену (отъ 6 апрѣля 1846 г.), долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ Крымъ, куда у него въ это время уже было взято мѣсто въ маль-постѣ; а 6 сентября онъ хоть и писалъ Герцену изъ Симферополя: «Когда ты будешь читать это письмо, я уже, вѣроятно, буду на пути въ Москву», но все же еще и теперь не возвратился изъ крымской поѣздки, предпринятой ради здоровья. О своемъ знакомствѣ съ Гончаровымъ А. И. даже не упоминаетъ въ письмахъ къ женѣ; объ этой встрѣчѣ узнаемъ изъ «Воспоминаній» самого Гончарова, который пишетъ: «Съ Бѣлинскимъ я познакомился уже въ 1846 г. въ Петербургѣ, *а съ Герценомъ видѣлся только одинъ разъ мелькомъ, когда онъ былъ короткое время въ Петербургѣ проѣздомъ за границу* (?) (курсивъ мой).

О встрѣчѣ же съ Достоевскимъ Герценъ не пропускаетъ сообщить женѣ, хотя Достоевскій, такъ же, какъ и жена Бѣлинскаго, ему не понравился. Совсѣмъ другое впечатлѣніе вынесъ онъ изъ знакомства съ Кронбергомъ: послѣдній ему очень понравился, больше чѣмъ всѣ новые знакомые, впрочемъ, также понравился и Никитенко.

«Вчера былъ у Никитенки, онъ удивительно добрый и благородный человѣкъ, меня принялъ съ отверстыми объятіями...» [3]).

Никитенко, какъ и надо было ожидать, уже зналъ Герцена по его литературнымъ работамъ, которыхъ теперь было довольно много, и вотъ за

---

[1]) Рук. письмо А. И. Герцена отъ 11 окт. 1846 г.
[2]) *Русская Мысль*, ноябрь, 1902 г., стр. 156.
[3]) *Русская Мысль*, ноябрь, 1902 г., стр. 155.

эти-то работы цензоръ Никитенко и встрѣтилъ Герцена съ «отверстыми объятіями».

Герценъ ѣздилъ къ нему по поводу «Записокъ доктора Крупова», которыя были закончены еще въ мартѣ этого года и о которыхъ Бѣлинскій въ письмѣ отъ 20 марта писалъ Герцену: «Записки д-ра Крупова — превосходная вещь, при свиданіи мнѣ много будетъ говорить съ тобою о твоемъ талантѣ, твой талантъ вещь не шуточная, и если ты будешь писать меньше тома въ годъ, то будешь стоить быть повѣшаннымъ за ленивые пальцы» [1]).

У Никитенка Герценъ «узналъ, что «Записки д-ра Крупова» пропущены цензоромъ только съ небольшими выпусками» [2]).

Встрѣчей и радушнымъ пріемомъ Никитенка Герценъ былъ очень удивленъ. Его удивило главнымъ образомъ то, что его «статьи имѣютъ здѣсь и тотъ ходъ, и ту извѣстность». Это удивленіе съ перваго раза кажется черезчуръ большой скромностью, такъ какъ со времени появленія въ *Отечественныхъ Запискахъ* перваго отрывка изъ «Былаго и Думъ», подъ названіемъ: «Записки одного молодого человѣка», до октября 1846 г. Герценъ напечаталъ, какъ въ этомъ журналѣ, такъ и въ другихъ изданіяхъ болѣе пятнадцати новыхъ работъ, между которыми были и «Диллетантизмъ въ наукѣ», и «Письма объ изученіи природы», и «Капризы и раздумье», и «Кто виноватъ?» и т. д., которыя удостоивались самыхъ горячихъ, самыхъ хвалебныхъ отзывовъ критики. Послѣдняя признала въ авторѣ «умъ, доведенный до поэзіи», глубину мысли, оригинальность слога, «юморъ, остроуміе», душу и чувство, и поздравляла публику «съ новымъ обрѣтеніемъ необыкновеннаго таланта, совершенно въ новомъ родѣ». Еще во второмъ отрывкѣ «Записокъ одного молодого человѣка» Бѣлинскій находилъ оригинальность ума, чувство, остроуміе... Но, конечно, все это были отзывы печати, литературной критики, а не общества. Отзывъ одного человѣка изъ общества, да притомъ еще цензора, его радушный пріемъ не могли не поразить и не удивить Герцена.

Но въ Петербургѣ у А—а И—ча было много и старыхъ знакомыхъ, кромѣ О. А. Жеребцовой, Панаевыхъ, Некрасова. Въ Петербургѣ жилъ и братъ его жены—Петръ Александровичъ Захарьинъ, котораго Н. А. изъ силы мужа непремѣнно повидать,—и архитекторъ Витбергъ, о которомъ Н. А. не разъ спрашивала въ письмахъ; и графъ Сологубъ, который хлопоталъ о позволеніи Герцену покинуть Новгородъ; и Засядко, молодой человѣкъ, знакомый его матери, о которомъ безпрестанно спрашивала въ письмахъ М. Ѳ. Коршъ; и двоюродный братъ «химикъ», у котораго на Англійской набережной былъ собственный домъ... У всѣхъ у нихъ надо было побывать, со всѣми побесѣдовать, а также и исполнить всѣ порученія,

[1]) *Полярная Звѣзда* 1859 г.: „Письма Виссар. Гр. Бѣлинскаго отъ 20 марта 1846 г.“, стр. 205.

[2]) *Русская Мысль*, ноябрь, 1902 г. Письмо Герцена отъ 8 октября 1846 г., стр. 155.

торыя ему надавали Кетчеръ, Софья Ѳедоровна Капель, родная сестра жены владимірскаго губернатора, Юліи Ѳедоровны Куруты, и сама Н—я А—а. Порученія большею частью состояли въ покупкахъ книгъ, духовъ, дѣтскихъ рукавичекъ и т. п. вещей. И Герценъ, несмотря на массу хлопотъ и дѣловыхъ визитовъ, успѣлъ все исполнить, у всѣхъ побывать и со всѣми побесѣдовать.

О встрѣчѣ съ Петрушей, братомъ жены, онъ не упоминаетъ въ письмахъ, зато о встрѣчѣ съ Витбергомъ, съ Засядкомъ передаетъ довольно подробно.

Встрѣча съ Витбергомъ, котораго хорошо зналъ, любилъ и высоко цѣнилъ А. И. въ Вяткѣ, въ тотъ періодъ своей жизни, когда подъ вліяніемъ жены, онъ весь былъ проникнутъ религіей и мистицизмомъ и, благодаря послѣднему, сливался тогда съ Витбергомъ,—теперь, когда въ воззрѣніяхъ А—ра И—ча давно произошло сильное измѣненіе, когда онъ изъ мистика превратился въ человѣка съ реальными воззрѣніями на жизнь и людей,—Витбергъ попрежнему стоялъ на той же старой ступени и остался тѣмъ же мистикомъ, какимъ былъ въ Вяткѣ,—встрѣча съ нимъ для Герцена была очень тяжела. А. И., какъ человѣкъ въ высшей степени мягкій и деликатный, захотѣлъ бережно отнестись къ старику,—не сталъ его огорчать и высказывать своихъ убѣжденій, не сталъ возражать, а потому «гертировалъ себя», какъ онъ выразился въ письмѣ къ женѣ. Онъ послѣ этого свиданія нашелъ, что Витбергъ «очень состарился и какъ-то разрушается; его радость и восторгъ былъ до чрезмѣрности, онъ плакалъ. Жаль его, руина» [1]). Эту же мысль о Витбергѣ повторилъ Герценъ и въ *Тюрьмѣ и ссылкѣ*, вспоминая о своемъ послѣднемъ свиданіи съ нимъ [2]).

Засядка же Герценъ, несмотря на неоднократныя напоминанія М. Ѳ. Коршъ повидаться съ нимъ, удалось разыскать только въ концѣ своего пребыванія въ Петербургѣ: «Скажи Мар(ьѣ) Ѳед(оровнѣ),—писалъ онъ женѣ отъ 11 октября,—что я Засядку отыскалъ и нашелъ его безъ копѣйки денегъ, почему и пошли къ Смурову ѣсть устрицы» [3]).

Встрѣча съ гр. Сологубомъ и другими господами тоже не даетъ ничего радостнаго: «дѣльнаго ничего, шутили и дурачились».

Зато его любовь къ театру нашла въ Петербургѣ огромное удовлетворе ніе: игра французской актрисы, Плесси,—молодой, красивой, богато одаренной, доставляетъ ему высочайшее наслажденіе. Онъ прямо называетъ ее великой актрисой,—«и что ей надавала для этого природа,—прибавляетъ онъ,—она высока, величественна, голосъ ея проникаетъ въ глубину

---

[1]) *Русская Мысль*, ноябрь, 1902 г.: Письмо Герцена отъ 7 окт. 1846 г., стр. 154.

[2]) *Тюрьма и ссылка*, Лондонъ, 1858 г. 2-е изданіе. Трюбнера. Статья: „Але кс ндръ Лаврентьевичъ Витбергъ", стр. 154. „Въ 1846 г., въ началѣ зимы (?) я былъ вп послѣдній разъ въ Петербургѣ и видѣлъ Витберга. Онъ совершенно гибнулъ, даже ег прежній гнѣвъ противъ его враговъ, который я такъ любилъ, сталъ потухать; ни ждъ у него не было больше, онъ ничего не дѣлалъ, чтобы выйти изъ своего по женія, ровное отчаяніе докончило его, существованіе сломилось на всѣхъ со ст ахъ. Онъ ждалъ смерти".

[3]) Рук. письмо Герцена отъ 11 октября 1846 г.

сердца, она—типъ величавой красоты, подавляющей силой, высотой...»...[1]). Въ такомъ восторгѣ онъ отъ нея, а также и отъ тѣхъ даровъ, какими наградила ее природа. Но, вѣдь, онъ теперь знаетъ, какъ недовѣрчиво, послѣ московскаго легкомысленнаго романа, относится жена къ похваламъ въ его устахъ другой женщинѣ. Потому сейчасъ же вслѣдъ за выраженной похвалой онъ спѣшитъ оговориться: «но самое это исключаетъ другого рода милую, страстную красоту, красоту неправильную, но ужасно захватывающую» [2]). Затѣмъ послѣ такой оговорки продолжаетъ свой панегирикъ Плесси:

«Когда она обернулась съ разгорѣвшимся лицомъ, съ видомъ гордости собственнаго сознанія правоты къ ревнивому мужу и дрожащимъ, но полнымъ энергіи голосомъ ему закричала: à genoux, à genoux!—это поразительно, цѣлая повѣсть G. Sand, въ одномъ ея взглядѣ на мужа, который застегивалъ сюртучекъ и стоялъ передъ ней какъ пойманный школьникъ. Тутъ она была необъятно хороша; но какъ осмѣлился этотъ человѣкъ ее любить, жениться на ней, какъ онъ не видѣлъ Плесси? Понимаешь, что я хочу сказать, тутъ именно важность придала она, другая актриса была бы раздраженная женщина, а она—подавляющее, высокое существо».

Театръ и литература—вотъ тѣ двѣ сферы, куда тянуло Герцена, гдѣ онъ жилъ и искалъ наслажденія и пищи своему уму. Игра Плесси и переходъ *Современника* въ руки Панаева и Некрасова, который былъ въ это время совсѣмъ еще бѣдный человѣкъ,—вотъ что его особенно интересовало послѣ хлопотъ о заграничномъ паспортѣ.

Новой редакціи *Современника* онъ вполнѣ сочувствуетъ, сочувствуетъ настолько, что готовъ самъ всячески помогать ея устройству: дѣлается постояннымъ сотрудникомъ *Современника*, открываетъ тамъ свой дебютъ «Записками доктора Крупова» [3]), и за ними печатаетъ «Письма изъ Avenue Marigny» [4]).

Дѣлами новаго журнала не менѣе была заинтересована и его жена. Она при отъѣздѣ мужа изъ Москвы вручила ему для передачи поэту и *Современникъ* собственныхъ 5 тыс. руб. ассигнаціями, которыя Некрасовъ взялъ въ долгъ и выдалъ на нихъ Герцену расписку. Когда же въ отсутствіе мужа на имя Герцена приходили въ Москву письма отъ Ив. Ив. Панаева, который просилъ московскій кружокъ участвовать въ *Современникѣ*, просилъ Корша или Огарева написать для журнала статью по иностранной литературѣ и т. д., Н. А., какъ уполномочённая мужемъ, распечатывала письма Панаева, но своего участія въ дѣлѣ *Современника* этимъ не ограничивала. «Всѣ письма Панаева я распечатала и давала *читать всѣмъ кому нужно и просила ему отвѣчать*» (курсивъ мой [5]).

---

[1]) *Русская Мысль*, ноябрь, 1902 г., стр. 153.

[2]) Тамъ же.

[3]) „Записки“ были тамъ напечатаны въ майской книжкѣ 1847 г.

[4]) Май и іюнь 1847 г.

[5]) Рук. письмо Н. А. Герценъ отъ 5 окт. 1846 г.

Но изъ кружка, кажется, пока никто не отвѣчалъ, всѣ, по обыкновенію, мѣшкали. Одинъ Огаревъ писалъ Герцену: «Скажу только, что Коршъ не берется за статью объ Иностран. Литературѣ я тоже не берусь, хотя по мнѣнію его у меня было бы на то довольно Musse; но я такъ много имѣю Gang'овъ, что Müssigang мнѣ мѣшаетъ дѣлаетъ дѣло, вовсе мнѣ несродное» [1]). А какъ видно изъ послѣдующихъ писемъ Герцена, въ Петербургѣ всего больше ждали отвѣта отъ Грановскаго и К°, «и пуще всего ждутъ Бѣлинскаго».

Бѣлинскаго все еще не было ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, онъ все еще не возвращался изъ Крыма. Н. А., начавшая уже выѣзжать, не только къ знакомымъ—къ Кавелину, Астраковымъ, а и въ театръ, гдѣ она видѣла Сеньковскую въ Сильфидѣ, встрѣтила его только 12 октября у Коршей: онъ только что пріѣхалъ. Своимъ видомъ онъ произвелъ на нее очень тяжелое впечатлѣніе. 13 октября она писала мужу: «Вчера мы были съ нимъ (т.-е. съ Н. П. Огаревымъ) у Кор(шей) тамъ всѣ были и Бѣлинскій, который нисколько не поправился отъ своего путешествія; его видъ производитъ ужасно болѣзненное чувство» [2]). Бѣлинскій и самъ плохо вѣрилъ въ улучшеніе своего здоровья. 6 сентября 1846 г. онъ писалъ Герцену: «Не знаю, привезу ли я съ собой здоровье, но ужъ бороду непремѣнно привезу: вышла, братецъ, бородка весьма недурная» [3]).

Какъ она, такъ и Герценъ желали полной удачи новой редакціи *Современника*. «Все доселѣ видѣнное и слышанное мной заставляетъ меня желать полнаго успѣха,—говоритъ онъ. Правда, во всемъ этомъ есть немного неосновательности—но и только». И тутъ же напоминаетъ женѣ, что новые редакторы ждутъ отвѣта отъ москвичей [4]).

VI.

Но, вѣдь, Герценъ пріѣхалъ въ Петербургъ не ради встрѣчъ и знакомствъ, цѣль пріѣзда были хлопоты о заграничномъ паспортѣ.

Раньше мы уже упоминали, что еще передъ выѣздомъ изъ Москвы онъ подалъ московскому генералъ-губернатору, кн. Щербатову, прошеніе о выдачѣ ему заграничнаго паспорта. Онъ разсчитывалъ, какъ уже было сказано, не на паспортъ, а на запросъ, который долженъ будетъ сдѣлать ген.-губернаторъ въ Петербургъ послѣ его прошенія. И теперь нетерпѣливо ждалъ въ Петербургѣ этого запроса.

Въ первомъ письмѣ изъ столицы къ женѣ, въ письмѣ, которое писалъ въ продолженіе двухъ дней и которое было отослано на другой день пріѣзда, онъ уже говоритъ о намѣреніи въ этотъ день начать хлопоты о паспортѣ.

---

[1]) Приписка Огарева въ рукоп. письмѣ Н. А. Герценъ отъ 3 окт. 1846 г.

[2]) Рукописное письмо.

[3]) *Полярная Звѣзда* 1859 г. „Письма Бѣлинскаго къ Герцену".

[4]) *Русская Мысль*, ноябрь, 1902 г., стр. 154.

«Сейчасъ,—пишетъ онъ въ субботу,—отправляюсь къ Ольгѣ Александровнѣ (Жеребцовой), отъ дороги я совершенно оправился» [1]).

Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ полный надеждъ, пріѣхалъ въ пятницу, а въ понедѣльникъ намѣревался уже имѣть положительныя свѣдѣнія: «Впрочемъ теперь некогда разсуждать, буду писать въ понедѣльникъ и уже что нибудь положительное сообщу о началѣ дѣла».

Хлопоты, какъ уже было сказано, начались визитомъ къ О. А. Жеребцовой. Герценъ поѣхалъ къ ней утромъ. Она попрежнему встрѣтила его дружески и выразила полную готовность помогать въ его хлопотахъ. Но при этомъ старушка не забыла поговорить съ нимъ и разспросить его о женѣ. «Она велѣла написать, что кланяется тебѣ и очень жалѣетъ твоей болѣзни», писалъ Герценъ Н—ѣ А—нѣ [2]).

О. А. Жеребцова совсѣмъ тронула его своей ласкою и готовностью помогать. «Она подала мнѣ большія надежды,—писалъ онъ, вернувшись отъ нея къ Панаевымъ,—сегодня же она хотѣла поручить освѣдомиться всемъ и въ понедѣльникъ я отправлюсь за отвѣтомъ».

Это свиданіе, ласковый пріемъ, обѣщаніе помочь такъ ободрили его, что надежда на успѣхъ наполнила грудь, и онъ прибавляетъ: «Неужели это правда, это возможно, чтобъ наконецъ я могъ сдѣлать нашу необходимую поѣздку для тебя? Начинаю вѣрить» [3]).

И, конечно, жена съ нетерпѣніемъ ждетъ понедѣльника, интересуется письмомъ отъ этого числа, желаетъ узнать, что сообщитъ оно насчетъ интересующаго ихъ вопроса о заграничномъ паспортѣ.

Но кто-жъ не помнитъ, какъ жестоко поплатился Герценъ за свое невинное письмо къ отцу въ зиму 1840 года? Кто не помнитъ, какая кара грозила ему за разсказъ анекдота о будочникѣ у Синяго моста, о которомъ говорилъ весь Петербургъ? Шесть лѣтъ прошло съ того знаменитаго письма, а тяжесть кары за этотъ «проступокъ» до сихъ поръ еще лежала оковами на жизни Герцена и его семьи: до сихъ поръ за это письмо надъ нимъ тяготѣлъ «строгій надзоръ», до сихъ поръ все изъ-за того же письма онъ не могъ перемѣнить мѣста жительства, не могъ выхлопотать и заграничнаго паспорта. Забыть объ этомъ онъ, конечно, не могъ; онъ еще въ 1842 году писалъ Витбергу: «Я отвыкъ писать или лучше—*отучилъ себя намѣренно*» [4]); и потому за эту послѣднюю поѣздку въ Петербургъ онъ въ письмахъ былъ чрезвычайно остороженъ. Онъ не сообщалъ женѣ только о тѣхъ курьезахъ, которыми переполнялись его посѣщенія въ канцелярію петербургскаго оберъ-полицеймейстера Кокошкина, или въ канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ, о чемъ онъ впослѣдствіи разсказалъ въ I-мъ томѣ «Былаго и Думъ» и въ «Тюрьмѣ и ссылкѣ» [5]). —

---

[1]) Рукописное письмо А. И. Герцена отъ 4 окт. 1846 г.

[2]) *Русская Мысль*, ноябрь, 1902 г. Письмо Герцена отъ 5 окт. 1846 г.,

[3]) Тамъ же.

[4]) „Изъ дальнихъ лѣтъ"—Т. П. Пассекъ. Томъ 2-й, стр. 179.

[5]) Въ *Тюрьмѣ и ссылкѣ* Герценъ разсказываетъ: „Въ 1846 году, ког—

не повѣрялъ письмамъ даже подробностей своихъ хожденій. Въ послѣднемъ письмѣ онъ прямо говоритъ женѣ: «подробности всѣ и очень интересныя разскажу тебѣ при свиданіи...»

Н. А. и сама прекрасно понимала, что мужъ въ письмахъ говоритъ не все, о многомъ умалчиваетъ и что это умалчиванье необходимо какъ для его, такъ и для ея благополучія. Да она и сама въ письмахъ къ нему старается говорить осторожно, а иногда даже прибѣгаетъ и къ «эзоповской рѣчи»,—хотя бы вотъ въ письмѣ отъ 9 октября:

«Я сей часъ объ этомъ говорила съ Огаревымъ, онъ правъ, совершеннолѣтіе должно быть помимо дѣтскости, и въ самомъ дѣлѣ, исключительно съ однимъ или (съ) другимъ невозможно существовать, съ однимъ будешь боят(ь)ся г. м. Еракова, и въ слѣдствіе этого дѣлать на каждомъ *шагу души* (курсивъ въ оригиналѣ) глупости, съ другимъ — будешь чужакомъ всѣмъ и всему на свѣтѣ, въ слѣдствіе чего будетъ прескучно жить на свѣтѣ, то и другое необходимо, но оно не должно мѣшать другъ другу, не должны смѣшиват(ь)ся, а идти рядомъ, понимаешь ли ты это и находишь ли справедливымъ??...» [1]).

А. И., навѣрно, понималъ эту темную, иносказательную рѣчь тѣмъ болѣе, что ему былъ извѣстенъ тайный смыслъ нѣкоторыхъ изъ употребленныхъ выраженій, какъ, напримѣръ: «генералъ-майоръ Ераковъ» вовсе не означало какой-нибудь опредѣленной личности, а эта фамилія служила въ московскомъ кружкѣ для выраженія «условленнаго символа» [2]).

Герценъ же, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ такого рода «эзоповскому языку», предпочиталъ лучше обо всемъ, хотя бы въ сущности и невинномъ, но что въ чрезмѣрно подозрительныхъ глазахъ могло бы быть плохо истолковано, предпочиталъ лучше молчать.

Въ письмахъ онъ упоминалъ только о своихъ свиданіяхъ съ О. А. Жеребцовой, у которой—какъ говоритъ самъ—бывалъ чуть не каждый день, а 11-го октября, когда уже рѣшилъ свой отъѣздъ изъ Петербурга, когда

въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, нужно мнѣ было сходить въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ я хлопоталъ о пассѣ. Пока я толковалъ со столоначальникомъ, прошелъ какой-то господинъ, дружески пожимая руку магнатамъ канцеляріи, снисходительно кланяясь столоначальникамъ: „Фу, чортъ возьми,—подумалъ я,—да неужели это онъ?“

— Кто это?

— Лазаревъ, чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ и въ большой силѣ.

— Былъ онъ въ Вятской губерніи исправникомъ?

— Былъ.

— Поздравляю васъ, господа, девять лѣтъ тому назадъ онъ цѣловалъ мнѣ руку .“ (Изданіе Трюбнера. Лондонъ, 1858 г., стр. 172).

[1]) Рукописное письмо.

[2]) Это объясненіе выраженія „г.-м. Ераковъ“ любезно сообщила мнѣ многоуважаемая М. К. Рейхель (бывшая М. К. Эрнъ), которой приношу мою глубокую благодарность за ея постоянную готовность помогать и объяснять непонятное въ письмахъ мужа и жены Герценовъ, а также и за готовность щедро пополнять реликвіями „Комнату людей 40-хъ годовъ“.

выхлопатывалъ въ полиціи билетъ на выѣздъ, былъ даже на дню три раза. Но ни одного свиданія съ О. А. онъ не описываетъ подробно, ни одной бесѣды не передаетъ и, разумѣется, все изъ-за той же необходимости.

О свиданіи съ Дуббельтомъ онъ говоритъ въ письмахъ тоже вскользь; да и вообще упоминаетъ о немъ только потому, что Дуббельтъ былъ начальникъ III-го отдѣленія и потому, что о немъ приходилось сказать только хорошее.

«Я сейчасъ былъ у Леонтія Вас(ильевича)—онъ принялъ меня и обнадежилъ самымъ положительнымъ образомъ на успѣхъ, досаднѣе всего, что представленіе моск(овскаго) военнаго губ(ернатора) еще не приходило, а то 10-го числа я получилъ бы отвѣтъ. Нѣтъ ли тамъ задержки, попроси Сатина справиться, а то я заживусь здѣсь.

«Прощай, другъ мой, писать некогда, ѣду къ Ольгѣ Алекс...

«... Не могу писать болѣе, такъ еще хлопотливо и смутно. Боюсь и совершенно надѣяться. Прощай. А. Гер.» [1]).

Сколько пришлось испортить крови съ этими хлопотами, а главное—измучиться отъ неизвѣстности. И все оттого, что хлопоталъ о паспортѣ не другой кто, не простой смертный, а Герценъ.

Его въ надеждахъ на успѣхъ поддерживала и О. А. Жеребцова, и даже Дуббельтъ, потому Герценъ не терялъ надежды вплоть до прихода представленія отъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, кн. Щербатова.

Конечно, отъ формы этого представленія зависѣло очень многое, если бы кн. Щербатовъ оказался за него! Здѣсь за него были и Дуббельтъ, и О. А. Жеребцова, и вліятельный господинъ Николай Карловичъ Войтъ... Къ послѣднему Вас. Романовичъ Ашиновъ [2]) прислалъ А—у И—у черезъ Н. А. письмо, какъ къ одному изъ своихъ вліятельныхъ знакомыхъ. Письмо это давало надежду на благополучный исходъ дѣла, какъ писала Н. А.

Герценъ исполнилъ желаніе жены и письмо В. Р. Ашинова передалъ Николаю Карловичу Войту, хотя самъ совсѣмъ не разсчитывалъ на успѣхъ этого хода.

«Письмо Вас. Ром. я вручилъ, нарочно весьма недавно—оно во всякомъ случаѣ безполезно»... Но по своей тонкой деликатности прибавляетъ: «... но этого не говори, онъ (т.-е. Ашиновъ) съ такой доброй готовностью его предложилъ—да и оно было необходимо—еслибъ не Ольга Ал.» [3]).

Герценъ сильно надѣялся на ея вліяніе, а потому и на успѣхъ своего дѣла.

Но вотъ пришла давно жданная бумага отъ кн. Щербатова, и Герценъ послѣ этого пишетъ женѣ, того же числа утромъ: «Сегодня можетъ быть

---

[1]) *Русская Мысль*, ноябрь, 1902 г., стр. 154—155. Письмо Герцена отъ 8 октября 1846 г.

[2]) Женихъ Юліи Карловны Рейссигъ, сестры жены Е. Ѳ. Корша.

[3]) *Русская Мысль*, ноябрь, 1902 г. стр. 156. Письмо Герцена отъ 9 октября утромъ, 1846 г.

или въ продолженіе трехъ дней рѣшится наша судьба, я приму всѣ мѣры, чтобъ къ 22 окт. (день рожденія Н. А.) быть дома»...

И въ полдень этого же дня сообщаетъ печальный конецъ: «*Дѣло кончено* (курсивъ мой), но не совсѣмъ, есть надежда большая—но не скоро. Слѣдуетъ просить другого представленія отъ кн. Щербатова, когда будетъ настоящій докладъ. Ѣду отсюда дня черезъ четыре. Пишу къ тебѣ, мой другъ, въ канцеляріи—потому что поздно ужъ. Завтра еще напишу.

«Сашу и дѣтей цѣлую много, оно все-таки грустнѣе».

Но въ чемъ собственно заключалось—«дѣло кончено» изъ письма не видно. Поясненіе этой таинственной фразы мы встрѣчаемъ уже въ послѣдней главѣ перваго тома «Былое и Думы». Тамъ Герценъ разсказываетъ свой послѣдній разговоръ съ ген. Дуббельтомъ, который передалъ ему, что гр. Орловъ находитъ безполезнымъ теперь просить позволенія о заграничной поѣздкѣ. «Государь вамъ два раза отказалъ, послѣдній разъ по просьбѣ гр. Строганова; если онъ откажетъ въ третій разъ, то въ это царствованіе вы уже, конечно, не поѣдете къ водамъ».

Какъ ни тяжело было Герцену, а пришлось согласиться съ Дуббельтомъ и отказаться отъ подачи прошенія о заграничномъ паспортѣ, для чего собственно онъ и ѣхалъ въ Петербургъ. Генералъ Дуббельтъ далъ ему и другой совѣтъ:

«Отправляйтесь въ Москву: графъ (Орловъ) напишетъ генералъ-губернатору частное письмо о томъ, что вы желаете для здоровья вашей супруги ѣхать за границу и спроситъ его, замѣтивъ, что знаетъ васъ съ самой лучшей стороны, думаетъ ли онъ, что можно съ васъ снять надзоръ! На такой вопросъ нечего отвѣчать, кромѣ «да». Мы представимъ государю о снятіи надзора, тогда берите себѣ паспортъ, какъ всѣ другіе, и съ богомъ, къ какимъ хотите *водамъ*».

Герцену, уставшему отъ всѣхъ противорѣчій и изворотовъ высшихъ и низшихъ чиновниковъ Петербурга, этотъ совѣтъ показался новой уловкой. Онъ былъ въ нерѣшительности. Ему думалось даже, что и представленіе графа Строганова не дошло до государя, и онъ выразилъ вслухъ это сомнѣніе. Тогда Дуббельтъ велѣлъ подать все дѣло. Герценъ собственными глазами убѣдился, что его подозрѣнія не вѣрны. Послѣ этого онъ съ большимъ довѣріемъ уже отнесся и къ совѣтамъ Дуббельта.

«Вѣрю,—отвѣчалъ я,—и такъ вѣрю вашимъ словамъ, что завтра же ѣду въ Москву».

Сопровождаемый пожеланіями: «счастливаго пути», Герценъ уѣхалъ отъ Дуббельта.

VII.

Только первое письмо съ дороги изъ этой третьей поѣздки въ Петербургъ дышало особенно веселой шуткой и остротой; чѣмъ дальше, тѣмъ чаще въ письмахъ его начинала сквозить грусть. Герценъ часто говорилъ, что имъ «начинаетъ овладѣвать тоска по родинѣ».

Когда вглядишься хорошенько въ тѣ преслѣдованія и мытарства, которымъ подвергала Герцена петербургская полиція, то вполнѣ дѣлается понятно слѣдующее мѣсто изъ его послѣдняго петербургскаго письма:

«Вообще мнѣ здѣсь было не хорошо и грустно—въ какомъ то натянутомъ расположеніи, въ какомъ то горячечномъ раздраженіи—отъ неопредѣленности, отъ ожиданія—и отъ разлуки со всѣми близкими, а потому я готовъ ѣхать хоть сію минуту» [1]).

Не одна натянутость ожиданія наводила такую грусть, не меньше разстраивала нервы и самое настроеніе петербургская полиція, начиная съ оберъ-полицеймейстера Кокошкина во главѣ, кончая самой мелкой полицейской сошкой, дворникомъ дома, гдѣ помѣщалась квартира Панаевыхъ. Этотъ самый дворникъ на третій же день пріѣзда Герцена явился къ нему по приказанію квартальнаго надзирателя II-й Адмиралтейской части съ запросомъ, по какому виду онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. У Герцена,—какъ уже мы знаемъ,—кромѣ полицейскаго билета на выѣздъ изъ Москвы, въ рукахъ не было никакого документа на жительство. И потому онъ вручилъ дворнику выѣздной билетъ.

Дворникъ скоро вернулся назадъ съ замѣчаніемъ, что этотъ «билетъ годенъ для выѣзда изъ Москвы, а не для въѣзда въ Петербургъ».

Вслѣдъ за дворникомъ пришелъ и полицейскій просить Герцена пожаловать въ канцелярію оберъ-полицеймейстера Кокошкина.

Герценъ пошелъ.

Но разговоръ Кокошкина я лучше дословно приведу изъ «Былого и Думъ».

Кокошкинъ, не глядя на Герцена, спросилъ:

— Вѣдь вамъ высочайше воспрещенъ въѣздъ въ Петербургъ?

— Да, но я имѣю разрѣшеніе.

— Гдѣ оно?

— У меня.

— Покажите, какъ же вы это второй разъ пользуетесь тѣмъ же разрѣшеніемъ?

— Какъ во второй разъ?

— Я помню, что вы пріѣзжали.

— Я не пріѣзжалъ.

— И какія это у васъ дѣла здѣсь?

— У меня есть дѣло къ графу Орлову.

— Что же вы были у графа?

— Нѣтъ, но былъ въ третьемъ отдѣленіи.

— Видѣли Дуббельта?

— Видѣлъ.

— А я вчера видѣлъ самого Орлова, онъ говоритъ, что никакого разрѣшенія вамъ не посылалъ.

---

[1]) Рукописное письмо Герцена отъ 11 октября 1846 г.

— Оно у васъ въ рукахъ.

— Богъ знаетъ, когда это писано, и время прошло.

— Впрочемъ, странно было бы съ моей стороны пріѣхать безъ позволенія и начать съ визита генералу Дуббельту.

— Коли не хотите хлопотъ, то извольте отправляться назадъ и то не дальше, какъ черезъ двадцать четыре часа.

— Я вовсе не располагался пробыть здѣсь долго, но мнѣ нужно же подождать отвѣта графа Орлова.

— Я вамъ не могу позволить, да и графъ Орловъ очень недоволенъ, что вы пріѣхали безъ позволенія.

— Позвольте мнѣ мою бумагу, я сейчасъ поѣду къ графу.

— Она должна остаться у меня.

— Да, вѣдь, это письмо ко мнѣ, на мое имя, единственный документъ, по которому я здѣсь.

— Бумага останется у меня какъ доказательство, что вы были въ Петербургѣ. Я вамъ серьезно совѣтую завтра ѣхать, чтобы не было хуже.

Онъ кивнулъ головой и вышелъ.

Герцену оставалось одно—ѣхать къ Дуббельту и ему разсказать все.

Дуббельтъ, какъ и надо было ожидать отъ начальника III-го отдѣленія,—былъ уже въ курсѣ всего происшествія. Когда Герценъ сталъ ему разсказывать, онъ расхохотался и вотъ какъ объяснилъ странный фактъ: «Когда Кокошкинъ донесъ гр. Орлову, что вы пріѣхали безъ позволенія, графъ и сказалъ, чтобы васъ выслали, но я потомъ объяснилъ дѣло; вы можете жить, сколько хотите, я сейчасъ велю написать въ полицію».

Но и такое любезное распоряженіе ген. Дуббельта доставило Герцену много новыхъ хлопотъ.

Еще до 9—10-го октября къ нему все приставалъ частный приставъ 2-й Адмиралтейской части, чтобы онъ скорѣй выѣзжалъ изъ Петербурга. А когда Герценъ 11-го октября сталъ просить у того же пристава билета на выѣздъ изъ Петербурга, частный приставъ въ этотъ же вечеръ прислалъ къ нему квартальнаго, чтобы сказать, что онъ не можетъ выдать билета, а проситъ его завтра въ 8 часовъ явиться къ оберъ-полицеймейстеру. Герценъ явился, только не такъ рано.

Частный приставъ его встрѣтилъ словами:

— Вамъ нельзя ѣхать, есть бумага изъ III-го отдѣленія...

— Что случилось?

— Не знаю, генералъ не велѣлъ выдавать билета.

— Правитель дѣлъ знаетъ?

— Какъ не знать.

Тогда Герценъ пошелъ къ правителю, чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

— Точно такъ-съ,—сказалъ правитель,—была бумага, да вотъ она.

И онъ подалъ Герцену бумагу Дуббельта.

В бумагѣ было сказано, что Герценъ можетъ оставаться въ Петербургѣ сколько хочетъ.

— Поэтому-то вы меня и не пускаете? Извините, я не могу удер
ся отъ смѣха; вчера оберъ-полицеймейстеръ гналъ меня отсюда про
моей воли, сегодня противъ моей воли оставляетъ, и все это на
основаніи, что въ бумагѣ сказано: «что я могу оставаться, *сколько хо*

Дѣло было очевидно, но правитель пошелъ доложить оберъ-пол
мейстеру.

Кокошкинъ разрѣшилъ выдать билетъ, но, проходя по канцеляріи,
упрекомъ сказалъ:

— На что это похоже, то хотите остаться, то ѣдете, вѣдь сказ
что можете остаться.

Вотъ какими курьезами и затрудненіями былъ обставленъ для Гер
такой простой фактъ, какъ выѣздъ изъ Петербурга домой въ Москву.

Послѣ всѣхъ такихъ курьезовъ и непріятныхъ перипетій Герценъ
ѣхалъ, наконецъ, какъ обѣщалъ женѣ, какъ надо думать по прекр
шейся перепискѣ, въ понедѣльникъ, 14-го октября, предварительно да
обѣдъ гр. Сологубу и еще нѣсколькимъ лицамъ.

VIII.

Итакъ, Герценъ три раза хлопоталъ о заграничномъ паспортѣ —
1839, 1843 и 1846 году — и всѣ три его попытки окончились неуд
Неудача послѣднихъ двухъ попытокъ, а въ особенности третьей до
была отозваться тяжелѣе, чѣмъ неудача перваго прошенія. Въ посл
изъ указанныхъ годовъ заграничная поѣздка являлась для Герцена
ремъ спасенія отъ той мертвой петли, которая, казалось ему, готова
надъ нимъ затянуться; послѣдняя радость — солидарность съ друзьям
та рухнула, поѣздка рисовалась единственнымъ возможнымъ выходом
той духоты и мертваго застоя, среди которыхъ онъ жилъ въ послѣдни
московской жизни; работа, тѣ литературныя произведенія, которыми
подарилъ Россію въ періодъ 1844, 1845 и 1846 гг., не наполняли
жизни и не выкупали окружающаго застоя; онъ рвался вонъ изъ
сферы дореформенной Руси, гдѣ вяли и глохли, не находя себѣ пр
пія, его таланты, а главное — его талантъ литературнаго борца.
манила даль, ширь, открытая борьба и вольная рѣчь, я искалъ
симой арены, мнѣ хотѣлось попробовать свои силы на волѣ» [1]), но
новъ опредѣленныхъ не было. Теперь, когда сама жизнь въ Москвѣ
невыносимо тяжела, мысль о заграничной поѣздкѣ уже совсѣмъ не с
валась съ мыслью объ Италіи, какъ бывало прежде, когда заграничн
ѣздка являлась прихотью; теперь прежняя мечта обратилась въ
тельную потребность, и Парижъ манилъ къ себѣ еще больше тепер
въ 1843 году, манилъ, какъ центръ умственной жизни и полити
свободы.

---

[1]) Соч. Герцена, т. VIII: „Западныя арабески", стр. 228.

Изъ этой третьей и послѣдней поѣздки въ Петербургъ, какъ мы уже видѣли, Герценъ вынесъ много горечи, массу разныхъ непріятностей; но эта же поѣздка имѣла и свои положительныя стороны: напримѣръ, то вниманіе, съ которымъ онъ «былъ встрѣченъ въ Петербургѣ», тѣ знаки симпатіи и уваженія, которые онъ встрѣчалъ въ литературныхъ кругахъ, тѣ «отверзтыя объятія», съ какими его встрѣтилъ даже цензоръ Никитенко; наконецъ—и это самое важное—обѣщаніе, полученное отъ генерала Дубельта. Если Герценъ не везъ въ Москву исполненія своей давнишней мечты, взлелѣянной еще до «тюрьмы и ссылки», то онъ везъ надежду на ея исполненіе и, пожалуй, даже большую, но, правда, только надежду.

Въ Москвѣ, кромѣ семьи и очень немногихъ близкихъ, его никто и ничто не манило; атмосфера тамъ представлялась ему такою же напряженной, какою онъ ее оставилъ... Ему хотѣлось бы бѣжать вонъ изъ Москвы, бѣжать отъ толпы, бѣжать отъ друзей, ото всѣхъ бѣжать.

«... теперь до весны я одного бы хотѣлъ,—писалъ онъ въ послѣднемъ письмѣ изъ Петербурга, — одиночества и занятій,—уѣхалъ бы съ тобою куда нибудь въ Покровское...» [1]).

Но падать духомъ было не въ его натурѣ. Поэтому въ послѣднемъ письмѣ, послѣ всѣхъ неудачъ, онъ продолжалъ шутить и казаться веселымъ.

«Еще также скажи Мар(ьѣ) Ѳед(оровнѣ) что я до Твери вспоминалъ о глазахъ Л. Ѳ. [2])—но тутъ развлекся пріятными видами и прескверными обѣдами. Кстати наблюдая встрѣчающихся на улицѣ, виденныхъ въ театрѣ женщинъ—здѣсь больше встрѣчаешь красивыхъ лицъ. (Ашинову не говори)...

«... Вчера у меня вытащили изъ кармана кошелекъ съ деньгами, въ немъ было руб. 70—и кошелекъ Кетчеровъ, о каковомъ пріятномъ происшествіи имѣю честь донести».

Скорѣй съ чувствомъ тоски, досады, чѣмъ съ той мрачной злобой и негодованіемъ, съ которыми описываетъ Герценъ въ «Былое и Думахъ» свой третій отъѣздъ изъ Петербурга [3]),—выѣзжалъ онъ въ Москву.

Но если распался близкій кружокъ въ Москвѣ, то за время пребыванія Герцена въ Петербургѣ раздраженіе друзей улеглось настолько, что Н. А. писала мужу 10-го октября: «... Ужь и не говорится даже о томъ, о чемъ такъ много было говорено послѣднее время, интересъ прошелъ—даже если

---

[1]) Рукописное письмо Герцена отъ 11-го октября 1846 г.

[2]) Любовь Ѳедоровна — красавица, жена профессора Крылова и родная сестра М. Ѳ. Коршъ. Объ ея красотѣ писала Н. А. Герценъ мужу отъ 13 октября 1846 г.: «... Вспомнила о тебѣ, глядя на нее; хороша она, очень хороша, но красота эта не имѣетъ для меня содержанія и привлекательности, на нее хочется только смотрѣть"...

[3]) Въ I т. „Былого и Думъ", на 378 стр. говорится: „Когда вечеромъ мы выѣхали изъ заставы, и я снова увидалъ безконечную поляну, тянувшуюся къ Четыремъ Рукамъ, я посмотрѣлъ на небо и искренно присягнулъ себѣ не возвращаться въ этотъ городъ... канцелярскаго безпорядка, лакейской дерзости, жандармской позы, въ которой учтивъ одинъ Дуббельтъ, да и тотъ начальникъ III-го отдѣленія".

и не уѣдемъ мы—не страшно» [1]). Но и помимо названныхъ друзей въ Москвѣ все же оставались лица, которыя нетерпѣливо ждали его возвращенія: и жена, и дѣти, и Огаревъ, и М. Ѳ. Коршъ...

Николай Платоновичъ собирался уѣзжать къ себѣ въ деревню, куда по случаю долгаго пребыванія въ чужихъ краяхъ давно не заглядывалъ, но онъ не хотѣлъ уѣхать изъ Москвы, не дождавшись пріѣзда Герцена, не узнавъ отъ него лично всѣхъ подробностей поѣздки, а также и не простившись съ нимъ.

Огаревъ писалъ Герцену въ Петербургъ черезъ два дня послѣ его отъѣзда, дѣлая приписку въ письмѣ Н—и А—ны:

«... Впрочемъ не въ томъ дѣло, а въ томъ, что мнѣ мало по малу безъ тебя становится скучнѣе, и вижу, что разставанье надолго меня совсѣмъ не эметтируетъ въ мою ассьетку» [2]).

Жена въ Москвѣ уже дней черезъ десять послѣ его отъѣзда начала сильно скучать по немъ. Она сама признавалась въ письмѣ:

«... И жизни много, и силы много, и всего хорошаго много — но и хорошо существовать одною половиною существа, просто нужно видѣть тебя, слышать твой голосъ, ну хоть даже знать наконецъ только, что ты дома. Брани какъ хочешь, а это такъ» [3]).

А Марья Ѳедоровна Коршъ, какъ мы видѣли, соскучилась еще раньше. Она черезъ два дня послѣ отъѣзда Герцена уже звала его скорѣе назадъ. Она писала, дѣлая приписку въ письмѣ Н—и А—ны отъ 3 октября:

«Пріѣзжайте скорѣе, безъ васъ не хорошо, что-то не живо живется».

Она въ его отсутствіе посѣщала Н—ю А—ну, слушала вмѣстѣ съ ней и М. К. Эрнъ лекціи Грановскаго по греческой исторіи. М. Ѳ. обыкновенно очень часто бывала въ домѣ Герценовъ и считалась въ ихъ семьѣ своимъ человѣкомъ.

«Когда я бываю у васъ, — писала она Герцену черезъ недѣлю послѣ своей первой приписки, — то у меня такая потребность поговорить съ вами, что я не могу воздержаться и не писать — ну а вы что же въ этомъ виноваты? Да и у васъ много дѣлъ, лучше передѣлайте ихъ скорѣе, это будетъ для меня выгоднѣе; потому что съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе хочется васъ видѣть» [4]).

И Огаревъ, и М. Ѳ. Коршъ, которые такъ нетерпѣливо ждали Герцена въ Москву, теперь одинаково смущались при мысли о предстоящемъ отъѣздѣ А. И. и его жены за границу, хотя бы на годъ.

«Я не знаю что будетъ,—писала М. Ѳ. въ томъ же письмѣ,—мнѣ и вы и Н. А. и Огаревъ уѣдете надолго, а кажется будетъ очень, очень грустно. И право это не романтизмъ; не смѣйтесь пожалуста. Да и чемъ вы и не будете смѣяться; вы сами на этотъ счетъ не лучше

[1]) Рук. письмо.

[2]) Рук. письмо отъ 3-го октября 1846 г.

[3]) Рук. письмо Н. А. Герценъ отъ 11 октября 1846 г.

[4]) Изъ рукописнаго письма Н—и А—ы Герценъ отъ 10 октября 184

«Теперь я сижу у васъ въ кабинетѣ одна одинехонька; Наталья Александровна легла отдохнуть, Огарева нѣтъ дома, Марья Кас. играетъ, дѣти гуляютъ. Сижу и думаю, что то и какъ то будетъ черезъ годъ? Какіе-то вы воротитесь? И какая-то я сдѣлаюсь?... Объ одномъ прошу васъ, не любите меня менѣе изъ учтивости, потому что я въ этомъ отношеніи поступаю съ вами какъ величайшая невѣжа».

Такимъ близкимъ друзьямъ, какъ М. Ѳ. Коршъ и Огаревъ, длинная годовая разлука, конечно, должна была казаться невыносимо тяжелой.

«Потомъ—писалъ Огаревъ въ томъ же письмѣ, о которомъ упоминалось раньше — скажу тебѣ, что я тебя жду и пробывъ съ тобою восемь дней отправлюсь въ домъ свой».

Дѣйствительно, вскорѣ по возвращеніи Герцена въ Москву Огаревъ уѣхалъ въ свое Пензенское имѣніе—въ Старое Акшино, а Герценъ остался въ ожиданіи исполненія обѣщанія генерала Дуббельта.

Дуббельтъ—не даромъ его Герценъ выдѣлялъ изъ остального сонма петербургскихъ чиновниковъ—не нарушилъ даннаго слова. Вскорѣ къ московскому генералъ-губернатору, князю Щербатову, отъ шефа жандармовъ—гр. Орлова,—пришелъ, какъ было обѣщано Дуббельтомъ, частный запросъ о Герценѣ, объ его поведеніи и о томъ, можно ли снять съ него надзоръ.

Кн. Щербатовъ, человѣкъ осторожный и осмотрительный, не спѣшилъ отвѣтомъ. Онъ ссылался на то, что ничего не знаетъ о Герценѣ.

А. Ив. между тѣмъ сгоралъ отъ вполнѣ понятнаго нетерпѣнія и, желая ускорить дѣло, самъ пошелъ въ канцелярію генералъ-губернатора. Но и ему былъ данъ тотъ же отвѣтъ. Кн. Щербатовъ рѣшительно отклонялъ отъ себя это щекотливое и обоюдоострое дѣло; онъ указывалъ на московскаго оберъ-полицеймейстера, которому вѣрнѣе и лучше знать о поведеніи московскаго обывателя.

Въ то время оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ былъ Лужинъ. И Лужинъ, котораго Герценъ ничѣмъ не обезпокоилъ въ продолженіе всѣхъ послѣднихъ лѣтъ жизни въ Москвѣ, не могъ не дать о немъ одобрительнаго отзыва. Такъ что, несмотря на злой рокъ, все время преслѣдовавшій Герцена,—послѣ стольнихъ мытарствъ и неудачъ судьба, наконецъ, ему улыбнулась: Лужинъ одобрилъ его поведеніе. Теперь оставалось ждать снятія полицейскаго надзора.

«Дней черезъ десять,—разсказывалъ Герценъ въ «Былое и Думы»,—возвращаясь домой, я въ дверяхъ столкнулся съ жандармомъ. Появленіе полицейскаго въ Россіи равняется черепицѣ, упавшей въ голову, и потому не безъ особенно непріятнаго чувства ждалъ я, что онъ мнѣ скажетъ: онъ подалъ мнѣ пакетъ. Графъ Орловъ извѣщалъ о высочайшемъ повелѣніи снять надзоръ».

Это произошло, какъ будетъ видно далѣе, не позже ноября 1846 года, а не «въ концѣ года»,—какъ говоритъ Герценъ въ I-мъ томѣ «Былого и Думы». Послѣ этого А. И. могъ теперь свободно просить московскаго генералъ-губернатора о выдачѣ заграничнаго паспорта.

Полученіе заграничнаго паспорта во время царствованія Николая I-го было дѣло не легкое; выдавался паспортъ не иначе какъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Петербургѣ. Начиная съ 1830 года, послѣ французской и бельгійской революціи, въ продолженіе всего десятилѣтія, Николай I-й издавалъ одинъ за другимъ указы, стѣснявшіе выдачу заграничнаго паспорта: то издавался указъ, запрещавшій выдавать паспорты дѣтямъ и молодымъ людямъ до 18 лѣтъ, иначе ихъ лишали права русской службы; то издавался указъ, который запрещалъ дворянамъ оставаться за границей дольше 5 лѣтъ, а другимъ сословіямъ больше 3-хъ лѣтъ, иначе имъ угрожали политическія и гражданскія лишенія. Но появленіе новыхъ стѣсненій не ограничилось этимъ десятилѣтіемъ: въ 1840 году явилось новое узаконеніе: на заграничный паспортъ была назначена большая пошлина; а когда въ 1844 году Бакунинъ отказался вернуться въ Россію по требованію русскаго правительства, тогда 15 марта этого года были изданы новыя дополнительныя правила, по которымъ выѣздъ за границу былъ еще болѣе стѣсненъ: онъ допускался только для лицъ, достигшихъ 25-лѣтняго возраста; за паспортъ предписывалось взыскивать пошлины (25 р.), кромѣ взноса платы за бланкеты по 100 руб. сер. за каждые 6 мѣсяцевъ съ каждаго лица. Исключеніе дѣлалось только для ѣдущихъ по болѣзни или по коммерческимъ дѣламъ, которые должны были представить цѣлый рядъ удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ [1]).

Но всѣ эти стѣсненія и затрудненія, какъ они ни были непріятны, не могли остановить и помѣшать отъѣзду того, кого такъ сильно и такъ давно тянулъ къ себѣ европейскій воздухъ, того, кто такъ давно мечталъ о заграничномъ путешествіи, какъ А. И. Герценъ. Ни дороговизна заграничнаго паспорта, ни неудобства пути въ зимнюю стужу по русскимъ ухабамъ съ большой семьей, никакія правительственные зароки и угрозы будущее,—ничто не въ силахъ было ни смутить, ни поколебать Герцена въ его рѣшеніи.

Со времени снятія надзора и выдачи изъ министерства внутреннихъ дѣлъ заграничнаго паспорта, до выѣзда Герценовъ за границу прошло около полутора мѣсяцевъ. Ужъ, конечно, причиною медлительности была не Герценъ, а какія-нибудь побочныя обстоятельства, вродѣ представленія удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ отъ докторовъ, отъ врачебной управы, отъ мѣстнаго губернскаго начальства и отъ того сословія, къ которому принадлежитъ отъѣзжающій, или изъ того мѣста, гдѣ онъ служитъ; свидѣтельствъ, связанныхъ съ полученіемъ заграничнаго паспорта для лицъ ѣдущихъ ради лѣченія. Герценъ, какъ извѣстно, хлопоча о заграничномъ паспортѣ, ссылался, какъ на главную причину поѣздки, на болѣзнь жены и на необходимость везти ее къ минеральнымъ водамъ. Потому онъ и долженъ былъ исполнить всѣ требуемыя закономъ формальности отъ лицъ

---

[1]) Считаю долгомъ принести мою благодарность Алексѣю Дмитріевичу Добротову за любезно сдѣланную мнѣ выписку изъ законовъ им. Николая I-го.

ѣдущихъ за границу ради лѣченія, и потому долженъ былъ побывать въ разныхъ учрежденіяхъ ради полученія свидѣтельствъ и, можетъ быть, не разъ побывать въ московскомъ дворянскомъ собраніи... Возможно, что вслѣдствіе этихъ визитовъ «21 генваря 1847 года фамилія Герцена вмѣстѣ съ именемъ его жены и троихъ дѣтей (Александра, Николая и Натальи) была внесена въ III-ю часть родословной книги московскаго дворянства» [1]). Исполнивъ всѣ формальности, Герценъ получилъ заграничный паспортъ, выданный изъ министерства внутреннихъ дѣлъ еще 9 декабря 1846 г. и подписанный министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ. Документъ этотъ, которому теперь минуло болѣе 50 лѣтъ, представляетъ въ настоящее время драгоцѣнную рѣдкость, и потому, какъ рѣдкость, я привожу здѣсь въ выноскѣ его русскій текстъ цѣликомъ [2]).

---

[1]) Считаю долгомъ поблагодарить, д-ра П. П. Стрѣльцова за любезное доставленіе мнѣ этой справки изъ московскаго дворянскаго собранія.

[2]) Благодаря любезности многоуважаемаго А. А. Герцена, я сейчасъ имѣю въ рукахъ этотъ драгоцѣнный документъ, который, по желанію А. А., будетъ переданъ мною въ Румянцевскій музей, въ „Комнату людей 40-хъ годовъ". Вотъ его текстъ:

„По Указу Его Величества Государя Императора Николая Павловича Самодержца Всероссійскаго и проч. и проч. и проч.

Объявляется черезъ сіе всѣмъ и каждому, коему о томъ вѣдать надлежитъ, что показатель сего надворный совѣтникъ Александръ Ивановичъ *Герценъ*, съ женою Натальею Александровною и малолѣтними дѣтьми, сыновьями: Александромъ 7, Николаемъ 3 и дочерью Натальею 2 лѣтъ, отправляется въ Германію и Италію для излѣченія болѣзни жены своей, срокомъ на шесть мѣсяцевъ, того ради всѣ высокія области приглашаются по состоянію чина и достоинства, кому сіе предъявится, нашимъ же воинскимъ и гражданскимъ управителямъ поставляется въ обязанность г. Герцена съ семействомъ, какъ нынѣ изъ Россіи ѣдущаго, такъ и потомъ въ Россію возвращающагося не токмо свободно и безъ задержанія вездѣ пропускать, но и всякое благоволеніе и вспоможеніе оказывать. Во свидѣтельство того и для свободнаго проѣзда данъ сей паспортъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ приложеніемъ Его Императорскаго Величества печати. Въ С.-Петербургѣ, декабря 9 дня 1846 г."

Далѣе справа помѣщена печать Его Императорскаго Величества, а слѣва отъ нея слѣдующія слова:

Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего, дѣйствительный тайный совѣтникъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, членъ государственнаго совѣта, гофмейстеръ, камергеръ, сенаторъ и орденовъ: св. Равноапостольнаго князя Владиміра 1 степени, большого креста св. Александра Невскаго, алмазами украшеннаго, Бѣлаго Орла и св. Анны 1 и 4 степени, иностранныхъ: Королевско-Виртембергской, Короны большого креста, Австрійскаго Леопольда и Прусскаго за заслуги кавалера, имѣющій золотую шпагу съ надписью за храбрость и серебряныя медали 1812 и 1814 годовъ и знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ Перовскій".

На второмъ полулистѣ паспорта приведенъ тотъ же текстъ по-нѣмецки. На обратной сторонѣ русскаго текста паспорта приведена виза прусскаго консула въ Москвѣ: „Gesehen gültig zur Reise in die Königs-Preussischen Staaten. Moscau—den 8 Januar 1847. W-mo Rohenstrando Königs-Preussischen Consul.

Далѣе идутъ уже визы заграничныя.

Изъ этого паспорта мы узнаемъ, что официальный маршрутъ Герц
былъ Германія и Италія, про Парижъ же въ паспортѣ нѣтъ и вни
ѣхалъ Герценъ официально для лѣченія жены; паспортъ былъ выданъ
комъ на 6 мѣсяцевъ.

Какъ ни суровы были въ Россіи порядки въ 40-е годы, но и по то
же паспорту видимъ, что тогдашняя суровость не исключала и извѣст
доли заботы объ отъѣзжающемъ за границу. Эта забота, конечно, бы
слѣдствіемъ крайней непривычки къ дальнимъ путешествіямъ и обнару
вала извѣстную долю трусости передъ чужими краями. Въ паспортѣ Г
цена читаемъ: «всѣ высокія области приглашаются по состоянію чин
достоинства, кому сіе предъявится нашимъ же воинскимъ и гражданск
управителямъ поставляется въ обязанность Г-на Герцена съ семейство
какъ нынѣ изъ Россіи, такъ и потомъ въ Россію возвращающагося
токмо свободно и безъ задержанія вездѣ пропускать, но и всякое бл
воленіе оказывать». Теперь подобныхъ приписокъ и обращеній къ
стямъ и управителямъ въ заграничныхъ паспортахъ нѣтъ, да и вн
видъ ихъ совсѣмъ не похожъ на прежній: вмѣсто теперешней малень
книжки, которую удобно положить въ боковой карманъ, въ 40-е годы
давался очень большого размѣра (больше обычнаго листа писчей бу
гербовый листъ съ изображеніемъ императорской печати и подробнымъ
речисленіемъ всѣхъ титуловъ и орденовъ выдавшаго паспортъ мини
внутреннихъ дѣлъ.

Вотъ въ это-то время, когда Герценъ былъ занятъ исполненіемъ в
необходимыхъ для полученія паспорта формальностей, и проснулась
нему со всею силою прежняя любовь друзей; въ эти послѣдніе дни п
отъѣздомъ и въ особенности въ день отъѣзда обнаружилась вся ихъ
няя привязанность, искренность и теплота. Т. П. Пассекъ въ с
«Воспоминаніяхъ» говоритъ, когда друзья убѣдились, что Герценъ т
рѣшилъ добиться полученія заграничнаго паспорта и твердо рѣшилъ уѣ
они не могли не почувствовать тоски при мысли, что они теряютъ Г
на, они встрепенулись, у нихъ проснулась прежняя любовь и симпат
другу. Въ день отъѣзда они всѣ съѣхались къ дому Герцена.

Для отъѣзда изъ Москвы былъ выбранъ воскресный день, когда
друзья и знакомые свободны, а такъ какъ воскресенье въ тотъ годъ
ходилось на 19 генваря, то день отъѣзда Герцена мы должны с
19 генваря, а не 21, какъ, запамятовавши, говоритъ А. И. [1]). Друзья
чуяли, что въ этотъ день они и Россія навсегда теряютъ Герцена,—
были разстроены, потрясены.

Герценамъ выѣзжать за границу пришлось, разумѣется, безъ
тѣхъ удобствъ, которыми пользуемся мы въ настоящее время, ни

---

[1]) О томъ, что Герцены выѣхали изъ Москвы 19 генваря, а не 21, со
мнѣ многоуважаемая М. К. Рейхель, предварительно сдѣлавши для по
памяти справку въ календарѣ того времени

ходилось пускаться въ далекій путь въ экипажахъ, на перекладныхъ, съ неизбѣжной подорожной, которая давала право останавливаться въ почтовыхъ домахъ съ гостиницами, гдѣ не было ни удобствъ, ни уюта, ни даже свѣжаго обѣда,—потому всю провизію надо было забирать съ собой изъ дому и не на день, не на два.

Какъ десять лѣтъ тому назадъ, когда Герценъ въ декабрѣ 1837 года, выѣзжалъ изгнанникомъ изъ Вятки во Владиміръ, и какъ тогда друзья на нѣсколькихъ саняхъ провожали его по морозу вплоть до первой станціи, такъ и теперь съѣхались всѣ близкіе провожать его на далекую чужбину чуть ли не на семи-восьми тройкахъ [1]).

Для Герценовъ подали два возка. Въ одномъ изъ нихъ помѣстились самъ Герценъ съ женой и двоими дѣтьми, и Марья Ѳедоровна Коршъ, у которой не хватило силъ разстаться ни съ Александромъ Ив., ни съ Натальей Александровной. Марья Ѳедоровна поѣхала съ Герценами въ надеждѣ, что они пробудутъ за границей не болѣе года. Она взяла въ дорогѣ на свое попеченіе маленькую «Тату», которая ее очень любила и звала «Мавонинька», и съ которой бы не въ силахъ была справиться дорогою слабенькая и болѣзненная Нат. Алекс. Послѣдняя взяла на свое попеченіе только старшаго сына Сашу. Мальчикъ, какъ мы уже видѣли изъ писемъ Н—и А—ны, былъ настолько разуменъ и разсудителенъ, что самъ заботился о матери, предостерегалъ и останавливалъ ее отъ того, что находилъ для нея вреднымъ. Потому ей съ нимъ не представлялось много хлопотъ.

Въ другомъ возкѣ помѣстились: мать Александра Ивановича, Луиза Ивановна Гаагъ, и молоденькая барышня Марья Каспаровна Эрнъ. Послѣдняя взяла на свое попеченіе глухонѣмого сына Герценовъ, Колю, котораго она и бабушка, Луиза Ивановна, страшно любили. Онѣ втроемъ съ нимъ снялись на одномъ дагерротипѣ въ Парижѣ [2]).

Не только товарищи, друзья провожали Герценовъ далеко за Москву, но и няня «Таты»—Татьяна, она же была и ея кормилицей, и нашъ старый знакомый Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ, который пріѣхалъ въ Москву еще въ первой половинѣ октября 1846 г., въ то время, когда Герценъ былъ въ Петербургѣ («Онъ совсѣмъ сталъ на мощи похожъ», писала о немъ Н. А. Герценъ) [3]), и еще слуга, безъ котораго обойтись въ дорогѣ по Россіи не было никакой возможности. Кормилица ѣхала во второмъ возкѣ, вмѣстѣ съ Луизой Ивановной и Марьей Каспаровной Эрнъ.

Такъ какъ выѣзжать въ дальній путь пришлось въ холодъ, въ самый разгаръ «зимы снѣжной, холодной», потому Герценъ необходимо долженъ былъ позаботиться заранѣе о томъ, чтобы дорогой не простудить слабой

---

1) Герценъ въ „Былое и Думы" говоритъ, что было семь-восемь троекъ съ провозчатыми, а М. К. Рейхель пишетъ—восемь-девять.

2) Этотъ дагерротипъ любезно пожертвовала М. К. Рейхель въ „Комнату людей 40-хъ годовъ", гдѣ онъ и находится.

3) Рук. письмо Н. А. отъ 10 окт. 1846 г.

здоровьемъ жены и троихъ маленькихъ дѣтей: Саши, Коли и Таты, изъ которыхъ самому старшему не было еще 8 лѣтъ, а младшей только что минуло 2 года. Для этого Герценъ заказалъ оба возка обить изнутри мѣхомъ и сдѣлать въ нихъ возможный уютъ и тепло. Заботу о выполненіи всего этого взялъ на себя добрѣйшій Егоръ Ивановичъ Герценъ, старшій братъ А—а И—ча.

На тройкахъ же, какъ уже было сказано, ѣхали провожатые. Кого только тутъ не было? Тутъ былъ и сейчасъ упомянутый родной братъ Герцена, и мужъ и жена Грановскіе, и Евгеній Ѳедоровичъ Коршъ съ женой, и Мельгуновы, и Засядко, и Н. М. Сатинъ, тогда еще не женатый, и Юлія Богдановна Шумахеръ, въ то время еще Мюльгаузенъ, и мать Марьи Каспаровны, Прасковья Андреевна Эрнъ, о которой упоминается въ «Былое и Думы», говорится, какъ она помогала молодымъ Герценамъ въ тяжелую минуту первыхъ родовъ Натальи А—ны, и Сергѣй Ивановичъ съ Татьяной Алексѣевной Астраковы, и Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, и Н. Х. Кетчеръ, и другіе...

Всѣ тройки и возки направились со Старой Конюшенной къ Тверской заставѣ, покатили по Тверскому почтовому тракту на Тверь, Псковъ, Петербургъ, Нарву, Дерптъ, Ригу, Таурогенъ... Но Герценъ еще въ октябрѣ прошлаго года далъ зарокъ не возвращаться никогда больше въ сѣверную столицу, потому и теперь онъ рѣшилъ въ Петербургъ не заѣзжать.

«Мы выѣзжали изъ Россіи зимою снѣжной, холодной,—писалъ онъ въ «Письмахъ изъ Avenu Marigny»,—съ коротенькими днями и со всѣми неудобствами зимняго ухабистаго пути, который выдаютъ за дарованную намъ природой желѣзную дорогу» [1])...

Тройки съ друзьями провожали Герценовъ вплоть до первой станціи, которая лежитъ отъ Москвы въ 30 верстахъ. Тамъ, «на бѣломъ снѣгу, въ Черной грязи» простились друзья:

...«мы тамъ въ послѣдній разъ сдвинули стаканы и, рыдая, разстались», разсказывалъ черезъ нѣсколько лѣтъ Герценъ [2]).

Кто же рыдалъ?

И онъ, и они... всѣ плакали.

«Помню, какъ я ревѣла, провожая Герценовъ за границу,—писала Т. А. Астракова много лѣтъ спустя, въ письмѣ къ Н. А. Огаревой;—такъ что Наташа (жена Герцена) чуть не разсердилась. «Странно, Таня,—говорила она,—точно ты насъ хоронишь. Да, вѣдь, не на всегда мы уѣзжаемъ,—будь увѣрена, мы скоро вернемся» [3]).

Плакали не однѣ дамы, плакали и мужчины, плакалъ даже суровый на видъ, холодный острякъ, Е. Ѳ. Коршъ, который, по словамъ Грановскаго,

---

[1]) Томъ IV сочиненій А. И. Герцена: „Письма изъ Франціи и Италіи". Первое письмо.

[2]) Томъ VII. Сочиненія Герцена: „Былое и Думы" 380 стр.

[3]) *Бакинскія Извѣстія*. 1903 г. 4 іюня: „Н. П. Огаревъ".

умѣлъ шутить и острить въ то время, когда его «дѣти болѣютъ»,—а тутъ и онъ... плакалъ, разставаясь съ Герценомъ.

«Былъ уже вечеръ, возокъ заскрипѣлъ по снѣгу... Вы смотрѣли печально вслѣдъ, но не догадывались, что то были похороны и вѣчная разлука. Всѣ были налицо, одного только не доставало, ближайшаго изъ ближайшихъ [1]), онъ одинъ былъ боленъ и какъ будто своимъ отсутствіемъ омылъ руки въ моемъ отъѣздѣ» [2]).

Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ и кормилица «Таты» провожали дальше другихъ, до самой границы, до Таурогена, гдѣ у Герцена вырвался крикъ радости и гдѣ онъ со всѣми своими спутниками долженъ былъ пересаживаться изъ своихъ возковъ въ прусскіе дилижансы и катить уже по прусскому шоссе, такъ какъ и за границей въ то время желѣзныхъ дорогъ еще не было. До тѣхъ же поръ ѣхать пришлось «по небольшому почтовому тракту», который «соединяетъ два шоссе и идетъ частію по Псковской губерніи, частію по Лифляндской; этотъ путь сообщенія бѣденъ; двѣ сосѣдственныя полосы не пришли черезъ него къ одному уровню и каждая осталась при всѣхъ особенностяхъ, какъ будто между ними тысячи верстъ... И одного часа ѣзды достаточно, чтобы очутиться въ другомъ мірѣ, въ мірѣ прошедшаго, въ мірѣ утратъ, воспоминаній, вдовства. Все перемѣняется, когда въѣзжаешь въ Остзейскій край, какъ декорація въ театрѣ. Мѣста становятся гористы, дорога извилиста, не тѣ виды, не тѣ ландшафты, къ которымъ мы привыкли, съ ихъ луговой далью, со стелящимися полями, съ синей полосой у небосклона, которая провожаетъ васъ 10 верстъ, пока все небо почернѣетъ...

«...Къ станціонному дому трудно подъѣхать отъ крутизны, на которой онъ стоитъ. Passagerstube вымыта, вычищена, столъ покрытъ толстой, но чрезвычайно бѣлой скатертью; въ яркомъ, какъ солдатская пуговица, мѣдномъ шандалѣ стоитъ бѣлая свѣча, на окнахъ тощіе цвѣты, полъ посыпанъ пескомъ... Черезъ минуту вошелъ старичокъ съ добродушнымъ видомъ, исключительно свойственнымъ нѣмцамъ, въ сѣромъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами; называя меня при каждомъ словѣ то Herr Baron, то Herr Freiherr, то Hochwohlgeboren, онъ очень учтиво совѣтовалъ подождать разсвѣта, основываясь на начинающейся метели и на опасныхъ обвалахъ, возлѣ которыхъ надобно ѣхать.

«Я вышелъ въ сѣни; страшный вѣтеръ свистѣлъ между голыми сучьями деревьевъ, изрѣдка немного и на минуту выглядывалъ мѣсяцъ и освѣщалъ полуразвалившуюся башню совсѣмъ развалившагося замка; на крошечныхъ санкахъ бѣлокурый нѣмецъ съ длинными усами и бичемъ въ рукѣ, въ вязаной егеркѣ, опушенной мѣхомъ, съ ружьемъ за плечами, промелькнулъ и исчезъ на узенькой дорогѣ; лошадь его была безъ дуги и звенѣла десят-

---

[1]) То-есть—Н. П. Огарева.

[2]) Томъ VII. Сочиненій Герцена: „Былое и Думы“, I т., стр. 380.

комъ маленькихъ колокольчиковъ; лягавая собака бѣжала за нимъ, обнюхивая мерзлыя кочки» [1])...

Какъ ни медленно тащились почтовыя лошади, а оба возка все же 31 генваря доѣхали до границы, до Таурогена. Здѣсь таможеннымъ чиновникомъ былъ произведенъ осмотръ багажа, послѣ чего въ паспортѣ Герцена на 4-й страницѣ и притомъ вверхъ ногами была сдѣлана такая надпись: «Надворный совѣтникъ Александръ Герценъ съ женою Наталіею, сыновьями Александромъ и Николаемъ да дочерью Наталіею, Таурогенскою таможнею съ досмотромъ пропущены—31 генваря 1847 года. Сек. Красновъ».

Въ Таурогенѣ же надо было проститься и съ послѣдними провожатыми. Отсюда не только К. И. Зонненбергъ, слуга и Татьяна вернутся домой, туда же покатятъ съ ними къ Егору Ивановичу и русскіе возки.

«Кормилица въ сарафанѣ и душегрѣйкѣ все еще смотрѣла намъ вслѣдъ и плакала. Зонненбергъ, этотъ образчикъ родительскаго дома, эта забавная фигура изъ дѣтскихъ лѣтъ, махалъ фуляромъ—кругомъ безконечная степь снѣгу.

«Прощай Татьяна! Прощайте Карлъ Ивановичъ!» [2])

Е. Некрасова.

---

[1]) Томъ IV сочиненій Герцена: „Письма изъ Франціи и Италіи", стр. 1

[2]) Томъ VII. Сочиненіе Герцена: „Былое и Думы", т. I стр. 380—38

Раса пролетаріевъ.

(Экономическое и соціальное положеніе негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки).

I.

Ни въ одной странѣ стараго міра различныя народности и культура не уживаются такъ легко и просто, безъ особыхъ треній и такъ быстро и тѣсно не ассимилируются, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. И понятно—почему. Соединенные Штаты—страна великая, съ высоко развитымъ восходящимъ капитализмомъ и крупной промышленностью, съ большой сѣтью крупныхъ городовъ (по переписи 1900 г. тамъ имѣлся 161 городъ съ населеніемъ свыше 25,000 въ каждомъ). Государство молодое, необремененное чрезмѣрно балластомъ отжившихъ формъ, учрежденій и традицій. Сама господствующая національность еще такъ недавно, такъ сказать на нашихъ глазахъ, сформировалась, слѣпилась изъ конгломерата различныхъ національностей; болѣе того, она еще до сихъ поръ продолжаетъ находиться въ процессѣ созданія, im Werden begriffen. Далѣе, политическія формы государства, легкость, съ какой всякій пришелецъ становится гражданиномъ,—все это факторы, благопріятствующіе ассимиляціи, сліянію и переформированію всѣхъ и всего въ одну американскую національность, если бы не постоянное дѣйствіе потока иммиграціи, въ теченіе немногихъ поколѣній ассимиляція закончила бы свою задачу.

И теперь уже результаты ея значительны и сліяніе происходитъ двойное: физическое и духовное.

Въ то время какъ родившихся внѣ страны (foreign born) по переписи 1900 г. числилось только 13,7% населенія, процентъ населенія, у котораго родители (одинъ или оба) не американцы отъ роду (foreign parentage), достигаетъ цифры 34,3.

Это одно уже доказываетъ, какъ распространены браки между коренными янки и пришельцами. А что этотъ процессъ сліянія систематически и прогрессируетъ, показываетъ слѣдующая параллель. По переписи:

1870 г. числил.	foreign born	14,4%	foreign parentage	28,2%
1880 »	»	»	13,3%	»	»	29,8%
1890 »	»	»	14,8%	»	»	33,0%
1900 »	»	»	13,7%	»	»	34,3%

О духовномъ сліяніи достаточно краснорѣчиво говоритъ слѣдующ
фактъ. По той же переписи 1900 г. числилось лицъ не умѣющихъ го
рить по-англійски всего только 1.403,212 человѣкъ, несмотря на то, ч
иностранцевъ, прибывшихъ въ страну за одно послѣднее десятилѣтіе бы
3.687,569.

Вотъ почему въ Соединенныхъ Штатахъ не существуетъ національны
вопросовъ въ общепринятомъ, специфическомъ смыслѣ. Не существуе
нѣмецкаго вопроса, хотя имѣется свыше 5 милліоновъ выходцевъ и
Германіи, которые къ тому же часто живутъ компактными массами. Н
существуетъ ни итальянскаго, ни ирландскаго, ни польскаго, ни евре
скаго вопросовъ, хотя иностранцевъ имѣется въ городахъ 25,9%, а
нѣкоторыхъ (въ 9) даже до 40%.

Правда, въ послѣдніе годы выплылъ на поверхность политическ
жизни и принялъ даже довольно осязательныя формы вопросъ эмигра
скій. Это проблема довольно трудная, особенно для тѣхъ прогрессивны
элементовъ населенія, которые не могутъ успокоиться на простомъ и гр
бомъ рѣшеніи: Америка для американцевъ. Но она—проблема, въ общем
чисто-экономическая, ничего общаго съ національной идеологіей не им
ющая. Внутри страны, какъ сказано, національныхъ вопросовъ нѣтъ.

Но, справившись съ національнымъ вопросомъ пришлыхъ народносте
Соединенные Штаты оказались пока не въ силахъ справиться съ рас
вымъ вопросомъ значительной части стараго, коренного, мы бы сказал
населенія страны. Тяжелой тучей лежитъ негрскій вопросъ на горизон
политической и общественной жизни Соединенныхъ Штатовъ. Она окр
чаетъ все сіяніе этой Аркадіи крупнаго капитала и индивидуализма.

На сѣверѣ и на западѣ, гдѣ негровъ имѣется ничтожный процен
(18, 14 и 7 человѣкъ на 1,000 бѣлыхъ по переписи 1900 г.) и гдѣ он
главнымъ образомъ, живутъ въ городахъ, существованіе негрской проб
мы выражается только въ слабыхъ отголоскахъ отъ могучихъ, отдал
ныхъ раскатовъ расовой ненависти и національныхъ предубѣжденій и
силій, происходящихъ далеко на югѣ.

Но тамъ, на югѣ, въ штатахъ, бывшихъ рабовладѣльческими, взаи
ныя отношенія между обѣими расами представляютъ настоящую аре
борьбы, то затаенной и скрытой, то откровенной до циничности,
борьбы постоянной и интенсивной между двумя неравными силами. Уни
женнымъ и оскорбленнымъ, обездоленнымъ и невѣжественнымъ приход
ся защищаться противъ сильныхъ и властныхъ, господствующихъ эко
мически, политически и соціально.

Какъ улучшить отношенія между обѣими расами тамъ и какъ подн
и улучшить положеніе самой черной расы, чтобы она вышла изъ сво
униженнаго, «рабскаго» состоянія, изъ своей духовной незрѣлости и м
теріальной обездоленности?

Изъ этого двойного, такъ сказать, внутренняго и внѣшняго г

составляется великая и единая негрская проблема въ Америкѣ; этотъ, по выраженію проф. Du Bois, «величайшій вопросъ XX вѣка».

Величайшій ли этотъ вопросъ XX в. или нѣтъ, но несомнѣнно, что это одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ и одна изъ наиболѣе опасныхъ болячекъ великой заокеанской республики.

Онъ особенно труденъ и потому, что, какъ справедливо выразился генералъ Армстронгъ, «онъ не знаетъ вопроса, о которомъ высказывались такіе противорѣчивые взгляды, какъ о черной расѣ». Поэтому единственно раціональный методъ обсужденія его, это цифры и фактическія данныя.

Только на основаніи близкаго знакомства съ фактическими данными и при помощи настоящей картины соціально-экономическихъ и политически-духовныхъ условій черной расы, читатели могутъ самостоятельно и критически отнестись къ разнымъ взглядамъ, рѣшеніямъ, планамъ и теченіямъ, существующимъ какъ среди бѣлой, такъ и среди самой же черной расы на эти вопросы. Правда, это вовсе не такъ легко выполнимо, какъ кажется. Хотя существуетъ громадная литература по этому вопросу, но большинство сочиненій страдаетъ поразительными изъянами по части фактическаго, обработаннаго и систематизированнаго матеріала.

Объясняется это тѣмъ, что главная масса литературныхъ произведеній по этому вопросу написана партизанами, въ большей части политиками. Одни ослѣплены ненавистью и расовыми предубѣжденіями. Для нихъ дѣло просто: нужно набирать факты преступности, физической и моральной неряшливости, тупости и «неблагодарности» негровъ, чтобы оправдать готовый лозунгъ: ату его, держите его въ безправіи, невѣжествѣ и бѣдности. Такіе голоса раздаются заранѣе обыкновенно съ юга и принадлежатъ «бѣлымъ».

Другая часть писателей изъ бѣлыхъ часто впадаетъ въ сантиментально-филантропическій тонъ, что тоже не очень благопріятно выясненію дѣйствительности.

Существуетъ еще незначительная литература, принадлежащая «чернымъ» авторамъ. Она обыкновенно пишется въ видѣ страстной самозащиты, апологіи и самооправданія.

Приходится проконтролировать однихъ авторовъ показаніями и данными другихъ и собирать факты иногда по мелочамъ.

Далѣе нужно еще отмѣтить, что офиціальныя данныя переписи тоже не очень обильную жатву даютъ по части выясненія особенностей—особенно экономическаго—положенія негровъ. Вотъ почему полныхъ цифровыхъ данныхъ изъ экономической и соціальной жизни негровъ почти нѣтъ. Но это не такъ важно, такъ какъ имѣются провѣренныя данныя изъ отдѣльныхъ «типичныхъ» областей. Ихъ имѣется не только въ литературѣ, но и въ многочисленныхъ офиціальныхъ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ, да и въ 19 томахъ въ прошломъ году оконченнаго печатаніемъ «отчета» государственной коммиссіи для изслѣдованія промышленной жизни

страны тутъ и тамъ разбросано много цѣнныхъ показаній и данныхъ по нашему вопросу.

Легче дать картину состоянія народнаго образованія, морали и преступности черной расы, такъ какъ тутъ одна офиціальная статистика даетъ нужные матеріалы.

Охарактеризовавъ литературу вопроса, попытаемся дать болѣе подробную картину наиболѣе важной стороны жизни, т.-е. экономической дѣйствительности черной расы въ Соединенныхъ Штатахъ.

II.

Мы назвали сейчасъ экономическую дѣйствительность наиболѣе важной стороной жизни негрской расы. Мы это сдѣлали не потому, что лично стоимъ на точкѣ зрѣнія экономическаго матеріализма, но потому, что въ экономическомъ прошломъ и настоящемъ лежитъ по общепризнанному мнѣнію корень всѣхъ трудностей негрскаго вопроса.

Негры были рабами, т.-е. экономическими орудіями у бѣлой, господствующей расы. Оттуда бѣдность, некультурность, приниженность, «рабская психика», нелюбовь къ труду и т. п. у самихъ негровъ, оттуда же рабовладѣльческая психика южанъ; ихъ ненависть, презрѣніе къ неграмъ, ихъ стремленіе во что бы то ни стало удержать негровъ въ качествѣ экономическихъ орудій—свободныхъ, конечно—на плантаціяхъ. Отъ этой рабовладѣльческой и рабской психики несвободны часто и авторы, трактующіе эту проблему. Вопросъ ставится обыкновенно не такъ: что и какъ хорошо для негровъ и для ихъ будущности? а что и какъ хорошо для интересовъ,—и опять-таки экономическихъ интересовъ—господствующей расы?

Это съ замѣчательной яркостью бросается въ глаза при чтеніи «отчета» упомянутой коммиссіи 1898—1902 года.

И вопросы, и отвѣты гласятъ тамъ: гдѣ негры суть и могутъ быть *полезнѣе?*—для другихъ, конечно,—а не гдѣ для негровъ лучше было бы! А отвѣты получаются постоянные и характерные: негры хороши и полезны, какъ земледѣльческіе наемные рабочіе. Это значитъ: наименѣе благопріятная для развитія и успѣховъ самихъ негровъ, наихуже оплачиваемая и поставленная отрасль труда ставится неграмъ цѣлью; вѣдь въ роли рабочихъ на фермахъ негры наиболѣе полезны для экономическихъ интересовъ «бѣлыхъ» южанъ!

Но перейдемъ къ фактамъ.

По переписи 1900 г. въ Соединенныхъ Штатахъ имѣлось 8.803,535 негровъ и 66.590,725 лицъ бѣлой расы. Негры составляютъ такимъ образомъ 11,6% всего населенія. Но въ то время какъ на сѣверѣ и на западѣ они находятся въ ничтожномъ меньшинствѣ (7, 14 и 18 на вторую тысячу населенія) въ южныхъ, бывшихъ рабовладѣльческихъ штатахъ они составляютъ 35%, а въ нѣкоторыхъ даже 50 и болѣе

центовъ. Наибольшій процентъ негровъ имѣется въ Южной Каролинѣ, гдѣ они составляютъ по переписи 1900 г. 58% всего населенія (въ 1890 г. 59,8%) и въ Миссисипи 58,5% (въ 1890 г. 57,6%). Наибольшее абсолютное число негровъ—въ Георгіи, именно 1.034,813 (въ Южной Каролинѣ—782,321, въ Миссисипи—907,630, въ Алабамѣ—827,307, въ Виргиніи—660,727).

Только половина теперешняго числа негровъ находилась въ Соединенныхъ Штатахъ во время освобожденія расы, такъ какъ по переписи 1860 года имѣлось 4.441,830 человѣкъ. Удвоеніе населенія въ теченіе сорока лѣтъ нельзя не признать довольно значительнымъ, но оно значительно уступаетъ пропорціи увеличенія бѣлой расы въ Соединенныхъ Штатахъ не только изъ-за иммиграціи, но и по естественному приросту. (За эти же сорокъ лѣтъ бѣлая раса увеличилась съ 26.922,537 въ 1860 году на 66.590,725 въ 1900 г.).

Переходя къ изслѣдованію экономической жизни негрской расы, попробуемъ присмотрѣться: какова среда, гдѣ имъ приходится жить и работать? Вѣдь даже такой міровой юридическій актъ, какъ освобожденіе отъ рабства, практически долженъ былъ потерпѣть значительныя аваріи при проведеніи его черезъ Сциллы и Харибды среды (milieu). «Было трудно для негровъ,—замѣчаетъ совершенно вѣрно Tullinghast, авторъ книги «The Negro Africa and America»—осуществить на дѣлѣ данное имъ званіе свободныхъ людей. Вѣдь не произошло неожиданной перемѣны ни въ условіяхъ внѣшней природы, ни въ климатѣ, ни въ окружающей ихъ средѣ, ни въ занятіяхъ (Publication of Amer. Econom. Association. May, 1902 г. New-York, p. 179).

А каковы были среда и занятія извѣстны: «Нужно помнить, что до гражданской войны южное бѣлое населеніе было вскармливаемо черными рабами, которые прилежно должны были работать на «хозяина». Такимъ образомъ почти всѣ бѣлые не только были свободны отъ труда, но они даже забыли какъ работать. Они потеряли активный интересъ къ труду и плохо начали понимать практическіе принципы дѣлъ. Оттуда застой въ индустріальномъ развитіи «Свѣтлаго юга» (Samuel Creed Cross. The Negro and the Junny South, 1899, p. 22). Это было тогда, въ дни существованія рабства. «Но и послѣ, когда рабство исчезло, вѣтреная натура южанина осталась, осталась до нашихъ дней». (Ibid., p. 24).

Хотя за это время и югъ подался широкой промышленной революціи, хотя носителями этой революціи явились другіе люди, изъ дальняго, кипящаго трудомъ и стремленіемъ къ наживѣ сѣвера, однакожъ штаты, бывшіе рабовладѣльческими, до сихъ поръ еще являются земледѣльческими штатами по преимуществу.

Ясную картину экономической структуры юга даетъ слѣдующая параллель.

По переписи 1900 года средняя экономическая структура Соед. Штатовъ была такова:

		Въ 1900 г.	Въ 1890 г.	Въ 1880 г.	
I.	Земледѣліемъ занимались	35,7%	37,7%	44,3%	населенія.
II.	Интеллигентными профессіями	4,3%	4,1%	3,5%	»
III.	Въ домашнемъ и личномъ услуженіи. . . .	19,2%	18,6%	19,7%	»
IV.	Торговлей и транспортомъ	16,4%	14,6%	10,7%	»
V.	Фабричной и механической промышленностью	24,4%	25,%	21,8%	»

Совершенно другая картина на югѣ.

Въ Георгіи земледѣліемъ занято было въ 1900 г. 60,5% населенія, въ Алабамѣ 67,6%, въ южной Каролинѣ 69%, въ Миссисипи 76%, въ Луизіанѣ 55,1%. Интеллигентными профессіями: въ Геор. 2,5%, въ остальныхъ 2—2,4%.

Въ домашнемъ и личномъ услуженіи: въ Георгіи 18,9%, въ южной Каролинѣ 13,8%, въ Алабамѣ 13,4, въ Миссисипи 11,7%, въ Луизіанѣ 21,6%. Торговлей и транспортомъ: въ Георгіи 8,2, въ южной Каролинѣ 5,1%, въ Алабамѣ 6,7%, въ Миссисипи 5,5, въ Луизіанѣ 10,7%.

Фабричной и механической промышленностью: въ Георгіи 9,9%, въ южной Каролинѣ 10,3%, въ Алабамѣ 10,3%, въ Миссисипи 4,8%, въ Луизіанѣ 10,6%.

Итакъ 80—85% населенія штатовъ, бывшихъ рабовладѣльческими, вообще занято земледѣліемъ и домашнимъ и личнымъ услуженіемъ, и 15—20% торговлей и промышленностью. Это одно уже показываетъ, что такая страна аграрнаго и экстенсивнаго труда. Эта картина получаетъ еще болѣе сильное аграрное освѣщеніе, если разсматривать одно негрское населеніе тѣхъ штатовъ.

«Негрская проблема съ аграрной точки зрѣнія находится въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о земледѣльческихъ рабочихъ» говорится въ «отчетѣ» парламентской коммиссіи (Report of the Industrial Commission Washington 1901—1902 V. X).

И понятно почему: 80% и больше негрскаго населенія южныхъ штатовъ въ той или иной формѣ живутъ отъ земледѣлія, это признается всѣми. Это подтверждается и статистикой, показывающей распредѣленіе населенія между деревней и городомъ.

Въ десяти южныхъ, наиболѣе населенныхъ неграми, штатахъ въ 1890 году въ большихъ городахъ имѣлось 14,89% изъ бѣлаго населенія тѣхъ штатовъ и 10,93% изъ чернаго (Race Traits and Tendencies of the American Negro by L. Hoffman 1896, p. 11).

Присмотримся же ближе къ экономическимъ условіямъ южной деревни и особенно ея чернаго населенія. Это будетъ для насъ тѣмъ болѣе интересно, что много знакомыхъ чертъ и родныхъ болячекъ найдемъ такъ «какъ близко и знакомо намъ все это»,—скажетъ не одинъ русскій читатель.

III.

Въ 1860 году черное городское населеніе въ 10 южныхъ штатахъ доходило и до 5% (4,82% въ большихъ городахъ. Hoffman, p. 1[illegible].

остальная масса была разсѣяна по фермамъ и работала усердно подъ кнутомъ своихъ хозяевъ. Она знала, какъ обрабатывать хлопокъ. Несмотря на свое полное, систематически поддерживаемое у нихъ хозяевами, невѣжество ко всему, что превосходитъ узенькій мірокъ ихъ ежедневныхъ потребностей, негры знали, какъ работать, какъ создавать богатства и роскошь для хозяевъ. Они знали это, хотя сами терпѣли всяческія лишенія и нужду, хотя они *не любили* труда и не знали, что такое сбереженія. Мы имѣемъ дѣло съ расой,—говоритъ главный и признанный предводитель негровъ въ Америкѣ, Букоръ Вашингтонъ,—которая очень мало расположена къ труду, которую освобожденіе нашло неподготовленной ни въ одеждѣ, ни въ жилищѣ, ни даже въ умѣніи позаботиться о собственномъ организмѣ» (The Future of the American Negro. Boston 1899, p. 3—7).

«И неудивительно, вѣдь въ теченіе 250 лѣтъ рабства негра непрерывно и настоятельно учили подчиненію, необдуманности, легкомыслію, воровству и обману». (Prof. W. E. Burghardt du-Bois. The Souls of the Black Folk. Chicago 1903. Эта выдающаяся книга, авторъ которой, самъ негръ, посвятилъ всю жизнь изученію негрскаго вопроса, обратившая на себя всеобщее вниманіе и въ теченіе 3 мѣсяцевъ выдержавшая 3 изданія, богатая какъ свѣдѣніями, такъ и глубокими мыслями и анализами, положена нами въ основаніе настоящей 3-й и слѣдующей 4-й главъ нашей статьи.)

Поэтому послѣ освобожденія нельзя было оставить негровъ однихъ на произволъ судьбы безъ капитала, безъ земли, безъ экономической организаціи, даже безъ простой защиты закона. Но они *были* безъ всего этого оставлены на обширныхъ территоріяхъ не для того, чтобы прочно основаться на нихъ, не для того, чтобы разработать, развивать и культивировать себя и страну, а для того, чтобы быть сейчасъ же втянутыми въ безжалостную и острую конкуренцію съ лучшими, стоящими на высотѣ рабочими, оставлены въ экономическомъ строѣ, гдѣ всякій борется для себя и для своей пользы, на территоріяхъ, экономическая власть надъ которыми скоро перешла къ энергичнымъ, смѣлымъ, воодушевленнымъ одной страстью къ богатству и наживѣ и съѣхавшимся издалека лицамъ. Въ руки къ этимъ людямъ попали рабочіе на югѣ—бѣлые и черные. Даже бѣлые рабочіе тамъ недостаточно интеллигентны, развиты, благосостоятельны и искусны, чтобы быть въ состояніи защищаться противъ эксплоатаціонныхъ набѣговъ организованнаго капитала. Въ результатѣ и для нихъ длинные часы работы, низкая заработная плата, дѣтскій трудъ и недостаточная защита противъ ростовщичества и обмана. У черныхъ же ко [illegible]ему это прибавлялись остатки рабства и расовыя предубѣжденія, при[illegible]мающія форму недовѣрія и сомнѣнія у лучшихъ элементовъ бѣлой расы и —бѣшеной ненависти у худшихъ ея элементовъ.

Оставленные лучшими элементами бѣлой расы безъ помощи, защиты и [illegible]дзора, негры сдѣлались жертвой худшихъ и наиболѣе безсовѣстныхъ [illegible]евъ каждой общины.

Этому благопріятствовало еще одно обстоятельство, на которое указы-

ваетъ другой—на этотъ разъ далеко не симпатизирующій неграмъ—авторъ, W. N. Thomas.

«Къ концу гражданской войны,—говоритъ онъ,—союзъ ничего не предпринялъ для опредѣленія отношеній между нимъ и тѣми штатами, которые сейчасъ находились въ войнѣ съ нимъ. Поэтому тамъ мѣстная законодательная власть находилась всецѣло въ рукахъ тѣхъ же лицъ, которые сейчасъ жертвовали всѣмъ, чтобы оставить негровъ въ рабствѣ.

«Въ результатѣ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ послѣ освобожденія негры находились въ положеніи не то рабовъ, не то свободныхъ людей. «Черный кодексъ» тѣхъ дней вездѣ въ южныхъ штатахъ одинаковъ. Вездѣ рабовладѣльческое господство выражалось въ закрѣпощеніи негровъ, въ стѣсненіи ихъ личныхъ правъ и уничтоженіи ихъ свободнаго распоряженія своей личностью» (см. «The American Negro» New-Iork 1901, p. 48—51).

Впрочемъ, это явленіе вовсе не принадлежитъ къ области одного только прошлаго. «Громадное большинство бѣлыхъ юга и понынѣ еще кричатъ отъ всего сердца: притѣсняй негра, мы должны его притѣснять и мы сдѣлаемъ это» (Samuel Creed Cross «The Negro and the Suny South» p. 35).

Такіе крики безъ стѣсненій раздаются и въ литературѣ. Нѣкій проф. Dabney, напр., такъ прямо и проповѣдуетъ: нужно держать негровъ подальше отъ образованія, отъ умственнаго, физическаго и матеріальнаго прогресса, ибо они станутъ непріятными конкурентами для бѣлыхъ (The Times of Richmond Va Oktober 1901). А такихъ—легіонъ.

Правда, кой какія попытки организовать экономическую помощь черным были сдѣланы на первыхъ порахъ послѣ освобожденія. Изъ нихъ наиболѣе важной, серьезной и послѣдовательной можно считать дѣятельность учрежденнаго въ 1866 г. бюро для вольноотпущенныхъ (Freedmen's Bureau). Его экономическая дѣятельность выражается въ слѣдующемъ: 30,000 черныхъ было имъ перевезено обратно на фермы изъ разныхъ пріютовъ, пристанищъ, изъ ночлежныхъ домовъ и богадѣленъ. Инструкціи были изданы для охраненія свободы рабочихъ и ихъ интересовъ при заключеніи договоровъ—найма. Такіе договоры составлялись агентами бюро—50,000 въ одномъ штатѣ. Болѣе обширныя предпріятія были задуманы бюро для снабженія негровъ-крестьянъ землей.

Запущенныя имѣнія были сданы чернымъ арендаторамъ въ такомъ большомъ количествѣ, что одной аренды получилось отъ нихъ $1^1/_2$ милліона долларовъ. Земля, по разнымъ причинамъ перешедшая къ государству, была на легкихъ условіяхъ продана тѣмъ вольноотпущеннымъ, которые владѣли кой-какими орудіями производства и капиталами.

Но мечта «о сорока акрахъ и мулѣ» закончилась горькимъ разочарованіемъ. Что-то гдѣ-то оказалось невѣрнымъ, произошло какое-то «недоразумѣніе», и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда черные крестьяне должны были оставить ихъ новыя «владѣнія». И если около 1874 года н[illegible]

одной Георгіи всетаки владѣли 350,000 акровъ земли, то они обязаны своей собственной бережливости и энергіи больше, чѣмъ великодушію государства.

Но и само бюро не долго удержалось. Наступившая реакція, интриги недруговъ бюро и негровъ, опасныя, часто преступныя махинаціи и спекуляціи отдѣльныхъ агентовъ бюро, крахъ цѣлаго ряда сберегательныхъ банковъ, унесшій съ собой сбереженія десятковъ тысячъ, только что вступившихъ на путь самостоятельности черныхъ тружениковъ,—все это разрушило до основанія начатую было реорганизацію экономическаго положенія негровъ.

И опять негры были предоставлены самимъ себѣ, своему невѣжеству, [н]ности, униженности, непрактичности, склонности къ бездѣлію, вѣтро[ст]ву и распущенности, одни со здоровыми аппетитами и здоровыми [м]ускулами.

Они, такъ сказать, vom Hause aus вышли пролетаріями, цѣлая раса пролетаріевъ, необученныхъ простыхъ чернорабочихъ. Вдобавокъ имъ прихо[ди]тся выдержать на любомъ, лучше оплачиваемомъ, требующемъ нѣкото[ры]хъ знаній, поприщѣ, безпощадную конкуренцію съ бѣлыми соперника[ми], превосходящими ихъ въ интеллигентности, опытѣ, искусствѣ и знаніи потребностей и условій рабочаго рынка, умѣющихъ отстаивать болѣе или менѣе свои интересы.

Понятно, что въ массѣ негры вынуждены были оставаться на экономическихъ низахъ.

Они и остались тамъ.

Проф. Du-Bois взялся детально изслѣдовать одинъ изъ типичнѣйшихъ черныхъ округовъ; это округъ Дофти въ Георгіи, округъ, имѣвшій въ 1890 г. 10,000 черныхъ и только 2,000 бѣлыхъ и принадлежащій къ наиболѣе характернымъ образцамъ «черной полосы», и вотъ что онъ нашелъ.

Громадная масса живетъ въ хижинахъ, состоящихъ изъ одной или двухъ комнатъ. Можно найти семьи изъ 8—10 лицъ, занимающихъ одну или двѣ комнаты.

Быть можетъ, 10% негрскаго населенія того округа принадлежатъ къ лучшимъ, болѣе состоятельнымъ слоямъ рабочаго класса, зато почти столько же (около 9%) совершенно испорченныхъ, распутныхъ и негодныхъ лицъ.

Остальная масса, свыше 80%, бѣдна и невѣжественна, честна, съ добрыми намѣреніями, трудолюбива, недалека, въ значительной степени безпомощна и съ нѣкоторой половой распущенностью.

Насколько велико ея невѣжество, нельзя точно опредѣлить. Можно сказать, что $^2/_3$ не умѣютъ ни читать, ни писать. Но въ этомъ не вся суть [не]вѣжества. Они, кромѣ того, невѣжественны насчетъ всего, что происходитъ въ мірѣ, насчетъ экономическихъ условій и устройства, насчетъ [го]сударственныхъ порядковъ, насчетъ значенія и правъ личности,—сло-

вомъ, насчетъ всего того, что рабство въ интересахъ своего самосохраненія считало нужнымъ держать отъ нихъ вдали.

Свыше 88% живутъ земледѣліемъ, такъ какъ это тамъ является единственной индустріей. Дѣтскій трудъ развитъ въ худшихъ его формахъ, и школа примѣняется къ потребностямъ фермъ: она открывается только послѣ жатвы.

Изъ взрослыхъ мужчинъ 1,300 въ той или иной формѣ живутъ трудомъ на фермахъ; 200 рабочихъ, 24 ремесленника, 10 купцовъ, 21 проповѣдникъ и 4 учителя.

Изъ взрослыхъ женщинъ 1,350 работаютъ на фермахъ, 100 служанокъ и прачекъ, 65 домашнихъ хозяекъ, 8 учительницъ и 6 бѣлошвеекъ.

Въ то время, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ вообще въ среднемъ выводѣ свыше половины населенія возмужалыхъ и юношества принадлежитъ къ нетрудящимся классамъ, такъ какъ они учатся, готовятся къ жизни, почиваютъ на лаврахъ благосостоянія и тунеядства или отдыхаютъ послѣ долгой трудовой жизни,—здѣсь всѣ, за исключеніемъ ничтожнаго меньшинства, вынуждены со дня на день работать, чтобы поддерживать свое скудное существованіе.

Мы видѣли, на какомъ поприщѣ имъ приходится примѣнять свой трудъ; это та же работа на плантаціяхъ, изъ-за которой они были вырваны изъ далекой дикой родины и сдѣланы рабами въ цивилизованной странѣ.

Естественно, что и послѣ освобожденія, экономическая структура и суть остались тѣ же; въ общемъ только политическія формы измѣнились. Оно тѣмъ болѣе должно было такъ случиться, что почва въ общемъ еще плодородна, несмотря на долгое хищническое хозяйство.

Земля плодородна, и можно въ теченіе 9 или 10 мѣсяцевъ подъ рядъ имѣть жатву: огородные овощи—въ апрѣлѣ, зерна—въ маѣ, дыни—въ іюнѣ и іюлѣ, сѣно—въ августѣ, бермудскій картофель—въ сентябрѣ и хлопокъ съ сентября до Рождества. Между тѣмъ $^2/_3$ земли засѣяны исключительно хлопкомъ. Почему же это?

Объясненіе можно получить только въ экономическихъ условіяхъ негрской деревни. Присмотримся же ближе къ нимъ.

Въ округѣ Дофти мы находимъ среди черныхъ слѣдующіе классы: арендаторовъ и половниковъ (metayer) 40%, полуарендаторовъ, полуметаеровъ (croopers = жатвенниковъ) и рабочихъ на фермахъ 39%; занимающихся дачей денегъ въ ростъ 5% и 6% «высшаго десятка» деревни, «землевладѣльцевъ».

Въ этотъ «избранный» классъ переходятъ всѣ элементы, которымъ удается выдвинуться, выбиться. Правда, въ условіяхъ жизни они немногимъ отличаются отъ арендаторовъ и половниковъ, но въ общемъ они болѣе интеллигентны, энергичны и состоятельны. Они не сейчасъ дѣлаются собственниками земли, обыкновенно они проходятъ стадію арендующихъ землю на наличныя деньги, на опредѣленный срокъ и за опредѣленную аренду, причемъ имъ удается добиться лучшихъ условій, благодаря

ценнымъ своимъ качествамъ. Это, такъ сказать, періодъ искуса и испытанія для нихъ. Арендуютъ они участки въ 40—100 акровъ, платятъ въ среднемъ около 54 долларовъ аренды въ годъ. Въ теченіе недолгаго времени положеніе ихъ выясняется: они или спускаются до уровня метаеровъ, или же, въ случаѣ удачи, покупаютъ землю и становятся «землевладѣльцами».

Въ 1870 г. въ округѣ Дофти официально не числилось ни одного негра-землевладѣльца. Ихъ, должно быть, было нѣсколько, но они предпочитали записывать свою собственность на имя какого-нибудь бѣлаго патрона, методъ, нерѣдко практиковавшійся во время рабства.

Въ 1875 г. собственности негровъ насчитывается 750 акровъ; 10 лѣтъ позже она уже доходитъ до свыше 6,500 акровъ; въ 1890 г. цифра эта достигаетъ 9,000 акровъ, а въ 1900 г. до 10,000 акровъ, цѣнность коихъ опредѣлена въ 240,000 долл.; распредѣлена эта земля между 185 лицами.

Распредѣленіе земли между этими лицами таково: въ 1898 г. участками меньше 40 акровъ владѣли 49 семействъ; между 40 и 250 акр.—17 семействъ, между 250 и 1,000 акр.—13 семействъ, а свыше 1,000 акр.—1 семейство.

Въ 1890 году землевладѣльцевъ было всего 44, но изъ нихъ только 9 владѣли участками ниже 40 акровъ.

Громадное увеличеніе числа землевладѣльцевъ объясняется тѣмъ, что большинство ихъ скупаетъ маленькія владѣнія около города, такъ что они скорѣе должны быть причислены къ городскому населенію.

Но, несмотря на всѣ усилія лицъ, добившихся осуществленія своей мечты и ставшихъ «землевладѣльцами», классъ этотъ является переходнымъ, варьирующимъ: онъ пополняется «выбившимися» изъ другихъ классовъ и убавляется отъ того, что многимъ не удается удержаться на «высотѣ» и они впадаютъ обратно въ классъ арендаторовъ, метаеровъ и пр. Цѣлыхъ 14% населенія Дофти боролись за владѣніе землей, но неудачно. А на каждаго даже временно «выбившагося» сколько разрушенныхъ надеждъ, неудавшихся начинаній, погибшихъ созданій среди этой многочисленной массы арендаторовъ, метаеровъ, жатвепниковъ и рабочихъ негрской деревни! Кто ихъ сосчитаетъ?

IV.

Земледѣльческому пролетаріату, аграрнымъ рабочимъ нигдѣ не живется хорошо, низкій уровень потребностей и заработной платы, длинные часы работы и духовная опека являются характерными чертами положенія этого класса людей во всѣхъ почти странахъ.

Переходя поэтому къ чтенію описанія положенія земледѣльческаго негрскаго пролетаріата, читатель можетъ впередъ быть увѣреннымъ найти все это еще въ болѣе интенсивныхъ формахъ.

Лучше другихъ, сравнительно, положеніе тѣхъ земледѣльческихъ рабочихъ, которые получаютъ заработную плату деньгами. Нѣкоторые получаютъ домикъ съ огородомъ.

Они снабжаются также провизіей, платьемъ, за которое отсчитывается въ концѣ года, иногда съ процентами, отъ ихъ денежной платы, варьирующей между 30 и 60 долл. въ годъ.

Около 18% населенія принадлежатъ къ этой категоріи, въ то время какъ имѣется 22% рабочихъ, получающихъ только денежную плату еженѣмѣсячно или ежегодно.

Они «снабжаются» или отъ собственныхъ сбереженій, или же какимъ-нибудь купцомъ. Они получаютъ отъ 35 до 50 сентовъ въ день въ теченіе рабочаго времени. Это люди большей частью молодые, неженатые. Немного среди нихъ и женщинъ. Женившись, они становятся метаерами, рѣже полными арендаторами.

Уже въ ихъ жизни «купецъ» играетъ роль, но настоящее царство купца—это среди метаеровъ, полуарендаторовъ, жатвенниковъ и какъ они тамъ всѣ называются, всѣ тѣ, которые цѣпляются за землю, которые живутъ иллюзіей, что они не простые,—подчасъ еще хуже поставленные,—рабочіе-пролетаріи, а хозяйственныя лица.

Изъ нихъ жатвенники (croopers) совершенно не владѣютъ капиталами. Землевладѣльцы даютъ имъ и землю, и инвентарь; они же или купецъ «снабжаютъ» ихъ провизіей, платьемъ и проч. За все это приходится послѣ жатвы не только платить, но платить еще съ хорошимъ излишкомъ. Получаютъ они $^1/_3$—$^1/_2$ изъ жатвы. Этотъ договоръ невыгоденъ не только для рабочихъ, но и для землевладѣльцевъ, такъ какъ ни интенсивной культуры, ни бережливаго отношенія къ почвѣ нельзя, конечно, отъ нихъ ожидать. Поэтому эта форма практикуется только землевладѣльцами, очень стѣсненными въ капиталахъ и на бѣдныхъ территоріяхъ.

Выше этого слоя населенія стоитъ та громадная масса населенія, которая обрабатываетъ землю за собственный счетъ и которая платитъ аренду въ хлопкѣ.

Послѣ освобожденія эта система очень привлекла черное населеніе изъ-за большей свободы, предоставляемой ею и въ виду надеждъ выбиться такимъ образомъ, сумѣть сдѣлать сбереженія и усѣсться прочно на «свой», быть можетъ, участокъ.

Но съ развитіемъ системы закладовъ урожая (о ней ниже), съ упадкомъ плодородности земли, съ паденіемъ цѣнъ на хлопокъ, съ погруженіемъ арендаторовъ въ долги ихъ положеніе до того ухудшилось, что они извѣстнымъ образомъ стоятъ экономически ниже земледѣльческихъ рабочихъ.

Землевладѣлецъ и купецъ оба стараются наперерывъ выжимать послѣднія соки у арендаторовъ и метаеровъ. Когда на первыхъ порахъ урожаи были недурны и у арендаторовъ имѣлись свѣжія силы, пылъ и кой-какія сбереженія, землевладѣльцы начали подпимать ренту, такъ какъ сроки не опредѣлены. Въ случаѣ же плохого урожая арендатору съ большимъ трудомъ удается сбавить аренду. Въ среднемъ арендная плата равняется 20—30% урожая.

А когда хлопокъ упалъ въ цѣнѣ, когда наступилъ кризисъ, старые земле-
адѣльцы постепенно начали дезертировать изъ своихъ плантацій и глав-
ую экономическую роль началъ играть «купецъ», большей частью пришлый,
ртый субъектъ.

Вы помните, какъ нашъ геніальный сатирикъ, Щедринъ, рисуетъ въ
оихъ «Мелочахъ жизни» нашествіе купца на русскую деревню.

Таковъ же и «купецъ» «черной полосы». Суть та же, только формы,
ть можетъ, немного другія: болѣе «современныя», болѣе «цивилизо-
нныя».

«Купечество» «черной полосы»—это странное учрежденіе; отчасти ку-
цъ—банкиръ, отчасти онъ помѣщикъ, частью подрядчикъ и частью деспотъ.

Въ его магазинѣ, который онъ перемѣстилъ изъ селъ и разъѣздовъ въ
ижайшій городокъ, онъ имѣетъ все: платье, обувь, сахаръ, кофе, сви-
ну, муку, конфеты, галантерейные товары и сельско-хозяйственныя
инадлежности,—словомъ, все, что только его покупателямъ можетъ по-
обиться, а если онъ самъ чего-либо не имѣетъ, то онъ даетъ приказъ
ближайшій магазинъ на перекресткѣ, и тамъ крестьянинъ получитъ нужное
за счетъ купца; даже въ аптеку, даже къ доктору онъ даетъ свой
казъ.

Къ такому-то купцу является крестьянинъ послѣ того, какъ онъ усло-
ся съ какимъ-нибудь агентомъ, обыкновенно, отсутствующаго помѣщика
четъ арендованія сорока акровъ земли.

Долго приходится крестьянину стоять и ждать, нервно теребя въ ру-
ь свою шляпу, раньше чѣмъ купецъ находитъ нужнымъ смилостивиться
братиться къ нему.

Тогда крестьянинъ проситъ «снабжать» его, т.-е. дать ему впередъ на
, провизію и платье, быть можетъ, еще орудія и сѣмена до послѣ уборки
родажи жатвы.

И купецъ соглашается. Крестьянинъ доволенъ. Они идутъ къ адвокату
ршать закладную на мула и повозку, взамѣнъ чего крестьянинъ полу-
ъ паекъ на недѣлю. Скоро приходится совершить новую закладную,
мъ и третью и такъ каждую субботу или рѣже. Вѣдь семьѣ изъ 5 че-
къ нужно около 30 фунтовъ свинины въ мѣсяцъ и пару бушелей муки,
ерхъ того и платье, и обувь, а иногда кто-нибудь захвораетъ, тогда
кторъ нуженъ и аптека, да и мула нужно кормить, подковывать и т. д.
все идутъ ордера «своего» купца. Если же предвидится хорошій уро-
крестьянинъ начинаетъ позволять себѣ что-нибудь экстренное. Когда
окъ поднимается въ цѣнѣ, купецъ въ одинъ сезонъ продаетъ часто
чу кабріолетовъ, большей частью чернымъ.

о расплата не заставляетъ себя долго ждать.

огда жатва поспѣваетъ, купецъ забираетъ ее; онъ продаетъ ее, онъ
тъ помѣщику аренду, онъ отсчитываетъ всѣ свои долги и, если что-
ь остается, онъ къ Рождеству иногда выдаетъ что-нибудь крестьянину.
ри этомъ онъ такъ искусно затягиваетъ узы залоговъ вокругъ арен-

датора-крестьянина, такъ ловко запутываетъ его въ своихъ сѣтяхъ, что крестьянину остается одно изъ двухъ: или превратиться въ нищаго, или же сдѣлаться преступникомъ.

Случается поэтому часто, что ночью жатва исчезаетъ съ поля, куда уводится и улетучивается также самъ крестьянинъ.

Но, въ общемъ, купецъ успѣваетъ, разживается, богатѣетъ и поглощаетъ все вокругъ себя, а арендаторъ и метаеры систематически становятся банкротами.

Ходячей монетой въ «Черной полосѣ» является хлопокъ. Землевладѣлецъ требуетъ аренды въ хлопкѣ, купецъ знать не хочетъ другого залога кромѣ будущаго урожая хлопка.

При такой системѣ крестьянинъ-арендаторъ волей-неволей вынужденъ держаться хлопка, несмотря на то, что это неминуемо ведетъ его къ банкротству.

Въ 1898 г., въ году низкихъ цѣнъ на хлопокъ, изъ 300 арендаторскихъ семействъ 175 кончили годовую работу съ дефицитомъ въ 14,000 долларовъ; 50 не получили никакой прибыли, а остальные 75 имѣли 1,600 долл. прибыли. Въ одномъ этомъ округѣ арендаторы задолжали тогда 60,000 долл.

Конечно, въ болѣе благопріятные годы положеніе значительно лучше, но въ среднемъ выводѣ большинство арендаторовъ кончаетъ годъ въ долгахъ, или же еле-еле сводитъ концы съ концами.

Уже одни экономическія условія давятъ, какъ видитъ читатель, всѣ черное населеніе деревни и держатъ всѣхъ, за малыми исключеніями, и негровъ, живущихъ земледѣліемъ, въ нищетѣ и кабалѣ.

Но эта кабала еще усиливается политическими факторами, расовой ненавистью и несправедливостью со стороны господствующаго бѣлаго населенія.

Въ значительныхъ частяхъ Миссисипи, Луизіаны и Арканзаса негровъ заставляютъ насильно работать на плантаціяхъ, часто безъ жалованья.

Въ вѣрныхъ рабству округахъ, въ захолустьѣ, гдѣ бѣлые фермеры принадлежатъ къ наиболѣе невѣжественнымъ слоямъ, а черное населеніе еще далеко ниже первыхъ, такъ какъ для него школа тамъ вообще не существуетъ, тамъ, по ту сторону телеграфа и газетъ, духъ 13-ой поправки къ конституціи (объ освобожденіи негровъ) фактически нарушенъ.

Даже въ болѣе благоустроенныхъ провинціальныхъ округахъ юга свободное передвиженіе земледѣльческихъ рабочихъ задерживается и стѣсняется законами объ эмиграціонныхъ агентахъ, запрещающими вербовку и провозъ рабочихъ внѣ штата. А полнѣйшее невѣжество негровъ насчетъ условій труда внѣ ихъ тѣснаго округа поддерживается законами каждаго южнаго штата.

Къ этого рода мѣрамъ нужно причислить и тотъ неписаный, но распространенный почти во всѣхъ захолустныхъ округахъ и маленькихъ

родкахъ юга, обычай, по которому характеръ всякаго негра, незнакомаго членамъ общины, долженъ быть засвидѣтельствованъ какимъ-нибудь бѣлымъ.

Это настоящее возрожденіе стараго римскаго патроната, подъ который негры оказались поставленными. Безъ такого покровительства негръ является безправной личностью.

Да, вообще, эксплоатація и беззаконіе значительно болѣе развиты въ деревнѣ, чѣмъ въ городахъ. И дѣйствительно, всѣ наиболѣе серьезные расовые конфликты послѣдняго десятилѣтія начались отъ споровъ между хозяевами и рабочими въ деревнѣ.

Въ результатѣ такого положенія деревни выступаютъ два соціальныхъ явленія: бѣгство въ города и формированіе «Черной полосы».

Это послѣднее явленіе вызвано стремленіемъ негрскихъ массъ къ самозащитѣ и процвѣтало въ періодъ времени между 1865 и 1880 гг. Селясь группами и компактными массами, негры разсчитывали съ большимъ успѣхомъ быть въ состояніи защищать себя и свои права.

Но надежды, возлагавшіяся на это, не оправдались; большихъ результатовъ оно не дало, и вотъ около 1880 года бѣгство въ города приняло болѣе острый и интенсивный характеръ, какъ контръ-движеніе вслѣдствіе разочарованія въ экономически и соціально спасительныхъ послѣдствіяхъ «Черной полосы».

Такимъ образомъ, стремленіе въ города, это міровое движеніе въ капиталистическихъ странахъ, получаетъ у негровъ С. Шт. еще спеціальные, особые импульсы.

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ описанію экономическаго положенія негровъ въ городахъ, постараемся сказанное выше пополнить болѣе общими данными изъ другихъ источниковъ.

V.

«Перепись 1890 г. показала, что 85% трудящихся слоевъ негрскаго населенія заняты земледѣліемъ и въ домашнемъ услуженіи,—говоритъ I. A. Tillinghast.—A Sannet въ свою очередь признаетъ, что, несмотря на бѣгство въ города, занятія негровъ въ общемъ мало измѣнились за поколѣніе. Мы уже выше цитировали одного представителя «земли», спрошеннаго въ качествѣ эксперта парламентской коммиссіей, для котораго весь негрскій вопросъ—это вопросъ о земледѣльческихъ рабочихъ. Губернаторъ Георгіи и директоръ завода—другіе эксперты—тоже подтверждаютъ, что «въ интересахъ бѣлой расы вовсе не лежитъ потерять черныхъ».

Почему это? Отвѣтъ весьма ясенъ и простъ. «Какъ земледѣльческіе рабочіе негры вполнѣ удовлетворительны»,—говорятъ многіе изъ опрошенныхъ коммиссіей экспертовъ. Нѣкоторые находятъ даже, что они тутъ лучше бѣлыхъ.

А между тѣмъ, благодаря ихъ многочисленности, бѣдности, невѣже-

ству и неумѣнію заниматься чѣмъ-нибудь другимъ; благодаря, слово всѣмъ тѣмъ факторамъ, о которыхъ мы говорили выше, ихъ трудъ оп чивается значительно ниже труда бѣлыхъ и—что не менѣе важно—ни ся въ изобиліи, въ то время какъ недостатокъ въ земледѣльческихъ р бочихъ—явленіе очень распространенное во многихъ мѣстахъ Соед. Шт товъ еще больше, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ.

За 50—60 сентовъ въ день можно имѣть,—говорятъ многочислен свидѣтели, живущіе въ различныхъ штатахъ юга,—негровъ рабочихъ фермахъ сколько угодно. А въ Алабамѣ, наприм., по свидѣтельству ко миссара земледѣлія того штата г. Пула, максимумъ платы земледѣ ческому рабочему 10 долл. въ мѣсяцъ, а минимумъ даже 6 долл. на с ственныхъ харчахъ рабочихъ.

«Негры готовы работать дешевле,—подтверждаетъ другой экспер тоже коммиссаръ земледѣлія въ сѣверной Каролинѣ г. Lacy,—да и хо ева привыкли платить дешевле чернымъ за то же качество труда, ч бѣлымъ рабочимъ».

Это до того общепризнанный фактъ, что подробнѣе остановиться другихъ показаніяхъ и данныхъ считаемъ лишнимъ.

И это весьма понятно.

«За рѣдкими исключеніями теперь и раньше,—говоритъ свидѣ Wite,—черные не допускаются на югѣ къ работѣ на хлопчато-бумажн и шерстяныхъ фабрикахъ и до сихъ поръ бѣлые имѣютъ монополію квалифицированный трудъ».

А если негры даже допускаются, и тогда ихъ заработная плата дол быть ниже.

«Если 500 человѣкъ негровъ въ какомъ-нибудь южномъ городѣ с низуются въ юніонъ, 5,000 человѣкъ изъ деревни готовы всегда къ шимъ услугамъ» (свидѣтель Миллеръ).

«Они на плантаціяхъ работаютъ $5^1/_2$ мѣсяцевъ». И въ лучшемъ чаѣ имѣютъ еще много времени для временныхъ наплывовъ на ю города.

Нѣкоторые опрошенные коммиссіей свидѣтели-эксперты не стѣсн такъ и говорятъ: «Въ негрскомъ трудѣ лежитъ панацея всѣхъ золъ, чиняемыхъ такъ часто рабочей организаціей. Негръ не расположен стачкамъ и умѣетъ быть зависимымъ», такъ говоритъ предприним капиталистъ и землевладѣлецъ Кофинъ. Съ этой точки зрѣнія вс другой свидѣтель изъ того же класса, нѣкій Томсонъ, жалуется, негрская молодежь стоитъ ниже стараго поколѣнія, такъ какъ ей нед етъ дисциплины».

Чтобы показать, насколько низко оплачивается въ южныхъ шт вообще трудъ земледѣльческихъ рабочихъ, приведемъ слѣдующія нек цифры изъ того же офиціальнаго отчета коммиссіи.

Во всѣхъ Соед. Штатахъ *безъ* округовъ, гдѣ культивируется ч средняя мѣсячная плата для земледѣльческаго рабочаго равн

долл.=57 руб., для черныхъ же это среднее равняется 14,25 долл. А въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ и того ниже. Такъ, наприм., въ Виргиніи плата эта колеблется между 6 и 12 долл., въ сѣверной Каролинѣ—между 8 и 10 долл., въ Георгіи—между 6 и 8 долл.

Таково положеніе земледѣльческихъ рабочихъ, а вѣдь мы знаемъ уже, что этотъ классъ составляетъ большой процентъ негрскаго населенія. Это подтверждается и отчетомъ комиссіи. Въ Кентуки, наприм., 45% земледѣльческихъ рабочихъ—негры, въ Алабамѣ 50%.

Негрское земледѣльческое населеніе раздѣляется,—говоритъ экспертъ Пулъ, комиссаръ агрикультуры въ Алабамѣ,—на 3 ровныхъ категоріи: на земледѣльческихъ рабочихъ, на арендаторовъ и на половниковъ.

Что положеніе послѣднихъ двухъ категорій немного чѣмъ лучше первыхъ, мы уже знаемъ.

Намъ остается еще подробнѣе присмотрѣться къ наиболѣе состоятельнымъ слоямъ негрской расы, и читатель убѣдится, что званіе расы пролетаріевъ нами не напрасно ей дано.

Въ отчетѣ комиссара земледѣлія 1876 года сдѣлана была попытка установить, въ какихъ размѣрахъ неграмъ удалось обзавестись собственными жилищами, домами да и вообще недвижимымъ имуществомъ. И отчетъ разсказываетъ: «Насколько имѣется свѣдѣній, число вольноотпущенныхъ, живущихъ на собственной землѣ, равняется 4% въ Тиниси и Алабамѣ, 5% въ южной Каролинѣ, между 4 и 5% въ сѣверной Каролинѣ и Георгіи, между 5 и 6% въ Миссисипи, Луизіанѣ и Арканзасѣ и 8% въ Флоридѣ (Report of Commissioner of Agriculture, 1876, p. 137).

Единственный Штатъ, который обнародовалъ по этому вопросу данныя, могущія быть использованы, это Виргинія,—говоритъ авторъ цитированной уже нами статистической работы о неграхъ, г. Гофманъ (Race Traits etc).

Въ 1895 году тамъ числилось собственности за бѣлыми 25.154,781 акровъ земли, оцѣненныхъ въ 113.129,317 долл. За черными же числилось только 833,147 акровъ, оцѣненныхъ въ 3.450,247 долл.; а вѣдь въ Виргиніи имѣется не меньше 660 тысячъ негровъ. Выходитъ собственности на человѣка 5 долл.!

Почти то же самое въ Георгіи. По частнымъ свѣдѣніямъ контролера финансовъ этого штата, г. Wright'a, около того же времени негры владѣли 1.038,824 акрами земли, оцѣненными въ 4,159,960 долл. Скотомъ и прочимъ инвентаремъ, оцѣненными въ 2.288,850 долл. Всего 6.448,810 долл. собственности на милліонъ съ небольшимъ негрскаго населенія.

О Георгіи мы имѣемъ еще болѣе полныя свѣдѣнія. По отчету генералъ-контролера финансовъ этого штата въ 1890 г. на 863,716 человѣкъ чернаго населенія этого штата приходилось собственности всякаго рода 12.322,003 долларовъ, т.-е. 14,26 долл. на человѣка. Тамъ же на 97?,462 человѣка населенія бѣлой расы приходилось собственности 36? 044,781 долл.=374,90 на человѣка.

Въ Виргиніи на бѣлаго человѣка приходилось въ 1891 г. собстве
сти 374,20 долл.; на чернаго же—18,90 долл.

Въ сѣверной Каролинѣ на бѣлаго 223,10 долл.; на чернаго 14,10

Въ общемъ знатоки положенія негрской расы оцѣниваютъ собстве
ность всѣхъ членовъ ея въ 200—225 милл. долларовъ, т.-е. въ 40—4
долл. на человѣка. Чтобы убѣдиться, какъ бѣдна раса, припомнимъ, чт
въ Америкѣ имѣется изрядное число *отдѣльныхъ* лицъ бѣлой расы, бо
гатство коихъ, даже въ отдѣльности взятыхъ, превосходитъ въ нѣсколь
разъ богатство всѣхъ 9 милл. черныхъ.

Но довольно объ этомъ.

Негры бѣгутъ въ города,—это всѣми признанный фактъ. Что жд
ихъ тамъ? Могутъ ли они тамъ выбиться, подняться экономически и д
ховно? Посмотримъ на вопросъ при свѣтѣ цифръ и фактовъ.

VI.

Ростъ городовъ—явленіе міровое, тѣснѣйшимъ образомъ связанное
развитіемъ капитализма. Это съ особенною яркостью выражается въ ка
сической странѣ быстраго развитія крупнаго капитализма, въ С. Штата
Вѣдь извѣстно и даже поговоркой стала баснословная быстрота роста
которыхъ городовъ тамъ. И дѣйствительно, несмотря на обиліе свобод
земли, несмотря на то, что сельское хозяйство тамъ еще вполнѣ выгод
города такъ и растутъ.

Въ 1790 году $3^1/_3$% населенія Соединенныхъ Штатовъ жили въ го
дахъ, въ 1890 г. уже 29%. И хотя южные штаты, какъ земледѣльчес
по преимуществу, показываютъ низшій абсолютный процентъ городск
населенія, однако-жъ *сравнительный* ростъ негрской части населенія т
городовъ значительно болѣе быстрый.

Въ 1860 году въ бывшихъ рабовладѣльческихъ штатахъ процентъ
селенія въ городахъ, имѣющихъ больше 8,000 жителей, равнялся: бѣл
10,9%, черныхъ только 4%.

За періодъ 30 лѣтъ до 1890 г. процентъ бѣлаго населенія только
половину увеличился (15,7%); процентъ же чернаго населенія увелич
въ 3 раза (12%).

Въ теченіе же этого періода времени населеніе этихъ же штатовъ
городовъ увеличилось какъ разъ въ обратной пропорціи: бѣлое насел
увеличилось на 45,52%, черное же только на 41,23%.

Да не въ однихъ только южныхъ городахъ растетъ негрское насел
Оно быстро увеличивается и на сѣверѣ, и на западѣ. Такъ, въ Нью-Й
негрское населеніе увеличилось за послѣднее десятилѣтіе, съ 1890 до 190
на 55%, въ Чикаго—на 47%, въ Балтиморѣ—на 8,5%, въ Филад
фіи—даже на 63%.

Всего въ городахъ, по переписи 1900 г., числится 1.136,463 н
т.-е. 13% всего негрскаго населенія.

Характерная черта американскихъ городовъ—это селеніе—пр

ное, конечно—разныхъ національностей особнячкомъ, компактными массами. Это практикуется весьма естественно и черными: они селятся большею частью другъ около друга и, какъ раса пролетаріевъ, обыкновенно въ худшихъ кварталахъ.

Такіе негрскіе кварталы становятся типичными, характерными, такъ что благодаря этому изученіе экономическихъ и соціальныхъ условій негровъ въ городахъ значительно облегчается.

Мы имѣемъ два подробнѣйшихъ изслѣдованія двухъ такихъ городскихъ колоній: 1) изданный въ 1899 году университетомъ «Пенсильванія» трудъ уже упомянутаго нами проф. Du-Bois, касающійся Филадельфіи (The Philadelphia Negro. A Social Study, и 2) изслѣдованіе R. Wright'a, изданное департаментомъ торговли и труда въ послѣднемъ номерѣ его бюллетеней (Bulletins of the Bureau of Labor, № 48, Septemb. 1903) и касающееся негровъ въ Хепіа, города въ Огайіо. Кромѣ того, еще два меньшихъ изслѣдованія, раньше опубликованныхъ въ тѣхъ же бюллетеняхъ.

Негры—раса бѣдная, но это не раса люмпенпролетаріевъ, бездѣльниковъ и лѣнтяевъ, какъ стараются выставить ихъ недруги.

Изъ 3,850 лицъ мужского пола негрскаго квартала г. Филадельфіи (7 участка) возраста 21 года и выше работаютъ не меньше 3,207, т.-е. свыше 83%. А вѣдь нужно еще принять во вниманіе стариковъ, инвалидовъ и больныхъ, которые тоже входятъ въ общее число 3,850 человѣкъ!

Итакъ, негрское мужское населеніе города тоже работящее по преимуществу. Какъ же оно работаетъ?

45% рабочіе, 34% состоятъ въ услуженіи, 7% ремесленниковъ и квалифицированныхъ рабочихъ, 6,5% самостоятельныхъ торговцевъ, 5% приказчиковъ, 2% интеллигентныхъ профессій, 0,05 разное.

Но работаютъ не одни взрослые мужчины. Работаютъ и мальчики; изъ 651 мальчика свыше 10 лѣтъ работой занято 257, изъ нихъ только 19,5% обучающихся какому-нибудь ремеслу или квалифицированному труду, остальные состоятъ или прислугой, или при черной работѣ.

Работаютъ также и женщины и работаютъ не меньше мужчинъ. Изъ 3,740 лицъ женскаго пола 21 года и выше занято было какимъ-нибудь дѣломъ 3,425 лицъ; изъ нихъ одной домашней прислуги 1,267=37%, поденщицъ 9%; лицъ, которыя, ведя свое хозяйство, *въ то же самое время* ходятъ на поденную работу, 27% и только 17% домашнихъ хозяекъ, въ ремеслахъ только 6%, ведущихъ торговлю 2%, приказчицъ 1% и интеллигентныхъ профессій 1%.

Въ то время какъ изъ всего населенія Филадельфіи только 55,1% занятыхъ и трудящихся, изъ негрской части ея не меньше 78% трудятся въ потѣ лица для добыванія себѣ куска хлѣба.

Да и неудивительно. Нужда заставляетъ. Отсутствіе сбереженій и низкая заработная плата гонятъ всѣхъ членовъ семьи на рабочій рынокъ, и такъ какъ этотъ рынокъ для нихъ ограниченъ, потому что ко многому они не пріучены, а во многихъ отрасляхъ ихъ не принимаютъ (такъ,

наприм., рѣдко кто возьметъ негра или негритянку въ магазинъ въ ...ствѣ лицъ, имѣющихъ сношенія съ публикой), то конкуренція давит... безъ того низкую плату простого чернаго труда.

Изъ городскихъ занятій спеціальность негровъ—это домашняя ...га. 74,3% негрскаго населенія въ той или иной формѣ состоятъ въ ... машнемъ и личномъ услуженіи. Зато на фабрикахъ и другихъ промышл... ныхъ заведеніяхъ ихъ всего 8,2%, что объясняется ихъ неподготов... ностью къ болѣе интенсивнымъ и квалифицированнымъ формамъ труда, ... также тѣмъ, что большинство рабочихъ организацій ихъ не принима... Гораздо бо́льшій процентъ занятыхъ самостоятельной торговлей (15,3... торговлей и транспортомъ) получается потому, что торговцы эти живу... почти исключительно среди негровъ же и ведутъ самую мелочную торгов...

Негрская деревня Южнаго штата и милліонный городъ Филадельфи... это двѣ крайности современной цивилизаціи. Общее между ними въ ин... ресующемъ насъ вопросѣ то, что въ обоихъ этихъ мірахъ, на обоихъ ... люсахъ негръ находится на низахъ общества. Посмотримъ же, какове ... положеніе въ среднемъ провинціальномъ городѣ.

Изслѣдованный г. Wright'омъ городъ Хепіа въ Ohio является, по мн... автора, типичнымъ городомъ для ознакомленія съ жизнью негровъ вне... внѣ среды ихъ историческаго закрѣпощенія.

Хепіа—маленькій городокъ изъ 8,696 жителей (въ 1900 г.), изъ ко... рыхъ 1.991 черный. Но и тутъ негры имѣютъ свой кварталъ. Несмо... на то, что городокъ лежитъ въ земледѣльческомъ по преимуществу ок... гѣ, только немногіе изъ городскихъ негровъ заняты земледѣліемъ или ... долгое время въ качествѣ земледѣльческихъ рабочихъ (4,8%).

Они, напротивъ того, держатся занятій, которыя доставляетъ имъ ... родъ. И опять главную категорію представляетъ услуженіе личное и ... машнее (56,83%); сравнительно больше здѣсь занятыхъ на фабриках... промышленныхъ заведеніяхъ (21,46%); торговлей и транспортомъ за... то 12,71%.

Главныя категоріи доходовъ негрскихъ семействъ въ Ксенія так... 24,9% получаютъ доходъ между 100 и 250 дол., 58,2%—250 и 750 до... 10,1%—свыше 750 дол.

Это сравнительно можно считать благосостоятельнымъ населеніе... такъ какъ оно стоитъ выше средняго уровня. Такъ, наприм., въ изс... дованномъ проф. Du-Bois южномъ городкѣ Farmville'ѣ въ Виргиніи и ... торомъ Томомъ въ общинѣ Sandy-Spring доходы негрскаго населенія ... чительно ниже. Тамъ доходъ ниже 100 дол. имѣютъ 10,7% въ Farmvi... и 5,5% въ Sandy-Spring'ѣ; между 100 и 260 дол. 34% въ Farm. и 61... въ S.-S.; между 250 и 750 д. 52,2% въ Farm. и 33,5% въ S.-S.; ... ше 750 дол. въ Farm., только 2,3%, а въ S.-S. никого.

Однако-жъ и тутъ, въ Хепіа, средняя годовая доходность негр... семьи не превышаетъ 350 дол. Цѣнность владѣній всѣхъ 322 сем... домовладѣльцевъ не превышаетъ 118,267 дол. Но въ дѣйствительно... 6...

шая часть домовъ выстроена при помощи строительныхъ ссудныхъ кассъ и находится въ залогѣ у послѣднихъ.

Но Хепіа принадлежитъ къ болѣе благосостоятельныхъ мѣстечкамъ. Обыкновенно же экономическое положеніе негровъ въ городкахъ тоже значительно ниже.

Офиціальная анкета, произведенная въ 1896 г. въ различныхъ городахъ и городкахъ, показала, что изъ 1,137 семействъ негрскихъ только 304 или 26½% содержатся однимъ мужскимъ главой семейства и 89 или 8%—заработкомъ одной женской главы семейства. Въ остальныхъ же приходится работать и отцу, и матери, а часто, очень часто и дѣтямъ для того, чтобы просуществовать (Bulletins etc., № 10).

Въ этомъ-то давленіи экономическихъ условій, въ томъ фактѣ, что негрская раса вездѣ находится на экономическихъ низахъ, что подавляющая часть ея членовъ принадлежитъ къ наихуже оплачиваемымъ слоямъ пролетаріата, что негръ—раса пролетаріевъ,—вотъ гдѣ лежитъ трудность негрской проблемы, несчастіе негровъ въ настоящемъ и печальные виды ихъ на будущее.

И при свѣтѣ этой подавляющей картины, какъ легкомысленны, поверхностны и ничтожны кажутся многіе и многіе изъ «проектовъ», «плановъ» и «совѣтовъ», обильной рукой разсыпающихся для «спасенія» черной расы!

Вѣдь негрскій вопросъ—это соціальный вопросъ,—вопросъ бѣдности и богатства въ кубѣ, такъ какъ онъ осложняется расовыми предубѣжденіями и ненавистью и тѣмъ фактомъ, что экономическая реорганизація черной расы должна происходить въ борьбѣ съ окружающей и превосходящей ее богатствомъ, властью, знаніемъ, искусствомъ и ловкостью среды.

Принимая все это во вниманіе, мы не можемъ серьезно отнестись къ прожектамъ и фантазіямъ, вродѣ выселенія изъ С. Штатовъ и т. п.

По нашему мнѣнію, только одна дорога имѣется для негровъ—это дорога, ведущая ихъ къ полному уничтоженію остатковъ рабства, къ уничтоженію тѣхъ дополнительныхъ прибавочныхъ бѣдствій и стѣсненій, въ которыхъ негры поставлены исторически на югѣ.

Уничтожить всѣ преграды между черными и бѣлыми, поставить черныхъ на одинаковую высоту и въ одинаковое положеніе съ соотвѣтствующими слоями бѣлаго населенія, къ этому одному только можетъ и должна стремиться здоровая, реальная и прогрессивная соціальная политика.

Пусть теченіе жизни негрской расы входитъ безъ треній и стѣсненій въ общее русло жизни Соединенныхъ Штатовъ и негрская проблема потеряетъ свою специфическую обостренность.

Но и это вовсе не легкая задача. Много духовныхъ и матеріальныхъ силъ, много энергіи, терпѣнія и вѣры нужно имѣть, чтобы внести это сознаніе, не только у невѣжественныхъ черныхъ, но и у цивилизованныхъ бѣлыхъ, ибо приходится уничтожить не только рабскую психику черной расы, но и рабовладѣльческую психику бѣлыхъ южанъ, а это вовсе не легко.

Д-ръ И. Розенбергъ.

Современное экономическое положеніе башкиръ *).

(По офиціальнымъ даннымъ.)

До сихъ поръ существуетъ убѣжденіе, что башкиры—лѣнивый, безпечный и неспособный къ труду народъ: «Есть у башкира пудъ муки и осьмушка чаю,—онъ лежитъ, лежитъ до тѣхъ поръ, пока и то, и другое не изсякнетъ; тогда только поднимется, чтобы добыть другой пудъ муки и другую осьмушку чаю, а потомъ опять лечь и т. д.». Такою безпечностью и лѣнью привыкли объяснять почти поголовную бѣдность башкиръ.

Между тѣмъ, ознакомясь со всѣми подробностями жизни башкиръ, легко убѣдиться, что важнѣйшею причиной экономическаго ихъ упадка необходимо считать, обусловленное первобытнымъ уровнемъ развитія, неумѣнье ихъ производительно помѣщать свой трудъ и, съ наибольшею для себя выгодою, использовать свои реальныя богатства, а также гнетъ постоянной задолженности сельскимъ ростовщикамъ изъ татаръ и богатыхъ башкиръ.

Дѣйствительно, башкиры переживаютъ въ настоящее время весьма серьезные кризисы—нравственный и экономическій; имъ предстоитъ рѣшить трудную дилемму: либо вымереть, либо приспособиться къ новымъ условіямъ борьбы за существованіе, и это тѣмъ болѣе вызываетъ необходимость въ помощи и поддержкѣ ихъ въ дѣлѣ приспособленія и пріобщенія ихъ къ общей культурной жизни русскаго народа, но уже никакъ не упрека въ лѣни и праздности.

Нельзя опускать рукъ, ссылаясь на то, что цѣлый рядъ сдѣланныхъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія попытокъ въ этомъ направленіи не далъ никакихъ осязательныхъ результатовъ, такъ какъ всѣ былыя по-

---

*) Предлагаемые выводы о современномъ положеніи башкирскаго населенія хотя и сдѣланы изъ наблюденій, произведенныхъ по одной Оренбургской губерніи, но они вполнѣ примѣнимы и къ башкирскому населенію другихъ губерній, такъ какъ описываемая губернія населена башкирами въ болѣе значительной степени, чѣмъ другія губерніи, и въ отношеніи эволюціи или упадка башкирскаго благосостоянія ничѣмъ или мало чѣмъ отличается отъ остальныхъ.

пытки грѣшили какъ недостаточнымъ соотвѣтствіемъ съ бытовыми и мѣстными условіями жизни башкиръ, такъ и отсутствіемъ необходимой устойчивости и послѣдовательности.

Начало экономическаго упадка башкиръ должно быть отнесено къ первой половинѣ прошлаго столѣтія, когда были приняты мѣры, чтобы сдѣлать башкиръ осѣдлыми, заставить ихъ заняться земледѣліемъ, сдѣлаться хлѣбопашцами. Эти мѣры круто измѣнили весь строй хозяйственной жизни башкиръ, но, принужденные отказаться отъ прежнихъ своихъ занятій (главнымъ образомъ скотоводства), дававшихъ имъ вполнѣ достаточныя средства къ жизни,—башкиры къ новымъ занятіямъ, связаннымъ съ осѣдлою жизнью, не могли примѣниться, и вполнѣ естественно поэтому, что экономическое благосостояніе ихъ измѣнилось къ худшему и проявило стремленіе къ полному упадку.

Въ послѣднія 25—30 лѣтъ башкиры добывали себѣ средства къ жизни отчасти земледѣліемъ, скотоводствомъ, нѣкоторыми ремеслами, лѣсными промыслами, мелкой торговлей и, главнымъ образомъ, доходами отъ сдачи въ аренду оброчныхъ статей.

Интересно прослѣдить, какъ использовали башкиры за послѣднія 10—20 лѣтъ всѣ перечисленныя доходныя статьи и какъ, соотвѣтственно этому, измѣнилось ихъ экономическое положеніе.

Земледѣліемъ башкиры до сихъ поръ занимаются крайне неохотно и неумѣло, хотя въ послѣднее время и стали сознавать необходимость его и заниматься имъ въ значительно бо̀льшихъ, противъ прошлыхъ лѣтъ, размѣрахъ. Изъ всѣхъ громадныхъ пространствъ вполнѣ годной для хлѣбопашества земли башкиры распахиваютъ сами весьма незначительную часть ея,—около 4—5%; вся же остальная земля или сдается въ аренду, или остается безъ обработки. Изъ общаго числа вспаханной въ 1901 г. земли на одно хозяйство приходилось въ среднемъ около 4 десят.; если же изъ общей массы вспаханной земли исключить посѣвы болѣе зажиточныхъ башкиръ, засѣвающихъ по нѣсколько десятковъ десятинъ, то на долю остальныхъ, т.-е. массы, приходится по ½—1 дес. на домохозяйство. Но встрѣчаются и такія селенія, въ которыхъ изъ 17—20 домохозяевъ занимаются хлѣбопашествомъ всего 2—3 домохозяина, остальные же не имѣютъ для этого ни скота, ни необходимыхъ орудій.

Въ прежнее время башкирами воздѣлывались только овесъ и ячмень, въ настоящее же время они сѣютъ почти все то же, что и русскіе крестьяне, т.-е. пшеницу, овесъ, ячмень и просо.

У башкиръ нѣтъ хорошихъ сѣмянъ, а потому и урожай у нихъ на много ниже крестьянъ; башкиры (исключая болѣе состоятельныхъ) берутъ на сѣмена остатки отъ собственнаго хлѣба, какого бы качества онъ ни былъ. Неудивительно, что и въ лучшіе урожайные годы, когда въ русскихъ селеніяхъ собирали пшеницы 120—150 пуд. съ десятины, башкиры рядомъ получали лишь 35—40 пуд. съ десятины. Такому печальному явленію много способствуетъ и до-нельзя плохая обработка земли: въ то

время какъ въ русскихъ селеніяхъ земледѣльческія орудія насчитываютъ десятками, у башкиръ и до сего времени въ ходу лишь старинныя сохи и деревянныя бороны.

При такой обработкѣ вполнѣ понятны неудовлетворительные урожаи у башкиръ даже въ лучшіе годы и неудивительно поэтому, что башкиры средняго достатка, даже при сравнительно хорошемъ урожаѣ, никогда не хватаетъ своего хлѣба до новаго урожая и рѣдко—до зимы; для него наступаетъ полуголодная, нищенская жизнь: питается кое-чѣмъ, кое-какъ и кое-когда, да при томъ залѣзая въ неоплатные долги сельскимъ ростовщикамъ и кулакамъ.

Такъ какъ доходы башкиръ въ общемъ весьма незначительны, то, при необходимости пріобрѣтать недостающую для прокормленія часть хлѣба покупкой, отъ стоимости его зависитъ возможность пріобрѣсть хлѣба въ необходимомъ количествѣ,—поэтому такія бѣдствія, какъ неурожаи 1891 и 1891 гг., недородъ 1897 г. и связанная съ ними значительная дороговизна хлѣба, при всей неприхотливости и выносливости башкиръ, въ нѣкоторой степени подрываютъ ихъ хозяйства.

Но описанное отношеніе башкиръ къ земледѣлію нельзя объяснить ихъ лѣнью или неспособностью: мы видимъ много башкиръ, цѣлыми семьями нанимающихся на разныя полевыя работы, причемъ они слывутъ за весьма аккуратныхъ и трудолюбивыхъ работниковъ. Свои долги кулакамъ и ростовщикамъ они погашаютъ такими же работами, свою же собственную землю обрабатываютъ неохотно и неумѣло. Трудно, конечно, объяснить это очевидное противорѣчіе, если не принять во вниманіе натуру башкира—недавняго кочевника, сложившіяся вѣками привычки его и цѣлый рядъ недостатковъ тѣхъ мѣръ, которыя принимались съ цѣлью сдѣлать башкира хлѣбопашцемъ.

Въ теченіе почти шести десятковъ лѣтъ продолжалась эта работа безъ необходимой послѣдовательности и безъ умѣлой распорядительности. Подъ кнутомъ кантонныхъ начальниковъ башкиры и сѣяли, и огородничали,—однимъ словомъ, безпрекословно исполняли все то, что считали необходимымъ кантонные начальники, стремившіеся насильно втиснуть башкиръ въ казенныя рамки условій жизни осѣдлаго жителя; суровость режима кантонныхъ начальниковъ, по справедливому мнѣнію многихъ, близко ознакомившихся съ исторіей башкиръ и ихъ современнымъ бытомъ,—развили у громаднаго большинства башкиръ лишь отвращеніе къ земледѣльческому труду, за который они и до настоящаго времени принимаются лишь въ случаяхъ крайней необходимости, а часто подъ давленіемъ своихъ кредиторовъ.

Близкій примѣръ сосѣдей, русскихъ крестьянъ, не остается, конечно, безъ вліянія на башкиръ; вліяніе это ускорилось и упрочилось бы, если бы, въ видѣ помощи, имъ дали опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ руководителей, выдавали ссуды земледѣльческими орудіями, сѣменами и рабочей скотиной; но такъ какъ такой помощи башкиры не получаютъ и не

времени, то земледѣліе у нихъ туго развивается и продолжаетъ оставаться для нихъ трудомъ непривычнымъ и тяжелымъ; усиленно избѣгая его, они прибѣгаютъ къ болѣе легкимъ способамъ добыванія средствъ къ жизни, о чемъ будетъ сказано ниже.

Такое плачевное состояніе земледѣлія у башкиръ находится въ тѣсной связи и съ измѣненіями въ состояніи ихъ скотоводства за послѣднія 20 лѣтъ. Въ прежнее время эта отрасль хозяйства являлась главнымъ занятіемъ башкиръ: стада разнаго рода скота составляли тогда все ихъ богатство, а развитію скотоводства способствовали обширныя пространства степей и луговъ, по которымъ башкиры свободно могли перегонять свои стада съ мѣста на мѣсто. Съ прикрѣпленіемъ башкиръ къ землѣ и съ лишеніемъ ихъ права выходить на лѣтнія кочевки, размѣры скотоводства начинаютъ замѣтно сокращаться, а съ отчужденіемъ значительной части башкирской земли въ постороннія руки, оно пришло въ полный упадокъ, въ которомъ находится и въ настоящее время: отъ прежнихъ обширныхъ башкирскихъ пастбищъ, отъ громадныхъ табуновъ лошадей и стадъ всякой скотины остались лишь одни воспоминанія; въ настоящее время башкиръ, имѣющій 20—30 лошадей, считается богачомъ, а такихъ очень немного.

Возьмемъ, для примѣра, данныя 1901 года по тремъ башкирскимъ волостямъ съ населеніемъ въ 20,800 душъ обоего пола; въ этихъ волостяхъ на 4,283 двора было 61,090 головъ скота, изъ коихъ лошадей 13,940, крупнаго рогатаго скота—16,590 и мелкаго 30,560; такимъ образомъ, въ среднемъ, на одинъ дворъ приходится по 3,2 лошади, 3,8 крупнаго скота и 7,1 мелкаго скота; но дѣйствительность даетъ значительныя отступленія отъ указаннаго средняго: есть владѣльцы табуновъ въ 20—30 и болѣе лошадей, но безлошадные хозяева—явленіе, встрѣчающееся въ послѣднее время значительно чаще.

Причину упадка скотоводства у башкиръ, помимо уменьшенія площади луговъ и земли вообще, слѣдуетъ отнести и къ опустошеніямъ, производимымъ среди башкирскаго скота безкормицей голодныхъ годовъ, плохому уходу за скотомъ и къ малопитательности и недостатку корма.

Башкиры вообще мало занимаются сѣнокошеніемъ и о заготовкѣ сѣна на зиму мало заботятся, хотя это они и могли бы дѣлать на своихъ все еще обширныхъ лугахъ. Лишь съ незначительной части этихъ луговъ они скашиваютъ траву, остальную же часть оставляютъ нетронутой; ею, какъ подножнымъ кормомъ, пользуется скотина въ теченіе почти круглаго года. При такихъ условіяхъ обезпеченность скота кормомъ находится въ полной зависимости отъ состоянія травъ лѣтомъ, отъ того, на какую землю—сырую или сухую—палъ снѣгъ, отъ толщины снѣгового покрова и отъ многихъ другихъ причинъ, почему башкирскій скотъ подвергается всякаго рода случайностямъ, сопряженнымъ съ весьма ощутительными послѣдствіями: засуха, раннее наступленіе зимы, гололедица, значительная толщина снѣгового покрова,—все это лишаетъ скотину необходимаго корма, и она гибнетъ съ голоду. Засуха 1891 года лишила башкиръ массы скота: убыль

его въ нѣкоторыхъ волостяхъ простиралась до 30 и даже до 80%. Можно положительно сказать, что падежъ скота въ 1891 году въ корень подорвалъ скотоводство башкиръ.

Хотя башкиры, наученные горькимъ опытомъ, въ послѣдніе годы стали обращать нѣсколько болѣе вниманія на свой скотъ и посильно заготовлять для него на всякій случай сѣно, но такъ какъ скотоводство у башкиръ подрывается, кромѣ того, и постоянно дѣйствующими причинами, какъ-то: небрежнымъ и плохимъ выкармливаніемъ жеребятъ, употребленіемъ на тяжелыя работы молодой, неокрѣпшей скотины, частыми эпизоотіями и т. п., то трудно надѣяться, чтобы скотоводство въ близкомъ будущемъ вновь стало для башкиръ источникомъ доходовъ, въ настоящее же время оно имѣетъ еще нѣкоторое значеніе въ узкихъ рамкахъ удовлетворенія домашнихъ потребностей башкирской семьи, такъ какъ даетъ рабочую силу, кумысъ, молоко, мясо, шерсть и т. д., безъ чего было бы почти немыслимо существованіе этой семьи.

Кромѣ скотоводства, въ былыя времена башкиры занимались пчеловодствомъ, разнаго рода лѣсными промыслами, какъ-то: выдѣлкой рогожъ, лыка, мочалы, мочальной конской сбруи, гонкой дегтя и т. п. Но все это было въ то время, когда у башкиръ существовали еще богатые лѣса, но лѣсами этими башкиры хищнически распоряжались, отдавали ихъ за безцѣнокъ въ руки хищниковъ-арендаторовъ, которые большую часть истребили въ теченіе 15—20 лѣтъ. Перечисленные выше промыслы сохранились лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, коихъ еще не коснулась рука хищника-арендатора, но и тамъ, вслѣдствіе неравномѣрнаго пользованія лѣсами (эксплоатируютъ лѣсъ преимущественно тѣ изъ богатыхъ лошадьми башкиръ, которые живутъ ближе къ лѣсамъ), многіе изъ башкиръ лишены возможности заниматься этими промыслами въ должной мѣрѣ.

Интересенъ самъ по себѣ и способъ полученія башкирами дохода отъ уцѣлѣвшихъ лѣсовъ, а также формы и условія лѣсопользованія. Сами башкиры лѣсъ не эксплоатируютъ, а сдаютъ его для вырубки разнымъ лицамъ по невѣроятно дешевой цѣнѣ: по 7 коп. за бревно всякой длины и толщины. Чтобы судить о томъ, до чего разорительны для башкиръ такого рода сдѣлки, слѣдуетъ указать на сосѣдніе лѣса, принадлежащіе частнымъ владѣльцамъ. Послѣдними лѣсъ продается тѣмъ же лицамъ, которыя арендуютъ и башкирскіе лѣса, но по цѣнѣ отъ 15 до 40 коп. *за* бревно, смотря по толщинѣ дерева, т.-е. каждое бревно обходится въ 75—40 коп. Продавая такой же лѣсъ по 7 к. за бревно, башкиры получаютъ, такимъ образомъ въ 12—69 разъ меньше, чѣмъ ихъ сосѣди—частные владѣльцы. Слѣдуетъ считать великимъ благомъ для башкиръ выговариваемое въ арендныхъ контрактахъ условіе, по которому арендаторы башкирскихъ лѣсовъ обязаны допускать ко всякимъ работамъ по вырубкѣ, перевозкѣ и по сплаву лѣса однихъ лишь башкиръ, у которыхъ лѣсъ арендованъ, и хотя за работу башкиръ цѣнится обыкновенно дешевле, хотя съ ними и расплачиваются большею частію всякаго рода товарами, за которые выставляютъ

роятныя цѣны,—но все же эти работы, продолжающіяся всю зиму и въ началѣ весны, даютъ башкирамъ значительный заработокъ.

Остается указать еще на одинъ источникъ башкирскихъ доходовъ—это сдача въ аренду и продажа на вѣчность оброчныхъ статей. Этотъ способъ добыванія средствъ впервые сталъ практиковаться у башкиръ лѣтъ 70 тому назадъ, если не считать отдѣльныхъ случаевъ захвата и покупки башкирскихъ земель,—случаевъ, имѣвшихъ мѣсто ранѣе. Невѣжество и бѣдность башкиръ послужили весьма благопріятною почвою для разнаго рода злоупотребленій со стороны различныхъ ловкихъ скупщиковъ; обыкновенно нужда, вызванная дороговизной хлѣба въ неурожайные годы, гнала въ ихъ лапы башкиръ, которые за получаемый въ долгъ хлѣбъ, мясо и разные товары, оцѣненные втридорога, отдавали своимъ «благодѣтелямъ» безъ разбора лучшія изъ своихъ оброчныхъ статей.

Выгодныя аферы этихъ лицъ съ башкирами привлекли впослѣдствіи массу другихъ спекуляторовъ, и дѣло отчужденія башкирскихъ земель пошло съ тѣхъ поръ быстрыми шагами. До чего эти спекуляціи съ башкирскими землями были разорительны для башкиръ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ: за 10 лѣтъ въ одной башкирской мѣстности было сдано въ аренду: въ 1885 г. 4,050 десят., по 8—28 к. за десятину, на сумму 543 р. 60 коп.; въ 1886 г.—5,084 десят., по $5^1/_2$—$7^1/_2$ коп. за десятину, на 306 руб.; въ 1887 г.—1,827 десят., по 5,4—21,3 коп. за десятину, на 158 руб. 60 коп.; въ 1888 г.—1,968 десят., по 5—20 к. за десятину, на 269 руб. 40 коп.; въ 1889 г.—18,297 десят., по 1,9—35 коп. за десятину, на 1,608 руб. 40 к.; въ 1890 г.—28,053 дес., по $1^1/_2$—30 к. за десятину, на 1,966 р. 20 к.; въ 1891 г.—32,943 дес., по 1—20 к. за десятину, на 3,017 руб. 60 коп.; въ 1892 г.—25,116 десятинъ, 1,3—20 коп. за десятину, па 1,362 р. 10 к.; въ 1893 г.—13,419 дес., по 2—25 коп. за десятину, на 720 р. 70 к., а въ 1894 г.—7,557 дес., по 2,6—35 коп. за десятину, на 877 руб. Такимъ образомъ въ теченіе 10 лѣтъ башкирами было сдано въ аренду 138,314 десят. богатой черноземомъ земли, за которую они получали всего по 10,829 руб. 60 коп. въ годъ, т.-е. по 7,8 коп. съ десятины. Нужно замѣтить, что выгодами подобной дешевизны земли очень рѣдко пользовались дѣйствительно нуждающіеся въ землѣ крестьяне-переселенцы непосредственно, въ большинствѣ же случаевъ эта выгода выпадала на долю скупщиковъ башкирской земли, которые ту же землю сдавали переселенцамъ по 80 коп., 1 руб. и 1 руб. 50 коп. въ годъ, наживая такимъ образомъ громадные барыши.

Въ послѣднія десять лѣтъ появился новый типъ скупщиковъ башкирской земли, это—самозванные «довѣренные (ходоки) крестьянъ-переселенцевъ». При помощи обыкновенныхъ при сдѣлкахъ съ башкирами подкуповъ, «темныхъ» и угощеній, они получали отъ башкиръ общественные приговоры о продажѣ имъ «съ товарищи» участковъ земли; цѣны при этомъ минимальныя. «Товарищи» ихъ существовали лишь какъ фикція и лишь

впослѣдствіи набирались изъ крестьянъ, соглашавшихся уплатить за купленную землю этому самозванцу въ 10—20 и даже 50 разъ дороже.

Въ послѣднія же десять лѣтъ усилилось переселеніе крестьянъ изъ внутреннихъ губерній; увеличился и спросъ на землю, а это вызвало и свою очередь и конкуренцію, которою, при правильномъ отношеніи администраціи, легко можно было воспользоваться какъ въ интересахъ башкиръ, такъ и въ интересахъ переселенцевъ, обыкновенно эксплоатируемыхъ спеціалистами-скупщиками; однако, по странной и печальной случайности, конкуренцію эту использовали тѣ же спеціалисты-скупщики, разоряя и башкиръ, и обогащаясь на счетъ переселенцевъ.

Упомянутый наплывъ переселенцевъ поднялъ повсемѣстно цѣны на земли частныхъ владѣльцевъ; въ послѣднія 4—5 лѣтъ землевладѣльцы сдавали свою землю въ аренду по 1 р. 50 к., 2 руб., 2 руб. 50 коп. за десятину и продавали въ вѣчность по 20—25 и 30 рублей за десятину, башкирская же земля попрежнему отчуждалась за безцѣнокъ.

Съ введеніемъ въ 1894 году института земскихъ начальниковъ дѣло это улучшилось лишь наружно: арендная цѣна десятины повысилась до 40 коп., а въ рѣдкихъ случаяхъ и больше; продажная цѣна десятины въ первые годы повысилась до 4 и 6 руб. за десятину, но если принять во вниманіе цѣны, по которымъ частные землевладѣльцы въ то же время продавали свою землю, а также и тѣ цѣны, по которымъ перепродавали ее скупщики башкирскихъ земель, то окажется, что повышеніе, благодаря земскимъ начальникамъ, цѣнъ на башкирскую землю лишь относительно выгодно для башкиръ: 40-копеечная арендная плата за десятину мало разнится отъ 5 или 7-копеечныхъ арендъ прежнихъ лѣтъ, потому что при существующихъ тогда продажныхъ цѣнахъ (1 р. 50 к., 2 р. за десятину) арендная цѣна составляла 3%, въ то время какъ 40 копеекъ аренды, при продажной цѣнѣ въ 20—25 руб., составляютъ всего лишь 2%. Выгодность земельныхъ сдѣлокъ послѣднихъ лѣтъ умаляется еще и повышеніемъ цѣнъ на предметы первой необходимости, наприм., пшеница повысилась съ 35—40 коп. до 75—80 коп. за пудъ.

Изданныя въ послѣдніе годы, въ цѣляхъ упорядоченія дѣла отчужденія башкирскихъ земель, разныя законоположенія, ограничившія кругъ лицъ, имѣющихъ право покупать башкирскую землю и уменьшившія размѣръ единовременныхъ покупокъ, окажутъ свое благодѣтельное вліяніе уже тѣмъ, что прекратятъ разнузданную спекуляцію съ башкирской землей, что въ свою очередь нѣсколько замедлитъ форсированное за послѣднія 10 лѣтъ отчужденіе ея, и покупателями башкирской земли явятся дѣйствительно нуждающіеся въ землѣ переселенцы, а не оптовые скупщики. Это вліяніе вновь введенныхъ ограничительныхъ законовъ, можетъ быть, дѣло и близкаго будущаго, но пока отчужденіе башкирами своей земли по крайне низшевымъ цѣнамъ усиленно продолжается, а вмѣстѣ съ этимъ продолжается и постепенное разореніе башкиръ.

Да и трудно было бы для самихъ башкиръ отказаться въ на-

ремя отъ легкаго способа удовлетворять, хотя временно, свои насущныя отребности. Поддаваясь соблазну, башкиры, мало заботясь о послѣдствіяхъ, родолжаютъ сбывать, хотя бы и за безцѣнокъ, свои земли, охотно покуаемыя крестьянами. Слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что для башкиръ заманчива и соблазнительна собственно процедура предварительныхъ йствій, сопровождающихъ полученіе покупателемъ отъ башкиръ приго-ора на продажу земли и заключающихся въ угощеніяхъ, выпивкахъ, въ олученіи отъ покупателя «темныхъ». До чего сильно вкоренилась въ башкирахъ страсть продавать свои земли, видно изъ того, что жители нѣкоорыхъ деревень успѣли продать почти всю землю своего сверхъ-душевого дѣла, отъ котораго остались лишь совершенно неудобные куски. А такъ къ по закону землю душевого надѣла башкиры не въ правѣ продавать, удобная земля душевого надѣла обмѣнивается ими на остатки неудобй земли сверхдушевого надѣла и всетаки продается; въ такихъ случаяхъ шкиры лишаютъ себя уже послѣдней крупицы своего былого богатства. сьма часты также случаи вторичной продажи одной и той же земли вымъ покупателямъ; это бываетъ тогда, когда приговоръ, выданный шкирами первымъ покупателямъ, еще не утвержденъ губернскимъ присствіемъ.

Такъ, года три тому назадъ С—ское товарищество, купившее лѣтъ 10 му назадъ землю у одного частнаго владѣльца по 22 руб. за десятину, лучило отъ башкиръ одной деревни приговоръ на продажу ихъ земли 1 руб. 50 коп. за десятину; но на ту же землю башкиры отдали другой общественный приговоръ З—скому товариществу, купившему у нихъ лю по 6 руб. за десятину. И странно было слышать на сходѣ, при овѣркѣ обоихъ приговоровъ земскимъ начальникомъ, крики десятковъ шкиръ: «Не надо 6 руб. Хотимъ продать по 1 руб. 50 коп.».

Въ подобныхъ крикахъ кроется одна изъ главныхъ причинъ, создающихъ преобладающее большинство разорительныхъ для башкиръ земельныхъ сдѣлокъ. Сила эта—такъ называемыя «темныя», т.-е. тѣ деньги, орыя покупатель раздаетъ въ видѣ взятокъ первымъ крикунамъ и заводиламъ на сельскихъ сходахъ, на коихъ, подъ давленіемъ этихъ крикуновъ, и создается большинство, согласное подписать любой приговоръ о продажѣ любой земли и по любой цѣнѣ; менѣе вліятельнымъ членамъ общества, по необходимости подчинившимся рѣшенію большинства, выдаютъ что-что изъ общей суммы «темныхъ» въ моментъ приложенія ими къ приговору «тамги» (подписи).

Благодаря установившемуся обычаю раздавать «темныя» при заключеніи сдѣлокъ съ башкирами, у многихъ лицъ мѣстной администраціи слагалось убѣжденіе, что арендная или продажная цѣна только на первый взглядъ кажется низкой, что въ дѣйствительности эту цѣну значительно превышаютъ частныя угощенія хозяевъ земли со стороны покупателей или посредниковъ, всяческіе подарки и подачки и, наконецъ, разныя приплаты, хотя и выговоренныя предварительно, но не упоминаемыя въ приго-

ворахъ. Справедливость этого мнѣнія, однако, не подтверждается: «тем-ныя»—это дѣйствительно неофиціальная приплата къ цѣнѣ, значащейся въ приговорѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ приплата эта превышаетъ дан-сумму, выговоренную по приговору, но если сосчитать, что изъ всей суммы «темныхъ» половина остается въ карманахъ лицъ, раздающихъ эти «тем-ныя», что бо́льшая часть другой половины ихъ раздается главнымъ за-правиламъ и крикунамъ на сходахъ, то окажется, что на долю собственно «хозяевъ земли» останется часть, весьма мало увеличивающая выгодность заключаемой сдѣлки.

А между тѣмъ сколько зла причинили башкирамъ эти «темныя», сколь-случаевъ огульнаго разоренія цѣлыхъ деревень лежатъ на совѣсти полу-чавшихъ и раздававшихъ темныя!

Благодаря «темнымъ», арендаторы почти всегда захватывали земли значительно больше, чѣмъ было выговорено по условію, пользовались лѣсомъ, который по условію они не въ правѣ были вырубать, и пастбища для скота около своихъ участковъ, а если по условію получали пра-пользоваться «для своихъ надобностей» и лѣсомъ, то вырубали его дот-Благодаря «темнымъ», арендаторы и покупщики получали приговоры, в которыхъ размѣръ земли опредѣлялся словомъ «окражка», что, при нез-нія башкирами границъ собственныхъ владѣній, давало контрагентамъ во-возможность захватывать столько земли, сколько они въ силахъ бы-удержать. Благодаря «темнымъ», получаемыхъ башкирскими заправила-въ настоящее время нерѣдки случаи владѣнія башкирской землей без-приговоровъ башкиръ и безъ всякаго вознагражденія башкирскихъ об-ществъ.

Допустимы ли такіе случаи—другой вопросъ, но есть нѣсколько хут-ровъ, осѣвшихъ довольно давно на башкирской землѣ на приведенны-условіяхъ, вѣрнѣе—безъ всякихъ условій.

Такимъ же образомъ въ послѣднія 20 лѣтъ громадныя пространст-башкирской земли перешли въ собственность посторонникъ лицъ, не да-башкирамъ ничего, кромѣ бѣдности; значительная часть ихъ земли на-дится въ арендѣ у разныхъ лицъ, принося самимъ башкирамъ ничтожны-сомнительные доходы. Такое отношеніе башкиръ къ своему достоян-нельзя, конечно, не признать преступно-легкомысленнымъ, но его нель-приписывать и исключительно недостаткамъ характера башкиръ: вызва-оно весьма серьезными и сложными причинами.

Какъ видно изъ вышесказаннаго, башкиры прибѣгли къ продажѣ отдачѣ въ аренду своихъ земель, какъ къ способу добыванія средствъ жизни, вслѣдствіе непривычки добывать эти средства земледѣльческ-трудомъ, а также вслѣдствіе упадка скотоводства и другихъ промысло-Если же случаи продажи земли съ теченіемъ времени стали прогресси-учащаться, не только не принося башкирамъ никакой выгоды, а, наоб-ротъ, разоряя ихъ, то причины тому, вѣроятнѣе всего, кроются въ сл-дующемъ: 1) въ эксплоатаціи башкиръ богатыми, а потому и в-

ными ихъ односельчанами, продававшими своего же меньшого брата за нѣсколько десятковъ рублей «темныхъ»; 2) въ потворствѣ этому со стороны башкирской волостной и сельской администраціи; 3) въ постоянной нуждѣ башкиръ, которой ловко пользовались ихъ сосѣди; въ невѣжествѣ башкиръ и совершенной неподготовленности ихъ къ борьбѣ съ болѣе культурными эксплоататорами; 4) въ покровительствѣ со стороны администраціи «бѣднымъ переселенцамъ», каковою кличкою прикрывали свои эксплоататорскіе порывы различные лже-довѣренные и лже-ходоки, обогащавшіеся и на счетъ башкиръ, и на счетъ дѣйствительныхъ переселенцевъ, и 5) тѣ пріемы и средства опутыванія башкиръ (спаиваніе, подкупъ и пр.), которые составляютъ главную суть всей процедуры «кортомленія» башкирскихъ земель.

Усиленныя и разорительныя продажи земли въ послѣднія 15 лѣтъ пагубно повліяли не только на экономическій бытъ башкиръ, но и на нравственность ихъ: въ послѣднее время среди башкиръ замѣтно развиваются пьянство, нищенство, конокрадство, сутяжничество, лѣнь, безпечность и воровatость.

Приведенный обзоръ источниковъ дохода башкиръ доказываетъ, что экономическое ихъ состояніе за послѣднія 15 лѣтъ значительно пошатнулось и что башкиры близки къ окончательному разоренію: скотоводство ихъ въ упадкѣ, земледѣліе мало развито и мало обезпечиваетъ ихъ хлѣбомъ, занятіе ремеслами, благодаря уничтоженію лѣсовъ, почти прекратилось, доходы съ оброчныхъ статей сравнительно ничтожны и лишь заработки въ чужихъ хозяйствахъ и другія случайности продолжаютъ поддерживать печальное существованіе башкиръ.

Для предупрежденія необходимости считаться впослѣдствіи съ десятками тысячъ обездоленныхъ и голодныхъ башкиръ, весьма необходимо что-либо предпринять для удержанія нѣкоторой части удобной башкирской земли для самихъ башкиръ, такъ какъ они приступаютъ уже къ продажѣ земель своего душевого надѣла. Необходимо также предпринять что-либо для пріученія башкиръ къ умѣлому пользованію землею.

Я.

Аббатъ Фелиситэ де-Ламеннэ и его новый біографъ.

(1854—1904 гг.)

I.

27 февраля 1854 года послѣ нѣсколькихъ лѣтъ физическихъ страданій, моральныхъ обидъ, матеріальной нужды, въ Парижѣ испыталъ «счастливую минуту», т.-е. отошелъ въ вѣчность, аббатъ Фелиситэ де-Ламеннэ; онъ умеръ «въ окончательномъ нераскаяніи, послѣ того какъ двадцать лѣтъ былъ не вѣренъ религіи, которую нѣкогда онъ такъ краснорѣчиво защищалъ...» Умиравшій аббатъ, который, по словамъ католическаго проповѣдника, «такъ много содѣйствовалъ возрожденію религіознаго чувства во Франціи», успѣлъ оставить письменное выраженіе своей послѣдней воли, что хочетъ быть погребеннымъ среди бѣдныхъ и какъ бѣдные, что тѣло должно быть перенесено прямо на кладбище, а отнюдь не вносимо въ церковь, что всякій памятникъ долженъ отсутствовать на его могилѣ. Послѣдняя воля была исполнена въ точности: гробъ съ тѣломъ опустили въ «общую яму», гдѣ хоронятъ бѣдняковъ, въ полномъ безмолвіи, надъ могилой не было произнесено никакихъ рѣчей и не поставлено даже креста. «Какая смерть,—писалъ одинъ современникъ,—ни одна въ исторіи церкви не оставляетъ во мнѣ такого тягостнаго впечатлѣнія, даже смерть Арія; онъ, по крайней мѣрѣ, не писалъ завѣщанія своихъ похоронъ. Это забвеніе, этотъ гробъ нищаго, эта общая яма, на которой нѣтъ никакого знака, это всеобщее молчаніе надъ могилой, которой, казалось, суждено быть славной, все это встаетъ передо мною, какъ видѣніе, которое меня преслѣдуетъ». Да, видѣніямъ и страхамъ конца не было на могилѣ Ламеннэ, этого послѣдняго нищаго, впавшаго въ объятія «общей ямы». Если тѣмъ не менѣе видѣнія и страхи чудились кому-либо, то исключительно тогдашнимъ деспотіямъ. Деспотія папы Пія IX, послѣ тщетныхъ усилій во что бы то ни стало вернуть въ свое ортодоксальное лоно этого «іересіарха безъ сектантовъ», этого величайшаго друга религіи, чувствовала себя сконфуженной передъ непреклонной волей бывшаго аббата, побѣдившаго. «Всеобщее согласіе, какъ принципъ достовѣрности»

человѣческое, а не индивидуальное, ультрамонтанская доктрина, а не галликанство были положены въ основаніе новѣйшаго католицизма, когда ватиканскій соборъ провозгласилъ догматъ папской непогрѣшимости въ моментъ паденія свѣтской власти папъ и занятія Рима войсками Виктора Эммануила. «Пій IX,—пишетъ современникъ,—только собралъ плоды дѣятельности Ламеннэ; 18 іюля 1870 года школа Ламеннэ одержала побѣду надъ церковью». «Ватиканскій узникъ» съ санкціей непогрѣшимости, весь этотъ «культъ ватиканскаго идола», какъ въ тяжелую минуту выразился Монталамберъ, опять охватившіе на нѣкоторое время низы европейскаго общества, обусловлены проповѣдью Ламеннэ, какъ «крупнаго выразителя» католицизма XIX вѣка, но вовсе не были выполненіемъ его религіозныхъ идеаловъ и развивавшихся съ ними неразлучно общественныхъ и политическихъ началъ. Опасаться на могилѣ Ламеннэ антирелигіозной демонстраціи было нечего; хотя горячо и вполнѣ искренно онъ подалъ руку либераламъ, но для послѣднихъ онъ былъ цѣненъ не корнями, вдвигавшими его вглубь средневѣковья, а тѣмъ, что такъ выразительно и страстно роднило его съ прогрессивными теченіями XIX вѣка. Свѣжая могила борца за абсолютную свободу, всеобщее равенство и широкія права народа во всемъ его цѣломъ могла призвать сюда поклонниковъ республиканскаго строя въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ и выраженіяхъ; здѣсь могла бы произойти демонстрація республиканская,—вотъ отчего деспотія Наполеона III спѣшила принять суровыя полицейскія мѣры, не пустивъ никого на кладбище, за исключеніемъ ограниченнаго круга ближайшихъ лицъ. Самъ Ламеннэ не могъ представлять какой-либо опасности для свѣтской деспотіи: онъ не былъ ни демагогомъ, ни вліятельнымъ ораторомъ, онъ ненавидѣлъ насиліе, противъ чего бы оно ни направлялось, не былъ главаремъ сильной партіи или школы, насчитывающей тысячи ярко окрашенныхъ приверженцевъ. Правда, говорятъ о менезіенской школѣ и ея судьбахъ, но «ядъ менезіенской ереси»—ядъ абстрактный. «Многочисленные послѣдователи католической церкви, писавшіе противъ Ламеннэ,—говоритъ біографъ послѣдняго,—охотно указывали, какъ онъ, защитникъ универсальнаго авторитета человѣческаго рода, самъ въ концѣ-концовъ остался одинокимъ». Такъ было въ сферѣ церковной, не иначе въ свѣтской. И не правильнѣе ли было бы сказать, что по существу Ламеннэ всегда былъ одинокимъ и живо чувствовалъ это одиночество? Въ письмѣ его къ брату отъ 30 апрѣля 1814 г., читаемъ, напримѣръ, такія строки: «Мнѣ необходимъ кто-нибудь, кто бы меня направлялъ, кто бы меня поддерживалъ, ободрялъ; к о-нибудь, кто зналъ бы меня и кому я могъ бы говорить все рѣшит льно». Бѣда, если бы вздумалось кому понять эту фразу буквально. Его м сль осталась чуждой вліянію окружающихъ лицъ, и біографъ Ламеннэ п ъ, когда опорочиваетъ тенденцію католическихъ историковъ смягчить ф тъ отпаденія Ламеннэ отъ католической церкви тѣмъ, что будто бы « а него оказывали давленіе люди, желавшіе отнять у католической церкви е. еликаго апологета». «Такихъ смягчающихъ обстоятельствъ,—ядовито

прибавляетъ русскій біографъ,—по нашему мнѣнію, Ламеннэ не заслуживаетъ».

Эта отдѣльность Ламеннэ отъ непосредственно его окружающихъ—крупный фактъ его біографіи, которымъ необходимо воспользоваться; онъ—ключъ къ объясненію цѣлаго ряда особенностей психологической природы Ламеннэ. У него была органическая неспособность жить въ унисонъ съ окружающими, онъ чуждъ былъ переживанія съ толпой однихъ и тѣхъ же впечатлѣній, его личность, стоявшая всегда въ сторонкѣ, чувствовала лишь «безконечность и присутствіе Божества». Понятно, что для простыхъ смертныхъ ни въ немъ, ни около него не было мѣста. Въ дѣтствѣ смотритъ Фелиситэ на могучія морскія волны въ бурю, смотритъ онъ на нихъ и на толпу, а въ душѣ такъ и вертится восклицаніе: «они смотрятъ на то, на что я смотрю, но они не видятъ того, что я вижу». Католическіе писатели, часто весьма тонкіе психологи, подмѣтили эту особенность и съ легкой руки самого Ламеннэ окрестили ее не для всѣхъ одинаково страннымъ словомъ гордость. Эта гордость—черта поэтической натуры. Ламеннэ былъ богато одаренъ гаммой разнообразныхъ чувствъ, жаромъ вдохновеннаго увлеченія и религіозной восторженностью, не знающей удержу и не могущей умѣститься ни въ какія рамки церковной дѣйствительности. Глубокій и искренній религіозный восторгъ всегда шире любой организаціи или, точнѣе, онъ никогда не можетъ разыграться строго въ ея предѣлахъ, ибо всякая организація всегда будетъ узкой, мелочной, даже оскорбительной для этого пылкаго подъема души, сливающейся съ ощущеніемъ Божества. Я—не вы, быть можетъ, постоянно сквозитъ у Ламеннэ, но это не есть холодная притязательность на пьедесталъ, какъ это бываетъ у однихъ, или попытка прикрыть уколы не въ мѣру и не по заслугамъ разыгравшагося самолюбія—у другихъ. Поэтическія искры богато разсыпаны у Ламеннэ и въ его перепискѣ, и въ «Affaires de Rome», лучшемъ изъ его сочиненій, по мнѣнію русскаго біографа, и въ «Paroles d'un croyant», наконецъ, въ той части «Esquisse d'une philosophie», которая посвящена искусству. Поэтическая струна натуры Ламеннэ даетъ такое чарующее колебаніе, что его ученый біографъ, бросая анализъ, соскальзываетъ съ научныхъ подмостковъ и начинаетъ выписывать цѣлый рядъ страницъ изъ произведеній автора, навсегда похоронившаго возможность соединенія религіи и науки и вмѣстѣ скомпрометировавшаго идею искусства для искусства, искусства an und für sich. По Ламеннэ, высшей формой искусства является поэзія, которую нельзя ограничивать лишь областью риѳмованнаго слога: она широка, какъ человѣческая рѣчь. Полетамъ фантазіи Ламеннэ не могла мѣшать школьная выправка, онъ былъ вовсе лишенъ послѣдней; онъ много читалъ и многому выучился, но строгая система и безпощадный раціонализмъ не могли завоевать его, что и отразилось въ послѣднемъ томѣ его «Esquisse d'une philosophie». Онъ говоритъ здѣсь о развитіи науки,—тема, для которой у него не имѣлось въ распоряженіи ровно никакихъ серьезныхъ данныхъ. Томъ вышелъ неимѣющимъ

интереса... и намъ интереснѣе отмѣтить, что передъ смертью Ламеннэ заканчивалъ введеніе къ переводу «Божественной комедіи» Данте. Одиночество, отдѣльность Ламеннэ и сопровождающая ее добросовѣстная, если такъ можно сказать, гордость рѣзко выдѣляются на фонѣ его разнообразныхъ стремленій къ универсальнымъ понятіямъ. Универсализмъ Ламеннэ столь же безконеченъ, сколь безкопечна сущность Божества, наполнявшаго цѣликомъ его лирическую душу. Тотъ же фонъ универсализма религіознаго, политическаго, общественнаго, какого хотите, оттѣняетъ и другую черту его индивидуальности, его личный пессимизмъ, способность постоянно тяготиться своимъ *я*. Школьная подготовка не дала его уму надлежащей дисциплины, горячее и благородное чувство рвало всѣ намеки на дисциплину и облегчило разрывъ съ суровой католической іерархіей и самимъ папствомъ. Его міросозерцаніе, постепенно отрывавшееся отъ средневѣковыхъ традицій и въ то же время никогда не вдвинувшее его въ водоворотъ новой европейской мысли, дѣйствительно, не оставляло ему на землѣ опредѣленнаго мѣста и положенія, не могло поставить на опредѣленную дорогу и создать ту «радость жизни», которая отмѣчаетъ общественныхъ борцовъ съ ясно поставленными цѣлями, опредѣленными средствами и живою связью съ современниками и съ современностью. Пессимизмъ Ламеннэ, конечно, мало похожъ на тотъ, которымъ страдаютъ люди, перебравшіеся въ XX вѣкъ; его душа такъ переполнена религіозной вѣрой, что никакая человѣческая дѣйствительность не могла бы его удовлетворить, ибо запросы этой вѣры не знаютъ никакихъ границъ. Въ письмѣ отъ 15 іюня 1829 года, сообщая г-жѣ Зенфтъ о смерти своего дяди, среди серіи политическихъ размышленій, Ламеннэ пишетъ: «Все уходитъ, все проходитъ, все умираетъ! Beati, qui in domino moriuntur! Я никогда не понималъ, а сейчасъ понимаю меньше, чѣмъ когда-нибудь, какъ люди могутъ привязываться къ этой жалкой жизни, гдѣ имъ, по словамъ Тертулліана, ничего не остается дѣлать, какъ выйти изъ нея какъ можно скорѣе». Чѣмъ больше вамъ удастся наблюсти у Ламеннэ этихъ проблесковъ личнаго пессимизма, несмотря на отличавшую его бодрость духа въ общемъ и способность при проблескахъ зари быстро воспламеняться, выступать на борьбу за дорогіе его сердцу идеалы, тѣмъ явственнѣе становится смыслъ тѣхъ раздирающихъ мукъ, которыя пережилъ Ламеннэ, посвящаясь, вопреки всякому влеченію, въ аббаты. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ свобода постояннаго самоопредѣленія всего дороже. Про него можно сказать, что онъ былъ слишкомъ вѣрующимъ для того, чтобы быть духовнымъ лицомъ въ католической церкви. На него вліяли въ этомъ направленіи и братъ Жанъ, и аббатъ Карронъ, и Тейссеръ, одинъ изъ основателей «конгрегаціи». Ламеннэ пишетъ прямо: «Принимая это рѣшеніе, или, лучше сказать, позволяя другимъ заставить меня принять его, я, конечно, не слѣдую ни моему желанію, ни моему настроенію. Не мое влеченіе заставило меня рѣшиться принять священство,—но все равно». 9 марта 1816 г. 34-лѣтній Ламеннэ принялъ посвященіе, и мы слышимъ

прямо вопль растерзанной души: «я вполнѣ несчастливъ и останусь т
ковымъ навсегда». Какъ это соотвѣтствуетъ тому, что тотъ же Ламенн
писалъ нѣсколько раньше: «Мое единственное желаніе въ настоящую м
нуту, это провести остатокъ своей жизни въ одиночествѣ. Нѣтъ ник
въ мірѣ, въ воспоминаніи коего я желалъ бы остаться... Мысль нем
утомляетъ: я не знаю, на что направить остатокъ жизненной силы, м
тухающей во мнѣ: желаній я больше не имѣю». Драматизмъ положенія
Ламеннэ является результатомъ своеобразнаго сочетанія особенностей его
индивидуальной психологіи и условій исторической дѣйствительности, среди
которой онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Ламеннэ удивительно характеренъ для своего времени: онъ не мог
пристать ни къ какому берегу, подобно тому, какъ современное е
общество бродило среди чаръ свободы и тисковъ деспотія. Но въ е
цѣльномъ міровоззрѣніи заключались черты, которыя продвинули въ об
ственное сознаніе обновленный католицизмъ (насколько времени, это—др
гой вопросъ); о немъ безъ чувства озлобленія могли вспомнить предст
вители прогрессивныхъ теченій въ европейскомъ обществѣ, ибо въ его
міровоззрѣніи были искры, которыя съ успѣхомъ могли гласить, что с
рый католицизмъ умеръ и ему не воскреснуть, что истинная свобода
католицизмъ несовмѣстимы и что каждое новое завоеваніе католиц
есть обманъ чувствъ—не болѣе, есть одно изъ подергиваній въ минут
предсмертной агоніи. Тѣмъ не менѣе правъ Ренанъ, когда въ 1857 г
писалъ, что «чѣмъ Сократъ былъ для философскаго движенія въ древ
Греціи, тѣмъ сталъ Ламеннэ для современнаго католическаго движен
все идетъ отъ него». Это — большой конфузъ для правовѣрнаго като
цизма и вмѣстѣ цѣнный фактъ для исторіи всякаго ортодоксальнаго в
ученія. Ламеннэ цѣненъ для исторіи католицизма столько же, сколько
обще для исторіи религіи на европейскомъ материкѣ. Папская энцик
Singulari nos отъ 7 іюля 1834 г., прикончившая страданія Ламеннэ, о
данныя для него посвященіемъ въ духовный санъ, ввела горячаго
стола въ разрядъ историческихъ лицъ, имѣющихъ универсальный науч
интересъ, но съ трудомъ поддающихся вполнѣ объективной разработ
Религія не была у Ламеннэ чѣмъ-то чуждымъ и постороннимъ жизни,
кимъ-то складомъ благочестивыхъ чувствъ и обрядовыхъ поступковъ, в
ма важныхъ для спасенія души и порою вредныхъ по своей прямол
ности для житейской карьеры. Ламеннэ страшно далекъ отъ мысли,
индивидуальное спасеніе есть главная и единственная цѣль религіо
нравственнаго законодательства Христа: цѣль есть спасеніе человѣче
рода въ его совокупности. Горе тому, кто замкнется въ квіетизмѣ и
неніи.

Религія должна быть не чѣмъ другимъ, какъ живой соціальной с
это—всеобщая связь, полное противоположеніе закону индивидуали
это—строго соціальное понятіе, призванное карать такія выраженія
рической религіозности, какъ стремленія къ личному спасенію и с

безразличію. Подобныя стремленія — не выраженія религіозности, а крайняго эгоизма; это — близкая, близкая родня знаменитой житейско-политической формулѣ après nous — le déluge. Залогъ новаго общества заключается, по мнѣнію Ламеннэ, въ новой религіи; новый общественный порядокъ можетъ быть созданъ только демократіей, насквозь проникнутой новой религіей, которая является вѣрной союзницей свободы, равенства, suffrage universel. «Ламеннэ, — говоритъ его русскій біографъ, — хотѣлъ подготовить религію французской демократіи, какъ онъ подготовилъ ея политическое торжество; въ этомъ основной интересъ его философскаго и религіознаго творчества; главнымъ мотивомъ являлась здѣсь вѣра, что въ потенціяхъ человѣческаго рода дана возможность побѣдить роковое раздвоеніе науки и религіи». Этотъ главный мотивъ, при всемъ высокомъ и безспорномъ интересѣ для насъ личности Ламеннэ, далеко отбрасываетъ его вглубь старины, передъ которой онъ вовсе не склоненъ былъ благоговѣть или преклоняться. Всѣ его думы посвящены будущему — Avenir... Въ письмѣ къ Монталамберу отъ 2 февраля 1834 года онъ пишетъ: «Средніе вѣка—это смѣсь добра и зла, гдѣ зло преобладало, средневѣковое общество было варварское, неизмѣримо низшее, чѣмъ современное; къ исторіи надо подходить съ разумомъ, а не съ воображеніемъ. Ты погружаешься въ прошлое, ты отдѣляешься отъ жизни человѣчества, ты избираешь своимъ жилищемъ царство тѣней». Прекрасныя слова, которыя полезно помнить! Чуждый археологическаго увлеченія прошлымъ, Ламеннэ производитъ неотразимое впечатлѣніе своимъ постояннымъ стремленіемъ къ будущему, мечтой о немъ. И развѣ въ наше время не считается драгоцѣнной чертой высшей культурности неизмѣнное проявленіе заботъ о благѣ грядущихъ поколѣній? Въ «Esquisse d'une philosophie» Ламеннэ справедливо нападаетъ на безсмысленную погоню художниковъ за одной археологической внѣшностью, и самая мысль о реставраціи въ современной жизни прошлаго звучала для него позоромъ. Въ чемъ же заключается жизнь искусства? «Надо искать эту жизнь,—пишетъ Ламеннэ,—не въ прошломъ, котораго нельзя воскресить, но въ томъ, что зрѣетъ въ нѣдрахъ настоящаго... Художники могутъ войти въ самыя глубины общественной жизни, открыть ея біеніе, которое трепещетъ въ этихъ глубинахъ, и перенести его въ свои произведенія. Она ихъ одухотворитъ, какъ духъ Божій одухотворяетъ міръ. Старый міръ разлагается, старая доктрина угасаетъ; но среди хаотической работы и кажущагося безпорядка, на глазахъ у всѣхъ зрѣютъ новыя доктрины, образуется новый міръ, религія будущаго озаритъ своими первыми лучами человѣческій родъ и его судьбу: художникъ долженъ быть пророкомъ ея». Можно не говорить, пожалуй, о возможности этой религіи будущаго, о чемъ такъ много разсыпано словъ и восклицаній въ сочиненіяхъ Ламеннэ, ибо здѣсь многое зависитъ какъ отъ существа самыхъ представленій объ этой религіи, такъ и отъ пониманія самаго термина религія. Напрасно было бы думать, что слово это понимается всѣми одинаково, не допуская крупныхъ разногласій. Напрасно было бы

отождествлять его съ вѣрой, что, несомнѣнно, встрѣчается часто въ
дячемъ словоупотребленіи. Но твердая увѣренность Ламеннэ въ томъ, что
когда-нибудь состоится союзъ науки и религіи, понимаемой въ
смыслѣ этого слова, обращаетъ на себя чрезвычайное вниманіе. Вѣдь этотъ
пунктъ воззрѣній Ламеннэ съ замѣчательной силой характеризуетъ его,
какъ человѣка извѣстной эпохи, пережившей бури великой революціи, но
установившей еще должнаго modus vivendi, мятущейся, страдающей и
лающей покоя, порядка, устойчивости. Раціоналистическія теченія, учені
матеріализма страшны были своей рѣзкостью; католицизмъ по своей вну
тренней сущности исключалъ и науку, и свободу; индифферентизмъ никог
не можетъ быть удѣломъ благородныхъ людей—куда же бѣжать, какъ жить,
къ чему примкнуться? Взоръ падаетъ въ невидимое будущее, и въ немъ,
только въ немъ, въ этомъ будущемъ чудится демократія, общество, ко
коящіяся на сочетаніи науки и религіи, обезпечивающемъ и вѣру, и сво
боду. И если бы Ламеннэ могъ прожить двѣ жизни, то онъ съ такой
силой, искренностью, благородствомъ отказался бы отъ этой невозможно
формулировки, какъ онъ отвергъ въ свое время возможность сочета
католицизма съ наукой и свободой. Вѣдь такое сочетаніе фатально
рождается въ порабощеніе науки и свободы живучей натурой католицизма.
Ламеннэ призналъ это послѣднее.

Любопытно, что въ другой сферѣ, въ сферѣ политической, Ламеннэ усп
дожить до такихъ событій, которыя должны были показать ему, что
возвышенные идеалы свободы, въ житейскомъ воплощеніи невѣрными сре
ствами, способны привести къ столь ненавистному для него рабст
Когда Ламеннэ дожилъ до ужасовъ времени Наполеона III, дожилъ
факта, что «соборное рѣшеніе» въ извѣстной обстановкѣ является не
раженіемъ истины и справедливости, а попустительствомъ гнуснѣйшей
Вотъ она безмозглая толпа съ ея suffrage universel! Но тутъ надо бы
очень осторожнымъ въ заключеніяхъ, дабы не впасть въ легкомыслен
отрицаніе самаго принципа. Какой угодно безсмертный принципъ мож
исказить, какъ искажается въ исторической дѣйствительности право
норма въ рукахъ грубаго произвола и реакціи! Принципы и нормы—игруш
если они не сопровождаются въ жизни надлежащими гарантіями. Обсу
ніе такихъ гарантій было выше Ламеннэ, для этого онъ былъ слишк
далекъ отъ дѣйствительной жизни. Онъ былъ чересчуръ поэтъ и черезч
благороденъ, чтобы вступить на дорогу соглашенія своего я и окруж
щихъ политическихъ и общественныхъ дѣльцовъ. Однако Ламеннэ усп
уже заговорить языкомъ, который не оставляетъ ни малѣйшихъ сомн
въ томъ, что по-своему онъ думалъ о нѣкоторыхъ гарантіяхъ... Ос
1848 г. ставился вопросъ о выборахъ президента. Всплывали на тум
номъ политическомъ небосклонѣ двѣ фигуры: Луи Наполеонъ и Кавень
Ламеннэ могъ только презирать Наполеона... «Луи Бонапартъ—ничт
ство: когда онъ вошелъ вчера на трибуну, онъ возбудилъ всеобщій см
въ палатѣ, но не вся Франція видѣла его тамъ»,—пишетъ Ламеннэ

троллю 10 октября 1848 г. Его выбрали, по мнѣнію Ламеннэ, враги народа, сумѣвшіе сыграть на невѣжествѣ послѣдняго. Драгоцѣнное наблюденіе: у народа могутъ быть враги только до того момента, покуда онъ блещетъ невѣжествомъ. Не отъ этого ли всѣ истинные враги народа—энергичные враги его образованія? Не лучше послѣднихъ и лицемѣрные сторонники его просвѣщенія, милостиво отпускающіе массамъ микроскопическія дозы грубо фальсифицированнаго знанія. Пусть однако послѣднее слово скажетъ открывшій этотъ законъ Ламеннэ. Луи Наполеонъ выбранъ, его выборъ не былъ неожиданностью для Ламеннэ, и 17 декабря 1848 г. онъ вновь пишетъ Витроллю: «Если враги народа, злоупотребляя его невѣжествомъ, празднуютъ свою побѣду надъ нимъ, одержанную благодаря ему же, ихъ торжество не будетъ продолжительно. Несчастные обманутые слишкомъ скоро увидятъ свою ошибку, когда, на мѣсто всѣхъ своихъ надеждъ, они найдутъ лишь умноженіе бѣдствій... Но будетъ поворотъ, народы отступаютъ лишь для того, чтобы двигаться впередъ, и послѣ долгихъ бѣдствій и новой борьбы мы, обогащенные опытомъ, придемъ къ той же точкѣ, на которой мы стояли 24 февраля. Необходимо работать надъ просвѣщеніемъ жителей деревни. Свѣтъ понемногу проникаетъ въ ихъ умы, и они, впрочемъ, будутъ просвѣщены собственнымъ интересомъ». Несчастное голосованіе за Наполеона не поколебало убѣжденій Ламеннэ въ правотѣ демократическаго принципа. Онъ не уступилъ папству, несмотря на явное заигрываніе съ нимъ послѣдняго, онъ остался затѣмъ твердъ въ своемъ рѣшеніи не идти на уступки офиціальной церкви даже въ минуту смерти, еще менѣе здѣсь онъ могъ уступить въ своей борьбѣ съ деспотизмомъ, который онъ страстно ненавидѣлъ даже въ его малѣйшихъ проявленіяхъ. «Всеобщее право голоса, идущее рядомъ съ народнымъ просвѣщеніемъ, не изъятое отъ ошибокъ, но извлекающее изъ этихъ ошибокъ благодѣтельные уроки; воспитаніе демократическаго духа, безъ котораго политическая демократія является мертвой формой,—вотъ конечный выводъ Ламеннэ, выводъ изъ его собственнаго опыта, и,—прибавляетъ его русскій біографъ,—именно послѣднія письма его обнаруживаютъ наиболѣе зрѣлый и глубокій взглядъ на условія жизнеспособности и судьбы демократіи, и эта зрѣлость нисколько не уменьшаетъ его пламенной вѣры въ конечное торжество демократическаго идеала». Не приходя въ отчаяніе отъ первыхъ и крупныхъ неудачъ, не теряя надеждъ, Ламеннэ упорно стоитъ на своемъ посту, рѣзко отказывается отъ всякаго союза съ теченіями соціалистическими и коммунистическими въ общественно-политической атмосферѣ, какъ р ъ навсегда онъ отрѣшился отъ раціонализма и матеріализма въ сферѣ д овной. Сенъ-Симонъ, Фурье, Луи Бланъ, Прудонъ—не его герои. Это в ьма понятно, разъ основою новаго общества должна была быть новая р лигія духа...

II.

Когда Ламеннэ впервые попалъ въ Римъ весною 1824 г., на 42-мъ году жизни, онъ былъ извѣстнымъ авторомъ «Опыта объ индифферентизмѣ», возбудившемъ горячую полемику въ католической прессѣ. Желая покончить съ недоразумѣніями и ложными перетолкованіями, онъ резюмируетъ свою доктрину въ небольшомъ сочиненіи «Défense de l'essai sur l'indifférentisme»: здѣсь ясно и точно были изложены главныя положенія новой апологетической системы, сущность которой сводится къ борьбѣ съ индивидуальнымъ разумомъ философовъ посредствомъ общаго разума людей. Римская цензура дала благопріятный отзывъ о «Защитѣ» въ итальянскомъ переводѣ, и вотъ Ламеннэ, вождь французскаго ультрамонтанства, принятъ на аудіенціи папой Львомъ XII съ «безконечной добротою», какъ можно было бы судить по письмамъ Ламеннэ. Еще бы: портретъ Ламеннэ, создателя извѣстной философско-теологической системы висѣлъ въ кабинетѣ папы. И 13 марта 1832 г. Ламеннэ любезно былъ принятъ въ Ри на аудіенціи новымъ папою Григоріемъ XVI, разговоръ вертѣлся на Ми кель Анджело и никакъ не попадалъ на ультрамонтанскую программу р дакціи газеты *Avenir*. Это значило, что Ламеннэ недовольны... Въ энц кликѣ 15 іюля 1832 г. офиціально осуждалось польское возстаніе: э значило, что и изданіемъ *Avenir* были недовольны. *Avenir* рекомендова вмѣшательство Франціи въ польскій вопросъ, война съ Россіей и Пруссіе представлялась какъ бы въ видѣ крестоваго похода на защиту религіи цивилизаціи... *Avenir* писала на своемъ знамени свободу религіи... Энц клика Mirari vos отъ 15 августа 1832 г., не упоминая имени Ламенн категорически осуждаетъ его теоріи. Ламеннэ отвѣчаетъ на нее публик ціей Paroles d'un croyant, произведеніемъ, имѣвшимъ неоспоримый успѣх производившимъ сильное впечатлѣніе. Типографскіе наборщики были пе выми, которые испытали на себѣ колоссальное вліяніе этого апокали тическаго произведенія, противнаго деспотизму папы и политической д кости Гизо. Энциклика Singulari nos отъ 7 іюля 1834 г. изъяла Ламен изъ числа правовѣрныхъ, менезіенская школа прекратила свое сущест ваніе, и въ 1835 г. Ламеннэ окончательно вступилъ въ республиканску партію. Поражая своими сарказмами іюльскую монархію въ минуты, ко пресса была обремена огромными штрафами, а ея работники сидѣли тюрьмамъ рядомъ съ ворами и убійцами, Ламеннэ пишетъ, что у дес тическаго правительства «главная забота, чтобы народъ не читалъ». «Г бы мы были, иронизируетъ далѣе Ламеннэ, если бы образованіе прон до пролетаріата, до этихъ варваровъ, которые угрожаютъ нашей циви заціи, которые всѣ почти думаютъ, что и они люди, что и у нихъ с отечество и права въ этомъ отечествѣ!» Оппозиція іюльской монар привела приверженца порядка и противника насилія Ламеннэ въ тюр Режимъ іюльской монархіи былъ весьма благопріятенъ для такого прев ченія. Ламеннэ выпустилъ небольшой памфлетъ подъ заглавіемъ Р

le gouvernement: высказывались въ крайне рѣзкой формѣ обычныя мысли Ламеннэ о господствѣ правительственной и буржуазной олигархіи; министры Людовика Филиппа сравнивались съ визирями султана, общее впечатлѣніе оставалось такое, что Франція превращена въ страну совершеннаго безправія и азіатскаго деспотизма. Памфлетъ заканчивался восклицаніемъ: реформа, реформа! Быть можетъ, правительство и не обратило бы вниманіе на это произведеніе бывшаго аббата, но постаралась иногда услужливая не на дѣло печать. Въ такихъ случаяхъ литературные подонки часто спѣшатъ заслужить себѣ въ потомствѣ безсмертную славу предателей. *Journal des Débats* въ нумерѣ отъ 14 октября 1840 г., требуя суда надъ Ламеннэ, испускалъ неистовые крики вродѣ слѣдующихъ: jamais l'anarchie n'a émis des principes, n'a parlé un langage plus incendiaire... Ce n'est plus seulement un cri de guerre politique que pousse la partie anarchique, c'est un cri de guerre sociale. *Journal des Débats* лгалъ въ этихъ крикахъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Окраска революціонной демагогіи, черты анархическихъ вожделѣній были несвойственны, чужды самому существу духовной природы Ламеннэ. Въ этомъ случаѣ позоръ *Journal des Débats* соперничалъ съ малодушіемъ олигарховъ Людовика Филиппа и близорукостью судей. Ламеннэ присудили къ штрафу въ 5 тыс. фр. и къ заключенію въ тюрьму на одинъ годъ. Печать единодушно порицала приговоръ или высказывала сожалѣнія, тѣмъ не менѣе въ 1841 г. Ламеннэ влачилъ жизнь тюремнаго сидѣльца и въ двухъ небольшихъ брошюрахъ постарался обрисовать съ полной ясностью свой политическій идеалъ. Ни на минуту не перестаетъ Ламеннэ пропагандировать идею политической реформы. «Никто,—справедливо пишетъ его русскій біографъ,—не исчерпалъ такъ глубоко всѣхъ соціальныхъ и моральныхъ послѣдствій установленія всеобщаго права голоса, никто не указалъ такъ отчетливо на легальный и мирный по существу характеръ политической борьбы, основанной на suffrage universel, какъ Ламеннэ. Съ этой стороны онъ оказалъ великую услугу республиканской оппозиціи и всему дѣлу демократіи. Въ соціальномъ смыслѣ важнѣе, можетъ быть, была у него самая проповѣдь общественной солидарности, воззваніе къ состраданію, чѣмъ опредѣленныя рѣшенія соціальнаго вопроса. Всего глубже и здѣсь была его критика тѣхъ законодательныхъ препятствій, которыя ставились свободѣ труда, мнимо охраняемой, оцѣнка соціальныхъ результатовъ неограниченнаго права ассоціацій».

Какъ журналистъ и писатель, какъ человѣкъ опредѣленныхъ религіозно-политическихъ и соціальныхъ вкусовъ Ламеннэ пользовался широкой популярностью, которая сильно была подогрѣта его процессомъ 1840 г. Какъ же онъ былъ непосредственно въ политической роли и какъ сталъ онъ разработать положительную сторону своей программы для непосредственно практическихъ цѣлей? Убѣжденный защитникъ семьи и частной собственности, Ламеннэ долженъ былъ съ особенной осторожностью сближаться съ политическими дѣятелями сороковыхъ годовъ про-

шлаго вѣка. Наиболѣе близкимъ къ нему былъ, кажется, Гарнье-Пажесъ, равно удаленный «отъ химерическихъ теорій и тонкихъ разсчетовъ партіи» и примыкавшій къ республиканской программѣ въ ея чистомъ видѣ. По выходѣ изъ тюрьмы Ламеннэ велъ жизнь крайне замкнутую; онъ принужденъ былъ также остерегаться встрѣчъ, которыя могли бы быть эксплоатированы въ цѣляхъ обращенія его въ лоно католической церкви; къ окружающему режиму онъ чувствовалъ весьма понятное отвращеніе; французскія событія теперь его мало занимали и онъ не сумѣлъ быть проницательнымъ, чтобы почувствовать скорое наступленіе февральской революціи. Скептицизмъ Ламеннэ становился здѣсь рядомъ съ слѣпою увѣренностью Гизо. Событія ринулись по пути, на который указывалъ Токвиль въ палатѣ депутатовъ, почти при всеобщемъ самодовольномъ смѣхѣ. Франція стала республикой съ всеобщимъ правомъ голоса, въ которомъ Ламеннэ, — говоритъ его русскій біографъ, — видѣлъ первое и необходимое условіе политическаго и соціальнаго прогресса. Человѣкъ политической и общественной борьбы и въ то же время способный широко отдаваться отвлеченной мысли, увѣренный въ себѣ, Ламеннэ не подпалъ искушенію всю жизнь наслаждаться наединѣ исканіемъ истины, замкнуться въ умственномъ аристократизмѣ. Памфлетъ, брошюра, трактатъ, книжка въ перемежку съ газетными и журнальными статьями равно были доступны Ламеннэ. Онъ пишетъ въ «Conservateur», «Défenseur», «Drapeau blanc» (1819—1823 гг.), «Monde» (1837 г.), въ 1824 г. является душой редакціи «Mémorial Catholique», а въ 1830—1831 годахъ вдохновляетъ газету *L'Avenir*, которая въ его личной судьбѣ сыграла столь же крупную роль, какъ и посвященіе въ аббаты. Послѣднее сдѣлало его «навсегда несчастнымъ», по его собственнымъ словамъ, а газета *L'Avenir*, давшая ему возможность высказаться начистоту, спасла Ламеннэ отъ ортодоксальныхъ путъ католицизма, создала въ своихъ конечныхъ результатахъ спокойствіе и сдѣлала его героемъ не исключительно французской, а европейской исторіи первой половины прошлаго вѣка. Вступая съ первою зарей республики въ активную жизнь, Ламеннэ становится во главѣ новаго изданія *Peuple Constituant*. Уже самое заглавіе органа послѣ *L'Avenir* представляется характернымъ. Первый нумеръ вышелъ 27 февраля 1848 г., и органъ привлекъ къ себѣ въ качествѣ близкихъ сотрудниковъ различныхъ представителей республиканской партіи, а также представителей итальянской и польской эмиграціи. Пажесъ были тенденціи *Avenir*, прочна была устойчивость разъ принятыхъ воззрѣній Ламеннэ, но онъ не могъ дать новому изданію вполнѣ опредѣленную программу: прогрессивные элементы его воззрѣній требовали дальнѣйшей обработки и не могли испытать послѣдней при той основной точкѣ зрѣнія, какой проникнуто все міросозерцаніе Ламеннэ; должно было сказаться отчужденіе нѣсколькихъ лѣтъ и та «отдѣльность» Ламеннэ, которую приходилось отмѣчать раньше при характеристикѣ его личныхъ общія очертанія всегда удавались Ламеннэ лучше, нежели детали, болѣе мелкимъ изъ которыхъ онъ не имѣлъ вкуса и даже не умѣлъ

нихъ разбираться. Ни самъ Ламеннэ, ни его органъ не могли сдѣлаться живыми организаторами партіи, вдохновителями практической программы минуты, ни тѣмъ менѣе создателями проекта конституціи для Франціи 1848 г. *Peuple Constituant* не могла сказать ничего новаго въ эти дни кратковременнаго существованія республики; она сыграла роль благородной настойчивости, вѣрности идеямъ демократіи и законности, она страстно боролась противъ грубыхъ настроеній знаменитой фразы Мари «надо покончить съ народомъ», подготовляла республиканскіе выборы и покончила свое существованіе 11 іюля. 11 іюля 1848 года уже проглядывали явственные признаки надвигающейся грозы новой деспотіи. «*Peuple Constituant*,—писалъ Ламеннэ,—начался съ республикой, онъ кончается съ ней; то, что мы видимъ предъ собой, конечно, не есть республика, не есть что-нибудь имѣющее имя: Парижъ на осадномъ положеніи, преданный военной власти, которая сама предана политической партіи... ссылки безъ суда, проскрипціи въ размѣрахъ, невиданныхъ даже въ 1793 году, законы, фактически уничтожающіе право собранія, порабощеніе и разореніе прессы чудовищнымъ примѣненіемъ возстановленнаго деспотическаго законодательства, истребленіе народа, впавшаго опять въ нищету, болѣе глубокую, чѣмъ когда-нибудь: нѣтъ, еще разъ нѣтъ, это не республика: это сатурналія реакціи вокругъ ея кровавой могилы». Видя крушеніе республиканскихъ идеаловъ, Ламеннэ однако далекъ отъ безнадежнаго отчаянія, онъ глубоко вѣритъ въ силу прогресса, въ грядущую демократію; скоро минетъ полоса реакціи, господства наглыхъ узурпаторовъ, которые могутъ «установить лишь анархію, полный безпорядокъ, при которомъ ни одна нація не можетъ существовать, напрасно они будутъ стараться продлить ее силой; всякая сила слаба противъ права, еще болѣе противъ потребности существованія». «Да и гдѣ найти эту силу,—спрашиваетъ аббатъ-публицистъ,—въ арміи? Французская армія будетъ всегда на сторонѣ Франціи. А что касается до насъ, солдатъ прессы, преданныхъ защитѣ свободы отечества, съ нами обращаются какъ съ народомъ, насъ обезоруживаютъ... намѣреніе ясно: хотятъ во что бы то ни стало привести насъ къ молчанію и добились этого возстановленіемъ залоговъ. Въ настоящее время нужно золото, много золота, чтобы имѣть право говорить, мы не настолько богаты. Молчаніе бѣднымъ!» Сильно, рѣзко, страстно... но для 1848 г. было недостаточно глубины чувства или красотъ воинствующей лирики и образцоваго морализированія. Развѣ въ 1840 г. не взывалъ Ламеннэ съ такой же горячностью къ реформѣ? «Лишь полная реформа освободитъ насъ отъ эгоистической породы эксплоататоровъ, которые видятъ въ народѣ свою добычу. Франція не погибнетъ, она нужна міру. Если вы не хотите мирной реформы, вы будете имѣть насильственную. Выбирайте!» Іюльская монархія выбирать не стала и посадила автора въ тюрьму св. Пелагія; вторая республика попросту отвѣчала избраніемъ Л. Наполеона, превратилась въ новую имперію, и нуженъ былъ чудовищный позоръ войны 1870 г., чтобы свергнуть наполеоновскую тиран-

нію и окончательно поставить на высокій пьедесталъ демократическій принципъ. Съ послѣднимъ нумеромъ *Peuple Constituant*, вышедшимъ съ траурной каймой, закончилась и общественная дѣятельность Ламеннэ. Нельзя не признаться въ томъ, что атмосфера 1848 г. и общія условія эпохи не могли благопріятствовать успѣхамъ этой дѣятельности, что этотъ неуспѣхъ былъ ясенъ съ самаго начала,—и друзья Ламеннэ не даромъ совѣтовали ему не принимать званія депутата въ національный конвентъ. Онъ былъ избранъ депутатомъ отъ департамента Сены и очень не блестяще, послѣднимъ по числу голосовъ изъ 34 избранныхъ. Ему было въ это время 66 лѣтъ, и чувство утомленія отъ пережитыхъ волненій и постоянныхъ политическихъ неудачъ наложили на него замѣтный отпечатокъ. «Собраніе меня утомляетъ,—пишетъ измученный, но богатый внутреннимъ жизненнымъ огнемъ старикъ,—воздухъ, которымъ тамъ дышишь, нездоровъ и физически, и морально. Если это дѣйствительно выраженіе Франціи, я глубоко ее оплакиваю».

Горячій въ литературѣ, Ламеннэ холодно молчалъ въ собраніи, и участіе его въ послѣднемъ прошло совершенно безслѣдно. Правда, Ламеннэ одинъ изъ первыхъ попалъ въ коммиссію по составленію конституціи, прочиталъ тамъ свой проектъ, но среди членовъ этой коллегіи фигура стараго аббата отдавала доктринерствомъ, неумѣреннымъ теоретизированіемъ, буквою милаго, но невозвратнаго прошлаго. Старикъ какъ будто съ болью почувствовалъ это отчужденіе, вышелъ изъ состава коммиссіи, мотивировавъ свой поступокъ въ Peuple constituant, отъ 24 мая 1848 г., состояніемъ здоровья и многочисленными дѣлами. Русскій біографъ Ламеннэ, изложивъ содержаніе этой конституціи, пишетъ, что ея проектъ «менѣе останавливалъ вниманіе историковъ, чѣмъ того заслуживалъ». «Конечно, онъ не оказалъ вліянія на практическій ходъ законодательныхъ работъ, но онъ несомнѣнно, любопытный памятникъ политической идеологіи республиканской партіи: въ основѣ мы видимъ здѣсь сильное вліяніе американской конституціи съ ея президентомъ, избираемымъ плебисцитарнымъ путемъ, съ министрами, независимыми отъ парламентскаго большинства, съ верховнымъ судомъ, охраняющимъ конституцію и законы». Біографъ признаетъ въ этомъ проектѣ и много неопредѣленнаго, и нѣкоторые скачки при сравненіи съ политическими и административными традиціями Франціи, но, несомнѣнно, сильную сторону проекта представляетъ отсутствіе въ немъ утопическаго характера; онъ имѣетъ въ виду не трансформацію человѣческаго общества, а лишь закрѣпленіе извѣстнаго совершившагося демократическаго процесса». Не стоитъ скрывать, что проектъ конституціи, опубликованный Ламеннэ, представляетъ мало интереса по своему содержанію и не исключаетъ упрековъ и въ отвлеченности, и въ односторонности. Для тогдашней парламентской коммиссіи онъ былъ черезчуръ крайнимъ, для второй половины XIX вѣка ему недостаетъ иной постановки вопросовъ соціальнаго порядка; онъ былъ непригоденъ для своего времени, онъ не могъ служить вполнѣ опредѣленнымъ идеаломъ для будущаго.

цѣнность—чисто біографическая. Повторяя политическую программу Avenir, онъ лишній разъ отрицаетъ случайность или неестественность апостазіи Ламеннэ, лишній разъ даетъ формулировку соціально-политическихъ его идеаловъ и возвращаетъ насъ къ мгновеніямъ, въ которыя Ламеннэ писалъ свой «опытъ объ индифферентизмѣ». Ничто не было тогда такъ ненавистно Ламеннэ, какъ равнодушное отношеніе къ религіи, онъ рѣшительно не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы опорочить политическій атеизмъ, соединяющій равнодушіе къ истинѣ съ лицемѣріемъ; обращеніе религіи въ политическое орудіе для поддержанія порядка и абсолютнаго безмолвія въ народѣ всегда есть результатъ глубокаго невѣрія власти и правящихъ классовъ. Религія должна, по мнѣнію Ламеннэ, проникать собою всю жизнь народа въ его цѣломъ и на каждомъ шагу. Къ этому вопросу нельзя быть равнодушнымъ, равнодушіе тутъ преступно, но религія проникаетъ собою все, слѣдовательно, индифферентизмъ столь же преступенъ и въ вопросахъ соціально-политическихъ. Ламеннэ всю жизнь не былъ равнодушнымъ къ послѣднимъ: въ 66 лѣтъ при иныхъ условіяхъ и иныхъ поводахъ онъ доказываетъ удивительную свѣжесть своей личности, неспособной терпѣть проявленіе индифферентизма ни въ себѣ, ни въ другихъ. Этотъ проектъ конституціи и занимаетъ поэтому видное мѣсто въ личной характеристикѣ Ламеннэ: глубокая искренность соперничаетъ у него съ вѣрностью убѣжденіямъ, разъ проникшимъ въ его душу, признаніе важности цѣлаго—съ сознаніемъ мизерности индивидуальнаго, ненависть къ холодному равнодушію—съ горячимъ стремленіемъ всего себя отдать на служеніе народу. При всемъ томъ любопытно еще отмѣтить, что при самомъ своемъ появленіи проектъ конституціи Ламеннэ встрѣтилъ нѣсколько ироническую, но вѣрную съ практической точки зрѣнія оцѣнку въ анонимной брошюрѣ Examen critique des quelques articles du projet de la constitution publiépar Lammennais, par un belge. Un belge останавливается на широкихъ формахъ свободы, которой проситъ Ламеннэ, и предостерегаетъ французовъ отъ возможнаго повторенія того, что имѣло мѣсто въ Бельгіи: клерикалы будутъ домогаться этой свободы и воспользуются ею «для порабощенія Франціи»; онъ предостерегаетъ противъ прямого всеобщаго выбора, въ особенности противъ выбора президента, который вообще излишенъ и при избраніи котораго можетъ быть «вредное давленіе духовенства». Критикъ точно наметилъ пути возможнаго для Франціи новаго деспотизма, его предположенія оправдались на избраніи Наполеона и на проникновеніи деморализаціи въ населеніе подъ вліяніемъ поднявшаго голову клерикализма. «Вредное давленіе духовенства», клерикализмъ, какъ орудіе «для порабощенія Франціи»,—ничего этого не замѣчалъ Ламеннэ, страстно исповѣдывавшій анти-католическій догматъ абсолютной свободы. Франція, по проекту Ламеннэ, есть демократическая республика, управляемая по принципу народнаго суверенитета, не допускающаго какихъ бы то ни было классовыхъ привилегій: она дѣлится на департаменты и коммуны. За всѣми гражданами обезпечиваются равныя права; исключаются лишь

тѣ, которые подверглись судебному осужденію, и также тѣ, которые не получили въ установленный законный возрастъ начальнаго образованія.

Господствуетъ полная свобода всѣхъ культовъ, изъ которыхъ ни одинъ не оплачивается государствомъ; свобода печати—нѣтъ ни цензуры, ни особаго гербоваго сбора съ періодическихъ изданій, ни залога; свобода ассоціацій и петицій, индивидуальныхъ и коллективныхъ; свобода преподаванія; личность и собственность неприкосновенны; у всѣхъ есть право на даровое образованіе низшее, среднее и высшее.

Принципъ свободы преподаванія и свободы ассоціацій красной нитью проходитъ черезъ всѣ писанія Ламеннэ; онъ относился къ этому принципу съ фанатизмомъ сперва католика, позднѣе республиканца. Такое отношеніе Ламеннэ вполнѣ понятно и строго согласуется со всѣмъ строемъ его религіозно-философскаго міровоззрѣнія, но требуетъ оно особенной оговорки въ силу своего практическаго значенія для французской дѣйствительности. Благородный самъ по себѣ принципъ на практикѣ сдѣлался орудіемъ вопіющихъ явленій, съ которымъ только Франція нашихъ дней начинаетъ понемногу раздѣлываться. Ни одна сторона идеологіи Ламеннэ не представляетъ въ наши дни такого крупнаго интереса, ни одна не могла быть эксплоатирована правовѣрнымъ католицизмомъ съ такимъ вредомъ для общественнаго блага, какъ именно эта. Ламеннэ никогда не могъ себѣ представить, чтобы его искреннее и внѣ всякихъ сомнѣній благородное стремленіе могло сдѣлаться страшнымъ бичомъ истиннаго свободнаго обученія. Un belge, критикъ проекта его конституціи, и здѣсь явился начальнымъ пророкомъ, указавъ, что въ особенности можетъ быть гибельной по проекту Ламеннэ свобода преподаванія, которая приводитъ къ торжеству іезуитовъ и уничтоженію всякой свободы. Ламеннэ придавалъ исключительную роль народному образованію. Въ немъ и прежде всего въ немъ онъ находилъ надлежащія гарантіи противъ грозы деспотизма, выдвигая на первый планъ необходимость просвѣтительной работы въ деревнѣ. Когда деревня будетъ просвѣщенной, тогда и придетъ конецъ всякому злоупотребленію власти, всякой формѣ тиранніи. Онъ въ этомъ былъ убѣжденъ, и высказался опредѣленно, какъ разъ послѣ выборовъ Луи Наполеона. Ламеннэ ненавидѣлъ порядокъ, при которомъ образованіе становится исключительнымъ достояніемъ богатыхъ; онъ не терпѣлъ монополіи государства въ области народнаго образованія, и учебная система, созданная политикой Наполеона I, ему представлялась не чѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ тиранніи и недоброжелательства государства къ церкви. Знаменательно, замѣчаетъ русскій біографъ Ламеннэ, нѣсколько холодное отношеніе къ судьбѣ ея, который жилъ плѣнникомъ Наполеона I, и можно думать, что разгромъ школы въ С.-Мало, въ Бретани, гдѣ 19 іюня 1782 года родился Ламеннэ, опредѣлилъ въ большей степени его враждебность къ имперскому режиму, чѣмъ обращеніе Наполеона съ папой Піемъ VII. Можетъ быть, это и знаменательно, но прежде всего стоитъ въ живой органической связи съ міровоззрѣніемъ и характеромъ Ламеннэ. Изучая ос

ленное имъ литературное наслѣдство, не трудно придти къ заключенію, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ, выставившихъ соціальную сторону въ вопросѣ народнаго образованія... Ламеннэ оставилъ потомству трудную задачу спасти народное образованіе отъ опеки духовенства, которое, порабощая другихъ, требуетъ свободы и привилегій только для себя. Это классическое умѣніе порабощать, затмевать истинные интересы и среди вопіющихъ золъ текущей дѣйствительности манить призраками удивительныхъ благополучій въ загробной жизни было оцѣнено французскою буржуазіей по достоинству. Павъ «къ ногамъ епископовъ», французская буржуазія думала задавить соціальную бурю, союзъ съ клерикализмомъ на продолжительное время развязывалъ ей руки... Другая сторона тоже не могла не понять простой истины, что, чѣмъ дольше хочешь удержать въ своихъ рукахъ господское положеніе, тѣмъ необходимѣе пойти на нѣкоторыя уступки «духу времени»... Но это уже цѣлое новое теченіе, это— новѣйшій католицизмъ, который столь многимъ обязанъ Ламеннэ. Въ этомъ живомъ историческомъ типѣ, разорвавшемъ съ католической ортодоксіей и провозгласившемъ абсолютное господство религіи и свободы, такъ и сквозитъ цѣлый рядъ строго католическихъ тенденцій, подобно тому, какъ въ новой французской демократіи въ ея отношеніяхъ къ церкви проскальзываютъ мѣропріятія католическаго средневѣковья. Ламеннэ-аббатъ и Ламеннэ-апостатъ—части одного органическаго цѣлаго, произведеніе опредѣленной среды, обстановки, традиціи, герой перелома и бурь на рубежѣ революціи и реакціи. И какъ универсальны значеніе и интересъ этой эпохи, такъ универсальна и личность самого Ламеннэ, раздираемаго двумя комплексами противоположныхъ сочетаній исторической дѣйствительности. И въ наши дни представляются особенно привлекательными призывъ Ламеннэ къ просвѣщенію народныхъ массъ и его протестъ противъ безстрастнаго равнодушія къ окружающему. Что можетъ быть ужаснѣе разнообразныхъ формъ индифферентизма? Какое преступленіе можетъ сравниться съ безстрастнымъ отношеніемъ къ окружающей дѣйствительности? И развѣ существуютъ на свѣтѣ ужасы болѣе реальные, какъ жизнь среди всесокрушающаго мрака безграмотности и невѣжества? Не будьте равнодушными, учите народныя массы,—говоритъ Ламеннэ,—образованіе есть крупная соціальная сила; это цѣннѣйшая часть народнаго капитала. «Не тотъ вѣкъ,—пишетъ Ф. де-Ламеннэ въ предисловіи къ «Опыту объ индифферентизмѣ»,—глубже всего пораженъ болѣзнью, который страстно защищаетъ заблужденіе, но тотъ, который пренебрегаетъ истиной вообще, презираетъ ее. Тамъ, гдѣ замѣчаются стремительныя движенія, тамъ еще есть сила и, слѣдовательно, надежда; но тамъ, гдѣ всякое движеніе прекратилось, пульсъ пересталъ биться, холодъ охватилъ сердце, чего ожидать тогда, кромѣ близкаго и неизбѣжнаго разложенія?»

III.

Пятидесятилѣтіе смерти Ф. де-Ламеннэ встрѣчено въ русской исторической литературѣ книгой С. А. Котляревскаго «Ламеннэ и новѣйшій католицизмъ» (М., 1904 г., in 8, стр. X+628+II. Ц. 3 руб.). Она представляетъ собой диссертацію на степень доктора всеобщей исторіи и послужила частью поводомъ, частью матеріаломъ для предложенной выше бѣглой характеристики тѣхъ сторонъ личности Ламеннэ, которыя представляютъ наибольшій интересъ для большой публики. Литература о Ламеннэ огромна, и писать изслѣдованіе о немъ на фонѣ новѣйшаго католицизма требуетъ, въ особенности отъ русскаго автора, обширной начитанности, строгости историческаго метода, стройности философскаго міровоззрѣнія. Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, гдѣ изслѣдованіе при нѣкоторой неосторожности писателя можетъ сбиться на элементарную біографію, необходимо до мелочей разработать планъ изслѣдованія и ни на минуту не вырывать личности изъ эпохи и среды, даже въ томъ случаѣ, когда на первый планъ, согласно вкусамъ писателя, выдвигается характеристика психологическаго типа. Пріемъ повѣствованія въ хронологической послѣдовательности, пріемъ описанія или изложенія, при которомъ вовсе отсутствуетъ преслѣдованіе научно поставленной цѣли, обиліе хотя и интересныхъ и цѣнныхъ выписокъ изъ источниковъ еще не могутъ придать книгѣ той ученой физіономіи, которая должна быть свойственна современному историческому изслѣдованію. Тамъ, гдѣ оставленъ въ сторонѣ историческій анализъ, гдѣ не видно изслѣдованія деталей, гдѣ отсутствуютъ новые выводы, претендующіе на извѣстную роль въ дальнѣйшемъ развитіи науки тамъ нѣтъ существенныхъ признаковъ такого изслѣдованія. Намъ думается затѣмъ, что современное историческое изслѣдованіе должно обнаружить въ писателѣ не только умѣніе свободно распоряжаться массой матеріала и владѣть имъ съ тѣмъ совершенствомъ техники, съ какой командуетъ клавіатурой нынѣшній піанистъ, но и, вооружаясь по старинному, его «духъ», т.-е. то или другое научное направленіе въ отмежеванной имъ отрасли знанія. Складъ научной мысли писателя, его опредѣленный философскій пароль обязаны такъ проникать всю работу, чтобы у читателя не оставалось на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Если центромъ изслѣдованія поставлено историческое лицо или точнѣе сказать, раскрытіе исторической эволюціи доктрины, имъ выработавшейся, то, внѣ всякаго сомнѣнія, здѣсь вся система міровоззрѣнія писателя не можетъ не сказываться съ величайшимъ напряженіемъ. Писать здѣсь нѣтъ иного выхода, какъ прямо и точно обозначить свою принадлежность къ тому или другому profession de foi, иначе крушеніе неизбѣжно. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что въ предисловіи или заключеніи писателю предписывается непремѣнно изложить и формулировать profession de foi, привлекая тѣмъ восторги единомышленниковъ или проклятія враговъ, ничуть! Изслѣдованіе должно говорить само за ...

ворить такъ, чтобы читатель, повернувъ послѣднюю страницу книги, не оставался въ недоумѣніи, а безъ особенныхъ колебаній и сомнѣній помѣстилъ автора въ своемъ сознаніи подъ опредѣленнымъ знакомъ. Бѣда, если на протяженіи всей книги чувствуешь какую-то неопредѣленность мысли, какой-то тяжкій индифферентизмъ...

Все это довольно элементарно, но нельзя сказать, чтобы всѣ эти положенія разъ навсегда вошли въ плоть и кровь нашей исторической науки. Отклоненія отъ выставленныхъ сейчасъ принциповъ не такъ рѣдки, какъ можно было бы думать. Слѣдуетъ прибавить еще, что часто самый выборъ темы опредѣляетъ «духъ» современнаго ученаго историка, и для насъ осталось непонятнымъ, зачѣмъ г. Котляревскій въ предисловіи къ своей безспорно интересной книгѣ какъ бы извиняется передъ читателями, пытаясь защищать научную законность такой постановки темы, какая дана въ его работѣ: онъ называетъ ее «попыткой написать біографію, представляющую научно-историческій интересъ» и ни одной страницей своей книги не оправдываетъ того, что обѣщаетъ въ предисловіи и чего требуютъ приведенныя выше соображенія. Мы такъ и остаемся въ невѣдѣніи, какой же *научно*-историческій интересъ представляетъ написанная г. Котляревскимъ біографія Ламеннэ? Тѣмъ пикантнѣе было бы прямо и просто разрѣшить это недоумѣніе, что г. Котляревскій въ своемъ предисловіи обнаруживаетъ черты, которыя справедливо осудилъ бы герой его книги. Намъ думается, что г. Котляревскій и въ предисловіи, и въ книгѣ обнаружилъ прежде всего глубокій научный индифферентизмъ и нѣсколько презрительную нетерпимость къ неисповѣдуемымъ имъ теоріямъ. Авторъ нагоняетъ въ предисловіи такого страху на читателя, что послѣдній не безъ волненія приступаетъ къ чтенію книги. Къ счастію, скоро наступаетъ спокойствіе, ибо уже двѣ первыя главы ученой диссертаціи нашего автора тотчасъ же разъясняютъ ему истинный смыслъ военныхъ операцій, предпринятыхъ въ предисловіи. Все это оказывается, выражаясь по нынѣшнему, ложной демонстраціей, прикрывающей истинные размѣры и мѣстонахожденіе силъ противника... и опытный читатель можетъ не отступать, задерживая напирающаго противника, а прямо ринуться въ бой. Признавъ, что существуетъ «извѣстная научная атмосфера современности, создаваемая всѣмъ ходомъ научной разработки», г. Котляревскій совершенно неожиданно спѣшитъ дать три пинка: одинъ по адресу господствующихъ въ данную минуту философско-историческихъ воззрѣній, другой по адресу экономическаго матеріализма и, наконецъ, третій по адресу какого-то псевдо-позитивизма. Господствующія въ данную минуту философско-историческія воззрѣнія, по мнѣнію автора, «измѣнчивы и формулировки ихъ часто подъ покровомъ глубокомыслія скрываютъ совершенную банальность»; до «наивной, несмотря на свою претензіозность, схоластики экономическаго матеріализма» ему нѣтъ дѣла; «мнимопозитивнаго взгляда, для котораго религіозная жизнь общества представляется предметомъ, недостойнымъ вниманія», онъ не пріемлетъ. Для чего и по адресу кого направлены эти притязательныя и вполнѣ безсо-

держательныя вылазки? Неужели это—обстановка, чтобы вопреки «соборному» рѣшенію доказать, что простое біографическое повѣствованіе можно признавать ученымъ изслѣдованіемъ? Можетъ быть, почтенный авторъ видитъ борьбу въ своей книгѣ съ указанными сейчасъ настроеніями? Ничуть. Вся книга опрятна и тиха, читается легко и съ удовольствіемъ, даетъ интересный біографическій матеріалъ и рѣшительно никого не задираетъ, если не считать мягкихъ выраженій несогласія г. Котляревскаго съ тѣмъ или другимъ католическимъ или протестантскимъ писателемъ. Но вѣдь это такъ естественно со стороны *ученаго* писателя, да и касается въ большинствѣ случаевъ не имѣющихъ большого научнаго интереса деталей. Авторъ утверждаетъ, что при изученіи исторіи католицизма «русскій изслѣдователь поставленъ въ нѣкоторыя спеціально благопріятныя условія, можетъ подыматься здѣсь сравнительно легко до высшей исторической объективности». Неясно, что здѣсь подразумѣвается подъ «высшей исторической объективностью?» Если подъ послѣдней разумѣть научный индифферентизмъ и отсутствіе опредѣленной теоретической выправки, тогда мы согласны съ утвержденіемъ автора: въ своей книгѣ онъ достигъ вполнѣ этого не для всѣхъ, правда, *высшей* объективности. «Я беру,—говоритъ г. Котляревскій,—жизнь Ламеннэ прежде всего какъ страницу изъ исторіи великой религіозно-общественной организаціи—католической церкви». Разработка новѣйшей исторіи католицизма «одинаково оправдывается и съ точки зрѣнія пониманія современной жизни Западной Европы и съ болѣе высокой (sic!!) точки зрѣнія, съ которой всякій фактъ цѣнится лишь какъ проявленіе великихъ историческихъ силъ». Во-первыхъ, г. Котляревскій не даетъ намъ въ своей книгѣ никакой обработанной страницы изъ исторіи католицизма *); во-вторыхъ, никто, кажется, не выставлялъ абсурднаго положенія, что исторія католицизма не представляетъ научнаго интереса; въ-третьихъ, теоретическій смыслъ упоминаемой авторомъ оцѣнки каждаго факта, какъ проявленія великихъ историческихъ силъ, сомнителенъ и сводится фразой, прикрывающей философскую безсодержательность.

Крупнымъ комплиментомъ привѣтствуетъ далѣе авторъ «великолѣпную психологическую характеристику Ламеннэ» въ «Portraits contemporains» Сентъ-Бёва. Для послѣдняго Ламеннэ «самый дивный образецъ священства и полнаго единства воли и разума, запечатлѣннаго вѣрой», среди прочихъ повъ всеобщей болѣзни—разлада воли и мысли... «Если бы,—пишетъ г. Котляревскій,—Сенъ-Бёвъ показалъ намъ историческую основу этимъ двумъ психологій, столь различныхъ, если бы передъ нами обнаружились

*) Надо замѣтить, что авторъ спеціально занимается исторіей католицизма, обнаруживаетъ значительную литературную продуктивность. Его магистерская диссертація „Францисканскій орденъ и римская Курія въ XIII и XIV вѣкахъ" (С.-Пб. 1901 г., in 8, стр. 4+390+2. Ц. 2 руб.) носитъ на себѣ цензурную помѣтку историко-филологическаго факультета 23 августа 1901 г., а докторская о Ламеннэ 11 февраля 1904 г. Въ два съ небольшимъ года былъ приготовленъ томъ почти сорокъ печатныхъ листовъ.

дѣятельной или бездѣятельной воли индивидуума съ принадлежностью его къ различнымъ общественнымъ группамъ, живущимъ подъ властью различныхъ историческихъ традицій, то не одинъ лучъ яркаго свѣта былъ бы пролитъ на жизнь современной Франціи. Но Сенъ-Бёвъ ограничился здѣсь лишь намекомъ, въ какомъ направленіи надо искать этихъ лучей. Литература о Ламеннэ огромна, но она пошла не по этому направленію». Изъ всего контекста слѣдуетъ, что г. Котляревскій долженъ пойти въ своей книгѣ по тому «направленію», которое онъ только что превознесъ. Ничуть не бывало. Похвалы предисловія одно, а содержаніе книги другое. Зачѣмъ тогда было все это говорить? Капитальнымъ основаніемъ доктрины Ламеннэ является его утвержденіе, что новое общество создастъ новую религію, что религія должна проникать всѣ стороны человѣческой дѣйствительности, что примиреніе науки и религіи мыслимо и возможно. Читатель ожидаетъ, что вся сила историческаго анализа г. Котляревскаго направится на выясненіе эволюціи такого взгляда и на оцѣнку послѣдняго. Не тутъ-то было. Г. Котляревскій здѣсь прирастаетъ къ теоріи высшаго объективизма и молчитъ, какъ истинный философъ; онъ вообще склоненъ воздерживаться отъ сужденій и предпочитаетъ научной критикѣ изложеніе и пересказъ. Нельзя, конечно, насильно заставить автора высказываться, нельзя предписать ему писать изслѣдованіе, а не простое изложеніе взглядовъ Ламеннэ. Но намъ все-таки хотѣлось бы извлечь что-нибудь положительное изъ ученой русской диссертаціи о новѣйшемъ католицизмѣ. Какъ историкъ, г. Котляревскій, повидимому, нѣсколько чуждъ соціологической точки зрѣнія и стоитъ на почвѣ старой культурной исторіи въ узкомъ смыслѣ этого слова, но это не значитъ, чтобы онъ не сознавалъ всей мощи соціально-экономическихъ сторонъ историческаго процесса. Его попортила, конечно, приверженность къ стариковскимъ теченіямъ въ нашей наукѣ. Съ большимъ вкусомъ онъ развиваетъ въ книгѣ свои мысли не по вопросу о возможности или невозможности примиренія науки и религіи и т. п., а по нѣкоторымъ другимъ. Въ данномъ случаѣ наибольшій интересъ представляютъ сужденія автора въ главѣ второй «Ламеннэ въ оппозиціи іюльской монархіи» (часть третья). Г. Котляревскій утверждаетъ здѣсь, что по своему внѣшнему характеру іюльская монархія «чистое представительное правленіе». «Но, — говоритъ онъ, — форма здѣсь совершенно не соотвѣтствуетъ содержанію. Цѣнность представительнаго правленія всецѣло зависитъ отъ того, насколько оно представляетъ интересы и потребности всего населенія, а не какого-нибудь сословія или класса. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что всякая конституція въ представительномъ правленіи должна тяготѣть къ всеобщему праву голоса: тамъ, гдѣ послѣднее еще не доступно, кругъ избирателей долженъ постепенно расширяться, и ограниченія ценза могутъ разсматриваться лишь какъ временныя, вызываемыя особенными обстоятельствами». Эти замѣчанія опредѣленно вырисовываютъ взглядъ автора на политическую сторону доктрины Ламеннэ, даже болѣе того: они вовлекаютъ автора въ очень интересную, съ нашей точки зрѣнія, полемику, на которую зато нѣтъ

ни одного намека въ предисловіи. «Новѣйшая соціальная наука,—пишет нѣсколько далѣе г. Котляревскій,—часто говоритъ о *преступной толпѣ*, о понижающемъ умственно и нравственно дѣйствіи скопленія человѣческих индивидуумовъ. Въ своей реакціи противъ демократической непогрѣшимости она иногда готова видѣть въ формахъ народоправства царство Калибана, которому недоступны высшія стороны человѣческой природы, готова воскресить обвиненіе, выставленное нѣкогда ненавистниками аѳинскаго демоса... Надо думать, что соціологія и здѣсь оказалась слишкомъ впечатлительной къ разочарованіямъ политической дѣйствительности и возвела по своему обычаю эти разочарованія сегодняшняго дня въ законъ общежитія. Когда вѣра въ непогрѣшимость массы, какъ и вѣра въ ея органическую малоспособность правильно судить и возвышенно чувствовать уступитъ мѣсто болѣе спокойнымъ и справедливымъ точкамъ зрѣнія, вѣроятно, возстановлена будетъ въ своихъ правахъ и теорія suffrage universel. Онъ не будетъ разсматриваться какъ непогрѣшимый, но останется *наименѣе погрѣшимымъ*, и даже его противники примирятся съ тѣмъ, что въ развитіи всякой предварительной организаціи наступаетъ моментъ, когда всеобщее право голоса становится нравственной необходимостью и возстановленіе выборныхъ привилегій дѣлается столь же невозможнымъ, какъ возстановленіе крѣпостного права и цеховой системы». Въ приведенныхъ цитатахъ нельзя не видѣть значительной силы и искренности сужденія; къ сожалѣнію, авторъ такимъ образомъ обсуждаетъ лишь отдѣльныя части ученія Ламеннэ, а не цѣликомъ послѣднее, обсуждаетъ разбросанно и случайно.

Еще одно маленькое, но интересное недоразумѣніе... Что значатъ слова автора въ предисловіи, что онъ «отнюдь не отказывается отъ мыслей и чаяній о будущей религіозной жизни Россіи». Характерно, что эти слова слѣдуютъ за такой оцѣнкой религіозно-философскихъ построеній Владиміра Соловьева: «при всей талантливости, блескѣ, своеобразной глубинѣ, построенія В. С. Соловьева въ этой области остались лишь образцомъ свободной игры идей, а не памятникомъ національной мысли». Короче говоря, Соловьевъ пришелъ туда, куда приходятъ нынѣ всѣ правовѣрные русскіе метафизики, даже куда менѣе блестящіе, нежели неподражаемый авторъ «Оправданія добра», т.-е. въ тупикъ, откуда «выхода нѣтъ живому». Такова ли и мысль г. Котляревскаго? Если нѣтъ, то о какомъ памятникѣ національной религіозной мысли онъ мечтаетъ въ противовѣсъ универсализму религіи Ламеннэ? Внимательно перечитывая біографію Ламеннэ, написанную г. Котляревскимъ, мы не нашли въ ней прямого отвѣта на поставленные вопросы и принуждены теряться въ догадкахъ относительно неумѣстнаго автобіографическаго признанія въ предисловіи.

Высокаго интереса тема, обиліе превосходныхъ цитатъ изъ произведеній Ламеннэ, сравнительная популярность изложенія даютъ полную возможность рекомендовать книгу г. Котляревскаго широкому кругу русскихъ читателей. Это—прекрасное научно-популярное изложеніе доктринъ Ламеннэ, но жестоко ошибся бы тотъ, кто сталъ бы утверждать, что по-

ръ снабдилъ это изложеніе достаточнымъ научнымъ комментаріемъ. тель будетъ безспорно увлеченъ книгой, но авторъ оставитъ его въ янін неудовлетворенности, какъ неопредѣленны и смутны заключи- ныя фразы его книги: «Неизсякаемость религіозныхъ потенцій въ че- чествѣ есть историческій законъ даже для тѣхъ, кто отказывает- ъ ней видѣть нравственный постулатъ, но этотъ историческій законъ енѣе сильно констатируетъ измѣнчивость и совершенствованіе формъ, оторыхъ удовлетворяются религіозныя потребности индивидуумовъ и ственныхъ союзовъ. Возможно ли для будущаго католицизма, оконча- ю порвавъ съ прошлымъ, сохранивъ лишь вѣчный религіозный по- *), сохранивъ всѣ накопленные навыки солидарности и продолжая развивать, увидѣть въ свободѣ не средство, а благо въ себѣ и при- право свободнаго разума и свободной совѣсти, признать свободное ьное творчество, въ корнѣ преобразующее современный строй, и не иченное установленными формами человѣческое развитіе? Это внѣ ическаго предвидѣнія, но если такая религіозная форма вырастетъ на западнаго европейскаго католицизма, то Ламеннэ превратится для изъ апостата въ пророка».

В. Сторожевъ.

---

*) Сходится ли здѣсь авторъ съ своими собственными словами цитованной выше истерской диссертаціи: „не порывы религіознаго и моральнаго энтузіазма, а нна и организація сохранили за католической церковью власть надъ жизнью ъ“ (стр. 389).

Шарль Бодлеръ

Среди новыхъ чувствъ, рожденныхъ XIX вѣкомъ и невѣдомыхъ
шествовавшимъ поколѣніямъ, видное мѣсто въ психологіи совреме
человѣка заняло чувство любви къ городской жизни. Оно не было
вычкой или дѣломъ случая; подготовленное предыдущими столѣтіями,
сдѣлалось въ XIX вѣкѣ нераздѣльнымъ элементомъ души, оно органи
срослось со всѣмъ существомъ извѣстной группы людей, одаренныхъ
лантами, честолюбіемъ и изощренными вкусами. Оно создало особую
роду людей, и чѣмъ многолюднѣе городской центръ, тѣмъ больше въ
представителей новаго типа, тѣмъ опредѣленнѣе и ярче отпечатлѣ
на нихъ извѣстныя характерныя черты. «Столичный житель», «па
нинъ», эти слова, при упоминаніи которыхъ у современнаго человѣка
никаетъ цѣлый рой представленій и понятій,—эти слова въ совреме
намъ смыслѣ были невѣдомы до XIX вѣка. Правда, и въ эпоху Ренес
существовали центры, являвшіеся законодателями модъ, идей и ку
ныхъ вкусовъ; во времена Шекспира для свѣтскаго лондонца сч
обязательнымъ говорить по-итальянски и удовлетворять требова
изложеннымъ въ книгѣ графа Кастильоне. Въ XVIII столѣтіи мелк
мецкіе князья и петербургская аристократія старались подражать у
ному этикету Версаля, но только демократическій XIX вѣкъ откры
ный просторъ борьбѣ честолюбій и талантовъ, предоставилъ кажд
можность стремиться на самыя верхнія ступени соціальной лѣстн
въ огромные центры потянулись всѣ, кто мечталъ о славѣ и бог
Только въ XIX вѣкѣ началось это тяготѣніе къ центрамъ, эта
жизнь столицъ, гдѣ скопляются даровитые честолюбцы, безпощадно
за приманки жизни. «Деньги, слава, удовольствіе, нагроможден
одномъ мѣстѣ, представляютъ здѣсь добычу, къ которой устрем
насытныя желанія; надежды и соревнованіе еще болѣе разжига
желанія. Пробить дорогу: еще столѣтіе назадъ не знали этого с
перь оно—верховный руководитель людей [1])». Прошлыя столѣтія

[1]) H. Taine. *Nouveaux essais de critique*. Paris 1896, стр. 55.

той болѣзни, которая рождена XIX вѣкомъ и которую можно назвать «тоской по улицѣ». Свѣтъ электрическихъ фонарей, заливающій улицы въ ночную пору, кофейни и рестораны, гдѣ кипитъ по ночамъ жизнь и льются рѣчи людей, опьяненныхъ виномъ и блескомъ, разнообразные пріюты удовольствій, начиная съ храмовъ истиннаго искусства, блещущихъ сказочной роскошью, и кончая притонами болѣзненныхъ наслажденій,—таковы приманки, которымъ противостать не можетъ часто даже наиболѣе сильный духъ, полный высокихъ порывовъ и благородныхъ стремленій. Вспомнимъ Люсьена, Растиньяка и десятки другихъ героевъ Бальзака, заплатившихъ своей нравственной смертью за немногія минуты призрачныхъ восторговъ, за сладкіе моменты опьянѣнія. Вспомнимъ Диккенса, который изнывалъ въ Лозаннѣ отъ тоски по большому городу. «Мнѣ нужны улицы!» Этотъ мучительный крикъ безпрестанно звучитъ въ письмахъ писателя, серьезно увѣрявшаго, что онъ не можетъ писать въ уединеніи больше одной-двухъ недѣль, что ему необходимо отъ времени до времени побывать въ Лондонѣ, возбудить себя, что фигуры его романовъ «словно замираютъ, когда вокругъ нихъ замолкаетъ шумъ толпы».

Чудеса труда и техники, безпримѣрные успѣхи наукъ и искусствъ, въ значительной степени являются результатомъ этого сверхчеловѣческаго напряженія силъ, этого бѣшенаго соревнованія умовъ и талантовъ. Но эти же условія породили безпощадный эгоизмъ, необузданное тщеславіе, утонченныя страданія и утонченные пороки. Идеалисты начала вѣка провидѣли муки и бѣды, которыми будетъ усѣянъ этотъ новый блестящій путь человѣчества. Они бѣжали отъ этой шумной городской жизни, которая перемалывала въ своемъ грандіозномъ движеніи вѣру и мистическія грезы, растаптывала людей слабыхъ и мечтательныхъ, губила смиреніе и покорность, безпощадно истребляя все, чѣмъ держался старый порядокъ... Шатобріанъ не любилъ Парижа и обожалъ свою дикую Бретань, эту, по выраженію Гюго, «старую мятежницу», суровую хранительницу вѣковыхъ традицій и грозную противницу всякихъ нововведеній. Леопарди посылалъ проклятія вѣку «торгашей и лавочниковъ», вѣку «карманныхъ энциклопедій» и демократизаціи знаній, онъ ненавидѣлъ его новыя науки, политическую экономію и статистику и его надежды; онъ не обольщался дивными созданіями его утилитарнаго искусства, вродѣ «великаго подземнаго хода подъ ложемъ Темзы». Всѣ эти идеалисты отказались отъ яростной погони за богатствомъ и славой; ихъ геній не встрѣтилъ должной оцѣнки, и они бѣжали отъ этого общества, скорбя о паденіи міра и храня въ душѣ порывы къ невѣдомому и туманному идеалу, ушли, уязвленные непониманіемъ окружающихъ, оскорбленные въ своемъ честолюбіи и тщеславіи, но непримиренные и одинокіе. Они искали себѣ мѣста среди американскихъ дикарей, какъ Шатобріанъ, на безконечной шири океана, какъ Чайльдъ-Гарольдъ, на снѣжныхъ вершинахъ швейцарскихъ горъ, какъ Манфредъ; они становились разбойниками, какъ Корсаръ, или безцѣльно скитались, переходя изъ края въ край, но при всемъ разнообразіи они всегда стояли

внѣ офиціальнаго общества, и бѣжали отъ городской культуры и специ-
ческихъ условій городской жизни. Они не примирились съ новымъ строе
жизни; и если въ нихъ исчезла прежняя вѣра, то въ нихъ удержались вкус
и настроенія, созданныя вѣрой. Они сохранили прежнія чувства, утрати
ихъ основу. Если человѣкъ «не чувствуетъ больше потребности вѣрить,
то онъ сохранилъ потребность чувствовать какъ въ тѣ времена, когда
вѣрилъ» [1]).

Мыслители какъ бы раздѣлились на двѣ группы. Одни, романтики и
мистики, жили старыми представленіями и ушли отъ новой жизни. Други
реалисты и соціальные реформаторы, окунулись въ эту новую жизнь; они
стали изучать ее, старались овладѣть благами, которыя предоставляла ей
а лучшіе изъ нихъ старались опредѣлить ея недостатки и искали средст
къ ихъ устраненію. Ни тѣ, ни другіе не были вполнѣ послѣдователь
мистики и мечтатели не разъ увлекались новой дѣйствительностью; въ
момъ уединеніи ихъ, въ самой скорби ихъ, часто не малую роль игр
оскорбленное самолюбіе, равнодушіе или недостаточное вниманіе и пре
неніе современниковъ. Съ другой стороны, тѣ, кто нашелъ себѣ м
среди новыхъ условій жизни, не были свободны отъ мистическихъ по
вовъ къ туманному идеалу, и не разъ въ пылу борьбы, среди кропот
вой работы медленнаго анализа, среди опьяняющихъ наслажденій, пр
ними проносились призраки мирнаго счастія, прежней глубокой вѣры, о
не поколебленной критической мыслью, и картина теократическаго стр

Представьте себѣ человѣка, который въ эту переходную эпоху
съумѣлъ рѣшительно примкнуть ни къ одной изъ двухъ группъ, котор
сохранилъ въ себѣ неутолимую жажду невѣдомаго возвышеннаго ид
и въ то же время всѣмъ своимъ существомъ отдался опьянѣнію больш
городовъ; представьте идеалиста, погруженнаго въ грязь порока и раз
та, человѣка, рвущагося къ идеалу и въ то же время не имѣющаго с
разстаться съ одуряющимъ обаяніемъ жизни, и вы получите образъ Б
лера. Мы знали разочарованныхъ одинокихъ героевъ, бѣжавшихъ отъ
ловѣчества. Бодлеръ—одинокая душа въ самой гущѣ жизни. Бодлеръ, э
Манфредъ въ модномъ костюмѣ, Чайльдъ-Гарольдъ парижскаго буль
«Чувство одиночества съ ранняго дѣтства!—пишетъ онъ въ своемъ и
номъ дневникѣ [2]), и въ семьѣ и особенно среди товарищей, сознаніе,
вѣчно обреченъ на одиночество! И въ то же время горячая жажда жи
и наслажденія!»

Байроновская гордость, непримиримое одиночество британскаго ге
въ поэзіи Бодлера, слились съ муками паденія, съ восторгами ни
ныхъ наслажденій, съ унизительнымъ рабствомъ слабой души, прик
ной могучими цѣпями къ предмету своего презрѣнія. Бодлеру поми

---

[1]) Paul Bourget: *Essais de psychologie contemporaine.* Cinquième édition, стр.

[2]) *Mon coeur mis à nu.* Напечатано въ книгѣ: Charles Baudelaire. Oeuvr
mes et correspondances inédites. Paris 1887, стр. 96.

тѣ, кто умѣлъ отгадать эти благородные порывы, лежавшіе въ основѣ самаго паденія поэта; его ненавидѣли и презирали тѣ, кто смотрѣлъ проще на дѣло, кто не вдумывался въ мотивы его дѣйствій, кто видѣлъ въ немъ только развинченнаго циника, а въ его поэзіи—откровенныя картины утонченнаго разврата. Его «Fleurs du mal» были встрѣчены бурей негодованія, правительство преслѣдовало ихъ, а общество возмущалось поэтомъ, раскрывшимъ язвы современнаго человѣчества во всемъ ихъ ужасномъ неприкрашенномъ видѣ; но болѣе чуткіе критики увидѣли за картинами разврата и неестественныхъ пороковъ грустное и серьезное лицо поэта. Величайшій гуманистъ и моралистъ вѣка привѣтствовалъ поэта и его прекрасные «Цвѣты», которые «сіяютъ и искрятся, какъ звѣзды», а осужденіе во имя «справедливости» и «морали» существующаго режима называлъ «лучшимъ вѣнцомъ» Бодлера [1]). Флоберъ восторгался оригинальностью бодлеровской поэзіи, который обладаетъ «величайшимъ изъ достоинствъ», именно, онъ «не похожъ ни на кого». Что касается безнравственности Бодлера, то авторъ «Госпожи Бовари» писалъ автору «Цвѣтовъ зла»: «Вы воспѣваете плоть, не любя ея, въ печальной и симпатичной мнѣ формѣ» [2]). Тонкій цѣнитель художественныхъ произведеній и знатокъ человѣческой души, Сентъ Бевъ считалъ Бодлера своимъ лучшимъ другомъ [3]) и далъ объ его книгѣ восторженный отзывъ въ письмѣ къ поэту [4]), а извѣстный въ свое время критикъ Эдуардъ Тьерри отзывался о «Цвѣтахъ зла» въ слѣдующихъ словахъ: «Онъ говорилъ голую правду. Онъ не лгалъ себѣ. Онъ не лгалъ никому. Его цвѣты зла заключаютъ въ себѣ одуряющій ароматъ. Онъ вдыхалъ ихъ запахъ, онъ не клевещетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Онъ любитъ свое опьянѣніе, вспоминая о немъ, но его опьянѣніе печально до того, что внушаетъ страхъ; онъ не знаетъ иныхъ средствъ обвиненія, иныхъ жалобъ—онъ печаленъ» [5]). Суровѣе отнеслась къ Бодлеру послѣдующая критика. Леметръ видѣлъ въ его поэзіи сочетаніе глубокой чувственности и христіанскаго аскетизма [6]) и заявлялъ, что бодлеризмъ хорошъ въ свое время, когда нужно утѣшиться послѣ Вольтера, Беранже, Тьерра и подобныхъ имъ умовъ [7]), а Пелисье, въ своей извѣстной книгѣ, произнесъ слѣдующій приговоръ надъ поэтомъ: «Бодлеръ—первый и наиболѣе яркій образецъ

---

[1]) См. письмо В. Гюго къ Бодлеру отъ 30 авг. 1857 г. „Vos *Fleurs du mal* rayonnent et éblouissent comme des étoiles. Continuez. Je crie bravo!... Une de rares décorations, que le régime actuel peut accorder, vous venez de la recevoir. Ce qu'il appe le sa justice vous a condamné au nom de ce qu'il appelle sa morale; c'est là une co ronne de plus. Je vous serre la main, poète. Victor Hugo".

[2]) Ch. Baudelaire. *Oeuvres posthumes et corresp. inéd.*, стр. 291.

[3]) Saint-Beuve. *Causeries du Lundi*. T. IX. Trois. éd. Paris, стр. 351.

[4]) Ibid., т. IX.

[5]) Въ *Le Moniteur universel*, 14 іюля 1857 г., перепечатано въ изд. „Les Fleurs du mal", 1884 г.

[6]) Jules Lemaître. *Les contemporaines*. Quatrième série. Paris, 1889 г., стр. 29.

[7]) Ibid., стр. 32.

тѣхъ надорванныхъ болѣзненныхъ талантовъ, немощныхъ въ творчествѣ, но одаренныхъ особенной силой анализа, какіе могла создать только дряхлѣющая цивилизація, подобная той сухой перегорѣлой почвѣ, что производитъ лишь острыя ядовитыя зелья вмѣсто здоровыхъ питательныхъ плодовъ» [1]). Въ послѣднее время, какъ извѣстно, началась «реабилитація» Бодлера, провозглашеннаго въ свое время поэтомъ порока и разврата. Но немногіе изъ этихъ позднихъ поклонниковъ поэта отнеслись правильно къ своей задачѣ. Вмѣсто того, чтобы возстановить лучшее и благородное, чѣмъ дышала его поэзія, такъ называемая «декадентская» школа объявила его своимъ родоначальникомъ; она восприняла только извращенное и болѣзненное; лишенные бодлеровскаго идеализма и глубокой скорби поэта о міровой неправдѣ и страдающемъ человѣчествѣ, эпигоны Бодлера любовались самыми картинами порока и стали разрисовывать эти картины ради нихъ самихъ. Исчезла та «печаль», о которой говорили Флоберъ и Тьерри, остался цинизмъ, голый, лишенный мрачнаго смысла, лишенный того поучительнаго значенія, которое сохраняютъ творенія всякаго истиннаго художественнаго, даже болѣзненнаго таланта.

Не имѣя въ виду дать исчерпывающую характеристику литературнаго наслѣдія, оставленнаго Бодлеромъ, намъ хотѣлось обрисовать главныя черты этого оригинальнаго поэта съ его свѣтлыми и темными сторонами и выяснить главные мотивы его поэзіи.

II.

Онъ родился 21 апрѣля 1821 года. Его генеалогія печальна; среди его предковъ были безумцы и идіоты. Его біографія проста по внѣшнимъ бытіямъ его жизни и богата внутреннимъ трагизмомъ. Его отецъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые нерѣдко встрѣчались въ эпоху революціи. Стремительность переворота помѣшала даже самымъ ярымъ его сторонникамъ новыхъ идей отрѣшиться вполнѣ отъ привычекъ стараго порядка. Онъ держался крайнихъ революціонныхъ воззрѣній, но остался всю жизнь аристократомъ и эстетикомъ по своимъ привычкамъ и передалъ сыну любовь къ красотѣ и изяществу. Первое сильное сознательное впечатлѣніе при столкновеніи съ жизнью оставило мрачный слѣдъ въ душѣ будущаго поэта: его отецъ умеръ, когда ему было десять лѣтъ, а мать вскорѣ вышла за другого. Унаслѣдованная отъ предковъ нервная организація, склонность къ анализу и повышенная впечатлительность заставили его видѣть «ужасъ жизни» въ каждомъ несчастіи, въ каждой личной удачѣ, и Шарля глубоко поразилъ поступокъ матери, такъ скоро забывшей своего мужа.Ліонскій и парижскій коллежи, въ которыхъ учился поэтъ, мало дали ему, и семнадцатилѣтній юноша погрузился въ ту безпорядочную парижскую жизнь, изъ которой вынесъ, быть можетъ, главныя

---

[1]) Ж. Пелисье. *Лит. движ. въ XIX ст.*, пер. Доппельмайеръ. М., 1895 г.

впечатлѣнія, главные мотивы своей поэзіи. Его не тянуло въ аристократическія сферы, къ которымъ принадлежалъ его вотчимъ; а какъ понимали его внутренній міръ домашніе и какъ встрѣтила мать его стремленіе отдаться поэтическому призванію, показываетъ стихотвореніе «Благословеніе», навѣянное борьбой съ матерью по поводу литературныхъ плановъ Шарля. Поэтъ влагаетъ въ уста матери, не понявшей сына, ужасныя проклятія по поводу его стремленій:

Такъ день и ночь питаться желчью рада,
Не въ силахъ цѣль предвѣчную понять,
Уже впередъ готовитъ въ нѣдрахъ ада
Себѣ костеръ озлобленная мать.
Но сирота, подъ тайною охраной
Самихъ небесъ, несетъ свой тяжкій крестъ:
Во всемъ, что пьетъ, онъ некторъ пьетъ румяный,
Во всемъ, что ѣстъ, амброзію онъ ѣстъ [1]).

Сознаніе своего одиночества и знакомство съ темными углами Парижа,—вотъ что вынесъ Бодлеръ изъ періода своей юности.

Въ 1841 г., уступая настояніямъ родныхъ, Бодлеръ отправляется въ Индію, но ожиданія матери не оправдались. Охваченный тоской по родинѣ, Бодлеръ вернулся въ Парижъ, не достигнувъ даже мѣста назначенія. Вмѣсто успокоенія, онъ возвратился еще съ болѣе богатой фантазіей и даже съ страстью мистифицировать; онъ привезъ съ собою культъ «черной Венеры» и разсказывалъ небылицы, которыхъ никогда не видалъ. Это вторая черта, потребность мистифицировать, для такой натуры, какъ Бодлеръ, была естественнымъ выходомъ изъ первой, изъ его идеальныхъ порываній. Каждая эпоха указываетъ особые пути мечтателямъ. Въ средніе вѣка такой человѣкъ, какъ Бодлеръ, быть можетъ, записался бы въ ряды бичующихся фанатиковъ, и въ этомъ нашелъ бы исходъ своей душѣ, жаждавшей невѣдомаго, не мирившейся съ пошлой дѣйствительностью. Болѣзненному дѣтищу большого города, гдѣ сложная кипучая жизнь погребла всякія естественныя отношенія подъ ворохомъ искусственныхъ наслоеній, гдѣ самая искусственность и дѣланность становится простотой, а простота и естественность кажутся кривляньемъ и манерничаньемъ,—больному питомцу этого центра утонченной культуры оставалось тѣшить себя оригинальными выдумками и фантастическими продѣлками, которыя въ его впечатлительномъ умѣ почти не отдѣлялись отъ дѣйствительности. «Бодлера,—говоритъ по этому поводу Теофилъ Готье,—обвиняли въ кривляньи, въ стремленіи быть оригинальнымъ во что бы то ни стало, въ манерничаньи. Но развѣ нѣтъ людей «естественно-манерныхъ?» У такихъ людей настоящей аффектаціей является именно простота. Имъ приходится долго искать и работать надъ собою, чтобы быть простыми. Ихъ мозгъ такъ устроенъ, что идеи въ немъ движутся по спиралямъ вмѣсто прямыхъ линій. Первыми являются имъ самыя тонкія, сложныя и напряженныя мыс-

[1]) Пер. П. Я.

ли. Они видятъ все подъ особымъ угломъ, измѣняющимъ перспективу. И поражаютъ прежде всего самыя странныя и фантастическія черты изображаемаго явленія, и они умѣютъ мгновенно открывать таинственную нить, скрѣпляющую эти черты съ ихъ основой. Бодлеръ былъ именно таковъ, тамъ, гдѣ критика видитъ усиліе, вымученную работу, тамъ въ сущности мы имѣемъ дѣло съ свободнымъ и естественнымъ проявленіемъ индивидуальности» [1]). Чтобы понять естественный характеръ бодлеровской аффектаціи, слѣдуетъ помнить, что она—продуктъ города, гдѣ устрицы и разлагающійся сыръ считаются нормальными блюдами въ извѣстномъ обществѣ, а вкусъ къ здоровой пищѣ показался бы въ томъ же обществѣ кривляньемъ и извращеніемъ человѣческой природы. Культъ «черной Венеры» дорого обошелся Бодлеру. Онъ влюбился въ Жанну Дюваль, которой не было никакихъ достоинствъ, кромѣ ея принадлежности къ цвѣтной расѣ. Въ ней не было ни ума, ни таланта, ни красоты, ни свѣжести лица. Даже Банвилль, поэтъ и другъ Бодлера, столь склонный расточать хвалы и проникаться лирическими восторгами по адресу товарищей по музѣ, говоритъ о «безграмотной красавицѣ» въ нѣсколько ироническихъ выраженіяхъ, а остальные друзья поэта отзываются о ней еще менѣе дружественно [2]). Она служила въ одномъ изъ мелкихъ парижскихъ театровъ и стала поистинѣ злымъ геніемъ поэта. Она въ значительной степени испортила его жизнь. Подробныхъ свѣдѣній объ ея дальнѣйшей судьбѣ нѣтъ. Извѣстно, что она много пила, заболѣла параличомъ и умерла въ госпиталѣ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти поэта въ страшной нищетѣ. При жизни Бодлеръ не переставалъ заботиться о ней даже въ моменты собственной нужды [3]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно этой женщинѣ Бодлеръ обязанъ тѣмъ нелестными взглядами, которые сложились у него относительно женщины вообще. Въ глубинѣ души Бодлеръ презиралъ женщинъ. Онъ говоритъ онъ въ своей исповѣди, «одна изъ обольстительныхъ формъ, принимаемыхъ дьяволомъ». Онъ удивлялся, какъ пускаютъ женщинъ въ церковь [4]).

Была еще одна причина, отталкивавшая Бодлера отъ женщинъ. Въ одномъ мѣстѣ своей исповѣди онъ говоритъ: «Женщина противоположность денди; она должна внушать ужасъ; когда женщина голодна, она требуетъ пищи; женщина испытываетъ жажду—и требуетъ питья. Она *естественна*, а это отвратительно. Она всегда вульгарна, т.-е. представляетъ собою противоположность денди» [5]). Здѣсь мы столкнулись съ третьей чрезвычайно любопытной чертой Бодлера, которая такъ сильно занимала біографа поэта, именно съ его *дендизмомъ*. Бодлеръ былъ джентльменомъ съ

---

[1]) Theophile Gautier. *Charles Baudelaire*, въ изд. „Les Fl. d. m.“, 1884 г., стр.

[2]) Eugène Crépet. *Etude biographique*. См. Ch. Baud. *Oeuvres posth.*, стр. XL

[3]) E. Crépet. Ib., стр. XXXIX.

[4]) *Mon coeur mis à nu*, стр. 107.

[5]) *Mon coeur mis à nu*, стр. 92—93.

до головы. Привольная болтовня любовницъ его друзей заставляла его нерѣдко бѣжать ихъ общества; относительно интимныхъ сторонъ своей жизни онъ хранилъ всегда крайнюю сдержанность даже въ разговорахъ съ ближайшими друзьями, и эти послѣдніе знали только одну Дюваль въ качествѣ любовницы поэта [1]). Онъ мѣнялъ и обдумывалъ костюмы съ величайшимъ вниманіемъ, и даже когда нужда принудила поэта стѣснить свои привычки, онъ продолжалъ прилагать всѣ усилія, чтобы хорошо одѣваться. И во всемъ онъ былъ денди; его поведеніе сдерживалось правилами приличія, онъ боялся подчиниться страстямъ, удѣляя такъ много вниманія любви. Бодлеръ никогда не подчинялъ ей ни сердца, ни мысли; никогда любовница не могла добиться, чтобы онъ пожертвовалъ для нея ея соперницей—музой [2]).

Этотъ дендизмъ Бодлера вытекалъ изъ того же источника, что и его манерничанье. Дитя шумной столицы, онъ не любилъ естественнаго, а дендизмъ—это символъ подчиненія природы искусству. Фантазія выше дѣйствительности, иллюзія выше правды. Этотъ принципъ романтизма получилъ своеобразное освѣщеніе у Бодлера. Зачѣмъ искать фантастическаго внѣ жизни, когда сама жизнь превратилась въ фантазію въ большихъ городахъ, когда всѣ естественныя чувства и инстинкты поставлены въ новыя сложныя условія, и ихъ проявленія совершаются въ новой обстановкѣ, напоминающей объ естественныхъ чувствахъ столько же, сколько сновидѣніе о дѣйствительности. Дендизмъ—воплощеніе этого извращенія человѣческой природы, а все, что губитъ природу и гнусную дѣйствительность, влечетъ къ себѣ умъ Бодлера, направившагося по ложнымъ путямъ въ своей страстной жаждѣ невѣдомаго идеала. Въ то время, какъ другіе утописты и проповѣдники обновленія мечтали объ устроеніи общества на началахъ справедливости и въ энергичной соціальной работѣ находили разрѣшеніе своихъ благородныхъ порывовъ и смутныхъ чаяній идеала, Бодлеръ все глубже и глубже погружался въ чадъ искусственныхъ возбужденій и отдавался во власть одуряющихъ кошмаровъ.

Съ 1842 по 1845 гг. Бодлеръ велъ счастливую жизнь; достигнувъ совершеннолѣтія, онъ получилъ свою долю отцовскаго наслѣдства, состоявшую изъ капитала въ 75 тысячъ франковъ. Онъ провелъ эти годы въ бесѣдахъ съ друзьями и въ чтеніи книгъ. Одинъ изъ его пріятелей описываетъ совмѣстныя прогулки. Они уходили въ кабачки, выбирали мѣста, «презираемыя буржуазіей, но подходящія для утонченныхъ и возвышенныхъ бесѣдъ на темы объ искусствѣ, литературѣ и даже морали» [3]). Его вкусы къ циническому далъ ему порочный Парижъ. Онъ обѣдалъ въ ресторанахъ съ наштукатуренными женщинами и ночевалъ въ притонахъ. Онъ видѣлъ роскошь, бьющую по нервамъ, мѣшающую мыслить. Путь опьянѣ-

---

[1]) E. Crépet, l c., стр. XL.
[2]) E. Crépet, ib., стр. XXXVII.
[3]) E. Crépet, ibid., стр. XXVIII—XXIX.

нія безпредѣльный путь! Чувства человѣка, живущаго искусственнымъ возбужденіемъ, скоро притупляются и требуютъ все болѣе и болѣе сильныхъ средствъ. Поэты не умѣютъ беречь денегъ, и вскорѣ Бодлеръ очутился въ нуждѣ. Дѣйствительность стала еще ненавистнѣе, потребность опьянѣнія усилилась. Гигантскій городъ не давалъ больше средствъ для забвенія. Гашишъ и опіумъ—послѣднее прибѣжище того, чье больное воображеніе не можетъ разбудить даже чадъ вина. Друзья поэта [1]) пытались отвергнуть обвиненіе, будто онъ прибѣгалъ къ такимъ возбуждающимъ средствамъ, какъ гашишъ и опіумъ, но самъ поэтъ былъ откровеннѣе. «Я культивировалъ свою исторію съ наслажденіемъ и ужасомъ. Въ настоящее время я чувствую постоянное головокруженіе, и сегодня 23 января 1862 года мнѣ сдѣлано рѣзкое предостереженіе; надо мною точно пахнуло крыло безумія» [2]). А его удивительная книга, воспѣвающая райское блаженство опьянѣнія, должна была оправдать ту истину, что «вещи не существуютъ въ дѣйствительности, и истинная дѣйствительность существуетъ только въ мечтахъ» [3]). Исключительныя состоянія души, вызванныя опьянѣніемъ, представляютъ истинный рай по сравненію съ пошлостью повседневной жизни, говоритъ здѣсь Бодлеръ. Возбужденіе при помощи гашиша и опіума вытекало все изъ тѣхъ же порывовъ къ необъятному; первая глава его «Le poème du Haschisch» такъ и озаглавлена: «Le goût de l'infini». Къ такому уродливому и дикому извращенію пришелъ этотъ умъ, благородный въ основѣ, но лишенный дисциплины и устойчивости, не сумѣвшій переварить великихъ идей и проблемъ, выдвинутыхъ вѣкомъ. «Человѣкъ,—говоритъ Бодлеръ, — не такъ покинутъ и не настолько лишенъ честныхъ средствъ достичь неба, чтобы призывать себѣ на помощь фармацію и колдовство; ему нѣтъ необходимости цѣной своей души покупать опьяняющія ласки и любовь гурій. И что значитъ рай, который покупается цѣной вѣчнаго спасенія». Если бы не эти моменты просвѣтлѣнія,—моменты, свидѣтельствующіе, какъ мучительно чувствовалъ поэтъ глубину своего паденія и ужасъ избраннаго имъ пути, — поэзія Бодлера утратила бы лучшій изъ своихъ мотивовъ, а личность поэта потеряла бы право на вниманіе потомства.

III.

Бодлеръ не былъ равнодушенъ къ событіямъ, волновавшимъ его современниковъ, революція 1848 года захватила его; его видѣли среди толпы съ оружіемъ въ рукахъ, ему была противна буржуазія съ ея торгашескими стремленіями, онъ презиралъ республиканцевъ, этихъ «яростныхъ враговъ роскоши, изящныхъ искусствъ и поэзіи» [4]), ему не чужды были мечты о теократическомъ государствѣ во вкусѣ Жозефа де-Местра, онъ скорбѣлъ

[1]) Th. Gautier. *Ch. Baudelaire*, стр. 57.
[2]) *Mon coeur mis à nu*, стр. 94.
[3]) Ch. Baudelaire: *Les Paradis artificiels, opium et haschisch.*
[4]) E. Crépet, *l. c.*, стр. XLVII.

о тяжеломъ положеніи рабочихъ, въ страданіяхъ парижской бѣдноты онъ видѣлъ отраженіе общей трагедіи міросданія, и въ то же время онъ ужасался утопистовъ, прогрессистовъ, утилитаристовъ,—словомъ всѣхъ, кто «думаетъ что бы то ни было измѣнить въ неизмѣнной природѣ и въ неизмѣнномъ порядкѣ, фатально царящемъ надъ обществами: онъ не грезилъ объ уничтоженіи ада или гильотины для вящаго удобства грѣшниковъ и убійцъ» [1]). Политическія и соціальныя воззрѣнія Бодлера подверглись той участи, которой не избѣгли всѣ нетерпѣливыя, болѣзненно-нервныя натуры, не желавшія ждать результатовъ политической и соціальной борьбы, не умѣвшія прощать борцамъ ихъ страсти и эгоистическія увлеченія. Такіе люди съ необъятными требованіями никогда не замкнутся въ рамки опредѣленной программы, не примкнутъ ни къ одной партіи и предпочтутъ безплодную скорбь и больныя грезы медленной работѣ и суровой борьбѣ рядовыхъ дѣятелей. «Быть полезнымъ человѣкомъ всегда казалось мнѣ чѣмъ-то въ высшей степени отвратительнымъ» [2]).

Нѣсколько строкъ его исповѣди прекрасно объяснятъ, какимъ путемъ развивалось его разочарованіе и въ политическихъ дѣятеляхъ, и въ цѣлыхъ движеніяхъ:

«Мое опьянѣніе въ 1848 году. Какого рода было это опьянѣніе? Жажда мести, естественная любовь къ разрушенію. Литературное опьянѣніе, воспоминаніе прочитаннаго.

«15 мая. Все та же жажда разрушенія. Законная жажда, если законно все, что естественно.

«Іюньскіе ужасы. Безуміе народа и безуміе буржуазіи. Естественная любовь къ преступленію.

«1848 годъ былъ интересенъ только тѣмъ, что каждый строилъ тогда утопіи, точно замки въ Испаніи.

«1848 годъ былъ восхитителенъ только самой чрезмѣрностью смѣшного.

«Цѣнность Робеспьера заключалась лишь въ нѣсколькихъ красивыхъ фразахъ, сказанныхъ имъ.

«Революція утверждаетъ суевѣріе жертвоприношеніемъ.

«По словамъ моихъ современниковъ у меня нѣтъ убѣжденій, но это потому, что во мнѣ нѣтъ честолюбія.

«У меня нѣтъ основанія для убѣжденій.

«У честныхъ людей есть извѣстное малодушіе или вѣрнѣе мягкость.

«Только разбойники—люди убѣжденные. Въ чемъ? Въ томъ, что имъ необходимо захватить. И они захватываютъ» [3]).

Ходъ событій озарялся въ его глазахъ какимъ-то феерическимъ свѣтомъ, историческія фигуры и явленія принимали фантастическія формы. Тамъ, гдѣ другіе видѣли ужасы, онъ видѣлъ «чрезмѣрно смѣшное», въ дѣятельности Робеспьера его вниманіе обратили на себя лишь нѣсколько

---

[1]) Th. Gautier, l. c., стр. 19.

[2]) *Mon coeur mis à nu*, стр. 95.

[3]) *Mon coeur mis à nu*. 94—95.

красивыхъ фразъ; убѣжденіе оказывалось качествомъ разбойника, а идеи лучшіе—честнаго человѣка. Онъ жаждалъ необыкновеннаго и страннаго, онъ пріучилъ себя къ опьянѣнію, и дѣйствительность стала гнусной и жалкой въ его глазахъ. Куда ни обращалъ онъ свои взоры, онъ повсюду видѣлъ вопіющій контрастъ съ своими мечтами. Его отзывы о современныхъ явленіяхъ коротки и безпощадны; съ какимъ тайнымъ мучительнымъ наслажденіемъ улавливалъ онъ отвратительное во всемъ, что видѣлъ, и съ радостью раскрывалъ безобразіе естественнаго. «Торговля, по сущности своей, есть дьявольское учрежденіе,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей исповѣди [1]),—торговля—это возмездіе; это ссуда, подразумѣвающая: отдай мнѣ больше, чѣмъ я далъ тебѣ. Духъ всякаго коммерсанта полонъ порочности. Торговля *естественна* и потому *безчестна*». Всякое поколѣніе выдѣляетъ свои жертвы, своихъ больныхъ членовъ, не умѣющихъ отыскать себѣ мѣста среди здоровыхъ работниковъ, и рѣзче оттѣняющихъ своими стонами и больными жалобами могущество и неизмѣнную власть нормальныхъ стремленій человѣчества въ матеріальной и духовной сферѣ. Цѣною тысячъ жизней покупало въ это время французское общество право на политическую свободу, начинался рѣшительный поединокъ между эксплоататорами и эксплоатируемыми, но Бодлеръ не видѣлъ смысла и толку въ великихъ историческихъ событіяхъ, совершавшихся на его глазахъ. Ему казалось, что міръ движется только благодаря всеобщему недоразумѣнію. «Только при помощи взаимнаго непониманія люди доходятъ до соглашенія другъ съ другомъ. Если бы по несчастью они поняли другъ друга, согласія не могло бы быть. Умный человѣкъ, не соглашающійся никогда ни съ кѣмъ, долженъ приспособиться къ тому, чтобы находить удовольствіе въ разговорѣ съ идіотами и въ чтеніи плохихъ книгъ. Онъ найдетъ въ нихъ горькое наслажденіе, которое вознаградитъ его щедро за его униженіе» [2]).

И Бодлеръ покинулъ идейную литературу. Нѣкогда читавшій съ увлеченіемъ пѣвца рабочихъ Пьера Дюпона, онъ постепенно все болѣе превращается въ поклонника чистаго искусства. Т. Готье и Леконтъ де-Лиль были его любимыми поэтами. Эдгаръ По при первомъ знакомствѣ произвелъ на него огромное впечатлѣніе. Онъ прочиталъ его произведенія въ 1846—1847 гг. и «испыталъ необычайное волненіе»; поэмы и повѣсти, о которыхъ онъ уже давно «смутно и безпорядочно думалъ», Эдгаръ По воплотилъ въ совершенныя формы [3]).

Послѣдніе годы его жизни были мучительной агоніей. Парижъ, этотъ кипящій адъ, поглотилъ одну изъ драгоцѣннѣйшихъ жертвъ; великій городъ, манившій поэта своими обольстительными чарами, не оставилъ ему къ концу жизни ничего, кромѣ болѣзни и тяжелой нужды. Въ письмѣ отъ

---

[1]) *Mon coeur mis à nu.* 115.

[2]) *Mon coeur mis à nu.* 116.

[3]) Письмо къ M. Armand Fraisse, см. *Oeuvres posthumes*, стр. LVI.

18 января 1866 г. онъ жалуется, что у него нѣтъ денегъ для лѣченія: «Докторъ рекомендуетъ воды Виши, но у меня нѣтъ ни гроша! [1])» Вотъ какъ описываетъ Готье наружность Бодлера въ этотъ послѣдній періодъ его жизни: «Его фигура исхудала и какъ бы одухотворилась; глаза расширились, носъ заострился и сталъ какъ бы тверже, губы плотно сжались и казалось затаили въ своихъ углахъ какую-то саркастическую загадку... Къ румянымъ нѣкогда оттѣнкамъ щекъ примѣшались желтые тоны болѣзни и утомленія. Нѣсколько облысѣвшій лобъ выигралъ въ величинѣ и, такъ сказать, солидности; онъ казался теперь высѣченнымъ изъ самаго крѣпкаго мрамора. Тонкіе, шелковистые, длинные волосы, уже порѣдѣвшіе и почти совсѣмъ *бѣлые* (въ 44 года!) гармонировали съ этой физіономіей, одновременно и старой, и молодой, придавали поэту почти греческій видъ» [2]).

2 сентября 1867 года хоронили поэта. Онъ и міръ разстались, непонятные и чуждые другъ другу; только нѣсколько десятковъ друзей и писателей провожали его въ могилу, а два-три восторженныхъ отзыва заперли въ холодныхъ некрологахъ французской прессы [3]).

IV.

Его поэзія—грустная повѣсть тѣхъ заблужденій, которыми была полна его жизнь. Это—повѣсть неосуществленныхъ порывовъ къ идеалу, отвратительныхъ картинъ паденія и страшныхъ мукъ въ минуты просвѣтлѣнія.

Немногіе поэты умѣли озарять такимъ зловѣщимъ феерическимъ свѣтомъ картины порока, рисовать съ такой болѣзненной силой извращеніе человѣческой природы. Въ одномъ [4]) изъ наиболѣе сильныхъ стихотвореній этой группы передъ нами въ закрытой комнатѣ, среди «зеркалъ, картинъ, флаконовъ расписныхъ» трупъ женщины; голова ея «съ тяжелой гривою эбеновыхъ волосъ и ношей камней драгоцѣнныхъ» лежитъ на столикѣ.

А на постели трупъ въ величьи наготы
Раскрылъ съ небрежною свободой
Весь сокровенный блескъ, всѣ чары красоты,
Ему дарованной природой.
На мраморной ногѣ, какъ память о быломъ,
Чулокъ остался розоватый,
И свѣтитъ издали пылающимъ зрачкомъ
Подвязка съ вышивкой богатой.
Безлюдье, тишина, еще живая кровь,

---

[1]) *Oeuvres posthumes*, LXXXVII.

[2]) П. Я. *Бодлеръ, его жизнь и поэзія*. Во второмъ изданіи „Стихотвореній", 26–262.

[3]) *Oeuvres posthumes*, CI.

[4]) „Мученица". Для цитатъ мы пользуемся прекрасными переводами П. Я., которые нерѣдко уступаютъ подлиннику въ красотѣ и силѣ, но почти всегда правильно передаютъ смыслъ и духъ текста.

Нагого тѣла положенье—
Все, все наводитъ мысль на мрачную любовь,
На пиръ безумный преступленья,
Восторги адскіе, лобзаній дикихъ ядъ...
И мнится—съ роемъ мыслей червыхъ
Всѣ злые ангелы невидимо парятъ
Межъ складокъ занавѣсъ узорныхъ!

При этомъ ужасномъ зрѣлищѣ поэтъ отдается своимъ мыслямъ; онъ думаетъ объ ея убійцѣ, «разверзъ ли душу онъ для стаи роковой порочныхъ чувствъ и вожделѣній», онъ думаетъ объ этомъ жестокомъ человѣкѣ, «чей ненасытный пылъ не утолила, ты, живая» и кончаетъ мыслью, что убійцѣ не уйти отъ скорби, что «образъ милый» не разстанется съ нимъ, и, подобно убитой, онъ сохранитъ «любовь и вѣрность до могилы». Не менѣе ужасна картина [1]), изображающая трупъ жителя Цитеры; висящій трупъ разрываютъ на куски вороны, «запуская въ углы окровавленной гнили острія осквернѣнныхъ носовъ».

Вмѣсто глазъ были ямы; раскрытое брюхо
Выпускало на ляшки тенета кишокъ.
Палачи наслаждались въ тиши, безъ тревогъ,
Превратя свою жертву въ евнуха...

Или вотъ изображеніе Смерти [2]), которая воплощаетъ «завѣтный вкусъ поэта».

Кто тоньше таліей похвастаться бы могъ?
Съ обиліемъ царственнымъ одежда ниспадаетъ
До щиколки сухой и ножку башмачекъ
Нарядный, какъ тюльпанъ, любовно ущемляетъ.
Какъ рѣзвый ручеекъ, стучащій въ грудь скалы,
На край ключицы рюшъ склонился прихотливо,
Отъ глазъ пасмѣшниковъ и колкой похвалы
Плачевныя красы пріосѣнивъ стыдливо...
Нѣмой зіяетъ мракъ въ пустыхъ ея глазахъ
И черепъ, убранный изысканно цвѣтами,
Тихонько зыблется на хрупкихъ позвонкахъ...
— Краса небытія предъ смертными очами!

Бодлеръ чувствуетъ особенную любовь къ картинамъ разрушенія. Онъ въ раздумьи останавливается при видѣ падали [3]), онъ смотритъ на носящіеся надъ ней рои мошекъ, на «батальоны червей», которые «вдоль лоскутьевъ гнилыхъ, извиваясь, ползли и текли, какъ похлебка густая». Изъ временъ года онъ больше всего любитъ «осени конецъ и дни зимы съ весною, смоченною грязью», потому что они обнимаютъ его «мертвую душу смутной пеленою», потому что «сердцу, гдѣ звучатъ напѣвы потребленья», любо созерцать, какъ «плачущій февраль льетъ холодный свѣтъ на сумерки похожій».

---

[1]) *Поѣздка на островъ Цитеру.*
[2]) *Пляска смерти.*
[3]) *Падаль.*

Не будемъ останавливаться дольше на этихъ отталкивающихъ картинахъ, воплощенныхъ въ красивые стихи. Если бы Бодлеръ оставилъ намъ только эти продукты больного воображенія, его безуміе не представляло бы интереса. Но эти образы не только кумиры поэта, они злые и безпощадные мучители его. Онъ знаетъ, что они—неразлучные спутники его, что они—казнь за его заблужденія, и это сознаніе, эта скорбная мысль о своемъ безуміи является вторымъ мотивомъ его стихотвореній. Онъ упивается дикими образами, но онъ не зоветъ человѣчество пойти по пути безумія, какъ это дѣлали его эпигоны, односторонне понявшіе своего родоначальника. Напротивъ, всѣхъ друзей «мира, неба и людей» онъ приглашаетъ бросить «эту книгу сатурналій, безчинныхъ оргій и скорбей». Кто «Сатанѣ не подражаетъ», тотъ признаетъ его больнымъ или ни слова не пойметъ въ его книгѣ

Но если умъ твой въ безднахъ бродитъ
Ища обѣтованный рай,
Скорбитъ, зоветъ и не находитъ,
Тогда... о братъ! тогда читай
И братскимъ чувствомъ сожалѣнья
Откликнись на мои мученья! [1])

Это сознаніе не разъ приводило его въ содроганіе. Когда въ ночной часъ ему представилось собраніе игроковъ, охваченныхъ ужасною страстью, торгующихъ кто честью старою, кто «красотой своей», онъ «ужаснулся, почувствовавъ желанье стоять, подобно имъ, на роковомъ краю отверстой пропасти—и всетаки страданье предпочитать концу и адъ небытію» [2]). Это сознаніе своей порочности было тѣмъ тяжелѣе, что раскаянье, въ глазахъ Бодлера, не искупаетъ грѣха. Для него гнуснѣе всѣхъ кажутся «развинченные фаты, которые, входя въ молитвенный экстазъ, и плачутъ, и твердятъ, раскаяньемъ объяты: «мы станемъ добрыми, о небо... черезъ часъ!» [3]).

V.

Какъ всякому безвольному человѣку, не умѣющему противостать соблазнамъ, но не умѣющему заглушить и голоса совѣсти, Бодлеру приходится то возвышаться, то падать. Онъ то поднимается до проповѣди благороднѣйшихъ идеаловъ, то опускается еще ниже, въ глубину пропасти и превращается уже въ настоящаго пѣвца порока.

Моментамъ просвѣтлѣнія, когда поэтъ умѣлъ подслушивать рыданія страдающаго человѣчества и спускался изъ сферы своихъ больныхъ грезъ въ область реальныхъ интересовъ, мы обязаны, быть можетъ, его лучшими пѣснями. Тотъ, кого декаденты провозгласили вдохновителемъ своего бе-

---

[1]) *Эпиграфъ къ одной осужденной книгѣ.*

[2]) *Игроки.*

[3]) *Неожиданное.*

зумія, становился истиннымъ реалистомъ, проповѣдникомъ гуманности и обличителемъ порока. Парижскія улицы не только погубили его нервы, онѣ имѣли и положительное вліяніе; скитаясь по нимъ, онъ научился любить обиженныхъ и угнетенныхъ. Цѣлая галлерея образовъ, выхваченныхъ изъ притоновъ разврата, изъ мастерскихъ и другихъ пріютовъ нужды и горя, проходитъ предъ нами въ его стихотвореніяхъ. Сколько нѣжнаго чувства влагаетъ онъ въ изображеніе «маленькихъ старушекъ», этихъ «слабыхъ уродцевъ со сгорбленной спиной», которыхъ поэтъ такъ любитъ подстерегать на улицахъ Парижа. «Рѣкой горючихъ слезъ, потокомъ безъ конца прорыты вашихъ глазъ бездонные колодцы, и прелесть тайную, о милые уродцы, находятъ въ нихъ бѣдой вскормленныя сердца». Онъ думаетъ о страданіяхъ этихъ женщинъ: «однѣхъ родимый край повергъ въ пучину горя, другихъ свирѣпый мужъ скорбями удручилъ, а третьимъ сердце сынъ-чудовище разбилъ,—и слезы всѣхъ,—увы!—составили бы море!» Онъ груститъ о томъ, что теперь уже никто не узнаетъ въ нихъ «граціи старины, терявшихъ счетъ побѣдамъ»; теперь къ нимъ пристаетъ, «съ насмѣшливой лаской» пьяница-прохожій, гамэнъ за ними скачетъ слѣдомъ. Онъ наблюдаетъ, какъ пугливыя, скорченныя и блѣдныя, онѣ бродятъ вдоль стѣнъ, онъ тревожится за каждый невѣрный ихъ шагъ; онъ любуется тайкомъ ими, какъ отецъ дѣтьми. «Я,—восклицаетъ онъ,—вижу вновь расцвѣтъ погибшихъ вашихъ дней, неопытныхъ страстей неясныя волненья; черезъ вашу чистоту самъ становлюсь свѣтлѣй, прощаю и люблю всѣ ваши заблужденья».

«Вечеръ, полный чаръ» [4]), заставляетъ поэта вспомнить объ утомленныхъ труженикахъ; никто не благословляетъ такъ горячо вечернюю пору, какъ тотъ, кто «въ этотъ часъ съ лица отеръ горячій потъ, чьи очи скорбныя давно отяжелѣли,—рабочій, чуть живымъ добредшій до постели»; предъ воображеніемъ поэта встаютъ больницы, «наполняющіяся вздохами» въ эту пору; «страданія больныхъ теперь всего острѣе; ночь, темная, какъ врагъ, хватаетъ ихъ за грудь и въ общей пропасти торопитъ потонуть». Не мало этихъ несчастныхъ томится среди богатой и шумной столицы, съ «плескомъ и визгомъ ея театровъ», съ «томящимъ воемъ органа», съ «смѣхомъ, и голосами, и пьянымъ звономъ стакана»; но еще больше бездомныхъ нищихъ, «тѣхъ, кто въ жизни нелюдимой и не зналъ во вѣкъ тепла семьи родимой». Таковъ вечеръ этого ликующаго гиганта, равнодушнаго къ слезамъ и мукамъ тѣхъ, кому не нашлось мѣста на торжественномъ праздникѣ жизни. Но вотъ просыпается «сумрачный Парижъ, старикъ трудолюбивый», наступаетъ разсвѣтъ:

Писатель задремалъ, не бросивши пера,
И падшимъ женщинамъ уснуть пришла пора—
Тупымъ тяжелымъ сномъ безъ радости и муки,
Со ртомъ разинутымъ, какъ плети, свѣсивъ руки,
Голь изнуренная, съ отрепьемъ на плечахъ

[4]) *Сумерки.*

Разводитъ очаги на жалкихъ чердакахъ;
Сродь холода и мглы, въ лишеньяхъ нищей доли,
Несчастныхъ роженицъ теперь ужаснѣй боли!
Какъ заглушенный плачъ сквозь хлынувшую кровь,
Крикъ сиплый пѣтуха, замолкнувъ, слышенъ вновь.
Сѣдой плыветъ туманъ, какъ море, колыхаясь...
И въ глубинѣ больницъ, хрипя и задыхаясь,
Не мало горемыкъ отходитъ въ этотъ часъ!
Межъ тѣмъ толпа гулякъ, трудами утомясь,
Торопится домой—нога съ ногой въ разладѣ... [1]).

Бодлеръ умѣлъ не только упиваться безумными оргіями и утонченными наслажденіями, которыя создаются въ крупныхъ городскихъ центрахъ; болѣзненно чуткой душой слышалъ онъ всѣ вздохи и стоны, несущіеся изъ разныхъ закоулковъ великаго города. Рабочіе и проститутки, роженицы и умирающіе, несчастные всѣхъ состояній и профессій носились предъ его взоромъ; онъ помнитъ всякаго заброшеннаго страдальца; ему мерещится, какъ по грязи бредетъ негритянка больная, какъ роща платановъ и кокосовыхъ пальмъ горделиво встаетъ передъ ней, за стѣною парижскихъ тумановъ»; онъ тоскуетъ «о тощихъ и блѣдныхъ сиротахъ», груститъ о тѣхъ, о «никогда не обниметъ семью дорогую, чья утрата и скорбь—навсегда, всегда!» Онъ «о путникахъ грезитъ въ пустынѣ горючей, о плѣненныхъ павшихъ... и многихъ другихъ!» [2]).

Въ минуты просвѣтлѣнія онъ готовъ отрѣшиться отъ своихъ эстетическихъ идеаловъ, отъ блаженства болѣзненнаго опьянѣнія и проклясть это искусственное блаженство, во имя здоровья и нормальнаго счастья. Онъ, такъ любившій поэзію дряхлѣющихъ цивилизацій [3]), отвергаетъ въ эти минуты «виды красоты, невѣдомой когда-то» и знакомой только «пѣженнымъ эпохамъ разврата». Онъ говоритъ, что эти выдумки поэтъ запоздалыхъ не осчастливили народовъ захудалыхъ», онъ завидуетъ свѣтлой юности, простой и непорочной», онъ содрогается передъ картиной всеобщаго вырожденія, при видѣ людей, которые—не люди, а «куклы ртвыя, пародіи людей», которые носятъ «въ крови весь темный ядъ вѣковъ, пороки матерей и гнусности отцовъ» [4]).

Бодлеръ не только пѣвецъ скорбей страдающаго человѣчества, онъ—ичитель эгоизма и порока. Въ минуты свѣтлаго и сознательнаго отношенія къ жизни онъ не только проливаетъ слезы надъ людскими страданіями, ему становятся ясны условія и причины, порождающія эти страданія, онъ видитъ виновниковъ ихъ, и тогда картины порока, разврата и ращенія человѣческой природы перестаютъ быть утѣхою пресыщенныхъ дей, ищущихъ новыхъ возбужденій; эти картины превращаются въ серьезныя и грустныя сатиры. Міръ представляется поэту погрязнувшимъ въ

1) *Разсвѣтъ.*
2) *Лебедь.*
3) Полнсье: *Лит. движ. въ XIX ст.*, 303.
4) *Я мысленно живу прошедшими вѣками.*

вѣчномъ грѣхѣ. Въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ стихотвореній Бодлера [1] «странные пловцы» разсказываютъ о томъ, что видѣли.

Узнайте-жъ главное, о чемъ мы умолчали,
Всегда, во всемъ вездѣ отъ нижнихъ ступеней
Фатальной лѣстницы до верхнихъ созерцали
Одно мы зрѣлище разнузданныхъ страстей [2].
На мѣстѣ женщины, съ зари вѣковъ донынѣ
Самодовольную и пошлую рабу;
Мужчину-деспота, раба своей рабыни
Съ душой, похожею на сточную трубу.
Лобъ мѣдный палача и жертвы взоръ молящій;
За пиромъ—амброю приправленную кровь;
Власть опьянѣлую, народъ, все выносящій,
Къ кнуту сыновнюю питающій любовь.
Религій множество: подобно нашей, тоже
Всѣ лѣзутъ къ небесамъ... Какъ нѣжный сибаритъ
Подъ пологомъ изъ розъ на ароматномъ ложѣ,
И святость на гвоздяхъ для наслажденья-жъ спитъ!
Кичливый человѣкъ, ребячески болтливый,
Безумствуя теперь, точь въ точь, какъ въ старину,
Взываетъ къ божеству въ агоніи тоскливой:
— О, Ты, подобный мнѣ, кляну Тебя, кляну!...
А кучка смѣльчаковъ изъ загородки тѣсной,
Отъ стада общаго, живущаго день въ день,
Уходитъ въ опіумъ, свободный и чудесный...
Вотъ шара нашего обычный бюллетень".

Въ такія минуты онъ обращается къ людямъ съ укоризненнымъ с вомъ: «Что вамъ небо съ грядущими вѣчными муками? Что вамъ строги законовъ земли приговоръ? Совѣсть, правду зовете вы мертвыми звук Въ часъ «угрюмой полночи», когда часы «насмѣшливо и ядовито» т ютъ отчета въ прошедшемъ днѣ, людямъ приходится сознаться, что «рабы притупленнаго вкуса, за валтасаровымъ столомъ лизали руки бой силѣ, слугѣ презрѣнному земли; надъ тѣмъ ругались, что любили, молились, что кляли», они «беззащитныхъ огорчали, всѣхъ презираем толпой, хвалили сонъ и отупѣнье, своимъ цѣпямъ несли привѣтъ и зительнаго тлѣнья благословляли тусклый свѣтъ» [3]. Образы людей и эгоизма выведены поэтомъ рядомъ съ страдальцами и бѣдняками: пецъ, думающій о трехъ старыхъ доскахъ на гробъ отцу, когда посл «еще дышалъ», газетчикъ, взывающій къ Всеблагому, Всезрящему и сильному, Кого «онъ самъ во мракѣ утопилъ», «развинченные фаты» и Иногда обаяніе порока и отвращеніе къ нему такъ гармонически с ся въ стихахъ Бодлера, что трудно рѣшить, гдѣ кончается болѣз очарованіе и гдѣ начинается сатира и обличеніе. Таково, напр., стихотв

---

[1] *Путешествіе.*
[2] Въ оригиналѣ: Le spectacle ennuyeux de l'immortel péché.
[3] *Испытаніе полночи.*
[4] *Неожиданное.*

«Хмѣль убійцы»: «Жена въ землѣ... Ура! Свобода! Бывало вся дрожитъ душа, когда приходишь безъ гроша, отъ криковъ этого урода». Онъ упросилъ ее придти на свиданіе «во имя нѣжныхъ клятвъ былого», и она пришла: вѣдь глупость — «общій грѣхъ» людей». «Она была еще прелестна, какъ трудъ ее ни изнурилъ, а я... я такъ ее любилъ! Вотъ отчего намъ стало тѣсно». И онъ «швырнулъ ее на дно колодца»; его чувствъ не понять «отупѣлымъ пьяницамъ». Этимъ толстокожимъ недоступна «сильная вражда», какъ «вѣроятно, никогда прямой любви они не знали, съ ея безсонницей ночей, съ толпой больныхъ очарованій, съ убійствомъ, звуками рыданій, костей бряцаньемъ и цѣпей!» Вино—спаситель убійцы; пьяный растянется онъ на дорогѣ «собою и судьбой доволенъ». Что ему опасность или законъ? Пусть его преступную голову разможжитъ проѣхавшая мимо телѣга; онъ смѣется «надъ сатаной, надъ папой съ мессою святой и жизнью будущею купно». Трудно сказать, какое настроеніе владѣло поэтомъ, грустная ли мысль о семейной трагедіи, разыгравшейся подъ вліяніемъ бѣдности, увлеченіе ли опьянѣніемъ и безшабашностью смѣльчака, или ужасъ предъ муками совѣсти, голосъ которой не перестаетъ звучать за этой безшабашностью и которую несчастный тщетно старается потопить въ винѣ. Бодлеръ часто облекаетъ преступленіе въ увлекательныя формы, и больная фантазія можетъ погружаться въ очарованіе порока, но нормальный умъ видитъ въ этихъ картинахъ ужасное предостереженіе.

VI.

Невольно рождается вопросъ: если порокъ не былъ только наслажденіемъ Бодлера, если онъ видѣлъ ужасъ его, умѣлъ бичевать его и возвышаться даже порою до пониманія соціальныхъ причинъ порока, то неужели онъ не зналъ положительныхъ идеаловъ, ни разу не попытался пойти по опредѣленному пути, въ которомъ онъ могъ бы найти спасеніе отъ тяжелыхъ картинъ нищеты и страданія, отъ собственной тоски и отчаянія?

Бодлеръ не только зналъ стремленіе къ идеалу. Вся его тоскующая и протестующая поэзія создалась на почвѣ этихъ разбитыхъ стремленій. Въ его стихахъ мы не разъ встрѣчаемъ гимны всему, что рвется въ высь; его собственная жалоба слышится въ «Жалобахъ Икара» на то, что «любовники пошлаго сыты, ихъ доля свѣтла и легка, а руки Икара разбиты за дерзость обнять облака». Но у Бодлера не было опредѣленнаго представленія о путяхъ лучшаго будущаго; если бы мы захотѣли положительное міросозерцаніе Бодлера сблизить съ тѣмъ или инымъ изъ существующихъ міровоззрѣній, это было бы чрезвычайно трудно сдѣлать. Иногда онъ является въ роли религіозно-вѣрующаго человѣка и истиннаго христіанина.

Благословенъ Дающій намъ страданья,
Въ пустынѣ зла источникъ водъ живыхъ!
Какъ сталь въ огнѣ, въ горнилѣ испытанья
Нашъ крѣпнетъ духъ для радостей святыхъ!

Я знаю: тамъ, гдѣ Ты царишь, блистая,
Есть уголокъ и для моихъ скорбей.
И позовешь меня Ты въ кущи рая
На праздникъ Силъ, Престоловъ и Властей.
Онъ правъ, Твой судъ! Даетъ вѣнецъ нетлѣнный
Лишь путь креста, мученій и тревогъ,
И дань нужна со всѣхъ міровъ вселенной,
Чтобъ мой сплести мистическій вѣнокъ [1])!

«Благословенъ твой бичъ, карающій Отецъ! Благословенна скорбь!»—восклицаетъ онъ въ другомъ стихотвореніи [2]),—Твоя рука сплетала не для пустой игры колючій нашъ вѣнецъ». Эта вѣра въ воздаяніе утѣшаетъ его не только въ личныхъ страданіяхъ, но и при видѣ страданій другихъ. Смерть «шепчетъ дѣтямъ нищеты, что близокъ кровъ гостепріимный. Такъ Ангелъ щедрою рукой всего имъ дастъ: очагъ, покой и груды яствъ,—вина и хлѣба... постелетъ ложе изъ цвѣтовъ, откроетъ даръ волшебныхъ сновъ и всѣ ключи вручитъ отъ неба!» [3]).

Иногда религіозное настроеніе уступаетъ эстетическому. Онъ хватается за красоту, какъ за высшее благо, какъ за единственный якорь спасенія. Она—единственный путь къ идеалу, къ безпредѣльному и невѣдомому. Тогда нравственные и религіозные вопросы отступаютъ на второй планъ, и поэту нѣтъ дѣла до Бога и сатаны. Въ стихотвореніи «Гимнъ красотѣ» онъ говоритъ:

О, кто ты? Дочь небесъ иль порожденье ада?...
Порочный и святой, загадоченъ твой взглядъ.
Онъ, какъ вино: въ немъ свѣтъ, въ немъ райская услада
И преступленья мрачный ядъ...
О, что за дѣло мнѣ—эдема-ль чистой пери,
Сирены-ль темный взоръ мой разумъ освѣтилъ,
Мнѣ къ Безконечному невѣдомыя двери,
Давно желанныя открылъ!
Что мнѣ, отъ Бога ты иль нѣтъ, когда ты—Дива
Со взглядомъ бархатнымъ, вся блескъ и ароматъ,
Съ кѣмъ эта ночь кругомъ глядитъ не такъ пугливо,
Мгновенья менѣе томятъ!... [4]).

---

[1]) *Благословеніе.*

[2]) *Неожиданное.*

[3]) *Смерть бѣдняковъ.*

[4]) Приводимъ двѣ послѣднія строфы въ оригиналѣ, такъ какъ онѣ характеризуютъ важнѣйшій элементъ бодлеровскаго міросозерцанія, а переводъ не передаетъ ихъ силы.

Que tu viennes du ciel ou de l'enfer, qu'importe,
O, Beauté! monstre énorme, effrayante, ingénu!
Si ton oeil, ton souris, ton pied, m'ouvrent la porte
D'un Infini, que j'aime et n'ai jamais connus?
De Satan ou Dieu, qu'importe? Ange ou Sirène,
Qu'importe, si tu rends,—fée aux yeux de velours,
Rhythme, parfum, lueur, ô mon unique reine!—
L'univers moins hideux et les instants moins lourds?

Но въ концѣ-концовъ его мятущаяся душа не находитъ ни въ чемъ полнаго удовлетворенія и возвращается къ своему старому испытанному средству спасенія, къ иллюзіи и опьянѣнію. Онъ чувствуетъ свое полное безсиліе. «Моя душа давно разбита, смята! И еслибъ пѣснею я вздумалъ, какъ когда-то, спугнуть холодный мракъ, я только-бъ прохрипѣлъ, какъ раненный, врагомъ забытый безсердечнымъ, въ кровавомъ озерѣ подъ грудой мертвыхъ тѣлъ, безсильный двинуться въ усильи безконечномъ!» [1]). Ему остается только запереть «всѣ двери, выходы», грезить «о горизонтахъ синихъ, о сказочныхъ садахъ, оазисахъ въ пустыняхъ, о поцѣлуяхъ дѣвъ небесной красоты, о всемъ, что дѣтскаго бываетъ у мечты» [2]), или предаться вину, которое «отрѣшаетъ духъ отъ будничныхъ заботъ, упадаетъ въ грудь амброзіей священной, зерномъ, посѣяннымъ предвѣчною рукой» и вызываетъ «изъ сердецъ, какъ солнца лучъ живой, цвѣтокъ поэзіи нетлѣнный» [3]).

Скоро минетъ полвѣка съ тѣхъ поръ какъ появились въ свѣтъ «Les Fleurs du mal». Въ настоящее время, когда эта странная книга сдѣлалась знаменемъ цѣлой школы, извращавшей ея смыслъ и значеніе, небезполезно пролить правильный свѣтъ на нее и ея творца. Эпигоны Бодлера отталкиваютъ отъ себя своей проповѣдью зла и тѣмъ нелѣпымъ направленіемъ, которое получилъ у нихъ культъ красоты, принципъ искусства для искусства. Правда, и Бодлеръ не разъ упивался картинами порока, но мы видѣли, что за этимъ безуміемъ слѣдовали ужасные моменты пробужденія. И муки, которыя испытывалъ поэтъ въ такія минуты, являлись искупленіемъ его паденія, кромѣ того въ эти минуты самый порокъ озарялся новымъ свѣтомъ и пѣвецъ зла становился его сатирикомъ и обличителемъ. «Вы,— говоритъ Сентъ-Бевъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ Бодлеру,—избрали адъ, вы превратились въ дьявола, чтобы похитить у ночныхъ демоновъ ихъ тайны... вы страдали, вы изнывали, блуждая, заглушая свою тоску, разгоняя свои кошмары, борясь съ своими нравственными пытками. Вы много страдали, бѣдное дитя мое. Эта особая печаль, вѣющая съ страницъ вашей книги, печаль, въ которой я узнаю послѣдній симптомъ больного поколѣнія, хорошо извѣстнаго намъ, старикамъ, эта печаль будетъ зачтена вамъ» [4]). Этой печали нѣтъ у тѣхъ, которые провозгласили себя учениками Бодлера; какъ всегда бываетъ съ послѣдователями, вѣрными, но лишенными таланта своего родоначальника, они овладѣли внѣшними сторонами его поэзіи, не усвоивъ ея сущности, они рисовали паденіе, наслаждаясь имъ, а не выстрадавъ его. Бодлеръ дорого заплатилъ за крушеніе своихъ идеаловъ, за отреченіе отъ своихъ возвышенныхъ порывовъ; его эпигонамъ не за что было платить, такъ какъ у нихъ не было идеаловъ. И, конечно, не кто иной, какъ эти эпигоны, внушили слѣдующія

---

1) *Разбитый колоколъ.*

2) Пейзажъ.

3) Душа вина.

4) Sainte-Beuve. *Causeries du Lundi.* T. IX, 3-me éd. Paris.

рѣзкія и несправедливыя строки Пелиссье [1]). «Поклоненіе Бодлеру тѣсно ограничено средою пресыщенныхъ жизнью нравственныхъ калѣкъ и содержитъ въ себѣ извѣстную долю лжи и мистификаціи, но оно имѣетъ нѣкоторое основаніе и въ соотвѣтствіи этого прототипа «декадентомъ» общему вырожденію и болѣзненной нервозности современныхъ поколѣній». Если основаніе это и существуетъ, то мы видѣли, съ какими оговорками можно признать его, и кто знаетъ, если бы Бодлеру пришлось увидѣть тѣхъ, кто считаетъ его апологетомъ зла, не бросилъ ли бы онъ имъ въ лицо снова свой укоризненный стихъ:

Что вамъ небо съ грядущими вѣчными муками?
Что вамъ строгихъ законовъ земли приговоръ?
Совѣсть, правду, зовете вы праздными звуками,
И не нуженъ вамъ славы ласкающій взоръ.

П. Коганъ.

---

[1]) *Лит. движ.*, стр. 314.

Сахалинъ, какъ колонія *).

имать и почва Сахалина. — Трудность разработки подъ земледѣльческіе участки рвобытной тайги и несовершенство орудій.—Колонизаціонная горячка и жизнь въ йгѣ. — Обычный порядокъ образованія поселеній и его результаты. — Устройство леній въ неудобныхъ для хлѣбопашества мѣстностяхъ и процентъ подлежащихъ раздненію селеній.— „Птичьи гнѣзда". — Процентъ бездорожныхъ селеній и пѣшеныя тропы.—Проѣзжія дороги и легендарный Корсаковскій трактъ.— Экономичеое и нравственное значеніе бездорожья.—Сельское хозяйство.—Преобладаніе ручго способа обработки земли передъ упряжнымъ и причины этого явленія.—Недоатокъ рабочаго скота. — Отсутствіе хорошихъ сѣмянъ. — Дробность земельныхъ астковъ, не обезпечивающая пропитанія.—Пресловутая лѣнь поселенцевъ. — Проводительность сахалинской пашни. — Перемѣна взглядовъ на задачи колонизаціи халина.—Прогрессируетъ ли сельское хозяйство на Сахалинѣ? — Сельско-хозяйенная емкость Сахалина.—Меліорація земель при помощи труда ссыльно-каторжхъ и поселенцевъ.—Трудоспособность каторжныхъ.—Развращающее значеніе „пайвъ".—Значеніе сельско-хозяйственнаго промысла въ будущемъ.—Попытки организаціи труда поселенцевъ.—Причина ихъ вялости въ конкуренціи тюремъ и „системѣ ономій".—Организація лѣснаго промысла въ Корсаковскомъ округѣ. — Ея непорядки и таинственность.

Островъ Сахалинъ растянулся въ меридіанальномъ направленіи почти на О верстъ, причемъ сѣверная и южная его оконечности лежатъ приблизительно на широтѣ Тулы и Симферополя. Несмотря на положеніе острова сравнительно южныхъ широтахъ, его годовая температура, вслѣдствіе сѣдства Охотскаго моря съ его холодными теченіями, очень низка и совѣтствуетъ въ сѣверной части устью Мезени, находящемуся почти подъ лярнымъ кругомъ, а въ южной—Петербургу. Громадныя, по нѣскольку рстъ въ поперечникѣ, ледяныя поля Охотскаго моря, заносимыя къ югу рскими теченіями, не успѣваютъ иногда растаять даже къ августу, а гому господствующіе на Сахалинѣ лѣтомъ юго-восточные вѣтры, пролеи надъ охлажденною морскою поверхностью, имѣютъ сравнительно низю температуру и вредно вліяютъ на растительность Сахалина въ тѣхъ стностяхъ, гдѣ она подвергается непосредственному ихъ вліянію. Поому орографія Сахалина имѣетъ громадное значеніе для климата от-

*) *Русская Мысль*, кн. IX, 1904 г.

дѣльныхъ мѣстностей, который находится въ гораздо большей зависимости отъ расположенія горъ, чѣмъ отъ географической широты. Такъ, напримѣръ, на южномъ Сахалинѣ рядомъ съ курильскимъ бамбукомъ, виноградомъ и другими представителями южной флоры можно встрѣтить низкорослыя искривленныя лиственницы и даже тундру. Устье р. Поронай, лежащее въ средней части Сахалина, но открытое дѣйствію южныхъ вѣтровъ, занято типичною сѣверною тундрой, а на самомъ сѣверѣ, подъ прикрытіемъ горнаго кряжа, произрастаютъ хвойные и даже лиственные лѣса, тогда какъ вся остальная окружающая мѣстность покрыта тундрой. Такимъ образомъ хотя Сахалинъ и принято дѣлить въ климатическомъ отношеніи на двѣ части: сѣверо-восточную, подвергающуюся непосредственному вліянію Охотскаго моря, и юго-западную, омываемую теплымъ Цусимскимъ теченіемъ, но это дѣленіе имѣетъ слишкомъ схематическій характеръ. Вообще же должно сказать, что климатъ Сахалина изученъ весьма мало, и существующія на немъ три метеорологическія станціи не дали достаточнаго матеріала для сужденія о климатѣ даже тѣхъ мѣстностей, которыя лежатъ на одной съ ними широтѣ, но поставлены въ иныя условія по отношенію къ защищенности ихъ отъ вліянія морскихъ вѣтровъ. Въ виду такой особенности Сахалина выборъ мѣстъ для поселеній требуетъ особой осмотрительности, такъ какъ широта мѣстности не всегда можетъ указывать на удобство ея для сельско-хозяйственной культуры.

Приблизительно одна треть острова, а именно сѣверная его часть представляетъ почти сплошную равнину, по которой тянется цѣпь невысокихъ холмовъ, на самомъ сѣверѣ переходящихъ въ болѣе высокій горный кряжъ. Эта часть, въ зависимости отъ ея равниннаго положенія, почти сплошь покрыта тундрой и вовсе не годится для земледѣлія. Остальныя двѣ трети заполнены горами, которыя, за исключеніемъ немногихъ прибрежныхъ мѣстностей, представляютъ хорошую защиту отъ непосредственнаго вліянія морскихъ вѣтровъ. Лежащія среди этихъ горъ долины удобны для хлѣбопашества, но механическое строеніе, физическія свойства и мощность залеганія почвъ въ этихъ долинахъ не одинаковы. По большей части онѣ состоятъ изъ подостланныхъ галькою суглинковъ отъ нѣсколькихъ дюймовъ до нѣсколькихъ аршинъ толщиной. Въ средней части долинъ и въ ихъ низовьяхъ слой почвы толще, по краямъ же и въ болѣе верхнихъ частяхъ онъ постепенно дѣлается болѣе мелкимъ. Въ зависимости отъ этого находится и плодородіе почвъ. По свидѣтельству мѣстнаго инспектора сельскаго хозяйства, въ общемъ, сахалинскія почвы отнюдь не могутъ быть признаны непригодными для земледѣлія, въ особенности въ Корсаковскомъ округѣ. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ участкахъ почва еще долго не потребуютъ удобренія, на вновь же раздѣлываемыхъ пашняхъ она даже слишкомъ жирна, и нѣкоторые зерновые хлѣба не переносятъ посѣва на ней. Зато другая, самая значительная часть долинъ, съ болѣе мелкой почвой требуетъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ или удобренія или отдыха [1]). Къ тѣмъ же заключеніямъ пришелъ и профессоръ Д...

чаевъ, который въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ произвелъ анализъ образцовъ сахалинскихъ почвъ. По его опредѣленію, «огромное большинство ихъ и по химическому составу, и по физическимъ свойствамъ принадлежитъ къ такъ называемымъ среднимъ и тяжелымъ суглинкамъ, богатымъ питательными веществами, въ сущности, къ тѣмъ же самымъ, которые занимаютъ огромныя площади въ Европейской Россіи, къ сѣверу отъ черноземной границы» [2]).

Но эти плодородныя долины покрыты первобытной тайгой, состоящей изъ высокоствольныхъ могучихъ породъ, достигающихъ иногда двухъ обхватовъ толщины. Между этими гигантами ютятся болѣе мелкія породы: боярка, черемуха и проч., а все свободное среди нихъ пространство занято густымъ подлѣскомъ изъ разнообразныхъ переплетающихся другъ съ другомъ кустарниковъ и грубыхъ травъ, превышающихъ ростъ человѣка. Массы валежника дѣлаютъ эту чащу совсѣмъ непролазной; каждый шагъ въ ней нужно вырубать топоромъ и даже огонь, этотъ могучій истребитель лѣсовъ, который здѣсь такъ часто приходится призывать на помощь человѣку, глохнетъ отъ обилія сырости въ этомъ царствѣ зеленыхъ сумерекъ, куда свѣтъ солнечныхъ лучей едва проникаетъ черезъ густую листву нависшихъ другъ надъ другомъ древесныхъ вершинъ. Чтобы расчистить эти дебри, выкорчевать громадные, въ нѣсколько обхватовъ, пни съ ихъ расползшимися во всѣхъ направленіяхъ, переплетающимися въ видѣ сѣти корнями, чтобы осушить почву и раздѣлать ее подъ участокъ пахотной земли требуются невѣроятныя усилія, а между тѣмъ поселенецъ, выходя изъ тюрьмы, не имѣетъ другихъ орудій кромѣ дроворубнаго топора, мотыги, лопаты и двухъ фунтовъ веревки. Кромѣ того выдается: одна поперечная пила на пять и одна продольная на десять человѣкъ и одно точило на селеніе. Вотъ всѣ тѣ орудія, съ которыми выходитъ поселенецъ на борьбу съ дремучей тайгой для образованія новыхъ поселеній. Въ 1890 году администрація острова выписала было корчевальную машину, но она оказалась недостаточно сильною для сахалинской тайги и ее пришлось бросить, машины же болѣе сильной конструкціи слишкомъ тяжелы, а потому не могутъ быть доставлены на участки, къ которымъ нѣтъ никакихъ дорогъ [3]).

Въ предыдущей главѣ мною уже было приведено свидѣтельство бывшаго начальника главнаго тюремнаго управленія А. П. Саломона объ отсутствіи при высылкѣ арестантовъ на Сахалинъ всякаго соображенія о томъ, можетъ ли онъ размѣстить всѣхъ присылаемыхъ преступниковъ. Число послѣднихъ, какъ мы видѣли, прогрессивно вырастало и подъ этимъ напоромъ все новыхъ и новыхъ людскихъ волнъ, которыя съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе тѣснили старыя, сахалинская администрація отчасти вынуждена была вести дѣло колонизаціи въ болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ позволяли ея средства. Приходилось заботиться уже не о томъ, чтобы дать прочное устройство колонистамъ, а о какомъ бы то ни было размѣщеніи ихъ. Такъ, въ одномъ изъ своихъ отчетовъ главное тю-

ремное управленіе, говоря о вновь открытыхъ поселеніяхъ въ долинѣ рѣкъ Вальзе, Большой и Малой Лонгари, откровенно сознается, что «будущности этому направленію нельзя покуда предсказать, но въ настоящемъ оно избавило администрацію отъ затрудненій, связанныхъ съ переполненіемъ ранѣе занятыхъ пунктовъ, а главное отъ застоя, крайне тяжело отражавшагося на дѣлѣ» [4]). Какъ росла колонизаціонная горячка, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1882 году на всемъ Сахалинѣ было только 13 поселеній. Съ этого времени, въ связи съ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о сельско-хозяйственной колонизаціи Сахалина, начинается поспѣшное образованіе новыхъ поселеній, и въ 1898 г. ихъ считается уже 136, причемъ колонизаціонная дѣятельность съ теченіемъ времени становится все стремительнѣе. Такъ, въ первое пятилѣтіе съ 1883 по 1887 гг. основано было 27 поселеній, въ слѣдующее 33 и, наконецъ, въ пятилѣтіе съ 1893 по 1897 гг. 63 поселенія [5]). Не всегда однако сахалинская администрація дѣйствовала подъ давленіемъ необходимости,—нерѣдко селенія устраивались исключительно для того, чтобы показать усердіе въ угожденіи начальству. Характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій случай: въ 1894 году въ Александровскомъ округѣ числилось открытыми 12 селеній съ 377 участками. Изъ перечисленія семи изъ этихъ селеній видно, что въ нихъ имѣлось 372 участка, слѣдовательно на остальныя пять селеній приходится по одному участку на каждое [6]). Остается думать, что эти послѣднія существовали лишь въ проектѣ, или пришлось бы допустить, что пять совершенно безпомощныхъ по одиночкѣ людей были брошены на произволъ судьбы среди глухой сахалинской тайги на жертву волкамъ и медвѣдямъ. Въ отчетахъ главнаго тюремнаго управленія то и дѣло приходится встрѣчать указанія на вновь открытыя селенія, въ которыхъ однако нѣтъ даже избъ. Такъ, въ 1891 году въ Корсаковскомъ округѣ открыто шесть новыхъ поселеній, «но вслѣдствіе недавняго водворенія въ нихъ людей, весною отчетнаго года не могло быть произведено посѣвовъ и дома тамъ еще не выстроены, а работы сосредоточены на раскорчевкѣ отведенныхъ имъ участковъ» [7]). Людей гнали въ тайгу даже осенью, несмотря на очевидную невозможность къ домообводству ранѣе весны [8]). Поселенцы ютились въ землянкахъ, гдѣ страдали отъ сырости и холода. Въ какихъ условіяхъ приходилось жить этимъ «обитателямъ лѣсовъ», можно судить по описанію рыковской тюрьмы до постройки для нея деревянныхъ казармъ, хотя несомнѣнно, что и глазахъ у начальства тюрьма должна была находиться въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ заброшенныя среди тайги и болотъ поселья. Вотъ какъ описываетъ рыковскую тюрьму бывшій ея смотритель г. Ливинъ: «Каторжане помѣщались въ юртахъ, т.-е. ямахъ или землянкахъ длиною 5, шириною 3 сажени, покрытыхъ земляною крышею безъ потолка, съ земляными поломъ и четырьмя крошечными отверстіями на подобіе оконъ и нѣкоторымъ подобіемъ наръ. Нагрѣвались эти юрты очагами, т.-е. огнемъ, разложеннымъ на полу юрты противъ отверстія, сдѣланнаго въ крышѣ для

пуска дыма, который, между прочимъ, свободно разстилался по всему помѣщенію. Въ этихъ юртахъ господствовали темнота, холодъ, сырость и страшное зловоніе. Помѣщавшіеся въ юртахъ люди были до того грязны, что у большинства на рукахъ и шеѣ грязь отдѣлялась слоями, и почти всѣ жильцы юрты были покрыты сплошными мелкими вередами» [9]).

При такихъ условіяхъ приходилось жить по году и больше, что объясняется не только трудностью расчистки таежныхъ участковъ, но и недостаткомъ инструментовъ. Начальникъ Корсаковскаго округа Бѣлый свидѣтельствуетъ, что въ мѣстности Кресты было выселено въ 1885 году 44 поселенца, изъ которыхъ только у 11 имѣлись топоры, да и тѣ частью были пріобрѣтены на собственныя средства. Въ мѣстности Сіянцы онъ нашелъ партію поселенцевъ въ 72 человѣка, высланныхъ туда для домообзаводства. «Со дня увольненія отъ работъ имъ истекалъ уже годъ, а между тѣмъ только 17 изъ нихъ приступили къ постройкѣ избъ за не полученіемъ необходимыхъ инструментовъ. По провѣркѣ у нихъ оказалось два казенныхъ топора на всю партію» [10]). Въ такомъ же точно положеніи находились и поселенцы Корсаковскаго округа и въ другихъ деревняхъ. По словамъ полковника Гарнака, ощущался полный недостатокъ лопатъ и другихъ земледѣльческихъ орудій и даже за деньги поселенцамъ негдѣ было купить необходимое, такъ какъ единственная лавка въ Корсаковскомъ торгуетъ въ слишкомъ незначительныхъ размѣрахъ, чтобы удовлетворить мѣстнымъ потребностямъ, корсаковская же тюрьма не имѣла запасовъ орудій для снабженія ими поселенцевъ [11]).

Относительно порядка образованія поселеній бывшій тюремный инспекторъ, г. Коморскій, въ докладѣ своемъ отъ 20 декабря 1884 г. говоритъ, что выборъ мѣстъ для поселеній «произведенъ не какимъ-нибудь спеціалистомъ,—выбирали ихъ бывшіе надзиратели, переименованные послѣ въ смотрителя: унтеръ-офицеры Рыковъ, Дербинъ и друг. Отсюда и названіе поселеній: Рыковское, Дербинское и т. д.» [12]). Тотъ же порядокъ выбора мѣстъ для поселеній сохранился и въ позднѣйшее время, несмотря на учрежденіе во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ особой должности инспектора сельскаго хозяйства, на обязанности котораго лежитъ, между прочимъ, и обслѣдованіе участковъ со стороны ихъ пригодности для сельскаго хозяйства. Новыя поселенія открывались не только безъ осмотра предназначенныхъ для нихъ мѣстностей спеціалистомъ, но даже и безъ вѣдома начальника острова [13]). Настойчивыя требованія губернатора о предварительномъ сообщеніи ему свѣдѣній о предположенныхъ для отвода поселенцамъ мѣстностей оставлялись безъ исполненія или исполнялись только для формы, уже послѣ образованія участковъ. Такъ, бывшій начальникъ Корсаковскаго округа г. Вологдинъ въ 1897 г. сдѣлалъ представленіе губернатору объ устройствѣ селенія въ мѣстности Мерея. Спрошенный послѣднимъ о пригодности ея для земледѣлія, инспекторъ сельскаго хозяйства далъ о ней неблагопріятный отзывъ, но оказалось, что эта мѣстность была заселена г. Вологдинымъ даже ранѣе испрошенія на то раз-

рѣшенія у губернатора. Въ 1897 году въ Корсаковскомъ округѣ был
крыто еще восемь поселеній, о существованіи которыхъ инспектору
скаго хозяйства сдѣлалось извѣстнымъ только изъ отчетности [14]). Б
начальникъ главнаго тюремнаго управленія А. П. Саломонъ утверж
что чуть ли не всѣ возникшія послѣ 1882 года поселенія устраив
такъ, что сначала поселялись въ тайгѣ люди, а затѣмъ уже имъ пр
ставлялось отыскивать пригодныя для хлѣбопашества земли. Такъ о
валось селеніе Палево и многія другія [15]).

Результаты такого отношенія къ колонизаціонному дѣлу получил
конечно, самые печальные. Въ 1890 г., наприм., въ Тымовскомъ окр
среди болотъ, почти что тундры, было основано селеніе Тауланъ. Л
построили дома, кое-какія хозяйственныя постройки и разбрелись, т
какъ занятіе земледѣліемъ оказалось невозможнымъ. Въ слѣдую
году при такихъ же условіяхъ было основано селеніе Далдаганъ. Н
ленцы въ числѣ 40 душъ построили зимовье, а затѣмъ ушли на постр
Уссурійской желѣзной дороги. Потомъ пришли еще восемь человѣкъ,
резимовали и тоже ушли. Осенью «нагнали» новыхъ, но и эти разбре
Оба эти селенія приказомъ губернатора 2 января 1897 г. упразднены.
томъ же положеніи находятся сс. Черполисье, Борисовка и многія
гія [16]). Какъ видно изъ рапорта начальника Корсаковскаго округа гу
натору отъ 19 мая 1898 г. за № 6212, и въ этомъ округѣ дѣло уст
ства селеній находилось не въ лучшемъ порядкѣ. Такъ, «мѣста, на
ченныя для селеній Орѣховскаго, Иннокентьевскаго, Нечаяннаго и
ксѣевскаго совершенно непригодны къ заселенію, такъ какъ располож
на болотахъ, къ осушкѣ которыхъ не представляется никакой возмо
сти. Кромѣ сего они сильно страдаютъ отъ ежегодныхъ наводненій,
вторяющихся не только весною, но и послѣ каждаго сильнаго дождя.
дворенные ошибочно предмѣстникомъ моимъ на этихъ мѣстахъ ссы
поселенцы положительно не могутъ устраивать тамъ своихъ домо
водствъ и просятъ о переводѣ ихъ въ другія мѣстности» [17]). Вотъ
характеризуетъ военный губернаторъ о. Сахалина въ своемъ приказѣ
острову отъ 29 сентября 1899 г. за № 294, дѣятельность мѣстной а
нистраціи по открытію новыхъ поселеній: «При первомъ же взглядѣ
мѣстность въ иныхъ пунктахъ, гдѣ разбиты поселья, становится оче
нымъ, что поселья основывались часто безъ всякихъ соображеній о
годности или неудобствѣ данной мѣстности для сельскаго хозяйства.
Охотскому побережью, напримѣръ, нѣсколько селеній разбито на та
мѣстахъ, гдѣ никакихъ хлѣбовъ по условіямъ почвы и климатическ
не родится вовсе да и родиться не можетъ. Таковы селенія Дуйно,
реговое и др.» [18]). Подсчитывая результаты колонизаціи Сахалина, б
начальникъ главнаго тюремнаго управленія А. П. Саломонъ находит
изъ 132 числившихся въ его время селеній 21, или около 16%, н
жатъ упраздненію за полною невозможностью вести въ нихъ хот
нибудь сельское хозяйство.

Нѣкоторыя селенія, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, устроены на морскомъ берегу, въ такихъ мѣстностяхъ, которыя не имѣютъ сообщенія съ центральной частью острова и которыя такимъ образомъ въ продолженіе, по меньшей мѣрѣ, восьми мѣсяцевъ въ году совершенно отрѣзаны отъ всего міра. Таковы Маука въ Корсаковскомъ округѣ, два селенія въ долинѣ р. Пильво въ Александровскомъ округѣ и нѣкоторыя другія, всего, по счету А. П. Саломона, восемь. Сообщеніе съ ними происходитъ на паровыхъ катерахъ, не болѣе двухъ разъ въ лѣто. Провизія завозится сразу на цѣлый годъ, причемъ нерѣдко бываетъ, что сѣмена для посѣва и земледѣльческія орудія привозятся въ августѣ, а соль послѣ прекращенія хода рыбы, которая въ этихъ мѣстностяхъ является единственнымъ надежнымъ средствомъ питанія. Въ случаяхъ крайней необходимости жители этихъ «птичьихъ гнѣздъ» отваживаются на путешествіе по обрывистымъ приморскимъ скаламъ и таежнымъ тропамъ, но путь этотъ очень длиненъ и требуетъ необычайной ловкости: приходится преодолѣвать страшно крутые подъемы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и спускаться и подыматься по веревкѣ, которую въ этихъ случаяхъ поселенецъ вмѣстѣ съ топоромъ имѣетъ съ собою. Около Нашкиная, наприм., черезъ одинъ утесъ приходится спускаться саженъ 14 (sic!) на веревкѣ. И тѣмъ не менѣе на такой дорогѣ часто бываютъ пѣшеходы [19]). Зимою, когда образуются забереги, въ эти селенія иногда можно проѣхать на собакахъ, но путь этотъ очень опасенъ, такъ какъ свирѣпствующими здѣсь въ это время штормами забереги отрываетъ и разбиваетъ о прибрежныя скалы. Необходимость устройства хоть какой-нибудь сухопутной дороги въ долину р. Пильво, заселенной въ 1894 году, заставила начальника Александровскаго округа предложить обитающимъ у устья этой рѣки гилякамъ отыскать путь, которымъ можно было бы проникнуть въ долину рѣки Агнево, откуда уже возможно сообщеніе съ центральной частью острова. Но эти, привычные къ путешествіямъ по горнымъ тропамъ въ поискахъ звѣря инородцы наотрѣзъ отказались отъ этого порученія, ссылаясь на дальность и трудность перехода. То же предложеніе и съ тѣмъ же результатомъ было сдѣлано и гилякамъ, живущимъ по р. Агнево. Наконецъ, среди тюремныхъ надзирателей нашелся отважный гилякъ Павлинка, который, взявъ съ собой еще двухъ гилякъ, согласился отправиться въ трудное путешествіе по неизвѣданнымъ еще горнымъ хребтамъ. Два слишкомъ мѣсяца Павлинка съ товарищами блуждалъ въ тайгѣ, перевалилъ въ смежный Тымовскій округъ, пройдя на Оноръ и Хамдасу и отыскалъ верховье рѣки Агнево. Но путь этотъ такъ длиненъ и такъ тяжелъ, что врядъ ли возможенъ для сообщенія [20]). Въ такомъ же положеніи находится и селеніе Нояси, исторія котораго заслуживаетъ быть отмѣченной. Основано оно въ 1894 г. по просьбѣ углепромышленнаго товарищества Маковскій и К°, чтобы имѣть постоянный контингентъ рабочихъ на находящемся въ этой мѣстности, арендованномъ имъ у казны Сартунайскомъ рудникѣ. По свѣдѣніямъ 1899 г. въ этомъ селеніи состояло 127 человѣкъ жителей,

переселенныхъ сюда въ виду заработка въ копяхъ. По официальнымъ свѣ-
дѣніямъ пахотной земли въ этомъ селеніи числится 3 дес. 914 кв. саж. [21],
а по частнымъ—удобной для земледѣлія земли тамъ вовсе нѣтъ. Проработ-
тавъ недолго, товарищество перенесло свою дѣятельность на Мгачинскій
рудникъ, а Сартунайскій забросило совсѣмъ, поселенцы же остались ни
при чемъ: заработка нѣтъ, пашни нѣтъ, уйти некуда, потому что бли-
жайшіе населенные пункты отстоятъ на нѣсколько десятковъ верстъ и
никакихъ сообщеній съ ними не имѣется. Хорошимъ подспорьемъ мог-
бы служить рыба, но не всегда есть соль, чтобы заготовить ее въ про-
Пробовали добывать соль изъ морской воды, но она оказалась горько
вызывала желудочныя заболѣванія. «Въ какомъ положеніи остались жи-
тели,—говоритъ одинъ изъ официальныхъ изслѣдователей Сахалина,—
легко видѣть изъ того, что въ навигацію нынѣшняго (1896) года
удалось за тысячу рублей зафрахтовать пароходъ, чтобы вывезти т
самые необходимые предметы для поддержанія ихъ существованія» [22].

Поспѣшность, съ которою создавались поселенія на Сахалинѣ, не
вала возможности заботиться о предварительномъ устройствѣ дорогъ
назначаемымъ для поселенія участкамъ. Партія шла въ глубь тайги
своими незамысловатыми орудіями и мѣсячнымъ пайкомъ за спиною,
рубая каждый шагъ своего пути топоромъ. Во многихъ мѣстахъ эти пр
и до настоящаго времени остались въ своемъ первобытномъ видѣ.
свидѣтельству официальнаго «Обзора», «къ 22 селеніямъ острова не
ведено никакихъ дорогъ, и эти селенія, расположенныя въ пусты
тайгѣ и тундрѣ, сообщаясь съ прочими селеніями мелкими пѣшеход
тропами, въ теченіе большей части года совершенно отрѣзаны» [23]. Вс
селеній на Сахалинѣ къ 1900 году считалось 118, слѣдовательно, бо
18,6% изъ нихъ не имѣютъ вовсе никакихъ дорогъ. Вотъ какъ оп
ваетъ одинъ изъ изслѣдователей этого острова небольшой кусочекъ п
деннаго имъ пути по дорогѣ отъ с. Владиміровки до Тисъ-Кизы: «
самой Владиміровкой пришлось переходить черезъ разлившуюся го
рѣчку. Ранѣе перекинутыя бревна были снесены бурнымъ потокомъ.
селенцамъ съ немалымъ трудомъ пришлось устраивать новую перепр
а намъ балансировать по двумъ двойнымъ бревнамъ, помѣщеннымъ
внительно высоко надъ водой, съ опасностью, по непривычкѣ, сва
и искупаться въ рѣкѣ. Тропа, немного сырая и болотистая, была
лена валежникомъ. Приходилось перескакивать съ хворостинки на
ростинку, съ пенечка на пенечекъ, придерживаясь за кусты и с
Пройдя пять верстъ, мы снова очутились передъ извилиной той же
ной рѣчки. Переправы не было, потому что поселенцы изъ Тисъ-К
вышли снова сдѣлать ее. Три поселенца шли навстрѣчу намъ во В
міровку и далѣе. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, они безъ труда пер
лись черезъ быструю рѣку, выше пояса въ водѣ. Отъ встрѣтив
узнали, что они просидѣли цѣлую недѣлю въ Тисъ-Кизѣ, не имѣя
можности изъ-за переправъ двинуться ни взадъ, ни впередъ. Они

казывали намъ, что, случается, идущіе съ пайками обрываются здѣсь и теряютъ пайки; въ прошломъ же году одинъ каторжный даже утонулъ съ пайками» [24]). Но это, сравнительно, одинъ изъ благоустроенныхъ путей, проходящій по густо населенной мѣстности, къ поддержанію котораго въ порядкѣ всетаки прилагаются нѣкоторыя мѣры, хотя бы въ видѣ перекинутыхъ черезъ рѣчки бревенъ. Обыкновенно пѣшеходные пути гораздо хуже и опаснѣе. Для образчика укажу на путь изъ поста Корсаковскаго на Крильонскій маякъ, гдѣ живутъ люди, которымъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ необходимо побывать въ посту Корсаковскомъ, чтобы запастись провизіей. На разстояніи 127 верстъ здѣсь имѣется 16 бродовъ; изъ нихъ 13 вовсе непроходимы даже въ небольшіе паводки, которые въ горахъ случаются весьма часто и совершенно неожиданно: чуть прошелъ гдѣ-нибудь вверху дождь, и ничтожный ручей вздулся свирѣпымъ потокомъ, который рветъ съ корнемъ деревья и ничего не щадитъ на своемъ пути. Въ такихъ мѣстахъ приходится пережидать, пока не спадетъ вода. Впрочемъ, 6 изъ этихъ бродовъ можно обойти, но обходы очень трудны и часто рискованны, такъ какъ пролегаютъ или по топкимъ, болотистымъ мѣстамъ, черезъ которыя приходится переходить съ шестомъ въ рукахъ, или по густымъ зарослямъ камыша въ ростъ человѣка, гдѣ часто можно наткнуться на медвѣдя. На этомъ же пути есть пространство, гдѣ на протяженіи шести верстъ при отливѣ и въ тихую погоду нужно брести по морю по поясъ и выше. Женщины употребляютъ на этотъ переходъ полтора часа. Это мѣсто очень опасно и путники здѣсь часто тонутъ. Кромѣ того, на томъ же пути есть два нависшихъ надъ моремъ утеса: одинъ тянется на восемь верстъ, оставляя пѣшеходу лишь узкую тропинку, по одну сторону которой высятся отвѣсныя скалы, а по другую зіяетъ вѣчно шумящая морская бездна. Этотъ переходъ не изъ легкихъ, особенно съ поклажей за плечами. Другой утесъ тянется на 9 верстъ и въ штормъ всѣмъ непроходимъ: нужно ждать, пока успокоится море. Къ счастію, въ этомъ утесѣ есть до 10 расщелинъ, куда можно укрыться, если штормъ захватитъ въ пути, но отъ шквала на немъ спастись, конечно, не всегда возможно [25]). Есть такія благодатныя мѣстечки, гдѣ на протяженіи 15 верстъ тропа 52 раза перебрасывается съ берега на берегъ одной и той же рѣчки, которую или приходится переходить по перекинутому бревну, или бродить по скользкому каменистому руслу [26]). «И такъ ходятъ,—говоритъ, описывая сахалинское бездорожье, бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія А. П. Саломонъ,—не для какихъ-нибудь изслѣдованій, а для того, чтобы доставить въ поселеніе, еще не соединенное дорогой, муку, солонину, соль, топоры, мотыги и т. п. Иногда случается добираться такимъ образомъ до своей паствы и священнику со Св. Дарами» [27]).

Вполнѣ благоустроенныхъ дорогъ на Сахалинѣ всего только три, да и тѣ находятся у столицы острова, поста Александровскаго; общее протяженіе ихъ не превышаетъ 30 верстъ; «остальныя дороги всѣ типа про-

селочныхъ» [28]). Но надо знать, каковъ этотъ «типъ», чтобы судить о нихъ удобствѣ для проѣзда. Большая часть изъ нихъ представляетъ только просѣки, прорубленныя когда-то въ глухой тайгѣ и затѣмъ оставленныя на произволъ судьбы, поросшія молодью и засоренныя валежникомъ. Къ осушенію ихъ никогда никакихъ мѣръ не принималось, а потому лишь рѣдкія изъ нихъ, и то на небольшомъ пространствѣ, годны для телѣжнаго пути. Другія, къ которымъ было приложено болѣе труда, частью въ самомъ началѣ, благодаря невѣжеству ихъ строителей, представляли весьма мало удобствъ для проѣзда, частью запущены и пришли въ первобытное состояніе вслѣдствіе отсутствія ремонта. По словамъ офиціальной справки, данной бывшему начальнику главнаго тюремнаго управленія А. П. Саломону, «всѣ эти дороги въ весьма плохомъ состояніи и частью требуютъ капитальнаго ремонта, частью же должны быть проложены вновь». Военный губернаторъ въ своемъ приказѣ по острову отъ 29 сентября 1889 г. за № 294 свидѣтельствуетъ, что при объѣздѣ имъ поселеній Корсаковскаго округа его поразило «полное отсутствіе мало-мальски годныхъ для проѣзда въ экипажѣ дорогъ. Единственная, проложенная въ давнія времена большая проѣзжая дорога отъ п. Корсаковскаго до с. Найбучи, носитъ на себѣ полное отсутствіе слѣдовъ капитальнаго ремонта въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ. Проѣздъ въ экипажѣ сталъ по ней рискованнымъ, начиная уже отъ самаго поста до первой Пади, благодаря обваламъ, на что администраціей округа, повидимому, не обращалось и не обращается никакого вниманія» [29]). Ежегодно въ своихъ отчетахъ администрація жалуется на плохое состояніе дорогъ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на него, какъ на одну изъ причинъ плохого экономическаго состоянія населенія, но дороги продолжаютъ оставаться все въ томъ же положеніи. По словамъ администраціи, ссыльно-каторжные, трудомъ которыхъ ранѣе проводились дороги, до такой степени завалены работой по другимъ все «возрастающимъ потребностямъ острова въ рабочей силѣ», что, напримѣръ, въ періодъ 1900—1901 г. «не представилось возможности занять ссыльно-каторжныхъ проведеніемъ новыхъ или кореннымъ исправленіемъ старыхъ дорогъ» [30]). Чтобы помочь этому горю, администрація лѣтомъ 1900 г. возложила дорожную повинность на мѣстное населеніе, но, повидимому, мѣра эта не имѣла практическаго значенія, такъ какъ населеніе, «привыкнувъ на Сахалинѣ не отбывать никакихъ повинностей, не признаетъ ее обязательной, вслѣдствіе чего зачастую приходится употреблять принудительныя мѣры» [31]). Но и примѣненіе принудительныхъ мѣръ едва ли улучшитъ состояніе дорогъ, такъ какъ населеніе не имѣетъ ни лошадей, ни необходимыхъ для работы орудій, кромѣ того, большинство населенія безсемейные бобыли, которымъ не на кого оставить свое хозяйство, бросить свой участокъ въ самое необходимое для полевыхъ работъ время значитъ остаться и безъ того скуднаго пропитанія, которое даетъ поселенцу земля.

Какъ строились на Сахалинѣ дороги и какого труда онѣ стоят

жетъ свидѣтельствовать постройка такъ называемаго «Онорскаго» тракта, долженствовавшаго соединить столицу Сахалина съ постомъ Корсаковскимъ. Трактъ этотъ получилъ легендарное значеніе, и ужасное воспоминаніе о массѣ погибшихъ на немъ отъ изнуренія и голода людей до сихъ поръ еще живо въ сахалинскомъ населеніи. «Работы,—говоритъ А. П. Саломонъ,—были ведены съ безразсудною поспѣшностью; люди до такой степени изнурялись непосильнымъ трудомъ, подвергались такимъ жестокимъ наказаніямъ, настолько были лишены всякихъ заботъ объ ихъ продовольствіи и здоровьѣ, что доходили до отчаянія, массами совершали побѣги, предпочитали увѣчить себя, наговаривать на себя тяжкія преступленія вродѣ убійства товарищей и людоѣдства, лишь бы только отдѣлаться отъ работъ» [32]). Постройка была поручена невѣжественнымъ тюремнымъ надзирателямъ, изъ которыхъ особенно прославился своею жестокостью бывшій ссыльно-каторжный Хановъ, а потому дорога была ведена неумѣло и масса тяжкаго труда была потрачена совершенно непроизводительно или даже во вредъ дѣлу. Дорога проложена по тундрѣ. «Въ видахъ спѣшности и изъ экономіи канава прорыта лишь по одну сторону дороги, а по небрежности или невѣжеству проведена по ту именно сторону, куда мѣстность спускается, такъ что канава не отводитъ воду, а задерживаетъ ее на дорогѣ» [33]). «Чтобы понять, какъ нераціонально велась эта работа,—говоритъ одинъ изъ живыхъ свидѣтелей проведенія онорскаго тракта,—достаточно сказать, что въ небольшой долинкѣ длиною около 10 вер., по которой протекаетъ извилистая рѣчка Чха-Поронай, построено было 106 капитальныхъ мостовъ съ перилами и разными укрѣпленіями съ промежутками въ $2^1/_2$—3 саж. Всѣ эти мосты были снесены послѣ перваго двухдневнаго дождя; затѣмъ они были вновь построены и вновь снесены, и опять насколько разъ построены и опять снесены, такъ что, при моемъ первомъ проѣздѣ по просѣкѣ, въ 1892 г., я нашелъ только рѣдкіе слабые слѣды этихъ мостовъ. Между тѣмъ долинка съ названною рѣчкой, какъ и большая часть неудобныхъ мѣстъ просѣки могла быть легко обойдена болѣе удобными мѣстами». «Просѣка строилась по усмотрѣнію тюремныхъ надзирателей безъ предварительнаго изслѣдованія мѣстности, и вслѣдствіе этого производители работъ настроили массу брошенныхъ, непригодныхъ просѣкъ въ десятки верстъ длиною, изъ которыхъ однѣ упираются въ неприступныя горы, а другія выходятъ на высокіе отвѣсные утесы Охотскаго моря» [34]). Трактъ этотъ составлялъ гордость сахалинской администраціи и не разъ въ своихъ отчетахъ указывала она на громадность его культурнаго значенія для острова [35]). Въ настоящее время онъ совершенно заброшенъ и по немъ съ великимъ трудомъ пробираются лишь техники почтоваго вѣдомства для исправленія телеграфныхъ поврежденій; зимняя же почта, приходящая на собакахъ не болѣе пяти разъ въ зиму, по возможности, избѣгаетъ этого тракта, и направляется преимущественно по заберегамъ Охотскаго моря [36]). Легко понять, какъ такое состояніе дорогъ отражается на благосостояніи населенія. Особенно тягостно оно для поселенцевъ, еще

не успѣвшихъ устроить свое хозяйство. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ со времени своего освобожденія изъ тюрьмы они пользуются пайковымъ довольствіемъ, но за полученіемъ его они должны направляться въ складъ, который сплошь и рядомъ отстоитъ весьма далеко. Поселенцы нѣкоторыхъ отдаленныхъ селеній употребляютъ на это по полторы недѣли. Случается, что часть пайка, иногда еще и не вполнѣ додаваемаго, растеривается, при долгихъ же задержкахъ въ пути отъ непогоды значительная часть его съѣдается и домой приносятся только остатки. Сколько же времени при такихъ условіяхъ можетъ употребить поселенецъ на свое хозяйство? Даже наиболѣе рачительные изъ нихъ въ три-четыре года не успѣваютъ стать на ноги, а «нерадѣніе къ домообзаводству» влечетъ за собою отдачу въ «заводскія работы», т.-е. въ тѣ же каторжныя, но назначаемыя не по суду, а по усмотрѣнію начальника округа, работы. «Какъ вліяетъ все это на правильность труда и вообще на нравственный складъ—понять не трудно,—говоритъ Д. А. Дриль.—И безъ того въ большинствѣ случаевъ не особенно рачительные поселенцы такими періодическими путешествіями только еще болѣе и какъ бы систематически пріучаются къ бродяжеству и безхозяйности... Нѣкоторые кое-какъ сколачиваютъ изъ оканчиваемые и никому не нужные домишки, кое-какъ перебиваются три пайковыхъ года, а затѣмъ и четвертый годъ—кратчайшій срокъ для полученія крестьянскихъ правъ и спѣшатъ, если не держатъ долги или какія другія причины, перебраться на материкъ, забрасывая въ сахалинскихъ селеніяхъ свое незаконченное «домообзаводство» [37]). Заработка при этомъ никакого. Нельзя даже завести лошади, чтобы заработать въ зимнее время извозомъ, потому что никакого извоза въ бездорожной мѣстности быть не можетъ, кормить же лошадь при отсутствіи подножныхъ кормовъ въ продолженіе восьми зимнихъ мѣсяцевъ нечѣмъ. Такой поселенецъ на жизнь свою обреченъ воздѣлывать свой земельный участокъ только при помощи кирки да лопаты, не имѣя никакой надежды когда-нибудь измѣнить къ лучшему свой бытъ. При такихъ условіяхъ, если онъ не можетъ уйти на материкъ, то бросаетъ свое безплодное хозяйство и, отчаявшись въ возможности лучшаго исхода, начинаетъ шататься по острову, обезпечивая свое пропитаніе, гдѣ случайнымъ заработкомъ, а гдѣ воровствомъ. «То положеніе, въ которое попадаетъ поселенецъ по выходѣ изъ тюрьмы на новомъ поселкѣ (вродѣ Хомдасы 2-й),—говоритъ бывшій начальникъ Тымовскаго округа, г. Савримовичъ, въ своемъ представленіи военному губернатору о. Сахалина,—способно убить всякіе нравственные задатки даже въ цѣльномъ человѣкѣ, а не только въ преступникѣ съ разшатанной нравственностью». «Голодный, холодный, порочный до безстыдства людъ, расходясь по поселеніямъ, вливаетъ съ собою и тотъ ядъ, который не допускаетъ жизнь поселенцевъ сколько-нибудь окрѣпнуть въ нравственномъ отношеніи и дойти до сколько-нибудь нормальныхъ условій какъ въ моральномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи» [38]).

Уже на основаніи этого бѣглаго очерка условій, при которыхъ

вались поселенія на Сахалинѣ, можно заключить, что сельское хозяйство новыхъ колонистовъ имѣло весьма мало шансовъ для своего развитія. Но такъ какъ этотъ промыселъ является наиболѣе крупнымъ и имѣетъ преобладающее значеніе въ экономической жизни острова, то остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе. Мы видѣли выше, съ какими орудіями выходитъ поселенецъ изъ тюрьмы для устройства своей новой жизни на поселеніи: мотыга да лопата,—вотъ весь его сельско-хозяйственный инвентарь. Ни косъ, ни серповъ, ни сохъ, ни боронъ не полагается. Все это поселенецъ долженъ купить, но можетъ получить ихъ и въ ссуду изъ тюремныхъ складовъ. Пріобрѣтать инструменты изъ казны поселенцы часто затрудняются, такъ какъ и качество ихъ плохое, и цѣна имъ слишкомъ высока. По свидѣтельству начальника Корсаковскаго, округа г. Бѣлаго, въ 1886 г. серпы цѣнились тюрьмою по 2 р., тогда какъ по выпискѣ ихъ черезъ частную фирму они обошлись по 60 к. за штуку [39]). Выдача инструментовъ въ ссуду, согласно приказу губернатора по острову отъ 31 декабря 1895 г., должна быть производима «не иначе какъ по личномъ всякій разъ удостовѣреніи смотрителя поселеній въ дѣйствительной необходимости подобной выдачи, о чемъ представлять окружному начальнику, испрашивая на выдачу его распоряженія». Этими правилами смотрители поселеній должны руководствоваться даже и при продажѣ инструментовъ за наличныя деньги [40]). При такихъ условіяхъ населеніе никогда не можетъ получить своевременно просимыхъ имъ инструментовъ, такъ какъ чтобы «удостовѣриться», необходимо поѣхать на мѣсто приписки просителя, а затѣмъ ожидать разрѣшенія начальника округа, но смотрители поселеній не привыкли къ частому объѣзду селеній. «Осмотръ отдѣльныхъ селеній, въ особенности удаленныхъ отъ п. Корсаковскаго,—говоритъ военный губернаторъ Сахалина,—далъ очевидныя доказательства того, что гг. смотрители поселеній посѣщали большую часть поселеній не чаще одного-двухъ разъ въ годъ, а начальники округовъ во многіе поселки и вовсе не заглядывали отъ самаго ихъ основанія» [41]). Трудность пріобрѣтенія необходимыхъ инструментовъ является одною изъ причинъ значительнаго числа бездомовыхъ и безземельныхъ поселенцевъ. При сравненіи числа хозяйствъ съ числомъ жилыхъ избъ оказывается, что въ Александровскомъ округѣ въ 1901 г. бездомовыхъ хозяйствъ было 6, въ Корсаковскомъ же округѣ число послѣднихъ опредѣлялось для 1900 г. почти въ 8% всѣхъ хозяйствъ округа [42]). Но сравненіе числа избъ съ числомъ хозяйствъ не даетъ еще яснаго представленія о дѣйствительномъ числѣ бездомовыхъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ имѣется болѣе одной избы. По свидѣтельству же мѣстнаго инспектора сельскаго хозяйства число такихъ хозяйствъ на островѣ составляетъ болѣе 10% [43]). По официальнымъ свѣдѣніямъ за время 1895—1898 гг. не сѣяно хлѣба, т.-е. вовсе не обрабатывало земли, свыше 13% всѣхъ хозяйствъ острова, причемъ колебаніе числа безземельныхъ по отдѣльнымъ округамъ и годамъ простирается отъ 5 до 25%.

Сахалинскія пашни и до сихъ поръ обрабатываются наполовину мотыгами, наполовину сохами, косулями и плугами. Всѣ эти орудія, въ огромномъ большинствѣ самодѣльныя, весьма разнообразны по формѣ и величинѣ, но общимъ для нихъ является преобладаніе дерева надъ желѣзомъ: только лемехи и рѣзцы у плуговъ и сошники у сохъ сдѣланы изъ желѣза, отвалы же, пятки и всѣ прочія части—деревянныя. В 1896 г. въ тюремныхъ мастерскихъ было изготовлено 63 плуга по рекомендованному инспекторомъ сельскаго хозяйства типу воткинскаго завода. За плуги назначена была цѣна въ 5 р., по каковой ихъ предложено распространить «среди наиболѣе рачительныхъ хозяевъ» не только за наличныя деньги, но и въ ссуду, причемъ окружнымъ начальникамъ вмѣнено было въ обязанность «принять всѣ мѣры къ тому, чтобы изготовленіе плуговъ съ будущаго (1897) года производилось въ каждомъ округѣ въ тюремныхъ мастерскихъ и даже путемъ труда кустарей, для какой-нибудь цѣли благонадежнымъ ссыльнымъ, хорошо знакомымъ съ кузнечнымъ дѣломъ, можетъ быть оказываема помощь отъ казны выдачею необходимаго матеріала [44]). Но приказъ этотъ на практикѣ большого значенія не имѣлъ и, по послѣднимъ офиціальнымъ даннымъ, оказывается, что въ 1901 г. въ Александровскомъ округѣ на 1,082 хозяйства имѣлось всего 200 плуговъ или 18,5%, въ Тымовскомъ на 1,408 хозяйствъ—362 плуга или 25,7%, что же касается Корсаковскаго округа, то господствующимъ средствомъ обработки почвы, попрежнему, осталась ручная мотыга [45]). Итакъ эта, какъ и многія другія благія начинанія на Сахалинѣ, разбилась о господствующій здѣсь во всѣхъ отрасляхъ и все мертвящій канцеляризмъ. Вмѣсто того, чтобы заготовить заблаговременно достаточный запасъ плуговъ и устроить склады ихъ въ наиболѣе населенныхъ и бойкихъ пунктахъ острова, администрація поручила смотрителямъ поселеній сначала собирать свѣдѣнія о желающихъ пріобрѣсти такіе плуги и затѣмъ уже заготовлять ихъ по числу желающихъ. Но мы видѣли, какъ рѣдко посѣщаются селенія смотрителями поселеній; что же касается начальниковъ округовъ, то они и вовсе не удѣляютъ никакого вниманія нуждамъ сельскаго хозяйства. «Благодаря такому равнодушію,—говоритъ цитированный выше приказъ военнаго губернатора,—всякія мѣры къ улучшенію и развитію сельскаго хозяйства на островѣ теряютъ свое значеніе и не дадутъ тѣхъ результатовъ, которые отъ нихъ ожидаются. Неоднократно,—говоритъ далѣе тотъ же приказъ,—по распоряженію моему, высылались въ округа сѣмена разнаго рода овощей, хлѣбныхъ растеній, образцы плуговъ и не было примѣра, чтобы окружные начальники озаботились своевременнымъ донесеніемъ мнѣ о результатахъ испытанія плуговъ, пробныхъ посѣвовъ и т. п., а когда, по неоднократнымъ настояніямъ моимъ, получались, наконецъ, необходимыя свѣдѣнія, то они всегда отличались неполнотою, неясностью, чрезвычайной краткостью и носили вообще характеръ отписки». Но эта рѣзкая критика не помогла дѣлу, и производство

ковъ прекратилось, несмотря на то, что требованіе на нихъ въ населеніи существуетъ и предъявляется [46]).

На-ряду съ отсутствіемъ въ ближе стоящей къ населенію администраціи заботливости объ усовершенствованіи типа сельско-хозяйственныхъ орудій, непреоборимымъ препятствіемъ къ широкому распространенію упряжныхъ орудій являются; во-первыхъ, свойства недавно освобожденныхъ отъ лѣса пахотныхъ участковъ и, во-вторыхъ, недостатокъ рабочаго скота. Мы видѣли, что большая часть поселеній на Сахалинѣ основана въ періодъ съ 1893 по 1898 г. При отсутствіи корчевальныхъ машинъ, расположенныя въ мѣстахъ бывшихъ зарослей стараго вѣкового чернолѣсья пашни переполнены такою массой болѣе или менѣе толстыхъ корней, что примѣненіе къ обработкѣ ихъ упряжныхъ земледѣльческихъ орудій совершенно немыслимо. Степень пригодности послѣднихъ для обработки почвы находится такимъ образомъ въ зависимости отъ быстроты перегниванія корней, такъ какъ у поселенцевъ нѣтъ иныхъ средствъ для очищенія своихъ пашенъ отъ засоряющихъ ихъ корневищъ. Но этотъ процессъ происходитъ весьма медленно и не только на новыхъ участкахъ, но и въ болѣе старыхъ селеніяхъ встрѣчаются мѣстности, гдѣ древесные корни до сихъ поръ еще являются препятствіемъ для примѣненія упряжныхъ орудій. Что касается скота, то по найденнымъ мною въ офиціальной статистикѣ свѣдѣніямъ, за время съ 1894 по 1897 г. [47]), оказывается, что какой бы то ни было скотъ имѣли на Сахалинѣ за этотъ періодъ въ среднемъ всего только 42,5% хозяйствъ. Что касается собственно рогатаго скота, то точныхъ свѣдѣній по этому предмету не имѣется, изъ сравненія же всего числа хозяйствъ съ числомъ рабочихъ животныхъ на островѣ оказывается, что за семилѣтній періодъ съ 1894 по 1900 г. [48]) въ среднемъ недоставало рабочаго скота для 46,1% всѣхъ хозяйствъ. Но это отношеніе значительно ниже дѣйствительнаго, такъ какъ нѣкоторыя хозяйства на Сахалинѣ имѣютъ по нѣсколько головъ скота, а насколько дѣйствительность разнится отъ среднихъ цифръ, можно судить по слѣдующему примѣру. Въ 1898 г. всѣхъ хозяйствъ на островѣ числилось 5,838 и изъ нихъ 3,327 хозяйствъ, или 57%, рабочаго скота вовсе не имѣли [49]). Такимъ образомъ даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ вслѣдствіе мелколѣсья или давности образованія участковъ, корни успѣли перегнить и почва доступна для обработки ея упряжными орудіями, значительная часть населенія вынуждена ковырять землю первобытною мотыкой, по неимѣнію рабочаго скота, наемъ же рабочихъ животныхъ почти совершенно невозможенъ, потому что владѣльцы скота и упряжныхъ орудій берутъ за обработку земли по рублю съ пуда посѣва, а такъ какъ на Сахалинѣ высѣваютъ отъ 7 до 10 и даже до 12 пудовъ зерна на десятину, то обработка земли при помощи найма недоступна по своей дорогизнѣ.

Изъ хлѣбовъ на Сахалинѣ сѣютъ преимущественно озимую и яровую рожь, яровую пшеницу, ячмень и овесъ. Сорта этихъ растеній опредѣ-

лить трудно, такъ какъ они представляютъ смѣсь полученныхъ въ раз
время и изъ разныхъ мѣстъ сѣмянъ. Сѣмена эти ни разу не обно
лись, а потому въ значительной степени уже выродились. Мѣстный инспе
торъ сельскаго хозяйства, начиная съ 1893 г., упорно настаиваетъ
своихъ отчетахъ на необходимости высылки свѣжихъ сѣмянъ, но сѣм
остаются все тѣ же. Вслѣдствіе храненія въ плохо приспособленныхъ
мѣщеніяхъ сѣмена за зиму прорастаютъ, портятся и теряютъ значите
ный процентъ своей всхожести, а вслѣдствіе плохой очистки они засо
сѣменами дикихъ травъ, между которыми преобладаютъ сѣмена одн
вида гречихи и овсюга, растенія, борьба съ которымъ, вслѣдствіе необы
новенной живучести его сѣмянъ и легкой разносимости ихъ вѣтромъ
сосѣдніе участки, почти недоступна для мѣстныхъ хозяйствъ. Кромѣ то
сѣмена въ значительной степени заражены вредными паразитными гри
ками, особенной головней и спорыньею, и такъ какъ климатическія усл
не всегда бываютъ благопріятны для жатвы, то среди сѣмянъ нер
попадаются незрѣлыя, щуплыя, легковѣсныя, морщинистыя и толстокож
Такія качества сѣмянъ заставляютъ прибѣгать къ густымъ посѣвамъ,
10 и даже до 12 пудовъ на десятину, но и при этомъ получаются весь
печальные результаты. Бывшій начальникъ Тымовскаго округа, г. Сав
мовичъ, свидѣтельствуетъ, что даже и при такомъ густомъ посѣвѣ по
даются до того рѣдкіе всходы, что процентъ всхожести опредѣляется
30 и даже въ 20%. Нѣкоторые поселенцы, пробуя сѣмена, проращива
ихъ, причемъ бывали случаи, что изъ 50 зеренъ прорастало лишь 10
При недостаточной обезпеченности хлѣбомъ даже для продовольствія, ов
половины всего числа занимающихся земледѣліемъ хозяйствъ обращаю
въ казну за ссудами для обсѣмененія полей. При отсутствіи выписны
сѣмянъ, казна вынуждена закупать для этой цѣли хлѣбъ мѣстнаго пр
изводства, и такъ какъ хорошаго зерна, особенно во время неурожае
взять не откуда, то приходится брать хлѣбъ, какой придется. Это обстоя
тельство, конечно, только способствуетъ вырожденію хлѣба, такъ к
вмѣстѣ съ здоровымъ, чистымъ и крѣпкимъ зерномъ, приходится выдава
сѣмена зараженныя и слабыя, которыя притомъ же засорены и сѣмен
дикихъ травъ. Этимъ путемъ плохія сѣмена распространяются даже и
тѣхъ селеніяхъ, гдѣ вслѣдствіе благопріятныхъ мѣстныхъ условій хл
не подверженъ вреднымъ вліяніямъ и такимъ образомъ вмѣсто того, что
содѣйствовать улучшенію культуры хлѣбныхъ растеній, ссуды способст
ютъ ихъ вырожденію и зараженности, что подтверждается и официальны
данными: несмотря на весьма благопріятныя условія вегетаціоннаго
ріода, въ 1894 г. на Сахалинѣ получился неурожай хлѣбовъ, что гла
тюремное управленіе объясняетъ исключительно плохими качествами
данныхъ въ ссуду сѣмянъ [81]).

Мы видѣли выше, съ какими трудностями сопряжена раскорчевка
выхъ участковъ изъ-подъ лѣса. Но если она тяжела для цѣлыхъ
отправляющихся въ тайгу сообща, то для одинокаго, безлошаднаго

ленца она почти невозможна. О томъ, чтобы нанять для раскорчевки кого-либо изъ старыхъ поселенцевъ, имѣющихъ рабочій скотъ, нечего, конечно, и думать. Несмотря на крайне дешевыя здѣсь рабочія руки, за раскорчевку берутъ на Сахалинѣ по 5 к. за квадратную сажень или по 120 р. за десятину. Такимъ образомъ поселенцу приходится устраиваться или на оставленномъ кѣмъ-нибудь изъ уѣхавшихъ на материкъ участкѣ, или довольствоваться огородомъ при усадьбѣ. Вслѣдствіе этого одни и тѣ же участки, безъ всякаго отдыха, засѣваются все однимъ и тѣмъ же хлѣбомъ, пока они не истощатся совершенно. Той же трудностью раскорчевки земли объясняется и крайняя дробность участковъ, которые у иныхъ не превышаютъ 120 кв. саженъ [32]). По даннымъ за пятилѣтіе съ 1893 по 1898 г., въ среднемъ, хозяйства по своей величинѣ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: большинство хозяйствъ, а именно 61,7%, имѣли менѣе одной десятины пашни и огорода, отъ одной до двухъ десятинъ—20,5%, отъ двухъ до трехъ—7,9% и свыше трехъ—9,3%. Нормой надѣла, обезпечивающей пропитаніе поселенца и его семьи, считается на Сахалинѣ три десятины [33]), но пусть эта норма будетъ даже двѣ десятины, въ разсчетѣ на посторонній заработокъ или подспорныя занятія, какъ, напримѣръ, рыболовство, и тогда оказывается, что размѣръ земельныхъ участковъ на Сахалинѣ не обезпечиваетъ свыше 80% хозяйствъ.

Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ создаетъ крайне неблагопріятныя условія для развитія сельскаго хозяйства на Сахалинѣ. Въ новыхъ поселеніяхъ переполненная гнилушками земля страдаетъ отъ обилія въ нихъ ульминовой кислоты, сильно понижающей производительность почвы; плохая обработка; зависящая главнымъ образомъ отъ ручного способа труда вмѣстѣ съ плохими качествами сѣмянъ способствуетъ засоренію пашенъ; недостатокъ скота лишаетъ возможности удобрять землю, а земельная тѣснота заставляетъ распахивать все одни и тѣ же участки, не давая имъ никакого отдыха, вслѣдствіе чего земля истощается и обильно родитъ только сорныя травы, которыя въ концѣ засоряютъ земельные участки и заставляютъ ихъ бросать, за полною непригодностью для хлѣбопашества. Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить, что въ большинствѣ поселенцы обрабатываютъ землю только на одинъ разъ, передъ самымъ посѣвомъ, и такимъ образомъ, недостаточно разрыхляя почву, сами способствуютъ ея засоренію и понижаютъ ея производительную способность. Это явленіе администрація объясняетъ закоренѣлою лѣнью поселенцевъ. Чѣмъ оно объясняется въ дѣйствительности, я не знаю, но то, что всѣ невзгоды сельскаго хозяйства она приписываетъ также лѣни, повторяя каждый годъ въ своихъ отчетахъ все одинъ и тотъ же припѣвъ о крайней испорченности поселенцевъ и полной неспособности ихъ къ упорному труду, заставляетъ меня очень осторожно отнестись къ этому выводу, такъ какъ все изложенное выше объ условіяхъ сельскаго хозяйства на Сахалинѣ приводитъ меня какъ разъ къ обратному заключенію.

Несмотря на всѣ эти условія, къ которымъ слѣдуетъ прибавить не

всегда благопріятную погоду вегетаціоннаго періода, характеризующ
обиліемъ дождей, урожай въ среднемъ по острову за семилѣтіе съ
по 1900 гг. составляетъ самъ 5,4. Для того чтобы правильно суд
значеніи этой цифры, необходимо напомнить, что вслѣдствіе малой
жести сѣмянъ, посѣвы на Сахалинѣ дѣлаются значительно гуще,
обыкновенно. Слѣдовательно, если бы было возможно опредѣлить ур
по количеству сѣмянъ дѣйствительно годныхъ для посѣва, то он
зался бы значительно выше. Въ томъ же направленіи вліяетъ и
обработка участковъ. Изъ сравненія урожаевъ за 5 лѣтъ, съ 189
1894 г., у населенія Тымовскаго округа съ урожаемъ въ хозя
мѣстной тюрьмы оказывается, что урожаи въ послѣднемъ дали значите
лучшіе результаты по всѣмъ сортамъ хлѣбовъ, а именно: урожай ярин
тюремномъ хозяйствѣ выше на 26,6%, пшеницы—на 32%, овса
49,8% и ячменя—на 36,2%, а въ среднемъ урожай всѣхъ хлѣбов
тюремномъ хозяйствѣ далъ превышеніе на 36,1% [54]). Но должно
зать, что при сравнительно благопріятныхъ среднихъ выводахъ для ур
ности полей, въ дѣйствительности урожаи на Сахалинѣ отличаются
вительной пестротою, колеблясь отъ 0 до 17,7 для озимой ржи, 19,
яровой пшеницы, 17,5 для ярицы, 14,5 для ячменя и до 15,3 для
Если же довѣрять полицейскимъ свѣдѣніямъ, то въ нѣкоторыхъ м
стяхъ Тымовскаго округа урожаи достигаютъ—35 (ярица), 40 (
пшеница) и даже 79,8 (овесъ) [55]). Замѣчательнѣе всего то, что даже
сосѣдними селеніями, поставленными какъ въ почвенномъ, такъ и въ
матическомъ отношеніяхъ, повидимому, въ совершенно равныя ус
урожайность хлѣбовъ и картофеля отличаются иногда весьма сильно.
этого можно заключить, что причину такого разнообразія въ урож
слѣдуетъ искать не въ природныхъ условіяхъ, а въ различіи пріе
культуры, примѣняемыхъ въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, т.-е. въ болѣ
менѣе старательной обработкѣ полей, въ своевременности вспашки, по
и уборки и, главнымъ образомъ, въ качествѣ сѣмянъ [56]).

О скотоводствѣ на Сахалинѣ приходится сказать немного. Ро
скотъ выписанъ былъ изъ Забайкалья и принадлежитъ къ породѣ
культурной, тугорослой и малопродуктивной какъ въ отношеніи
такъ и въ отношеніи молока. Лошади частью принадлежатъ такой
забайкальской породѣ, частью выписаны изъ Томска. Но вслѣдстві
удовлетворительности ухода за скотомъ и его содержанія, онъ зам
мельчаетъ и вырождается. Объ улучшеніи породы скота путемъ
производителей и выписки улучшенныхъ породъ, конечно, не можетъ
и рѣчи: у населенія для этого нѣтъ средствъ, а казенныхъ случ
пунктовъ на островѣ не имѣется. Среди причинъ, способствующихъ
скотоводства, равно какъ для сельскаго хозяйства вообще, не мало
ченіе имѣетъ безсемейность большинства поселенцевъ. Женщины на
халинѣ составляютъ немного болѣе 16% всего населенія остр
тому устроиться по семейному удается лишь 40—50% всѣх

обывателей, остальные живутъ бобылями или устраиваются по двое на одномъ хозяйствѣ, вслѣдствіе этого отсутствіе женской заботливости въ уходѣ за скотомъ очень часто даетъ себя чувствовать. Послѣдніе три отчетные года (1899—1901) считаются благопріятными для скотоводства въ смыслѣ увеличенія скота. Но распредѣляется онъ между хозяйствами крайне неравномѣрно и «на ряду съ хозяйствами, имѣющими 20—30 головъ, встрѣчаются десятки, не имѣющіе вовсе скота» [57]), а въ общемъ, какъ я говорилъ уже выше, 42,5% хозяйствъ вовсе скота не имѣетъ.

Начиная съ 1897 г., т.-е. съ того времени, когда бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія А. П. Саломонъ подвергъ безпощадной критикѣ систему колонизаціи Сахалина, администрація послѣдняго не перестаетъ относиться отрицательно къ возможности сколько-нибудь успѣшнаго веденія сельскаго хозяйства на этомъ островѣ. До этого времени все на Сахалинѣ было благополучно. Рабски подчиняясь господствовавшему въ главномъ тюремномъ управленіи настроенію, сахалинская администрація устраивала въ Петербургѣ выставки сельско-хозяйственныхъ растеній, собранныхъ чуть не по колоску съ участка, выращивала гигантскіе кочни капусты и посылала въ Петербургъ фотографическіе ихъ снимки для демонстрированія прекрасныхъ почвенныхъ и климатическихъ условій Сахалина. Съ 1897 года настроеніе въ Петербургѣ измѣнилось. Упали грубо намалеванныя декораціи, и дѣйствительность явилась во всей своей неприглядной наготѣ. Параллельно съ этимъ и съ Сахалина стали доноситься иныя вѣсти. Въ противоположность прежнему, онъ признанъ теперь почти совершенно непригоднымъ для сельско-хозяйственной культуры. И почвенныя и климатическія условія его, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстностей самаго южнаго округа, Корсаковскаго, признаны не удовлетворяющими требованіямъ земледѣльческаго промысла. Это отрицательное отношеніе къ недавнимъ увлеченіямъ, конечно, очень удобно въ нѣкоторыхъ и даже во многихъ отношеніяхъ, но чтобы оно могло быть убѣдительнымъ, его необходимо обосновать на изученіи фактовъ дѣйствительности; этого-то, къ сожалѣнію, и не замѣчается въ сужденіяхъ администраціи о сельско-хозяйственномъ промыслѣ на Сахалинѣ. А между тѣмъ вопросъ, имѣетъ ли онъ какое-нибудь будущее, прогрессируетъ ли онъ въ своемъ развитіи, или же онъ возникъ и поддерживается лишь искусственно,—этотъ вопросъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ громадное значеніе для всей колонизаціонной политики на Сахалинѣ и заслуживаетъ того, чтобы отнестись къ нему болѣе внимательно.

Конечно, чтобъ отвѣтить съ полной убѣдительностью на этотъ капитальной важности вопросъ, необходимо было бы произвести особое изслѣдованіе о положеніи сельскаго хозяйства на Сахалинѣ какъ въ его настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ, но до сихъ поръ такого изслѣдованія произведено не было, а потому и отвѣтъ на него крайне труденъ. Но не задаваясь слишкомъ широкими, а потому непосильными, задачами, попробуемъ поискать отвѣта въ тѣхъ данныхъ о сельскомъ хозяйствѣ на Са-

халинѣ, которыя даетъ сама администрація въ своихъ отчетахъ. Я не п
тендую, конечно, на безусловную точность своихъ выводовъ, для этог
меня слишкомъ мало матеріала, но я почту себя счастливымъ уже и тог
если моя слабая попытка убѣдитъ въ необходимости болѣе серьезнаго
глубокаго изслѣдованія выше поставленнаго вопроса.

Я не стану повторять здѣсь того, что было сказано раньше о кл
матѣ Сахалина. При недостаточности метеорологическихъ изслѣдованій
насъ наиболѣе важное значеніе имѣютъ показанія опытнаго характер
т.-е. показанія объ урожайности сахалинскихъ земель. Изъ сказанна
выше ясно, что ни климатическія, ни почвенныя условія этого остр
въ общемъ не представляютъ непреоборимыхъ препятствій для занят
земледѣліемъ, что главнымъ препятствіемъ для развитія этого промы
является, наоборотъ, недостатокъ культурныхъ пріемовъ какъ для р
чистки новыхъ земель изъ-подъ лѣса, такъ и въ обработкѣ почвы, а им
стѣ съ тѣмъ и отсутствіе сколько-нибудь проѣзжихъ дорогъ. Устране
всѣхъ этихъ препятствій лежитъ во власти человѣка и, слѣдователь
производительность сахалинскихъ почвъ при устраненіи вышеуказанны
препятствій можетъ быть значительно увеличена, что и подтверждает
примѣромъ тюремнаго хозяйства Тымовскаго округа. Обращаясь затѣмъ
цифровымъ даннымъ о распредѣленіи хозяйствъ по ихъ величинѣ въ пя
лѣтній періодъ съ 1894 по 1898 г. (единственныя полныя данныя, к
торыя удалось мнѣ собрать), мы замѣчаемъ слѣдующее любопытное я
ніе. За это время процентное отношеніе числа мелкихъ хозяйствъ, им
одной десятины, къ общему ихъ числу (приняты только хозяйства, д
ствительно обрабатывавшія землю) уменьшилось на 67,4%, въ то же вр
отношеніе числа болѣе крупныхъ хозяйствъ увеличилось на 120,8%,
именно: хозяйствъ отъ одной до двухъ десятинъ на 55,3%, отъ дву
десятинъ до трехъ на 150% и свыше трехъ на 288%. Это явленіе р
растанія земельныхъ участковъ обще для всѣхъ трехъ округовъ. Наибо
шей интенсивности достигаетъ оно въ Тымовскомъ округѣ, какъ бол
благоустроенномъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Тамъ уменьшае
не только число хозяйствъ до одной десятины, но и число хозяйствъ и
ющихъ до двухъ десятинъ запашки, составляя въ общемъ уменьшеніе
57,8%; что же касается хозяйствъ отъ двухъ десятинъ и выше, то от
шеніе ихъ возросло на 550,5%, въ частности же число хозяйствъ
трехъ десятинъ возросло на 264,4% и свыше трехъ на 808% [58]). Ме
шею интенсивностью этотъ процессъ обладаетъ въ Корсаковскомъ окру
но на это есть свои причины. Во-первыхъ, въ этотъ, самый южный и
климату самый благопріятный округъ, ссылались почти исключитель
краткосрочные преступники, которые, въ виду надежды въ непродол
тельномъ времени перебраться на материкъ, имѣли меньше, чѣмъ ихъ
верные товарищи, побудительныхъ причинъ прилагать свои усилія къ зе
дѣлію, а во-вторыхъ, потому, что этотъ округъ, какъ самый удален
отъ центра Сахалина, всегда находился въ забросѣ и ему не удѣл

даже тѣхъ незначительныхъ крохъ вниманія и заботливости, которыми пользовались сѣверные округа, расположенные ближе къ центру и находящіеся на глазахъ и у мѣстнаго, и у пріѣзжаго начальства [59]). То же явленіе подтверждается и другимъ путемъ,—сравненіемъ количества посѣвовъ на одно хозяйство, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

Въ округахъ:	Средній посѣвъ на одно хозяйство въ пудахъ.					% увеличенія посѣвовъ.
	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	
Александровскомъ .	5,25	5,20	7,90	7,00	6,75	28,6
Тымовскомъ	7,25	11,20	12,20	15,00	14,25	96,5
Корсаковскомъ. . .	4,50	7,00	4,70	6,00	8,00	77,7
По острову	5,50	6,70	7,90	8,50	9,25	59,1

Эта таблица имѣетъ особенно важное значеніе, такъ какъ, съ одной стороны, она подтверждаетъ приведенныя выше данныя, а съ другой—удлиняетъ періодъ наблюденія еще на три года, т.-е. до восьми лѣтъ. Если вспомнить, что земледѣльческая колонизація Сахалина началась въ сущности съ 1883 года и что, слѣдовательно, приведенныя выше данныя охватываютъ почти половину всего этого періода, то нельзя не придти къ заключенію, что обнаруживаемое ими явленіе едва ли можно разсматривать, какъ случайное и преходящее. Эти данныя показываютъ, что въ земледѣльческомъ населеніи Сахалина съ нѣкоторыми колебаніями, но непрерывно и настойчиво совершается процессъ мобилизаціи земли въ рукахъ болѣе сильныхъ хозяевъ. Хозяйства мелкія гибнутъ и ихъ брошенныя земли идутъ на образованіе болѣе крупныхъ хозяйствъ, которыя, расширяясь все болѣе, стремятся достигнуть величины, дающей уже возможность существовать исключительно отъ земли, безъ помощи постороннихъ заработковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и медленно, увеличивается и площадь раскорчеванной изъ-подъ лѣса земли. Къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній о количествѣ раскорчеванной вновь земли не имѣется, но нѣкоторымъ указаніемъ на развитіе этого процесса могутъ служить свѣдѣнія о количествѣ земли подъ пашней и усадьбами. Въ 1895 году пахотной и усадебной земли считалось на всемъ островѣ 5,964 десятины, а въ 1900 году 7,100, слѣдовательно, площадь культурныхъ земель увеличилась на 20,7%. Несомнѣнно, что часть этого увеличенія произошла на счетъ залежей, но въ виду сахалинскаго малоземелья, въ виду того, что здѣсь дорожатъ каждымъ клочкомъ способной родить земли, трудно допустить, чтобы число залежей было велико, а потому значительную часть увеличенія культурной земли слѣдуетъ отнести на счетъ раскорчеванной изъ-подъ лѣса. Насколько же дорожатъ здѣсь землей, можно судить по тому, что поселенцы неудобныхъ для земледѣлія мѣстностей арендуютъ землю въ довольно удаленныхъ отъ нихъ селеніяхъ, но не бросаютъ земледѣльческаго промысла. Такъ, часть жителей сел. Вальзе разрабатывала земли въ селеніяхъ Рыковскомъ, Мало-Тымовскомъ, Палевѣ и другихъ [60]).

Къ тѣмъ же выводамъ приводятъ и данныя о количествѣ скота. Въ 1895 г. всего скота на Сахалинѣ (считая двѣ головы жеребятъ и телятъ за одну голову крупнаго скота и не принимая во вниманіе козъ, овецъ и свиней) числилось 7,219 штукъ, черезъ 6 лѣтъ, т.-е. въ 1901 г., число это возросло уже до 10,987 головъ, т.-е. увеличилось на 52,2%. Наряду съ абсолютнымъ увеличеніемъ числа головъ скота возросла и величина, указывающая число головъ скота, приходящагося на каждое хозяйство, а именно: въ 1895 г. на каждое хозяйство приходилось 1,36 головъ скота, а въ 1901 г.—2,56, слѣдовательно, обезпеченность скотомъ средняго хозяйства за эти 7 лѣтъ увеличилась на 88,2% и, что особенно важно, такъ это, что и абсолютная численность скота и относительная обезпеченность имъ средняго хозяйства растутъ изъ года въ годъ, безъ всякихъ перерывовъ и попятныхъ движеній, за исключеніемъ, можетъ быть, 1898 г., за который у меня вовсе нѣтъ свѣдѣній. Это указываетъ, что развитіе скотоводства не имѣетъ въ себѣ ничего случайнаго или искусственнаго и находится въ тѣснѣйшей связи съ указаннымъ выше процессомъ разрастанія земледѣльческихъ хозяйствъ.

Какъ ни грубы эти выводы, но они находятся въ зависимости отъ того матеріала, которымъ я располагалъ, и иными быть не могутъ. Но грубость нисколько не мѣшаетъ имъ, однако, быть правдивыми. Что отмѣчаемый приведенными выше данными процессъ разрастанія отдѣльныхъ земельныхъ участковъ, дѣйствительно, происходитъ, доказывается самымъ точнымъ, въ предѣлахъ возможности, конечно, совпаденіемъ между данными о величинѣ хозяйствъ, количествѣ запашки и числѣ скота. Случайнымъ такое совпаденіе быть не можетъ и, слѣдовательно, дѣйствительно сельское хозяйство на Сахалинѣ прогрессируетъ, несмотря на всѣ тѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ оно создалось и продолжаетъ существовать. Такимъ образомъ, всѣ тѣ пессимистическіе взгляды на будущность сельскаго хозяйства на Сахалинѣ, которыми характеризуются отчеты его администраціи за послѣдніе годы, есть результатъ недостаточно критическаго отношенія къ дѣйствительности, предвзятая мысль, для иллюстраціи которой, несомнѣнно, найдется не мало ошеломляющихъ фактовъ, но предъ которыми растеряется поверхностный наблюдатель. Но жизнь создается не этими яркими, кричащими о себѣ фактами, а тѣми незамѣтными, но постоянными усиліями, которыя совершаютъ свою невидную творческую работу на днѣ жизненнаго котла, часто выдѣляя изъ себя пузыри и грязную клокочущую пѣну. Но ни эти пузыри, ни эта пѣна не составляютъ еще всего содержимаго котла,—это только то, что извергаетъ изъ себя та таинственная сила, которая работаетъ на днѣ, невидимая и даже подозрѣваемая поверхностнымъ или близорукимъ наблюдателемъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о сельскомъ хозяйствѣ на Сахалинѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о его сельско-хозяйственной емкости, т.-е. о томъ числѣ хозяйствъ, которое можетъ пропитывать земледѣліемъ. Мнѣнія на этотъ счетъ весьма разнорѣчивы. Авторъ

«Къ вопросу о будущности и устройствѣ о. Сахалина» [61]) полагаетъ, что свободныхъ земель остается на Сахалинѣ не болѣе какъ на 1,059 хозяйствъ; бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія А. П. Салоюнъ расширяетъ это число отъ 2,700 до 4,000 хозяйствъ, а инспекторъ сельскаго хозяйства на Сахалинѣ ограничиваетъ его 3,500. Должно сказать, что годныхъ для культуры земель никто никогда не измѣрялъ и всѣ приведенные разсчеты сдѣланы на глазомѣръ и, слѣдовательно, весьма сомнительны. Допустимъ, однако, что удобныхъ для культуры земель на островѣ, дѣйствительно, осталось мало. Но вѣдь въ этотъ разсчетъ не вошли земли, которыя при помощи меліоративныхъ работъ, каковы «осушка болотъ, пережиганіе и глубокое перепахиваніе торфянниковъ, улучшеніе физическихъ свойствъ почвъ изъ-подъ хвойныхъ лѣсовъ внесеніемъ въ нихъ обильнаго удобренія» [62]) и пр., могли бы сдѣлаться культурными. Почему же ихъ не принимать въ разсчетъ при сужденіи о сельско-хозяйственной емкости Сахалина? Правда, такія работы не подъ силу отдѣльнымъ хозяевамъ; но у сахалинской администраціи есть много средствъ для того, чтобы не наваливать на нихъ еще и этой тяготы. Половина каторжныхъ, какъ мы видѣли раньше, ровно ничего не дѣлаетъ, еще процентовъ двадцать заняты такими работами, которыя съ успѣхомъ могли бы быть выполняемы гораздо меньшимъ числомъ слабосильныхъ, непригодныхъ къ тяжелымъ работамъ. Почему эта армія тунеядцевъ не могла бы быть употреблена на устройство дорогъ, на корчевку лѣса, на осушеніе болотъ и т. д. На Сахалинѣ говорятъ, что трудъ ссыльно-каторжныхъ мало продуктивенъ, что эти испорченные люди неспособны ни къ какому систематическому труду и что, наконецъ, работы въ большихъ размѣрахъ потребовали бы усиленія конвойной команды, которая, однако, сетами не гарантировала бы островъ отъ побѣговъ. Все это предразсудки, такъ же мало основательные, какъ и многіе другіе. Предразсудки, которые поддерживаются тѣмъ настойчивѣе, что они, повторяю, во многихъ отношеніяхъ очень удобны: ими маскируется недостатокъ инціативы, отсутствіе вдумчивости, интереса къ дѣлу и живого отношенія къ нему.

За доказательствами ходить не далеко. Въ 60 верстахъ отъ Иркутска имѣется центральная александровская тюрьма для ссыльно-каторжныхъ, которая въ теченіе многихъ лѣтъ находилась подъ управленіемъ гуманнаго и просвѣщеннаго человѣка, и изъ такой же клоаки, какою была когда-то нерчинская, наприм., тюрьма превратилась въ образцовое учрежденіе, извѣстное всѣмъ тюрьмовѣдамъ, куда новичковъ посылаютъ учиться постановкѣ пенитенціарнаго дѣла. Кандалы и розги, этотъ обычный способъ воздѣйствія на порочную волю ссыльно-каторжныхъ, давно уже ушли тамъ въ область преданія, какъ не достигающія цѣли и только напрасно озлобляющія арестанта своимъ неосмысленнымъ и ненужнымъ мученьствомъ. Съ іюня 1894 по 1 ноября 1897 г. каторжные этой тюрьмы работали надъ проведеніемъ земляного дорожнаго полотна между рѣками

Китоемъ и Бѣлой и устройствомъ мостовъ на томъ же трактѣ. Вотъ что говоритъ начальникъ этой тюрьмы по поводу работъ арестантовъ: «Поведеніе и трудолюбіе всѣхъ работавшихъ арестантовъ были выше всякой похвалы и въ концѣ концовъ вызвали снятіе военнаго конвоя, при которомъ работы велись сначала» [63]). Въ дополненіе къ этому краткому отзыву черпаемъ изъ другого источника слѣдующія цифровыя данныя о тѣхъ же работахъ: «Въ 1894 и 1895 гг. и въ первые два мѣсяца 1896 года часть арестантовъ работала подъ надзоромъ военнаго конвоя (до 30 человѣкъ конвоя на 200 рабочихъ), а остальная часть подъ присмотромъ однихъ надзирателей (5 на 100). Конецъ операціи 1895 и 1896 гг. и вся операція 1897 г. производилась подъ присмотромъ однихъ надзирателей. Рабочими этими не было совершено ни одного преступленія и за четыре года было только 15 случаевъ побѣга» [64]). Въ пользу работавшихъ за это время было отчислено 45,957 руб., а всѣхъ работавшихъ за четыре года перебывало 1,742 ссыльно-каторжныхъ. «Намъ посчастливилось,—говоритъ г. Сипягинъ,—начать и вести эти работы въ теченіе двухъ лѣтъ, а лѣтомъ жить со своей семьей среди многолюднаго лагеря каторжанъ. Поэтому съ полнымъ убѣжденіемъ мы имѣли случай констатировать прекрасныя качества каторжныхъ на мѣстѣ работъ и то, что, несмотря на большія суммы денегъ, всегда бывшія съ нами, и очень ограниченную, чтобы не сказать болѣе, стражу при работавшихъ, ни на одну минуту никто изъ насъ не сомнѣвался въ своей неприкосновенности и полной безопасности. Прислуга и даже караульные при квартирѣ и конторѣ завѣдывавшаго каторжными были тѣ же каторжане и съ такими біографіями, содержаніе которыхъ озадачило бы любого нетрусливаго, но незнакомаго съ бытомъ этого люда человѣка. Немного позже начала желѣзно-дорожныхъ работъ,— говоритъ далѣе г. Сипягинъ,— расширялись таковыя на Николаевскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ, получившемъ большіе заказы для дороги, куда, по предложенію министра юстиціи и распоряженію генералъ-губернатора, и были назначены всѣ оставшіеся и годные для такого дѣла ссыльно-каторжные александровской центральной тюрьмы, сверхъ ссыльно-поселенцевъ, вызванныхъ изъ волостей. Съ іюня 1896 г. по 22 ноября минувшаго года (1897) отправлено было на заводъ 457 ссыльно-каторжныхъ. Положеніе ихъ оказалось еще болѣе льготнымъ въ смыслѣ надзора за ними, но тѣмъ не менѣе опытъ двухъ лѣтъ показалъ, что каторжные на заводѣ вели себя прекрасно, трудились очень усердно и, по отзывамъ администраціи завода, сдѣланнымъ губернаторомъ при послѣднемъ обозрѣніи завода, поведеніе и трудъ ихъ вполнѣ одобрялись и они предпочитались даже другимъ рабочимъ» [65]). Вотъ какія чудеса творитъ человѣческое отношеніе къ ссыльно-каторжнымъ, а между тѣмъ въ александровскую тюрьму отправляются такіе же преступники, какіе идутъ и на Сахалинъ, и при постановкѣ работъ не дѣлалось выбора лучшихъ между каторжными: на дорожныя и заводскія работы, какъ и изъ предыдущаго, отправлена была вся тюрьма, за исключеніемъ с[illegible]

и неспособныхъ къ работамъ. Такіе же точно примѣры можемъ мы встрѣтить даже и на самомъ Сахалинѣ. Въ началѣ девятидесятыхъ годовъ многіе ссыльно-каторжные были отправлены съ Сахалина на постройку Уссурійской желѣзной дор. У одного изъ строителей, г. Галичанина, не хватило рабочихъ. Онъ нанялъ у завѣдывавшаго каторжными желѣзно-дорожными командами тюремнаго инспектора Коморскаго 100 человѣкъ для заготовленія шпалъ. «Изъ этого числа ему было дано 86 чернорабочихъ, до этого не работавшихъ ни пилой, ни топоромъ. Галичанинъ назначилъ на каждаго по 4 ф. хлѣба въ день, по 1 ф. мяса, по полуфунту соленой рыбы на завтракъ, а крупу, сало, картофель, капусту, кирпичный чай—безъ опредѣленія порціи, а сколько будетъ съѣдено. Заработная плата выдавалась на руки рабочимъ и для нихъ былъ устроенъ складъ, гдѣ они могли покупать одежду по оптовой цѣнѣ. Работы шли превосходно и въ $4^1/_2$ мѣсяца было поставлено 76 тысячъ шпалъ, при пріемѣ которыхъ забракованы только 92 штуки (у остальныхъ поставщиковъ браковалось отъ 8 до 20%). Между тѣмъ въ ближайшей и второе многочисленнѣйшей командѣ (300 человѣкъ) въ тѣ же $4^1/_2$ мѣсяца было поставлено только около 50 тысячъ шпалъ и срублено до 800 бревенъ. Люди все время вели себя прекрасно, такъ что къ репрессивнымъ мѣрамъ прибѣгать не приходилось; побѣговъ также не было» [66]). Нужно ли прибавлять еще что-нибудь къ этимъ неопровержимымъ свидѣтельствамъ работоспособности арестантовъ при извѣстныхъ условіяхъ? Конечно, сверхъ достаточнаго для поддержанія силъ содержанія, имъ необходимо еще и платить за работу, такъ какъ арестанты не станутъ трудиться изъ-за одного хлѣба, который они и безъ того имѣютъ. Но и по закону вѣдь арестантскія работы должны быть оплачиваемы.

Но ссыльно-каторжными не исчерпываются кадры готовыхъ рабочихъ на Сахалинѣ. Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ мы видѣли, что ежегодно около полутораста въ среднемъ тысячъ рублей издерживается администраціей на такъ называемые пайки, т.-е. на пищевое и одежное довольствіе тѣхъ изъ поселенцевъ, которые не находятъ заработковъ на островѣ. Эти пайки такъ невелики, что не обезпечиваютъ въ достаточной мѣрѣ пропитанія поселенцевъ, но все же они могутъ отдалить часть голодной смерти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усыпить заботливость о завтрашнемъ днѣ. Конечно, совершенно отмѣнить пайки и иные виды пособія поселенцамъ невозможно. Невозможно, наприм., оставить на произволъ судьбы разныхъ инвалидовъ, которые не могутъ пропитать себя даже и при наличности работы, какъ невозможно оставить безъ пособія и дѣтей, но кормить сотни, а иногда и тысячи совершенно здоровыхъ людей, когда кругомъ непочатый уголъ работы, которую нужно только организовать, это значитъ окончательно развращать этихъ людей, пріучать ихъ къ лѣни, бездѣльному шатанью по острову, пьянству и пріисканію темныхъ путей для существованія, котораго пайки не могутъ обезпечить. Пайки—та же милостыня и тѣмъ болѣе опасная, что она имѣетъ систематическій,

постоянный характеръ. Есть поселенцы, которые въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ живутъ исключительно пайками и до того избаловались связанными съ пайками бездѣятельнымъ существованіемъ, что отказываются отъ работы, даже когда имъ ее предлагаютъ. Пайки опаснѣе милостыни, потому что они даются людямъ выбитымъ изъ колеи, у которыхъ стимулирующая потребность труда и безъ того уже въ значительной мѣрѣ ослаблена тюрьмой, а можетъ быть еще и на волѣ, которыхъ поэтому надо пріучать къ труду, а не поощрять въ нихъ наклонность къ бездѣльничанью и тунеядству. Пусть вмѣсто дарового пайка будетъ предложена этимъ людямъ работа, и они вынуждены будутъ трудиться, а съ трудовымъ режимомъ измѣнится и весь порядокъ ихъ жизни. Правда, чтобы дать работу всѣмъ, кто въ ней нуждается, нужно потратить значительно болѣе, чѣмъ стоятъ пайки. Но пусть вмѣсто полутораста тысячъ это обойдется въ полмилліона. Но, во-первыхъ, такія крупныя затраты пришлось бы сдѣлать только въ первое время, потому что по мѣрѣ проведенія дорогъ и болѣе правильнаго распредѣленія земельныхъ участковъ путемъ переселенія изъ густо населенныхъ мѣстностей на вновь раскорчеванные участки, производительность острова возросла бы очень сильно и открылся бы спросъ на рабочія руки, который избавилъ бы казну отъ необходимости опеки, а во-вторыхъ, что лучше—затрачивать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по полумилліона на дѣло и освободить островъ отъ вѣчно голодныхъ и вѣчно опасныхъ тунеядцевъ, или же ежегодно, не предвидя конца впереди, кидать на вѣтеръ, по полутораста тысячъ, и этимъ способомъ постоянно обновлять классъ того безшабашнаго, оголтѣлаго отъ праздности и пьянства люда, который развращаетъ женщинъ и дѣвушекъ еще дѣтьми, заражаетъ примѣромъ праздности мужчинъ и наноситъ неисчислимый матеріяльный вредъ всему трудящемуся населенію Сахалина, разоряя съ тѣмъ трудомъ налаживаемыя хозяйства? Нѣтъ, организація работъ для не имѣющихъ труда неизмѣримо выгоднѣе пайковъ и въ ней же лежитъ единственное средство для поднятія нравственнаго уровня населенія, чему, конечно, и должна отвѣчать задача всякой пенитенціарной колоніи.

Ратуя за необходимость возможно широкаго использованія годныхъ для земледѣльческаго промысла участковъ, я вовсе не думаю, что онъ можетъ сдѣлаться когда-нибудь преобладающимъ на островѣ. На-ряду съ горнымъ, рыбнымъ и другими возможными на Сахалинѣ промыслами земледѣльческій будетъ имѣть лишь третьестепенное значеніе. Но изъ-за этого еще не слѣдуетъ оставлять его безъ вниманія, къ чему, повидимому, замѣчается склонность въ близкихъ къ управленію Сахалиномъ кругахъ. Не слѣдуетъ забывать, что изъ числа ссыльно-каторжныхъ свыше 64% принадлежитъ къ крестьянскому сословію, значительная часть которыхъ взята прямо отъ сохи и никакого другого промысла кромѣ земледѣльческаго не знаетъ. Но независимо отъ необходимости дать наиболѣе подходящее занятіе всѣмъ этимъ людямъ, земледѣльческій промыселъ на Сахалинѣ получаетъ особое значеніе въ виду островного положенія послѣдняго. Могутъ ска-

обстоятельства, когда подвозъ скота и хлѣба съ материка окажется невозможнымъ. Что будетъ дѣлать тогда Сахалинъ, если онъ не въ состояніи будетъ хотя отчасти прокормить населеніе своимъ скотомъ и хлѣбомъ. Наконецъ, какіе бы промыслы ни получили преобладаніе на Сахалинѣ, земледѣліе и скотоводство всегда будутъ связаны съ ними самымъ тѣснѣйшимъ образомъ; чѣмъ шире будетъ развито на островѣ сельское хозяйство, тѣмъ меньше будетъ потребности въ привозномъ хлѣбѣ и скотѣ, тѣмъ дешевле обойдется производство въ другихъ промыслахъ и тѣмъ болѣе широкое распространеніе могутъ получить продукты ихъ производства. Вотъ почему земледѣльческій промыселъ на Сахалинѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія и заботливости. Идеалъ, къ которому необходимо долженъ стремиться въ этомъ отношеніи Сахалинъ, есть, по возможности, полная независимость его въ средствахъ пропитанія. Только при этомъ условіи онъ будетъ въ состояніи наиболѣе полно утилизировать всѣ свои богатства.

О внѣземледѣльческихъ промыслахъ населенія я уже говорилъ въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ, и мнѣ остается лишь сказать нѣсколько словъ объ организаціи труда ссыльныхъ. Мнѣ извѣстна только одна попытка ссыльныхъ сорганизоваться въ артели, а именно: въ 1898 г. въ Александровскомъ округѣ организовались двѣ артели со своими лодками и снастями для ловли рыбы [67]), но насколько удаченъ былъ этотъ опытъ, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ послѣ 1898 г. никакихъ свѣдѣній объ этихъ артеляхъ въ офиціальныхъ отчетахъ не имѣется, изъ чего можно заключить, что онѣ распались. Послѣ поѣздки на Сахалинъ бывшаго начальника главнаго тюремнаго управленія г. Галкина-Врасскаго, послѣднее проявило нѣкоторую заботливость объ организаціи на Сахалинѣ рыбнаго промысла. Для пріисканія лица, которому можно было бы поручить организацію этого дѣла, оно «вошло въ сношеніе съ цѣлымъ рядомъ учрежденій какъ въ Россіи, такъ и за границей». Но въ Россіи такого человѣка не нашлось, а выписывать мастера изъ Норвегіи или Шотландіи показалось дорого. Хотя главное управленіе и находило, что можно было бы въ такомъ случаѣ командировать русскихъ людей за границу для изученія этого промысла, но считая, что у него имѣются свои спеціальныя задачи, которыя только отчасти соприкасаются съ областью экономическихъ вопросовъ, оно весь вопросъ объ организаціи рыбныхъ промысловъ передало на усмотрѣніе мѣстной власти [68]). Эта слабая попытка главнаго тюремнаго управленія не встрѣтила однако никакого отклика въ мѣстной администраціи, которая, повидимому, также была убѣждена, что «она имѣетъ свою спеціальную задачу, которая лишь отчасти соприкасается съ областью экономическихъ вопросовъ». Однако кое-какія попытки къ организаціи поселенческаго труда всетаки дѣлались мѣстной администраціей. Такъ, въ 1894 г. нѣкоторымъ изъ желающихъ администрація вмѣсто соленой рыбы, слѣдующей имъ въ паёковое довольствіе, выдавала на соотвѣтствующую сумму соли для засолки пойманной ими рыбы [69]). Операція эта имѣла очень ограниченный успѣхъ и заглохла. 1889 годъ ознаменовался устройствомъ сразу нѣсколь-

кихъ артелей. Въ Тымовскомъ округѣ было организовано нѣсколько рыболовныхъ артелей подъ руководствомъ одного изъ интеллигентныхъ ссыльныхъ, причемъ соль для засолки рыбы и матоузъ для неводовъ были выданы заимообразно изъ тюремныхъ складовъ. Въ результатѣ 86 поселенцевъ получили возможность поставить въ тюрьму 5,828 пудовъ соленой рыбы на сумму 7,825 р. Въ томъ же году было организовано еще двѣ артели лѣсорубовъ въ Александровскомъ округѣ, которая доставила 10,107 бревенъ по 25 коп. за бревно, и грузчиковъ. Артель эта состояла изъ 220 человѣкъ и работала въ продолженіе всей навигаціи; мѣсячный заработокъ ея членовъ колебался отъ 18 до 30 руб., въ зависимости отъ работоспособности каждаго [70]). Если къ этимъ слабымъ попыткамъ прибавить еще организацію лѣсного промысла въ Корсаковскомъ округѣ, то этимъ и ограничится участіе администраціи въ организаціи поселенческаго труда на Сахалинѣ.

Но объ этомъ промыслѣ придется говорить особо, здѣсь же я скажу нѣсколько словъ о причинахъ слабаго развитія кооперативнаго начала на Сахалинѣ. Большинство промысловъ, какъ уже было замѣчено мною въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ, требуетъ для своей организаціи капитала: лѣсной и извозный—лошадей, рыбный—лодокъ и снастей и т. д., а потому всякая организація этихъ промысловъ доступна только весьма немногимъ изъ поселенцевъ, у кого есть рабочій скотъ или деньги. Въ результатѣ, какъ говоритъ г. Савримовичъ, «имущій и грузъ возитъ, и зерно сдаетъ, и рыбу солитъ, продаетъ скотъ, сѣно и т. д., бѣдному же до всего этого доступа нѣтъ» [71]). А такъ какъ неимущихъ подавляющее большинство, то, слѣдовательно, организація вышеуказанныхъ артелей не только не благопріятствуетъ подъему благосостоянія массы населенія, но наоборотъ, способствуетъ ея закабаленію въ рукахъ немногихъ кулаковъ изъ ея же среды. Чтобы сорганизовать именно эти массы, необходимо затратить весьма значительныя суммы для пріобрѣтенія инвентаря, съ которымъ онѣ могли бы приняться за дѣло, но для этого, во-первыхъ, «нѣтъ особыхъ ассигнованій», а во-вторыхъ, это прямо-таки невозможно при существующихъ теперь на Сахалинѣ порядкахъ. Уже давно, чуть ли не съ самаго начала колонизаціи, тюрьма совершенно обособила свои интересы отъ интересовъ остального населенія и, стремясь удовлетворить всѣ своимъ потребностямъ исключительно своими средствами, т.-е. принудительнымъ трудомъ ссыльно-каторжныхъ, поставила себя въ положеніе монополиста по отношенію къ остальному населенію. Она имѣетъ свои пашни, огороды, свои и притомъ лучшіе, чѣмъ у населенія, покосы, свой скотъ и свои рыбалки. Успѣшность веденія всѣхъ этихъ отраслей хозяйства составляетъ даже предметъ гордости Сахалинской администраціи, которая не прочь похвалиться своими успѣхами на этомъ поприщѣ. «Въ Тымовскомъ и Корсаковскомъ округахъ,—говоритъ она въ одномъ изъ своихъ отчетовъ,—производится средствами тюрьмы ловъ и засолъ рыбы для довольствія ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ. Въ первомъ изъ этихъ

дѣло поставлено уже настолько прочно, что тюрьмы этого округа въ привозной рыбѣ не нуждаются. Въ отчетномъ (1894) году рыбы заготовлено было въ Тымовскомъ округѣ 7,500 пуд. Въ Корсаковскомъ округѣ дѣло это еще неокончательно установилось, хотя и тутъ можно разсчитывать, что съ 1895 г. не представится уже болѣе необходимости возить николаевскую рыбу. Въ Александровскомъ округѣ предположено въ 1895 году произвести пробный ловъ на сѣверѣ Сахалина, близъ мыса Головачева, у гиляцкой деревни Тамлово и, въ случаѣ удачи, основать тамъ постоянную тюремную рыбалку» [72]). Мѣстныя воинскія команды также отчасти обезпечены собственными хозяйствами; чиновники, чѣмъ только возможно, пользуются изъ тюремныхъ хозяйствъ; многіе изъ нихъ имѣютъ свой скотъ, который содержится на счетъ тюремныхъ же запасовъ фуража и сѣна [73]). Такимъ образомъ главнѣйшіе потребители: тюрьмы, воинскія команды и служилый классъ—всѣ они обезпечены собственными хозяйствами или же пользуются необходимыми продуктами изъ «экономіи» тюремъ. Ясно, что при такомъ порядкѣ у администраціи «нѣтъ никакого разсчета» поддерживать поселенческіе промыслы, а поселенцамъ, еслибъ даже и была какая-нибудь возможность сорганизоваться съ промышленною цѣлью, некуда сбывать продуктовъ своихъ промысловъ. Напрасно бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія, г. Галкинъ-Врасскій, указывалъ на ненормальность такого порядка вещей, допуская при тюрьмахъ лишь существованіе огородовъ, да и то лишь въ видахъ занятія на нихъ работами слабосильныхъ, напрасно проектировалъ раздачу земли изъ-подъ тюремныхъ пашенъ (свыше 200 десятинъ) наиболѣе рачительнымъ поселенцамъ, и тюремнаго скота въ ссуду имъ же [74]), «система экономій» оказалась сильнѣе, и все осталось по-старому. «Всѣмъ этимъ,—говоритъ г. фонъ-Фрикенъ,—неизбѣжно должна подавляться въ населеніи охота заниматься сельскимъ хозяйствомъ въ размѣрахъ, превышающихъ его личную потребность; *пребываніе на островѣ дѣлается невыгоднымъ* и поддерживаетъ желаніе выѣхать съ Сахалина при первой возможности» [75]).

Въ 1897 г. вслѣдствіе предложенія со стороны извѣстной на Сахалинѣ фирмы Семенова и Дембн о заготовкѣ 160 тысячъ шпалъ для китайской желѣзной дороги и другихъ лѣсныхъ матеріаловъ администрація Корсаковскаго округа, получивъ въ ссуду изъ сахалинскаго экономическаго фонда 10 тыс. руб., предложила желающимъ изъ жителей Корсаковскаго округа заняться заготовкою разнаго рода строительныхъ матеріаловъ опредѣленнаго размѣра и качества по установленнымъ цѣнамъ. Это предложеніе встрѣчено было съ восторгомъ населеніемъ округа, которое и принялось весьма дѣятельно за доставку лѣсныхъ матеріаловъ. Но съ наступленіемъ весны эта оживленная дѣятельность прекратилась. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, причина этого лежала въ наступленіи времени полевыхъ работъ, но бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія, А. П. Саломонъ, усматриваетъ ее въ тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя съ самаго начала возникли между населеніемъ и завѣдывавшимъ всѣми этими работами, начальникомъ кор-

саковской тюрьмы, г. Бестужевымъ. О существѣ этихъ недоразумѣній А. П. Саломонъ даетъ между прочимъ слѣдующія свѣдѣнія. «Одна артель из 5-ти человѣкъ взялась поставить 333 штуки накатника, по 30 коп. за штуку, причемъ длина накатника была установлена въ $10^1/_2$ аршинъ, а ширина въ 3 вершка. Когда артель представила заготовленный ею матеріалъ къ сдачѣ, то ей объявили, что принятъ будетъ накатникъ только въ $3^1/_2$ вершка ширины. Такого оказалось 210 штукъ. За него заплатили, но, къ удивленію артели, забракованныя 123 штуки тоже забрали и погрузили на судно. Кромѣ того, г. Бестужевъ устроилъ на Мереѣ лавочку, изъ которой отпускалъ продукты за счетъ платы, причемъ часть продуктовъ бралась на коммиссію изъ экономическаго фонда, а часть пріобрѣталась имъ самимъ. По окончаніи разсчета неоднократно оказывалось, что поселенецъ не только ничего не заработалъ, но еще остался долженъ въ лавку. Самый разсчетъ затягивался; были люди, которые, проработавъ 12 дней, ходили за разсчетомъ по 2 мѣсяца и получали въ отвѣтъ на свои просьбы одну площадную брань». Сообщая эти свѣдѣнія, А. П. Саломонъ останавливается надъ вопросомъ: какъ при такихъ условіяхъ администрація могла всетаки выполнить свое обязательство передъ фирмой и прибавляетъ, что въ то же самое время и въ той же мѣстности работало до 300 человѣкъ ссыльно-каторжныхъ надъ заготовкою лѣсного матеріала для тюремныхъ надобностей, на что ими употреблено 39,441 поденщина. Это обстоятельство наводитъ его на мысль, «не пошла ли часть этихъ поденщинъ на работы по поставкѣ лѣса Семенову, Демби и К°». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые официальныя свѣдѣнія не даютъ ему никакихъ отвѣтовъ, а именно: «какая часть изъ отпущенныхъ на эту операцію 10,000 руб. выдана поселенцамъ; какъ велика цифра ихъ поденщинъ и сколько ими собственно было заготовлено матеріала?» «Несомнѣнно только, — продолжаетъ онъ далѣе, — что отчетность по этой операціи до октября 1898 г. представлена не была, что мѣстный фактическій контроль былъ устраненъ отъ наблюденія за дѣломъ, что каторжные никакого вознагражденія за работу не получили и что въ текущемъ году выданная ссуда пополнена быть не можетъ» [76]). Уплата этой суммы вслѣдствіе ходатайства военнаго губернатора была отсрочена на годъ съ цѣлью пріобрѣтенія на эти деньги паровой лѣсопилки, какова и выписана была изъ Англіи въ слѣдующемъ году [77]). Насколько, два года спустя, халатно велось это дѣло большой экономической важности можно видѣть изъ приказа военнаго губернатора, который свидѣтельствуетъ, что «ни въ дѣлѣ пріема лѣсныхъ матеріаловъ отъ ссыльно-поселенцевъ, ни уплаты имъ денегъ за доставленные матеріалы, ни въ самой отчетности по лѣсной операціи нѣтъ, да и не можетъ быть, никакого порядка при поразительно-примитивной постановкѣ дѣла, какая мною найдена. Лѣсные матеріалы принимаются отъ поселенцевъ на мѣстѣ добычи ихъ лишь по условіемъ вытаски ихъ изъ лѣса на берегъ моря, гдѣ не только не сортируются для удобства подсчета въ отдѣльные штабеля, соотвѣтственно

размѣрамъ бревенъ, но даже не укладываются на безопасномъ отъ морскихъ приливовъ разстояніи, такъ что нерѣдко, въ особенности во время штормовъ, многія бревна всплываютъ и переносятся по морю съ одного мѣста на другое. Обстоятельныхъ записей, съ указаніемъ какого размѣра и въ какомъ количествѣ принятъ лѣсъ, не ведется также, поэтому ни само завѣдующее этимъ дѣломъ лицо, ни лицо контролирующее рѣшительно не могутъ имѣть въ каждый данный моментъ даже приблизительнаго представленія о дѣйствительномъ положеніи дѣла, кромѣ общей цифры затраченныхъ денегъ, но кому, за какой матеріалъ, и сколько такого матеріала разныхъ размѣровъ находится налицо,—никакихъ свѣдѣній получить невозможно, точно также какъ невозможно до окончанія операціи, т.-е. до нагрузки бревенъ на пароходъ, сосчитать дѣйствительное количество купленныхъ бревенъ, разбросанныхъ въ полномъ безпорядкѣ на протяженіи 50 верстъ по всему берегу моря отъ п. Корсаковскаго до залива Буссе» [78]).

Завѣдывавшій работами по лѣсной операціи г. Бестужевъ и начальникъ Корсаковскаго округа были за свои дѣйствія преданы суду, но г. Бестужевъ умеръ, а чѣмъ кончился, да и кончился ли еще, судъ для второго изъ обвиняемыхъ, не знаю. Въ 1899 году было вывезено изъ Корсаковскаго округа 6,607 бревенъ, въ 1900 г.—10,092 и въ 1901 г.—21,597 бревенъ [79]). Было бы, конечно, очень интересно знать что-нибудь больше этихъ голыхъ цифръ о состояніи лѣсного промысла въ Корсаковскомъ округѣ: о суммѣ заработковъ населенія, о количествѣ рабочихъ, занятыхъ этимъ промысломъ, и о многомъ другомъ, но администрація хранитъ по этому поводу упорное молчаніе, а потому мы не имѣемъ никакой возможности судить, насколько въ настоящее время ушли къ лучшему тѣ порядки, которые такъ мрачно охарактеризованы въ приведенномъ выше приказѣ г. военнаго губернатора о. Сахалина.

А. Сѣичъ.

---

1) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1890 г., стр. 347—349.
2) Тамъ же, стр. 365—366.
3) Тамъ же, стр. 344.
4) Тамъ же, стр. 318.
5) „Сахалинскій календарь на 1899 г.“, стр. 68—71.
6) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1894 г., стр. 208.
7) Тоже за 1891 г., стр. 317.
8) Тоже за 1896 г., стр. 170.
9) *Дивинъ*: „Записки сахалинскаго чиновника“. *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 9, стр. 428.
10) Рапортъ начальнику острова отъ 4 октября 1886 г., № 1.140.
11) *Гарнакъ*: „Поѣздка на Сахалинъ въ 1885—1886 гг.“. Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи. Вып. XXVII, стр. 192.
12) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ“. *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 1, стр. 42.
13) *Фонъ-Фрикенъ*: „Записка и. д. инспектора сельскаго хозяйства на Сахалинѣ“. *Тюремный Вѣстникъ* 1895 г., стр. 262.

11) „Состояніе сельскаго хозяйства на о. Сахалинѣ въ 1897 г.“. *Сахалинскій календарь* на 1899 г., стр. 95.

12) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ“. *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., стр. 43.

13) *Д. А. Дриль*: „Ссылка на о. Сахалинъ“, стр. 9—10.

14) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ“. *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., стр. 44.

15) *Тюремный Вѣстникъ* 1900 г., № 1, стр. 51.

16) *Н. Кирилловъ*: „О маршрутахъ по Корсаковскому округу“. *Сахалинскій календарь* на 1899 г., отд. II, стр. 147.

17) Рапортъ начальника Александровскаго округа отъ 10 марта 1895 г., №

18) *Сахалинскій календарь* на 1899 г., стр. 68.

19) *А. Маріолісъ*: „Горное дѣло на о. Сахалинѣ“. *Сахалинскій календарь* 1897 г., стр. 66—67.

20) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 гг. (приложеніе къ Всеподданнѣйшему ту), стр. 31.

21) *Д. А. Дриль*: „Ссылка на о. Сахалинъ“, стр. 11.

22) *Н. Кирилловъ*: „О маршрутахъ по Корсаковскому округу“. *Сахалинскій календарь* на 1899 г., отд. II, стр. 143—144.

23) Тамъ же.

24) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ“. *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., стр. 43.

25) Обзоръ о. Сахалина за 1899 г. (приложеніе къ Всеподданнѣйшему от стр. 19.

26) *Тюремный Вѣстникъ* 1900 г., № 1, стр. 51.

27) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 г., стр. 30. Въ какой степени полно использованъ трудъ ссыльно-каторжныхъ за этотъ періодъ мною указано въ предыдущей главѣ.

28) Обзоръ о. Сахалина за 1899 г., стр. 19.

29) *А. П. Саломонъ*: „О. Сахалинъ“. *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 1, стр.

30) Тамъ же.

31) *Лившицъ*: „Записки сахалинскаго чиновника“. *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., стр. 489—490.

32) Отчеты главнаго тюремнаго управленія за 1886 г., стр. 130—131 и за 18 стр. 318.

33) *Н. Кирилловъ*: „О маршрутахъ по Корсаковскому округу“. *Сахалинскій календарь* на 1899 г., отд. II, стр. 138—141.

34) *Д. А. Дриль*: „Ссылка на о. Сахалинъ“, стр. 12.

35) Приложенная къ рапорту отъ 23 мая 1896 г., за № 4721, записка „къ самъ по устройству ссыльныхъ на о. Сахалинѣ“, стр. 18 и 9.

36) Рапортъ начальнику острова отъ 4 октября 1886 г., за № 1140.

37) *Тюремный Вѣстникъ* 1896 г., № 4, стр. 260, пункты приказа 15—16.

38) Приказъ по острову отъ 29 сентября 1899 г., № 294. *Тюремный Вѣст* 1900 г., № 1, стр. 51.

39) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 гг., стр. 53.

40) *Сахалинскій календарь* на 1898 г. „Сельское хозяйство“, стр. 86.

41) Приказъ по острову отъ 18 апрѣля 1896 г., за № 69. *Тюремный Вѣст* 1896 г., № 9, стр. 479.

42) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 гг., стр. 40.

43) Состояніе сельскаго хозяйства на о. Сахалинѣ въ 1897 г. *Сахалинскій календарь* на 1899 г., стр. 99, выноска.

44) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1894 г., стр. 206, и *Сахал календарь* на 1897, 1898 и 1899 годы, стр. 115, 108 и 116—117.

[48]) Тамъ же и „Обзоры“ за 1899, 1900—1901 гг., стр. 39—55.

[49]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1898 г., стр. 193.

[50]) Записка „По поводу возраженія инспектора сельскаго хозяйства“, приложенная къ рапорту отъ 16 іюля 1896 г., № 6, стр. 682.

[51]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1894 г., стр. 199—200.

[52]) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 г., стр. 43.

[53]) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ“. *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., стр. 46—47.

[54]) Записка и. д. инспектора сельскаго хозяйства на о. Сахалинѣ отъ 9 іюня, 1896 г., за № 16.

[55]) Состояніе сельскаго хозяйства на о. Сахалинѣ въ 1897 г. *Сахалинскій календарь* на 1899 г., стр. 106—112.

[56]) *Сахалинскій календарь* на 1898 г., стр. 101.

[57]) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 г., стр. 56.

[58]) Привожу болѣе подробныя свѣдѣнія о ростѣ поселенческихъ хозяйствъ для свѣдѣнія тѣхъ, кто ближе пожелалъ бы познакомиться съ этимъ вопросомъ. Для упрощенія и для большей ясности свѣдѣнія эти обработаны въ видѣ процентныхъ отношеній отдѣльныхъ типовъ хозяйствъ къ общему числу ихъ, при чемъ за основаніе принимались только тѣ хозяйства, которыя, дѣйствительно, обрабатывали землю, а не числились лишь только на бумагѣ.

	Годы.					Процентная разница въ пятилѣтіи + и −
	1894	1895	1896	1897	1898	
	Процентное отношеніе отдѣльныхъ типовъ хозяйствъ къ ихъ общему числу.					
Александровскій округъ.						
Хозяйства менѣе 1 дес.	78,5	77,1	72,0	94,3	61,5	— 34,4
„ отъ 1 до 2 дес. . . .	11,5	7,6	9,2	5,1	26,4	+129,6
„ „ 2 до 3 „ . . .	5,0	6,3	5,2	0,5	9,0	+ 80,0
„ свыше 3 „ . . .	5,0	9,0	13,6	0,1	3,1	— 38,0
Тымовскій округъ.						
Хозяйства менѣе 1 дес.	74,5	57,5	23,2	29,5	23,4	— 68,6
„ отъ 1 до 2 дес. . . .	16,0	20,8	52,6	41,7	14,8	— 7,5
„ „ 2 до 3 „ . . .	4,5	12,3	12,6	12,8	16,4	+264,4
„ свыше 3 „ . . .	5,0	9,4	11,6	16,0	45,4	+808,0
Корсаковскій округъ.						
Хозяйства менѣе 1 дес.	73,5	75,4	65,5	Свѣдѣній нѣтъ.	52,5	— 2,9
„ отъ 1 до 2 дес. . . .	19,0	18,2	19,5		30,0	+ 57,9
„ „ 2 до 3 „ . . .	5,5	4,8	10,8		11,8	+ 11,5
„ свыше 3 „ . . .	2,0	1,6	4,2		5,7	+ 18,5
Островъ.						
**Хозяйства менѣе 1 дес.	75,0	68,4	55,3	61,7	44,8	— 67,4
„ отъ 1 до 2 дес. . . .	15,0	16,5	25,4	23,6	23,3	+ 55,3
„ „ 2 до 3 „ . . .	5,0	8,3	9,6	6,7	12,5	+150,0
„ свыше 3 „ . . .	5,0	6,8	9,7	8,0	19,4	+288,0

[59]) Въ одномъ изъ своихъ приказовъ бывшій начальникъ острова генералъ Кононовичъ удостовѣряетъ, „что отчасти по причинѣ своего изолированнаго положенія и затруднительности сообщеній съ нимъ, отчасти вслѣдствіе различныхъ частныхъ соображеній и разсчетовъ, которые на глазахъ моихъ предмѣстниковъ развѣдались и портили его вездѣ, куда только достигло ихъ тлетворное дыханіе, Корсаковскій округъ постоянно былъ обходимъ и обдѣляемъ, и что ни одна изъ самыхъ вопіющихъ нуждъ его не была разобрана, удовлетворена или представлена на разсмотрѣніе". (Приказъ по острову 1889 г., за № 318. Заимствованъ у Чехова, т. XV, стр. 168).

[60]) *Савримовичъ*: „По поводу возраженія г. инспектора сельскаго хозяйства". Приложеніе къ рапорту отъ 16 іюля 1896 г., за № 6682.

[61]) *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 6.

[62]) *Д. А. Дриль*: „Ссылка на о. Сахалинъ", стр. 2.

[63]) *А. П. Ситянинъ*: „Нѣсколько словъ о настоящемъ и будущемъ уголовной ссылки и тюрьмы". *Тюремный Вѣстникъ* 1898 г., № 6, стр. 281.

[64]) *Тюремный Вѣстникъ* 1899 г., № 6, стр. 272.

[65]) *А. П. Ситянинъ*: Тамъ же, стр. 281—282.

[66]) *Д. А. Дриль*: „Ссылка на о. Сахалинъ", стр. 23.

[67]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1898 г., стр. 194.

[68]) *М. Казаринъ*: „Къ вопросу объ организаціи рыбныхъ промысловъ на Сахалинѣ". *Тюремный Вѣстникъ* 1896 г., № 1, стр. 35 и сл.

[69]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1894 г., стр. 210—211.

[70]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1899 г., стр. 195—196.

[71]) *Г. Савримовичъ*: „Записка по поводу возраженія инспектора сельскаго хозяйства". Приложеніе къ рапорту отъ 16 іюля 1896 г., за № 6682.

[72]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1894 г., стр. 216.

[73]) Записка инспектора сельскаго хозяйства на Сахалинѣ. *Тюремный Вѣстникъ* 1895 г., № 5, стр. 265—266.

[74]) Тамъ же, стр. 242—243, лит. Г. п. п. 1—6.

[75]) Тамъ же.

[76]) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ". *Тюремный Вѣстникъ* 1901 г., № 1, стр. 73—74.

[77]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1898 г., стр. 195—196.

[78]) Приказъ 29 сентября 1899 г., № 294. *Тюремный Вѣстникъ* 1900 г. № 1, стр. 55.

[79]) Обзоры о. Сахалина за 1899 г., стр. 49 и за 1900 г., стр. 88.

Въ борьбѣ съ метафизической реакціей.

Блестящіе успѣхи, которыми ознаменовался XIX вѣкъ во всѣхъ отрасляхъ знанія, породили также и особое реакціонное теченіе, призывы назадъ, къ сѣдой и, казалось, давно забытой старинѣ. Противъ науки была довольно неискусно направлена «идеалистическая» волна, хлынувшая со всѣхъ сторонъ съ цѣлью потопить положительныя знанія вмѣстѣ съ ихъ грандіозными успѣхами. Наука, гласили поборники идеализма, не выполнила своихъ обѣщаній, она зашла въ тупикъ, откуда нѣтъ выхода, она оказалась банкротомъ, обманувшимъ преувеличенныя ожиданія человѣчества. Нужно вернуться назадъ, къ тому блаженному времени, когда надъ умами безраздѣльно властвовали метафизическія потребности, когда «чутье сокровенныхъ тайнъ» было главнымъ орудіемъ накопленія знаній.

Все это бывало и раньше, попятное движеніе не разъ уже испытано было на дѣлѣ. Всякій разъ, когда наука не могла удовлетворять предъявлявшихся къ ней преувеличенныхъ требованій, раздавались голоса, указывавшіе на безплодность научной работы и манившіе въ сторону сладостнаго покоя, въ дебри метафизики. Но проходили дни за днями, жизнь безжалостно разбивала мечтанія реакціоперовъ остановить естественное движеніе впередъ, и мысль снова обращалась къ положительной наукѣ, ища въ ней отвѣта на наболѣвшіе вопросы.

Всѣ знаютъ этотъ обычный конецъ «идеалистическихъ» стремленій, и всетаки, лишь только раздается призывный кличъ метафизиковъ, какъ подъ ихъ знаменами снова собираются люди, готовые идти походомъ на науку. Досаднѣе всего, что среди этихъ людей попадаются и такіе, которые по своему положенію должны всѣми силами способствовать развитію положительныхъ знаній. Очевидно, сказать себѣ, что мы познаемъ вещи при помощи интуиціи, гораздо легче, чѣмъ кропотливо работать и трудиться надъ разгадкой тайнъ природы.

Какъ ни ничтожно это теченіе, какъ ни обречено оно на полное фіаско, но оно представляется, какъ это и понятно само собой, чрезвычайно вреднымъ. Оно отвлекаетъ нѣкоторыхъ людей науки отъ ихъ настоящаго дѣла, оно кромѣ того, отравляетъ молодые умы, проповѣдуя не кипучую дѣя-

тельность, а покой, оно, наконецъ, пытается покончить съ тѣми научными методами, которые успѣли уже принести съ собой неисчислимыя блага человѣчеству. Борьба съ этой явной реакціей необходима.

Вотъ эту-то благородную задачу и взялъ на себя проф. Тимирязевъ, никогда не упускавшій случая, чтобы давать суровую и справедливую отповѣдь сторонникамъ метафизической реакціи. Всѣ свои блестящія рѣчи, гдѣ объявляется открытая и рѣшительная борьба глашатаямъ движенія назадъ, проф. Тимирязевъ собралъ въ одной книгѣ *) подъ общимъ заглавіемъ «Насущныя задачи современнаго естествознанія». Въ этомъ сборникѣ красной нитью проходитъ одна и та же мысль, глубокая увѣренность въ торжествѣ положительныхъ знаній, въ побѣдѣ свѣта надъ тьмой, прогресса надъ реакціей. Со своимъ обычнымъ стремленіемъ обобщать наблюдаемыя явленія, находить въ разнообразныхъ сторонахъ того или другого процесса одну руководящую идею, проф. Тимирязевъ старается найти то общее начало, которое должно лечь въ основу современнаго естествознанія. И уже съ первыхъ словъ вы узнаете въ авторѣ горячаго борца за научныя истины, человѣка, который отнюдь не думаетъ успокоиться на достигнутыхъ успѣхахъ, а шествуетъ постоянно впередъ и выше, съ естественнымъ пыломъ набрасывается на всякаго, кто смѣетъ тянуть сторону реакціи. Предъ нами въ полномъ смыслѣ слова «scientia militans», наука, отстаивающая себя отъ нападокъ, наука, бросающая вызовъ поклонникамъ метафизическаго тумана и выходящая всегда побѣдительницей изъ ожесточенной борьбы съ врагами. «Борьба съ этимъ, такъ называемымъ, философскимъ возрожденіемъ,—говоритъ въ предисловіи къ книгѣ проф. Тимирязевъ,—а въ дѣйствительности съ схоластической реакціей противъ положительной науки, вотъ самая общая и основная задача естествознанія какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Обличать реакціонный характеръ этой попытки, громко провозглашать, что положительная наука не вернется въ школу метафизической философіи, что, наоборотъ, всякая новая отрасль человѣческаго знанія должна пойти въ испытанную школу положительной науки, доказавшей свою исключительную способность искать и находить истину, разъяснять не только самодовлѣющую, но и первенствующую роль положительнаго знанія — вотъ насущная задача для всѣхъ его отраслей, для всѣхъ его представителей».

И намѣченную задачу, можно смѣло сказать это, проф. Тимирязевъ выполнилъ блестяще. Вмѣстѣ съ глубиной научной мысли, несогласной идти ни на какіе компромиссы, въ разбираемой книгѣ соединились литературныя дарованія автора, его способность поразить воображеніе читателя поэтической картиной мощи положительныхъ знаній, ихъ грандіозной силы. Онъ то приглашаетъ читателя заглянуть вмѣстѣ съ нимъ въ богатую сокровищницу научныхъ фактовъ и открытій, достояніе XIX вѣка, вѣка естество-

*) *К. Тимирязевъ*: „Насущныя задачи современнаго естествознанія". Второе изданіе В. Н. Маракуева. М., 1904 г.

знанія; то развертываетъ широкій кругозоръ идей, становится горячимъ проповѣдникомъ, возставая противъ преступнаго квіетизма, которымъ современные метафизики пытаются заманить въ свой лагерь недостаточно зрѣлыхъ еще въ умственномъ отношеніи людей. О чемъ бы ни говорилъ проф. Тимирязевъ, всюду и вездѣ рѣзко выступаетъ наружу воинствующая нота, проповѣдь непримиримой борьбы съ лженаучными теоріями и гипотезами. Предъ читателемъ проходятъ длинной вереницей завоеванія науки въ послѣднее время, предъ нимъ встаютъ всѣ животрепещущіе вопросы современности. Все здѣсь дышитъ восторгомъ предъ гигантами научной мысли, успѣвшими подготовить переворотъ въ нашемъ міровоззрѣніи, выведшими насъ изъ мрака къ свѣту, изъ области мистическихъ догадокъ и предположеній на широкій путь наблюденія и опыта. Вотъ нарисованный мастерской кистью художественный образъ Дарвина, который своимъ геніальнымъ умомъ проникъ въ одну изъ великихъ тайнъ вселенной, давъ въ то же время новый плодотворный методъ изслѣдованія. Тяжело приходилось Дарвину среди укоренившихся старыхъ предразсудковъ, трудно было разрушить создававшееся вѣками зданіе и построить вмѣсто него свое новое. Но великій герой мысли не остановился передъ трудностью своей задачи и смѣло шелъ впередъ къ намѣченной цѣли. Вотъ Пастеръ, сочетавшій въ своемъ лицѣ горячую преданность наукѣ вмѣстѣ съ удивительнымъ умѣніемъ служить человѣчеству на различныхъ поприщахъ практической жизни. А вотъ и Марсленъ Бертло, этотъ борецъ за научный реализмъ, объявившій борьбу реакціоннымъ тенденціямъ, которыя пустили такіе глубокіе корни во Франціи. И всюду, при оцѣнкѣ всѣхъ этихъ замѣчательныхъ дѣятелей науки, проф. Тимирязевъ не забываетъ основной своей задачи, непримиримой вражды къ реакціи во всѣхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Онъ протестуетъ противъ криковъ о какомъ-то банкротствѣ современныхъ идеаловъ, онъ старается разбить радостныя завѣренія сторонниковъ реакціи о возвращеніи къ пережиткамъ темнаго прошлаго, онъ силится парализовать вліяніе людей, которые бьютъ отбой по всей линіи съ цѣлью «поселить смуту среди преобладающей всегда массы колеблющихся умовъ и пополнить ими ряды воинствующей реакціи». Увѣренность въ побѣдѣ ни на минуту не покидаетъ нашего автора. Научная истина уже не разъ подчиняла себѣ своихъ враговъ. Всемогущее папство должно было уступить дряхлому старику Галилею. Иначе и быть не можетъ. Есть только одинъ путь впередъ, по которому должно въ концѣ-концовъ пойти человѣчество. «Это убѣжденіе въ существованіи мірового прогресса,—говоритъ проф. Тимирязевъ,—это, помогающая сносить тяжелую дѣйствительность надежда на лучшее завтра, составляющая элементъ утѣшенія всякаго вѣрованія, для эволюціониста является не безотчетнымъ только удовлетвореніемъ внутренней потребности,—нѣтъ, это идущій извнѣ, обязательный выводъ разума, итогъ его научной опытности. Вѣра въ прогрессъ — это самая широкая индукція, до которой возвышается научная мысль».

Намъ не нужно далеко идти за примѣрами, для того чтобы доказать

побѣду научной мысли надъ метафизическими воззрѣніями. Было вре
когда надъ умами нераздѣльно царило представленіе объ особой таинс
ной силѣ, получившей названіе жизненной, которая лежитъ въ осн
всѣхъ физіологическихъ процессовъ въ царствѣ животныхъ и расте
Наука прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы расчленить сложныя я
на болѣе простыя и путемъ такого кропотливаго анализа дойти до посл
ней причины, руководящей жизненными феноменами. А метафизики-ви
листы выбиваются изъ силъ съ цѣлью охладить пылъ ученой братіи. О
не перестаютъ доказывать, что мы дошли до предѣла, что дальше, соб
вательно, идти некуда, что нужно сосредоточиться на одномъ созерц
окружающей жизни и покориться передъ полнымъ безсиліемъ человѣчес
ума познать великія тайны природы. Эта разслабляющая проповѣдь, п
зывавшая къ блаженному покою, отрицавшая пользу научной работы, н
несла не малый вредъ людямъ, служила долгое время тормозомъ ихъ умст
наго развитія. «Достаточно,—говоритъ Тимирязевъ,—обратиться къ исто
физіологіи растеній, напримѣръ, Сакса, чтобы увидать, какимъ вредны
тормозомъ это безпочвенное воззрѣніе (витализмъ) было въ теченіе пе
всей первой половины вѣка; стоитъ заглянуть въ классическія произве
одного изъ великихъ основателей современнаго научнаго міровоззрѣ
Р. Майера, чтобы понять то смѣшанное съ презрѣніемъ негодованіе, к
торое вызывало въ немъ это злосчастное ученіе. Можно смѣло сказа
что вся столѣтняя исторія физіологіи—только одна повѣсть о побѣдѣ
мико-физическихъ воззрѣній надъ воззрѣніемъ виталистовъ, и замыка
она однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ пораженій этого послѣдняго».

Первый роковой ударъ витализму былъ нанесенъ въ тотъ моме
когда Лавуазье показалъ, что процессъ дыханія, эта сущность жизни,
красно укладывается въ рамки физико-химическихъ законовъ. Съ той п
удары, сыпавшіеся на виталистовъ, принимали съ каждымъ днемъ все бо
рѣшительный, болѣе ожесточенный характеръ. Въ 1869 году Гельмго
съ полнымъ правомъ могъ сказать, что наука о жизни въ послѣднія со
лѣтъ сдѣлала болѣе успѣховъ, чѣмъ въ предшествовавшія два тысячел
Витализмъ былъ выбитъ изъ всѣхъ позицій, которыя онъ нѣкогда съ т
гордостью занималъ, и вынужденъ былъ оставить поле битвы положи
ному научному изслѣдованію. Дряхлая старушка—жизненная сила тер
одну неудачу за другой, и область ея вѣдѣнія сокращалась съ кажд
новымъ научнымъ открытіемъ, бросавшимъ свѣтъ на тѣ самые таинст
ные процессы, которые витализмъ заранѣе объявилъ непостижимыми.
прежнему виталисты кричали о своей безпомощности, попрежнему
обобщали свое собственное неумѣніе подвергать тщательному анализу
ныя явленія природы. Но они уже успѣли утратить все свое обая
послѣ всѣхъ пораженій, понесенныхъ виталистами, они уже не могли
новить естественнаго хода научнаго прогресса. Эту-то отрицательную
витализма, какъ теоріи, и совершенно справедливо отмѣчаетъ проф
мирязевъ. «Что же это за жизненная сила,—спрашиваетъ онъ.—Р

заключаются ея аттрибуты, гдѣ ея сфера дѣйствій, могутъ ли ея защитники дать намъ удовлетворительный отвѣтъ? Въ томъ-то и дѣло, что не могутъ. Ея аттрибуты, ея сфера дѣятельности чисто отрицательнаго свойства. Главный ея аттрибутъ—не подчиняться анализу, скрываться тамъ, куда еще не проникло точное изслѣдованіе, ея область, все то, что еще не объяснено наукой,—тотъ остатокъ, съ каждымъ днемъ уменьшающійся остатокъ фактовъ, которые еще ждутъ объясненія. Каждый разъ, когда анализъ науки проникаетъ въ новую, еще не завоеванную область, явленіе, приписывавшееся единичному жизненному началу, оказывается результатомъ взаимодѣйствія организма и извѣстныхъ намъ внѣшнихъ физическихъ условій. Можно сказать, что каждый новый шагъ, каждый успѣхъ науки урѣзываетъ отъ этой темной области неизвѣстнаго, въ которой царила эта жизненная сила. Мы и не пойдемъ за нею въ эту область неизвѣстнаго. Наука можетъ заниматься только тѣмъ, что она знаетъ сегодня, а не гадать о томъ, что узнаетъ завтра. Оставаясь въ области извѣстнаго, посмотримъ, подчиняются ли тѣ жизненныя явленія, которыя поддаются изученію, подчиняются ли они основнымъ физическимъ законамъ, управляющимъ міромъ неорганическимъ, или уклоняются отъ нихъ, или даже противорѣчатъ имъ».

И наука, шествуя по избранному ею пути, неуклонно и систематически подвигается впередъ. Многое уже сдѣлала біологія для разгадки жизни, еще больше остается ей сдѣлать. Но ее ждетъ успѣхъ и побѣда. Всѣ прошлыя завоеванія науки, вся кропотливая, неустанная работа современности служатъ для насъ залогомъ ея успѣховъ. Научный изслѣдователь отлично знаетъ, что не все еще ясно въ окружающей насъ природѣ, что многое даже представляется противорѣчащимъ обычнымъ законамъ физики и химіи, къ которымъ онъ хотѣлъ бы свести жизненныя явленія. Но зачѣмъ же ему трусливо скрываться за мистической жизненной силой, съ какой стати при первой неудачѣ объявить себя несостоятельнымъ и навсегда почить въ сознаніи сладости блаженнаго невѣдѣнія? Напротивъ, чѣмъ больше непонятнаго представляетъ собой окружающій міръ, тѣмъ больше усилій сдѣлаетъ пытливый умъ научнаго дѣятеля съ цѣлью проникнуть въ тайны вселенной. Какой вредъ можетъ получиться отъ работы мыслителя, если даже его труды не увѣнчаются успѣхомъ? Исторія учитъ насъ, что ничего плохого отъ широко поставленныхъ научныхъ изслѣдованій ожидать нельзя. Представители положительныхъ знаній своимъ вѣковымъ опытомъ доказали, что отчаиваться въ успѣхѣ никогда не слѣдуетъ, что трудъ на научномъ поприщѣ долженъ непремѣнно дать какой-либо осязательный результатъ. Сколько разъ уже бывало, что метафизики, наткнувшись на какой-либо фактъ, противорѣчащій физико-химическимъ воззрѣніямъ, останавливались въ недоумѣніи, безпомощно разводили руками, меланхолически сознавались въ своемъ безсиліи и готовы были объявить войну служителямъ положительныхъ знаній. Вѣчно безпокойныя изслѣдованія, поиски ученаго за истиной отравляли покой метафизиковъ-виталистовъ, и они спѣшили подъ

сѣнь жизненной силы, гдѣ они чувствовали себя, точно за каменной стѣной, отъ всякихъ поползновеній на ихъ работоспособность. Но дѣятели настоящей науки нисколько не смущались безсильными воплями метафизиковъ. Они всетаки продолжали мучительно искать, искали и находили.

Вотъ, напримѣръ, листъ камнеломки. Мы знаемъ, сколько жидкости испаряется на его поверхности въ теченіе опредѣленнаго времени. Вѣтеръ, какъ это слѣдуетъ на основаніи законовъ физики, долженъ усилить испареніе. На дѣлѣ выходитъ не такъ. Подвергаемъ листъ дѣйствію вѣтра, и испареніе значительно ослабѣваетъ. Метафизикъ отъ одного этого факта готовъ уже придти въ уныніе и ласково заглядываетъ уже въ глаза жизненной силѣ. А ботаникъ не успокаивается на ничего не говорящемъ ему объясненіи. Онъ ищетъ въ строеніи листа, въ функціи отдѣльныхъ его частей разгадки страннаго на первый взглядъ явленія. И микроскопъ даетъ отвѣтъ на вопросъ, передъ которымъ безсильно опускались руки метафизиковъ. Оказывается, что испаренія происходятъ черезъ особыя отверстія, которыя снабжены регуляторами. Послѣдніе закрываются подъ вліяніемъ того же испаренія, и именно подъ дѣйствіемъ вѣтра, усиливающаго процессъ испаренія, регуляторы-то и вступаютъ въ силу.

Какъ видимъ, работа ученаго не только освѣтила данный фактъ, казавшійся прежде совершенно непонятнымъ и заставившій призвать на помощь жизненную силу. Нѣтъ, кропотливое изслѣдованіе дало въ данномъ случаѣ гораздо больше. Оно показало, что наши недоразумѣнія кроются въ безконечно сложномъ сплетеніи физическихъ явленій и, чтобы разгадать жизненный процессъ, нужно распутать таинственную сѣть. Быть можетъ, многіе феномены, которые въ настоящее время еще плохо вяжутся съ нашими физико-химическими представленіями, получатъ вскорѣ иное освѣщеніе, благодаря тому, что будутъ найдены тѣ приспособленія, при помощи которыхъ дѣйствіе однѣхъ силъ уничтожается дѣйствіемъ другихъ, противоположныхъ. И въ тотъ моментъ, когда загадочная сѣть будетъ распутана, наука вновь одержитъ одну изъ своихъ блестящихъ побѣдъ надъ метафизикой.

Итакъ, въ то самое время, когда люди науки зовутъ насъ на дружную работу для проникновенія въ тайны вселенной, виталисты выступаютъ съ своей жалкой и филистерской проповѣдью недѣланія. Напрасно, однако, будемъ искать въ разглагольствованіяхъ метафизиковъ какихъ-либо новыхъ, невѣдомыхъ намъ фактовъ, которые могли бы подвинуть насъ ближе къ истинѣ. «Природа сама не аристократка,—говоритъ Ренанъ (la nature est roturière);—она требуетъ, чтобы трудились; она любитъ мозолистыя руки и дѣлаетъ свои откровенія только человѣку, изборожденному морщинами».

Положительный методъ уже успѣлъ принести обильные плоды, и К. Тимирязевъ не можетъ говорить безъ негодованія о безсильной злобѣ виталистовъ, которые тщетно пытаются свергнуть біологію съ того высокаго пьедестала, на которомъ она нынѣ находится. «Защитники методовъ точныхъ наукъ,—говоритъ проф. Тимирязевъ,—руководятся не вѣрою,

лаютъ только строго-индуктивное заключеніе: солнце встаетъ каждый день, конечно, оно встанетъ и завтра; этотъ методъ оказывался успѣшнымъ въ теченіе цѣлаго вѣка,—конечно, онъ окажется такимъ же и впредь.

«Въ воззрѣніяхъ виталистовъ, отрекающихся отъ всего своего прошлаго, я не вижу почвы для вѣры; это только смутная, злорадная надежда; а, можетъ быть, завтра солнце и не встанетъ, а можетъ быть, наука, до сихъ поръ вносившая съ собой всюду свѣтъ, очутится завтра въ темномъ тупикѣ? Я говорю: злорадная,—потому, что какъ иначе назвать исключительное восклицаніе *ученаго*, что наука XIX вѣка осѣклась?»

Наука сумѣла положить въ основу всѣхъ явленій природы одно общее единое начало. Она показала, что всѣ процессы, какъ бы таинственны они ни были, подчиняются однимъ и тѣмъ же общимъ незыблемымъ законамъ. Въ физикѣ мы должны признать общность свойствъ всѣхъ тѣлъ; въ химіи все богатое разнообразіе наблюдаемыхъ веществъ сведено къ небольшому количеству элементовъ, и мы мечтаемъ уже объ одномъ родоначальникѣ для всѣхъ химическихъ соединеній; въ біологіи родство между всѣми животными и растительными формами не подлежитъ послѣ геніальныхъ работъ Дарвина никакому сомнѣнію. Мало того, несомнѣнная связь найдена между явленіями мертвой и живой природы, между міромъ неорганизованной матеріи и царствомъ живыхъ существъ. Это ли не грандіозный успѣхъ, служащій мѣриломъ того истиннаго совершенства, котораго достигли положительныя знанія?

Но наука пошла гораздо дальше. Она дала возможность предсказать теченіе явленій въ природѣ, она подчинила самую природу воздѣйствію человѣка. И эта возможность предвидѣть будущее, способность prévoir et agir, по выраженію Клодъ Бернара, является вторымъ характернымъ признакомъ совершенства положительной науки. И, наконецъ, тѣ матеріальныя блага, которыя щедрой рукой разсыпала вокругъ насъ наука, не служатъ ли они яркимъ доказательствомъ высшей мѣры совершенства науки?

Не мало тайнъ жизненнаго механизма вступило въ яркую полосу свѣта, благодаря прогрессу научной мысли. Давно ли превращеніе вещества внутри растительнаго или животнаго организма составляло главный оплотъ метафизиковъ? Теперь физика и химія заняли господствующее мѣсто въ этой таинственной области. Мы знаемъ, какъ происходитъ расщепленіе вещества въ живомъ организмѣ, мы знаемъ, при помощи какихъ приспособленій усвояемая часть отдѣляется отъ неусвояемой. Мы успѣли ознакомиться съ коренной причиной этого распада, выдѣливъ особыя тѣла—ферменты, отличающіеся замѣчательнымъ дѣйствіемъ. И, что всего удивительнѣе, ферменты не только способствуютъ распаду вещества, они порождаютъ также своимъ дѣйствіемъ и синтезъ, способствуя образованію сложныхъ соединеній изъ простыхъ тѣлъ. Токи жидкости въ растеніяхъ, движеніе крови по сосудамъ высшихъ животныхъ, самые сложные процессы, играющіе руководящую роль въ жизненныхъ явленіяхъ, удовлетворительно объясняются законами осмоза и диффузіи, т.-е. сводятся къ чисто физи-

ческимъ моментамъ. Мало того. Клѣтка, этотъ микроскопическій организмъ, оказалась цѣлой лабораторіей, гдѣ подвергаются тщательной химической обработкѣ различныя мертвыя тѣльца и живыя вещества. Клѣтка обладаетъ своими ферментами, своими перевaривающими соками, и процессъ превращенія ею различныхъ веществъ уже удалось повторить внѣ живого организма, въ простой химической колбѣ.

А превращеніе энергіи? Наука не остановилась и предъ этимъ процессомъ, успѣвъ приподнять завѣсу, скрывавшую его прежде отъ человѣчества. Теперь мы знаемъ, что растеніе своими зелеными частями (хлорофилломъ) поглощаетъ солнечную энергію; этому поглощенію соотвѣтствуетъ опредѣленная, поддающаяся учету, химическая работа.

Еще болѣе разительны успѣхи науки во всемъ томъ, что касается объясненія превращенія формъ. Великій геній Дарвина, установившій законы происхожденія видовъ, до сихъ поръ кошмаромъ давитъ метафизиковъ, не давая имъ успокоиться. Ихъ реакціонныя стремленія не находятъ себѣ больше почвы. Законы измѣнчивости видовыхъ формъ и передачи по наслѣдству разъ пріобрѣтенныхъ измѣненій пролили свѣтъ на вопросъ, который, казалось, обреченъ навсегда остаться въ активѣ сторонниковъ тьмы и мракобѣсія. Но двадцать лѣтъ упорной научной работы дали возможность проникнуть и въ эту тайну. Мы уже теперь знаемъ, что нельзя выхватывать отдѣльный эпизодъ изъ цѣлаго явленія, начало и конецъ котораго теряются во мракѣ настоящаго и прошлаго. Нельзя разсматривать индивидуальную жизнь самое по себѣ, а необходимо привести ее въ преемственную связь съ прошлыми жизненными формами. Тогда только удастся понять и происхожденіе одного живого существа изъ другихъ родственныхъ ему, и основные факторы возникновенія новыхъ видовъ. «Жизнь,—говоритъ проф. Тимирязевъ,—есть непрерывное, никогда не прерѣжающееся явленіе, при началѣ котораго намъ никогда не случалось присутствовать, или, употребляя картинное выраженіе, къ которому прибѣгаетъ Гельмгольцъ въ одной изъ своихъ лекцій, это волна, въ каждую минуту приводящая въ движеніе новыя частицы вещества; жизнь недавняго—это одинъ гребень, одинъ всплескъ этой волны, неизвѣстно откуда и куда бѣгущей».

Историко-біологическій методъ, творцомъ котораго является Дарвинъ въ связи съ физико-химическимъ объясненіемъ жизненныхъ процессовъ успѣлъ уже дать осязательные результаты, по которымъ мы судимъ о грандіозныхъ успѣхахъ знанія. Воздѣйствіе на природу, прежде считавшееся совершенно невозможнымъ, въ настоящее время свершившійся фактъ. Въ недавнее время Визнеръ, регулируя испаренія листьевъ, повліялъ на характеръ развѣтвленія, ходъ развитія или замиранія почекъ, развитія стеблевыхъ колѣнъ и связанное съ ними распредѣленіе листьевъ. Вниманіе физіолога не ограничивается однѣми этими лишь внѣшними формами и стеній. Молодую клѣтку, заложенную въ глубинѣ ткани, удается иногда заставить превратить въ толстостѣнный элементъ стебля или въ клѣтку

невища съ ея тонкой стѣнкой и обильнымъ запасомъ питательныхъ веществъ.

Къ области тѣхъ же явленій воздѣйствія на природу относится и успѣхъ въ современной борьбѣ съ болѣзнями. Эпидеміи, бывавшія въ прежнія времена грознымъ бичомъ для населенія, потеряли теперь свою разрушительную силу. Измѣнились методы лѣченія, и человѣкъ выходитъ на борьбу за собственную жизнь вооруженнымъ усовершенствованнымъ оружіемъ, легко обезпечивающимъ побѣду.

Можно ли при этихъ условіяхъ сказать, что наука не исполнила данныхъ обѣщаній, что она дала осѣчку? Сторонники реакціи просто промахнулись своей проповѣдью метафизическихъ идей, и ихъ усилія, конечно, не могутъ привести ни къ какимъ результатамъ. «Не подлежитъ сомнѣнію,—говоритъ проф. Тимирязевъ,—что наука и въ наступившемъ столѣтіи будетъ идти своимъ путемъ, не обращая вниманія на старческое бормотаніе запоздалыхъ эпигоновъ витализма, какъ, по счастію, не обратила вниманія на ребяческій лепетъ ихъ родоначальниковъ начала вѣка, и всѣхъ этихъ Дришей и Риндфлейшей ожидаетъ судьба ихъ предшественниковъ, разныхъ Кизеровъ и Ритовъ, имена которыхъ поглотила Лета, а хитроумныя теоріи, отъ времени до времени, историкъ науки извлекаетъ изъ пыли архивовъ на забаву своимъ читателямъ.

Проф. Тимирязевъ ополчается не только противъ метафизическихъ тенденцій въ наукѣ, но и противъ тѣхъ новыхъ теченій въ искусствѣ, которыя представляютъ собой шагъ назадъ. Проповѣдники новыхъ идей въ искусствѣ стремятся доказать, что никто, кромѣ нихъ, не понимаетъ истинной красоты, что поэты и художники новаго направленія пишутъ только для небольшого круга людей избранныхъ. Въ этомъ-то и заключается характерная черта реакціи. Создается особая красота для господъ, для аристократовъ мысли. У искусства отнимаютъ его главную высшую цѣль служить интересамъ народа. Живой, откликающійся на всѣ вопросы современности ученый не могъ не коснуться этой тенденціи новаго искусства, знаменующей собой наступленіе реакціи. «Напрасно,— говоритъ онъ,—жрецы новой красоты рвутся изъ предѣловъ дѣйствительности, пытаясь дополнить ее болѣзненной фантазіей мистики или бредомъ морфиномана,—одна дѣйствительность была и будетъ предметомъ истиннаго, здороваго искусства». Безжизненная красота для красоты не можетъ имѣть никакого значенія. Искусство такъ же, какъ и наука, должна имѣть реалистическую основу, и только тогда она сможетъ выполнить великую выпавшую ей на долю миссію, удовлетворять высшія потребности человѣка.

Напрасно мы стали бы думать, что проф. Тимирязевъ, являясь горячимъ адептомъ формулы «все для народа и при посредствѣ народа», стоитъ на узко-утилитарной точкѣ зрѣнія. Напротивъ, въ борьбѣ съ метафизической реакціей лучшимъ орудіемъ, по мнѣнію ученаго, является дальнѣйшее развитіе чистыхъ теоретическихъ знаній, возможно большаго углубленія научной истины. Метафизики должны прежде всего убѣдиться

въ томъ, что работа ума не пропадаетъ даромъ и что сугубо расписываться въ своей безпомощности нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. И проф. Тимирязевъ возстаетъ противъ излишне-практическаго направленія обученія, противъ предпочтенія, оказываемаго нерѣдко прикладнымъ знаніямъ. «Наука для науки,—говоритъ онъ,—и есть наука для жизни», но для того, чтобы наука выполняла свою задачу, жрецы ея ни на минуту не должны забывать основной своей цѣли, не должны прекращать своихъ поисковъ за истиной. Нельзя, конечно, отрицать того, что наука должна имѣть въ виду общественную пользу, народное благо. Но еще вопросъ, какой путь короче и вѣрнѣе ведетъ къ этой цѣли. Долженъ ли ученый дать себя обольстить упорнымъ и широко распространеннымъ предразсудкомъ, что наука должна исключительно заниматься житейскими дѣлами, что поощренія заслуживаютъ только тѣ отрасли знанія, которыя ставятъ себѣ практическія задачи? Или, быть можетъ, ученый не долженъ слушаться возгласами, которые раздаются вокругъ него и приглашаютъ его стать на почву прикладныхъ знаній? Безъ колебаній проф. Тимирязевъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, зажавъ совершенно ротъ метафизикамъ и идеалистамъ, не разъ взваливавшимъ на науку упрекъ въ излишней ея практичности. Нѣтъ прикладныхъ наукъ, есть только наука и примѣненія ея. «Ослѣпляющія насъ приложенія посыпались, какъ изъ рога изобилія, съ той именно поры,—говоритъ проф. Тимирязевъ,—когда они перестали служить ближайшей цѣлью науки. Только съ той поры, когда наука стала сама себѣ цѣлью—удовлетвореніемъ высшихъ стремленій человѣческаго духа, явились какъ бы сами собой и наиболѣе поразительныя приложенія ея къ жизни: это самый общій, самый широкій выводъ изъ исторіи естествознанія. Вспомните исторію химіи: она ли не стремилась вначалѣ къ непосредственно утилитарнымъ цѣлямъ? Служила она и искателямъ золота и философскаго камня; была она на послугахъ металлургіи, и на послугахъ медицины; была она и алхиміей, и іатрохиміей, пока не стала просто химіей, т.-е. самодовлѣющей чистой наукой, и съ той минуты посыпала щедрой рукой ея безчисленныя примѣненія».

Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ въ борьбѣ съ метафизической реакціей является, по мнѣнію проф. Тимирязева, широкое распространеніе знаній въ массахъ. Горячо онъ ратуетъ за то, чтобы научная благотворная зараза разносилась возможно шире, чтобы вызвать горячее влеченіе къ наукѣ въ тѣхъ людяхъ, въ комъ его нѣтъ. Въ этомъ и заключается основная прогрессивная мысль автора, его лозунгъ—демократизація знаній. Главнѣйшіе факторы будущаго, это—наука и демократія. «Сильны наукой демократія, наука, опирающаяся на демократію, и какъ сила этого союза—явленіе почти неизвѣстное прошлымъ вѣкамъ—демократизація науки,—вотъ несомнѣнный прогнозъ будущаго».

Проф. Тимирязевъ легко справляется съ тяжкимъ упрекомъ, который выдвигаютъ метафизики противъ науки, обвиняя ее въ безнравственности. Съ неумолимой жестокостью наука будто бы устанавливаетъ законы

данія, не признавая никакихъ этическихъ признаковъ. Право сильнаго озводится на пьедесталъ высшаго начала жизни, а слабый долженъ по-ибнуть въ неравной борьбѣ. Разумѣется, въ этомъ трактованіи отношенія ауки къ этикѣ мы имѣемъ дѣло съ обычной манерой. Наука, напротивъ, оказала и стремится показать, что нравственность есть высшій разумъ, то голосъ совѣсти находится въ полной гармоніи съ голосомъ разсудка, то этическіе принципы возникли, благодаря вѣковому опыту безчисленныхъ поколѣній, предшествовавшихъ намъ по пути развитія. «Наука доставила самое могущественное орудіе для осуществленія въ жизни нравственныхъ идеаловъ, конечно, не той пассивной, мистически-созерцательной нравственности, которая порою слишкомъ легко мирится съ существующимъ зломъ, когда только не оправдывала его, приглашая обездоленную часть человѣчества къ смиренію и покорности своей судьбѣ, а той активной нравственности, которая стремится проявить себя на дѣлѣ и ставитъ своей задачей уменьшеніе неправды, зла и страданій».

Таковы основныя идеи книги проф. Тимирязева. Наука идетъ заранѣе намѣченными путями, которые должны привести ее къ познанію истины. Методы научнаго изслѣдованія—опытъ и наблюденіе, стоятъ незыблемо, ихъ не могутъ пошатнуть служители реакціи своими крикливыми фразами объ этическихъ тенденціяхъ и идеалистическихъ стремленіяхъ. «Наука,—восклицаетъ проф. Тимирязевъ,—должна громко заявить, что она не пойдетъ въ Каноссу. Она не признаетъ надъ собой главенства какой-то сверхъ-научной, внѣ-научной, а попросту не научной философіи. Она не превратится въ служанку этой философіи, какъ та когда-то мирилась съ прозвищемъ ancillae theologiae». И голосъ глашатаевъ истины, служителей положительной науки не устанетъ призывать впередъ въ то самое время, когда метафизики заведутъ свою обычную устарѣлую пѣсенку съ заповѣдью попятнаго движенія. Наука попрежнему будетъ привлекать къ себѣ все свѣжее и молодое,—все, что усиленно рвется изъ тисковъ тьмы на широкій просторъ, на вольный воздухъ, къ свѣту. «Нѣтъ, — справедливо восклицаетъ нашъ ученый,—мы не будемъ смущать юные умы; мы не дадимъ ихъ обезсиливать какимъ-то разслабленно-пессимистическимъ, мистически-декадентскимъ разочарованіемъ въ наукѣ, для чего она не подаетъ ни малѣйшаго повода. Мы будемъ говорить имъ завтра то же, что и говорили вчера. Мы скажемъ имъ: вотъ, что мы знаемъ, вотъ, чего мы не знаемъ, а вотъ тотъ единственный вѣрный путь, съ котораго открываются все новые горизонты знанія,—это вѣковой путь, въ началѣ и концѣ котораго будутъ свѣтятъ геніи Лавуазье и Гельмгольца».

В. Я. Канель.

Проблемы воспитанія.

Недавно въ Парижѣ вышла въ свѣтъ новая книга, посвященная вопросамъ воспитанія: L'éducation fondée sur la science par C. Laisant (Лезанъ. Воспитаніе, основанное на наукѣ), съ предисловіемъ извѣстнаго Альфреда Наке (Naquet). Считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ ея содержаніемъ въ виду того интереса, какой возбуждаетъ въ русскомъ обществѣ поставленный теперь на очередь вопросъ о реформѣ нашей школы. Для спеціалистовъ-педагоговъ въ книгѣ французскаго автора мало, вѣроятно, найдется чего-нибудь новаго, но и они, думается намъ, не безъ интереса прочтутъ живо написанныя страницы, на которыхъ дѣлается какъ бы общая сводка всего, что волнуетъ современную мысль въ педагогической области и отъ которыхъ вѣетъ такой свѣжестью и бодростью.

Идеи Лезана, быть можетъ, покажутся иногда утопичными, неосуществимыми при современномъ по крайней мѣрѣ состояніи общества, но въ самой широтѣ этихъ идей заключается особая ихъ цѣнность. Полезно и прямо необходимо бываетъ подниматься время отъ времени надъ уровнемъ всѣхъ тѣхъ мелкихъ вопросовъ и вопросиковъ, изъ которыхъ конкретно составляется каждое общественное движеніе. Иначе за частностями можно забыть объ общемъ планѣ, о руководящей цѣли. Можно вѣдь совершенно подчиниться дѣйствительности въ чрезмѣрномъ стремленіи ладить съ ней, не отходить отъ нея слишкомъ далеко. Книга Лезана должна служить, какъ намъ кажется, хорошимъ предохранительнымъ средствомъ противъ такого рода опасности. Подвергая острой, проницательной критикѣ современное воспитаніе, постоянно выдвигая на первый планъ идеалы, къ которымъ нужно стремиться въ этой области, авторъ на протяженіи всей своей книги будитъ вашу мысль, не даетъ ей успокоиться,—не какъ вязчивый доктринеръ, а какъ чуткій публицистъ, какъ человѣкъ, которому дороги интересы культуры и подрастающихъ поколѣній.

Въ этомъ главное значеніе книги.

Авторъ находитъ, что вся господствующая система воспитанія должна подвергнуться коренному преобразованію на новыхъ началахъ. Современная школа не только не подготовляетъ своихъ питомцевъ къ жи-

она даже убиваетъ въ нихъ природныя способности своимъ догматизмомъ, формализмомъ, пренебреженіемъ къ личности ребенка. «Лучше совсѣмъ отказаться отъ этого призрака воспитанія»,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ авторъ,—чѣмъ продолжать упорствовать въ чудовищномъ (monstrueuse) игнорированіи дѣтской психологіи» (p. 100). «Роль наставниковъ сведена къ роли сторожей, учениковъ запираютъ въ школу, чтобы сдѣлать ихъ безвредными и помѣшать имъ бѣгать по улицамъ; въ дѣйствительности же тутъ нѣтъ ни обученія, ни воспитанія», такъ характеризуетъ авторъ начальную (и среднюю) школу. Отзывъ—рѣзкій, который, какъ увидимъ, вполнѣ оправдывается требованіями, предъявляемыми Лезаномъ къ школѣ.

Общую задачу воспитанія авторъ формулируетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «воспитатель долженъ гармонично развить всѣ способности ребенка, чтобы довести до maximum'a его активность, въ направленіи, полезномъ ему самому и его подобнымъ». Въ цѣляхъ изученія вопросы воспитанія расчленяютъ обыкновенно на три части, говоря о воспитаніи физическомъ, умственномъ и моральномъ, но цѣль воспитанія едина, и объ этомъ не слѣдуетъ забывать. Въ своей книгѣ авторъ говоритъ главнымъ образомъ о воспитаніи умственномъ и отчасти моральномъ; физическому воспитанію онъ посвящаетъ всего нѣсколько страницъ.

Не вдаваясь въ подробности о значеніи надлежащаго развитія организма (извѣстна латинская пословица: mens sana in corpore sano!), Лезанъ дѣлаетъ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о тѣхъ требованіяхъ, которымъ должно удовлетворять раціональное, научное физическое воспитаніе. Постепенность въ закаливаніи организма, разнообразіе упражненій, сохраненіе за ними характера развлеченія и игры—вотъ существенныя и единственныя условія, при которыхъ можно достигнуть благопріятныхъ результатовъ. Увлекаться въ школѣ военными упражненіями и парадами, чѣмъ не такъ еще давно грѣшили и у насъ, значитъ, по мнѣнію автора, «внушать дѣтямъ самое глубокое отвращеніе» къ тѣлесному воспитанію. Авторъ горячо высказывается между прочимъ въ пользу обученія школьниковъ ремесламъ, какъ потому, что видитъ въ ремеслахъ одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ средствъ умственной гигіены, такъ и потому, что профессіональная подготовка можетъ оказать, по его мнѣнію, большія услуги въ жизни.

Переходя затѣмъ къ своей непосредственной темѣ—умственному воспитанію, авторъ выставляетъ, какъ руководящій, тотъ принципъ, что фундаментомъ всякаго разумнаго умственнаго воспитанія непремѣнно должна и может быть только наука. Во-первыхъ, только научныя понятія пріучаютъ ум не довольствоваться вымыслами или химерами, а заставляютъ относиться критически къ окружающему. Развитіе же такой критической способности есть необходимое условіе достиженія главной цѣли воспитанія, указанной выше. Во-вторыхъ, именно научныя понятія, вопреки существующимъ предразсудкамъ, всего легче усваиваются ребенкомъ. Это утвержденіе автора можетъ показаться страннымъ, однако справедливость его несомнѣнна, какъ мы убѣдимся впослѣдствіи. Оно является, между прочимъ,

однимъ изъ центральныхъ пунктовъ педагогической теоріи Лезана. Въ третьихъ, ознакомленіе хотя бы съ первыми элементами науки необходимо въ виду огромнаго практическаго значенія, какое наука пріобрѣла въ настоящее время. Иначе мы будемъ бродить въ жизни, какъ слѣпцы.

Высказываясь съ такой опредѣленностью въ пользу господства науки, авторъ не думаетъ, что наукой исчерпывается вся область умственнаго воспитанія. Если цѣлью послѣдняго является, вообще говоря, изученіе природы и человѣка, то кромѣ наукъ въ собственномъ смыслѣ нужно обучать дѣтей и географіи и исторіи (которыя Лезанъ понимаетъ въ смыслѣ чисто описательныхъ дисциплинъ) и живымъ языкамъ. Нельзя упрекнуть автора и въ пренебреженіи литературнымъ образованіемъ. Часто задаваемый вопросъ о томъ, какому воспитанію слѣдуетъ отдавать предпочтеніе: литературному или чисто научному, имѣетъ, по мнѣнію Лезана, такое же значеніе, какъ вопросъ о томъ, что нужнѣе человѣку: ѣсть или спать. «Практикуя раздѣленіе воспитанія на литературное и научное, можно создать двѣ касты полу-людей, но никогда нельзя создать ни человѣчества, ни общества, ни отечества». «Стыдно и унизительно даже думать о возможности постановки подобныхъ вопросовъ въ средѣ, которая называетъ себя цивилизованной» (р. 71). «Всѣ способности ребенка должны быть культивируемы съ особенной заботой о поддержаніи между ними равновѣсія; воспитаніе должно постоянно вдохновляться мыслію о подготовкѣ ученика къ будущей жизни, будущимъ потребностямъ, невзгодамъ, борьбѣ» (р. 139).

И если авторъ всетаки выдвигаетъ на первый планъ науку, то онъ дѣлаетъ это потому, что наука остается и всегда должна оставаться основой всякаго истиннаго воспитанія, главнымъ же образомъ—въ противѣсъ той схоластикѣ и догматизму, какія характеризуютъ современное обученіе въ школахъ. «Догма, это—истинная язва интеллектуальнаго воспитанія», замѣчаетъ авторъ. «Не объ одной только религіозной догмѣ говоря; въ исторіи, въ ариѳметикѣ догмы найдется не меньше, чѣмъ въ катехизисѣ». «Развѣ не догматизмъ, въ самомъ дѣлѣ, заставлять ребенка учить наизусть опредѣленіе умноженія, совершенно непонятное для него, или заставлять запоминать Пиѳагорову таблицу, или постоянно повторять, что Людовикъ XIV достоинъ удивленія, потому что это былъ «великій государь» и низко преклоняться передъ Римомъ, и что римляне были «великій народъ?» (113).

«О какой бы области человѣческаго знанія ни шла рѣчь, объ исторіи, о наукѣ, литературѣ, никогда нельзя ничего навязывать уму ученика, а всегда слѣдуетъ самого приводить его къ истинѣ, и при томъ наиболѣе привлекательными дорогами, избѣгая всякаго злоупотребленія памятью» (113). Въ современной школѣ дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Напряженіе памяти ученика составляетъ основу всей системы воспитанія. Начиняя голову ребенка латынью, греческимъ, грамматическими формами и правилами, въ немъ убиваютъ всякую умственную инициативу и

тельность и наблюдательность. Даже въ области такъ называемыхъ опытныхъ наукъ, наприм., наукъ физическихъ, по самому существу своему, казалось бы, призванныхъ развивать только что перечисленныя психическія качества, «память, какъ вездѣ, играетъ главную роль: умъ воспринимаетъ слова; гипотезы быстро превращаются въ догматы вѣры, что касается опытовъ, то ученикъ видитъ ихъ только издали и не принимаетъ въ нихъ никакого участія, даже мысленнаго, техническія занятія (manipulations), очень рѣдкія впрочемъ, являются позднѣе» (43). Въ результатѣ, «юноши, къ счастью для себя, очень скоро забываютъ все, чему ихъ думали научить». Въ этомъ отношеніи у Лезана приводятся такіе поразительные факты, которымъ трудно было бы даже повѣрить, если бы на нихъ не было печати «полупарламентскаго» происхожденія. Въ послѣдніе годы во Франціи была произведена «анкета о среднемъ образованіи», давшая огромный любопытный матеріалъ. Нашелся однако всего одинъ единственный человѣкъ, который использовалъ результаты этого изслѣдованія—Густавъ Лебонъ. У него Лезанъ и заимствуетъ слѣдующіе приводимые имъ факты. Деканъ парижскаго факультета наукъ (de la Faculté des sciences de Paris) Дарбу, одно изъ научныхъ свѣтилъ Франціи, пишетъ въ своемъ отзывѣ: «я говорилъ недавно въ обществѣ содѣйствія высшему образованію (Société de l'enseignement supérieur), и слова мои подтверждены были нѣсколькими моими коллегами,—что есть несчастные кандидаты, которые почти ничего не знаютъ о войнѣ 1870 года, которымъ неизвѣстно, что Мецъ и Страссбургъ не принадлежатъ болѣе Франціи. Я не приводилъ бы вамъ своего отзыва, если бы онъ былъ единиченъ, но онъ очень ясно, въ другое время, былъ подтвержденъ Оветтомъ (Hauvette) и другими. Въ нашей молодежи замѣчается весьма прискорбная инертность». И далѣе у того же Дарбу читаемъ: «вамъ извѣстно, что на научныхъ факультетахъ для изучающихъ медицину существуетъ теперь подготовительный годичный курсъ. И вотъ, въ началѣ года мы бываемъ вынуждены повторять съ своими новыми учениками математику. Понятно, это дѣлается не для того, чтобы обучать ихъ алгебрѣ или геометріи, нѣтъ, просто для того, чтобы напомнить имъ элементы самой обыденной ариѳметики,—тройное правило, наприм., или дѣленіе, которое они позабыли». Буквально то же самое повторяетъ Липпманъ. Этотъ свидѣтель между прочимъ говоритъ: «многіе юноши, покинувъ классы, приходятъ въ ужасъ, если имъ бываетъ нужно что-нибудь выучить или выслушать; разъ выйдя изъ лицея, они не хотятъ болѣе ничего ни видѣть, ни слышать: они боятся всякаго знанія, хотя бы оно касалось даже современнаго факта. Одинъ молодой человѣкъ, котораго я спросилъ о телефонѣ, казалось, былъ крайне удивленъ моимъ вопросомъ, *и я убѣдился*, что онъ никогда *даже не слыхалъ* объ этомъ изобрѣтеніи (n'avait jamais entendu *parler* du téléphone!)...

Не всегда такимъ образомъ ученики школъ забываютъ только то, о чемъ забыть есть «счастіе» для нихъ. И въ этомъ, разумѣется, виновато воспитаніе и только оно одно, если не говорить о болѣе общихъ причи-

нахъ, отъ которыхъ зависитъ характеръ и направленіе самаго воспитанія. Для насъ, русскихъ, при чтеніи приведенныхъ строкъ не оказывается поводовъ для «національной гордости», для чувства превосходства надъ французскими собратьями; мы можемъ только утѣшаться, что факты колоссальнаго невѣжества кончающихъ гимназистовъ и даже студентовъ, о которыхъ намъ хорошо извѣстно по собственному опыту, встрѣчаются... не у насъ однихъ. Плохое утѣшеніе!

При такомъ положеніи дѣла понятна иронія, съ какой относятся Лебонъ, и Лезанъ, и Наке къ попыткамъ реформировать школу путемъ одного измѣненія программъ! Какъ будто не все равно, что именно учащіеся будутъ забывать—ботанику или греческій алфавитъ, исторію ассиріянъ или ученіе объ электричествѣ! «Нужно удивляться тому чувству глубокаго удовлетворенія, какое испытываютъ реформаторы всякій разъ, когда произведутъ новую перемѣну въ своихъ излюбленныхъ программахъ. Они кричатъ тогда: Въ добрый часъ! Теперь все спасено! Все будетъ хорошо! Я отвѣчаю имъ: Но, несчастные, если бы вы могли хоть на одно мгновеніе поразмыслить о методахъ, отбросивъ въ сторону систематическій вздоръ, которымъ осаждается вашъ умъ вслѣдствіе ложнаго воспитанія, полученнаго вами, вы признали бы, что программы—ничто или очень небольшое нѣчто, тогда какъ методы суть все или почти все» (цитата изъ Лебона 72—73).

«И это глубоко вѣрно», замѣчаетъ Лезанъ, хотя и онъ самъ не обходитъ молчаніемъ программныхъ вопросовъ. Неправильно поставленное воспитаніе, хотя бы оно и задавалось научными цѣлями, никогда не будетъ научнымъ. Наука не терпитъ догматизма, душа ея—въ критикѣ и наблюденіи. Но современное воспитаніе, по крайней мѣрѣ среднее, во главу всего ставитъ мертвые языки,—латинскій и греческій, оттѣсняя науку на второй планъ, и въ этомъ все дѣло. Именно господствомъ классицизма въ значительной мѣрѣ опредѣляются и только что охарактеризованные современные методы воспитанія. «Латинскій и греческій не могутъ быть преподаваемы иначе, чѣмъ они преподаются сейчасъ,—говоритъ Наке.—А въ концѣ концовъ они такъ формируютъ нашъ умъ, что ему становится уже трудно усваивать затѣмъ науки» (XXI).

Естественно поэтому, что оба автора, и Лезанъ, и Наке, съ особой силой обрушиваются на такъ называемый гуманизмъ или классицизмъ *)

*) Въ этомъ именно мѣстѣ Лезанъ погрѣшаетъ противъ только что одобреннаго имъ словъ Лебона о сравнительномъ значеніи методовъ и программы. Классическая программа, вліяющая на весь педагогическій строй школы,—это уже не „ничто“, даже не „очень небольшое нѣчто“, а „нѣчто“ весьма большое. Слова Лебона нужно понимаются, такимъ образомъ, въ оговоркѣ, получивъ которую, они сохраняютъ все свое значеніе. Программа можетъ быть „ничѣмъ“ или „почти ничѣмъ“ тогда, когда она не вызываетъ коренныхъ разногласій, когда основные ея пункты приблизительно приняты всѣми,—тогда о ней не приходится много говорить. Или же она—ничто, и этотъ случай, главнымъ образомъ, и имѣли въ виду авторы, когда перемѣна производится безъ надлежащаго исправленія методовъ. Но иногда и самые методы не могутъ быть усовершенствованы безъ измѣненія программы.

Ихъ соображенія сохраняютъ свою полную цѣну для насъ, и мы остановимся на нихъ, такъ какъ они касаются самаго наболѣвшаго у насъ вопроса. Наке въ своемъ предисловіи подробнѣе и отчетливѣе Лезана развиваетъ свои мысли, и мы будемъ сейчасъ цитировать, главнымъ образомъ, его.

«Въ средніе и въ ближайшіе къ этой печальной эпохѣ вѣка ни одного изъ нашихъ новѣйшихъ языковъ не существовало. Пластическія искусства, не воскрешенныя еще Ренессансомъ, казалось, исчезли навсегда. Чтобы понимать красоту, идеалъ, чтобы выражать возвышенныя философскія мысли, нужно было восходить къ учителямъ древности. Они одни способны были воспитать вкусъ. Внѣ мертвыхъ языковъ ничто не могло сформировать умъ. Я даже неправильно выразился: «внѣ мертвыхъ языковъ». Эти языки въ дѣйствительности не были мертвы. Они жили, особенно латинскій. Они составляли единственную форму, съ помощью которой могла выражаться мысль артистовъ, философовъ, мудрецовъ» (des penseurs, des sages).

Но теперь классическія знанія «представляютъ одно изъ тѣхъ наслѣдствъ, которыя нужно сохранять, сохраненіе которыхъ, однако, должно быть довѣрено исключительно спеціалистамъ-ученымъ, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ арабскому, еврейскому или санскритскому языкамъ». «Намъ нѣтъ уже необходимости обращаться къ Гомеру и Вергилію, чтобы отыскать у нихъ образцы литературной чистоты. Вкусъ такъ же хорошо можетъ развиваться отъ чтенія Гёте и Шиллера, Шекспира и Байрона, Корнеля, Расина, Ламартина, Виктора Гюго и Боделэра или великихъ прозаиковъ вродѣ Боссюэ, Вольтера, Руссо, Дидеро и современныхъ намъ Мишле или Ренана. Новѣйшіе авторы развиваютъ человѣческую мысль даже совершенно иначе (même avec une bien autre puissance), чѣмъ античные авторы. Они ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ современными идеями и задачами. Чувство красоты эволюціонируетъ такъ же, какъ и всѣ другія... И мы должны воспитывать свой умъ прежде всего на проявленіяхъ эстетическаго чувства той эпохи, въ которой мы живемъ» (XII).

«Конечно, человѣкъ всегда остается человѣкомъ, и съ точки зрѣнія индивида великіе взрывы страстей, какъ и великія мысли, вездѣ остаются прекрасными. Но есть коллективная сторона человѣчества, которая мѣняется. И новѣйшіе писатели именно то преимущество и имѣютъ, что они приводятъ въ движеніе (font mouvoir) неизмѣнные элементы красоты въ условіяхъ, приспособленныхъ къ современному обществу и даже, въ силу предвосхищенія, къ обществу ближайшаго будущаго».

«Безполезно,—говоритъ затѣмъ Наке,—читать античныя произведенія въ подлинникахъ; величіе заключающейся въ нихъ мысли гораздо лучше можно постигнуть, изучая ихъ въ хорошихъ переводахъ. О, я знаю, что даже лучшій переводъ не дастъ полнаго представленія объ оригиналѣ. Но многіе ли, добившись званія баккалавра, способны восхищаться Гораціемъ или Сенекой, Эсхиломъ или Гезіодомъ въ латинскомъ или греческомъ под

линникахъ?» Это замѣчаніе на-голову разбиваетъ одинъ изъ главн
боевыхъ доводовъ защитниковъ классицизма.

«Говорятъ еще, что нельзя хорошо изучить нашъ (французскій) я
не ознакомившись съ латинскимъ, отъ котораго онъ происходитъ. Без
знанія этимологій нельзя будто бы даже сдѣлаться французскимъ писа
лемъ». Этотъ аргументъ, кстати сказать, повторяется нерѣдко и у нас
въ Россіи («древніе языки помогаютъ изучать новые»), но у насъ он
не имѣетъ уже, конечно, и тѣни значенія. Лезанъ отвѣчаетъ на э
слѣдующей бутадой Альфонса Керра: «Это столь же основательно, к
если бы для развитія сильныхъ бицепсовъ считали необходимымъ заст
влять мужчину въ теченіе всей его юности носить, соблюдая равновѣс
стулъ на кончикѣ носа» (110).

И дѣйствительно, множество фактовъ опровергаютъ выставляемое
ложеніе. «Легко можно назвать массу писателей, государственныхъ лю
ораторовъ, которые въ дѣтствѣ не получили ни малѣйшаго понятія
греческомъ или латинскомъ, и которые, несмотря на то, превосходно
сали и говорили на своемъ языкѣ». Наке прибавляетъ: если изуче
этимологій дѣйствительно необходимо, чтобы умѣть писать на томъ и
другомъ языкѣ, то это должно быть справедливо для всѣхъ народовъ
для всѣхъ эпохъ. Ну, а греки, знали ли они арійскій языкъ, изъ котор
заимствованы были корни греческихъ словъ? Совсѣмъ не знали. Значи
они не знали собственнаго языка? Значитъ, они не умѣли правильно
сать на немъ? А вы заставляете изучать ихъ произведенія! Но въ д
ствительности греки были настолько же геніальными художниками сло
насколько они были велики въ пластическихъ искусствахъ?

Среднее классическое воспитаніе «въ сущности не имѣетъ ника
иной цѣли, кромѣ какъ отдѣлить буржуазію отъ пролетаріата» (Н
XVII). «Человѣчество раздѣляется на двѣ касты: на мандариновъ, ко
чившихъ удостовѣреніе въ знаніи латинскаго и греческаго (въ дѣйст
тельности почти ни одинъ изъ нихъ не знаетъ ни того, ни другого)
на тѣхъ, которые признаютъ свое невѣжество въ этой области».

«Одного этого было бы достаточно для насъ, чтобы высказаться п
тивъ подобной системы». Но изученіе мертвыхъ языковъ отнимаетъ
насъ и драгоцѣнное время, которое съ пользой могло бы быть уп
блено на пріобрѣтеніе знаній, имѣющихъ непосредственное, жизнен
значеніе. А какъ классическая мудрость калѣчитъ, извращаетъ умъ,
уже видѣли выше.

Переходя къ изложенію тѣхъ требованій, которымъ должно, по м
Лезана, удовлетворять и среднее, и элементарное образованіе, мы в
чаемъ знакомыя идеи всѣхъ лучшихъ педагоговъ. Наглядность обу
развитіе въ ребенкѣ наблюдательности, любознательности, неутом
ность и разнообразіе преподаванія, наконецъ, особенно индивидуал
воспитанія—таковы основныя положенія книги. Мы остановимся на
болѣе интересныхъ мѣстахъ изложенія Лезана. Исходя изъ при

глядности, авторъ доказываетъ, что всѣ элементарныя научныя понятія легко могутъ быть усвоиваемы ребенкомъ при условіи примѣненія надлежащихъ методовъ воспитанія.

Мы упоминали уже, что это одинъ изъ центральныхъ пунктовъ теоріи Лезана, которому онъ посвящаетъ значительную часть своихъ лекцій. Подробно авторъ разбираетъ, впрочемъ, только способы элементарнаго обученія дѣтей математикѣ и физическимъ наукамъ. Характеризуя жалкое состояніе современной школьной методики ариѳметики, авторъ вспоминаетъ, что его самого, наприм., гораздо раньше научили писать цифру 2, чѣмъ дали понятіе о соотвѣтствующемъ числѣ. «Нѣтъ ничего болѣе противорѣчащаго нормальному функціонированію мозга». «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—продолжаетъ затѣмъ авторъ,—мнѣ приводили примѣръ одного школьнаго учителя, обучавшаго ребенка счисленію. Все шло хорошо до 3, но ученикъ не могъ усвоить себѣ понятія четыре. Тогда учитель замѣтилъ: нѣтъ ничего легче! вотъ! и онъ начертилъ карандашомъ цифру 4. Мальчикъ былъ пораженъ и не понималъ уже абсолютно ничего».

«Основной порокъ современнаго воспитанія именно въ томъ и заключается,—резюмируетъ Лезанъ,—что символъ предмета получаетъ въ немъ преобладающее значеніе надъ самимъ предметомъ». Далѣе приводится нѣсколько примѣровъ, какъ слѣдуетъ вести преподаваніе ариѳметики въ школѣ и особенно въ семьѣ. Авторъ говоритъ именно о сложеніи, умноженіи и нумераціи. «Я вѣрю,—заключаетъ онъ,—что въ первоначальномъ обученіи ничто не должно имѣть и тѣни обязанности и утомленія; нужно, наоборотъ, возбуждать въ ребенкѣ охоту самому постоянно двигаться впередъ, нужно всегда стараться давать ему иллюзію, что это онъ открываетъ истину». Всякое преподаваніе должно имѣть форму игры.

Мы не будемъ вдаваться во всѣ подробности дальнѣйшаго изложенія, приведемъ только два примѣра, изъ которыхъ будетъ видно, что авторъ вполнѣ убѣдительно доказываетъ возможность объясненія 5-лѣтнему ребенку такихъ вещей, съ какими теперь ученики знакомятся только гораздо позднѣе. Одинъ примѣръ изъ области геометріи. Рѣчь идетъ о такъ называемой Пифагоровой теоремѣ. Доступна ли она пониманію ребенка? Возьмите,—говоритъ авторъ,—два равныхъ квадрата и на всѣхъ четырехъ сторонахъ одного изъ нихъ послѣдовательно отложите по равной величинѣ. Полученныя точки дѣленія соедините между собой прямыми линіями. Квадратъ окажется разрѣзаннымъ на пять фигуръ: изъ нихъ средняя будетъ представлять квадратъ А, образованный гипотенузами четырехъ прямоугольныхъ треугольниковъ, лежащихъ по бокамъ—1, 2, 3, 4. Что эти треугольники равны между собой, очевидно, такъ сказать, на взглядъ, но равенство ихъ можно доказать и посредствомъ наложенія. Беремъ затѣмъ второй квадратъ и придаемъ ему форму ящичка со вложенными подвижными внутренними частями—абсолютно сходными съ чертежомъ перваго квадрата. Вынимаемъ изъ ящичка квадратъ А, треугольники же размѣщаемъ попарно такимъ образомъ, чтобы одинъ изъ треугольниковъ въ

каждой парѣ своимъ прямымъ угломъ падалъ въ уголъ ящика, а
вторые треугольники обѣихъ паръ сливались своими гипотенузами
потенузами первыхъ треугольниковъ, образуя съ этими послѣдними
угольники. При условіи, что полученные прямоугольники будутъ ра
жены въ противоположныхъ углахъ ящика и притомъ такъ, что дл
ихъ стороны будутъ перпендикулярны другъ къ другу, пустое про
ство въ ящикѣ приметъ форму двухъ квадратовъ. Стороною одного
этихъ квадратовъ будетъ меньшій, стороною другого—бо́льшій к
треугольниковъ 1′, 2′, 3′, 4′. Такъ какъ пустое пространство въ я
образовалось вслѣдствіе вынутія квадрата A, квадратъ же этотъ, р
квадрату A, стороной своей имѣетъ гипотенузу треугольниковъ 1, 2,
то слѣдующій квадратъ, построенный на гипотенузѣ, равенъ сумм
ратовъ, построенныхъ на катетахъ.

«Любопытнѣе всего,—говоритъ Лезанъ,—что происхожденіе этог
казательства теряется во мракѣ временъ: оно восходитъ, по крайне
рѣ, къ 30 или 40 вѣку до Р. Х. и беретъ свое начало, повидимом
Индіи. Bhascara приводитъ его въ своемъ трудѣ Rija-Ganita; наче
соотвѣтствующія фигуры, онъ подписалъ подъ ними одно только с
«Видите!» А между тѣмъ у насъ Пифагорова теорема считается одно
наиболѣе «проклятыхъ». Лезанъ находитъ вполнѣ возможнымъ да
бенку понятіе и о параллельныхъ линіяхъ, и о прямыхъ и косыхъ уг
и о параллелограммахъ, и о прямоугольникахъ, и о катетахъ и ги
нузахъ.

Другой примѣръ изъ области алгебры. Чтобы объяснить ребенку,
равна сумма n первыхъ нечетныхъ чиселъ, нужно взять,—говорит
занъ,—листъ квадратированной бумаги и заштриховать первую к
наверху слѣва, а затѣмъ три сосѣднихъ клѣтки, образующія съ п
квадратъ. Продолжая дѣлать то же самое дальше, мы получимъ квад
состоящій изъ ряда заштрихованныхъ поясовъ: пояса эти будутъ п
довательно заключать въ себѣ одну, три, пять, семь, девять и т. д.
токъ. Сумма всѣхъ клѣтокъ, ясное дѣло, будетъ равна квадрату н
послѣдняго пояса.

Такимъ образомъ, съ помощью самыхъ простыхъ пособій, вродѣ
чатой бумаги, иногда спичекъ, шариковъ и т. п., можно безъ труда
ширить поле изслѣдованій, доступныхъ уму ребенка. «Безусловно н
лишь, чтобы обученіе имѣло характеръ игры и было лишено всякаго
матизма». «Оно должно быть всецѣло объективнымъ и далекимъ от
кой бы то ни было абстракціи». Конечно, «далекимъ отъ абстракціи
можетъ быть скорѣе по внѣшности, чѣмъ по существу, такъ какъ абс
ція—необходимый элементъ всякаго знанія. Понятіе о двухъ, напри
ребенокъ, которому показываютъ два абрикоса, можетъ получить т
путемъ отвлеченія своей мысли отъ всѣхъ индивидуальныхъ особен
каждаго абрикоса въ отдѣльности. Точно такъ же и понятіе о л
можетъ быть получено безъ абстракціи. Если я на чемъ наст

воритъ Лезанъ,—такъ это на томъ, «чтобы ребенокъ, которому показываютъ шнурокъ, протянутый между двумя точками или гигрометрическій волосокъ, или черту, проведенную тонко очиненнымъ мѣломъ, самъ дѣлалъ необходимую абстракцію, безъ которой онъ не можетъ подвигаться впередъ», и чтобы первыя научныя понятія передавались ему всегда только съ помощью перечисленныхъ предметовъ и имъ подобныхъ.

Мы довольно подробно остановились на преподаваніи математики, такъ какъ эта область знанія имѣетъ репутацію наиболѣе отвлеченной и наиболѣе трудной для усвоенія ребенкомъ. Мы видѣли, что трудности, представляющіяся здѣсь на первый взглядъ, легко преодолимы и что отвлеченность науки имѣетъ въ общемъ условное значеніе. Въ области физическихъ наукъ (подъ которыми Лезанъ подразумѣваетъ физику и химію) примѣнимость принциповъ, защищаемыхъ авторомъ, ни у кого уже не можетъ вызвать сомнѣній. Отъ воспитателя требуется лишь терпѣніе и немного изобрѣтательности, чтобы съ помощью самыхъ простыхъ приспособленій и опытовъ объяснить ребенку элементарныя физическія и химическія явленія. Природная любознательность дѣтей весьма облегчаетъ задачу: нужно только поощрять это качество въ ребенкѣ и умѣть быть понятнымъ своему питомцу. Однимъ словомъ, нужно, какъ вездѣ и всегда, считаться съ психологіей ребенка, не давить ее своимъ авторитетомъ, развивая въ ученикѣ самодѣятельность и иниціативу. Первоначальное обученіе физическимъ наукамъ,—повторяетъ авторъ свою постоянную мысль,—въ противоположность позднѣйшему раціональному должно имѣть экспериментальный, инстинктивный характеръ: оно должно быть лишено всякихъ внѣшнихъ педагогическихъ аттрибутовъ; нужно забавлять ребенка, пользуясь его естественной любознательностью и никогда не требуя отъ него ни одного усилія памяти. «Главное, чему нужно научить ребенка, это—научить его *видѣть*, понимая подъ этимъ выраженіемъ способность отдавать себѣ ясный отчетъ во всѣхъ ощущеніяхъ, приходящихъ извнѣ».

«Вся эта теорія, скажутъ, очень хороша и увлекательна, но она представляетъ чистѣйшую утопію. Она рѣшительно непримѣнима. Есть ли у васъ матеріальныя средства для ея осуществленія? Не думаете ли вы, что слѣдуетъ въ каждой семьѣ, въ каждой школѣ, начальной или материнской, учредить физическій кабинетъ и химическую лабораторію? Гдѣ найти средства? Откуда взять персоналъ?»

На это возраженіе Лезанъ отвѣчаетъ слѣдующими словами: «Вся природа представляетъ обширную лабораторію, она ставитъ передъ нашими глазами непрерывный рядъ явленій, и достаточно только открыть глаза, чтобы извлечь изъ этихъ явленій самые драгоцѣнные уроки. Это, конечно, не все: на-ряду съ наблюденіемъ нужно организовать опытъ». Но если бы современная школьная администрація отрѣшилась отъ своихъ предразсудковъ, она давно сумѣла бы воспользоваться сдѣланными въ этомъ направленіи указаніями лучшихъ педагоговъ со временъ Фребеля и

Песталоцци, и научилась бы вести свое дѣло, не наскучивая дѣтямъ. Но нѣтъ! Какъ можно быть веселымъ съ дѣтьми? Какъ можно системой пожертвовать ради какой-то игры? Что за безуміе! Что за вульгарность!

Авторъ называетъ двѣ книги изъ отдѣла такъ называемыхъ «научныхъ развлеченій», въ которыхъ убѣдительно излагается, какъ съ помощью именно самыхъ обыденныхъ предметовъ, имѣющихся въ каждой семьѣ, можно устраивать небольшіе физическіе и химическіе опыты. Одна изъ этихъ книгъ извѣстна и у насъ, это—«Научныя забавы, физика безъ приборовъ, химія безъ лабораторіи» Гастона Тиссандье *); другая принадлежитъ перу инженера Тома Тита и носитъ заглавіе «Забавная наука» (La Science amusante), въ 3-хъ томахъ.

Драгоцѣнныхъ средствъ, указанныхъ въ этихъ двухъ книгахъ, было бы, конечно, недостаточно для *полнаго* введенія ребенка въ курсъ физическихъ наукъ, замѣчаетъ Лезанъ. Однако, расходы на пріобрѣтеніе хотя бы небольшой электрической машины или нѣкоторыхъ необходимыхъ химическихъ приборовъ будутъ такъ малы, что окажутся по средствамъ многимъ отдѣльнымъ семьямъ. Но ни одна публичная школа не можетъ останавливаться передъ подобными затратами. Сколько безполезныхъ и иногда даже вредныхъ расходовъ, во сто разъ бо̀льшихъ, фигурируетъ теперь въ муниципальныхъ бюджетахъ!

Закончимъ свое изложеніе вопроса еще однимъ краткимъ замѣчаніемъ Лезана: авторъ находитъ весьма полезнымъ знакомить дѣтей съ исторіей наукъ, особенно наукъ физическихъ. «Не представляетъ ли для ребенка гораздо больше интереса слѣдить за развитіемъ идей, знакомиться съ жизнью ученыхъ, съ борьбой, которую они вели, съ усиліями, которыя они употребляли, чѣмъ запечатлѣвать въ своемъ умѣ рядъ убійствъ и преступленій всякаго рода и заучивать пустую и сухую хронологію, т.-е. дѣлать то, что составляетъ обыкновенно сущность современнаго элементарнаго преподаванія исторіи» (49).

Намъ кажется, что взглядъ Лезана теперь достаточно ясенъ. «Весь вопросъ, какъ формулируетъ Наке въ своемъ предисловіи (VI), заключается въ томъ, чтобы сдѣлать умственный трудъ привлекательнымъ». Указанные методы преподаванія Лезанъ находитъ возможнымъ и необходимымъ примѣнять и во всѣхъ другихъ областяхъ знанія, хотя не вдается въ подробности. Нужно сдѣлать только одну оговорку. Пусть не подумаютъ, что авторъ хочетъ возможно полнѣе набивать голову ребенка всякими свѣдѣніями и стремиться лишь къ тому, чтобы свѣдѣнія эти усвоились надлежащимъ образомъ. Такое пониманіе противорѣчило бы основной цѣли именно элементарнаго научнаго воспитанія, которая заключается прежде всего въ развитіи критической способности ребенка. «Великое дѣло—знать хорошо, а не знать много; понимать небольшое количество основныхъ идей, къ которымъ послѣдовательно можно будетъ при-

*) Издана у насъ покойнымъ Павленковымъ.

нять другія,—вотъ единственная раціональная подготовка къ полному научному образованію» (112).

Изложенныя требованія, предъявляемыя Лезаномъ къ школѣ, естественно приводятъ его къ мысли объ особенномъ значеніи психологіи, какъ науки, въ дѣлѣ воспитанія. Отсюда необходимость ознакомленія съ этой дисциплиной учителей и воспитателей. Отсюда же требованіе сокращенія числа учениковъ, ввѣряемыхъ одному лицу въ школѣ, какъ необходимое условіе индивидуализаціи воспитанія.

Намъ остается разсмотрѣть взгляды Лезана въ области моральнаго воспитанія. Здѣсь мы встрѣчаемъ ту же свѣжесть мысли, тотъ же радикальный новаторскій духъ, что и раньше. Пусть замѣчанія автора не всегда новы и оригинальны, они будутъ сохранять свое значеніе до тѣхъ поръ, пока не осуществятся въ жизни.

Одно изъ главныхъ, если не главное, зло современнаго нравственнаго воспитанія, заключается, по мнѣнію Лезана, въ игнорированіи воли ребенка. Игнорированіе это двоякое: во-первыхъ, воля ребенка не получаетъ должнаго развитія, закала; во-вторыхъ, она насилуется навязываніемъ ребенку родительскаго или господствующаго школьнаго міросозерцанія. Что касается перваго пункта, то онъ получилъ надлежащее освѣщеніе въ трудахъ другихъ авторовъ, и Лезанъ ограничивается поэтому лишь приведеніемъ цитатъ изъ статьи г-жи Добрессъ (Daubresse): «L'Emancipation de l'Enfant», помѣщенной въ журналѣ *Revue Bleue*, изъ извѣстной и у насъ книги Ж. Пэйо: «Воспитаніе воли» и изъ цитированной книги Густава Ле-Бона.

Для полноты изложенія воспользуемся выдержкой изъ статьи Добрессъ, какъ особенно характерной. «Спросите,—говоритъ авторъ,—любого изъ учителей, воспитателей, врачей, всѣхъ, кто имѣетъ доступъ въ семейства, они скажутъ вамъ, что ребенокъ, какъ его воспитываютъ теперь, проматываетъ свободу (gaspille une l.), къ которой онъ стремится, но употребленія которой онъ не знаетъ. Его не учатъ тому, чего слѣдуетъ хотѣть, и онъ не хочетъ поэтому ничего, о чемъ его спрашиваютъ: у него нѣтъ желаній, онъ имѣетъ только «нежеланія» *), Марсель, Поль или Жакелина «не хочетъ» учить уроковъ, «не хочетъ» гулять, «не хочетъ» заниматься своимъ туалетомъ, и такъ во всемъ. Упрямство влечетъ за собой угрозы, просьбы, выговоры. Какая безполезная трата энергіи и съ той, и съ другой стороны! «Образованіе, воспитаніе, съ самаго перваго дня, должны преслѣдовать одну существенную цѣль: *развитіе характера путемъ постояннаго упражненія воли*».

«Трудность для воспитателя заключается здѣсь въ томъ, чтобы соблюсти должную мѣру, развивая способность сужденія, отнюдь не въ ущербъ принципу дѣйствія, который долженъ сохранить свою самопроизвольность

*) По-французски здѣсь получается болѣе остроумное противоположеніе, благодаря перемѣнѣ одной буквы: il n'a pas de volontés, il n'a que des nolontés.

и служить въ качествѣ необходимаго буфера. По мѣрѣ роста, ребенку должно быть предоставлено значительное участіе въ собственномъ воспитаніи; онъ долженъ быть сотрудникомъ, долженъ интересоваться своимъ воспитаніемъ, долженъ чувствовать, что онъ не «вещь» въ рукахъ того, кто его воспитываетъ, а жизнь, ищущая законовъ своего лучшаго развитія. Такимъ образомъ мало-по-малу онъ сдѣлается способнымъ самостоятельно продолжать работу, начавшуюся въ немъ». Всѣ другіе пути, уклоняющіеся отъ этого, никогда не приведутъ къ надлежащимъ результатамъ. По этому поводу Лезанъ осуждаетъ, какъ чистѣйшую химеру, систему «преподаванія» морали, практикующуюся въ школахъ Франціи. У насъ, къ нашему счастію, для подобныхъ предпріятій, кажется, не имѣется сколько-нибудь благопріятной почвы.

Другой пунктъ въ области моральнаго воспитанія, о которомъ мы упоминали выше, заставляетъ автора коснуться весьма деликатнаго вопроса о религіозномъ воспитаніи. Въ общемъ рѣзкомъ отзывѣ автора о значеніи положительной религіи (d'une religion positive), какъ фактора воспитанія не только нравственнаго, но и умственнаго *), мы ясно слышимъ отголоски той бурной антиклерикальной борьбы, которая, возгорѣвшись, и до сихъ поръ еще не окончилась во Франціи. «Философскія системы, какими бы онѣ ни были, спиритуалистическія или иныя, по мнѣнію Лезана, не менѣе опасны; позднѣе онѣ могутъ составить для нѣкоторыхъ умовъ предметъ полезныхъ размышленій, но это уже вѣнецъ воспитанія, для котораго нѣтъ мѣста въ самомъ воспитаніи».

«Нужно признать,—замѣчаетъ авторъ,—что этимъ мы ставимъ себѣ задачу, неразрѣшимую при современномъ положеніи нашей семейной организаціи». И законъ, и обычаи признаютъ авторитетъ родителей обязательнымъ для ребенка. Въ головахъ многихъ и многихъ людей гнѣздится еще до сихъ поръ эта чудовищная мысль, будто ребенокъ есть собственность родителей!

«Не далѣе, какъ два или три часа тому назадъ,—говоритъ Лезанъ,—я прочиталъ афишу, нѣчто вродѣ протеста противъ совершающихся событій, въ которой авторы выражаются такимъ образомъ: «Наши дѣти не принадлежатъ болѣе намъ! Они собственность государства! И однако, развѣ государство кормитъ ихъ? Ничего подобнаго! Мы ихъ кормимъ».

Добряки смѣшиваютъ домашнихъ животныхъ, которыхъ они держатъ у себя, съ человѣческимъ существомъ, и думаютъ, что и на тѣхъ, и на другое они имѣютъ совершенно одинаковое право собственности.

Пусть, впрочемъ,—говоритъ Лезанъ,—семья сохраняетъ, пока что свой авторитетъ. Теперешнія соціальныя условія настолько противорѣчивы, что разрушать внутреннія семейныя отношенія не представляется возможнымъ. Если ребенокъ находится подъ непосредственнымъ руководствомъ

*) ...C'est façonner des cerveaux d'esclaves, dégrader l'être humain et lui proposer un honteux marchandage; c'est empêcher l'éducation morale.

своей семьи, то нужно предоставить доброй волѣ родителей воспитать его въ духѣ той или иной религіозной или философской системы, или совершенно не безпокоить его мозга религіозными вопросами, чтобы онъ впослѣдствіи самъ свободно могъ разобраться въ нихъ. Однако, въ школьной средѣ можно и должно требовать строжайшаго нейтралитета относительно этого пункта. Только при такомъ условіи будетъ обезпечена каждому, дѣйствительно, полная свобода и будетъ достигнуто искреннее умиротвореніе всѣхъ.

«Когда семьѣ хотятъ присвоить право выбора того духовнаго направленія, въ какомъ ребенокъ долженъ воспитываться въ школѣ, то въ этомъ надо видѣть въ дѣйствительности покушеніе на свободу, предпринимаемое подъ флагомъ свободы; здѣсь лежитъ причина нравственной смуты и разногласій, здѣсь косвенное санкціонированіе ужасной доктрины, согласно которой существуетъ право собственности родителей на ребенка, одного человѣка на другого».

Въ требованіи безусловно школьнаго нейтралитета Лезанъ видитъ единственное возможное рѣшеніе вопроса, волнующаго его отечество.

Еще болѣе подробно, въ томъ же духѣ, высказывается Альфредъ Наке. Мы извлечемъ изъ его разсужденій нѣсколько страничекъ, которыя покажутъ намъ, чего именно хочетъ, какія цѣли ставитъ себѣ часть людей, борющихся теперь во Франціи съ клерикализмомъ. Эта справка какъ нельзя болѣе своевременна. Но она имѣетъ не одинъ только злободневный интересъ. Соображенія Наке поучительны еще въ томъ смыслѣ, что они затрогиваютъ общій, всенародный, такъ сказать, вопросъ о предѣлахъ свободы въ преподаваніи.

До самыхъ послѣднихъ лѣтъ,—говоритъ Наке,—я былъ сторонникомъ широкой вѣротерпимости. Пагубное вліяніе іезуитовъ, отъ котораго стонало французское общество стараго порядка, казалось мнѣ парализованнымъ Великой революціей. Я думалъ, что духъ свободомыслія окончательно убилъ клерикальныя поползновенія въ нашей странѣ. Я былъ спокоенъ съ этой стороны. Дѣло Дрейфуса раскрыло мнѣ глаза. Я увидѣлъ, что огромная опасность грозитъ не только современному, но и будущему обществу. Я понялъ, что, лѣнивые сибариты до революціи, клерикалы энергично принялись за работу послѣ нея, особенно усиливъ свою дѣятельность съ 1870 г. Я увидѣлъ, что отчаяніе и смерть подстерегаютъ насъ, нашу республику, и я тотчасъ всталъ въ ряды тѣхъ, кто объявилъ войну клерикализму. Я не считаю возможнымъ останавливаться
] і полпути въ предпринятой борьбѣ. Закрывать неразрѣшенныя конгре-
] ціи и признавать разрѣшенныя—нелогично. Искать клерикализмъ только
: мъ, гдѣ есть монашеское платье,—точно также совсѣмъ неосновательно.
. Іірянинъ, получившій воспитаніе на Мадридской улицѣ, не хуже монаха
(детъ внушать своимъ ученикамъ ненависть къ республикѣ, свободѣ,
(ціализму». И потому единственнымъ средствомъ, если не уничтоженія,
: по крайней мѣрѣ ослабленія клерикальнаго вліянія, можетъ быть только

монополизація просвѣщенія. Однако здѣсь мы встрѣчаемся съ большими затрудненіями. Іезуитская пропаганда пагубна для свободнаго развитія страны; вредное растеніе, взросшее на національной почвѣ должно быть съ корнемъ вырвано. Но достигается ли эта цѣль монополизаціей просвѣщенія? Не приведетъ ли такая мѣра къ тому, что свободомыслящіе почіютъ на лаврахъ, удовлетворившись достигнутыми результатами? Не воспользуются ли этимъ іезуиты, чтобы на свободѣ, безъ назойливаго контроля, сѣять свое ядовитое сѣмя? Не захватятъ ли они въ свои руки университетъ, который и теперь наполовину находится подъ ихъ вліяніемъ? Найдутся ли, наконецъ, непримиримые депутаты и министры, которые будутъ жертвовать даже своими политическими успѣхами, лишь бы только изгонять изъ жизни клерикальный духъ? На всѣ эти вопросы приходится дать мало утѣшительные отвѣты.

Съ другой стороны, если даже подобная опасность устранима, на мѣсто догмы религіозной явится свѣтская догма съ ея культомъ арміи, частной собственности, буржуазной морали, и подчинитъ себѣ школу. Даже полное отдѣленіе церкви отъ государства, столь желательное во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, нисколько однако не будетъ способствовать разрѣшенію проблемы публичнаго воспитанія и образованія.

И вотъ, мы стоимъ передъ дилеммой: намъ нужно или прибѣгнуть къ опасной монополизаціи, или продолжать сидѣть сложа руки, такъ какъ принимать недѣйствительныя мѣры, возбуждающія страсти и безвредныя для врага, именно и значитъ сидѣть сложа руки или даже еще нѣчто худшее. Только выбирая изъ двухъ золъ меньшее,—говоритъ Наке,—я рѣшительно высказался и высказываюсь въ пользу монополизаціи: нужно подавить клерикализмъ во что бы то ни стало. Вѣдь никто во имя свободы не позволилъ бы мормонамъ проповѣдывать полигамію. Если бы эта секта стала открывать во Франціи свои школы, іезуиты, больше всѣхъ кричащіе теперь: да здравствуетъ свобода!—первые стали бы требовать закрытія ихъ. Такъ же точно нужно поступать намъ съ іезуитами.

«Это будетъ революція, а революціи рѣдко не бываютъ благодѣтельны. Ряды нашихъ противниковъ разстроятся. И прежде чѣмъ новый школьный порядокъ проявитъ всѣ свои отрицательныя стороны, пройдетъ добрая четверть вѣка. За это время, подъ животворнымъ дыханіемъ совершившейся революціи, вырастетъ новое поколѣніе—болѣе сильное, болѣе крѣпкое, болѣе свободное; врагъ будетъ придавленъ въ значительной мѣрѣ. И, можетъ быть, тогда явится возможность вернуться къ свободѣ, чтобы избѣгнуть ретроградныхъ послѣдствій государственнаго воспитанія, безъ всякихъ уже страховъ относительно клерикальной опасности».

«Въ нашемъ современномъ капиталистическомъ обществѣ,—заключаетъ авторъ,—не можетъ быть осуществлено ничего дѣйствительно органическаго». Но во всякомъ случаѣ, реформы — «не органическія» реформы подготовляютъ будущее, способствуютъ эволюціи человѣческаго рода. Онѣ всегда имѣютъ провизорный характеръ, онѣ указываютъ намъ путь. Такъ

въ обществѣ, которое придетъ на смѣну современному капиталистическому, великія проблемы, интересующія насъ, получатъ свое надлежащее разрѣшеніе...

Отъ этихъ прекрасныхъ, но далекихъ перспективъ будущаго, чтобы исчерпать главное содержаніе книги Лезана, намъ остается перейти еще къ двумъ вопросамъ изъ области моральнаго воспитанія, имѣющимъ болѣе непосредственный, практическій характеръ. Это — вопросы о совмѣстномъ обученіи и о роли наказаній въ воспитаніи.

Совмѣстное обученіе, какъ извѣстно, особенно широко практикуется въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. И американцы вполнѣ довольны достигнутыми результатами. David Starr Jordan, статью котораго цитируетъ Лезанъ (изъ *Revue Scientifique*), говоритъ о совмѣстномъ обученіи исключительно въ высшихъ школахъ Америки и у него находятся слѣдующія данныя. Изъ трехъ возможныхъ системъ высшаго воспитанія дѣвушекъ въ восточной части Соединенныхъ Штатовъ преобладаетъ система параллельныхъ курсовъ (des annexes) для женщинъ при мужскихъ колледжахъ, на сѣверѣ и западѣ—система обученія совмѣстнаго *). Многіе профессора съ сильнымъ предубѣжденіемъ относились къ этой послѣдней системѣ, однако, опытъ заставилъ ихъ перемѣнить свое мнѣніе. Присутствіе женщинъ въ аудиторіяхъ сдѣлало юношей болѣе серьезными, сдержанными, внесло въ ихъ понятія больше нравственнаго элемента. Для женщинъ же общеніе съ мужчинами оказалось благотворно въ томъ смыслѣ, что онѣ стали работать болѣе естественно, съ лучшей, такъ сказать, перспективой. Скандалы бываютъ рѣдко.

Доводы противниковъ совмѣстнаго обученія мало, вообще говоря, убѣдительны. Посредственные студенты не хотятъ, чтобы дѣвушки были свидѣтельницами ихъ малой успѣшности. Много затѣмъ вліяетъ рутина. Единственный серьезный аргументъ заключается въ томъ, что съ допущеніемъ женщинъ въ мужскіе университеты спеціализація въ высшемъ образованіи уступитъ свое мѣсто диллентантизму, такъ какъ женщины занимаются наукой изъ одной любви къ искусству, мужчины же потому, что отъ этого зависитъ ихъ карьера. Но подобное соображеніе можетъ говорить только за то, что образованію женщинъ нужно придать болѣе серьезный характеръ.

Браки между студентами и студентками дѣйствительно бываютъ, но почти всегда они оказываются счастливыми, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ университетская анкета. Въ концѣ концовъ результаты совмѣстнаго обученія въ Соединенныхъ Штатахъ можно назвать превосходными.

Общественное значеніе совмѣстнаго обученія огромно. Оно улучшитъ взаимныя отношенія половъ, сдѣлаетъ ихъ болѣе возвышенными и содержательными. Оно благотворно отразится на семейной жизни, на количествѣ счастливыхъ браковъ и подниметъ уровень общаго развитія и мужчинъ, и женщинъ. Воспользуемся нѣсколькими яркими строчками изъ предисловія

*) У насъ господствуетъ третья система устройства спеціальныхъ женскихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Наке. «Изолированные отъ дѣвушекъ въ лицеяхъ или на факультетахъ,— говоритъ этотъ авторъ,—юноши портятся. Стыдъ зарождается только тамъ, гдѣ мужчины и женщины бываютъ вмѣстѣ. Это чувство перестаетъ обнаруживаться, когда мужчины и женщины оказываются въ своемъ кругу, особенно у первыхъ. Отсутствіе всякаго стыда толкаетъ мужчинъ къ безобразіямъ, въ результатѣ чего развивается животная грубость, самымъ пагубнымъ образомъ отражающаяся затѣмъ на взаимныхъ отношеніяхъ будущихъ супруговъ.

Нужно только удивляться, что современные браки не расторгаются чаще, чѣмъ это имѣетъ мѣсто теперь. Но и такъ, среднее ежегодное количество разводовъ во Франціи достигаетъ 9,000! Это естественно, иначе и быть не можетъ. Авторъ картинно описываетъ «взвѣшиваніе мѣшковъ съ деньгами», предшествующее заключенію браковъ въ современной буржуазной средѣ, и затѣмъ говоритъ:

«Общество очень сурово порицаетъ тѣхъ несчастныхъ дѣвушекъ, которыя торгуютъ своимъ тѣломъ, и тѣхъ мужчинъ, которые живутъ на счетъ своихъ любовницъ. Я, конечно, не собираюсь выступать въ роли защитника продажной любви, даже когда она свободна; но я спрашиваю, какая можетъ существовать разница, съ точки зрѣнія морали, между проституткой, продающей себя, или Альфонсомъ, требующимъ платы за свои ласки, и этими супругами изъ буржуазной среды, которые непремѣнно всегда должны быть соединены государственнымъ чиновникомъ и должны получить благословеніе на бракъ отъ представителя религіи, потерявшей для насъ всякую цѣну». Разводъ, чаще адюльтеръ и очень рѣдко счастливая, полная дружбы, семейная жизнь—вотъ обычные финалы теперешнихъ браковъ.

«Все было бы иначе, если бы дѣвочки и мальчики имѣли между собою общеніе съ самаго нѣжнаго возраста. Особенности характеровъ обнаруживались бы раньше, чѣмъ успѣло проявиться половое влеченіе». Обѣ стороны были бы обезпечены отъ необдуманныхъ браковъ. Молодые люди, дѣвушки больше цѣнили бы личныя качества своихъ будущихъ супруговъ и не руководствовались бы исключительно одними матеріальными соображеніями своихъ родителей, какъ это имѣетъ мѣсто теперь.

Вотъ почему и Наке, и Лезанъ высказываются въ пользу совмѣстнаго обученія и въ высшихъ, и въ начальныхъ школахъ. Всѣ ихъ разсужденія, конечно, примѣнимы и къ нашимъ условіямъ. Что касается среднихъ школъ, то совмѣстное обученіе въ нихъ Лезанъ находитъ трудно осуществимымъ въ настоящее время, при данномъ состояніи общественной морали. Надо понятно, прибавимъ отъ себя, чѣмъ шире будетъ распространяться совмѣстное обученіе въ начальныхъ школахъ, тѣмъ легче будетъ ввести его въ среднія.

Наконецъ, нѣсколько словъ Лезанъ посвящаетъ и вопросу о школьныхъ наказаніяхъ. Современное воспитаніе основано, какъ извѣстно, на дисциплинѣ, говоритъ онъ. Дисциплина эта не внушается ребенку убѣжденіемъ, а навязывается ему съ помощью цѣлой системы всякихъ наказаній. Наказаніе считается существеннымъ условіемъ хорошаго во[illegible]

Отчасти это и понятно, если принять во вниманіе казарменный характеръ теперешнихъ школьныхъ пансіоновъ. Но всякое наказаніе портитъ ребенка. «Наказанія создаютъ рабовъ и лицемѣровъ», и поэтому должны быть безусловно уничтожены...

Читатель видитъ, какіе разнообразные вопросы затронуты въ интересующей насъ книгѣ, и какъ широко и смѣло разрѣшаются они авторами. Съ попутнымъ указаніемъ, что къ работѣ въ области воспитанія оба автора особенно призываютъ женщину, мы напомнимъ теперь еще разъ основную идею, проникающую взгляды Наке и Лезана и формулированную въ заглавіи книги: воспитаніе, основанное на наукѣ. «Научность»—вотъ тотъ принципъ, который долженъ руководить педагогомъ въ его дѣятельности. Гармонично развивать всѣ способности ребенка, пріучать его критически относиться къ окружающему, не ослабляя его воли, вырабатывать въ немъ общественныя качества,—вотъ та высокая задача, къ осуществленію которой педагогъ долженъ стремиться. Но здѣсь мы должны сдѣлать одно замѣчаніе. Направленіе воли ребенка въ ту или другую сторону составляетъ сущность моральнаго воспитанія. Понятно поэтому то огромное значеніе, какое пріобрѣтаетъ вопросъ объ обоснованіи самаго выбора направленія. Въ чемъ видѣть «добро»? Въ чемъ «зло»? Эта коренная проблема морали встаетъ передъ педагогомъ во всей своей трудности. И Лезанъ ея не обходитъ. Онъ даетъ ей рѣшеніе. «Мораль, — говоритъ онъ словами малоизвѣстнаго, покойнаго уже философа д-ра Гепена (Guépin),—есть вопросъ простой расплаты (comptabilité) и цѣликомъ заключается въ слѣдующемъ положеніи: *Кто получилъ, тотъ въ долгу*. Отъ семьи, отъ окружающей среды, отъ предшествующихъ поколѣній человѣкъ получаетъ извѣстную сумму выгодъ, которыя ставятъ его въ положеніе постояннаго должника. Онъ отвѣтственъ за этотъ долгъ и долженъ съ нимъ расквитаться. Но то, что онъ получилъ отъ людей, которыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ, онъ долженъ вернуть живущимъ и имѣющимъ жизнь. За долгъ прошлаго расплачиваются передъ настоящимъ и будущимъ».

«Научно» ли такое рѣшеніе вопроса? Иначе: удовлетворяетъ ли оно тому основному требованію, какое Лезанъ предъявляетъ къ воспитанію? Не будетъ ли преподноситься здѣсь ученику подъ знаменемъ науки такая же догма, какою является высмѣиваемая авторомъ буржуазная мораль? Вотъ гдѣ, повидимому, педагогическую теорію Лезана легко уязвить, уличить въ невыдержанности. Должно сознаться, что и мы видимъ здѣсь слабый пунктъ системы нашего автора. Въ самомъ дѣлѣ: есть ли какая-нибудь непосредственная *логическая* связь между утвержденіями: «я получилъ», «я долженъ»? Гдѣ та вторая посылка, при наличности которой только и можно было бы вывести данное заключеніе? Этой посылки нѣтъ: ее замѣняетъ внутреннее чувство говорящаго. Вмѣсто логической связи существует связь только психологическая. Слѣдовательно, построеніе автора ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признано научнымъ. Но это не значитъ, что самый выводъ о необходимости работы для другихъ невѣренъ и не

можетъ быть научно обоснованъ. Подъ именемъ «научнаго» отнюдь не слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, понимать только такія положенія, которыми нельзя противопоставлять своего «а я хочу». Если проповѣдникъ крайняго эгоизма на ваши солидаристическія теоріи отвѣтитъ вамъ: «все это хорошо, но какъ можете вы меня убѣдить, чтобы я жилъ въ любви и согласіи съ своими ближними, не обиралъ ихъ, когда я и не могу, и не хочу, и не нахожу для себя выгоднымъ поступать по вашему рецепту? Если онъ отвѣтитъ вамъ такъ, то онъ совсѣмъ не разрушитъ этимъ зданія, построеннаго вами. Нужно помнить, что мораль—явленіе не индивидуалистическаго, а соціальнаго происхожденія. Только въ обществѣ и ради общества она возникла и существуетъ. Основной вопросъ морали: въ чемъ добро? можетъ быть перефразированъ поэтому такимъ образомъ: при какомъ характерѣ взаимныхъ отношеній между людьми общество окажется наиболѣе жизнеспособнымъ, наиболѣе полезнымъ для maximum'а своихъ членовъ? И поставленный въ такой формѣ вопросъ, очевидно, допускаетъ вполнѣ научное изслѣдованіе и разрѣшеніе. Что теорія вышеприведеннаго проповѣдника эгоизма не будетъ искомымъ рѣшеніемъ,—это вытекаетъ, такъ сказать, изъ самой сущности вопроса. Если мы хотимъ сдѣлать общество наиболѣе жизнеспособнымъ и наиболѣе полезнымъ для maximum'а его членовъ, то мы не можемъ, конечно, одновременно желать его разрушенія, объявляя войну всѣхъ противъ всѣхъ, какъ руководящій принципъ. Но за всѣмъ тѣмъ организація взаимныхъ отношеній между людьми исторически допускаетъ тысячу возможностей. Первобытное родовое общество и современное буржуазное и средневѣковое феодальное настолько противоположны между собою, что и системы морали ихъ существенно отличаются другъ отъ друга. Однако, мы не можемъ сказать, чтобы въ свое время всѣ эти общества не были наиболѣе жизнеспособными и наиболѣе полезными для maximum'а своихъ членовъ. Все человѣческое относительно. Поэтому, говоря о своемъ времени, мы должны принимать въ соображеніе условія, современныя намъ. Мы должны изучить строеніе и ходъ развитія нашего общества, и въ результатѣ такой работы можемъ объявить: чтобы удовлетворять требованіямъ наибольшей жизнеспособности и пр., современное общество должно быть реорганизовано на такомъ-то и такомъ-то принципѣ. Что исторія выдвигаетъ теперь на первый планъ принципъ солидарности и товарищества, какъ основаніе будущаго общественнаго строя, въ этомъ для насъ нѣтъ сомнѣній. Только мораль, отвѣчающую этому принципу, мы объявляемъ съ своей стороны научной. Эту именно мораль признаютъ и Лезанъ, и Наке.

У насъ нѣтъ возможности, да и нѣтъ нужды, приводить доказательства «научности» этого, сдѣланнаго нами, этическаго вывода. Мы хотимъ лишь объяснить, какимъ образомъ вообще возможно научное построеніе морали. А что найдутся люди, «наука» которыхъ въ данномъ случаѣ окажется всѣмъ иной, чѣмъ наша, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Даже экономическія истины не всегда и не всѣми встрѣчались дружелюбно.

Замѣтки читателя.

Въ послѣднее время появились доказательства того, что эстетическія сужденія *Московскихъ Вѣдомостей* стоятъ на высотѣ ихъ политическихъ взглядовъ. Вотъ *сужденіе* за № 182 (4 іюля): Чеховъ «помѣстилъ рядъ разсказовъ въ журналахъ *Свѣтъ и Тѣни*, *Будильникѣ*, *Стрекозѣ*, *Осколкахъ* и *Петербургской Газетѣ*, а затѣмъ шесть изъ нихъ, какъ лучшіе, издалъ отдѣльною книжкой, подъ заглавіемъ: «Сказки Мельпомены (М., 1884 г., 96 стр.) и за подписью—«А. Чехонте». *Эти раннія и лучшія произведенія покойнаго несомнѣнно создавались подъ сильнымъ вліяніемъ извѣстныхъ разсказовъ Н. А. Лейкина, который недаромъ называлъ А. П. Чехова своимъ «литературнымъ крестникомъ»*.

Недурно сказано. Теперь *сужденіе* за № 183 (на другой день!): Чеховъ «писалъ массу. Кромѣ *Будильника* работалъ и въ другихъ юмористическихъ журналахъ: *Осколкахъ*, *Стрекозѣ*. Затѣмъ въ *Петербургской Газетѣ* и въ *Новомъ Времени*.

«Антоша Чехонте—прозвище, которое ему дали его товарищи-гимназисты, было сначала его псевдонимомъ.

«Но скоро Антоша Чехонте сталъ уже Антономъ Чеховымъ, а затѣмъ и общепризнаннымъ талантливымъ писателемъ.

«Чеховъ безусловно талантливъ.

«Его маленькіе разсказы, къ слову сказать, составляющіе чуть не $^3/_4$ всѣхъ его произведеній, нерѣдко, положительно, шедевры. Правда, очень часто они не болѣе, какъ анекдоты. Но анекдоты, очень тонко и мило написанные...

«Этой своей манерой письма Чеховъ всего болѣе напоминаетъ Мопассана, какъ, пожалуй, и своимъ міросозерцаніемъ. Недаромъ же Чехова такъ любятъ сравнивать съ Мопассаномъ! И такъ же, какъ и Мопассана любятъ упрекать въ пессимизмѣ».

Лейкинъ и Мопассанъ, *Московскія Вѣдомости* и художественная критика! Произведенія писателя, названныя *лучшими* четвертаго іюля, не признаются таковыми іюля пятаго.

Девятаго іюля въ статьѣ *Авторъ «Дяди Вани» и «Чайки»* говорится про послѣдній монологъ Сони въ первой изъ этихъ пьесъ: «Много дум возбуждаетъ эта лучшая, быть можетъ, и глубочайшая во всемъ Чеховѣ страница, въ которой ясно поставлено единственно-правильное разрѣшеніе самыхъ проклятыхъ и тревожныхъ жизненныхъ вопросовъ».

Черезъ два дня классическая газета пишетъ: «Нельзя не признать мѣткости опредѣленія Чехова какъ «поэта пошлости», если имѣть въ виду его послѣднія крупныя, въ особенности драматическія, произведенія, въ которыхъ выразилось его особое «чеховское» міросозерцаніе, столь глубоко проникнутое грустнымъ, безвыходнымъ пессимизмомъ. Но это опредѣленіе было бы совершенно не вѣрно, если бы мы захотѣли примѣнить его къ *первымъ, лучшимъ, произведеніямъ Чехова*, когда онъ такъ щедро дарилъ насъ своими маленькими разсказами, этими перлами здороваго русскаго юмора».

Въ политическихъ вопросахъ газета старается иногда быть лукавѣе.

«Кто будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ?» вопрошаютъ *Московскія Вѣдомости* 22 августа. Во внутренней жизни Россіи, глубокомысленно заявляетъ г. Гринмутъ, борьба идетъ не изъ-за Портъ-Артура или Ляояна, не изъ-за Кореи или Маньчжуріи, а изъ-за Самодержавной Власти, изъ-за святости Православной Церкви, изъ-за жизненныхъ интересовъ Русскаго народа,—словомъ, *изъ-за существованія самой Россіи.*

«Еслибъ эти три основы Русскаго Государства не подвергались постояннымъ штурмамъ нашихъ анархистовъ, соціалистовъ и либераловъ (которые, отличаясь другъ отъ друга лишь *родомъ своего оружія*, подобно артиллеристамъ, пѣхотинцамъ, кавалеристамъ и *шпіонамъ*, тѣсно соединены между собою общностью своихъ преступныхъ цѣлей), если бы, говоримъ мы, Россіи не приходилось считаться съ этими внутренними своими врагами, то мы могли бы спокойно взирать на временное очищеніе нашими войсками не только Маньчжуріи, но хотя бы даже и Восточной Сибири, зная напередъ, что мы неминуемо съ большою лихвой покроемъ всѣ эти случайныя утраты».

Статья кончается такими словами: «Вотъ почему для насъ такъ важенъ вопросъ: кто будетъ доблестнымъ защитникомъ нашего внутренняго Портъ-Артура?»

Трудно въ немногихъ строкахъ наговорить такъ много вздора.

Уподобленіе самодержавной власти, православной церкви и жизненныхъ интересовъ русскаго народа Портъ-Артуру даже не смѣшно, а просто нелѣпо. «Россію» штурмуютъ анархисты, соціалисты и либералы! Они будто бы отличаются только родомъ *своего* оружія, а не цѣлями и не средствами. Неужели редакція газеты убѣждена въ поголовномъ невѣжествѣ своихъ читателей? Недурно и сопоставленіе съ артиллеристами, пѣхотинцами и кавалеристами *шпіоновъ*, какъ *рода оружія!* Это характерно да-

Московскихъ Вѣдомостей и свидѣтельствуетъ, что они позорно понимаютъ достоинство арміи. *).

Газета боится, что въ Петербургѣ пойдутъ *на уступки* внутреннимъ врагамъ Россіи, т.-е. всѣмъ, кто не раздѣляетъ *убѣжденій* г. Гринмута. Еще бы: это большая опасность для охранителей субсидій и патріотовъ казенныхъ объявленій.

Но вотъ министромъ внутреннихъ дѣлъ назначается князь Святополкъ-Мирскій. Онъ заявляетъ себя другомъ земства и печати, въ особенности провинціальной. *Московскія Вѣдомости*,—всѣмъ извѣстно,—постоянно и недобросовѣстно нападали и на земство, и на провинціальную печать. Какъ тутъ быть? Газета притворяется, что эти заявленія ничего не значатъ, что все останется попрежнему. Въ № отъ 18 сентября мы читаемъ, что своими словами новый министръ внутреннихъ дѣлъ разсѣялъ недоразумѣніе, «которымъ такъ усердно пользовались злонамѣренные элементы въ нашемъ обществѣ, создавшіе легенду о какомъ-то враждебномъ будто бы отношеніи правительства къ нашему общественному самоуправленію».

«Князь Святополкъ-Мирскій счелъ нужнымъ, для устраненія этой легенды, особенно поставить на видъ, что «плодотворность правительственнаго труда основана на искренно-благожелательномъ и искренно-довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще».

«И дѣйствительно, правительство всегда относилось съ благожелательнымъ довѣріемъ къ нашимъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы не было этого довѣрія со стороны правительства, то не могло бы быть и того злоупотребленія этимъ довѣріемъ со стороны нашихъ общественныхъ учрежденій, которое, къ сожалѣнію, съ такою неопровержимостью было констатировано предпринятою въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи правительственною ревизіей».

«Слова министра,—наивничаютъ *Московскія Вѣдомости*,—должны теперь побудить всѣхъ нашихъ земскихъ и городскихъ дѣятелей къ тому, чтобъ отнынѣ быть дѣйствительно достойными оказываемыхъ имъ правительствомъ благожеланія и довѣрія и строго держаться въ предѣлахъ предоставленной имъ закономъ дѣятельности, ибо лишь при этомъ условіи возможна та плодотворность правительственнаго труда, къ которой стремится, подобно своему предшественнику, и новый министръ внутреннихъ дѣлъ. «Лишь при этихъ условіяхъ работы,—говорилъ онъ,—можно получить *взаимное довѣріе*, безъ котораго невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства».

«Это—глубоко-вѣрныя слова. Правительство довѣряетъ органамъ общественнаго самоуправленія, но и эти органы должны довѣрять правительству, не выставляя его всюду какимъ-то злымъ началомъ, съ которымъ будто бы обществу необходимо вести непримиримую борьбу. Не правитель-

---

*) А, можетъ быть, это поучительная описка или опечатка?

ство создало фикцію о какихъ-то двухъ враждебныхъ станахъ, на которые раздѣлились «правительство» и «земство»; эту фикцію создало земство. Правительство смотрѣло на земство какъ на своего *сотрудника* на благо Россіи, а земство захотѣло быть *соперникомъ* и даже *противникомъ* правительства, стараясь умалить власть правительства для увеличенія своей собственной власти».

Не стоитъ, конечно, доказывать все лицемѣріе этого *убѣжденія:* всѣ *Московскія Вѣдомости* привѣтствовали всѣ ограниченія земской компетенціи, всѣ мѣры, усиливавшія и безъ того чрезмѣрную власть и контроль администраціи. Теперь съ Страстного бульвара раздается умильный призывъ *къ взаимному довѣрію* правительства и самоуправленія!

Наступаетъ 19 сентября. Два товарища бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ и директоръ департамента оставляютъ свои посты и назначаются членами государственнаго совѣта. Двое изъ нихъ, гг. Зиновьевъ и Штюрмеръ, недавно ревизовали московское и тверское земство, и ревизія эта повела къ извѣстнымъ печальнымъ для земства послѣдствіямъ.

Московскія Вѣдомости видятъ въ этомъ важномъ актѣ новаго министра продолженіе старыхъ традицій. Политическая роль нашего государственнаго совѣта, говоритъ газета, заключается въ слѣдующемъ: «тѣ законодательныя мѣры, которыя подвергаются на обсужденіе государственнаго совѣта, имѣютъ зачастую сами по себѣ болѣе или менѣе ярко выраженный политическій характеръ. Сюда принадлежатъ законы, призванные тѣ или иначе разрѣшить тѣ жизненные вопросы государства, которые, въ особенности за послѣднее время, стали въ нашемъ обществѣ предметомъ ожесточенныхъ препирательствъ между людьми и партіями различныхъ политическихъ убѣжденій. Таковы, напримѣръ, законы, касающіеся церковной, школьной, сословной, земской нашей жизни, которые имѣютъ въ настоящее время первостепенное значеніе для политическаго будущаго Россіи, могутъ,—смотря по тому, какой они получатъ политическій характеръ,—принести нашему отечеству либо величайшую пользу, либо величайшій вредъ.

«Вотъ почему весьма важно, чтобы законы эти, при выработкѣ ихъ въ государственномъ совѣтѣ, подвергались тщательному обсужденію и съ политической ихъ стороны, дабы до Государя доходили правдивые голоса. Его умудренныхъ опытомъ совѣтниковъ, указывающихъ не только на спеціально-техническое значеніе того или другого закона, но и на то вліяніе, которое онъ можетъ оказать на внутреннюю политическую жизнь государства».

Вотъ поэтому-то, утверждаютъ *Московскія Вѣдомости*, Б. В. Штюрмеръ, Н. А. Зиновьевъ и А. С. Стишинскій и назначены членами государственнаго совѣта. Намъ дѣло представляется иначе: новому министру понадобились новые товарищи. Поживемъ—увидимъ.

Забавно, что нововременцы начали писать «прочувствованныя»

ральныя слова. Такъ, пресловутый «непротивленецъ злу», г. Мепьшпковъ, заявляетъ: «Посмотрите, какъ на Западѣ удивительно воздѣлана земля—огороды, сады, поля, рощи. Природа тутъ какъ бы получила второе созданіе свое, пріобрѣла нѣчто отъ духа человѣка. Но такъ же, какъ земля, на Западѣ воздѣланъ и народъ. Онъ организованъ въ свободное сообщество, всѣ его силы воспитаны и сбережены, геній націи и ея воля входятъ въ творчество народной судьбы. Только *организованные* народы непобѣдимы. Пока Россія боится себя самой, пока силы народныя круто связаны, пока нація не признана въ правахъ участія въ своей жизни,—можно ли говорить о непобѣдимости и всесвѣтномъ господствѣ?» (*Новое Время*, 19 сент.).

Въ такомъ же духѣ заговорилъ и *Гражданинъ*. Какъ понравятся читателямъ такія слова г. Сѣренькаго (№ 75): «Я думаю, что править Россіей безъ посредствующей помощи и безъ сотрудничества русскаго общества—нельзя. Нужно искать, во что бы то ни стало, разумной почвы для единенія съ нимъ, для пріобщенія его къ своей задачѣ. Если эта цѣль будетъ достигнута, тогда сама собою возстановится порванная связь между русскимъ народомъ и русской интеллигенціей, такъ много пожертвовавшей ради блага этого народа. Поэтому и порвалась эта связь, что народъ чувствовалъ оторванность интеллигенціи отъ правительства. Въ тотъ день, когда русскій народъ отождествитъ въ своемъ пониманіи русское общество съ русскимъ правительствомъ, онъ охотно подчинится вліянію этой огромной культурной силы».

Петербургскія Вѣдомости говорятъ, что у насъ наступила новая полоса общественной жизни. Газета приводитъ слова новаго министра внутреннихъ дѣлъ, сказанныя княземъ П. Д. Святополкъ-Мирскимъ чинамъ министерства: «Плодотворность правительственнаго труда основана на искренно-благожелательномъ и искренно-довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще»,—и прибавляетъ: «Прямо и твердо проведенное въ жизнь такое начало вызоветъ неисчислимо плодотворные результаты. *Прощальный* (такъ ли?) бѣглый взглядъ на закрывшуюся страницу нашей общественной жизни, страницу, озаглавленную «недовѣріе», лучше всего выясняетъ огромную разницу довѣрчиваго и недовѣрчиваго отношенія къ жизни. Шагъ за шагомъ недовѣріе тормозило жизнь и влекло за собою неизбѣжно печальные результаты: въ земствѣ—фиксація бюджета, изъятіе продовольственнаго дѣла, задержка и неутвержденіе многочисленныхъ необходимыхъ для хода жизни постановленій, все бо́льшее и бо́льшее ограниченіе круга избирателей, а въ результатѣ—оставленіе земской работы наиболѣе энергичными работниками и омертвѣніе прекрасно и широко начатаго дѣла; въ городскомъ самоуправленіи — устраненіе отъ общественной дѣятельности всѣхъ живыхъ силъ населенія и монополія купца; въ печати—постоянное, тяжелое и все увеличивающееся недовѣріе; провинціальныя газеты, лишенныя довѣрія,

хирѣютъ; нарожденіе новыхъ газетъ не могло произойти во многихъ мѣстахъ въ силу укоренившагося недовѣрія; всякаго рода попытки населенія хоть слегка шагнуть впередъ: организація библіотекъ, чтеній, доступныхъ лекцій, артелей, потребительныхъ обществъ, клубовъ для литературныхъ развлеченія и для взаимопомощи—подолгу или совсѣмъ не осуществлялись» (*Петербургскія Вѣдомости*, 18 сент.).

Къ характеристикѣ переживаемаго историческаго момента служитъ и любопытная полемика между кн. Мещерскимъ и г. Суворинымъ-отцомъ, кто изъ нихъ былъ болѣе друженъ съ покойнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и кто лучше понималъ его государственную дѣятельность?

Кн. Мещерскій напечаталъ «разсказъ» о своей бесѣдѣ съ В. К. Плеве. Тамъ говорилось, между прочимъ, что бывшій министръ признавалъ невозможнымъ ставить представителя правительства въ такое положеніе, чтобы мѣстный общественный дѣятель могъ доказывать, что онъ умнѣе его. Это что-то вродѣ канцелярской тайны. Г. Суворинъ пишетъ: «Я рѣшительно не вѣрю, чтобъ подобный «диспутъ» могъ происходить между кн. Мещерскимъ и В. К. Плеве. Сама форма разговора подозрительна. Обѣ диспутанта знали другъ друга 20 лѣтъ «пріятельски». Невозможно себѣ представить, чтобы министръ ограничивался краткими репликами, а пріятель говорилъ монологи слишкомъ общеизвѣстные, чтобы оставить ихъ безъ отвѣта. Пріятели такъ не говорятъ даже тогда, когда одинъ изъ нихъ министръ, а другой журналистъ. Во всякомъ случаѣ, изъ-за могилы покойный министръ не можетъ ни отринуть, ни утвердить отчета объ этомъ «диспутѣ». А то, что говорилъ кн. Мещерскій—не углубляясь въ даль годовъ прошедшихъ—говорилъ недавно, именно въ министерства Д. С. Сипягина и В. К. Плеве, хорошо мнѣ извѣстно, можетъ быть доказано «Дневниками» кн. Мещерскаго, который или тогда притворялся и лицемѣрилъ, или теперь притворяется и лицемѣритъ, а можетъ быть всегда притворялся и лицемѣрилъ. Я склоняюсь въ пользу этого послѣдняго вывода, ибо больше всѣхъ журналистовъ полемизировалъ съ этимъ представителемъ «консерватизма» и постоянно защищалъ отъ его нападокъ земскую идею въ ея историческомъ и современномъ развитіи. Во время министерства Д. С. Сипягина кн. Мещерскій печаталъ, что «честный министръ, который не хочетъ «измѣнить присягѣ, чести и совѣсти», долженъ говорить государю, что «народъ угнетенъ безсовѣстнымъ земствомъ», что народъ «стонетъ отъ земства».

Кн. Мещерскій немедленно далъ реплику: «Г. Суворинъ, не взирая на свою старость, всетаки не бросаетъ привычки отъ времени до времени *выкидывать штуки*, выступая на аренѣ печати передъ своею публикой.

«Такими штуками у него явились, напримѣръ, мысли о свободѣ печати и о кабинетѣ на другой день послѣ трагической кончины В. К. Плеве. Никто не понялъ связи этихъ мыслей съ драмою событія, но все-таки штуку онъ выкинулъ.

«Сегодня по поводу моихъ «Дневниковъ», не взирая на всю серьезность минуты и вопросовъ, побудившую меня говорить, онъ выступаетъ съ новою штукою: какъ ни въ чемъ не бывало, онъ говоритъ, что приведенныхъ мною діалоговъ съ покойнымъ Плеве никогда не было!

«Хотя теперь не до смѣха, я всетаки усмѣхнулся, прочитавъ это обвиненіе меня въ выдумкѣ, съ точки зрѣнія Суворина, прямо-таки великолѣпное. Бѣднаго покойнаго В. К. нѣтъ въ живыхъ, слѣдовательно, все, что я, Суворинъ, буду ему приписывать—будетъ истина, а все, что князь Мещерскій будетъ говорить—будетъ выдумка, и кончено»...

Новое Время въ долгу не осталось. Г. Глинка пишетъ: «Кн. Мещерскій договорился до того, что онъ-де убѣждалъ покойнаго В. К. Плеве въ необходимости такого центральнаго учрежденія, гдѣ бы сходились представители правительства съ представителями *земствъ*. И какъ ни убѣждалъ кн. Мещерскій своего собесѣдника, тотъ оставался глухъ къ его доводамъ и отрицалъ всякую возможность допущенія представителей земствъ къ обсужденію какихъ бы то ни было государственныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ, судя по той бесѣдѣ, которую воспроизвелъ кн. Мещерскій, выходитъ, что В. К. Плеве былъ еще болѣе закоренѣлымъ человѣкомъ, чѣмъ самъ издатель *Гражданина*».

Г. Глинка называетъ разсказъ кн. Мещерскаго *сплошнымъ вымысломъ* и сообщаетъ о событіи міровой важности: «До 1890 г. В. К. Плеве меня вовсе не зналъ (*какъ это прискорбно!*). Пріятелемъ его я, конечно, никогда не былъ и «по-пріятельски» съ нимъ не бесѣдовалъ. Однако же, когда въ *Новомъ Времени* я началъ разбирать проектъ новаго гражданскаго уложенія и сопоставлялъ его съ уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, когда въ составленіи его принимали участіе не только представители правительства, но и представители «земли», то В. К. Плеве, который былъ государственнымъ секретаремъ, тотчасъ пожелалъ меня видѣть и я былъ приглашенъ къ нему лицомъ, занимающимъ очень высокое положеніе, которое можетъ удостовѣрить, насколько В. К. сочувствовалъ высказанному мною взгляду.

«Согласитесь, если въ 1900 г. государственный сановникъ приглашаетъ къ себѣ простого журналиста, чтобы побесѣдовать съ нимъ о пользѣ привлеченія земскихъ силъ къ разсмотрѣнію проектовъ, то, значитъ, кн. Мещерскому не приходилось въ 1904 году убѣждать В. К. Плеве въ пользѣ совмѣстной работы правительственныхъ лицъ и представителей земствъ».

Г. Глинка ехидно прибавляетъ: «За мѣсяцъ до смерти В. К. мнѣ пришлось съ нимъ говорить по поводу одной записки, которую разбиралъ кн. Мещерскій въ № 43 *Гражданина* и которую по обыкновенію въ самыхъ существенныхъ частяхъ совершенно исказилъ. Когда я указывалъ В. К. Плеве на всѣ передержки кн. Мещерскаго, онъ иронически улыбался и вмѣсто всякаго отвѣта, спросилъ:

:— Неужели васъ это удивляетъ?...»

Тогда за *Новое Время* принялся въ *Гражданинѣ* г. Бабецкій (статья *Кабакъ или пресса?*): «Плеве—земствофилъ! Да вѣдь это курамъ на смѣхъ. Плеве—типичнѣйшій бюрократъ, хотя и безспорно выдающійся государственный дѣятель; Плеве—выдающійся администраторъ; Плеве—дѣловой человѣкъ, съ первыхъ же дней завѣдыванія министерствомъ раскусивший всю безсодержательность земскаго политиканства; Плеве—раскассировавшій тверское земство; Плеве—козырнувшій великаго Шипова; Плеве—создавшій новыя земскія учрежденія въ неземскихъ губерніяхъ; Плеве—создавшій главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства; Плеве—всюду и всюду мѣшавшій земцамъ объединиться; Плеве—задумавшій произвести земскую ревизію въ широкихъ размѣрахъ, и этотъ Плеве—земствофилъ!? Нѣтъ, это ужъ слишкомъ, даже и для столбцовъ *Новаго Времени*.»

Всего примѣчательнѣе въ этой полемикѣ то, что обѣ стороны одинаково правы во взаимной оцѣнкѣ...

В. Г.

Журнальное обозрѣніе.

Въ сентябрьской книжкѣ *Міра Божьяго* помѣщена характеристика не-вно умершаго выдающагося русскаго мыслителя Б. Н. Чичерина, написан-я г. Клейнбортомъ. Доктрина Б. Н. Чичерина, по справедливому мнѣнію тора, — это доктрина западно-европейскаго либерализма, тѣхъ лидеровъ свободительной» эпохи, которые сочувствовали ей, оправдывали ее, искали мѣста въ своихъ философскихъ системахъ. Чичеринъ исходитъ изъ идеи ободы личности, метафизически обосновывая эту идею. «Люди, отрицающіе тафизику,—писалъ онъ,—признаютъ безусловной истиной непосредствен-й продуктъ ея—объявленіе правъ человѣка». Если въ послѣднемъ нѣтъ чего, что возвышало бы его надъ природой, если человѣкъ лишь эмпи-ческое явленіе, случайный результатъ силъ, временное явленіе матеріи, какого же онъ можетъ требовать уваженія? Уваженіе подобаетъ только му, что возвышается надъ областью эмпиріи, что имѣетъ цѣнность не силу внѣшняго соотношенія, а само по себѣ. Человѣкъ является но-телемъ общественнаго начала, духа, исторія есть явленіе, въ которомъ къ раскрываетъ свою природу, свою сущность. Природа духа раскры-тся путемъ сознанія и свободы, значитъ и исторія есть процессъ со-нія и свободы. Въ основныхъ положеніяхъ Чичерина ярко сказывается яніе на его міровоззрѣніе философіи Гегеля...

Исходя изъ метафизически обоснованной идеи свободы личности, Чиче-къ въ своихъ политико-экономическихъ взглядахъ является чистымъ честерцемъ. Онъ считаетъ капиталистическую систему отношеній конеч-мъ пунктомъ соціальнаго развитія, прямо оправдываетъ ее съ точки зрѣ-добра, справедливости. Даже тѣ поправки, которыя вносятъ въ идеа-ію манчестерства новѣйшіе буржуазные экономисты, онъ критикуетъ не ѣе пристрастно, чѣмъ соціализмъ, эту сплошную—какъ онъ убѣжденъ— аницу понятій, это порожденіе зависти, эту выдумку злонамѣренныхъ ей, разсчитывающихъ на популярность у рабочаго класса. Законъ кон-енціи есть законъ распредѣляющей правды, неравенство положеній, не-енство умственныхъ силъ. Богатства концентрируются именно въ тѣхъ ссахъ, гдѣ концентрируются умственныя силы.

«Чичеринъ въ наше время,—пишетъ г. Клейнбортъ,—выступилъ апологетомъ самодѣятельности. Содержаніе этого символа вѣры ничего ограничительнаго въ себѣ не заключаетъ: это — чисто-отрицательный тезисъ. Вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ отмѣнѣ чего-нибудь, что стѣсняетъ, связываетъ, регламентируетъ, Чичеринъ на высотѣ положенія. Но такой же отпоръ встрѣчаютъ съ его стороны рабочіе союзы, всякія нормировки рабочаго времени, обязательное страхованіе рабочихъ, особенно, если оно сопровождается приплатами со стороны предпринимателей или государства. Разъ признается свобода труда, это начало должно быть проведено во всей своей послѣдовательности. «Трудъ находитъ величайшаго своего пособника въ томъ элементѣ, который при близорукомъ взглядѣ представляется ему главнымъ врагомъ, но который въ концѣ концовъ одинъ въ состояніи сэкономить съ него излишнее время—въ капиталѣ» (Курсъ государств. науки», т. I, соціологія, стр. 122). «Развѣ личный интересъ не единственная движущая причина?»—пишетъ Чичеринъ въ другомъ мѣстѣ («Исторія политическихъ ученій, т. V, стр. 227).—Развитіе его ведетъ къ гармоніи интересовъ — тому виду солидарности, который обезпечиваетъ существованіе цѣлаго, благодаря ежедневной и ежечасной войнѣ противъ всѣхъ, подъ разумнымъ опасеніемъ остаться безъ работы, быть оттиснутымъ, обойденнымъ разумной необходимостью. Солидарность устанавливается сама собой безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ. Только рискъ служитъ побужденіемъ къ дѣятельности. Уничтоженіе риска, замѣна живой гармоніи частныхъ силъ организаціей общественнаго производства имѣли бы одинъ результатъ упадокъ промышленности... Съ устраненіемъ внутренней конкуренціи пошатнется и внѣшняя. Производство перестанетъ расти. Народонаселеніе возрастетъ. Наступитъ всеобщее разореніе».

«Насколько ошибочными и теперь уже почти совершенно оставленными являются политико-экономическіе идеалы Чичерина, настолько же плодотворными и отвѣчающими жизненнымъ запросамъ были его общественно-политическіе взгляды, особенно въ послѣднюю половину его литературно-научной дѣятельности. Правильно истолкованный принципъ свободы личности игралъ здѣсь свою великую роль. Всяческія путы, сковывающія личность, находятъ въ себѣ рѣзкаго и глубокаго критика въ лицѣ Чичерина. Бюрократія по существу своему,—пишетъ онъ,—есть элементъ оторванный отъ почвы. Чѣмъ меньше она обставлена общественными элементами, чѣмъ менѣе принуждена съ ними считаться, тѣмъ ярче проявляется это отрѣшеніе отъ живой дѣйствительности. Провинціи управляются людьми, которые совершенно имъ чужды, которые не знаютъ ни мѣстныхъ интересовъ, ни мѣстныхъ условій, задача которыхъ не въ томъ, чтобы удовлетворить общественныя потребности, а въ томъ, чтобы пользоваться подчиненнымъ матеріаломъ въ правительственныхъ цѣляхъ. Уменьшить это зло можетъ лишь развитіемъ мѣстной, земской, городской самодѣятельности. Лишь въ живомъ соприкосновеніи съ земскими, городскими силами бюрократія можетъ изъ состоянія бездѣйствія. Лишь встрѣчая непрерывныя

она пріучится сдерживать свои инстинкты обращаться съ свободными людьми, не требуя отъ нихъ безусловнаго подчиненія, удовлетворить ихъ законныя нужды. Контроль отдаленной центральной власти безсиленъ противъ злоупотребленій. Здѣсь нужны независимыя мѣстныя силы.

„Въ средѣ канцелярій, — пишетъ Чичеринъ („Вопросы политики"), — могутъ возникать идеалы, „гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ чиновниковъ и подчиненной имъ безмолвной толпы. Эти наивныя мечты неисцѣлимаго бюрократизма берутъ за образецъ Китайскую имперію съ ея всемогущимъ мандаринатомъ или Турцію съ управленіемъ пашей, уподобляющихся верховному падишаху и облеченныхъ полнымъ его довѣріемъ". Въ культурной странѣ бюрократія несомнѣнно полезный органъ. Но если какую-нибудь страну „хотятъ превратить въ запертую со всѣхъ сторонъ клѣтку, въ которой невозможно дышать, то для этого нѣтъ лучшаго средства, какъ отдать ее на жертву всеобхватывающей и не знающей никакихъ сдержекъ бюрократіи. Да избавитъ насъ Провидѣніе отъ такого исхода,—восклицаетъ авторъ.—Широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія одно въ состояніи обуздать бюрократическій произволъ и поддержать въ государствѣ живой общественный духъ, безъ котораго оно превращается въ мертвую машину. Поэтому въ самодержавныхъ государствахъ мѣстныя учрежденія, облеченныя обширными правами, вдвойнѣ необходимы". По глубокому и вѣрному замѣчанію Монтескье, присутствіе независимыхъ посредствующихъ тѣлъ въ государственномъ строѣ „составляетъ существенное отличіе монархіи отъ деспотіи".

Признаніе человѣка свободнымъ, величайшій шагъ историческаго движенія „совершился" у насъ позднѣе, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ, и это, по мнѣнію автора, служитъ несомнѣннымъ признакомъ нашей отсталости. Прежде всего остался незавершеннымъ актъ освобожденія крестьянства. Въ законодательствѣ о крестьянахъ Чичеринъ вскрываетъ остатки крѣпостного права; крестьянство обезпечивается землею, ибо оно обязано отбывать повинности; всякое отчужденіе земли запрещается. „Стараются положить предѣлъ вторженію въ крестьянскую среду какихъ бы то ни было посторонннихъ элементовъ. Крестьянство закупоривается въ общину, всякое вѣяніе свѣжаго воздуха заботливо отъ него отдаляется. Даже личныя права, дарованныя Положеніемъ 19 февраля, стѣсняются или уничтожаются. Крестьянинъ отдается въ жертву міру, къ которому и хотятъ его прикрѣпить. Подобно крестьянамъ, и дворянство должно быть освобождено отъ унизительной для него опеки правительственнаго покровительства. Дворянство не благотворительное учрежденіе, которое содержится на общественный счетъ. Не призрѣваемые нужны государству, а люди, на которыхъ оно могло бы положиться. Дворянство издавна считается опорою престола. Но какой можетъ быть оно опорой, когда само нуждается въ поддержкѣ? Кто крѣпокъ, тотъ не вопіетъ о пособіяхъ, не унижается передъ властью, не дѣлается предметомъ призрѣнія... Весь raison d'être дворянства въ земской дѣятельности; дворянство должно раствориться въ земствѣ".

Тотъ же идеалъ свободы и равноправности личности вдохновляетъ Чичерина, когда онъ пишетъ о церкви, о польскомъ или еврейскомъ вопросѣ.

„Истинное зло для государства,—говоритъ онъ,—составляетъ не распространеніе сектъ, а ихъ подавленіе. Распространеніе сектъ свидѣтельствуетъ о подъемѣ религіознаго чувства въ народѣ; оно результатъ высоко-нравственныхъ стремленій. Переходятъ въ секты тѣ, чья душа не находитъ удовлетворенія въ официальномъ формализмѣ, а ищетъ живого духовнаго единенія съ верховнымъ источникомъ всякой жизни. Какими путями происходитъ это приближеніе души къ Богу—это скрыто отъ человѣческихъ взоровъ и менѣе всего подлежитъ вѣдѣнію государственной власти. Государство обязано не касаться этихъ святыхъ отношеній. Даже тамъ, гдѣ религіозныя секты носятъ враждебный государству характеръ, къ нимъ слѣдуетъ относиться съ величайшей осторожностью. Нѣтъ болѣе превратной политики, какъ

та, которая всякую самостоятельную мысль считаетъ явленіемъ предосудительным и осуждаетъ независимость наравнѣ съ возмущеніемъ.

Когда съ притѣсненіемъ народностей „сочетается непомѣрное нахальство, вдобавокъ высшею добродѣтелью угнетающей народности выставляется христіанское стремленіе, то подобный патріотизмъ составляетъ одно изъ наиболѣе противныхъ уродливыхъ явленій, какія можно встрѣтить въ общественной жизни. Русское общество нельзя отъ этого достаточно предостерегать". Съ этой точки зрѣнія Чичеринъ разсуждаетъ о польскомъ вопросѣ.

Въ антисемитизмѣ (извѣстно, какія формы принялъ антисемитизмъ послѣдніе годы) Чичеринъ прямо видитъ признакъ „одичанія". Тутъ съ религіозной нетерпимостью соединяются самыя низменныя чувства: ненависть къ богатству, зависть къ успѣху, желаніе устранить дѣятельную конкуренцію, какое-то чисто-животное озлобленіе, подобно тому, которое возбуждаетъ собаку противъ кошки. Жидъ предполагается синонимомъ чего-то грязнаго, презрѣннаго, существа низшей породы. Между тѣмъ именно отъ этого существа мы получили высшее, что есть въ человѣкѣ—законъ милосердія и любви. Изъ этого племени вышли и пророки, и апостолы. Отъ него родился самъ Христосъ. Всѣ эти священные завѣты заглушаются и попираются ногами подъ вліяніемъ безсмысленнаго животнаго влеченія. Нѣтъ, законодательство, лишающее евреевъ гражданскихъ правъ, есть наслѣдіе средневѣковое. Ничего не можетъ быть опаснѣе стремленія къ насильственной ассимиляціи. По отношенію къ покореннымъ народностямъ, обладающимъ исторіей и доказавшимъ свою жизненность цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ продуктовъ духовнаго творчества, всего меньше можно ожидать благихъ результатовъ, если политика направлена на борьбу съ этими народностями.

«Законность—вотъ основа нормальной государственной жизни. Уваженіе къ закону, укрѣпляющееся долгой практикой, когда оно входитъ въ нравы, составляетъ самую надежную опору государственнаго строя. Реформы Александра II—вотъ фундаментъ, на которомъ должна строиться будущность Россіи. Начало свободы личности, независимаго суда, участія общественныхъ силъ въ управленіи, свобода науки, свобода совѣсти, свобода слова—«истинная правда состоитъ въ признаніи за всѣми равнаго человѣческаго достоинства, въ какихъ бы условіяхъ человѣкъ ни находился и какое бы положеніе онъ ни занималъ. Не безпрекословное повиновеніе, не раболѣпіе и лицемѣріе, отжившія свой вѣкъ, показавшія свою непригодность—свободный союзъ правительственныхъ и общественныхъ силъ на почвѣ взаимнаго довѣрія долженъ быть знаменемъ сознательнаго русскаго человѣка, любящаго свое отечество».

Вотъ въ общихъ чертахъ идеи, которыя легли въ основаніе писательской дѣятельности Чичерина. Чичеринъ, по мнѣнію автора статьи, былъ прежде всего человѣкомъ формулы, въ этомъ была его сила, въ этомъ же была и его слабость. «Зачѣмъ ему анализировать, справляться съ жизнью, оправдывать формулу, выведенную изъ общихъ положеній, составляющую сущность его соціально-политическаго credo? Примете его формулу, хорошо—примете и дальнѣйшую».

«Ни одному математику не придетъ въ голову заподозрить аксіомы своей науки. Все, что ему кажется аксіомой и есть аксіома. Все, что ему кажется истиной, и есть истина. Такъ и Чичеринъ.

«Кто пишетъ не такъ, какъ приказываетъ онъ,—отмѣчалъ [illegible]

временникъ,—тотъ человѣкъ вредный для Россіи. Онъ приказываетъ смотрѣть на все его глазами, говорить обо всемъ въ его тонѣ подъ страхомъ политической казни. Если вы осмѣлитесь замѣтить ему, что онъ напрасно принялъ на себя трудъ приказывать и наказывать, онъ пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ вамъ: «Вы, другъ мой, человѣкъ прекрасной души, но вы глупы». Но та же догма даетъ твердость, опредѣленность міросозерцанію. Въ этомъ отношеніи Чичеринъ никогда не вызывалъ нареканій. «Онъ каждую минуту могъ сказать, что въ душѣ у него Богъ. Суть... въ томъ, что это рыцарь духа, что онъ не признавалъ ни лазеекъ, ни недомолвокъ въ дѣлѣ отстаиванія убѣжденій... Никакой компромиссъ съ тѣмъ, что онъ считалъ лживымъ, не былъ для него возможенъ. Онъ высказывался до дна, съ ясностью, исключающей возможность двухъ толкованій, безъ умолчаній и смягченій, называя вещи своими именами, не заботясь о томъ, какое впечатлѣніе производитъ... Ни одной фальшивой ноты».

Россія переживаетъ теперь моментъ борьбы за основныя права личности и гарантіи ея свободы. «Настанетъ день и эта задача отойдетъ въ область прошлаго, какъ уже отошла на Западѣ. Но въ настоящую минуту эта задача развертывается передъ нами во всей своей широтѣ. Вотъ почему,—заканчиваетъ авторъ свою статью,—просвѣщенный либерализмъ займетъ видное мѣсто въ исторіи русской общественности. Вотъ почему—добрая память Б. Н. Чичерину, борцу за личную неприкосновенность».

Въ той же книгѣ *Міра Божьяго* напечатана статья г. Тугана-Барановскаго «Борьба классовъ, какъ главнѣйшее содержаніе исторіи». Ученіе о классовой борьбѣ, утверждающее, что мотивъ хозяйственнаго интереса является господствующимъ въ общественной жизни, и что борьба общественныхъ группъ за средства къ жизни образуетъ собой важнѣйшее содержаніе исторіи; ученіе это, по мнѣнію автора, исходитъ изъ ложныхъ психологическихъ предпосылокъ и противорѣчитъ реальнымъ фактамъ жизни. «Прежде всего общественныя группы борются не только за средства къ жизни, но также и за власть; затѣмъ борьба общественныхъ группъ не исчерпываетъ всего содержанія исторіи, ибо сфера дѣйствія этой борьбы не захватываетъ важнѣйшихъ областей духовной дѣятельности человѣка. Хозяйственные интересы различныхъ классовъ дѣйствительно находятся между собой въ непримиримомъ антагонизмѣ. Но такъ какъ хозяйственный интересъ не есть единственный интересъ человѣческой жизни, то и противоположность экономическихъ интересовъ не приводитъ къ антагонистическому строю всей соціальной жизни. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что ученіе о классовой борьбѣ есть неправильное распространеніе на всю область исторіи человѣчества нѣкоторыхъ соображеній, вѣрныхъ по отношенію къ гораздо болѣе узкому кругу явленій. Конечно, нельзя отрицать важности, по отношенію какъ къ нашему времени, такъ и къ предшествовавшимъ историческимъ эпохамъ, момента классовой борьбы; слѣдуетъ даже согласиться, что въ новѣйшее время значеніе этого

соціальнаго момента весьма значительно возросло. Но ни теперь, ни ранъ
исторія человѣческаго общества не была исторіей только борьбы классовъ
и противоположное утвержденіе Маркса и Энгельса слѣдуетъ признать ве
личайшей ошибкой».

Нельзя не согласиться съ авторомъ статьи, что ученіе о господст
классовыхъ интересовъ безсильно вполнѣ объяснить политическую истор
общества, истинную сущность морали, религіи, искусства и науки, по
классовый интересъ не составляетъ критерія добра, истины и красоты
Человѣческая исторія есть нѣчто несравненно болѣе высокое, чѣмъ пр
стая борьба общественныхъ группъ за средства къ жизни.

Интересна статья Лозинскаго въ августовской книгѣ *Образованія* «Со
временныя этическія понятія». Указывая на кризисъ моральныхъ догм
товъ и воззрѣній, завѣщанныхъ намъ предшествовавшими поколѣніями,
авторъ подвергаетъ пересмотру важнѣйшія философскія и моральныя си
стемы, оставленныя намъ въ наслѣдіе девятнадцатымъ вѣкомъ. Перед
читателемъ проходитъ хорошо знакомая утилитарная доктрина англійск
школы Бентама и Милля съ ея конечными выводами о «наибольшем
счастьѣ наибольшаго числа людей». Но понятіе о счастьѣ крайне субъе
тивно и само нуждается въ нравственномъ мѣрилѣ. Счастье есть не чт
иное, какъ ощущеніе, сопровождающее удовлетвореніе человѣческихъ стр
мленій и потребностей; оно зависитъ отъ послѣднихъ. Но не всѣ и
стремленія и потребности человѣка или «большинства», могутъ быть по
ставлены на одну доску, хотя бы ужъ потому, что многія изъ нихъ пр
тиворѣчатъ одно другому и требуютъ отъ насъ нравственной оцѣнк
Утилитаризмъ Милля пытался выйти изъ этого затрудненія требованіем
отдавать предпочтеніе тѣмъ благамъ, которыя дарятъ человѣка больши
счастіемъ въ смыслѣ продолжительности и качества наслажденія. «Безсп
но,—говоритъ этотъ мыслитель,—что человѣкъ, равно испытавшій два у
вольствія и равноспособный цѣнить и пользоваться обоими, отдастъ всег
(?) предпочтеніе тому изъ нихъ, которое удовлетворяетъ его потребностям
Ради своего счастья онъ найдетъ, что лучше быть недовольнымъ челов
комъ, чѣмъ довольной свиньей, недовольнымъ Сократомъ, чѣмъ довольны
дуракомъ». Но, не говоря уже о томъ, что далеко не всегда и не всяк
вкусившій высшее и низшее наслажденіе, станетъ предпочитать перв
второму, спрашивается, что можно сказать всѣмъ тѣмъ, кто не способен
«цѣнить и пользоваться обоими» и кто, трезво взвѣсивъ при данныхъ ус
віяхъ своей неприглядной жизни всѣ шансы «продолжительности» и «сил
наслажденія, пускается во всѣ нелегкія, не останавливаясь даже пер
преступленіемъ. Кантовскій вѣчный нравственный законъ съ его извѣстн
ми формулами, претендующій на апріорное, т.-е. внѣ опытное, происх
деніе—подобно категоріямъ и формамъ нашего теоретическаго разум
и черпающій въ этомъ свою объективную и принудительную силу, въ д
ствительности не имѣетъ также никакого права на такое притязаніе
ществуетъ громадная разница между апріорными законами и форм

шего теоретическаго разума, имѣющими поистинѣ безусловный и принудительный характеръ, ибо внѣ ихъ мы не въ состояніи воспринимать дѣйствительность, и якобы апріорнымъ закономъ нашего практическаго разума, лишеннымъ всякой принудительной силы и крайне рѣдко осуществляемымъ въ дѣйствительности. Несмотря на рѣзкость возраженій, много справедливаго есть въ холерически-гнѣвной выходкѣ Ницше противъ Канта. «Кантъ,—говоритъ Ницше въ своемъ «Антихристѣ»,—есть продуктъ нѣмецкаго декаданса, а его мораль и категорическій императивъ опасны для жизни. Добродѣтель изъ одного лишь респекта передъ понятіемъ «добродѣтель», какъ того хотѣлъ Кантъ, вредна. Добродѣтель, долгъ, добро an sich, добро, носящее характеръ безличности и всеобщей обязательности—все это мозговые фантомы, въ которыхъ выражается закатъ, крайнее изнеможеніе жизни, кенигсбергская китайщина. Ничто такъ не губитъ глубже и внутреннѣе, какъ всякій безличный долгъ, всякое принесеніе жертвы Молоху абстракціи. И какъ это въ категорическомъ императивѣ Канта не почувствовали чего-то, что угрожаетъ жизни! Одинъ лишь инстинктъ теологовъ взялъ его подъ свою защиту. Дѣяніе, къ которому принуждаетъ насъ инстинктъ жизни, имѣетъ въ удовольствіи своемъ доказательство того, что оно правое дѣяніе; а тотъ нигилистъ съ христіанско-догматическими потрохами понималъ удовольствіе, какъ возраженіе. Но что разрушаетъ скорѣе, какъ не то, чтобы работать, мыслить, чувствовать безъ внутренней необходимости, безъ глубоко-личнаго призванія, безъ наслажденія, какъ автоматъ «долга».

Въ нравственной доктринѣ Шопенгауэра съ ея культомъ состраданія и основнымъ положеніемъ: никому не вреди и помогай каждому—мы имѣемъ передъ собой все нравственное безразличіе буддійской морали. Никому не вреди, даже крокодилу, который грозитъ сожрать тебя или близкихъ тебѣ: помогай по мѣрѣ твоихъ силъ каждому, даже самому заклятому врагу правды и справедливости! Все и всѣ достойны нашего состраданія, ибо все является одинаково-несчастной жертвой универсальнаго начала сего міра—воли жить. Но передовая мысль истекшаго столѣтія отвернулась не только отъ пессимистической морали состраданія, реставрированной Шопенгауэромъ, но и отъ другой, почти одновременно возникшей морали чистаго альтруизма, горячимъ апостоломъ которой явился жизнерадостный Фейербахъ. Онъ думалъ найти спасеніе отъ самодовлѣющаго, безплоднаго, пустого «я» въ чужой личности или въ «ты». Но отрицая нравственную законность однихъ личныхъ интересовъ, но не индивидуальныхъ, онъ попадаетъ въ очевидное, непримиримое внутреннее противорѣчіе. «Ибо въ самомъ дѣлѣ, если мое личное счастіе не имѣетъ, съ точки зрѣнія альтруистической морали, никакой цѣны, то спрашивается: почему же чужое личное счастіе не только можетъ, но и должно быть цѣною моей нравственной дѣятельности. Или чужое счастіе выше и лучше моего?» И далѣе, «если я обязанъ жертвовать собою ради интересовъ своего ближняго и пожелалъ привести эту обязанность въ исполненіе, то тѣмъ самымъ покушусь на его нравственность,

ибо и этотъ ближній вѣдь хочетъ быть альтруистичнымъ и ничего не хочетъ для себя, а тѣмъ болѣе не пожелаетъ для себя моего самоотверженія. Онъ самъ хочетъ и рѣшилъ принести жертву, а не принимать ея отъ другихъ. Навязывая ему мою жертву, я лишь отягчаю его нравственную совѣсть и торможу и безъ того ужъ нелегкое дѣло моральнаго самосовершенствованія. Одинъ лишь заядлый эгоистъ приметъ съ готовностью мои и чужія жертвы, но тогда стоитъ ли навязывать нравственности столь сомнительную и прямо-таки безнравственную миссію — потворствовать и служить человѣческому эгоизму? Но допустимъ, что такихъ эгоистовъ не найдется, и что всѣ станутъ альтруистически самоотвергаться ради своихъ ближнихъ, ничего не желать для себя и все для другихъ. Въ результатѣ получится, что никому нельзя будетъ поступать нравственно и приносить жертвы, ибо никто не захочетъ принять этихъ жертвъ и служенія себѣ со стороны «ближнихъ». Всѣ «я» будутъ горѣть жаждой принести себя въ жертву чужому счастію, но не найдется ни одного «ты», которое согласилось бы на такую жертву. И тогда каждый поневолѣ станетъ служить лишь самому себѣ, своему «я», и весь міръ погрузится въ безнравственность — вслѣдствіе торжества нравственности, и притомъ какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда нравственный идеалъ альтруистической морали сталъ бы вполнѣ осуществленнымъ».

Разсмотрѣвъ далѣе моральныя системы Вундта и Спенсера, представляющія изъ себя различную комбинацію элементовъ предшествовавшихъ моральныхъ системъ, полный индивидуализмъ Штирнера и нравственность сверхчеловѣка Ницше, авторъ статьи приходитъ къ тому выводу, что современный моральный кризисъ долженъ же, наконецъ, разрѣшиться какимъ-либо положительнымъ рѣшеніемъ нравственной проблемы и надъ истрепаннымъ хламомъ буржуазной идеалогіи возсіяетъ новый идеалъ. Съ интересомъ будемъ ждать продолженія статьи, очевидно, представляющей попытку созданія положительнаго нравственнаго идеала.

Въ сентябрьской книгѣ *Вѣстника Европы* помѣщена статья г. Фаресова «Одинъ изъ семидесятниковъ», посвященная памяти недавно скончавшагося Александра Капитоновича Маликова, извѣстнаго не столько своими литературными трудами: «Край безъ будущаго» и «На задворкахъ фабрики» сколько значительнымъ вліяніемъ, которое онъ оказывалъ въ семидесятыхъ годахъ на молодежь, являясь съ своимъ кружкомъ предтечей Л. Н. Толстого въ ученіи о непротивленіи злу силой и о борьбѣ съ нимъ исключительно христіанскими мѣрами. Въ молодости принадлежавшій къ крайнимъ недовольнымъ элементамъ общества, вращавшійся въ революціонныхъ кругахъ, Маликовъ былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности судебнаго слѣдователя по третьему пункту за столкновеніе съ губернаторомъ. Вскорѣ послѣ этого во время житья въ Орлѣ онъ, по его собственному выраженію, «пересталъ быть ветхимъ человѣкомъ» и сдѣлался христіанинъ того направленія, которое позже получило названіе толстовства. Арестованный за старыя знакомства по дѣлу о пропагандѣ въ 36-ти гу[illegible]

(процессъ 193), онъ былъ скоро выпущенъ на свободу, эмигрировалъ въ Америку для устройства тамъ коммунистической общины. Особенно интересны воспоминанія г. Фаресова, со словъ Маликова, о жизни послѣдняго съ извѣстнымъ фанатикомъ Фреемъ, въ устроенной ими христіанской «прогрессивной коммунѣ». Наголодавшись и нахолодавшись, потерявъ вѣру въ спасительную силу тѣхъ принциповъ, которыми руководствовался онъ большую часть жизни, возвращается Маликовъ въ Россію и здѣсь находитъ пристань въ православіи, которому отдается всей душой. Изъ бесѣдъ своихъ съ Маликовымъ авторъ статьи вынесъ убѣжденіе въ полной искренности Маликова, а главное въ томъ, что онъ достигъ душевнаго покоя и былъ счастливъ.

Ѳ. Арн.

Въ маленькой и всетаки страдающей длиннотами повѣсти г. Сѣверова «Перепутье» (*Вѣстникъ Европы*, VIII), неяркими, но вѣрными штрихами намѣчена драма любви и долга, сама по себѣ трогательная и нравственно-значительная.

Жена Карганова, красивая Анна Васильевна, гораздо моложе своего мужа. Хотя лицо ея запечатлѣно безмолвной покорностью крестной ношѣ и только нервическія головныя боли и мертвыя полосы апатіи прерываютъ спокойное теченіе ея безстрастныхъ дней, но въ глубинѣ ея существа далеко не погасло желаніе молодой любви. Она очень предана Карганову, благодарна ему,—тѣмъ, что онъ женился на ней, онъ спасъ ее отъ одинокой и трудовой жизни. Она благодарна ему и знаетъ, что онъ благороденъ и добръ. А на душѣ у Карганова часто бываетъ тяжело, и блѣдное лицо жены невольно встаетъ передъ нимъ тихой укоризной, и кажется ему, будто на другой груди должно бы покоиться это прекрасное лицо молодой женщины. И вотъ пріѣхалъ другой. Это—юноша-офицеръ Вонлярскій, племянникъ Карганова. Скоро между гостемъ и хозяйкой установились дружескія отношенія, и такъ хороши были совмѣстныя прогулки среди финляндскихъ скалъ, такъ интересно было наблюдать чужіе нравы и обычаи, видѣть, напримѣръ, этого бѣлобрысаго, крохотнаго мальчишку, который втиснулся въ толпу своихъ товарищей, продающихъ кустарныя вещицы, и самъ не наторѣвъ еще въ работѣ, но зная, что даромъ денегъ не даютъ, разсчетливо торгуетъ сорванной здѣсь же на краю дороги крупной розовой маргариткой...

Анна Васильевна полюбила Вонлярскаго, но она не хотѣла бури и глушила въ себѣ зародившуюся любовь. Вонлярскій полюбилъ Анну Васильевну, но страшился «коснуться ея страдальческаго образа даже тѣнью грѣшной мечты», и когда онъ понялъ, что ихъ обоихъ властно захватило глубокое чувство, которое грозитъ снести чистую храмину ихъ дружбы и разрушить всю жизнь Карганова, тогда онъ, честный, рѣшился уѣхать. И уѣзжая, онъ оглянулся на то, что покидалъ. «Кроткимъ плѣнительнымъ свѣтомъ озарилась передъ нимъ протекшая тутъ частичка его жизни, став-

шая теперь бо́льшею, чѣмъ сама жизнь... Съ любовью, съ тихимъ тре-
нымъ замираніемъ сердца оглядывалъ онъ знакомыя мѣста, прощаясь
ними надолго... навсегда, пытая скорбной мыслью: что ожидаетъ его тамъ,
за сѣрой далью?» И показалась ему эта даль ненавистной, страшной, не-
нужной, а возвратиться къ женщинѣ любимой и любящей, но чужой, къ
женѣ родного и любимаго человѣка,—возвратиться нельзя, и Вонлярскій
на перепутьи своей дороги, своей жизни, выстрѣломъ изъ револьвера пре-
рвалъ свою дорогу, свою жизнь. Когда съ этой вѣстью пришелъ Кар-
новъ къ женѣ, она сидѣла, опустивъ голову на руки,—и все понялъ,
будто понялъ Карганов.

Не ревность, не обиду почувствовалъ онъ, а безысходную, все отравившую пе-
речь, въ которой не могло быть и мѣста такимъ мелочамъ. Онъ помертвѣлъ, уд-
тился за столикъ, чтобы не упасть. „Анна Васильевна, что же это такое?"—про-
ворилъ онъ не своимъ голосомъ. Она молча, не поднимая головы, взяла его руку
притянула ее къ своимъ губамъ.

Что-то, пробѣжавшее трепетомъ по тѣлу, тронувшее самую глубину души, с-
зало Карганову, что онъ не правъ. Онъ печально опустилъ голову и тихо вы-
изъ комнаты, озаренный иною, правдивой догадкой, скорбя еще больше, но не
только себя...

А. Дермань (*Русское Богатство*, VIII) въ разсказѣ «Переломъ», и-
рудничной жизни, влагаетъ въ уста бывшаго штейгера Желтышева повѣ-
о томъ, какъ человѣкъ перевоспиталъ человѣка, какъ одинъ своей с-
отверженной добротою спугнулъ озлобленность другого. Разсказываетъ Ж-
тышевъ съ внѣшней стороны правдоподобно, въ индивидуализированной м-
нерѣ; есть въ произведеніи г. Дермана много сочиненнаго, но есть въ н-
и правдивое.

Желтышевъ, еще будучи гимназистомъ, обидѣлъ свое начальство, о-
чилъ этимъ свою семью и оторвался, какъ голубь, никѣмъ не спасен-
голубь, отъ родного угла. «Вышла молодая душа на авансцену, такъ с-
зать, жизни, а ее освистали, ошикали». Обиженный юноша не зналъ, ч-
съ собою дѣлать, и случайно поступилъ въ штейгера. Онъ спустился в
землю; ея темнота соотвѣтствовала его настроенію. Онъ увидѣлъ н-
ужасъ шахты, гдѣ люди стоятъ на колѣняхъ, до пояса голые, и гдѣ м-
трудно дышать, «будто кто острый, тонкій ножъ въ глотку суетъ и т-
тамъ поворачиваетъ».

Въ шахтѣ ожесточился Желтышевъ. Этому способствовало и то, ч-
онъ перенесъ еще и другую обиду: ему измѣнила дѣвушка, которую о-
любилъ и съ которой встрѣчался на кладбищѣ, среди «бѣлыхъ дере-
ныхъ крестовъ съ наивными трогательными надписями», въ тѣни «м-
ныхъ деревьевъ», которыя своими вѣтвями осѣняютъ могилы и «п-
прислушиваются къ еле внятному говору мертвецовъ,—такъ и кажется, ч-
молодая листва на вѣтвяхъ лепечетъ этимъ спящимъ въ могилахъ л-
что-то успокоительное, убаюкивающее, трогательное, чего они во всю
убогую жизнь не слыхали». Ожесточился Желтышевъ и, для того ч-
причинить страданіе измѣнившей дѣвушкѣ, онъ избралъ не дог-

вѣчности, по которой пошла она, а сталъ относиться къ людямъ сурово и, упоенный своею властью, налагалъ тяжкіе штрафы на рабочихъ и всячески притѣснялъ ихъ.

Между тѣмъ на работы въ шахту поступилъ нѣкто Куликовъ. Оказалось, что когда-то онъ имѣлъ мимолетную встрѣчу съ Желтышевымъ. Это было на томъ самомъ кладбищѣ, которое давало пріютъ исчезнувшей любви штейгера. Желтышевъ сидѣлъ тогда со своей дѣвушкой, и къ нимъ подошелъ рабочій и попросилъ разъяснить его недоумѣніе: онъ прочелъ на одномъ крестѣ надпись «блаженъ мужъ, ему же не смѣнитъ Господь грѣха»,—какъ можетъ быть блаженъ мужъ, съ котораго грѣха не снимаютъ? Повидимому, этотъ вопросъ имѣлъ для рабочаго особое значеніе. Ему объяснили, что онъ ошибся, что надо читать: «не вмѣнитъ грѣха». Это объясненіе очень обрадовало и успокоило его,—«во вѣки не забудетъ» онъ оказанной услуги. И вотъ Куликовъ встрѣтилъ теперь своего кладбищенскаго собесѣдника, встрѣтилъ его грознымъ штейгеромъ, своимъ взыскательнымъ начальникомъ. Если вѣрить г. Дерману, рабочій каждый разъ фамильярно и надоѣдливо заговаривалъ съ Желтышевымъ, все напоминая ему о давнишней встрѣчѣ, словно этотъ минутный разговоръ долженъ былъ такъ глубоко запечатлѣться въ душѣ Куликова (здѣсь читатель несомнѣнно чувствуетъ какую-то фальшь). Какъ бы то ни было, частыя ссылки рабочаго на то время, которое дразнило Желтышева «сладкими, но тяжелыми и какъ будто обличительными воспоминаніями», вывели штейгера изъ терпѣнія: онъ грубо оборвалъ Куликова, придрался къ нему и несправедливо оштрафовалъ его.

Вскорѣ произошелъ въ шахтѣ пожаръ. Желтышевъ съ нѣсколькими рабочими, въ томъ числѣ и съ Куликовымъ, спустился въ подземные коридоры, и въ одномъ изъ нихъ, въ «длинномъ, узкомъ, сыромъ гробу», онъ и его товарищи неминуемо должны были задохнуться. «Сердце при каждомъ вздохѣ какъ будто накалывается на тонкую, острую спицу. Стараешься дышать рѣдко и неглубоко... и кажется, что горло сузилось до того, что для полнаго вздоха нужна вѣчность». Съ каждымъ вздохомъ нѣсколькихъ грудей количество воздуха уменьшалось, и къ концу вторыхъ сутокъ уже умеръ одинъ шахтеръ. Въ сонномъ забытьи, въ тяжеломъ безразличіи къ близкой и неизбѣжной смерти лежалъ и штейгеръ. И къ нему склонился Куликовъ со словами: «грѣхъ вмѣнится... и я злобу имѣлъ... прости штрафъ, а я—обиду». «Ладно, прощаю». «И я вамъ прощаю». Такъ «по-Божьи» примирились штейгеръ и рабочій (въ этой мелодраматической сценѣ г. Дерманъ тоже подвергаетъ испытанію довѣрчивость читателя).

Куликовъ сдѣлалъ такъ, что цѣною собственной жизни спасъ штейгера и нѣкоторыхъ изъ его спутниковъ, своимъ трупомъ указалъ явившимся спасителямъ мѣсто ихъ пребыванія. Для этого требовалась большая физическая сила, которой Куликову достало, быть можетъ, «оттого, что онъ ни минуты не думалъ о себѣ, а только о другихъ» (объясненіе, поража-

ющее избыткомъ альтруизма). И когда вынесли Желтышева изъ шахты и онъ очнулся на свѣжемъ воздухѣ, онъ увидѣлъ бездыханное тѣло Куликова лежащимъ «на спокойной пеленѣ бѣлаго, нетронутаго снѣга,—природа какъ бы приготовила фонъ для этого маленькаго испачканнаго человѣка». «На шахтѣ шумно суетились люди, стучала машина, свистѣлъ паръ и всему этому, даже какъ будто бѣлому снѣгу и свѣтлому солнцу въ огромномъ синемъ куполѣ чистаго неба, давалъ какой-то глубокій, значительный, примиряющій фонъ—смѣшной при жизни, невзрачный человѣчекъ».

Долго мучилъ потомъ штейгера тяжелый кошмаръ: все грезился ему узкій коридоръ, который втягивалъ его въ себя и, втянувъ, замыкался, какъ смыкается пищеводъ удава, поглотившаго кролика.

На той изъ братскихъ могилъ, въ которой вмѣстѣ съ другими жертвами катастрофы похоронили Куликова, Желтышевъ поставилъ крестъ съ надписью: «Блаженъ мужъ, ему же не вмѣнитъ Господь грѣха». Затѣмъ онъ въ послѣдній разъ опустился въ шахту, осмотрѣлъ гробъ коридора, изъ котораго его извлекло самоотверженіе Куликова. Онъ рѣшилъ бросить свою штейгерскую службу,—какъ могъ бы онъ послѣ всего пережитаго опять посылать рабочихъ въ землю? И вмѣстѣ съ этой службой отлетѣла отъ него злоба и вражда къ людямъ. Теперь онъ за скромное жалованье—смотритель больницы и по мѣрѣ силъ своихъ помогаетъ своимъ больнымъ.

У г. Дермана хорошо написаны тяжелыя сцены въ шахтѣ, и симпатична основная мысль его разсказа,—но какъ-то неубѣдительны вся фигура Куликова, его обида и его прощеніе, и ужъ слишкомъ сильное средство примѣнилъ авторъ къ тому, чтобы разбудить совѣсть и жалость въ груди своего героя. Неужели для того, чтобы одинъ человѣкъ пересталъ сердиться и налагать штрафы, другой долженъ погибнуть самоотверженной, мученической смертью? Неужто въ самомъ дѣлѣ надо такъ дорого платить за элементарныя проявленія справедливости и благожелательства?

Симпатична и мысль Ив. Наживина въ очеркѣ «На лиманѣ» (*Русское Богатство*, VIII); показано въ немъ реальное человѣческое страданіе, но обнаженная тенденція и налетъ риторики охлаждаютъ читателя.

«У широкой глади неподвижныхъ, мертвыхъ водъ лимана, ослѣпительно сверкающей на солнцѣ», собираются въ жаждѣ исцѣленія больные люди, «чуть не столѣтніе старики и старухи, годовалыя малютки, мужчины въ рабочемъ возрастѣ, дѣвушки, похожія на полузасохшія больныя деревца». Истерзанные недугомъ и нищетой, они съ тоскою смотрятъ на спасительный лиманъ, которымъ не могутъ пользоваться сколько-нибудь систематически, потому что у нихъ нѣтъ денегъ. И волны лимана не спасаютъ ихъ, «лиманъ-благодѣтель не входитъ въ ихъ положеніе», потому что они живутъ впроголодь и квартирой для нихъ является часто садикъ на дачѣ одного предпріимчиваго владѣльца: они развѣшиваютъ подъ кустами какую-нибудь рвань, и въ этомъ шатрѣ проходятъ ихъ дни и ночи. Въ этомъ шатрѣ живетъ и мать со своимъ ребенкомъ: у него

ленькое, блѣдное личико, тонкая шейка, тонкія, безжизненно висящія изъ-подъ лохмотьевъ ручки и ножки,—все это такъ нѣжно и слабо, точно вмѣсто костей внутри маленькаго тѣльца вата». Въ этомъ шатрѣ живетъ и старый ребъ Лейзеръ, до котораго доносятся изъ родного города страшныя вѣсти: былъ погромъ,—а ребъ Лейзеръ хорошо знаетъ, что такое погромъ, и глубокій шрамъ на его головѣ служитъ постояннымъ свидѣтелемъ давно пережитой катастрофы. И поголодавъ одинъ день, ребъ Лейзеръ купилъ на сбереженныя деньги марку и послалъ домой письмо. Теперь онъ съ тревогою ждетъ вѣстей, а пока думаетъ мучительную думу и съ угрозой поднимаетъ къ небу свои руки, потрясаетъ кулаками (г. Наживинъ не погрѣшилъ бы противъ правды, если бы не приписалъ своему герою, старому богомольному еврею, этого сочиненнаго жеста).

На послѣдніе гроши покупаютъ больные хлѣбъ, но многіе изъ нихъ не имѣютъ даже и грошей для хлѣба. Хорошо, что возчикъ изъ булочной, добрый Іойне, обвѣшиваетъ иной разъ богатую купчиху, для того чтобы выгаданный остатокъ раздать бѣднымъ. Бѣдные и больные, думаютъ эти старики, женщины и дѣти свои тяжелыя думы, «и эти думы, и и эти люди среди тихой радости золотого вечера кажутся какими-то тѣнями изъ царства скорби, неизвѣстно откуда и зачѣмъ появившимися подъ безоблачно-яснымъ небомъ».

Подъ безоблачно-ясными небесами, ночью, ребъ Лейзеръ читаетъ Библію; его слушаетъ извозчикъ-сектантъ и съ удивленіемъ замѣчаетъ, что ребъ Лейзеръ исповѣдуетъ тѣ же вѣрованія, какихъ держится и онъ, христіанинъ. Тѣ же слова, тѣ же молитвы, тотъ же Богъ... Но въ такомъ случаѣ за что же на головѣ у ребъ Лейзера глубокій шрамъ?... Вмѣстѣ читаютъ они Библію, «иногда разгорается страстный споръ, потомъ снова голоса стихаютъ, и слова мира и любви, какъ ангелы, рѣютъ при свѣтѣ звѣздъ надъ спящей землей».

Разсказъ М. Первухина «Свисташкино счастье» (*Міръ Божій*, IX) страшенъ драматизмомъ своего необычнаго содержанія (оно напоминаетъ извѣстный разсказъ Чехова «Ночью» или «Въ морѣ). Авторъ показалъ самые предѣлы человѣческой низости, но въ то же время противопоставилъ ей трогательное благородство женской души,—и все это онъ сдѣлалъ талантливо.

Въ гостиницу «Санъ-Франциско» пріѣзжаетъ отъ времени до времени графъ Нординъ, богатый молодой человѣкъ въ кавалерійскихъ рейтузахъ. Онъ пріѣзжаетъ изъ деревни, для того чтобы «освѣжиться». Развращенная прислуга отеля, падкая на его щедроты, приводитъ къ нему женщинъ и всячески старается угодить его вкусу. Если сослужить графу хорошую службу, можно сдѣлать блестящую карьеру, можно, напримѣръ, завести собственную гостиницу,—и объ этомъ страстно мечтаетъ лакей Евстафій, или, по-лакейскому, Свисташка. У него сгорбленная спина, у него душа подлая, дешевая. Всякихъ женщинъ приводитъ онъ къ графу, однако ничѣмъ поразить графа не можетъ.

Но вотъ въ коридорѣ Нордикъ увидѣлъ прелестную женщину-ребенка съ матово-блѣднымъ лицомъ. И онъ сказалъ Свисташкѣ, что вотъ этой женщинѣ онъ былъ бы радъ. Эта женщина была жена Свисташки, Маруся. Смутился графъ Нордикъ, узнавъ объ этомъ, извинился передъ лакеемъ, который задрожалъ отъ такого предложенія. Но покупать человѣческія тѣла и души графъ давно уже привыкъ. Граціозный образъ Маруси не давалъ ему покоя, и онъ сказалъ однажды Свисташкѣ: «Чуръ, не обижайся, я тебѣ ничего не предлагаю... Я, братъ, понимаю... Жена—дѣло святое. И можешь быть покоенъ: если бы хотѣлъ сманить твою Марусю, другого бы кого-нибудь попросилъ. Не такой ты, чтобы женою торговать». Но тутъ же прибавилъ, что за Марусю не пожалѣлъ бы и тысячи рублей. Взволновалась нехорошимъ волненіемъ лакейская душа лакея. «Слабость охватила его. Опустивъ руку, Свисташка не замѣчалъ, что съ рукою онъ опустилъ тарелочку, на которой лежалъ лимонъ. Лимонъ упалъ, мягко и глухо стукнулся о полъ и покатился, мелькая желтымъ клубкомъ, куда-то въ уголъ».

Свисташка женился на безприданницѣ. Онъ считалъ свой неравный бракъ несчастьемъ для себя, и все пилилъ жену, и хотя еще не билъ ея, но уже заносилъ кулакъ надъ ея русой головкой. Попрекалъ онъ ее: «Изъ-за чего погибаю! Опоили меня, окормили меня. Человѣкъ образованный, человѣкъ интеллигентный, можно сказать, коммерсантъ, на линіи, чтобы свою отель завести, человѣкъ, который иной разъ три и пять цѣлковыхъ въ день заработаетъ»,—вотъ этотъ самый образованный и интеллигентный человѣкъ женился на деревенской дѣвушкѣ! Опоили его, приворожили.

Маруся не отвѣчала. Она сама начинала бояться, не было ли чего сверхъестественнаго въ томъ, что она, простая деревенская дѣвушка, наймычка, сирота, которой всѣ помыкали, которую била „тетя“ и билъ „дядя“—ее прiютившіе, которой предстояла участь быть соблазненною какимъ-нибудь деревенскимъ сердцѣдомъ и быть брошенною, стать „мірскою бабою“,—что она обратила на себя вниманіе пріѣхавшаго въ деревню на побывку Евстафія Ильича, что она не поддалась, когда Свисташка уговаривалъ ее, сбивая „на грѣхъ“.

И кончилось тѣмъ, что Свисташка велѣлъ Марусѣ пойти къ графу,—хоть и ревновалъ онъ ее, хоть и грозилъ онъ ей: «а только если ты... подлая... еще съ кѣмъ-нибудь... Слышишь? Казню! На части разорву. На кусочки пошматую!» Онъ велѣлъ ей пойти къ графу. Но зарыдала чистая Маруся, и рыданія цѣлаго дня исказили ея лицо. Свисташка оставилъ ее было въ покоѣ. Но тысяча рублей жгли воображеніе лакея. И черезъ нѣсколько дней онъ всетаки привелъ жену къ графу.

Она шла робко, нерѣшительно, словно выжидая момента, чтобы броситься бѣжать назадъ, но шла и шла, опустивъ внизъ русую головку. Лица ея не было видно подъ сѣнью густого синяго вуаля. Были видны только блѣдныя, пухлыя губы, которыя чуть слышно шептали: „Пустите, пустите меня, Евстафій Ильичъ! Не надо, Евстафій Ильичъ! Мать Пресвятая Богородица! Отпустите меня, Евстафій Ильичъ!

Но опоздалъ Свисташка. Пока нѣсколько дней рыдала Маруся и молила лакея-мужа о пощадѣ, графъ завелъ себѣ другую женщину и отъ—

всѣ свои деньги. И когда увидѣлъ графъ, что лакей все-таки привелъ свою жену, онъ понуро взглянулъ на Свисташку. И, вѣроятно, было въ этомъ взглядѣ пьянаго развратника глубокое презрѣніе и къ себѣ, покупающему, и къ другому, продающему. «Пошелъ вонъ, Свисташка!—произнесъ онъ глухо.—Опоздалъ ты, братецъ!» Денегъ у него уже не было, и не тысячу рублей бросилъ онъ лакею, а нѣсколько измятыхъ бумажекъ, горсть серебряныхъ и золотыхъ монетъ. Свисташка попятился назадъ; онъ «наступилъ на захрустѣвшую подъ ногами бумажку, потомъ на какую-то монету, которая слабо звякнула, подпрыгнула и покатилась въ сторону».

Спустившись со своею дрожащею спутницею съ лѣстницы, Свисташка у подъѣзда гостиницы остановился, держа за руку Марусю. Потомъ потянулъ ее въ сторону. Маруся не сопротивлялась. Сдѣлавъ шаговъ десять отъ подъѣзда, Свисташка взялъ правую руку Маруси своею лѣвою рукою и грубо повернулъ женщину къ себѣ лицомъ.

— Ну?—сказалъ онъ какъ будто спокойнымъ голосомъ.

Марусѣ показалось, что онъ радъ, и она улыбнулась слабою, робкою, дѣтскою улыбкою.

— Богъ спасъ, Евсташа!—пролепетала она.

— Богъ спасъ? Отъ тысячи? Отъ своего счастья? Отъ своего отеля? Да? Богъ спасъ?

Маруся, все такъ же робко, по-дѣтски улыбаясь, кивнула головой и сказала:

— Пойдемте домой, Евстафій Ильичъ! Пойдемте, милый, голубчикъ!

Въ этотъ моментъ Свисташка взмахнулъ кулакомъ и опустилъ его на лицо жены. Что-то хрустнуло подъ ударомъ кулака, что-то охнуло.

Маруся подалась назадъ и стала падать, какъ-то присѣдая, словно не рѣшаясь, навзничь или на грудь упасть. Кулакъ Свисташки еще разъ мелькнулъ въ воздухѣ и ударилъ по головѣ женщины. Сзади кто-то закричалъ, и еще, и еще...

Сочетаніе талантливыхъ штриховъ и напряженной выдумки представляетъ собою драматическая сцена Семена Юшкевича «Въ августовскій вечеръ» (*Міръ Божій*, кн. IX).

«Кругомъ насъ міръ людей, но онъ мертвый, и только человѣчески близкіе, безкорыстно близкіе я да вы. Мы двое, насъ двое въ цѣломъ мірѣ, и только мы можемъ плакать другъ о другѣ»,—такъ говоритъ дѣвушка Соня инженеру Капустину. Они случайно встрѣтились на улицѣ послѣ двѣнадцатилѣтней разлуки, и она привела его къ себѣ въ комнату. Когда-то Соня, молодая дѣвушка въ голубомъ платьѣ (теперь ей уже 28 лѣтъ), маленькая, тоненькая, съ звонкимъ голосомъ, была дружна съ дѣвушкой Аней, которую любилъ Капустинъ. Потомъ Капустинъ бросилъ Аню,—бросилъ ее въ то самое время, когда она гдѣ-то тайно, замученно родила ему ребенка. Теперь ему жалко погубленной дѣвушки, но тогда онъ не жалѣлъ ея. И кажется ему, что въ молодости человѣкъ гораздо хуже, чѣмъ въ зрѣлые годы. Теперь Капустину тридцать пять лѣтъ, и пропала его свѣтлая шевелюра, но онъ не жалѣетъ о ней,—«не хочу я огня въ крови».

Нѣтъ, не хотѣлъ бы я снова переживать молодость! Идеалы, настоящіе идеалы приходятъ поздно и лишь въ зрѣломъ возрастѣ истинно становишься благородно чувствующимъ, чуткимъ... Будь она проклята, эта безумная, безжалостная молодость! Въ ней есть благородство, но сколько подлости таится въ ея эгоизмѣ... Зло

произрастаетъ въ юныхъ, въ молодыхъ сердцахъ... Не говорите мнѣ о молодом, я боюсь ея. При свѣтломъ восходѣ солнца, на днѣ молодой души таится столько себялюбія, столько безоглядной подлости, что лучше не быть ей. Только въ зрѣлом возрастѣ идеализмъ проченъ, активенъ, человѣченъ.

На собственномъ опытѣ Капустинъ этого не показалъ. Не былъ он порядоченъ въ молодости, не оказался онъ порядоченъ и въ тридцать пя лѣтъ, и мало отличается онъ отъ того Иванова, который любилъ Сон когда былъ бѣднымъ студентомъ, а теперь не думаетъ о ней, когда ста богатымъ адвокатомъ.

Онъ не порядоченъ. Соня жалуется ему на свою тоску, на свое один чество, но эти жалобы не находятъ въ немъ чистаго отклика. Соня уж не упоена жизнью, она уже не та, что была; она нарядилась въ панта Капустину голубое платье, но «я не я, а платье то же». Соня одинок какъ одинока дочь ея квартирной хозяйки, тридцатипятилѣтняя Софья Ми хайловна, которая все еще мечтаетъ о замужествѣ и хотя никогда у не не было романа, все еще вѣритъ, все еще ждетъ. Соня одинока.

Какъ-то въ дѣтствѣ я возвращалась домой изъ училища. Кругомъ лежалъ сне мнѣ было холодно, я вся продрогла. Помню, какъ изъ богатаго дома вышла дѣву въ теплой шубѣ и сѣла въ поджидавшія ее сани. Она была прекрасна. И как ро рошо гармонировало, что она — молодая, прекрасная, не терпитъ холода... Она сл служила, думала я, но вотъ и я вырасту, поработаю, и у меня будетъ такая т теплая одежда и сани... Но жизнь обманула...

И хотя жизнь ее обманула, Соня все-таки ищетъ ея, ждетъ ея — «полна жаждани». Ей всего хочется извѣдать, все перечувствовать, и тоскуетъ по материнствѣ. «Когда я слышу голосъ ребенка, мнѣ плакат безумно плакать мнѣ хочется... Я жажду ласки, страстно, безумно жаж ласки. Иногда, кажется, дерево, камень полюбила бы за доброе слово, камня нѣтъ, и дерева нѣтъ». Въ вихрѣ заботы и труда пролетѣли молодые годы. Теперь ей не съ кѣмъ подѣлиться своими мыслями, ни жестью своего одинокаго горя, своихъ страховъ и кошмаровъ. «Повѣрит иногда ночью проснешься и никакъ не вспомнишь, гдѣ это ты живе гдѣ это ты лежишь. И когда подумаешь, что эта проклятая ночь пройд и наступитъ проклятый знакомый день, то закроешься одѣяломъ чер голову и плачешь до утра».

Въ этомъ стремленіи къ раздѣленной жизни, къ жизни хотя и дух ной, но здѣсь, на землѣ, Соня заходитъ такъ далеко, что она какъ предлагаетъ себя,—она уже не выбираетъ; ей все равно, кому она отда свою любовь. Ей грустно, что она не прельщаетъ, какъ не прельщаетъ старая дѣвушка, Софья Михайловна («и всегда мы однѣ, однѣ»). Пре она трепетала студенческаго мундира, а теперь ей все равно. И по это каждый боится любви? Вѣдь она никому не сѣла бы на шею, можетъ сама себя прокормить: ей человѣкъ только нуженъ, человѣк

Такъ говоритъ она. За чайнымъ столомъ, къ которому сиротливая Со Михайловна подала два пирожныхъ и за которымъ она сама, для ви чужая, не сидитъ,—сидятъ они, Соня и Капустинъ, и Соня г

вои какъ бы зовущія рѣчи. Это волнуетъ инженера, «онъ не сводитъ съ ея глазъ и каждый разъ вспоминаетъ, что наединѣ съ дѣвушкой». И вотъ къ онъ цѣлуетъ ея руку, а дѣвушка шепчетъ: «жизнь жалкая, жизнь бидная»; и вотъ ужъ онъ страстно цѣлуетъ ея лицо, и сажаетъ ее къ себѣ, и грубо восклицаетъ: «я тебя обожаю, Соня», Сначала борется испуганная дѣвушка, но скоро говоритъ ему: «я не сержусь, нѣтъ, не сержусь... моя гордость страдаетъ, но я смирилась». И сидя у него на колѣняхъ, она тихо плачетъ, «по чего-то ждетъ отъ него». Въ это время въ комнату входитъ другая одинокая, входитъ старая дѣвушка Софья Михайловна и восклицаетъ: «извините, извините!»

Они вскакиваютъ и сконфуженно разбѣгаются въ разныя стороны. Капустинъ ищетъ шляпу, находитъ ее. Хочетъ что-то сказать, не говоритъ. Осторожно, осторожно выкрадывается изъ комнаты. Сонечка ждетъ... Дѣлаетъ движеніе пойти за нимъ, позвать его... Сдерживается. Подходитъ къ стѣнѣ, опирается о нее головой. Плачетъ.

Въ августовскій вечеръ жизни, когда лѣто еще не прошло, но уже проходитъ, и блекнутъ краски души,—въ августовскій вечеръ понятна меланхолія, которой проникнута драматическая сцена г. Юшкевича. И слишкомъ ясно, какое настроеніе должна испытывать «вышивальщица въ гладь», тоскующая по жизни Соня. И все же отъ сцены г. Юшкевича вы отрываетесь съ недоумѣніемъ и чувствуете въ ней какую-то преднамѣренность и теорію, какой-то вызовъ обычному и нормальному. И даже не то, что въ одинъ вечеръ, въ одинъ августовскій вечеръ, хотѣлъ г. Юшкевичъ завязать и развязать романъ своихъ героевъ,—даже не это поражаетъ читателя: драматургъ имѣетъ право, если имѣетъ силу, покорить себѣ время и, не считаясь съ реальнымъ наростаніемъ чувства, явить послѣднее все—въ одной сосредоточенной вспышкѣ, на протяженіи одной глубокой встрѣчи, одного вечера. Но въ томъ, что свою любовь Соня хотѣла и могла отдать первому, кто ее позоветъ; въ томъ, что желаннымъ былъ для нея инженеръ Капустинъ, предавшій и погубившій Аню, вкусившій много отъ жизни и въ своей низости обвиняющій свою молодость; въ томъ, что она «чего-то ждетъ отъ него»,—въ этомъ авторъ своихъ читателей убѣдить не сумѣлъ. Какъ ни силенъ голодъ жизни, голодъ любви, мы знаемъ, что въ его удовлетвореніи играетъ самую большую роль индивидуализація, выборъ,—героиня г. Юшкевича не выбираетъ, ей «все равно», и авторъ какъ разъ этомъ настаиваетъ, какъ разъ этимъ-то особенно дорожитъ...

Г. Брусянинъ въ очеркѣ «Божьи рабы» (*Образованіе*, VIII), повидимому, даже и не старается претворить въ художественное созданіе, спрятать въ безсознательную глубину жизненнаго воспроизведенія ту свою основную мысль, что люди должны покорствовать только Богу, а не людямъ. Его герой, старый лѣсникъ, всю жизнь служилъ людямъ, состоялъ у нихъ покорнымъ рабомъ, и только у гробовой доски онъ понялъ, что люди—Божьи рабы, но не рабы человѣка, кто бы онъ ни былъ». Никто изъ людей не можетъ повелѣвать, и никто изъ людей не долженъ повиноваться. И на закатѣ жизни глубоко задумался лѣсникъ о грѣховности

своей роли въ качествѣ сторожа, вынужденнаго преслѣдовать сосѣдних башкиръ за каждую вязанку дровъ или за лукошко грибовъ и ягодъ. Вспоминались ему и его военные походы, кровавые подвиги на далеких угрюмыхъ Балканахъ; и глубоко слушалъ онъ чужой покаянный разсказъ о томъ, какъ, повинуясь людямъ, человѣкъ убилъ двухъ другихъ человѣкъ, загубилъ двѣ души...

Въ тепломъ разсказѣ Н. Березина «Таежная встрѣча» (*Образованіе*, VIII), передъ нами тоже проходитъ человѣкъ, который убилъ человѣка. Проходитъ онъ по тайгѣ (въ страну тайги попалъ онъ не по собственной волѣ); идетъ онъ, бывшій студентъ Черновъ, и кругомъ подстерегаетъ его всякая опасность.

Ночной мракъ заволокъ лѣсъ, придавъ его молчанію что-то таинственно-странное. Казалось, точно кто-то громадный и невѣдомый наполнилъ собою темную чащу, залегъ въ ней въ зловѣщей тишинѣ и молчалъ съ какой-то страшной неизвѣстной цѣлью; въ ужасѣ передъ нимъ неподвижно вытянулись стволы деревъ, замерли ихъ вѣтки и листья.

И была гроза. «Казалось, могучій великанъ шагалъ по тайгѣ, ступая по лѣсу, какъ по травѣ, и крушилъ вѣковые лиственницы и кедры».

По дорогѣ встрѣтились Чернову три бѣглыхъ каторжника. Они подстерегали его и, очевидно, съ наступленіемъ темноты собирались ограбить его и убить. Не могъ заснуть Черновъ, приготовилъ ружье, и ночь «тянулась для него среди холодной и напряженной тревоги». Когда бѣглецы приблизились къ нему, страшные и угрожающіе, онъ выстрѣлилъ. Одинъ изъ нихъ, рослый и сильный человѣкъ, упалъ мертвымъ. Студентъ Черновъ убилъ. Другого бродягу онъ ранилъ, но перевязалъ ему рану, накормилъ его, какъ и третьяго бѣглеца. Тяжко было на душѣ у Чернова. И глядя, какъ мухи облѣпили лицо убитаго, онъ думалъ, что лапки мухъ должны щекотать мертвеца. «Гадкія мысли, какъ мухи, ползали по его душѣ и непріятно щекотали совѣсть».

Нечаянный убійца вырубилъ крестъ изъ молодой березки и водрузилъ его на могилѣ убитаго. Затѣмъ оставшимся въ живыхъ бродягамъ онъ далъ половину своего хлѣба, вернулъ имъ топоръ, ножъ, подарилъ коробку спичекъ и рубль денегъ. Бродяги, которые думали, что баринъ представитъ ихъ по начальству, брали вещи съ видомъ какого-то недоумѣнія.

Ну, прощайте, братцы!—сказалъ Черновъ. Тѣ стояли молча.—Баринъ!—Чер... Прости ты насъ, милый баринъ, окаянныхъ!—Бѣлокурый бродяга бухнулся на колѣ... и отбилъ земной поклонъ... Когда бродяга откинулся назадъ, Черновъ увидѣлъ въ его глазахъ слезы. Ему самому захотѣлось плакать...—Прощайте, братцы, живи... лучше!

Часто потомъ, особенно въ дорогѣ, ему припоминались страшный трескъ, ... лый пороховой дымъ, плывущій по воздуху, надъ рѣчкой, и трупъ бродяги со ст... лянымъ взоромъ и окровавленными губами.

И всю свою жизнь студентъ Черновъ, невольный убійца, будетъ ... тоскою и слезами вспоминать роковую таежную встрѣчу. Въ тайгѣ ... иногда приходится убивать даже тому, кто самъ готовъ былъ бы ...

себя въ жертву другимъ. И кто же будетъ винить Чернова, что въ тоскѣ по своей угрожаемой молодой жизни онъ въ темнотѣ пустынной ночи убилъ того, кто хотѣлъ его убить? Никто не обвинитъ его за это,—никто, кромѣ него самого...

Г-жа О. Рунова не безъ сгущенія сатирическихъ красокъ, но все же тепло и умѣло изображаетъ обычную драму нужды, калѣчащей и унижающей душу («Съ благотворительной цѣлью», *Образованіе,* VIII).

Александръ Ивановичъ Полозьевъ вотъ уже двѣ зимы, двѣ мучительныя зимы, живетъ съ семьей въ Петербургѣ, куда онъ переѣхалъ изъ провинціи, чтобы учиться пѣнію. У него прекрасный голосъ, и впереди у него, быть можетъ, свѣтлое будущее. Но покамѣстъ онъ живетъ на очень скудныя случайныя средства, и въ сырой квартирѣ, за которую еще не заплачено, такъ что приходится заискивать у старшаго дворника,—въ сырой квартирѣ давно уже поселился не призракъ нищеты, а поселилась реальная нищета. Плачутъ дѣти и поблекла жена, когда-то жизнерадостная. Она шутя называла себя министромъ финансовъ. Она уже замѣнила свою мѣдную посуду жестяной, хорошенькое платье, сшитое къ свадьбѣ,—дешевой шевіотовой юбкой, пухъ въ подушкахъ—дранымъ перомъ.

Въ одну изъ самыхъ горькихъ минутъ унынія и острой бѣдности, въ сырую квартиру Полозьева явились двѣ дамы-филантропки и пригласили его принять участіе въ благотворительномъ концертѣ. Онъ согласился, но поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ему дали за это 25 рублей (какъ ни заискивай у старшаго дворника, а надо ему заплатить за квартиру). Дамы отвѣтили: «О, неужели? Мы посмотримъ, увидимъ. Если хорошій сборъ». И надѣлъ бѣлый галстукъ Полозьевъ, и въ присланной каретѣ поѣхалъ въ концертъ. На пути, въ каретѣ, мчавшейся между электрическими фонарями, которые желтѣли, не отбрасывая лучей, тоскливое чувство одиночества и отчужденности все сильнѣе и сильнѣе проникало въ душу молодого человѣка.

Въ артистической Полозьевъ нашелъ блестящее общество (авторъ даетъ здѣсь яркіе жанровые штрихи), нашелъ богато сервированный столъ закусокъ, и онѣ возбудили въ немъ «аппетитъ человѣка, цѣлый мѣсяцъ питавшагося только супомъ съ кускомъ вареной говядины». Но онъ ничего не сталъ ѣсть, какъ бы на зло сытому обществу благотворителей. Когда пришла его очередь пѣть, онъ въ глубокомъ волненіи, въ страхѣ потерять голосъ, вышелъ на эстраду и запѣлъ такъ, что голосъ его звенѣлъ «силой, страстью, сладкой тоскою, нѣгою молодой любви и ожиданья». Онъ очаровалъ публику и много выслушалъ похвалъ, но изъ участниковъ концерта, изъ другихъ артистовъ, поздравилъ его только одинъ. И скоро заговорили уже о другомъ, не о его пѣньи, и Полозьевъ, нуждавшійся теперь въ похвалахъ, какъ въ воздухѣ, опять почувствовалъ уныніе, и ему хотѣлось поскорѣе получить деньги и уѣхать домой, къ женѣ. Но денегъ ему все не давали. Онъ видѣлъ, какъ въ гофрированную бумажную корзиночку изъ-подъ конфетъ положили нѣсколько золотыхъ и

отдали ее знаменитому разсказчику. Но когда Полозьевъ въ опустѣ
артистической подошелъ къ благотворительницамъ и напомнилъ о и
гахъ, ему отвѣтили: «Деньги? Но какія? Вѣдь вы обѣщали пѣть дар
Нѣтъ, молодой человѣкъ, пожалѣйте насъ. И такъ выручка ничтожна
Полозьевъ долженъ былъ пожалѣть. И возвращаясь домой на извоз
(кареты уже ему не дали), онъ думалъ, что

жизнь для него уже вся кончена. Онъ лежитъ глубоко на днѣ въ темной ямѣ, о
женный неприступными, голыми стѣнами. Гдѣ-то наверху идетъ и мимо прохо
шумная, жизнерадостная молодость, блестящая, буйная, могучая жизнь, а онъ
житъ глубоко внизу, раздавленный, погибшій... Въ узкомъ длинномъ переулкѣ
кой-то скорчившійся человѣкъ безнадежно, медленно идетъ по тротуару. И А
ксандру Ивановичу представлялось, что это онъ, онъ самъ, голодный, съ ост
болью одиночества въ груди, всѣмъ чуждый, идетъ мимо глухихъ, неумолимых
мовъ по уходящему въ мракъ узкому, безконечному переулку.

Дворникъ отперъ Полозьеву калитку, и Полозьевъ далъ ему за
послѣднія десять копеекъ. Людмила Кирилловна отворила дверь и, вз
нувъ на мужа, сразу поняла все происшедшее. Плакалъ ребенокъ
ночью приходили къ Александру Ивановичу дурныя мысли и чувства.

Онъ ненавидѣлъ ворочающуюся около него истощенную, безобразную жен
ненавидѣлъ противныхъ, дурно пахнущихъ уродцевъ, отравившихъ ему жизнь. Р
не они, эта женщина и эти отвратительные уродцы, испортили ему всю жизнь,
ли въ другихъ уваженіе къ нему, а въ немъ самомъ убили вѣру въ себя, сд
изъ него, свободнаго, гордаго, талантливаго, какое-то жалкое, пресмыкающее
щество... Минутами онъ вспоминалъ, какъ онъ пѣлъ, аплодисменты, чей-то
дой голосъ, кричавшій „браво“, а жизнь горячими толчками приливала къ сер
но не давала ему ни забвенья, ни счастья...

Въ комнатѣ стоялъ тяжелый запахъ отъ дешевой лампочки и грязныхъ
нокъ; стѣны дышали удушливой сыростью. Минуты ползли другъ за другомъ, бе
нечныя, холодныя, отравленныя...

А.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Значеніе въ народной жизни начальнаго образованія.—Проектъ А. Н. Куломзина о доступности начальной школы.—Равноправность земскихъ и церковно-приходскихъ школъ.—Отсутствіе въ русской жизни клерикализма.—Дѣятельность по начальному образованію земства и частныхъ обществъ.—Отношеніе къ послѣднимъ учебной администраціи.—Назначеніе министромъ внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго и соединенныя съ этимъ назначеніемъ надежды.

Есть старинный анекдотъ о греческомъ философѣ Аристиппѣ: одинъ богатый человѣкъ хотѣлъ отдать ему въ обученіе своего сына; Аристиппъ потребовалъ съ него за обученіе пятьсотъ драхмъ. Помилуй, возразилъ отецъ ученика, да за такую цѣну я могу купить себѣ раба. Сдѣлай такъ, отвѣчалъ Аристиппъ, и у тебя ихъ будетъ два. Этотъ разсказъ приходитъ намъ теперь на память по поводу разсужденій, съ которыми нерѣдко приходится встрѣчаться и въ печати, а еще болѣе въ земскихъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ, когда въ нихъ заходитъ рѣчь о производительности расходовъ на народное образованіе. Нерѣдко при этомъ высказываются возраженія въ томъ смыслѣ, что голоднаго книгой не накормишь и что нужно прежде всего озаботиться о сносномъ матеріальномъ положеніи большинства народа, безъ котораго всякія школы являются для него непосильною роскошью. Но при этихъ возраженіяхъ, въ которыхъ есть, впрочемъ, своя доля основательности, не принимается въ разсчетъ того обстоятельства, что всякія мѣропріятія, направленныя къ улучшенію матеріальнаго благосостоянія народной массы, лишь тогда могутъ достичь своей цѣли, когда самая эта масса является не пассивнымъ объектомъ этихъ мѣропріятій, а источникомъ свободной, самостоятельной иниціативы, для которой всѣ правительственныя и общественныя мѣры должны лишь создавать наиболѣе благопріятныя условія. А для этого необходима извѣстная степень общей образованности, которая, конечно, дается не одною книжнымъ и школьнымъ обученіемъ, но и практикой всей жизни, находящейся въ зависимости отъ существующихъ въ данное время у народа основъ и формъ общественности. Тѣмъ не менѣе, школьное обра-

зованіе, далеко не заключая въ себѣ всей цивилизаціи, составляетъ первую и необходимую ступень къ ея достиженію, а слѣдовательно и къ достиженію того основного условія, при которомъ возможнымъ становится проявленіе народомъ самостоятельной иниціативы и энергіи, необходимой для поднятія его матеріальнаго благосостоянія. Можетъ быть «народы дикіе», по словамъ Карамзина, и «любятъ независимость», но въ условіяхъ государственной жизни, обладающей хотя бы внѣшними формами цивилизаціи, безграмотный, необразованный человѣкъ, какъ вѣрно указалъ Аристиппъ, всегда будетъ рабомъ всѣхъ какъ природныхъ, такъ и общественныхъ условій, его окружающихъ. Къ сожалѣнію, это соображеніе часто вовсе теряется изъ виду, и о значеніи школьнаго обученія разсуждаютъ такъ, какъ будто бы оно составляло нѣчто самодовлѣющее, а не входило какъ необходимый элементъ въ общій строй цивилизованной жизни. Вслѣдствіе этого значеніе его цѣнится недостаточно высоко и оно ставится наравнѣ и даже ниже другихъ потребностей, занимающихъ гораздо меньшее мѣсто въ жизни общества. Мы нерѣдко видимъ, что при пересмотрѣ высшими правительственными учрежденіями земскихъ смѣтъ, превысившихъ трехпроцентную норму, исключаются изъ смѣтъ статьи, именно относящіяся къ народному образованію. Такъ, наприм., курскимъ губернскимъ собраніемъ послѣдней очередной сессіи раскладка губернскаго сбора на 1904 годъ была утверждена съ превышеніемъ противъ раскладки 1903 г. на 32%. Въ виду такого значительнаго превышенія нормы, смѣта была представлена губернской администраціей на усмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, которыя уменьшили ее на 85 тыс. руб. Сумма эта составилась главнымъ образомъ изъ трехъ статей: 22 тыс. на введеніе санитарной организаціи, 36 тыс. на добавочное вознагражденіе народнымъ учителямъ и 25 тыс. на выдачу безвозвратныхъ пособій на постройки школъ. Такимъ образомъ три четверти расходовъ, признанныхъ наименѣе нужными, относятся къ области народнаго образованія. Несмотря однако на такія неблагопріятныя условія, даже и въ настоящую трудную пору, когда и вниманіе, и средства невольно обращаются главнымъ образомъ на войну, земство не прекращаетъ своихъ заботъ о народномъ образованіи. Доказательствомъ этому можетъ служить, наприм., постановленіе чрезвычайнаго орловскаго губернскаго земскаго собранія, которое, разсмотрѣвъ докладъ коммиссіи о разработкѣ школьной сѣти, поручило управѣ ходатайствовать передъ правительствомъ о выдачѣ земству ссуды въ милліонъ рублей съ уплатою въ 50,000 рублей ежегодно, или о разрѣшеніи облигаціоннаго займа губернскаго земства на нужды народнаго образованія съ пріобрѣтеніемъ облигацій по номинальной ихъ стоимости на милліонъ рублей государственною сберегательною кассою. Въ томъ и другомъ случаѣ уплата долга обезпечивается всѣмъ имуществомъ земства. Главной задачей, къ достиженію которой стремится земство въ дѣлѣ народнаго образованія, продолжаетъ оставаться общедоступность начальной народной школы. Этимъ вопросомъ особенно занято было въ послѣднее время и

ское губернское земство. Съ этою цѣлью оно рѣшило принять на счетъ губернскаго земскаго сбора одну треть всѣхъ расходовъ уѣздныхъ земствъ на народное образованіе. Въ то же время оно занялось изысканіемъ способовъ устройства болѣе дешевой начальной школы и вмѣстѣ съ тѣмъ введеніемъ въ нее болѣе широкой общеобразовательной программы. Приступая къ исполненію своего плана, херсонское земство обратилось къ другимъ земствамъ съ просьбой сообщить, что предпринято ими въ этомъ направленіи и вообще доставить всѣ имѣющіяся данныя, относящіяся къ вопросу о всеобщемъ обученіи. Надо надѣяться, что такого рода сношеніямъ земствъ не будетъ поставлено препятствій и что такимъ образомъ въ рукахъ херсонскаго земства окажутся въ высшей степени интересныя и имѣющія практическое значеніе свѣдѣнія по данному вопросу. Изъ газетныхъ сообщеній извѣстно, что смоленскою губернскою земскою управой созывалось совѣщаніе для обсужденія всего строя начальнаго народнаго образованія въ губерніи. Изъ неземскихъ губерній вопросъ объ общедоступности народнаго образованія обсуждался въ Подольской губерніи, гдѣ въ концѣ іюня происходилъ съѣздъ инспекторовъ народныхъ училищъ этой губерніи подъ предсѣдательствомъ директора народныхъ училищъ и при участіи предсѣдателя губернской земской управы. Признавая необходимымъ сдѣлать школу доступною для всѣхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ, съѣздъ принялъ за основной типъ школы одноклассную трехгодичную министерства народнаго просвѣщенія, сохранивъ на-ряду съ нею и церковно-приходскую; школы же грамоты рѣшено закрыть или преобразовать въ церковно-приходскія. Школы должны имѣть свои помѣщенія въ селеніяхъ на 60, въ городахъ на 120 человѣкъ. Для осуществленія въ теченіе 15 лѣтъ проектированной сѣти школъ, которой бы достигалась общедоступность обученія, потребуется въ теченіе этого времени ежегодно расходовать единовременно на устройство школъ 574,733 руб. и постоянно на содержаніе ихъ 130,848 р. (?). Эта сумма можетъ быть получена изъ трехъ источниковъ: отъ государства, земства и сельскихъ обществъ. Для обезпеченія школамъ хорошаго преподавательскаго персонала необходимо, по мнѣнію съѣзда, открыть въ губерніи учительскую семинарію. Повидимому, мысль о необходимости общедоступнаго народнаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о болѣе активномъ содѣйствіи правительства достиженію этой цѣли получаетъ право гражданства и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Это доказывается вышедшей въ этомъ году книгой члена государственнаго сов-ѣта А. Н. Куломзина «Доступность начальной школы въ Россіи». Книга эт , принадлежащая извѣстному государственному дѣятелю, издана по распоряженію предсѣдателя особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Поэтому не лишено будетъ основанія предположеніе, что содержаніе ея въ извѣстной степени выражаетъ собою взгляды на данный предметъ, существующіе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Авторъ начинаетъ во введеніи съ указанія на Высочайшія резолюціи Государя Императора. Съ самаго перваго времени послѣ вступленія на престолъ Го-

сударю угодно было обратить самое серьезное вниманіе министра народнаго просвѣщенія на недостаточность числа школъ и положить резолюцію: «Слѣдуетъ придти на помощь населенію въ этомъ насущномъ для него вопросѣ». Отвергнувъ идею введенія обязательнаго обученія, какъ преждевременную, Государь отмѣтилъ на отчетѣ смоленскаго губернатора о томъ, что мѣстнымъ губернскимъ земствомъ выработанъ планъ школьной сѣти, могущей обезпечить доступность школьнаго обученія возможно большему числу дѣтей школьнаго возраста: «и это совершенно достаточно». Въ то же время Государь Императоръ призналъ «неоспоримой» мысль о томъ, что правительственная школа на окраинахъ есть могущественное орудіе объединенія разноплеменнаго и разновѣрнаго населенія, подтвердивъ ее резолюціей на отчетѣ ковенскаго губернатора, указывавшаго на это значеніе школы: «Повторяю, не слѣдуетъ жалѣть средствъ для достиженія столь важныхъ политическихъ цѣлей». Затѣмъ неоднократно на всеподданнѣйшихъ отчетахъ губернаторовъ о распространеніи путемъ народной школы ремесленныхъ и сельско-хозяйственныхъ знаній, Государемъ Императоромъ были даны указанія такого рода: «побольше ремесленнаго образованія» (на отчетѣ нижегородскаго губернатора за 1901 г.) «это вполнѣ и Мой взглядъ» (на отчетѣ с.-петербургскаго губернатора за 1895 г., въ которомъ сказано, что практической пользы отъ увеличенія числа начальныхъ училищъ можно ожидать лишь при обученіи дѣтей ремесламъ и мастерствамъ, приноровленнымъ къ мѣстнымъ нуждамъ). Наконецъ, заявленіе курскаго губернатора въ отчетѣ за 1896 г. о высказываемомъ крестьянами желаніи, чтобы ихъ дѣти выносили изъ начальной школы знаніе нужныхъ въ крестьянскомъ быту ремеслъ, вызвало замѣчаніе Его Величества: «сколько разъ я уже настаивалъ на этомъ».

Переходя къ историческому очерку сдѣланнаго по начальному образованію въ теченіе настоящаго царствованія, авторъ указываетъ, что за это время ежегодныя ассигнованія земствъ возвысились съ 7.648,140 рублей (въ 1895 г.) до 14.096,800 рублей (въ 1902 г.). Ежегодные же расходы казны на тотъ же предметъ по вѣдомствамъ: министерства народнаго просвѣщенія и духовному увеличились на 15.700,386 руб. Число начальныхъ училищъ съ 1894 г. до 1902 г. обоихъ вѣдомствъ, министерства народнаго просвѣщенія (со включеніемъ земскихъ) и св. синода увеличилось съ 61,076 до 91,129, а число учащихся съ 2.918,152 до 4.996,381, т. е. на 2.078,129, или на 71%. Но возрастаніе это въ различныхъ даже иногда сосѣднихъ мѣстностяхъ шло крайне неравномѣрно. Изъ приложенныхъ къ книгѣ таблицъ видно, что всеобщее обученіе достигнуто лишь въ двухъ уѣздахъ изъ всѣхъ 34 земскихъ губерній, въ С.-Петербургскомъ, гдѣ процентъ учащихся къ общему числу дѣтей школьнаго возраста равняется 100, и Камышинскомъ, гдѣ онъ достигаетъ 99%, затѣмъ выше 75% онъ въ четырехъ уѣздахъ: Аккерманскомъ (Бесс. губ.)—94%, Тверскомъ—8[illegible] Новоторжскомъ (Твер. губ.)—79% и Рыбинскомъ (Яросл. губ.)—7[illegible] На другомъ концѣ списка стоятъ уѣзды, въ которыхъ менѣе 15% у[illegible]

каковы: Сѣвскій, Трубчевскій (Орлов. губ.), Богучарскій (Вор. губ.), Темниковскій (Тамбов. губ.) и Спасскій (Казан. губ.) съ 14%, Новозыбковскій (Черниг. губ.) съ 13% и Великолуцкій (Псков. губ.) съ 11% учащихся. Мы не включили сюда тѣхъ уѣздовъ, о которыхъ свѣдѣнія въ таблицахъ не полны. Далѣе, говоря объ общихъ началахъ, положенныхъ въ основаніе проектированнаго имъ плана, авторъ не соглашается съ планомъ г. Фармаковскаго, о которомъ въ свое время было говорено въ *Русской Мысли* (кн. IX, 1903 г.), на томъ основаніи, что такимъ путемъ всеобщее начальное образованіе достигалось бы слишкомъ медленно, и затѣмъ высказываетъ нѣсколько общихъ мыслей, небезынтересныхъ въ виду авторитетнаго положенія автора. «Заколдованный кругъ бѣдности и невѣжества,—говоритъ онъ,—слѣдуетъ пробивать и съ той, и съ другой стороны, мѣрами и экономическими и просвѣтительными... Кромѣ экономической стороны вопроса, слѣдуетъ оцѣнить и политическое его значеніе. Если спорно, грамотность или невѣжество народа опаснѣе въ политическомъ отношеніи, то не можетъ быть никакого спора о томъ, что разъ народъ получаетъ грамотность, то лучше, если онъ получаетъ ее въ правильно-поставленной правительственной школѣ, а не гдѣ-нибудь случайно на сторонѣ. Между тѣмъ именно въ этомъ отношеніи у насъ нарастаетъ крупная политическая опасность; она заключается въ томъ, что грамотность растетъ у насъ быстрѣе, чѣмъ число школъ». Приведя доказательства этому, состоящія въ томъ, что по собраннымъ свѣдѣніямъ почти половина или, по крайней мѣрѣ, болѣе трети грамотныхъ получили не школьное, а домашнее образованіе, авторъ продолжаетъ: «Не говоря уже о достоинствѣ полученнаго «случайно» образованія, за пріобрѣтеніемъ знаній въ школѣ можетъ быть установленъ правильный контроль; преподаваніе соединяется здѣсь съ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ, съ изученіемъ догматовъ вѣры, въ которой родился обучаемый, даетъ ему зачатки извѣстной дисциплины ума и характера. Ничего подобнаго нельзя сказать о грамотности, проникающей помимо школы. Школа должна быть правительственная; такая она у насъ и есть. Необходимо сдѣлать ее доступной, это будетъ великой милостью; народъ, стремящійся къ школѣ, оцѣнитъ такую милость и на долго сохранитъ благодарную память о школѣ, давшей ему лучшее существованіе. На окраинахъ начальная школа облегчитъ сверхъ того сліяніе разноплеменнаго и разноязычнаго населенія съ русскимъ; здѣсь еще менѣе основаній предоставлять школу всѣмъ возможнымъ постороннимъ вліяніямъ.»

Мы далеко не вполнѣ согласны съ изложенной здѣсь точкой зрѣнія на значеніе школы, такъ какъ полагаемъ, что, несмотря на всю важность государственныхъ задачъ, народное образованіе имѣетъ еще болѣе важную самодовлѣющую, общечеловѣческую задачу, которая не должна быть подчиняема политическимъ цѣлямъ. Поэтому мы не можемъ до такой степени отрицательно относиться ко всякаго рода обученію, возникающему хотя бы и внѣ правительственнаго вліянія, лишь бы такія самостоятельныя попытки народа къ самообразованію достигали общей задачи всякаго

образованія: возвышенія умственнаго и нравственнаго уровня чело
для чего существуетъ не одинъ путь, составляющій привилегію госуд
ства, а множество разнообразныхъ путей. Но мы тѣмъ болѣе счит
нужнымъ констатировать тотъ въ высшей степени важный фактъ, что в
настоящее время общедоступность школы является необходимой съ т
другой точки зрѣнія. Требованіе образованія такъ неудержимо развива
въ народѣ, что вопросъ теперь можетъ быть уже не о томъ, будетъ л
это требованіе удовлетворено или нѣтъ, а лишь о томъ, какимъ путе
оно будетъ удовлетворено; возьметъ ли его удовлетвореніе въ свои р
правительство, или оно будетъ предоставлено свободному почину са
народа, причемъ, конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣлу образова
можетъ быть данъ неправильный и нецѣлесообразный ходъ, неправильн
вообще или только съ государственной точки зрѣнія.

Самый планъ г. Куломзина заключается въ слѣдующемъ. Признавая
что школьный возрастъ въ Россіи долженъ быть опредѣленъ отъ 8 до 1
лѣтъ включительно, слѣдуетъ сдѣлать начальную школу доступною
этихъ четырехъ входящихъ въ него возрастныхъ группъ, не сокра
время школьнаго ученія до трехъ лѣтъ и не разсчитывая на мень
число въ школахъ дѣвочекъ сравнительно съ мальчиками. Дѣти отъ 8
11 лѣтъ составляютъ у насъ около 9% всего населенія или (въ гор
дахъ) нѣсколько меньше. По этимъ разсчетамъ въ 1898 г. оставшим
безъ обученія дѣтей школьнаго возраста въ Россіи было 6.563,373 ч
ловѣка, для которыхъ потребовалось бы 129,711 школъ (по 50 челов
на школу въ селеніяхъ и по 60 въ городахъ). Ежегодный приростъ насе
нія потребуетъ дополнительно еще 2,820 школъ. Нормальный школь
районъ долженъ быть принятъ въ три версты, но онъ необходимо бу
измѣняться по мѣстностямъ, въ зависимости отъ климатическихъ и др
гихъ условій, такъ что каждый уѣздъ долженъ установить свои но
для школьныхъ районовъ. За основной типъ школы не можетъ быть п
нята школа грамоты: самое большее, если она можетъ служить времен
и подсобной. Въ будущемъ должны быть сохранены два существующ
типа школъ: церковно- приходская и такъ называемая земская, то
одноклассная школа министерства народнаго просвѣщенія, состоящая
завѣдываніи училищныхъ совѣтовъ и дирекцій народныхъ училищъ. Т
другая школа—правительственная; въ той и другой преподаваніе ве
на одной общей основѣ православія и преданности Царю и отечеств
свидѣтельство объ этомъ полтавскаго губернатора въ отчетѣ за 1896
вызвало Высочайшую резолюцію: «*Въ сохраненіи этихъ началъ, с
сущихъ каждому русскому сердцу, зиждется залогъ настоящаго р
тія у насъ народныхъ массъ*». Высоко цѣня заслуги церковно-п
ской школы, Государь нѣсколько разъ указывалъ, что рука объ р
съ ней можетъ и должна развиваться школа народная (училищныхъ
вѣтовъ). «*Антагонизма въ этомъ дѣлѣ не должно быть*»—так
менательныя слова Государя, начертанныя на отчетѣ кутаисскаго

натора за 1898 г.; по отчету акмолинскаго военнаго губернатора за 1898 годъ Его Императорскому Величеству благоугодно было указать, что «*несомнѣнно нужны обѣ школы*». Указавъ на то, что стоимость церковныхъ школъ приближается къ стоимости школъ министерства народнаго просвѣщенія и на однородность задачъ тѣхъ и другихъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что вопросъ о вѣдомствѣ, къ которому будетъ принадлежать въ отдѣльныхъ случаяхъ единая по существу правительственная школа, можно считать вопросомъ второстепеннымъ. Надлежитъ лишь установить, что при всѣхъ церковныхъ приходахъ, гдѣ нѣтъ еще школы, слѣдуетъ открывать ее въ первую очередь, тамъ же, гдѣ церковная школа открывается въ селеніи, гдѣ есть уже школа училищнаго совѣта,—первая должна преимущественно имѣть въ виду обученіе дѣвочекъ. Въ мѣстностяхъ съ иновѣрнымъ и иноплеменнымъ населеніемъ, «правительственная школа должна вытѣснить всѣ тайныя школы и перетянуть къ себѣ весь контингентъ дѣтей, обучающихся въ подобныхъ школахъ. Этой цѣли русская правительственная школа скорѣе достигнетъ, дѣйствуя на окраинахъ *подъ именемъ* (курсивъ автора) министерской, а не церковно-приходской школы. Для дружнаго и равномѣрнаго развитія церковно-приходскихъ и министерскихъ школъ слѣдовало бы установить, что кредиты вновь отпускаемые изъ государственнаго казначейства на усиленіе средствъ начальнаго образованія должны поровну распредѣляться между обоими вѣдомствами, съ той лишь оговоркой, что впослѣдствіи, когда будутъ использованы для школьнаго дѣла всѣ церкви, то распредѣленіе надо будетъ производить соображаясь съ возможностью открытія тѣхъ и другихъ новыхъ школъ. Общеобразовательная программа начальныхъ школъ, по мнѣнію автора, можетъ быть оставлена безъ измѣненія не потому, чтобы она была совершенна, но потому, что «увеличеніе количества школъ въ настоящее время составляетъ болѣе насущную нужду, нежели усовершенствованіе ихъ качества». Относительно преподаванія ремеслъ и сельско-хозяйственной техники, авторъ, согласно съ особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности полагаетъ, что въ этомъ дѣлѣ не малую роль могутъ сыграть общеобразовательныя начальныя школы. Необходимо только, чтобы это преподаваніе было отдѣлено отъ обученія грамотѣ и составило особый дополнительный курсъ начальной школы. Тогда не будетъ уже основанія для опасеній, высказанныхъ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ комитетовъ о сельско-хозяйственной промышленности, что обученіе мастерству только отниметъ время у занятій общеобразовательныхъ и само по себѣ окажется призрачнымъ. Переходя къ финансовымъ разсчетамъ и сводя итоги плана, авторъ предлагаетъ слѣдующее распредѣленіе всего необходимаго для обезпеченія доступности школы расхода. Предстоитъ расходовать на содержаніе дополнительной сѣти школъ 3.899,542 р., на школы ежегодно открываемыя для прироста или на дополнительные ремесленные классы за все время постепеннаго осуществленія плана 26.607,540 р., на инспекцію и учащихъ 4.984,231 р., итого

110.481,313 руб. Расходъ этотъ предполагается распредѣлить такъ: из государственнаго казначейства по двумъ вѣдомствамъ св. синода и нн. народн. просв. 41.048,813 р., отъ земствъ 34 губерній—20.325,000 р., изъ земскихъ сборовъ въ другихъ губерніяхъ—11.878,686 р., отъ сельскихъ обществъ—18.783,805 р., отъ городскихъ обществъ—9.325,810 р. и отъ частныхъ пожертвованій—9.129,199 руб. Послѣдняя цифра уменьшена слишкомъ на 4 милл. противъ существующей въ настоящее время. Сроки, въ теченіе которыхъ школьная сѣть будетъ доведена до нормальныхъ размѣровъ предполагаются слѣдующіе: для городовъ вездѣ 10 лѣтъ, для селеній Европейской Россіи—15 л., Сибири и Кавказа—20 л. и Средней Азіи—25 л. Теченіе сроковъ должно начаться для всѣхъ районовъ одновременно, а не такъ, чтобы закончивъ полную сѣть въ одной мѣстности, переходить въ другую (какъ это предполагалось въ проектѣ г. Фармаковскаго).

Мы остановились довольно долго на изложеніи проекта г. Куломзина, съ одной стороны, въ виду возможности полученія имъ и практическаго осуществленія. Имѣются свѣдѣнія, что проектъ этотъ обсуждается уже въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ виду чего собираются свѣдѣнія. Такъ, въ курской губернской земской управѣ отъ министерства черезъ мѣстнаго директора народныхъ училищъ полученъ запросъ о доступности народной школы въ губерніи. Спрашиваются свѣдѣнія о наличности образовательныхъ средствъ и источниковъ содержанія школъ въ каждомъ уѣздѣ къ 1 января 1904 г.; основанныя на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ предположенія о числѣ школъ подлежащихъ открытію въ каждомъ уѣздѣ для достиженія общедоступности начальнаго образованія; наконецъ, соображенія о срокахъ, въ какіе предположенныя школы могли бы быть открыты и о средствахъ, какія для этого потребовались бы, съ указаніемъ ихъ источниковъ. По послѣднимъ извѣстіямъ подольскій губернскій комитетъ по дѣламъ сельскаго хозяйства принялъ для Подольской губерніи школьную организацію, на которой, повидимому, отразилось отчасти вліяніе проекта г. Куломзина. Рѣшено открыть въ 1905 г. въ каждой волости 153 начальныхъ училища министерства народнаго просвѣщенія и на постройку и содержаніе ихъ внести въ смѣту 170,000 р. и ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о внесеніи въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія такой же суммы на образовательныя нужды губерніи; ходатайствовать о распространеніи на земскія учрежденія Подольской губерніи правъ, даваемыхъ земству центральныхъ губерній Положеніемъ 25 мая 1879 г. о народныхъ училищахъ и объ открытіи въ нихъ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ; ходатайствовать объ установленіи правила, чтобы въ селахъ, гдѣ есть и министерскія, и церковно-приходскія школы, послѣднія принимали бы только дѣвочекъ, а первыя вовсе не принимали бы дѣвочекъ православнаго исповѣданія. Открытіе школъ министерскихъ при наличности церковно-приходскихъ допускать только въ мѣстностяхъ съ населеніемъ болѣе 1,200 душъ. Въ число членовъ

хіальнаго училищнаго совѣта и уѣздныхъ его отдѣленій должны входить два члена по представленію губернскихъ и уѣздныхъ управъ; наконецъ, губернской и уѣзднымъ управамъ долженъ сообщаться отчетъ о церковно-приходскихъ школахъ.

Съ другой стороны, проектъ г. Куломзина заслуживаетъ полнаго вниманія и по существу. Въ немъ особенно важно признаніе равноправности школъ церковныхъ и вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ тѣ и другія одинаково должны служить правительственнымъ цѣлямъ. На дѣлѣ церковныя школы въ послѣднее время пользовались, повидимому, особымъ покровительствомъ и особой репутаціей благонамѣренности, вслѣдствіе которой онѣ иногда выставлялись въ качествѣ какъ бы противовѣса вредному будто бы вліянію земскихъ школъ. Бывали случаи, когда земскіе начальники и другія мѣстныя власти усиленно пропагандировали въ населеніи превосходство церковныхъ школъ передъ земскими и составленіе приговоровъ о переносѣ денежнаго вспомоществованія сельскихъ обществъ съ послѣднихъ на первыя. Извѣстно, что отчасти на этой почвѣ разыгрался тверской инцидентъ, причемъ въ обвиненіе тверскому губернскому земству было поставлено высказанное имъ неодобреніе передачи тверскимъ уѣзднымъ земствомъ своихъ школъ духовному вѣдомству. Бывали случаи губернаторскихъ протестовъ на постановленія земскихъ собраній о прекращеніи земской субсидіи церковнымъ школамъ, хотя, кажется, никогда не было протеста на уменьшеніе ассигновки на земскія школы. На-дняхъ одинъ изъ такихъ протестовъ, именно на постановленіе новгородскаго губернскаго собранія, присоединившагося къ рѣшенію старорусскаго земскаго собранія о прекращеніи выдачи церковно-приходскимъ школамъ 4,700 р., получилъ разрѣшеніе благопріятное для земства, но лишь потому, что главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства признало, что постановленіе собранія было вызвано стѣсненнымъ положеніемъ земства и заботой объ интересахъ мѣстнаго населенія, экономическое положеніе котораго подорвано неурожаями послѣднихъ лѣтъ. Епархіальное начальство, въ завѣдываніи котораго находились церковныя школы, тоже далеко не всегда склонно было идти рука объ руку съ земствомъ въ школьномъ дѣлѣ. Такъ, весной нынѣшняго года херсонскій епархіальный училищный совѣтъ воспретилъ уѣзднымъ отдѣленіямъ своимъ выдавать земскимъ управамъ свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ, до того времени сообщавшіяся по выработаннымъ земствомъ программамъ.

Наши quasi-охранительные органы печати по своему обычаю, конечно, раздували обострившіяся отношенія между земствомъ и церковными школами. Такъ, наприм., кн. Мещерскій выражался по этому поводу такъ: «Народу по рѣшенію правительствующаго сената насильно навязываютъ земскія школы, и дѣти его, какъ во Франціи при Комбѣ, изгоняются изъ церковныхъ школъ». Рѣшеніе сената, о которомъ шла рѣчь въ данномъ случаѣ, состояло въ слѣдующемъ: чернское (Тульской губерніи) уѣздное земское собраніе постановило о передачѣ всѣхъ земскихъ школъ Чернскаго уѣзда

въ епархіальное вѣдомство съ субсидіей отъ земства въ 6,000 р. Постановленіе это было обжаловано уѣзднымъ предводителемъ дворянства и директоромъ народныхъ училищъ губернскому по земскимъ дѣламъ присутствію, которое оставило жалобу безъ послѣдствій. Затѣмъ по жалобѣ тѣхъ же лицъ дѣло перешло въ сенатъ, который отмѣнилъ постановленіе присутствія, высказавши въ руководство ему, что, хотя земскія учрежденія не лишены права прекращать свои ассигновки на содержаніе школъ, а потому постановленіе собранія, поскольку оно касалось прекращенія ассигновки на земскія школы и назначенія пособія церковно-приходскимъ школамъ, не выходитъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти; но самая передача земскихъ школъ въ епархіальное вѣдомство могла бы состояться лишь по предварительномъ соглашеніи съ училищнымъ совѣтомъ, чего въ данномъ случаѣ не было. Кромѣ того многія изъ школъ Черняского уѣзда содержатся не исключительно на средства земства, а отчасти на средства сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ и передача ихъ могла бы состояться лишь съ ихъ согласія. Вообще по разъясненіи сената земство могло бы отказаться лишь отъ содержанія тѣхъ школъ, по отношенію къ которымъ имъ не было принято на себя какихъ-либо обязательствъ.

Какъ можно было увидѣть въ такомъ разъясненіи, даже не отрицающемъ права земства на передачу своихъ школъ въ епархіальное вѣдомство, но лишь требующемъ при этомъ соблюденія общегражданскихъ правъ третьихъ лицъ, что-либо сходное съ антиклерикальной борьбой, происходящей во Франціи; и далѣе, почему земскія школы навязываются народу, а церковныя не навязываются и почему существованіе земскихъ школъ должно признаваться равносильнымъ изгнанію крестьянскихъ дѣтей изъ школъ церковныхъ, про это знаетъ, конечно, одинъ князь Мещерскій. Но такъ какъ существуетъ предположеніе, или, можетъ быть, предразсудокъ, что мнѣнія князя Мещерскаго пользуются значеніемъ въ высшихъ сферахъ—предположеніе, подтверждаемое, впрочемъ, рекомендаціей и разсылкой изданій его черезъ офиціальныхъ и должностныхъ лицъ,—то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они имѣли долю вліянія на возникновеніе въ обществѣ опасеній относительно развивающагося у насъ за послѣднее время «клерикализма», который будто бы вліяетъ и на высшую администрацію, вслѣдствіе чего въ обществѣ одно время ходили даже слухи о намѣреніи правительства передать завѣдываніе всѣми земскими школами въ духовное вѣдомство. Слухи эти однако были рѣшительно опровергнуты указаніемъ, исходящимъ отъ самой верховной власти. Именно, на всеподданнѣйшемъ адресѣ харьковскаго дворянства по поводу выраженныхъ въ этомъ адресѣ опасеній, что съ преобразованіемъ мѣстнаго управленія дворянство, призванное державною волею своихъ государей стоять на стражѣ народнаго образованія, можетъ утратить прежнее въ семъ отношеніи значеніе, Государю Императору благоугодно было въ 9 день апрѣля собственноручно начертать: «Высказанныя въ адресѣ опасенія ни на чемъ не основаны. Народной школѣ слѣдуетъ быть подъ дѣятельнымъ [illegible]

ствомъ государственной власти, но лучшіе мѣстные люди съ дворянствомъ во главѣ должны попрежнему сохранить о ней сердечное попеченіе».

Мы всегда думали, что никакого клерикализма у насъ не существуетъ, и по условіямъ нашей государственной и общественной жизни и быть не можетъ, такъ какъ наша церковь не имѣетъ никакихъ особыхъ своихъ задачъ, которыя бы шли вразрѣзъ съ задачами свѣтскаго правительства, какъ это имѣетъ мѣсто въ католическихъ странахъ, чѣмъ и вызывается настоящая борьба во Франціи. Бываютъ, конечно, случаи, когда представители духовнаго вѣдомства какъ бы переступаютъ за черту своей обыкновенной дѣятельности, какъ, наприм., преосвященный Макарій, епископъ томскій и барнаульскій, обратившійся прошлымъ великимъ постомъ къ начальнику сибирской желѣзной дороги и другимъ начальникамъ томскихъ казенныхъ и общественныхъ учрежденій съ просьбой оказать ему содѣйствіе приглашеніемъ состоящихъ въ ихъ вѣдѣніи лицъ къ исполненію христіанскаго долга исповѣди и св. причащенія. Но въ этомъ обращеніи нельзя видѣть ничего другого, какъ формальное требованіе объ исполненіи писанаго закона, предъявляемое лицомъ, на которое возложено наблюденіе за его исполненіемъ. Несомнѣнно болѣе характерно было, произведшее тяжелое впечатлѣніе, посланіе преосвященнаго Иннокентія, епископа переяславскаго, въ которомъ онъ говоритъ: «Въ переживаемое нами тяжелое время, когда Господь Богъ явно наказуетъ за наши беззаконія, и когда сотни тысячъ русскихъ воиновъ идутъ на поле брани, полагать за насъ свои души, предаваться мірскимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ я считаю такъ же преступнымъ, какъ если бы кто рѣшился плясать и веселиться въ комнатѣ умирающаго... Всякій, кто дерзнетъ въ такое время, особенно во дни святой четыредесятницы, посѣщать театръ и другіе публичные увеселительные дома, будетъ подлежать отлученію отъ святого причащенія, и если бы кто изъ таковыхъ, несмотря на мое отлученіе, осмѣлился приступить къ принятію святыхъ таинъ, то таковой пусть вѣдаетъ, что онъ будетъ «ѣсть и пить осужденіе себѣ» (1 Коринѳ., 11 гл., 29 стр.) и будетъ подлежать проклятію». Но факты такого рода, какъ это посланіе, являются совершенно единичными и вовсе не выражаютъ собою общаго настроенія нашего духовенства. Притомъ, у насъ бываютъ и факты обратнаго характера. Такъ, наказный атаманъ войска донского по докладѣ ему свѣдѣній и заключеній начальниковъ частей о мѣрахъ къ поднятію религіозно-нравственнаго воспитанія войскъ нашелъ, что при усиленной физической работѣ, какую приходится нести нижнимъ чинамъ, соблюденіе всѣхъ постовъ понижаетъ ихъ способность къ работѣ вслѣдствіе малой питательности постной пищи, а потому, во избѣжаніе физическаго ослабленія нижнихъ чиновъ и связанныхъ съ нимъ заболѣваній, приказалъ впредь до особаго распоряженія, соблюденіе постовъ ограничить тремя недѣлями Великаго поста, 1-й, 7-й и недѣлей говѣнія. *Донская Рѣчь*, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, не упоминаетъ даже о томъ, чтобы этому распоряженію предшествовало какое-либо сношеніе съ епархіальнымъ на-

чальствомъ. Тѣмъ не менѣе въ распоряженіи наказнаго атамана
пельзя видѣть какой-нибудь «борьбы съ клерикализмомъ», а онъ
считалъ себя въ правѣ такъ поступить, руководясь исключительно
хозяйственными и гигіеническими соображеніями. И распоряженіе
сколько извѣстно, не встрѣтило возраженія ни съ чьей стороны. Въ
народнаго образованія къ такой категоріи фактовъ слѣдуетъ, какъ
кажется, отнести распоряженіе вятскаго губернатора объ исключеніи
составленнаго книжнымъ складомъ губернскаго земства «каталога
выхъ картинъ для народныхъ чтеній», цѣлаго ряда картинъ изъ
ской исторіи. Исключены: 1) Сотвореніе Евы; 2) Каинъ убиваетъ
3) Іудифь и Олоферна; 4) Іудифь показываетъ голову Олоферна; 5)
ные Іеуемъ находятъ голову, ноги и руки Іезавели, 6) чужестранны
реселенные въ Самарію, пожираются львами; 7) Навуходоносоръ умерщ
дѣтей Седекіи передъ его глазами; 8) Іисусъ-Навинъ щадитъ жизнь Р
9) смерть Авессалома; 10) плачъ Давида о смерти Авессалома; 11)
спасаетъ жизнь Давида; 12) сраженіе единоборцевъ Іевосоея и Д
13) пораженіе Давидомъ аммонитянъ; 14) дочь Іевоая ликуетъ при
чѣ отца; 15) веньямиты похищаютъ женъ въ Силомѣ; 16) Сусан
старцы; 17) оправданіе Сусанны; 18) Іеуй низвергаетъ Іезавель; 19)
Маккавей; 20) мученическая смерть старца Елеазара; 21) Астинь от
вается идти къ Артаксерксу. Исключены и многія картинки изъ р
исторіи. Мотивомъ исключенія указано то, что эти картины «не
быть полезными съ точки зрѣнія ихъ воспитательнаго значенія»;
кимъ отнесены прежде всего тѣ, которыя изображаютъ «убійства,
дуэли, единоборство, месть, злобу, гнѣвъ и вообще такіе моменты
рическихъ и бытовыхъ фактовъ, въ которыхъ обнаруживается пер
ная грубая и темная сторона человѣческой природы съ ея звѣ
пистинктами». Не возражая противъ педагогическихъ взглядовъ
губернатора по существу, мы не совсѣмъ понимаемъ, какъ согласи
кое осужденіе нѣкоторыхъ библейскихъ разсказовъ (наприм., о Ка
Авелѣ) съ требованіемъ знанія ихъ отъ учениковъ народныхъ шко
насъ во всякомъ случаѣ интересенъ тотъ фактъ, что губернаторъ сч
себя въ правѣ запрещать сообщеніе этихъ разсказовъ, нисколь
стѣсняясь тѣмъ, что они находятся въ библіи. Всѣ подобные фак
казываютъ, какъ намъ кажется, отсутствіе въ нашей администраціи
либо клерикальной тенденціи. Мы не видимъ ея и въ такихъ фа
какъ исключеніе въ прошломъ году изъ земскихъ школъ въ Од
уѣздѣ по требованію учебной администраціи дѣтей штундистовъ. В
объ этомъ былъ возбужденъ въ одесскомъ земствѣ, причемъ предво
дворянства Одесскаго уѣзда В. В. Якунинъ весьма основательно ука
на то, что, согласно разъясненію министра внутреннихъ дѣлъ, пр
ванію подлежатъ не всякіе штундисты, а лишь тѣ, въ основаніи
которыхъ лежитъ отрицаніе властей. А такъ какъ въ Одесскомъ
штундисты напротивъ изъявляютъ готовность подчиняться всѣмъ

аніямъ начальствующихъ лицъ и вообще не обнаруживаютъ никакихъ ротивогосударственныхъ стремленій, а отличаются отъ прочаго населенія ишь своими воззрѣніями чисто религіознаго характера, то и не должно ыть препятствій къ обученію дѣтей штундистовъ въ общихъ народ-ыхъ школахъ. И дѣйствительно, въ іюльскомъ циркулярѣ по одес-кому учебному округу напечатано было распоряженіе министерства на-роднаго просвѣщенія о томъ, что дѣти крестьянъ штундистовъ нѣкоторыхъ еревень Одесскаго и Елисаветградскаго уѣздовъ допускаются къ обученію ъ мѣстныхъ земскихъ школахъ съ тѣмъ, чтобы они наравнѣ съ про-ими учениками учились закону Божію, церковно-славянскому чтенію и церковному пѣнію, и чтобы съ ихъ стороны не было допускаемо никакихъ проявленій неуважительнаго отношенія къ предметамъ вѣры и почитанія равославныхъ. Никакого особаго вліянія духовенства нельзя видѣть і въ покровительствѣ, оказываемомъ правительствомъ церковно-приход-кимъ школамъ. Въ большинствѣ случаевъ наше духовенство вовсе и не проявляло особаго усердія къ открытію церковныхъ школъ, что является совершенно понятнымъ, если принять во вниманіе, какъ мало остается у него свободнаго времени отъ своихъ непосредственныхъ обязанностей по ыполненію церковныхъ требъ и своихъ хозяйственныхъ дѣлъ. Обыкно-венно открытіе священникомъ церковно-приходской школы было результа-томъ или требованія епархіальнаго начальства, или желанія доставить мѣсто учителя своему сыну, дочери или родственнику. Всего же менѣе наше духовенство видѣло въ церковныхъ школахъ, подобно, наприм., французскому католическому духовенству, орудія для своихъ собственныхъ церковныхъ цѣлей, отличныхъ отъ цѣлей государства, а иногда имъ даже противоположныхъ. Съ другой стороны, и правительство субсидировало церковно-приходскія школы и оказывало имъ свое покровительство не по-тому, чтобы оно подпало вліянію духовенства, а потому, что по своему мнѣнію оно находило ихъ соотвѣтствующими тѣмъ требованіямъ началь-наго образованія, которыя само правительство признавало достаточными, а также и потому, что оно болѣе довѣряло имъ, чѣмъ земскимъ школамъ, въ которыхъ оно, несмотря на усиленный надзоръ со стороны представи-телей министерства народнаго просвѣщенія, повидимому, допускало боль-шую возможность проявленія тенденцій, несогласныхъ съ его видами. Мы не думаемъ, чтобы такія опасенія были основательны и чтобы церковно-приходскія школы были больше, чѣмъ земскія ограждены отъ такого рода случайностей; но если бы такого рода соображенія и играли какую-нибудь роль въ предпочтеніи, оказываемомъ церковно-приходскимъ школамъ, то во всякомъ случаѣ «клерикализмъ» тутъ былъ не причемъ. Правительство относилось къ духовенству приблизительно такъ же, какъ оно относится въ послѣднее время и ко всему обществу. Это то отношеніе, сущность кото-раго очень хорошо, какъ намъ кажется, выражена въ газетѣ *Восточное Обозрѣніе*, гдѣ по поводу изданныхъ въ нынѣшнемъ году правилъ о книж-ныхъ складахъ и народныхъ библіотекахъ говорится слѣдующее: «правила

стремятся привлечь къ пассивному участію въ этомъ дѣлѣ общественныя учрежденія и частныхъ лицъ,—точнѣе ихъ средства,—но въ бюрократической обстановкѣ и безъ активнаго участія въ самомъ веденіи этого дѣла. Это то начало, которымъ проникнуты всѣ начинанія послѣдняго времени и смыслъ котораго—использовать силы общества въ рамкахъ бюрократіи и подъ ея исключительнымъ руководствомъ и управленіемъ». Такимъ образомъ, если правительство въ дѣлѣ народнаго образованія нашло нужнымъ обратиться преимущественно къ содѣйствію духовенства, то вѣроятно лишь потому, что послѣднее изъ всѣхъ общественныхъ элементовъ представлялось наиболѣе способнымъ быть только исполнителемъ правительственныхъ предначертаній, не внося въ ихъ выполненіе никакого самостоятельнаго направленія.

Это же самое начало—полнаго объединенія въ дѣлѣ народнаго образованія въ рукахъ правительства дѣятельности всѣхъ общественныхъ элементовъ, проведено и въ проектѣ г. Куломзина. Поскольку оно выражаетъ собою соединеніе всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и всѣхъ классовъ общества въ дружномъ усиліи, направленномъ на достиженіе общей имъ всѣмъ великой цѣли, съ распредѣленіемъ между ними тяжести этихъ усилій сообразно съ ихъ средствами, проведенію этого начала нельзя не сочувствовать. Но затѣмъ является вопросъ: на какой же почвѣ можетъ быть установлено такое дружное единеніе и какъ можно достичь единства дѣйствія и устраненія антагонизма между различными дѣятелями. Мы думаемъ, что для этого нужно, чтобы объединяющее начало было въ то же время и одухотворяющимъ началомъ. А такимъ можетъ быть, по нашему мнѣнію, только предоставленіе каждому дѣятелю по народному образованію самой широкой иниціативы, не связанной бюрократическими формами и не вгоняемой въ одну узкую, заранѣе установленную рамку. Только тогда, когда человѣкъ сознаетъ взятое имъ на себя дѣло своимъ, когда въ немъ для него осуществляются его вѣрованія, стремленія и надежды, онъ можетъ вложить въ него всю матеріальную и духовную энергію, какой онъ способенъ. Конечно, при такихъ условіяхъ и самое выполненіе дѣла, на которомъ будутъ работать много различныхъ лицъ, получитъ разнообразныя формы, но это будетъ разнообразіе жизни, при которомъ только и можетъ установиться живое единство дѣйствія. Въ противномъ случаѣ всѣ живыя силы, находящіяся въ обществѣ, не могутъ не оказаться въ противорѣчіи съ мертвящимъ началомъ бюрократическаго формализма и такимъ образомъ естественно зарождается тотъ антагонизмъ, котораго желалъ бы избѣжать г. Куломзинъ и который и по существу дѣла непріятенъ, какъ ослабляющій общую сумму энергіи, направленной на дѣло народнаго образованія.

Вѣдь въ сущности и отрицательное отношеніе нѣкоторыхъ земствъ къ церковно-приходскимъ школамъ создалось совсѣмъ не потому, что онѣ были церковныя, а потому, что большая часть ихъ были заведены не изъ искренней любви къ дѣлу, а по приказу начальства, и что въ нихъ [illegible]

лись не столько о дѣйствительномъ образованіи, сколько о формальномъ исполненіи требованій начальства; а въ то же время церковныя школы ставились въ укоръ земскимъ школамъ, въ которыхъ, несмотря на все несовершенство ихъ постановки, все же иногда пробивалась живая струя общественности. Что у земства не было никакой непріязни къ церковнымъ школамъ, открываемымъ по свободному почину священниковъ, доказывается тѣмъ, что то самое новоторжское земство, которое пріобрѣло столь невыгодную для него репутацію ультра либеральнаго, въ наиболѣе свободную пору своей дѣятельности оказывало довольно значительное пособіе церковнымъ школамъ и даже ходатайствовало о наименованіи одной изъ нихъ черенцовскою, въ честь пользовавшагося въ земствѣ особымъ уваженіемъ учредителя ея священника Черенцова.

Предоставленіе болѣе свободной иниціативы обществу и общественнымъ учрежденіямъ не можетъ, конечно, не отразиться и на матеріальной сторонѣ дѣла, т.-е. на увеличеніи тѣхъ средствъ, которыя будутъ направлены на народное образованіе. Особенно это соображеніе должно имѣть большое значеніе по отношенію къ земству, которому кромѣ естественныхъ затрудненій, обусловленныхъ недостаткомъ средствъ, происходящимъ отъ бѣдности населенія, приходится еще бороться съ искусственными затрудненіями, создаваемыми, съ одной стороны, закономъ о предѣльности обложенія, а съ другой—безчисленными формальностями и стѣсненіями, стоящими на пути всякихъ земскихъ и общественныхъ просвѣтительныхъ начинаній. Нѣкоторыя земства пытались кромѣ своихъ средствъ получить въ свое распоряженіе для нуждъ народнаго образованія другія средства. Такъ, 39-е очередное казанское губернское собраніе ходатайствовало о передачѣ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ на нужды внѣшкольнаго образованія тѣхъ суммъ, которыя ассигнуются нынѣ на попечительства о народной трезвости. На это отъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства полученъ былъ отвѣтъ, что ходатайство это министерствомъ финансовъ будетъ принято въ соображеніе при внесеніи въ государственный совѣтъ вопроса о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ устава попечительствъ въ смыслѣ передачи ихъ дѣлъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ вѣдѣніе городскихъ и земскихъ учрежденій. Частныя пожертвованія на дѣло народнаго образованія тоже не изсякаютъ, несмотря на неблагопріятныя условія настоящаго времени. Такъ, напримѣръ, недавно ярославское губернское земство получило отъ А. В. Звѣркова пожертвованіе въ 100,000 р. на устройство въ губерніи начальныхъ народныхъ училищъ и сельскохозяйственныхъ, ремесленныхъ и торговыхъ школъ. Странно, что совершенно затихли въ послѣднее время всѣ слухи о приведеніи въ исполненіе завѣщанія Г. Г. Солодовникова, оставившаго, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ около тридцати милліоновъ на дѣло народнаго образованія въ пяти губерніяхъ. Если душеприказчики Солодовникова не находятъ нужнымъ ознакомить общество съ тѣмъ, что ими сдѣлано во исполненіе завѣщанія, то, казалось бы, объ этомъ должны были позабо-

титься земства тѣхъ губерній, въ пользу которыхъ было сдѣлано столь щедрое пожертвованіе. Очень большое содѣйствіе дѣлу народнаго образованія оказываютъ частныя общества, вкладывающія въ это дѣло не только денежныя средства, но и свои заботы и трудъ. Въ числѣ этихъ обществъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ харьковское общество грамотности, существованію котораго 24 марта нынѣшняго года исполнилось 35 лѣтъ. Примѣръ его является въ высшей степени утѣшительнымъ какъ доказательство того, что даже въ нашихъ условіяхъ общественной дѣятельности многое можетъ быть достигнуто неослабѣвающей энергіей кружка людей, дѣйствующихъ въ виду постоянныхъ, ясно сознанныхъ цѣлей и пользующихся сочувствіемъ и содѣйствіемъ общественныхъ учрежденій. Результаты дѣятельности харьковскаго общества грамотности, хотя и скромные, несомнѣнно представляютъ уже не только благонамѣренныя попытки, какія у насъ сравнительно часто встрѣчаются, но нѣчто имѣющее серьезное значеніе для развитія народнаго сознанія. Мы не можемъ, конечно, здѣсь перечислить всего, сдѣланнаго харьковскимъ обществомъ; упомянемъ лишь, что въ его школахъ учится въ настоящее время свыше тысячи человѣкъ; но главныя заслуги его не столько въ устройствѣ школъ, сколько въ учрежденіяхъ, относящихся къ внѣшкольному образованію. Имъ устроено въ Харьковской губерніи до 350 сельскихъ народныхъ библіотекъ, въ которыхъ въ настоящее время имѣется до 250,000 томовъ. Важную сторону его просвѣтительной работы составляетъ также издательская его дѣятельность. Общество издало нѣсколько прекрасно составленныхъ справочныхъ книгъ по вопросамъ народнаго образованія и до 87 названій популярныхъ книгъ для чтенія, которыхъ разошлось болѣе милліона экземпляровъ. Кромѣ того, въ теченіе многихъ лѣтъ обществомъ въ нѣсколькихъ аудиторіяхъ устраиваются воскресныя чтенія для народа, привлекающія десятки тысячъ слушателей, а въ прошломъ году имъ открытъ въ Харьковѣ народный домъ, гдѣ устраиваются концерты, литературно-музыкальные вечера, популярныя лекціи и т. п. Нельзя не пожелать, чтобы плодотворная дѣятельность общества такъ успѣшно продолжалась, не встрѣтивъ на своемъ пути никакихъ препятствій, вродѣ тѣхъ, съ которыми пришлось имѣть дѣло, напримѣръ, петербургскому и московскому комитетамъ грамотности.

Въ нѣсколько иныхъ условіяхъ находится сосѣднее съ харьковскимъ обществомъ кіевское. Харьковское общество въ своей дѣятельности идетъ рука объ руку съ земствомъ и пользовалось его содѣйствіемъ. Въ Кіевѣ земства не было. Впрочемъ, кіевскимъ губернаторомъ предположено организовать продажу книгъ для народа при волостныхъ правленіяхъ подъ контролемъ и руководствомъ мировыхъ посредниковъ. При этомъ губернаторъ предложилъ обществу грамотности взять на себя снабженіе волостныхъ складовъ книгами на коммиссіонныхъ началахъ, а также составить каталогъ книгъ, желательныхъ для распространенія. Трудно сказать, насколько успѣшно пойдетъ это дѣло, по намѣренію, безспорно,

живающее сочувствія. Все будетъ опять-таки зависѣть, конечно, отъ того, будетъ ли въ немъ главную роль играть формальное канцелярское отношеніе, чего всегда можно опасаться, когда рѣчь идетъ о волостныхъ правленіяхъ, дѣйствующихъ подъ руководствомъ своего начальства, или же главная дѣятельность будетъ принадлежать обществу грамотности, при условіи, что ему будетъ предоставленъ достаточный просторъ въ выборѣ книгъ и составленіи каталога и что послѣдній будетъ достаточно разнообразенъ, а не получитъ какой-нибудь узко-патріотической или иной тенденціозной окраски. Что на это не всегда можно разсчитывать, доказывается, напримѣръ, безуспѣшностью стараній калужскаго общества попеченія о начальномъ народномъ образованіи организовать допускаемую уставомъ его продажу книгъ въ уѣздахъ. Первоначально правленіе общества предполагало организовать продажу книгъ черезъ посредство учителей народныхъ школъ. Но губернскій училищный совѣтъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ для этого, «чтобы какъ книги, предназначенныя правленіемъ къ продажѣ, такъ и въ двухъ экземплярахъ списки этихъ книгъ предварительно отсылки учителямъ школъ каждый разъ были представляемы правленіемъ на разсмотрѣніе участковыхъ инспекторовъ народныхъ училищъ Калужской губерніи; по разсмотрѣнію списка книгъ, инспекторы должны скрѣплять своею подписью, причемъ одинъ экземпляръ списка возвращаютъ въ правленіе для отсылки по принадлежности учителямъ, а другой оставляютъ у себя. Каждая книга, предназначенная къ продажѣ, должна имѣть печать участковаго инспектора народныхъ училищъ». На такихъ условіяхъ правленіе не нашло возможнымъ начинать дѣло и, изыскивая для него другіе пути, возбудило ходатайство передъ губернаторомъ о разрѣшеніи открыть продажу книгъ при фабричной лавкѣ, принадлежащей компаніи В. Говарда. Администрація фабрики предоставила обществу мѣсто и продавца; но на ходатайство послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ. Слѣдующей попыткой общества было ходатайство о разрѣшеніи производить продажу книгъ въ г. Козельскѣ, причемъ въ качествѣ отвѣтственнаго лица былъ представленъ мѣстный податной инспекторъ. Но и на это ходатайство послѣдовалъ отказъ. И въ обоихъ случаяхъ о причинахъ отказа обществу сообщено не было.

Иногда отношенія учебной администраціи къ обществамъ содѣйствія народному образованію ставятъ препятствія не только тѣмъ или инымъ ихъ начинаніямъ, но и вообще сколько-нибудь свободному ихъ функціонированію. Такъ, напримѣръ, на этой почвѣ произошли столкновенія въ барнаульскомъ и томскомъ обществахъ. Въ первомъ членъ совѣта общества по назначенію отъ министерства народнаго просвѣщенія, мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ г. Гуляевъ, сдѣлалъ попытку въ совѣтѣ своею властью снять съ обсужденія нѣкоторые вопросы, основывая свое право на томъ, что онъ «правительственный контролеръ». По жалобѣ общества попечителю учебнаго округа, оно получило извѣщеніе, что г. Гуляевъ освобождается отъ обязанности непремѣннаго члена совѣта, но въ каче-

ствѣ инспектора остается наблюдателемъ за дѣйствіями общества, которому вмѣстѣ съ тѣмъ предъявлено требованіе, чтобы засѣданія совѣта были закрытыми, и объявлено, что засѣданія, происходящія безъ непремѣннаго члена, считаются незаконными.

Такія же требованія и той же дирекціей народныхъ училищъ предъявлены были томскому обществу. Но что всего болѣе ставитъ послѣднее общество въ затруднительное положеніе, это то, что обсужденіе вопросовъ въ засѣданіяхъ совѣта ставится учебной администраціей въ рамки 1-го параграфа устава, а между тѣмъ почти вся фактическая дѣятельность общества: устройство и содержаніе собственныхъ школъ, библіотекъ, музея прикладныхъ знаній, организація лекцій,—все, что дѣлало общество въ теченіе двадцати лѣтъ, оказывается внѣ этого 1-го параграфа, который ограничиваетъ задачи общества лишь доставленіемъ средствъ школамъ, учащимъ и учащимся. Все остальное дѣлалось обществомъ только въ силу разныхъ частныхъ разрѣшеній министерства внутреннихъ дѣлъ и его органовъ, которымъ учебная администрація не придаетъ значенія. Такимъ образомъ лекціи прекращены были по распоряженію попечителя учебнаго округа на томъ основаніи, что «при возбужденіи ходатайствъ объ устройствѣ публичныхъ лекцій совѣтъ, очевидно, не имѣетъ цѣлью усиленіе средствъ общества». Говорятъ, что общество хотѣло жаловаться правительствующему сенату, но сомнительно, чтобы такимъ путемъ оно могло чего-нибудь достигнуть, такъ какъ съ формальной точки зрѣнія учебная администрація права: 1-й § устава не упоминаетъ о лекціяхъ, а 8 говоритъ, что ихъ можно устраивать только «для усиленія средствъ общества». Не странно ли однако такое положеніе вещей, при которомъ органамъ министерства народнаго просвѣщенія приходится не поощрять несомнѣнно полезныя просвѣтительныя попытки общества, а напротивъ, пресѣкать ихъ какъ законопреступныя,—когда такіе предметы дѣятельности общества народнаго образованія, какъ школы, библіотеки, лекціи, могутъ существовать лишь при благосклонномъ попустительствѣ учебной администраціи, которое можетъ во всякій моментъ прекратиться. Можно спросить, отчего не ходатайствовать объ измѣненіи устава, но этотъ вопросъ едва ли предложитъ тотъ, кто близко знакомъ съ условіями такихъ ходатайствъ. Объ этихъ условіяхъ можетъ, пожалуй, напомнить полученный недавно въ Черниговѣ отказъ на ходатайство учредителей «общества содѣйствія народному образованію», возникшаго было въ прошломъ году по почину мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства А. А. Муханова. Отказъ даже вовсе не мотивированъ хотя бы несовершенствомъ устава, какъ это часто бываетъ, а въ немъ просто сказано, что «въ виду имѣющихся свѣдѣній», министерство народнаго просвѣщенія не признаетъ возможнымъ удовлетворить ходатайство учредителей. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ и въ самомъ обществѣ пропадаетъ наконецъ энергія къ дѣлу. Такъ, послѣднее собраніе ярославскаго общества распространенія начальнаго образованія было немноголюдно: изъ 140 членовъ, живущихъ

Ярославлѣ, собралось только 56 человѣкъ. Чтеніе отчета прошло почти безъ преній. Безъ обсужденій прошелъ и вопросъ о разрѣшеніи имѣть въ библіотекахъ общества всѣ дозволенныя общей цензурой книги. Предсѣдатель собранія заявилъ, что вопросъ этотъ касается измѣненія устава общества, согласно 2 §, котораго оно обязано руководиться общими правилами о народныхъ библіотекахъ. Для обсужденія же измѣненій въ уставѣ собраніе оказалось не въ достаточномъ числѣ членовъ (половина живущихъ въ городѣ). Осталось неразъясненнымъ, почему въ нынѣшнемъ году полиція запретила обществу устроить майскую прогулку для дѣтей, которая въ прошломъ году устраивалась безпрепятственно. А на вопросъ о причинахъ оказавшагося значительнаго для небольшихъ оборотовъ общества остатка свободныхъ средствъ (7,500 руб.), казначей заявилъ, что «чѣмъ больше остатокъ, тѣмъ лучше». Изъ отчета видно, что дѣятельность общества разбивается между нѣсколькими комиссіями: изъ нихъ— комиссія народныхъ чтеній обслуживала разсылкою фонарей, свѣтовыхъ картинъ и проч. 254 аудиторіи. Въ наиболѣе затруднительномъ положеніи находится комиссія по распродажѣ книгъ, хотя губернское земство, вообще сочувственно относящееся къ обществу, открыло ей кредитъ въ 500 р. Торговля черезъ офеней не удалась главнымъ образомъ по трудности найти для этого дѣла подходящихъ достаточно интеллигентныхъ лицъ и добиться ихъ утвержденія; не разрѣшено также обществу пользоваться и комиссіонными услугами сельскихъ учителей, хотя это дозволяется, наприм., въ Нижегородской губерніи. Такимъ образомъ дѣятельность того или другого общества находится въ зависимости не только отъ общаго отношенія къ нимъ администраціи, но въ не меньшей степени и отъ личнаго усмотрѣнія того или иного губернскаго начальства.

Мы могли бы значительно увеличить число такихъ примѣровъ, взявши ихъ изъ сферы дѣятельности земства и городского управленія. Но мы ограничимся пока приведенными, надѣясь возвратиться еще къ обзору дѣятельности правительственныхъ и общественныхъ учрежденій по другимъ отраслямъ народнаго образованія. Не можемъ, однако, въ заключеніе не привести одного самаго недавняго примѣра, особенно ярко характеризующаго бюрократическое отношеніе нашей администраціи къ самымъ, повидимому, безобиднымъ попыткамъ земства въ области народнаго просвѣщенія. Мы говоримъ о слѣдующемъ фактѣ: московское губернское земство проектировало устройство лѣтомъ 1905 года въ Москвѣ земской выставки по народному образованію. Желая заранѣе подготовиться къ ней, г бернская управа составила программу выставки, предполагая разослать е всѣмъ земствамъ, какъ будущимъ участникамъ выставки. Эта програм- м , заключающая въ себѣ не что иное, какъ подробные вопросы о состоя- в і школьнаго и внѣшкольнаго образованія въ каждомъ земствѣ, была въ к ректурѣ представлена московскому губернатору съ просьбой разрѣшить е напечатаніе. На эту просьбу 4 іюля полученъ былъ отвѣтъ, что впредь д разрѣшенія высшимъ правительствомъ вопроса объ устройствѣ предпо-

лагаемой земствомъ выставки губернаторъ не находитъ возможнымъ разрѣшить печатаніе означенной программы. 14 іюля управа вновь посылаетъ губернатору просьбу о разрѣшеніи напечатать программу, причемъ указала, что разсылка программы вовсе не предрѣшаетъ устройства самой выставки, и что цѣль ея состоитъ именно въ томъ, чтобы вызвать отзывы заинтересованныхъ лицъ и учрежденій, вслѣдствіе которыхъ въ программѣ можетъ оказаться необходимымъ сдѣлать измѣненія. Эта разработка программы должна быть выполнена именно раньше разрѣшенія выставки, чтобы по полученіи его можно было немедленно приступить къ изготовленію экспонатовъ. На эту вторичную просьбу послѣдовалъ 10 сентября отвѣтъ, въ которомъ не говорится ни слова объ объясненіяхъ управы, а съ буквальной точностью воспроизводится первый короткій отказъ.

Въ послѣднее время въ обществѣ и въ литературѣ появились большія надежды на то, что такое отношеніе администраціи къ обществу должно измѣниться въ ближайшемъ будущемъ. Надежды эти были вызваны назначеніемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ князя П. Д. Святополк-Мирскаго. И въ самомъ дѣлѣ уже первые шаги министра на своемъ новомъ поприщѣ представляютъ нѣкоторыя черты такого отношенія къ обществу, къ которому мы совсѣмъ не привыкли. Вступая въ должность и принимая 16 сентября старшихъ чиновъ министерства, князь Святополк-Мирскій обратился къ нимъ съ такими словами: «Приступая сегодня къ выполненію возложенныхъ на меня монаршимъ довѣріемъ обязанностей, я считаю своимъ долгомъ заявить, что въ основу направленія ввѣреннаго мнѣ министерства мною будутъ положены начала, провозглашенныя съ высоты престола всемилостивѣйшимъ манифестомъ 26 февраля 1903 года. Приглашаю васъ, господа, къ дѣятельному, самоотверженному сотрудничеству именно въ этомъ направленіи. Административный опытъ привелъ меня къ глубокому убѣжденію, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренне благожелательномъ и искренне довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще. Лишь при этихъ условіяхъ работы мы получимъ взаимное довѣріе, безъ котораго невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства. Призывая васъ, господа, къ неустанной работѣ, я вѣрю въ силу и опытность вашу, которыя мнѣ помогутъ достигнуть цѣли въ предстоящемъ трудѣ». Не довольствуясь такимъ публичнымъ выраженіемъ своей программы, министръ счелъ не лишнимъ подробнѣе высказать свои взгляды на отдѣльные вопросы будущей внутренней политики въ бесѣдахъ съ представителями печати,—что уже само по себѣ составляетъ новость въ нашихъ общественныхъ обычаяхъ. Такъ, въ разговорѣ съ корреспондентомъ газеты *Echo de Paris* князь Святополкъ-Мирскій сказалъ слѣдующее: Большихъ перемѣнъ не будетъ; но я намѣренъ слѣдовать программѣ, намѣченной въ манифестѣ Императора Николая II, обнародованномъ въ февралѣ 1903 г. Опираясь на основныя начала,

занныя моимъ Государемъ, я постараюсь проявить въ моихъ дѣйствіяхъ истинный и широкій либерализмъ, поскольку этотъ послѣдній не противорѣчитъ установленному порядку правленія. Какъ провинціалъ, любящій провинцію, я рѣшительный сторонникъ децентрализаціи. Я полагаю, что не всѣ вопросы должны рѣшаться въ Петербургѣ. Я выполню намѣренія Государя, давъ провинціальнымъ общественнымъ собраніямъ, «земствамъ», возможно болѣе полномочій для рѣшенія, согласно желаніямъ населенія, всѣхъ вопросовъ, касающихся школъ, продовольствія, дорогъ простыхъ и желѣзныхъ и т. д. Мы дадимъ земствамъ возможно больше свободы. Земства соотвѣтствуютъ вашимъ «conseils généraux». Наше внутреннее положеніе не критическое, но запутанное: Къ чему это отрицать? Но хорошей организаціей земства и городского управленія можно достигнуть многаго. На вопросъ объ отвѣтственныхъ министрахъ князь отвѣтилъ: Отвѣтственные передъ кѣмъ? Они зависятъ исключительно отъ Императора, который царствуетъ милостію Божьей. Нужно оставить министрамъ ихъ настоящую роль, которая состоитъ въ исполненіи воли ихъ Государя. Всякая другая отвѣтственность была бы искусственной и номинальной. Относительно религіозныхъ вопросовъ министръ заявилъ, что онъ врагъ религіозныхъ преслѣдованій и сторонникъ возможно бо́льшей свободы совѣсти съ нѣкоторыми ограниченіями. Относительно евреевъ,—онъ не врагъ имъ, но думаетъ, что если бы дать имъ полную свободу, то они могли бы вскорѣ сдѣлаться преобладающими. Онъ намѣренъ относиться къ нимъ очень благосклонно и улучшить бытъ бѣдныхъ еврейскихъ классовъ. Финляндія не входитъ въ его юрисдикцію, но онъ признаетъ, что первые шаги въ странѣ новаго генералъ-губернатора князя Оболенскаго были очень удачны. Относительно внутреннихъ волненій министръ замѣтилъ: мы должны бороться съ террористами, но лично я не намѣренъ проявлять чрезмѣрной строгости по отношенію къ молодежи, заблужденія которой часто сопровождаются раскаяніемъ. Съ возрастомъ она образумливается и изъ нея выходятъ прекрасные работники. Затѣмъ министръ высказалъ, что онъ сторонникъ прогресса, благами котораго пользуется Россія, сторонникъ возможно бо́льшаго умноженія числа сельскихъ школъ, въ чемъ съ нимъ согласенъ и его другъ генералъ Глазовъ, министръ народнаго просвѣщенія. Нельзя избѣгнуть прогресса: если бороться съ нимъ, онъ все равно ворвется къ намъ. Не лучше ли любезно принять его и помочь его осуществленію?

Такого же рода взгляды были высказаны министромъ въ бесѣдѣ его съ корреспондентомъ *Berliner Lokalanzeiger* и съ представителемъ американской *Associated-Presse* Говардомъ Томсономъ. Говоря съ первымъ по вопросу о различныхъ національностяхъ, князь заявилъ: Для меня нѣтъ въ нашемъ отечествѣ національностей и иновѣрцевъ; для меня всѣ русскіе. Насколько всѣ они настоящіе русскіе, показала война. Лютеране, евреи, мусульмане—всѣ стремятся отдать жизнь за честь отечества. Можно ли послѣ этого говорить о евреяхъ и армянахъ? Можно и должно ока-

зать всѣмъ имъ справедливость, такъ какъ всѣ они русскіе. Только придется немного обождать и все выяснится. Всего интереснѣе въ этомъ разговорѣ было сужденіе министра о положеніи печати. Печать,—сказалъ князь,—одна изъ моихъ важнѣйшихъ задачъ. Здѣсь дѣйствительно нужны перемѣны. Конечно рѣшеніе этой задачи нельзя представлять себѣ въ видѣ неограниченной свободы печати: это невозможно; но мы должны идти впередъ,—этимъ сознаніемъ я глубоко проникнутъ. Я разрѣшу задачу, но для этого я долженъ имѣть время; нельзя требовать всего сразу. Я дамъ свѣжій воздухъ,—вы увидите. У насъ еще не можетъ быть неограниченной свободы печати,—васъ всѣхъ испугали бы ея результаты,—но улучшенія требуются и они будутъ сдѣланы. Слова эти могутъ быть сопоставлены съ подобными же словами, сказанными княземъ Святополкъ-Мирскимъ въ Вильнѣ въ отвѣтъ на прощальное привѣтствіе представителей тамошней печати, въ которомъ, указавъ на благосклонное отношеніе къ ней князя во время управленія имъ сѣверо-западнымъ краемъ, они обращались къ нему съ просьбою о покровительствѣ его провинціальной печати и на новомъ его высокомъ посту. «Я всегда думалъ,—отвѣчалъ князь,—что печать, служа искренно и благожелательно дѣйствительнымъ нуждамъ населенія, можетъ принести громадную пользу, содѣйствуя правительству въ трудномъ дѣлѣ управленія. Я всегда былъ другомъ провинціальной печати, когда она выражаетъ откровенно, искренно и благожелательно истинныя потребности; я остаюсь ея другомъ и впредь. Говоря съ г. Говардомъ Томсономъ, министръ высказалъ, что онъ отнюдь не заблуждается относительно серьезности падающей на него отвѣтственности, равно какъ и относительно большихъ препятствій, которыя онъ встрѣтитъ передъ собой. «Я былъ бы неправъ,—продолжалъ онъ,—если бы сказалъ, что у меня уже теперь есть опредѣленная программа. Имѣю твердо опредѣленные взгляды всѣ направлены къ одной цѣли,—благу народа. Мы должны запастись терпѣніемъ. Задачи внутренней администраціи не могутъ быть разрѣшены ни академически, ни немедленно. Если мы спокойно будемъ ихъ преслѣдовать, то наши желанія исполнятся быстро. Все, что мы можемъ сдѣлать—это стремиться къ нашей окончательной цѣли, имѣя въ виду и улучшая, насколько возможно, современное положеніе. Мы должны исполнить нашу обязанность по отношенію къ настоящему времени и передать нашу работу въ наслѣдство потомству, которое должно будетъ заботиться о будущемъ... Говоря вообще, не входя въ подробности, я могу сказать, что манифестъ Государя Императора 1903 г. представляетъ собою основанія, на которыхъ я принимаю министерство внутреннихъ дѣлъ. Вѣротерпимость и децентрализація являются его основными принципами. Если они будутъ поняты доброжелательно, то мы будемъ имѣть прогрессъ и спокойствіе внутри Россіи».

Несмотря на осторожность, съ которой князь Святополкъ-Мирскій высказывалъ свои взгляды, сказаннаго имъ, особенно объ отношеніи его къ общественному самоуправленію и къ печати, особенно послѣ

роваго режима, которому подвергались то и другая въ послѣднее время, слова новаго министра произвели большое впечатлѣніе въ обществѣ, выразившееся фактами тоже довольно необычными: 21 сентября при открытіи очередного собранія московской городской думы городской голова князь В. М. Голицынъ обратился къ гласнымъ съ рѣчью, въ которой выразилъ мысль, что въ словахъ министра внутреннихъ дѣлъ общественныя учрежденія не могутъ не усмотрѣть знаменательнаго обѣщанія признать за ними тотъ характеръ, тотъ смыслъ, которые были положены въ ихъ основу,—характеръ и смыслъ органовъ всей мѣстной жизни. Эти обѣщанія еще болѣе знаменательны потому, что еще недавно всѣхъ смущало явное недовѣріе къ общественнымъ учрежденіямъ, нарушавшее правильность и спокойствіе ихъ дѣятельности, даже заставлявшее ихъ опасаться за свою судьбу. И вотъ теперь государственный дѣятель, призванный царской волей руководить внутреннимъ строемъ Имперіи, ставитъ довѣріе къ общественнымъ учрежденіямъ, единеніе ихъ дѣятельности съ дѣятельностью правительства непремѣннымъ условіемъ къ выполненію имъ возложеннаго на него долга. Указавъ затѣмъ, что русскому обществу въ лицѣ своихъ избранниковъ слѣдуетъ отозваться на этотъ призывъ, кн. Голицынъ предложилъ думѣ отправить князю Святополкъ-Мирскому телеграмму такого содержанія: «Московская городская дума, привѣтствуя ваше сіятельство съ началомъ дѣятельности, на васъ Монаршею волею возложенной, привѣтствуетъ вашъ знаменательный призывъ къ труду, основанному на довѣріи къ обществу и къ общественнымъ учрежденіямъ. Въ единеніи привѣтственной дѣятельности съ живыми общественными силами московское городское общество видитъ единственно вѣрный путь къ достиженію народнаго блага и къ развитію и совершенствованію внутренняго строя Россіи». Дума единогласно поручила городскому головѣ отправить эту правительственную телеграмму. Такого же рода привѣтствія были посланы новому министру изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ: отъ одесской, кіевской и тульской городскихъ думъ, отъ бѣлозерскаго и вслѣдъ затѣмъ многихъ другихъ земскихъ собраній. Большая часть періодической печати тоже высказываетъ свое сочувствіе новому министру и надежды на общій поворотъ къ лучшему въ нашей внутренней жизни. Въ *Новомъ Времени* г. Суворинъ, припоминая свое прошлогоднее предсказаніе о наступленіи весны, находитъ, что оно сбывается теперь. Развѣ,—говоритъ онъ,—рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ не вѣяніе весны, не ясный ея праздникъ? Дай Богъ, чтобы она была началомъ серьезнаго и прочнаго творчества, которое осталось бы незыблемымъ. «Ахъ, какъ это нужно!—восклицаетъ онъ дальше.—Какъ надоѣли обѣщанія и то поверхностное творчество, которое напоминаетъ присказку: Мы тамъ были, медъ-пиво пили, по усамъ текло, а въ роть не попало». *Биржевыя Вѣдомости*, отмѣтивъ общій путь, по которому намѣренъ направить свою дѣятельность новый министръ, вспоминаютъ по этому поводу еще недавнюю русскую дѣйствительность, всю проникнутую недовѣріемъ правительства къ обще-

ству и общественнымъ учрежденіямъ. Результатомъ его было то, что администрація безъ помощи общества не могла справиться ни со школьнымъ, ни съ крестьянскимъ дѣломъ. Князь Святополкъ-Мирскій выражаетъ истинное пониманіе основной потребности Россіи, выдвигая ту сторону Высочайшаго манифеста, въ которой говорится о призваніи «достойнѣйшихъ и довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ мѣстныхъ дѣятелей». Но достойные дѣятели неоднократно призывались къ участію въ работахъ различныхъ министерствъ, а тѣмъ не менѣе недовѣріе къ общественнымъ учрежденіямъ не прекращалось и развилось до такой степени, что даже созданныя въ минуты горячаго патріотическаго возбужденія общедворянская и общеземская организаціи для помощи на войнѣ встрѣтили тормозы для своего дальнѣйшаго развитія, къ счастію, въ эти послѣдніе дни уже устраненные. Дѣйствительно, только искренне-благожелательное и искренне-довѣрчивое отношеніе къ обществу, которое князь Святополкъ-Мирскій такъ ясно и вѣрно ставитъ основнымъ условіемъ успѣха «въ дѣлѣ устроенія государства», можетъ дать правительственной работѣ надлежащую плодотворность.

Русскія Вѣдомости, наиболѣе послѣдовательно-либеральная изъ нашихъ газетъ, также выступили со статьей, начинающейся словами «Повѣяло весной». Таково,—говоритъ почтенная газета,—общее впечатлѣніе, это говорятъ въ обществѣ, это замѣчаетъ и печать. Указавъ, что причина этого впечатлѣнія заключается въ немногихъ словахъ, сказанныхъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ при вступленіи въ должность министра, въ которыхъ даже нѣтъ не только опредѣленныхъ обѣщаній, но даже и намековъ на тѣ или другія мѣропріятія, но лишь выражено убѣжденіе о необходимости довѣрія къ общественнымъ учрежденіямъ и къ населенію, газета припоминаетъ другой, сходный съ настоящимъ моментъ, пережитый нашимъ отечествомъ сравнительно недавно, когда, какъ и теперь, почувствовалось вѣяніе «весны». Къ несчастію, этотъ моментъ былъ мимолетенъ и хотя русское общество воспользовалось имъ тогда, чтобы обратить вниманіе власти на насущныя нужды народа и на существенные недостатки нашего общественнаго и административнаго строя, но много вопросовъ, поставленныхъ тогда на очередь, ждетъ разрѣшенія и до сихъ поръ. Не мало съ тѣхъ поръ выдвинуто жизнью и новыхъ не менѣе важныхъ. Разработка всѣхъ ихъ должна составить предметъ дружной общественной работы. Но, чтобы эта работа была плодотворна, необходимо устранить тѣ препятствія, которыя она встрѣчала въ послѣдніе годы. Необходимо, чтобы печати была предоставлена свобода обсужденія государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, не стѣсняемая примѣненіемъ ст. 140 уст. ценз. (изъятіе вопросовъ государственной важности), чтобы земскія собранія не подвергались чрезмѣрнымъ ограниченіямъ въ выборѣ предметовъ и въ порядкѣ и способахъ обсужденія; чтобы не встрѣчали препятствій совѣщанія земскихъ дѣятелей разныхъ губерній; необходимо, чтобы устранены были со всѣми послѣдствіями тѣ мѣры, которыя были приняты по отношенію къ об-

ствамъ, съѣздамъ и другимъ общественнымъ организаціямъ и парализовали или прекратили ихъ дѣятельность, необходимо, наконецъ, чтобы съ прекращеніемъ чрезвычайныхъ полномочій администраціи былъ возстановленъ нормальный ходъ общественной жизни.

Мы съ своей стороны тоже готовы привѣтствовать новаго министра внутреннихъ дѣлъ и его начинанія, тѣмъ болѣе, что послѣднія выражаются не въ однихъ словахъ. Нѣкоторые симптомы новаго направленія проявились, наприм., въ назначеніи членами государственнаго совѣта товарища министра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Зиновьева и директора департамента общихъ дѣлъ Б. В. Штюрмера, имена которыхъ связаны съ ревизіей московскаго и тверского земствъ,—ревизіей, въ которой всего менѣе проявилось искреннее довѣріе къ земству и которая, какъ извѣстно, имѣла весьма тяжелыя послѣдствія для тверского земства и для нѣкоторыхъ его дѣятелей. Затѣмъ новыя вѣянія проявились, сколько намъ извѣстно, и въ прекращеніи административныхъ каръ для нѣкоторыхъ лицъ, принадлежавшихъ тоже къ числу видныхъ земцевъ. По всей вѣроятности, въ нѣкоторой связи съ назначеніемъ новаго министра находится и Высочайшій указъ о выдѣленіи въ вѣдѣніе особаго товарища министра, состоящаго командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, общаго завѣдыванія полиціей, съ предоставленіемъ ему особой инструкціей по всѣмъ обыкновеннымъ дѣламъ, не требующимъ направленія въ законодательномъ порядкѣ или изданія общихъ разъясненій и правилъ, а также за исключеніемъ вопросовъ личнаго состава и другихъ дѣлъ, которыя министръ найдетъ нужнымъ оставить въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи,—большей самостоятельности, чѣмъ какой пользовались до сихъ поръ товарищи министра. Такъ, онъ даетъ непосредственно отъ себя указанія и разъясненія губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ по всѣмъ предметамъ своего вѣдомства, разрѣшаетъ по дѣламъ, производящимся въ департаментѣ полиціи, всѣ вопросы, за исключеніемъ выше сказанныхъ,—а также всѣ вопросы, касающіеся примѣненія гласнаго полицейскаго надзора, распоряжается всѣми кредитами, ассигнуемыми на полицію, даетъ заключенія по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ во всѣхъ случаяхъ, когда это право предоставлено было министру, имѣетъ высшій надзоръ за мѣстами заключенія для обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ и по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ его рѣшенію, сносится непосредственно со всѣми правительственными мѣстами и лицами. На такую самостоятельность товарища министра, завѣдывающаго полиціей, можно бы было, пожалуй, смотрѣть какъ на нѣкоторое ограниченіе сферы дѣятельности самого министра внутреннихъ дѣлъ, но мы склонны видѣть въ ней скорѣе самоустраненіе министра отъ непосредственной близости къ спеціальной области, прямое завѣдываніе которой могла бы помѣшать ему всецѣло посвятить себя работѣ по другимъ отдѣламъ, входящимъ въ область министерства внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ мы придаемъ важное значеніе тому факту, что взгляды министра внутреннихъ дѣлъ на характеръ отно-

шеній правительства къ обществу, повидимому, сошлись въ извѣстной мѣрѣ съ взглядами министра народнаго просвѣщенія. Принимая представлявшихся ему директоровъ петербургскихъ гимназій и другихъ училищъ, министръ народнаго просвѣщенія высказалъ, между прочимъ, что какъ со стороны прессы, такъ и со стороны родителей учащихся раздается не мало нареканій противъ педагогическаго персонала, самый фактъ которыхъ говоритъ о существованіи розни между семьей и школой. Не со всѣми этими нареканіями можно согласиться, но рознь между семьей и школой нужно постараться прекратить. Съ этой цѣлью министръ предполагаетъ образовать подъ руководствомъ попечителя петербургскаго учебнаго округа особую комиссію, которая должна изыскать средства для устраненія такого ненормальнаго положенія, причемъ нѣкоторый матеріалъ для комиссіи могутъ дать школы вѣдомства министерства финансовъ. Ту же мысль генералъ-лейтенантъ Глазовъ развивалъ и въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ газеты *Русь*. По вопросу объ отношеніяхъ между школой и родителями,—сказалъ онъ,—существуетъ не мало циркуляровъ и предписаній, но циркулярами нельзя насаждать ни сердечнаго отношенія, ни единенія. Министръ, однако, не указалъ, какими же средствами онъ можетъ располагать для достиженія этого единенія. Намъ думается, что какъ бы ни была велика гибкость нашего педагогическаго персонала въ смыслѣ исполненія желаній начальства, однако, все же будетъ очень трудно сблизить съ обществомъ и его требованіями людей, которыхъ въ теченіе тридцати лѣтъ старались удалять отъ общества и заставляли дѣйствовать какъ разъ наперекоръ его требованіямъ. Мы думаемъ, для новаго вина, если такое дѣйствительно будетъ, понадобятся и новые мѣхи. Но какъ бы то ни было, самая мысль о сближеніи съ обществомъ, мысль вѣрная и, напоминая отчасти то, что говорилось во времена министерства генерала Ванновскаго, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на проникновеніе въ настоящее время въ министерство народнаго просвѣщенія тѣхъ же взглядовъ, какіе провозглашаются министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Признавая серьезное значеніе всѣхъ этихъ фактовъ, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что въ общественномъ дѣлѣ и къ хорошему, и къ худому надо прежде всего относиться трезво, не приходя въ восторгъ и не впадая въ отчаяніе, а стараясь уяснить себѣ дѣйствительный размѣръ и значеніе происходящихъ явленій, чтобы правильно опредѣлить наше собственное къ нимъ отношеніе, имѣя въ виду, что при этомъ на первомъ планѣ для насъ долженъ стоять вопросъ не о платоническомъ сочувствіи, а объ активномъ содѣйствіи проведенію тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ основаніи об[е]ственнаго и государственнаго благоустройства и въ выполненіи связанн[ы]хъ съ этими началами насущныхъ задачъ, дѣлающемся ближе и возмож[ны]мъ при возникновеніи новыхъ условій. Въ данномъ случаѣ, опредѣляя [р]азмѣръ и значеніе перемѣны, создаваемой тѣмъ направленіемъ, въ духѣ к[о]тораго предполагаетъ дѣйствовать новый министръ, мы видимъ, что и с[а]мъ онъ предостерегаетъ отъ слишкомъ большихъ ожиданій. Большихъ [пе]-

мѣнъ не будетъ, говоритъ онъ, и мы совершенно понимаемъ это. Вѣдь что такое въ самомъ дѣлѣ русскій министръ, хотя бы и министръ внутреннихъ дѣлъ? Какъ и всякій другой правительственный дѣятель, онъ есть не болѣе какъ исполнитель предначертаній верховной власти и можетъ дѣйствовать, какіе бы ни были его личные взгляды, только въ предѣлахъ ея указаній. Поэтому и замѣна одного министра другимъ вовсе не выражаетъ собою радикальной перемѣны въ направленіи внутренней политики. Это совсѣмъ не то, что, наприм., въ Англіи. Тамъ, если на мѣсто Дизраэли становится Гладстонъ или обратно, то эта смѣна выражаетъ собою побѣду въ странѣ консервативнаго или либеральнаго направленія, такъ какъ каждый изъ нихъ есть представитель получившей въ данное время большинство политической партіи. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ; да и министръ внутреннихъ дѣлъ у насъ вовсе не имѣетъ значенія перваго министра, дающаго общее направленіе правительственной политикѣ. Бывали времена, когда въ этой политикѣ преобладающую роль играло, повидимому, министерство финансовъ. И въ настоящее время каждый министръ можетъ имѣть свои собственные взгляды даже на важнѣйшіе вопросы политической жизни, при практическомъ разрѣшеніи которыхъ, кромѣ министровъ, могутъ имѣть не меньшее значеніе и другія лица, облеченныя довѣріемъ верховной власти. Можно бы думать, что самое назначеніе новаго министра является признакомъ рѣзкаго поворота въ общей политикѣ правительства; нѣчто подобное было, наприм., при назначеніи на постъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Лорисъ-Меликова и графа Толстого. Но въ настоящее время едва ли есть основаніе для такого заключенія. Назначеніе князя Святополка-Мирскаго состоялось не въ силу признанной необходимости замѣнить имъ его предшественника, а вслѣдствіе неожиданной смерти послѣдняго. Если бы В. К. ф.-Плеве былъ живъ до сихъ поръ, то нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что онъ не былъ бы министромъ и понынѣ. Въ основу дѣятельности новаго министра будетъ положенъ тотъ же самый манифестъ Государя Императора 26 февраля 1903 г., который служилъ руководствомъ и для предыдущаго. Такимъ образомъ главныя основанія нашей государственной жизни останутся тѣ же, взаимное положеніе правительства и общества тоже не измѣняется, но при сохраненіи этого положенія взаимныя отношенія ихъ, по всей вѣроятности, будутъ болѣе мягкими и свободными.

Что касается до отвѣта на вопросъ: что же при такихъ обстоятельствахъ должно дѣлать само общество и его органы, то по этому поводу намъ приходилось слышать такія разсужденія, что общество должно терпѣливо ждать, что сдѣлаетъ новое министерство, чтобы своимъ активнымъ вмѣшательствомъ не создать препятствій для осуществленія имъ либеральныхъ намѣреній. Но въ такомъ разсужденіи мы не можемъ не видѣть внутренняго противорѣчія. Если правительство искренно желаетъ предоставить обществу нѣсколько большую долю свободы, то какимъ образомъ осуществленію этого желанія можетъ помѣшать готовность общества вос-

пользоваться этой свободой для выраженія своихъ желаній и потребностей? Скорѣе отсутствіе всякаго проявленія такой готовности со стороны общества могло бы привести къ сужденію, что оно еще не доросло до свободы. Признаемся, для насъ не совсѣмъ ясно и приглашеніе князя Святополк-Мирскаго быть терпѣливыми. Да чѣмъ же могло бы, наприм., земство выразить свое нетерпѣніе? Конечно, не уличными демонстраціями, хотя, кстати сказать, въ другихъ цивилизованныхъ странахъ и мирныя уличныя демонстраціи различныхъ политическихъ партій никого не пугаютъ. Но если приглашеніе къ терпѣнію означаетъ совѣтъ не высказывать пожеланій, которыя могли бы идти дальше, чѣмъ въ данную минуту считаетъ достаточнымъ правительство, то чѣмъ же будетъ отличаться либеральное направленіе отъ нелиберальнаго? Въ томъ и другомъ случаѣ будетъ признаваться дозволеннымъ желать лишь того, чего желаетъ правительство, сообразно съ его усмотрѣніемъ, а не съ требованіями общества. Если же дальнѣйшее реформаторское и прогрессивное движеніе будетъ совершаться на почвѣ взаимнаго довѣрія, то первымъ знакомъ такого довѣрія должна быть со стороны общественныхъ органовъ откровенное высказываніе своихъ потребностей, какъ бы далеко они ни шли. Вмѣстѣ съ покойнымъ Б. Н. Чичеринымъ и *Русскими Вѣдомостями*, приводящими эту цитату изъ его «Курса государственной науки», мы думаемъ, что необходимымъ намъ «новый шагъ на пути гражданскаго и государственнаго развитія можетъ совершиться только дружнымъ дѣйствіемъ правительства и общества», что «не безпрекословное подчиненіе отжившее свой вѣкъ и показавшее свою несостоятельность, а свободный союзъ правительственныхъ и общественныхъ силъ, на почвѣ взаимнаго довѣрія, долженъ быть знаменемъ всякаго образованнаго русскаго человѣка, любящаго свое отечество; въ этомъ заключается вся будущность Россіи». И этотъ шагъ можетъ и долженъ быть сдѣланъ не путемъ насилія и переворотовъ, а по собственной иниціативѣ правительства законнымъ шествіемъ по проложенному пути и развитіемъ началъ, заключающихся въ произведенныхъ реформахъ.

В. Л.

II.

Новый законъ объ евреяхъ. — Изъ жизни провинціи. — Столѣтіе дня рожденія М. А. Максимовича.—Отъ комитета по организаціи высшихъ женскихъ курсовъ въ Казани.

Недавно опубликованъ именной Высочайшій указъ отъ 11 августа о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о правѣ жительства евреевъ въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Новый законъ устанавливаетъ, что воспрещеніе евреямъ селиться *въ чертѣ осѣдлости* въ городовъ и мѣстечекъ не распространяется на окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, ихъ женъ и дѣтей: сыновей до совершеннолѣтія или до окончанія курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (но не далѣе

25-лѣтняго возраста), а дочерей до замужества; на купцовъ 1-й гильдіи
и членовъ ихъ семействъ, а также на бывшихъ купцовъ 1-й гильдіи, въ
ченіе 15 лѣтъ состоявшихъ въ гильдіи, и членовъ ихъ семействъ и на
ремесленниковъ и мастеровыхъ, пока они будутъ заниматься своими ре-
меслами и мастерствами, и на евреевъ нижнихъ чиновъ, поступившихъ на
службу по рекрутскому уставу. Эти же евреи имѣютъ право, на время
пребыванія ихъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, въ чертѣ еврейской осѣдлости,
заключать сдѣлки по найму имуществъ для жилья и для производства про-
мысловъ и торговли, а евреи, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заве-
деніяхъ, пользуются повсемѣстнымъ правомъ заниматься торговлею и про-
мыслами на общихъ основаніяхъ.

Это положеніе, въ сущности, не заключаетъ ничего новаго и лишь под-
тверждаетъ старыя правила. Многимъ, наприм., даже покажется стран-
нымъ, что евреямъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ
, слѣдовательно, пользующимся правомъ повсемѣстнаго жительства, теперь
лишь дается право селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ въ чертѣ осѣдлости
заниматься повсемѣстно торговлею и промыслами. Но это дѣйствительно
странное разрѣшеніе объясняется тѣмъ, что административная и даже се-
натская практика въ послѣдніе годы обнаруживали склонность къ такому
толкованію законовъ объ евреяхъ, которое сплошь и рядомъ лишало ихъ
правъ, какія имъ предоставлялъ даже ограничительный законъ.

Конечно, можно было бы подтвердить существовавшій уже законъ но-
вымъ сенатскимъ разъясненіемъ, которое возстановило бы правильное его
толкованіе, но практика доказываетъ, что такой путь не всегда достига-
етъ цѣли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ администрація усвоила себѣ и прово-
дила на практикѣ весьма странный взглядъ, въ силу котораго отвергала
и сенатскими указами принципіальное значеніе, ограничиваясь лишь при-
знаніемъ ихъ обязательности по данному частному дѣлу. Въ силу этого
происходили (и происходятъ) нерѣдко такіе случаи, что администрація,
исполняя указъ сената, отмѣняющій неправильное ея распоряженіе о вы-
селеніи даннаго лица или семейства, одновременно выселяла другихъ лицъ
и томъ самомъ основаніи, которое сейчасъ только было признано сена-
томъ неправильнымъ, объясняя, что сенатскій указъ относится лишь къ
тому дѣлу, по которому онъ состоялся. Если же принять во вниманіе, что
жалоба на неправильныя распоряженія администраціи не останавливала ихъ
исполненія, то легко себѣ представить, къ какимъ несправедливостямъ
приводила административная практика въ этой области *узаконенной не-
справедливости*. Бывали даже случаи, когда администрація не исполняла
указовъ сената и по тѣмъ дѣламъ, по которымъ они состоялись. Лишь
недавно (въ іюньскомъ обозрѣніи) мы приводили случай нарушенія бес-
прабскимъ губернскимъ присутствіемъ указа сената по дѣлу еврея Сой-
мельмана. Случай этотъ вызвалъ привлеченіе губернскаго присутствія къ
дисциплинарной отвѣтственности.

Въ виду такого положенія вещей мы и считаемъ вполнѣ цѣлесообраз-

нымъ возстановленіе въ законодательномъ порядкѣ правильнаго толкова прежняго закона.

Такое же значеніе имѣютъ и 4, 5 и 9-ый пункты новаго зако 4-й пунктъ предоставляетъ право евреямъ, перешедшимъ въ купцы 1-й гил діи за чертой осѣдлости и прекратившимъ до истеченія 10 лѣтъ выбор купеческихъ свидѣтельствъ, вновь причисляться къ купечеству 1-й гильд во внутреннихъ губерніяхъ, не отбывая вторично 5-лѣтняго срока пребы ванія ихъ въ той же гильдіи въ чертѣ осѣдлости. По 5-му пункту евре пробывшіе хотя бы и съ перерывами 10 лѣтъ купцами первой гильдіи имѣютъ право на приписку къ городскимъ обществамъ внутреннихъ губер ній и на повсемѣстное въ Имперіи жительство съ своими семействам 9-й пунктъ предоставляетъ женамъ евреевъ, окончившихъ курсъ наукъ в высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также удостоенныхъ званія коммерц или мануфактуръ-совѣтниковъ, право повсемѣстнаго жительства какъ п жизни мужа, такъ и послѣ его смерти, развѣ бы вступили въ новое су пружество; дѣти такихъ евреевъ — сыновья до совершеннолѣтія или д окончанія курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (но не долѣе 25 лѣтъ) а дочери до замужества, также могутъ повсемѣстно проживать какъ п жизни его, такъ и послѣ смерти.

По поводу послѣдняго пункта, который также можетъ показаться стра нымъ, лицамъ, недостаточно знакомымъ съ вопросомъ, мы должны о ясннть, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ администрація толковала зако о предоставленіи права повсемѣстнаго жительства евреямъ, окончившим высшія учебныя заведенія, и семьямъ этихъ евреевъ, въ томъ смыс что жены и дѣти имѣютъ это право лишь тогда, когда живутъ безотлучно мужьяхъ и отцахъ. Вслѣдствіе этого бывали такіе случаи, что администр ція, узнавъ о выѣздѣ, хотя бы на короткій срокъ, главы семейства, в селяла его жену и дѣтей.

Новымъ является 7-й пунктъ закона, предоставляющій повсемѣстн жительство въ Имперіи воинскимъ чинамъ изъ евреевъ, которые, участв въ военныхъ дѣйствіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, удостоились пожалова знака отличія или вообще безпорочно несли службу въ дѣйствующ войскахъ.

Таково содержаніе новаго закона. Не выходя изъ рамокъ разрѣшенн имъ частныхъ вопросовъ и случаевъ, укажемъ тутъ же на одинъ п пробѣлъ. По нашему закону (ст. 81 зак. гражд.), если одинъ изъ суп говъ евреевъ обратится къ православію и бракъ его останется не расто нутъ, то ни мужу, ни женѣ не дозволяется постоянное жительство губерніяхъ, гдѣ евреямъ осѣдлость воспрещена. Этотъ законъ, очев относящійся къ лицамъ, которыя до обращенія одного изъ супруговъ православію, не имѣли права повсемѣстнаго жительства, администрація нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣняетъ, во-первыхъ, и къ тѣмъ евреямъ, к рые обратились не къ православію, а къ иному христіанскому исповѣ (между тѣмъ какъ ограничительный законъ не можетъ толковаться

странительно), а, во-вторыхъ, и къ лицамъ, которыя и до обращенія къ христіанству имѣли повсемѣстное право жительства по другимъ основаніямъ (наприм., на основаніи окончанія курса высшаго учебнаго заведенія). Такимъ образомъ административная практика создала такое оригинальное положеніе, что обращеніе къ христіанству одного изъ супруговъ-евреевъ, имѣвшихъ уже право повсемѣстнаго жительства, лишаетъ ихъ обоихъ этого права!.

Въ связи съ новымъ закономъ объ евреяхъ приведемъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 6 марта, напечатанный въ *Восточномъ Обозрѣніи*.

«Различныя распоряженія и мѣропріятія министерства внутреннихъ дѣлъ для выселенія евреевъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они незаконно живутъ, вызвали со стороны евреевъ массу жалобъ, изъ которыхъ видно, какъ тяжело отражается на нихъ выселеніе. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что евреи часто поселяются въ запрещенныхъ имъ мѣстахъ только по неясности нашихъ законовъ, касающихся евреевъ. Часто одинъ законъ противорѣчитъ другому, а потому было бы несправедливымъ заставлять евреевъ терпѣть тяжелыя послѣдствія, съ которыми связано выселеніе ихъ. Тѣмъ болѣе несправедливо это теперь, когда многіе евреи, принадлежащіе къ запасу арміи, мобилизованы, отчего выселеніе ихъ рядомъ съ мобилизаціей является для нихъ двойнымъ разореніемъ. Принимая во вниманіе, что теперь желательно избѣгать всего того, что можетъ нарушить правильное теченіе дѣла, и всего того, что можетъ вызвать неудовольствіе населенія, считаю необходимымъ пока, до заключенія мира на Дальнемъ Востокѣ, оставить въ покоѣ всѣхъ тѣхъ евреевъ, которые хотя живутъ и незаконно, но живутъ уже давно и живутъ тамъ съ семействами, и при поселеніи имѣли какое-нибудь основаніе, которое со временемъ потеряло свой смыслъ».

Въ этомъ циркулярѣ, характерномъ вообще, особенно характерно признаніе самимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ «неясности нашихъ законовъ, касающихся евреевъ», доходящей до того, что «часто одинъ законъ противорѣчитъ другому». Между тѣмъ на основаніи этихъ неясныхъ и противорѣчивыхъ законовъ евреевъ выселяли *массами*,—это видно изъ того, что поступала, по выраженію министра, масса жалобъ,—причемъ усердіе нѣкоторыхъ административныхъ властей доходило до того, что онѣ выселяли многихъ мобилизуемыхъ евреевъ, что, по признанію циркуляра, является для нихъ двойнымъ разореніемъ. Тѣхъ самыхъ евреевъ, которыхъ посылали на Дальній Востокъ, требуя отъ нихъ всего, чѣмъ только человѣкъ можетъ пожертвовать, вплоть до самой жизни, тутъ же лишали вмѣстѣ съ семействомъ права жительства въ давно уже насиженныхъ мѣстахъ, т.-е. отнимали у нихъ самое элементарное право, которое государство предоставляетъ своимъ гражданамъ, право жить свободно на его территоріи. Такое положеніе вещей даже покойный В. К. Плеве, котораго отнюдь нельзя было заподозрить въ расположеніи къ евреямъ, считалъ

несправедливымъ. Но развѣ нужна была война и призывъ евреевъ въ дѣйствующую армію для того, чтобы признать несправедливость существующаго порядка? Вѣдь законы были неясны и противорѣчивы и до войны, однако, не только они примѣнялись самымъ строгимъ образомъ, но, какъ мы видѣли, и безъ того исключительные законы получали еще на практикѣ явно невѣрное и исключительное толкованіе. Вѣдь и до войны насельніе, совершавшееся массами на основаніи неясныхъ и противорѣчивыхъ законовъ, также вызывало слезы, бѣдствіе и разореніе. Неужели евреи, по выраженію покойнаго министра, будутъ оставлены въ покоѣ лишь *пока*, до заключенія мира на Дальнемъ Востокѣ? Неужели, когда кончатся ужасы войны, мы снова будемъ свидѣтелями массовыхъ выселеній отцовъ и братьевъ тѣхъ, которые сейчасъ проливаютъ на Дальнемъ Востокѣ кровь рядомъ съ другими членами великой общей русской семьи? Хочется вѣрить, что этого не будетъ и что война принесетъ имъ обновленіе и въ злополучномъ еврейскомъ вопросѣ. Сейчасъ вся печать, все русское общество полны радостныхъ надеждъ на наступающую весну русской жизни. Это настроеніе вызвано словами, сказанными новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ при вступленіи въ должность, о томъ, что правительственный трудъ можетъ быть плодотворенъ лишь тогда, когда онъ основанъ «на искренно-благожелательномъ и искренно-довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще». Достаточно было этихъ простыхъ словъ, чтобы до глубины души взволновать все русское общество: слишкомъ долго ждало оно призыва къ взаимному довѣрію, слишкомъ много святыхъ и кровныхъ интересовъ народа оно связываетъ съ возвѣщаемой нынѣ системой довѣрія. Но искренно благожелательное и искренно довѣрчивое отношеніе къ населенію исключаетъ политику національной вражды и ограничительныхъ законовъ по отношенію къ иновѣрцамъ и инородцамъ и въ частности къ евреямъ. И дѣйствительно, въ бесѣдахъ съ разными иностранными корреспондентами министръ говорилъ, что еврейскій вопросъ его очень интересуетъ, что въ мѣропріятіяхъ, касающихся евреевъ, онъ «рѣшилъ выдерживать полную благожелательность и улучшить положеніе ихъ бѣднѣйшихъ классовъ». Это даетъ право надѣяться, что дѣло не ограничится тѣми маловажными облегченіями, которыя пока приведены. Улучшеніе экономическаго положенія евреевъ, о которомъ говорилъ министръ, находится въ тѣсной связи съ правомъ свободнаго выбора мѣстожительства и съ правомъ на образованіе. Этихъ элементарныхъ гражданскихъ правъ, которыми обладаютъ всѣ остальные наши иновѣрцы и инородцы, евреи лишены. Простая справедливость требуетъ, чтобъ они были уравнены съ остальными русскими гражданами. Политика довѣрія и единенія, которая будетъ служить залогомъ внутренняго мира и развитія, подскажетъ правительству и правильное рѣшеніе вопроса объ инородцахъ вообще и объ евреяхъ въ частности.

Въ связи съ реформой управленія полиціей о которой говорится въ ервой части обозрѣнія, отмѣтимъ возбужденный кн. Мещерскимъ въ *Гражданинѣ* вопросъ о необходимости выдѣлить изъ министерства внутреннихъ дѣлъ управленіе печатью. Кн. Мещерскій упоминаетъ рядъ случаевъ изъ своей дѣятельности, когда *Гражданинъ* подвергался цензурнымъ гоненіямъ, исходившимъ изъ причинъ чисто-личнаго характера, припоминаетъ случай закрытія *Голоса* графомъ Толстымъ, сдѣлавшимся министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ отместку за долголѣтнюю войну противъ классицизма, когда Толстой былъ министромъ народнаго просвѣщенія. «И если къ этому прибавить,—говоритъ кн. Мещерскій,—что я недавно слышалъ отъ другихъ министровъ сѣтованіе на то, что у министра внутреннихъ дѣлъ двѣ мѣры въ оцѣнкѣ свободы печати: одна широкая противъ министровъ ему немилыхъ, а другая узкая—въ пользу политики своей и своихъ друзей, то всего этого, мнѣ кажется, достаточно, какъ аргумента въ пользу той мысли, что вѣдѣнію дѣлъ печати въ интересахъ прежде всего самого министра внутреннихъ дѣлъ лучше быть совсѣмъ невѣдомственнымъ и совсѣмъ непричастнымъ къ политикѣ».

Противъ этихъ простыхъ и здравыхъ соображеній трудно, мы думаемъ, кто-нибудь возразить. Если же читатели удивятся, что они раздаются со страницъ *Гражданина,* то мы должны замѣтить, что, начиная съ кончины М. К. Плеве, *Гражданиномъ* было высказано не мало здравыхъ истинно-гражданскихъ мыслей. Лишь на-дняхъ мы встрѣтили въ немъ такія «искреннія» строки:

«Неужели и теперь, въ эту ужасную минуту неизмѣримыхъ потерь, колоссальныхъ ужасовъ этой безчеловѣчной бойни, въ которой гибнутъ наши лучшія силы, мы не взглянемъ прямо, честно во всѣ тѣ язвы, которыя назрѣли подъ прикрытіемъ коварнаго «все обстоитъ благополучно» и точили наши устои, нашу церковь и всѣ силы нашего великаго прошлаго? Точили, точили и доточили до той черной страницы, которую мы вписываемъ геройскою кровью въ нашу отечественную исторію, создавая въ то же время новую первоклассную страну—Японію, восходящую въ какомъ-то ореолѣ, благодаря отчасти своей фанатичной храбрости и патріотизму, но также нашей халатности, вѣчной неподготовленности и многимъ, многимъ прозѣваннымъ прорѣхамъ! Неужели и теперь, несмотря на этотъ страшный урокъ, посланный Богомъ, мы не поймемъ, гдѣ кроется тотъ разложенія, который довелъ насъ до этой пропасти?»

Да, было бы ужасно, еслибъ и этотъ кровавый урокъ прошелъ безслѣдно. Но для того, чтобы прямо и честно взглянуть во всѣ наши язвы, которыя назрѣли подъ прикрытіемъ коварнаго «все обстоитъ благополучно», для того, чтобъ это могла сдѣлать, по крайней мѣрѣ, печать, достаточно одной передачи ея въ вѣдѣніе новаго внѣвѣдомственнаго учрежденія, непричастнаго къ политикѣ. Для этого нужно освободить печать отъ того положенія, когда она свободно можетъ говорить лишь «все обстоитъ благополучно», а всякій намекъ на неблагополучіе, малѣйшую

робкую мысль должна прятать въ безчисленныхъ складкахъ эзоповск рабскаго стиля. И нужно, чтобъ освобожденіе явилось не послѣдст административной снисходительности, которая въ каждый данный мом можетъ быть смѣнена обратно на гнѣвъ и немилость, а результат твердыхъ и опредѣленныхъ нормъ, установленныхъ въ законодательн порядкѣ. Снять оковы съ честнаго русскаго слова—вотъ первая и бо болѣе благородная задача, ожидающая новаго министра.

Недавно миновалъ годъ со времени введенія въ трехъ сѣверо-зап ныхъ губерніяхъ—Витебской, Минской и Могилевской—земскихъ учрежд ній. Учрежденія эти, какъ извѣстно, очень мало похожи на земскія уч жденія внутренней Россіи. Уѣздныя и губернскія земскія собранія зам замѣнены «комитетами по дѣламъ земскаго хозяйства», собирающимся одинъ разъ въ годъ. Земскій элементъ представленъ лишь двумя глас ными отъ каждаго уѣзда, остальной же составъ комитетовъ чисто-адм нистративный—изъ представителей разныхъ вѣдомствъ. Въ уѣздныхъ ко митетахъ этотъ административный элементъ совершенно поглощаетъ зем скій; что-жъ касается губернскихъ комитетовъ, то если здѣсь большин ство и состоитъ изъ земцевъ, зато засѣданія происходятъ подъ предс дательствомъ начальниковъ губерній, которые и даютъ преніямъ извѣст ное направленіе.

Учрежденія эти, созданныя по мысли В. К. Плеве, еще при самом введеніи ихъ встрѣчены были дружной критикой печати, выражавшей со мнѣнія въ ихъ цѣлесообразности. Теперь эти сомнѣнія начинаютъ оправд ваться. Попадающіяся въ печати свѣдѣнія о дѣятельности новы земскихъ учрежденій далеко не утѣшительнаго свойства. Въ самом фактѣ введенія особеннаго земства съ исключеніемъ земскаго элемен та, мѣстное населеніе, по свидѣтельству, наприм., корреспонден *Петербургскихъ Вѣдомостей* видитъ доказательство розни и недовѣр Гласные очень неохотно посѣщаютъ засѣданія мѣстныхъ управъ земск хозяйства. Самая работа управъ сводится къ отпискѣ на разные акад ческіе вопросы, предлагаемые имъ отъ времени до времени губернск управой. Предводители дворянства, занятые по-горло разными дѣлами п должности, не могутъ отдавать себя всецѣло мѣстному земству, котор такимъ образомъ, олицетворяется на мѣстѣ непремѣнными членами зе скихъ управъ, наиболѣе знающими земскія дѣла уѣзда, но не приглаш мыми, однако, на засѣданія губернскихъ комитетовъ, гдѣ ихъ присутст было бы въ высшей степени полезно. Все сводится, въ общемъ, къ оф ціальной бумажной перепискѣ, земскимъ духомъ не оживляемой. Не ж гаютъ дѣлу даже и привлеченные въ уѣздные комитеты волостные ст шины: они сидятъ молча и не смѣютъ вступить въ разговоръ с господами».

Въ виду этого новыя учрежденія вызвали общее разочарованіе. И даже задаются вопросомъ, надо ли было вводить земскія учрежде

западная окраина внушаетъ еще недовѣріе. А между тѣмъ земскихъ учрежденій здѣсь ждали давно и съ нетерпѣніемъ.

Характерной чертой дѣятельности упрощенныхъ земствъ является стремленіе къ сокращенію необязательныхъ расходовъ. Такъ, въ происходившемъ въ концѣ августа и началѣ сентября годичномъ собраніи минскаго губернскаго комитета, общая смѣта была составлена на 100,000 р. менѣе предположенія управой. На врачебную часть было ассигновано 468,073 р., но вся эта сумма падаетъ лишь на содержаніе врачебныхъ участковъ и больницъ, приведеніе же въ исполненіе составленнаго еще въ прошломъ году плана распространенія сѣти врачебныхъ пунктовъ отложено на неопредѣленное время.

Собраніе мотивировало это тяжелымъ экономическимъ положеніемъ края и трудностью, въ виду войны, привлеченія врачей, большое количество которыхъ призвано на Дальній Востокъ. Какъ бы то ни было, но недостатокъ медицинской помощи въ уѣздахъ, остро чувствующійся и теперь, останется и на будущее время.

На народное образованіе губернской управой былъ предположенъ расходъ въ 171,778 руб. Эта цифра была уменьшена комитетомъ до 154,235 руб. Сюда, по примѣру прошлаго года, вошло ассигнованіе 81,000 руб. на пособіе церковно-приходскимъ школамъ, хотя еще по поводу прошлогодняго ассигнованія государственный совѣтъ, при утвержденіи смѣты, разъяснилъ, что расходъ этотъ не является обязательнымъ. Три уѣзда—Борисовскій, Пинскій и Бобруйскій стояли за уменьшеніе вдвое ассигнованія на церковно-приходскія школы, но предсѣдатель комитета, начальникъ губерніи, настаивалъ на этомъ расходѣ. Минскій и пинскій уѣздные комитеты выработали планъ развитія сѣти земскихъ школъ съ такимъ разсчетомъ, чтобъ чрезъ 15 лѣтъ достигнуть всеобщаго обученія. Для этого понадобилось бы открыть 300 новыхъ школъ. Комитеты рѣшили открывать по 10 школъ въ годъ, предполагая, что такое же количество будетъ открываться ежегодно и министерство народнаго просвѣщенія. Минскій комитетъ проектировалъ еще открытіе при всѣхъ школахъ библіотекъ, а при нѣкоторыхъ профессіональныхъ отдѣленій. Этотъ планъ встрѣтилъ, однако, возраженія со стороны членовъ другихъ уѣздныхъ комитетовъ, которые доказывали, что школьныя нужды одинаковы во всѣхъ уѣздахъ, и что нѣтъ основанія отдавать предпочтеніе Пинскому и Минскому уѣздамъ. Губернскій комитетъ ассигновалъ на нужды уѣздовъ одинаково по 8 тыс. руб., и уѣздамъ Пинскому и Минскому пришлось такимъ образомъ о азаться отъ своихъ плановъ.

Болѣе утѣшительны свѣдѣнія о дѣятельности губернскихъ комитетъ ь въ юго-западномъ краѣ. Первая сессія кіевскаго комитета законч сь 11 сентября. Она оказалась довольно удовлетворительной по результатамъ своей дѣятельности. Интересно, что уѣздные комитеты далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ задачъ, и дѣятельность губернскаго ко итета въ значительной степени превзошла ихъ. Уѣздные комитеты

почти во всемъ соглашались съ губернской управой и ея предначертаніями и даже сами ходатайствовали объ усиленіи ассигновокъ на полиція. Въ губернскомъ же комитетѣ, гдѣ гласные оказались въ большинствѣ, карта на измѣнилась. Здѣсь сразу образовалось ядро гласныхъ съ опредѣленными взглядами болѣе или менѣе земскаго характера. Какъ сообщаетъ корреспондентъ *Руси*, между этой партіей и чиновничьей, стоявшей за возможно суженіе земскаго бюджета, все время шла глухая борьба, а въ концѣ-концовъ первая партія успѣла провести многое, о чемъ въ уѣздахъ даже не помышляли. Самой крупной побѣдой земской партіи было рѣшеніе вопроса о томъ, какой слѣдуетъ признать смѣту 1905 г., основной или прелиминарной. Если ее признать прелиминарной, то нѣтъ надобности въ немедленномъ увеличеніи ея статей, такъ какъ увеличить ихъ можно и въ будущемъ. Если же считать ее основной, т.-е. такой, при которой въ будущемъ году начнется дѣйствіе закона о предѣльности обложенія, тогда необходимо сейчасъ же увеличить ея статьи. На послѣднемъ рѣшеніи настаивала земская партія, не желавшая отложить хотя бы на годъ возможно болѣе полное удовлетвореніе земскихъ нуждъ. Это рѣшеніе послѣ долгихъ преній и было принято комитетомъ и оказало вліяніе на всѣ его работы. Въ благопріятномъ для населенія смыслѣ былъ рѣшенъ вопросъ о переложеніи подводной натуральной повинности въ денежную и о принятіи ея на счетъ земства. До сихъ поръ подводная повинность, хотя и обслуживала общіе интересы, отбывалась лишь крестьянами и отчасти мѣщанами. Въ смѣтѣ на 1905 г. губернская управа предлагала 50 процентовъ крестьянскихъ расходовъ принять на счетъ земства, оставляя полное рѣшеніе этого вопроса до будущаго. Съ этимъ мнѣніемъ губернской управы согласились десять уѣздныхъ комитетовъ, и только два признавали, что элементарная справедливость требуетъ немедленнаго принятія подводной повинности на общеземскія средства. Въ губернскомъ же комитетѣ одержало верхъ именно это послѣднее мнѣніе. Изъ другихъ рѣшеній комитета отмѣтимъ отказъ отъ предположеннаго нѣкоторыми уѣздными комитетами увеличенія содержанія полиціи изъ земскихъ средствъ. Благопріятны для населенія и рѣшенія комитета по вопросамъ народнаго образованія. Такимъ образомъ соотношеніе между дѣятельностью уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ на юго-западѣ оказалось совершенно обратное, чѣмъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ.

Мы упомянули выше, что вопросы народнаго просвѣщенія не получили надлежащаго разрѣшенія въ губернскихъ комитетахъ сѣверо-западныхъ губерній. Они далеки отъ правильнаго рѣшенія и въ остальныхъ губерніяхъ. Каждую осень, въ началѣ учебнаго года, раздаются со всѣхъ сторонъ жалобы на недостатокъ училищъ, на переполненіе существующихъ и на отказъ въ пріемѣ десяткамъ тысячъ дѣтей, стучавшихся въ школьныя двери. Вотъ, наприм. что пишутъ въ *Пет. Вѣд.* изъ Екатеринослава.

«По примѣру прежнихъ лѣтъ, крайне печальному, наши учебныя заведенія оказались переполненными; ближайшимъ послѣдствіемъ перепол-

явилось ограниченное количество вакансій для новыхъ пріемовъ. На каждую свободную вакансію явилось четверо-пятеро кандидатовъ, которыхъ «процѣживали» сквозь всѣ школьныя хитросплетенія, и въ результатѣ попали въ учебныя заведенія только самые способные и хорошо подготовленные, получившіе на пріемныхъ истязаніяхъ круглыя пятерки, а остальные, хотя и выдержавшіе эти истязанія, выкинуты за бортъ школьнаго корабля. И къ величайшему сожалѣнію, число такихъ несчастливцевъ опять надо считать тысячами, но рекордъ въ этомъ отношеніи побила безплатная женская школа, гдѣ изъ числа 400 кандидатокъ принято только 27, т.-е. одна пятнадцатая часть всѣхъ желающихъ учиться.

Трудно представить себѣ всѣ тѣ слезы, мученія и терзанія, которыя широкимъ потокомъ лились въ городѣ, гдѣ число вакантныхъ мѣстъ въ школахъ всякихъ наименованій и типовъ не удовлетворяетъ и четвертой части жаждущихъ знаній, образованія».

Изъ Минска пишутъ въ ту же газету:

«Печальныя, надрывающія душу картины приходилось видѣть въ стѣнахъ нашихъ учебныхъ заведеній въ дни объявленія результатовъ пріемныхъ испытаній. Многіе десятки и сотни дѣтей, оставленные за бортомъ, плакали горючими слезами надъ невозможностью попасть въ какое-либо учебное заведеніе, вторили имъ и родители. «Что дѣлать съ дѣтьми?»— вопросъ, который не сходитъ съ устъ обывателей города. И въ самомъ дѣлѣ. На стотысячное населеніе у насъ имѣются: одна мужская и двѣ женскихъ гимназіи, одно реальное училище, одно городское по положенію 1872 года, три низшихъ мужскихъ школы со смѣнами и три еврейскихъ. Школы эти далеко не удовлетворяютъ потребности. Всѣ онѣ до того переполнены, что пріемъ производится лишь въ первый классъ, въ который попадаетъ лишь 20% экзаменующихся. Въ мужской гимназіи остаются за штатомъ дѣти, получившія на экзаменахъ круглое 4, несмотря на то, что и требованія предъявляются большія. Во всѣхъ училищахъ, даже въ низшихъ, примѣняется конкурсный экзаменъ, но даже изъ выдержавшихъ испытанія принимается только незначительная часть. Въ текущемъ году наблюдался небывалый наплывъ дѣтей во всѣ учебныя заведенія. Въ общемъ было около 3,000 экзаменовавшихся дѣтей, изъ коихъ принято едва лишь 600. Остальныя остались за штатомъ, и большинство родителей спѣшитъ за ними въ другіе города попытать счастія въ ихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но и тамъ врядъ ли есть мѣсто для минскихъ дѣтей».

Изъ Либавы пишутъ, что женская гимназія до того переполнена, что отъ духоты у классныхъ дамъ и ученицъ появляются головныя боли, воздухъ отъ дыханія множества ученицъ такъ сгущается, что на окнахъ и стѣнахъ образуются капли.

Всѣ эти жалобы, изъ года въ годъ повторяющіяся, настойчиво указываютъ на необходимость увеличенія числа среднихъ учебныхъ заведеній.

А. С.

3 сентября минуло 100 лѣтъ со дня рожденія Михаила Александровича Максимовича.

Потомокъ стариннаго малорусскаго рода, одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей украинскаго просвѣщенія, онъ былъ питомцемъ и преподавателемъ Московскаго университета, принималъ живое участіе въ русской литературѣ 30-хъ годовъ, былъ другомъ Пушкина, Гоголя, Погодина и Кавырева. Спеціальныя занятія ботаникой шли у него объ руку съ изученіемъ русской литературы, въ особенности древней. Ему пришлось организовать университетъ св. Владиміра. Онъ былъ первымъ (и лучшимъ) его ректоромъ и занималъ въ немъ каѳедру русской словесности. Еще раньше онъ интересовался украинской этнографіей и записывалъ малорусскія народныя пѣсни. Свои восторги передъ ихъ чарующею прелестью онъ дѣлилъ съ Гоголемъ, съ которымъ сблизила его общность происхожденія и украинскихъ симпатій. Въ Кіевѣ и на своемъ хуторѣ, куда онъ уединяется послѣ отставки, вызванной крайне разстроеннымъ здоровьемъ, Максимовичъ занимается изученіемъ украинскихъ древностей, языка, быта и литературы, и печатаетъ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій, всегда блестящихъ по изложенію и свѣжихъ по содержанію,—не потерявшихъ своего значенія и до сихъ поръ. Онъ поставилъ украйновѣдѣніе на твердую научную почву и много помогъ его популяризаціи на сѣверѣ въ русской періодической печати.

Благодарная память о немъ до сихъ поръ еще очень свѣжа у украинской интеллигенціи и будетъ крѣпнуть по мѣрѣ роста національнаго самосознанія въ малорусскомъ обществѣ.

К.

Комитетъ по организаціи высшихъ женскихъ курсовъ въ г. Казани, избранный съ разрѣшенія господина попечителя казанскаго учебнаго округа изъ среды профессоровъ и преподавателей Императорскаго казанскаго университета, считаетъ долгомъ увѣдомить городскія и земскія общественныя учрежденія восточной Россіи о томъ, что въ ближайшемъ будущемъ въ г. Казани предполагается открытіе высшихъ женскихъ курсовъ съ отдѣленіями историко-филологическимъ и физико-математическимъ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ.

Предположено принимать на курсы лицъ, кончившихъ женскія среднія учебныя заведенія. Преимущественное право поступленія на курсы предполагается предоставить лицамъ женскаго пола, кончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдующихъ городовъ: казанскаго, оренбургскаго, кавказскаго и западно-сибирскаго, а также въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Восточной Сибири и Средней Азіи. Въ настоящее время уроженки и жительницы этихъ мѣстностей, ищущія высшаго образованія, принуждены направляться въ столичные города, надолго отрываться отъ семьи и нерѣдко страдать отъ дороговизны жизни въ столицахъ. Этими соображеніями и руководствовались профессора и преподаватели казанскаго университета, возбудившіе ходатайство объ открытіи высшихъ женскихъ курсовъ на востокѣ Россіи, [illegible] г. Казани. Въ настоящее время проектъ положенія о высшихъ женскихъ курсахъ въ г. Казани уже выработанъ и находится на разсмотрѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій для скораго открытія и правильно[illegible]

курсовъ является количество матеріальныхъ средствъ, которыми будутъ располагать курсы. Комитетъ по организаціи курсовъ возлагаетъ въ этомъ отношеніи надежду на матеріальную поддержку со стороны городскихъ и земскихъ общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ и поэтому обращается къ городскимъ и земскимъ общественнымъ учрежденіямъ восточной Россіи съ покорнѣйшей просьбою оказать матеріальную поддержку дѣлу, предпринятому въ интересахъ всего востока Европейской Россіи и Сибири. Починъ пожертвованіямъ уже положенъ казанскимъ губернскимъ земствомъ, внесшимъ въ кассу комитета 3,000 рублей въ ознаменованіе столѣтняго юбилея Императорскаго казанскаго университета, предстоящаго 5 ноября 1904 г.

Предсѣдатель комитета заслуженный ординарный профессоръ *А. Васильевъ*.

Члены комитета: заслуженный ординарный профессоръ *К. Арнштейнъ*, заслуженный ординарный профессоръ *Н. Сорокинъ*, ординарный профессоръ *Г. Шершеневичъ*.

Секретарь комитета приватъ-доцентъ *М. Хвостовъ*.

Насъ просятъ напечатать слѣдующее сообщеніе:

Кружокъ „добрый путь!“

Преслѣдуетъ задачу помощи здоровому солдату *въ рядахъ арміи* и его семьѣ *на родинѣ*. Живая связь Кружка устанавливается подачею солдатамъ сумокъ, подъ девизомъ Кружка—въ г. Самарѣ, съ просьбою вступить въ переписку съ Кружкомъ, сообщая послѣднему о личныхъ и семейныхъ нуждахъ во время войны. Отчеты о дѣятельности Кружка (съ 1 марта с. г.) предъявляются по требованію. Адресъ Кружка: С.-Петербургъ, Садовая, Инженерный замокъ, подъѣздъ Главнаго Инженернаго Управленія.

Пожертвованія принимаются въ будніе дни отъ 11 до 3 час. дня, подъ нумерныя квитанціи.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ трехъ книжкахъ *Revue de Paris* (15 августа, 1 и 15 сентября) извѣстный знатокъ Востока, Викторъ Бераръ, напечаталъ статью объ Англіи и Россіи. Онъ останавливается на исторіи англо-русскихъ отношеній, начиная съ царствованія Ивана Грознаго. До 1800 года отношенія эти были дружественными. При Павлѣ I, который стремился къ союзу съ Наполеономъ и задумалъ походъ въ Индію, они пошатнулись и съ тѣхъ поръ почти постоянно ухудшались. Но торговля англичанъ съ русскими развивалась. Вычисляютъ, что въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія англійская торговля преобладала въ портахъ Балтійскаго и Чернаго морей. Въ 1877 г. британскій вывозъ изъ Россіи равнялся 22.100,000 фун. стер., ввозъ—11.400,000 ф. Англичане вывозили по дешевымъ цѣнамъ главнымъ образомъ нашъ хлѣбъ и овесъ и дорого продавали свои фабричныя и заводскія издѣлія. Много англійскихъ товаровъ проникало въ Россію черезъ Данцигъ по нѣмецкимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Послѣ русско-турецкой войны, въ которой Англія ярко выразила свое враждебное къ намъ отношеніе, обѣ стороны, сознательно и безсознательно, начали стремиться къ тому, чтобы обойтись другъ безъ друга, искать другихъ рынковъ. Въ 1887 году англичане вывезли отъ насъ на 15.800,000 ф. ст., т.-е. на 6.300,000 меньше, чѣмъ за десять лѣтъ передъ этимъ. Выиграли отъ этого Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. С другой стороны Россія, сократила свои покупки въ Англіи, что послужило на пользу Германіи.

Протекціонистская политика нѣмецкихъ аграріевъ вызвала однако и пониженіе отпуска нашихъ хлѣбовъ въ Германію, а увеличеніе населенія Соединенныхъ Штатовъ и нѣсколько плохихъ урожаевъ тамъ подняли англійскій спросъ въ Россіи до 24.100,000 ф. ст. (въ 1891 г.). Снятіе протекціонизма при канцлерѣ Каприви вновь подняло нѣмецкую торговлю: въ 1903 г. вывозъ въ Германію равнялся 41 милліону фунтовъ стерлинговъ, ввозъ въ Россію двадцати милліонамъ. Въ то же время, въ виду колоссальнаго роста обрабатывающей промышленности въ Соединенныхъ Штатахъ, англійскій ввозъ туда сильно сократился. Опаснымъ сопер-

Великобританіи становится въ этомъ отношеніи и Германія. Наконецъ, на Дальнемъ Востокѣ конкурентомъ британской торговли выступаетъ Японія (война съ Россіей сильно задержитъ ея экономическое развитіе).

Викторъ Бераръ отмѣчаетъ, что нигдѣ нѣтъ такого вліянія финансовой политики правительства на экономическое развитіе страны, какъ въ Россіи, и вліяніе это далеко не всегда было благопріятнымъ для развитія земледѣлія и интересовъ народныхъ массъ. Правительство является могущественнымъ заказчикомъ. Крестьянинъ почти не знаетъ ни желѣза, ни каменнаго угля. Недостатки нашей централизованной администраціи, которые отмѣчаетъ дружественный намъ наблюдатель, тормозятъ наше культурное развитіе. Бераръ высчитываетъ, что изъ семи милліардовъ франковъ, занятыхъ въ послѣднія десять лѣтъ Россіею (главнымъ образомъ во Франціи), лишь половина пошла на производительные расходы.

Бераръ полагаетъ, что интересы Россіи и Англіи требуютъ дружественнаго торговаго соглашенія.

Австро-Венгрія не можетъ до сихъ поръ выйти изъ того ненормальнаго и опаснаго состоянія, главною причиною котораго является національная вражда между чехами и нѣмцами. То первые, то вторые своею обструкціею не даютъ ни парламенту, ни богемскому ландтагу обсудить ни одного закона. Правительство собираетъ подати и усиливаетъ воинскую повинность собственною властью. Австрійская и венгерская делегаціи дали согласіе на новые расходы по арміи, на перевооруженіе артиллеріи и т. д., а расходы эти очень велики: въ два-три ближайшихъ года 400 милліоновъ кронъ. Былъ сдѣланъ запросъ: почему такая поспѣшность? Развѣ есть опасность нарушенія мира? Графъ Голуховскій отвѣчалъ отрицательно, сдѣлалъ самыя успокоительныя заявленія. Но общеимперскій военный министръ, Питрейхъ, доказывалъ, что быстраго перевооруженія требуетъ опытъ русско-японской войны. Необходимо, чтобы кредиты, разрѣшенные делегаціями, были утверждены венгерскимъ и австрійскимъ парламентами. Первому сдѣланы уступки въ пользу національзаціи арміи: языкомъ командованія на-ряду съ нѣмецкимъ вводится мадьярскій, мадьярскіе полки командуются мадьярскими офицерами. Нѣмцы-централисты видятъ въ этихъ мѣрахъ начало распаденія единства австро-венгерской арміи, и съ этой точки зрѣнія ихъ опасенія основательны.

Свою часть 34,4%, то-есть 138 милліоновъ кронъ, венгерскій парламентъ утвердитъ; но чешскій обструкціонизмъ не позволитъ постановить рѣшенія цислейтанскому парламенту. Изъ 425 депутатовъ этого парламента 203 нѣмцевъ, 219 славянъ, итальянцевъ и румынъ, изъ нихъ около ста голосовъ принадлежатъ оппозиціи, т.-е. чехамъ, кроатамъ, сербамъ, русинамъ и словенцамъ. Поляки обыкновенно поддерживаютъ правительство.

На Балканскомъ полуостровѣ положеніе Австро-Венгріи трудное. Пробудившіяся національныя стремленія болгаръ и сербовъ ставятъ преграды австро-венгерской гегемоніи. Если между Сербіей и Болгаріей дѣйствительно

установятся прочныя дружественныя отношенія, если ихъ не наруш
македонскій вопросъ, то австро-венгерскому вліянію будетъ нанесенъ сил
ный ударъ. Въ Австріи съ опасеніемъ смотрятъ и на Италію, у кот
есть важные интересы въ Албаніи. Сюда присоединяется теперь и близ
родство итальянскаго королевскаго дома съ княземъ черногорскимъ.

Цислейтанія сильно страдаетъ отъ фактическаго прекращенія парл
ментской жизни. Экономическое благосостояніе страны разрушается вслѣ
ствіе упорной и страстной національной вражды. И чехи, и нѣмцы въ
ожесточенной борьбѣ несутъ тяжелыя потери въ промышленно-торговы
отношеніи. Современная Австро-Венгрія является яркимъ доказательство
односторонности теоріи экономическаго матеріализма. Не производственны
отношенія, а племенная вражда опредѣляетъ теперь въ ней *надстройк*

Односторонность эта доказывается и въ жизни нашихъ антиподовъ—
на Новой Зеландіи. Здѣсь существуетъ такое смѣлое соціальное зако
дательство, которое изумляетъ даже англичанъ и сѣверо-американцевъ
установленъ восьмичасовой рабочій день, минимальная заработная плат
обязательный третейскій судъ между рабочими и предпринимателями. Нес
тѣмъ капитализмъ въ Новой Зеландіи далеко не получилъ такого развит
какъ въ Австраліи, напримѣръ, города немноголюдны, земля раздроблен
Во главѣ правительства съ 1890 года стоитъ Седдонъ (Seddon), котор
провелъ эти широкія демократическія реформы (его ближайшимъ сотруд
комъ былъ Reeves). Теперь въ Новой Зеландіи существуетъ и общая пе
сіонная касса для престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду рабочихъ, пр
чемъ казна выплачиваетъ ежегодно пять милліоновъ франковъ.

Законодательство этой самоуправляющейся британской колоніи стави
большія препятствія наплыву новыхъ колонистовъ. Въ настоящее вре
населеніе Новой Зеландіи равняется 800,000 чел. на пространствѣ, равно
Италіи. Новозеландцы говорятъ, что лучше имѣть милліонъ жителей в
полномъ достаткѣ, чѣмъ нѣсколько милліоновъ въ плохихъ условіяхъ суще
ствованія.

Грозныя событія на Дальнемъ Востокѣ продолжаютъ приковывать к
себѣ общественное вниманіе. Война ведется въ такихъ размѣрахъ, съ т
кимъ ожесточеніемъ, что тревожныя ожиданія держатъ насъ въ мучительно
напряженіи. Мнѣ приходилось уже указывать на особенности этой ужасн
войны, въ которой переплетаются экономическіе интересы съ племенно
ненавистью. Когда же побѣда? Когда же миръ и каковъ онъ будетъ? Ест
ственно, что печать занялась пересмотромъ нашихъ задачъ на Вос
Этому вопросу посвящена недавно вышедшая въ Петербургѣ брошю
извѣстнаго автора *).

Наше тѣсное сосѣдство съ неустроенными восточными госуда
толкаетъ насъ на невольныя завоеванія, но государственныя сооб

*) „Наши задачи на Востокѣ", А. Г.

должны заставлять насъ удерживаться отъ территоріальнаго распространенія въ тѣ стороны, гдѣ нѣтъ надежды на заселеніе окраинъ кореннымъ русскимъ населеніемъ.

На ближнемъ Востокѣ намъ остается, по мнѣнію автора, одинъ нерѣшенный вопросъ—о проливахъ. «Намъ важно, чтобы нашъ естественный выходъ изъ Чернаго моря былъ во всякое время свободенъ для нашихъ коммерческихъ и военныхъ судовъ и чтобы берега проливовъ не служили нашимъ врагамъ военными позиціями противъ насъ».

Г. А. Г. признаетъ, что въ данномъ случаѣ интересы Россіи и Англіи прямо противоположны: «Англія, защищая свой путь Гибралтаръ—Гонконгъ, должна стремиться закрыть проливы для Россіи; Россія, въ видахъ самообороны, должна стремиться открыть проливы только для себя. Хотя теперь Англія недавними успѣхами своей дипломатіи и укрѣпилась въ Оманѣ, Аденѣ и Египтѣ, однако, возможность согласованія въ черноморскихъ проливахъ интересовъ Германіи и Россіи и вѣроятность стихійнаго вовлеченія Турціи въ русско-германскую политику должны представляться Англіи угрозою для ея жизненнаго нерва, а потому все, что мы съ своей стороны сдѣлаемъ для уменьшенія этой угрозы, должно содѣйствовать дѣлу мира. Было бы напраснымъ трудомъ искать рѣшенія этого вопроса въ выборѣ той или иной политики нашей собственно по отношенію къ Турціи, потому что никакая политика не можетъ ни уничтожить, ни ослабить факта, что черноморскіе проливы составляютъ единственный выходъ для насъ изъ Чернаго моря. Но соотвѣтствующей политикой на Среднемъ и Дальнемъ Востокѣ мы можемъ ослабить самую потребность для насъ пользоваться черноморскими проливами, какъ военными путями сообщенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшить и потребность пользоваться для той же цѣли англійскими воротами на пути Гибралтаръ—Гонконгъ. Мы должны стремиться къ уменьшенію этихъ настоящихъ нашихъ потребностей и потому, что у насъ нигдѣ нѣтъ промежуточныхъ угольныхъ станцій, такъ что въ военномъ отношеніи означенный путь намъ и самимъ крайне неудобенъ».

Авторъ рѣшительно возстаетъ противъ территоріальнаго расширенія къ побережьямъ Индійскаго океана. Но на Дальнемъ Востокѣ г. А. Г. требуетъ созданія самостоятельной морской базы «при соотвѣтствующемъ оборудованіи ея въ отношеніяхъ техническомъ, хозяйственномъ и военномъ». Легко сказать!

Такую базу при нашихъ настоящихъ государственныхъ границахъ г. А. Г. признаетъ невозможнымъ по слѣдующимъ причинамъ: а) Наши два порта, Владивостокъ и Петропавловскъ, замерзаютъ, и нельзя оборону государственной границы ставить въ зависимость отъ исправности работы нѣсколькихъ ледоколовъ, въ то время какъ противникъ пользуется по близости нашихъ границъ незамерзающими портами. б) Изъ этихъ двухъ портовъ главный, Владивостокъ, не имѣетъ свободнаго выхода къ океану, а окруженъ со всѣхъ сторонъ японскими островами, другой, Петропавловскъ, слишкомъ удаленъ какъ отъ театра будущихъ войнъ, такъ и отъ тѣхъ

районовъ, въ которыхъ можно ожидать населенности и развитія промышленности, горной и заводской. Что же касается до Портъ-Артура, то его уединенное положеніе слишкомъ опасно, а главное—выходъ отъ Квантуна къ свободному океану находится подъ запоромъ близко сходящихся береговъ Желтаго моря.

«Только на южномъ и западномъ побережьяхъ Кореи мы можемъ найти порты, удовлетворяющіе условіямъ прочнаго и самостоятельнаго обоснования нашей морской базы; но такая задача не исчерпывается занятіемъ однихъ портовъ. Надежное ея рѣшеніе требуетъ: 1) распространенія нашего исключительнаго вліянія во всей Кореѣ, въ Сѣверной и Южной Манджуріи, или включенія ихъ въ наши предѣлы; 2) созданія на Дальнемъ Востокѣ, именно въ Сѣверной Манджуріи, прочнаго для насъ оплота путемъ колонизаціи ея кореннымъ русскимъ населеніемъ, и 3) экономическаго развитія края, съ созданіемъ въ немъ горной и заводской промышленности».

Г. А. Г. обѣщаетъ намъ, что осуществленіе этого «*созданія*» встрѣтитъ сочувствіе и поддержку со стороны Англіи, стоитъ только сказать ей, что мы не тронемъ ни Индіи, ни Персіи...

Въ заключеніе авторъ брошюры говоритъ намъ, что «не исключается передача во власть Россіи Константинополя и проливовъ». И это говорится тогда, когда война съ одной Японіей требуетъ страшнаго напряженія всѣхъ народныхъ силъ! Совѣстно, сидя въ кабинетѣ, какъ будто расчитываться десятками и сотнями тысячъ жизней, — по крайней мѣрѣ, должны бы быть совѣстно.

В. Г.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

„Первая ласточка". Драма въ 4 дѣйствіяхъ Виктора Рышкова.—„Красная мантія". Драма въ 4 дѣйствіяхъ Бріе. Перев. съ французск. А. Ѳедотова (*Малый театръ*).—„Въ старомъ Гейдельбергѣ". Комедія въ 5 дѣйствіяхъ Вильгельма Мейеръ-Ферстера. Перев. Э. Маттерна и А. Воротникова (*Новый театръ*).—„Слѣпые", „Непрошенная", „Тамъ-внутри". Драмы Мориса Метерлинка, въ переводѣ К. Д. Бальмонта (*Художественный театръ*).

«Первая ласточка», залетѣвшая на гостепріимную сцену Малаго театра, хороша только своею искренностью и добрыми намѣреніями. О ней нельзя говорить серьезно, потому что автору сравнительно удался въ ней именно элементъ несерьезный—водевильная фигура отставного унтеръ-офицера, его невѣста и его мать, покуда она, къ удивленію читателей и зрителей, не превращается вдругъ изъ обыкновенной старушки въ какую-то степную леди Макбетъ (эта неожиданная метаморфоза оказалась не подъ силу и г-жѣ Садовской,—комическій талантъ артистки, разумѣется, не приноситъ ей особенной пользы на высотахъ драматизма). Но если психологія самодовольнаго солдата и нѣжная воспріимчивость купеческой дѣвицы къ блестящей формѣ кирасира нашли себѣ въ г. Рышковѣ недурного изобразителя (а въ г. Падаринѣ и г-жѣ Леонтьевой—жизненныхъ исполнителей), то во всемъ остальномъ его пьеса удручаетъ своей идейной и художественной безпомощностью. Сказать, что хорошее лучше нехорошаго, что театръ выше кабака, что жениться надо по любви, что муравьи совмѣстной работой воздвигаютъ удивительныя постройки, что интеллигентный пахарь благороднѣе невѣжественнаго міроѣда,—сказать все это словами б альными и блѣдными: вотъ какую задачу принялъ на себя и осуще- с илъ г. Рышковъ. Его герой заявляетъ о себѣ, что иной разъ ему въ г ову «сразу нахлынетъ столько мыслей», а иной разъ она бываетъ «со- в мъ пустой»; но, собственно, зритель и читатель не видятъ существен- в і разницы между этими двумя состояніями его головы, потому что ко- л ество мыслей не соотвѣтствуетъ здѣсь ихъ качеству и свѣжести. И какъ

ни старался г. Ленинъ, игравшій босого обладателя этой головы, какъ ни старался онъ вдохнуть жизнь въ ту истрепанную тетрадку прописной морали, которую на протяженіи четырехъ актовъ заставлялъ его читать авторъ,—это ему не удалось и удаться не могло.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что если ужъ г. Рышковъ задумалъ изобразить одиночество культурнаго человѣка въ деревенской семьѣ и средѣ, то ему надо было бы сосредоточиться на своемъ замыслѣ и не осложнять, не ослаблять его мотивами случайными и постороннимъ. Тихонъ Ухтовъ, кандидатъ правъ, поселившійся въ деревнѣ для земледѣльческой работы и этимъ, по мнѣнію автора, стяжавшій себѣ эмблему первой ласточки (на самомъ дѣлѣ не опоздалъ ли онъ?),—Тихонъ нашелъ въ своихъ родителяхъ не только тупыхъ и корыстныхъ мужиковъ, но и мелодраматическихъ убійцъ, что̀ является уже противопоставленіемъ не культуры и крестьянства, а добродѣтели и порока; много лѣтъ назадъ родители Тихона убили и ограбили купца,—это, конечно, очень нехорошо съ ихъ стороны, но какое же отношеніе это имѣетъ къ основной мысли г. Рышкова? Далѣе, Тихонъ, по волѣ автора, влюбился, но интеллигентная дѣвушка Елена Лукина отказала ему въ своемъ сердцѣ: «первая ласточка», прилетѣвъ раньше времени и замерзая, стучалась и въ мое окна, а я не впустила и не согрѣла ея»,—каялась она потомъ. Не мы будемъ оспаривать вкусъ Елены Лукиной; но вѣдь то, что ей не понравился Тихонъ, опять-таки случайно и не является сколько-нибудь типичной чертой первыхъ ласточекъ. И если бы Елена полюбила Тихона отвѣтной любовью, что̀ было бы вполнѣ естественно и возможно,—то онъ не покончилъ бы съ собою, и драма не была бы драмой.

Къ слову сказать, намъ представляется интереснымъ и психологически-вѣрнымъ штрихомъ то, что, выслушавъ покаянный разсказъ отца и завѣщаніе раздать всѣ деньги нищимъ, обезумѣвшій Тихонъ, за минуту до самоубійства, бросается изъ комнаты съ крикомъ: «Нищіе!... Къ нимъ! Сюда!... Нищіе!...»

«Красная мантія» давно уже была поставлена на сценѣ частнаго театра и публикѣ извѣстна. Всѣ знаютъ и то, какова общая физіономія драматургіи Бріе. Художественнаго значенія его пьесы почти не имѣютъ; они наскоро одѣваютъ въ діалогическую форму опредѣленные тезисы автора. При этомъ Бріе интересуется только тѣмъ, что̀ его непосредственно задѣваетъ; слабыя крылья его обличеній и сатиры не уносятъ его далеко. Случайные нравы данной соціальной группы составляютъ для него очень заколдованный кругъ, изъ котораго онъ не выходитъ, надъ предѣлами котораго онъ не возвышается до глубокихъ идей и волненій общечеловѣческихъ.

ского характера. Внѣ своей страны онъ въ значительной степени теряетъ свой интересъ, и только на французской почвѣ можно его понять вполнѣ. Въ его произведеніяхъ тѣсно; такъ и хочется раздвинуть ихъ рамки, ихъ ограниченные горизонты. И въ общемъ, онъ—только хорошій ремесленникъ драмы, какъ герои его «Красной мантіи»—бездушные ремесленники суда.

Въ «Красной мантіи» онъ изображаетъ и обличаетъ нравы своей отечественной магистратуры. Явственно проступаютъ всѣ недостатки французскаго суда и французскихъ судей. «Лихорадка повышенія» побуждаетъ людей осуждать съ легкимъ сердцемъ другихъ и мечтать о томъ, чтобы съ своей стороны доставить какъ можно больше человѣческаго матеріала ножу гильотины. На прокурора начальство смотритъ непріязненно, если онъ не обвиняетъ во что бы то ни стало. И жены судей поощряютъ своихъ супруговъ къ обвиненію, къ требованію смертной казни. Всячески угождаютъ вліятельнымъ лицамъ, депутатамъ, и въ поверхностномъ осужденіи парламентскаго режима Бріе полагаетъ даже, что «всеобщая подача голосовъ—бичъ и тиранъ суда»...

Все это, съ извѣстнымъ налетомъ политической и всякой другой тенденціи, представлено у Бріе довольно сильно. Но онъ нигдѣ не поднимается до общей проблемы о томъ, насколько человѣкъ имѣетъ право судить человѣка. Великая притча о грѣшницѣ, въ которую послѣ словъ Учителя никто не дерзнулъ бросить камнемъ,—великая отвѣтственность суда и осужденія не нашла себѣ у Бріе достойнаго отзвука. Французскій авторъ подошелъ къ глубокой задачѣ, но онъ ея не замѣтилъ, ея не понялъ, и онъ остался мелкимъ.

Отъ совершенной плоскости эту поверхностную сатиру на чиновниковъ, на опредѣленное вѣдомство, спасаетъ только то, что Бріе удачно намѣтилъ и разработалъ борьбу судебнаго слѣдователя съ непроницаемостью чужого сознанія. Конечно, русской литературѣ онъ не могъ сказать этимъ ничего сильнаго и новаго, потому что русская литература въ «Преступленіи и наказаніи» имѣетъ поразительныя страницы допроса, страшный поединокъ Раскольникова съ Порфиріемъ Петровичемъ. Но если отвлечься отъ этой бездонной и пугающей глубины, отъ глубины Достоевскаго, то надо сказать, что со своей задачей Бріе въ данномъ пунктѣ справился очень хорошо. А на сценѣ Малаго театра ему оказалъ несравненную помощь г. Южинъ. Судебный слѣдователь Музонъ, воплощаемый артистомъ, т ъ допрашивалъ мнимаго убійцу Эчепара (г. Падаринъ), такъ игралъ с нимъ въ психологическія кошки и мышки, что вчужѣ становилось я тко. Въ неисчерпаемомъ разнообразіи мѣняя естественныя интонаціи и и ь оттѣнки, угрожая, упрашивая, симулируя трогательное волненіе и у стіе, виртуозно и хитро перебирая безхитростныя болящія струны н винной души, Южинъ-Музонъ извивался, какъ змѣя и, повидимому,

совсѣмъ уже проникалъ въ эту чужую душу, смущалъ и туманилъ ее ядовитымъ сплетеніемъ коварныхъ словъ,—но нѣтъ, она, уже, казалось, готовая увѣровать въ собственную преступность, уже, казалось, изнуренная и покоренная словесной пыткой, вдругъ опять и опять въ послѣднихъ вспышкахъ отчаянія уклонялась отъ своего удава,—и приходилъ въ отчаяніе жестокій допрашиватель. Этотъ слѣдовательскій спортъ, эта охота на человѣческую душу—наиболѣе сильная сторона и самой пьесы, и ея сценическаго воспроизведенія. Вы чувствуете, какъ грѣшно выпытывать, насильственно спрашивать человѣка, нарушать его священное право молчанія. И трогательно, и страшно слышать, какъ Эчепаръ-Падаринъ кинется въ своей невинности своими дѣтьми.

Не довольствуясь эффектами сравнительно простыми, Бріе въ одну драму вставилъ другую. Эчепаръ, мнимый убійца, оправданъ. Но судебное слѣдствіе выяснило, что его любимая жена, прекрасная мать его дѣтей, была когда-то въ ранней молодости соблазнена однимъ парижскимъ вампшей, бѣжала съ нимъ, похитившимъ отцовскія деньги, и за укрывательство была приговорена къ тюрьмѣ. Эчепаръ всего этого не зналъ. Судъ, который не церемонится съ человѣческой душой, который безпощадно роется въ прошломъ человѣка,—судъ открылъ ему эту тайну и обрушилъ на его плечи, и безъ того истомленныя, цѣлую гору страданія и стыда. Погибло его мирное благополучіе, оттолкнулъ онъ отъ себя жену, и она, отомщая свое разоренное счастіе, свой погубленный домъ, убила виновника своихъ бѣдъ, палача души—судебнаго слѣдователя Музона.

Все это у Бріе сдѣлано мелодраматически; но связь между одной драмой и другою, между дѣломъ Эчепара и дѣломъ его жены, тѣмъ не менѣе есть, и она заключается именно въ томъ, что ихъ создала одна и та же «красная мантія»; она заключается въ этомъ грубомъ проникновеніи судьи и судьи во всѣ закоулки интимной человѣческой жизни, въ этомъ разоблаченіи полузабытыхъ тайнъ. А сильная игра г-жи Ермоловой еще больше сумѣла придать образу Янетты Эчепаръ краски жизненныя и привлекательно-героическія.

«Въ старомъ Гейдельбергѣ»—милый, задушевный разсказъ о томъ, какъ жизнь неумолимо отрываетъ людей отъ молодой поэзіи и радости, отрываетъ для суровой заботы и долга.

Юный принцъ Карлъ-Гейнрихъ вырвался изъ скучнаго великогерцогскаго двора на привѣтливые берега Неккара, въ старый Гейдельбергъ, и тамъ онъ былъ студентомъ среди студентовъ, и пѣлъ Gaudeamus igitur, и пилъ вино, и любилъ хорошенькую кельнершу. Съ нимъ отправили въ Гейдельбергъ наставника, доктора философіи Ютнера, но старый докторъ въ старомъ Гейдельбергѣ тоже почувствовалъ себя молодымъ и принимался

сильное участіе въ веселой жизни своего питомца. И было шумно, радостно, молодо... Но пріѣхалъ въ Гейдельбергъ чопорный министръ и сообщилъ, что великій герцогъ разбитъ параличомъ; и вотъ Карлъ-Гейнрихъ долженъ снова уѣхать въ тоскливый Карльсбургъ, чтобы взять въ свои руки дѣла государства. Юность уходитъ, студентъ обращается въ правителя, и Кэти, которую онъ любилъ, съ тоскою говоритъ ему: «ты не вернешься». Нѣтъ, онъ вернулся. Но не вернулось то, что никогда не возвращается: беззаботная радость ничѣмъ не омраченной души.

Два года спустя принцъ—уже великій герцогъ, и уже составленъ пышный церемоніалъ его бракосочетанія съ владѣтельной принцессой; но тяжело на душѣ у Карла-Гейнриха, и мы видимъ, какъ онъ томится ночью въ своей холодной и неуютной залѣ, гдѣ тихо унылой тишиною смерти. И Карлъ-Гейнрихъ бѣжитъ отъ этой тишины, и въ послѣдній разъ онъ ѣдетъ въ старый Гейдельбергъ, на привѣтливые берега Неккара. Но тамъ уже онъ не находитъ того, что было,—не находитъ и самого себя.

Спитъ въ могилѣ старый докторъ Ютнеръ, прежніе товарищи-студенты разъѣхались, а новые студенты видятъ въ Карлѣ-Гейнрихѣ великаго герцога. И хотя великій герцогъ надѣваетъ фуражку студенческой корпораціи, но онъ уже не студентъ душою, и милостиво, но холодно, чуждымъ тономъ правителя, бросаетъ онъ отрывочныя фразы и безучастные вопросы студентамъ, которые облечены въ торжественные фраки. И похоронными звуками льется Gaudeamus igitur, и не тѣшитъ музыка, и не веселитъ вино. Только Кэти, хорошенькая кельнерша, не измѣнилась, и съ прежней любовью встрѣчаетъ она Карла-Гейнриха. И онъ ее любитъ, но когда она проситъ его не грустить, улыбнуться,—онъ груститъ, онъ не улыбается, и видно, какъ морщины дѣлъ и заботъ избороздили его чело. И теперь ужъ онъ навсегда уѣзжаетъ изъ стараго, милаго Гейдельберга, и хорошенькая кельнерша Кэти тоже скоро уѣдетъ изъ Гейдельберга, и чувствуется, что у каждаго изъ людей есть свой милый Гейдельбергъ, который рано или поздно, скорѣе рано, чѣмъ поздно, надо будетъ покинуть для неуютнаго Карльсбурга, для суроваго дѣла...

Эту задумчивую, тихую элегію Новый театръ воплотилъ очень хорошо, и вѣяло весельемъ отъ студентовъ, вѣяло тоскою отъ холодной залы дворца, вѣяло невыразимой грустью отъ послѣднихъ сценъ прощанія и разлуки.

Г. Ленинъ изящно и благородно, до полной иллюзіи, сыгралъ свою роль принца; это была воплощенная молодость, которая уходитъ, и вы чувствовали, какъ тѣни ложатся на это лицо и на порогѣ своей зрѣлости въ нерѣшительное одиночество замыкается эта душа.

Г. Правдинъ въ обликѣ стараго, но вѣчно молодого доктора философіи Ютнера, былъ неподражаемо-хорошъ и выразителенъ во всѣхъ комическихъ эпизодахъ своей роли, и создалъ онъ лицо добродушное, симпатичное,

желанное. Когда изъ устъ принца зрители узнали въ третьемъ актѣ, что докторъ Ютнеръ умеръ, по театру какъ бы пронесся вздохъ печали и сожалѣнія. Но слабѣе наметилъ г. Правдинъ элегическія черты своего прототипа. Когда изъ скучнаго Карльсбурга, гдѣ тонъ задаютъ камеръ-лизы, старый буршъ Ютнеръ вырывается въ чуждое этикета царство студентовъ, въ милый, отрадный по воспоминаніямъ Гейдельбергъ, когда онъ послѣ многихъ лѣтъ одиночества опять слышитъ дружное Gaudeamus igitur,—онъ не можетъ только смѣяться, ему не можетъ быть только весело: онъ долженъ испытывать и тихую скорбь. Старый, онъ слышитъ пѣснь молодости, которая была когда-то его собственной молодостью; старый, онъ самъ поетъ о молодыхъ, самъ поетъ juvenes dum sumus,—и эта пѣснь, такая грустная и противорѣчивая въ устахъ старика, эта пѣснь должна вызывать у него сочетаніе улыбки и слезъ, настроеніе меланхолическое. Этого г. Правдинъ не показалъ,—онъ не задумался, не затуманился, онъ былъ слишкомъ весенъ.

Г-жа Турчанинова могла бы наметить болѣе обаятельный и граціозный образъ, но и то, что она дала, сливалось съ общимъ впечатлѣніемъ прекраснаго спектакля. Можно только указать на одно: г-жа Турчанинова слишкомъ драматизировала любовь Кэти къ принцу,—а это едва ли соотвѣтствуетъ легкому стилю и воздушности пьесы. Комедія Ферстера была бы мрачнѣе, можетъ быть—она была бы и глубже, если бы недолгую встрѣчу принца и кельнерши авторъ трактовалъ какъ нѣчто страстное и серьезное; и тогда разлука Кэти и Карла была бы трагедіей, и тогда нельзя было бы этой разлуки простить Карлу, который женится на принцессѣ. Но этого нѣтъ, и пьеса—иная: Кэти не героиня истиннаго романа, Кэти—общая любимица студентовъ; она—«трактировъ швабскій Геба, разливательница пива», и входитъ она въ сердце милой, но мимолетной гостьей.

Типиченъ г. Айдаровъ въ роли строгаго министра, и очень забавенъ г. Парамоновъ въ роли гордаго и важнаго камеръ-лакея, который смотритъ на «студентовъ и тому подобный народъ» съ высоты своего маленькаго величія и чувствуетъ себя хорошо не въ старомъ непринужденномъ Гейдельбергѣ, а въ неуютныхъ залахъ Карльсбурга съ его этикетомъ и вѣчной скукой.

Пьесы Метерлинка на сценѣ Художественнаго театра не произвели сколько-нибудь серьезнаго впечатлѣнія. Конечно, это прежде всего объясняется тѣмъ, что въ психологическихъ этюдахъ бельгійскаго писателя нѣтъ движенія и дѣйствія. Онъ написалъ ихъ тогда, когда исповѣдывалъ мысль, что истинною жизнью мы живемъ не въ тѣ мгновенія, въ которыя нами овладѣваетъ страсть. «Мнѣ случалось думать,—говоритъ онъ — старикъ, сидя въ своемъ креслѣ, просто дожидающійся при лампѣ

слушивающійся, самъ того не зная, ко всѣмъ вѣчнымъ законамъ, которые царятъ вокругъ дома, безсознательно истолковывающій молчаніе дверей и оконъ и тихій голосъ свѣта, спокойный, лицомъ къ лицу съ своей душой и своей судьбой, чуть-чуть склоняющій голову, не подозрѣвая, что всѣ міровыя силы присутствуютъ и бодрствуютъ въ этой комнатѣ, какъ внимательныя служанки, что и само солнце поддерживаетъ надъ бездной тотъ маленькій столъ, на который онъ облокотился, и что нѣтъ небесной звѣзды и духовной силы, которымъ было бы безразлично малѣйшее движеніе его опускающихся вѣкъ или его просыпающейся души,—мнѣ случалось думать, что этотъ недвижный въ своемъ креслѣ старикъ живетъ, по-истинѣ, жизнью болѣе глубокой, болѣе человѣческой и болѣе общей, чѣмъ влюбленный, удавливающій свою любовницу, полководецъ, одерживающій побѣду, или мужъ, истящій за свою честь... Есть тысячи и тысячи законовъ болѣе могущественныхъ и болѣе достойныхъ поклоненія, чѣмъ законы страсти. Но эти медленные, осторожные и молчаливые законы, какъ все одаренное роковою силой, можно усмотрѣть и услыхать только въ полусвѣтѣ, только въ сосредоточенности спокойныхъ часовъ жизни» *).

Какъ ни глубока мысль Метерлинка, но ясно, что «сосредоточенность спокойныхъ часовъ жизни» не имѣетъ ничего общаго съ тѣми часами, которые мы проводимъ въ театрѣ. Зрительная зала не есть пріютъ сосредоточенности и спокойствія. Старикъ, перенесенный въ своемъ креслѣ на сценическіе подмостки, не будетъ одинъ, и тѣ, которые станутъ смотрѣть на него, тоже не будутъ одни. И разсѣянное одиночество спугнетъ и унесетъ съ собою неуловимые звуки молчанія, краснорѣчивое безмолвіе дверей и оконъ, таинственные отголоски душевной драмы. Будетъ шумно, суетливо, ярко,—хотя бы и потушили электрическіе огни; и въ пестротѣ неизбѣжной театральной искусственности поблѣднѣютъ, исчезнутъ нѣжныя и пугливыя линіи внутренняго міра, завянутъ его чуткіе цвѣты. И при такихъ условіяхъ, при такой условности, старикъ, который будетъ глядѣть себѣ въ душу, ничего въ ней не увидитъ, какъ не увидимъ давно и мы, его непрошенные гости, его нескромные соглядатаи. Онъ, по словамъ Метерлинка, къ чему-то прислушивается, чего-то дожидается при свѣтѣ своей лампы; такъ вотъ, зажжемъ и свою лампу, возьмемъ ту книгу, въ которой о немъ говорится, и тогда въ уединенной тишинѣ *своего* вечера мы поймемъ и почувствуемъ *его* тишину, мы проникнемся его глубокими думами, и для насъ, какъ и для него, въ шепотѣ ночи, въ «тихомъ голосѣ» мерцающаго свѣта откроется загадочное соприкосновеніе и содружество вещей.

Пьеса, изъ которой движеніе и страсть принципіально изгнаны, кото-

*) Цитируемъ по статьѣ A. van Bever'a, переведенной въ IX книгѣ „Вѣсовъ".

рая не хочетъ проявленій, которая любитъ и слушаетъ молчаніе,—такая пьеса не должна стучаться въ шумныя двери театра. Кромѣ того, если она имѣетъ характеръ воздушный и фантастическій, она не выдержитъ громоздкаго реализма сцены. Для нея рампа слишкомъ груба и голоса актеровъ слишкомъ громки. Она не вынесетъ конкретности. Театръ иллюстрируетъ, онъ показываетъ все наглядно и ставитъ точку надъ каждымъ і; этимъ онъ упраздняетъ фантазію, а между тѣмъ пьеса-грёза, пьеса-сказка только въ сумеркахъ фантазіи и сохраняетъ свое очарованіе.

Бездѣйственныя пьесы Метерлинка трудно мирятся съ подвижностью сцены. Когда въ темнотѣ незамѣтно раздвинулся занавѣсъ Художественнаго театра и изъ глубины сѣвернаго лѣса выступили живописныя фигуры слѣпцовъ, это было красиво. Но потомъ слѣпые начали разговаривать, и такъ какъ у самого Метерлинка разговоръ не претворенъ въ движеніе и не является спутникомъ живыхъ коллизій, то между публикой и артистами, между зрячими и слѣпыми не возникло никакой симпатіи и связи. Единственное важное событіе, которое совершается въ пьесѣ, это—то, что слѣпые находятъ мертвымъ своего проводника. Но зрители не принимаютъ участія въ этомъ ужасѣ, такъ какъ для нихъ онъ не неожиданъ. Вѣдь они уже знаютъ, что священникъ умеръ; они все время видятъ его бездыханное тѣло, прислоненное къ дубу; они видятъ его восковое лицо, на которомъ, по слову автора, застыли неисчислимыя страданія и слезы. Въ книгѣ Метерлинка глубокую жалость вызываютъ эти безпомощные люди, которые надѣются и уповаютъ на того, кто уже не можетъ имъ помочь; въ театрѣ, для публики, здѣсь всетаки нѣтъ эффекта драматическаго, выразительности.

Слѣпые только разговариваютъ, и разговариваютъ монотонно. Линія ихъ однообразной бесѣды не волниста, и кромѣ того, въ своемъ содержаніи, она не имѣетъ внутренней и убѣдительной необходимости,—они могли бы говорить совсѣмъ о другомъ, они могли бы замолчать и раньше, и позже. Это—роковой недостатокъ пьесы.

Слѣпые говорятъ простыя вещи, но вы чувствуете, что здѣсь дѣло все-таки не спроста и, не отдаваясь одному только непосредственному впечатлѣнію, вы подъ словами ищете символовъ. Трогательно положеніе слѣпцовъ, которые заблудились и, сами того не зная, сидятъ вокругъ мертваго проводника; это само по себѣ могло бы служить благодарною темой разсказа, но Метерлинкъ символически углубляетъ свой сюжетъ. И если въ деталяхъ намеки автора являются загадкой, которую можетъ быть и неинтересно разгадывать, то общій смыслъ его произведенія слишкомъ ясенъ.

Слѣпые народы вѣка и вѣка находятся вмѣстѣ, но они другъ друга не видятъ, другъ друга не знаютъ, другъ друга не любятъ, потому что не видѣть, для того чтобы любить. Они живутъ въ какомъ-то загадочномъ

ріютѣ,—но еще ни разу не узрѣли они своего жилища. Напрасно ощу-ываютъ они стѣны и окна,—они не знаютъ, гдѣ они живутъ. Они только ышали, что это старый, обветшавшій и мрачный замокъ и что свѣтъ инѣется въ немъ только изъ башни священника, ихъ проводника. И такъ ни живутъ, не понимая другъ друга, и каждый запертъ въ свое слѣпое иночество, и они не видятъ надъ собою неба, не видятъ подъ собою мли. «Не будемъ говорить о нашихъ глазахъ»—проситъ одинъ другого. ни не знаютъ, откуда они пришли и гдѣ ихъ родина; они совсѣмъ е имѣютъ воспоминаній, или же воспоминанія ихъ смутны и блѣдны, къ давно приснившійся сонъ. Такъ какъ они слѣпы, то имъ все равно, ень или полночь, и они не знаютъ, отбиваютъ ли часы двѣнадцать ія или двѣнадцать ночи; восходъ солнца они встрѣчаютъ подъ низкими одами спальной, и напрасно зоветъ ихъ проводникъ на вольный берегъ ря. Они боятся невѣдомаго Острова, на которомъ живутъ, и пугаетъ ъ ропотъ прибоя, зловѣщій полетъ ночныхъ птицъ, сухое шуршаніе ртвыхъ цвѣтовъ. Слѣпые среди слѣпыхъ и безумныхъ, они дожидаются оего ушедшаго проводника. Онъ все не приходитъ. Вообще, ему нельзя вѣряться, потому что и самъ онъ, кажется, больше не видитъ. Среди ыхъ онъ и самъ почти ослѣпъ. И некому жаловаться на него, некому вѣдать свой ропотъ. Да, они ропщутъ, слѣпые, и узнавъ, что онъ умеръ, ке и тогда съ укоризной говорятъ: «онъ долженъ былъ насъ предупре-ть!» А вѣдь, собственно, онъ предупреждалъ: онъ былъ такъ боленъ, ъ слабъ, онъ трогательно жалъ имъ руки, но его не поняли; люди когда, никогда не понимаютъ! Только женщины любили его, и онъ лю-ъ разговаривать съ женщинами. Его мучили, его заставляли страдать; хотѣли идти впередъ, — хотѣли усѣсться на придорожные камни, для о чтобы ѣсть. Женщины слышали его вздохи, чувствовали, что онъ яетъ мужество. И вотъ онъ умеръ, и мертвый онъ былъ среди жи-къ. Долго не знали этого слѣпые, но кто-то коснулся его мертваго лица. щенникъ умеръ, и кто же выведетъ слѣпыхъ изъ лѣсу? Быть можетъ, ака изъ пріюта? Но что, если она останется у ногъ усопшаго священ-а, если она не захочетъ его покинуть? Есть еще одно зрячее существо, —ребенокъ безумной женщины; но ребенокъ ничего не скажетъ, и то, онъ видитъ, должно быть ужасно, потому что онъ безумно плачетъ. лѣпые въ отчаяніи съ мольбою протягиваютъ свои безпомощныя руки невѣдомую и невидимую даль.

Артисты Художественнаго театра могли играть «Слѣпыхъ», имѣя въ у философскій замыселъ пьесы; они были въ правѣ играть ее и просто ь разсказъ о слѣпыхъ, потерявшихъ своего проводника. Они могли ать ее въ духѣ романтическомъ или въ духѣ реальномъ. Но они играли шанно, и это—хуже всего. Они не придали метерлинковской вещи опре-

дѣленнаго стиля. Такъ сказать, будничная манера и голосъ гг. Мосина и Бурджалова составляли диссонансъ съ проникновеннымъ и торжественнымъ голосомъ г-жи Савицкой (которая вообще изъ всѣхъ слѣпыхъ производила наиболѣе сильное впечатлѣніе). Когда, пользуясь услугами фонографа, плакало дитя, было почти смѣшно; между тѣмъ, читая пьесу, вы чувствуете ужасъ передъ отчаяніемъ этого великаго ребенка, который, быть можетъ, «Голгоѳу зритъ передъ собой». Нѣжная ткань метерлинковской пьесы на сценѣ потеряла свои оттѣнки и никого не прельстила. Философія автора осталась въ туманѣ; не было возбуждено и простое состраданіе къ слѣпымъ и безпомощнымъ людямъ,—не было ни символа, ни дѣйствительности. Было холодно и равнодушно.

То же надо сказать и о «Непрошенной». Многіе до спектакля боялись того впечатлѣнія, которое долженъ былъ произвести на зрителей невидимый образъ страшной посѣтительницы; и думалось, что то вещественное, которое есть во всякомъ лицедѣйствѣ, та великая ложь театра, которая играетъ въ человѣческія души, нежелательно достигнетъ высшей силы въ такой пьесѣ, которая близко и тонко затрогиваетъ безнадежную тайну смерти. Но именно этого не было. «Непрошенная» оставила зрителей болѣе, чѣмъ спокойными. Артисты неуловимаго не уловили; атмосфера и настроеніе предчувствія не была создана.

У Метерлинка въ этой пьесѣ дѣйствуютъ вещи. И вещи взаправду какъ бы получаютъ душу отъ того, что на нихъ останавливаются наши глаза, на нихъ осѣдаетъ безмолвный отпечатокъ нашихъ собственныхъ переживаній. Комната жива. Предметы, которые насъ подолгу окружаютъ, становятся для насъ родными. Это—живыя существа: дѣдовское кресло, старые часы, лампа семейнаго стола. И потому, когда въ домъ приходитъ болѣзнь и смерть, то это естественно, по Метерлинку, что похоронным звономъ звонятъ часы, неровно бьется ихъ чуткое сердце, начнетъ встревоженная лампа, не можетъ закрыться испуганная дверь. Волнуется и природа. Умолкаютъ соловьи, съ деревьевъ падаютъ листья, и трепещутъ лебеди въ пруду,—бѣлые лебеди, испуганные черною смертью. «Никто не знаетъ, гдѣ кончается душа», и потому внезапная тревога послѣдней можетъ отразиться на вещахъ и явленіяхъ, повидимому, бездушныхъ. И покуда вы обо всемъ этомъ читаете, въ особенности ночью, наедине, какъ тотъ старикъ въ креслѣ, о которомъ говорилось раньше, какъ трепещетъ ваша фантазія,—эта жизнь вещей кажется вамъ несомнѣнно реальной. Но какъ только вы пришли въ театръ, въ царство наглядно и открытаго, ваша фантазія умолкаетъ, она больше не нужна. Вы видите то, о чемъ вы грезили,—и вотъ зрѣлище оказывается гораздо блѣднѣе, бѣднѣе вашей грезы. Вы разочарованы. Вещи на сценѣ превратились въ бутафорію, и вамъ показываютъ фокусы, передъ вами проходитъ т-

смерть. Вы думаете о холодныхъ чудесахъ театральной техники,—но вы не думаете о таинствѣ настоящей смерти, которой дышитъ пьеса Метерлинка. Грубое прикосновеніе театра разрушило воздушный замокъ воображенія,—и не можетъ его замѣнить реальный замокъ, въ который вторглась Непрошенная. Театръ, въ данномъ случаѣ Художественный и несмотря на то, что Художественный,—театръ далъ эффекты вещей, но не ихъ духовную физіономію и сердцевину.

Не на высотѣ своей задачи были и люди. У Метерлинка отецъ, дядя, дѣдъ имѣютъ въ себѣ нѣчто типическое и даже нѣчто мистическое: каждый изъ нихъ воплощаетъ особую и таинственную ступень человѣческаго родства, человѣческой близости. И граціознымъ символомъ проходятъ три дѣвушки-сестры, три внучки; онѣ обнимаются и своими фигурами сплетаютъ изящныя группы. Конечно, всѣхъ примѣчательнѣе дѣдъ. Слѣпой глазами и зрячій духомъ, видящій то, что не дано другимъ, въ своей вѣчной темнотѣ объятый глубокими предчувствіями, онъ какъ бы олицетворяетъ собою все безсознательное, что есть въ жизни, онъ знаменуетъ вѣчную тревогу духа, тютчевскую ночь хаоса, которая глубже и страшнѣе дня. Мало обычной изощренности нашихъ внѣшнихъ чувствъ, для того чтобы воспринять невидимое присутствіе смерти; надо войти въ свою темноту, въ свою глубину, для того чтобы почувствовать ее. А слѣпой, существо безъ оконъ, именно въ себѣ и живетъ, и потому необычная гостья прежде всего является ему. Другіе сначала не вѣрятъ его вѣщей слѣпотѣ, но потомъ они заражаются его безпокойствомъ, они дрожатъ, и все то, что не замѣтно было въ шумѣ пестраго дня, становится страшно и явственно, когда стрѣлка часовъ приближается къ двѣнадцати, къ полночи: страшны и лязгъ косы, и то, что завтра придетъ плотникъ (придетъ гробовщикъ), и то, что сама собою отворяется дверь. И чуткій духомъ старикъ, этотъ отецъ, у котораго умираетъ дочь,—старикъ дѣлаетъ перекличку затихшей семьѣ, и всѣ откликнулись: не откликается одна, затаившаяся, присутствующая, и отъ этого присутствія исчезнетъ другая. И въ тотъ моментъ, когда она исчезнетъ и съ восковой свѣчою войдетъ монахиня, вѣстница смерти,—ребенокъ, до сихъ поръ нѣмой и неподвижный, точно сдѣланный изъ воска, закричитъ, заплачетъ; онъ заплачетъ въ то мгновеніе, когда станетъ сиротой, и въ этомъ первомъ дѣтскомъ плачѣ скажется скорбное предчувствіе всей дальнѣйшей жизни,—жизни ребенка безъ матери. И дѣдъ тоже остался и останется одинъ.

Все это даетъ книга, всего этого не далъ театръ. И даже г. Качаловъ вообще такой даровитый, на этотъ разъ не вдохнулъ жизни въ метерлинковскаго старика. Не было страха и грусти. Было холодно и равнодушно.

Стало теплѣе, когда труппа показала, въ рамкѣ очаровательной декораціи, трагическую пантомиму «Тамъ-внутри», полную чувства и смысла.

Въ этой пьесѣ Метерлинкъ изобразилъ обманутое довѣріе людей к ненадежному міру, намѣтилъ безконечныя перспективы человѣческих переживаній и отнесся къ нимъ съ такою нѣжностью и печалью. Г. К шневскій игралъ вѣстника горя, игралъ человѣка, въ старыхъ рукахъ к котораго находится все маленькое счасть етой мирной семьи, проводящ свой тихій, идиллическій вечеръ. Артистъ взялъ невѣрный тонъ молодо мы,—была видимость чувства, но не его глубина. И всетаки дыха смерти, мистическое вѣяніе близкаго несчастья, которое сейчасъ обруши ся на мирную семью, было такъ явственно, что забывались недостатки игр Тонкая психологія страшной вѣсти, приносимой нежданно; глубокій фата лизмъ несчастья, которое, идетъ, идетъ, неминуемо приближается въ зву кахъ реквіема,—несчастья, которое въ видѣ тѣла молодой самоубійцы, пр тивъ своей воли несутъ опечаленные люди; слѣпое безсиліе человѣка, кот рый никакими затворами и дверями не можетъ оградить себя отъ непр шенной гостьи; образъ дѣвушки, которая при жизни казалась такой обыкн венной, а теперь въ ореолѣ смерти является такой значительной,—вс это подѣйствовало на зрителей. Но все это дано по преимуществу опе ромъ, а не театромъ. Опять-таки, читая Intérieur, вы больше волнуетес Читая, вы только представляете себѣ то, что дѣлается за стеклянны стѣнами дома, и когда старикъ говоритъ про его обитателей: они молятс они смѣются, они смотрятъ на часы,—это не звучитъ для васъ ненужны повтореніемъ, излишнимъ удвоеніемъ, какъ это оказывается на сценѣ, г вы одновременно видите и то, что внутри дома, и то, что происходи за его хрупкими стѣнами, которыя такъ прозрачны и доступны для не счастья и его неумолимой вѣсти.

Ю. А.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Октябрь 1904 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Критика, публицистика.—Педагогика, народное образованіе.—Исторія, исторія литературы, мемуары.—Языкознаніе, этнографія, географія.—Статистика.—Естествознаніе.—Медицина.—Учебники, пособія, книги для дѣтей и для народа. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го сентября по 1-е октября 1904 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

В. Гете. Фаустъ. Перев. *П. Вейнберга.*—*Г. фонъ-Оттеда.* Разсказы.—*Н. Б. Спѣерова.* Крестъ материнства. Романъ.—*Мих. Чеховъ.* Синій чулокъ. Повѣсть.—*И. Дюкиръ.* Маленькія сирены. Очерки и разсказы.—*Л. Гуревичъ.* Сѣдокъ и другіе разсказы.—*Вл. Воморъ.* Слезы ангела.—*Е. А. Сковорода.* Повѣсти и разсказы.—*О. Мирбо.* Разсказы.—*Е. Н. Любичъ.* Тѣни жизни.—*В. Я. Сытловъ.* Всѣ цвѣта радуги.—*Иванъ Рукавишниковъ.* Стихотворенія. Книга третья.—*Ив. Наживинъ.* У дверей жизни.—*Вл. Голиковъ.* Разсказы.—*С. С Гусевъ.* Еврей.—*Ѳедоръ Зарянъ.* „Рагузада“. Историч. трагедія.—*Феликсъ Данъ.* Борьба за Римъ. Историч. романъ.

Вольфгангъ Гете. Фаустъ. Трагедія. Пер. въ прозѣ Петра Вейнберга съ примѣч. переводчика. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб., 1904 г. Ц. 2 р. Бессмертное созданіе великаго нѣмецкаго поэта-мыслителя существуетъ уже въ многочисленныхъ, болѣе или менѣе удовлетворительныхъ, стихотворныхъ переводахъ на русскій языкъ какъ старыхъ, такъ и новыхъ. Въ передачѣ „Фауста“ въ русскихъ стихахъ состязались между собою Вронченко, Струговщиковъ, Грековъ, Павловъ, Фетъ, Холодковскій, Цертелевъ, Голововановъ и мног. друг. Переводы Вронченка и Струговщикова являются въ настоящее время нѣсколько устарѣлыми по языку, Грековъ, многое передавая довольно удачно, грѣшитъ многословіемъ и произвольными добавленіями къ Гётевскому тексту. Фетъ впадаетъ въ противоположную крайность, стараясь быть скрупулезно точнымъ и близкимъ къ подлиннику въ ущербъ легкости и удобопонятности рѣчи. Павловъ, одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ „Фауста“, далъ, къ сожалѣнію, лишь переводъ нѣсколькихъ сценъ I части, переводъ г. Цертелева довольно гладокъ, но и довольно безцвѣтенъ, переводъ г. Голованова, легкій по языку, грубо искажаетъ иной разъ смыслъ подлинника и т. д. Трудная задача стихотворнаго перевода „Фауста“ разрѣшена наиболѣе удачно г. Холодковскимъ, въ переводѣ котораго счастливо сочетаются легкость и красота стиха съ добросовѣстною близостью къ подлиннику и съ сознательнымъ проникновеніемъ въ глубокомысленное содержаніе произведенія. Но и этотъ лучшій изъ русскихъ переводовъ не всегда передаетъ тонкіе оттѣнки Гётевской мысли и его поэтическаго стиля.

Несовершенства существующихъ стихотворныхъ переводовъ навели г. Вейнберга на мысль дать русской публикѣ совершенно точный, до-

словный прозаическій переводъ „Фауста“. Пользу прозаическихъ перево-
довъ великихъ поэтическихъ произведеній отрицать, конечно, нельзя:
при хорошемъ выполненіи они являются незамѣнимымъ пособіемъ для
тщательнаго изученія подлиннаго текста. Добросовѣстный трудъ г. Вей-
берга дастъ такое пособіе всякому, кто, не зная нѣмецкаго языка или
зная его недостаточно, хотѣлъ бы встать лицомъ къ лицу къ содержа-
нію „Фауста“ во всемъ его объемѣ и со всѣми оттѣнками мысли, поэ-
вуя при этомъ чарующей прелестью стихотворной формы. Въ предисло-
віи г. Вейнбергъ, опираясь на замѣчанія Гёте, отдаетъ рѣшительное
преимущество прозаическимъ переводамъ поэтическихъ произведеній надъ
стихотворными. Однако, съ замѣчаніемъ великаго поэта врядъ ли можно
согласиться безусловно. Вѣдь въ эстетической эмоціи, которую возбуждаю-
ютъ въ насъ великія художественныя произведенія, значительную роль
играютъ, на-ряду съ выраженными мыслями и чувствами, также и фор-
ма ихъ выраженія, соотвѣтственная структура стиха, его гармонія и
ритмъ. Все это пропадаетъ въ прозаическомъ переводѣ, который неизбѣ-
жно долженъ быть суше и блѣднѣе хорошаго стихотворнаго перевода.
Переводъ въ прозѣ можно сравнить съ фотографическимъ снимкомъ, а
переводъ въ стихахъ — съ живописнымъ изображеніемъ. Первый несо-
мнѣнно точнѣе, но вполнѣ художественное впечатлѣніе можетъ быть дано
только вторымъ.

Почтенный переводчикъ поставилъ себѣ задачею „сохраненіе стро-
жайшей близости къ буквѣ великаго подлинника“. Какъ намъ кажется,
этимъ онъ совершенно напрасно стѣснилъ себя. Мы никоимъ образомъ
не можемъ согласиться съ этимъ основнымъ принципомъ, которымъ руко-
водился г. Вейнбергъ. „Строжайшая близость къ буквѣ“ подлинника
хороша только для подстрочниковъ, не задающихся никакими литера-
турными цѣлями. Переводчикъ прозою, не стѣсняемый деспотическими
требованіями стиха, имѣетъ полную возможность, пользуясь богатыми
рессурсами родного языка, передать художественное произведеніе во
всѣхъ оттѣнкахъ мысли и чувства, во всѣхъ тонкостяхъ и особенно-
стяхъ настроенія. Если же онъ будетъ держаться „буквы“ подлинника,
то ему неизбѣжно придется „иногда жертвовать поэтичностью“, да и не
только поэтичностью, но и легкостью, и изяществомъ рѣчи.

Увлекаясь ложнымъ, по нашему мнѣнію, принципомъ, г. Вейнбергъ
далъ намъ очень добросовѣстный и точный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на-
сколько тяжеловѣсный и не всегда безупречно изящный переводъ „Фау-
ста“. Такъ, нѣмецкія обращенія вѣжливости переводчикъ передаетъ бук-
вально словами: „почтенный мой господинъ“, „почтенная моя госпожа“
и т. п. выраженіями, невольно напоминающими русскій языхъ XVIII в.
Маргарита обращается къ Фаусту со словами: „Дорогой мой человѣкъ!“
Просьбу Фауста къ Мефистофелю: Schaff' mir etwas vom Engelsschatz!
(рѣчь идетъ о Маргаритѣ) переводчикъ передаетъ такъ: „Добудь мнѣ
что-нибудь, принадлежащее этому *ангельскому сокровищу!*“ Второй мо-
логъ Фауста испорченъ неособенно изящной передачей одного мѣста:
„Ты, старый сосудъ, которымъ я никогда не пользовался, ты стоишь
вѣдь здѣсь только потому, что тебя употреблялъ въ дѣло мой отецъ“
и т. д.

Опытный переводчикъ въ стихахъ, г. Вейнбергъ иногда самъ
вольно нарушаетъ принятую имъ прозаическую форму: подъ фор-
прозаическихъ строчекъ у него иногда скрываются очень хорошіе сти-
Такова въ сценѣ „Вальпургіева ночь“ пѣснь Мефистофеля: „Сова,
бисы и сойки — всѣ, какъ видно, не заснули; по кустарнику,

пробѣгаютъ саламандры — длинноноги, толстобрюхи; изъ песка, скалистыхъ камней, извиваются, какъ змѣи, корни“ и т. д. Всѣ комическія и реалистическія сцены очень хорошо удаются переводчику, сравнительно слабѣе сцены лирическаго подъема и трагическаго паѳоса. Сцена „Ауэрбаховскій погребъ“ переведена безупречно. Съ другой стороны, вдохновенные гимны архангеловъ („прологъ въ небѣ“) звучатъ слишкомъ бѣдно и сухо въ прозаической передачѣ г. Вейнберга. „Прологъ на землѣ“ переведенъ прекрасно; жаль только, что переводчикъ называетъ третье дѣйствующее лицо „шутомъ“, а не „комикомъ“, какъ слѣдовало бы: у Гёте—„Lustige Person“.

Нельзя не быть благодарнымъ г. Вейнбергу за переводъ также и II части „Фауста“. Эта часть нерѣдко слыветъ непонятной, туманной, не стоящей вниманія и т. п. Ее рѣдко читаютъ, о чемъ нельзя не пожалѣть: первая и вторая части „Фауста“ представляютъ одно неразрывное цѣлое, объединенное общею основною мыслью. Только прослѣдивъ дальнѣйшую исторію жизни Фауста и процессъ его внутренняго очищенія во II части, можно уяснить себѣ всю глубину и весь смыслъ этого мірового типа.

Георгъ фонъ-Омптеда. Разсказы. Предисловіе З. А. Венгеровой. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. Г-жа Венгерова задалась прекрасной цѣлью выпустить сборникъ разсказовъ одного изъ популярнѣйшихъ нѣмецкихъ беллетристовъ, Георга фонъ-Омптеда. Подборъ разсказовъ, вошедшихъ въ сборникъ, весьма удаченъ, и читатель вынесетъ довольно ясное представленіе о талантѣ писателя. Талантъ этотъ, гибкій и разнообразный, производитъ обаятельное впечатлѣніе. Правда, впечатлѣніе это не сходится съ характеристикой творчества Омптеда, которую дѣлаетъ переводчица въ своемъ предисловіи, но это ничуть не вредитъ дѣлу. Это давно уже извѣстная истина, что каждый читатель находитъ въ разбираемомъ авторѣ то, что ему хочется найти, и если г-жа Венгерова видитъ въ Омптеда чистокровнаго реалиста, то, какъ намъ кажется, это произошло въ силу личныхъ симпатій переводчицы, которыя всѣ направлены въ сторону реалистической школы. Но, судя по крайней мѣрѣ по лежащему передъ *нами* сейчасъ сборнику разсказовъ Омптеда, съ такой характеристикой трудно согласиться. Талантъ Омптеда, полный самыхъ разнообразныхъ настроеній, временами слишкомъ глубокъ, слишкомъ нѣженъ и поэтиченъ, слишкомъ лиричнъ, чтобы могъ опредѣлиться строгими рамками одного какого бы то ни было направленія. Размѣры нашей замѣтки не позволяютъ намъ входить въ полемическія пререканія съ г-жей Венгеровой, но во всякомъ случаѣ мы должны отдать должное ей, какъ переводчицѣ, за прекрасный выборъ разсказовъ, вошедшихъ въ сборникъ, который доставитъ глубокое наслажденіе не одному читателю. Помимо этого, хотя мы и не совсѣмъ согласны съ ея характеристикой творчества Омптеда, все же предисловіе прочтется многими съ интересомъ и пользой.

Н. Б. Сѣверова. Крестъ материнства. Тайный дневникъ. Ро[ма]нъ. Спб., 1904 г. Ц. 1 руб. Заглавіе романа г-жи Сѣверовой *Крестъ материнства* съ прибавленіемъ *тайный дневникъ* чрезвычайно за[ма]нчиво, а по своей внѣшности романъ не оставляетъ желать ничего лу[чше]го, такъ какъ онъ напечатанъ на очень хорошей бумагѣ и снабженъ иллюстраціями И. Е. Рѣпина; но, несмотря на все это, достоинства его вовсе не высоки. Прежде всего *Крестъ материнства* есть не бо[лѣе] какъ подробное описаніе всяческихъ ощущеній, состояній и страда[ній] женщины, которая готовится сдѣлаться матерью; это описаніе за-

ключено въ форму дневника, причемъ *тайнымъ* онъ названъ только потому, что женщина передъ тѣмъ, какъ стать матерью, нарочно удаляется отъ отца своего ребенка, чтобы справиться одной со всею тяжестью положенія и обнаружить такимъ образомъ нѣкоторый героизмъ (стр. 126). Можетъ быть, мысль пойти на этотъ героизмъ у героини тайнаго дневника и не появилась бы, если бы, во-первыхъ, она не принадлежала къ свѣтскому кругу, гдѣ всегда воспитывается погоня за всѣми общепринятыми условностями и гдѣ мать-дѣвушка, конечно, явленіе постыдное, и, во-вторыхъ, если бы тотъ Днѣпровъ, который былъ отцомъ ея ребенка, не заподозрилъ ее въ томъ, что въ его отсутствіе она превратилась въ кокотку. Такимъ образомъ, героизмъ Ксенія, т.-е. дѣвушки, несущей крестъ материнства, довольно исключителенъ и обставленъ такими особенностями, которыя не позволяютъ признать его сколько-нибудь цѣннымъ. Что касается, далѣе, идеи произведенія, то, хотя ее нельзя не признать вѣрной, если она заключена въ томъ, что „великому и прекрасному сердце доходитъ черезъ страданіе“ (эпиграфъ ко 2-й части), однако слѣдуетъ замѣтить, что эта идея заслуживаетъ болѣе выразительной иллюстраціи, и романъ г-жи Сѣверовой, опять-таки благодаря своей исключительности, мало даетъ въ этомъ отношеніи. Конечно, Ксенія выстрадала какъ будто себѣ счастіе, Днѣпровъ созналъ свою вину передъ Ксеніей, которую онъ призналъ было кокоткой, и въ концѣ романа наступаетъ семейное благополучіе, но почему Ксенія не постаралась разубѣдить Днѣпрова въ его ошибкѣ относительно себя ранѣе, это остается секретомъ автора. Наконецъ, и обрисовку одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, т.-е. Днѣпрова, мудрено назвать удачной. Извѣстно, что онъ горбатъ, что онъ знаменитый художникъ, что онъ пишетъ множество писемъ Ксенія, но изъ всего этого всетаки не вырисовывается цѣльной и опредѣленной фигуры. Вообще романъ г-жи Сѣверовой длиненъ, и въ немъ много написано, но очень мало сказано.

Мих. П. Чеховъ. Синій чулокъ. Повѣсть. Спб., 1904 г. Ц. 50 к. Повѣсть М. П. Чехова читается съ интересомъ, несмотря на нѣкоторую растянутость. Она представляетъ довольно выразительное отраженіе той житейской путаницы, которая въ настоящее время наблюдается повсюду. Молодая дѣвушка, Софья Михайловна Игнатьева, полюбила земскаго врача Зарѣчнаго, и Зарѣчный полюбилъ Софью Михайловну. Казалось бы, чего лучше? Оба были молоды, свободны, и ничто не препятствовало ихъ счастію. Но какъ разъ въ то время, когда взаимная склонность молодыхъ людей вступила въ фазисъ, ведущій обыкновенно къ развязкѣ, Зарѣчнаго одолѣлъ рефлексъ. Ему вдругъ стало казаться, что предметъ его любви „ловитъ его“, какъ жениха, а услужливое воображеніе дополнило картину, и ему скоро начало представляться, что всѣ окружающіе дѣвушку, т.-е. ея братъ и мать, также ловятъ его. Начинается настоящій душевный разладъ, который на Софьѣ Михайловнѣ, отдавшейся Зарѣчному всей душой и готовой идти за нимъ на край свѣта, отразился полнымъ непониманіемъ. Когда Зарѣчный провелъ подрядъ три вечера у Игнатьевыхъ, то „Софьѣ Михайловнѣ было ясно, что эти вечера онъ пріѣзжалъ именно для нея одной, что-то подсказывало ей, что онъ ее тоже любитъ, но какая-то стѣна вырастала вдругъ между нимъ и ею, и они сидѣли и молчали“. Напряженные нервы дѣвушки, наконецъ, не выдержали, и вотъ у нея, неожиданно для нея самой, вырывается признаніе: „Николай Николаевичъ, возьмите меня, мужъ... вдругъ сказала она умоляющимъ голосомъ и испугалась своихъ

ловъ". Но это трогательное по своей непосредственности признаніе кончательно погубило дѣло. Зарѣчный притворился, что не разслышалъ го и уѣхалъ поспѣшно домой, терзаясь такой „профанаціей настоящей фственной любви". Софья Михайловна, между тѣмъ, совершенно по-авленная чувствомъ тяжкаго стыда, доходитъ до полнаго отчаянія. Что я надѣлала?—восклицала она, хватаясь за виски, что я надѣлала!"

Затѣмъ начинается разрывъ. Зарѣчный, все еще продолжая любить Софью Михайловну и чувствуя себя не въ силахъ побороть этой любви, ыхлопоталъ себѣ командировку по Россіи и уѣхалъ, а Софья Михай-овна поступила на акушерскіе курсы. И вотъ два существа, любящія другъ руга, живутъ врозь, и чѣмъ дальше идетъ жизнь, тѣмъ выше выраста-етъ между ними стѣна изъ всякихъ случайностей и предразсудковъ. аступаетъ, наконецъ, моментъ, когда судьба снова чуть-чуть не сво-итъ ихъ вмѣстѣ, но опять въ рѣшительную минуту „мужчина заговор-лъ въ Зарѣчномъ сильнѣе, чѣмъ человѣкъ"; узнавъ, что у Софьи Михайловны воспитывается какой-то ребенокъ, Зарѣчный не повѣрилъ, го это не ея ребенокъ, а подкидышъ, и вторично уѣхалъ отъ нея.

Какъ видитъ читатель, повѣсть М. П. Чехова затрогиваетъ весьма ожную психологическую сторону отношеній между полами; всѣ сим-атіи автора на сторонѣ женщины, которой мужчина позволяетъ любить бя, но строжайшимъ образомъ запрещаетъ высказывать свое чувство, ока онъ самъ не дастъ на это разрѣшенія.

И. Дю-Киръ. Маленькія сирены. Очерки и разсказы. Спб., 903 г. Ц. 2 р. Въ предисловіи г. Дю-Киръ предупреждаетъ читателей, то разсказы его имѣютъ „немного личный и тенденціозный характеръ", акъ какъ всѣ они написаны „со словъ женщины В. фонъ-Штауфенъ", вшей актрисы. „Да проститъ ей великодушно читатель!"—восклица-тъ авторъ.

Въ самомъ дѣлѣ, почему не простить женщинѣ, разсказывавшей Дю-Киру разныя происшествія закулисной жизни, „личный и тенден-озный характеръ" ея повѣствованія? Но, къ сожалѣнію, читателю этъ дѣла ни до какой женщины, знакомой автору, а есть только дѣло самого автора. И ему-то не всякій читатель проститъ по крайней рѣ нѣкоторые изъ его разсказовъ. Пусть г. Дю-Киръ въ главное до-оинство своей книги ставитъ обиліе „любви", все оправдывающей; не-мнѣнно, чего другого, а любви въ этой книгѣ, дѣйствительно, много. каждый молодецъ на свой образецъ, каждый по-своему понимаетъ ово „любовь" и есть такой сортъ любви, который не только ничего оправдываетъ, но все оскверняетъ.

Вотъ, напримѣръ, образчикъ любви изъ разсказовъ г. Дю-Кира.

Свѣжая, полная и граціозная Ольга Васильевна въ собственной квар-рѣ прелестнаго Сержа чувствовала себя какъ дома. Просыпаясь утромъ супружескомъ ложѣ фамиліи Дурацкихъ (все описываемое происхо-ило во время отсутствія законной супруги Сержа), она, томная и теп-ая, потягивалась, какъ кошка". Затѣмъ „едва одѣтая въ бѣлый пеньюа-ъ, она садилась въ легчайшемъ видѣ на балконъ, а Сержъ садился ядомъ съ нею на балконѣ, умиленно и нѣжно глядя въ очи своей бви". *(Стрижка)*. Или вотъ еще образчикъ, если не самой любви, предмета любви.

„Сложена она была дивно. Невольно всякій обращалъ вниманіе не лицо ея, а на тѣло. Какое богатое сложеніе груди! Какой выгибъ ги и бедра. Въ трико она была незамѣнима. Сложеніе—Венеры, ли-—сатира, если хотите" *(Фрина)*.

Немудрено поэтому, что въ большинствѣ случаевъ любовь въ разсказахъ г. Дю-Кира приводитъ къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ, вплоть до мордобитія, а иногда и похуже. Любовь вышеописанныхъ Сержа и Ольги Васильевны въ одинъ прекрасный день кончилась тѣмъ, что Сержъ, заставъ Ольгу Васильевну съ новымъ любовникомъ на собственномъ супружескомъ ложѣ (законная супруга Сержа все еще была въ отсутствіи), вытолкнулъ любовника въ одномъ бѣльѣ на дворъ, причемъ тотъ „въ одной рубашкѣ доѣхалъ до дому, несказанно удививъ извозчика своимъ видомъ". Что касается до Ольги Васильевны, то ее постигла еще худшая участь. При содѣйствіи трехъ дворниковъ, Сержъ заткнулъ ея ротъ платкомъ, а самъ принялся стричь ея волосы, которыя безпорядочными прядями падали на ея рубашку, на ея голую грудь и полъ". Въ заключеніе Сержъ жгутомъ, закрученнымъ изъ обстриженныхъ волосъ, высѣкъ предметъ своей любви вплоть до обмороку. *(Стрижка).*

А вотъ заключительная сцена изъ разсказа *Фрина:* „Фрина лежала на полу. Все лицо ея было разбито въ дребезги, кровь сочилась изъ рта, одинъ глазъ заплылъ совершенно, представляя сплошной кровоподтекъ. Платье и бѣлье на груди было разорвано, грудь и голое тѣло поцарапано". Впрочемъ, авторъ мѣстами прибѣгаетъ и къ обычному пріему романистовъ, къ многоточію, которые, повидимому, маскируютъ еще болѣе сильныя мѣста.

Тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ отдать должное автору. Онъ не бездаренъ, и вся его бѣда заключается не въ тенденціозности, какъ онъ думаетъ, а именно въ отсутствіи тенденціозности, въ отсутствіи какого бы то ни было міросозерцанія. На-ряду съ разсказами, не заключающими въ себѣ ничего, кромѣ порнографіи, попадаются разсказы, проникнутые неподдѣльнымъ теплымъ чувствомъ, надъ которымъ съ грустью задумается читатель. Среди нихъ особенно выдѣляются *Моя мама*, *Беззавѣтная любовь* и лучшій изъ всѣхъ разсказовъ *Дочь оперетты*.

Л. Гуревичъ. Сѣдокъ и другіе разсказы. Изд. М. В. Пирожкова. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. Изящно изданные большимъ томомъ, на толстой бумагѣ, модернымъ шрифтомъ, разсказы Л. Гуревичъ читаются на досугѣ съ удовольствіемъ. Разсказы эти уже были напечатаны въ *Мірѣ Божьемъ*, *Жизни*, *Сѣверномъ Вѣстникѣ* и другихъ журналахъ. О талантѣ г-жи Гуревичъ говорить не приходится: авторъ достаточно популяренъ. Что касается до сюжетовъ, то они не блещутъ ни новизною, ни оригинальностью. Въ разсказѣ „Тоска"—любовь несчастная, въ разсказѣ „Ребенокъ"—любовь неоцѣненная, въ разсказѣ „Разсѣянность"—любовь неосторожная, незамѣченная по разсѣянности папенькой героини, въ разсказѣ „Въ снѣга"—любовь мучительная, героическая, въ разсказѣ „Неоконченное письмо"—любовь адвокатская и т. д. Маленькій неудачный разсказъ „Странная исторія", представляющій собою экскурсію въ область эротическаго умопомѣшательства, словно по ошибкѣ попалъ въ сборникъ. Очень хорошъ разсказъ „Прозрученье" и хотя и здѣсь дѣло не обходится безъ любви, но за это автора осудить невозможно. Только одинъ разсказъ „Сѣдокъ" нашъ г-жею Гуревичъ въ безстрастную минуту жизни, зато и слышится въ немъ нѣчто большее, чѣмъ безчисленныя комбинаціи двухъ любящихъ сердецъ; въ немъ слышна любовь къ человѣку. Въ новогоднюю ночь старый, больной, усталый извозчикъ везетъ нетерпѣливаго барина. Сюжетъ до крайности простъ, но чувствуется, что авторъ любитъ и понимаетъ усталый народъ, везущій барина по безконечной до[illegible]

Вл. Воморгъ. Слезы ангела. Житейскія миніатюры (сборникъ разсказовъ). М., 1904 г. Ц. 75 к. Авторъ житейскихъ миніатюръ, подъ заглавіемъ *Слезы ангела*, не лишенъ наблюдательности, а выборъ его темъ обнаруживаетъ въ немъ человѣка чрезвычайно чуткаго къ горю и страданію людскому. Вотъ почему нѣкоторые разсказы Вл. Воморга, каковы, наприм., *Маринкино счастье* или *Аксютка захворала*, прямо трогательны по теплотѣ и задушевности и могутъ доставить истинное удовольствіе читателю, хотя и не отличаются особой новизной или оригинальностью. Зачѣмъ только автору понадобилось придавать своимъ разсказамъ значеніе чего-то необыкновеннаго? Его разсказы—изволите видѣть—слезы ангела, утѣшителя страждущихъ, который улетаетъ оплакивать людское горе въ степь, куда не проникаетъ человѣческій взоръ. Въ слезахъ этихъ, падающихъ росой на пышные цвѣты степи, какъ въ хрустальной призмѣ, отражается разнообразное горе и страданье человѣческое, но съ испареніемъ росы, слезы исчезаютъ, а потому авторъ, хотя ему и удается бывать въ степи, полной слезъ ангела, ночью и раннимъ утромъ, успѣлъ собрать и сохранить для передачи путемъ разсказовъ людямъ лишь немногія изъ нихъ. Нельзя не признать, что вся эта параллель слезъ ангела и разсказовъ г. Воморга удивительно вычурна и рѣшительно никому не нужна.

Е. А. Сковорода. Повѣсти и разсказы. М., 1904 г. Ц. 75 коп. Въ книжкѣ г. Сковороды 5 повѣстей и разсказовъ: *Изъ писемъ художника*, *Бунтовщицы*, *Предпраздничныя письма*, *Соперницы* и *Рождественская ночь*. Гуманное чувство и участіе къ судьбѣ изображаемыхъ лицъ несомнѣнно въ авторѣ всѣхъ разсматриваемыхъ повѣстей и разсказовъ, но не всѣ они одинаковыхъ достоинствъ. Во всякомъ случаѣ разсказъ *Бунтовщицы* и другой, подъ названіемъ *Предпраздничныя письма*, въ которыхъ обрисовывается дѣтская душа и дѣтскіе интересы, особенно удачны. Въ первомъ изъ названныхъ разсказовъ описывается эпизодъ изъ ученической жизни прошедшихъ временъ, и въ этомъ эпизодѣ главная роль отводится ученицѣ гимназіи Карской, которая является коноводомъ маленькаго возмущенія въ классѣ изъ-за урока танцевъ, всегда слишкомъ скоро кончавшагося для Карской и ея подругъ. Возмущеніе хотѣла подавить классная дама, и дѣло было доведено до свѣдѣнія директора, который рѣшилъ исключить Карскую, а ея пособницамъ сдѣлать строгій выговоръ. Но дружный классъ не могъ принять такого несправедливаго рѣшенія. На ноги были подняты всѣ вліятельные родители ученицъ, эти послѣдніе обратились съ жалобой къ попечителю, и въ результатѣ возмущеніе осталось почти безъ послѣдствій. Такова суть разсказа, и въ немъ яркими и наглядными чертами обрисована дѣтская жизнь извѣстнаго возраста, съ ея волненіями, тревогами и стремленіями, а также школьные порядки съ педантизмомъ классныхъ дамъ во главѣ. Въ разсказѣ *Предпраздничныя письма* дѣти разныхъ темпераментовъ и характеровъ пишутъ письма наканунѣ большого праздника къ родственникамъ, причемъ выборъ родственниковъ предоставляется самимъ дѣтямъ. Обнаруживается, что нѣкоторыя изъ нихъ руководятся разсчетомъ и выбираютъ богатыхъ и вліятельныхъ родственниковъ, чтобы задобрить ихъ въ свою пользу, другія же, повинуясь своей непосредственности, направляютъ свои письма тѣмъ, кого больше любятъ. Получается такимъ образомъ довольно выразительная картина.

Октавъ Мирбо. Разсказы. Предисловіе Б. А. Витмера. Спб., 1904 г. Ц. 1 руб. Въ предисловіи г. Витмера къ разсказамъ Мирбо читаемъ между прочимъ слѣдующія слова, характеризующія творчество

оригинальнаго писателя современной Франціи: „Безжалостная кри жизни, переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, ею доставляемыхъ, анализъ всѣ предразсудковъ, традицій, общепринятыхъ взглядовъ, во имя освобожд нія человѣка отъ оковъ сознательной и безсознательной лжи, котор наложила на него среда,—вотъ содержаніе и смыслъ всѣхъ произведе Мирбо“ (пр., стр. V). Такая характеристика глубоко вѣрна; по крайней мѣрѣ, въ сборникѣ лежащихъ передъ нами разсказовъ встрѣчаю рядъ иллюстрацій къ темамъ и мотивамъ, только что выписаннымъ из предисловія г. Витмера. Здѣсь мастерски изображаются всевозможн извращенія, на которыя обреченъ благодаря условіямъ жизни современ ный человѣкъ, причемъ извращенія эти получаются одинаково и отъ богатства, и отъ бѣдности, и отъ тупости, и отъ таланта, и отъ ка кой профессіи, и отъ всего, наконецъ, по выраженію г. Витмера, что „на кладываетъ на человѣка клеймо, указывающее ему опредѣленную клѣтку въ общественномъ ульѣ“. Разсказы Мирбо блещутъ жизненностью, обра ностью и картинностью, почему и читаются съ захватывающимъ инте ресомъ. Если они мѣстами черезчуръ пессимистичны, они во всяком случаѣ чрезвычайно поучительны и вызываютъ длинный рядъ размы леній разнаго свойства и главнымъ образомъ о невыносимой подчас тяжести современной общественной среды.

Е. Н. Любичъ. Тѣни жизни. Разсказы и наброски. Одесса, 1904 г. Ц. 50 к. Разсказы и наброски, собранные подъ названіем *Тѣни жизни*, отличаются тѣмъ свойствомъ, что очень быстро совершен но исчезаютъ изъ памяти: нужно нѣкоторое усиліе, чтобы послѣ про чтенія ихъ по оглавленію припомнить, о чемъ говорится въ томъ ил другомъ разсказѣ. Это объясняется тѣмъ, что авторъ *Тѣней жизн* вовсе не имѣетъ въ распоряженіи сколько-нибудь оригинальныхъ при мовъ творчества, и старыя темы обрабатываетъ на старый, шаблонн ладъ. Мѣстами при этомъ шаблонъ чередуется съ какимъ-то наивны лепетомъ, написаннымъ стихотворнымъ размѣромъ; таковъ, напримѣръ набросокъ *Весною*. Одно непонятно въ разсматриваемой книжкѣ: чт должно означать названіе сборника *Тѣни жизни* и въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать это таинственное заглавіе.

В. Я. Свѣтловъ. Всѣ цвѣта радуги. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. Коротенькіе разсказы, написанные прекраснымъ литературнымъ языком читаются легко и съ интересомъ. Тонкое пониманіе красоты, чувст мѣры и легкій юморъ составляютъ главную привлекательность этих маленькихъ бездѣлушекъ. Едва ли не лучшимъ разсказомъ въ кни является разсказъ „Первая ложь“, въ которомъ мальчикъ Петя, оста вленный родителями на попеченіе родственника юнкера, въ рождестве скій вечеръ скучаетъ и пристаетъ съ разспросами къ юнкеру. Скучае и бѣдный юнкеръ. Наконецъ, „дядя Гриша, быстро сообразивъ что-т вышелъ въ переднюю, отворилъ двери на лѣстницу и позвонилъ, зат съ такой же быстротой заперъ ихъ и снова съ шумомъ открылъ. „К вамъ надо?“ громко заговорилъ юнкеръ, ни къ кому не обращаясь, т какъ никого на лѣстницѣ не было. Затѣмъ произнесъ неразборчиво н сколько словъ и опять нарочно громко произнесъ: „Требуютъ немедлен Хорошо. Скажи,—пообѣдаю только. Или, лучше, ничего не говори. Я с часъ“. Онъ быстро захлопнулъ двери, такъ что прибѣжавшая на з нокъ Настя ничего не успѣла увидѣть“. Юнкеръ уѣхалъ, а Петя оста вдвоемъ съ горничной Настей, которой давно хотѣлось пойти на с къ ухаживающему за ней старшему дворнику. Взявъ слово съ Пети чего не говорить родителямъ, она вмѣстѣ съ нимъ отправилась к

въ дворницкую. Описаніе званаго вечера у дворника, и разговоръ Пети съ матерью по возвращеніи ея изъ гостей очень удались автору.

Иванъ Рукавишниковъ. Стихотворенія. Книга третья. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 80 к. Этотъ сборникъ стиховъ интересенъ не самъ по себѣ, а лишь какъ извѣстный литературный симптомъ, знаменіе времени.

Сдѣлаться поэтомъ нельзя. Сдѣлаться стихотворцемъ можно, потому что для этого требуется не дарованіе, не талантъ, отличающій поэта отъ обыкновенныхъ смертныхъ, а просто нѣкоторая музыкальность слуха, дающая возможность соблюдать размѣръ, да умѣнье подыскивать какія-нибудь риемы. Что касается содержанія, то, во-первыхъ, въ этомъ случаѣ можно ограничиться нигилизмомъ, а во-вторыхъ, есть такое множество готовыхъ, вѣчныхъ темъ (любовь, тоска, смерть, разлука и т. д.), что сообразительный человѣкъ всегда сумѣетъ выбрать что-нибудь изъ этого неисчерпаемаго запаса, добавить хоть немного „отъ себя“ (это—самая трудная часть версификаторской работы, но, опять-таки, сообразительному человѣку доступная) и подобрать нѣсколько риемъ. Такимъ путемъ можно въ короткій срокъ составить нѣсколько объемистыхъ сборниковъ, что и доказалъ г. Рукавишниковъ, выпуская уже „Третью книгу стиховъ“.

Выступленіе г. Рукавишникова на поприще стихотворства мы въ свое время уже отмѣтили. Тогда же мы указали, что г. Рукавишниковъ отсутствіе поэтическаго дарованія возмѣщаетъ чрезвычайной воспріимчивостью. Онъ съ отмѣннымъ прилежаніемъ усвоилъ себѣ всѣ специфическія, внѣшнія черты современныхъ поэтовъ, такъ называемаго символистическаго направленія: неожиданные (но, къ сожалѣнію, *не* оригинальные обороты), запутанную изысканность стиха, усиленное и намѣренное затемненіе смысла,—а иногда и умѣнье обходиться вовсе безъ смысла,—глубочайшее, до поклоненія доходящее, восхищеніе самимъ собой, тончайшій анализъ такихъ личныхъ чувствъ, которыя вообще врядъ ли анализа достойны, стремленіе къ картинамъ и образамъ чудовищнаго, отвратительнаго и т. д.

Людямъ талантливымъ, носящимъ въ своей душѣ искру поэзіи, удается, при наличности всѣхъ перечисленныхъ чертъ, да и многихъ иныхъ, быть во всякомъ случаѣ поэтами и писать стихи, по крайней мѣрѣ, интереснѣе. Г. Рукавишниковъ, не имѣя такой искры, при всемъ усердіи, воспріимчивости и сообразительности, остается только версификаторомъ. И мы при всемъ желаніи не можемъ отмѣтить никакого прогресса въ его трудахъ, не можемъ сказать, что его „Книга третья“ лучше „Книги первой“. Хорошо только одно, но и это, повидимому, случайность: въ „Третьей книгѣ“ меньше отталкивающаго и безобразнаго, чѣмъ въ первой.

Холодомъ вѣетъ отъ версификаторскихъ упражненій автора. Ясно выступаетъ надуманность, губительная даже и для талантливыхъ поэтовъ.

„Тѣло твое—гильотина манящая.
Казни! Я казни хочу!
Скоро ли смерть, о богахъ говорящая...
Смерть вдохновенная!... Смерть! Я лечу!
Смерть! Я лечу! И крылами шумящими
Солнце я съ неба собью“.

Воспріимчивый г. Рукавишниковъ явно все это выдумалъ, и, повидимому, съ большими усиліями: недаромъ ему приходится такъ часто повторять одно слово. Въ это время пріискивается непонятная риема и изобрѣтается отвѣтъ на вопросъ: „Дальше-то, однако?... Дальше что же я

дѣлаю, когда желаю быть гильотинированнымъ?“ Вотъ и приходится „летѣть“ и „сбивать шумящими крылами“ ни въ чемъ неповинное солнце.

Но читатель можетъ подумать, что мы намѣренно взяли самое неудачное стихотвореніе въ сборникѣ. Выберемъ наудачу еще нѣсколько образцовъ. Вотъ, напримѣръ, какъ описывается грусть автора о фантастической дѣвицѣ „Самбэ“, которая жила въ неизвѣстной странѣ и умерла:

„Я все еще хочу прижать къ себѣ
Твое лицо, глаза (?) и грудь, и руки гибкія...
...Могила подъ скалой... Въ могилѣ черви липкіе...
Самбэ! Самбэ!“

Не удержался г. Рукавишниковъ и пригласилъ въ свое стихотвореніе персонажъ, почему-то очень любимый новѣйшими поэтами—„липкихъ червей“. А всетаки впечатлѣнія не получается. Да и желать „прижать къ себѣ“ глаза любимой женщины слишкомъ странно...

А вотъ какъ любуется самимъ собой авторъ „Третьей книги“:

„Говорю слова мои
Только для себя,
Трепеща, какъ вздохъ любви,
И, какъ богъ, скорбя.
Самъ съ собою дико споря,
Говорю я воплемъ горя,
То грозой, какъ боги моря,
То шипѣньемъ, какъ змѣя,
И я слышу: Это—я“.

Очень смѣло, очень воспріимчиво, очень гордо,—но и это не поэзія, и вся книга не имѣетъ съ поэзіей ничего общаго. А г. Рукавишниковъ—не одинъ. Имя ему, къ сожалѣнію, и къ бѣдѣ нашей литературы—легіонъ, и вотъ почему мы такъ много говорили о немъ.

Ив. Наживинъ. У дверей жизни. Очерки и разсказы. Москва. 1904 г. Ц. 1 р. Эта книга заслуживаетъ вниманія. Она написана человѣкомъ, который имѣетъ право называться талантливымъ, даровитымъ, а это рѣдкость.

Г. Наживинъ скромный и непретенціозный авторъ. Онъ не задается большими, непосильными задачами, а ограничивается небольшими темами, не особенно широкими, но зато хорошо продуманнымъ и прочувствованнымъ кругомъ жизненныхъ явленій. Отъ этого творчество его, конечно, выигрываетъ и въ силѣ и въ искренности.

Въ книгѣ двѣнадцать небольшихъ вещей. Жаль, что сравнительно мало удавшуюся легенду „О чемъ говорили звѣзды“ г. Наживинъ поставилъ впереди. Это можетъ нѣсколько напугать читателя, и безъ того уже напуганнаго безчисленными „Очерками и разсказами“, въ которыхъ такъ рѣдко можно встрѣтить отблескъ таланта.

Дальше идутъ вещи болѣе удачныя. Нѣсколько рѣзко, но зато горячо и свѣжо разсказываетъ авторъ о чрезвычайномъ скандалѣ и безчинствіи, которое производитъ въ буржуазномъ семействѣ вторженіе чужого горя: кормилица получила изъ деревни письмо, гдѣ такъ просто и коротко написано: „И еще увѣдомляемъ мы васъ, дражайшая сударыня наша, что дочка ваша Марья Семеновна приказала вамъ долго жить и вчерась схоронили“... Эта смерть маленькой Марьи Семеновны грозитъ бѣдой питомцу мирнаго и благодушнаго семейства: горюющая кормилица—вовсе не желательна. „Это чортъ знаетъ что!—горячится отецъ. Эта дура убьетъ ребенка своими слезами!“ Все это просто и хорошо разсказано.

Недурны картинки „Большая дорога“. Отрадно встрѣтить у автора хорошую, художественную наблюдательность, дающую ему такія характерныя черты, такія живыя краски. Одно не хорошо: въ „Большой дорогѣ“ мы видимъ, что у г. Наживина большой запасъ наблюденій, но порою онъ слишкомъ дорожитъ даже и тѣми, которыя вовсе не особенно важны для разсказа. Отъ нѣкоторыхъ сокращеній, думается намъ, „Большая дорога“ только выиграла бы.

Читая остальныя вещи, мы уже не можемъ упрекнуть ихъ въ растянутости. Напротивъ, онѣ написаны сжато, кратко—иногда даже нѣсколько эскизно. Смѣло задумано, но выдержанно и съ надлежащимъ соблюденіемъ мѣры переданы впечатлѣнія жалкой дѣвушки-проститутки отъ великолѣпной свадьбы („На паперти“). Это реализмъ безъ безобразія, жизненность и вѣрность безъ фотографіи.

Производятъ впечатлѣніе нѣсколько отрывочныя замѣтки „Изъ исторіи одной жизни“. Съ безпощадной вѣрностью передаетъ авторъ всѣ страшные, тяжелые моменты, которые переживаетъ мальчикъ въ старшихъ классахъ гимназіи. Тяжелые, непосильные для молодого ума вопросы, развращающее вліяніе уже „умудренныхъ опытомъ“ товарищей, острыя увлеченія и разочарованія, такъ больно отдающіяся въ молодой душѣ,—вотъ что рисуетъ намъ г. Наживинъ. Эти очерки будятъ много горькихъ мыслей и невольно волнуютъ читателя. Но нельзя назвать „Изъ исторіи одной жизни“ вполнѣ художественнымъ произведеніемъ: здѣсь г. Наживинъ не удержался на опасныхъ границахъ художественнаго реализма—и многое въ его разсказѣ звучитъ слишкомъ рѣзко, грубо и некрасиво.

Тепло и искренне написано „Въ госпиталѣ“. Рельефны и ярки разнообразныя картины страданій, хорошо и правдиво разсказываетъ авторъ, какъ тяжелое зрѣлище чужой боли и горя будитъ горячее состраданіе, могучую любовь къ человѣку въ усталой и замученной душѣ.

Скажемъ кстати нѣсколько словъ о главной и, быть можетъ, самой цѣнной чертѣ дарованія г. Наживина: это именно искренняя, горячая любовь ко всему, что страдаетъ, терпитъ горе, гнетъ жизни. Авторъ пристально, съ внимательнымъ состраданіемъ вглядывается въ людей,—и понимаетъ ихъ чуткой душой художника. Ему ясна неумолимая послѣдовательность явленій, ихъ грозная, мучительная сила—и онъ не проходитъ равнодушно мимо своихъ героевъ. И это теплое, глубокое чувство невольно передается читателю.

Самыми слабыми очерками мы считаемъ первую легенду, о которой уже говорили—и послѣднюю вещь въ книгѣ „Къ счастью!“. Особенно неудачно это „Къ счастью“—вычурная фантазія съ попытками облечь философскую мысль въ художественную форму. Это не жанръ г. Наживина, писателя реальнаго и простого. Потому-то такіе замыслы и не удаются ему.

Изданіе хорошо и недорого.

Владиміръ Голиковъ. Разсказы. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. Правдиво и жизненно изображаетъ г. Голиковъ трагическіе моменты жизни, при чемъ моменты эти нисколько не выдуманы и не разукрашены фантазіей автора, а взяты прямо изъ дѣйствительности. Всевозможныя противорѣчія, на которыя осужденъ человѣкъ во время земного своего странствованія—таковъ основной мотивъ этой жизненной трагедіи, развертывающейся на страницахъ разсказовъ г. Голикова. Вотъ Оленька Бархатова въ разсказѣ того же названія, повидимому, имѣетъ всѣ шансы, чтобы быть счастливой, т.-е. только выйти замужъ, и всячески пробуетъ до-

биться этого счастья, но обстоятельства складываются рѣшительно противъ нея, вслѣдствіе чего ей приходится погибнуть подобно многимъ другимъ въ ея положеніи. Другой примѣръ: дѣвушка Дуня „съ голодухи" вынуждена заниматься предосудительнымъ ремесломъ, и мать не можетъ возставать противъ этого, потому что чѣмъ-нибудь „надо же кормиться" („Дуня"). Третій примѣръ: въ желѣзно-дорожномъ вагонѣ оставленъ кѣмъ-то новорожденный ребенокъ; изъ того, что этого ребенка держала на рукахъ во время пути одна дѣвушка, ѣхавшая на мѣсто учительницы, публика заключаетъ, что ребенокъ ея, и она подкинула его; немедленно появляется жандармъ, фельдшеръ, дѣвушка, къ ея ужасу, подвергается освидѣтельствованію, и обнаруживается, что она невинна („Пассажиры"). Въ нѣкоторыхъ разсказахъ г. Голикова чувствуется настоящая сила и пафосъ, и въ этомъ отношеніи разсказъ „Ожесточенный" особенно ярокъ. Изображается рабочій, больно обиженный своимъ начальствомъ. Рабочій идетъ въ лѣсъ, ища успокоенія и забвенія въ чемъ-нибудь; въ своихъ размышленіяхъ онъ наталкивается на мысль, что ему во всемъ и постоянно не везетъ, и что даже любовь и обладаніе женщиной ни разу въ жизни ему не удавались. Въ это время черезъ лѣсъ проходитъ изящно одѣтая женщина; рабочій въ дикой ярости набрасывается на нее и близокъ уже къ тому, чтобы совершить насиліе, но проснувшагося въ человѣкѣ звѣря женщинѣ удается усмирить ласковой просьбой; онъ отпускаетъ ее, самъ же въ безнадежномъ отчаяніи бросается подъ поѣздъ. Къ сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что г. Голиковъ не чуждъ и юмора, въ чемъ можетъ убѣдить хотя бы разсказъ его „Дѣти". Есть однако особенность въ разсказахъ г. Голикова, о которой положительно приходится пожалѣть: повидимому, дарованіе г. Голикова довольно разнообразно, и своими наблюденіями онъ могъ бы пользоваться очень широко, а между тѣмъ его больше всего тянетъ къ себѣ преимущественно любовь и эротическій элементъ. Вѣдь не на одной же любви все сводится въ жизни, и не однимъ же эротическимъ элементомъ все у людей опредѣляется.

С. С. Гусевъ (Слово-Глаголь). Еврей. Ц. 15 к. 1903 г. Въ маленькой брошюркѣ г. Гусева разсказывается довольно поэтичная еврейская легенда. Бѣдный водовозъ-еврей, рѣшивъ, что Богу такъ же, какъ и людямъ, можетъ захотѣться ѣсть, сталъ удѣлять изъ своего скуднаго субботняго обѣда по нѣсколько булочекъ, которыя относилъ въ синагогу и клалъ въ Святое-святыхъ. Такъ какъ булочки аккуратно исчезали, то водовозъ не сомнѣвался, что онѣ попадаютъ по своему назначенію, т.-е. въ пищу Богу. Между тѣмъ дѣла его быстро стали поправляться, его благосостояніе увеличилось. Приписывая все это помощи Божіей, водовозъ увеличивалъ свою жертву пропорціонально росту своихъ доходовъ, и, наконецъ, сталъ таскать въ синогогу по цѣлой корзинѣ отличныхъ сдобныхъ булокъ и по нѣсколько бутылокъ вина.

И вдругъ вся иллюзія рухнула, и разрушилъ ее не кто иной, какъ самъ раввинъ. Онъ фактически доказалъ водовозу, что булки его ѣстъ не Богъ, а сторожъ при синагогѣ, бѣднякъ, обремененный большой семьей. Бѣдный водовозъ былъ совсѣмъ убитъ этимъ открытіемъ. Но когда раввинъ понялъ, что онъ совершилъ преступленіе, убивъ вѣру въ человѣкѣ, то совѣсть замучила его, и ему оставалось всю жизнь оплакивать свои грѣхъ.

Ѳедоръ Заринъ. „Рагузада" (Послѣдній ударъ). Историческая трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, 5-ти картинахъ. Спб., 1904 г. Цѣна 1 руб. Содержаніе трагедіи охватываетъ событія во Франціи во [illegible]

рого отреченія Наполеона, а заглавіе ея опредѣляется измѣной Наполеону маршала Мармона, который носилъ титулъ герцога рагузскаго. Въ трагедіи попадаются довольно сильныя сцены: таковы сцены, обрисовывающія колебанія и смущеніе Мармона, прежде чѣмъ онъ рѣшается на измѣну своему благодѣтелю Наполеону, таковы же сцены, въ которыхъ изображается Наполеонъ, остающійся великимъ и во время своего паденія, такова, наконецъ, сцена, гдѣ преданная Наполеону графиня Валевская, имѣвшая отъ него сына, въ состояніи изступленія и отчаянія молитъ и взываетъ въ главной квартирѣ герцога Мармона о спасеніи императора, когда судьба послѣдняго уже рѣшена, и Мармонъ изъ друга Наполеона успѣлъ превратиться въ предателя. Удалось автору и описаніе общаго воодушевленія за честь и славу Франціи въ противовѣсъ чести и славѣ Наполеона. Если прибавить къ сказанному, что трагедія „Рагузада“ обнаруживаетъ въ авторѣ хорошее знаніе источниковъ и тщательное изученіе мемуаровъ, то станетъ понятнымъ, что она имѣетъ право на нѣкоторый интересъ и вниманіе.

Феликсъ Данъ. Борьба за Римъ. Историческій романъ. Пер. съ нѣм. Котляръ. Изданіе Поповой. (Библіотека „Другъ“). Спб. Книга представляетъ драматизованный лѣтописный разсказъ, что то вродѣ „романа приключеній“, въ которомъ событія движутся съ головокружительной быстротой; это—какой-то феерическій калейдоскопъ, гдѣ дѣйствующія лица проносятся передъ читателемъ, какъ тѣни, нерѣдко безъ опредѣленныхъ очертаній. Чтобы сколько-нибудь понимать ходъ дѣйствія, читателю необходимо извѣстное знакомство съ персонажами эпохи, иногда выводимыми прямо безъ указанія на ихъ положеніе. Уловить изъ-за всѣхъ этихъ деревьевъ лѣсъ крайне трудно. Въ лучшемъ случаѣ сообщаемыя частности, нерѣдко просто проблематическія, характеризуютъ больше отдѣльныя личности, чѣмъ общія теченія эпохи. Этому соотвѣтствуетъ и стремленіе автора объяснять крупныя событія больше мелкими причинами, напримѣръ, личными интригами. Нельзя не указать также на національныя пристрастія автора, побуждающія его возвеличивать выше всякой мѣры германцевъ и унижать римлянъ и византійцевъ: готы чуть не всѣ поголовно герои, а ихъ противники—негодяи и трусы. Авторъ унижаетъ Юстиніана, умаляетъ Велизарія, не щадитъ Ѳеодоры. Внѣшнимъ образомъ авторъ извѣстныхъ монографій о *Könige der Germanen* и здѣсь далъ себя знать тѣмъ, что раздѣлилъ свой „романъ“ на семь отдѣловъ и посвятилъ ихъ разсказу о царствованіяхъ семи послѣднихъ готскихъ королей. Въ общемъ это произведеніе едва ли можетъ возвысить извѣстность Дана, какъ писателя и ознакомить читателя съ описываемою эпохой.

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА.

А. Л. Волынскій. Книга великаго гнѣва.—*К. Д. Бальмонтъ.* Горныя вершины.—*Оргсонъ Свѣтъ Марденъ.* Пробивайтесь впередъ!—*Максъ О'Реллъ.* Правда о женщинѣ.—*Е. А. Чебышева-Дмитріева.* Роль женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.—*А. П. Лукинъ* (*Скромный наблюдатель*). Кавказскіе курорты и ихъ переустройство по „системѣ“ В. В. Хвощинскаго.

А. Л. Волынскій. Книга великаго гнѣва. Спб., 1904 г. Г. Волынскій помѣстилъ на обложкѣ своей книги—„Книга великаго гнѣва“, какую то необыкновенно дикую фигуру съ вытаращенными глазами и растопыренными пальцами. Въ своемъ сборникѣ онъ подобралъ всѣ „обрывки“ своего литературнаго творчества—все то, что осталось неперепе-

чатаннымъ послѣ „Русскихъ критиковъ“, „Борьбы за идеализмъ“ и „Братства Карамазовыхъ“. Сюда вошли не только значительныя по размѣрамъ статьи, но и мелкія замѣтки, даже письма въ редакцію. Будущимъ издателямъ сочиненій нашего пресловутаго „предтечи русскаго идеализма“ не придется, такимъ образомъ, пускаться въ сложныя и трудныя библіографическія изысканія: все литературное наслѣдіе г. Волынскаго, до послѣднихъ крохъ, собрано самимъ авторомъ, которому, по его собственному признанію, почему то „думается, что весь этотъ пестрый матеріалъ имѣетъ *какое-нибудь* логическое и психологическое единство“.

Смѣемъ думать, что во всей этой громоздкой (524 стр.) книгѣ нѣтъ ни единства, ни „великаго гнѣва“, а одно только „великое ломанье“, „логическая и психологическая“ путаница и сумятица... Тутъ и „двигательный восторгъ“ (стр. XXXIII), и „тиховѣйная рѣчь“ Метерлинка, который „напрасно хочетъ перемѣнить тембръ своего голоса“ (стр. LVI), и „блѣдная чистая струйка философствующаго моралиста Эмерсона“, которая „сочится въ англо-американской литературѣ, (стр. LVII), и Карамазовъ, который „возбуждаетъ дурные токи“ и „роняетъ губительное зерно“ (стр. LXIV), и „новыя идейныя волны“ (стр. 2), „лучи духа“ (стр. 5), „разныя тончайшія касанія къ видимымъ и невидимымъ мірамъ“ (стр. 7), „мимолетныя упоенія ума, которыя кончались нолями“ (стр. 7), „внутренніе процессы, не столько психологическіе, сколько умственные“ (стр. 9), „логика, отъ которой коченѣютъ всѣ возможности мстительныхъ рефлексовъ“ (стр. 11). Шатовъ („Бѣсы“ Достоевскаго) „вскипаетъ негодованіемъ и въ пылу негодованія бросаетъ ему (Ставрогину) въ лицо раскаленные угли своихъ идейныхъ упрековъ“; онъ „бьетъ его кулаками по душѣ“ (стр. 18). У Ставрогина „шумныя волны безсердечнаго разврата“. „Душа его, оторванная отъ жизни его ума, все больше и больше пьянѣла, входила въ хмельные угары, отравлялась и истощалась, а умъ, лишенный поддержки доброй стихіи человѣческаго сердца, не оказывалъ на нее никакого воздѣйствія“; она „переплескивалась черезъ установленныя природою границы“ (стр. 31).

Въ романѣ съ Лизой Ставрогинъ „вмѣсто живыхъ страстей далъ себѣ и Лизѣ блѣдные декадентскіе суррогаты настоящаго живого сладострастія“ (стр. 41). Достоевскій говоритъ про Ставрогина: „волосы его были что то ужъ очень черны“. Г. Волынскій дѣлаетъ выводъ: „лицо Ставрогина выступаетъ какъ бы въ темной рамѣ, между нимъ и небомъ намѣчена темная преграда... Цвѣтъ волосъ какъ бы соотвѣтствуетъ у Достоевскаго степени интенсивности личнаго человѣческаго начала и, такъ сказать, степени его открытости для возрождающихъ благодатныхъ воздѣйствій неба“ (стр. 5). У Ставрогина „какое то безблагодатное сосѣдяніе души и тѣла, гипнотически-притягивающее своею дерзостью и отталкивающее своимъ коварствомъ“ (стр. 5). „Контрастъ между аристократической нѣжностью и бѣлизной его тонкой кожи и почти вульгарными яркими пятнами румянца на щекахъ тоже производитъ жуткое впечатлѣніе: тонкая аристократическая организація должна была бы только вибрировать, должна была бы пѣть, откликаться на всякое явленіе жизни, двигаться, хотя бы и сдержанно, вмѣстѣ съ этою жизнью, перевоплощаться въ нее и перевоплощать ее въ себя, а между тѣмъ этотъ грубый румянецъ говоритъ о томъ, что въ Ставрогинѣ запеклись его страсти“ (стр. 5—6). При столкновеніи съ Шатовымъ, „еслибы Ставрогинъ не скрестилъ руки за спиною, не отнялъ у нихъ вольной подвижности, то, при нецѣльности его настроенія, руки его, можетъ быть, сдѣлали бы новый рефлексъ и этимъ рефлексомъ вызвали бы новый токъ бѣшен-

въ его раздвоенной душѣ“ (стр. 11). У Ставрогина „ужасная конвульсія его естества“ (стр. 20), „Лебядкиной кажется даже, что Ставрогинъ *потолстѣлъ*. Изумительное слово, которое брошено здѣсь не для обрисовки реальной правды по отношенію къ Ставрогину,—ибо изъ романа никоимъ образомъ не видно, чтобы онъ дѣйствительно потолстѣлъ, а только для того, чтобы намекнуть на вырожденіе, физическое вырожденіе его мужской личности, которое совершается въ немъ подъ гнетомъ опустошительныхъ мыслей. Въ этомъ словѣ, какъ въ секретномъ ящикѣ, спрятанъ ключъ къ разгадкѣ всѣхъ тайныхъ недомоганій Ставрогина въ этомъ роковомъ періодѣ его жизни“ (стр. 20—21).

Цѣлыя страницы посвящены разъясненію „ослѣпительной поэзіи“ разврата, „цѣльнаго бушеванія тѣла и души, всей человѣческой плоти“ и „фантазированія опытнаго, но слабосильнаго эротическаго бѣса“.

Это до такой степени характерно для г. Волынскаго, что мы приведемъ бо́льшую цитату (стр. 34—35). Любовь къ разврату—„жажда жизни въ сильныхъ и острыхъ ощущеніяхъ, которыя какъ бы развинчиваютъ замкнутое и ограниченное тѣлесно-душевное естество человѣка, просверливаютъ какія то преграды, какія то стѣны внутри его и открываютъ просвѣты въ какія то бездны. А тамъ, гдѣ бездна, тамъ и какой-нибудь неожиданный ходъ къ небу, звѣздному, чистому, спасительному“. „Въ настоящемъ, типичномъ для человѣчества и типичномъ для Россіи Карамазовскомъ развратѣ переливаются мотивы высшаго мистическаго порядка. Тѣло трепещетъ, не жалѣя себя, разрушаясь, подламываясь, можно сказать, „преломляясь“, душа и сердце проливаютъ тутъ свою кровь. Въ этомъ трепетаніи тѣла и сердца, и сладкомъ, и мучительномъ, унижающемъ, возносящемъ, радостномъ и страдальческомъ, проявляется великая мистерія природы. Это она, природа, здѣсь колдуетъ, и на ея алтарь человѣкъ приноситъ свои жертвы въ этихъ таинственныхъ вечеряхъ любви. То, что кажется торжествомъ личнаго начала въ узкомъ смыслѣ этого слова, оказывается нѣкоторой упоительной евхаристіей, жертвоприношеніемъ тѣла и крови, изъ котораго рождаются—либо непосредственно, либо косвенно-серафическіе экстазы и ликованія человѣческаго духа. Вотъ что такое, по своей природѣ, въ своемъ существѣ, карамазовскій развратъ, импульсы котораго лежатъ въ душѣ, который непосредственъ, цѣленъ и даже въ самомъ низменномъ, сладострастно-жестокомъ бушеваніи совершается въ какомъ то соприсутствіи съ божествомъ. На вихревой линіи человѣческихъ страстей встрѣчаются и разрѣшаются величайшіе интересы человѣческой личности и человѣческой исторіи. Тутъ природа, какъ воплощеніе Бога, тутъ мистика въ проявленіяхъ чувства, тутъ слово, ставшее плотью, тутъ очищаются и всеискупляющая кровь, тутъ паденіе въ бездну, но тутъ и свободный полетъ къ небу. Это горе жизни, но это и счастье жизни“. Ставрогину ставится въ упрекъ, что онъ „совершаетъ развратъ“ „безъ внутренней музыки“ (стр. 35).

Но довольно! До „внутренней музыки“ разврата могъ договориться только г. Волынскій съ его безконечными „ужимками и прыжками“, „ужасными конвульсіями“ его противоестественно-изломаннаго естества. И въ подобныхъ „конвульсій“ и безсильныхъ попытокъ на оригинальность мысли и стиля—„блѣдныхъ декадентскихъ суррогатовъ настоящаго живого“ содержанія и стиля—состоитъ вся его „издерганная гримасами самолюбія“ книга.

К. Д. Бальмонтъ. Горныя вершины. Сборникъ статей. Книга первая. Книгоиздательство „Грифъ". Москва, 1904 г. Цѣна 2 руб. Въ этой книгѣ г. Бальмонтъ выступаетъ въ новой роли. Здѣсь онъ является намъ въ качествѣ философа и критика. А такъ какъ на первой страницѣ мы видимъ помѣтку—„Книга первая", то, повидимому, отъ г. Бальмонта можно ожидать и дальнѣйшаго шествія по пути философско-эстетической критики. Позволяемъ себѣ надѣяться, что слѣдующія книги будутъ удачнѣе: глубже, основательнѣе, хотя врядъ ли г. Бальмонтъ измѣнитъ своему тону, который, какъ намъ кажется, является главной отрицательной стороной перваго тома „Горныхъ вершинъ". Тонъ этотъ явственно виденъ въ одной изъ первыхъ фразъ предисловія. Сообщивъ, что „вершины сознанія и творчества слѣдуютъ великому принципу личности, отъединенія, уединенности, отдѣленія отъ общаго, вознесенности къ той незримой чертѣ, гдѣ всѣ грани стираются, куда взойти можно лишь изрѣдка, откуда видно все", авторъ говоритъ:

„Мнѣ весело и радостно входить на высоту, приближаться вплоть къ великимъ душамъ, глядѣть въ ихъ яркіе зрачки, глядѣть въ ихъ жуткіе колодцы".

Писатель, который говоритъ такимъ образомъ, можетъ дать или геніальное произведеніе, или такое, въ которомъ съ трудомъ можно найти что-либо достойное вниманія... Г. Бальмонтъ съ чрезвычайной самоувѣренностью обѣщаетъ „весело" подойти вплоть къ великимъ душамъ. Намъ кажется, что это доступно лишь тѣмъ высоко одареннымъ людямъ, которыхъ мы зовемъ геніями, а такъ какъ авторъ „Горныхъ вершинъ" не геній, то задуманное имъ восхожденіе „туда, откуда видно все" и заглядыванье въ зрачки и колодцы души принесло результаты очень сомнительные.

Кто въ представленіи г. Бальмонта оказался „на вершинахъ"? Франсиско Гойя, Кальдеронъ, Джонъ Фордъ, Вебстеръ, Вильямъ Блокъ, Эдгаръ По, Бодлеръ, нѣкоторые русскіе поэты, князь А. И. Урусовъ, Стриндбергъ, Оскаръ Уайльдъ, Шелли и т. д. Мы охотно согласимся, что нѣкоторые изъ перечисленныхъ—дѣйствительно „великія души". Но относительно остальныхъ мы имѣемъ полное право задать автору вопросъ: почему онъ полагаетъ, что, напримѣръ, Франсиско Гойя, Джонъ Фордъ, Вильямъ Блокъ, Оскаръ Уайльдъ — вершины созданій и творчества? А на это мы получаемъ отвѣтъ по меньшей мѣрѣ неубѣдительный:

„Гойя — истинный создатель красоты чудовищнаго, онъ единственный изъ всѣхъ европейскихъ художниковъ угадалъ законъ, которому слѣдуютъ въ своемъ возникновеніи полузвѣриныя, получеловѣческія существа, символизирующія демоническое нашей души". Сказавъ эту невразумительную фразу, г. Бальмонтъ совсѣмъ не считаетъ нужнымъ развить свою мысль. Гойя открылъ какой-то необыкновенный законъ—и мы должны вѣрить на слово. Чѣмъ же заслужилъ глубочайшее уваженіе и даже нѣкоторое преклоненіе г. Бальмонта Джонъ Фордъ? Онъ создалъ драму, въ которой изобразилъ любовь-влюбленность брата къ сестрѣ. „Здѣсь,—говоритъ авторъ,—мы соприкасаемся съ безумiемъ, достигае черты, за которой для полновластнаго чувства личности начинается мі возмездія, царство фурій, стерегущихъ все безумное"... При всемъ ув женіи къ мнѣніямъ г. Бальмонта, мы полагаемъ, что сказаннаго всета нѣсколько мало для апоѳеоза Джона Форда.

Вильямъ Блокъ попадаетъ „на вершины" вслѣдствіе такихъ сооб женій. Онъ праотецъ современныхъ символистовъ. „Земные" образы единялись передъ нимъ въ длинную цѣпь, выростали, какъ коридо

на дальнемъ концѣ котораго онъ видѣлъ пересозданный его фантазіей желанный образъ. Если коридоръ былъ недостаточно длиненъ, увидѣнный образъ представлялся туманнымъ; чѣмъ длиннѣе было промежуточное разстояніе, тѣмъ отчетливѣе сверкали завершенныя черты. Изъ этого видно, что тайну величія Вильяма Блока г. Бальмонтъ не желаетъ открыть читателю. Вмѣсто поясненія онъ въ цитируемой нами фразѣ предлагаетъ такой сложный ребусъ, что читатель въ правѣ потерять надежду на пониманіе праотца символистовъ. Оскаръ Уайльдъ—тоже вершина сознанія и творчества, душа съ яркими зрачками и жуткими колодцами. Жизненная трагедія его состоитъ въ томъ, что онъ имѣлъ „слабое человѣческое сердце". Онъ былъ „геніально-одареннымъ поэтомъ". Его сказки прекрасны, очаровательны, какъ музыка, ярки, какъ крылья „Жаръ-Птицы" и нѣжны, какъ слабая краска румянца на щекахъ влюбленнаго ангела"... На этотъ разъ г. Бальмонтъ не желаетъ быть голословнымъ и не требуетъ, чтобы читатель вѣрилъ ему на слово. Онъ приводитъ въ доказательство одну изъ сказокъ Оскара Уайльда „Рыбакъ и его душа", и содержаніе романа того же автора — „Портретъ Доріана Грэя". Но изъ этихъ образовъ мы убѣждаемся лишь въ томъ, что Оскаръ Уайльдъ обладалъ сильной и причудливой фантазіей и, такъ сказать, даромъ парадоксовъ. Признать за нимъ огромное, міровое значеніе мы, основываясь на статьѣ г. Бальмонта, рѣшительно не видимъ причинъ— и врядъ ли это вина пересказовъ сказки и романовъ.

Что касается остальныхъ статей, составляющихъ книгу „Горныя вершины", то въ общемъ онѣ производятъ такое впечатлѣніе: г. Бальмонтъ или высказываетъ взгляды чрезвычайно оригинальные, причемъ или вовсе ихъ не обосновываетъ, или довольствуется самой поверхностной аргументаціей, или говоритъ о томъ, что давно всѣмъ извѣстно. Такъ, напримѣръ, о Верленѣ и Малларме въ замѣткѣ „Элементарныя слова о символической поэзіи", онъ говоритъ изумительно просто: „Ихъ слава такъ преувеличена, что о нихъ непріятно упоминать". Зато онъ очень высоко ставитъ стихотвореніе Случевскаго, въ которомъ поэтъ описываетъ тяжелый сонъ: будто его „коробило, на части рвало" на колесѣ, онъ выпячивался въ пыткѣ небывалой

„И, ставъ звенящею чувствительной струной,
Къ какой-то схимницѣ больной и исхудалой
На балалайку вдругъ попалъ едва живой.
Старуха страшная меня облюбовала
И пальцемъ нервнымъ дергала меня;
„Коль славенъ нашъ Господь" уныло напѣвала
И я ей вторилъ, жалобно звеня"...

Этимъ отрывкомъ авторъ „Горныхъ вершинъ" характеризуетъ поэзію Случевскаго.

Иногда, не довольствуясь изысканой и утомительной прозой, гдѣ больше звучности, чѣмъ мысли, и больше надуманности, чѣмъ искренности, г. Бальмонтъ неожиданно говоритъ, что ему „хочется сказать въ ритмическихъ строкахъ", и прерываетъ невразумительную прозу еще менѣе вразумительными стихами:

Мы должны бѣжать отъ боли,
Мы должны любить ее,
Въ этомъ правда вѣстей Воли
Въ этомъ счастіе мое.
. . . . . .
И затянутый? Въ измѣнѣ,
Гдѣ обманчивы огни

Онъ вскипитъ, какъ брызги пѣны,
И погаснетъ (?), какъ они.

Или взываетъ къ тигру:

Тигръ, тигръ, жгучій страхъ,
Ты горишь въ ночныхъ лѣсахъ,
Чей безсмертный взоръ, любя,
Создалъ страшнаго тебя?
Чей былъ молотъ, цѣпи чьи,
Чтобъ скрѣпить мечты твои?
Кто взметнулъ твой быстрый взмахъ,
Ухватилъ смертельный страхъ? И т. д.

Между прочимъ, наше вниманіе остановила статья „О русскихъ по-
тахъ“. Сначала, „уходя мечтой въ прошлое“, г. Бальмонтъ убѣждает
въ томъ, что первыя сильныя впечатлѣнія онъ получилъ отъ чте
англійскихъ авторовъ. Затѣмъ онъ объявляетъ, что вообще „ранія и
наиболѣе сильныя впечатлѣнія русскихъ писателей связаны съ создани-
ми Англійскаго Генія“ (съ большой буквы). Дальше слѣдуетъ резолюція:
„англійская поэзія вообще гораздо выше поэзіи русской“. „Очарова
англійской поэзіи касается самыхъ тонкихъ и завѣтныхъ струнъ русск
души“. Гоголь, отмѣтившій русскую способность къ юмору, родстве
Диккенсу и Свифту, Пушкинъ, воплотившій героическую сторону русс
души и ея способность къ легкой гармоніи, сближается то съ Бай
номъ, то съ Шекспиромъ, наконецъ, Достоевскій, воплотившій русску
черту нигилизма и мучительнаго исканія Бога, „перемѣшаннаго съ са
танизмомъ (Бога?), можетъ быть сравниваемъ съ Диккенсомъ и По“
„Лермонтовъ наиболѣе близокъ къ англійскимъ поэтическимъ геніямъ“
и т. д., и т. д. Этотъ англофильскій духъ статьи былъ бы вовсе не
понятенъ, еслибъ подъ заглавіемъ не стояло: „Отрывки изъ лекцій, чи
танныхъ въ Taylor Institution въ Оксфордѣ. Реверансы г. Бальмонта
передъ англійской аудиторіей производятъ очень непріятное впечатлѣніе.
Въ этой же статьѣ Алексѣй Толстой названъ „авторомъ банально-ро
румяненныхъ балладъ“, превознесена г-жа Лохвицкая, въ стихахъ ко
рой „чувствуется душа средневѣковой женщины, знакомой съ тайна
колдовства“, снисходительно замѣчено, „что Майковъ возвышается до с
временной нервности, а множество поэтовъ русскихъ не упомянуты да
и по имени...

Повидимому, г. Бальмонтъ совсѣмъ особенныя читалъ лекціи въ Tayl
Institution и, несмотря на свое крайне любезное отношеніе къ англ
ской аудиторіи, врядъ ли далъ ей хоть какое-нибудь понятіе о русс
поэзіи. И врядъ ли вообще стоило г. Бальмонту вступать на трудн
путь эстетической и философской критики. На этомъ пути требуется
звонкость фразъ и не слѣпая самоувѣренность, а нѣчто большее. „Пу
ныя вершины“ вѣщаютъ вовсе не убѣдительно, а если г. Бальм
имѣлъ въ виду только высказать свои мнѣнія, то это слѣдовало бы с
лать въ болѣе скромной формѣ.

**Орисонъ Светъ-Марденъ. Пробивайтесь впередъ! Перев. К.
Шишмаревой. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. Ц. 1 р. 20 к.** Усп
извѣстныхъ трудовъ Смайльса „Саморазвитіе“, „Характеръ“ и др.
должаетъ вызывать не мало подражаній, однимъ изъ которыхъ явл
книга Орисона Светъ-Мардена „Пробивайтесь впередъ!“ Авторъ по
щаетъ свой трудъ „всѣмъ борющимся на поприщѣ знанія и дол
ставитъ себѣ нелегкую цѣль „поддержать молодежь на распутьи
мочь робѣющему юношѣ стать Колумбомъ, открывающимъ ск

можности успѣха въ собственной жизни; убѣдить его не останавливаться мыслью на прошломъ и не мечтать о будущемъ, а извлекать полезный урокъ изъ каждой данной минуты; научить его ловить каждый случай, изъ каждой маленькой возможности создавать возможность большую, ибо никто не можетъ знать, когда судьба захочетъ вознести человѣка... убѣдить молодежь, что успѣхъ человѣка—въ его личности, и другого успѣха не существуетъ". Этотъ новый трудъ, адресованный къ молодежи, не можетъ ни замѣнить, ни дополнить подобныхъ же работъ Смайльса. Ни эрудиціи, ни системы послѣдняго у Орисона Светъ-Мардена нѣтъ. Біографическіе примѣры или стары или не идутъ къ дѣлу. Невыгодное впечатлѣніе производитъ неточная классификація примѣровъ и неумѣлое подведеніе ихъ подъ рубрики заголовковъ; впрочемъ, здѣсь часть вины падаетъ на переводчицу, не вполнѣ справившуюся съ англійской терминологіей. Прибавимъ еще, что американскіе принципы воспитанія врядъ ли могутъ быть культивированы на русской почвѣ; нерѣдко то, что кажется практичному американцу верхомъ совершенства и примѣромъ, достойнымъ подражанія, въ непрактичномъ русскомъ вызоветъ чувство недоумѣнія и даже глубокаго отвращенія. Мы убѣждены, что прочитавшій нѣкоторые анекдоты въ книгѣ „Пробивайтесь впередъ" вполнѣ съ нами согласится.

И тѣмъ не менѣе, мы рекомендуемъ русскому юношеству книгу Орисона Светъ-Мардена. Она дастъ ему примѣры, какихъ не можетъ дать русская жизнь; она учитъ высоко цѣнить тѣ качества, недостаткомъ которыхъ страдаетъ русская молодежь. Качества эти — энергія, воля, тактъ, практичность. Если намъ смѣшно поклоненіе „необыкновенно честному" человѣку, отказавшемуся отъ крупной взятки, если это въ нашихъ глазахъ означаетъ лишь обычную добропорядочность, то желѣзная энергія американца достойна одобренія. Нѣтъ сомнѣнія, что Новый Свѣтъ способенъ указать „широкой русской натурѣ" хорошее средство противъ ея „добродушнаго безволія".

Максъ О'Релль. Правда о женщинѣ. Переводъ съ англійскаго Н. д'Андре. Спб., 1904 г. Ц. 65 к. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такія книги были въ модѣ. На книжномъ рынкѣ появлялись, напримѣръ, сборники „О женщинахъ" какого-то вопросительнаго знака,—и публика покорно раскупала такія книги. Но мода быстро прошла, и намъ не ясно,—на что разсчитывалъ г. д'Андре, выпуская свой переводъ вовсе не интересной книги О'Релля.

Никакой „правды", то-есть никакой истинной мысли о женскомъ вопросѣ или вообще о чемъ-либо, касающемся женщины, читатель здѣсь не найдетъ. Англійскій авторъ предпочелъ довольствоваться самымъ поверхностнымъ изложеніемъ самыхъ шаблонныхъ взглядовъ на общеизвѣстные вопросы. И книга получилась по меньшей мѣрѣ странная.

Въ книгѣ три части и больше пятидесяти главъ. Въ первой („Ахъ, вы, мужчины!"), авторъ бранитъ мужчинъ и, такъ сказать, даетъ общій тонъ своему „изслѣдованію". Дальше идутъ главы: „Двусмысленныя улыбки", „Женщина и куклы", „О приставаніяхъ къ женщинамъ на улицѣ", „Любовь съ перваго взгляда, что увидѣлъ (?)", „Роза, лилія и фіалка", „Кокетство въ бракѣ", „Насчетъ писемъ" и т. д.

Уже изъ этого перечня читатель видитъ, что „Правда о женщинахъ" не что иное, какъ сборникъ довольно сомнительныхъ фельетоновъ съ шаблоннымъ содержаніемъ. Напрасно было бы искать здѣсь остроумія: юмора у О'Релля нѣтъ, и попытки на остроуміе крайне неудачны и удивляютъ чрезвычайной развязностью. Переводъ плохъ, а изданіе, украшенное плохой картинкой на обложкѣ—ниже средняго.

Е. А. Чебышева-Дмитріева. Роль женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Спб., 1904 г. Ц. 20 к. Г-жа Чебышева-Дмитріева приводитъ въ этомъ докладѣ, читанномъ ею въ коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ при русскомъ обществѣ охраненія народнаго здравія еще въ ноябрѣ 1900 года, массу свѣдѣній объ организованной борьбѣ женщинъ съ алкоголизмомъ почти во всѣхъ культурныхъ странахъ земного шара. Болѣе или менѣе внушительныя цифры числа членовъ названныхъ организацій, перечни учрежденій, созданныхъ ими съ цѣлью борьбы съ алкоголизмомъ, мѣстами нѣкоторыя данныя о благопріятныхъ результатахъ этой работы, въ видѣ пониженія количества потребленнаго въ странѣ алкоголя, числа внѣбрачныхъ рожденій и т. д., пестрятъ этотъ докладъ и русскому читателю напоминаютъ еще разъ лишь о томъ, что населеніе зарубежныхъ государствъ пользуется полной свободой широко проявлять свою иниціативу на какомъ угодно поприщѣ общественной дѣятельности и что для этого тамъ имѣются въ наличности всѣ благопріятныя условія, не говоря уже о высокомъ уровнѣ образованія массъ и культурности. Знакомить русскую публику съ тѣмъ, на какую энергичную, широкую и плодотворную дѣятельность способенъ человѣкъ, когда окружающія его жизнь условія тому благопріятствуютъ, необходимо и всегда нужно. Но когда авторъ, забывая условія *нашей* жизни, ставитъ описанныя имъ организаціи свободныхъ людей какъ бы въ примѣръ и подражаніе для русскихъ женщинъ, то отъ его доклада получается нѣсколько иное впечатлѣніе. „Русская женщина интеллигентнаго класса,—говоритъ авторъ доклада,—имѣетъ достаточно самостоятельности, достаточно вкуса къ общественной дѣятельности, чтобы мы пожелали видѣть ее выступившей на серьезную борьбу съ алкоголизмомъ съ ея широко-развѣтвляющимся просвѣтительнымъ и морализующимъ дѣйствіемъ". Въ какомъ именно отношеніи русская женщина имѣетъ „достаточную самостоятельность" мы не знаемъ, но авторъ самъ же указываетъ, наприм., что *пока*, „къ сожалѣнію, въ члены общества трезвости принимаютъ (у насъ) только мужчинъ, а женщинѣ предоставлено закулисное вліяніе". Мы же напомнимъ г-жѣ Чебышевой, что одинаково „закулисное" вліяніе русской женщинѣ предоставлено и во многихъ другихъ, особенно же просвѣтительныхъ, обществахъ, въ которыхъ она не можетъ даже быть избираема въ *казначеи*, не говоря объ иныхъ должностяхъ. Главное зло алкоголизма у насъ распространено, какъ извѣстно, среди народныхъ и рабочихъ массъ. Но къ единенію съ этими послѣдними у насъ не допускаются не только интеллигентныя женщины, а даже и таковые же мужчины. Наконецъ, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ алкоголизмомъ можетъ считаться широкое развитіе образовательно-просвѣтительныхъ учрежденій для народа; но развѣ для того у насъ имѣются въ наличности необходимыя благопріятныя условія? Имѣйся налицо послѣднія, русская женщина, конечно, сумѣла бы показать и широкую иниціативу, и непоколебимую энергію, и преданность общественнымъ интересамъ въ борьбѣ не только съ алкоголизмомъ, но и со множествомъ всякихъ иныхъ золъ русской жизни, которыя часто сами по себѣ являются причинами губительной страсти къ спиртнымъ напиткамъ. Даже и за границей, по свидѣтельству компетентнаго автора доклада, женщины особенно успѣшно могли бороться съ алкоголизмомъ только въ тѣхъ странахъ, гдѣ онѣ пользуются гражданскими правами (напр. правомъ выборовъ въ общественныя учрежденія и пр.).

А. П. Лукинъ (Скромный Наблюдатель). Кавказскіе курорты и ихъ переустройство „по системѣ“ В. В. Хвощинскаго. Москва, 1904 г. Изданіе автора. Ц. 75 к. Несомнѣнной заслугой автора разбираемой книги должно признать обстоятельное безпристрастное освѣщеніе хозяйничанья В. В. Хвощинскаго, въ вѣдѣніи котораго находятся богатѣйшіе кавказскіе минерально-цѣлебные источники, какъ извѣстно, принадлежащіе казнѣ и ею же эксплоатируемые. Первоначально очерки г. Лукина печатались въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*; теперь авторъ собралъ ихъ, дополнилъ нѣсколькими статьями, написанными по документамъ, еще не бывшимъ до сего времени опубликованными, и издалъ отдѣльной книгой. Получился довольно объемистый томъ, слишкомъ въ десять печатныхъ листовъ, заполненныхъ яркимъ и живымъ описаніемъ „системы“ расходованія казенныхъ милліоновъ. Книга читается съ захватывающимъ интересомъ. Оказывается, съ нынѣшнимъ управленіемъ кавказскихъ минеральныхъ водъ неразрывно связаны три главныхъ дѣйствующихъ лица: директоръ ихъ В. В. Хвощинскій, каскадно-опереточная пѣвичка г-жа Бауэръ и доставившій ее въ районъ управленія водъ антрепренеръ г. Шульцъ. Получилось что-то невообразимое и уже во всякомъ случаѣ для непосвященнаго положительно непонятное. Въ самомъ дѣлѣ, на казенныя деньги директоръ водъ г. Хвощинскій издаетъ газетку, онъ же редактируетъ ее и въ довершеніе всего онъ же и цензируетъ; въ газетѣ, издающейся на казенныя деньги, въ официальной части поются дифирамбы каскадной пѣвицѣ г-жѣ Бауэръ, подробно описывается, съ какой граціей и искусствомъ эта пѣвица подвизается въ не совсѣмъ приличныхъ опереткахъ и т. п. Сотни тысячъ казенныхъ денегъ расходуются на постройку театральныхъ зданій и всѣ ихъ сдаютъ на нѣсколько лѣтъ привезшему г-жу Бауэръ антрепренеру г. Шульцу не только *безплатно*, но даже съ казенной субсидіей, несмотря на то, что театры даже при $^1/_3$ сбора даютъ 120 тыс. руб. въ сезонъ, и г. Шульцъ культивируетъ канканъ и оперетку. Мало того, тому же антрепренеру Шульцу на особо льготныхъ условіяхъ сдаются въ аренду самыя большія *казенныя* гостиницы, рестораны, кафэ,—конечно, какъ и театры, безъ всякихъ торговъ. Безъ торговъ сдаются и нѣкоторыя другія арендныя статьи, приносящія доходъ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, наприм., огромный участокъ казенной земли, находящійся въ центрѣ курорта сданъ на *шестьдесятъ* лѣтъ безъ всякихъ торговъ нѣкоему Михайлову; безъ торговъ на откупъ отдается право торговли нарзаномъ чуть ли не въ 20—25 губерніяхъ, причемъ контракты и условія, заключаемые между казной (г. Хвощинскимъ) и контрагентами облекаются непроницаемой тайной. Насколько эти условія, заключаемыя тайно, безъ торговъ, невыгодны для казны,—можно судить уже по одному тому, что послѣ опубликованія г. Лукинымъ одного такого условія (съ г. Ладыженскимъ), казна заплатила контрагенту *10 тысячъ руб. отступного*; не сдѣлай этого, казна понесла бы свыше 300 тыс. руб. убытка!... На казенныя деньги г. Хвощинскій нанималъ „писателей“ и тѣ расхваливали его въ издающейся на казенныя же деньги газетѣ. Г. Хвощинскій не брезгуетъ и доносами на тѣхъ, кто остается недовольнымъ его курортными порядками. Г. Лукинъ приводитъ такой характерный фактъ. Генералъ-майоръ П—й „осмѣлился“ внести въ жалобную книгу указанія на вопіющіе безпорядки на водахъ; директоръ водъ г. Хвощинскій о жалобѣ генерала-майора г. П—го сообщилъ его непосредственному начальству—и только!... Это даетъ поводъ г. Лукину вспомнить, какъ „разнесъ“ Гоголевскій городничій жаловавшихся на него ревизору купцовъ. Словомъ, по

мѣткому выраженію г. Лукина, „дозволяется только славословить и благоговѣть, а кто обнаружитъ дерзостное непочтеніе, о томъ тотчасъ же донесеніе по начальству“...

Мы далеко не исчерпали содержанія чрезвычайно интересныхъ очерковъ г. Лукина, бросившаго лучъ свѣта въ темное царство кавказскихъ минеральныхъ водъ и хозяйничанье г. Хвощинскаго. Значеніе ихъ, конечно, далеко не исчерпывается тѣмъ, что теперь выплыли на свѣтъ Божій запертыя семью замками канцеляріи г. Хвощинскаго явно убыточныя для казны условія,—общественное значеніе ихъ гораздо шире: они конкретно показываютъ, во что обходится государству „система, при существованіи которой одинъ человѣкъ можетъ безконтрольно по своимъ личнымъ капризамъ, симпатіямъ и антипатіямъ дать любому учрежденію то или другое направленіе“.

ПЕДАГОГИКА, НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

А. Ѳ. Семеновъ. Къ вопросу о малоуспѣшности учениковъ нашихъ гимназій.—Земство Курской губерніи. Выставка по народному образованію, устроенная курским губернск. земствомъ лѣтомъ 1902 г.—*К. Е. Ливановъ.* 1) Очеркъ дѣятельности уездскаго земства по народному образованію. 2) Очеркъ дѣятельности мышкинскаго земства по народному образованію.—Отчетъ о дѣятельности комиссіи по устройству чтеній и развлеченій при чайной „Столбы“ въ Нижнемъ-Новгородѣ за 1903 годъ.—Эпизодическія программы, издаваемыя комиссіей по организаціи домашняго чтенія. Серія II.

А. Ѳ. Семеновъ. Къ вопросу о малоуспѣшности учениковъ нашихъ гимназій. Кіевъ, 1904 г. Обстоятельная статья съ приведеннымъ заглавіемъ открывается цѣлымъ рядомъ цитатъ изъ разныхъ авторовъ, начиная съ пиѳагорейца Діогена, Я. Коменскаго, Паисія Лигарида и кончая проф. Чупровымъ и академикомъ Янжуломъ, свидѣтельствующихъ о важности и необходимости воспитанія и образованія вообще, какъ будто кто еще сомнѣвается въ этой истинѣ въ наше время. Далѣе оказывается, что „въ настоящее время въ обществѣ преобладаетъ преимущественно практическій взглядъ на жизнедѣятельность (?) и потому развилась ненависть къ классической древности, какъ и ко всему, не приносящему непосредственно практической пользы“. Вопреки своей склонности ссылаться на авторитеты, авторъ это свое положеніе не подтверждаетъ никакими иными цитатами, кромѣ какого-то Ю. К., „справедливо“ называющаго въ *Кіевлянинѣ* нашу интеллигенцію разношерстной и полагающаго (тоже „справедливо“), что люди, призванные къ участію въ правительственной власти, создавая среднюю школу, не должны руководиться осужденіями этой интеллигенціи. Далѣе цитируется извѣстный циркуляръ бывшаго министра Н. П. Боголѣпова, рекомендовавшаго „при обсужденіи желательныхъ перемѣнъ въ строѣ классической гимназіи „постепенно и осторожно, ибо учебное дѣло не требуетъ грубой ломки“. Затѣмъ слѣдуетъ примѣръ Германіи и Франціи, сохранившихъ въ хорошо сформированныхъ гимназіяхъ латинскій и греческій языки. Короче говоря, показать, г. Семеновъ является защитникомъ гуманитарнаго образованія, будто бы совершенно незаслуженно попираемаго и презираемаго нашею „разношерстною“ интеллигенціей и практическими родителями. Устраняя общія разсужденія о преимуществахъ той или иной системы образованія, авторъ, начиная съ 13 страницы, сосредоточиваетъ свое вниманіе на самомъ [illegible] номъ элементѣ (совсѣмъ забытымъ, по его мнѣнію, противниками существующаго строя средней школы)—ученикахъ и подробно останавли[illegible]

на разсмотрѣніи истинныхъ причинъ неуспѣшности учениковъ въ существующей школѣ. Виноваты въ томъ, конечно, прежде всего родители, которые, пользуясь легкостью поступленія въ среднюю школу и значительными правами, которыя она даетъ окончившимъ въ ней курсъ, отдаютъ въ эту школу своихъ дѣтей безъ должной подготовки, неразвитыхъ отъ природы и не пріученныхъ къ порядку и школьной дисциплинѣ; такія дѣти переполняютъ классы и тѣмъ затрудняютъ успѣшность преподаванія; въ результатѣ—школа вынуждена понижать экзаменаціонныя требованія и даетъ аттестаты неподготовленнымъ къ высшей школѣ ученикамъ. Къ числу другихъ причинъ, понижающихъ успѣхи гимназистовъ, относятся: весьма слабый домашній надзоръ за ихъ образомъ жизни, матеріальная нужда, предметная система преподаванія, репетиторство, физическая слабость дѣтей, унаслѣдованная отъ алкоголизма родителей, куреніе табаку, болѣзни органовъ зрѣнія и слуха. Наконецъ, авторъ брошюры столь же подробно анализируетъ еще вопросъ о переутомленіи учащихся и рекомендуетъ въ заключеніе относиться къ этому обвиненію съ крайней осторожностью: школа въ этомъ, по его мнѣнію, виновата менѣе всего. Книга заканчивается указаніемъ на матеріальную необезпеченность учителей, вынужденныхъ искать уроковъ на сторонѣ: вѣчная утомленность учителей также не способствуетъ успѣшности преподаванія.

Противъ послѣдняго утвержденія возразить совершенно нечего—авторъ вполнѣ правъ: учителя нашихъ гимназій плохо обезпечены съ матеріальной стороны. Что же касается до остальныхъ приведенныхъ нами выше обвинительныхъ пунктовъ, то нечего, думаемъ, и говорить, что всѣ они бѣлыми нитками сшиты. Въ извѣстной степени, конечно, есть всего понемногу, но авторъ слишкомъ переусердствовалъ и черезчуръ обобщилъ всѣ указанныя имъ причины малоуспѣшности учениковъ гимназій, обойдя дипломатично гробовымъ молчаніемъ самый существенный вопросъ о *способѣ* преподаванія классическихъ языковъ, основанномъ на изученіи тонкостей грамматики и введенномъ при томъ въ эту школу, по иниціативѣ Каткова, Леонтьева и гр. Д. А. Толстого, съ политическими цѣлями—отнять у учащихся не только время, а и всякую *способность* интересоваться живыми вопросами саморазвитія и самообразованія... Цѣль эта, какъ всѣмъ извѣстно, была достигнута и знаменитая система погубила за тридцать лѣтъ своего существованія много живыхъ силъ нашей родины. Теперь, когда, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, вопросъ о реформѣ классическихъ гимназій поставленъ, наконецъ, на очередь, господа Семеновы, облекаясь въ тогу защитниковъ несуществующей системы *гуманитарнаго* образованія, со ссылками на сотни авторитетовъ русскихъ и иностранныхъ, побѣдоносно обвиняютъ во всемъ родителей, яко бы ищущихъ въ школѣ лишь *правъ* и проникнутыхъ практическими взглядами на „жизнедѣятельность“ и *потому* ненавидящихъ классическія древности. Нѣтъ, г. Семеновъ, родители ненавидятъ прежде всего не классическія древности, а классическую систему названныхъ выше трехъ политиковъ Россіи, создавшихъ изъ средней классической школы полицейскій участокъ. Впрочемъ, ученому автору этого сочиненія долженъ быть извѣстенъ взглядъ на классическіе языки Спенсера. Можетъ быть и онъ былъ проникнутъ практическими взглядами на жизнедѣятельность?

Земство Курской губерніи. Выставка по народному образованію, устроенная курскимъ губернскимъ земствомъ лѣтомъ 1902 г. Курскъ, 1903 г. Изданная курскимъ губернскимъ земствомъ брошюра распадается на двѣ части: въ первой подробно изложены исторія, планъ и порядокъ организаціи выставки, вторая посвящена обстоятельному об-

зору школьнаго и внѣшкольнаго образованія, составленному экспертными подкоммиссіями по экспонатамъ, а также на основаніи представленныхъ въ подкоммиссіи и обсужденныхъ ими докладовъ. Первая часть имѣетъ важное практическое значеніе, такъ какъ является, собственно говоря, указателемъ, *какъ организовывать* земствамъ и другимъ общественнымъ учрежденіямъ подобнаго рода *выставки по народному образованію*; другихъ аналогичныхъ руководствъ и указателей русская литература пока не знаетъ. Вторая часть имѣетъ значеніе не только какъ попытка подвести итоги земской дѣятельности въ области народнаго образованія, но и какъ рядъ руководящихъ замѣчаній относительно желательной постановки той или иной отрасли ея, очень часто имѣющихъ принципіальный характеръ.

Ярославское губернское земство.—Очеркъ дѣятельности угличскаго земства по народному образованію (1865—1899 гг.). Составилъ К. Е. Ливановъ. Ярославль, 1901 г. Очеркъ дѣятельности мышкинскаго земства по народному образованію (1865—1900 гг.). Составилъ К. Е. Ливановъ. Ярославль, 1904 г. Оба очерка обязаны своимъ появленіемъ иниціативѣ школьной коммиссіи ярославскаго губернскаго земства, которая пришла къ мысли о необходимости ознакомленія съ исторіей народнаго образованія во всѣхъ уѣздахъ губерніи, надѣясь въ историческихъ данныхъ найти указанія къ правильной постановкѣ въ губерніи дѣла народнаго образованія. Составитель очерковъ очень удачно использовалъ бывшій въ его распоряженіи сырой матеріалъ, не отличавшійся необходимою полнотою, и въ результатѣ умѣлой обработки журналовъ земскихъ собраній и представлявшихся этимъ собраніямъ докладовъ получилась планомѣрная работа, читаемая съ большимъ интересомъ. Правда, она не даетъ полной картины народнаго образованія въ указанныхъ уѣздахъ, но достаточно отчетливо выясняетъ два фактора развитія образованія въ уѣздахъ: дѣятельность земства и содѣйствіе населенія попеченію земства о народномъ образованіи.

Изъ очерка дѣятельности угличскаго земства по народному образованію нельзя не замѣтить колебаній земства въ отношеніяхъ къ земской школѣ и народному образованію.

Съ 1865 по 1870 годъ земство дѣятельно стремилось къ выработкѣ опредѣленнаго плана дѣйствій въ дѣлѣ развитія образованія въ уѣздѣ и устройства земской школы. Усиленно вырабатывался типъ народной школы. Ко дню введенія земскихъ учрежденій въ Угличскомъ уѣздѣ было, повидимому, не менѣе 10 организованныхъ школъ и въ г. Угличѣ существовало 3 училища: 1 уѣздное и 2 мужскихъ приходскихъ. Женскихъ школъ не существовало. Между тѣмъ, спросъ на образованіе въ населеніи (104,972 чел. обоего пола въ городѣ и уѣздѣ) существовалъ въ значительной степени и за недостаткомъ школъ онъ удовлетворялся довольно своеобразно: въ большихъ городахъ „угличская молодежь по необходимости, чтобы не быть выброшенною изъ колеи сложной столичной жизни, должна была выучиться грамотѣ путемъ самообразованія". Въ очеркѣ приводится любопытная справка о томъ, что „въ призывныхъ листахъ 1858—61 гг. по г. Угличу означено всѣхъ (рекрутовъ) 283, изъ нихъ грамотныхъ 257, неграмотныхъ 26; грамотныхъ рекрутовъ оказывалось 90%". Къ важной задачѣ усиленія народнаго образованія угличское земство отнеслось на зарѣ своей дѣятельности „сознательно, вдумчиво и внимательно": въ 1866 г. было вновь открыто 3 земскихъ училища съ 176 учащихся, израсходовано на нихъ 1,306 р. 22½ к., при общемъ уѣздномъ расходѣ въ 22,483 р. 36½ к., но уже въ —

1866 г. этотъ благой взглядъ на дѣло народнаго образованія начинаетъ измѣняться. Проектъ гласнаго А. Н. Волкова и заявленіе свящ. Скворцова не мало способствовали этой прискорбной перемѣнѣ. Вмѣсто правильно организованной школы земство имѣло уже въ виду нѣчто похожее на школу грамотности, постановивъ „открывать начальныя приходскія училища при церквахъ, поручая наблюденіе и самое ученіе мѣстнымъ приходскимъ священникамъ". „Впрочемъ,—замѣчаетъ составитель очерка,—заподозрить ихъ (Волкова, Скворцова и, вообще, гласныхъ) въ противопросвѣтительныхъ тенденціяхъ нельзя. Но ихъ ослѣпляла мысль дешеваго труда на нивѣ просвѣщенія со стороны членовъ причта: священниковъ, діаконовъ и ихъ семействъ". Дѣйствительность скоро разочаровала мечтателей: просьба объ открытіи школъ съ учащими изъ членовъ причта со стороны крестьянскихъ обществъ не послѣдовало. Земство должно было обратиться на прежній путь, путь школы, существующей независимо отъ духовенства. Къ концу перваго періода (къ 1871 г.) число училищъ собственно уѣзднаго земства было 6 и 7 перешло изъ вѣдѣнія губернскаго земства, всего 13 съ 924 учащихся (683 мальч. и 241 дѣв.), съ расходомъ въ 3,672 р. 87 к. изъ общей расходной суммы 50,829 р. 68¾ к. (около 14%). Дальнѣйшее отношеніе земства къ народной школѣ въ періодъ 1871—1894 гг. было двоякимъ: благопріятнымъ до 1880 г., когда расходъ земства на дѣло народнаго образованія возросъ до 10 тыс. руб.—почти 15% бюджета; школъ было 26 съ 2,170 учащихся (1,581 м. и 589 д.).

Особенное оживленіе и интересъ къ народному образованію вызвалъ 1880 г., когда возбуждались важные вопросы объ обязательномъ обученіи, о расширеніи каталога дозволенныхъ книгъ и объ облегченіи устройства учительскихъ съѣздовъ. Повидимому, все шло къ лучшему, но „дѣйствительность, однако, скоро обманула ожиданія земскихъ людей". Внезапно наступившая въ обществѣ реакція свела на „нѣтъ" важные вопросы школы. Печальной тѣнью всталъ вопросъ уже совсѣмъ иного смысла: „нужна ли земская школа?" Въ уѣздѣ заговорили о передачѣ земскихъ школъ епархіальному училищному совѣту; послышались голоса о необходимости профессіональнаго образованія. Однако крестьяне по вопросу о сліяніи земской школы съ церковно-приходскою выразили свои стремленія къ первой и она была сохранена, хотя отношенія къ ней земства „долгое время не отличались теплотою". Число земскихъ училищъ—29—до послѣдняго времени осталось неподвижнымъ. Трудъ сельскаго учителя оплачивался все также очень скудно (150—300 руб. въ годъ). Учебное дѣло страдало. Программа понизилась. Замѣчался большой недостатокъ учебныхъ пособій. Библіотекъ для внѣкласснаго чтенія не было. Земская школа не жила, а влачила свое существованіе. Тѣмъ не менѣе населенію очень хотѣлось хорошо устроенной школы только общеобразовательнаго характера,—вотъ почему всѣ затѣи съ предвзятыми, чуждыми цѣлями (профессіональное образованіе) встрѣтило въ населеніи дружный отпоръ. Послѣдній, третій періодъ отношенія у[illegible]днаго земства къ народной школѣ (1895—1899 гг.) характеризуется о[illegible]вленіемъ интереса къ народному просвѣщенію и особенно къ внѣш[illegible]льному образованію, черезъ устройство безплатныхъ библіотекъ-чи[illegible]енъ. Этому дѣлу оказалъ великую услугу петербургскій комитетъ г[illegible]мотности, организовавшій безплатно свои библіотеки. Устраиваются у[illegible]тельскіе курсы. Въ 1899 году ассигновано на народное образованіе 1[illegible]046 руб. 36 коп. (болѣе 15% бюджета). На пособія другимъ учеб[illegible]ъ заведеніямъ и на стипендіи земство было всегда очень скупо. Со-

ставитель очерка заканчиваетъ его пожеланіемъ „поспѣшить дать населенію настоящую школу“, которая удовлетворяла бы стремленіямъ населенія.

Второй очеркъ посвященъ дѣятельности мышкинскаго земства по народному образованію. До введенія земскихъ учрежденій въ уѣздѣ совсѣмъ не было школъ. Но населеніе этого „темнаго“ уѣзда выразило сильную готовность идти навстрѣчу школѣ. Въ дѣятельности мышкинскаго земства по народному образованію намѣчены за 35 лѣтъ три эпохи: 1) съ 1865—1876 гг.—періодъ слабаго отношенія земства къ школьному дѣлу, характеризуемый попытками земства уклониться отъ созданія своей, правильно организованной, земской школы, значительнымъ ростомъ „частныхъ“ училищъ и слабымъ ростомъ земскихъ расходовъ на народное образованіе. Къ концу періода было 18 земскихъ училищъ съ 815 учащихся (721 м. и 94 д.) и 5 частныхъ училищъ съ 155 учащихся. Всего по смѣтѣ 1876 года ассигновано на народное образованіе 3,440 руб. (почти 10% бюджета). 2) Съ 1877 г. по 1895 г.—періодъ оживленія земской дѣятельности по народному образованію, въ связи съ усиленнымъ ростомъ земскихъ школъ и земскихъ смѣтъ на школы, закончившійся въ 1894—95 гг. разработкою вопроса о введеніи въ уѣздѣ всеобщаго обученія. Число школъ возросло до 33 съ 2,506 учащихся (1,668 мальч. и 838 дѣв.); смѣтная ассигновка достигла суммы 13,165 руб. (свыше 16% бюджета). Вопросъ о замѣнѣ земскихъ школъ церковными мало повліялъ на интенсивность работы земства, не привились и несвойственныя земской школѣ задачи: распространеніе знаній военной гимнастики, ремесленныхъ и сельско-хозяйственныхъ. Земство „усиленно стремилось къ развитію внѣшкольнаго образованія. Устраивается книжный складъ, образуется училищный фондъ, выдвигается вопросъ о всеобщемъ обученіи и о публичныхъ и безплатныхъ библіотекахъ-читальняхъ въ уѣздѣ“. И тутъ оказалъ великую пользу петербургскій комитетъ грамотности, какъ и въ Угличскомъ уѣздѣ. 3) Съ 1896—1900 гг. наступилъ третій періодъ значительнаго упадка дѣятельности земства по народному образованію, повлекшаго за собою снятіе съ очереди вопросовъ, уже обсуждавшихся на земскихъ собраніяхъ: о всеобщемъ обученіи, о внѣшкольномъ образованіи и пр. Составитель очерка объ этомъ періодѣ выражается такъ: „произошла мало понятная реакція, тѣмъ менѣе понятная, что въ земствѣ оставались еще двое изъ прежнихъ главныхъ дѣятелей по народному образованію въ уѣздѣ“. „Тѣмъ не менѣе наступила несомнѣнная перемѣна въ отношеніи земства къ вопросамъ народнаго образованія. Похоронены были вопросы о всеобщемъ обученіи и о народныхъ библіотекахъ; замирали и книжный складъ, и училищный фондъ. Даже число земскихъ школъ упало съ 33 въ 1899 г. до 31“.

Составитель очерка хочетъ признать это ослабленіе энергіи земства временнымъ и усматриваетъ признаки его конца. Важно удостовѣреніе, что и въ Мышкинскомъ уѣздѣ населеніе всегда чутко относилось къ дѣлу своего образованія и побуждало земство къ усиленной работѣ въ этой области. Населеніе своими средствами открыло за 35 лѣтъ 20 организованныхъ школъ; кромѣ того, населеніе принимало временно на свои средства тѣ училища, которымъ земство закрывало кредитъ, вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія училищъ со стороны учебной или хозяйственной. „Однако за послѣднее время въ сочувствіи населенія къ школѣ замѣтно уже нѣкоторое охлажденіе“. „Населеніе уже не удовлетворяется существующимъ типомъ начальной школы, оно понялъ, что

школа, давая только грамотность и то самой низшей ступени, мало помогаетъ человѣку въ его трудной борьбѣ за существованіе". Очеркъ заканчивается пожеланіемъ, что „населеніе опять согласится принести огромныя жертвы народной школѣ, если бы послѣднюю *реформировать такъ, чтобы она давала дѣтямъ не грамотность, а образованіе*". Слѣдуетъ еще упомянуть, что заботы о внѣшкольномъ образованіи выразились со стороны земства въ основаніи и поддержкѣ мышкинской земской публичной библіотекѣ, достигшей до 11 тыс. томовъ. Относительно пособія мышкинскаго земства другимъ учебнымъ заведеніямъ, учащимся (стипендій), обществамъ и просвѣтительнымъ учрежденіямъ—нужно признать дѣятельность земства въ достаточной степени плодотворною: за 35 лѣтъ на эти цѣли было ассигновано до 26,000 руб.

Остается пожелать, чтобы работы прочихъ губернскихъ земствъ по сводкѣ итоговъ земской дѣятельности по народному образованію за все время существованія земства отливались бы въ форму такихъ дѣльныхъ очерковъ, какъ разсмотрѣнные выше.

Отчетъ о дѣятельности коммиссіи по устройству чтеній и развлеченій при чайной „Столбы" въ Нижнемъ-Новгородѣ за 1903 г. (второй годъ существованія). Нижній-Новгородъ, 1904 г. Своей организаціей чайная „Столбы" и развлеченія при ней обязаны частной общественной иниціативѣ. Чайная помѣщается въ центрѣ скопленія босяковъ, главный контингентъ посѣтителей—босяки. Отчетъ коммиссіи содержитъ рядъ указаній, имѣющихъ интересъ далеко не для одного только Нижняго-Новгорода. На этихъ указаніяхъ мы и остановимся. Къ концу перваго же года существованія развлеченій при „Столбахъ" былъ совершенно исчерпанъ каталогъ для народныхъ чтеній. Вести по нему дальнѣйшія чтенія съ интересомъ для слушателей оказалось невозможнымъ вслѣдствіе крайней его ограниченности. Коммиссія по устройству чтеній и развлеченій констатируетъ огромный дефектъ этого каталога: каталогъ приспособленъ главнымъ образомъ для сельскихъ жителей или лицъ школьнаго возраста, но не для взрослыхъ городскихъ обывателей, которые по своему развитію стоятъ гораздо выше сельскаго населенія. Съ одной стороны, не могутъ заинтересовать ихъ сказки „о рыбакѣ и рыбкѣ", „о пчелкѣ-мохнаткѣ", лягушкѣ, козлѣ и друг., разсчитанныя на аудиторію, состоящую изъ малолѣтнихъ, съ другой—и чтенія „о лугахъ" или „стельной коровѣ" не въ состояніи привлечь вниманіе тѣхъ слушателей, у которыхъ ни луговъ, ни коровъ не имѣется, равнымъ образомъ не имѣется надежды на пріобрѣтеніе таковыхъ въ ближайшее будущее; вмѣстѣ съ тѣмъ лучшія произведенія новѣйшихъ писателей, къ сожалѣнію, почти вовсе не входятъ въ этотъ каталогъ. Ко второму году своей дѣятельности коммиссіи не оставалось иного выхода, какъ прекратить народныя чтенія и приняться за организацію общедоступныхъ музыкально-литературныхъ утръ, матеріалъ для которыхъ разрѣшено выбирать сравнительно по болѣе широкой программѣ. Утра устраивались съ разрѣшенія полицеймейстера по воскресеньямъ, съ 12 час. пополудни; всѣхъ утръ было 27 (съ мая до сентября былъ перерывъ). Успѣхъ такого рода развлеченія былъ полный: на каждомъ утрѣ было отъ 400 до 600 человѣкъ, а на всѣхъ 27-ми свыше 12 тысячъ. Переполненная аудиторія не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ, многимъ толкавшимся въ нее приходилось не разъ, не два отказывать. Главный контингентъ посѣтителей—бездомный людъ, „бывшіе люди", обитатели трущобъ, затѣмъ рабочіе съ фабрикъ и заводовъ, крестьяне, пришедшіе на заработки, мелкій торговый людъ и подростки. Сначала можно было предположить, что

бездомный людъ идетъ на утра, чтобы погрѣться, но при первомъ изслѣдованіи этого вопроса выяснилось, что во время литературно-музыкальныхъ утръ сосѣдняя городская чайная пустѣетъ.

Отношеніе босяковъ къ утрамъ было самое хорошее, самое благоговѣйное. Чтенія, по свидѣтельству коммиссіи, слушались съ большимъ интересомъ, не было слышно даже шепота; никакихъ полицейскихъ нарядовъ не требовалось, за весь отчетный годъ ни разу никакого недоразумѣнія съ публикой не выходило. Разъ какъ-то, впрочемъ, одинъ изъ „бывшихъ людей“, именуемый „полковникомъ“, пустилъ небольшое замѣчаніе по адресу лектора; тотчасъ же, во время перваго перерыва, публика попросила его удалиться. Изъ литературныхъ произведеній особенно сильное впечатлѣніе на слушателей произвели: „Разсказъ Мармеладова“ Достоевскаго, „Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ“ Короленка, „Гроза“ Островскаго, „Четыре дня“ Гаршина, „Богъ правду видитъ“ и „Чѣмъ люди живы“ Л. Н. Толстого, „Іуда“ и „Христіанка“ Надсона и нѣк. друг.; при чтеніи „Канители“ Чехова раздавался неудержимый смѣхъ. Изъ музыкально-вокальной части особой популярностью пользовались романсы, оперы, а больше всего русскія пѣсни. Среди публики выдѣлилась группа посѣтителей, особенно интересовавшихся утрами; эта группа не пропустила ни одного утра.

Отчетъ отмѣчаетъ слѣдующій фактъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ отзывчива босяцкая аудиторія. Въ февралѣ, по окончаніи одного изъ утръ, слушатели въ количествѣ болѣе 500 человѣкъ долго не расходились: одинъ изъ нихъ въ такихъ словахъ благодарилъ устроителей: „Спасибо за все, устроенное для насъ. Вѣдь и мы тоже люди, не всегда ли мы пьяны; вѣдь и мы нуждаемся, какъ и другіе, и въ чтеніи, и въ газетахъ“.

Нечего и говорить о томъ вліяніи, которое шагъ за шагомъ оказываютъ эти литературно-музыкальныя утра на такую аудиторію. Къ сожалѣнію, коммиссіи вновь придется считаться съ недостаткомъ матеріала: и каталогъ общедоступныхъ музыкально-литературныхъ утръ очень и очень не объемистъ... Жаждущіе и алчущіе серьезной духовной пищи есть,—неужели же и дальше жестокая дѣйствительность будетъ ставить устроителей въ такое положеніе, при которомъ на эти серьезные запросы народной аудиторіи лекторъ имѣетъ право произнесть съ каѳедры лишь сказочку про то, какъ „жилъ-былъ у бабушки сѣренькій козликъ“?...

Эпизодическія программы, издаваемыя коммиссіей по организаціи домашняго чтенія. Серія II. М. 1904 г. Ц. 15 к. Коммиссія по организаціи домашняго чтенія (Москва, Б. Никитская, д. Рихтеръ, кв. 6) за первое десятилѣтіе своей дѣятельности издала, какъ извѣстно, въ четырехъ выпускахъ программы для самообразованія по всѣмъ отдѣламъ наукъ. Эти программы нашли себѣ самый отзывчивый пріемъ въ широкихъ слояхъ читателей, стремящихся къ самообразованію, и выдержали цѣлый рядъ изданій. Продолжая издавать эти, такъ называемыя *систематическія* программы, постоянно пополняя и подновляя ихъ содержаніе, названная коммиссія приступила съ прошлаго года къ новому предпріятію—выпуску серіями программъ *эпизодическихъ*, съ инымъ характеромъ и назначеніемъ. Четыре выпуска систематическихъ программъ представляютъ собою законченный общій университетскій курсъ по всѣмъ отдѣламъ науки. Программы эпизодическія заключаютъ въ себѣ планъ занятій по отдѣльнымъ болѣе или менѣе важнымъ вопросамъ изъ той или другой области научнаго вѣдѣнія. Издавая эти программы, коммиссія предлагаетъ съ своей стороны письменное руководство занятіями —

на условіяхъ, означенныхъ особо при каждой программѣ. Подборъ темъ для программъ каждой серіи отличается большимъ разнообразіемъ и свѣжестью. Въ составъ I серіи вошли 13 программъ, изъ которыхъ 4 посвящены вопросамъ по всеобщей и русской исторіи, 3 по исторіи литературы, 1 по естествознанію и 5 по общественнымъ наукамъ. Въ вышедшей на-дняхъ второй серіи эпизодическихъ программъ обращаетъ вниманіе отзывчивость коммиссіи на вопросы текущей жизни, силою обстоятельствъ привлекающіе къ себѣ въ данный моментъ особенный интересъ. Такъ, во главѣ серіи стоятъ программы по географіи Кореи, по исторіи и географіи Японіи и по вопросу о правѣ войны. Вѣрная строго научному направленію всей своей дѣятельности, коммиссія ставитъ себѣ задачей въ этомъ случаѣ указать читателямъ твердыя научныя основанія для оріентированія въ животрепещущихъ злободневныхъ вопросахъ. Такъ, наприм., большой интересъ для читающей публики можетъ представить вошедшій въ названныя программы анализъ текущей литературы, вызванной русско-японской войной. Затѣмъ во вторую серію вошли темы по дарвинизму, произведеніямъ Грибоѣдова и Льва Толстого и программа занятій по исторіи средневѣковой Англіи, составленная извѣстнымъ знатокомъ этого предмета, проф. Петрушевскимъ.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, МЕМУАРЫ.

В. Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества.—*Н. П. Василенко.* О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи.—*Алексѣй Мошинъ.* Ясная Поляна и Васильевка.—*И. И. Глушенко.* „Gil Blas de Santillane“ Лесажа и его историко-литературное значеніе.—Библіотека *А. М. Ѳемелиди.* Художники и мыслители разныхъ временъ и народовъ XIX в. Викторъ Гюго.—*А. Кизеветтеръ.* Русское общество въ XVIII ст.—*Д. Дорошенко.* 1) Народная украинская литература. 2) Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью.—„Историческое обозрѣніе“. Т. XIII.

В. Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портретами. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб., 1904 г. Ц. 2 р. Въ этой книгѣ г. Богучарскій собралъ семь своихъ статей, напечатанныхъ ранѣе въ *Мірѣ Божіемъ*, *Научномъ Обозрѣніи*, *Образованіи* и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Темы, затронутыя въ этихъ статьяхъ, довольно разнообразны: разборъ Гоголевской „Переписки съ друзьями“, біографіи нѣкоторыхъ декабристовъ, характеристика міровоззрѣнія Герцена, разладъ людей 40-хъ годовъ съ *Современникомъ* Чернышевскаго и Добролюбова и, наконецъ, „Очерки изъ исторіи журналистики XIX в.“, которые правильнѣе было бы назвать мартирологомъ русской журналистики XIX вѣка, такъ какъ содержаніе этихъ очерковъ сводится къ разсказу о гибели журнальныхъ предпріятій подъ ударами цензурныхъ гоненій, начиная съ *Сіонскаго Вѣстника* Лабзина (1806—1818 гг.) и кончая газетою *Русская Земля*, прекращенною постановленіемъ особаго совѣщанія въ январѣ 1904 г. Характеръ всѣхъ этихъ статей не совсѣмъ одинаковъ. Въ однихъ статьяхъ авторъ ограничиваетъ свою задачу усерднымъ собираніемъ фактическаго матеріала, передаваемаго всегда въ живой и занимательной формѣ. Въ другихъ статьяхъ онъ переходитъ къ роли изслѣдователя, стремится придать излагаемымъ фактамъ самостоятельное освѣщеніе. Въ общемъ, повѣствованіе удается автору лучше, чѣмъ изслѣдованіе. Такъ, характеристика міровоззрѣнія Герцена (въ статьѣ **Ал.** Ив. Герценъ) вышла довольно эскизной и, во всякомъ случаѣ, не убѣждающей въ правильности того вывода, къ которому приходитъ авторъ, называя Герцена „идеологомъ мелкой буржуазіи“ (стр. 203). Объясненіе

разлада „людей 40-хъ годовъ“ съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ (статьѣ „Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли“) тоже не вполнѣ удовлетворитъ внимательнаго читателя. Авторъ видитъ въ основѣ этого разлада исключительно столкновеніе двухъ соціальныхъ пластовъ, двухъ классовъ интеллигентной Россіи: на одной сторонѣ стояли „баре“, „питомцы кормки крѣпостной дворянской культуры, умѣвшіе предаваться „благимъ порывамъ“, но не могущіе ничего „свершить“, лишенные твердой воли и непреклонности въ борьбѣ за свои идеалы, а кромѣ того, не отрѣшившіеся вполнѣ и отъ стараго взгляда сверху внизъ на народную массу, принимавшіе девизъ „tout pour le peuple“, но „всѣмъ складомъ своей психики“ чуждые формулѣ tout *par* le peuple; на другой сторонѣ стояли „разночинцы“ совершенно противоположнаго закала (стр. 231, 233). Но эта яркая антитеза разсѣивается, какъ дымъ, лишь только мы припомнимъ, что оппонентомъ *Современника* въ комментируемомъ г. Богучарскимъ эпизодѣ былъ не кто иной, какъ... Герценъ. И вотъ, позволительно спросить: примѣнимы ли къ Герцену упреки въ неумѣніи жертвовать покоемъ для непреклонной борьбы за свои идеалы и въ отчужденности отъ формулы tout *par* le peuple? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ той же книгѣ г. Богучарскаго въ статьѣ о Герценѣ. Очевидно, вопросъ, затронутый г. Богучарскимъ, сложнѣе, чѣмъ представляется нашему автору.

Главное значеніе разбираемой книги мы видимъ не въ этихъ недостаточно доказательныхъ заключеніяхъ, а въ изобиліи хорошо подобраннаго фактическаго матеріала, всегда относящагося до такихъ лицъ и событій нашего прошлаго, знакомство съ которыми сохраняетъ и въ наши дни неувядаемый животрепещущій интересъ. Съ особеннымъ вниманіемъ прочтутся въ этомъ сборникѣ, кромѣ упомянутыхъ очерковъ о Герценѣ, біографія братьевъ Бестужевыхъ и названная выше статья по исторіи русской журналистики. Кое-гдѣ желательно было бы исправить мелкіе недосмотры, вѣроятно, слѣды спѣшной журнальной работы, наприм., неполонъ списокъ мемуаровъ декабристовъ на стр. 101 (пропущены, наприм., Записки Гангеблова), на стр. 285 Пиинъ неправильно названъ издателемъ „Журнала россійской словесности“, издававшагося Брусиловымъ и т. п.

Н. П. Василенко. О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи. Кіевъ, 1904 г. Оригинальная личность Бодянскаго и его роль въ исторіи изученія Малороссіи не были еще всесторонне разсмотрѣны въ нашей литературѣ. Проф. Петровъ въ „Очеркахъ исторіи украинской литературы XIX ст.“, проф. Дашкевичъ въ академическомъ разборѣ сочиненія Н. И. Петрова, А. Н. Пыпинъ въ III т. „Исторіи русской этнографіи“ довольно подробно касались научной дѣятельности Бодянскаго, но по самому характеру своихъ работъ всѣ названные изслѣдователи не могли заняться всесторонней детальной характеристикой трудовъ Бодянскаго въ связи съ біографіей и общественной дѣятельностью этого незаурядnаго человѣка. Работа г. Василенка, задавшагося цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ, представляется поэтому далеко не лишней. г. Василенко отнесся къ своей задачѣ съ большой внимательностью и любовью. Добросовѣстно сведя въ цѣльный очеркъ извѣстные въ печати матеріалы, г. Василенко предпринялъ и нѣкоторыя самостоятельныя разысканія въ рѣдкихъ старыхъ изданіяхъ, позволившія ему существенно пополнить наши свѣдѣнія о ранней литературной дѣятельности Бодянскаго. Книжка прочтется съ интересомъ не одними спеціалистами по изученію Малороссіи. Подробный разсказъ о жизни и дѣятельности Бодянскаго заключаетъ въ себѣ не мало весьма любопытныхъ эпизодовъ и

исторіи московскаго университета и изъ исторіи нашихъ журнальныхъ и общественныхъ партій. Отмѣтимъ, наприм., громкую въ свое время исторію съ запрещеніемъ печатанія записокъ Флетчера, борьбу Бодянскаго съ Катковымъ при передачѣ послѣднему *Московскихъ Вѣдомостей* и университетской типографіи, полемику изъ-за университетскаго устава 1863 г., въ которой Бодянскому опять пришлось сразиться съ Катковымъ и снова испытать на себѣ тяжелыя послѣдствія борьбы съ этимъ неразборчивымъ въ средствахъ противникомъ. Исторіи все не новыя, но,—увы!—еще далеко не устарѣвшія.

Алексѣй Мошинъ. Ясная Поляна и Васильевка. Встрѣчи и бесѣды съ гр. Л. Н. Толстымъ. Воспоминанія о Н. В. Гоголѣ его сестры О. В. Головни. Впечатлѣнія и наброски съ натуры въ Ясной Полянѣ и Васильевкѣ. Рисунки художника Ѳ. Ризниченко. Спб. Ц. 50 к. Эта книга недурная и небезполезная. Чѣмъ больше будетъ записано чертъ, хотя бы и мелкихъ, изъ жизни замѣчательныхъ людей, тѣмъ полнѣе впослѣдствіи будутъ настоящіе, обширные труды, имъ посвященные. Въ смыслѣ такой помощи будущему, въ смыслѣ подготовительной работы мы и привѣтствуемъ книгу г. Мошина.

О прежнихъ, первыхъ своихъ встрѣчахъ съ Львомъ Николаевичемъ, авторъ писалъ раньше („Вмѣсто предисловія“ къ тому его разсказовъ). Въ новой книгѣ, о которой мы говоримъ, тщательно и подробно описана послѣдняя встрѣча съ великимъ писателемъ въ 1903 году. Интересенъ здѣсь разговоръ о типахъ съ натуры.

„— Да, — сказалъ Левъ Николаевичъ, — я часто пишу съ натуры. Прежде даже и фамиліи героевъ писалъ въ черновыхъ работахъ настоящія, чтобы яснѣе представлять себѣ то лицо, съ котораго я писалъ. И перемѣнялъ фамиліи, уже заканчивая отдѣлку разсказа“.

Г. Мошинъ замѣтилъ, что въ статьѣ по выходѣ „Войны и мира“, Левъ Николаевичъ говорилъ: „Та литературная дѣятельность, которая состоитъ въ описаніи дѣйствительно существующихъ или существовавшихъ лицъ, не имѣетъ ничего общаго съ тою, которой я занимался“.

„— Не помню ужъ теперь, что я писалъ въ той статьѣ,—отвѣтилъ онъ.—Но я думаю такъ, что если писать прямо съ натуры одного какого-нибудь человѣка, то это выйдетъ совсѣмъ не типично, получится нѣчто единичное, исключительное и неинтересное... А нужно именно взять у кого-нибудь его главныя характерныя черты и дополнить характерными чертами другихъ людей, которыхъ наблюдалъ. Тогда это будетъ типично. Нужно наблюдать много однородныхъ людей, чтобы создать одинъ опредѣленный типъ“.

Объ этомъ взглядѣ Льва Николаевича Толстого небезполезно узнать многимъ современнымъ писателямъ.

Есть интересныя мѣста и въ запискахъ г. Мошина о Васильевкѣ и въ воспоминаніяхъ о Гоголѣ его родной сестры О. В. Головни. Къ сожалѣнію, не обильны эти воспоминанія, но они, напримѣръ, добавляютъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о добротѣ и религіозности Гоголя.

Хорошая черта у г. Мошина, какъ у автора именно этой книги: онъ ведетъ разсказъ съ любовью и тщательностью, но нигдѣ не выставляетъ самого себя на передній планъ. Тонъ его—сдержанный и скромный, въ описаніяхъ онъ кратокъ и выразителенъ. Рисунки художника Н. Ризниченка воспроизведены недурно. Жаль, что ихъ немного.

Для кого, однако, предназначаетъ г. Мошинъ свою книгу? Судя по приложеннымъ къ ней самымъ обыкновеннымъ портретамъ гр. Л. Н.

Толстого и Гоголя,—для очень большой публики. Но для такихъ чи телей интересны обширныя книги о великихъ писателяхъ, а не тѣ по готовительныя работы, что добросовѣстно сдѣланы г. Мошинымъ.

Для спеціалистовъ же, думается, обыкновенные портреты вовсе нужны. Издана книжка хорошо, но цѣна нѣсколько велика.

И. И. Гливенко. „Gil Blas de Sautillane" Лесажа и его исто рико-литературное значеніе (Оттискъ изъ Кіевскихъ Универси тетскихъ Извѣстій). Кіевъ, 1904 г. Эта брошюра представляетъ, по видимому, пробную лекцію, читанную въ университетѣ св. Владиміра Лекторская неопытность автора сказывается какъ въ изобиліи неумѣст ныхъ въ лекціи библіографическихъ датъ, такъ и въ многочисленности цитатъ на испанскомъ и французскомъ языкахъ, оставляемыхъ безъ пе ревода и, слѣдовательно, мало вразумительныхъ для слушателя-студента Авторъ вообще питаетъ пристрастіе къ иностраннымъ словамъ, которы онъ нерѣдко оставляетъ въ ихъ подлинной чужеземной оболочкѣ. На примѣръ, „Жиль-Блазъ живетъ въ собственномъ *château*", „8 мая 166 года, въ Бретани, въ четырехъ часахъ ѣзды отъ города *Vannes*, въ ма ленькѣ *Sarzeau*, у нѣкотораго Клода Лесажа, королевскаго нотаріуса и актуарія, родился сынъ *Alain René*", „предшественники *Lesage'a*", „Гузманъ дѣлается студентомъ въ *Alcala*" и т. д. Иностранныя слова безъ нужды пестрятъ изложеніе, и безъ того довольно тяжелое, какъ видно изъ слѣдующей фразы: „Академикъ Веселовскій видитъ корни этихъ романовъ въ отношеніи прототипа ихъ героевъ уже въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Opus macaronicum" Фоленго, въ лицѣ Цингара,— въ однородномъ съ нимъ типѣ Панурга—у Рабле".

Авторъ знакомъ довольно хорошо съ литературой предмета и въ общемъ даетъ удовлетворительный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Намъ кажется только, что историко-литературное значеніе знаменитаго автора „Жиль-Блаза" можно было бы выяснить выпуклѣе, чѣмъ это сдѣлано въ брошюрѣ, которая также значительно выиграла бы, если бы не была такъ загромождена именами и библіографическими данными.

Библіотека А. М. Ѳемелиди. Художники и мыслители разныхъ временъ и народовъ. Ихъ литературныя эпохи, жизнь, труды и мысли. XIX вѣкъ. Франція. Викторъ Гюго. Изданіе акціонернаго южно-русскаго общества печатнаго дѣла. Одесса, 1904 г. Ц. 2 р. Книга распадается на двѣ неравныхъ части: первая, болѣе обширная, посвящена характеристикѣ „литературной эпохи, жизни и трудовъ Виктора Гюго", вторая заключаетъ въ себѣ „избранныя мысли изъ произведеній В. Гюго", сгруппированныя по сюжетамъ подъ отдѣльными заголовками: о Богѣ, о религіи, о человѣкѣ, о душѣ и т. д. и сопровождаемыя, въ большинствѣ случаевъ подлиннымъ французскимъ текстомъ en regard. Въ первой части читатель также находитъ массу болѣе или менѣе обширныхъ цитатъ изъ В. Гюго, много его стихотвореній, а также полный переводъ знаменитаго „предисловія" къ драмѣ „Кромвель", которое въ свое время явилось настоящимъ манифестомъ романтической школы. Кромѣ того, цѣлая глава занята выдержками изъ различныхъ критиковъ, писавшихъ о Гюго. Такимъ образомъ, въ общемъ, книга является наполовину хрестоматіей изъ произведеній Гюго и критическихъ отзывовъ о немъ, наполовину монографіей. Монографія носитъ совершенно компилятивный характеръ, причемъ авторъ или пересказываетъ свои источники, или дѣлаетъ болѣе или менѣе длинныя цитаты изъ нихъ. Лучшую часть книги составляетъ обширная четвертая глава (стр. 1 Ю 374), посвященная обозрѣнію литературной дѣятельности Гюго, с про-

вождаемому многочисленными цитатами изъ Гюго, пересказомъ содержанія его произведеній и отзывами о нихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ критиковъ. Эта глава можетъ быть очень полезна русскому читателю, желающему оріентироваться въ громадной, трудно-обозримой массѣ всего, написаннаго великимъ французскимъ поэтомъ-гуманистомъ. Напротивъ того, первая глава, посвященная общей характеристикѣ французскаго романтизма и главныхъ его представителей, кажется намъ совершенно излишнею. Неопытный читатель потеряется въ пестромъ ея содержаніи, а лицъ болѣе начитанныхъ она совершенно не удовлетворитъ. Было бы гораздо лучше, если бы авторъ, не задаваясь трудною задачей изложить на сорока страницахъ исторію французскаго романтизма, просто-напросто указалъ бы своему читателю на книги Шахова („Очерки литературы XIX в.“) и Пеллиссье („Литературное движеніе XIX в.“). Компиляція составлена не всегда одинаково старательно. Такъ, вѣроятно, только по недосмотру на стр. 7 мы находимъ слѣдующую фразу: „Романтическое движеніе явилось реакціей противъ всего узкаго, сухого и пошлаго въ литературѣ XVIII в., противъ Вольтера и его учениковъ“ и т. д. Выходитъ, что „узкость“ и „пошлость“ были отличительными чертами Вольтера! Въ другомъ мѣстѣ Верлэнъ и Малларме названы Варленомъ и Малларменомъ (sic!) На стр. 99 мы узнаемъ, что въ 1902 г. Франція праздновала 100-лѣтній юбилей со дня *смерти* В. Гюго (вмѣсто: со дня *рожденія*) и т. д. Въ общемъ, при бѣдности нашей литературы о Гюго, книга эта можетъ принести извѣстную пользу русскимъ читателямъ.

А. Кизеветтеръ. Русское общество въ XVIII ст. Ростовъ-на-Дону, 1904 г. Брошюра г. Кизеветтера распадается на 4 отдѣла. Первый посвященъ московскому государству и реформѣ Петра Великаго, въ остальныхъ разсмотрѣны условія жизни землевладѣльцевъ дворянъ и крестьянъ и торгово-промышленнаго населенія тогдашнихъ городовъ.

За XVIII в. исторія дворянства свелась къ постепенному раскрѣпощенію служилыхъ людей и превращенію ихъ въ привилегированныхъ землевладѣльцевъ и душевладѣльцевъ; крѣпостное крестьянство постепенно приходитъ къ полному порабощенію; въ городѣ, какъ общественной единицѣ, нарождается всесословное городское общество.

„XVIII вѣкъ является въ жизни нашего общества переходною ступенью отъ старой московской Руси къ современной намъ Россіи. Въ старой московской Руси все общество сверху донизу было закрѣпощено тяглу и службамъ. Въ XVIII в. начался процессъ раскрѣпощенія, но въ теченіе этого столѣтія упомянутый процессъ не пошелъ далѣе высшаго общественнаго класса—дворянства. Продолжить и завершить этотъ процессъ, превратить односторонніе привилегіи дворянства въ общегражданскія права всего населенія,—такова была задача, доставшаяся на долю XIX столѣтія“ (стр. 48).

Сжато, выпукло и популярно авторъ излагаетъ результаты новѣйшихъ работъ по исторіи нашего общественнаго строя XVIII в., въ томъ числѣ и своихъ собственныхъ.

Д. Дорошенко. 1) Народная украинская литература. 2) Указатель источниковъ для ознакомленія съ южной Русью. Спб. 1904 г. Брошюры г. Дорошенка пригодятся всякому интересующемуся южною Русью, ея бытомъ, исторіей и литературой. Первая изъ нихъ, сборникъ краткихъ отзывовъ (взятыхъ изъ журналовъ или составленныхъ г. Дорошенкомъ) о народныхъ украинскихъ изданіяхъ. Во второй указана главнѣйшая литература о южной Руси. Критикою (наприм., рецензія

г. Доманицкаго въ *Кіевской Старинѣ*) были отмѣчены довольно существенные пропуски и пробѣлы въ этомъ указателѣ, но и въ настоящемъ своемъ видѣ эта работа, дающая нѣсколько сотъ хорошо провѣренныхъ библіографическихъ ссылокъ, представляетъ несомнѣнную цѣнность. Жаль, что въ обѣихъ брошюрахъ слишкомъ много опечатокъ.

Историческое Обозрѣніе. Томъ XIII. Спб. 1904 г. 13-й выпускъ. *Историческаго Обозрѣнія* весь занятъ вторымъ томомъ „Очерковъ по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка" Н. І. Булича. Пока напечатано 176 страницъ.

Въ изложеніе введены не только корифеи тогдашней литературы, какъ Жуковскій, Батюшковъ, но и второстепенные писатели, какъ Милоновъ, Панаевъ и др. Покойный Буличъ былъ однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ и образованныхъ историковъ русской литературы. Литературные факты онъ всегда разсматривалъ въ общей исторической связи. Неотъемлемыми достоинствами его работъ всегда были простота и изящество изложенія.

Отличаются ими и его „Очерки".

Можно пожалѣть только объ одномъ, что его лекціи печатаются такъ поздно: матеріалъ ихъ значительно устарѣлъ и требуетъ внимательной редакторской обработки. Между тѣмъ настоящее изданіе воспроизводитъ текстъ Булича безъ всякихъ оговорокъ. Для большой публики оно, впрочемъ, можетъ пригодиться и въ настоящемъ своемъ видѣ.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ, ЭТНОГРАФІЯ, ГЕОГРАФІЯ.

А. Е. Крымскій. Филологія и Погодинская гипотеза. I—IV.—*А. Г. Максимовъ.* Описаніе русскихъ періодическихъ изданій XIX в.—*И. В. Бессараба.* Матеріалы по этнографіи Сѣдлецкой губерніи.—„Этнографическое Обозрѣніе", 1904 г., № 2.—*П. Ю. Шмидтъ.* Страна утренняго спокойствія, Корея и ея обитатели.—*Н. Березинъ.* „Чао-Сянъ". Страна утра.—*Саратъ Чандра Дасъ.* Путешествіе въ Тибетъ.

А. Е. Крымскій. Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ, 1904 г. I—IV. Книга г. Крымскаго посвящена разбору гипотезы Погодина, недавно воскрешенной г. Соболевскимъ, о галицко-волынскомъ происхожденіи малороссовъ. Со страстностью и широкою научною эрудиціей, вообще характерными для этого ученаго, г. Крымскій разбиваетъ его тщательнымъ анализомъ общихъ историко-филологическихъ данныхъ и письменныхъ памятниковъ старо-кіевскихъ. Очень подробно изложена вся исторія спорнаго вопроса.

Къ книгѣ приложено своеобразное предисловіе, такъ сказать, „буketъ" изъ отзывовъ о г. Соболевскомъ, устанавливающій фактъ общаго отрицательнаго и даже насмѣшливаго отношенія къ нему критиковъ.

А. Г. Максимовъ. Описаніе русскихъ періодическихъ изданій XIX в. Спб., 1903—1904 гг. 3 вып. Наша журналистика XIX в. до сихъ поръ еще ждетъ своего изслѣдователя. Она не только не изучена, но не приведена еще достаточно въ извѣстность: до сихъ поръ еще нѣтъ даже обстоятельнаго и полнаго перечня нашей журналистики этой эпохи, какой существуетъ для XVIII в. (Неустроева).

Г. Максимовъ задумалъ свою работу, потребность въ которой давно уже чувствуется, очень широко. Кромѣ перечня содержанія журналовъ онъ даетъ ихъ обстоятельное библіографическое описаніе и историко-литературную характеристику.

Въ трехъ первыхъ выпускахъ описаны „Сѣверный Вѣстникъ" (' 04-

1805 гг.), „Лицей“ (1806 г.), „Московскій Меркурій“ (1803 г.), „Осенніе вечера“ (1803 г.) и „Журналъ для милыхъ“ (1804 г.).

И. В. Бессараба. Матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губерніи. Спб., 1904 г. Изданные академіей наукъ „Матеріалы“ г. Бессарабы посвящены языку и народному быту Забужной Руси, главнымъ образомъ ломазскому (Сѣдлецкой губерніи) говору, бѣло-мало-русскому. Опираясь преимущественно на личныя наблюденія и отчасти на печатныя пособія, г. Бессараба указываетъ звуковыя особенности и грамматическія формы ломазскаго говора, его лексическій составъ (со словаремъ особыхъ словъ и выраженій), даетъ рядъ его образцовъ—фонетически-записанныхъ разсказовъ, народныхъ названій и мѣстностей Сѣдлецкаго Подляшья по ломазскому говору, сравниваетъ ломазскій говоръ съ другими народными говорами Холмской Руси и т. д.

Сѣдлецкій край въ этнографическомъ отношеніи до сихъ поръ еще очень мало изслѣдованъ. Между тѣмъ онъ представляетъ большой интересъ какъ по смѣшенію малорусскихъ и бѣлорусскихъ элементовъ, такъ и по вліянію польской культуры на мѣстное населеніе. Все это придаетъ особый интересъ труду г. Бессарабы.

Этнографическое Обозрѣніе 1904 г., № 2. Въ послѣдней книжкѣ „*Этнографическаго* Обозрѣнія“ наибольшій интересъ представляетъ статья г. Бродскаго: „Слѣды профессіональныхъ сказочниковъ въ русскихъ сказкахъ“.

Сказка принадлежитъ къ наименѣе изслѣдованнымъ видамъ народнаго эпоса. До сихъ поръ еще наши представленія о ней переполнены ненаучными толкованіями такъ назыв. „миѳологической школы“. Детальное изученіе большого сказочнаго матеріала дало г. Бродскому прочный базисъ для выводовъ объ архитектоникѣ сказки и исторіи ея происхожденія. Онъ очень внимательно собралъ всѣ упоминанія о спеціалистахъ—бахаряхъ изъ всевозможныхъ историческихъ источниковъ и произведеній нашей старинной литературы. Какъ и былины, сказки перешли въ народную массу отъ профессіональныхъ разсказчиковъ послѣ того, какъ новыя условія жизни (главнымъ образомъ европеизація высшихъ классовъ и закрѣпощеніе низшихъ) сначала пріостановили развитіе профессіональнаго бахарства, а потомъ и совсѣмъ прекратили его.

„Скоморохи-бахари, ютившіеся въ помѣщичьихъ усадьбахъ XVIII в., представляютъ какъ бы переживанье стараго обычая; подъ вліяніемъ измѣнившихся условій общественной жизни, печатнаго слова, а преимущественно гоненій, скоморохи, какъ цѣлый классъ, почти совсѣмъ исчезаютъ съ начала XVIII в.; постепенно спускаясь изъ высшихъ сферъ все ниже и ниже, они передали свое искусство наиболѣе одареннымъ поэтической жилкой и памятью крестьянамъ, среди которыхъ сказка и до сихъ поръ существуетъ. Крестьяне—только послѣдніе хранители сказочнаго матеріала, но творцами сказокъ, выковывавшихся постепенно, цѣлымъ рядомъ поколѣній, были другіе. Современный сказочникъ, спокойно и весело разгуливая въ чудесно-выстроенномъ, крѣпко сколоченномъ сказочномъ зданіи и безпрепятственно расходуя щедро разсыпанный, кѣмъ то накопленныя богатства, забылъ и строителей этого зданія и скопотливыхъ собирателей этихъ богатствъ“.

Статья свѣжа по даннымъ и выводамъ, написана очень хорошо и читается съ большимъ интересомъ.

П. Ю. Шмидтъ. Страна утренняго спокойствія. Корея и ея обитатели. Съ 22 рисунками и картою. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1904 г. Ц. 40 к. Несмотря на близкое наше сосѣдство съ Ко-

реей, русское общество имѣетъ самое смутное представленіе объ этой во многихъ отношеніяхъ оригинальной „странѣ утренняго спокойствія", чаще всего основывающееся на обрывкахъ скудныхъ, притомъ весьма сомнительныхъ по своему качеству свѣдѣній. На русскомъ языкѣ до послѣдняго времени почти не существовало литературы, посвященной Кореѣ. Цѣннымъ вкладомъ явилось многотомное изданіе министерства финансовъ „Описаніе Кореи" (Спб., 1900 г.), но и оно не могло оказать сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на распространеніе среди болѣе или менѣе широкихъ круговъ общества надлежащихъ свѣдѣній о Кореѣ: изданіе это слишкомъ громоздко и малодоступно. Въ этомъ отношеніи гораздо большую заслугу должно признать за издательской фирмой О. Н. Поповой, пополнившей свою серію „разсказовъ о разныхъ странахъ и народахъ" прекраснымъ очеркомъ П. Ю. Шмидта, посвященнымъ Кореѣ и корейцамъ. Авторъ, совершившій въ 1900 г. путешествіе въ Корею, даетъ яркое описаніе природы страны, быта ея жителей, религіозныхъ вѣрованій, государственнаго строя, излагаетъ исторію Кореи, событія послѣднихъ десятилѣтій и заканчиваетъ описаніемъ ея современнаго положенія. По изложенію очеркъ г. Шмидта доступенъ пониманію самыхъ широкихъ круговъ общества до болѣе или менѣе развитыхъ рабочихъ включительно. Изданъ онъ очень дешево, особенно если принять во вниманіе обиліе удачно исполненныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ, и очень недурную карту Кореи.

Н. Березинъ. „Чао-Сянъ". Страна утра. Корея и корейцы, съ 18 рисунками и картой въ текстѣ. Спб., 1904 г. Ц. 15 к. Небольшая брошюрка г. Березина во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія. При своей доступной цѣнѣ она даетъ понятіе не только о природѣ и географическомъ положеніи Кореи, но и о корейцахъ, не только о современномъ положеніи страны, но и объ ея прошломъ. Языкъ, которымъ написана брошюрка, простъ, а рисунки, находящіеся въ текстѣ, отличаются чистотой и отчетливостью. Вообще надо думать, что при томъ интересѣ, который возбужденъ Кореей благодаря событіямъ на Дальнемъ Востокѣ, книжка г. Березина найдетъ себѣ сбытъ, и читатель получитъ довольно живое представленіе о той странѣ, которая стала яблокомъ раздора.

Саратъ Чандра Дасъ. Путешествіе въ Тибетъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Вл. Котвича. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина. Спб., 1904 г. Ц. 4 руб. Эта книга удовлетворитъ и спеціалистовъ, и болѣе широкій кругъ читателей, интересующихся путешествіями, и, въ частности, лицъ интересующихся малоизслѣдованнымъ и таинственнымъ Тибетомъ. Кромѣ того, надо замѣтить, что это изданіе г. Ильина является чрезвычайно своевременнымъ въ виду текущихъ англо-тибетскихъ событій. Саратъ Чандра Дасъ, родомъ индусъ, человѣкъ европейски образованный, кандидатъ президентской коллегіи въ Калькуттѣ, совершилъ нѣсколько путешествій въ Тибетъ въ качествѣ буддійскаго „пундита"—ученаго, и книга его является плодомъ долгихъ и тщательныхъ изслѣдованій. Путешествія эти онъ совершалъ по порученію англійскаго правительства въ Индіи. Мы не имѣемъ возможности дать читателямъ полное содержаніе обширнаго труда Саратъ Чандра Даса и ограничимся лишь указаніями наиболѣе важныхъ частей его. Вниманіе индійскаго путешественника въ такой же мѣрѣ привлекала и природа Тибета, какъ и культура его, политическое устройство, бытъ и нравы жителей, устройство іерархіи, сословій, народныя сказки, басни и т. д.

Въ этомъ отношеніи особенно интересны главы VII („Административное устройство области Лхассы“), гл. XI („Сословія и бытъ тибетцевъ“) и VI („Пребываніе въ Лхассѣ“). Тонъ разсказа вполнѣ серьезный, нѣсколько сухой, но не педантичный.

Книга переведена хорошо: языкъ ея удобопонятный, ясный. Изданіе очень хорошо. Высокая цѣна объясняется тѣмъ, что къ книгѣ приложено значительное количество прекрасно выполненныхъ картъ и рисунковъ.

СТАТИСТИКА.

Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 г.—Почтово-телеграфная статистика за 1902 г.

Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 г. Изданіе министерства финансовъ. Спб., 1904 г. Министерство финансовъ снова приступило къ печатанію отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ. Въ прошломъ году, впервые послѣ долгаго перерыва, появилось такое изданіе, теперь передъ нами второй сводъ. Самую мысль министерства финансовъ освѣщать различныя стороны нашей фабричной жизни нельзя не привѣтствовать. Но, если бы мы стали сравнивать отчеты, издававшіеся въ восьмидесятыхъ годахъ съ нынѣшними, которые подлежатъ нашему разбору, на сторонѣ послѣднихъ оказался бы громадный минусъ. Въ изданномъ министерствомъ сводѣ мы вовсе не видимъ той колоссальной работы, которая выполняется каждымъ фабричнымъ инспекторомъ въ отдѣльности. Мы не видимъ въ сущности, въ чемъ заключаются обширныя нужды рабочаго класса, гдѣ кроются причины его радостей и печалей. Передъ нами мелькаютъ лишь сухія цифры и таблицы, изрѣдка прерываемыя лишь сообщеніемъ какого-либо ретиво относящагося къ своимъ обязанностямъ фабричнаго инспектора. Жизнь фабрики со всѣми ея злобами и проклятыми вопросами остается гдѣ-то позади, въ туманной дали. Передъ нами выступаютъ лишь тѣ стороны фабричнаго быта, гдѣ болѣе или менѣе рѣзко сказывается конфликтъ между существующими нормами фабричнаго законодательства и властными велѣніями суровой дѣйствительности.

Широкая публика, которая въ былые годы зачитывалась отчетами фабричныхъ инспекторовъ (Янжула, Эрисмана и др.), пройдетъ мимо этихъ сводовъ, переполненныхъ сухими статистическими данными. Но для спеціалистовъ и такіе отчеты представляютъ громадный интересъ. Изъ нихъ удается всетаки извлечь кое-какіе факты, рисующіе извѣстнымъ образомъ нашу фабричную дѣйствительность.

Мы видимъ прежде всего довольно рѣзко выраженную, особенно въ промышленныхъ районахъ, концентрацію промышленности. Въ 1902 году промышленныхъ заведеній, подчиненныхъ надзору, было 16,713 противъ 17,819 въ прошедшемъ году. Количество же рабочихъ увеличилось и съ 1 710,773 дошло до 1.711,755. Среднее число рабочихъ въ каждомъ заведеніи въ концѣ 1901 года было 96,2, въ концѣ же 1902 года—101,2. Концентрація промышленности сопровождалась въ отчетномъ году тѣми измѣненіями, которыя вообще характерны для этого явленія. Выросли производительныя силы, увеличилось число машинъ, и взрослый рабочій сталъ не нуженъ: его замѣнили подростки и женщины. Чины фабричной инспекціи отнюдь не отрицаютъ того факта, что знакомство съ промышленными заведеніями было у нихъ мимолетное, бѣглое. Большая половина заведеній была посѣщена ими по одному разу, менѣе десятой части по два раза и 10,9% по три и болѣе раза.

Какъ и въ предыдущемъ году, фабричнымъ инспекторамъ приходил разбирать тяжбы между предпринимателями и рабочими. Отчетъ от чаетъ уменьшеніе числа жалобъ, заявленныхъ завѣдующими промышл ными заведеніями. Зато уменьшилось также и число споровъ, окончи шихся миролюбивымъ соглашеніемъ. Очевидно, противорѣчія между к питаломъ и трудомъ выступили болѣе рѣзко, и борьба между двум противоположными классами приняла болѣе суровыя формы.

Интересны мотивы жалобъ рабочихъ на завѣдующихъ промышленны заведеніями. Въ этихъ жалобахъ ясно сказываются недостатки нашег фабричнаго законодательства, констатированные самими же чинами фа бричной инспекціи.

Жалуются рабочіе и на неправильное исчисленіе и пониженіе зара ботка, и на невыдачу заработка, и на отказъ отъ работы до срока, и на принужденіе исполнять другую работу, кромѣ той, на которую р бочій былъ нанятъ, и на различныя нарушенія условій найма, касаю щихся продолжительности рабочаго времени, и на дурное обращеніе, и на побои, и на принужденіе работать сверхурочно, и на сокращеніе р бочаго времени, и на неправильное штрафованіе, и на незаконные вы четы. Всѣ эти жалобы (а всѣхъ ихъ было 87,813) служатъ показателемъ недовольства, которое растетъ въ средѣ рабочаго класса.

Масса жалобъ на неправильное исчисленіе и задержаніе заработка объясняется исключительно ст. 98 устава о промышленности, которая не даетъ въ руки фабричной инспекціи никакого оружія для борьбы съ неаккуратностью и недобросовѣстностью хозяевъ. Упомянутая статья предоставляетъ рабочему въ случаѣ неуплаты ему содержанія расторгнуть договоръ и взыскивать заработанную сумму судомъ. Но развѣ р бочій въ состояніи возбудить въ судѣ долгое хлопотливое дѣло, иногда весьма дорого обходящееся. Предпринимателю же ничего не стоитъ укло няться отъ аккуратной уплаты заработной платы. Его благосостоянію ничто не угрожаетъ: рабочій въ судъ не пойдетъ, а если бы даже дѣло попало въ судъ, то и въ такомъ случаѣ дѣло не повлечетъ за собой никакой уголовной отвѣтственности предпринимателя. „Отсутствіе какой-либо отвѣтственности, кромѣ гражданской по суду,—справедливо замѣчаетъ окружной инспекторъ варшавскаго округа,—часто способствуетъ безнаказанности завѣдывающихъ, такъ какъ рабочіе рѣдко обращаются въ судъ вслѣдствіе затруднительности для нихъ веденія судебнаго процесса, фабричный же инспекторъ, въ случаѣ обращенія къ нему рабочаго, добивается самое большее уплаты того, что слѣдуетъ рабочему, иногда же соглашеніе устанавливается на меньшую сумму, благодаря уступчивости рабочаго, избѣгающаго судебной проволочки. Поэтому фабричными инспекторами высказывается пожеланіе о введеніи уголовной отвѣтственности для завѣдывающихъ и въ этихъ случаяхъ или устройства особыхъ судовъ и упрощеннаго судопроизводства для разбора гражданскихъ претензій рабочихъ".

Частыя жалобы на отказъ отъ работы опять-таки объясняются спецификическими особенностями нашего фабричнаго законодательства. Рабочій и предприниматель отнюдь не являются равноправными. За самовольный уходъ рабочаго его ждетъ уголовная кара. За незаконный отказъ отъ работы предприниматель ничѣмъ не отвѣчаетъ.

Отрадно отмѣтить увеличеніе числа жалобъ рабочихъ на дурное обращеніе съ ними. Въ 1901 г. въ московскомъ округѣ число жалобъ этого рода не превышало 161, въ отчетномъ же году оно выросло до 2,146, изъ которыхъ 2,098 приходится на одну Московскую губернію. „Р

съ тѣмъ,—замѣчаетъ окружный инспекторъ,—обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что степень основательности заявленныхъ жалобъ, не превышавшая въ 1901 г. 56%, въ отчетномъ году возросла до 95%. Сопоставленіе столь значительнаго увеличенія жалобъ на дурное обращеніе по Московской губерніи съ увеличеніемъ степени ихъ основательности приводитъ къ вѣроятному выводу, что рабочіе, подъ вліяніемъ упоминавшагося выше движенія, стали строже относиться къ поведенію завѣдывающихъ заведеніями и ихъ владѣльцевъ и начали приносить жалобы на такія ихъ дѣйствія, которыя въ прежнее время оставлялись безъ вниманія".

Мы не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ интересныхъ данныхъ свода отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ. Скажемъ только, что и посредническая дѣятельность инспекторовъ, и мирное улаженіе возникающихъ споровъ встрѣчаетъ постоянное противодѣйствіе со стороны законодательныхъ нормъ.

Мы видимъ, что и въ такомъ несовершенномъ видѣ отчеты фабричныхъ инспекторовъ представляютъ собой весьма цѣнный матеріалъ. Остается только пожелать, чтобы министерство финансовъ сдѣлало и слѣдующій шагъ по избранному имъ пути гласности, допустивъ печатаніе отдѣльныхъ отчетовъ, наиболѣе полно и ярко отражающихъ фабричную жизнь.

Почтово-телеграфная статистика за 1902 г. Спб., 1904 г. Наша почта вмѣстѣ съ телеграфомъ и телефономъ за 1902 г. дала чистаго дохода 17,611 тыс. руб., но при этомъ надо имѣть въ виду, что казна пользуется даромъ почтовыми учрежденіями; такъ, въ 1902 г. почтовыя цѣнности, пересланныя внутри имперіи въ денежныхъ и цѣнныхъ пакетахъ, достигли 3.592,301 т. р., причемъ изъ этой суммы на долю казенныхъ учрежденій приходится *84,5*%, и вся эта пересылка освобождается отъ платежа вѣсового и страхового сбора. Слѣдовательно, частныя отправленія составляютъ всего *15,5*%. Стоимость пересылки этой громадной цѣнности стоило бы также причислить къ чистому доходу казны. Между тѣмъ улучшенія, произведенныя въ почтовомъ дѣлѣ, очень незначительны, почта наша далеко отстала въ этомъ отношеніи отъ Запада.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Вселенная и человѣчество. Чудеса природы и произведенія человѣка.—*Эльпе.* Радій и его спутники.—Ежегодникъ волжской біологической станціи саратовскаго общества естествоиспытателей и любителей естествознанія.—Русское Энтомологическое Обозрѣніе. Г. IV.—*К. Кейльгакъ.* Практическая геологія, Т. I.

Вселенная и человѣчество. Чудеса природы и произведенія человѣка. Общій редакторъ оригинала Гансъ Кромеръ. Общій редакторъ русскаго изданія профессоръ А. С. Догель. Выходитъ въ 100 выпускахъ по 40 коп. Книгоиздательское товарищество „Просвѣщеніе" предприняло весьма крупное дѣло, начавъ изданіе этого обширнаго сочиненія, въ составленіи котораго приняли участіе видныя научныя силы. Планъ сочиненія довольно оригиналенъ: здѣсь мы имѣемъ не только изложеніе современнаго состоянія того или иного вопроса въ наукѣ, но и подробную исторію его, на что обыкновенно мало обращается вниманія въ популярныхъ книгахъ. Такъ, напримѣръ, прежде чѣмъ описать возникновеніе земли и строеніе земной коры по современнымъ взглядамъ, авторъ даетъ намъ цѣлый рядъ архаическихъ рисунковъ и описаній изъ разныхъ эпохъ, восходя даже до миѳическихъ ска-

заній священныхъ книгъ. Нѣкоторые рисунки не имѣютъ значенія для исторіи науки, а интересны лишь для исторіи живописи, какъ, напримѣръ, рисунки Рафаэля, касающіеся сотворенія міра, потопа и т. п. Помѣщены и картины новыхъ художниковъ на подобные сюжеты, такъ что мы имѣемъ передъ собою иллюстрацію отношеній человѣка къ тому или иному вопросу не только съ научной, но и съ художественной точки зрѣнія. Въ этомъ оригинальность книги. Въ вышедшихъ одиннадцати выпускахъ изложеніе еще не выходитъ изъ предѣловъ отдѣла, озаглавленнаго „Изслѣдованіе земной коры“ и принадлежащаго перу профессора Карла Саппера въ Тюбингенѣ. Современныя геологическія данныя изложены достаточно обстоятельно, причемъ приняты во вниманіе и новѣйшія изслѣдованія, какъ, напримѣръ, работы І. Вальтера надъ земными явленіями, т.-е. надъ дѣйствіемъ вѣтра на земную поверхность. Весьма своеобразны раскладные рисунки, напримѣръ, рисунокъ гейзера: сперва вы видите общій наружный видъ, а потомъ, отвернувъ въ сторону часть рисунка—видъ гейзера въ разрѣзѣ. Затѣмъ имѣется оригинальный складной рисунокъ, изображающій грозу: перелистывая рисунки, его составляющіе, читатель видитъ постепенное измѣненіе ландшафта съ приближеніемъ грозы, причемъ на прозрачной бумагѣ, наложенной на рисунки, обозначены заряды электричества въ разныхъ пунктахъ. Со стороны технической изданіе превосходно и, принимая во вниманіе интересъ содержанія, можно ему пожелать полнаго успѣха.

Эльпе. Радій и его спутники (лучистая энергія). Изд. А. С. Суворина. Спб., 1904 г. Ц. 1 руб. За послѣднія 10—15 лѣтъ физика сдѣлала такой огромный шагъ впередъ, что всякій, кто не раскрывалъ за это время научно-физической книги, былъ бы пораженъ, найдя совершенно новый отдѣлъ, — отдѣлъ о лучистой энергіи. Герцъ, Рентгенъ, Кюри, Беккерель, Блондло,—вотъ имена тѣхъ, кто открылъ въ физикѣ новые горизонты. Первымъ, положившимъ фундаментъ этому новому зданію, былъ боннскій физикъ Герцъ. Онъ первый показалъ, что электричество есть проявленіе лучистой энергіи, что электрическія волны, подобно свѣтовымъ, звуковымъ и тепловымъ, распространяются по однимъ и тѣмъ же законамъ волнообразнаго движенія, что эти волны отражаются, преломляются и интерферируютъ и т. п. По слѣдамъ этого замѣчательнаго, къ сожалѣнію, рано умершаго физика, пошло много послѣдователей и, между прочими, Рентгенъ, открывшій столь извѣстные теперь почти каждому иксъ-лучи. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи послѣднихъ Беккерелемъ было найдено дѣйствіе урана, супругами Кюри — торій и радій, а Дебіернолсъ—актиній,—все новые и новые химическіе элементы, заключающіе въ себѣ, какъ было открыто, радіоактивность. Открытія, связанныя со всѣми этими именами, возбудили такой интересъ, что они становятся постепенно достояніемъ большой публики при содѣйствіи журнальныхъ статей и популярныхъ книжекъ. Одну изъ такихъ популяризацій мы имѣемъ передъ собой.

„Предлагаемые вниманію читателей очерки, — говоритъ авторъ, — не претендуютъ, конечно, на подробный обзоръ и детальную характеристику всѣхъ открытій, сдѣланныхъ въ области изученія лучистой энергіи со времени опубликованія изслѣдованій Герца, открытій, составляющихъ выдающуюся эпоху въ ученіи о физической энергіи. Цѣль очерковъ — популяризировать въ хронологическомъ порядкѣ лишь главнѣйшіе, наиболѣе интересные моменты этой эпохи“ (Пред., стр. VIII).

Въ началѣ авторъ объясняетъ волнообразныя движенія и ихъ проявленія въ видѣ звука, свѣта и электричества. На протяженіи трехъ

семъ мы находимъ объясненія всѣхъ первоначальныхъ понятій, опытовъ и открытій. Стр. 50—106 посвящены Рентгеновскимъ лучамъ, ихъ открытію, объясненію и различнымъ изслѣдованіямъ, связаннымъ съ ними. Здѣсь авторъ довольно долго останавливается на свойствахъ этихъ лучей и знакомитъ читателя съ новѣйшими опытами въ этомъ направленіи. Слѣдующій отдѣлъ посвященъ цвѣтодѣлительной фотографіи въ соприкосновеніи съ рентгеновскими лучами. Нельзя не поблагодарить автора за этотъ отдѣлъ, столь мало извѣстный большинству и столь важный и интересный въ новѣйшемъ ученіи о лучистой энергіи. Слѣдующія страницы посвящены различнымъ явленіямъ изъ области рентгеновскихъ лучей и выдержкамъ изъ статьи Фламмаріона „Грозовые лучи и причудливыя проявленія молніи". Только на 153 стр. мы приступаемъ къ трактуемому главнымъ образомъ вопросу—о лучистой энергіи; всѣ слѣдующія страницы посвящены этому новому и интересному ученію. Послѣ первыхъ понятій въ этой области авторъ знакомитъ насъ съ Беккерелевскими лучами, съ лучеиспусканіемъ урана, торія, радія и друг. тѣлъ, здѣсь же указывается на тожественность беккерелевскихъ и рентгеновскихъ лучей, приводятся свойства радія, неизсякаемость его лучей, „вѣчное" его свѣченіе и т. п. Въ слѣдующихъ четырехъ письмахъ мы вступаемъ въ область новыхъ понятій,—понятій о радіоактивности, т.-е. способности испускать лучистую энергію, подобно радію. Авторъ объясняетъ дѣйствія радія на организмъ, эманацію радія (испусканіе лучистой энергіи) и радіоактивность воздуха. Въ послѣднемъ письмѣ этого отдѣла, знакомя насъ съ новой теоріей электроновъ, авторъ указываетъ на несостоятельность предыдущаго ученія о химическомъ строеніи тѣлъ. Теорія электроновъ или электрическихъ корпускулъ, состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что всякое тѣло распадается на атомы, состоящіе въ свою очередь изъ группъ положительныхъ и отрицательныхъ электроновъ. Заключительныя страницы посвящены недавно открытымъ Блондло N-лучамъ, ихъ свойствамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ по этому вопросу.

Книжка составлена въ общемъ интересно, хотя и не лишена серьезныхъ недостатковъ.

Какъ мы упоминали, на VIII стр. предисловія авторъ ставитъ себѣ цѣлью популяризировать всѣ новѣйшія физическія понятія, но, къ сожалѣнію, это обѣщаніе не всегда исполняется. Нѣкоторыя объясненія столь запутаны, что даже лицо, знакомое съ физикой, съ трудомъ ихъ поймете. Возьмемъ, наприм., объясненіе поляризаціи на стр. 144. „Въ физикѣ подъ именемъ поляризованнаго луча извѣстенъ такой лучъ, который, пройдя, напримѣръ, черезъ турмалиновую пластинку и будучи затѣмъ пропущенъ черезъ другую такую же пластинку, тѣмъ болѣе теряетъ свою напряженность, чѣмъ ближе кристаллографическія оси пластинокъ приближаются къ перпендикулярному другъ другу направленію". При этомъ совершенно не объяснено, что такое турмалиновая пластинка и кристаллографическія оси, и самое объясненіе поляризаціи столь неясно, что при незнаніи этого отдѣла физики приходится отбросить всякую надежду на пониманіе этого мѣста. На стр. 31 мы находимъ чрезвычайно странное объясненіе расположенія проводовъ въ румкорфовой катушкѣ. Мы находимъ нѣсколько смѣлыхъ утвержденій относительно скорости распространенія электрической волны въ воздухѣ (стр. 44); приведенная цифра—300,000 километр. въ секунду—не дается точно ни однимъ изъ произведенныхъ опытовъ.

Несмотря на эти промахи, книжка г. Эльпе можетъ принести нѣкоторую пользу желающимъ познакомиться съ новымъ отдѣломъ физики.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о довольно странномъ, если не сказать болѣе, способѣ изданія. Дойдя до стр. 64, мы находимъ слѣдующую интересную нумерацію 64, 85—88, 81—84, 93—96, 89—92, 81 и дальше въ порядкѣ; стр. 65—70 совершенно отсутствуютъ, благодаря чему теряется очень интересный отдѣлъ о Рентгеновскихъ лучахъ (письмо 9-е и начало письма 3-го). Насъ очень удивляетъ такая небрежность, особенно при изданіи книгъ, трактующихъ научные вопросы; кажется, можно было бы отнестись къ дѣлу повнимательнѣе.

Ежегодникъ волжской біологической станціи саратовскаго общества естествоиспытателей и любителей естествознанія. Выпускъ I. 1903 г. Чрезвычайно отрадно видѣть, какъ въ не университетскомъ городѣ, благодаря энергіи небольшого числа преданныхъ дѣлу людей, не только возникло научное общество, издающее свои труды, но и создалась зоологическая станція, достаточно хорошо оборудованная для производства спеціальныхъ работъ и уже давшая за короткое время своего трехлѣтняго существованія рядъ интересныхъ фактовъ по рѣчной фаунѣ и флорѣ. Содержавшаяся первые два года на средства саратовскаго естественноисторическаго общества, волжская станція уже на третій годъ своего существованія стала получать ежегодную правительственную субсидію, что является гарантіей правильнаго развитія ея дѣятельности, такъ какъ въ работникахъ, мы надѣемся, недостатка не будетъ. Отрадно отмѣтить, какъ благодаря частному почину создаются и крѣпнутъ новые научные центры.

Русское Энтомологическое Обозрѣніе. Годъ IV. Это очень спеціальное изданіе, но оно *первое* въ своемъ родѣ въ Россіи и мы считаемъ необходимымъ отмѣтить, что благодаря неутомимой энергіи редакторовъ-издателей и матеріальнымъ жертвамъ, передъ которыми они не отступаютъ, изданіе это вступило въ четвертый годъ своего существованія. За границей, гдѣ наукой интересуется гораздо болѣе широкій кругъ публики, есть цѣлый рядъ періодическихъ изданій, посвященныхъ энтомологіи, которая всегда болѣе остальныхъ отдѣловъ зоологіи привлекала къ себѣ вниманіе сравнительно широкаго круга интересующихся. Мы не станемъ пренебрежительно относиться даже къ чисто диллетантскому занятію энтомологіей, хотя бы съ точки зрѣнія коллекціонерства, но, конечно, желательно, чтобы такія занятія были возможно болѣе осмыслены и одухотворены чисто научнымъ интересомъ. Вотъ пробужденію и поддержкѣ такого интереса въ любомъ собирателѣ насѣкомыхъ и можетъ содѣйствовать *Русское Энтомологическое Обозрѣніе*. Оно даетъ *полный* обзоръ литературы, касающейся русской энтомологіи, отмѣчаетъ массу новостей и интересныхъ фактовъ. Руководитъ изданіемъ нѣсколько первоклассныхъ спеціалистовъ съ А. П. Семеновымъ во главѣ, и уже это одно ручается за строгую научность изданія. Подписная цѣна на 1904 годъ назначена 4 руб., такъ какъ прежняя цѣна 3 руб. далеко не покрывала расходовъ по изданію. Пожелаемъ, чтобы всѣ русскіе энтомологи какъ спеціалисты ученые, такъ и любители, поддержали это симпатичное изданіе.

К. Кейльгакъ. Практическая геологія. Методы изслѣдованій и пріемы работъ въ области геологіи, минералогіи и палеонтологіи. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Скрипникова подъ редакціей проф. В. П. Амалицкаго. Т. I. Москва, 1903 г. Ц. 2 р. 75 к. Книга эта пополняетъ существенный пробѣлъ въ нашей естественно-исторической литературѣ. До сихъ поръ не было такого подробнаго руководства къ производству геологическихъ и минералогическихъ и

деній, но это руководство не только подробно, но кромѣ того написано съ полнымъ знаніемъ дѣла, весьма толково и умѣло. Читатель найдетъ здѣсь детальныя указанія относительно составленія геологическихъ картъ, собиранія минералогическаго, петрографическаго и палеонтологическаго матеріала, а также данныхъ по динамической геологіи. Въ особой главѣ сообщаются свѣдѣнія, правда, не особенно подробныя, относительно изслѣдованія рѣкъ, озеръ, болотъ и подземныхъ водоемовъ; въ другой главѣ—отыскиваніе и изслѣдованіе технически полезныхъ отложеній. Особо описаны наблюденія надъ дюнами, ледниками, землетрясеніями, а также изслѣдованіе овраговъ, балокъ, пещеръ.

Переводчикъ постарался приспособить книгу къ нѣкоторымъ спеціальнымъ особенностямъ русской природы и пользовался помощью ряда русскихъ спеціалистовъ по разнымъ отдѣламъ программы этой книги, что составляетъ ея важное достоинство. Книга написана такъ, что доступна не только для спеціалистовъ, но и для любителей, обладающихъ нѣкоторой подготовкой.

МЕДИЦИНА.

Труды VIII съѣзда гг. земскихъ врачей и предсѣдателей управъ Воронежской губерніи.

Труды VIII съѣзда гг. земскихъ врачей и предсѣдателей управъ Воронежской губерніи (съ 25 августа по 3 сентября 1903 года). Изданіе воронежскаго губернскаго земства. Воронежъ 1904 г. Труды разнообразныхъ съѣздовъ, происходящихъ въ самыхъ противоположныхъ углахъ нашего отечества, представляютъ собой самый неблагодарный для авторовъ матеріалъ. Ихъ почти не читаютъ, ими совершенно не интересуются. Самое названіе „Трудовъ“ обрекаетъ ихъ на полное забвеніе, на совершенное пренебреженіе. Между тѣмъ въ „Трудахъ“ нѣкоторыхъ съѣздовъ заключается часто весьма любопытный матеріалъ, который представляетъ собой интересъ не для однихъ спеціалистовъ, а и для широкой публики. Работы съѣздовъ не разъ служили отголоскомъ тѣхъ вѣяній и теченій, которыя господствуютъ въ обществѣ и для характеристики момента представлялись весьма цѣнными. Помимо того, на съѣздахъ затѣваются наиболѣе животрепещущіе больные вопросы нашей дѣйствительности, указываются назрѣвшія нужды, и трудовъ этихъ съѣздовъ уже въ силу одного этого нельзя обойти совершеннымъ молчаніемъ. Вотъ и лежащіе предъ нами „труды“ представляютъ собой интересъ въ указанныхъ нами отношеніяхъ. Какъ обычно на съѣздахъ земскихъ дѣятелей, близко стоящихъ къ жизни, хорошо знающихъ всѣ темныя стороны и недочеты нашей дѣйствительности, и въ данномъ случаѣ выступили наружу всѣ роковыя и печальныя недоразумѣнія нашей общественной жизни, которыя ложатся тяжестью на нашъ многострадальный народъ. Въ самомъ дѣлѣ, мало есть у насъ людей, которые не познали сладости пользы просвѣщенія, а народъ нашъ бредетъ во тьмѣ, и Россія конкурируетъ съ Испаніей за первенство въ дѣлѣ безграмотности населенія. На воронежскомъ съѣздѣ во всѣхъ докладахъ слышалась грустная нотка по поводу невѣжества народныхъ массъ, не допускающаго широкихъ оздоровляющихъ мѣропріятій. Какой бы вопросъ ни задѣвалъ докладчикъ, онъ возвращался все къ одному и тому же. Въ кромѣшной тьмѣ, изъ которой никакъ не можетъ выбиться нашъ народъ, трудно думать о правильной организаціи борьбы со зломъ, о побѣдѣ надъ недугами,

которые подрываютъ физическія силы населенія. Говорится о борьбѣ съ маляріей, и съѣздъ единогласно принимаетъ резолюцію о необходимости распространенія среди населенія правильныхъ понятій и знаній о сущности самой болѣзни путемъ бесѣдъ въ амбулаторіяхъ, раздачи брошюръ и листковъ, устройства публичныхъ чтеній. Но какъ можно думать о выполненіи этой рекомендованной мѣры при почти поголовной безграмотности населенія и при тѣхъ многочисленныхъ препятствіяхъ, какія встрѣчаютъ знанія на своемъ пути отъ высшихъ слоевъ къ низшимъ". Идетъ рѣчь объ увѣчіяхъ при работахъ съ сельско-хозяйственными машинами, и снова выдвигается тотъ же знакомый намъ народный бичъ—невѣжество. Низкій уровень развитія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ обусловливаетъ и большое количество поврежденій и сравнительную тяжесть ихъ. Изъ сифилиса невѣжество дѣлаетъ настоящій грозный бичъ для народа. Какъ констатируетъ другой докладчикъ, сифилисъ у насъ распространяется главнымъ образомъ мало извѣстнымъ на Западѣ бытовымъ внеполовымъ путемъ. И всѣхъ этихъ тяжкихъ жертвъ можно было бы избѣжать при малѣйшемъ знакомствѣ съ сущностью заболѣванія, условіями распространенія заразы и т. д.

Переходя теперь къ оцѣнкѣ отдѣльныхъ докладовъ, мы должны пальму первенства отдать работѣ д-ра А. И. Шингарева „Малярія въ Воронежской губ. за 1898—1900 гг." Работа эта отличается обстоятельностью, яснымъ изложеніемъ, не лишеннымъ крупныхъ литературныхъ достоинствъ. Оперируя надъ огромнымъ количествомъ цифровыхъ данныхъ, авторъ снабдилъ свою работу интересной картой территоріальнаго распредѣленія маляріи по Воронежской губерніи. Онъ имѣлъ кромѣ того полное право назвать малярію крупнымъ соціальнымъ бѣдствіемъ, противъ котораго необходима самая дѣятельная и энергичная борьба. „Всѣ легкія неважныя заболѣванія, изъ-за которыхъ нѣтъ никакихъ поводовъ тревожиться и безпокоить другихъ, очень часто уподобляются насморку и лихорадкѣ, фраза: „у него простая лихорадка, не безпокойтесь", не разъ фигурируетъ въ нашихъ даже врачебныхъ объясненіяхъ. А между тѣмъ, справедливо замѣчаетъ д-ръ Шингаревъ, эта лихорадка, если и является у насъ во многихъ случаяхъ временнымъ заболѣваніемъ, то во многихъ случаяхъ она есть тяжелая, вовсе не „простая" хроническая болѣзнь, если и не бросающаяся на свою добычу такъ яростно, какъ какіе-либо тропическіе хищники, то всетаки медленно, безъ шума, потихоньку уносящая большое количество жертвъ,—врагъ замаскированный, проявляющійся подъ личиной другихъ болѣзненныхъ формъ и похищающій подъ ихъ видомъ цѣлыя тысячи жертвъ! Я говорю о вѣроятной высокой смертности дѣтей отъ маляріи".

О тысячахъ жертвъ говоритъ также М. А. Хворостинскій въ своемъ докладѣ: „Организація борьбы съ сифилисомъ въ Воронежскомъ уѣздѣ". „Ужасающая дѣтская смертность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,—говоритъ докладчикъ,—должна быть поставлена въ тѣсную связь съ сифилисомъ".

Но особенно много жертвъ приноситъ съ собой примѣненіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ прекрасной работѣ К. Г. Славскаго „О мѣрахъ предупрежденія травматическихъ поврежденій при работахъ на сельско-хозяйственныхъ машинахъ и орудіяхъ" мы находимъ прямо ужасающія данныя. „Несомнѣнно,—пишетъ авторъ,—сельско-хозяйственныя поврежденія въ Россіи представляютъ число очень значительное и, если принять за основаніе разсчета свѣдѣнія полтавскаго земства или имѣющуюся болѣе точную статистику южныхъ земствъ (херсонскаго, таврическаго), число это *выражается многими десятками тысячъ*. Поврежденія и

большинствѣ случаевъ тяжкія и до 13% ихъ оканчиваются смертью. Большая часть поврежденій падаетъ на цвѣтущій и дѣтскій возрасты. Болѣе половины поврежденій происходитъ по причинамъ устранимымъ. Въ большинствѣ машинъ, на которыхъ получены поврежденія, не было даже простѣйшихъ предохранительныхъ приспособленій". Много разъ уже поднимался этотъ вопросъ, и всякій разъ дѣлались одни и тѣ же выводы. Поврежденій можно было бы избѣжать, если бы народъ нашъ пользовался свѣтомъ знаній, если бы предпринимателей *заставляли* болѣе внимательно относиться къ жизни и здоровью рабочихъ. „Низкій уровень развитія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ,—скажемъ мы словами д-ра Хижнякова,—дѣлаетъ особенно необходимымъ спеціальное законодательство, имѣющее цѣлью оградить ихъ отъ эксплоатаціи и злоупотребленій болѣе сильной и болѣе образованной стороны. Противъ законодательной регламентаціи минимальныхъ требованій не можетъ быть принципіальныхъ возраженій. Если допустить, что злоупотребленій не бываетъ, то изданіе постановленій никому не помѣшаетъ. Если же злоупотребленія и нарушенія бываютъ хотя бы рѣдко, какъ исключенія, то такія постановленія необходимы".

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ НАРОДА.

Кардиналъ Уайзменъ. Фабіола.—*В. Мировичъ.* Снѣжинки.—*Анна Догановичъ.* Вася-горбунъ.—*А. Додель.* Жизнь и смерть.

Кардиналъ Уайзменъ. Фабіола или церковь въ катакомбахъ. Переводъ съ англійскаго А. Каррикъ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1904 г. Ц. 80 к. За „Фабіолой" Уайзмена уже давно установилось реномэ тепло и правдиво написанной повѣсти о героизмѣ первыхъ христіанъ. Въ сокращенномъ изложеніи эта повѣсть не разъ издавалась и для народа, и для школъ. Г. Каррикъ даетъ полный переводъ „Фабіолы", который вполнѣ можно рекомендовать, какъ глубоко назидательный матеріалъ для чтенія юношества. Въ повѣсти ярко обрисованъ общественный и домашній бытъ Рима первыхъ вѣковъ христіанской эры.

В. Мировичъ. Снѣжинки. Библіотека нашихъ дѣтей, основанная Е. В. Лавровой и Н. А. Поповымъ. Изданіе О. Н. Поповой. Съ рисунками. Спб., 1904 г. Ц. 30 к. Маленькая книжка В. Мировичъ дастъ много хорошихъ минутъ ребенку-читателю. Она составлена изъ небольшихъ разсказиковъ, по своимъ размѣрамъ иногда граничащихъ съ миніатюрами. Но почти всѣ эти разсказы написаны такъ просто, такъ задушевно и безыскусственно, что отъ нихъ не хочется оторваться. Однако этого мало. Нѣкоторые изъ нихъ, помимо описанныхъ качествъ, отличаются еще образностью и картинностью настоящихъ поэтическихъ стихотвореній въ прозѣ, сохраняя при этомъ всю свою доступность для дѣтскаго пониманія. Такія сказочки, какъ „Черные ландыши и голубая роза", „На зарѣ", „Волшебникъ мѣсяцъ" и нѣкоторыя другія поэтичны в полномъ смыслѣ.

Анна Догановичъ. Вася-горбунъ. Разсказъ для дѣтей съ рисун. Е Н. Ольшанскаго. Изъ книги: „Старые и малые". Изд. В. С. С иридонова. М., 1903 г. Ц. 15 к., въ папкѣ 25 к. Разсказъ г-жи Д гановичъ недуренъ, хотя и не отличается глубиной психологическаго а ализа, столь необходимаго при изображеніи внутренняго міра такихъ и ключительныхъ натуръ, которыхъ сама природа ставитъ въ обособл нное положеніе. Но во всякомъ случаѣ онъ затронетъ въ читателѣ

самыя теплыя чувства, и фигура бѣднаго горбатаго ребенка, сначала озлобленнаго, благодаря отсутствію ласки и любви, но потомъ пригрѣтаго доброй старушкой-нищей, довольно жива. Книжка учен. ком. мин. народн. просв. допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ таковыя младш. возр. библіотеки средн. учебн. завед. и въ безпл. народн. библіотеки и читальни.

А. Додель. Жизнь и смерть. Переводъ съ нѣмецкаго П. Быстрицкаго, съ предисловіемъ автора. Саратовъ, 1904 г. Ц. 1 р. Въ нѣмецкомъ изданіи книга цюрихскаго профессора А. Доделя входит въ серію книгъ подъ общимъ заглавіемъ „Aus Leben und Wissenschaft“, которыя предназначаются для самыхъ широкихъ круговъ общества, преимущественно для рабочихъ и простого народа. Переводчикъ выражает надежду и желаніе, чтобы книжка эта „достигла самыхъ низшихъ слоевъ русскаго пролетаріата и тѣмъ хотя отчасти способствовала поднятію культурнаго уровня нашихъ рабочихъ“. По своему содержанію книга Доделя представляетъ собою введеніе въ изученіе общей біологіи. Здѣсь излагается строеніе и свойства протоплазмы, процессы дѣленія клѣтокъ, половой процессъ въ растительномъ и животномъ царствѣ, біогенетическій законъ Геккеля и т. п. Большинство изъ излагаемыхъ вопросовъ для своего пониманія требуютъ, несомнѣнно, извѣстнаго и не малаго развитія. Совершенно неподготовленному человѣку книжка предъявляетъ сразу слишкомъ много недостаточно разъясненныхъ терминовъ, философскихъ обобщеній, иной разъ даже намековъ и остроумныхъ замѣчаній, которые не будутъ какъ слѣдуетъ поняты. Желаніе дать легкое изложеніе достигается часто совершенно неумѣстными пріемами, напр. мѣръ: „Любовь цвѣтовъ представляетъ въ сущности то же самое явленіе природы, что любовь Ромео и Джульетты“. Это и не остроумно, и не вѣрно, ибо *любви* у цвѣтовъ нѣтъ, а есть только опыленіе, а нечего доказывать, что это вовсе не „то же самое“. Для малообразованныхъ читателей въ русскомъ переводѣ окажется множество словъ, затрудняющихъ пониманіе: „стадія индивидуальнаго развитія“, „субстратъ жизни“, „субстанція“, „специфическій“ и т. п. При стараніи переводчика такого слога можно было избѣжать. Насъ вообще удивляетъ, почему переводчики такъ мало заботятся объ общепонятности языка; вѣдь надо помнить, что многіе термины, которые не могутъ быть переданы буквально кореннымъ русскимъ словомъ, можно передать нѣсколькими словами, описательно, такъ какъ важна не буквальность и подстрочность перевода, а его общедоступность. Принимая во вниманіе трудность разбираемыхъ вопросовъ, манеру изложенія и характеръ перевода, мы должны сказать, что, несмотря на весь интересъ содержанія, книга эта не можетъ получить распространенія среди рабочихъ и народа, какъ мечтаетъ переводчикъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 октября 1904 г.

Атласъ картограммъ и діаграммъ къ своду статистич. свѣд. по сельск. хов. Россіи къ концу XIX вѣка. Вып. 1 и 2. Спб., 1903 г.

Берло, А. Арсеній Берло, епископъ переяславскій и бориспольскій. Кіевъ, 1904 г.

— Учебникъ русской грамматики (Этимологія). Спб., 1904 г. Ц. 40 к.

Библіотека нашихъ дѣтей. *Гадмеръ*: Птицы небесныя. Ц. 20 к. *Его же*: Около желѣза и золота. Ц. 20 к. *Поспѣловъ*: Разсказы о дикихъ животныхъ Россіи. Кн. 2 и 3. Цѣна двумъ книгамъ 30 к. Спб., 1904 г.

Бислей. Разсказы изъ римской исторіи. М., 1905 г. Ц. 40 к.

Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества. Спб., 1904 г. Ц. 2 р.

Борисенко. Стихотвор. Война и душа народа. Вып. I. М. Ц. 20 к.

— Стихотвор. Знамя вѣка. Вып. II. М. Ц. 50 к.

Браунсъ, Р. Царство Минераловъ. Спб., 1904 г. Ц. 2 р. 75 к.

Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопед. словарь. Полут. 81. Спб., 1904 г.

Бузескулъ, проф. Введеніе въ Исторію Греціи. Изд. 2-е. Харьковъ, 1904 г.

В. Р. Изъ бесѣдъ по счисленію. Н.-Новгородъ, 1904 г. Ц. 30 к.

Вазовъ. Разсказы. Спб., 1904 годъ. Ц. 90 к.

Вселенная и человѣчество. Спб. Цѣна тремъ книгамъ 3 р. 60 к.

Ветеринарный отчетъ по Елисаветградскому уѣзду за 1903 г. Елисаветградъ, 1904 г.

Врачебная хроника Харьковской губерніи. Харьковъ, 1904 г.

Гессе-Вартегъ, Эрнстъ. Японія и японцы. Спб., 1904 г.

Гессенъ. Изъ исторіи ритуальн. процессовъ. Велижская драма. Спб., 1905 г. Ц. 1 р.

Горбова. Священная исторія ветхаго завѣта. М., 1904 г. Ц. 1 р.

Горбунова, Е. Наши звѣрки. Разск. для младш. возр. М., 1904 г.

Горбуновъ-Посадовъ. Русскій сельскій календарь на 1905 г. М. Ц. 20 к.

— Русскій деревенскій календарь на 1905 г. М. Ц. 6 к.

Даневская. Открытіе Америки. Историческій разсказъ. М., 1905 г. Ц. 60 к.

Дмитріевъ, агрономъ. Неурожаи и оскудѣніе. М., 1904 г.

Дорошенко, Д. Указатель источниковъ для ознакомленія съ южной Русью. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.

— Народная украинская литература. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.

Етнографічний збірник. Оповіданя чмихала. Т. XIV. У Львові, 1903 г.

Желиховская, Надежда. Женскіе разсказы. М., 1904 г. Ц. 75 к.

Завадскій. Къ психо-юридическому опыту. Казань, 1904 г.

Записки Номена о пребываніи Петра Великаго въ Нидерландахъ. Кіевъ, 1904 г. Ц. 1 р.

Земледѣліе, промышленность и ремесла. Перев. съ англійск. Коншинъ. Изд. 2-е „Посредника“. М., 1904 г. Ц. 80 к.

Зыкова. Товарищъ. Азбука. Изд. 2-е. М., 1904 г. Ц. 10 к.

— Товарищъ. Первая послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. 2-е. М., 1904 г. Ц. 25 к.

Ивановскій, В. Учебникъ административнаго права. Казань, 1904 г. Ц. 3 р.

Ивановъ, Васил. На память о русско-японской войнѣ. Стихотвореніе. Харьковъ, 1904 г. Ц. 40 к.

Изд. „Посредника“. *Дубницкій*: Чѣмъ всѣ предметы похожи другъ на друга. *Его*

ровъ: Нерёдникъ. *Его же*: Черный быкъ. *Гринченко*: Голосъ совѣсти. *Лукояновская*: Пьянство—горе наше. *Толстой, Л.*: Ассирійскій царь. *Васюковъ, С.*: Ремонтный рабочій. *Наживинъ*: Бабушка. М., 1904 г. Ц. по $1^1/_2$ к.

Избранныя мысли Джона Рёскина. Переводъ Л. Н. Никифорова. Вып. III. Изд. „Посредника". М., 1904 г. Ц. 20 к.

Извольскій. Ариѳметика. Часть 2-я. Курсъ 2 и 3 классовъ. М., 1904 годъ. Ц. 60 к.

Казаковъ. Отецъ и сынъ и др. разск. Варшава, 1904 г. Ц. 1 р.

Краткій указатель литературы по крестьянскому вопросу. Тула, 1904 г. Ц. 20 к.

Куно, Франке. Исторія нѣмецкой литературы. Спб., 1904 г. Ц. 3 р.

Кустарные промыслы. Вып. 14-й. Ярославль, 1904 г.

Лаписовъ. Атласъ рисунковъ и чертежей къ руководству по анализу и заправкѣ тканей. Варшава, 1903 г.

— Руководство по анализу и заправкѣ тканей. Варшава, 1903 г. Цѣна вмѣстѣ съ атласомъ 4 р.

Лисенко, С. И. Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губерніи. Промыслы Лохвицкаго уѣзда. Полтава, 1904 г.

Лозинскій. Исторія второй французской республики. Кіевъ, 1904 годъ. Ц. 2 р. 50 к.

Ломшаковъ. Сборникъ стихотвореній изъ всемірной литературы. Часть 3-я. Спб., 1904 г. Ц. 50 к.

Лучинскій. Основы тюремнаго дѣла. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лье, Ольга. Робкіе звуки. Стихотворенія. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Мамонтовъ. Несчастные случаи съ рабочими въ горной промышленности Урала. Екатеринбургъ, 1904 г.

Мара, Марія. Confetti. Варшава, 1905 г.

Метерлинкъ. Мудрость и Судьба. Пер. Михайловской. Спб. Ц. 1 р.

Михайловскій, Н. К. Отклики. Т. 1 и 2. Изд. ред. журн. „Русское Богатство". Спб., 1904 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Нагуевскій, Д. Петръ Цеплингъ, первый проф. казанск. университета. Казань, 1904 г.

Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіот. коммис. кіевскаго общества грамотности о книгахъ для народн. чтенія. Кіевъ, 1904 г. Ц. 40 к.

Никитинъ, С. Географ. атласъ. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.

Николаева, Л. Сто вегетаріанскихъ блюдъ. Изд. „Посредника". М., 1904 г. Ц. 25 к.

Новиковъ, А. Записки о городскомъ самоуправленіи. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Новомбергскій, Н. Черты врачебной практики въ московской Руси. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.

Общій отчетъ елисаветградской уѣздной земской управы за 1903 г. Елисаветградъ, 1904 г.

Описательный отчетъ прилукской уѣздной земской управы за 1903 г. Прилуки, 1904 г.

Орловскій, С. Павлиній глазъ. Разсказъ. Библіотека Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. М., 1904 г. Ц. 15 к.

Оствальдъ, проф. Школа химіи. Спб., 1904 г. Ц. 15 к.

Отчетъ ярославской общ. гор. пушкинск. библіот. за 1903 г. Ярославль, 1904 г.

Отчетъ о состояніи елисаветградскаго земскаго реальнаго училища за 1903 г. Елисаветградъ, 1904 г.

Пермская губернія въ сельско-хозяйств. отношеніи. Вып. 3-й. Пермь, 1904 г.

Пименова. Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Спб., 1904 г. Ц. 2 р.

Повторное изслѣдованіе частновладѣльческаго скотоводства Саратовской губ. Саратовъ, 1904 г.

Позняковъ. Соловьиный садъ и др. разсказы. Изд. 2-е. Спб., 1905 г. Ц. 1 р.

Полная энциклопедія русск. сельскаго хозяйства. Т. IX, вып. 1-й. Спб., 1904 г. Ц. 3 р. 75 к.

Поповъ, Е. И. Хлѣбный городъ или ручное земледѣліе. Изд. 2-е „Посредника". М., 1904 г. Ц. 60 к.

Потѣхинъ. Собраніе сочиненій. 6 томовъ. Спб., 1904 г. Ц. 6 р.

Пречистенская ярмарка въ с. Васильевкѣ (Яновщинѣ Н. В. Гоголя тожъ) 6—8 сентября 1901 г. Полтава, 1904 г.

Рафшновъ. Огородъ. Руководство къ правильному его устройству и доходному веденію. Спб., 1903 г. Ц. 30 к.

Рафаловичъ. Промышленные синдикаты. Спб , 1904 г. Ц. 1 р.

Реклю, Э. Срединная имперія. Спб., 1904 г. Ц. 90 к.

Рихтеръ. Вулканы. М., 1904 г. Ц. 6 к.

Рожковъ, Н. Учебникъ русской исторіи. М., 1904 г. Ц. 60 к.

— Городъ и деревня въ русской исторіи. Изд. 2-е. М., 1904 г. Ц. 40 к.

Русова, С. В. В. Верещагинъ. Спб., 1904 г. Ц. 6 к.

Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губ. за 1902 г. Саратовъ, 1904 г.

Сводка ходатайствъ пирог. общест. врачей передъ правит. учрежд. за 20 лѣтъ. М., 1904 г. Ц. 30 к.

Сводъ отчетовъ фабричн. инспект[illegible] за 1902 г. Спб.

Сводъ статистическихъ данныхъ [illegible] желѣзодѣлат. пром. Вып. I, января [illegible]904 г. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Семеновъ, С. Т. Родныя ду[illegible]. [illegible] вѣсть. Ц. 10 к. Въ родной [illegible] Очеркъ. Гаврила Скворцовъ. П[illegible] Ц. 1 р. Надежда Чигалдаева (П[illegible]

ники). Драма въ 4-хъ дѣйств. Ц. 50 к. Въ деревнѣ. Четыре разск. для дѣтей. Изданіе 2-е. Ц. 30 к. 1904 г. Дѣдушка Илья и др. разск. Ц. 30 к. 1903 г. М. Изд. „Посредника".

Склодовская-Кюри. Радій и радіоактивность. Перев. съ 2-го изд. А. Бачинскаго. М., 1905 г. Ц. 1 р.

— Радій и радіоактивныя вещества. Пер. В. Филиппова. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.

Скибневскій. Фарфоро-фаянсов. производство Гжельскаго района, Москов. губ. въ санит. отношеніи. М., 1904 г.

Снегиревъ, Л. Подставные акціонеры. М., 1904 г.

Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ. 1902 г. Вып. II. Спб., 1904 г.

Тихомировъ. Новая русская народная азбука. Вильна, 1904 г. Ц. 25 к.

Узаконенія о безплатныхъ народн. библіот. и читальн. М., 1904 г. Ц. 10 к.

Физикъ-любитель. Николаевъ, 1904 г.

Флоренція. Картинныя галлереи. Уффици. М., 1904 г. Ц. 85 к.

Хотымскій, П. На новомъ мѣстѣ. Разсказъ. Изданіе „Посредника". М., 1904 г. Ц. 25 к.

Художественный альбомъ. Русско-японская война на сушѣ и морѣ. Вып. III. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Чернышевъ. Письма о старой и новой ореографіи. I — IV. Спб., 1904 г. Ц. 20 к.

Ширардъ. Бѣлые рабы Англіи. Перев. Коншина. Изд. „Посредника". М., 1904 г. Ц. 50 к.

Эллисъ. Иммортели. М., 1904 годъ. Ц. 1 р. 50 к.

Эпизодическія программы. М., 1904 годъ. Ц. 15 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: *В. Гете.* Фаустъ. Перев. *И. Вейнберга.*—*Г. фонъ-Оттеда.* Разсказы.—*Н. Б. Съверова.* Крестъ материнства, Романъ.—*Мих. Чехова.* Синій чулокъ. Повѣсть.—*И. Дю-Кира.* Маленькія сирены. Очерки и разсказы.—*Л. Гуревичъ.* Сѣдокъ и другіе разсказы.—*Вл. Боморга.* Слезы ангела.—*Е. А. Сковорода.* Повѣсти и разсказы.—*О. Мирбо.* Разсказы.—*Е. Н. Любича.* Тѣни жизни.—*В. Я. Свѣтлова.* Всѣ цвѣта радуги.—*Ивана Рукавишникова.* Стихотворенія. Книга третья.—*Ив. Наживина.* У дверей жизни.—*Вл. Голикова.* Разсказы.—*С. С. Гусева.* Еврей.—*Ѳедора Зарина.* „Рагузада". Историч. трагедія.—*Феликса Дана.* Борьба за Римъ. Истор. романъ. 313

Критика, публицистика: *А. Л. Волынскій.* Книга великаго гнѣва.—*К. Д. Бальмонтъ.* Горныя вершины.—*Орисонъ Свѣтъ Мардена.* Пробивайтесь впередъ!—*Макса О'Релла.* Правда о женщинѣ.—*Е. А. Чебышева-Дмитріева.* Роль женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.—*А. П. Лукина* (Скромный наблюдатель). Кавказскіе курорты и ихъ переустройство по „системѣ" В. В. Хвощинскаго. 325

Педагогика, народное образованіе: *А. Ѳ. Семеновъ.* Къ вопросу о малоуспѣшности учениковъ нашихъ гимназій.—Земство Курской губерніи. Выставка по народному образованію, устроенная курскимъ губерниск. земствомъ. лѣтомъ 1902 г.—*К. Е. Ливановъ.* 1) Очеркъ дѣятельности угличскаго земства по народному образованію. 2) Очеркъ дѣятельности мышкинскаго земства по народному образованію.—Отчетъ о дѣятельности коммиссіи по устройству чтеній и развлеченій при чайной „Столбы" въ Нижнемъ-Новгородѣ за 1903 годъ.—Эпизодическія программы, издаваемыя коммиссіей по организаціи домашняго чтенія. Серія II. 334

Исторія, исторія литературы, мемуары: *В. Богучарскій.* Изъ прошлаго русскаго общества.—*Н. П. Василенко.* О М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи.—*Алексѣй Мошинъ.* Ясная Поляна и Васильевка.—*И. И. Глушенко.* „Gil Blas de Santillane" Лесажа и его историко-литературное значеніе.—Библіотека *А. М. Ѳемелиди.* Художники и мыслители разныхъ временъ и народовъ XIX в. Викторъ Гюго.—*А. Кизеветтеръ.* Русское общество въ XVIII ст.—*Д. Дорошенко.* 1) Народная украинская литература. 2) Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью.—„Историческое Обозрѣніе". Т. XIII. 341

Языкознаніе, этнографія, географія: *А. Е. Крымскій.* Филологія и Погодинская гипотеза. I—IV.—*А. Г. Максимовъ.* Описаніе русскихъ періодическихъ изданій XIX в.—*И. В. Бессараба.* Матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губерніи.—„Этнографическое Обозрѣніе" 1904 г., № 2.—*П. Ю. Шмидта.* Страна утренняго спокойствія, Корея и ея обитатели.—*Н. Березинъ.* „Чао-Сянъ". Страна утра.—*Сарата Чандра Даса.* Путешествіе въ Тибетъ. 343

Статистика: Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 г.—Почтово-телеграфная статистика за 1902 г. 349

Естествознаніе: Вселенная и человѣчество. Чудеса природы и произведенія человѣка.—*Элпэ.* Радій и его спутники.—Ежегодникъ волжской біологической станціи саратовскаго общества естествоиспытателей и любителей естествознанія.—„Русское Энтомологическое Обозрѣніе. Г. IV.—*К. Кейльманъ.* Практическая геологія. Т. I 51

Медицина: Труды VIII съѣзда гг. земскихъ врачей и предсѣдателей управъ Воронежской губерніи. 55

Книги для дѣтей и для народа: *Кардиналъ Уайзменъ.* Фабіола.—*В. Мировичъ.* Снѣжники.—*Анна Доганович.* Вася-горбунъ.—*А. Додэ.* Жизнь и смерть. 59

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мы[illegible] съ 1 сентября по 1 октября 1904 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1904 годъ
на
ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.
Подъ редакціей Д. И. Тихомирова.

Иллюстрированный журналъ для семьи и школы. XXXVI годъ изданія.

Журналъ допущенъ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ВЫШЛА ОКТЯБРЬСКАЯ КНИЖКА.

Содержаніе: I. Живая вода. Разсказъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Съ рисунками художника Иванова. II. Княжой отрокъ. Историческая повѣсть изъ преданій XIII в. Т. Сѣверцова (Полилова). Продолженіе. Съ рисунками художника Н. Д. Бартрама. III. Стихотвореніе. Въ путь-дорогу. А. Д. IV. Невозвратное. Наши праздничныя забавы. Н. Крашенинникова. V. Стихотвореніе. Умныя звѣзды. (Изъ Гейне.) Анатолія Добрехотова. VI. Медвѣдь о. Серафима. Изъ дѣтскихъ воспоминаній. К. Носилова. Съ рисунками. VII. Стихотвореніе. Поздняя осень. Н. Никоморова-Каринскаго. VIII. Кондитеръ Савельичъ и его друзья. Разсказъ. В. А. Попова. Съ рисунками. Продолженіе. IX. Стихотвореніе. Тамъ, гдѣ миръ у людей. Д. Р. Х. Тито. Исторія луговой волчицы. Разск. Э. Сетонъ-Томпсона. А. Рождественской. Продолженіе. Съ рисунк. XI. Двѣ силы. Поэма. В. Сѣраго. XII. Воздухъ и его дѣти: вѣтры, бури, ураганы, циклоны и смерчи. 5. Бури, жгучіе вѣтры и ледяные воздушные потоки. Съ рисунками. Н. Сиверцова. Продолженіе. XIII. Державный вождь земли русской—императоръ Петръ Великій. 10. Плоды общенія съ Европой. Д. И. Тихомирова. Продолженіе. XIV. Картинки изъ абиссинской жизни. VII. Зорке. VIII. Адди Гуре. Люди. Бессель. Съ рисунками. Продолженіе. XV. Гнѣздо орловъ. Путевыя впечатлѣнія въ Черногоріи. X. Въ Никшичѣ. Павла Россіева. Окончаніе. Съ рисунками. XVI. О перелетѣ птицъ. Глава вторая. С. Покровскаго. Продолженіе. XVII. Индусы. И. И. Иванова. Продолженіе. XVIII. Обычаи и преданія. Заимки. XIX. Про войну. Строгій начальникъ. Человѣкъ человѣку—братъ. Жизнь и смерть. Трудности нынѣшней войны. Жара. Ливень. На страхъ богамъ. XX. Объявленія.

Подписка на журналъ „Педагогическій Листокъ“ на 1904 г. прекращена вслѣдствіе израсходованія всѣхъ экземпляровъ.

Въ 1904 году Дѣтское Чтеніе дастъ всѣмъ подписчикамъ безплатную премію, заключающуюся въ 6 томикахъ сочиненій Вилліама Шекспира, съ портретомъ Шекспира и иллюстраціями въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы профессора Московскаго университета И. И. Иванова: 1) Портретъ и біографія Шекспира. Король Лиръ. 2) Ромео и Джульетта. 3) Гамлетъ. 4) Отелло. 5) Макбетъ. 6) Коріоланъ.

XXXVI г. изд. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1904 г. XXXVI г. изд.
на
ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ: I. Бесѣды А. И. Гольденберга. Шестнадцатая бесѣда. Д. Л. Волковскаго. Продолженіе. II. Высшіе женскіе курсы въ Казани. III. О занятіяхъ по естествознанію въ начальной народной школѣ. С. Менженкампфъ. IV. Экскурсія въ Крымъ учениковъ екатеринодарской гимназіи.—Инкерманскій мон-стырь. Н. Галанъ. Продолженіе. V. Замѣтка о преподаваніи Закона Божія. И. Пантовскаго. VI. Образованіе, какъ орудіе воспитанія. (Новые принципы въ педагогикѣ.) Л. Е. Оболенскаго. VII. Наша школа. И. А. Сиверцова. VIII. Библіографія. IX. Приложеніе. А. Н. Саланова. Руководство къ составленію домашнихъ сочиненій. Листъ тринадцатый.

„Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“.

„Дѣтское Чтеніе“ безъ пересылки—4 р. 50 к., съ пересылкой—5 р. „Педагогическій Листокъ“—2 р. „Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ безъ пересылки—5 р. 50 к., съ пересылкой—6 р.

Адресъ: Б. Молчановка, д. Тихомирова. Редакція журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются книги

Г. БУТМИ.

ЗОЛОТАЯ ВАЛЮТА.

Сборникъ статей и рѣчей.

Цѣна 2 руб.

Итоги фиксаковаго Хозяйства съ 1892 по 1903 г.

Цѣна 2 руб.

Вышла въ свѣтъ и разослана подписчикамъ сентябрьская книжка 1904 г.

ВѢСТНИКА ПРАВА

журнала юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемаго подъ редакціей **К. К. Арсеньева, Н. Н. Винавера,** прив.-доц. **В. М. Гессена, В. Д. Набокова** и проф. **І. А. Покровскаго.**

Содержаніе:

1) Выдающійся русскій публицистъ XVIII вѣка. **Проф. М. А. Дьяконова.** 2) Келейное заключеніе. **Н. Н. Фалѣева.** 3) Обзоръ новѣйшихъ ученій о правѣ собственности. **Прив.-доц. барона А. Э. Нольде.** 4) По поводу новаго закона о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ. **П. П—ва.** 5) Уѣздный членъ окружнаго суда. **К. Н. Сиверцова.** 6) Литературное обозрѣніе. Положеніе облигаціонеровъ въ конкурсѣ ипотечнаго банка (Stern. Die Schuldverschreibungsgläubiger im Konkurse der Hypothekenbank. Berlin, 1904). **Ф. С. Шендорфа.** Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію для отзыва. 7) Уголовная хроника. Новый законъ о государственныхъ преступленіяхъ. Отмѣна розги. **В. Д. Набокова.** 8) Гражданская хроника. Чиншевое право въ сенатѣ, въ государственномъ совѣтѣ, въ печати и въ проектѣ уложенія. Ликвидація средневѣковыхъ отношеній и тенденція къ новому ихъ насажденію. **А. Ф. Поворинскій. Ф. И. Проскуряковъ. М. М. Винавера.** 9) Административная хроника. Программа дѣятельности новаго министра внутреннихъ дѣлъ. Толки о кабинетѣ. Облегчительныя мѣры для евреевъ. Новые законы о земскихъ начальникахъ. **М. Н. Пашутова.** 10) Труды юридическаго общества при императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ. Журналъ, образованный при гражданскомъ отдѣленіи юридическаго общества комиссіи для разсмотрѣнія проектовъ книгъ I и IV гражданскаго уложенія („Положенія общія" и „наслѣдственное право"). Объявленія.

Подписная цѣна на годъ въ С.-Петербургѣ **8 руб. 50 коп.,** въ другихъ городахъ—**9 руб.**

Подписка принимается въ конторѣ «Вѣстника Права» (С.-Петербургъ, Загородный пр., д. № 2) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: **С.-Петербургъ, Захарьевская, 25.**

Общество имени **Т. Г. Шевченка** для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, издаетъ сборникъ сочиненій **А. Я. Ефименко**

„ЮЖНАЯ РУСЬ"

въ двухъ томахъ (около 50 печат. листовъ).

Въ сборникъ войдутъ 24 монографіи извѣстной изслѣдовательницы исторіи и быта Малороссіи, помѣщавшіяся въ повременныхъ изданіяхъ за послѣднія 30 лѣтъ.

Лица, подписавшіяся на изданіе до 1-го декабря, уплачиваютъ 3 р. за оба тома.

При выходѣ изданія цѣна будетъ повышена.

Подписная плата высылается на имя секретаря общества Петра Матвѣевича Лукьянова (С.-Петербургъ, Адмиралтейская набережная, № 6).

Контора журнала „Русская Мысль“

(Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина)

принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экземпляровъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Вышли въ свѣтъ и продаются въ книжн. складѣ М. М. Стасюлевича
(С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин., 28) и друг. книжн. магазинахъ

ПРОГРАММЫ ЧТЕНІЯ
ДЛЯ
САМООБРАЗОВАНІЯ.

Изданіе четвертое, вновь переработанное и дополненное. Спб., 1904 г. Ц. 40 коп.

Энциклопедическая и спеціальныя программы по философіи, физикѣ, химіи, астрономіи, физической географіи, геологіи, ботаникѣ, зоологіи, анатоміи, физіологіи, антропологіи, языковѣдѣнію, соціологіи, юриспруденціи, политической экономіи, всеобщей и русской исторіи, исторіи литературы и теоріи, и исторіи искусствъ.

Въ составленіи программъ принимали участіе: М. А. Антоновичъ, Д. Н. Анучинъ, В. Л. Беренштамъ, И. И. Боргманъ, И. П. Бородинъ, Ѳ. А. Браунъ, С. К. Буличъ, С. А. Венгеровъ, П. И. Вейнбергъ, В. П. Воронцовъ, В. М. Гессенъ, А. Г. Горнфельдъ, И. М. Гревсъ, А. М. Ждановъ, И. И. Иванюковъ, А. И. Каминка, П. Ѳ. Каптеревъ, Н. А. Карышевъ, Н. И. Карѣевъ, Н. А. Котляревскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Н. А. Меншуткинъ, П. Н. Милюковъ, П. В. Мокіевскій, И. В. Пушкетовъ, В. А. Мякотинъ, И. П. Павловъ, А. С. Посниковъ, Э. Л. Радловъ, М. И. Ростовцевъ, Н. А. Рубакинъ, В. И. Семевскій, А. С. Фаминцынъ, П. П. Фанъ-деръ-Флитъ, А. А. Чупровъ, В. М. Шимкевичъ и В. Г. Ярошкій.

Новыя (8 и 5) изданія книгъ **проф. Карѣева**, продающіяся въ пользу достаточныхъ студентовъ Спб. университета и Спб. Политехническаго Института: „Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи“. Ц. 50 к. — „Бесѣды о выраткѣ міросозерцанія“. Ц. 50 к.

ИЗДАНІЯ

редакціи журнала „Русская Мысль“.

Болеславъ Прусъ. Изъ воспоминаній циклиста. Переводъ съ польскаго *В. М. Лаврова.* **Ц. 75 к.**

Элиза Ожешкова. Милордъ.— Бабушка. Переводъ съ польск. *В. М. Лаврова.* **Ц. 50 к.** Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Проф. М. С. Корелинъ. Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы. Съ 22 рисунками. II выпускъ иллюстрированныхъ чтеній по культурной исторіи. **Ц. 30 к.**

Проф. М. С. Корелинъ. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Съ 28 рисунками. III вып. иллюстрированныхъ чтеній по культурной исторіи. **Ц. 30 к.**

Главный складъ изданій находится при типографіи т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°.** Пименовская ул., соб. д.

ПЕРЕСЫЛКА ПО РАЗСТОЯНІЮ.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.

Сенкевичъ, Генр. Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобр. для безплатныхъ народн. библіотекъ и читаленъ.

Его же. Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

Его же. На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Его же. Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ В. М. Лаврова. Первая серія въ шести томахъ (около 180 печатныхъ листовъ). По подпискѣ 5 р. Отдѣльно:

I томъ. Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій ром. изъ временъ Нерона. Ц. 1 р.
II томъ. Безъ догмата. Романъ. Ц. 1 р.
III томъ. Огнемъ и мечомъ. Ц. 1 р.
IV и V томъ. Потопъ. Ц. 1 р. 75 к.
VI томъ. Панъ Володіевскій. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Островъ Сахалинъ (Изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е изданіе. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изданіе. Ц. 1½ коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Новая библіотека „Русской Мысли".

Южные сосѣди китайцевъ. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безпл. нар. библ. и читальни, въ ученич. библ. низш. учил. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Жигтейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к. Допущено въ безплат. народныя библіотеки и читальни.

Разсказы Людвига Анценгрубера (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова.* 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплат. народн. библіотек. и читальни.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. *Д-ра Ф. Л. Кастерскаго.* Съ рис. и таблиц. діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ безпл. народ. библ. и читальни, въ учител. библ. низш. училищъ.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*). 92 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ Минист. Нар. Просвѣщенія.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Круппа). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Особ. Отд. Мин. Нар. Пр. допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бытовые очерки. Въ мастерской, *И. А. Данилина.*—Преступники, *П. Б. Хотимскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы. *Петръ Розеггеръ.* (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ безплатныя народн. библіотеки и читальни.

Башка. *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.* (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

Офицерша.—Подъ шумъ вьюги. *А. И. Эртель.* 77 стр. Ц. 15 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ рис. въ текстѣ и сравнит. таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологич. порядкѣ, на отдѣльн. листѣ. 200 стр. Ц. 50 к.

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дѣячковъ.* 91 + IV стр. Ц. 15 к.

Продолжается подписка на 1904 г.

(ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать „Р. М.“ безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается 30 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 55 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Всѣ изданія редакціи „Русской Мысли“ находятся на складѣ при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1.

Въ типографіяхъ т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ, коему переданъ главный складъ изданій журнала *Русская Мысль*, и въ магазинѣ **т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°** на Никольской ул., въ д. Чижовыхъ.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ П. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ П. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. П. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Въ Перми: въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

CANCELLED
CHARGE